

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2026. 21(2)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

А. С. Черкас (г. Хьюстон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.06.2026 г.

Заказ № 88.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

BYLYE GODY. 2026. 21(2)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL



Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (USA)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. C. CHERKAS (HOUSTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 06/01/2026

Order № 88.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

C O N T E N T S

ARTICLES

Foreign Policy of the Kazakh Khanate during the Reign of Khans Zhanibek and Zhanqir A.A. Doskarayeva, Z.Y. Kabuldinov, Zh.Zh. Zhengis	555
Materials of the Census of Yaitsky Cossacks in 1723–1724 as a Historical and Demographic Source A. Sarsembayev, A. Kalysh, M. Sdykov, A. Isayeva	566
Trade Routes through the Kyzylkum and the Lower Reaches of the Syr Darya directed toward Russia in the 18th – early 19th centuries A.K. Beisegulova, Zh.M. Terekbayeva, T.E. Kartayeva, D.Zh. Zhailybay	576
Problematic Aspects of Infrastructure Development and Administrative Structure of Central Russian Cities on the Eve of Catherine the Great's Reforms P.S. Seleznev, S.A. Vuymenkov, V.N. Belik	587
Baron Igelstrom's "Reforms": The Experience of Integrating Kazakh Lands into the Russian Empire at the end of the 18th century N.S. Lapin	597
The First Experience of Russian-Circassian Relations (1792–1793) based on the Materials of the Circassian Slave Narratives I.V. Tyurin, K.A. Zarubina, M.F. Gatsko, S.P. Zhdanov	609
The Role of the Mining Institute in the Development of 19th century Theatrical Art S.I. Podolskiy, V.G. Afanasev	619
Transformation of the Judicial System of the Kazakh Steppe in the Context of the Imperial Policy of the 19th century G.E. Otepova, A.E. Karimova, G.B. Zhakibayeva, G.A. Bissenova	632
Women and the Caucasian War through the Prism of Pre-Revolutionary Historiography O.S. Mutieva, Yu.M. Huseynov, P.A. Aliomarova, G.M. Magomedov	645
The Caucasian War in Historiography: Methodology of Crisis and the Search for a Polyphonic Narrative. An Extended Rejoinder to the Study by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko R.A. Tleptsok	653
The Evolution of the Russian Intelligentsia's Perception of the Romanov Dynasty in the 19th – early 20th centuries A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, S.V. Kozhevnikov, T.V. Schastlivaya	663
Formation of Regional Identity of Residents of the Penza Territory and the Provincial Local History Movement L.A. Koroleva, N.V. Miku	674
Elpidifor Vasilyevich Barsov as a Personality and a Scholar (to the 190th Anniversary of His Birth) L.G. Khusnutdinova	687
Rural Judicial Charter for State Peasants as a Source of Volost Legal Proceedings in the last quarter of the 19th century (based on documents from the State Archives of the Arkhangelsk Region) M.A. Sosnina, T.V. Vorotilina, S.A. Grimalskaya, R.M. Zhirov	699
The Russian Aristocracy of Kaluga Governorate as Depicted in the Provincial Gazette N.S. Sergienko	708
The Russian Empire as a Colonial Empire: the Kazakh Context Ye.A. Abil, A. Kuzembayuly	718

Legislative Acts Regulating the Governance of the Kazakhs of Western Siberia: Grounds and Implementation (1850s) G.Y. Kupenova, B.S. Abenova, D.K. Abenov, Ye.M. Toraygyrov	730
Translators as Imperial Agents: Iskander Batyrshin and Knowledge Production in the Kazakh Steppe S. Tokbolat, I. Shakirbaeva, A. Sadykova, Sh. Rakhmetulla	738
«... Serving a Common Cause, We Must Not Allow Misunderstandings and Mutual Misunderstandings»: K.J. Grot and L.M. Savelov as Individuals and Specialists in Archival Affairs (based on Correspondence Materials) Yu.G. Kokorina	751
Of “Ours” and “Them”: Representations of the Kazakh Steppe in the Mid-19th century in the Travelogue of Merchant Yakov Prokhorovich Zharkov K.G. Darkenov, S.D. Mamraimov, B.Z. Abzhapparova, A.M. Azmukhanova	763
Women's Education in the Steppe Region at the turn of the 19th–20th centuries: Gender and Socio-Cultural Contexts A.T. Kapayeva, S.A. Asanova, A.N. Konkabayev	773
“A View on Private Gold Mining in Eastern Siberia” Manuscript as a Source on the History of Gold Mining in the Russian Empire of the mid-19th century N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, T.K. Ermakov, N.N. Seredkina	783
Working in Monastery as a Source of Additional Income for Peasants in the Arkhangelsk Region in the second half of the XIX and early XX centuries T.S. Minaeva, Ya.E. Kharitonova	795
The Mausoleum of Khoja Akhmed Yasawi in the Research of the Imperial Period (XIX c.) A.D. Sandybayeva, S.K. Uderbayeva	805
The University as an Institution for Elite Formation in the Ukrainian Governorates (1865–1917): Levels, Mechanisms, and Scale of Influence A.E. Lebid	818
Kazakh Agriculture in the Syr Darya Region in Russian Scholarship 19th–20th centuries A. Ahantaeva, G.A. Meirmanova, D.Z. Zhailybay	826
The Semipalatinsk Interior District: Authority, Collaboration with Local Elites, and Imperial Practices in the 19th century F.R. Lebayev, Z.Y. Kabuldinov, M.Y. Abdrakhim	837
Russian-Native Education as an Integral Part of the Educational Activities of the Russian Administration in Karkaralinsky District (1868–1905): Implementation, Problems, Results M.B. Muratova, L.K. Shotbakova, D.A. Dzhumabekov, N.A. Beysenbekova	846
Ethno-Demographic Dynamics of the Population of Akmolinsk Oblast under the Resettlement Policy of the Russian Empire (1868–1916) M.Z. Utegenov, A.T. Shukeeva, T.A. Ualiyev, K.B. Alibekov	858
Socio-Political Preconditions for Popular Movements in the Kokand Khanate in the 1870s F.T. Baitova, J.B. Alymbaev, E.A. Tolobaeva	870
The Problem of Marriage and Family among Kazakhs in the Works of Russian Researchers of the XIX century K.B. Baudiyarova, G.A. Meirmanova, M.K. Yegizbayeva	883
From Christmas to Maslenitsa. Urban Festive Daily Life in Orenburg at the turn of the 19th and 20th centuries, based on the Orenburg Press E.V. Burlutskaya	892
Missionary Parishes as Centers of Education for the Indigenous People in the North of the Yenisei Governorate E.A. Sertakova, N.M. Leshchinskaia, M.S. Koptseva, S.O. Zotov	908

Frontier Migration Processes of the Population from East Turkestan to the Fergana Valley in the late 19th – early 20th centuries B.B. Khaynazarov, G.B. Narymbet, O.J. Urakova, A.P. Akhunov	919
Turkestan Teachers' Seminary (1879–1918): Peculiarities of Linguistic Training and Kazakh Students G.S. Sultangalieva, Zh.S. Begimbayeva, Zh. Dyusembek, M. Abdrakhim	931
Don Pre-Revolutionary Authors' Descriptions of the Cossacks of Other Cossack Hosts in Historical Works. Part I A.Yu. Peretyatko	941
Regulation of the Administration of the Indigenous Population of the Transcaspian Region of the Russian Empire I.I. Aminov	955
The Possibility of Using the “List of River Non-Steam Vessels” of 1890 and 1900 to Reconstruct the Biographies of Non-Self-Propelled Vessels N.W. Mitiukov, I.Yu. Cherkasova	966
Towards Commercial Butter Production: Bureaucratic Flexibility and Kazakh Trainees at the Edimonovo Dairy School in the 1890s E.T. Teleuova, Zh.B. Kundakbayeva	974
To the Issue of the Activities of the Ufa Province Law Enforcement Agencies during the Russian Japanese War. Part 1 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	988
To the Issue of the Activities of the Ufa Province Law Enforcement Agencies during the Russian-Japanese War. Part 2 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	996
Progressive Pedagogical Ideas in the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries) Yu.B. Nadtochiy	1005
From Printed Text to Voice: Gramophone Recording and the Reinterpretation of Censorship Practices in the Russian Empire (The Caucasian Region, 1902–1913) T.R. Danielyan, T.S. Gevorgyan, N.E. Vardanyan	1016
Ideas about the Future in the Ideological Doctrines of Russian Conservative and Right-Liberal Parties of the early 20th century S.V. Rastorguev, V.V. Titov	1026
The Russo-Japanese War of 1904–1905 as a Factor in the Modernization of Gender Contracts: Challenges and Adaptation Practices O.A. Sukhova	1036
History of Streator Commandery No. 70, Knights Templar (Streator, Illinois) (1905–1917): Formation and Early Development A.C. Cherkas	1045
The Caricature of the Enemy in the Press of the Russian Empire at the beginning of the First World War: from Ridicule to Demonization E.A. Avdeev, S.M. Vorobiev, B.A. Shishkin	1054
The Caucasian Front and Its Rear during the First World War: A Review of Modern Historiography A.A. Baybarin, S.B. Zinkovskii, A.V. Plotnikova, E.V. Krasnenkova	1068
Providing Assistance to Refugees in the Cities of Eastern Siberia in July 1914 – February 1917 (Based on Materials from Krasnoyarsk, Yenisei Province) O.M. Dolidovich, A.A. Gruzdev, O.G. Alekseev, I.Y. Makarchuk	1076
The Russian Empire and Primary Education: the Number of School-Age Children and the Number of Students on January 1, 1915 (Using the European Part of the Country as an Example) I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina	1086

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 555-565
DOI: 10.13187/bg.2026.2.555

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



ARTICLES

Foreign Policy of the Kazakh Khanate during the Reign of Khans Zhanibek and Zhangir

Aizhan A. Doskarayeva ^{a, b}, Ziyabek Y. Kabuldinov ^{a, b, *}, Zhomart Zh. Zhengis ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the history of the Kazakh Khanate's foreign policy in the 1630–1650s. One of the key areas of the Kazakh Khanate's foreign policy was the development of diplomatic and allied ties with the Bukhara Khanate, as well as countering the military threat posed by the Dzungar Khanate. During the reign of Zhanibek Khan, internal political instability in the state significantly influenced the intensification of Dzungar raids. The study also examines the diplomatic and administrative activities of Zhanibek Khan and Zhangir Khan, who played a significant role in strengthening the state's foreign policy position. A historical assessment of the Kazakh Khanate's foreign policy activities during the reigns of Zhanibek and Zhangir is provided. The military and political alliance between the Kazakhs and Bukharans became an important factor in the foreign policies of both khanates, contributing to the strengthening of their positions in the region. The Kazakh-Bukharan relations have had a significant impact not only on the development of the political situation within the two states but also on the formation of a common political space in Central Asia. The history of interaction between them not only reflects the historical past but also forms the basis of interstate ties, grounded in a shared historical heritage and the cultural affinity of their peoples. These relations are characterized by complexity and multifacetedness, which contributed to the formation of a stable and peaceful political environment in the Central Asian region. Therefore, the study of Kazakh-Bukharan relations using modern scholarly approaches focused on national interests remains a pressing task for contemporary historical scholarship.

Keywords: the Kazakh Khanate, the Dzungars, Zhanibek, Zhangir, Jalandhos Bahadur, Balkh, Bukhara Khanate, khan, sultan.

1. Введение

Внешняя политика Казахского ханства в 1630–1650-е гг. до сих пор не получила комплексного научного изучения. Историки рассматривали её главным образом через призму отношений с отдельными государствами, тогда как влияние внутренних политических изменений на внешнюю политику оставалось вне внимания исследователей.

1630–1650-е гг. были переломным и сложным этапом внутренней и внешней политики ханства. В этот период возникла угроза со стороны Джунгарского государства, и военно-политический потенциал ханства был направлен на отражение джунгарской агрессии. В устном и письменном казахском наследии широко отражена борьба с джунгарами, подробно изучены войны ханства с

* Corresponding author

E-mail addresses: doskaraeva@gmail.com (A.A. Doskarayeva),

kabulzia@rambler.ru (Z.Y. Kabuldinov), zhzhzhengis@gmail.com (Zh.Zh. Zhengis)

Джунгарией, включая Орбулакскую битву при Жангире-хане. Эти события заняли центральное место в исследовательском поле отечественных историков.

Однако политические, дипломатические и военно-союзнические связи ханства с другими соседними государствами, а также роль Жанибека-хана в истории Казахского ханства и в международных отношениях с учетом его авторитета и влияния остаются недостаточно изученными. Его дипломатическая деятельность сыграла важную роль в поддержании внутренней стабильности, разрешении междоусобных конфликтов и противодействии внешним угрозам, что стало ключевым фактором успешного выхода ханства из трудных политических ситуаций того времени.

Исследование внешней политики Казахского ханства и его взаимоотношений с соседними государствами в период правления Жанибека и Жангира, рассматриваемое через призму национальных интересов и в свете новейших научных подходов, сохраняет свою неоспоримую актуальность. В историографии Казахстана казахско-бухарские отношения XVII века традиционно рассматривались исключительно в контексте конфликтов за присырдарьинские города. Однако данная статья предлагает иной взгляд, исследуя взаимоотношения двух государств через призму мирных военно-политических союзов.

Научная новизна данного исследования заключается в проведении комплексного системного анализа внешнеполитической деятельности Жанибек-хан и Жангир-хан, а также в углублённом изучении восточных письменных и устных исторических источников с последующим сопоставлением содержащихся в них сведений с данными, отражёнными в отчетах русских посольских миссий.

2. Материалы и методы

Основными источниками при изучении внешней политики Казахского ханства в 30–50-е гг. XVII в. являются восточные письменные источники, отчёты русских послов, а также устные исторические предания казахского народа. Одним из важнейших источников, в которых освещаются взаимоотношения Казахского ханства с Бухарским государством, является сочинение Махмуд бен Амир Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (МИКХ, 1969). В данном труде содержатся сведения о казахско-бухарских отношениях XVI–XVII вв., политическом положении двух государств, а также данные о казахских ханах и султанах.

В историческом труде Кожамкул-Бек Балхи «Тарих-и Кыпчаки» (Кожамкул-Бек Балхи, 2016) приводятся сведения о взаимоотношениях Казахского ханства и Бухарского государства, в том числе и о военных союзах во времена бухаро-индийских воинов при Балхе. Также в источнике есть сведения о казахско-бухарском военном союзе в период джунгарских нашествий на казахские земли, дипломатические отношения, социально-экономические связи между сторонами.

Важное значение имеют и устные исторические сведения, зафиксированные в трудах М.-Ж. Копейулы (Копейұлы, 2018). В казахских устных источниках отражаются отношения между Казахским ханством и Аштарханидами, освещаются военные конфликты, связанные с городом Ташкент, а также внутренняя и внешняя политика казахских правителей. Эти сведения представляют ценную информационную базу для реконструкции исторических событий рассматриваемого периода.

В работе использованы архивные документы Посольского приказа и Посольской канцелярии – «Статейный список бывшего в Персии посланника Григория Булгакова с подьячим Ягулом Бреевым и толмачом Афанасием Цвилленевым», Статейный список бытности в Персии купчин Анисима Грибова и подьячего Ивана Львова (РГАДА. Ф. 77), дело Сибирского приказа, а именно «Отписка томского воеводы Никиты Егупова-Черкасского в Приказ Казанского дворца о возвращении из кыргызских улусов посольства атамана томских казаков Д. Копылова, сношениях с кыргызами и калмыками, а также известиями о войне калмыков и казахов» хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 214), а также документы из фондов Исторического архива Омской области (ИАОО. Ф. 366). В указанных фондах содержатся ценные сведения о межгосударственном обмене посольствами, переговорах, направленных на развитие торговых связей, а также о внутреннем и внешнем политическом положении Джунгарского ханства. Кроме того, в них представлены материалы, освещающие историю взаимоотношений джунгар и казахов, а также казахско-бухарские военные союзы.

Отчёты российских послов дают возможность комплексного изучения темы, а также позволяют провести критическую оценку и сопоставление данных из восточных и устных источников. Такой всесторонний анализ источников способствует более объективному и многоаспектному воссозданию событий, поскольку каждое из них обладает своими особенностями и возможностью выявлять различные стороны исторической реальности. В отчётах русских послов – К. Енбаева, К. Терлеметева, Д. Копылова, Г. Ильина, К. Кучеева (ИКРИ, 2005), А. Грибова (РИО, 2010), Г.В. Булгакова (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. Л. 32) направлявшихся с дипломатическими миссиями в Персию, в области Балха, Хивы и Бухары, содержатся ценные сведения о военной помощи, оказанной бухарской стороной в период вооружённых столкновений между калмыками и казахами. Кроме того, в этих источниках отражены данные о казахско-бухарском военном союзе в ходе бухарско-могольского противостояния, а также о политических связях между сторонами.

Особенностью записок Г.В. Булгакова является то, что в своих записях посол приводит больше сведений о Бухарском и Казахском ханствах. Русские послы А. Грибов и Г.В. Булгаков отмечали участие казахского войска в бухарско-могольских конфликтах и показывали роль казахов в этих сражениях. Также приводятся важные сведения, относящиеся к Казахскому ханству.

Важно отметить, что в записях А. Грибова и Г.В. Булгакова раскрывается значение политических и военных отношений между Казахским ханством и Бухарским государством. Кроме того, они позволяют рассмотреть казахско-бухарские отношения с военной и политической точек зрения и определить направление внешней политики. Сведения из записок русского посла и данные, приведённые в источнике «Тарих-и Кыпчаки», дополняют друг друга и дают возможность проанализировать причины, ход и последствия исторического события.

Анализируя указанные источники, можно выделить их преимущества и ограничения. Например, устные свидетельства отражают восприятие событий, отражают социальные и культурные особенности казахского народа, но могут быть подвержены субъективным интерпретациям и искажениям времени. В свою очередь, дипломатические отчёты российских послов обладают большей аналитической структурой, могут содержать сведения, недоступные в устных источниках, однако при этом возможна их односторонняя подача информации. В совокупности, использование данных различных типов источников позволяет построить более полную и достоверную картину исторического процесса, способствует устранению односторонних интерпретаций и выявлению взаимосвязанных аспектов казахско-бухарских отношений в данном контексте.

В ходе исследования были использованы классические методы анализа, сопоставления, критического анализа, повествования, описания, обобщения и ретроспективный подход. Применение данных методов способствовало всестороннему изучению рассматриваемой проблемы и формированию научных выводов. Метод анализа позволил выделить основные компоненты и элементы исследуемой темы и определить их взаимосвязи. Сравнительный метод применялся для сопоставления сведений письменных и устных источников об исторических событиях с целью установления достоверности исторических фактов. Метод критического анализа использовался для определения степени достоверности исторических источников и их научной ценности в контексте темы исследования. Ретроспективный подход позволил рассмотреть развитие казахско-бухарских отношений в широком контексте исторических событий рассматриваемого периода. Повествование обеспечило последовательность изложения событий, а обобщение – систематизацию результатов и выводов. Совместное использование методов способствовало всестороннему изучению проблемы и созданию обоснованных научных заключений.

3. Обсуждение

В отечественной и зарубежной историографии мало исследований по истории внешней политики Казахского ханства XVII в. Тем не менее, есть отдельные научные работы, посвящённые внешним связям Казахского ханства с Джунгарией и Бухарой.

Исследование рассматриваемой темы условно можно разделить на несколько этапов. Начало исследования было положено изучением формирования, истории и этнографии народов Средней Азии, калмыков и джунгарских народов учёными российской империи. Соответственно, к первому этапу относятся труды учёных XIX века, таких как А.И. Левшин и др. А.И. Левшин исследовал проблему, основываясь на доступных ему устных и письменных источниках (Левшин, 1996).

Второй этап изучения вопроса связан с советским периодом, для которого было характерно выявление исторических предпосылок формирования казахского народа и казахского государства, казахско-джунгарские войны, а также политические отношения с ханствами и народами Центральной Азии. В исследованиях советского периода, в частности, анализируются казахско-бухарские связи в контексте борьбы за присырдаринские города. Например, в труде М. Тынышбаева «Материалы по истории казахско-киргизского народа» исследуется генеалогия казахских ханов, казахско-бухарские отношения XV–XVI вв. (в особенности при Шайбанидах) и борьбу казахов против джунгар (Тынышбаев, 1926).

История джунгарского государства нашла отражение в исследовании И.Я. Златкина «История джунгарского ханства» (Златкин, 1983). В исследованиях И.Я. Златкина анализируется создание Джунгарского ханства и взаимодействие народов Центральной Азии, в том числе казахско-джунгарские отношения. Кроме того, предмет исследования присутствует в трудах В.А. Моисеева (Моисеев, 1991), в которых данная проблематика была исследована с разных аспектов.

Третий этап связан с исследованиями постсоветского периода. В этих работах рассматриваются вопросы, связанные с Казахским ханством с момента его появления и до 30-х гг. XVI в., в том числе казахско-бухарские отношения. Например, в книге «Казахстан: летопись трех тысячелетий» подробно анализируются связи между казахами и Бухарским ханством в XVI в. (Кляшторный, Султанов, 1992). В монографии М.Х. Абусейтовой (Абусейтова, 1998) рассматривается история отношений Казахского ханства с Бухарским государством, охватывающая период от формирования казахской государственности и до 30-х гг. XVII в. В работах Б.Б. Карибаева исследуется внутренние и внешние политические вопросы деятельности казахских ханов, также упоминаются казахско-

бухарские отношения (Кәрібаев, 2019). Ж. М. Тулебаева исследовала отношения Казахстана и Бухары в XVIII–XIX вв. (Тулебаева, 2001). В работах Н.А. Атыгаева (Атыгаев, 2023) казахско-бухарские отношения также рассматриваются как одна из внешнеполитических линий казахского государства.

Отдельное внимание уделено истории казахско-джунгарских отношений в трудах таких ученых, как С.М. Гиззатов, Н.Н. Отеуов, Ш.Ж. Нартбаев (Гиззатов и др., 2022) и другие. В этих исследованиях анализируются история межэтнических связей, борьба за территорию и влияние.

Зарубежные ученые, такие как Е.Н. Бадмаева (Бадмаева, 2016), В.Т. Тепкеев (Тепкеев, 2012) и другие исследователи, посвящают свои работы вопросам истории и межэтнических взаимодействий джунгар, калмыков с другими народами, а также освещают различные аспекты данной темы.

Вышеупомянутые труды освещают только отдельные стороны исследования, и проблема не получила системного, глубокого изучения как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Поэтому она заслуживает внимания как самостоятельный объект исследования, требуя комплексного анализа и новых научных выводов.

4. Результаты

В 1630-е гг. на политической карте Центральной Азии произошли существенные изменения. Трансформация международной обстановки в регионе была непосредственно связана с образованием Джунгарского ханства в 1630-х гг. Недавно образованное Джунгарское ханство, проявляя активность во внешнеполитической сфере, усилило экспансионистские действия в отношении соседних государств и народов региона. Данный процесс стал одним из ключевых факторов, оказавших непосредственное влияние на трансформацию внешнеполитического курса Казахского ханства. Для всестороннего анализа геополитической ситуации в регионе в рассматриваемый период представляется необходимым рассмотреть ключевые направления внутренней и внешней политики Джунгарского ханства, а также проследить динамику взаимоотношений Джунгарского ханства и Казахского ханства.

Первые контакты казахов с ойратами относятся к XV в., когда западномонгольские племена объединились в ойратский союз. До 1630-х гг. их отношения носили преимущественно военный характер и сопровождалась взаимными походами, одним из которых стал поход Есим-хана в 1627 г. В начале 1630-х гг. из-за борьбы за власть между ойратскими правителями – Далай-тайши, Хара-Хула-тайши, Хо-Урлюком и Хундулен-тайши – союз распался. Торгоуты ушли на запад и основали Калмыцкое ханство в нижнем течении Волга, часть хошоутов переселилась в Тибет, а остальные ойратские племена объединились под властью Хара-Хула-тайши, образовав группу «зуун гар» («левая рука»), известную как джунгары.

В середине 1630-х гг. произошли события, во многом определившие историю всей Центральной Азии. После смерти Хара-Хула-тайши в 1634 г. во главе объединения стал один из его 18 сыновей Хара-Хоцин-Батур (в источниках также Талай, Далай-Баатыр и др.), в следующем году принявший от Далай-ламы титул Эрдени-Батур-хунтайджи (1635–1653) (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 327. Л. 41). 1635 г. считается временем возникновения нового могущественного государства кочевников – Джунгарского ханства (Златкин, 1983: 74–98). Между двумя соседними кочевыми народами развернулась длительная, более чем вековая, борьба и конкуренция за пастбищные земли и водные источники. Хунтайджи предпринимали активные попытки захвата земель в разных частях Казахского государства. Ожесточенная борьба продолжалась более столетия, за что казахи прозвали джунгар «ата жау» («враг моих предков»). Территория Джунгарии в то время охватывала земли к юго-востоку от Казахской степи, столицей стала ставка Батура в районе г. Кульджа (Мамырұлы, 1994: 74).

В первой трети XVII в. казахи регулярно вели войны с джунгарами (1609, 1627, 1628, 1635), обычно одерживая победы. Джунгары испытывали внутренние междоусобные конфликты. Население Джунгарии составляло около 1 млн человек, из которых около 500 тыс. – покорённые народы. Джунгары подчиняли народы Алтая и кыргызов, которые платили дань и поставляли воинов. Они поддерживали родственные связи с калмыками Нижнего Поволжья.

Принятый в 1640 г. свод военных и гражданских законов, известный как «Степное уложение», способствовал прекращению внутренних распри, укреплению единства, экономического положения и как результат усилению военной дисциплины и росту боеспособности армии (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 327. Л. 30). Джунгары могли быстро мобилизовать родовые подразделения в боевые отряды и выставить конную армию до 100 тыс. человек, при этом постоянно имели 60-тысячное войско. Джунгария была военизированным государством, ориентированным на захват соседних территорий. В духовном единстве помогали тибетские ламы. Тактика войск строилась на боях в открытой степи с использованием как холодного, так и огнестрельного оружия (ружья с фитилем). Джунгары владели производством пороха, сабель, доспехов и пушек (с помощью шведского пленника Рената). В Джунгарском ханстве функционировали металлургические заводы и разведывательные сети в соседних странах.

Казахские земли привлекали джунгар стратегическим положением: контролем торговых путей в Центральную Азию и Россию, доступом к пастбищам и южным центрам, укреплением границ и

возможностью сбора податей. Дополнительным стимулом была работоторговля, которая усиливала агрессию против Казахского ханства.

Внутриполитический кризис в Казахском ханстве после смерти Есим-хана в 1628 г. привёл к ослаблению центральной власти и усилению междоусобиц. Этим воспользовались Джунгарское ханство и бухарские правители из династии Аштарханидов, проводившие экспансию на северо-восток и стремившиеся установить контроль над районами Сырдарьи и Ташкента. В итоге противоречия вылились в серию казахско-бухарских военных столкновений.

Преемником Есим-хана являлся его сын – Жанибек. Имя Жанибека впервые упоминается в начале XVII века в связи с конфликтами между Казахским ханством и аштарханидами Мавераннахра. Если ранее спор шел за Сырдарью и Туркестан, то теперь главным объектом стал Ташкент. В 1603 и 1607 годах аштарханидские ханы пытались захватить Ташкент, но потерпели поражение. В 1611 г. Есим-хан и казахские султаны поддерживали бухарского правителя Имамкули-хана в борьбе с противниками. За это Имамкули передал казахам ряд городов, включая Ташкент и Сагардж, который получил султан Жанибек (Кляшторный, Султанов, 1992: 296-298). Назначение султана Жанибека на должность правителя одного из крупнейших городов Мавераннахра отражало высокую оценку его политической активности и военных способностей, проявленных в ходе военных и политических событий, а также свидетельствовало о признании его управленческих качеств и перспектив как будущего правителя.

Средневековый историк Махмуд ибн Вали отмечал, что Есим-хан относился к Жанибек-султану как к «дорогому, любимому ребенку», и это могло объясняться тем, что Жанибек был его первенцем, то есть старшим сыном (Кляшторный, Султанов, 1992: 300). Также Есим-хан славился своими воинскими навыками и в народе его называли «Ер Есим», что означает «богатырь», «герой», «отважный», «честный человек». Возможно Есим-хан, отмечая проявлявшиеся с ранних лет мужество и героические качества своего сына Жанибека, мог рассматривать его как наиболее достойного и близкого наследника, предназначенного для передачи ханской власти.

Несмотря на то, что Жанибек был «любимым сыном» Есим-хана и фактически правил в условиях обострения казахско-джунгарского военного противостояния, его личность лишь частично отражена в имеющихся источниках. Некоторые сведения о нем содержатся не только в восточных, но и в русских источниках. Точная дата его восшествия на престол неизвестна, можно предположить, что он стал ханом после смерти своего отца, случившейся, вероятно, в 1628 г. Но Жанибек занял престол не сразу, а лишь после смерти своего властолюбивого и энергичного дяди Абылай-султана в начале 1630-х гг. (Султанов, 2001: 222).

Годы правления Жанибек-хана совпали с образованием централизованного Джунгарского государства и последовавшей активизацией военного противостояния. Например, русские источники сообщают о сражениях летом 1635 г., проходивших с переменным успехом, но в результате которых попал в плен младший брат Жанибека и будущий хан – султан Жангир («царевич Янгир») (ИКРИ, 2005: 330-331). Имя самого Жанибека встречается в сообщении тобольского воеводы Петра Пронского в Сибирский приказ о переговорах с джунгарскими правителями от 17 августа 1639 г. Из документа, в том числе, известно, что «в прошлом де... во 144 году... (7144 год по системе летосчисления «от сотворения мира», то есть 1636 г. – прим. ред.)... Талай тайша (Батур-хунтайджи) «со многими колмацкими тайши ходили в поход Казачьи Орды против Яныбека царя...» (ИКРИ, 2005: 338-340). Как видно, именно Жанибек указан правителем казахов («царь»). Но этот поход завершился для джунгар неудачно, их отряды были разбиты войсками наместника Самарканда Жалантос-батыра. После этого и последующих поражений джунгар с весны 1640 г. между всеми участниками конфликта начались переговоры.

В документе о посольстве от тобольских властей во главе с М. Ремезовым к Батуру осенью 1640 г. говорится, что при хунтайджи находились «четверы послы бухарские Казачьи Орды Янгиря царевича... а хто имяны тех Орд послов было, и имян их он, Меньшой, не ведает» (ИКРИ, 2005: 342). По одной из версий, это было посольство именно от Жанибек-хана, которое вело переговоры про обмен пленными или выкуп пленных после похода джунгар зимой 1638/39 гг. (ИКРИ, 2005: 559). Жанибек-хан вёл дипломатическую политику, направленную на возвращение казахских пленников и налаживание мирных отношений с джунгарами. Он проявил себя как искусный дипломат и достойный преемник Есим-хана, стремясь стабилизировать внутреннюю ситуацию и проводить активную дипломатическую и военную политику. Эти меры способствовали стабилизации внутри Казахского ханства и в соседних регионах.

Дата и обстоятельства смерти Жанибек-хана точно не установлены. По одной версии, он мог погибнуть в сражениях с джунгарами в начале 1640-х гг. (Султанов, 2001: 222). По другой версии, он погиб в 1645 г. (Атыгаев, 2023: 55), поскольку известно, что Жангир стал ханом в середине 1640-х гг., а это могло произойти после смерти его старшего брата. На основании имеющихся источников можно предположить, что Жанибек умер еще позже – во второй половине 1640-х гг., после 1646 г., поскольку в документах ранее этой даты Жангир упоминался как «султан» (ИКРИ, 2005: 346-357), а не «хан», что свидетельствует еще о жизни Жанибека.

Снижение активности участия Жанибек-хана в казахско-джунгарских отношениях с начала 1640-х гг. и, наоборот, возрастающая роль его брата Жангира, могут объясняться болезнью хана, когда сложные вопросы внешней политики, в частности отношений с джунгарами, были переданы уже опытному и энергичному брату. Жанибек-хан похоронен в мавзолее Ходжи Ахмеда Яссауи в Туркестане. О его потомках источники не сообщают.

Таким образом, историческая личность Жанибек-хана долгое время оставалась в тени из-за недостатка источников, но он занимает достойное место в истории Казахстана. Жанибек правил в годы после образования Джунгарского ханства, известные как «период первых сражений с джунгарами». Именно он начал организацию обороны от набегов, объединил часть казахских племен и родов и некоторые другие народы (часть кыргызов, узбеков, монголов, хошоутов) в антиджунгарскую коалицию (Гиззатов и др., 2022: 21), проводил ответные походы, посвятив свое почти 10-летнее правление борьбе с сильным восточным противником.

При правлении Жанибек-хана Казахское ханство сохранило влияние в регионе и добилось мирного урегулирования спора вокруг Ташкента. Отношения с Бухарским ханством приобрели мирный характер, чему способствовало усиление западного курса Джунгарского ханства и временное разрешение взаимных противоречий.

Внешнюю политику Есим-хана и Жанибек-хана успешно продолжил Жангир-хан. Он – один из наиболее влиятельных степных властителей хан Жангир (Жахангир, перс. «покоритель, властелин мира», время рождения неизвестно) был сыном хана Есима, получившего признание за отражение внешней агрессии на Казахское государство, укрепление власти над присырдарьинскими городами и проведение ряда реформ (Хакимов, 2018: 197).

После кончины Есим-хана в 1628 г. государство несколько ослабло. В начале 1630-х гг. развернулась борьба за власть между различными группировками, в том числе в условиях смуты оказался временно потерян Ташкент, перешедший под управление аштарханидов (Көпейұлы, 2018: 116). Однако Жанибек-хан сумел стабилизировать сложную политическую обстановку в государстве и сохранить существующие границы Казахское ханство. В решении этой задачи значительную поддержку ему оказал его брат – Жангир. Жангир-султан со своими союзниками в течение нескольких лет пытался вернуть контроль над городом. В 1634 г. принимал участие в осадах города, которые складывались с переменным успехом (Атыгаева, 2015: 248). В целом он добился своей задачи по возврату контроля над Ташкентом к началу 1640-х гг. В исторической памяти Жангир остался как правитель, который значительную часть своей жизни провел в войнах с джунгарами в качестве батыра и сардара, с 1625 г. носил почетный титул «аталык».

После образования Джунгарского государства в 1635 г. ситуация в южной части Степи резко обострилась. Еще в зиму 1634/35 гг. крупное джунгарское войско совершило поход на казахов. Военные действия продолжались до лета и в одном из столкновений султан Жангир (в русских источниках «царевич Янгир») попал в плен (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 49. Л. 324). В этот период весь внешний курс Казахского ханства был ориентирован на вопросы, связанные с восточными границами государства. Обстоятельства его пребывания в плену и освобождения не известны. А.И. Левшин указывал, что султан возвратил себе свободу «каким-то случаем» (Левшин, 1996: 160). По казахским народным преданиям, за Жангира выдали замуж дочь хунтайджи и от этого брака родился будущий хан Тауке (Тынышпаев, 1926: 6). В контексте истории внешней политики и дипломатии династические браки выступали значимым инструментом, обеспечивавшим политические и стратегические преимущества правящим династиям. Для Жангир-хана установление династических связей с джунгарами и освобождение из плена представляло собой стратегически выгодное решение. А согласно русским источникам, один из наиболее влиятельных джунгарских владельцев Хунделентайши говорил про Жангира как про «названного сына» (РМО, 1974: 239). Таким образом, именно Хунделен мог быть его тестем. В этом случае освобождение султана явилось результатом внутренних противоречий между Хунделеном и Батуром и его политическими противниками (Кәрібаев, 2015: 105-106). Данный факт свидетельствует о том, что Жангир-хан был не только воинственным и могущественным правителем, но и искусным дипломатом своего времени. Так как он сумел использовать внутренние противоречия среди правителей джунгар для достижения собственных целей, умело обернув политическую ситуацию в свою пользу и обеспечив мир с джунгарами посредством династического брака.

Пленение Жангира продлилось несколько лет – в 1640 г. он уже находился на свободе и играл ключевую роль в политической жизни Казахского государства (Атыгаева, 2023: 134). Так, в октябре того же года послы от хана побывали у хунтайджи Батура, они могли вести переговоры об обмене пленными или выкупе пленных после бухарского похода джунгар 1638–1639 гг. (ИКРИ, 2005: 342, 559).

В целях противодействия воинственным джунгарам Жангир предпринял ряд дипломатических мер по заключению военного союза с Могульским ханством. Так, одна из его дочерей была выдана замуж за Жолбарыс-султана, сына могульского хана Абдаллаха. Жангир поддерживал дипломатические и союзнические отношения с Кашгарским ханством, имел дружеские отношения с выходцем из Младшего жуза, владельцем Самарканда Жалантос-батыром (Ялантуш/Ялантуш Бахадур), проводил политику сохранения добрососедства с государствами Центральной Азии. Другая

дочь Жангира была выдана за правителя из династии аштарханидов Абдулазиз-султана, ставшего в 1645 г. ханом Бухары (Абусентова, 1998: 187).

Благодаря авторитету покойного отца и своим личным качествам Жангир начал усиливать свои позиции в Степи. Значительную часть времени, свободную от войн, хан проводил в Туркестане. Известно, что он покровительствовал исламу (Нуртазина, 2016: 354). В 1642 г. в союзе с аштарханидом Абдар-Рахимом воевал с кыргызами во главе с Кутлуг Саидом в битве под Андижаном. В целом при Жангире в казахско-узбекских отношениях наступило улучшение, поскольку главным направлением внешней политики оставалась борьба с джунгарами.

Тем не менее, к началу 1640-х гг. в Казахском ханстве сохранились междоусобицы. Представители разных ветвей чингизидов претендовали на верховную власть. Внутренние распри не только препятствовали централизации и усилению ханской власти, но и ослабляли само государство перед внешними угрозами.

Такой ситуацией в очередной раз не преминул воспользоваться Эрдени Батур. Весной 1643 г. 50-тысячная джунгарская армия (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 455. Л. 646) вторглась на земли казахов Старшего жуза и алатауских кыргызов, пройдя к югу от Алаколя, через Или, Шу, Талас и Северный Кыргызстан. Этим походом казахскому населению был нанесен заметный урон (Мамырұлы, 1994: 78). В ходе ряда тяжелых поражений немало казахских и кыргызских воинов попало в плен. В сложившихся условиях Жангир предпринял срочные меры для организации защиты Казахского ханства и встретил войско противника, несмотря на его значительное превосходство – отряд хана насчитывал всего 600 человек (вероятно, его личная гвардия) (Левшин, 1996: 162). Такое решение могло быть обусловлено как фактором внезапности нападения, так и достаточностью сил для действий в горной местности (Галиев, 1998: 45).

В историографии традиционно считается, что сражение произошло в местности у р. Ор (Орбулак) в Джунгарском Алатау. Однако изучение ряда источников и маршрута похода джунгарских войск показывает, что это событие, скорее всего, произошло в окрестностях Ташкента (Тулибаева, 2006: 129). Успех в столкновении, казалось бы, несопоставимых частей был обусловлен некоторыми важными обстоятельствами. Во-первых, еще до начала боя казахскому хану удалось узнать о приближении врага (Тепкеев, 2012: 101). Во-вторых, он не желал открытого боя и правильно выбрал место в ущелье между двумя горами. В-третьих, заранее подготовил укрепления: «покопав шанцы меж камнями» (вероятно, сложенные из камней валы), за которыми расположилась примерно половина отряда, вторая половина заняла выгодное положение в горах. В-четвертых, казахи ударили с тыла и, оказавшись на доминирующих высотах, стреляли не только из луков, но и из ружей, забрасывали противника камнями. Враг оказался в ловушке (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 455. Л. 650–652). В-пятых, в походе приняли участие не все силы Батур-хунтайджи, часть джунгарской элиты, в том числе и его вероятный тесть Хунделен, не поддержала своего правителя (Кэрибаев, 2015: 107).

В 30-х гг. XVII в. политические изменения в Центральной и Восточной Азии улучшили казахско-бухарские отношения, способствуя миру и союзу. Жангир-хан стремился укрепить влияние и сохранить власть дипломатическими способами. Результатом укрепления казахско-бухарских отношений стала военная поддержка Абдулазиз-хана в Орбулакской битве. К бою присоединились бухарские отряды, войско Жалантоса и подразделения Абдар-Рахим-бия, что решительно повлияло на исход сражения (РМО, 1974: 237-239). Объединенное казахско-узбекское войско одержало блистательную победу. Согласно источникам, Батур «пришел ис походу с великим уроном побит от Янгирия царевича Казачьи Орды» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 455. Л. 270). Разгромленные джунгары сначала отступили на степную равнину, а затем ушли назад в Джунгарию (МОЦА, 1989: 103-104). В этом сражении Жангир проявил выдающиеся качества сардара. Казахские сарбазы показали массовый героизм и отвагу (Көпейұлы, 2018: 119). С этого времени в народе за ханом закрепилось прозвище «Салкам Жангир» (внушительный, или могучий Жангир) (Моисеев, 1991: 44-45).

Сражение стало одним из первых примеров применения кочевниками фортификации: пешие воины, используя горный рельеф, остановили конницу. Победа сорвала планы Джунгарское ханство по захвату Жетысу, укрепила боевое единство казахов, узбеков и кыргызов и дала время для подготовки дальнейшей обороны региона. Несмотря на болезненное поражение, тем не менее, в 1646 г. Батур-хунтайджи предпринял новый разорительный поход против казахов (РМО, 1974: 267, 276). Временное перемирие между двумя кочевыми народами установилось только в 1647 г., когда «бился с Казачьею ордою и после де с ними помирился докаместа от них задору не будет» (РМО, 1974: 306).

В 1648 г. отряды Жангира приняли участие в битве при Балхе, в которой сошлись коалиция Бухарского и Казахского ханств и армия империи Великих Моголов. С 1646 г. развернулось бухарско-могольское соперничество за богатый Балхский регион. В итоге моголы заняли Балх, и бухарский хан Абдулазиз не имел возможности освободить его самостоятельно. Тогда на съезде знати было принято решение обратиться за помощью к Жангир-хану – тестю бухарского правителя (МИКХ, 1969: 395-396). Из Ташкента прибыли 300 казахских торе с войском численностью до 100 тыс. человек (РИО, 1958: 77). Мощная коалиция, в которую входили узбеки, казахи, каракалпаки и союзники из Хивы, выступила на Балх (Атыгаев, 2023: 171-187). В результате длительной и кровопролитной битвы и победы коалиции союзников Жангир закрепил свое влияние в Ташкенте (возможно, резиденция

хана) (РИО, 1958: 78), а экспансия Великих Моголов в Центральную Азию была временно остановлена. Таким образом, казахское войско Жангир-хана сыграло значительную роль в отражении экспансии империи Великих Моголов на владения Аштарханидов. Благодаря помощи казахов узбекские правители временно сохранили свою власть в Балхе (Атыгаев, 2023: 183).

Военное союзничество между Казахским ханством и Бухарским ханством также описано в «Тарих-и Кыпчаки». В источнике сообщается, что для решения важного вопроса эмир Мавераннахра Абдулазиз-хан призвал к участию казахских и каракалпакских султанов и провел в Ташкенте полтора года вместе с узбекскими правителями. В 1640-х годах вместе с Абдулазиз-ханом в Балх прибыло около 300 казахских султанов и 200 тыс. конных воинов, что вызвало тревогу у Шах-Джахана. 12 июня 1647 года войска Турана и Индостана встретились для решающего сражения, которое длилось около 50 дней с непрерывными боями днем и ночью (Кожамкул-Бек Балхи, 2016: 645-647).

Получив сведения о приближении казахских войск, действовавших в союзе с бухарскими силами, могольская сторона обратилась к Шаху Джахану с просьбой о направлении дополнительных военных подкреплений (Тулибаева, 2012: 57-58). В 1648 году казахско-бухарские силы перекрыли стратегические пути между Балхом и Индостаном, отрезав от поставок Аурангзеба, сына Шах Джахана. Оказавшись в блокаде и столкнувшись с голодом в Балхе, Аурангзев получил разрешение на отступление в Индостан. Впоследствии Бухарское ханство, с помощью казахских войск, вернуло контроль над Балхом.

По свидетельству Г.В. Булгакова, в 1646-1647 гг. объединённые казахско-бухарские войска вели активные действия против могольской армии под Балхом. В ходе кампании Абдулазиз-хан, разделив силы, оставил часть войска под командованием Жалантос-батыра, а сам выступил навстречу казахскому хану Жангиру, прибывшему с казахским войском из Ташкента. В результате встречи стороны заключили мирное соглашение (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. Л. 32). В записях Г.В. Булгаков подробно описывается участие Жангир-хана в событиях 1646–1647 гг. Его поход из Ташкента, заключение мирного соглашения с бухарским правителем, формирование военного союза и помощь казахских войск Бухарскому ханству в отражении могольского наступления под Балхом.

Данные Булгакова дополняются сведениями «Тарих-и Кыпчаки», где также отмечается ожесточённое сражение объединённых казахско-бухарских сил с индийской армией под Балхом, продолжавшееся около недели и сопровождавшееся большими потерями. То есть русский посол Г.В. Булгаков указывал на участие казахских войск в бухарско-могольских столкновениях и роль казахов в этих сражениях. Также приводятся сведения о Казахском ханстве, включая информацию о хане Жангире, столице Ташкенте, торговых связях и дипломатических переговорах.

Военно-политическая деятельность Жангира прошла главным образом в борьбе с джунгарами за обладание кочевьями Жетысу и с Аштарханидами за присырдарьинские города (Кляшторный, Султанов, 1992: 304). Жангиру удалось с честью выйти из этой борьбы, надолго приостановив продвижение джунгар в Восточный Туркестан и Сырдарьинский регион. Это удалось сделать в том числе в результате предпринятых мер по модернизации военных соединений (использование мушкетных ружей, легких пушек) (Жумаганбетов, 2012: 22-25). Датой смерти Жангира считается 1652 г., когда он пришел на помощь кыргызам, подвергшимся очередному нападению джунгар. Состоялось сражение с войсками хошутского правителя Очирту-Цецен-хана, в ходе которого, по калмыцкому преданию, Жангир был убит сыном Цецена царевичем Галдамой (Бадмаев, 2003: 187). Однако с опорой на источники рассматривается и версия, что хан в том бою только получил ранение и умер позднее – после 1656 г. (Атыгаев, 2023: 137). Возможно, Жангир действительно погиб в сражениях с джунгарами, но это могло произойти и в конце 1650-х гг.

5. Заключение

Подводя итог настоящему исследованию, можно заключить, что приемники Есим-хана продолжили его курс внешней политики Казахского ханства. Хан Жанибек и Жангир-хан вели активную внешнюю политику с сопредельными государствами. Благодаря искусной дипломатии и военным союзам, заключением родственных отношений казахские правители сумели успешно выстроить внешнюю политику, что сыграло ключевую роль в объединении казахских султанов и организации эффективного сопротивления джунгарской агрессии в сложных внутривосточных и международных условиях. Их умелое руководство, сочетание военной стратегии и дипломатии позволили не только сдерживать мощный натиск джунгарских войск, но и организовать эффективный вооружённый отпор, что сыграло решающую роль в сохранении территориальной целостности Казахского ханства. Особое значение имело удержание контроля над городом Ташкент – важным политическим и экономическим центром региона, который стал опорной точкой в борьбе за влияние в Центральной Азии. Особое значение имели установленные взаимовыгодные отношения с Бухарским ханством, чья поддержка обеспечивала Казахскому ханству надежного союзника в противостоянии с общим врагом. Так же были установлены дипломатические контакты с правителями Восточного Туркестана и кыргызскими племенами. Такая стратегия позволила создать широкую коалицию против Джунгарии, укрепить позиции Казахского ханства на международной арене и повысить его влияние в регионе.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации программно-целевого финансирования проекта BR28512385 «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений)».

Литература

- Абусейтова, 1998** – *Абусейтова М.Х.* Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс, 1998. 268 с.
- Атыгаев, 2015** – *Атыгаев Н.А.* Казахское ханство в потоке истории. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.
- Атыгаев, 2023** – *Атыгаев Н.А.* Казахское ханство: очерки внешнеполитической истории XV–XVII веков. Алматы: Евразийский НИИ МКТУ им. Х. А. Ясави, 2023. 225 с.
- Бадмаева, 2003** – *Бадмаева Е.Н.* Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / Ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2003. 475 с.
- Галиев, 1998** – *Галиев В.З.* Хан Джангир и Орбулакская битва. Алматы: Ғылым, 1998. 128 с.
- Гиззатов и др., 2022** – *Гиззатов С.М., Отеуов Н.Н., Нартбаев Ш.Ж.* Роль хана Салкама Джангира в урегулировании казахско-джунгарских военных конфликтов в XVII в. // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология».* 2022. Вып. 4 (309). С. 15-24.
- Жумаганбетов, 2012** – *Жумаганбетов Т.С.* Хан Жанибек II в истории казахского государства XVII в. // *Вестник КазНУ.* 2012. № 1 (64). С. 22-25.
- Златкин, 1983** – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). Москва: Наука, 1983. 333 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- ИКРИ, 2005** – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 1. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.) / Сост. А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- Карибаев, 2015** – *Кәрібаев Б.* Қазақ хандары = Казахские ханы = Kazakh khans. Алматы: Сардар, 2015. 128 б.
- Кляшторный, Султанов, 1992** – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 375 с.
- Кожамкул-Бек Балхи, 2016** – *Кожамкул-Бек Балхи.* Тарих-и Кыпчаки. перев. Ю. Пилтан. Алматы: Принт, 2016. 800 с.
- Копейұлы, 2018** – *Көпейұлы М.-Ж.* Таңдамалы. Хандар. Павлодар: ЭКО, 2018. 486 б.
- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Мамырулы, 1994** – *Мамырұлы К.* Қазақ халқының жоңғар басқыншыларына қарсы күресі. Алматы: Ғылым, 1994. 264 б.
- МИКХ, 1969** – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
- МИРМО, 1959** – Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1607–1636 гг. Сборник документов. Москва: Вост. лит., 1959. 352 с.
- Моисеев, 1991** – *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи. Алматы: Ғылым, 1991. 238 с.
- МОЦА, 1989** – Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII. Документы и материалы. Кн. 1. Москва: Наука; Гл. ред. вост. лит.-ры, 1989. 375 с.
- Нуртазина, 2016** – *Нуртазина Н.* Распространение ислама и формирование казахской мусульманской традиции (VIII – нач. XIX вв.). Алматы: Қазақ университеті, 2016. 354 с. С. 258.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РИО, 1958** – Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов. Москва: Вост. лит., 1958. 455 с.
- РМО, 1974** – Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. Москва: Вост. лит., 1974. 470 с.
- Султанов, 2001** – *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
- Тепкеев, 2012** – *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 376 с.
- Тулибаева, 2001** – *Тулибаева Ж.М.* Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX вв. Алматы. 2001. 156 с.
- Тулибаева, 2006** – *Тулибаева Ж.М.* Персоязычные источники по истории Казахстана XIII–XIX. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2006. 256 с.
- Тулибаева, 2012** – *Тулибаева Ж.* «Тарих-и Кыпчак-ханы» как источник по истории казахов XVI – начало XVIII века // *Известия Национального центра археологии и источниковедения.* 2012. №3. С. 45-55.

Тынышпаев, 1926 – Тынышпаев М. Киргиз-казаки в 17 и 18 веках. Кзыл-Орда: Издание Общества изучения Казакстана, 1926. 14 с.

Хакимов, 2018 – Хакимов Р. Хроника тюрко-татарских государств: расцвет, упадок, возрождение. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 364 с.

References

Abuseitova, 1998 – Abuseitova, M.H. (1998). Kazakhstan i Central'naya Aziya v XV–XVII vv.: istoriya, politika, diplomatiya. [Kazakhstan and Central Asia in the XV–XVII centuries: history, politics, diplomacy]. Almaty: Daik-Press. 268 p. [in Russian]

Atygaev, 2015 – Atygaev, N.A. (2015). Qazaq handygy tarih tolqynynda. [Kazakh Khanate on the wave of history]. Amaty: Izdatel'stvo Eltanym. 384 p. [in Kazakh]

Atygaev, 2023 – Atygaev, N.A. (2023). Kazahskoe hanstvo: ocherki vneshnepoliticheskoy istorii XV–XVII vekov [The Kazakh Khanate: essays on the foreign policy history of the XV–XVII centuries]. Almaty: Evrazijskij nauchno-issledovatel'skij institut MKTU im. H.A. Yasavi. 225 p. [in Russian]

Badmaeva, 2003 – Badmaeva, E.N. (2003). Lunnyj svet. Kalmyckie istoriko-literaturnye pamyatniki [Moonlight. Kalmyk historical and literary monuments]. Red.-sost. A. V. Badmaev. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 475 p. [in Russian]

Galiev, 1998 – Galiev, V.Z. (1998). Han Dzhangir i Orbulakskaya bitva [Khan Jangir and the Battle of Orbulak]. Almaty: Gylym. 128 p. [in Russian]

Gizzatov i dr., 2022 – Gizzatov, S.M., Oteuov, N.N., Nartbaev, Sh.Zh. (2022). Rol' hana Salkama Dzhangira v uregulirovanii kazahsko-dzhungarskikh voennykh konfliktov v XVIIv. [The role of Khan Salkam Jangir in the settlement of Kazakh-Dzungarian military conflicts in the 17th century]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya»*. 4(309): 15–24. [in Russian]

Hakimov, 2018 – Hakimov, R. (2018). Hronika tyurko-tatarskikh gosudarstv: rascvet, upadok, vozrozhdenie [Chronicle of the Turkic-Tatar states: rise, decline, and rebirth]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 364 p. [in Russian]

IAOO – Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical archives of the Omsk region].

IKRI, 2005 – Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov [The history of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries]. V 10 tt. T. 1. Sost. A.I. Isin. Almaty: Dajk-Press. 2005. 704 p. [in Russian]

Karibaev, 2015 – Karibaev, B. (2015). Qazaq handary. [Kazakh khans]. Almaty: Sardar. 128 p. [in Kazakh]

Klyashtornyj, Sultanov, 1992 – Klyashtornyj, S.G., Sultanov, T.I. (1992). Kazakhstan letopis' trekh tysyachiletnij [Kazakhstan is a chronicle of three millennia.]. Almaty: Rauan. 377 p. [in Russian]

Kópeuly, 2008 – Kópeuly, M.-J. (2008). Tańdamaly. Handar. [Selective. Khans]. Pavlodar: EKO. 486 p. [in Kazakh]

Levshin, 1996 – Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej. [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes.]. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]

Mamyuly, 1994 – Mamyuly, K. (1994). Qazaq halqynyń jońgar basqynshylaryna qarsy kúresi [The struggle of the Kazakh people against the Dzungarian invaders]. Almaty: Gylym. 264 p. [in Kazakh]

MIKKH, 1969 – Materialy po istorii kazahskikh hanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenij) [Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV–XVIII centuries. (Extracts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 1969. 652 p. [in Russian]

MIRMO, 1959 – Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnoshenij. Russko-mongol'skie otnosheniya 1607–1636 gg. [Materials on the history of Russian-Mongolian relations. Russian-Mongolian relations 1607–1636]. Sbornik dokumentov. Moskva: Vost. lit., 1959. 352 p. [in Russian]

MOCA, 1989 – Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noi Azii XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy [International relations in Central Asia of the XVII–XVIII centuries. Documents and materials]. Kniga 1. Moskva: Nauka. 1989. 375 p. [in Russian]

Moiseev, 1991 – Moiseev, V.A. (1991). Dzhungarskoe hanstvo i kazahi [The Dzungarian Khanate and the Kazakhs.]. Almaty: Gylym. 238 p. [in Russian]

Nurtazina, 2016 – Nurtazina, N. (2016). Rasprostranenie islama i formirovanie kazahskoj musul'manskoj traditsii (VIII – nach. XIX vv.) [The spread of Islam and the formation of the Kazakh Muslim tradition (VIII – early 19th century)]. Almaty: Kazak universiteti. 354 p. [in Russian]

Qozhamqul-Bek Balhi, 2016 – Qozhamqul-Bek Balhi (2016). Tarih-i Qypshaqi [Tarih-i Qypshaqi]. Aud. U. Piltan. Almaty: Print. 800 p. [in Kazakh]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient documents].

RIO, 1958 – Russko-indijskie otnosheniya v XVII veke [Russian-Indian relations in the 17th century]. Sbornik dokumentov. Moskva: Vost. lit., 1958. 455 p. [in Russian]

- RMO, 1974** – Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654 [Russian-Mongolian relations. 1636-1654]. Sbornik dokumentov. Sost. M. I. Gol'man, G. I. Slesarchuk. Moskva: Vost. lit., 1974. 470 p. [in Russian]
- Sultanov, 2001** – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnyatye na beloј koshme. Potomki Chingiz-hana [Raised on a white cat. Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Dajk-press. 276 p. [in Russian]
- Tepkeev, 2012** – *Tepkeev, V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroj treti XVII veka [Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the 17th century]. Elista: Dzhangar. 376 p. [in Russian]
- Tulibaeva, 2001** – *Tulibaeva, Zh.M.* (2001). Kazahstan i Buharskoe hanstvo v XVIII – pervoj polovine XIX vv. [Kazakhstan and the Bukhara Khanate in the XVIII – first half of the XIX centuries.]. Almaty. 156 p. [in Russian]
- Tulibaeva, 2006** – *Tulibaeva, Zh.M.* (2006). Persoyazychnye istochniki po istorii Kazahstana XIII–XIX [Persian–language sources on the history of Kazakhstan XIII–XIX]. Astana: ENU im. L. N. Gumileva. 256 p. [in Russian]
- Tulibaeva, 2012** – *Tulibaeva, Zh.M.* (2012). «Tarih-i Kypchak-hani» kak istochnik po istorii kazahov XVI – nachalo XVIII veka [«Tarikh-i Kipchak-khani» as a source on the history of the Kazakhs of the XVI – early XVIII century]. *Izvestiya Nacional'nogo centra arheografii i istochnikovedeniya*. 3: 45-55. [in Russian]
- Tynyshbaev, 1926** – *Tynyshbaev, M.* (1926). Materialy k istorii ktrgiz-kazahskogo naroda [Materials on the history of the Kyrgyz-Kazakh people.] Tashkent. 108 p. [in Russian]
- Zhumaganbetov, 2012** – *Zhumaganbetov, T.S.* (2012). Han Zhanibek II v istorii kazahskogo gosudarstva XVII v. [Khan Zhanibek II in the history of the 17th century Kazakh state]. *Vestnik KazNU*. 1(64): 22-25. [in Russian]
- Zlatkin, 1983** – *Zlatkin, I.Y.* (1983). Istoriya Dzhungarskogo hanstva (1635–1758) [The history of the Dzungarian Khanate (1635–1758)]. M.: Nauka. 333 p. [in Russian]

Внешняя политика Казахского ханства в период правления ханов Жанибека и Жангира

Айжан Асхатовна Доскараева ^{a, b}, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^{a, b, *}, Жомарт Женисулы Женис ^a

^a Институт Истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история внешней политики Казахского ханства в 30–50-е гг. XVII в. Одним из ключевых направлений внешней политики Казахского ханства являлось развитие дипломатических и союзнических связей с Бухарским ханством, а также противостояние военной угрозе со стороны Джунгарского ханства. В период правления Жанибек-хана внутренняя политическая нестабильность в государстве оказала существенное влияние на усиление набегов со стороны джунгар. В исследовании также рассматривается дипломатическая и управленческая деятельность ханов Жанибек-хана и Жангир-хана, сыгравших значимую роль в укреплении внешнеполитических позиций государства. Дана историческая оценка внешнеполитической деятельности Казахского ханства в период правления ханов Жанибека и Жангира. Военно-политический союз казахов и бухарцев стал важным фактором во внешней политике обоих ханств, способствуя укреплению их позиций в регионе. Казахско-бухарские отношения оказали заметное влияние не только на развитие политической ситуации внутри двух государств, но и на формирование общего политического пространства Центральной Азии. История взаимодействия между ними представляет собой не только отражение исторического прошлого, но и основу межгосударственных связей, опирающихся на общее историческое наследие и культурную близость народов. Эти отношения характеризуются сложностью и многогранностью, что способствовало формированию стабильной и мирной политической обстановки в Центральноазиатском регионе. В связи с этим изучение казахско-бухарских отношений с применением современных научных подходов, ориентированных на национальные интересы, остается актуальной задачей современной исторической науки.

Ключевые слова: Казахское ханство, джунгары, Жанибек, Жангир, Жалантос-Бахадур, Балх, Бухарское ханство, хан, султан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: doskaraeva@gmail.com (А.А. Доскараева), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов), zhzhzhengis@gmail.com (Ж.Ж. Женис)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 566-575
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.566

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Materials of the Census of Yaitsky Cossacks in 1723–1724 as a Historical and Demographic Source

Arystan Sarsembayev ^a, Amanzhol Kalysh ^a, Murat Sdykov ^b, Aliya Isayeva ^{c, *}

^a Al Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The central objective of this article is to introduce widespread sources on the history of the Ural (Yaik) Cossacks into scholarly circulation. The work is based on materials from the Yaik Cossack census conducted by Colonel I.I. Zakharov in 1723–1724, which are stored in the Russian State Military Historical Archive: the Yaik Cossack census book, the list of names of people living in the territory of the Yaik Cossack Host, and their accounts (interrogations, testimonies). Currently, these documents have not been fully utilized in historical scholarship. To fully study the social and ethnic composition of the Yaik Cossack Host population, historical and statistical methods of processing materials, scientific calculations, analysis, critique, and comparison of existing sources and materials were used. Furthermore, drawing on archival documents and research by other authors, the article reconstructs the census practices of the investigative office headed by Colonel I.I. Zakharov. The results of statistical analysis and systematization of census book, name list, and folktales presented in this article allowed us to obtain documented final data and draw conclusions about the social and ethnic composition of the Cossack community. They provide important material for further study of the personnel and numbers of the Yaik Cossack army in the first quarter of the 18th century.

Keywords: Yaik Cossack army, census book, list of names, tales, Cossacks, newcomers.

1. Введение

Первая перепись яицкого войскового населения была проведена в 1723–1724 гг. розыскной канцелярией полковника И.И. Захарова. Несмотря на наличие ряда научных исследований, материалы этой переписи до настоящего дня не публиковались и не исследовались в полном объеме. Между тем, эти документы являются уникальным источником по истории и демографии не только Яицкого казачества, но и сопредельных территорий Волго-Уральского региона. Целью данной статьи является структурный разбор материалов переписи и выявление всей значимой информации по истории, культуре и демографии войскового населения первой четверти XVIII в. В работе детально рассматриваются сословный и этнический состав населения войска, а также географические и хронологические параметры миграции в яицкой казачьей общине.

2. Материалы и методы

В статье рассматриваются материалы переписи 1723–1724 годов, проведенной полковником И.И. Захаровым среди населения Яицкого казачьего войска. Они хранятся в фонде 13 «Казачьей экспедиции канцелярии военной коллегии (1721–1812)» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация) по следующим разделам:

* Corresponding author

E-mail addresses: arstan777@mail.ru (A. Sarsembayev), kalyshamanzhol@gmail.com (A. Kalysh), msdykov@mail.ru (M. Sdykov), aliyaissaevna@gmail.com (A. Isayeva)

- 1) наличный именной список и дополнительные списки, а также данные смотра казаков и пришлых людей (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 1–818);
- 2) сказки согласно данным спискам (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 23. Д. 3. Л. 1–1015; Св. 24. Д. 4. Л. 1–912; Св. 25. Д. 5. Л. 1–972; Св. 26. Д. 6. Л. 1–542);
- 3) составленная на основе списка и сказок итоговая перепись, озаглавленная в источнике как «Книга переписная переписи господина полковника и лейб-гвардии капитана Захарова с товарищи яицким казакам 1723го и 1724го годов» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 1–360).

Общий объем материалов переписи охватывает 5 805 листов. В указанных материалах поименно фиксируются жители всех социальных слоев мужского пола и приводятся наиболее полные сведения о населении Яицкого войска конца первой четверти XVIII в.

В 2018 году Западно-Казахстанский центр истории и археологии Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова (г. Уральск) приобрел полную цифровую копию всех документов этой переписи. До настоящего времени они не были исследованы в полном объеме. Данная статья представляет первый итог расширенного анализа материалов переписи.

Эти материалы содержат стандартные сведения, составленные по единому образцу. Поэтому появилась возможность подвергнуть информацию из данных источников статистической обработке для достоверного использования в историко-демографических исследованиях. Особая ценность этих источников заключается в том, что они представляют возможность создать целостный временной срез сведений о населении, его персональном и социальном составе, экономическом положении, расселении, хозяйственной деятельности и т. д. Содержательность таких источников значительно возрастает, если проанализировать информацию из них в сравнении и сопоставлении друг с другом. Такой анализ данных позволяет лучше показать динамику явлений и судьбы людей в исследуемом нами хронологическом аспекте. Это позволяет исследовать жизнедеятельность проживающего на территории Яицкого казачьего войска населения в динамике и проследить воздействие на него исторических реалий рассматриваемого периода.

Заключительный этап работы с выявленными материалами переписной книги связан с составлением сводных и аналитических таблиц, в которых приведены конкретные сопоставления, подсчеты и обобщения.

3. Обсуждение

Начальные исследования по изучаемой тематике дореволюционного периода представлены различными публикациями по истории Уральского казачества.

Впервые об экспедиции полковника И.И. Захарова упомянул член-корреспондент Петербургской Академии наук П.И. Рычков, который в своем труде приводит итоговые цифры переписи и отмечает, что впредь запрещалось принимать пришлых людей в войско (Рычков, 1887: 292).

А.И. Левшин и А.Д. Рябинин в своих работах по истории Яицкого войска приводят лишь итоговые данные из переписной книги (Левшин, 1823: 22; Рябинин, 1866: 30).

Впервые часть материалов переписи, в том числе некоторые сказки казаков, были опубликованы М.К. Курилыным на страницах «Уральских войсковых ведомостей» в 1869 г. (Курилин, 1869: 4–7).

Н.А. Бородин в первом томе своей книги показывает данные из переписи для того, чтобы доказать происхождение Яицкого войска из разношерстных элементов (Бородин, 1891: 3).

По заказу полковника Главного штаба Русской императорской армии М.П. Хорошхина для исторического очерка об Уральском войске была снята копия с переписной книги 1723–1724 годов. Автор сгруппировал годы прибытия казаков в это войско по шестилетним периодам и провел связь между сложными политическими событиями в России и усилением миграционного потока (Хорошхин, 1881: 11–12).

Данные переписи были использованы местным краеведом Н.П. Огановским для анализа демографического состояния населения Уральского казачьего войска с 1723 по 1902 год (Огановский, 1903: 127–129, 211–215).

В 1911 г. издается книга уральского казака-офицера в отставке А.Б. Карпова – «Уральцы. Исторический очерк». Этот труд опирается на документы войскового архива, а также на материалы, выявленные из Московского отделения общего архива Главного штаба Русской императорской армии (с 1992 г. РГВИА). В его работе впервые приводится подробный анализ численности войска, публикуются статистические таблицы, содержатся подробные сведения о проведении исследуемой нами переписи, а также сказки некоторых казаков (Карпов, 1911: 757–811).

В советское время истории яицких казаков накануне восстания Емельяна Пугачева посвятил свой труд И.Г. Рознер. Автор освещает обстоятельства проведения переписи и приводит итоговые данные об общей численности казаков (Рознер, 1966: 20–22).

Оренбургский краевед С.А. Попов, профессионально занимающийся историей Сакмарского городка, также использует поименный список (Попов, 1971: 180–181).

Если обратиться к постсоветской историографии, то материалы переписи 1723–1724 гг. исследуются учеными в различных целях.

В монографии казахстанского историка из г. Уральск М.Н. Сдыкова, посвященной демографии Западного Казахстана, приводятся данные из переписной книги по общей численности яицких казаков, включая отставных и малолетних, составлявших 5 772 человек (Сдыков, 2004: 130).

В его же статье сообщается о приобретении полной цифровой копии материалов переписи и подводятся итоги обработки 10 % их данных, здесь же автор поднимает проблему формирования Яицкого казачьего войска из числа представителей тюркских этносов (Сдыков, 2019: 9-14).

О.Г. Мерзликина, опираясь на сведения А.Б. Карпова, М.П. Хорошхина и архивы РГВИА, составила таблицы по географии исхода прибывших лиц в Яицкое войско. Это же касается статистики их появления по годам и этнической принадлежности (Мерзликина, 2006: 38, 45-46, 49, 51).

В совместной монографии уфимских исследователей А.И. Кртунова и А.А. Фокина обращается основное внимание в этой переписи для установления численности и национального состава казаков (Кртунов, Фокин, 2012: 38-39).

В другой своей статье А.И. Кртунов обращается к переписи для демографического исследования Яицкого казачества в XVI – XVII вв. (Кртунов, 2025: 215-227).

Благодаря стараниям краеведов сканы переписной книги были выложены в 2020 году в свободном доступе в группе социальной сети ВКонтакте «Оренбургское историко-родословное общество «Однодворец». Там же некоторое количество листов частично расшифрованы в печатном виде (Однодворец, 2020).

В следующем 2021 году на краеведческом портале «История Уральского (Яицкого) казачьего войска и Уральской области» приведены расшифровки сканов переписи, сделанные участниками портала, и составлены пофамильные списки казаков и пришлых людей в табличном виде: фамилия (прозвище)/имя/отчество (фамилия)/родство, чин/число лет (№ листа/№ записи/п/п/отня/десяток)/сказка/примечание, в каком разделе записан/с какого времени на Яике (История Уральского..., 2021).

В статье А.И. Назарова, посвященной анализу имен башкир из переписи И.И. Захарова, исследуются время и обстоятельства появления их на Яике, включая историко-этимологические описания имен казаков и пришлых башкир (Назаров, 2021: 209-214).

В статье А.М. Дубовикова, опирающегося на данные А.Б. Карпова, приводится краткий анализ численности, этнического и социального состава казаков и пришлых людей (Дубовиков, 2022: 30-43).

В 2023 г. по инициативе казанского ученого Р.Р. Аминова была полностью издана «Книга переписная переписи господина полковника и лейб-гвардии капитана Захарова с товарищи яицким казаком 1723-го и 1724-го годов». В предисловии к изданию автор приводит историографический обзор и результаты анализа текста. Р.Р. Аминов выявил в переписной книге не менее восьми почерков и произвел собственные подсчеты, сведенные в таблицы. Также в конце публикации приведен географический указатель всех мест, упоминаемых в указанной переписной книге (Аминов, 2023: 3-22, 413-432).

4. Результаты

История проведения переписи 1723–1724 гг. Значимым моментом в истории Яицкого казачьего войска стало прибытие розыскной канцелярии полковника и лейб-гвардии капитана И.И. Захарова. С целью проведения переписи войскового населения 17 марта 1723 года он с товарищами (заместителями) майором Яковом Протасовым и капитаном Никитой Коробовым в сопровождении двух рот Казанского гарнизона прибыл в Яицкий городок (Карпов, 1911: 713, 733).

28 мая 1723 г. войсковой атаман Григорий Меркульев подал И.И. Захарову список жителей всего войска, который представлял из себя тетрадь из 179 листов со сквозной подписью войскового подьячего Ивана Симагина (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 1–179). Список составлен по сотням, в начале каждой сотни поставлено имя сотника, а в начале десятки – десятника. Напротив каждой фамилии казака, либо пришлого человека отмечены живущие с ним члены семьи, родственники и работники. Казаки в списке разделены на разряды – служащих в составе 26 сотен (в 22-й сотне специально выделены пушкари), отставных в отдельной 27-й сотне (из них выделены живущие в Шацкой луке) и казачьих детей, отцы которых умерли, либо погибли, также составленные по сотням. Следом располагается список пришлых людей, которые проживают в своих домах. Далее отдельно выделены казаки: 1) в дальних отлучках из войска; 2) на Черемшанских пасах (сторожевых постах), разделенные по сотням; 3) на реке Сакмаре с разделением на атамана, есаула и рядовых; 4) живущие вверх по Яику при старцах. При этом кроме детей, ни у кого не указан возраст. В конце каждого раздела и сотни подводится итог по количеству описанных, с разбивкой по вышеописанным чинам.

В дальнейшем за время проведения переписи, которая затянулась до ноября 1724 г., войсковое правление периодически предоставляло в розыскную канцелярию дополнительные списки и сведения о людях, вернувшихся из отлучек, плена или из Черемшанских пасов, о детях священников, а также об арестованных казаках (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 182–189об.).

Всего по разным спискам в Яицком войске перечислено 6 331 человек.

По данным спискам в розыскную канцелярию вызывались казаки и пришлые люди, которые предоставляли о себе показания – сказки. Сказки составлялись по единому шаблону: 1) имя, отчество,

фамилия опрашиваемого; 2) возраст; 3) откуда родом он сам и предки до третьего колена; 4) какого сословия; 5) когда пришли на Яик; 6) сколько лет служит в казаках и при каком атамане принят; 7) сведения о детях и прочих близких родственниках мужского пола; 8) данные о батраках и работниках. У пришлых людей дополнительно выясняли: были ли они до прихода на Яик солдатами, матросами или драгунами. В каждой сказке проставлена дата, клятва опрашиваемого на Евангелие, либо Коране, о том, говорит правду или нет, а в случае неправды ему грозит смертная казнь, заверяется подписью его самого, либо другого грамотного человека. В отношении представителей тюркских народов иногда ставится тамга, либо подпись на арабском шрифте. Сказки эти составляют четыре дела общим объемом 3 473 листа.

Самые первые сказки датируются 6 июнем 1723 года, когда были опрошены всего два казака (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 23. Д. 3. Л. 83; Св. 24. Д. 4. Л. 100). И только с 1 сентября начинается планомерный опрос, так с сентября по декабрь 1723 года была опрошена большая часть казаков по именным спискам. После казаков с декабря 1723 по апрель 1724 года проводились опросы пришлых людей. Кроме того, эпизодически сказки принимались от разных людей вплоть до ноября 1724 года. Последним сказку подал казак Федор Набатов 7 ноября 1724 года (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 25. Д. 5. Л. 497).

Далее для смотра всего войска И.И. Захаров составил полные копии предыдущих списков и к именам опрашиваемых людей добавлял их сказки в кратком изложении, сопровождаемые пометкой «годен» либо «не годен к службе» (в случае казаков) и в каком разделе книги записан. Если человек не являлся на смотр, его пометали «бежал» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 195–657).

Оказалось, что на смотр не явилось 126 казаков с Черемшанских постов. Список этих казаков, названных «нетчиками», был отправлен розыскной канцелярией атаману 23 апреля 1724 года. В ответном донесении атамана Г.М. Меркульева от 28 апреля того же года говорится, что 76 казаков из этого списка служат на Черемшане, бежало 40, умерло 4 и в Самаре по разным причинам осталось 6 человек (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 190–190об.).

В ноябре 1724 года была завершена перепись жителей Яицкого войска. Итоги были сведены в переписную книгу объемом 360 листов со сквозной подписью капитана Никиты Коробова и подьячего Луки Игнатьева (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 1–360). Книга была последовательно поделена на следующие разделы: 1) служащие казаки в составе 28 сотен; 2) казаки на Черемшане; 3) годные в службу малолетние казаки; 4) сироты казацкие, годные в службу; 5) калмыки Даши Булатова; 6) казаки, которых по итогам смотра признали негодными к службе; 7) прежние отставные казаки; 8) казаки к службе негодные по другим росписям; 9) негодные в службу малолетние казаки; 10) поповы дети; 11) пришлые, которые живут своими дворами; 12) пришлые, проживающие у казаков; 13) беглые, умершие и пленные.

Сравнительный анализ источников. Как следует из вышеизложенного, сказки являются первичным источником, поскольку получены непосредственно из среды опрашиваемых людей. Сказки содержат наиболее полную информацию о казаках и других категориях населения Яицкого войска. Из них, кроме биографических данных, можно найти дополнительные сведения об истории, этнических особенностях, профессиональной деятельности опрашиваемых. В то же время в именных списках и переписной книге эти сведения зачастую опускаются, приводя лишь краткую информацию. Следует учесть и то, что записью сказок, занесением их в списки и в конечном счете сведением всех данных в переписную книгу, занималось несколько людей. Известно, что в розыскной канцелярии работало 6 подьячих (Карпов, 1911: 714), в то же время Р.Р. Аминов выявил в книге 8 разных почерков (Аминов, 2023: 8). Это не могло не привести к расхождениям между текстами в аспекте имен, возраста, состава семьи, сословия опрашиваемых.

Поэтому в переписи встречаются случаи написания одной и той же фамилии в искаженном виде. Так, например, родственники могут быть записаны под фамилиями с разными окончаниями: Гагара – Гагарин, Тяпуха – Тяпухин, Тужило – Тужилин. В сказках же имена записаны со слов опрашиваемых, а следовательно, более корректные. Р.Р. Аминов отмечает, что в 18-й сотне зафиксировано 2 двора отца и сына – отец записан как Дмитрий Матвеев сын Бесконной, а его сын как Исай Дмитриев сын Беской (Аминов, 2023: 18). Однако в сказках фамилии отца и сына написаны как Безконнов (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 23. Д. 3. Л. 758–759). Схожая ситуация зафиксирована в 13-й сотне: Никифор Иванов сын Малкобрун, его родной брат же Вахромей записан под фамилией Маркобрунов (Аминов, 2023: 18). В их сказках оба записаны как Моркобруновы (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 23. Д. 3. Л. 238–239).

Часто искажаются тюркские имена. Так, имя пришлого татарина Журмейки Шайбулатова (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 26. Д. 6. Л. 450) искажается два раза. В сказке казака, у которого он живет и работает, его фамилия Тохтулатов (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 248), а в книге он уже Такбулатов (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 347).

Из сказок можно узнать настоящие имена опрашиваемых. Например, в переписной книге отставной казак-татарин записан по прозвищу Козел. В сказке же кроме прозвища написано его имя – Токтар Тогашев (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 310 об; Св. 26. Д. 6. Л. 179).

Также в сказках зачастую приводятся полные имена. У татарина Танбулата в книге нету фамилии, а в сказке он Танбулат Гиянов (РГВИА. Ф.13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 351; Св. 26. Д. 6. Л. 498).

В переписной книге встречаются и некорректные данные о возрасте. В частности, Степану Горбушину в книге указано 13 лет, в реальности это довольно малый возраст для служивого казака. В сказке ему 30 лет, что больше походит на правду (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 133об.; Св. 23. Д. 3. Л. 315).

При сопоставлении сказок и книги обнаруживаются расхождения в датах и времени появления на Яике ряда казаков. Так, согласно книге, Илья Плотник пришел в Яицкий городок в 1702 году, а в сказке написано, что он прибыл сюда в 1712 году (РГВИА. Ф.13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 72об.; Св. 25. Д. 5. Л. 671).

Между сказками также бывают разногласия. Время прихода своих предков на Яик казак Муликей Аднагулов указал как 1663 г., однако его отец Аднагул Апаков утверждал, что пришел в 1673 году (РГВИА. Ф.13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 201, 205).

Кроме того, несоответствия между источниками проявляются в противоречивой информации о прежнем месте жительства, сословии и биографии опрашиваемого. Самый показательный случай ошибки переписчиков нами обнаружен в отношении мордвина Фирса Толмачева, отец которого в переписной книге записан мурзой (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 108об.; Св. 23. Д. 3. Л. 59).

Одним из существенных расхождений между сказками и переписной книгой являются данные по родственникам и работникам. Например, в сказке казака Никифора Щербакова говорится: «У меня сын Микита полугоду, и после поданного списка умре». Тогда как в книге сын Никита записан живым (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 23. Д. 3. Л. 977; Св. 22. Д. 2. Л. 159).

В другом случае у казака Андрея Щелкина в книге указан его сын Никифор возрастом 10 недель. В то время как в сказке никакого сына нет (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 119об.; Св. 23. Д. 3. Л. 173).

Такие ошибки происходили от списков, которые составлялись войсковым правлением по сведениям, полученным от сотников войска. В списках напротив имен казаков записывались их дети, но после составления списка и до подачи сказки некоторые дети могли умереть. Переписчики же записывали в книгу данные из списков, не сверяясь со сказками. Таким образом, нами в книге выявлено 110 таких «мертвых душ».

Бывают и обратные случаи. В сказке у Никифора Родионова живет племянник Данило, а в книге у него племянник отсутствует (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 25. Д. 5. Л. 121; Св. 22. Д. 2. Л. 150б.).

Или другой случай, когда крепостные люди казака Ивана Щелкина не попали в книгу (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 23. Д. 3. Л. 168). Всего же нами установлена нехватка в книге 41 человека.

В тексте переписной книги также всплывают ошибки. Так, в итоговых данных работников, проживавших в казачьих дворах, должно быть не 267, а 268 человек (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 354).

Р.Р. Аминов, анализируя переписную книгу, делает вывод о недостаточной полноте сведений этого источника (Аминов, 2023: 9). Поэтому обращение к сказкам и спискам позволяет восполнить эти пробелы.

Казачьи дети и сироты, годные и негодные к службе, были помещены в книгу отдельным перечнем без указания возраста и биографии (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 283–289, 318–326об.). Недостающие данные можно почерпнуть из списков и сказок. Например, сведения о казачьем сыне Иване Кондратьеве сыне Чеботареве восполняются из списка и сказки его отца (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 283об.; Св. 21. Д. 1. Л. 256; Св. 25. Д. 5. Л. 360е).

Ко всем годным в службу сиротам прилагаются сказки (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 286–289; Св. 24. Д. 4. Л. 737–906). У сирот, негодных в службу, сказки отсутствуют. Однако по отдельным лицам можно найти биографию в списках, как в случае слепого сироты Василия Голубова (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 325; Св. 21. Д. 1. Л. 768).

Из переписной книги видно, что по результатам смотра полковник И.И. Захаров отправил в отставку 40 казаков (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 293–296об.). Из сказок же выясняется, что в казачьей службе он восстановил 8 человек (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 99, 496, 500–502, 661; Св. 25. Д. 5. Л. 93, 377).

На основе материалов переписи можно попытаться реконструировать поселенческую сеть Яицкого войска. Согласно списку от 28 мая 1723 года на реке Сакмаре жили 14 казаков со своими атаманом, есаулом, и с ними один работник. В составленных после этого списках оказалось, что только 5 казаков явились на смотр, остальные же и работник помечены как беглые. Причем беглым сначала значился и сакмарский атаман Фома Сибирияков, однако позже под его именем написано: «Июля в 23 день явился Фома Сибирияков, а сказал что был он от разорения каракалпаков в Уфинском уезде» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 178–178об.; 748об.–749). Эти события подтверждаются и в его сказке: «И в нынешнем 724-м году от разорения каракалпаков с той реки сходил в Уфинский уезд». Про своего работника он показал: «А который работник в поданном списке у меня написан Василей Мельников, и оной Василей сошел от меня тому ныне три года» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 703).

Известно, что казахи и каракалпаки кочевали в степях между Волгой и Яиком с весны по осень 1724 года (Карпов, 1911: 790-793). Значит, каракалпаки разгромили Сакмарский городок в период между мартом и июлем. А казахи, не явившиеся на смотр и потому отмеченные как беглые, вполне могли погибнуть либо быть захваченными в плен. Следовательно, пометка «бежал» в списке необязательно означает именно бегство человека, ведь причины неявки на смотр могли быть различные. Оставшиеся сакмарские казахи в переписной книге были распределены по разным сотням и десяткам.

Из вышеприведенной информации можно сделать вывод о том, что еще в 1723 году на реке Сакмаре существовало казачье поселение. Однако в следующем, 1724 году, оно было уничтожено в результате набега кочевников-каракалпаков.

Также по результатам смотра было зафиксировано 10 отставных казаков, живущих в Шацкой Луке. Кроме того записано, что при старцах вверх по р. Яик живут 7 отставных казаков и 13 работников (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 655–656об., 749об.–750). В их сказках говорится: «живу при старцах в работе» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 26. Д. 6. Л. 206). В переписной книге про них же написано, что они живут в богадельне (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 352–352об.).

Шацкая Лука – это пустырь, где хоронили покойников, там же находились монашеские кельи. Поэтому А.Б. Карпов предполагал, что в Шацкой Луке находятся скиты, а 10 отставников являются монахами. Живущих при старцах он тоже относил к монашеским скитам (Карпов, 1911: 552-553, 757). Но ушедших в монахи не записывали бы казаками, так как это означало бы смену сословия. Мы считаем, что в Шацкой Луке находилась богадельня для ухода за старыми и увечными, а 20 человек «живущих при старцах» обеспечивали этот уход.

По материалам переписи можно составить представление о социальном составе войскового населения. Так, под первым списком подписались войсковой атаман, 2 есаула, 3 бывших атамана, 11 бывших есаулов, 4 «старых людей» – элита яицких казаков. Среди остальных казаков есть информация о 2 войсковых подьячих, 1 стороже станичной избы и 7 пушкарях (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 180, 185, 187, 194, 559 об–560об.). А также казаков с тюркскими корнями Болту Утепова и Юмашая Илещеренова использовали в качестве переводчиков при переговорах с калмыками (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 908–909).

В сказках упоминаются три православных храма – Соборная церковь Архангела Михаила, Церковь Алексея Митрополита и Церковь Петра и Павла. При них работают 3 пономаря (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 693–695).

Православное духовенство представлено в лице 7 священников, из них 2 дьякона (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1. Л. 756об.–757). Из мусульманских духовных лиц упоминаются 7 мулл и абызов (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 24. Д. 4. Л. 218, 236, 256, 257а; Св. 26. Д. 6. Л. 451).

17 отставных казаков жили и трудились в Шацкой богадельне, с ними же работали 13 иногородних. Нищенствуют 1 отставник и 2 пришлых человека (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 26. Д. 6. Л. 211, 366, 537).

В книге у пришлых людей не указан возраст. В сказках есть сведения не только об их возрасте, но и специализациях – 3 плотника, 2 кузнеца, 1 сапожник, 1 сыромятник, 1 бурлак, 1 учитель татарской грамоты и 2 торговых людей (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 26. Д. 6. Л. 222, 224, 283, 286, 292, 299, 313, 369, 451).

В целом перепись И.И. Захарова учитывает только мужскую часть населения Яицкого войска, однако в документах попадает и редкая информация о вдовах, с которыми живут малолетние дети и работники – всего 6 человек (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 26. Д. 6. Л. 479, 504, 508, 509, 531).

Особый интерес для этнографии представляют тамги (родовые знаки), которые ставили в своих сказках вместо подписи представители тюркско-монгольских народов – татары, башкиры, чуваша, а также калмыки. Всего в документах обнаружено 52 тамги, которые дают возможность определить родоплеменное происхождение некоторых казаков. Так, нами установлено, что казак родом из крымских татар Кулюнбет Товачеев поставил тамгу рода огуз-оглу (Акчокраклы, 1927: 5). Отставной казак башкирского происхождения Кручка подписался тамгой племени бурзян (Соколов, 1904: 93). Другой отставник Агай Болтин привел знак, характерный для туркменских родов акконгур, салах и орсуки (Гундогдыев, 1998: 554). Работник-калмык Мунжакай Замсин подписался знаменем абганеров (Митиров, 1998: 381).

Итоговые подсчеты. Всего по итогам переписи полковника И.И. Захарова войсковое население составляло 6 124 чел., из них: 1) годных в службу казаков 3 195 чел.; 2) отставных казаков 219 чел.; 3) не годных в службу казачьих детей 2 357 чел.; 4) пришлых людей с детьми 353 чел. (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2. Л. 358об.–359).

В подсчеты И.И. Захарова необходимо внести корректировки, которые касаются вышеприведенных данных по умершим детям, пришлым людям, священникам и вдовам. Таким образом, окончательные итоги по всем упомянутым в материалах переписи жителям Яицкого казачьего войска выглядят следующим образом. Всего населения 6 071 чел., в том числе: 1) годных к службе казаков 3 193 чел.; 2) отставных казаков 219 чел.; 3) не годных в службу казачьих детей

2 288 чел.; 4) пришлых людей с детьми 356 чел.; 5) 7 православных священников; 6) 2 мусульманских абыза; 7) 6 казачьих вдов.

Данные по этническому составу населения Яицкого казачьего войска приводятся в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Этнический состав Яицкого казачьего войска

Народность	Категории населения				
	Служащие казаки/% от общего числа лиц данной категории	Негодные к службе/% от общего числа лиц данной категории	Пришлые, живущие своими дворами/% от общего числа лиц данной категории	Пришлые, живущие у казаков в работе/% от общего числа лиц данной категории	Всего чел./% по итогам переписи
Русские	2848/89,2	2283/91,0	66/89,2	224/77,0	5421/89,3
Татары	103/3,2	94/3,8	4/5,4	38/13,1	239/3,9
Башкиры	53/1,7	19/0,8	–	1/0,3	73/1,2
Горские черкасы	6/0,2	1	–	–	7/0,1
Чуваши	1	–	1/1,4	9/3,1	11/0,2
Турки	3	2	–	1/0,3	6
Калмыки	84/2,6	44/1,8	–	1/0,3	129/2,0
Мордва	12/0,4	7/0,3	–	–	19/0,3
Марийцы	1	2	–	–	3
Поляки	53/1,7	38/1,5	2/2,7	5/1,8	98/1,6
Украинцы	15/0,5	8/0,3	1/1,4	2/0,7	26/0,4
Волохи (молдаване, румыны)	8/0,3	14/0,6	–	–	22/0,4
Немцы	1	1	–	–	2
Шведы	4	–	–	5/1,7	9/0,2
Чухонцы (финны, карелы, эстонцы)	1	–	–	5/1,7	6
Итого	3193	2513	74	291	6071

Как следует из [Таблицы 1](#), большую часть населения составляли русские – 5 421 чел. (89,3 %). К этой категории относятся лица с русскими фамилиями, у которых не указано этническое происхождение. Вторыми по численности являются татары – 239 чел. (3,9 %). Самой многочисленной группой населения были служащие казаки – 3 193 чел. (52,6 %). Высока доля негодных к службе – 2 513 чел. (41,4 %), в их число вошли негодные малолетние дети и отставные казаки. Пришлых людей насчитывалось порядка 365 чел. (6,0 %).

5. Заключение

Материалы переписи яицких казаков 1723–1724 гг. полковника И.И. Захарова позволяют проанализировать этнический состав войска, определить периоды всплеска миграционной активности в общине яицких казаков и соотношение сословных групп, из которых формировался их служилый состав. Такие важные позиции, как возраст, место жительства до прихода на Яик, сословный состав, состояние несения службы переписываемых, являются наиболее ценными и уникальными данными для осмысления исторической правды в отношении яицких казаков исследуемого периода.

Представленные в статье результаты статистической проработки и систематизации материалов переписи позволили получить документальные, достаточно обоснованные итоговые данные и сделать выводы о составе Яицкого казачьего войска в рассматриваемый период.

Литература

[Акчокраклы, 1927](#) – [Акчокраклы О.Н.](#) Татарские тамги в Крыму: (материалы научно-этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925 г.). Симферополь, 1927. 19 с.

- Аминов, 2023** – Книга переписная яицких казаков 1723–1724 годов И.И. Захарова / Авт. пред., сост. Р.Р. Аминов. Казань, 2023. 436 с.
- Бородин, 1891** – Бородин Н.А. Уральское казачье войско: статистическое описание в двух томах. Т. 1. Уральск, 1891. 947 с.
- Гундогдыев, 1998** – Гундогдыев О.А. Прошлое туркмен. Москва, 1998. 625 с.
- Дубовиков, 2022** – Дубовиков А.М. Яицкое казачество в эпоху Петра I в трудах дореволюционных авторов П.И. Рычкова и А.Б. Карпова // *Гасырлар авазы/Эхо веков/Echo of centuries*. 2022. №3. С. 30-43.
- История Уральского..., 2021** – Перепись 1723 года: форум / История Уральского (Яицкого) казачьего войска и Уральской области: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorynychforum.forum24.ru/?1-22-0-00000004-000-40-0> (дата обращения: 14.02.2026).
- Карпов, 1911** – Карпов А.Б. Уральцы: Исторический очерк. Уральск, 1911. 904 с.
- Кортунов, 2025** – Кортунов А.И. Яицкое (Уральское) казачье войско в XVII – первой четверти XVIII в.: этносоциальный состав и миграционные процессы (по материалам переписей 1632 и 1723–1724 гг.) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2025. № 4. С. 215-227.
- Кортунов, Фокин, 2012** – Кортунов А.И., Фокин А.А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI – XIX вв.). Уфа, 2012. 113 с.
- Курилин, 1869** – Курилин М.К. Материалы к истории Уральского Казачьего Войска, еще нигде не напечатанные // *Уральские войсковые ведомости*. 1869. № 20. С. 4-7.
- Левшин, 1823** – Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. Санкт-Петербург, 1823. 84 с.
- Мерзликина, 2006** – Мерзликина О.Г. «Вдоль Урала берегов...»: Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества (конец XVI – вторая половина XVIII вв): Монография. Самара, 2006. 224 с.
- Митиров, 1998** – Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. 382 с.
- Назаров, 2021** – Назаров А.И. Антропонимия лиц с башкирскими корнями в Яицком казачьем войске (на материале переписи 1723–1724 годов) / *Хабибулла Габитов – поэт, языковед, ученый, фольклорист, драматург, общественный деятель. Сборник научных статей*. Сибай, 2021. С. 209-214.
- Огановский, 1903** – Огановский Н.П. Историко-статистический обзор Уральской области. Вып. 1. Население. Землепользование / *Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1904 год (восьмой год издания)*. Уральск, 1903. С. 117-244.
- Однодворец, 2020** – Перепись Яицких казаков 1723–24 гг. (1 часть): альбом // Оренбургское историко-родословное общество «Однодворец»: группа ВКонтакте. [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/album-163258126_276563712 (дата обращения: 14.02.2026).
- Попов, 1971** – Попов С.А. Тайны пятимаров. Очерки по древней и средневековой истории оренбургских степей. Челябинск, 1971. 193 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Рознер, 1966** – Рознер И.Г. Яик перед бурей (Восстание 1772 г. на Яике – предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева). Москва, 1966. 207 с.
- Рычков, 1887** – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии: сочинение П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887. 406 с.
- Рябинин, 1866** – Рябинин А.Д. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 22. Уральское казачье войско. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1866. 419 с.
- Сдыков, 2004** – Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана (XVIII – нач. XXI вв.). Алматы, 2004. 405 с.
- Сдыков, 2019** – Сдыков М.Н. Формирование Яицкого (Уральского) казачества в XVI – XVIII веках: мифы и реальность // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2019. № 9. Т. 1. С. 9-14.
- Соколов, 1904** – Соколов Д.Н. О башкирских тамгах // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 13. Т. 13. Оренбург, 1904. 94 с.
- Хорошшин, 1881** – Хорошшин М.П. Казачьи войска: опыт военно-статистического описания. Санкт-Петербург, 1881. 311 с.

References

- Akchokrakly, 1927** – Akchokrakly, O.N. (1927). Tatarskie tamgi v Krymu: (materialy nauchno-etnograficheskoi ekspeditsii po izucheniyu tatarskoi kul'tury v Krymu 1925 g.) [Tatar tamgas in Crimea: (materials of the scientific and ethnographic expedition to study Tatar culture in Crimea, 1925)]. Simferopol, 19 p. [in Russian]
- Aminov, 2023** – Aminov, R.R. (2023). Kniga perepisnaya yaickih kazakov 1723–1724 godov I.I. Zaharova [The census book of the Yaik Cossacks of 1723–1724 by I.I. Zakharov]. Avt. pred., sost. R.R. Aminov. Kazan', 436 p. [in Russian]
- Borodin, 1891** – Borodin, N.A. (1891). Ural'skoe kazach'e voisko: statisticheskoe opisanie v dvukh tomakh. [The Ural Cossack Host: A Statistical Description in Two Volumes]. T. 1. Uralsk, 947 p. [in Russian]

- Dubovikov, 2022** – Dubovikov, A.M. (2022). Yaickoe kazachestvo v epohu Petra I v trudah dorevolucionnykh avtorov P.I. Rychkova i A.B. Karpova. [Yaik Cossacks in the era of Peter I in the works of pre-revolutionary authors P.I. Rychkov and A.B. Karpov]. *Echo of centuries*. 3: 30-43. [in Russian]
- Gundogdyev, 1998** – Gundogdyev, O.A. (1998). Proshloe turkmen [The past of the Turkmen]. M., 625 p. [in Russian]
- Istoriya Ural'skogo..., 2021** – Perepis' 1723 goda: forum. Istoriya Ural'skogo (Yaitskogo) kazach'ego voiska i Ural'skoi oblasti: sait [Census of 1723: forum. History of the Ural (Yaitsk) Cossack army and the Ural region: website]. [Electronic resource]. URL: <https://gorynychforum.forum24.ru/?1-22-0-00000004-000-40-0> (date of access: 02.14.2026). [in Russian]
- Karpov, 1911** – Karpov, A.B. (1911). Ural'tsy: Istoricheskii ocherk [Urals: Historical essay]. Uralsk, 904 p. [in Russian]
- Khorokhshin, 1881** – Khoroshkhin, M.P. (1881). Kazach'i voiska: opyt voenno-statisticheskogo opisaniya [Cossack troops: an experience of military statistical description]. SPb, 311 p. [in Russian]
- Kortunov, 2025** – Kortunov, A.I. (2025). Yaitskoe (Ural'skoe) kazach'e voisko v XVII – pervoi chetverti XVIII v.: etnosotsial'nyi sostav i migratsionnye protsessy (po materialam perepisei 1632 i 1723–1724 gg.) [Yaik (Ural) Cossack army in the 17th – first quarter of the 18th century: ethnosocial composition and migration processes (based on the censuses of 1632 and 1723–1724)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal*. 4: 215-227. [in Russian]
- Kortunov, Fokin, 2012** – Kortunov, A.I., Fokin, A.A. (2012). Kazaki-musul'mane na sluzhbe v kazach'ikh voiskakh Urala (XVI – XIX vv.) [Muslim Cossacks serving in the Ural Cossack troops (16th – 19th centuries)]. Ufa, 113 p. [in Russian]
- Kurilin, 1869** – Kurilin, M.K. (1869) Materialy k istorii Ural'skogo Kazach'ego Voiska, eshche nigde ne napechatannye [Materials on the history of the Ural Cossack Army, not yet published anywhere]. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 20: 4-7. [in Russian]
- Merzlikina, 2006** – Merzlikina, O.G. (2006). «Vdol' Urala beregov...»: Etnosotsial'naya istoriya yaitskogo (ural'skogo) kazachestva (konets XVI – vtoraya polovina XVIII vv): Monografiya. [“Along the banks of the Urals...”: Ethnosocial history of the Yaik (Ural) Cossacks (late 16th – second half of the 18th centuries): monograph]. Samara, 224 p. [in Russian]
- Mitirov, 1998** – Mitirov, A.G. (1998). Oiraty – kalmyki: veka i pokoleniya [Oirats – Kalmyks: centuries and generations]. Elista, 382 p. [in Russian]
- Nazarov, 2021** – Nazarov, A.I. (2021). Antroponimiya lits s bashkirskimi korniyami v Yaitskom kazach'em voiske (na materiale perepisi 1723–1725 godov). [Anthroponymy of persons with Bashkir roots in the Yaik Cossack host (based on the 1723–1724 census)]. Khabibulla Gabitov – poet, yazykoved, uchenyi, fol'klorist, dramaturg, obshchestvennyi deyatel'. Sbornik nauchnykh statei. Sibai. Pp. 209-214. [in Russian]
- Odnodvorets, 2020** – Perepis' Yaitskikh kazakov 1723–24 gg. (1 chast'): al'bom. Orenburgskoe istoriko-rodoslovnoe obshchestvo «Odnodvorets»: gruppa VKontakte [Census of Yaik Cossacks in 1723–24 (part 1): album. Orenburg Historical and Genealogical Society "Odnodvorets": VKontakte group]. [Electronic resource]. URL: https://m.vk.com/album-163258126_276563712 (date of access: 14.02.2026). [in Russian]
- Oganovskii, 1903** – Oganovskii, N.P. (1903). Istoriko-statisticheskii obzor Ural'skoi oblasti. Vypusk 1. Naselenie. Zemlepol'zovanie. [Historical and Statistical Review of the Ural Region. Issue 1. Population. Land Use]. Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Ural'skoi oblasti na 1904 god (vos'moi god izdaniya). Pp. 117-244. [in Russian]
- Popov, 1971** – Popov, S.A. (1971). Tainy pyatimarov. Ocherki po drevnei i srednevekovoi istorii orenburgskikh stepei. [Secrets of the Pyatimarov. Essays on the ancient and medieval history of the Orenburg steppes]. Chelyabinsk, 193 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. [Russian State Military Historical Archive].
- Rosner, 1966** – Rozner, I.G. (1966). Yaik pered burei (Vosstanie 1772 g. na Yaike – predvestnik Krest'yanskoi voyny pod rukovodstvom E. Pugacheva). [Yaik Before the Storm (The 1772 Uprising on the Yaik – a Harbinger of the Peasant War Led by E. Pugachev)]. M., 207 p. [in Russian]
- Ryabinin, 1866** – Ryabinin, A.D. (1866). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. T.22. Ural'skoe kazach'e voisko. [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Vol. 22. Ural Cossack Host]. Ch. 1. St. Petersburg, 419 p. [in Russian]
- Rychkov, 1887** – Rychkov, P.I. (1887). Topografiya Orenburgskoi gubernii: sochinenie P.I. Rychkova 1762 goda. [Topography of the Orenburg province: essay by P.I. Rychkov 1762]. Orenburg, 406 p. [in Russian]
- Sdykov, 2004** – Sdykov, M.N. (2004). Istoriya naseleniya Zapadnogo Kazakhstana (XVIII – nach. XXI vv.). [History of the population of Western Kazakhstan (XVIII – early XXI centuries)]. Almaty, 405 p. [in Russian]
- Sdykov, 2019** – Sdykov, M.N. (2019). Formirovanie Yaitskogo (Ural'skogo) kazachestva v XVI – XVIII vekakh: mify i real'nost' [Formation of the Yaitsk (Ural) Cossacks in the 16th-18th centuries: myths and reality]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. 9(1): 9-14. [in Russian]

Sokolov, 1904 – Sokolov, D.N. (1904). O bashkirskikh tamgakh [On Bashkir tamgas]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 13(13). Orenburg, 94 p. [in Russian]

Материалы переписи яицких казаков 1723–1724 годов как историко-демографический источник

Арыстан Сарсембаев ^a, Аманжол Калыш ^a, Мурат Сдыков ^b, Алия Исаева ^{c, *}

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, Уральск, Республика Казахстан

^c Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Центральной задачей статьи является введение в научный оборот массовых источников по истории Уральского (Яицкого) казачества. Работа основана на материалах переписи яицких казаков, проведенной полковником И.И. Захаровым в 1723–1724 гг., которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве: переписная книга яицких казаков, именный список проживающих на территории Яицкого казачьего войска людей и их сказки (допросы, показания). На данный момент документы не использованы полностью в исторической науке. С целью полного исследования социального и этнического состава населения Яицкого казачьего войска были применены историко-статистические методы обработки материалов, научные подсчеты, анализ, критика и сопоставление имеющихся источников и материалов. Кроме того, опираясь на архивные документы и исследования других авторов, в статье реконструируется практика проведения переписи розыскной канцелярией во главе с полковником И.И. Захаровым. Представленные в статье результаты статистической проработки и систематизации материалов переписной книги, именного списка и сказок позволили получить документально обоснованные итоговые данные и сделать выводы о социальном и этническом составе казачьей общины. Они предоставляют важный материал для дальнейшего изучения персонального состава и численности Яицкого казачьего войска в первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: Яицкое казачье войско, переписная книга, именной список, сказки, казаки, пришлые люди.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arstan777@mail.ru (А. Сарсембаев),
kalyshamanzhol@gmail.com (А. Калыш), msdykov@mail.ru (М. Сдыков),
aliyaissaevna@gmail.com (А. Исаева)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 576-586
DOI: 10.13187/bg.2026.2.576

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Trade Routes through the Kyzylkum and the Lower Reaches of the Syr Darya directed toward Russia in the 18th – early 19th centuries

Ainura K. Beisegulova ^a, Zhazira M. Terekbayeva ^{a, *}, Tattigul E. Kartayeva ^a, Daulet Zh. Zhailybay ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article, the authors analyze the trade routes passing through Kyzylkum and the lower reaches of the Syrdarya River in the XVIII – early XIX centuries. Special attention is paid to the directions, conditions of functioning and participation of Kazakhs in the organization of international trade and caravan routes connecting Kazakhstan with the states of Central Asia and Russia. The purpose of the study is to comprehensively analyze the historical, geographical and ethno-economical features of the functioning of these trade routes.

The methodological basis of the work consists of historical-comparative, statistical and historical-systematic approaches, as well as source analysis. The source database consists of archival and official statistical collections.

It is shown that the studied territory served as a transit space. Many trade routes crossing the Syr Darya River connected Central Asia and the West, which contributed to economic development in cities and towns located along the banks of the river. The development of desert and water roads, the spread of trade contributed to the development of various types of crafts among the Prisyrdari Kazakhs, such as keruenbasylyk (caravan guide), zhuk tasushylyk (cargo transportation), saudagerlik (trade). Cargo transportation has provided an opportunity for the local population to earn additional funds for their livelihood. Responsibility for the organization of caravan activities among the Kazakhs was also assigned to keruenbasy (caravan manager).

Keywords: Kyzylkum, caravan, trade roads, bazaar, cargo transportation, crossing.

1. Введение

Торгово-экономические связи Казахстана, среднеазиатских ханств и Российской империи в XVIII – начале XX вв. осуществлялись преимущественно через сеть караванных путей и освоенные регионы пустыни. Они проходили по территории Кызылкума и нижнего течения Сырдарьи. Расположенная в междуречье Сырдарьи и Амударьи, местами полупустыня, песчаная пустыня – Кызылкум, выступала не только как природная преграда, но и тем пространством, через которое проходили устойчивые торговые пути.

Она являлась местом, где соприкасались несколько ветвей Хивинской торговой магистрали, а также где можно было по Арало-Каспийской долине выйти к Каспийскому морю. Начинаясь в Бухаре ответвления торгового пути пересекали среднее и нижнее течение Сырдарьи и направлялись дальше на запад. Прекращение жизнедеятельности многочисленных средневековых городов вызвало значительные изменения и в маршрутах торговых линий, проходивших через Кызылкумы. Все это повлияло на экономические отношения, которые сместились в начале XIX века в сторону развития ярмарочной и рыночной торговли в городах-крепостях Шымкент, Акмешит-Перовск, Казалы.

* Corresponding author

E-mail addresses: beysegulovaak@gmail.com (A.K. Beysegulova), terekbaevzhaz@gmail.com (Zh.M. Terekbayeva), kartaeva07@gmail.com (T.E. Kartayeva), daulet_87@bk.ru (D.Zh. Zhailybay)

По нижнему течению Сырдарьи протянувшиеся через Кызылкум торговые пути обеспечивали рынки и базары Жолека, Акмешита и Казалы, а затем следовали на запад.

Данные о торговых путях и переправах содержатся в дореволюционных источниках, но роль казахов в перевозке грузов, сопровождении и обслуживании остается малоизученной. В статье авторы делают попытку раскрыть торговые пути Кызылкума и нижнего течения Сырдарьи как целую систему, их взаимосвязь, особенности их функционирования, а также природные условия и хозяйственную деятельность казахов.

2. Материалы и методы

При написании статьи в качестве источников были использованы материалы Национального архива Узбекистана (Ташкент, Узбекистан) (НАУ. Ф. 2231. Д. 49. Л. 25). Условия транзитного движения товаров через Сырдарьинскую область, торговля кочевников на рынках с соседними областями отражена в официальном статистическом отчете «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1889 год» (Обзор Сыр-Дарьинской области..., 1888). Сведения о хозяйственной деятельности и торговых практиках местных казахов, в частности сведения об извозе как промысле содержатся в опубликованных сборниках: «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд» (МКЗ. Перовский уезд, 1912) и «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд» (МКЗ. Казалинский уезд, 1913). В данных источниках приводятся материалы о предметах и районах извоза, заработках извозо-промышленников и участниках. Сведения о торговых отношениях казахов с Россией и среднеазиатскими ханствами, о караванах и их организации встречаются в историческом очерке «Народы России. Киргизы» (Народы России..., 1879).

Методологическая конструкция исследования опирается на историко-сравнительный метод, обеспечивающий сопоставление различных источников, выявление сходств и различий в описании торговых путей и анализ их динамики. Общенаучный метод анализа позволяет структурировать проблему и выделить ее ключевые элементы, а статистический подход – оценить протяженность маршрутов, масштабы товарооборота и интенсивность торговых связей через Кызылкум и нижнее течение Сырдарьи. Историко-системный подход рассматривает торговые пути как элемент более широкой социально-экономической системы, что позволяет выявить их взаимосвязь с политическими, экономическими и культурными процессами, а также их роль в формировании товарно-денежных отношений и развитии ремесленного производства.

Историческая реконструкция торговых путей осуществляется на основе комплексного анализа письменных и визуальных материалов, что позволяет воссоздать направления маршрутов через Кызылкум, локализовать торговые пункты вдоль нижнего течения Сырдарьи и охарактеризовать «водный участок» торгового пути. Применение источниковедческого анализа обеспечивает оценку достоверности и репрезентативности источников, что в совокупности позволяет сформировать целостное и научно обоснованное представление о развитии торговых систем региона.

3. Обсуждение

Изучение торговых путей, проходивших через Кызылкум и нижнее течение Сырдарьи, проводилось дореволюционными исследователями, труды которых можно также определить как важные источники. Это труды российских ученых, военных исследователей, статистиков и путешественников XVIII – начала XX вв., и ценность их работ, заключается в том, что сведения, зафиксированные в тот период, обладают высокой научной ценностью. Следовательно, принимая во внимание ранний этап научного осмысления края, эти исследования условно можно разделить на группы: 1) военно-статистические исследования (А.И. Макшеев, Л. Мейер, Л.Ф. Костенко, Н.И. Гродеков); 2) труды ученых и путешественников (В.Н. Татищев, П.И. Рычков, П.С. Паллас, П.И. Небольсин, П.И. Пашино, А.И. Добросмыслов, В.В. Бартольд). Зафиксированные ими описание маршрутов, переправ, организация караванного движения, состав участников и характер товарообмена, решали практические задачи, такие как включение региона в экономику империи, управление территорией и др.

Топонимика торговых путей и их направления через Бухару, Хиву и восточную часть Приаралья отражены в работах А.И. Макшеева, написанных по результатам исследований, проведенных им в 1851 году в районе Казалы и в 1853 году вдоль нижнего течения реки Сырдарьи – Акмечетская экспедиция (Макшеев, 1856).

В «Материалах для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», подготовленном под руководством Л. Мейера, содержатся записи военных исследователей об Оренбургском крае. В них приводятся сведения о торговых маршрутах между Перовском и Бухарой, проходивших через Кызылкум, включая длинный путь протяженностью около 1000 км и более короткий маршрут длиной около 600 км (Мейер, 1865).

Русский военный востоковед Л.В. Костенко в труде «Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа» особое внимание уделил определению

историко-топографических направлений торговых путей между Средней Азией и Россией, а также установлению их протяженности (Костенко, 1880).

Система обычного права, обеспечивавшая безопасность провоза торговых грузов через нижнее течение реки Сырдарьи рассмотрены в труде Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт» (Гродеков, 1889). Итак, исследования этой группы имеют более описательный характер.

В XVIII веке, хотя Российское правительство изучало территорию современного Казахстана исходя из политико-экономических интересов, но академические экспедиции внесли ценный вклад в изучение истории казахского народа, в том числе торговых отношений России со Средней Азией. Среди таких трудов можно отметить экспедиционные материалы В.Н. Татищева (1686–1780), руководившего Оренбургской экспедицией в 1738–1740 гг., где содержатся важные сведения, позволяющие определить направления торговых путей (Татищев, 1950).

Труд П.И. Рычкова можно отнести к исследованиям, посвященным экономическим и этнографическим аспектам развития торговли в степи. Автор в книге «Топография Оренбургской губернии», наряду с историко-этнографическими характеристиками народов, населявших Оренбургский край, приводит сведения, свидетельствующие о роли местных казахов Младшего жуза в развитии торговых связей между Оренбургом и Хивой, а также об их участии в торговой деятельности (Рычков, 1887).

Одним из ранних авторов, освещавших торговые связи между Средней Азией и городами Троицк и Оренбург также является П.С. Паллас (1741–1811). Он опубликовал результаты своего путешествия 1768 года в работе «Путешествия по разным провинциям Российской империи» (Паллас, 1770; Паллас, 1773; Паллас, 1788).

В трудах П.И. Небольсина содержатся сведения о станциях и расстояниях на торговом транзитном пути, соединявшем Бухару с Орском и Троицком (Небольсин, 1854; Небольсин, 1855).

П.И. Пашино в своих путевых заметках «Туркестанский край в 1866 году», в разделах «Форт № 2», «Форт Перовский», «Укрепление Джулек», наряду с описанием повседневной жизни местного казахского населения, также дал сведения о развитии торговой деятельности (Пашино, 1868).

Развитие торговли в городах Сыр-Дарьинской области освещено в исследованиях А.И. Добросмыслова. Автор, путешествуя по казахским аулам, был хорошо знаком с жизнью местных. Он изучал объемы торгового оборота, а также развитие хозяйственных занятий казахского населения в городах, в результате своих наблюдений выпустил книгу «Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулиеата, Чимкент» (Добросмыслов, 1912).

Значительный вклад в изучение исторических торговых путей внес известный востоковед В.В. Бартольд. Он, основываясь на данных арабских и персидских источников, выдвинул предположение, что путь через низовья Сырдарьи и реку Талас шел на земли кимаков к северу от Иртыша. Кимаки обменивали меха на соль. На севере добываемая в южных солончаковых долинах соль была весьма ценным товаром. В то же время пушнина из северных районов была важна для купцов с юга. По сообщению В.В. Бартольда, торговый путь через Сырдарью от Ферганской границы до родины кимаков торговцы проходили за 30 дней (Бартольд, 1963: 242). Указанный В.В. Бартольдом маршрут пересекал и Кызылкум. Торговые пути через Сырдарью и Кызылкум пролегали не только по территориям с благоприятными природными условиями, но и через песчаные, пустынные регионы, такие как Дариялыктакыр и Арыскум.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на фрагментарность исследований, труды русских ученых, путешественников и военных-статистиков являются основными материалами по истории торговых путей Кызылкума и нижнего течения Сыр-Дарьи, и, со временем приобретают все большую историко-культурную ценность и научную значимость.

В современной казахстанской историографии традиционные торговые пути остаются малоизученными. Тем не менее, встречаются труды, где рассматриваются вопросы освоения традиционных водных путей казахов и их значение в хозяйственной практике (Terekbayeva et al., 2023). Но эти исследования направлены на изучение отдельных видов транспорта, соответственно торговые маршруты не получили подробного анализа.

4. Результаты

Развитие торговых промыслов. Развитие торговых путей, соединявших Центральную Азию, Оренбург и Сибирь в XVIII – начале XX вв., способствовало формированию и распространению среди казахов таких видов хозяйственной деятельности, как «керуенбасылық» (караван-вожатый), «жук тасушылық» (перевозка грузов), «саудагерлік» (торговля), что оказало положительное влияние на социально-экономическое положение местного населения. Грузовые перевозки были важным дополнительным источником дохода. Однако высокая скорость течения Сырдарьи, а также возможность пересечения реки лишь в нижнем течении, затрудняли развитие промысла жук тасушылық (грузоперевозка).

В 1846 году капитан Генерального штаба Шульц в своих сведениях плоты-паромы на речных переправах описал таким образом: «В настоящее время на Сырдарье нет водного транспорта, вместо

него на воду спускаются плоты, состоящие из деревянных брусьев длиной 4–7 сажень и шириной 2 аршина, скрепленных между собой железом. Они могут перевозить от 6 до 12 лошадей или груз весом от 125 до 250 пудов. В августе 1846 года таких плотов было немного. Для их изготовления использовалась древесина тутовника, каратала и дуба. Эти плоты изготавливались в Хиве, затем спускались по Амударье на левый берег Аральского моря, откуда доставлялись к Сырдарье» (Казахско-русские..., 1964: 330).

Военные документы 1860 г. свидетельствуют о том, что на переправах Сырдарьи была налажена лодочная переправа, которая активно использовалась не только у форта Перовский и на сырдарьинских переправах Кубас и Кызылкайын, но и на переправе Кулек через реку Куандарья. За перевозку грузов и людей *қайықшы* (лодочники) взимали установленную плату. В том же году общее количество лодок, обслуживавших торговые караваны, достигло 80. Караваны переправлялись через Сырдарью на четырех участках: переправа Ушир – в 16 км, Мортык – в 30 км, Ширик – в 80 км, Кимакалган – в 100 км от форта №1. В конце осени и начале зимы для движения караванов по льду через Сырдарью прокладывали специальные дорожки из камыша (Казахско-русские..., 1964: 471). Приведенные данные дают нам возможность сделать вывод, что была сформирована целая инфраструктура переправ, которая отвечала торговым маршрутным требованиям.

С развитием торговых маршрутов широкое распространение получило *жүк тасушы* (грузоперевозка/грузчик). По данным «Материалов по киргизскому землепользованию», в 1910 году в Перовском уезде в качестве *жүк тасушы* (грузчик) были зарегистрированы 1983 казаха, а в 1911 году в Казалинском уезде – 1977 казахов. Они доставляли в разные районы уезда рыбную продукцию и соль. Услуги перевозчиков оплачивались в зависимости от объема груза и расстояния до места назначения (МКЗ, Перовский уезд, 1912: 97).

Местные казахи грузоперевозчиков называли *жүк тасушы* «*кірекеш*», «*кіре тартушы*» и «*түйекеш*». Для *кірекеш* доставка груза представляла собой непростую задачу. Верблюд с грузом весом до 12–15 пудов мог двигаться по песчаной пустыне со скоростью 3–3,5 км в час и проходить за один день до 30 километров. Из-за особенностей зрения верблюдов в ночное время и изнуряющей жары днем движение каравана затруднялось, поэтому путешественники были вынуждены делать частые остановки для отдыха. *Кірекеш* заботились не только о доставке груза, но и о состоянии верблюдов (Сазонова, 1978: 82). Таким образом, основываясь на вышеупомянутых сведениях, можно утверждать, что *жүк тасу* (грузоперевозка) в регионе была специализированным промыслом, адаптированным на природные условия.

Из Казалинского уезда многие *кірекеш* занимались доставкой топлива в окрестности Амударьи, Хиву и Бухару, а обратно везли в Казалы хлопчатобумажные изделия и пшеницу. Помимо топлива, в Бухару также доставляли рыбу. Некоторые занимались перевозкой саксаула из Кызылкума в Перовский уезд (МКЗ, Казалинский уезд, 1913: 72). На одного верблюда грузили от 10 до 18 пудов. За одну такую перевозку платили от 8 до 12 рублей (Паллас, 1773: 580).

Казахское обычное право обязывало *кірекеш* нести ответственность за вверенный ему груз. Важные сведения об обычном праве южных казахов, касающемся перевозки и доставки грузов, содержатся в записях Н. Гродекова. Согласно его сведениям, купцы могли отправлять свои товары через *кірекеш* без контроля со стороны *керуенбасы*. Перед отправкой груза отправители и *жүк тасушы*, в отсутствие последних – *керуенбасы*, определяли ответственность за количество груза, сроки доставки и стоимость услуги. В соответствии с правилами, *кірекеш* был обязан возместить ущерб за утраченный груз. Если отсутствовал документ, подтверждающий наличие груза тамгой или печатью, то урон не возмещался. Также *кірекеш* должен был заменить верблюда в случае болезни животного или его непригодности к длительному путешествию (Гродеков, 1889: 138-139).

Деятельности *кірекеш* в сфере торговли значительное внимание уделяется в записях Е. Смирнова, в настоящее время представляющих собой особую исследовательскую ценность. Смирнов связывал развитие промысла *кірекеш* среди казахов Казалинского, Перовского, Туркестанского и Чимкентского уездов с широким распространением верблюдов в этих регионах. В своих заметках он отметил, что ранее этим промыслом занимались шомекей, перевозившие грузы по караванным путям, соединявшим Оренбург, Сибирь, Бухару и Хиву. Позже к занятию этим промыслом присоединились и другие роды Младшего и Среднего жузов. Перевозить грузы на верблюдах было выгоднее, чем на арбе (тележка), тяжело нагруженный караван верблюдов мог двигаться как по камышам, так и по пересеченной, холмистой, пустынной и песчаной местности. По данным Е. Смирнова, при соответствующей тренировке один верблюд мог перевозить от 40 до 50 пудов груза (Смирнов, 1887: 158-159).

А.П. Смирнов указывал, что на казахских землях в Туркестанской, Сибирской и Оренбургской областях торговля развивалась в форме товарообмена, при котором для грузоперевозок привлекались казахи, имеющие собственных верблюдов (Смирнов, 1887: 26-27). В случае отсутствия или недостатка верблюдов в собственности *кірекеш* или *керуенші* дополнительно брали в аренду животных для выполнения своих обязанностей.

Помимо лодок отдельных учреждений форта на переправе через Сырдарью, к Аралу из Хивы были задействованы также частные лодки. Грузоперевозками на лодках занимались и *қайықшы*

(лодочники). Основными пунктами пропуска грузов на лодках были Уркаш, Мортык, Шырак, Кумсалган, расположенные между устьем Сырдарьи и Фортом №2. В соседнем Амударьинском отделе действовала артель из 14 *қайықшы*, которые одновременно выполняли функции *еспеші* (управляющего лодкой) и *жүк тиеуші* (грузчика). Управляющего лодкой, в которой можно было перевозить грузы до 2000 пудов, называли «дарға» (Сазонова, 1978: 87).

Ответственность за организацию караванной деятельности возлагалась на *керуенбасы* (караван-вожатый). Занимавшиеся промыслом *керуенбасылық* не только обеспечивали отправку каравана, но и пополняли его верблюдами. Среди богатых казахов были и те, кто специально занимался разведением и выращиванием большого количества верблюдов для продажи их *керуенбасы* (Небольсин, 1855: 46).

Казахи, передвигавшиеся в составе каравана верхом на верблюдах, именовались «шапар» и находились в подчинении *керуенбасы*, который отвечал за безопасность каравана, поэтому места его остановок определяли только после обсуждения с *шапарами* (Народы России..., 1879: 26). Караван верблюдов, отправлявшийся из дальних городов за продовольствием и необходимыми товарами, уходивший в конце лета и возвращавшийся зимой, казахи Сырдарьи и Кызылкума называли *ақшомишы*.

Сохранился ряд интересных сведений об оплате труда участников, участвовавших в проведении торговых караванов. По данным Л. Мейера, сырдарьинские *кірекеш* (извозчики) получали 15 тиын (копеек) или 2 фунта муки за погрузку верблюда, 10 тиын – за погрузку лошади или вола, 1,5 тиын – за перевозку овцы, 1 ягненка – за перевозку 100 овец и 20 тиын – за перевозку юрты с имуществом (Мейер, 1865: 54-55). Чокан Валиханов в своих записках также отметил: «Груз через Сырдарьинскую переправу перевозят на плоских плотах. За погрузку верблюда или лошади платят 1 тенге или 20 тиын серебром» (Валиханов, 1985: 172).

По сведениям А.И. Левшина, за провоз товаров от Оренбурга до Бухары в 1820, 1821 и 1822 годах казахские перевозчики брали от 80 до 120 рублей при перевозке до Хивы им дополнительно выплачивалась около трех вторых (3/2) от указанной суммы (Левшин, 1832: 237-238). Участки Хивинско-Оренбургского торгового пути, пересекавшие нижнее течение реки Сырдарьи, получили названия по родам, господствовавшим среди местного населения.

Формирование названий «Шомекей жолы», «Торткара жолы», «Жаппас жолы» связано с тем, что торговый путь проходил через территории расселения этих родов. Это свидетельствует о сложном характере топонимии торговых путей, пролежавших через Кызылкум (Левшин, 1832: 238).

Записи П.И. Пашино дополняют сведения о деятельности и заработной плате *жүк тасушы* и *керуенші* (Пашино, 1868: 26). В 1865 году в Форте № 1 насчитывалось 156 построенных из сырцового кирпича лавок, ряды торговых лавок назывались Бухарским и Хивинским базарами. Некоторые купцы нанимали специального продавца для своей лавки и торговали там круглый год.

Караваны из Хивы и Бухары в Казалы останавливались на левобережных переправах Сырдарьи – Каратепе и Мортык, разгружался там и нанимал *жүк тасушы* для переправы через реку. Сначала для этой цели использовались камышовые плоты, но позже появились хивинские суда, число которых со временем достигло 200. За перевозку груза одного верблюда *жүк тасушы* брали 1-2 *кесе* (чаши) муки, а за перевозку самого верблюда – 10-15 тиын (копеек), за перевозку лошади или вола – по 10 тиын, овцы – 1 тиын, за ста овец – одного ягненка, за юрту с имуществом – 20 тиын. После захвата Россией Бухарского каравана в 1865 году начался упадок бухарской торговли. Если прежде через Казалы в Россию проходило 14 тысяч груженных верблюдов, то в 1865 году их число сократилось до 7–8 тысяч (Пашино, 1868: 27). А за перевозку грузов из Бухары в Орскую крепость *кірекеш* стали взимать по 23 рубля 50 копеек за верблюда (Казахско-русские..., 1964: 452). Эти данные дают возможность проследить не только устройство базаров, но и связь рынка с системой переправ и перевозок того периода.

По статистическим данным 1886 года, в Перовском уезде 2 *жүк тасушы* зарабатывали 400 рублей, а в Казалинском уезде 28 *жүк тасушы* – 4200 рублей (Обзор Сыр-Дарьинской области..., 1888: 350-351). Извозом занимались и *арбакеши* (извозчики на тележке). Их доход составлял 40–50 копеек в день, а иногда – 20–70 копеек. Сравнение этих данных показывает, что заработки грузоперевозчиков в двух уездах разные, и, что верблюжья перевозка стоила дороже, и была более прибыльной, чем извозка на тележке.

С развитием железнодорожного сообщения промысел *кірекеш* стал постепенно утрачиваться. Если в 1885 году через Казалы из Бухары в Оренбург и далее проходило 39 тысяч верблюдов, то в 1886 году их число сократилось до 36 660, то есть количество тягловых верблюдов уменьшилось на 2340 голов (Обзор Сыр-Дарьинской области..., 1888: 67).

С вводом в действие Закаспийской и Оренбургско-Ташкентской железных дорог деятельность казахов, занимавшихся грузовыми перевозками в качестве дополнительного промысла, существенно сократилась. Некогда распространенное в период активного развития торгового пути Оренбург – Казалы – Ташкент перевозочное дело как промысел среди казахов сохранился и в 1889 году, они перевозили товары в Троицк и Верный. Но плата за грузовые перевозки снизилась (Обзор Сыр-Дарьинской..., 1890: 81).

В казахском обычном праве сформировались традиции, связанные с торговыми караванами. Так, если караванам, достигшим чьих-то владений, отказывали в приюте во время сильных зимних

морозов, несмотря на имеющиеся для их расположения участки земли, и в результате погибали и люди, и скот, то собственник должен был внести *ақы* (выплаты) за *адам құны* (выкуп за кровь) и *малдың құны* (стоимость скота). Н. Гродеков отмечал, что в процессе торговли иногда присутствовал и обман, и, если обман обнаруживался, продавец должен был вернуть стоимость товара (Гродеков, 1889: 159).

Торговля на Казалинском рынке с местными казахами велась преимущественно в форме бартера. По пути в Россию купцы из Хивы и Бухары оставляли у местных торговцев шёлковые ткани, вышитые тюбетейки, упряжь и т.д. Возвращаясь, они забирали у *делдалов* (посредника) подготовленные в уплату за предыдущий товар шкуры, овечью и верблюжью шерсть, а в обмен оставляли для дальнейшей продажи российские товары: сатин, фарфоровую посуду, самовары, гвозди, косы, серпы, ножницы, ножи, зеркала, гребни и пуговицы.

Традиционные грузовые судна и освоение водных путей. Грузовые суда, пересекающие Сырдарью, были просторными, широкими, удобными для перевозки людей и грузов. Суда строили местные *ағашшы* (плотники) и *жүк өткізуші* (грузоперевозчики). Отличие грузовых судов от рыболовных заключалось в плоской форме и ширине. Грузовые судна были достаточно большими, ими одновременно управляли три человека (Terekbayeva et al., 2023: 571). По форме это судно напоминает плот, состоящий из двух больших лодок, скрепленных между собой деревянными креплениями. Тяжёлые лодки использовались также соседними каракалпаками и узбеками. Данные о лодках вместимостью до пяти-шести лошадей, а также нескольких лошадей и верблюдов вместе, были получены во время экспедиции в долину реки Жанадарья. Респонденты рассказывали, что для перевозки таких грузов через Сырдарью они также использовали одну большую лодку, сколоченную из небольших брусев.

Товарооборот. Согласно записям от 1844 года штабс-капитана Фомакова, в этот период торговля по Сырдарье находилась в руках бухарских, хивинских и кокандских купцов. Бухарские купцы привозили на Перовский рынок тюбетейки и чапаны (Казахско-русские..., 1964: 299). По данным П.И. Пашино, в 1860-х годах в городе Перовском действовали две рыночные ярмарки (Пашино, 1868: 49). На них продавались бухарские и хивинские ткани, ковры, одежда, сухофрукты, свежие фрукты и ягоды, лекарственные растения, краски и др. В отчете Сырдарьинского линейного управления за 1860 год сообщается: «Сырдарьинские казахи используют перевозку верблюдов как дополнительное занятие, доставляют в крепость караваны из соседних ханств». Также в записях уточняется, что казахские купцы из Перовска ездили в Бухару, Хиву и Коканд за товаром и сбывали его на базарах города Перовск.

Общее количество лавок бухарских, кокандских и местных казахских купцов на Перовском рынке равнялось 101, в том числе 44 лавки-юрты казахов. Что касается торговых лавок Форты № 1 (г. Казалы), то их было 100, и они были сооружены преимущественно из юрт. В хрониках сообщается, что торговля велась в основном бухарцами, только 5 торговцев были записаны как хивинцы (Казахско-русские..., 1964: 471-472). Численность торговцев носила непостоянный характер: по завершении торговли один караван возвращался, и на его место прибывал следующий. В зимний период число торговцев увеличивалось, так как присырдарьинский регион был зимним сезонным пастбищем кочевников-скотоводов и они активно обеспечивали торговлю на базаре. Летом с уходом скотоводов на летовку количество торговцев сокращалось.

По данным А. И. Добросмыслова, в 1860 году в Форте №1 насчитывалось 88 торговых точек-лавок, из которых 7 принадлежали русским, 70 – бухарцам, 6 – бухарским евреям, 1 – хивинцам и 4 – казахским купцам. В 1868 году в Перовском уезде насчитывалось 237 торговых точек, из которых 19 принадлежали русским, 121 – бухарцам, 9 – бухарским евреям, 82 – ташкентским сартам и 6 – афганским купцам (Добросмыслов, 1912: 13, 22).

В 1886 году из России через Казалы в Бухару, Хиву, Амударьинский отдел, Сырдарьинскую область, Ферганский и Зеравшанский уезды было вывезено 136 673 пуда товаров на сумму 3 492 264 рубля, а из Центральной Азии в Россию через Казалы было вывезено 177 310 пудов товаров на сумму 3 273 603 рубля (Обзор Сыр-Дарьинской области..., 1888).

Близость города Казалы к реке Сырдарье, Аральскому морю и озеру Камыстыбас (Камбаш), а также расположение на пути караванов, проходивших через Кызылкум и Сырдарью, способствовали превращению города в важный караванный пункт и создали благоприятные условия для развития базара.

Из России вывозились чай, сахар, товары мануфактур, галантерея, бакалея, предметы домашнего обихода, керосин, табак, мука. В Россию вывозились хлопок, ткани, шёлк, каракуль, дублёная кожа, овечьи и козьи шкуры, войлок, шерсть, конские хвосты и гривы, ковры, рыба, мануфактурные изделия (Сазонова, 1978: 95). П. Небольсин отмечал, что «сырдарьинские города имеют большее значение для русской внешней торговли, чем каспийские города» (Небольсин, 1854: 52, 54). Ключевую роль в обеспечении торговых отношений между Россией и городами Сырдарьи играли кызылкумские торговые пути.

В 1910 году в Перовском уезде в качестве торговцев были зарегистрированы 1191 казах, что составляло 7,3 % от числа всех уездных предпринимателей, а в 1911 году в Казалинском уезде –

530 казахов, что составляло 3,4 %. На территории Перовского уезда купцы активно торговали в самом в городе Перовске, а также в Скобелевской, Аламесекской, Жолекской и Жанакорганской волостях, то есть в регионах с развитым оседлым образом жизни (МКЗ, Перовский уезд, 1912: 98; Казалинский уезд, 1913: 72). Овцы, овечья шерсть и овечьи шкуры использовались в качестве обменной стоимости в местной торговле. Торговые пути, направлявшиеся на запад и проходившие через территорию Кызылкума, оказали существенное влияние на развитие торговой активности в Сырдарьинском регионе.

Торговые отношения, связанные с маршрутами через Кызылкум в XVIII – начале XX вв. Транзитные торговые пути эпохи раннего железа и средневековья были широко востребованы и в XVIII–XIX веках. Для уточнения характера и особенностей торговой магистрали через Кызылкум большое значение имеют записи оренбургских военных и русских исследователей. Торговый путь, по которому экспортировались товары в Хиву, Бухару, Ташкент, а также в Европу и Западную Азию, проходил через Казалинский уезд. Основы этой магистрали были заложены еще в эпоху Великого Шелкового пути. Об этом П.И. Рычков писал: «Богатство казахов Младшего жуза заключалось в лошадах и овцах, которые служили основным товаром для торговли с Оренбургом и Хивой» (Рычков, 1887: 101). Сведения Рыčkова указывают на то, что торговые караванные пути из Оренбурга в Хиву проходили через Кызылкум, и в период преобладания кочевого скотоводства основной товар составляли скот и продукты животноводства. Торговый транзит из Узбекистана через Кызылкум имел большое значение и для внешней торговли России.

Главный торговый транзитный путь через Кызылкум под названием «Кызылжол» (Красная дорога) проходил по восточному берегу Аральского моря, низовьям Жанадарьи и вел в Хиву через Даукару. Протяженность торгового пути от Перовска до низовий Амударьи составляла около 577 км. (Россия. Полное географическое описание, 1913: 598).

По сведениям А. Макшеева, длина пути, соединявшего Бухару с Казахской степью, составляла 707 километров. На территории Казахстана этот торговый путь проходил через горы Каратобе, далее вдоль Сырдарьи, затем по руслу Куандарьи, пересекал пески Кызылкума и местность Жузкудук. Более короткий путь, соединявший Хиву с Казахской степью, имел протяженность в 520 километров. Этот маршрут проходил через лог Жаманшыганак в юго-западной части казахских земель (окрестности нижнего течения Сырдарьи), затем адыры Сайкудук, Айыртау, Карабатыр, Белкудук, Кудайжар, Зангар, высохшее русло Жанадарьи, далее шел вдоль побережья озер Даукара, Камыстыбас (Камбаш) и через гору Мангыт вел в Хиву (Макшеев, 1856: 49-50).

По военно-учетным данным Оренбургского войска, путь от города Оренбурга до пустынной равнины Бетпакдала составлял 580 километров. Через Бетпакдалу он вел к форту Перовский. Путь из Орска, пересекавший Каракум, Майлыбас и достигавший Сырдарьи, был протяженностью в 750 километров. Вместе с дорогой по правому берегу Сырдарьи до Перовского форта весь маршрут составлял 970 километров (Мейер, 1865: 52-53).

Далее торговый путь, обеспечивавший Перовский рынок, делился на два направления. Одним из них было Кызылкумовское ответвление, которое также делилось на два маршрута: длинный и короткий:

Длинный – протяженностью в 1000 километров – шел по правому берегу Сырдарьи до крепости Жолек и Туркестана, где вновь делился на два направления: северо-восточном – до Коканда и северо-западном – до Бухары через Ходжент, Уратобе, Самарканд, Зерафшан;

Короткий – протяженностью в 600 километров – вел в Бухару из Перовска через Кызылкум (Мейер, 1865: 52-53).

По информации В.Н. Татищева, расстояние между Оренбургом и приаральскими степями составляло 500–600 километров (Татищев, 1950: 148). По сообщению П. Небольсина расстояние дороги между Орском и крепостью Райым составляла 700 километров (Небольсин, 1854: 55). Путешествие в составе Русского географического общества П. Небольсина по торговому пути Бухара – Троицк занимало 52 дня. Для этого ему нужно было вначале пересечь Сырдарью, далее пройти через Жанакорган, реку Мынбулак у подножия гор Каратау, колодец Дауткожы, мимо озер Теликол и Арыс, через местности Еспе и Калмаккырылган (Небольсин, 1855: 133-134).

В трех километрах от станции Байгекум была расположена крепость Жолек, основанная в 1861 году, в которой действовали несколько торговых лавок, а раз в неделю осуществлялся Жолекский рынок (Россия. Полное географическое..., 1913: 598). В путевых заметках И.И. Зарубина отмечается, что в ней отсутствовали как торговля, так и производство (Зарубин, 1879: 622). Вероятно, такое впечатление сложилось у исследователя потому, что он проезжал через Жолек в тот период, когда кочевники переселялись на летние пастбища. Как уже упоминалось выше, торговля в регионе Сырдарьи оживлялась именно с возвращением кочевников, и, возможно, на момент его посещения экономическая активность временно прекратилась. Подтверждением торговой значимости Жолека служит сделанная статистом А. Фишером фотография «Рынок в Жолеке», демонстрирующая Жолек как крупный торговый центр (Рисунок 1).

Если обратить внимание на описание торгового пути и развития торговли в Форте № 1-Казалы, приведенное в путевых записях П.И. Пашино, то можно отметить, что Форт № 1 был расположен на пересечении двух торговых путей, идущих из Бухары и Хивы. Караванщики проходили через Форт и

направлялись дальше в Уральскую крепость, а затем через Орск и Оренбург – в Россию (Пашино, 1868: 27).



Рис. 1. Базар в Жолеке. 1910 год, ноябрь. Фото А. Фишер (МКЗ, Перовский уезд, 1912: 156а)

Несмотря на то, что пески Кызылкума к югу от форта Перовский затрудняли доступ в Бухару, восточные провинции Бухарского ханства все же направляли туда свои обозы. В 1867 году годовой товарооборот форта превысил 80 тыс. рублей. Среди товаров можно было встретить образцы азиатской мануфактуры, российские железные изделия и местную продукцию (Пашино, 1868: 48).

Протяженность торгового пути Ургенч-Казалы-Иргиз-Орск-Оренбург, проходившего через Казалы, составляла 1400 км. (Сазонова, 1978: 81).

Основываясь на записях Л.Ф. Костенко и П. Небольсина, можно определить следующие направления торговых путей, проходящих через Кызылкум: Хива – Петро-Александровск – Форт № 1 Казалы – Россия; Бухара – Казалы – Оренбург – Омск – Троицк – Петропавловск; Бухара – Перовск – Оренбург – Омск – Троицк – Петропавловск; Бухара – переправа Ушкайык – Оренбург – Омск – Троицк – Петропавловск.

Время в пути между Оренбургом и Бухарой составляло 55–60 дней, между Орском и Бухарой – 45–50, Троицком и Бухарой – 50–55 (Костенко, 1880: II, 2; Небольсин, 1854: 88-89).

Сведения П.С. Палласа о том, что «в Троицке бухарских и хивинских купцов немного, в основном торгуют ташкентские купцы. В Троицке торгуют казахи Среднего жуза, а в Оренбурге – казахи Младшего жуза», подтверждают существование торговых путей, проходивших через Кызылкум, и участие казахов в торговой деятельности (Паллас, 1770: II, 381-382).

Г. Волконский отметил, что казахские племена развивали торговые связи с купцами из Бухары и Троицка. Также он упоминает о том, что торговый путь из Бухары и Хивы вёл в Оренбург, а из Ташкента – в Троицк. Записи Г. Волконского являются важным свидетельством значимости Кызылкума в функционировании торгового движения и роли местных казахов в развитии торговых отношений (Материалы..., 1940: 513-515).

Известный востоковед В.В. Бартольд, основываясь на данных арабских и персидских источников, выдвинул предположение, что путь через низовья Сырдарьи и реку Талас идет на земли кимаков к северу от Иртыша. Кимаки обменивали меха на соль. На севере добываемая в южных солончаковых долинах соль была весьма ценным товаром. В то же время пушнина из северных районов была важна для купцов с юга. По сообщению В.В. Бартольда, торговый путь через Сырдарью от Ферганской границы до родины кимаков торговцы проходили за 30 дней (Бартольд, 1963: 242). Указанный В.В. Бартольдом маршрут пересекал и Кызылкум. Торговые пути через Сырдарью и Кызылкум пролегали не только по территориям с благоприятными природными условиями, но и через песчаные, пустынные регионы, такие как Дариялыктапыр и Арыскум.

5. Заключение

Торговые пути, начинавшиеся в центральноазиатских ханствах, условно подразделяются на Оренбургское, Орское, Троицкое, Омское и Бетпакдалинское направления. Кызылкум выполнял транзитную функцию, обеспечивая связь между Центральной Азией и Европой. Через территорию Кызылкума товары перевозились преимущественно на верблюдах. Необходимость переправы торговых караванов через реку Сыр-Дарья способствовала развитию таких промыслов, как строительство лодок и грузоперевозки. Зимой для переходов по льду сооружались дороги из камыша и ветвей тамариска.

Среди кочевого населения торговля осуществлялась главным образом в форме натурального обмена. В 1905–1906 годах, с вводом в эксплуатацию Оренбургско-Ташкентской железной дороги, Кызылкум утратил свое значение в качестве транзитной торговой зоны. Также прекратили свое существование караванные промыслы *керуенбасылык*, *кіре тарту*, зародившиеся еще в эпоху

Великого Шелкового пути. Строительство Ташкентско-Оренбургской железной дороги придало торговле и грузоперевозкам на равнинах Сырдарьи индустриальный формат. Претерпел изменения характер грузоперевозок: акцент переместился от организации переправы караванов через реку к обслуживанию железнодорожных станций.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2025–2027 гг., ИРН проекта AP26197945 “Этнографическое и этноархеологическое исследование Северного и Южного Кызылкума в этно-экосистеме”.

Литература

Бартольд, 1963 – Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк / Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 471–517.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 458 с.

Гродеков, 1889 – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1. Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина, 1889. 205 с.

Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулиеата, Чимкент. СПб., 1912. 18 с.

Зарубин, 1879 – Зарубин И.И. По горам и степям Средней Азии. Путевые заметки от Москвы до Кульджи // *Русский вестник*. Т. 144. № 12. М., 1879. С. 627–683.

Казахско-русские отношения..., 1964 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Издательство Наука, 1964. 572 с.

Костенко, 1880 – Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанско-военного округа. Материалы для географии и статистики России. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншея, 1880. Т. I. 452 с. + 3 карта; Т. II. 200 с.; Т. III. 307 с.

Материалы по истории..., 1940 – Материалы по истории Казахской ССР. (1785–1828 гг.) Т. IV. М.-Л.: Изд. АНССР. 1940. 543 с. + 1 л. карта.

Макшеев, 1856 – Макшеев А.И. Описание низовьев Сыр-Дарьи // *Морской сборник*. СПб.: В типографии Имп. АН., 1856. С. 448–527.

Мейер, 1865 – Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Ч. 1. Киргизская степь. Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймера, 1865. 288 с. + 12 л. карта + табл.

МКЗ, 1912 – Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Главное управление землеустройства и земледелия Переселенческого управления. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1912. 190 с. + приложение 32 с. + табл. 127 с. + 45 с. + карта 3 лист. (394 с.).

МКЗ, 1913 – Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд. Главное управление землеустройства и земледелия Переселенческого управления. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1913. 148 с. + приложение 1–17., табл. 1+221 + карта 1 лист. (383 с.).

НАУз – Национальный архив Узбекистана.

Народы России..., 1879 – Народы России. Киргизы. Исторический очерк и народный характер. Издание «Досуг и дело». СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1879. 58 с.

Небольсин, 1854 – Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб.: В типографии Штаба Военно-учебных заведений, 1854. 343 с.

Небольсин, 1855 – Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // *ЗИРГО*. Книжка 10. СПб.: В типографии Имп. АН., 1855. 442 с. + 3 л. табл. + 1 карта.

Обзор Сыр-Дарьинской области..., 1888 – Обзор Сыр-Дарьинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора области за 1886 г. Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина, 1888. 385 с.

Паллас, 1770, 1773, 1778 – Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Путешествие 1768–1769 гг. Перевод О. Томский. СПб.: Тип. Имп. АН., 1773. 657 с. + 28 вкл.; Ч. 2. 1770 г. 476 с.; Ч. 3. Вторая половина 1772–1773 годов. Перевод Г. Зуев. 1788, 480 с. + 50 вкл.

Пашино, 1868 – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: 1868. 179 с. + ил. + 1 л. карта.

Россия..., 1913 – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под. ред. П.П. Семенова и академика В.И. Ламанского. Т. XIX. Туркестанский край. Составил князь В.И. Масальский. СПб.: Издание А.Ф. Дефриена, 1913. 861 с. + карта.

Рычков, 1887 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. 2-ое изд. Оренбург: Типография В. Бреслина, 1887. 405 с.

- Сазонова, 1978** – Сазонова М.В. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1978. 97 с.
- Смирнов, 1887** – Смирнов Е. Сырдаринская область. Описание, составленное по официальным источникам. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. 356 с.
- Татищев, 1950** – Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Гос. издательство географической литературы, 1950. 248 с.
- Terekbayeva et al., 2023** – Terekbayeva Zh.M., Beisegulova A.K., Baudiyarova K.B., Yessenamanova A.S. Mastering of Traditional Waterways of Kazakhs // *Bylye Gody*. 2023. 18 (2). Pp. 565-576.

References

- Bartol'd, 1963** – Bartol'd, V.V. (1963). Kirgizy. Istoricheskij ocherk [The Kyrgyz. Historical sketch]. Obshchie raboty po istorii Srednej Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoj Evropy. Soch. T. II. Ch. 1. M. Pp. 471-517. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1912** – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Goroda Syr-Dar'inskoi oblasti. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulieata, Chimkent [Cities of the Syr-Darya region. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulieata, Shymkent]. SPb. 18 p. [in Russian]
- Grodekoy, 1889** – Grodekoy, N.I. (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti. Yuridicheskii byt [Kirghizs and Karakirgizs of the Syrdarya region. Legal life]. T. 1. Tashkent: Tipo-litografiya S.I. Lakhtina. 205 p. [in Russian]
- Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1964** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII-XIX vekakh (1771–1867 gody) [Kazakh-Russian relations in the XVII-XIX centuries (1771–1867)]. Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Izdatel'stvo Nauka, 1964. 572 p. [in Russian]
- Kostenko, 1880** – Kostenko, L.F. (1880). Turkestanskii krai. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestansko-voennogo okruga [Turkestan region. The experience of the military statistical review of the Turkestan Military District]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. SPb.: Tipografiya i khronolitografiya A.Transhelya. T. I. 452 p.+ 3 karta; T II. 200 p.; T. III. 307 p. [in Russian]
- Maksheev, 1856** – Maksheev, A.I. (1856). Opisanie nizov'ev Syr-Dar'I [Description of the lower reaches of the Syr Darya]. *Morskoi sbornik*. SPb.: V tipografii Imp. AN. Pp. 448-527. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1940** – Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. (1785-1828 gg.) [Materials on the history of the Kazakh SSR. (1785-1828)]. T. IV. M.-L.: Izd.ANSSR. 1940. 543 p. + 1 l. karta. [in Russian]
- Meyer, 1865** – Meyer, L. (1865). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. Ch. 1. Kirgizskaya step'. Orenburgskogo vedomstva. SPb.: Tip. E. Veimera. 288 p.+ 12 l karta + tabl. [in Russian]
- MKZ, 1912** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. Syr-Dar'inskaya oblast'. Perovskii uezd. Glavnoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliya Pereselencheskogo upravleniya. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1912. 190 p. + prilozhenie 32 p. + tabl. 127 p. + 45 p. + karta 3 list. (394 p.). [in Russian]
- MKZ, 1913** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. Syr-Dar'inskaya oblast'. Kazalinskii uezd. Glavnoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliya Pereselencheskogo upravleniya. Tashkent: Tipo-litografiya V.M. Il'ina, 1913. 148 p. + prilozhenie 1-17., tabl 1+221 + karta 1 list. (383 p.). [in Russian]
- Narody Rossii..., 1879** – Narody Rossii. Kirgizy. Istoricheskii ocherk i narodnyi kharakter [The peoples of Russia. The Kyrgyz. Historical essay and folk character]. Izdanie «Dosug i delo». SPb: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1879. 58 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1854** – Nebol'sin, P.I. (1854). Rasskazy proezzhego [Stories of a passer-by]. SPb.: V tipografii Shtaba Voennouchebnykh zavedenii. 343 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1855** – Nebol'sin, P.I. (1855). Ocherki torgovli Rossii so Srednei Aziei [Sketches of Russia's trade with Central Asia]. ZIRGO. Knizhka 10. SPb.: V tipografii Imp. AN., 1855. 442 p. + 3 l. tabl + 1 karta. [in Russian]
- Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti..., 1888** – Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti. Prilozhenie k vsepoddaneishemu otchetu voennogo gubernatora oblasti za 1886 g. [An overview of the Syr Darya region. Appendix to the most comprehensive report of the military governor of the region for 1886]. Tashkent: Tipo-litografiya S.I. Lakhtina, 1888. 385 p. [in Russian]
- Pallas, 1773, 1770, 1778** – Pallas, P.S. (1773, 1770, 1778). Puteshestviya po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii. Ch.1. Puteshestvie 1768–1769 gg. Perevod O. Toms'kii [Travels through different provinces of the Russian Empire. Part 1. The journey of 1768–1769]. SPb.: Tip. Imp. AN., 1773. 657 p.+ 28 vkl; Ch. 2. 1770 g. 476 p.; Ch. 3. Vtoraya polovina 1772–1773 godov. Perevod G.Zuev. 1788, 480 p. + 50 vkl. [in Russian]
- Pashino, 1868** – Pashino, P.I. (1868). Turkestanskii krai v 1866 godu [The Urkestan region in 1866. Travel notes]. Putevye zametki. SPb. 179 p. + il + 1 l. karta. [in Russian]
- Rossiia..., 1913** – Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei [Russia. A complete geographical description of our homeland. A desktop and travel book for Russian people]. Pod. red. P.P. Semenova i akademika V.I. Lamanskogo. T.XIX. Turkestanskii krai. Sostavil knyaz' V.I. Masal'skii. SPb.: Izdanie A.F.Defriena, 1913. 861 p.+ karta. [in Russian]

- Rychkov, 1887** – Rychkov, P.I. (1887). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of Orenburg province]. 2-oe izd. Orenburg: Tipografiya V.Breslina. 405 p. [in Russian]
- Sazonova, 1978** – Sazonova, M.V. (1978). Traditsionnoe khozyaistvo uzbekov Yuzhnogo Khorezma [The traditional economy of the Uzbeks of South Khorezm]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otделение. 97 p. [in Russian]
- Smirnov, 1887** – Smirnov, E. (1887). Syrdarinskaya oblast'. Opisanie, sostavlennoe po ofitsial'nym istochnikam [The Syrdarya region. Description based on official sources]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 356 p. [in Russian]
- Tatishchev, 1950** – Tatishchev, V.N. (1950). Izbrannye trudy po geografii Rossii [Selected works on the geography of Russia]. M.: Gos. izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 248 p. [in Russian]
- Terekbayeva et al., 2023** – Terekbayeva, Zh.M., Beisegulova, A.K., Baudiyarova, K.B., Yessenamanova, A.S. (2023). Mastering of Traditional Waterways of Kazakhs. *Bylye Gody*. 18(2): 565-576.
- TsGAUz** – Natsional'nyy arkhiv Uzbekistana National [Archives of Uzbekistan].
- Valikhanov, 1985** – Valikhanov, Ch.Ch. (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. T. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii. 458 p. [in Russian]
- Zarubin, 1879** – Zarubin, I.I. (1879). Po goram i stepyam Srednei Azii. Putevya zametki ot Moskvy do Kul'dzhi [Across the mountains and steppes of Central Asia: Travel notes from Moscow to Kuldzha]. RV. T. 144. 1879 g, dekabr'. 622 p. [in Russian]

Торговые пути через Кызылкум и нижнее течение Сырдарьи, направленные в Россию в XVIII – начале XIX вв.

Айнура Кыдыргалиевна Бейсегулова ^a, Жазира Махмудовна Терекбаева ^{a, *},
Таттигуль Ерсайиновна Картаева ^a, Даулет Жаксымуратулы Жайлыбай ^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье авторами анализируются торговые пути, проходившие через Кызылкум и нижнее течение Сырдарьи в XVIII – начале XIX вв. Особое внимание уделено направлениям, условиям функционирования и участию казахов в организации международных торговых и караванных путей, соединявших Казахстан с государствами Центральной Азии и Россией. Цель исследования – комплексно проанализировать историко-географические и этноэкономические особенности функционирования данных торговых маршрутов.

Методологическую основу работы составляют историко-сравнительный, статистический и историко-системный подходы, а также источниковедческий анализ. Источниковую базу составляют архивные и официальные статистические сборники.

Показано, что изучаемая территория выполняла функцию транзитного пространства. Множество торговых путей, пересекавших реку Сырдарью, соединяли Центральную Азию и Запад, что способствовало экономическому развитию в городах и поселениях, расположенных по берегам реки. Освоение пустынных и водных дорог, распространение торгового дела способствовало развитию среди присырдарьинских казахов разных видов промысла, как «керуенбасылык» (караван-вожатый), «жук тасушылык» (перевозка грузов), «саудагерлік» (торговля). Грузоперевозки дали возможность местному населению заработать дополнительные средства для своего существования. Ответственность за организацию караванной деятельности среди казахов также возлагалась на керуенбасы (управляющего караваном).

Ключевые слова: Кызылкум, караван, торговые пути, базар, грузоперевозки, переправа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: beisegulovaak@gmail.com (А.К. Бейсегулова), terekbaevazhaz@gmail.com (Ж.М. Терекбаева), kartaeva07@gmail.com (Т.Е. Картаева), daulet_87@bk.ru (Д.Ж. Жайлыбай)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 587-596
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.587

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Problematic Aspects of Infrastructure Development and Administrative Structure of Central Russian Cities on the Eve of Catherine the Great's Reforms

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Semyon A. Vyumenkov ^a, Valery N. Belik ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the state of the infrastructure and administrative system of cities in Central Russia in the mid-18th century, on the eve of Catherine the Great's large-scale reforms. The study employs elements of comparative, structural, and descriptive analysis, and draws on previously unpublished materials from the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The data obtained allow us to examine the development of small and medium-sized cities during this period through the lens of institutional inertia and path dependence, consistent with modern approaches to institutional theory. It is shown that by the early 1760s, cities were undergoing a complex transformation shaped by the long-term consequences of the socioeconomic and administrative reforms of Peter the Great's era, as well as the broader cycles of urbanization and state building characteristic of 18th-century Russia. Cities gradually lost their status as instruments of military and political control and began to emerge as administrative centers, but their institutional maturation remained incomplete. Significant infrastructural limitations, personnel shortages, and weak administrative institutions hinder the solution of basic urban governance tasks: dismantling functional fortifications, developing transport and social infrastructure, and modernizing fire protection and law enforcement systems. The study demonstrates that the urban crisis was systemic and structural in nature, largely predetermined by the accumulation of institutional dysfunctions and the inadequacy of urban institutions to new economic and spatial realities. This justifies the radical provincial reform of 1775, aimed at overcoming accumulated institutional inertia. In a broader context, the study's results reveal historical parallels with the contemporary problems of small Russian cities: limited administrative capacity, fragmented infrastructure, functional uncertainty, and demographic vulnerability – characteristics that are still captured by modern methods of analyzing urban dynamics.

Keywords: small towns, Central Russia, 18th century, Catherine II, infrastructure, administrative structure, institutional inertia, economic cycles, spatial development, previous path.

1. Введение

Как правило, при изучении истории российских городов XVIII в., внимание исследователей концентрируется на изучении либо петровских преобразований, либо губернской реформы 1775 г. События, процессы и явления, относящиеся к середине столетия, исследуются скорее по остаточному принципу.

Естественным следствием этого становится, с одной стороны, сокращение объема значимой информации как относительно долгосрочных последствий реформ начала XVIII в., так и мотивации, логики и стартовых условий екатерининских преобразований. Что зачастую препятствует полноценной реконструкции и интерпретации соответствующих событий.

* Corresponding author

E-mail addresses: pseleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), savujmenkov@fa.ru (S.A. Vyumenkov), vnbelik@fa.ru (V.N. Belik)

Следует учесть и то, что траектории развития городов в принципе определяются не только текущими социально-экономическими условиями, но и глубинными историческими механизмами институциональной инерции. Малые города России демонстрируют один из наиболее ярких примеров длительного институционального следствия: многие ограничения, зафиксированные в XVIII веке – административная фрагментация, низкая обеспеченность инфраструктурой, функциональная неопределенность и демографическая уязвимость – продолжают воспроизводиться в XXI в.

Институты изменяются медленно, а их свойства обладают высокой степенью устойчивости во времени. Такая зависимость от предшествующего пути формирует «длинные тени истории», влияющие на современные урбанистические процессы.

Развитие российской городской сети отражает структуру долгосрочных исторических волн, включающих циклы централизации, индустриализации, кризисов и цифровой трансформации.

Целью представленного исследования является сокращение масштабов указанных лакун в степени изученности темы за счет изучения таких аспектов развития российских городов XVIII в., как состояние инфраструктуры и административной системы.

В качестве кейса исследования выбраны города Центральной России – наиболее густонаселенного региона империи, в границах которого функционировала наиболее плотная сеть городов, включая один из двух крупнейших центров урбанизации на общегосударственном уровне – Москву.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счет привлечения ранее не опубликованных делопроизводственных материалов, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Указанные материалы затрагивают вопросы развития городов Московской, Владимирской, Калужской и Ярославской губерний. К ним относятся документы канцелярий генерал-губернаторов и губернаторов, отчеты и деловая переписка глав местных органов управления, обзоры текущего состояния губерний и расположенных на их территории городов в конкретные периоды, проекты решений, предписаний и инструкций центральных органов власти, а также материалы ревизий, доклады Сената и генерал-прокуроров. Соответствующий корпус источников был сформирован за счет обращения к материалам фондов коллекции Государственного архива Российской империи по вопросам внутреннего управления (хранящейся в РГАДА) и Сысного приказа.

Методологическая основа исследования была выстроена путем сочетания элементов структурного, сравнительного и дескриптивного анализа. Применение структурного анализа дало возможность выделить и выстроить в рамках единой системы базовые элементы городской инфраструктуры и системы управления. Равным образом его применение позволило выделить основные этапы и направления в рамках анализа степени изученности темы. Использование сравнительного анализа дало возможность сопоставить состояние изучаемых городов в рассматриваемый период с типовой моделью города нового времени, а также рассмотреть в диахронном ключе трансформацию инфраструктурной среды и административной системы городов. Дескриптивный анализ позволил интегрировать описание всех элементов предмета исследования, проследить их системное взаимодействие и интерпретировать состояние городов на разных этапах исследуемого периода с учетом конкретноисторического контекста.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема активно исследовалась в формально-юридическом ключе. При этом внимание акцентировалось на содержании нормативно-правовых актов, а не на правоприменительной практике (Голубев, 1884; Григорьев, 1910; Дитятин, 1875; Кизеветтер, 1909; Малиновский, 1992). Также источниковый материал вводился в научный оборот за счет освещения истории развития культурной инфраструктуры городов (Александров, 1879; Асонов, 1911) и в порядке подготовки справок к статистическим очеркам (Герман, 1808). При этом проведение исследований существенно затруднял разрозненный характер размещения делопроизводственных материалов в архивах: зачастую документы ошибочно помещались в фонды, относящиеся к иным органам власти и территориям, следствием чего становилось возникновение существенных лакун и барьеров для проведения компаративного анализа источников. Ситуацию также существенно осложняли значимые недостатки функционирования архивных учреждений, обусловленные отсутствием комплементарной финансовой и кадровой базы.

Таким образом, в рамках работ дореволюционных авторов были решены базовые задачи источниковедческой эвристики темы. В то же время на данном этапе развития историографии темы были сравнительно мало освоены связанные с нею пласты архивных материалов, что способствовало возникновению значимых пробелов в изучении темы. Также для исследований данного периода характерно преобладание работ формально-юридического профиля, авторы которых фокусировали внимание на изучении законодательных актов, исследуя их реализацию на практике скорее по остаточному признаку.

Для работ советского периода характерно смещение фокуса внимания исследователей в сторону изучения социально-экономических процессов в городах, в первую очередь – в контексте вопросов о трансформации классовой структуры и развития торговли (Клокман, 1960; Клокман, 1967; Миронов, 1990; Рындзюнский, 1958a; Рындзюнский, 1958b; Рындзюнский, 1976) и эволюции градостроительства (Сытин, 1954; Кириллов, 1980). Также тема получила освещение в рамках краеведческих изысканий (Истомина, 1972; Сытин, 1952; Тиц, 1969; Федотова, 1987) и изучения развития городской правоохранительной системы (Гернет, 1951). При этом ключевое значение придавалось изучению практики реализации инициатив центральных органов власти на местах сквозь призму сравнения делопроизводственных документов разных уровней и с учетом контекста социокультурной динамики.

Среди достоинств работ данного периода можно отметить концептуальность, использование широких комплексов источников (включая археологические данные) и повышенное внимание к роли институтов. В то же время необходимо отметить и наличие существенных недостатков, связанных с необходимостью следовать историографической традиции правящей партии, а также использовать связанные с официальной идеологией теоретико-методологические подходы.

В постсоветский период заявленная тема изучалась преимущественно в рамках таких исследовательских направлений, как история повседневности (Акельев, 2012; Козлова, 2010; Куприянов, 2007; Миненко и др., 2006; Закурдаев, 2013) и изучения эволюции административных систем (Анисимов, 2006; Каменский, 2003; Писарькова, 2007; Морозов, 2012).

Было опубликовано множество исследований по истории конкретных городов (Пухов, 2015) или систем поселений отдельных регионов (Разгон, 1999; Симонова, 2005; Скубневский, Гончаров, 2003), а также работ, посвященных историографии темы (Андреев, 2003; Юркина, 2004).

В работах данного периода широкое освещение получил вопрос о роли неформальных институтов в развитии городов, было подробно изучено участие конкретных политических деятелей в планировании и реализации реформ и программ развития городов. За счет ввода в научный оборот широкого пласта ранее не опубликованных документов была существенно расширена источниковая база изучения темы. Последнее, помимо прочего, позволило существенным образом нивелировать влияние таких проблем в рамках исследования соответствующей проблематики, как рассеянный характер архивных материалов и смешение делопроизводственных документов органов власти разных губерний.

В то же время необходимо отметить достаточно небольшое число концептуальных, обобщающих исследований, а также наличие структурных перекосов в рамках освещения истории конкретных групп городского населения.

4. Результаты

К середине XVIII столетия российские города переживали период затяжной трансформации. Ключевой проблемой данного исторического отрезка являлась неопределенность самого типологического статуса города. Он еще не сформировался окончательно как административный центр периода нового времени и сохранял в себе черты укрепленного опорного поселения, его функции оставались размытыми, а инфраструктурная среда и административная система зачастую находились еще на стадии становления. Ситуация, сложившаяся к началу 1760-х годов, характеризовалась глубоким противоречием между потребностями развивающегося государства, нуждавшегося в эффективных опорных пунктах власти на местах, и реальным состоянием городской инфраструктурной и административной среды. Система городского управления, не обеспеченная релевантной ресурсной базой, объективно не справлялась с поставленными перед ней задачами, в особенности – в части поддержания и наращивания социально-экономического и культурного потенциала соответствующих поселений. Остро ощущалась потребность в создании современных управленческих институтов и формировании материально-технической базы, способных обеспечить выполнение городом его все более усложняющихся функций.

Анализ состояния городской сети Центральной России позволяет констатировать ее частичную стагнацию в период, непосредственно предшествовавший екатерининским реформам. На территории Волго-Окского междуречья насчитывалось 32 городских центра (включая Москву). Таким образом, численность городов по сравнению с началом столетия почти не изменилась (Анисимов, 2006: 152).

Характерной чертой городов того времени являлось сохранение милитаризованного характера поселений, утративших свое реальное стратегическое значение. Из упомянутой группы городов 20 поселений, несмотря на свое расположение вдали от зоны пограничья и потенциальных источников угрозы, продолжали содержать крепостные сооружения, гарнизоны и склады с вооружением и боеприпасами. Эта инерция военного прошлого преодолевалась крайне медленно, и окончательный отказ от содержания внутренних крепостей произошел лишь к самому концу XVIII в. (Дитятин, 1875: 10; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 926. Л. 2–20б.)

Наличие фортификационных сооружений оказывало существенное влияние на морфологию города. Структура поселения формировалась вокруг укрепления, к которому примыкали «подгородные» слободы и села. По мере роста города эти территории обносились новыми поясами

стен, получая статус посадов. (Классическим примером реализации данного алгоритма эволюции городов является радиально-кольцевая планировка Москвы, сформированная последовательным развитием Китай-города, Белого и Земляного городов) (Григорьев, 1910: 17).

Однако к середине XVIII в. городские укрепления превратились в препятствие для пространственного и экономического развития. Стены и валы мешали естественному росту городского пространства, особенно для тех поселений, которые оказались в глубине территории страны и на практике утратили необходимость поддерживать оборонительные функции. Символичным завершением этого процесса стало превращение старых крепостных стен во многих городах в бульвары в конце XVIII в. Этот процесс во многом отображал семантический сдвиг в понимании термина «город» в России, переход от обозначения при помощи данной дефиниции укрепленного поселения к маркировке административного, экономического и культурного центра с особой социальной средой и заданным ею образом жизни (Каменский, 2003: 89; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 125).

Система управления уездными и провинциальными городами Центральной России в середине XVIII в. сохраняла черты, присущие еще административной системе конца предшествующего столетия. Центральной фигурой в системе местной власти оставался воевода (данная должность была упразднена лишь 7 ноября 1775 г.). Несмотря на петровские реформы и введение магистратов как органов сословного самоуправления, их деятельность находилась под жестким контролем городской администрации. Государственная политика в отношении муниципальной автономии отличалась непоследовательностью: курс на ее расширение периодически сменялся существенным ограничением полномочий местных выборных органов (Клокман, 1967: 35-37).

При этом сфера компетенции воеводы была чрезвычайно широкой и охватывала практически все сферы жизни города: от осуществления административно-полицейского надзора и проведения судебных разбирательств до контроля за сбором налогов и охраны природных ресурсов (в случае Центральной России в этом качестве выступали чаще всего заповедные леса на территории соответствующей юрисдикции). Кадровый состав воеводского корпуса формировался преимущественно за счет рекрутирования отставных военных. Как правило, речь шла о бывших офицерах, имевших чин не ниже полковника в случае административных центров провинций, и отставных капитанах и майорах в уездных городах (Миронов, 1990: 54).

Критическим фактором, снижавшим эффективность управления, являлся острый кадровый голод: немногочисленные штаты чиновников воеводских канцелярий были вынуждены обслуживать огромные территории, что создавало колоссальную нагрузку на местный бюрократический аппарат.

Так, штат Дмитровской воеводской канцелярии в 1730-е годы состоял всего из 16 человек, включая канцеляристов и копиистов. В Боровске персонал воеводской канцелярии насчитывал 12 сотрудников. Даже в относительно крупных центрах, близких к Москве, таких как, например, Серпухов, накануне губернской реформы 1775 г. управленческий аппарат, включая военную команду и служителей различных ведомств, не превышал 60 человек. При этом непосредственно канцелярским делопроизводством занималось чуть более десяти служащих (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 87, 91, 102).

Материально-техническая база системы городского управления также находилась в неудовлетворительном состоянии. Административная инфраструктура часто ограничивалась деревянными зданиями канцелярии и магистрата. Показательно, что даже высшие должностные лица уезда – воевода и его заместитель («товарищ») – зачастую не имели казенного жилья и были вынуждены снимать квартиры у местных жителей. Подобная практика, зафиксированная, например, в отчетах за 1775 г., была типичной для городов Центральной России и создавала почву для коррупции и зависимости власти от местного населения (Григорьев, 1910: 14, 15).

Город как экономический центр обязан был обеспечивать функционирование транспортной системы региона. Располагаясь на пересечении торговых путей и водных артерий, города несли ответственность за содержание мостов и переправ. Однако состояние этой критически важной инфраструктуры оставалось неудовлетворительным.

В большинстве городов, включая крупные торговые центры, отсутствовали постоянные мостовые сооружения. Например, в Ярославле мост через реку Которосль, связывавший город с московским трактом, был временным и ежегодно разрушался в период весеннего половодья, что приводило к регулярным перебоям в транспортном сообщении. В малых городах транспортная связность территорий в целом носила сезонный и крайне ненадежный характер (Дитятин, 1875: 27, 28).

Пожары представляли собой главную угрозу для безопасности и материального благосостояния жителей городов Центральной России середины XVIII в. Деревянная застройка, скученность населения и отсутствие должного административного обеспечения мер предосторожности приводили к тому, что огонь регулярно уничтожал целые кварталы и поселения. Несмотря на осознание угрозы, системные меры борьбы с огнем не предпринимались. В городах не существовало профессиональных пожарных команд. Тушение пожаров осуществлялось силами гарнизонов (при их наличии) и самих жителей, действовавших, как правило, стихийно, вне контекста какой-либо организационной модели. Техническое оснащение гарнизонов для борьбы с пожарами было явно недостаточным. Например,

во Владимире, являвшемся губернским административным центром, даже в 1781 г. весь пожарный инвентарь состоял из двух старых медных труб, которые в ходе проверки были признаны непригодными к использованию из-за ветхости (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 320б., 41, 42, 47–51).

Система пожарного надзора и предотвращения огня фактически отсутствовала. Жители, несмотря на постоянную угрозу потери имущества и жизни, не предпринимали превентивных мер по устранению причин возгорания, что свидетельствует о низком уровне культуры безопасности городского населения (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 128).

Формирование регулярных полицейских органов, начатое Петром I, к середине XVIII в. так и не было завершено. Как отмечал новгородский наместник Я.Е. Сиверс, в управляемом им регионе полиция как организованная структура отсутствовала: ее сотрудники не имели ни постоянного жалования, ни четкой ведомственной принадлежности (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. III. Л. 143об.).

Даже в Москве имели место серьезные проблемы в плане организации и обеспечения работы полиции. Ревизии показывали, что личный состав столичной полиции комплектовался по остаточному принципу. Проверки вскрыли практику массового приема на службу иностранцев, включая выходцев из Молдавии, Валахии и Польши, что порождало конфликты с местным населением на этноконфессиональной почве (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 2).

Государство перекладывало значительную часть полицейских функций на городские общины. Охрана правопорядка и благочиния осуществлялась на основе метода круговой поруки: домовладельцы были обязаны выставлять ночные караулы, устанавливать рогатки на улицах и следить за появлением подозрительных лиц. Жители, исполнявшие обязанности десятских и пятидесятских, на практике выполняли работу правоохранительных органов, вплоть до задержания опасных преступников (Голубев, 1884: 39, 40).

Институциональная слабость правоохранительной системы проявлялась и в состоянии ее материальной базы. Разбойный приказ – главный орган уголовного розыска – в начале столетия размещался в непригодных помещениях в центре города, а затем был переведен на окраину столицы в ветхие здания бывшего житного двора. Отсутствие нормальных условий работы напрямую сказывалось на эффективности борьбы с преступностью (Акельев, 2012: 19–24).

Попытки реформирования полиции предпринимались на протяжении всего столетия. Однако эти инициативы, как правило, ограничивались столицами и носили проектный характер. Инструкции для полиции («Пункты») были фрагментарными и не охватывали всего спектра ее задач. Из-за нехватки специализированных помещений заключенных часто содержали не в тюрьме-остроге, а в административных зданиях – секретарских и подъяческих палатах, что дезорганизовывало работу соответствующих учреждений (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2508. Л. 20б.).

Городская судебная система также характеризовалась низкой эффективностью. Практика судопроизводства XVIII в. была тесно связана с практикой искусственного затягивания сроков разбирательства. Дела рассматривались годами, а исполнение приговоров могло затягиваться на неопределенный срок. Даже Сенат был вынужден признавать факты чрезмерной бюрократической медлительности, когда дела осужденных оставались без движения годами (что подрывало авторитет власти) (Дитятин, 1875: 23).

Проблема низкого качества системы общественного призрения в городах стояла чрезвычайно остро. Крупные городские центры притягивали массы социально незащищенных людей в силу высокой степени концентрации потенциальных благотворителей. Однако система общественного призрения, базировавшаяся на церковной благотворительности и частных пожертвованиях, не обладала достаточными ресурсами. Монастыри, переориентированные Петром I на помощь отставным военным, также не располагали соответствующими материальными возможностями (Козлова, 2010: 54, 56, 90, 188, 189).

Богадельни, существовавшие при церквях или созданные меценатами (как в Ярославле), предоставляли зачастую лишь помещения для сна. Пропитание и одежду призреваемые должны были добывать самостоятельно, в основном подаянием. В результате даже в богатых городах значительная часть социально незащищенных слоев населения, включая детей-сирот, не получала адекватной помощи. Единой государственной системы социальной помощи не существовало до екатерининских реформ (Козлова, 2010: 91).

Система здравоохранения в большинстве городов лишь начинала формироваться. Даже после учреждения врачебных должностей в ходе губернской реформы соответствующие вакансии оставались в течение длительного времени незаполненными из-за отсутствия достаточного числа специалистов. Следствием этого были частые эпидемии и высокий уровень смертности. Ситуация усугублялась низким уровнем санитарной культуры и невежеством горожан, которые порой активно сопротивлялись медицинским мерам, требуя удаления врачей из городов, как это отражено, например, в наказах Уложенной комиссии (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 118).

Образование также носило фрагментарный и сословный характер. Школы открывались преимущественно по инициативе частных лиц или церкви и часто закрывались из-за отсутствия учеников или средств. Петровская система цифирных и гарнизонных школ к середине века пришла в

упадок. Наиболее стабильными образовательными учреждениями оставались духовные семинарии и немногочисленные гарнизонные школы (Анисимов, 2006: 155).

Москва выделялась на этом фоне наличием Университета (с 1755 года) и ряда специализированных школ, однако в масштабах Центральной России в целом возможности для получения образования были крайне ограничены. Острая нехватка образованных кадров тормозила развитие государственного аппарата и экономики, требуя от правительства системных решений, которые начали реализовываться лишь во второй половине столетия (Клокман, 1967: 72).

Внешний облик и санитарное состояние многих городов в середине XVIII века оставались архаичными. Москва, несмотря на столичный статус, сохраняла черты допетровской эпохи с хаотичной застройкой и отсутствием регулярной планировки. Отсутствие благоустройства усугублялось антисанитарией. Регулярный вывоз мусора не практиковался. Даже в центре Москвы, в том числе – у стен Кремля и в Китай-городе, регулярно скапливались горы отходов и навоза. Ревизии, проводившиеся перед высочайшими визитами, вскрывали факты крайней запущенности городских территорий, когда площади и входы в соборы были завалены мусором. В уездных городах крепостные рвы зачастую превращались в сточные канавы, а валы – в свалки (Дитятин, 1875: 12).

Городское освещение также только начинало организовываться на должном уровне. Обязанность освещать улицы возлагалась на жителей, которых принуждали выставлять свечи в окнах домов, выходящих на главные улицы. Это решение было неэффективным и ненадежным. Попытки обязать граждан ходить в темное время суток с фонарями были достаточно быстро прекращены по причине роста из-за пожарной опасности (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2505. Л. 41–43).

5. Заключение

Таким образом, к моменту восшествия на престол Екатерины II города Центральной России находились в состоянии трансформационного кризиса, охватывавшего все сферы городской жизни – от модели градостроительства до социального обеспечения.

Сама морфология городов региона мало соответствовала задачам экономического развития. Сохранение крепостных стен, рвов и валов в глубоком тылу не только не укрепляло безопасность городов, но и физически блокировало расширение их пространства и формирование правильной уличной сети.

Институт воевод, обремененный широчайшим спектром обязанностей, был малоэффективен по причине отсутствия должного ресурсного обеспечения. Административная система в целом страдала от отсутствия релевантной кадровой базы. Ситуация усугублялась отсутствием достаточной материальной базы, включая здания и помещения.

Инфраструктурный каркас городов не обеспечивал многих базовых потребностей населения и экономики. Транспортная связность территорий носила сезонный характер из-за относительной немногочисленности стационарных мостов. Санитарное состояние городов нередко было неудовлетворительным. Имела место проблема слабой защищенности городской среды от пожаров. Медицинские, социальные и правоохранительные институты государства в городе находились на стадии становления.

Комплекс этих факторов сформировал объективный запрос на реформы Екатерины II, целью которых стало не просто улучшение управления, а фактическое преобразование города на регулярных началах, превращение его в упорядоченный административный, хозяйственный и культурный центр современного типа.

Историческая ретроспектива позволяет увидеть, что инфраструктурная уязвимость, слабость институтов местного управления и функциональная неопределённость городов – не новые явления, а устойчивые структурные характеристики российских малых городов. Это подчеркивает необходимость глубинного изучения исторических параллелей при внедрении современного стандартизированного инструментария стратегирования, а также институционализации подходов в рамках реализации стратегии пространственного развития России и ее плана реализации.

Историческая реконструкция городской проблематики XVIII века показывает, что современные малые города России находятся в состоянии институциональной инерции, сформировавшейся на протяжении нескольких циклов государственного строительства и экономического развития. Слабость административной емкости, инфраструктурные долги, зависимость от внешнего управления и невысокая экономическая диверсификация – характеристики, имеющие глубокие исторические корни. Именно поэтому даже для современных малых городских поселений критически важны стандартизированные инструменты стратегирования, позволяющие преодолевать длительную историческую петлю институциональных ограничений.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2026 год.

The research was supported by the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2026.

Литература

- Акельев, 2012** – Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.
- Александров, 1879** – Александров Г.Н. К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // Русский архив. Т. 4. 1879. С. 523-524.
- Андреев, 2003** – Андреев Н.В. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003.
- Анисимов, 2006** – Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II / Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 150-174.
- Ассонов, 1911** – Ассонов В.И. К истории театра в Калуге // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 56-69.
- Герман, 1808** – Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии, сочиненное Карлом Германом. СПб.: Императорская Академия наук, 1808.
- Гернет, 1951** – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951.
- Голубев, 1884** – Голубев А.А. Сыскай приказ. Общественный быт и судопроизводство: по документам Московского архива Министерства юстиции. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1884.
- Градостроительство..., 2011** – Градостроительство Сибири. СПб., 2011.
- Григорьев, 1910** – Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская скоропечатня, 1910.
- Дитятин, 1875** – Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875.
- Закурдаев, 2013** – Закурдаев И.В. Владимирский централ: история Владимирской тюрьмы. М., 2013.
- Истомина, 1972** – Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. Новгород, 1972.
- Каменский, 2003** – Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века / Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 88-92.
- Кизеветтер, 1909** – Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт ист. комментария. М., 1909.
- Кириллов, 1980** – Кириллов В.В. Архитектура и градостроительство Подмоскovie (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 120-132.
- Клокман, 1960** – Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М., 1960.
- Клокман, 1967** – Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967.
- Козлова, 2010** – Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
- Куприянов, 2007** – Куприянов А.И. Городская культура русской провинции, конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007.
- Малиновский, 1992** – Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992.
- Миненко и др., 2006** – Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.
- Миронов, 1990** – Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
- Морозов, 2012** – Морозов А.Ю. Самоуправление в Российской империи на стыке власти и общества / Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 83-91.
- Писарькова, 2007** – Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007.
- Пухов, 2015** – Пухов В.А. История города Калуги. Калуга, 2015.
- Разгон, 1999** – Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рындзюнский, 1958a** – Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- Рындзюнский, 1958b** – Рындзюнский П.Г. Новые города России в конце XVIII в. / Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1958. С. 359-370.
- Рындзюнский, 1976** – Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 105-127.
- Симонова, 2005** – Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула, 2005.
- Скубневский, Гончаров, 2003** – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003.

- Сытин, 1952** – *Сытин П.В.* Из истории московских улиц: (очерки). Изд. 2-е, пересмотр. и доп. М., 1952.
- Сытин, 1954** – *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. М., 1954.
- Тиц, 1969** – *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969.
- Федотова, 1987** – *Федотова Т.П.* Вокруг Ростова Великого. М., 1987.
- Четырина, 2006** – *Четырина Н.А.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв.: (посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006.
- Юркина, 2004** – *Юркина О.Г.* Понятие «сибирская слобода» в отечественной историографии / *Политология и политический процесс: сборник статей.* Барнаул, 2004. С. 129-133.

References

- Akel'ev, 2012** – *Akel'ev, E.V.* (2012). Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina [Everyday life of the Moscow criminal world in the times of Vanka Kain]. M. [in Russian]
- Aleksandrov, 1879** – *Aleksandrov, G.N.* (1879). K stoletnemu yubileyu Moskovskogo dvoryanskogo kluba [On the centenary of the Moscow Nobility Club]. *Russkiy arkhiv.* 4: 523-524. [in Russian]
- Andreev, 2003** – *Andreev, N.V.* (2003). Metodologiya i istoriya otechestvennoy istoriografii razvitiya gorodov i gorodskogo khozyaystva Rossii posledney chetverti XVIII – pervoy poloviny XIX v. [Methodology and history of domestic historiography of the development of cities and urban economy in Russia in the last quarter of the 18th – first half of the 19th century]. Ekaterinburg; Perm'. [in Russian]
- Anisimov, 2006** – *Anisimov, E.V.* (2006). Reformy Ekateriny II [Reforms of Catherine II]. *Vlast' i reformy: ot samoderzhavnoy k Sovetskoy Rossii.* Pp. 150-174. M. [in Russian]
- Assonov, 1911** – *Assonov, V.I.* (1911). K istorii teatra v Kaluge [On the history of the theater in Kaluga]. *Izvestiya Kaluzhskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* XXI: 56-69. [in Russian]
- Chetyrina, 2006** – *Chetyrina, N.A.* (2006). Sergievskiy posad v kontse XVIII – nachale XIX vv.: (posad kak tip gorodskogo poseleniya) [Sergiev Posad in the late 18th – early 19th centuries: (posad as a type of urban settlement)]. M.; SPb. [in Russian]
- Dityatin, 1875** – *Dityatin, I.I.* (1875). Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii [Organization and administration of cities in Russia]. SPb. [in Russian]
- Fedotova, 1987** – *Fedotova, T.P.* (1987). Vokrug Rostova Velikogo [Around Rostov the Great]. M. [in Russian]
- German, 1808** – *German, K.F.* (1808). Statisticheskoe opisanie Yaroslavskoy gubernii, sochinennoe Karlom Germanom [Statistical description of the Yaroslavl province, composed by Karl German]. SPb. [in Russian]
- Gernet, 1951** – *Gernet, M.N.* (1951). Istoriya tsarskoy tyur'my [History of the tsarist prison]. M. [in Russian]
- Golubev, 1884** – *Golubev, A.A.* (1884). Sysknoy prikaz. Obshchestvennyy byt i sudoproizvodstvo: po dokumentam Moskovskogo arhiva Ministerstva yustitsii [Investigation Order. Social life and judicial proceedings: according to documents of the Moscow Archive of the Ministry of justice]. M. [in Russian]
- Gradostroitel'stvo Sibiri, 2011** – *Gradostroitel'stvo Sibiri* [Urban planning of Siberia]. SPb. 2011. [in Russian]
- Grigor'ev, 1910** – *Grigor'ev, V.* (1910). Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II: (Uchrezhdenie o guberniyah 7 noyabrya 1775 g.) [Reform of local government under Catherine II: (Institution of provinces November 7, 1775)]. SPb. [in Russian]
- Istomina, 1972** – *Istomina, E.G.* (1972). Granitsy, naselenie, goroda Novgorodskoy gubernii (1727–1917 gg.): ocherki po administrativno-territorial'nomu deleniyu [Borders, population, cities of the Novgorod province (1727–1917): essays on administrative-territorial division]. Novgorod. [in Russian]
- Kamenskiy, 2003** – *Kamenskiy, A.B.* (2003). Tsentral'noe i mestnoe upravlenie i territorial'noe ustroystvo v kontekste reform XVIII veka [Central and local administration and territorial structure in the context of 18th-century reforms]. *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Rossii. Istoriya i sovremennost'.* Pp. 88-92. M. [in Russian]
- Kirillov, 1980** – *Kirillov, V.V.* (1980). Arhitektura i gradostroitel'stvo Podmoskov'ya (kartina razvitiya s XIV v. do 1917 g.) [Architecture and urban planning of the Moscow region (a picture of development from the 14th century to 1917)]. *Russkiy gorod.* 3: 120-132. M. [in Russian]
- Kizevetter, 1909** – *Kizevetter, A.A.* (1909). Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 g.: opyt ist. kommentariya [City regulation of Catherine II 1785: experience of historical commentary]. M. [in Russian]
- Klokman, 1960** – *Klokman, Yu.R.* (1960). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii gorodov severozapada Rossii v seredine XVIII v. [Essays on the socio-economic history of cities in north-western Russia in the middle of the 18th century]. M. [in Russian]
- Klokman, 1967** – *Klokman, Yu.R.* (1967). Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda, vtoraya polovina XVIII veka [Socio-economic history of the Russian city, second half of the 18th century]. M. [in Russian]

- [Kozlova, 2010](#) – Kozlova, N.V. (2010). Lyudi dryahlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka [Decrepit, sick, wretched people in Moscow of the 18th century]. M. [in Russian]
- [Kupriyanov, 2007](#) – Kupriyanov, A.I. (2007). Gorodskaya kul'tura russkoy provintsii, konets XVIII – pervaya polovina XIX veka [Urban culture of the Russian province, late 18th – first half of the 19th centuries]. M. [in Russian]
- [Malinovskiy, 1992](#) – Malinovskiy, A.F. (1992). Obozrenie Moskvy [Review of Moscow]. M. [in Russian]
- [Minenko i dr., 2006](#) – Minenko, N.A., Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V. (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka [Everyday life of the Ural city in the 18th – early 20th centuries]. M. [in Russian]
- [Mironov, 1990](#) – Mironov, B.N. (1990). Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye [Russian city in the 1740–1860s: demographic, social and economic development]. Leningrad. [in Russian]
- [Morozov, 2012](#) – Morozov, A.Yu. (2012). Samoupravlenie v Rossiyskoy imperii na styke vlasti i obshchestva [Self-government in the Russian Empire at the junction of power and society]. *Territoriya i vlast' v novoy i noveyshey istorii Rossiyskogo gosudarstva*. Pp. 83-91. M. [in Russian]
- [Pisar'kova, 2007](#) – Pisar'kova, L.F. (2007). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka: evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: evolution of the bureaucratic system]. M. [in Russian]
- [Puhov, 2015](#) – Puhov, V.A. (2015). Istoriya goroda Kalugi [History of the city of Kaluga]. Kaluga. [in Russian]
- [Razgon, 1999](#) – Razgon, V.N. (1999). Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Siberian merchants in the 18th – first half of the 19th century]. Barnaul. [in Russian]
- [RGADA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- [Ryndzyunskiy, 1958a](#) – Ryndzyunskiy, P.G. (1958). Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii [Urban citizenship of pre-reform Russia]. M. [in Russian]
- [Ryndzyunskiy, 1958b](#) – Ryndzyunskiy, P.G. (1958). Novye goroda Rossii v kontse XVIII v. [New cities of Russia in the late 18th century]. *Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran*. Pp. 359-370. M. [in Russian]
- [Ryndzyunskiy, 1976](#) – Ryndzyunskiy, P.G. (1976). Osnovnye faktory gorodoobrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. [Main factors of city formation in Russia in the second half of the 18th century]. *Russkiy gorod*. 1: 105-127. M. [in Russian]
- [Simonova, 2005](#) – Simonova, E.V. (2005). Provintsial'nye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke [Provincial cities of the Tula province in the 19th century]. Tula. [in Russian]
- [Skubnevskiy, Goncharov, 2003](#) – Skubnevskiy, V.A., Goncharov, Yu.M. (2003). Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul. [in Russian]
- [Syтин, 1952](#) – Syтин, P.V. (1952). Iz istorii moskovskikh ulits: (ocherki) [From the history of Moscow streets: (essays)]. M. [in Russian]
- [Syтин, 1954](#) – Syтин, P.V. (1954). Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy: materialy i issledovaniya [History of planning and building of Moscow: materials and research]. M. [in Russian]
- [Tits, 1969](#) – Tits, A.A. (1969). Po okrainnym zemlyam vladimirskim (Vyazniki, Mstera, Gorohovets) [Along the outskirts of Vladimir lands (Vyazniki, Mstera, Gorokhovets)]. M. [in Russian]
- [Yurkina, 2004](#) – Yurkina, O.G. (2004). Ponyatie «sibirskaya sloboda» v otechestvennoy istoriografii [The concept of "Siberian sloboda" in domestic historiography]. In: *Politologiya i politicheskii protsess*. Pp. 129-133. Barnaul. [in Russian]
- [Zakurdaev, 2013](#) – Zakurdaev, I.V. (2013). Vladimirskiy tsentral: istoriya Vladimirskoy tyur'my [Vladimir Central: history of the Vladimir prison]. M. [in Russian]

Проблемные аспекты развития инфраструктуры и административного устройства городов Центральной России в преддверии екатерининских реформ

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Семен Алексеевич Вуйменков ^a, Валерий Николаевич Белик ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. Представленная работа посвящена анализу состояния инфраструктуры и системы административного устройства городов Центральной России в середине XVIII в., накануне масштабных преобразований Екатерины II. В исследовании применяются элементы сравнительного,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pseleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), savujmenkov@fa.ru (С.А. Вуйменков), vnbelik@fa.ru (В.Н. Белик)

структурного и дескриптивного анализа, а источниковая база сформирована за счёт привлечения ранее не опубликованных материалов РГАДА. Полученные данные позволяют рассматривать развитие малых и средних городов данного периода через призму институциональной инерции и зависимости от предшествующего пути, что согласуется с современными подходами институциональной теории. Показано, что к началу 1760-х гг. города проходили сложный процесс трансформации, обусловленный долгосрочными последствиями социально-экономических и административных реформ Петровской эпохи, а также более широкими циклами урбанизации и государственного строительства, характерными для России XVIII столетия. Города постепенно утрачивают статус инструментов военно-политического контроля и начинают формироваться как административные центры, однако процесс их институционального созревания остаётся незавершённым. Существенные инфраструктурные ограничения, кадровый дефицит и слабость управленческих институтов препятствуют решению базовых задач городского управления: демонтажу утративших функционал оборонительных сооружений, развитию транспортной и социальной инфраструктуры, модернизации систем противопожарной защиты и обеспечения правопорядка. Работа показывает, что кризис городской среды носил системный и структурный характер, во многом предопределённый накоплением институциональных дисфункций и несоответствием городских институтов новым экономическим и пространственным реалиям. Это делает оправданным проведение радикальной губернской реформы 1775 г., направленной на преодоление накопленной институциональной инерции. В более широком контексте результаты исследования позволяют выявить исторические параллели с современными проблемами малых городов России: ограниченной административной емкостью, фрагментарностью инфраструктуры, функциональной неопределённостью и демографической уязвимостью – характеристиками, которые и сегодня фиксируются современными методиками анализа городской динамики.

Ключевые слова: малые города, Центральная Россия, XVIII в., Екатерина II, инфраструктура, административное устройство, институциональная инерция, экономические циклы, пространственное развитие, предшествующий путь.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 597-608
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.597

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Baron Igelstrom's "Reforms": The Experience of Integrating Kazakh Lands into the Russian Empire at the end of the 18th century

Nikolay S. Lapin ^{a, *}

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the activities of Baron Osip Andreevich Igelstrom, the governor of Ufa and Simbirsk (military governor of Orenburg), in connection with the development of Kazakh-Russian relations at the end of the 18th century. In historiography, his measures are known as the "Igelstrom reforms," which are often viewed in a limited way and associated mainly with an attempt to "eliminate khanate power" among the Kazakhs of the Little Horde. However, as an analysis of sources shows, the institution of khanate power among the Kazakhs was not eliminated during the Igelstrom reforms. During the "Igelstrom reforms," several proposals were put forward, most of which were approved by the central government and partially implemented. The proposals themselves covered a variety of areas and, in addition to the creation of new administrative institutions and the establishment of regular interaction with Kazakh political forces in the region, also included issues of trade development, land use in the region, confessional policy, and several others.

The work is based on several archival and published sources. The archival sources used in writing the article were taken from the collections of the St. Petersburg Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences and the Russian State Military Historical Archive.

One of the tasks of the work was a historiographical analysis of contemporary literature on the subject. The article highlights the peculiarities of studying issues related to Igelstrom's activities and evaluates their results. As the historiographical analysis showed, despite the availability of sources and the introduction of new ones into scientific circulation, different descriptions and assessments of the "reforms" remain in the literature.

In addition, the article pays special attention to the periodization of "Igelstrom's reforms." As a result, three stages were identified, which required clarification and correction of the periodization previously available in historiography.

Keywords: Baron Igelstrom, Nur-Ali Khan, Junior Zhuz, Kazakh-Russian relations, Border Court, reprisals, khan's power.

1. Введение

Осип Андреевич Игельстром, барон, уфимский наместник и оренбургский военный губернатор, автор «реформ Игельстрёма» – ряда административных и иных мероприятий в конце XVIII в., повлиявших на политику Российской империи по отношению к казахам Малой орды (Младшего жуза) занимавших территорию современного Западного Казахстана.

Имея к началу 1780-х гг. уже значительный военный и административный опыт и пользуясь покровительством президента военной коллегии князя Г. А. Потемкина, барон Игельстром назначается руководителем обширного региона – Уфимского и Симбирского наместничеств.

Эти наместничества были созданы в ходе административных реформ Екатерины II в 1770-е – начале 1780-х гг. в значительной степени из территории бывшей Оренбургской губернии. Особенностью региона являлся его пограничный характер. После своего создания в 1730-х гг., Оренбург

* Corresponding author

E-mail addresses: lapin.79@mail.ru (N.S. Lapin)

стал на многие десятилетия не только административным центром, но и, по сути, одним из основных центров выстраивания отношений Российской империи с казахскими правителями. Таким образом, назначаемые руководители Оренбургского края (в начале губернии, затем наместничества и генерал-губернаторства) непосредственно занимались, кроме прочего, и казахско-русскими отношениями.

Поэтому после своего назначения в регион, О.А. Игельстром кроме собственно внутренних дел наместничеств отметил целый ряд мер, связанных с характером и особенностями казахско-русских отношений в тот период времени. В исторической науке его деятельность известна как «реформы Игельстрёма», которые часто ошибочно связывают с так называемой «попыткой ликвидации ханской власти» у казахов Младшего жуза.

В 1730-е гг. после серии присяг казахских ханов и султанов часть казахских владений формально признают зависимость от Российской империи, однако эта зависимость в течение практически всего XVIII столетия носила только номинальный характер. При этом предпринимались попытки отдельных русских пограничных администраторов, главным образом оренбургских (И.И. Неплюев, А.И. Тевкелев и др.) привязать казахских лидеров к России и сделать их хотя бы отчасти более зависимыми. В связи с чем предлагались и вводились в практику отдельные инструменты, такие как присяга, аманатство, выплата жалования, конфирмация ханов и др., чтобы хотя бы символически включить казахские земли в российское имперское пространство.

Однако в силу отсутствия реальных ресурсов, а также в целом внешнеполитической периферийности региона для империи, системных мер российскими властями практически не предпринималось. Первым таким опытом стали как раз «реформы Игельстрёма», в ходе которых был предложен и началась реализация комплекса мер, которые должны были стабилизировать ситуацию в регионе и способствовать более тесной интеграции казахских земель.

Кроме того, стоит подчеркнуть характерную особенность выстраивания двусторонних отношений в тот период. Это личностный фактор, когда личные способности и амбиции того или иного пограничного администратора (губернатора, наместника) заметно влияли на динамику и характер отношений. Это явно проявилось и в ходе реализации мероприятий, предложенных и осуществленных О.А. Игельстромом.

Все эти факторы привлекают внимание исследователей к «реформам» и, учитывая во многом прецедентность, подчеркивают актуальность их изучения.

2. Материалы и методы

Работа базируется на комплексе источников как архивных, так и опубликованных в разное время. В основном, использованные материалы по своему происхождению представлены нормативно-правовыми актами (императорские рескрипты, указы) и делопроизводственной документацией (приказы, рапорты, донесения, описи и т. п.), а также частично источниками личного происхождения (дневники и воспоминания участников событий).

В 1940 г. в г. Ленинграде под руководством М.П. Вяткина был подготовлен сборник документов «Материалы по истории Казахской ССР» (МИКССР, 1940). Данный сборник документов, подготовленный на высоком археографическом уровне, сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Значительная часть изданных тогда материалов (всего около пятидесяти источников) были в той или иной степени связаны с «реформами» барона Игельстрёма.

Позднее некоторые материалы по деятельности О.А. Игельстрёма в Оренбургском крае были изданы в Казахстане в 1960 г. (МИПСК, 1960: 61-88). При этом часть документов была перепечатана из сборника, изданного в 1940 г. М.П. Вяткиным. Большое значение также имеют материалы, напечатанные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ).

В статье также были использованы архивные материалы, извлеченные из нескольких архивохранилищ. В частности, использованы материалы фонда № 267 (М.И. Стеблин-Каменская) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация). Значительную часть этого фонда составляют материалы, собранные в свое время группой М. П. Вяткина, работавшей над составлением упомянутых выше «Материалов по истории Казахской ССР». Материалы, охватывающие «реформы» в основном сконцентрированы в деле № 22 этого фонда. Среди них различная документация, в том числе рапорты и донесения самого О.А. Игельстрёма, его переписка с казахскими лидерами, различные указы и др.

Также использованы материалы фонда № 52 (Г.А. Потемкин-Таврический) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация). Материалы этого фонда представлены донесениями, отчетами, рапортами и т. п. руководителей Оренбургского края, в первую очередь самого барона Игельстрёма, а также содержат присланные переводы писем от казахских лидеров в том числе, хана Нур-Али.

Кроме того, были использованы воспоминания и дневники современников событий М.С. Ребелинского и Л.Н. Энгельгардта (Ребелинский, 1897; Энгельгардт, 1868).

В методологическом плане работа основывается на региональном подходе. Данный исследовательский подход способствует пониманию того, что в условиях приграничных контактов

русской администрации и казахских лидеров наряду с центральными имперскими властями (императрица, Сенат, коллегии) особое значение не только как исполнителя, но и как актора приобретают руководители региона – губернаторы. При этом возрастает значение индивидуальных качеств каждого руководителя региона, что непосредственно оказывало влияние на ход казахско-русских взаимоотношений на протяжении всего XVIII в. и даже позднее.

3. Обсуждение

Историография вопроса уже была объектом внимания, и значительная часть работ рассмотрена нами ранее (Лапин, 2012: 8-29). Поэтому ниже мы уделим внимание работам, которые были опубликованы позднее и отражают современное состояние вопроса.

Особенностью большинства работ, опубликованных до начала 2000-х гг., было то, что «реформы» барона Игельстрома практически отдельно не изучались, а чаще, за некоторым исключением, только упоминались при исследовании социально-политической истории казахов и казахско-русских отношений в конце XVIII в.

В 2010 г. выходит современное издание академической истории Казахстана, подготовленное коллективом авторов. Учитывая особенность и значение подобного рода изданий, в которых отражаются основные достижения исторической науки следует обратить на него особое внимание. «Реформы Игельстрома» представлены в третьем томе, который в значительной степени посвящен вопросам присоединения и последующей интеграции казахских земель в российское имперское пространство в новое время.

Параграф, в котором обозначены «реформы», подготовлен Э.Ж. Валихановым. Как и большинство других работ сами «реформы» показаны не отдельно, а в рамках социально-политических событий, происходивших в Младшем жузе в последние десятилетия XVIII в. известных как восстание или движение батыра Срыма (Валиханов, 2010: 220-234). Э.Ж. Валихановым несколько раз была подчеркнута главная цель реформ Игельстрома – ликвидация ханской власти у казахов Малой Орды. В небольшом параграфе он в разных местах четырежды повторяет этот тезис (Валиханов, 2010: 227-229).

В данной работе фактически в концентрированном виде были представлены основные характеристики и оценки мероприятий барона Игельстрома, которые сложились к тому моменту в историографии и в значительной степени сохраняются до сегодняшнего дня.

Глубоко исследован ход и характер «реформ Игельстрома» в работах Д.В. Васильева (Васильев, 2014: 148-184; Васильев, 2015а: 17-22; Васильев, 2015b: 135-139). Основные результаты систематизированы им в крупной монографии 2020 г. (Васильев, 2020: 336-354). Д.В. Васильев, рассматривая административную политику Российской империи в отношении Казахской степи на рубеже XVIII и XIX вв., в первую очередь «реформы Игельстрома», прямо характеризует ее как попытку перехода от косвенного к прямому управлению (Васильев, 2020: 370). Однако, вместе с тем сами созданные при непосредственном участии О.А. Игельстрома пограничные учреждения он характеризует как «попытку избежать прямого участия империи в управлении Малой ордой» (Васильев, 2020: 371). Также следует обратить внимание на вывод о том, что данные мероприятия смогли быть реализованы в условиях ослабления ханской власти у казахов (Васильев, 2020: 371).

Из современных исследователей значительное внимание деятельности Игельстрома в казахско-русском пограничье уделит Р.Ю. Почекаев. В его работах хорошо показан ряд аспектов деятельности барона Игельстрома, в частности, показаны как административные, так и конфессиональные мероприятия уфимского наместника (Почекаев, 2014: 247-252; Почекаев, 2024: 95-125). В отличие от многих авторов, которые обращали внимание практически только на административные аспекты деятельности барона Игельстрома Р.Ю. Почекаев, обоснованно включил в них и остальные аспекты, в том числе правовые и социальные (Почекаев, 2024: 125). Важность такого подхода к «реформам» помогает понять, что они имели комплексный характер, а также показывает более осмысленный подход Игельстрома к проведению политики в отношении казахов Малой Орды.

Заметное место «реформам» уделено казахстанскими авторами А.К. Муктаром и Е.Б. Сыдыковым в обобщающей монографии 2015 г. посвященной истории Казахского ханства. «Реформы Игельстрома» рассмотрены в основном в главе, посвященной восстанию казахов под руководством батыра Срыма Датова. Несмотря на большой массив привлеченных источников, авторы следуют традиционной историографии прошлых десятилетий и называют целью «реформ» ликвидацию традиционного для казахов института ханской власти (Муктар, Сыдыков, 2015: 528).

В объемной работе Рикарды Вильпиус посвященной теории и практике российской имперской интеграции окраин в XVIII в. заметное место занимают как раз «реформы Игельстрома». Сравнивая разные имперские регионы, пограничных администраторов этот автор отдает должное самой личности барона Игельстрома, иногда несколько идеализируя его взгляды и практику, называя его «одним из самых выдающихся государственных деятелей имперской политики своего времени» (Вульпиус, 2023: 204).

В отличие от многих исследователей в том числе современных, этот автор обоснованно отмечает системный подход Игельстрома и рассматривает не только административные, но и другие аспекты

«реформ», особенно уделяет внимание религиозной политике и вопросу перехода казахов на правобережье реки Урал.

Относительно административной части «реформ» стоит отметить ее характеристику учреждений (Пограничный суд, расправы), созданных при участии Игельстрема которые она описывает как «структуры с партиципаторными элементами» то есть модель, при которой к управлению привлекалась и казахская сторона (Вульпиус, 2023: 539, 546).

По вопросу о «ликвидации ханской власти» она отмечает, что «несмотря на все изменения политической власти в пользу старшин с помощью расправы, императрица, как и Игельстром, не собиралась в это время упразднить казахский институт ханского правления» (Вульпиус, 2023: 537).

В целом работа Рикарды Вильпиус выполненная на высоком академическом уровне является важным трудом, в котором отражены достижения современной историографии «реформ Игельстрема».

Мероприятия Игельстрема также рассматривались с разной степенью глубины и в других современных работах (Любичанковский, 2012: 132-135; Любичанковский, 2013: 102-107; Любичанковский, 2014: 139-147; Любичанковский, 2025: 49-53; Избасарова, 2022: 269-284; Izbasarova et al., 2023: 76-87; Быков, 2023a: 182-195; Быков, 2023b: 39-43; Султангалиева, 2023: 25-31).

Таким образом, в современной историографии мы видим появление новых оценок и характеристик мероприятий барона Игельстрема. В современной историографии удалось углубить изучение «реформ», показать их результаты и значение в контексте российской политики в регионе.

Однако, в целом, несмотря на довольно плотное внимание к «реформам», стоит отметить, что еще не все аспекты проблемы исследованы. Кроме того, стоит подчеркнуть сохраняющуюся силу «историографической инерции», когда в современных работах, иногда довольно значительно воспроизводятся установки и оценки, сложившиеся много десятилетий назад. Это отчасти, объясняется ограниченным кругом привлекаемых источников, либо недостаточным знакомством отдельных авторов с современной литературой.

4. Результаты

Барон Игельстром имел значительный военный, дипломатический и административный опыт, при этом особое место в его биографии занимает служба в качестве руководителя обширного пограничного Оренбургского края, который он возглавлял дважды за свою карьеру. Стоит отметить, что в XVIII в. это был единственный случай в истории Оренбуржья как отдельной административной единицы, когда один и тот же человек дважды назначался ее высшим руководителем.

«Реформы Игельстрема» охватили разные сферы, и их ограничение только правовыми или административными не будет правильным. Значение реформ как раз и заключается в их охвате и системности, что и привело к началу качественных изменений в развитии казахско-русских отношений в конце XVIII в.

Всего можно выделить несколько направлений, которые охватили «реформы». Первое направление самое масштабное и «популярное» у исследователей – административно-правовые мероприятия.

В рамках данного направления «реформ» были введены фактически новые административные и судебные учреждения, которые должны были регулировать двусторонние отношения и содействовать стабилизации как пограничной ситуации, так и внутри Малой орды. В частности, в начале октября 1786 г. в Оренбурге был открыт Пограничный суд (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 367. Л. 289–290об.; МИПСК, 1960: 73). Спустя более чем десять лет, аналогичный Пограничный суд был утвержден в г. Петропавловске для отношений с казахами Средней орды (Среднего жуза) (Быков, 2023a: 194).

Особенность, даже уникальность для казахско-русских отношений данного учреждения заключалась в его структуре. Несмотря на то, что Пограничный суд, должен был основываться на имперском законодательстве к его работе, причем на пропорциональной основе, были привлечены представители казахской стороны. С русской стороны в суд входили обер-комендант, два офицера, два представителя местного купечества и два человека из «поселян казенного ведомства», а с казахской стороны один султан и шесть старшин представлявших разные казахские роды (МИПСК, 1960: 61-62). Кроме того, на территории казахов Младшего жуза создавались так называемые расправы – административно-судебные учреждения, которые были связаны с Пограничным судом и должны были содействовать реализации его решений. Расправы состояли из ее председателя, которым был казахский старшина, а также двух заседателей бывших старшинами крупных родов и одного муллы для «письмоводства» (МИКССР, 1940: 71). Изначально было учреждено три расправы, однако учитывая просьбы казахской стороны, со временем были еще открыты несколько в 1789 г. и одна в 1791 г. (МИПСК, 1960: 83-84).

Кроме того, важным шагом стало массовое введение должностей старшин (32, затем увеличено до 42), а также должности главных старшин (3 затем увеличено до 7) (МИКССР, 1940: 71-72, 99). Фактически это было не только номинальное признание и так существовавших казахских родовых руководителей (биев, батыров), но и их официальная кооптация в имперскую систему с назначением

жалования, которое раньше в истории казахско-русских отношений получали в основном только султаны и ханы.

В рамках этого административно-правового направления «реформ» также были предложены и другие мероприятия: Ханский совет, административное разделение Малой орды на несколько частей, инициировано составление специального Уложения основанного на базе казахской правовой практики и традиции, закреплялось право казахских старшин направлять депутатов в Санкт-Петербург и др. (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 43; ПСЗРИ, 1830: 604-606; МИКССР, 1940: 72; Левшин, 1832: 306-307).

Второе важное направление «реформ» – это конфессиональная политика. В современной историографии стало больше внимания уделяться именно этому аспекту «реформ», и подчеркивается роль барона Игельстрома. При этом уфимский наместник даже называется «проводником правительственного курса по исламизации казахского общества, строительству в Казахской степи мечетей вместимостью 500 человек, организации работы татарских мулл» (Umarov et al., 2025: 1169). Правда в последнем случае авторами были допущены ошибки при интерпретации содержания указа императрицы от 4 сентября 1785 г., а кроме того, в сборнике документов, на который ссылаются авторы, этого указа вообще нет. Хотя сам указ действительно существовал, и был связан с конфессиональной политикой (ПСЗРИ, 1830: 450).

Предложения Игельстрома в общем заключались в государственной поддержке ислама в пограничном регионе, для чего было разработано и внедрено несколько элементов. В целом это направление реформ было продолжением начатого ранее религиозного курса Екатерины II во внутренней политике.

Следуя уже обозначенному правительственному курсу, и имея несколько прямых императорских указов (от 2 мая 1784 г., 4 сентября и 27 ноября 1785 г.) связанных с поддержкой мусульманской религии, Игельстром в мае 1786 г. предлагает сооружение мечетей не только в пограничье (при его участии уже были открыты мечети в Оренбурге и Троицке), но и на территории собственно казахов Младшего жуза (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 45).

Если политика открытий большого количества мечетей среди народов оренбургского пограничья и в том числе среди казахов, было развитием уже имеющейся практики, то следующая мера была в значительной степени оригинальной и напрямую связана с деятельностью самого Игельстрома и ярко высвечивает масштаб и глубину его «реформ». Уфимский генерал-губернатор предложил имперским властям централизовать взаимодействие с мусульманской общиной вверенного ему региона и создать единый орган – муфтият («Духовное собрание магометанского закона»). Данное предложение было полностью одобрено указом от 22 сентября 1788 г., а уже в декабре 1789 г. было торжественно открыто (ПСЗРИ, 1830: 1107).

Созданный муфтият охватывал не только пограничный регион, но и остальные населенные мусульманскими народами части империи, за исключением недавно созданной Таврической области. Согласно этому указу в состав Духовного собрания входили председатель – муфтий и до трех заседателей с назначением каждому годового жалования. По предложению Игельстрома первым муфтием был назначен сподвижник барона, первый ахун Мухамеджан Хусаинов (в указе Мухамет Джан Гусейн) (ПСЗРИ, 1830: 1107-1108). Меры по поддержки лояльного империи мусульманского духовенства предпринимались на протяжении практически всего периода «реформ» (Лавин, 2012: 245-246).

Кроме внешних причин (соперничество с Османской империей, Бухарским ханством/эмиратом), а также представлении о том, что «сие и может послужить со временем способом к воздержанию их [казахов] от своевольств лучше всяких строгих мер» (ПСЗРИ, 1830: 450), подобная политика в отношении мусульманской религии была ответом и на нужды самого казахского населения (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 93-94).

В рамках данного направления можно выделить тесно связанный с ним вопрос создания и функционирования образовательных учреждений. Еще указами императрицы о строительстве мечетей в казахско-русском пограничье в 1785 г. поднимался вопрос и об открытии при них школ (ПСЗРИ, 1830: 450, 494). В мае 1786 г. барон Игельстром, предложил наряду со строительством мечетей, также и создание при них «по одной к преподаванию малолетним наук школе» (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 45).

В начале 1789 г. был утвержден штат школы и решен вопрос с выплатой кормовых денег для будущих учеников, а кроме того, с целью поощрения родителей отдавать своих детей для обучения были предусмотрены различные меры стимулирования (вручение подарков, и похвальных листов) (Левшин, 1832: 306; Добросмыслов, 1902: 55-56).

В том же, 1789 г. в Оренбурге при мечети была наконец открыта школа. При этом школа испытывала трудности с учениками. Открытая школа, финансируемая русскими властями, должна была иметь привилегированный характер, так как для обучения в ней были приглашены дети влиятельной наследственной и родовой казахской аристократии – батыра Срыма, бия Каракубека и других (Добросмыслов, 1902: 56). Хотя А. И. Добросмыслов подчеркивает, что, в качестве учеников были приглашены дети только родовой казахской знати исключая султанов, однако сам же признает, что первым кто откликнулся на приглашение, был именно султан Джигангер, который прислал в

Оренбург своего сына султана Бишина ([Добросмыслов, 1902: 57](#)).

Введение подобного рода школ не стало массовым и происходило с трудом, основная причина чего была в малом числе самих учеников. Нежелание знатных казахов отправлять на долгий срок своих сыновей в школу в Оренбург, возможно было связано с тем, что это могло рассматриваться ими как скрытая форма аманатства. Однако идеи об учреждении школ в пограничье для казахских детей со временем, уже в XIX в. получили свое развитие.

В целом, следует отметить, что конфессиональная политика стала одним из значимых направлений «реформ Игельстрома» достаточно ярко характеризую новый подход и принципы, на которых они базировались.

Третьим важным направлением «реформ Игельстрома» стала провозглашенная и практикуемая территориальная политика, суть которой сводилась к более чуткому решению вопроса о возможности временного перехода части казахов в междуречье Урала и Волги.

Вопрос заключался не столько в возможности самого перехода сколько в тех сложностях, к которым эти переходы могли приводить, а именно к столкновениям с пограничным населением.

В более ранний период земли междуречья контролировались калмыками и с целью избежать нередких столкновений между ними и казахами, последним правительство и местные пограничные власти в лице оренбургских и астраханских властей запрещали переходить на правобережье Урала (Яика). Кроме того, вдоль течения Урала находились земли, занимаемые Уральским (Яицким) казачьим войском. В начале 1770-х большая часть калмыков покидает эти территории, а заметное увеличение казахского кочевого населения в регионе, и как следствие рост потребностей в новых пастбищах привело к тому, что казахами все чаще ставился вопрос о их переходе на внутреннюю сторону.

О.А. Игельстром, в значительной степени меняет подход, и фактически оказывает поддержку запросам о возможности перехода на правый берег Урала ([МИКССР, 1940: 81-83](#)). Таким образом, он добивается большей лояльности со стороны казахских старшин на которых он опирается в ходе «реформ». С другой стороны, это должно было ослабить давление казахов на пограничье и содействовать снижению пограничных столкновений между казахами и другими русскими подданными. Так, например, в разгар «реформ» в 1787 г. получило возможность перекочевать до 60 тыс. кибиток, то есть около 300 тыс. человек ([МИКССР, 1940: 87](#)). С целью стабилизировать ситуацию и избежать столкновений было предписано уральским казакам воздерживаться от стычек и отпустить имеющихся у них пленных казахов ([ПСЗРИ, 1830: 605](#)).

В рамках своих реформ Игельстром уделяет внимание урегулированию возникавших взаимных претензий, которые обострялись при переходе казахов в междуречье. С этой целью были предложено открытие сезонного (на зимнее время) судебного присутствия для решения взаимных претензий казахов и пограничных русских подданных. В состав этого органа входили один офицер, два казачьих, а также три казахских старшины представлявших крупные родовые объединения ([РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 367. Л. 301об.](#)).

Это направление в целом следует признать успешным. Современники отмечали нормализацию ситуации непосредственно в пограничье ([МИКССР, 1940: 103](#)).

Таким образом возможность перехода казахов в междуречье в годы «реформ», наряду с другими мерами дало генерал-губернатору Игельstromу серьезный инструмент, помогающий хотя бы отчасти стабилизировать ситуацию в пограничье.

Следует отдельно несколько слов сказать еще об одном аспекте, который также связан с деятельностью Игельстрома, это предложенные и претворяемые им в жизнь мероприятия по развитию торговли в регионе. Особое положение Оренбургского края создавало условия не только для пограничной, но и межрегиональной торговли. Оренбург и ряд других крепостей к тому момент уже являлись крупными торговыми центрами, однако к 1780-м гг. обострение ситуации в пограничье и на территории казахов Малой орды ограничивало развитие торговли в регионе.

Важность территории, занимаемой казахами Младшего жуза, заключалась в их значительном транзитном потенциале для развития торговли России со среднеазиатскими государствами. Барон Игельстром как глава региона, в рамках осуществляемых «реформ» уделял внимание и этому вопросу. В серии рапортов (май 1786 г.), бароном было высказано несколько важных идей. Он предложил «для безопасности торгующих караванов и великой пользы коммерции» основать внутри казахских земель новые города, при этом указал несколько вариантов, где следовало основать эти города (один у истоков реки Орь, а другой в устье Эмбы) ([Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 43–44](#)). Тогда же бароном было предложено «в пользу купечества» сооружение в каждом крупном родовом объединении казахов возвести караван-сарай, при этом казахи сами должны были определить место для будущей постройки ([Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 45](#)). Данные идеи, которые прямо могли способствовать развитию транзитной торговли, были полностью поддержаны имперскими властями специальным указом ([ПСЗРИ, 1830: 604-605](#)).

Позднее О.А. Игельстром в письме президенту Коммерц-коллегии графу А.Р. Воронцову представил свое видение развития торговли в Оренбургском крае ([МИКССР, 1940: 77-81](#)). Как следует из этого письма, одно из важнейших мест было отведено обеспечению безопасности транзитной торговли через казахские земли. Караванная торговля постоянно подвергалась рискам и часто прямо

зависела от ситуации в регионе, расположении казахских лидеров, и их лояльности. Игельстром считал недостаточной практику отправки просьб хану и султанам чтобы они обеспечили безопасность того или иного каравана (МИКССР, 1940: 78). Барон в рамках его общей политики в регионе предлагал не ограничиваться только контактами с султанами, но и задействовать родовых лидеров казахов, тех по чьим землям должны были проходить караваны. При этом следовало не просто оповещать казахских старшин, но и прямо, за соответствующее вознаграждение привлекать их к обеспечению безопасности каравана с товарами. Также Игельстром предложил, учитывая специфику региона, предоставить исключительное право пограничным властям разрешать или запрещать выход каравана с линии, так как только они владели наиболее полной информацией о ситуации в приграничье (МИКССР, 1940: 78). Были высказаны Игельстромом и другие идеи относительно развития торговли в регионе (МИКССР, 1940: 79, 81).

Стоит отметить, что в целом реализация «реформ Игельстрома», объективно сказалась на развитии торговли, о чем недвусмысленно свидетельствуют цифры о торговле в Оренбурге в 1780-е гг. (Лапин, 2012: 242). Кстати, развитие торговли, ее масштабов и пользы в период О.А. Игельстрома оценила и казахская сторона в лице родовых старшин (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267. Оп. 1. Д. 22. Л. 137).

Таким образом «реформы» Уфимского наместника и Оренбургского военного губернатора барона О.А. Игельстрома включали не менее четырех аспектов: административно-правовой, конфессиональный, территориальный и торговый. Данная систематизация несколько условна, так как меры, предлагаемые и претворяемые в жизнь могли иметь связанный эффект. Например, введение расправ и судебного присутствия объективно содействовало стабилизации ситуации в регионе, это в свою очередь вело к развитию объемов торговли в пограничье. Или, например, введение городов, одновременно являлось и административной мерой и должно было содействовать торговле.

Относительная продолжительность руководства регионом и качественные изменения в ходе реализации «реформ» позволяют предложить их периодизацию. Ранее нами уже предлагалась периодизация (Лапин, 2012: 206, 224, 279, 287). В недавней значимой работе Андрея Юревича Быкова также представлена своя периодизация «реформ Игельстрома»: 1 этап – 1785 г.; 2 этап – конец 1785–1789 гг. и 3 этап – 1796–1799 гг. (Быков, 2023а: 182-183).

В целом с предложенной А.Ю. Быковым последовательностью и количеством выделенных этапов можно согласиться, однако некоторые моменты возможно скорректировать.

Первый этап совершенно обоснованно характеризуется ознакомлением барона с положением в регионе и ситуацией в пограничье. Однако при этом из первого этапа почему-то исключается 1784 г. Действительно из биографии О.А. Игельстрома известно, хотя он и был назначен наместником в сентябре 1784 г., но прибыл в регион для непосредственного руководства только в 1785 г. Однако, учитывая деятельный характер барона, есть основания предполагать, что он стал вникать в особенности региона и характера казахско-русских взаимоотношений еще до своего прибытия к месту назначения. Об этом косвенно может свидетельствовать, его записка датированная февралем 1785 г. и адресованная члену Коллегии иностранных дел графу А.А. Безбородко Записка была подготовлена на основе материалов о положении в казахско-русском пограничье, с которыми Игельстром ознакомился ранее (МИКССР, 1940: 45-46). Учитывая время на ознакомление с материалами и подготовку записки, нельзя исключить что барон начал вникать в дела края еще в конце 1784 г.

Другим аргументом в пользу того, что в целом начало «реформ Игельстрома» нужно отнести все-таки к 1784 г. является крайне важный для понимания «реформ» указ императрицы от 2 мая 1784 г. адресованный предшественнику Игельстрома генерал-губернатору А.И. Апухтину. Указ содержал целый ряд предписаний касавшихся казахско-русских отношений, среди которых было, сооружение мечетей в регионе, введение при генерал-губернаторе постоянного представительства казахских султанов и старшин и некоторые другие. Именно указ 1784 г. содержал предписание о создании в Оренбурге Пограничного суда, который стал, одним из главных, по сути, «несущих» элементов «реформ Игельстромом» (ПСЗРИ, 1830: 142-144; МИПСК, 1960: 61-63). Подтверждает важность указа и то, что спустя полтора года, другим решением императрицы подтверждались требования указа от 2 мая 1784 г. и предписывалось его реализовать именно в той части, которая составила заметную часть «реформ Игельстрома» (ПСЗРИ, 1830: 494). Таким образом, стоит предположить начало первого этапа «реформ» в 1784 г.

Относительно завершения первого и начала второго этапа стоит отметить важный фактор, связанный с крайне сложной социально-политической ситуацией, которая сохранялась в Малой орде, и в значительной степени определялась внутренним противостоянием султанов династии Абулхаира во главе с ханом Нур-Али («султанской партии») и родовых лидеров во главе с батыром Срыммом Датовым («старшинской партии»). Это противостояние не позволяло приступить к практической реализации, имперских указов 1784–1785 гг. и предложений самого О.А. Игельстрома. И только после того, как хан Нур-Али после нападения отрядов Срым-батыра вынуждено покинул пределы Младшего жуза в апреле 1786 г. (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 367. Л. 590б.), барон, опираясь на «старшинскую партию» смог приступить к реализации «реформ».

Уже в мае 1786 г. Игельстром направляет серию рапортов, в которых детализирует свои предложения относительно новой системы управления в регионе (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 267.

Оп. 1. Д. 22. Л. 43–45; МИКССР, 1940: 71–72; МИПСК, 1960: 63–65). В рапортах отражены практически все основные элементы «реформ». Указом от 3 июня 1786 г. идеи Игельстрема были одобрены и подтверждено выделение необходимых средств (ПСЗРИ, 1830: 604–606).

Таким образом, не конец 1785, а события середины (апрель–июнь) 1786 г. стали рубежом, который отделил первый («ознакомительный») этап от второго, который стал во многом основным, так как именно тогда было реализовано большинство мероприятий, составивших ядро «реформ» Игельстрема.

Относительно времени окончания этого этапа в 1789 г., также сложно согласиться. Основанием для данной датировки служит то, что «в период 1789–1796 гг. О.А. Игельстром был перемещен на другие должности» и при этом «его приемник – А.А. Пеутлинг – отказался от большей части мероприятий, введенных в период правления О.А. Игельстрема» (Быков, 2023а: 183, 190). Действительно, уже в самом начале 1790 г., барон Игельстром прибывает в Санкт-Петербург и назначается командовать войсками против шведов, а затем ему поручается и ведение переговоров с ними. Однако, при этом следует подчеркнуть, что официально вплоть до начала 1792 г., пока Игельстром не был переведен на должность наместника во Псков и Смоленск, он сохранял должность Уфимского наместника. Как отмечают его биографы, даже находясь за многие километры от места своей основной службы Игельстром не просто получал информацию, но и продолжал отдавать распоряжения по делам вверенного ему региона (Юдин, 1897: 528). Конечно, нахождение за сотни километров от пограничья, не позволяло, как ранее контролировать ситуацию во всей полноте. Вместе с тем будет неправильным и полностью отрицать влияние наместника, даже в период его фактического отсутствия в регионе.

Действительно, после отбытия Игельстрема ситуации в регионе обострилась, но при этом в своей основе «реформы» после 1789 г. не были свернуты, и даже продолжались. Например, в 1791 г. по ходатайству А.А. Пеутлинга как уфимского губернатора, была открыта дополнительно еще одна расправа у казахов Младшего жуза, а другим указом того же года были высочайше утверждены расходы на ее содержание (МИПСК, 1960: 84). То есть введенные при Игельстреме расправы составлявшие основу «реформ», а также Пограничный суд, открытый в Уфе муфтият («Духовное собрание Магометанского закона») и другие продолжали действовать. Это в свою очередь не позволяет согласиться с тем, что с убытием Игельстрема из региона в конце 1789 г. большинство его реализованных мероприятий были свернуты. В связи с этим возможно следует продлить завершение второго этапа «реформ» до начала 1792 г., пока барон официально возглавлял Симбирское и Уфимское наместничество и курировал казахско-русские связи.

Рамки третьего, последнего этапа реформ также можно скорректировать. Если начало этого этапа – 1796 г., не вызывает возражений, так как именно в конце этого года О.А. Игельстром был назначен военным губернатором в Оренбург. С другой стороны, не совсем ясным выглядит предложенный Андреем Юревичем – 1799 г. В работе не оговаривается чем это обосновано. Известно, что уже в июне 1798 г., после неудачных маневров вверенных ему войск и замечаний императора Павла I барон Игельстром получил отставку от управления регионом что зафиксировано рядом свидетелей тех событий (Энгельгардт, 1868: 211, 213–214; Ребелинский, 1897: 472–473). При отставке от губернаторской должности Игельstromу поручалось продолжать «ведать только пограничную часть» (Энгельгардт, 1868: 213–214). Однако деятельный характер Игельстрема в этот раз подвел его. Надеясь видимо вернуть расположение императора, он отправил Павлу I донесение, касающееся дел региона на что получил довольно резкий ответ и в результате окончательно был отправлен в отставку (АГИ, 1886: 496).

Среди событий, связанных с реформами Игельстрема датируемых 1799 г. в монографии А.Ю. Быкова упоминается закрытие Пограничного суда введенного ранее, и как уже отмечалось являвшегося одним из значимых элементов «реформ» (Быков, 2023а: 190, 194). Однако, если это имелось в виду, то и в этом случае необходимо учитывать, что Пограничный суд фактически, был не закрыт, а преобразован в новое учреждение – Оренбургскую пограничную комиссию. Данный орган, прямо созданный на базе Пограничного суда и существовавшей ранее Пограничной экспедиции, первые годы своего существования фактически продолжал выполнять те же самые функции. Кроме того, следует отметить, что, такой же Пограничный суд, открытый в г. Петропавловске ранее, продолжал работать и после 1799 г. (Быков, 2023а: 194). Таким образом полагаем что 1799 г., не совсем обоснован как завершающий для «реформ Игельстрема».

На наш взгляд базовым критерием при определении этапов «реформ Игельстрема», вполне может быть взято время официального руководства бароном обширным Оренбургским краем. В итоге предлагаем выделить следующие этапы деятельности Игельстрема, именно в контексте реализации «реформ», связанных с выстраиванием нового характера отношений России с казахами Младшего жуза: первый («ознакомительный») этап – 1784 г. – начало 1786 г.; второй («основной») – середина 1786 г. – начало 1792 г. и третий («завершающий») этап – конец 1796 г. – середина 1798 г.

5. Заключение

Значимость «реформ Игельстрема», давно привлекает внимание исследователей. Качественный шаг сделан именно в современной исследовательской литературе. Многими авторами

(А.Ю. Быковым, Д.В. Васильевым, С.В. Любичанковским, Р.Ю. Почекаевым, Г.Б. Избасаровой, Р. Вильпиус и др.) глубоко исследованы как отдельные аспекты, так и «реформы» в целом. Особенностью современной историографии стало обоснованное расширение содержания реформ. Если раньше привлекали внимание в основном только административно-правовые аспекты деятельности Игельстрома, то сейчас все больше внимания обращается и на другие элементы реформ, например конфессиональные.

Все еще дискуссионным остается вопрос о роли и месте ханской власти в ходе реформ. Хотя на современном этапе отдельные авторы признают, что этот вопрос не так однозначен, однако чаще в литературе отмечается, что реформы преследовали именно отмену ханской власти у казахов Младшего жуза. Исторические материалы показывают, что имперские власти прекрасно понимали значение ханской власти для казахов, однако, ни Игельстром, ни императрица, не ставили задачу непременно отменить ханскую власть.

Важным результатом является включение в «реформы Игельстрома» не только административных и правовых мероприятий, но и целый ряд других (конфессиональных, образовательных, территориальных и др.), которые также содействовали стабилизации ситуации в казахско-русском пограничье и в значительной степени способствовали формированию нового уровня двусторонних отношений.

Продолжительность и разная интенсивность «реформ», а также факт возвращения генерал-губернатора позволили выделить три этапа его деятельности, при этом были детализированы некоторые этапы и внесен ряд уточнений в периодизацию «реформ», имеющуюся в историографии.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR24993173, «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана»).

Литература

- АГИ, 1886** – Архив графа Игельстрома. Указы императора Павла Петровича // *Русский Архив*. 1886. № 12. С. 480–496.
- Архив СПбИИ РАН** – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.
- Быков, 2023a** – Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). Т. 1. Москва: Институт востоковедения Российской академии наук, 2023. 464 с.
- Быков, 2023b** – Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). Т. 2. Москва: Институт востоковедения Российской академии наук, 2023. 448 с.
- Валиханов, 2010** – Валиханов Э.Ж. Национально-освободительное движение под руководством Сырыма Датова / *История Казахстана (с древнейших времён до наших дней)*. В 5 томах. Т. 3. Алматы: «Атамұра», 2010. С. 220–234.
- Васильев, 2014** – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
- Васильев, 2015a** – Васильев Д.В. Реализация реформ О. А. Игельстрома в Степи Оренбургского ведомства // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2015. 1 (31). С. 17–22.
- Васильев, 2015b** – Васильев Д.В. Казахская степь на рубеже XVIII–XIX вв.: реформы и проекты // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2015. 6 (36). С. 135–145.
- Васильев, 2020** – Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Вульпиус, 2023** – Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке / Перевод с немецкого М. Богданович. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 712 с.
- Добросмыслов, 1902** – Добросмыслов А.И. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // *Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии*. Оренбург: Губернская Типо-литография, 1902. Вып. IX. Т. IX. С. 51–63.
- Избасарова, 2022** – Избасарова Г.Б. Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.). Актюбе: Принта, 2022. 358 с.
- Лапин, 2012** – Лапин Н.С. Деятельность О. А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е–1790-е годы). Астана: Издательство «Сарыарка», 2012. 384 с.
- Левшин, 1832** – Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или, киргиз-казацких орд и степей. Часть 2. Исторические известия. СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. 334 с.
- Любичанковский, 2012** – Любичанковский С.В. Политика генерал-губернатора

О.А. Игельстрома по отношению к казахам (результаты контент-анализа документов Госсювета, 1787–1790 гг.) // *Человеческий капитал*. 2012. № 8. С. 132–135.

[Любичанковский, 2013](#) – Любичанковский С.В. Реяции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 2 (39). С. 102–107.

[Любичанковский, 2014](#) – Любичанковский С.В. Реформа управления казахской степью генерала Игельстрома в отражении опубликованных документов из архива Госсювета (конец XVIII века) / *Четвертые международные востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова*. Ташкент, 2014. С. 139–147.

[Любичанковский, 2025](#) – Любичанковский С.В. Судебная реформа О. А. Игельстрома в Казахской степи: интеграция традиционных институтов и имперского права (1780–1790-е гг.) / *Гороховские чтения. материалы шестнадцатой Всероссийской научной конференции*. Челябинск, 2025. С. 49–53.

[МИКССР, 1940](#) – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) / Сост. М. П. Вяткин. Т. IV. М., Л.: Изд. АН СССР, 1940. 543 с.

[МИПСР, 1960](#) – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) / Сост. М.Г. Масевич. Том I. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1960. 441 с.

[Мұқтар, Сыдықов, 2015](#) – Мұқтар Ә.Қ., Сыдықов Е.Б. XVII–XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы. Алматы: «Мерекенің баспалар үйі», 2015. 688 б.

[ПСЗРИ, 1830](#) – Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXII. 1784–1788. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1184 с.

[Почекаев, 2014](#) – Почекаев Р.Ю. Религиозная политика российской имперской администрации в Центральной Азии как фактор фронтальной модернизации: от О.А. Игельстрома до К.П. фон Кауфмана / *Религия в истории народов России и Центральной Азии: Материалы II международной научной конференции*. Барнаул, 29 октября – 1 ноября 2014 г. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2014. С. 247–252.

[Почекаев, 2024](#) – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 384 с.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[Ребелинский, 1897](#) – Ребелинский М.С. Из дневника Ребелинского // *Русский Архив*. 1897. № 3. С. 464–481.

[Султангалиева, 2023](#) – Султангалиева Г.С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.) / под ред. И. Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 с.

[Энгельгардт, 1868](#) – Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта 1766–1836. М.: «Русский Архив», 1868. 240 с.

[Юдин, 1897](#) – Юдин П. Барон О.А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798) // *Русский архив*. 1897. № 4. С. 513–555.

[Izbasarova et al., 2023](#) – Izbasarova G.B., Maden A.T., Smagulova S.O. The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 76–87.

[Umarov et al., 2025](#) – Umarov A.A., Abdrakhmanov B.N., Karimova A.E., Aitkenov Z.Sh. On the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire and Its Influence on Kazakh Society // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1164–1174.

References

[AGI, 1886](#) – Arkhiv grafa Igel'strom. Ukazy imperatora Pavla Petrovicha [Archive of Count Igelstrom. Decrees of Emperor Paul Petrovich]. *Russkii arkhiv*. 12: 480–496. [in Russian]

[Archive in SPbIH RAS](#) – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk [Scientific and Historical Archive of the Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].

[Bykov, 2023a](#) – Bykov, A.Yu. (2023). Rossiiskaya politika v Stepnykh oblastyakh i transformatsiya kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.) [Russian Policy in the Steppe regions and the transformation of Kazakh society (1731–1917)]. Т. 1. М. Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk. 464 p. [in Russian]

[Bykov, 2023b](#) – Bykov, A.Yu. (2023). Rossiiskaya politika v Stepnykh oblastyakh i transformatsiya kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.) [Russian Policy in the Steppe Regions and the Transformation of Kazakh Society (1731–1917)]. Т. 2. Moskva: Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk. 448 p. [in Russian]

[Dobrosmyslov, 1902](#) – Dobrosmyslov, A.I. (1902). Zaboty imperatritsy Ekateriny II o prosveshchenii kirgizov [Empress Catherine II's concern for the education of the Kyrgyz people]. Vyp. IX. Т. IX. *Trudy Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. Orenburg: Gubernskaya Tipo litografiya. Pp. 51–63. [in Russian]

- [Engelgardt, 1868](#) – *Engelgardt, L.N.* (1868). Zapiski L'va Nikolaevicha Engel'gardta 1766–1836 [Notes by Lev Nikolayevich Engelhardt, 1766–1836]. M.: Russky Arkhiv. 240 p. [in Russian]
- [Izbasarova, 2022](#) – *Izbasarova, G.B.* (2022). Zapadnyi Kazakhstan v regional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XIX vv.) [Western Kazakhstan in the regional policy of the Russian Empire (18th – early 19th centuries)]. Aktobe: PrintA, 358 p. [in Russian]
- [Izbasarova et al., 2023](#) – *Izbasarova, G.B., Maden, A.T., Smagulova, S.O.* (2023). The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries). *Bylye Gody*. 18(1): 76-87.
- [Lapin, 2012](#) – *Lapin, N.S.* (2012). Deyatel'nost' O. A. Igel'stromy v kontekste kazakhsko-rossiiskikh vzaimootnoshenii (1780-e – 1790-e gody) [The activities of O. A. Igelstrom in the context of Kazakh-Russian relations (1780s–1790s)]. Astana: Izdatel'stvo «Saryarka». 384 p. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kaisakskikh ili, kirgiz-kazach'ikh ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Kaysak or Kyrgyz-Cossack hordes and steppes]. T. 2. St. Petersburg: Tipografiya Karla Kraiya. 334 p. [in Russian]
- [Lyubichankovskiy, 2012](#) – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2012) Politika general-gubernatora O.A. Igel'stromy po otnosheniyu k kazakhm (rezul'taty kontent-analiza dokumentov Gossoveta, 1787–1790 gg.) [Governor-General O.A. Igelstrom's policy towards the Kazakhs (results of content analysis of State Council documents, 1787–1790)]. *Chelovecheskiy kapital*. 8: 132-135. [in Russian]
- [Lyubichankovskiy, 2013](#) – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2013). Relyatsii O.A. Igel'stromy v Gosudarstvennyi sovet kak istoricheskii istochnik po probleme integratsii kazakhskikh zemel' v sostav Rossiiskoi imperii [O.A. Igelstrom's reports to the State Council as a historical source on the integration of Kazakh lands into the Russian Empire]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2(39): 102-107. [in Russian]
- [Lyubichankovskiy, 2014](#) – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2014) Reforma upravleniya kazakhskoi step'yu generala Igel'stromy v otrazhenii opublikovannykh dokumentov iz arkhiva Gossoveta (konets XVIII veka) [General Igelstrom's reform of the administration of the Kazakh steppe as reflected in published documents from the State Council archives (late 18th century)]. *Chetvertye mezhdunarodnye vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostroumova*. Tashkent. Pp. 139-147. [In Russian]
- [Lyubichankovskiy, 2025](#) – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2025). Sudebnaya reforma O.A. Igel'stromy v Kazakhskoi stepi: integratsiya traditsionnykh institutov i imperskogo prava (1780–1790-e gg.) [O.A. Igelstrom's judicial reform in the Kazakh steppe: integration of traditional institutions and imperial law (1780s-1790s)]. *Gorokhovskie chteniya. materialy shestnadsatoi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Chelyabinsk. Pp. 49-53. [in Russian]
- [MIKSSR, 1940](#) – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR (1785–1828)* [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. Vol. IV. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1940. 543 p. [in Russian]
- [MIPSK, 1960](#) – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremen prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii)* [Materials on the history of Kazakhstan's political system (from the time of Kazakhstan's annexation to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Vol. I. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1960. 441 p. [in Russian]
- [Muktar, Sydykov, 2015](#) – *Muktar, A.K., Sydykov E.B.* (2015). XVII–XIX gasyrlardagy Kazak khandygy [The Kazakh Khanate in the 17th–19th centuries]. Almaty: Merekenin baspalar uii, 688 p. [in Kazakh]
- [PSZRI, 1830](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii T. XXII. 1784–1788.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. T. XXII. 1784–1788]. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 1184 p. [in Russian]
- [Pochekaev, 2014](#) – *Pochekaev, R.Yu.* (2014). Religioznaya politika rossiiskoi imperskoi administratsii v Tsentral'noi Azii kak faktor frontirnoi modernizatsii: ot O.A. Igel'stromy do K.P. fon Kaufmana [The religious policy of the Russian imperial administration in Central Asia as a factor in frontier modernization: from O.A. Igelstrom to K.P. von Kaufman]. *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii: Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Barnaul, 29 oktyabrya – 1 noyabrya 2014 g. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. Pp. 247-252. [in Russian]
- [Pochekaev, 2024](#) – *Pochekaev, R.Yu.* (2024). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. The personal factor in the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th – early 20th centuries.]. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. 384 p. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives].
- [Rebelinskii, 1897](#) – *Rebelinskii, M.S.* (1897). Iz dnevnika Rebelinskogo [From Rebelin's diary]. *Russkii Arkhiv*. 3: 464-481. [in Russian]
- [Sultangalieva, 2023](#) – *Sultangalieva, G.S.* (2023). Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoi stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Tatar mullahs and scribes in the Kazakh steppe (18th – first half of the 19th century)]. Kazan: IYaLI, 300 p. [in Russian]
- [Umarov et al., 2025](#) – *Umarov, A.A., Abdrakhmanov, B.N., Karimova, A.E., Aitkenov, Z.Sh.* (2025). On the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire and Its Influence on Kazakh Society. *Bylye Gody*. 20(3): 1164-1174.

Valikhanov, 2010 – Valikhanov, E.Zh. (2010). Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie pod rukovodstvom Syryma Datova [The national liberation movement led by Syrym Datov]. Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). T. 3. Almaty: «Atamura». Pp. 220-234.

Vasil'ev, 2014 – Vasil'ev, D.V. (2014). Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the borderlands. 18th – first half of the 19th centuries]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 471 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2015a – Vasil'ev, D.V. (2015). Realizatsiya reform O. A. Igel'strom v Stepi Orenburgskogo vedomstva [Implementation of O. A. Igelstrom's reforms in the Steppe region of the Orenburg Department]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 1(31): 17-22. [in Russian]

Vasil'ev, 2015b – Vasil'ev, D.V. (2015). Kazakhskaya step' na rubezhe XVIII–XIX vv.: reformy i proekty [The Kazakh steppe at the turn of the 18th and 19th centuries: reforms and projects]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 6(36): 135-145. [in Russian]

Vasil'ev, 2020 – Vasil'ev, D.V. (2020). Rozhdenie imperii. Yugo-Vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v. [Rozhdenie imperii. Yugo-Vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v.]. SPb: Dmitrii Bulanin. 608 p. [in Russian]

Vulpius, 2023 – Vul'pius, R. (2023). Rozhdenie Rossiiskoi imperii. Kontseptsii i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke [The Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Political Domination in the 18th Century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 712 p. [in Russian]

Yudin, 1897 – Yudin, P. (1897). Baron O.A. Igel'strom v Orenburgskom krae (1784–1792 i 1796–1798) [Baron O.A. Igelstrom in the Orenburg Region (1784–1792 and 1796–1798)]. Russkii arkhiv. 4: 513-555. [in Russian]

«Реформы» барона Игельстрема: опыт интеграции казахских земель в российское имперское пространство в конце XVIII века

Николай Сергеевич Лапин ^{а, *}

^а Научный институт изучения Улуса Джучи, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Уфимского и Симбирского наместника (Оренбургского военного губернатора), барона Осипа Андреевича Игельстрема в связи с развитием казахско-русских отношений в конце XVIII века. В историографии его мероприятия известны как «реформы Игельстрема», которые часто рассматриваются ограниченно и связываются главным образом с попыткой так называемой «ликвидации ханской власти» у казахов Малой Орды. При этом, как показывает анализ источников в ходе реформ Игельстрема институт ханской власти у казахов не был ликвидирован. В ходе «реформ Игельстрема» был выдвинут целый ряд предложений, большая часть которых была одобрена центральным правительством и частично реализована. Сами предложения затрагивали разнообразные сферы, и кроме создания новых административных учреждений и установления регулярного взаимодействия с политическими силами казахов в регионе, включали также вопросы развития торговли, землепользования в регионе, конфессиональной политики и ряд других.

Работа выполнена на основе ряда архивных и опубликованных источников. Архивные источники извлечены из фондов Архива СПБНИ РАН и РГВИА.

Одной из задач работы стал историографический анализ современной литературы по данной теме. Показаны особенности изучения вопросов, связанных с деятельностью Игельстрема и оценка их результатов. Несмотря на доступность и введение в научный оборот новых источников, в литературе сохраняются разные описания и оценки «реформ».

Кроме того, отдельное внимание в статье уделено периодизации «реформ Игельстрема». В результате выделены три этапа, что потребовало уточнения и корректировки ранее имевшихся в историографии периодизаций.

Ключевые слова: барон Игельстром, Нур-Али-хан, Младший жуз, казахско-русские отношения, Пограничный суд, расправы, ханская власть.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lapin.79@mail.ru (Н.С. Лапин)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 609-618
DOI: 10.13187/bg.2026.2.609

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The First Experience of Russian-Circassian Relations (1792–1793) based on the Materials of the Circassian Slave Narratives

Ilya V. Tyurin ^{a, *}, Kristina A. Zarubina ^b, Mikhail F. Gatsko ^c, Sergei P. Zhdanov ^{d, e}

^a Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^b Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russian Federation

^e Russian New University (RosNOU), Moscow, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the analysis of the initial stage of Russian-Circassian relations in 1792–1793. The research methods were the historical-systematic method, the historical-genetic method, the classification method, etc. Archival documents published in the collection Circassian Slave Narratives were used as materials.

During its penetration into the North Caucasus, the Russian Empire faced hostility from numerous local ethnic groups (including Russian-speaking, in particular, the “Nekrasov Cossacks”) in the Transcuban region. The main characteristic of the relationship was the criminal element on the part of the mountaineers, called Circassians and Abaza, as well as “Nekrasovites” (Lipovans); these ethnic groups captured non-combatants and sold them into slavery. The aggression on the part of the aboriginal ethnic groups was caused by the peculiarities of the Circassian slave trade (capture and sale of people) economy. Diplomatically, relations between Russia and the Ottoman Empire, which had the mountainous right bank of the Kuban under its protectorate, were quite even after the victory of the Russian Empire in the Russo-Turkish War of 1787–1791, and outwardly the parties were very respectful of each other's claims.

Keywords: Russian Circassian relations, the Russian Circassian war, the annexation of the North Caucasus to Russia, the problem of slavery in the Caucasus.

1. Введение

Межнациональные отношения внутри современной России всегда вызывали повышенный интерес ученых в разные периоды отечественной истории. Не являются исключением и отношения, связанные с присоединением кавказских территорий к Российской империи в конце XVIII – середине XIX веков. И если говорить об историко-этнических исследованиях, касающихся народов современной Российской Федерации, то весьма велико количество работ, анализирующих историю взаимоотношений российских народов и черкесов, являющихся потомками одного из наиболее многочисленных северокавказских народов – адыгейцев.

Предмет исследования изучен весьма полно, однако это не относится к начальному периоду взаимоотношений, а именно – к 90-м годам XVIII века, когда Россия только начала проникать на Северный Кавказ. Также, новизну данного исследования обуславливает тот момент, что на современном этапе широко вводятся в научный оборот новые, не опубликованные ранее, источники; это позволяет более полно исследовать все исторические этапы русско-адыгейских отношений. Данная работа посвящена анализу начального этапа данных взаимоотношений.

* Corresponding author

E-mail addresses: tyurin.iv@rea.ru (I.V. Tyurin)

Хронология исследования – 1792–1793 годы как период начала перманентных военных, социальных и экономических русско-черкесских контактов на территории Кубани. Отметим также, что этнонимы «черкесы» и «адыги/адыгейцы» в современной историографии отождествляются, поэтому в данной работе будут использованы как синонимы.

2. Материалы и методы

Источниковой базой для данного исследования послужили документы, опубликованные в сборнике «Черкесские невольничьи повествования», в котором «...материалы посвящены актуальной научной проблеме существования в черкесском обществе таких специфических социальных и экономических явлений, как рабовладение и крепостничество» (Трут, 2021: 58). Сборник документов был опубликован А.А. Черкасовым в журнале «Былые годы» (Cherkasov, 2020). Сборник является результатом 5-летнего труда (2015–2020 гг.) коллектива историков во главе с А.А. Черкасовым и содержит 1200 документов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), большая часть из которых была введена в научный оборот впервые (Cherkasov, 2020: 1416); также издание содержит широкий именной и географический указатели, который позволяет легко ориентироваться в многообразии предложенных материалов.

В качестве методов исследования были применены следующие:

1. Метод классификации: применен для классификации историографии по русско-черкесским отношениям по хронологии издания и предмету исследования, а также исследуемых документов по предмету характера взаимоотношений (насильственный элемент русско-черкесских контактов, экономическое сотрудничество и т. п.);

2. Метод контент-анализа (историографический метод): применялся для изучения содержания документов и материалов, касающихся начального периода перманентных русско-черкесских военных, экономических и социальных контактов, а именно – 1792–1793 годов.

3. Историко-системный метод: применен для комплексного исследования исторических событий, связанных с началом русско-черкесских отношений, в неотрывной связи с военной, политической, экономической и социальной конъюнктурой Российской империи и на территориях расселения черкесских племен (или так называемой в некоторых трудах Черкесией (см., напр., Ачмиз, 2014; Ivantsov et al., 2017 и др.), с чем мы не можем в полной мере согласиться, так как единого государственного образования в современном понимании этого слова черкесы не имели, а лишь присутствовали признаки раннефеодального протогосударства; вместе с тем, немногочисленная часть историков, в основном зарубежных, настаивают на наличии полноценного государства, в частности И. Беркок, Д. Хункаров и др. – прим. авт.).

4. Историко-генетический метод: данный традиционный специальный исторический метод исследования применен для выявления причинно-следственных связей между описываемыми событиями русско-черкесских отношений 1792–1793 гг. и другими предшествующими и последующими историческими событиями.

В основе исследования лежат принципы историзма, системности, объективности, всесторонности, опоры на исторические источники и пр.

3. Обсуждение

Исследований по изучению русско-черкесских отношений достаточно много, поэтому есть все основания для историографической классификации данных работ. Представляется удобной классификация по периоду издания (хронологический принцип), а именно:

- дореволюционная (XIX – начало XX века);
- советского периода (1917–1991 годы);
- современного периода (с 1991 г. по настоящее время).

В данном исследовании не ставится цель сделать полный историографический обзор русско-черкесских отношений, так как работа не является историографической по своей сущности; вместе с тем, указанного перечня исторических трудов, на наш взгляд, вполне достаточно для понимания уровня, векторов и трендов в изучении освещаемого нами вопроса.

1. Дореволюционная историография (XIX – нач. XX века).

Исторические исследования русско-черкесских отношений начались практически с самого начала таковых, то есть через два-три десятилетия. Первыми исследователями были, если допустимо так обозначить, «практики» данных отношений: русские и зарубежные военнослужащие, путешественники, дипломаты.

Одним из наиболее ранних исследователей русско-черкесских отношений стал российский офицер немецкого происхождения, генерал-майор Карл Федорович Сталь (нем. Карл Готтард фон Штааль) (1774–1824), который был военным губернатором Кавказской области и командующим русскими войсками Кавказской линии; он одним из первых русских исследователей составил подробный этнографический очерк черкесских племен, который повсеместно цитируется современными историками (Сталь, 1900).

Специалистом по русско-черкесским отношениям был и Джеймс Станислав Белл (1797–1858), британский военный разведчик и агент/шпион, воевавший на стороне черкесов против русских и ставший известным в России благодаря организованной Великобританией провокации со шхуной «Виксен», командиром которой, по легенде оперативного прикрытия, он представлялся. Также, Белл прославился в научном мире как историк, составив подробное описание черкесского этноса, быт, нравы, а также особенностей взаимоотношений с географическими соседями черкесов, включая Россию (Белл, 2007).

Другим глубоким исследователем русско-черкесских взаимоотношений стал русский офицер, разведчик, также, как и Белл участник Кавказской войны, но только на стороне России, генерал-лейтенант, барон Федор Федорович фон Торнау (1810–1890), издавший подробные мемуары о Черкессии (Торнау, 2008), которые являются основой для многих советских и современных работ, исследующих процесс проникновения России на Северный Кавказ. Также нельзя не отметить и исследования российского чиновника, историка-востоковеда, одного из видных специалистов по этнографии Кавказа, тайного советника Адольфа Петровича Берже (1828–1886), сделавшего обзор известных ему кавказских племен (Берже, 1858).

Безусловно, указанный перечень авторов далеко не полный, однако именно вышеназванные исследователи считаются наиболее авторитетными большинством востоковедов и историков по изучению Кавказа.

2. Советская историография (1917–1991 годы). Также представлена значительным количеством работ, из которых мы особо выделим две: монографию «Очерки по истории Осетии» Г. Кокиев (Кокиев, 1926), в которой уделяется определенное внимание и русско-черкесским отношениям, а также монографию М.В. Покровского «Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века» (Покровский, 1989), в которой на основе глубокого изучения источников (как архивных материалов, так и документов личного происхождения) весьма подробно описал русско-черкесские отношения в период присоединения Кавказа к России.

3. Современная историография (с 1991 г. по настоящее время).

Современную историографию в силу ее большого разнообразия также представляется удобным классифицировать, однако, не по хронологическому принципу, а по предмету исследования:

а) комплексные труды, касающиеся проникновения Российской империи на Кавказ и его присоединения;

б) комплексные работы, касающиеся отношений российских и кавказских этносов как на социальном, так и на государственном уровне в период присоединения Кавказских территорий (конец XVIII – XIX вв.);

в) узкопредметные труды, касающиеся только русско-черкесских (адыгских) взаимоотношений в период присоединения Кавказских территорий.

а) К первой категории трудов, прежде всего, отнесем фундаментальные труды, а именно монографию З.А. Кожева «Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв.» (Кожев, 2020), в которой, помимо военно-политической истории региона черкесских племен, делается также и анализ начального этапа взаимоотношений Российской империи и черкесов в конце XVIII века после присоединения региона к России.

Из статей в периодических изданиях отметим работу А.А. Черкасова, В.Г. Иванцова, М. Шмигеля и В.С. Молчановой, в которой делается демографический анализ причерноморских кавказских племен первой половины XIX века, включая и черкесские (Cherkasov et al., 2016); В.Х. Акаев исследует общие основы и принципы русско-кавказских взаимоотношений и переход их от противостояния к единству (Акаев, 2022); К.Ф. Дзамихов делает исторический анализ кабардинских территорий в XVI–XVIII веках и взаимоотношения кавказских племен с Россией до присоединения (Дзамихов, 2017), а также дает характеристику русско-кавказским отношениям в целом (Дзамихов, 2021).

б) Ко второй категории относятся работы В.Г. Иванцова, А.А. Черкасова, М. Шмигеля и А. Валу об отношении кавказских властей в отношении черкесов, бежавших на российскую сторону и принявших русское подданство (Ivantsov et al., 2017); работы Ш.А. Гапурова и С.С. Магамадова о российско-горских отношениях в дореволюционный в период (Гапуров, 2015, Гапуров, Магамадов, 2015). Б.В. Виноградов исследует особенности российско-горского взаимодействия до XX века (Виноградов, 2013).

в) И, наконец, третью категорию представляют весьма немногочисленные труды, прямо посвященные русско-черкесским отношениям.

Среди таковых отметим исследования Г. Райовича, Д.О. Ежевски, А.Г. Вазеровой и М. Трайловича о процессе обмена пленными как формы диалога между черкесами и Российской империей (Rajović et al., 2018); Б.Н. Березгова и К.Ф. Дзамихова о взаимоотношениях и взаимодействии черкесских племен с их соседями (Березгов, Дзамихов, 2018); К.Г. Ачмиза о проблемах взаимодействия России и Черкесии (Ачмиз, 2014); М.В. Белозеровой о формировании черкесской идентичности на фоне взаимодействия с Россией на протяжении разных периодов – от дореволюционной эпохи до современности (Белозерова, 2015).

М.М. Биданок исследует влияние культуры и исторического взаимодействия на русско-черкесские отношения (Биданок, 2021); Н.З. Куров анализирует феномен куначества (гостеприимства – прим. авт.) в истории взаимоотношений черкесских и русских поселений Кубани (Куров, 2021); Ф.А. Озова изучает институт аманатства (одна из кавказских форм заложничества племенных элит как гарантия выполнения договорных обязательств и сохранения лояльности племенем – прим. авт.) и его роль в русско-черкесских отношениях на протяжении XVI–XIX веков (вплоть до окончания Кавказской войны) (Озова, 2017); С.С. Ситимова освещает русско-черкесские культурные взаимосвязи (Ситимова, 2022) и др.

В целом отметим, что работ, исследующих начальный период русско-черкесских отношений на основании имеющихся в Краснодарском крае архивных материалов невелико; данное исследование позволяет восполнить указанный пробел.

4. Результаты

Несколько слов следует сказать о предыстории описываемых событий.

Как известно, русско-горские, включая черкесские отношения, начались задолго до XVIII века. Однако Екатерина II, вошедшая на престол в 1762 году, решила претворить неудавшиеся планы Петра I по присоединению Кавказа (перманентные русско-горские столкновения начались еще в начале 2-го десятилетия XVIII века) и начала планомерное вторжение в регион, результатом чего в 1763 году стало начало так называемой русско-черкесской войны (в тот период русские правители и военные чиновники всех жителей Северного Кавказа именовали «черкесами» или «горцами», предпочитая не углубляться в этнические особенности кавказских племен – прим. авт.), которая продлилась до 1864 года и прекратилась лишь с завершением так называемой Кавказской войны, начало которой традиционно датируют 1817 годом. Начиная с 60-х годов XVIII века на территории черкесов начинается организованное строительство соединенных в единую наступательно-оборонительную систему крепостей и форпостов по правому берегу реки Кубань; подготовка к войне за Кавказ заняла почти три десятилетия.

Активная фаза присоединения черкесских территорий с формированием пограничной линии вдоль реки Кубань и, соответственно, начало более плотных военных контактов датируется 1792 годом: в этот год Екатерина «подарила» эти земли казачеству, которые и стали основой военного присутствия России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. В силу указанного обстоятельства, хронология данного исследования датируется именно 1792–1793 годами.

В сборнике «Черкесские невольничьи повествования», материалы которого мы исследуем, начальному этапу русско-адыгских взаимоотношений посвящены первые 20 документов, то есть датированные 1792–1793 годами (Cherkasov, 2020: 1435-1445).

Целесообразным представляется классифицировать эти документы по предмету взаимоотношений:

1. Криминальные формы взаимоотношений.
2. Социально-экономическое взаимодействие.

Криминальные формы взаимоотношений, а именно – наличие насильственного и/или разбойного элемента: ограбление, захват и продажа в рабство.

В конце (26 декабря¹) 1792 года полковник армии, бригадир-майор Савва Белый рапортует кошевому (старшему в казачьем войске; в данном случае – в Черноморском – прим. авт.) атаману, генерал-майору Захарии Алексеевичу Чепеге (который получил данный рапорт лишь 20 января 1793 года) о произошедшем конфликте между черкесами и казаками. Хорунжий (современный аналог воинского звания лейтенант) из полка Белого с имуществом и наличными деньгами общей стоимостью в 450 рублей (весьма значительная по тем временам сумма) был ограблен и пленен черкесами, а также продан в рабство, из которого вскоре смог бежать. В итоге двухнедельных блужданий по неизвестной ему местности, смог выйти на российскую территорию и был найден рабочими, которые вылечили его и препроводили в ближайшую военную часть (Cherkasov, 2020: 1435). Белый (равно как и сам хорунжий) попросил содействия в ответной операции у Таврического губернатора С.С. Жегулина («представление, с прошением дать обиженному удовлетворения»; Circassian Slave..., 2020: 1435a), так как договор между Российской империей и Османской Портой (Турцией, под протекторатом которой находились тогда северокавказские территории – прим. авт.) запрещал сторонам какие-либо насильственные действия в отношении друг друга. Каким образом в отряде Хорунжего оказались такие ценности и что случилось с его 13-ю сослуживцами в рапорте не сообщается, однако Белый просит помощи в их поиске.

Как видим, разбойный элемент со стороны черкесов, включая похищения с целью продажи в рабство, был традиционно весьма силен на приграничных территориях; однако можно также рассматривать указанный документ и как повод для проведения карательной операции казаками.

Захватом русскоязычных подданных с целью продажи в рабство промышляли не только горцы и липоване (русскоязычная этническая группа старообрядцев поповского направления, а также так

¹ Здесь и далее, все даты – по старому стилю.

называемые казаки-некрасовцы, то есть потомки донских и хоперских казаков, ушедших в Османскую империю вместе с Игнатом Некрасовым после поражения восстания Булавина; на территории Северного Кавказа и Прикубанья липоване являлись, как правило, османскими верноподданными и, соответственно, брались под арест военными служащими Российской империи – *прим. авт.*). Об этом говорят «Материалы опроса Петра Малого» от 20 марта 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1436). Как видно из показаний, казак по фамилии Малой был промысловиком-рыболовом, родом из Речи Посполитой, переехал в Россию «за лучшей долей», ветеран боевых действий; переехав на Кубанские территории вместе с приятелем, другим казаком, поверил на слово русским липованам, оказавшимися жителями другого (правого) берега реки Кубань, территории которого находились под протекторатом Османской империи. Липоване обманули его, продали некому абадзинцу, который, в свою очередь, обменял его в рабство богатому черкесу, где Малой пробыл три года вместе с семью другими пленниками, пока не сбежал (Cherkasov, 2020: 1436).

Из указанного документа следует, что рабством промышляли не только горцы, но и представители русскоязычных этносов: во-первых, они считали казаков из России захватчиками; во-вторых, считали себя верноподданными Османской империи.

Частые и постоянные захваты в плен русскоязычного населения подтверждают «Материалы опроса казака Романа Рудченко» от 1 июня 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1439) и др.

О захвате русских в качестве невольничьей добычи абазинцами указывает «Рапорт кошевому атаману З.А. Чепеге от майора С. Белого» от 2 июня 1793 г., причем в плен попадали не только казаки, но и греки (Cherkasov, 2020: 1440).

О своеобразных, преимущественно, разбойничьих порядках говорит и «Ордер полковнику З. Малому от кошевого атамана З. Чепеги. 25 августа 1793 г.» (Cherkasov, 2020: 1445), в котором освобожденный из плена казак дает показания о нравах и обычаях черкесов, условиях содержания рабов и пр., а также выдает развединформацию о логистике, имеющихся мостах, переправах, укреплениях и т. д.

Общее количество убитых и плененных казаков, а также награбленного имущества за 1792–1793 годы приводит документ «Список убитых и плененных черноморских казаков. Март 1794 г.» (Cherkasov, 2020: 1445), согласно которому убито было лишь четверо человек, что, на наш взгляд, за два года является весьма скромным показателем.

Социально-экономическая сфера отношений, а именно: заселение мирными российскими гражданами, бродяжничество (как русскоязычных подданных, так и горцев), колонизация, строительство, освоение новых поселений.

О большом количестве бродяг, а также русскоязычных подданных, ищущих лучшее место для проживания, указывает рапорт полковника Ивана Чернышева тому же З.А. Чепеге (Circassian Slave..., 2020b: 1435), в котором говорится о поимке трех липован. Чернышев докладывает о поимке липован с их именем и фамилией, дает полный перечень находящегося при них имущества; один из арестованных был захвачен в плен, но сумел бежать; наименования изъятого имущества указывают на то, что задержанные являлись охотниками-промысловиками и рыболовами, то есть относились к категории некомбатантов (мирное население – *прим. авт.*).

Также, информация о задержании («за безписьменное шатание», то есть без требуемых законом документов) другого «некрасовца» содержится в очередном «Рапорте кошевому атаману З.А. Чепеге от полковника С. Белого» от 13 апреля 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1437). Также полковник армии, бригадир-майор С. Белый докладывает о перемещении всех задержанных (Cherkasov, 2020: 1437).

Как уже было сказано выше, липоване не оставались в долгу по части захвата русских подданных и их продаже в рабство черкесам, о чем говорит «Рапорт войсковому правительству от полковника Белого» от 20 марта 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1436); данный документ следовало бы отнести к первой группе (проявление насильственного элемента), однако мы отнесли его к этой группе как обоснование враждебно-настороженного отношения казаков к липованам. Согласно рапорту, один из казаков гребной флотилии был захвачен закубанскими (то есть с левобережной, «горской» южной части Кубани) липованами и продан в рабство черкесам, откуда сбежал; на допросе рассказал о враждебном отношении русскоязычных липован и черкесов к российским подданным (Cherkasov, 2020: 1436).

Допросы липован рисуют следующий социальный портрет представителей данной этнической группы. Так, согласно «Материалам опроса казака Егора Шуваева» от 22 апреля 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1437), одного из трех задержанных «некрасовцев», ему было 36 лет, он отставной казак из моздокского полка, житель Северного Кавказа (город Наура); при рыбной ловле был пойман черкесами и продан некрасовскому казаку, жителю Анадолии (Османская империя¹), где после

¹ В разные периоды истории Турция (Турецкая республика, 29.10.1923 – по наст. время) именовалась по-разному, а именно Османская империя (1299–1923 гг.), а в источниках разных государств также Оттоманская империя, Оттоманская Порты или просто Порты; в данной работе указанные названия применяются независимо от действовавшего в конкретный период времени исторического названия и как синонимы (по аналогии с Российской империей/Россией).

4-х лет плена был отпущен для свободного проживания среди некрасовцев. Приблизительно за год до поимки, с бывшим хозяином пришел для промысловой рыбалки на Кубань, позднее занимался охотой на зверя, а также обменивал соль на свинину у казаков Российской империи из воинской части полковника Чернышева. Якобы приехал за ними на российский берег реки, где и был схвачен (Cherkasov, 2020: 1437). Если верить материалам опроса, задержанный промышлял разными непереступными видами промыслов, торговал с подданными России; таким образом, взаимоотношения с русскоязычными представителями черкесских территорий были вполне мирными, однако принадлежность к враждебной этнической группе липован негативно отразилась на нем и стала причиной для задержания при пересечении русско-черкесской границы.

Допрос второго задержанного («Материалы опроса казака Семена Леонова. 22 апреля 1793 г.»; Cherkasov, 2020: 1438) указывают, что арестанту в 1786 году было 26 лет, он также является карабинером кубанского казачьего полка, дислоцированного в г. Анапа; при выходе за водой еще с двумя сослуживцами был захвачен черкесами и пять лет пробыл в плену, из которого обманом убежали, когда узнали, что черноморские казаки пришли в г. Тамань с целью присоединиться к последним. Попав к п-ку Чернышеву, он ходатайствовал перед ним для получения постоянного места жительства в России и попросил отпустить его к бывшему хозяину для «исправления таможенных долгов»; по факту же исполнял роль разведчика для получения информации о степени расположения черкесской элиты (в лице бывшего хозяина) к захватывающим черкесскую территорию казакам. Развединформацию докладывал как самому Чернышеву, так и хорунжему Леонову, 4 раза выходя на задание в горы; выйдя в очередной раз на разведку, был схвачен казаками из другого разъезда (Cherkasov, 2020: 1438). Таким образом, если верить материалам допроса, арестант был российским агентом и выслуживался для того, чтобы остаться в России и служить в Черноморском казачьем войске.

Наконец, информация о третьем задержанном содержится в «Материалах опроса казака Никиты Иванова» от 22 апреля 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1438). Ему было 24 года, он был крепостным при капитане Владимирского полка; в 1787 году, находясь в полку, был отправлен за фуражом и пойман черкесами, пробыл в рабстве пять лет, после чего сбежал.

Как видно по материалам допросов, бродяжничество было результатом побега из черкесского плена, что также является определенной спецификой (и не только начального этапа) русско-адыгских отношений; беженцы сознательно бежали на русский берег Кубани с целью получения российского подданства.

Беглых «некрасовцев», схваченных на территории России, в силу договора с Портой возвращали назад как турецких подданных (каковыми они юридически и являлись), о чем говорит, в частности, «Ордер майору Белому» от 26 апреля 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1438-1439).

Казачье войско планомерно занималось укреплением форпостной оборонительной сети и пограничной стражи.

Казаки докладывали губернатору С.С. Жегулину о строительстве казенных крепостей, процессе организации кордонной стражи, развитию собственных лесозаготовительных, рыбных и охотничьих промыслов, сельского хозяйства; помимо прочего указывается, что регион не является спокойным и в нем орудуют разного рода банды («...много по сие земле вооруженных шатается...»), представленные разными этническими группами (черкесами, абазинцами, «некрасовцами» и др.), в силу чего казаков зачастую грабят (см., в частности, «Рапорт Таврическому губернатору генерал-майору С.С. Жегулину» от 2 июня 1793 г. (Cherkasov, 2020: 1439-1440)).

Разделение экономических сфер влияния прослеживается по документу «Отношение кошевому атаману З.А. Чепеге от вице-губернатора Таврической губернии К. Габлица» от 11 июня 1793 г. Вице-губернатор Карл Иванович (Карл-Людвиг) Габлиц указывал о необходимости снаряжения карательных отрядов для «усмирения закубанских обитателей от озорничества», возвращении ворованного леса, российских подданных и их имущества, обещая указать на это обстоятельство турецкому паше Мустафе, турецкому наместнику кавказских территорий. Вместе с тем Габлиц подчеркивает, что хлеб, посеянный жителями Закубанья, принадлежит им и необходимо предоставить возможность снять его, однако впредь не разрешать больше сеять на территориях, ставших российскими (Cherkasov, 2020: 1440-1441).

Дипломатические ноты (протесты) К. Габлица были отправлены Мустафе войсковым командованием и доставлены адресату прапорщиком Г. Лозинским (см. «Из показаний прапорщика Лозинского. Июнь 1793 г.»; Cherkasov, 2020: 1441; «Из показаний прапорщика Лозинского и Бескровного. Июль 1793 г.»; Cherkasov, 2020), поручиком С. Поливодом (см. «Из показаний поручика Поливода» от 7 июля 1793 г.; Cherkasov, 2020: 1442-1443), о чем они докладывают в соответствующих рапортах. Паша Мустафа ответил русской стороне и просил выдать турецкого подданного; в целом, турецкий чиновник соглашался с претензией (см. «Перевод письма войсковому судье А.А. Головатому от анапского паши»; Cherkasov, 2020: 1443).

5. Заключение

На основе проделанного исследования приведенных документов можно сделать следующие выводы:

1. При проникновении на Северный Кавказ Российская империя сталкивалась с враждебным к себе отношением со стороны местных закубанских многочисленных этнических (включая и русскоязычных, в частности, казаков-«некрасовцев») групп.

2. Основной характеристикой взаимоотношений стал криминальный элемент со стороны горцев, называемых черкесами и абазинами, а также «некрасовцев» (липованов); указанные этносы пленили некомбатантов и продавали в рабство.

3. Агрессия со стороны аборигенных этносов была обусловлена особенностями черкесской работорговой экономики, которая зиждилась на захвате и продаже людей.

4. Дипломатически, отношения России и Османской империи, под протекторатом которой находилось горское правобережье Кубани, были вполне равными после победы Российской империи в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и внешне стороны весьма уважительно относились к претензиям друг друга.

Литература

Акаев, 2022 – Акаев В.Х. Формирование русско-кавказских взаимоотношений: от антагонизма к единству // *Вестник Института развития чеченского языка и истории*. 2022. № 19. С. 80-88.

Ачмиз, 2014 – Ачмиз К.Г. Россия и Черкесия: война или торговля? Упущенные возможности / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции*. 2014. С. 5-34.

Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1838 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.

Белозерова, 2015 – Белозерова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 32. С. 26-33.

Березгов, Дзамихов, 2018 – Березгов Б.Н., Дзамихов К.Ф. Черкесы (адыги) в системе военно-политических взаимоотношений государств восточноевропейского региона (конец XV – 60-е годы XVI вв.) // *История науки и техники*. 2018. № 5. С. 54-66.

Берже, 1858 – Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского географического общества. Тифлис, 1858.

Биданок, 2021 – Биданок М.М. Культура и история как основа русско-черкесских связей / *Сборник статей XIV региональных научных чтений с международным участием, посвященных дню славянской письменности и культуры. Сборник статей*. Майкоп, 2021. С. 16-22.

Виноградов, 2013 – Виноградов Б.В. Еще раз к проблеме оценивания характера и особенностей российско-горского взаимодействия в XVI – начале XIX века / *Интеграция народов Кавказа и России (К 200-летию Гюлистанского договора 1813 г.). Материалы межд. науч.-практ. конференции*. Под ред. М.Р. Гасанова, Р.М. Султанбекова, З.М. Амировой, П.А. Гамзатовой, 2013. С. 70-80.

Гапуров, 2015 – Гапуров Ш.А. Страницы истории российско-горских отношений в XVI–XIX веках // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2015. № 56. С. 51-56.

Гапуров, Магамадов, 2015 – Гапуров Ш.А., Магамадов С.С. Из истории российско-горских отношений в дореволюционный период: попытки нового прочтения / *Кавказская война: символы, образы, стереотипы. Сборник научных статей*. Отв. ред. Т.В. Коваленко. 2015. С. 56-67.

Дзамихов, 2017 – Дзамихов К.Ф. "В службе и обороне...". Кабарда и российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 356 с.

Дзамихов, 2021 – Дзамихов К.Ф. Русско-кавказские взаимоотношения: поиск синтеза / *Кавказские чтения (памяти проф. В.В. Черноуса). Материалы Круглого стола*. Ростов-на-Дону, 2021. С. 62-70.

Кожев, 2020 – Кожев З.А. Очерки военно-политической истории Черкесии XV-XVII вв. Нальчик, 2020.

Кокиев, 1926 – Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Часть 1. Владикавказ, 1926. 160 с.

Куров, 2021 – Куров Н.З. Куначество в истории взаимоотношений черкесских и русских поселений Успенского района Краснодарского края / *Сборник статей XIV региональных научных чтений с международным участием, посвященных дню славянской письменности и культуры. Сборник статей*. Майкоп, 2021. С. 118-122.

Озова, 2017 – Озова Ф.А. Роль института аманатства в русско-черкесских отношениях (1552–1864) // *Клио*. 2017. № 11 (131). С. 121-128.

Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989. 319 с.

Ситимова, 2022 – Ситимова С.С. Русско-черкесские культурные взаимосвязи / *Сборник статей XV международных научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры и 100-летию государственности Адыгеи. Сборник статей международных научных чтений*. Майкоп, 2022. С. 284-287.

Сталь, 1900 – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. 1900. Т. 21. С. 60-173.

Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. В 2 ч. Майкоп, 2008.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1. 3-1 (Special issue): 1415-2266. DOI: 10.13187/bg.2020.3-1.1415

Ivantsov et al., 2017 – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A. The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 871-877.

Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazero A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 153-160.

Trut, 2021 – Trut V.P. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266 (A Special Issue) // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 58-65.

References

Achmiz, 2014 – Achmiz, K.G. (2014). Rossiya i Cherkesiya: voyna ili trgovlya? Upushchennye vozmozhnosti [Russia and Circassia: war or trade? missed opportunities]. *Kavkazskaya voyna: uroki istorii i sovremennost'*. Materialy nauchnoi konferentsii. Pp. 5-34. [in Russian]

Akaev, 2022 – Akaev, V.Kh. (2022). Formirovanie russko-kavkazskikh vzaimootnoshenii: ot antagonizma k edinstvu [Formation of Russian-Caucasian relations: from antagonism to unity]. *Vestnik Instituta razvitiya chechenskogo yazyka i istorii*. 19: 80-88. [in Russian]

Bell, 2007 – Bell, Dzh. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1838 gg. V 2 t. [Diary of a stay in Circassia during 1837–1838. In 2 vols]. T. 1. Nal'chik. [in Russian]

Belozerova, 2015 – Belozerova, M.V. (2015). K probleme rossiisko-cherkesskogo vzaimodeistviya i formirovaniya etnicheskoi identichnosti: XIX – nachalo XXI veka [To the problem of Russian-Circassian interaction and the formation of ethnic identity: 19th – early 21st centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 32: 26-33. [in Russian]

Berezgov, Dзамikhov, 2018 – Berezgov, B.N., Dзамikhov, K.F. (2018). Cherkesy (adygi) v sisteme voenno-politicheskikh vzaimootnoshenii gosudarstv vostochnoevropeiskogo regiona (konets XV – 60-e gody XVI vv.) [Circassians (Adyghe) in the system of military-political relations of the states of the Eastern European region (late 15th – 1660s of the XVI centuries)]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 5: 54-66. [in Russian]

Berzhe, 1858 – Berzhe, A.P. (1858). Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyy Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva [A brief overview of the mountain tribes in the Caucasus, compiled by A.P. Berger, ruler of the Caucasian department of the Imperial geographical society]. Tiflis. [in Russian]

Bidanok, 2021 – Bidanok, M.M. (2021). Kul'tura i istoriya kak osnova russko-cherkesskikh svyazei [Culture and history as the basis of Russian-Circassian relations]. *Sbornik statei XIV regional'nykh nauchnykh chtenii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennykh dnyu slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury*. *Sbornik statei*. Maikop. Pp. 16-22. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. 3-1 (Special issue): 1415-2266. DOI: 10.13187/bg.2020.3-1.1415

Dзамikhov, 2017 – Dзамikhov, K.F. (2017). "V sluzhbe i oborone...". Kabarda i rossiiskoe gosudarstvo: epokha voenno-politicheskogo sotrudnichestva (1550-e – nachalo 1770-kh godov) ["In service and defense...". Kabarda and the Russian state: the era of military-political cooperation (1550s – early 1770s)]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN. 356 p. [in Russian]

Dзамikhov, 2021 – Dзамikhov, K.F. (2021). Russko-kavkazskie vzaimootnosheniya: poisk sinteza [Russian-Caucasian relations: the search for synthesis]. *Kavkazskie chteniya (pamyati prof. V.V. Chernousa)*. Materialy Kruglogo stola. Rostov-na-Donu. Pp. 62-70. [in Russian]

Gapurov, 2015 – Gapurov, Sh.A. (2015). Stranitsy istorii rossiisko-gorskikh otnoshenii v XVI–XIX vekakh [Pages of the history of Russian-highlander relations in the 16th–19th centuries]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 56: 51-56. [in Russian]

Gapurov, Magamadov, 2015 – Gapurov, Sh.A., Magamadov, S.S. (2015). Iz istorii rossiisko-gorskikh otnoshenii v dorevolutsionnyi period: popytki novogo prochteniya [From the history of Russian-highlander relations in the pre-revolutionary period: attempts at a new reading]. *Kavkazskaya voyna: simvoly, obrazy, stereotipy*. *Sbornik nauchnykh statei*. Otv. red. T.V. Kovalenko. Pp. 56-67. [in Russian]

Ivantsov et al., 2017 – Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Smigel, M., Valleau, A. (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.

- Kokiev, 1926** – Kokiev, G. (1926). Ocherki po istorii Osetii. Chast' 1 [Essays on the history of Ossetia. Part 1]. Vladikavkaz. 160 p. [in Russian]
- Kozhev, 2020** – Kozhev, Z.A. (2020). Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV-XVII vv. [Essays on the military-political history of Circassia in the 15th-17th centuries]. Nal'chik. [in Russian]
- Kurov, 2021** – Kurov, N.Z. (2021). Kunachestvo v istorii vzaimootnoshenii cherkesskikh i russkikh poselenii Uspenskogo raiona Krasnodarskogo kraia [Kunachestvo in the history of relations between Circassian and Russian settlements in the Uspensky district of Krasnodar Krai]. *Sbornik statei XIV regional'nykh nauchnykh chtenii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennykh dnyu slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury. Sbornik statei*. Maikop. Pp. 118-122. [in Russian]
- Ozova, 2017** – Ozova, F.A. (2017). Rol' instituta amanatstva v russko-cherkesskikh otnosheniyakh (1552–1864) [The Role of the institution of amanatstvo in Russian-Circassian relations (1552–1864)]. *Klio*. 11(131): 121-128. [in Russian]
- Pokrovskii, 1989** – Pokrovskii, M.V. (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Adyghe people in the late 18th – first half of the 19th centuries]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]
- Rajović et al., 2018** – Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerovala, A.G., Trailovic, M. (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.
- Sitimova, 2022** – Sitimova, S.S. (2022). Russko-cherkesskie kul'turnye vzaimosvyazi [Russian-Circassian cultural relations]. *Sbornik statei XV mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii, posvyashchennykh Dnyu slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury i 100-letiyu gosudarstvennosti Adygei. Sbornik statei mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii*. Maikop. Pp. 284-287. [in Russian]
- Stal', 1900** – Stal', K.F. (1900). Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay on the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. 21: 60-173. [in Russian]
- Tornau, 2008** – Tornau, F.F. (2008). Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera. V 2 ch. [Memories of a Caucasian Officer. In 2 parts]. Maikop. [in Russian]
- Trut, 2021** – Trut, V.P. (2021). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266 (A Special Issue). *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 58-65.
- Vinogradov, 2013** – Vinogradov, B.V. (2013). Eshche raz k probleme otsenivaniya kharaktera i osobennostei rossiisko-gorskogo vzaimodeistviya v XVI – nachale XIX veka [Once again on the problem of assessing the nature and features of Russian-mountain interaction in the 16th – early 19th centuries]. *Integratsiya narodov Kavkaza i Rossii (K 200-letiyu Gyulistanskogo dogovora 1813 g.). Materialy mezhd. nauch.-prakt. konferentsii*. Pod red. M.R. Gasanova, R.M. Sultanbekova, Z.M. Amirovoi, P.A. Gamzatovoi. Pp. 70-80. [in Russian]

Первый опыт русско-черкесских взаимоотношений (1792–1793 гг.) на материалах «Черкесских невольничьих повествований»

Илья Владимирович Тюрин ^{a, *}, Кристина Александровна Зарубина ^b, Михаил Федорович Гацко ^c, Сергей Павлович Жданов ^{d, e}

^a Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^b Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d «Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

^e Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено анализу начального этапа русско-черкесских отношений в 1792–1793 годах. Методами исследования послужили историко-системный метод, историко-генетический метод, метод классификации и др. В качестве материалов были привлечены архивные документы, опубликованные в сборнике «Черкесские невольничьи повествования».

При проникновении на Северный Кавказ Российская империя сталкивалась с враждебным к себе отношением со стороны местных закубанских многочисленных этнических (включая и русскоязычных, в частности, казаков-«некрасовцев») групп. Основной характеристикой взаимоотношений стал криминальный элемент со стороны горцев, называемых черкесами и абазинами, а также «некрасовцев» (липованов); указанные этносы пленили некомбатантов и продавали в рабство. Агрессия со стороны аборигенных этносов была обусловлена особенностями

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tyurin.iv@rea.ru (И.В. Тюрин)

черкесской работорговой (захват и продажа людей) экономики. Дипломатически, отношения России и Османской империи, под протекторатом которой находилось горское правобережье Кубани, были вполне равными после победы Российской империи в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и внешне стороны весьма уважительно относились к претензиям друг друга.

Ключевые слова: русско-черкесские взаимоотношения, русско-черкесская война, присоединение Северного Кавказа к России, проблема невольничества на Кавказе.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 619-631
DOI: 10.13187/bg.2026.2.619

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Role of the Mining Institute in the Development of 19th century Theatrical Art

Sergey I. Podolskiy ^{a, *}, Vladimir G. Afanasev ^a

^a Empress Catherine II Saint-Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the students of the Mining Institute who chose a professional theatrical occupation. The focus is on the biographies of V.A. Karatygin (1802–1853), I.P. Boretsky (1795–1842) (Pustoshkin), I.V. Orlov (Kopylov) (1795–1862), and the brothers V.V. Samoilov (1813–1887) and S.V. Samoilov (1815–1900). To understand the reasons that led these individuals to the theater, the authors studied the atmosphere of the Mining Cadet Corps in detail. The privileged military educational institution, which had traditions dating back to the Noble Land Cadet Corps, fostered the development of the young mining engineers' creative abilities. The leadership of the Corps constantly supported the young people, providing them with opportunities for rehearsals and theatrical performances within the walls of the Cadet Corps. The Mining Cadet Corps had its own mechanisms of salon-based culture. Through these mechanisms, future mining engineers were introduced to the nobility. This approach helped to shape the future engineers into well-rounded individuals. Some of them became actors. V.A. Karatygin, while studying at the Mining Corps, discovered that he did not like the exact sciences, and he left the Cadet Corps and eventually entered the world of theater.

Keywords: Mining Institute, Mining Cadet Corps, cadets, theater, students, actor, theater history.

1. Введение

Важнейшим шагом в создании профессионального театра в России стало открытие в 1613 г. в Москве «Потешной палаты» при дворе Михаила Федоровича. Она объединяла иностранных комедиантов и русских потешников. Следующим большим достижением стало создание в 1672 г. по повелению царя Алексея Михайловича придворного театра. Его возглавил лютеранский пастор И.Г. Грегори (1645–1675). В основу придворных представлений были положены церковные постановки для немецкой семинарии. В эпоху Петра I начиная с 1699 г. театральное искусство сделало колоссальный шаг вперед. В Москве действовал кукольный театр Я. Сплавского и труппа И. Кунста (Кунштадта), ей в ноябре 1702 г. царь заказал постановку пьесы на взятие Орешка (Шлиссельбурга). Но прежде всего, театры возникали при дворах родственников царя: сестры Петра I – Натальи Нарышкиной и Прасковьи – вдовы Иоанна Алексеевича, и ее дочерей ([История русского театра, 1914: 69-89](#)). Театр воспринимался как развлечение для высшего света, но в то же время должен был выполнять и важную социальную функцию.

Новые театры создавались и при учебных заведениях. Так называемый школьный театр, ставящий нравоучительные христианские постановки появился в Славяно-греко-латинской академии. Это стало возможным благодаря тому, что ректором академии был назначен Палладий (Роговский), ученик братьев Лихудов, побывавший в католических церковных заведениях. Он впитал некоторые зарубежные веяния. В ноябре 1701 г. театр академии поставил первое представление на тематику спасения от грехов ([Ефремова, 2015: 189](#)). Другой театр был организован медиком Петра I, доктором Н.Л. Бидлоо (1669–1735) при Московском госпитале. В нем играли воспитанники

* Corresponding author

E-mail addresses: octet@yandex.ru (S.I. Podolskiy), vga.prof@mail.ru (V.G. Afanasev)

госпиталя. Трижды в 1723–1724 гг. на таких представлениях как «История царя Александра и царя Дария» и «Слава Российская» был сам Петр I и даже его супруга (Морохин, 2024: 184). В то же время первый театр в военно-учебном заведении возник при Навигацкой школе (Всеволодский-Гернгросс, 2011: 38).

Традиционно, яркие театрализованные и музыкальные представления давались в протестантских и католических общинах Москвы и Петербурга. Эти представления были весьма популярны и посещались представителями разных сословий и вероисповеданий, в том числе монархом и представителями правящей элиты (Самыловская, 2016: 49-51).

При Анне Иоанновне светский театр получил распространение за пределы столицы – в Риге в разные годы действовало несколько немецких трупп (Всеволодский-Гернгросс, 1914: 94-95). Это было вполне закономерно, учитывая политику Петра I и его преемников, стремившихся создать благоприятные условия для элиты и городов Лифляндии (Самыловская, 2020: 182-187). Дворянский театр при военно-учебном заведении расцвел, когда в 1732 г. был открыт Сухопутный шляхетский корпус. Шляхетский корпус был учебным заведением универсального типа, в программу которого входили как военные дисциплины, так и различные «изящества». Разносторонняя программа учебного плана, включавшая музыку, риторику, декламацию, способствовала созданию кадетами Общества русской словесности, из которого вышел А.П. Сумароков (1717–1777). В октябре 1747 г. он опубликовал первую русскую трагедию «Хорев», которая в 1749–1750 гг. по требованию Елизаветы Петровны была поставлена при дворе (История русского театра, 1914: 96).

Традиции дворянского и кадетского театра нашли продолжение в Горном училище. Взаимосвязь между театральным искусством и Горным институтом прослеживается на протяжении всей истории учебного заведения. Директор Горного училища П.А. Соймонов (1737–1800) активно участвовал в организации театрального дела в столице с 1783 г. (Во главе Горного института, 2017: 40; Очерки истории Горного института, 2023: 207). Безусловно, Горный институт на протяжении последней четверти XVIII в. и всего XIX в. был, прежде всего, кузницей кадров для горной и металлургической промышленности, для маркшейдерии и геологии (Мокеев et al., 2020: 2514-2521; Мокеев А.Б., 2023: 109-114; Voloshinova, 2024: 885-895). Однако, среди выпускников института были и те, кто внес значительный вклад в развитие культуры и просвещения (Рудник и др., 2023: 810-830).

В данной статье, мы сосредоточим внимание на биографиях таких знаменитых воспитанников Горного института как В.А. Каратыгин (1802–1853), И.П. Борецкий (1795–1842) (Пустошкин), И.В. Орлов (Копылов) (1795–1862), братья В.В. Самойлов (1813–1887) и С.В. Самойлов (1815 – после 1900).

2. Материалы и методы

Для решения поставленной задачи привлечен комплекс источников. Использованы законодательные и правовые акты, к которым относятся Уставы Горного кадетского корпуса и Лесного института, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Источниковую основу исследования составили делопроизводственные документы из двух архивохранилищ – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Российский государственный исторический архив (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация). Из ЦГИА СПб использованы материалы фонда Горного института, включая дела, связанные с организацией кадетского театра и посещением воспитанниками театральных представлений, а также документы о приеме и увольнении учащихся. Из РГИА привлечен один документ из Фонда Императорских театров Министерства императорского двора.

Важнейшие детали из жизни личностей исследуемых актеров можно найти в воспоминаниях современников: записках декабриста М.А. Бестужева, преподавателя Института корпуса горных инженеров А.В. Иванова, актеров П.А. Каратыгина, В.В. Самойлова, А.П. Ленского, актрисы П.И. Орловой-Савиной, сенатора С.П. Жихарева, географа П.П. Семенова-Тян-Шанского, инженера В.А. Панаева, драматурга А.Н. Островского.

Биографический подход позволил изучить жизненные пути выпускников Горного кадетского корпуса, ставших актерами. Сравнительно-исторический подход был применен для сопоставления фактов из жизни исследуемых персоналий. Посредством структурно-функционального анализа были выявлены социальные связи актеров. Обращение к истории повседневности позволило представить героев статьи в их учебной и служебной среде.

3. Обсуждение

Интерес к личностям актеров – выпускников Горного института – в театральной историографии прослеживается с середины XIX века, когда о них писал основоположник русской театральной историографии П.Н. Арапов (1796–1861) (Летопись русского театра, 1861: 262, 367, 370-372, 378). Среди крупных работ, созданных до революции и в советский период, где подробно анализируется вклад воспитанников Горного института выделим труды И.В. Березарка (1897–1981), Б.В. Варнеке (1874–1944), В.Н. Всеволодского-Гернгросса (1882–1962) (Березарк, 1948; Варнеке, 1914: 422-428, 446-450; Всеволодский-Гернгросс, 2011: 122-125, 148-149, 236-238).

На современном этапе важнейший центр изучения наследия актерской семьи Самойловых – мемориальный музей-квартира, посвященный этой династии (Зилотина, 2020: 103-115). Большой интерес представляют дискуссии о различных актерских школах, в рамках которых изучаются факты из биографий артистов, воспитанников Горного института (Цимбалова, 2015: 87-93; Шалимова, 2023: 92-236). Существует ряд современных работ, в которых краеведы г. Кириши восстановили сценическую биографию хозяина усадьбы в селе Панихино – И.П. Борецкого (Пустошкина) (Гурьянова, 2020: 12-13; Ершова, 2024: 318-322). И.В. Орлов (Копылова) периодически попадал в поле зрения исследователей, и он раскрыт как крупный артист своего времени (Фельдман, 2002: 412, 424; Яковлева, 2015: 16-17). Представляют интерес публикации Е.Н. Палий, посвященные элементам салонной культуры в технических учебных заведениях. Так, Е.Н. Палий и ее соавтор пишут: «через салонную культуру обучающиеся были вовлечены в процессы культурного наследования... Выпускники... были готовы к участию в высших салонах Петербурга и Москвы... (Палий, Сморгачева, 2024: 53). Особняком стоят труды, созданные в стенах Санкт-Петербургского горного университета. В этих исследованиях тема развития элементов салонной культуры получила всестороннее развитие, авторы акцентировали внимание на биографиях знаменитых выпускников Горного института, сделавших вклад в культуру России. Данные работы играют одну из ведущих ролей в историографии поднятой нами темы (Афанасьев, 2020: 150-165; Очерки истории..., 2023: 228-233).

4. Результаты

Ю.М. Лотман (1922–1993) писал, что существуют эпохи, «когда искусство властно вторгается в быт, эстетизируя повседневное течение жизни: Возрождение, барокко, романтизм, искусство начала XX века. Это вторжение имеет много последствий. С ним, видимо связаны взрывы художественной талантливости, которые приходится на эти эпохи» (Лотман, 2016: 263). В обстановке привилегированного дворянского военно-учебного заведения, каковым был Горный кадетский корпус, большое место в жизни воспитанников занимал самодеятельный театр и музыкальное искусство. Этому способствовал Устав корпуса, принятый 19 января 1804 г., в котором было написано, что «Дабы воспитанники и в возрасте своем по выпуске из Корпуса могли с приятностию проводить свободное время от трудов и должности, особенно в удаленных местах на заводах, куда службою они предназначаются, не излишне обучать их музыке...» (Устав горного..., 1830: 33-43).

В первой половине XIX в. в учебное заведение в основном поступали дети, которые постоянно жили в его расположении и увлечение театром способствовало как приобщению их к искусству, так и раскрытию личностей воспитанников в свободное время. Руководство учебного заведения всячески поощряло это направление и не жалело средств на его развитие. В 1808 г. на разнообразные нужды кадетского театра (холст, одежда, книги, чай для воспитанников) было выделено 89 руб. 5 копеек (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1659. Л. 3). 22 февраля того же года на расходы, связанные с театром, было выделено 80 руб. 68 коп. в том числе 27 руб. на оплату музыкантам (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1659. Л. 6). Похожая ситуация сложилась и в 1809 г., когда на театр для воспитанников по подсчетам авторов было выделено 228 руб. (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1914. Л. 3-14).

В кадетском театре заметную роль играл Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797–1837). Об этой стороне пребывания его в Горном кадетском корпусе брат Михаил Александрович Бестужев (1800–1871) писал: «Когда впоследствии в Горном корпусе образовался театр, он был главным декоратором и костюмером. Театр был очень изящно устроен и там разыгрывались очень миленькие пьески; список актеров, состоящий из весьма талантливых кадет, был очень длинен, но, несмотря на то, брат всегда брал роли по своему произволу, и выбор его по большей части падал на самые эффектные. Особенно он хорош был в роли Фрица в комедии Коцебу «Пажеские шутки» (Бестужев, 1951. Л. 215).

Для более полного представления о кадетском театре приведем отрывки из воспоминаний Ардалиона Васильевича Иванова (1805–1878), учившегося в Горном кадетском корпусе в 1815–1822 гг. и впоследствии преподававшего там русский язык. Он писал: «Любимым удовольствием кадет были театральные представления в корпусе... Для сцены делалось возвышение, декорации писали сами кадеты, они же придумывали и механизм для постановки и перемены кулис; костюмы отпускались из гардероба императорских театров; оркестр был у нас – казенный; актеры – унтер-офицеры и кадеты, при участии офицеров и наставников наших, любивших драматическое искусство». Мемуарист вспоминал, что гостей приглашал директор и преподаватели кадетского корпуса, среди зрителей были их родственники и друзья. Приглашались различные почетные особы. В столице спектакли, поставленные в Горном кадетском корпусе, пользовались известностью (Иванов, 1859: 273-274).

А.В. Иванов вспоминал, что активно ставились комедийные пьесы 1820-х гг.: И.А. Крылова – «Модная Лавка», «Урок Дочкам»; Я.Б. Княжнина – «Чудаки»; Д.И. Фонвизина – «Недоросль»; В.В. Капниста – «Ябеда», «Молодые супруги». Пользовались популярностью пьесы Н.И. Хмельницкого (Иванов, 1859: 273-274). Николай Иванович Хмельницкий (1789–1845), прямой потомок Богдана Хмельницкого, воспитанник Корпуса. Его постановки «Говорун» и «Воздушные замки» «с восторгом принимались публикой» (Бондарева и др., 2021: 99). В корпусе был успешно

поставлен балет «Севильский цирюльник». Французские постановки помогали совершенствовать французский язык (Иванов, 1859: 273-274).

Занятие театральным делом начиналось в приватной обстановке. Воспитанники устраивали представления в спальнях: декорации делали из обоев или бумаги, занавес – из простыней, костюмы из кадетской одежды. Начальники не скупились на сальные свечи для освещения. После репетиций на представления в спальнях приходили офицеры, учителя и старшие кадеты. Кадеты платили по десять копеек медью на издержки. На таких «утренниках» юные актеры пробоvalи свои артистические способности. Царил дух непринужденности (Иванов, 1859: 273-274). Театр помогал по-другому взглянуть на повседневность: «взгляд на жизнь как на спектакль давал человеку новые возможности... избирать амплу индивидуального поведения, но и наполнял его ожиданием событий» (Лотман, 2016: 264).

В учебном плане театральные постановки «обучали кадет свободной разговорной речи, публичным выступлениям, способствовали формированию принятых в обществе поведенческих установок, развивали навыки ораторского мастерства, актерские и литературные таланты» (Бондарева и др., 2021: 99). Развитие этих коммуникационных навыков очень важно и у современных студентов: в рамках проходящей в наше время реформы образования в Санкт-Петербургском горном университете императрицы Екатерины II предусмотрены значительные часы на развитие «общей культуры личности» (Litvinenko, 2025: 11). «Театрализации» образования способствовало присутствие в залах Горного кадетского корпуса античных экспонатов, ассоциировавшихся с древним театром (Дорофеев и др., 2023: 674-686). В 1828 г. по предложению графа, сенатора С.С. Уварова (1786–1855) в гимназиях ввели преподавание латыни и древнегреческого языка (Микешин, 2023: 131-132).

Из актеров-любителей выросли будущие профессионалы. Василий Андреевич Каратыгин (1802–1853) родился в семье актеров Императорских театров Андрея Васильевича и Александры Дмитриевны Каратыгиных. Когда ему исполнилось восемь лет, отец в сентябре 1810 г. обратился в комитет Горного кадетского корпуса с прошением о зачислении сына Василия «для обучения преподаваемым в оном корпусе наукам на собственное мое содержание...». Каждый год Каратыгин отец обязался высылать 300 рублей (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2195а. Л. 116). К прошению прилагалось специальное свидетельство, подтверждавшее, что Василий Каратыгин – сын А.В. Каратыгина из дирекции императорских театров. Василий Каратыгин был зачислен 3 декабря 1810 г. (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2195а. Л. 118-119).

Во время обучения в корпусе Василий, получив от родителей, начальные навыки актерского искусства, принимал активное участие в любительских спектаклях. Однако, через четыре года обучения выяснилось, что сын хорошо успевает только по гуманитарным и общеобразовательным дисциплинам, поэтому родители сочли, что служба по горному ведомству не для него. 3 декабря 1814 г. отец воспитанника без объяснения причин обратился к руководству корпуса, чтобы взять сына из корпуса, что и было оформлено 24 декабря 1814 г. приказом (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2798. Л. 126). В справке об учебе Василия Каратыгина, выданной 18 марта 1815 г. и подписанной инспектором и профессором корпуса (1804–1817) академиком медицины А.И. Шерером (1771–1824) сообщалось, что он «вначале поступил в нижние классы, потом перешел в средние. Обучался с успехами очень хорошими ботанике и зоологии, хорошими: алгебре, статистике, немецкому и французскому языкам и переводному английскому языку, логике и риторике. Также обучался рисованию и танцеванию» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2798. Л. 127).

После этого Василий устроился в департамент внешней торговли, дослужился до офицерского чина. Но тяга к театру была сильнее. Учитывая, что родители в небольшой казенной квартире организовывали домашние спектакли, в которых все члены семьи сами готовили костюмы и декорации. Актерами в них выступали четверо сыновей и сестра и несколько близких знакомых. «Зрителями этих спектаклей, – пишет в воспоминаниях брат Василия – актер и драматург Петр Андреевич Каратыгин (1805–1879), – обыкновенно были иные актеры и актрисы того времени и знакомые отцу моему литераторы» (Каратыгин, 1873: 53). Среди гостей выделялись князь, драматург А.А. Шаховской (1777–1846), писатель М.Н. Загоскин (1789–1852), генерал и военный историк А.В. Висковатов (1804–1858), сенатор А.И. Корсаков (1751–1821) (Каратыгин, 1873: 54).

Князь Шаховской решил обучать участников домашних спектаклей театальному делу. Через несколько месяцев в присутствии директора императорских театров князя П.И. Тютякина (1769–1845) состоялось представление, после которого Каратыгину предложили выступить на профессиональной сцене. Против воли родителей Василий дебютировал 3 мая 1820 г. на сцене петербургского Малого театра (Каратыгин, 1873: 54). Актер удостоился успеха у зрителей и высокой оценки в мире искусства. Он еще три раза дебютировал и после этого решил стать профессиональным актером. Особенностью актерского таланта Каратыгина было стремление к рациональной игре, подчеркивающей яркий внешний рисунок роли. К его лучшим ролям критики относили героев Вильяма Шекспира – Гамлета, Отелло, короля Лира. Василия Андреевича ожидала слава первого трагика. Знаток театра, сенатор С.П. Жихарев (1788–1860) называл Василия Каратыгина «замечательным классическим трагедиантом» (Жихарев, 1955: 584).

Об Иване Петровиче Борецком (Пустошкине) (1792/1795–1842) интересные воспоминания сохранились у М.А. Бестужева: «отец мой (А.Ф. Бестужев – *авт.*) определил его в Горный корпус, но его душа не симпатизировала с подземной мрачною жизнью рудокопа – его увлекла сценическая слава...» (Бестужев, 1951: 92). Юный Пустошкин, увлекшись театром «употребляя различные хитрости, он в классное время убежал без спроса в театр, пренебрегая опасностью быть исключенным из Корпуса». В 1812 г. Иван Петрович ушел на Отечественную войну, где попал на военную службу и после кампании вышел в отставку. Бестужев вспоминал, что Иван Петрович «переменив фамилию Пустошкин на псевдоним Борецкий, дебютировал на сцене довольно удачно в роли Эдипа» (Бестужев, 1951: 92). Это произошло в январе 1818 г. Актер играл в представлении «Эдип в Афинах». П.А. Каратыгин считал, что ничего лучше по таланту, чем царь Эдип Борецкий сыграть не сумел (Каратыгин, 1873: 79).

Борецкий происходил из дворян Новгородской губернии. В армии Иван Петрович служил с 1812 г. до апреля 1816 г. С 1817 г. он уже стал чиновником правления Государственного заемного банка. Только 15 февраля 1818 г. Борецкий стал актером Петербургской театральной дирекции, в которой проработал двадцать три года. Будучи знакомым со многими декабристами 14 декабря 1825 г. Борецкий оказался на Сенатской площади и стал свидетелем восстания. Его воспоминания были записаны Бестужевым. Иван Петрович не только предоставил укрытие Михаилу Бестужеву, но и снабдил его крестьянской одеждой для побега. Задержанный Следственной комиссией Борецкий был допрошен генерал-адъютантом В.В. Левашовым (1783–1848). Николай I принял решение вернуть ему личные бумаги и отпустить актера домой, ограничившись замечанием о том, что родственные чувства не должны заслонять верноподданности (Борецкий, 1988: 28, 229). Борецкий продолжал играть в Императорском театре до ухудшения здоровья в 1841 г., когда был вынужден выйти в отставку. По поводу своего состояния сам Иван Петрович еще в 1833 г. писал: «жизнь без здоровья – скучная жизнь. Служака без него – плохой служака». Умер И.П. Борецкий в 1842 г., его жене и восьмерым детям по решению Николая I была назначена пенсия (Ершова, 2024: 320, 322).

Еще одним воспитанником Горного кадетского корпуса, оставившим заметный след в истории театрального искусства России, был Илья Васильевич Копылов (1792 (по другим данным 1795) – 1862), более известный под сценической фамилией Орлов. Первое упоминание о нем как воспитаннике Горного кадетского корпуса относится к 31 июля 1804 г. В этот день директор корпуса А.И. Корсаков (1751–1821) написал командиру корпуса Александру Васильевичу Казадаеву (1776–1854): «По дошедшему ко мне прошению от надворного советника Василия Копылова предписываю вам 11-летнего сына его Илью принять в число воспитанников на казенное содержание за счет академической суммы» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 720. Л. 1).

В 1815 г. после окончания Горного кадетского корпуса Копылов, как добросовестный воспитанник, был оставлен в качестве дежурного офицера. Но 7 июня 1823 г. он обратился к директору корпуса Е.И. Мечникову (1770–1836) с просьбой «отлучиться в собственную свою деревню, состоящую в Боровицком уезде Новгородской губернии» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 3934. Л. 1). На службу он больше не вернулся. В 1825–1828 гг. Копылов был актером Александринского театра, а в 1828–1848 гг. – Малого, после чего несколько лет работал в провинциальных театрах. Его отличал высокий рост, сильный голос. Орлов запомнился в истории театра тремя ролями: Скалозуба («Горе от ума»), Осипа («Ревизор»), и Могильщика («Гамлет»). Современники отмечали, что в роли Скалозуба, И.В. Орлов даже верно передал голос: «густой баритон, как будто бы немножко сорванный от подачи громких команд». Другой яркой ролью был Осип: «Осип у Орлова соединял хитрость, скрываемую под маской простоты, со смешной фанаберией лакея, побывавшего в Петербурге и теперь презиращего провинциалов» (История русского..., Т. 3, 1978: 138). В.Г. Белинский (1811–1848) писал, что «бесподобно выполняет г. Орлов роль Могильщика: естественность его игры так увлекательна, что забываешь актера и видишь могильщика» (Белинский, 1953: 339).

В 1835–1851 гг. Илья Васильевич был женат на выпускнице Московского театрального училища Прасковье Ивановне Куликовой (1815–1900), вместе они выступали на сцене Малого театра. Но брак распался в силу семейных конфликтов. Несмотря на расставание, узнав о тяжелой болезни Орлова, Прасковья Ивановна проявила заботу, попрощалась с ним перед смертью и заказала памятник на могилу мужа (Орлова-Савина, 1994: 17-18, 135, 138-139). Новгородский краевед Н.П. Яковлева сделала подробное описание этого памятника, установленного в сентябре 1863 г. по эскизу актера И.И. Сосницкого (1794–1871). На южной стороне аналога выбито: «Илья Васильевич Копылов-Орлов. Скончался 1862 года августа 20 дня на 70-м году» (Яковлева, 2015: 16-17). Заметим, что дата рождения в документах, ранее цитированных, и даты на надгробии отличаются от приведенных в «Театральной энциклопедии» (Орлов (Копылов), 1965: 208).

Выдающимся актером современности еще при жизни называли другого воспитанника Горного корпуса – Василия Васильевича Самойлова (1813–1887). Он вспоминал, что Николай I однажды спросил главу семейства Василия Михайловича Самойлова, знаменитого оперного певца: «отчего он ни одного из своих сыновей не определит на сцену. Разве ни один из них не наследовал твоего таланта?». Василий Михайлович отвечал, что его дети должны отслужить положенный срок. «А если таланты есть, – возразил государь, – давай их к нам на сцену; офицеров всегда сделать можно,

а артистов нет». Якобы, В.В. Самойлову, будучи офицером, после встречи отца с Николаем I пришлось согласиться стать актером. Бенефис прошел 5 октября 1834 г. в Большом театре в опере А. Дювала (1767–1842) и Э. Мегюля (1763–1817) «Иосиф в Египте» (1807) (Самойлов, 1884: 127–131).

Несмотря на значимость фактов, они нуждаются в уточнениях. Николай I действительно общался с В.М. Самойловым и по его решению певец был даже изображен на знаменитом полотне Г.Г. Чернецова (1802–1865) «Парад на Царицыном лугу» (Гусейнова, 2011: 394–395). Император также часто бывал в Горном кадетском корпусе. Он интересовался уровнем подготовки будущих выпускников и встречался с профессором И.Н. Вольгемутом (1766–1837), преподававшим сыновьям Государя математику и физику (Господариков и др., 2024: 89). Но, вызывает сомнение утверждение, что Николай I, уделяя огромное внимание разносторонней подготовке офицеров, считал ее более простой и дешевой, чем обучение артистов. Также непонятно почему не имевший никакого отношения к армии Самойлов называет себя офицером.

Отец Самойлова – Василий Михайлович (1782–1839) – был известным драматическим и оперным артистом Петербургской труппы императорских театров. Хорошо зная нелегкий артистический труд, он решил своим детям дать более перспективное техническое образование. Самойлов подал 29 июля 1820 г. прошение в Горный кадетский корпус о том, что «имею я желание определить сыновей моих Александра и Василия, коим от роду первому 11, а второму 10 лет в Горный кадетский корпус... при сем предоставляю... тысячу четыреста рублей вперед за год...» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 3467. Л. 69–70).

В последующий период у Василия Михайловича возникли проблемы с оплатой обучения детей: долг на 1 марта 1823 г. составлял 952 руб. 6 $\frac{3}{4}$ коп. (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 3979а. Л. 5). Через прошение директора корпуса Е.И. Мечникова старшего Александра Самойлова, прилежно учившегося удалось перевести на казенный счет в 1823 г. (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 3981. Л. 2). В.М. Самойлов с большим трудом покрывал долги за обучение сыновей в 1823–1824 гг. (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 3979а. Л. 52). Василий Михайлович обратился за помощью к поклоннику своего таланта петербургскому военному генерал-губернатору, герою Отечественной войны 1812 г. генералу М.А. Милорадовичу (1771–1825). Ответом на это обращение стало письмо графа директору Горного кадетского корпуса Е.И. Мечникову от 19 января 1824 г.: «Евграф Ильич! Известный наш актер Самойлов просит моего ходатайства о помещении на казенное содержание сына его, находящегося пансионером в корпусе. Надеюсь на расположение ко мне..., я покорнейше прошу вас принять просьбу Самойлова в благосклонное ваше уважение и в удовлетворении оной оказать мне особенное одолжение» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4047. Л. 7). Получив письмо, Мечников обратился в комитет корпуса: «своекоштного пансионера Василия Самойлова в уважение доброго его поведения и способностей и по ходатайству здешнего военного генерал-губернатора... предлагаю поместить на экономическое содержание». 21 января 1824 г. Мечников подтвердил Милорадовичу исполнение данного распоряжения (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4047. Л. 7).

В сентябре 1829 г. Самойлов по собственному желанию перевелся в Лесной институт, учрежденный Николаем I 19 июня того же года. В «Положении об устройстве Санкт-Петербургского Лесного Института», было указано, что полный курс обучения занимал шесть лет. Однако он мог быть сокращен вдвое для воспитанников Горного института благодаря общности дисциплин (Высочайшее утвержденное..., 1830: 428–432). Департамент государственных имуществ обратился в Департамент горных и соляных дел с просьбой об отборе достойных кандидатов. На перевод согласились пять учащихся пятого класса, включая Самойлова, а также двое учащихся шестого класса (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4338. Л. 8–9).

Лесной институт Василий окончил в 1832 г. В аттестате, подписанном начальником департамента корабельных лесов генерал-лейтенантом П.Г. Орловским (1762–1857) 5 июня 1834 г. отмечалось, что Василий Самойлов «награжден чином 14 класса... состоял он в ведении генерал-майора Паренсова по отделу корабельных лесов... всегда аттестовывался способным и достойным» (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 6816. Л. 5–6). Самойлов состоял на службе у ветерана наполеоновских войн Д.Т. Паренсова (1778–1868). 31 мая 1834 г. Самойлов, став чиновником 12 класса, по ходатайству дирекции императорских театров и по решению императора Николая I, объявленному морскому министру генерал-адъютанту В.Ф. Адлербергу (1791–1884), был уволен из Департамента корабельных лесов. На основании распоряжения директора императорских театров А.М. Геденова (1792–1867) от 14 января 1834 г. Самойлов был зачислен в российскую группу актеров «с жалованьем по две тысячи рублей и на гардероб по триста рублей в год» (Березарк, 1948: 10).

Казалось, Самойлова ожидала успешная карьера, но актерское становление проходило медленно. Только 11 января 1838 г. он был переведен с годовых контрактов и низкого жалования на трехлетний срок и более высокое вознаграждение «с обязанностью играть в ролях и представлениях по назначению дирекции» (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 6816. Л. 23). Чтобы иметь дополнительный заработок, Самойлов рисовал на заказ небольшие картины масляными красками и карандашом. Отдельные его зарисовки уже к театральным постановкам хранятся в Александринском театре, а четыре альбома находятся в Музее семьи актеров Самойловых в Санкт-Петербурге. Известны его острые карикатуры. А также он сочинял музыку и романсы.

Первый серьезный успех Самойлову принесла роль Макара Губкина в пьесе Ф.А. Кони (1809–1879) «Студент, артист, хорист и аферист», где он четыре раза переодевался и каждый раз создавал новый яркий характер. Зрители бились об заклад, играет ли один и тот же человек или новый актер (*История русского..., Т. 3., 1978: 145*). Драматург А.Н. Островский видел игру Самойлова в Нижегородском театре в августе 1845 г. во французской пьесе «Магазинщица». Он записал: «Такого актера, как Самойлов, я не видывал, и амплу его у нас на сцене не занято. Роль ветреного, веселого француза он сыграл удивительно верно. Это – порождение хорошего петербургского французского театра» (*Островский, 1978: 348-349*).

В 1866–1875 гг. на сцене Александринского театра В.В. Самойлов играл в пьесе британского драматурга Э. Булвер-Литтона (1803–1873) «Ришелье» (1839) роль кардинала. Актер А.П. Ленский (1847–1908) вспоминал, что в сцене, где кавалер Де Мопра пришел убить Ришелье и произносит список его злодеяний, кардинал сначала смущен. Но затем, узнав в убийце человека, которому он раньше покровительствовал, начинал овладевать собой. Происходило это постепенно: «... тонкая улыбка змеится по его губам, фигура выпрямляется и растет, глаза начинают смотреть уверенно, и когда тот заканчивает и называет себя по имени, Самойлов восклицает: «На колени, мальчишка!»». Самойлов говорил эти несколько слов ни громко, ни тихо, но так, что всякий понимал, что не стать на колени было нельзя! Это производило такое впечатление, точно перед вашими глазами сверкнул клинок полированной стали!» (*Ленский, 1950: 226*). В.В. Самойлова не смущало, если пьеса была плохого качества, он умел сделать роль интересной. Играя в пьесе «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, он доводил зал до плача, все сочувствовали Самсону Вырину (*Самойлов, 1904: 170*).

К 100-летию со дня рождения актера от Горного института был выпущен адрес, в котором обыгрывался миф о Геркулесе и Антее, отсылающий к скульптурной группе у портика института. Отмечалось, что «от прикосновения с землей, с действительностью, наши знания, искусство и творчество почерпают силу и мощь, а оторванные – увядают». Авторы заключали: «Память о бывшем воспитаннике Горного корпуса Василии Самойлове, перенесшим действительность жизни на сцену, где до того царила условность и ходульность, бережно хранится в Горном институте Императрицы Екатерины II» (*От Горного института..., 1913: 138*).

Воспитанники и выпускники Горного института получали разностороннюю подготовку с элементами салонной культуры, они уезжали на горные предприятия Урала, Алтая и Сибири, принося в эти отдаленные от центра края как отличные знания, так и высокую культуру. Горные инженеры способствовали аккультурации этих далеких и суровых регионов (*Тропов, 2024; Voloshinova, 2022: 152-167; Литвиненко, 2023: 95-111*). Известный путешественник и естествоиспытатель П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) проводил зиму 1856–1857 гг. в Барнауле. Он вспоминал: «Эстетические наклонности горных инженеров Алтайского горного округа проявлялись... в процветании барнаульского любительского театра, который имел даже свое собственное здание. Многие из горных инженеров... выработали из себя тонких, образованных артистов, между которыми в моей памяти остались горный инженер Самойлов, брат знаменитого актера Самойлова...» (*Семенов-Тянь-Шанский, 1947: 86*). Обучаясь за государственный счет, Самойловы должны были несколько лет работать на производстве в качестве компенсации за бесплатное обучение. Если Василий Васильевич не пошел по этому пути, поскольку перевелся в Лесной институт, то младший брат Сергей Васильевич (1815 – не позднее 1900 г.), окончивший институт в 1835 г., несмотря на свои ярко выраженные актерские способности, работал в горном ведомстве.

Похожую точку зрения высказал в своих интересных воспоминаниях инженер-путеец В.А. Панаев (1824–1899). Он встретился с Самойловым и провел с ним несколько дней во время строительства Николаевской железной дороги Петербург–Москва, когда тот привез в столицу транспорт с золотом и был направлен в район между Бологое и Окуловкой для проведения геологических работ. Панаев писал: «Самойлов в Сибири постоянно играл в любительских спектаклях... разъезжая для того вследствие неотступных приглашений за пятьсот верст и более, и потому знал массу ролей... Один день мы слышали сцены из «Гамлета», другой – из «Отелло», третий – из «Макбет» и т. д., из «Разбойников» Шиллера, «Дмитрия Донского», «Людвика XI» и проч., или вдруг Самойлов появлялся Хлестаковым, городничим, Чацким, Фамусовым и проч.». Панаев высоко ставил способности С.В. Самойлова, считая, что он мог быть более интересным и ярким актером, чем его брат Василий Васильевич. Панаев заключал: «Нет сомнения, что если бы Сергей Васильевич отдался артистической карьере, то оставил бы о себе память как один из великих артистов...» (*Григорович, 1987: 207-208*).

5. Заключение

В XVIII в. театральное искусство в России сделало крупный скачок в связи с обмирщением культуры. Театр занял важное место в воспитании дворянства, став элементом военно-учебной культуры в привилегированных учебных заведениях. Все российские монархи XVIII в. покровительствовали театру. Театральные традиции, зародившись в Шляхетском Сухопутном корпусе, перешли в Горное училище, став частью салонной культуры, присутствующей в жизни кадетов первой половины XIX в. Руководство Горного кадетского корпуса всегда способствовало

развитию интереса воспитанников к театру. Участие в постановках серьезно развивало кадетов. Приобщая их к салонной культуре, царившей в столице, они совершенствовали ораторские навыки, знание языков, учились различным моделям поведения. Дальнейшая военизация горного образования, начавшаяся в 1834 г. серьезно сузила развитие творческого потенциала воспитанников.

Горный кадетский корпус дал стране несколько профессиональных актеров, чьи таланты блистали в первой половине XIX века: В.А. Каратыгин, И.П. Борецкий, И.В. Орлов. В.В. Самойлов играл на сцене до конца 1870-х гг., а последний раз вышел на подмостки в 1884 г. Подготовка кадетов в корпусе отвечала запросам театрального искусства своего времени, еще не достигшего той степени профессионализма, характерного для последней четверти XIX в. В то же время будучи приобщенными к высокому искусству горные инженеры распространяли культуру в разных уголках Российской империи. Так, С.В. Самойлов активно участвовал в развитии любительского театра в среде провинциальной дворянской и земской интеллигенции.

6. Благодарности

Благодарим за помощь в подготовке статьи и за различные консультации к.и.н., доцента кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета Императрицы Екатерины II Екатерину Анатольевну Самыловскую.

Литература

- Афанасьев, 2020** – Афанасьев В.Г., Соколов А.Р. Во благо России. Воспитанники Горного института в культуре и общественно-политической жизни России (1773-1918). СПб.: Санкт-Петербургский Горный университет, 2020. 286 с.
- Белинский, 1953** – Белинский В.Г. «Гамлет». Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета / Полное собрание сочинений. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 253-346.
- Березарк, 1948** – Березарк И.В. Василий Васильевич Самойлов. Л.: Ленинградское отделение ВТО, 1948. 166 с.
- Бестужев, 1951** – Бестужев М.А. Мои тюрьмы. Очерки и ответы. 1869 г. / Воспоминания Бестужевых / ред., статья и комментарии М.К. Азадовского. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1951. С. 51-341.
- Бондарева и др., 2021** – Бондарева О.Н., Щукина Д.А., Егоренкова Н.А. К истокам гуманитарного образования в Санкт-Петербургском горном университете // *Вопросы истории*. 2021. № 12. С. 89-101. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi66
- Борецкий, 1988** – Борецкий (Пустошкин) И.П. (1795–1842) / Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 28, 229.
- Варнеке, 1914** – Варнеке Б.В. История русского театра. СПб.: изд. Н.Н. Сергиевского, 1914. 724 с.
- Во главе Горного института, 2017** – Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773-1918) / В.Г. Афанасьев, И.В. Волошинова, М.В. Друзин и др. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017. 240 с.
- Всеволодский-Гернгросс, 1914** – Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при Императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб.: Тип. Императорских театров, 1914. 111 с.
- Всеволодский-Гернгросс, 2011** – Всеволодский-Гернгросс В.Н. Краткий курс истории русского театра. СПб. – М. – Краснодар: Планета музыки, 2011. 256 с.
- Высочайшее утвержденное..., 1830** – Высочайшее утвержденное положение. Об устройстве Санкт-Петербургского Лесного Института. № 2940. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IV. 1829. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВ канцелярии, 1830. С. 428-432.
- Господариков и др., 2024** – Господариков А. П., Брылевская Л. И., Зацепин М. А. Кафедра высшей математики Горного университета в реформировании системы инженерного образования России // *Горный журнал*. 2024. №5. С. 86-97. DOI: 10.17580/gzh.2024.05.09
- Григорovich, 1987** – Григорovich Д.В. Литературные воспоминания. Приложения. Из «Воспоминаний» В.А. Панаева. М.: «Художественная литература», 1987. 335 с.
- Гурьянова, 2020** – Гурьянова Т.В. Он был? артист?... // *Киришский факел*. 2020. № 5 (30 января). С. 12-13.
- Гусейнова, 2011** – Гусейнова З.М. «Парад на Царицыном лугу» Г.Г. Чернецова: галерея музыкальных деятелей 1830-х годов // *Вестник Башкирского университета*. 2011. Т. 16. № 2. С. 391-396.
- Дорофеев и др., 2023** – Дорофеев Д.Ю., Боровкова Н.В., Васильева М.А. Горный музей как пространство науки и образования Горного университета // *Записки Горного института*. 2023. Т. 263. С. 674-686. EDN VLAJYZ
- Ершова, 2024** – Ершова О.В. Артист Иван Пустошкин-Борецкий / *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XV Всероссийской научной конференции, 15 марта, 2024 г.* / отв. ред. С.В. Степанов. Вып. 15. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 318-322. EDN: DOWIJM
- Ефремова, 2015** – Ефремова Н.Г. Первый спектакль «школьного» театра Славяно-греко-латинской академии. 1701 г., опыт исторической реконструкции // *Вопросы театра*. 2015. № 1-2. С. 189-211.

- Жихарев, 1955** – Жихарев С.П. Записки современника / ред., статьи и комментарии Эйхенбаума Б. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 837 с.
- Зилотина, 2020** – Зилотина Е.А. Мемориальный музей актеров Самойловых. К истории создания / Корифеи тетра в пространстве музея. Сб. статей по материалам конференции в Музее актеров Самойловых. СПб.: СПбГМТИМИ, 2020. С. 103-115.
- Иванов, 1859** – Иванов А.В. Воспоминания о воспитании в Горном кадетском корпусе, 1815–1822 // *Современник*. 1859. Ч.76. С. 233-280.
- История русского..., Т. 3., 1978** – История русского драматического театра. Т. 3. 1826-1845 / гл. ред. Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. 351 с.
- История русского театра, 1914** – История русского театра / ред. В.В. Каллаш, Н.Е. Эфрос, А.А. Бахрушин, Попов Н.А., Коровин К.А. Т. 1. М.: Книгоизд-во «Объединение», 1914. С. 69-103.
- Каратыгин, 1873** – Каратыгин П.А. Записки П.А. Каратыгина // *Русская старина*. Ежемесячное издание. 1873. Т. VII. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1873. С. 146-180.
- Ленский, 1950** – Ленский А.П. Статьи. Письма. Записи. М.: Искусство, 1950. 371 с.
- Летопись русского театра, 1861** – Летопись русского театра / сост. Арапов П.Н. СПб.: тип. Тиблена и К°, 1861. 386 с.
- Литвиненко, 2023** – Литвиненко В.С., Петров Е.И., Василевская Д.В., Яковенко А.В., Наумов И.А., Ратников М.А. Оценка роли государства в управлении минеральными ресурсами // *Записки Горного института*. 2023. Т. 259. С. 95-111. DOI:10.31897/PMI.2022.100
- Лотман, 2017** – Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Азбука», 2017. 544 с.
- Микешин, 2023** – Микешин М.И. Античность в образовательных контекстах в России в эпоху Просвещения / К 250-летию юбилею Горного университета. Сб. научных статей / отв. ред. Маховиков А.Б. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, 2023. С. 118-138.
- Мокеев, 2023** – Мокеев А.Б. Вклад ученых Горного института в развитие металлургической промышленности Царства Польского во второй половине XIX в – начале XX в.: новые технологии и автоматизация производства // *Цветные металлы*. 2023. № 4. С. 109-114. DOI: 10.17580/tsm.2023.04.15
- Морохин, 2024** – Морохин А.В. Придворная медицина в России в петровскую эпоху. 1682–1733 гг. М.: Изд-во «Кучково поле», 2024. 592 с.
- Орлов (Копылов), 1965** – Орлов (Копылов) И.В. // *Театральная энциклопедия*. Т. 4. Нежин-Сярев / Ред. П.А. Марков. М.: «Советская энциклопедия», 1965. С. 208.
- Орлова-Савина, 1994** – Орлова-Савина П.И. Автобиография. М.: «Художественная литература», 1994. 414 с.
- Островский, 1978** – Островский А.Н. Дневники. 1845. // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. / под общ. Ред. Г.И. Владыкина. Т. 10. / подг. Текста и коммент. Т.И. Орнатской. М.: «Искусство», 1978. С. 348-351.
- От Горного института..., 1913** – От Горного института Императрицы Екатерины II // Празднование 100-летия со дня рождения В.В. Самойлова // Ежегодник императорских театров. Вып. 1. СПб., 1913. С. 138-139.
- Очерки истории..., 2023** – Очерки истории Горного института (1773–1917) / Афанасьев В.Г., Волошинова И.В., Мокеев А.Б. и др. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2023. 300 с. EDN: WYWXRO
- Палий, Сморгочкова, 2024** – Палий Е.Н., Сморгочкова В.П. Гуманитарное образование и элементы салонной культуры в высших технических учебных заведениях конца XVIII – XIX вв. // *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2024. №3(95). С. 45-53. DOI: http://dx.doi.org/10.36871/2306-8329_2024_95_3_45
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рудник и др., 2023** – Рудник С.Н., Афанасьев В.Г., Самыловская Е.А. 250 лет на службе Отечеству: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах // *Записки Горного института*. 2023. Т. 263. С. 810-830. EDN VGZYMM
- Самойлов, 1884** – Самойлов В.В. 1834–1884 гг. Василий Васильевич Самойлов. Рассказ о начале своей артистической деятельности // *Русская старина*. 1884. № 10. С. 127-143.
- Самойлов, 1904** – Самойлов В.В. Русский биографический словарь: в 25 томах / Глав. Ред. Половцов А.А. Т. 18. Бетанкур-Бякстер. СПб-М.: тип. И.Н. Скороходова, 1904. С. 168-172.
- Самыловская, 2016** – Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: дис. на соиск. к. ист. наук: 07.00.02. СПб. 2016. 206 с.
- Самыловская, 2020** – Самыловская Е.А. Рижские католики и протестанты в середине XVIII в. // *Российская история*. 2020. № 4. С. 182-187. DOI: 10.31857/S086956870010786-5
- Семенов Тянь-Шанский, 1947** – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 2. Путешествие в Тянь-Шань. М.: Государственное издательство географической литературы, 1947. 256 с.
- Тропов, 2024** – Тропов И.А. Политика аккультурации средствами просвещения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: концептуализация и конкретно-исторический

подход // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15. № 1 (135). DOI: 10.18254/S207987840029855-9

[Устав Горного..., 1830](#) – Устав Горного кадетского корпуса. № 21133. – Января 19. Высочайшее утвержденный Устав Горного кадетского корпуса / Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXVIII. 1804-1805. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВ канцелярии, 1830. С. 33-43.

[Фельдман, 2002](#) – *Фельдман О.М.* Театр / Очерки русской культуры XIX века. Т. 6. Художественная культура / под ред. Дергачева Л.Д., Кошман Л.В., Сарабьянов Д.В. М.: Московский университет, 2002. С. 373-480.

[ЦГИА СПб](#) – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

[Цимбалова, 2015](#) – *Цимбалова С.И.* Забытый Гамлет / Театр и драма: эстетический опыт эпохи. 2015. № 2. С. 87-93. EDN: UNVWXZ

[Шалимова, 2023](#) – *Шалимова Н.А.* Русский драматический театр эпохи классического реализма / Очерки истории русского театра. М.: Российский институт театрального искусства – ГИТИС., 2023. С. 92-236.

[Яковлева, 2015](#) – *Яковлева Н.П.* Иверский монастырь // *Наше наследие*. 2015. № 115. С. 16-17.

[Litvinenko, 2025](#) – *Litvinenko V.S.* A model of mining engineering education for the 21st century // *Sustainable Development of Mountain Territories*. 2025. 17(2): 603-615. DOI: 10.21177/1998-4502-2025-17-2-603-615

[Mokeyev et al., 2020](#) – *Mokeyev A.B., Rudnik S.N., Kudryavtseva R.E.* Russian and Western European Mining Schools in the first half of the 19th century: A Comparative Analysis of Educational Process Organization // *Bylye Gody*. 2020. 58: 2514-2521. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2514

[Voloshinova, 2022](#) – *Voloshinova I.V.* Becoming a scientist: the young years of akademian paleontologist D.V. Nalivkin (1889-1982) // *Вопросы истории*. 2022. № 1. С. 152-167. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi63

[Voloshinova, 2024](#) – *Voloshinova I.V.* St. Petersburg Mining Institute during the Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 885-895. DOI: 10.13187/bg.2024.2.885

References

[Afanas'ev, 2020](#) – *Afanas'ev, V.G., Sokolov, A.R.* (2020). Vo blago Rossii. Vospitanniki Gornogo instituta v kul'ture i obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii (1773–1918). [For the Benefit of Russia. Students of the Mining Institute in the Culture and Social and Political Life of Russia (1773–1918)]. SPb., Pp. 150-165. [in Russian]

[Belinskij, 1953](#) – *Belinskij, V.G.* (1953). «Gamlet». Drama SHekspira. Mochalov v roli Gamleta [Shakespeare's Drama. Mochalov as Hamlet]. Polnoe sobranie sochinenij. II: 253-346. [in Russian]

[Berezark, 1948](#) – *Berezark, I.V.* (1948). Vasilij Vasil'evich Samojlov. [Vasily Vasilyevich Samoilov]. L.: Leningradskoe otdelenie VTO. P. 10. [in Russian]

[Bestuzhev, 1951](#) – *Bestuzhev, M.A.* (1951). Moi tyur'my. Oчерки i otvety. 1869 g. [My Prisons. Essays and Answers. 1869]. Vospominaniya Bestuzhevych. M.-L., 1951. Pp. 51-341. [in Russian]

[Bondareva, 2021](#) – *Bondareva, O.N., Shchukina, D.A., Egorenkova, N.A.* (2021). K istokam gumanitarnogo obrazovaniya v Sankt-Peterburgskom gornom universitete [To the origins of humanitarian education at the St. Petersburg mining university]. *Voprosy istorii*. 12: 89-101. [in Russian]

[Boreckij, 1988](#) – *Boreckij (Pustoshkin), I.P.* (1795–1842) [Boretsky (Pustoshkin) (1795–1842)]. Dekabristy. Biograficheskij spravochnik. M., 1988. Nauka, P. 28, 229. [in Russian]

[Tsimbalova, 2015](#) – *Tsimbalova, S.I.* (2015). Zabytyj Gamlet [The Forgotten Hamlet]. *Teatr i drama: esteticheskij opyt epohi*. 2: 87-93. [in Russian]

[Dorofeev i dr., 2023](#) – *Dorofeev, D.Yu., Borovkova, N.V., Vasil'eva, M.A.* (2023). Gornyi muzei kak prostranstvo nauki i obrazovaniya Gornogo universiteta [The Mining museum as a space of science and education of the Mining university]. *Zapiski Gornogo instituta / Journal of Mining Institute*. 263: 674-686. [in Russian]

[Efremova, 2015](#) – *Efremova, N.G.* (2015). Pervyj spektakl' «shkol'nogo» teatra Slavyano-greko-latinskoy akademii. 1701 g., opyt istoricheskoy rekonstrukcii [The first performance of the school theater of the Slavic-Greek-Latin academy. 1701, an attempt at historical reconstruction]. *Voprosy teatra*. 1-2: 189-211. [in Russian]

[Ershova, 2024](#) – *Ershova, O.V.* (2024). Artist Ivan Pustoshkin-Borecij [Artist Ivan Pustoshkin-Borecij]. *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy XV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 15 marta, 2024 g.* 15: 318-322. [in Russian]

[Fel'dman, 2002](#) – *Fel'dman, O.M.* (2002). Teatr (2002) [Theater]. Oчерки russkoj kul'tury XIX veka. M., Moskovskij universitet. 6: Pp. 373-480. [in Russian]

[Gospodarikov i dr., 2024](#) – *Gospodarikov, A.P., Brylevskaya, L.I., Zacepin, M.A.* (2024). Kafedra vysshej matematiki Gornogo universiteta v reformirovanii sistemy inzhenerenogo obrazovaniya Rossii [Higher mathematics at the Mining university in the reformation of the engineering system in Russia]. *Gornyj zhurnal*. 5: 86-97. [in Russian]

- [Grigorovich, 1987](#) – *Grigorovich, D.V.* (1987). Literaturnye vospominaniya. Prilozheniya. Iz «Vospominanij» V.A. Panaeva [Literary memories. Appendices. From the memoirs of V.A. Panaev]. M., Hudozhestvennaya literature. Pp. 207-208. [in Russian]
- [Gur'yanova, 2020](#) – *Gur'yanova, T.V.* (2020). On byl" artist"... [He Was an Artist.]. *Kirishskij fakel*. 5: 12-13. [in Russian]
- [Gusejnova, 2011](#) – *Gusejnova, Z.M.* (2011). «Parad na Caricynom lugu» G.G. Chernetsov: galereya muzikal'nyh deyatelej 1830-h godov [Parade on the Tsaritsyn Meadow" by G.G. Chernetsov: A Gallery of Musical Figures of the 1830s]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Pp. 391-396. [in Russian]
- [Istoriya russkogo..., 1978](#) – *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra* [History of the Russian drama theatre]. M., 1978. Iskustvo. 3: 109-115, 100. [in Russian]
- [Istoriya russkogo teatra, 1914](#) – *Istoriya russkogo teatra* [The history of the Russian theater]. M., 1914. Knigoizd-vo «Ob"edinenie». 1. Pp. 69-103. [in Russian]
- [Ivanov, 1859](#) – *Ivanov, A.V.* (1859). Vospominaniya o vospitanii v Gornom kadetskom korpuse, 1815–1822 [Memories of education at the Mining cadet corps, 1815–1822]. *Sovremennik*. 76: 233-280. [in Russian]
- [Karatygin, 1873](#) – *Karatygin, P.A.* (1873). Zapiski P.A. Karatygina [Notes by P.A. Karatygin]. *Russkaya starina. Ezheimesyachnoe izdanie*. VII: 146-180. [in Russian]
- [Lenskiy, 1950](#) – *Lenskiy, A.P.* (1950). Stat'i. Pis'ma Zapisi. (1950). [Articles. Letters. Records]. M., Iskustvo. P. 226. [in Russian]
- [Letopis' russkogo teatra, 1861](#) – *Letopis' russkogo teatra* [Chronicle of the Russian Theatre]. SPb., 1861. Pp. 262, 367, 370–372, 378. [in Russian]
- [Litvinenko, 2023](#) – *Litvinenko, V.S., Petrov, E.I., Vasilevskaya, D.V., Yakovenko, A.V., Naumov, I.A., Ratnikov, M.A.* (2023). Otsenka roli gosudarstva v upravlenii mineral'nymi resursami [Assessment of the state's role in mineral resources management]. *Zapiski Gornogo instituta*. 259: 95-111. [in Russian]
- [Litvinenko, 2025](#) – *Litvinenko, V.S.* (2025). A model of mining engineering education for the 21st century. *Sustainable Development of Mountain Territories*. 17 (2): 603-615.
- [Lotman, 2017](#) – *Lotman, Yu.M.* (2017). Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. SPb. Pp. 263-264. [in Russian]
- [Mikeshin, 2023](#) – *Mikeshin, M.I.* (2023). Dvoryanstvo: ot istorii k metafizike [Nobility: from history to metaphysics]. SPb., Sankt-Peterburgskij tsentr istorii idej; IPC «Politekhnik-servis». P. 239. [in Russian]
- [Mokeyev et al., 2020](#) – *Mokeyev, A.B., Rudnik, S.N., Kudryavtseva, R.E.* (2020). Russian and Western European Mining Schools in the first half of the 19th century: A Comparative Analysis of Educational Process Organization. *Bylye Gody*. 58: 2514-2521.
- [Mokeyev, 2023](#) – *Mokeyev, A.B.* (2023). Vklad uchenykh Gornogo instituta v razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Tsarstva Pol'skogo vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v.: novye tekhnologii i avtomatizatsiya proizvodstva [Contribution of scientists of the Mining institute to the development of the metallurgical industry of the Kingdom of Poland in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century: new technologies and automation of production]. *Tsvetnye metally*. 4: 109-114. [in Russian]
- [Morohin, 2024](#) – *Morohin, A.V.* (2024). Pridvornaya medicina v Rossii v petrovskuyu epohu. 1682–1733 gg. [Court Medicine in Russia during the Petrine Era. 1682–1733.] M., Izd-vo «Kuchkovo pole». P. 184. [in Russian]
- [Ocherki istorii..., 2023](#) – *Ocherki istorii Gornogo instituta (1773–1917)* [Essays on the history of the Mining Institute (1773–1917)]. SPb., 2023. P. 181. [in Russian]
- [Orlov \(Kopylov\), 1965](#) – *Orlov (Kopylov), I.V.* (1965) *Teatral'naya enciklopediya* [Theater encyclopedia]. M., Sovetskaya entsiklopediya. 4: 208. [in Russian]
- [Orlova-Savina, 1994](#) – *Orlova-Savina, P.I.* (1994). *Avtobiografiya* [Autobiography]. M., «Hudozhestvennaya literatura». P. 414. [in Russian]
- [Ostrovskij, 1978](#) – *Ostrovskij, A.N.* (1978). *Dnevniki. 1845.* [Diaries. 1845]. *Polnoe sobranie sochineniy*. 10. Pp. 348-351. [in Russian]
- [Ot Gornogo instituta..., 1913](#) – *Ot Gornogo instituta Imperatricy Ekateriny II* [From the Mining Institute of Empress Catherine II]. *Ezhegodnik imperatorskih teatrov*. 1: 138-139. [in Russian]
- [Palij, 2024](#) – *Palij, E.N., Smorchkova, V.P.* (2024). Gumanitarnoe obrazovanie i elementy salonnoj kul'tury v vysshih tekhnicheskikh uchebnykh zavedeniyah konca XVIII – XIX vv. [Humanitarian education and elements of salon culture in higher technical educational institutions of the late 18th and 19th centuries]. *Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment*. 3: 45-53.
- [RGIA](#) – Rossiyskij gosudarstvennyi istoricheskij arkhiv [Russian State Historian Archive].
- [Rudnik, 2022](#) – *Rudnik, S.N., Samylovskaya, E.A.* (2022). Petr I i razvitie metallurgii v Rossii [Peter the Great and the development of metallurgy in Russia]. *Tsvetnye metally*. 7: 5-14. [in Russian]
- [Samojlov Vasilij Vasil'evich, 1904](#) – *Samojlov Vasilij Vasil'evich* [Samoilov Vasilij Vasil'evich]. *Russkij biograficheskij slovar'*. 1904. 18: 168-172. [in Russian]

- [Samojlov, 1884](#) – *Samojlov, V.V.* (1884). V 1834–1884 gg. Vasilij Vasil'evich Samojlov. Rasskaz o nachale svoej artisticheskoy deyatelnosti [1834–1884. Vasily Vasilievich Samoilov. A story about the beginning of his artistic career]. *Russkaya starina*. 10: 127-143. [in Russian]
- [Samylovskaya, 2016](#) – *Samylovskaya, E.A.* (2016). Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka: dis. na soisk. k. ist. nauk: 07.00.02 [The Catholic community of Saint Petersburg in the first half of the 18th century: dissertation. PhD in history: 07.00.02]. SPb. P. 206. [in Russian]
- [Samylovskaya, 2020](#) – *Samylovskaya, E.A.* (2020). Rizhskie katoliki i protestanty v seredine XVIII v. [Riga catholics and protestants in the mid-18th century]. *Rossiyskaya istoriya*. 4: 182-187. [in Russian].
- [Semenov-Tyan'-Shanskij, 1947](#) – *Semenov-Tyan'-Shanskij, P.P.* (1947). Memuary [The memoirs]. T. 2: 86, 190. [in Russian]
- [Shalimova, 2023](#) – *Shalimova, N.A.* (2023). Russkij dramaticheskij teatr epohi klassicheskogo realizma [Russian drama theatre of the classical realism era]. *Ocherki istorii russkogo teatra*. M., Rossijskij institut teatral'nogo iskusstva – GITIS. Pp. 92-236. [in Russian]
- [Tropov, 2024](#) – *Tropov, I.A.* (2024). Politika akkul'turacii sredstvami prosveshcheniya v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: konceptualizaciya i konkretno-istoricheskij podhod [The policy of acculturation by means of education in the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries: conceptualization and a concretely-historical approach]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 15(1). DOI: 10.18254/S207987840029855-9 [in Russian]
- [TsGIA SPB](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State historian Archive of St. Petersburg].
- [Ustav Gornogo kadetskogo korpusa, 1830](#) – Ustav Gornogo kadetskogo korpusa [The Charter of the mining cadet corps]. № 21133. – Yanvarya 19. Vysochaishee utverzhdenyi Ustav Gornogo kadetskogo korpusa. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. T. XXVIII. 1804-1805. SPb.: Tip. II Otdeleniya SEIV kantselyarii, 1830. Pp. 33-43. [in Russian]
- [Varneke, 1914](#) – *Varneke, B.V.* (1914). Istoriya russkogo teatra [History of the Russian Theatre]. SPb., izd. N.N. Sergievskogo, 724 p. [in Russian]
- [Vo glave Gornogo instituta, 2017](#) – Vo glave Gornogo instituta [At the head of the Mining Institute. Directors of the educational institution (1773–1918)]. SPb: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet. 2017. Pp. 232-233. [in Russian]
- [Voloshinova, 2022](#) – *Voloshinova, I.V.* (2022). Becoming a scientist: the young years of akademian paleontologist D.V. Nalivkin (1889–1982). *Voprosy istorii*. 1: 152-167.
- [Voloshinova, 2024](#) – *Voloshinova, I.V.* (2024). St. Petersburg Mining Institute during the Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917). *Bylye Gody*. 19(2): 885-895. DOI: 10.13187/bg.2024.2.885
- [Vsevolodskij-Gerngross, 1914](#) – *Vsevolodskij-Gerngross, V.N.* (1914). Teatr v Rossii pri Imperatrice Anne Ioannovne i imperatore Ioanne Antonoviche [The Theatre in Russia under Empress Anna Ioannovna and Emperor Ioann Antonovich.] SPb., Tip. Imperatorskih teatrov. Pp. 94-95. [in Russian]
- [Vsevolodskij-Gerngross, 2011](#) – *Vsevolodskij-Gerngross, V.N.* (2011). Kratkij kurs istorii russkogo teatra [Short Course in the History of the Russian Theatre]. SPb. M. Krasnodar. Pp. 122-125, 148-149, 236-238. [in Russian]
- [Vysochajshee utverzhdennoe..., 1830](#) – Vysochajshee utverzhdennoe polozhenie. Ob ustrojstve Sankt-Peterburgskogo Lesnogo Instituta. № 2940 [The Highest Approved Regulations. On the Establishment of the St. Petersburg Forestry Institute. No. 2940]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. IV. 1829. SPb., 1830. Tip. II Otdeleniya SEIV kantselyarii. Pp. 428-432. [in Russian]
- [Yakovleva, 2015](#) – *Yakovleva, N.P.* (2015). Iverskij monastyr' [Iversky Monastery]. *Nashe nasledie*. 115: 16-17. [in Russian]
- [Zhiharev, 1955](#) – *Zhiharev, S.P.* (1955). Zapiski sovremennika [Notes of a Contemporary]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. P. 584. [in Russian]
- [Zilotina, 2020](#) – *Zilotina, E.A.* (2020). Memorial'nyj muzej akterov Samojlovyh. K istorii sozdaniya [Memorial Museum of the Samoilov Actors. To the History of Creation]. *Korifei tetra v prostranstve muzeya. Sb. statej po materialam konferencii v Muzeje akterov Samojlovyh*. SPb., SPbGMTiMI. Pp. 103-115. [in Russian]

Роль Горного института в развитии театрального искусства XIX века

Сергей Игоревич Подольский ^a*, Владимир Георгиевич Афанасьев ^a

^a Санкт-Петербургский горный университет Императрицы Екатерины II, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: octet@yandex.ru (С.И. Подольский), vga.prof@mail.ru (В.Г. Афанасьев)

Аннотация. Статья посвящена воспитанникам Горного института, выбравшим своей профессией театр. В центре внимания биографии Василия Андреевича Каратыгина (1802–1853), Ивана Петровича Борецкого (Пустошкина) (1795–1842), Ильи Васильевича Орлова (Копылова) (1795–1862), братьев Василия Васильевича (1813–1887) и Сергея Васильевича (1815–1900) Самойловых. Для понимания причин, способствовавших выбору театральной карьеры указанными выпускниками, авторами проведен детальный анализ образовательной среды Горного кадетского корпуса. Атмосфера привилегированного военно-учебного заведения, берущая традиции со времен Шляхетского Сухопутного корпуса, способствовала развитию творческих способностей юных горных инженеров. В Горном кадетском корпусе действовали механизмы салонной культуры. Через них происходило вхождение будущих горных инженеров в дворянские круги. Руководство корпуса активно поддерживало молодых людей, создавая им условия для репетиций и театральных постановок, что способствовало их разностороннему развитию. В.А. Каратыгин, обучаясь в Горном корпусе, обнаружил нелюбовь к точным наукам и покинул кадетский корпус, после чего попал в театральный мир. И.П. Борецкий (Пустошкин) находясь в Горном корпусе, проникся театром и отказался стать горным инженером. И.В. Копылов (Орлов) после обучения получил должность дежурного офицера, но отказался служить в горном ведомстве и через несколько лет стал актером. Братья Самойловы тоже стали воспитанниками Горного кадетского корпуса. В.В. Самойлов не сразу, но выбрал актерскую стезю, став ярчайшим представителем «реалистической школы». Тем интереснее судьба С.В. Самойлова, который совмещал работу горного инженера с успешными выступлениями на любительской сцене, принесшей ему известность.

Ключевые слова: Горный институт, Горный кадетский корпус, кадеты, театр, воспитанники, актер, история театра.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 632-644
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.632

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Transformation of the Judicial System of the Kazakh Steppe in the Context of the Imperial Policy of the 19th century

Gulfira E. Otepova ^a, Anara E. Karimova ^{a, *}, Guldana B. Zhakibayeva ^b, Gulsim A. Bissenova ^c

^a Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National University of Sports, Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c RSU «National Center for Manuscripts and Rare Books», Republic of Kazakhstan

Abstract

This article analyzes the transformation of the traditional Kazakh customary law (adat), which had existed for centuries, under the influence of the legislative acts of the Russian Empire in the 19th century.

The aim of this article is to identify the mechanisms and key directions of the transformation of the judicial system of the Kazakh steppe in the context of the Russian Empire's imperial policy, and to determine specific features of the Kazakh judicial system at the end of the 19th century. The authors conducted a comparative analysis of the norms of traditional Kazakh customary law and the provisions of Russian imperial legislation introduced by the central authorities into the main areas of public life in steppe society.

The study draws upon the laws of the Russian Empire, archival materials from the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty), which contain detailed records of the norms of Kazakh customary law and the Russian legislation being introduced.

In the course of the study, the authors analysed legislative acts, normative-legal documents (charters and regulations), and administrative records, which enabled them to identify the main distinctions between the norms of traditional Kazakh customary law and the legislation of the Russian Empire. The work resulted in a summary table illustrating the shift from collective to individual liability: all verbal and written complaints were recorded in the minutes of proceedings, and the minutes were entered in a report journal. Judicial decisions were registered in chancelleries and district courts, thereby forming an official archive. A gradual transition took place from the autonomy of clan-based control towards centralised supervision. Through the appeals mechanism, parties dissatisfied with the rulings of the biy courts could submit written petitions to the regional authorities, after which the cases were referred to the district courts.

The authors conclude that the transformation of Kazakh law during the period under consideration was a gradual and contradictory process aimed at integrating the steppe territories into the empire-wide legal space without completely abandoning local legal traditions.

Keywords: judicial reforms, Middle Zhuz, Junior Zhuz, adat, charter, Siberian Committee.

1. Введение

Постепенное включение Казахской степи в состав Российской империи в XIX веке сопровождалось глубокой трансформацией традиционных институтов управления и правосудия. Одним из ключевых направлений имперской политики стало реформирование судебной системы, затронувшее как нормативные основания правоприменения, так и социальные механизмы разрешения конфликтов. В этом контексте особое значение приобретает анализ судьбы суда биев – центрального института традиционного казахского общества, функционировавшего на основе адата и шарията,

* Corresponding author

E-mail addresses: ake073@mail.ru (A.E. Karimova), g.otepova.hist@mail.ru (G.E. Otepova), zhakibayeva.guldana@gmail.com (G.B. Zhakibayeva), bissenova.1966@inbox.ru (G.A. Bissenova)

обеспечивавшего поддержание социальной стабильности в условиях кочевой организации общества.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации судебной системы Казахской степи как процесса взаимодействия имперского права и традиционных правовых институтов, рассматриваемого не только на нормативном, но и на практическом уровне функционирования правосудия.

После присоединения Младшего и Среднего жузов перед Российской империей стояла важная задача – изменения традиционной казахской системы правосудия на основе введения общероссийской системы судопроизводства. Большая роль в этом принадлежала российским законам, которые создавали юридические основы для успешного проведения административных, экономических, общественно-политических и других реформ в Казахском крае. На основе анализа более 2 тыс. законодательных актов Российской империи, было выявлено, что наибольшее внимание империя обращала на вопросы внедрения российской системы судопроизводства на территории Казахстана. Именно новые законы создавали правовую основу для распространения российской власти и стали определять и регулировать отношения в казахском обществе, и именно от них зависел успех проведения остальных нововведений на новых территориях (Отепова, 2015а: 121).

В Казахской степи практика применения права использовалась с самого начала присоединения территорий. Тот период сопровождался нарушением казахами условий договора с империей. Документы свидетельствуют о нередких набегах на калмыков и башкир, грабежах торговых караванов и самовольным занятием земель за Иртышом и Тоболом. Для решения возникающих конфликтных ситуаций между жителями разных национальностей в Оренбурге был создан специальный пограничный суд. Позже такие же суды появились на территории Среднего жуза (ПСЗ РИ-1, 1830. Т. 22. № 16482; ПСЗ РИ-1, 1830. Т. 25. № 18700).

В Младшем жузе наряду с пограничными судами были созданы расправы, которые находились в ведении Оренбургского пограничного суда. Расправа вела активную переписку с пограничным судом и получала необходимые распоряжения. В ее функции входило обеспечение правосудия по уголовным делам, борьба с барымтой, препятствование набегам казахов на приграничные территории и предотвращение фактов укрывательства грабителей местными жителями. Работу расправ осуществляли старшины, два заседателя и делопроизводитель из числа татарского населения (ПСЗ РИ-1, 1830. Т. 22. № 16592). На практике расправы были неэффективны ввиду малого количества поступающих в них дел, и в июле 1804 года высшее руководство приняло решение упразднить данный институт: «По штату Оренбургской губернии положенные в число пограничных учреждений пять расправ в киргиз-кайсацкой Меньшой орде, яко не нужные и никогда на самом деле не существовавшие ...» (Крафт, 1898: 39).

В начале XIX века, когда появилась возможность начать изменения политической системы управления казахским обществом, российские власти попытались вновь внедрить имперскую судебную модель. Это связано в первую очередь с отменой ханской власти и введением новой административно-территориальной системы управления на территории Среднего, а позже и Младшего жузов. «Процесс развития правительственной политики России во взаимоотношениях с казахами приводит к тому, что к 20-м годам XIX века внедрение административных порядков Российского государства во внутреннее устройство казахского общества и их законодательное закрепление становятся объективно необходимыми для успешного осуществления целей и задач российского правительства в казахском и в целом азиатском регионах» (Абдрахманова, 1998: 21).

2. Материалы и методы

В настоящем исследовании в целях реконструкции, критического анализа и объективной оценки процессов трансформации традиционной судебно-правовой системы Казахской степи в XIX веке был использован комплекс исторических источников различного происхождения. Ключевую группу источников составляют законодательные акты Российской империи, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ), а также документы, нормативно-правового характера, регламентировавшие управление казахскими жузами, включая уставы 1822 и 1824 гг., положения 1838, 1844, 1867–1868, 1886, 1891 и 1898 гг., опубликованные в различных сборниках.

Особую ценность представляют материалы делопроизводства из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (Ф. 1291, 1264), Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) (Ф. 345) содержащие переписку чиновников, проекты реформ, отчеты и служебные записки, отражающие практику реализации судебной политики на местах. Используемые источники позволяют выявить особенности процессов внедрения нормативных установок с реальными механизмами трансформации традиционной судебно-правовой системы Казахской степи в XIX веке.

Важными источниками являются труды дореволюционных исследователей и чиновников, которые по долгу службы изучали специфику адата и шариата в традиционном казахском обществе и вопросы их адаптации к общеимперским правовым нормам. Ценность их трудов обусловлена также тем, что многие из них сами являлись чиновниками российской администрации и непосредственно

принимали участие в осуществлении многих нововведений на территории края. Историографический обзор данных работ по теме исследования позволил определить основные научные подходы к проблеме и соотнести их с выявленными источниками.

Методология исследования основана на принципах историзма, объективности и системности. Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию судебно-правовой системы от традиционного суда биев к обновленной системе правосудия, основанной на традициях и российском законодательстве. Для сопоставления норм адата и общероссийского законодательства был использован историко-сравнительный метод. Историко-системный метод раскрывает специфику официальной политики в сфере постепенной адаптации казахского общества в правовую систему Российской империи. Также в исследовании приведены элементы дискурсивного подхода, примененные для анализа интерпретаций адата в имперской административной практике.

Применение совокупности указанных методов позволило комплексно исследовать процесс трансформации судебно-правовой системы в Казахской степи, выявить его противоречивый характер и показать взаимодействие традиционного и российского законодательства.

3. Обсуждение

Вопрос о трансформации традиционного казахского права под влиянием Российской империи активно исследуется в историографии постсоветского и западного академического пространства. Научный интерес к этой теме обусловлен как попыткой переосмыслить характер российской колониальной политики в Центральной Азии и Казахстана, так и необходимостью оценить последствия вмешательства имперской администрации в сложившуюся правовую культуру кочевого общества.

В книге С. Зиманова «Казахский суд биев – общекультурологическая ценность» казахское правосудие вошло в историю как «Золотой век», которое троилось на фундаментальных принципах человечества, таких как знание правовой системы кочевого общества казахов, неподкупность суда и биев, справедливость и гласность, владение судьей ораторским искусством, ориентированность бийского суда на установление гражданского мира. Автор в данном труде использует большое количество архивных материалов, которые доказывают, что все русские чиновники, служившие имперской администрации в XIX и начале XX веков независимо друг от друга, отмечают особое значение и роль биев-судей в Казахской степи (Зиманов, 2009).

Одним из исследователей, системно изучающих правовую историю казахов, является российский ученый Р.Ю. Почекаев. В своей статье «Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX века» (Почекаев, 2025) он дает подробный анализ аспектам деятельности традиционного казахского суда, на основе публикаций, вошедших в «Туркестанский сборник». Автор отмечает появление таких негативных тенденций как взяточничество и подкуп в правовой системе Казахской степи. Также в статье отмечаются и положительные изменения в судебных реформах XIX века. Р.Ю. Почекаев подчеркивает, что российская администрация пыталась улучшить положение казахских женщин. К концу 1860-х годов у них появилось право давать показания и согласие на заключение брака в народных судах, также им разрешалось подавать апелляцию на решение биев в русские суды (Почекаев, 2025: 110).

Исследования профессора С.В. Любичанковского посвящены механизмам управления окраинами Российской империя и особенностям правового статуса нерусских народов, включая казахов. На основе анализа законодательства империи и традиционного суда казахов он приходит к выводу, что обычное право сохранялось как инструмент локального регулирования, а имперское право внедрялось лишь в административной, налоговой и уголовной сферах. Автор отмечает, что традиционное право не просто сохранялось, а использовалось государством; новшества сочетались с элементами интеграции и модернизации. империя стремилась не только к эксплуатации, но и к управляемой трансформации общества.

В статье А.И. Анисимовой «Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и степных областей в конце XIX – начале XX в.» рассмотрены механизмы, проводимые в Степных областях и в Туркестане, которые были направлены на инкорпорацию местного населения в политическую и социально-экономическую структуру империи. Автор указывает, что основной нормативно-правовой базой для внедрения новой судебной системы были «Временное положение об управлении в Уральской, Тугайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (1868 г.) и «Положение об управлении Туркестанского края» принятое в 1886 г. (Анисимова, 2018).

Работы А.Ю. Быкова, изучавшего политику Российской империи в отношении Степных областей в период с XVIII до начала XX века. Они свидетельствуют, что правовая трансформация носила системный характер и была неотъемлемой частью административно-экономического освоения окраин. В частности, он указывает, что еще с 1822 года, с принятием устава «О сибирских киргизах», Российская империя последовательно проводила курс на подчинение местных норм общерусской правовой системе (Быков, 2005). С его точки зрения, Россия действовала в логике колониального государства, стремясь к правовой унификации для полного контроля над населением.

Труды В.В. Трепавлова представляют значительную ценность для исследования права казахов прежде всего в контексте анализа кочевых политико-правовых систем и имперской политики. Автор рассматривал адат и суд биев как элементы сложной социальной организации. Поэтому он и трансформацию правовой системы казахов предлагал рассматривать как результат постепенной интеграции ее в имперскую систему управления.

В коллективной монографии «Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи» (П. Сартори, П. Шаблей), авторы рассматривают процесс кодификации обычного права казахов после присоединения Казахских земель к Российской империи. Как отмечают авторы, данный процесс проходил в несколько этапов и носил противоречивый характер. В работе проведен анализ специфических правовых вопросов, соотношение в местном праве норм адата и шариата, затронуты вопросы культурных и административных изменений, причем география исследования не ограничена только одним регионом, в комплексе изучены аспекты правовой системы в Оренбурге, Омске и в Сырдарьинском фронтире (Сартори, Шаблей, 2019).

Среди казахстанских ученых, которые занимались изучением данной проблемы стоит отметить Ж.С. Мажитову. В статье «Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти» (Мажитова, 2016) автор указывает, что Российская империя в XIX веке проводила комплекс административно-правовых нововведений, которые должны были максимально адаптировать традиционное казахское общество к общеимперской системе. В итоге были сформированы две правовые системы – общеимперская и традиционная. Однако, как отмечает исследователь, российское правительство с осторожностью проводило мероприятия по изменению казахского края, и старалась избегать коренной ломки уже устоявшихся традиционных институтов. Таким образом, введение правовых реформ внесло определенные изменения в институт биев, однако сам институт продолжил функционировать до начала XX в.

В трудах исследователя Г.К. Ерменбаевой указывается, что процессы правовой трансформации были неоднозначны. Автор обращает внимание на то, что реформы 1867–1868 гг., при всей своей направленности на упразднение традиционных институтов, все же сохраняли суд биев в качестве одного из элементов системы, пусть и подчиненного. Это, по ее мнению, говорит о том, что официальная власть не всегда стремилась к полной ликвидации традиций, а скорее к их институциональному переформатированию (Ermenbaeva et al., 2017).

Отдельное направление в казахстанской историографии занимает изучение реакций и адаптаций со стороны местного населения. В работах Б.К. Смагулова и Н.А. Алимбая подчеркивается, что несмотря на попытки централизации власти, в ряде регионов сохранялась практика неформального использования адата, а институт биев трансформировался в форму «посреднического правосудия» между населением и колониальной администрацией (Смагулов, Алимбай, 2020).

Интересный подход к проблеме трансформации понятий и правового пространства предлагает историк Г.Б. Избасарова. В своих исследованиях она анализирует, как изменение административных границ, наложенных империей, трансформировало не только территориальную, но и правовую картину мира казахов. Понятие «границы» приобрело новый смысл, встраиваясь в колониальную картографию, что неизбежно повлияло на восприятие легитимности и власти в правовом сознании населения (Избасарова, 2016).

Таким образом, в современной историографии намечилось несколько направлений интерпретации трансформации казахского права: с одной стороны, доминирует подход, рассматривающий этот процесс как акт правовой колонизации, сопровождаемый насильственным внедрением чуждой правовой системы; с другой – появляются исследования, акцентирующие внимание на сложности процессов адаптации, компромиссов и гибридных форм взаимодействия между традиционными институтами и колониальной властью, а также мнение, что правовые нововведения помогали империи управлять казахским обществом. Это многообразие трактовок подчеркивает необходимость дальнейших исследований, учитывающих локальные контексты и политическую мотивацию имперской администрации.

4. Результаты

До введения реформ М. Сперанского губернская администрация проанализировала опыт внедрения судебных реформ в Среднем жузе, который нашел отражение в отчете генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа. В архивном документе подробно описывается устройство судопроизводства у казахов, проживающих на Сибирской линии (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 10), уточняется, что под руководством генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа была создана временная комиссия. Комиссии было поручено разбирать все претензии и жалобы казахов друг на друга и на русских Военного ведомства. Комиссия служила своего рода пограничным судом, в котором рассматривались частные дела, а также она обладала и полицейскими функциями. Все словесные и письменные жалобы записывались в протокол, а протоколы фиксировались в докладном журнале. Данная практика способствовала постепенному переходу в судебной системе от устного знания к письменной фиксации. Однако, на деле судебные дела казахов в большинстве случаев разбирались султанами, старшинами и чаще всего биями на основе адата, без участия данной временной комиссии.

В 1821 году по инициативе М. Сперанского был создан Первый Сибирский комитет, на который были возложены задачи по рассмотрению и решению проблемных вопросов устройства Сибири, а также он являлся координационным центром, где обрабатывались и хранились законодательные акты, отчеты и прочая документация края (Kussainov et al., 2025).

Комитет рассматривал не только вопросы управления, хозяйственного освоения, торговли и промышленного развития региона, но и судебные вопросы. Результатом работы данного органа в контексте кодификации адата в казахской степи сложилась ситуация правовой неоднородности. Традиционные нормы продолжали применяться, однако их сфера действия сужалась, а решения все чаще оказывались зависимыми от имперских процедур и инстанций. Это создавало такую правовую среду, в которой сосуществовали различные представления о праве, справедливости решения дел и ответственности (Kussainov et al., 2025).

Через год после создания Сибирского комитета в 1822 году был введен устав «О сибирских киргизах», который устранил прежнее устройство, и существенно изменил административно-территориальное управление Средним жузом. Устав внес значительные изменения и в судебную систему, главная задача в данном вопросе заключалась в том, чтобы распространить на эти территории общероссийские законы. Вопросам судопроизводства посвящена 5 глава устава: «Наказ судебный», состоящая из 3 отделений: 1 отделение «Дела уголовные», 2 отделение «Дела исковые», 3 отделение «Дела по жалобам на низшие управления высшим». Статьи 205-227 Устава о сибирских киргизах свидетельствуют о том, что уголовные дела рассматривались окружными судами, в то время как исковые дела решались биями в устном порядке. Если кто-то был не согласен с решением суда биев, то дело передавалось в виде письменной просьбы областному начальству. Тем самым происходил переход от автономии родового контроля к централизованному надзору, т. е. с помощью апелляции, судебные дела могли направляться в окружные суды (Отепова, 2015а: 60-61).

Территория Младшего жуза, согласно утвержденному решению Комитета азиатских дел от 3 января 1824 г. (более известный как устав «Об оренбургских киргизах»), находилась в ведении пограничного управления, которое подразделялось на три отделения (Отепова, 2015а: 67-70). Реформы, проведенные в Младшем и Среднем жузе, привели к значительным изменениям не только в административно-территориальном управлении, но и в судебной системе казахского общества. Несмотря на попытку унифицировать правосудие на территории Казахской степи через введение новых институтов власти, традиционные суды казахов еще длительное время продолжали существовать (Umarov et al., 2022).

В связи с проведением в жизнь реформ 1822–1824 гг. среди казахского населения росло недовольство, которое вылилось в ряд национально-освободительных движений. Постоянные столкновения между местным населением и казаками вынуждали русских чиновников на местах обращаться к правительству с предложениями о наведении порядка в Казахской степи. По этой причине была усилена судебная ответственность местного населения за различные преступления, повсеместно стали вводиться военные суды, действовавшие на основании общеимперских законов. Законодательно было решено, что все различные иски и притязания прилинейных жителей и казахов Младшего жуза будут подвергаться наказанию одной только Оренбургской пограничной комиссии (Отепова, 2015а).

Также стоит заметить, что вышеупомянутые законодательные акты не учитывали местную специфику, и тем самым вносили путаницу и противоречия в решении судебных дел. В связи с таким положением генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич обращается с инициативным предложением к правительству об упразднении Омской области и образовании нового управления сибирскими киргизами (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 167. Л. 21-45). Это привело в 1838 году к принятию положения «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» (ПСЗ РИ-2, 1839. Т. 13. № 11122) согласно которому, в Омске было учреждено пограничное управление. Оно состояло из трех отделов: исполнительного, хозяйственного и судного. Судебный отдел рассматривал гражданские дела, если сумма иска превышала 2 тыс. рублей, а также должностные преступления чиновников и уголовные преступления. Споры, возникавшие между казахами, рассматривались народным судом, а гражданские иски – по государственным постановлениям.

С целью адаптировать и более глубоко понять казахские законы и обычаи, было дано особое предписание для Главного управления Западной Сибири, в котором содержалось поручение о необходимости в кратчайшие сроки собрать сведения обо всех нормах казахского обычного права и традициях. По данному вопросу Председатель Сибирского комитета А. Голицын писал генерал-губернатору Западной Сибири: «Я просил ваше сиятельство сделать зависящее распоряжение, дабы законы и обычаи инородцев Западной Сибири, на коих в определенных случаях, не простирается действие общих законов, были безотлагательно рассмотрены советом Главного управления и внесены на окончательное соображение Сибирского комитета» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 9).

Постепенное введение новой системы судопроизводства позволяло Российской империи осуществлять на территории Казахской степи административные и судебные функции, усиливая при этом ответственность казахов за преступления. Для этого вносятся изменения в систему карательных мер. В частности, до этого в Казахской степи отсутствовали тюрьмы и, в целом, практика лишения

свободы не применялась. Так согласно закону 1838 года «О невозвращении в орду киргиз, отсылаемых за преступления в арестантские роты» после отбывания наказания казахи не возвращались в родные края, а отправлялись либо в армию, либо расселялись в Иркутской губернии (ПСЗ РИ-2, 1838. Т. 13. № 11268). Спустя 10 лет, 31 мая 1848 г. пункт об отдаче казахов в солдаты был исключен, а в 1891 году была отменена ссылка в Иркутскую губернию (ПСЗ РИ-2, 1849. Т. 23. № 22317; ПСЗ РИ-3, 1892. Т. 11. № 7574).

В 1844 году утверждается нормативный акт «Об управлении оренбургскими киргизами» согласно которому, были созданы 3 вида суда – военный, общий и народный. Военный суд рассматривал также уголовные дела, барымту и измену со стороны казахов; общему суду подлежали дела, связанные с кражей на сумму свыше 20 руб., гражданские дела и др., народный суд решал все остальные иски. Изменения также коснулись и мер наказания, которые включали избивание розгами, выполнение общественных работ, отдача в армию и ссылка (ПСЗ РИ-2, 1844. Т. 19. № 17998).

По сравнению с документом 1824 г., этот законодательный акт носил более завершённый характер, сформировав гибридный режим, в котором суд биев продолжал действовать, но претерпевал значительные изменения. Также для усиления своего влияния на местное население в Младшем жузе был введен институт попечительства. Его задача заключалась в стабилизации обстановки в степи, урегулировании конфликтов между местным населением и казаками, и наблюдении за правильным ходом судебных дел в регионе. Это в свою очередь усиливало русское вмешательство в местные дела управления. Как отмечал историк А.Ж. Касымбаев: «Положение 1844 г. было призвано свести на нет основы степных законов и узаконить, начинавшие складываться, административно-судебные реалии в регионе» (Касымбаев, 2003: 24).

Однако, в связи с удаленностью степных регионов от административных центров, такие как Оренбург и Омск, местное население для решения судебных дел предпочитало обращаться к суду биев. Чиновник российской администрации И. Крафт писал об этом: «Трудно себе представить, как могли разбираться киргизы в Оренбурге по всем искам на сумму свыше 50 руб., когда для этого пришлось бы приезжать сторонам за сотни и даже тысячи верст? Нужно было бы создать органы судебной власти внутри степи и тогда, может быть, народный суд постепенно уступил свое место суду более совершенному, в особенности при наличии полного свода киргизских обычаев. Ничего подобного сделано не было и огромное большинство дел, возникавших между киргизами, осталось по-прежнему в ведении народного суда и султанов-правителей» (Крафт, 1898: 46-47). Следовательно, вопрос территориальной удаленности от административных центров имел важное значение, и стал одним из основных факторов почему традиционные суды пользовались широкой поддержкой среди местного населения.

После присоединения Младшего и Среднего жузов русские войска постепенно продвигались на территорию Старшего жуза. Южные регионы казахской степи были богаты природными ресурсами, здесь располагались ведущие торговые центры, а также районы с развитым земледелием. Российская империя закрепила свое влияние в этом регионе в середине XIX века, создав Семиреченскую и Сырдарьинскую военные линии (Zhakibayeva et al., 2022: 1149).

Впоследствии одной из главных задач, которая стояла перед имперским правительством было не просто номинальное нахождение на территории Старшего жуза, а укрепление своего влияния в данном регионе. В связи с этим был проведен ряд реформ в 1867–1868 гг. для выстраивания единой системы управления. Параллельно на первый план выдвигалась задача усиления ответственности местного населения Старшего жуза за важные преступления. Так 3 декабря 1852 г. было решено создать военный суд, рассматривавший убийство, грабеж и барымту среди казахов (ПСЗ РИ-2, 1853. Т. 27. № 26831). Решения по исковым делам были дополнены арестами от 7-30 дней и телесными наказаниями. Вместе с тем был ограничен круг лиц, которые имели право быть биями, помимо этого исполнение судебных обязанностей биями не сопровождалось материальным вознаграждением. Бий не получал жалованья, а любая форма дара или платы расценивалась как проявление пристрастия и служила основанием для немедленного отстранения и лишения судебных прав (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 93-94). Путем ограничения прав, утверждением кандидатур биев правительство пыталось ограничивать и оказывать влияние на традиционное правосудие казахов.

В связи с увеличением масштабов угона скота не только среди местного населения, но и жителей приграничных линий, а также казачьего населения, власти стали жёстко преследовать барымту (принудительный захват чужого скота). Чтобы сократить масштабы хищений, 19 марта 1854 года было утверждено положение Сибирского комитета под названием «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири» (ПСЗ РИ-2, 1854. Т. 29. № 28054). Согласно предписаниям документа казахов, кочевавших вблизи поселений, выдворяли обратно в степь, а тех, кого уличали в краже или перепродаже угнанных лошадей, отправляли на военную службу. Казаков, которые были замешаны в укрывательстве преступников или помогали сбыватьворованный скот, судили военным судом и подвергали наказанию шпицрутенами.

Для борьбы с барымтой в составе Сибирского казачьего войска имелось восемь особых следственных приставов, занимавшихся исключительно делами о конокрадстве. Помимо прочего, чиновникам строго предписывалось при любом сообщении о пропаже лошадей незамедлительно

начинать розыск по горячим следам. Окружные и губернские суды обязали рассматривать подобные дела вне очереди, без каких-либо проволочек. Тем, кто помогал арестовывать конокрадов, выплачивали денежное вознаграждение в виде трех рублей серебром. Таким образом, имперская власть пыталась защитить хозяйство казачества и крестьян, а также ослабить и изменить систему правосудия традиционного кочевого общества. Ведь барымта в казахском обществе представляла собой санкционированный обычным правом силовой, но легитимный способ возмещения ущерба и восстановления справедливости в казахском обществе.

Значительные изменения в судебной системе Среднего жуза происходят в 1854 году после создания Семипалатинской области и принятия соответствующего положения «Об управлении Семипалатинской области» (ПСЗ РИ-2, 1854. Т. 29. № 28255). Крупные гражданские дела на сумму выше 600 руб. серебром, уголовные дела и нарушения имперских чиновников разбирало областное управление. При этом во внешних и во внутренних округах создавались окружные приказы, которые имели право также рассматривать уголовные и гражданские дела. Споры, возникавшие между местным населением, также разбирались судом биев, а не согласные с решением народного суда имели право обратиться с претензией в окружной приказ. Дело возобновлялось и назначалось три почетных бия, которые повторно его пересматривали. Также расширился и перечень преступлений от 19 мая 1854 г. «Относительно распространения на сибирских киргизов общих законов империи» (ПСЗ РИ-2, 1854. Т. 29. № 28264).

Анализ нормативно-правовых актов показывает, что судебный порядок различался во всех трех жузах, и имел сложную и неординарную структуру. В связи с таким положением Ф. Лобысевич писал: «Судебная часть у киргиз чрезвычайно сложна. Они судятся судом военным, судом на основании общих законов империи и судом народным (преимущественно по взаимным искам и тяжбам на всякую сумму)» (Лобысевич, 1891: 25). Так в Туркестанской области в 1865 году за конокрадство, грабеж и убийство судили военно-судные комиссии, которые опирались на полевой уголовный устав. Суд биев также решал гражданские дела, но собирался по решению русских чиновников (ПСЗ РИ-2, 1866. Т. 40. № 42372). Такая неоднородность формируемой системы судопроизводства в Казахской степи породила противостояние двух судебных систем – имперской и народной.

В Туркестанском генерал-губернаторстве в 1867 году судебные дела решались на основе военных законов (государственная измена, убийство христианского населения и чиновников, нападение на почтовые службы, барымта); общих законов империи (поджоги, нападение на караваны, разбой, хищение казенной собственности и др.), и в соответствии с нормами адата (дела на сумму, не превышающую 100 руб. (5 лошадей, 50 баранов). Если сумма была больше, тогда создавались волостные собрания биев. Народные суды состояли из 4–8 биев в каждой волости, избираемых населением и утверждаемых военным губернатором (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 962. Л. 4). Казахи, при взаимном согласии, имели право обратиться с просьбой о рассмотрении их дела имперскими судебными учреждениями. Кроме того, судебными функциями на территории края обладал и административный аппарат управления. Такая сложная судебная система приводила к разветвленной многоуровневой системе правосудия.

Военные суды в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях были созданы согласно Временному положению 1868 г. (Отепова, 2015b: 131-144). Военный суд в этих областях в отличие от областей Туркестанского генерал-губернаторства функционировал на основании общих законов Российской империи. Однако, прослеживается сходство в рассмотрении данным судом уголовных дел, такие как убийство государственных служащих, предательство и неповиновение имперской власти, посягательства на казенный транспорт и почту. Все эти реформы указывают на то, что система судопроизводства в Казахской степи претерпела большие изменения, и постепенно была подчинена имперским законам и порядкам. Официальная политика правительства Российской империи была направлена на дальнейшее разрушение и ликвидацию традиционного суда биев расширяя перечень уголовных преступлений и наказаний, таких как арест, телесные наказания, принудительные работы и т.д.

Однако, стоит отметить, что нововведения не смогли усовершенствовать судебную систему в Казахской степи до общеимперского уровня, так как в них не учитывались особенности традиционного уклада жизни казахского общества. Многие новые узаконения встречали непонимание и, как следствие, решительное сопротивление со стороны местного населения. В результате правительство для наведения порядка было вынуждено принимать новые многочисленные законы, которые корректировали, дополняли или даже отменяли предыдущие нормы. «Неравноправность заключалась и в том, что на него, как на отсталую колониальную окраину, не было распространено действие многих буржуазных реформ, которые были проведены в метрополии, т.е. даже относительно малые свободы, которые провозглашались ими, были признаны неприменимыми к Казахстану. Казахстан, как внутренняя колония Российской империи, исходя из положений реформ 1867–1868 гг. не мог обладать и не обладал независимой законодательной властью» (Жиренчин, 1996: 106).

В 1886 г. в Туркестанском крае произошли вновь изменения в судебной власти, появились мировые и областные суды (ст. 117-254) (ПСЗ РИ-3, 1886. Т. 6. № 3814). Областные суды

рассматривали дела на сумму выше 2 тыс. руб., тогда как мировые суды функционировали в уездах и изучали жалобы по личным обязательствам и договорам. На основе заявления истца мировой суд мог рассмотреть дело, которое находилось в ведении суда биев. В целях поддержания общественного порядка стали назначаться становые приставы, полицмейстеры и полицейские приставы. Ведению суда биев подлежали все дела, совершенные местным населением ([Абиль, 2000: 168](#)).

В то же время имперская власть пыталась отделить административные и судебные полномочия в генерал-губернаторствах, так как генерал-губернатор концентрировал в своих руках всю полноту власти. Ему предоставлялось право принимать единоличные решения по всем видам преступлений. В частности, в инструкции, данной генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову, было записано: «В видах совершенного искоренения неблагонамеренных и своевольных действий киргизов, я признал необходимым предоставить вам ... особые права, с целью сохранения во вверенном вам крае общественной безопасности и предупреждения совершения преступлений особой важности. На сим основании уполномачиваю вас: киргизам, коим неблагонамеренные действия не могут быть юридически доказаны, не подвергая суду, определить взыскания и рассылать их в отдаленные места Сибири административным порядком; тех же киргиз, которые будут уличены в таковом неповиновении и измене и взяты с оружием в сражениях против наших войск предавать военному суду по полевым уголовным законам, на основании которых утверждать окончательные судебные приговоры, и приводить оные немедленно к исполнению» ([ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 962. Л. 2](#)).

Согласно принятому Степному положению в 1891 году, с целью создания единой модели судебной власти в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях ([ПСЗ РИ-3, 1891. Т. 11. № 7574](#)) были введены областные и мировые судьи, которые ранее были организованы в Туркестанском крае (ст. 101-118). Они утверждались Министерством юстиции по согласованию со степным генерал-губернатором. Нововведением было создание окружного суда, который рассматривал уголовные дела с участием присяжных заседателей ([Абиль, 2000: 169](#)).

Стремление Российской империи к унификации правового пространства в степных и среднеазиатских регионах обусловило разработку Министерством юстиции проекта новой судебной реформы для Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Данный проект, представленный на высочайшее утверждение, был реализован в форме «Временных правил» в 1898 г., распространявших действие судебных уставов, восходящих к реформам Александр II, на обширный круг областей региона. Таким образом, был утвержден временный судебный порядок в Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях ([ПСЗ РИ-3, 1898. Т. 18. № 15493](#)). Согласно данному документу, судебная власть была разделена между мировыми судьями, судебными следователями, судами соответствующего округа, судебными палатами и сенатом по судебной части. Данные правила усиливали ответственность местного населения по общим законам России. Если казахи проживали на территории русских поселений, то гражданские дела запрещалось рассматривать судом биев. Тем самым, полномочия народных судов были сокращены, а выборы самих биев находились под контролем властей.

В ноябре 1898 года законодательно было разрешено Туркестанскому генерал-губернатору право сменять народных судей, при этом глава военной администрации имел право временно отстранить бия от должности до решения судебного вопроса ([ПСЗ РИ-3, 1898. Т. 18. № 16085](#)). Однако, отказаться полностью от традиционного суда биев российские власти не смогли. «Осторожность и нерешительность центральной власти в замене суда биев общеимперским судом были обусловлены тем, что суд биев продолжал иметь обоснование в конкретно-исторических условиях казахского общества, в то же время он не мог полностью соответствовать колониальной политике царизма» ([Культелеев, 1955: 73](#)).

Во второй половине XIX века переход к письменному судопроизводству стал одним из ключевых механизмов трансформации традиционной судебной системы. В рамках этого процесса возникают «ереже» – нормы права, представляющие собой результат взаимодействия адата, шариата и имперского права. Одно их самых известных положений является «Чарское ереже», разработанное в 1885 году на съезде биев, председателем которого был Абай Кунанбаев ([Абайдельдинов, 1999: 183](#)).

Таким образом, имперская власть до конца XIX века не смогла полностью искоренить традиционную систему судопроизводства, она стремилась трансформировать ее под влиянием российского законодательства, подчинить своим интересам и задачам.

В ходе анализа законодательства Российской империи и казахского обычного права авторами была составлена сводная таблица ([Таблица 1](#)), в которой отражены различия в понимании ответственности, судебной процедуры и механизмов контроля, рассмотренные в изученных документах.

Таким образом, в целом к концу XIX – началу XX вв. судопроизводство в Казахской степи было подчинено общероссийскому законодательству, которое соответствовало его политической надстройке и было направлено на закрепление власти и полное включение данных территорий в общее управление империи.

Таблица 1. Анализ законодательства Российской империи и казахского обычного права

№	Согласно нормам казахского права	Согласно общероссийскому законодательству
Переход от коллективной ответственности к индивидуальной		
1	Санкции (штрафы) распределялись между всеми членами рода или волости	Взыскивается исключительно с личного имущества или за счёт труда самого преступника
2	При невыплате штрафа волость отвечала за должника, вплоть до коллективного наказания	Коллективное поручительство отменено. Обвиняемый несёт все последствия
3	Социальное давление строилось на страхе потери поддержки общины	Социальные санкции сохраняются, но юридическая ответственность персонифицирована
Переход от устного знания к письменной фиксации		
4	Подача иска, присяга свидетелей и вынесение приговора осуществлялись устно, без документов	Вводятся «жалованные грамоты» для исков, письменные протоколы судебных заседаний
5	Все решения хранились в коллективной памяти старшин и биев	Решения регистрируются в канцеляриях и окружных судах, образуя официальный архив
6	Отсутствие пошлин и формальных процедур – свобода доступа к суду	Установлены пошлины в виде скота или рублей для покрытия расходов на суд
Переход от автономии родового контроля к централизованному надзору		
7	Высшая инстанция – сход старшин аула, решения принимались на курултае	Апелляции могут направляться в окружные суды и при губернаторских канцеляриях
8	Бии и старшины полностью автономны в вынесении и исполнении приговоров	Бии сохраняли свою роль, но решения могли быть пересмотрены властями
9	Власть сосредоточена в локальных родовых органах	Формируется вертикаль управления: суды биев – окружные суды – канцелярии

Несмотря на все попытки правительства полностью отказаться от народного суда, оно вынуждено было сохранить его до конца существования монархии, так как не находило возможности регулировать правовые вопросы среди местного населения на обширной территории общими законами. Но функции народных судов биев были сведены до минимума, они касались только дел, связанных с традиционным укладом жизни казахского общества.

5. Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что включение Казахской степи в административно-правовое пространство Российской империи сопровождалось последовательной трансформацией суда биев, затронувшей его организационные основы, компетенцию и характер функционирования. Традиционные нормы продолжали применяться, особенно на уровне повседневных, личных, семейных отношений, однако их сфера действия постепенно сужалась, а юридическая значимость снижалась. Суд биев сохранялся формально, его решения все чаще оказывались зависимыми от административного надзора и процедур пересмотра. Это подрывало прежний авторитет традиционных институтов и способствовало росту правовой неопределенности. В целом это все привело к формированию правовой множественности.

Одновременно следует отметить адаптивный характер реакции казахского общества на происходящие изменения. В ряде случаев традиционные правовые практики трансформировались, приспосабливаясь к новым экономическим условиям, а бии выступали посредниками между населением и имперской администрацией. Такая форма взаимодействия позволяла частично сохранять элементы адата, хотя и в измененном, институционально ограниченном виде. Если раньше в казахском обществе традиционно статус бия основывался на признании внутри общества (авторитет, знание обычного права, ораторское искусство), то в условиях имперской интеграции статус биев менялся. Постепенно вводятся элементы выборности (часто под контролем администрации); выборные бии часто зависели от решений и мнений местной администрации. С укреплением позиций империи на вновь присоединенных территориях, усиливается роль волостных управителей в судебной системе.

В ходе анализа законодательных актов Российской империи можно сделать вывод, что постепенно происходило перераспределение судебных полномочий: наиболее значимые уголовные дела были переданы в имперские суды; решения биев ограничиваются преимущественно гражданско-правовыми и мелкими уголовными делами, усиливается контроль за пересмотром их решений. Функции суда биев к концу XIX века были сведены до минимума. Он превратился в низший уровень судебной системы, лишенный полноты юрисдикции. В новых исторических условиях усиливаются репрессивные наказания суда биев, снижается его примирительная функция, происходит его отчуждение от общинных механизмов согласования решений.

Таким образом, трансформация традиционного казахского права в XIX века представляет собой противоречивый процесс, сочетающий элементы адаптации и ограничения. Имперская правовая политика способствовала созданию более формализованной системы управления, одновременно ослабляя внутренние механизмы традиционного правопорядка.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках реализации фундаментального научного исследования АР23487874 «Деятельность Сибирского комитета по формированию и реализации официальной политики Российской империи на территории Северо-Восточного Казахстана: анализ источников и контекст», при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- [Абайдельдинов, 1999](#) – Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года. Алматы: Ин-т Данекер, 1999. 295 с.
- [Абдрахманова, 1998](#) – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Елорда, 1998. 137 с.
- [Абиль, 2000](#) – Абиль Е. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX века: курс лекций. Астана: Фолиант, 2000. 188 с.
- [Анисимова, 2018](#) – Анисимова А.И. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и степных областей в конце XIX - начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*, 2018. № 428. С. 44-53.
- [Быков, 2005](#) – Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 484 с.
- [Жиренчин, 1996](#) – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX в. Алматы: Жеті Жарғы, 1996. 352 с.
- [Зиманов, 2009](#) – Зиманов С. Казахский суд биев – общекультурологическая ценность. Алматы, 2009. 408 с.
- [Избасарова, 2016](#) – Избасарова Г.Б. Кочевая ментальная карта пространства. Трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в. // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. 2016. № 6. С. 98-107.
- [Касымбаев, 2003](#) – Касымбаев А.Ж. Административно-политические и законодательные нововведения России в Младшем жузе 20-40 гг. XIX века и их колониальная сущность: автореф. канд. ист. наук. Алматы, 2003. 28 с.
- [Крафт, 1898](#) – Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург: Типолитография П.Н. Журинова, 1898. 214 с.
- [Культелеев, 1955](#) – Культелеев Т.М. Уголовное обычное право (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). Алма-Ата: АН КазССР, 1955. 302 с.
- [Лобысевич, 1891](#) – Лобысевич Ф.И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М.: Типография И.Н. Кушнерев и К., 1891. 41 с.
- [Мажитова, 2016](#) – Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. 553 с.
- [Отепова, 2015a](#) – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX век): сборник документов. Ч. 1. (1800–1859 гг.). Павлодар: ПГПИ, 2015. 343 с.
- [Отепова, 2015b](#) – Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.): сборник документов. Ч. 3. (1886–1899 гг.). Павлодар: ПГПИ, 2015. 284 с.
- [Почекаев, 2025](#) – Почекаев Р.Ю. Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки*. 2025. Т. 29. № 1. С. 103-116.
- [ПСЗ РИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

Сартори, Шаблей, 2019 – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, Серия Historia Rossica». 2019. 280 с.

Смагулов, Алимбай, 2020 – Смагулов Б.К., Алимбай Н.А. Адаптация традиционного права казахов в условиях колониальной администрации (по материалам Оренбургского ведомства). Алматы, 2020. 193 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Ermenbaeva et al., 2017 – Ermenbaeva G.K., Balgabayeva G.Z., Isenov O.I., Nauryzbayeva E.K. Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2): 460-467.

Kussainov et al., 2025 – Kussainov D.Zh., Kaskabassova A.A., Zhakibayeva G.B. An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century // *Bylye Gody*, 2025. 20(4): 1778-1790.

Umarov et al., 2022 – Umarov A.A., Abdrakhmanov B.N., Karimova A.E., Otepova G.E. The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1093-1101.

Zhakibayeva et al., 2022 – Zhakibayeva G.B., Otepova G.E., Kontev A.V., Sadykova A.M. Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1140-1152.

References

Abaideldinov, 1999 – Abaideldinov, E.M. (1999). Politiko-pravovaya istoriya Respubliki Kazakhstan [Political and legal history of the Republic of Kazakhstan]. Ch. 1: S drevneishikh vremen do 1917 goda. Almaty: In-t Daneker. 295 p. [in Russian]

Abdrakhmanova, 1998 – Abdrakhmanova, B.M. (1998). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana: Elorda. 137 p. [in Russian]

Abil, 2000 – Abil, E. (2000). Istoriya gosudarstva i prava Respubliki Kazakhstan s drevneishikh vremen do nachala XX veka [The history of the state and law of the Republic of Kazakhstan from ancient times to the beginning of the twentieth century]: kurs lektsii. Astana: Foliant. 188 p. [in Russian]

Anisimova, 2018 – Anisimova, A.I. (2018). Problema reformirovaniya traditsionnoy sudebno-pravovoy sistemy Turkestana i stepnykh oblastey v kontse XIX – nachale XX v. [The problem of reforming the traditional judicial and legal system of Turkestan and the steppe regions in the late 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 428: 44-53. [in Russian]

Bykov, 2005 – Bykov, A.Yu. (2005). Rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v stepnykh oblastyakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva: 1731–1917 gg. [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society: 1731-1917]: dis. ... d-ra ist. nauk. SPb. 484 p. [in Russian]

Ermenbaeva et al., 2017 – Ermenbaeva, G.K., Balgabayeva, G.Z., Isenov, O.I., Nauryzbayeva, E.K. (2017). Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department). *Bylye Gody*. 44(2): 460-467.

Izbasarova, 2016 – Izbasarovam G.B. (2016). Kochevaya mental'naya karta prostranstva. Transformatsiya ponyatiya granitsy v predstavleniyakh kazakhov v XIX v. [A nomadic mental map of space. The transformation of the concept of borders in the ideas of Kazakhs in the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 6: 98-107. [in Russian]

Kasymbaev, 2003 – Kasymbaev, A.Zh. (2003). Administrativno-politicheskie i zakonodatel'nye novovvedeniya Rossii v Mladshem zhuze 20–40 gg. XIX veka i ikh kolonial'naya sushchnost' [Administrative, political and legislative innovations of Russia in the Little horde of the 1820–1840s and their colonial essence]: avtoref. kand. ist. nauk. Almaty. 28 p. [in Russian]

Kraft, 1898 – Kraft, I.I. (1898). Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i stepnykh oblastyakh [The judicial part in the Turkestan region and steppe regions]. Orenburg: Tipolitografiya P.N. Zhurina. 214 p. [in Russian]

Kultelev, 1955 – Kultelev, T.M. (1955). Ugolovnoe obychnoye pravo (s momenta prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii do ustanovleniya Sovetskoy vlasti) [Customary criminal law (from the moment of Kazakhstan's annexation to Russia until the establishment of Soviet power)]. Alma-Ata: AN KazSSR. 302 p. [in Russian]

Kussainov et al., 2025 – Kussainov, D.Zh., Kaskabassova, A.A., Zhakibayeva, G.B. (2025). An Archival-Historical Analysis of the Siberian Committee's Documents on the Implementation of Administrative-Territorial Reforms in Kazakh Steppe during the 19th century. *Bylye Gody*. 20(4): 1778-1790.

Lobyshevich, 1891 – Lobyshevich, F.I. (1891). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. M.: Tipografiya I.N. Kushnerev i K. 41 p. [in Russian]

Mazhitova, 2016 – Mazhitova, Zh.S. (2016). Institut biev v rossiyskoy i kazakhstanskoy istoriografii: komparativnyy analiz (XVIII – nachalo XXI vv.) [The institute of biys in Russian and Kazakh historiography:

a comparative analysis (XVIII – early XXI centuries)]: dis. ... d-ra ist. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. 553 p. [in Russian]

[Otepova, 2015b](#) – Otepova, G.E. (2015). Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX vek) [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (XIX century)]: Sb. dokumentov. Chast' 3 (1886–1899 gg.). Pavlodar: PGPI. 284 p. [in Russian]

[Otepova, 2015a](#) – Otepova, G.E. (2015). Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii po istorii Kazakhstana (XIX vek) [Legislative acts of the Russian Empire on the history of Kazakhstan (XIX century)]: Sb. dokumentov. Chast' 1 (1800–1859 gg.). Pavlodar: PGPI. 343 p. [in Russian]

[Pochekaev, 2025](#) – Pochekaev, R.Yu. (2025). Traditsionnyy kazakhskiy sud na stranitsakh russkoy pressy kontsa XIX – nachala XX v. [The traditional Kazakh court on the pages of the Russian press of the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Yuridicheskie nauki*. 29(1): 103–116. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire].

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Sartori, Shabley, 2019](#) – Sartori, P., Shabley, P. (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi [Empire's experiments: adat, shariat, and knowledge production in the Kazakh steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p. Seriya «Historia Rossica». [in Russian]

[Smagulov, Alimbay, 2020](#) – Smagulov, B.K., Alimbay, N.A. (2020). Adaptatsiya traditsionnogo prava kazakhov v usloviyakh kolonial'noy administratsii (po materialam Orenburgskogo vedomstva) [Adaptation of the traditional Kazakh law in the conditions of the colonial administration (based on the materials of the Orenburg Department)]. Almaty. 193 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Umarov et al., 2022](#) – Umarov, A.A., Abdrakhmanov, B.N., Karimova, A.E., Otepova, G.E. (2022). The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(3): 1093–1101.

[Zhakibayeva et al., 2022](#) – Zhakibayeva, G.B., Otepova, G.E., Kontev, A.V., Sadykova, A.M. (2022). Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(3): 1140–1152.

[Zhirenchin, 1996](#) – Zhirenchin, K.A. (1996). Politicheskoe razvitiye Kazakhstana v XIX – nachale XX v. [Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. Almaty: Zheti Zhargy. 352 p. [in Russian]

[Zimanov, 2009](#) – Zimanov, S. (2009). Kazakhskii sud biev – obshchekul'turologicheskaya tsennost' [Kazakh Court of Biyevev – general cultural value]. Almaty. 408 p. [in Russian]

Трансформация судебной системы Казахской степи в контексте имперской политики Российской империи XIX века

Гульфира Е. Отепова ^a, Анара Е. Каримова ^{a,*}, Гульдана Б. Жакибаева ^b, Гулсим А. Бисенова ^c

^a Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет спорта, Астана, Республика Казахстан

^c РГУ «Национальный центр рукописей и редких книг», Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются преобразования традиционного обычного права, существовавшего в Казахской степи на протяжении веков, которые происходили под воздействием нормативно-правовых актов империи в XIX веке.

Целью данной статьи является выявление механизмов и основных направлений трансформации судебной системы Казахской степи в контексте имперской политики Российской империи, выяснение особенностей казахстанской судебной системы к концу XIX века. Для выполнения данной цели был проведен сравнительный анализ норм традиционного права с нормами российского законодательства, принимавшихся государственными органами Российской империи в отношении ключевых сфер общественной жизни степного общества.

Источниковую базу исследования составили законы Российской империи, архивные материалы РГИА (г. Санкт-Петербург) и ЦГА РК (г. Алматы), содержащие развернутую фиксацию норм казахского обычного права и вводимого российского законодательства.

В процессе исследования авторами были проанализированы законодательные акты, документы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ake073@mail.ru (А.Е. Каримова), g.oteпова.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова), zhakibayeva.guldana@gmail.com (Г.Б. Жакибаева), bisenova.1966@inbox.ru (Г.А. Бисенова)

нормативно-правового характера (уставы, положения), материалы делопроизводства, которые позволили выявить основные отличия между нормами казахского права и введенными российскими законами. Итогом проведенной работы явилась сводная таблица, в которой показан переход от коллективной ответственности к индивидуальной, все словесные и письменные жалобы записывались в протокол, а протоколы фиксировались в докладном журнале. Принятые судебные решения регистрировались в канцеляриях и окружных судах, образуя официальный архив. Постепенно происходил переход от автономии родового контроля к централизованному надзору. Через механизм апелляции несогласные с решением суда биев в письменном виде могли обратиться к областному начальству, после чего судебные дела затем передавались в окружные суды.

Авторами сделан вывод о том, что трансформация казахского права в рассматриваемый период представляла собой постепенный и противоречивый процесс, направленный на включение степных территорий в общеимперское правовое пространство без полного отказа от местных правовых традиций.

Ключевые слова: судебные реформы, Средний жуз, Младший жуз, адат, устав, Сибирский комитет.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 645-652
DOI: 10.13187/bg.2026.2.645

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Women and the Caucasian War through the Prism of Pre-Revolutionary Historiography

Oksana S. Mutieva ^{a, *}, Yusup M. Huseynov ^a, Patimat A. Aliomarova ^a, Gasan M. Magomedov ^a

^aDagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation

Abstract

The article examines the masculinity of women during the Caucasian War (1817–1864), which was a period of systemic brutality and destruction. The key objectives of this study include analyzing the practices of masculine behavior among highland women based on the memoirs and recollections of participants in the Caucasian War, and reevaluating this issue in the works of pre-revolutionary historians. The work analyzes the experience of women's participation in defensive battles, as well as the courage and resilience of women who found themselves in a desperate situation in the besieged Dagestani villages of Argvani, Akhulgo, Untsukul, Gimry, Solta, Gunib, and the Chechen village of Dadi-Yurt. During the long-lasting Caucasian War, the very image of women changed, and the need to survive in a constant state of threat developed masculine traits in women, which became a shield during wartime.

The article examines examples of women's sacrifice in life-and-death situations. In order to avoid being captured, women resorted to a desperate measure: suicide. In the traditional socio-cultural norms of mountain societies, this choice was seen as a means of protecting the honor and dignity of the family. Memoirs, diaries, and reports from participants in the Caucasian War provide evidence of the deviant behavior of mothers in conquered villages, where mothers killed their own children to prevent them from being captured. These actions were a desperate reaction to the hopelessness of the situation, although they contradicted basic maternal instincts.

It is concluded that the masculinity of the mountain women during the Caucasian War became an important part of the overall picture of the highlanders' resistance.

Keywords: The Caucasian War, mountain women, female masculinity, the phenomenon of masculinity, sacrifice, deviation.

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что традиционная историография Кавказской войны фокусировалась исключительно на «мужской» военной истории, а женщины-горянки оставались «невидимыми» участницами – их роли, стратегии выживания, сопротивление и самопожертвование не изучались.

Анализ дореволюционных источников, преимущественно это мемуары и воспоминания участников Кавказской войны, позволяет выявить имеющиеся лакуны. Систематизация фрагментарных свидетельств о маскулинности женщин дополнит источниковую базу по гендерным исследованиям на Северном Кавказе.

Актуальность обусловлена и тем, что в современном северокавказском обществе растёт интерес к женской истории, идут процессы переосмысления женской гендерной роли. Военное прошлое автохтонных народов Северного Кавказа предопределило формирование мужественных черт у женщин: женщины-горянки были не только хранительницами очага, они могли выступить

* Corresponding author

E-mail addresses: mutiewa.oksana@yandex.ru (O.S. Mutieva)

мироотворцами, остановив вражду между мужчинами, в годы военных испытаний проявляли стойкость и мужество, ни в чём не уступая мужчинам.

Продвижение позитивных традиционных представлений о мужественности направлено на противостояние деструктивным стереотипам.

2. Материалы и методы

В работах дореволюционных авторов, военных историков, современников, участников Кавказской войны содержатся интересные свидетельства, наблюдения, оценки, отражающие маскулинность женщин Северо-Восточного Кавказа. Источниками для исследования послужили мемуары и воспоминания Д.М. Милютин, Я.И. Костенецкого, И.Д. Романовского, А.Л. Зиссермана, Н.А. Волконского, Р.А. Фадеева, Л.А. Богуславского, С.Н. Шульгина, П.П. Короленко (Милютин, 1850; Костенецкий, 1851; Романовский, 1860; Дубровин, 1871; Зиссерман, 1879; Волконский, 1879; Фадеев, 1889; Богуславский, 1892; Шульгин, 1910; Короленко, 1909).

Из зарубежных источников можно выделить воспоминания французки г-жи Дрансе (Пленницы Шамиля..., 1858). В данной работе автор, свидетель трагических обстоятельств пленения мюридами грузинских княгинь Орбелиани и Чавчавадзе, повествует об обстоятельствах их плена и освобождения.

Труд английского историка Джона Баделли «Завоевание Кавказа русскими» (Баделли, 1908) отражает этапы Кавказской войны, характер и задачи военных экспедиций русского командования. Среди разнохарактерного материала автором рассматриваются практики маскулинного поведения женщин Дагестана, Чечни, Кабарды.

Безусловно, отсутствие авторских свидетельств женщин, их дневников и писем требует прищирчивого и внимательного изучения максимально широкого круга источников.

Методологическая основа исследования строилась на общеисторических методах (ретроспективный), для анализа основных аспектов исследования применялись историко-антропологический, историко-психологический, аксиологический методы, позволяющие изучить феномен жертвенности женщин и мотивы, реакции на происходящие события, эмоциональные переживания женщин.

В работе применялась общая теория гендерных исследований, метод анализа женских маскулинных практик. Важным методологическим принципом является метод исторической эмпатии, который позволяет прочувствовать переживания, настроения женщин в экстремальных условиях войны.

3. Обсуждение

Одним из первых в советской историографии данной темы коснулся М.Н. Покровский в своей статье «Кавказская война», опубликованной в сборнике статей «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии». Рассматривая военные события Кавказской войны, автор приводит сведения о правительнице Аварского ханства Паху-Бике, которая проявила маскулинные черты в противодействии мюридам, не скрывая своей лояльности к России (Покровский, 1923: 210-211).

Исследуемая тема нашла отражение в Сборнике документов, освещающих движение горцев Северо-Восточного Кавказа (Движение горцев..., 1958). Сборник помимо официальной переписки русской администрации, рапортов, донесений, различного рода отчётов и обзоров, писем, содержит сведения о ходе военных сражений, где фрагментарно представлены сведения об участии в них женщин.

В постсоветской историографии следует выделить работы Г.-А.Д. Даниялова «Имамы Дагестана» и «Имам Шамиль», где автор в контексте событий Кавказской войны рассматривает участие женщин в обороне горских аулов, приводит примеры женской стойкости и жертвенности в условиях осады (Даниялов, 1996: 32-33).

Различные аспекты маскулинного поведения женщин-горянок затрагиваются в работе Д.А. Хожаева «Чеченцы в русско-кавказской войне» (Хожаев, 1998). По сведениям автора, летом 1840 года во время сражения у реки Валерик отряда генерал-лейтенанта А.В. Галафеева с горцами наиба Ахберды Магомы на стороне мюридов выступили вооружённые чеченские женщины (Хожаев, 1998: 63).

Статья А.А. Остахова «Функциональный статус черкесской (адыгской) женщины в условиях войны (XV–XIX вв.)» раскрывает многогранную роль адыгской женщины, включая её участие в сражениях (Остахов, 2013: 165-167).

Женская повседневность в экстремальных условиях Кавказской войны стала предметом специального исследования в работах О.С. Мутиевой (Мутиева, 2018; Мутиева, 2024).

По мнению автора, женский быт даже в мирное время никогда не находился в центре научного интереса исследователей. Тем более остаётся неизученным вопрос о том, как экстремальное превращается в привычное, повседневное и рутинное (Мутиева, 2024: 9). Монография О.С. Мутиевой «Повседневность дагестанской женщины: Кавказская война и социокультурные перемены XIX века», изданная в издательстве «Новое литературное обозрение», – одна из первых работ, где обобщён весь опыт участия женщин-дагестанок в событиях Кавказской войны.

В работе А.А.Газиевой рассматривается роль женщин в различных коммуникативных процессах в период Кавказской войны и после её завершения (Газиева, 2021). По оценке автора, война, несмотря на её трагизм, открыла перед женщинами «...возможности повышения своего социального статуса, использования собственного потенциала, применения своих навыков и умений, проявления особенностей ментальности» (Газиева, 2021: 129).

Следует отметить военно-антропологические исследования Е.С. Сениявской, М.Х. Гуговой и М.А. Текуевой (Сениявская, 1997; Гугова, Текуева, 2012). Несмотря на то что работы авторов не имеют прямого отношения к исследуемой теме, методологический подход к изучению феномена участия женщин в военных событиях различных исторических периодов представляет значительный научный интерес.

Е.С. Сениявская одной из первых стала изучать войну сквозь призму гендерного восприятия. Она отмечала, что в силу особенностей психологии женщины иначе переживают военные события, а в экстремальных обстоятельствах женский героизм приобретает массовый характер (Сениявская, 1997: 11).

Особого внимания заслуживает книга британской писательницы и историка Лесли Бланч «Сабли рая» (Бланч, 1991). На основе архивных данных и свидетельств современников автор освещает роль женщин-горянок в военных событиях Кавказской войны, что придаёт работе особую историческую ценность.

Представляет интерес труд М. Гаммера «Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана» (Гаммер, 1998). В контексте освещения основных этапов Кавказской войны автор фиксирует факт расправы имама Гамзат-бека над аварской ханшей Паху-Бике как одно из значимых событий данного периода (Гаммер, 1998: 100).

Историографический анализ показывает, что в отечественной и зарубежной кавказоведческой литературе до конца не осмыслена роль женщин-горянок в событиях Кавказской войны.

4. Результаты

Первые работы современников появились ещё в 50-е годы XIX века. Этот период характеризовался активизацией военных действий на Северо-Восточном Кавказе, где русской армии противостояли объединённые силы горцев Дагестана и Чечни. На Северо-Западном Кавказе продолжалось покорение Кабарды.

Участники Кавказской войны в своих мемуарах и воспоминаниях интерпретируют события сквозь призму личного опыта и собственных убеждений. Это неизбежно накладывает отпечаток на объективность изложения, убеждения авторов влияют на трактовку фактов и формируют основу их мемуарного нарратива.

На начальном этапе войны главным театром военных действий стала территория горного Дагестана и Чечни. По мере продвижения в глубь горного края русские войска встречали сопротивление местного населения. Результаты военных экспедиций зависели от форм и методов покорения горских народов. Так, генерал А.П. Ермолов расценивал сопротивление горцев как измену императору и прибегал к жестоким карательным мерам против тех, кто «...поднимал оружие против непобедимых войск российских» (Движение горцев..., 1959: 27).

Одна из трагических страниц Кавказской войны – покорение чеченского аула Дади-юрт в 1819 году походным атаманом Сысоевым. В своих мемуарах генерал А.П. Ермолов пишет о масштабах трагедии: мужья убивали своих жён, чтобы они не достались русским, а многие женщины сами бросались на солдат с кинжалами. Оставшиеся в живых женщины и юные девушки были пленены, но во время переправы через реку Терек 46 пленниц бросились в водную пучину, чтобы избежать бесчестия (Записки..., 1991: 88, 190).

Видя масштабы сопротивления, А.П. Ермолов в своём рапорте к императору Александру I отмечал необходимость увеличения войск тремя пехотными полками для борьбы с горцами в Дагестане (Движение горцев..., 1959: 28).

На пути продвижения вглубь Северного Дагестана русские войска встречали ожесточённое сопротивление: каждый горный аул превращался в неприступную крепость, штурм которой занимал недели, а иногда и месяцы (Милютин, 1850: 47).

В мае 1825 года жители аула Эндирей обратились к населению аулов Черкей и Унцукуль с просьбой оказать помощь в борьбе с русскими войсками, подчеркнув, что выполнение этого долга является обязанностью «... даже женщин и детей» (Движение горцев..., 1959: 53).

Подобная картина наблюдалась на протяжении всех военных экспедиций русской армии: каждый укрепленный аул превращался в настоящую цитадель, которую его жители были готовы защищать с решимостью до последнего. Покорение каждого аула стоило русским «...несколько сот, иногда несколько тысяч солдат» (Фадеев, 1889: 39).

Современники сравнивали неприступные аулы с испанским городом Сарагосой, выдержавшим осаду армии Наполеона. «Мы брали укрепленный аул ценою нескольких тысяч жертв, для того чтоб открыть за ним целый ряд таких же аулов, требующих таких же жертв...», – писал в одном из писем Р.А. Фадеев (Фадеев, 1889: 48).

Если на стороне горцев выступала сама природа, то для противника незнакомая горная местность становилась труднопреодолимым препятствием. Штурмующим войскам приходилось предпринимать несколько попыток, чтобы подняться по отвесным скалам и захватить аул. При этом жители аулов, среди которых преобладали женщины и дети, сбрасывали на солдат, штурмующих аул, груды камней (Фадеев, 1889: 34).

Мемуарная литература содержит свидетельства об участии дагестанских женщин в оборонительных сражениях в аулах Ашильта, Аргвани, Ахульго.

Офицер и мемуарист Я.И. Костенецкий, будучи адъютантом генерала П.Х. Граббе, принимал участие в штурме аула Ашильта и стал свидетелем трагических событий, развернувшихся в ауле. Юная горянка, перед которой встал страшный выбор – смерть или бесчестие, – не колеблясь ни мгновения, бесстрашно бросилась в пропасть вслед за своим братом (Костенецкий, 1851: 65).

Как видим, авторы в своих мемуарах не просто описали историческое событие, а показали живую картину прошлого, увиденного собственными глазами в покорённых аулах.

По оценкам современников, женщины-горянки ни в чём не уступали мужчинам во время длительной осады аула Ахульго, штурм которого продолжался несколько месяцев – с июня по август 1839 года.

Отмечая крайнее упорство жителей Ахульго, генерал Д.М. Милютин писал в своих мемуарах, что среди защитников были женщины, «переодетые в мужские платья», которые не только дрались на переднем крае, но и удерживали от бегства мужчин (Милютин, 1850: 115).

Несмотря на то, что Ахульго был взят 22 сентября 1839 года, сопротивление оставшихся в живых продолжалось: женщины, предвидя свою неминуемую гибель, с кинжалами в руках бросались на штыки русских, а «...матери своими собственными руками убивали детей, чтобы только не доставались они русским» (Милютин, 1850: 119). Раненые женщины, стремясь избежать плена, выхватывали штыки у своих стражей и бросались на них в отчаянной атаке (Баддели, 1908: 132).

Следует отметить, что в социокультурных нормах горских обществ подобный выбор женщин традиционно воспринимался как достойный способ защиты чести рода. Это способствовало формированию устойчивых моделей поведения женщин в критических ситуациях.

В мемуарных источниках и воспоминаниях участников Кавказской войны содержатся сведения о поведении матерей в аулах, осаждённых неприятелем. В условиях осады женщины находились в состоянии крайнего эмоционального и психического напряжения: некоторые матери, несмотря на опасность, выводили маленьких детей под обстрел русских орудий (Богуславский, 1892: 507).

В одной из батальных работ художника Франца Рубо «Штурм Ахульго» запечатлён сюжет покорения аула: матери бросают своих детей прямо на штыки солдат и сами срываются с обрыва в пропасть (Мутиева, 2024: 127). Безусловно, эти действия были отчаянной реакцией на безвыходность ситуации, матери были бессильны перед лицом неизбежной гибели.

В 1840–1850-е годы российское командование одновременно направляло военные экспедиции в Дагестан, Чечню, Адыгею и Кабарду, в рамках продолжающейся Кавказской войны. Такая стратегия была призвана установить контроль над ключевыми территориями и оказать одновременно давление на разные точки сопротивления горских обществ.

Генерал Д.И. Романовский в своих мемуарах описывал военные кампании 1847–1853 годов на Северо-Западном Кавказе. В условиях Кавказской войны жестокость порождала жестокость: в ответ на сопротивление горцев военные власти повсеместно прибегали к жёстким репрессиям. Возмездие осуществлялось непременно, однако отдельные генералы и казацкие атаманы отличались особой необузданностью в стремлении к мщению.

Так, генерал Власов с особой жестокостью истреблял аулы адыгов, полагая, что таким образом укрощает их гордый нрав. Пожары не было ни женщинам, ни детям – карательные меры распространялись на всё население без исключения. «...В пылавших селениях черкесы гибли целыми сотнями... нередко женщины и дети, спасаясь от грозившей смерти, бросались в бурные горные реки», – писал П.П. Короленко в записках о черкесах, осуждая жестокость карательных мер (Короленко, 1909: 60-63). Заметим, что в русских источниках адыгов называют черкесами.

Безусловно, такие меры лишь усугубляли конфликт и усиливали сопротивление горцев, в том числе женского населения. Жестокая реальность не оставляла выбора женщинам, поэтому они крайне редко сдавались в плен: до последнего оказывали сопротивление, бесстрашно бросаясь на неприятеля – порой с одними лишь кинжалами (Романовский, 1860: 236).

Рассматривая участие женщин-горянок в боевых действиях, важно отметить, что речь шла исключительно об оборонительных сражениях. Как уже отмечалось, ни один горский аул не сдавался без боя – осада порой длилась месяцами. Ярким примером служит многодневная оборона аула Гуниб, который представлял собой природную крепость: со всех сторон он был окружен отвесными скалами, глубокими ущельями и бездонными пропастями, по которым протекала бурная река Аварское Койсу. Эти природные преграды существенно осложняли любые попытки штурма Гуниба, а население, по оценке современников, могло выдержать любую осаду (Фадеев, 1889: 65).

С 9 по 29 августа 1859 года около 400 защитников аула Гуниб противостояли многотысячному Отдельному Кавказскому корпусу под командованием генерал-адъютанта А.И. Барятинского. Среди

защитников было много женщин: многие из них были вооружены и переодеты в мужскую одежду, что позволяло им наравне с мужчинами участвовать в обороне.

По сведениям С.Н. Шульгина, среди защитников Гуниба особо выделялась женщина, переодетая в мужскую черкеску: она демонстрировала нарочитую воинственность, была вооружена и ходила по аулу с обнажённой шашкой. Тем самым вдохновляя других защитников и подчёркивая готовность сражаться до конца (Шульгин, 1910: 14).

Этот образ ярко иллюстрирует участие женщин в обороне Гуниба и их вклад в сопротивление горцев.

Военный историк, генерал Н.А. Волконский, описал один из эпизодов падения Гуниба: защитники аула, не желая сдаваться, вступили в рукопашную схватку с противником, пытаясь одолеть его в ближнем бою. Внимание Н.А. Волконского привлекли трое, которые дрались неистово, озлоблено, «уже сцепились не только оружием, но и просто голыми руками со своими врагами... как фурии, как бешеные кошки кидаются они в лицо солдатам. Физиономии их искривлены, сухие пальцы хватают лезвие подставленного им штыка, и в то же время левая рука наносит кинжал над солдатом, одежда их в беспорядке, волосы открыты, рассыпались по плечам, груди обнажены» (Волконский, 1879: 415-416).

Такие свидетельства позволяют увидеть войну не только как череду трагических событий, но и как совокупность человеческих оценок.

Женщины, защищавшие осаждённый Гуниб, проявили не меньшую стойкость и мужество, чем мужчины, а в своей решимости нередко их превосходили. Они яростно бросались в бой и стойко сдерживали натиск штурмовавшего аул Апшеронского полка. Согласно имеющимся данным, в ходе штурма Гуниба героически погибли 300 женщин (Баддели, 1908: 7-8). Их подвиг остался в памяти народа как символ негибаемой воли и самоотверженности.

После покорения Гуниба военные экспедиции были продолжены на территории Восточного Кавказа. Уже в 1859 году были покорены адыги: по имеющимся данным, около 500 тыс. человек подверглись высылке, в основном – в Османскую империю (Фадеев, 1889: 92).

В ходе военных экспедиций под командованием генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова осенью и зимой 1860 года началось выселение адыгских племен: абадзехов, шапсугов и убыхов. Особенно пострадали женщины и дети, многие умерли от голода и последствий холодной зимы. Их замёрзшими телами были покрыты дороги. Как только весть об этом дошла до Евдокимова, он сказал: «Но разве от кого-нибудь зависит отвратить это бедствие?» (Фадеев, 1889: 127-128).

Судьба оставшихся живых женщин была не менее трагична, ими пополнились турецкие гаремы (Зиссерман, 1879:139), женщинами и детьми расплачивались с владельцами турецких судов за неимением денег (Фадеев, 1889: 134).

На завершающем этапе Кавказской войны, такая политика стала частью стратегии Российской империи и существенным образом отразилась на этнической карте региона, тысячи семей адыгов были вынуждены покинуть свою родину.

В событиях Кавказской войны заметный след оставила правительница Аварского ханства Паху-Бике. В 1830-е годы она перешла к фазе открытой конфронтации с мюридами и отказалась устанавливать в ханстве шариатские законы. Паху-Бике проявляла лояльность к Российской империи и в 1828 году привела ханство к присяге на верность государству. Это стало важным шагом в укреплении российского влияния в Горном Дагестане.

Во время нападения Кази-Муллы на Хунзах в феврале 1830 года Паху-Бике бросила ему вызов и оказала вооружённое сопротивление. В то время как мужчины Хунзаха дрогнули перед натиском противника Кази-Муллы, ханша лично взяла в руки оружие и обратилась к воинам своего ханства с призывом к сплочению и отпору мюридам: «Авары, – воскликнула она, когда все обратили на неё свои взоры, – вы недостойны носить оружие. Если вы боитесь, отдайте своё оружие нам, женщинам, а сами спрячьтесь за нашими юбками!» Задетые этим горьким укором, защитники вновь взяли за оружие как раз тогда, когда враг был готов влезть на крепостные стены, и отбросили его назад. Увидев это, те авары, которые присоединились к мюридам, отделились от них, и последние обратились в бегство, оставив на поле боя 200 человек убитыми, много раненых и 60 пленных в руках торжествующей ханши» (Баддели, 1908: 101).

Паху-Бике умело использовала покровительство Российской империи в своих интересах: проявляя лояльность к русским, она укрепила своё политическое положение и добила различных преференций для себя и своих сыновей. Однако эта лояльность имела трагические последствия: сначала были убиты Гамзат-беком её сыновья, а затем сама стала жертвой расправы – она была обезглавлена (Покровский, 1923: 211).

Гибель Паху-Бике стала знаковым событием. Для жителей Хунзаха она стала символом стойкости и лидерства, в то время как имам Гамзат-бек был осуждён общественным сознанием, как человек, совершивший недостойное деяние – поднявшим руку на женщину.

Этот контраст подчёркивает моральную оценку их поступков в исторической памяти дагестанского народа.

После убийства Паху-Бике Аварское ханство перешло под контроль мюридов, что создавало серьёзные геополитические риски для Российской империи в регионе. В ответ российские власти активизировали военные экспедиции в Горный Дагестан, поставив задачу ограничить распространение мюридизма и восстановить влияние на стратегически важной территории (Фадеев, 1889: 37).

5. Заключение

Подводя итоги данного исследования, можно сделать вывод о том, что в реалиях Кавказской войны женщины-горянки выработали маскулинные качества, необходимые для выживания и принятия решений в экстремальных ситуациях, а также особую стратегию адаптации к многодневной осаде аулов.

Эти факты не остались незамеченными. Несмотря на то, что маскулинность женщин не была массовым явлением, даже отдельные свидетельства современников и участников Кавказской войны показывают неимоверный дух и мужество женщин-горянок.

Свидетельства и оценки людей, находившихся по другую сторону военного конфликта, представляют особую ценность, позволяя увидеть события с разных ракурсов и дополнить военные хроники женскими историями. Такое многообразие свидетельств, безусловно, подчёркивает значимость вклада женщин в события Кавказской войны.

6. Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25-28-00758 «Феномен маскулинности на Северном Кавказе: исследования гендера и мужественности в контексте безопасности».

Литература

- Баддели, 2011 – Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф. 2011. 351 с.
- Богуславский, 1892 – Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. 1700–1892 гг. С-Петербург, 1892. 518 с.
- Бланч, 1960 – Бланч Л. Сабли рая. Мюнхен, 1960. 140 с.
- Волконский, 1879 – Волконский, Н.А. Окончательное покорение Восточного Кавказа // Кавказский сборник. Т. IV. Тифлис, 1879. С. 69-436.
- Гаммер, 1998 – Гаммер М.Г. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
- Движение горцев..., 1959 – Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. / Сб. документов. Махачкала, 1959. 785 с.
- Даниялов, 1996 – Даниялов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала: Издательско-полиграфическое объединение «Юпитер». Т. III. 1996. 224 с.
- Газиева, 2021 – Газиева А.А. Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронте // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 121-135.
- Записки..., 1991 – Записки А.П. Ермолова, 1798–1826. Москва: Высшая школа, 1991. 462 с.
- Зиссерман, 1879 – Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851–1856 гг. С-Петербург, 1879. 440 с.
- Костенецкий, 1851 – Костенецкий Я.И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. В 3 ч. / Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1851. 122 с.
- Короленко, 1909 – Короленко П.П. Записки о черкесах. Материалы по истории Кубанской области. Кубанский сборник. Т. XIV. Екатеринодар, 1909. 80 с.
- Милютин, 1850 – Милютин Д.М. Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. СПб., 1850. 153 с.
- Мутиева, 2018 – Мутиева О.С. Опыт участия дагестанских женщин в оборонительных сражениях Кавказской войны // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2018. Т. 24. № 3. С. 25-28.
- Мутиева, 2024 – Мутиева О.С. Повседневность дагестанской женщины: Кавказская война и социокультурные перемены XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 336 с.
- Ольшевский, 2003 – Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. С-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2003. 608 с.
- Остахов, 2013 – Остахов А.А. Функциональный статус черкесской (адыгской) женщины в условиях войны (XV–XIX вв.) / Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3-6 октября 2013 года, Нальчик. Т. 1. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 165-167.
- Покровский, 1923 – Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. Москва: Издательство «Красная новь» Главполитпросвет, 1923. 392 с.

- [Пленницы Шамиля...](#), 1858 – Пленницы Шамиля: Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1858.
- [Романовский, 1860](#) – *Романовский И.Д.* Кавказ и Кавказская война. Публ. Лекции, прочит. В зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. С-Петербург, 1860. 460 с.
- [Сенявская, 1997](#) – *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. 226 с.
- [Фадеев, 1889](#) – *Фадеев Р.А.* Собрание сочинений. Т.1. Шестьдесят лет Кавказской войны. С-Петербург, 1889. 147 с.
- [Хожаев, 1998](#) – *Хожаев Д.* Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Издательство "Седа". 1998. 312 с.
- [Шульгин, 1910](#) – *Шульгин С.Н.* Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1910. 36 с.

References

- [Baddeli, 2011](#) – *Baddeli, D.* (2011). Zavoevanie Kavkaza russkimi. 1720–1860 [The Russian conquest of the Caucasus. 1720–1860]. M.: Tsentrpoligraf, 351 p. [in Russian]
- [Boguslavskii, 1892](#) – *Boguslavskii, L.A.* (1892). Istoriya Apsheronского polka. 1700–1892 gg. [History of the Absheron regiment. 1700–1892]. S-Peterburg, 518 p. [in Russian]
- [Blanch, 1991](#) – *Blanch, L.* (1991). Sabli raya [Sabers of paradise]. Makhachkala: MRIP «Yupiter». [in Russian]
- [Volkonsky, 1879](#) – *Volkonsky, N.A.* (1879). Okonchatel'noe pokorenie Vostochnogo Kavkaza [The final conquest of the Eastern Caucasus. Caucasian collection]. *Kavkazskii sbornik*. T. IV. Tiflis. Pp. 69–436. [in Russian]
- [Gammer, 1998](#) – *Gammer, M.G.* (1998). Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana [Shamil. Muslim resistance to tsarism. Conquest of Chechnya and Dagestan]. M.: 'KRON-PRESS. 512 p. [in Russian]
- [Dvizhenie gortsev..., 1959](#) – *Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20-50-kh gg. XIX v.* [The movement of the North-Eastern Caucasus mountaineers in the 1820–1850]. Sb. dokumentov. Makhachkala, 785 p. [in Russian]
- [Danialov, 1996](#) – *Danialov, G.-A.D.* (1996). Imam Shamil' [Imam Shamil]. Makhachkala: Idatel'sko-poligraficheskoe ob"edinenie «Yupiter». V. III. 224 p. [in Russian]
- [Gazieva, 2021](#) – *Gazieva, A.A.* (2021). Mediatory kul'tury: o gendernoi osobennosti statusnykh rolei zhenshchin na kavkazskom frontire [Mediators of Culture: On the Gender Characteristics of Women's Status Roles in the Caucasian Frontier]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. T. 4. Pp. 121–135. [in Russian]
- [Zapiski..., 1991](#) – *Zapiski A.P. Ermolova, 1798–1826* [Notes by A.P. Yermolov, 1798–1826.]. Moskva: Vysshaya shkola. 462 p. [in Russian]
- [Zisserman, 1879](#) – *Zisserman, A.L.* (1879). Dvadtsat' pyat' let na Kavkaze. Chast' II: 1851–1856 gg. [Twenty-five years in the Caucasus. Part II: 1851–1856]. S-Peterburg. 440 p. [in Russian]
- [Kostenetskii, 1851](#) – *Kostenetskii, Ya.I.* (1851). Zapiski ob Avarskoi ehkspeditsii na Kavkaze 1837 goda [Notes on the Avar Expedition in the Caucasus in 1837 year]. V 3 ch. Sankt-Peterburg: tip. Eh. Pratsa. 122 p. [in Russian]
- [Korolenko, 1909](#) – *Korolenko, P.P.* (1909). Zapiski o cherkesakh. Materialy po istorii Kubanskoi oblasti [Notes on the Circassians. Materials on the History of the Kuban Region]. *Kubanskii sbornik*. V. XIV. Ekaterinodar. 80 p. [in Russian]
- [Milyutin, 1850](#) – *Milyutin, D.M.* (1850). Opisanie voennykh sobytii v Severnom Dagestane v 1839 godu [Description of military events in Northern Dagestan in 1839]. S.-Peterburg. 153 p. [in Russian]
- [Mutieva, 2018](#) – *Mutieva, O.S.* (2018). Opyt uchastiya dagestanskikh zhenshchin v oboronitel'nykh srazheniyakh Kavkazskoi voiny [The experience of Dagestani women in the defensive battles of the Caucasian War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*. 24(3): 25–28. [in Russian]
- [Mutieva, 2024](#) – *Mutieva, O.S.* (2024). Povsednevnost' dagestanskoi zhenshchiny: Kavkazskaya voina i sotsiokul'turnye peremeny XIX veka. [The everyday life of a Dagestani woman: the Caucasian war and the sociocultural changes of the 19th century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. [in Russian]
- [Ol'shevskii, 2003](#) – *Ol'shevskii, M.Ya.* (2003). Kavkaz s 1841 po 1866 god [The Caucasus from 1841 to 1866]. S-Peterburg: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda». 608 p. [in Russian]
- [Ostakhov, 2013](#) – *Ostakhov, A.A.* (2013). Funktsional'nyi status cherkesskoi (adygskoi) zhenshchiny v usloviyakh voiny (XV – XIX vv.). [The functional status of Circassian (Adyghe) women during the war (15th – 19th centuries)]. *Rossiiskaya gendernaya istoriya s «yuga» na «zapad»: proshloe opredelyaet nastoyashchee: materialy Shestoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZHI i IEHA RAN, 3-6 oktyabrya 2013 goda, Nal'chik*. V.I. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t. Pp. 165–167. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1923](#) – *Pokrovskii, M.N.* (1923). Diplomatiya i voiny tsarskoi Rossii v XIX stoletii [Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the 19th Century]. *Sbornik statei*. Moskva: Izdatel'stvo «Krasnaya nov'» Glavpolitprosvet. 392 p. [in Russian]

- Plennitsy Shamilya..., 1858** – Plennitsy Shamilya: Vospominaniya g-zhi Dranse [Captives of Shamil: Memoirs of Mrs. Drance]. Tiflis: tip. Kantselyarii namestnika kavk. 1858. [in Russian]
- Romanovskii, 1860** – *Romanovskii, I.D.* (1860). Kavkaz i Kavkazskaya voyna. Publ. Lektsii, pročit. V zale Passazha v 1860 g. Gen. Shtaba polkovnikom Romanovskim [The Caucasus and the Caucasian war. Publ. Lectures, read. In the Passage hall in 1860 by Gen. Staff Colonel Romanovsky]. S-Peterburg, 460 p. [in Russian]
- Senyavskaya, 1997** – *Senyavskaya, E. S.* (1997). Chelovek na voine. Istoriko-psikhologicheskie ocherki [A Man at War. Historical and psychological essays]. M.: In-t rossiiskoi istorii RAN. 226 p. [in Russian]
- Fadeev, 1889** – *Fadeev, R.A.* (1889). Sbranie sochinenii. T.1. Shest'desyat let Kavkazskoi voiny [Collected works. Vol. 1. Sixty years of the Caucasian war]. S-Peterburg. 147 p. [in Russian]
- Khozhaev, 1998** – *Khozhaev, D.A.* (1998). Chechentsy v russko-kavkazskoi voine [Chechens in the Russian-Caucasian War]. Grozny: Izdatel'stvo "Seda". 312 p. [in Russian]
- Shul'gin, 1910** – *Shul'gin, S.N.* (1910). Iz dagestanskikh predanii o Shamil'e i ego spodvizhnikakh [From Dagestani legends about Shamil and his companions]. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo. 36 p. [in Russian]

Женщины и Кавказская война через призму дореволюционной историографии

Оксана Саидовна Мутиева ^{a, *}, Юсуп Магомедович Гусейнов ^a, Патимат Абдулхаликовна Алиомарова ^a, Гасан Магомедович Магомедов ^a

^a Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается маскулинность женщин в годы Кавказской войны (1817–1864), которая стала периодом системного насилия и разрушения.

К ключевым задачам данного исследования относится анализ практик маскулинного поведения женщин-горянок на основе мемуаров и воспоминаний участников Кавказской войны и переосмысление данного вопроса в трудах историков дореволюционного периода.

В работе проанализирован опыт участия женщин в оборонительных сражениях, мужество и стойкость женщин, оказавшихся в ситуации безвыходности в осаждённых неприятелем дагестанских аулах Аргвани, Ахульго, Унцукуль, Гимры, Солта, Гуниб, чеченского селения Дади-юрт. В условиях длительной Кавказской войны менялся сам облик женщин, необходимость выживания в условиях постоянной угрозы вырабатывала в женщинах маскулинные черты, которые становились щитом в военное время.

Рассмотрены примеры жертвенности женщин в пограничных ситуациях между жизнью и смертью. Женщины, чтобы не быть пленёнными, решались на отчаянный шаг – самоубийство. В традиционных социально-культурных нормах горских обществ такой выбор расценивался как защита чести и достоинства рода.

В мемуарных текстах, дневниках и рапортах участников Кавказской войны выявлены свидетельства, отражающие девиантное поведение матерей в покорённых аулах – матери убивали собственных детей, чтобы они не были пленены. Эти действия были отчаянной реакцией на безвыходность ситуации, хотя и противоречили базовым материнским инстинктам.

Делается вывод, что мужественность женщин-горянок в годы Кавказской войны стала важной частью общей картины сопротивления горцев.

Ключевые слова: Кавказская война, женщины Северного Кавказа, женская маскулинность, феномен мужественности, выживание, жертвенность, девиация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mutiewa.oksana@yandex.ru (О.С. Мутиева)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 653-662
DOI: 10.13187/bg.2026.2.653

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Caucasian War in Historiography: Methodology of Crisis and the Search for a Polyphonic Narrative. An Extended Rejoinder to the Study by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko

Ruslan A. Tleptsok ^{a, *}

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is a critical rejoinder to the historiographical study by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko on the evolution of views on the Caucasian War in Soviet and Russian scholarship. The aim of the work is to identify methodological limitations in the approach of the aforementioned authors and to propose an alternative research perspective. The first part of the analysis demonstrates that the concept of a “median position” proposed by A.V. Bedrik and N.S. Tkalenko, while claiming objectivity, in practice leads to a hierarchization of historiographical traditions and the marginalization of the North Caucasian viewpoint through rhetorical strategies that qualify “national” historiographies as “emotional” and “radical”. The second part, drawing on the theoretical legacy of E.A. Sheudzhen, who developed the problems of the “external perspective”, historical memory, and the methodology of writing the history of non-literate peoples, as well as on the concept of history as a “memory space”, substantiates the necessity of moving from the search for a single “objective” narrative towards constructing a polyphonic model of historical writing. Additionally, the category of trauma, developed in contemporary memory studies, is employed to explain the “emotional charge” of certain historiographical texts not as a deviation from the norm of scientificity, but as a form of representation of collective experience. Special attention is paid to the methodological significance of E.A. Sheudzhen's works for understanding the nature of historiographical conflicts and overcoming the “war of historiographies”.

Keywords: Caucasian War, historiography, methodology, E.A. Sheudzhen, A.V. Bedrik, N.S. Tkalenko, historical memory, “memory space”, polyphonic narrative, “war of historiographies”, memory studies.

In memory of E.A. Sheudzhen

1. Введение

В 2025 г. было опубликовано исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, посвящённое эволюции представлений о Кавказской войне в советской и российской исторической науке (Bedrik, Tkalenko, 2025a; Bedrik, Tkalenko, 2025b). Авторы предприняли масштабную попытку систематизировать огромный корпус русскоязычной научной литературы, накопленный за более чем столетний период. Их центральный тезис, на первый взгляд, не вызывает возражений: единой, общепринятой интерпретации Кавказской войны не существует, а вокруг неё, начиная с советского времени, разворачивается непримиримая «война историографий», существенно обострившаяся в постсоветский период под воздействием политической конъюнктуры. Фиксируя этот плюрализм, авторы декларируют стремление к беспристрастному описанию различных точек зрения, провозглашая принципы «деперсонализации» и отказа от оценочных суждений. Однако, разделяя понимание значимости поставленной проблемы и отдавая должное масштабу проделанной авторами

* Corresponding author

E-mail addresses: bum102@yandex.ru (R.A. Tleptsok)

работы по систематизации материала, необходимо констатировать, что избранный ими методологический подход содержит в себе внутреннее противоречие. Предложенная авторами концепция «медианной позиции», претендующая на роль методологического инструментария достижения объективности, ведёт к усреднению различных перспектив, игнорируя при этом фундаментальную асимметрию власти в историографическом поле. Вне поля зрения остаётся особый онтологический статус истории для народов, переживших травму Кавказской войны и последовавшего за ней мухаджирства, статус, который не позволяет рассматривать их историописание как одну из рядовых «точек зрения».

Продуктивный выход из этого методологического тупика требует обращения к теоретическому фундаменту, позволяющему адекватно осмыслить природу историографических конфликтов. Одним из оснований такого фундамента для современного кавказоведения могли бы служить теоретические исследования Эмилии Аюбовны Шеуджен, автора фундаментальных работ по теории и методологии истории, историографии и исторической памяти народов Северного Кавказа. Разработанная ею исследовательская парадигма, охватывающая проблемы исторической памяти, «взгляда извне», устной истории и теоретической рефлексии, задаёт те концептуальные рамки, в которых может быть адекватно понята и репрезентирована позиция северокавказских историков. В качестве дополнительного аналитического инструмента, позволяющего углубить этот анализ и перейти от внешней констатации феномена к пониманию его внутренней, сущностной логики, выступает метафора истории как «пространства памяти». Данная метафора даёт возможность объяснить принципиально иной способ существования прошлого в культуре, не в качестве архива или ресурса для политических манипуляций, а как непрерывно обживаемого пространства, формирующего идентичность и легитимирующего социальный порядок.

Цель настоящей статьи заключается не в дополнении историографического обзора А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко новыми именами или работами, а в критической рефлексии над их методологией. Опираясь на теоретический конструкт научной школы Э.А. Шеуджен и на концепцию «пространства памяти», мы намерены демонстрировать ограниченность подхода, основанного на поиске «медианной позиции», и предложить для теоретического осмысления возможный путь преодоления кризиса через конструирование полифоничного исторического нарратива, признающего равноправное сосуществование различных «голосов» в историографическом диалоге.

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужил корпус русскоязычных научных работ, посвящённых Кавказской войне, с особым акцентом на две группы источников. Первую группу составляет исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко ([Bedrik, Tkalenko, 2025a](#); [Bedrik, Tkalenko, 2025b](#)), которое рассматривается нами не просто как историографический источник, но как объект критического анализа, требующий выявления его внутренних методологических установок и концептуальных следствий.

Вторую группу образуют теоретические труды Э.А. Шеуджен ([Шеуджен, 2005](#); [Шеуджен, 2006](#); [Шеуджен, 2010](#); [Шеуджен, 2017](#)), задающие альтернативную оптику для осмысления историографической ситуации. Особое значение для нашего анализа имеют работы, в которых она разрабатывает проблему «взгляда извне» при реконструкции истории бесписьменных народов, а также вводит понятие «вневременных событий» как ключевых узлов исторической памяти. Кроме того, к анализу привлекаются исследования ведущих северокавказских историков К.Ф. Дзамихова ([Дзамихов, 2014a](#); [Дзамихов, 2014b](#)), А.Д. Панеша ([Панеш, 2006](#); [Панеш, 2015a](#); [Панеш, 2015b](#)), С.Х. Хотко ([Хотко, 2021](#)) и др., чьи работы в рецензируемом исследовании квалифицируются преимущественно как «эмоциональные» или «политизированные». Их повторное рассмотрение в свете теоретической оптики Э.А. Шеуджен позволяет не только оспорить эту квалификацию, но и прояснить эпистемологический статус «национальной» историографической традиции, показав ее внутреннюю дифференциацию.

Методологическая стратегия настоящего исследования строится на сочетании нескольких подходов. Во-первых, это критический анализ историографического источника, направленный не на изложение содержания работы А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, а на выявление имплицитных предпосылок их анализа, способов классификации материала и риторических стратегий легитимации одних интерпретаций и маргинализации других. Во-вторых, мы применяем теоретическую оптику, разработанную Э.А. Шеуджен, которая позволяет концептуализировать проблему «взгляда извне» как методологического вызова для историографии Кавказской войны. В-третьих, для понимания специфики позиции северокавказских авторов мы обращаемся к категории травмы, разрабатываемой в современных *memory studies* ([Шнирельман, 2023](#); [Урушадзе, 2018](#); [Ушпаров, 2024](#)). Эта категория позволяет объяснить «эмоциональную заряженность» ряда историографических текстов не как отклонение от нормы научности, а как предмет научного анализа – форму репрезентации коллективного опыта.

Принципиальной для нас является рефлексия над собственной исследовательской позицией. Вслед за Э.А. Шеуджен, настаивающей на необходимости методологической рефлексии как условия научной честности ([Шеуджен, 2005: 45](#)), мы отдаём себе отчёт в том, что данная работа также

является продуктом определённой традиции и не претендует на «абсолютную объективность». Научная задача видится не в вынесении окончательного вердикта о том, какая из интерпретаций Кавказской войны является «истинной», а в демонстрации того, как методологические установки исследователя могут невольно воспроизводить иерархии, заложенные в самом типе источников и в институциональной структуре научного производства. Тем самым мы стремимся внести вклад в построение полифонического историографического пространства, в котором различные традиции историописания могли бы вступить в равноправный диалог, не устраняя друг друга через апелляцию к мифической «медианной позиции».

3. Обсуждение и результаты

Выход в свет исследования А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко можно без преувеличения назвать заметным событием в современном кавказоведении. Авторы взяли на себя смелость решить задачу колоссальной сложности: охватить и привести в систему огромный корпус русскоязычной научной литературы, накопленный за более чем столетие. Центральный вывод их исследования, на первый взгляд, кажется почти азбучным: единой, всеми признанной версии Кавказской войны не существует, и не существовало. Однако за этой кажущейся очевидностью скрывается куда более драматичный диагноз: еще с советских времен вокруг темы ведется непримиримая «война историографий», которая в постсоветский период, подогретая политической конъюнктурой, лишь разгорелась с новой силой. При этом важно подчеркнуть, что объектом анализа в данной статье выступает именно научная историография Кавказской войны, и критика строится в рамках этой предметной области.

Проблема бинарной классификации историографического поля

Одним из главных методологических упрощений, к которому прибегают авторы, является структурирование историографического пространства по принципу жесткой бинарной оппозиции. Весь массив исследовательской литературы делится ими на два условных лагеря: «горская сторона» и «русская сторона», с последующим дроблением внутри них на «умеренных» и «радикалов» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1742-1743). Такой подход, хотя и облегчает первичную навигацию по материалу, неизбежно ведет к редукции сложных, зачастую эклектичных взглядов отдельных ученых до уровня схематичных ярлыков. Особенно показателен в этом отношении пример интерпретации концепции М.М. Блиева и В.В. Дегоева. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, с одной стороны, верно, фиксируют ключевое положение их фундаментального труда о том, что война «обязана своим происхождением эколого-географическим особенностям региона, которые влияли на экономическую базу горцев, что привело к развитию набеговой системы» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743). Однако в следующем абзаце они приписывают В.В. Дегоеву развитие «историографической линии обвинения в Кавказской войне внешних держав», сводя войну к «механизму в их руках» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743). Налицо внутреннее противоречие: многофакторная модель, где набеговая система выступает внутренним драйвером конфликта, а внешнее влияние лишь сопутствующим фактором, подменяется тезисом об «обвинении внешних держав». Такая трактовка существенно искажает акценты оригинальной концепции (Блиев, Дегоев, 1994).

Другой пример упрощения – характеристика школы В.Б. Виноградова. Авторы утверждают, что ее представители «принципиально или не употребляют термин «Кавказская война», или употребляют в кавычках... отрицается сам факт войны» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1744). Однако тут же, в противоречие собственному тезису, они упоминают, что «в рамках этой Школы возник такой термин, как "Малая Кавказская война"», ссылаясь на работу К.В. Скибы (2005). Очевидно, что позиция школы сложнее: она отрицает правомерность термина «Кавказская война» для обозначения всего многовекового процесса интеграции региона, но допускает его применение для характеристики отдельных локальных военных эпизодов. Смазывание этой тонкости создает у читателя неверное представление о монолитности школы, что является следствием изначально заданной бинарной оптики.

Фиксируя множественность интерпретаций, авторы сами оказываются включенными в описываемое поле историографической полемики. Декларируемый ими методологический принцип «деперсонализации» и отказа от оценочных суждений на практике оборачивается имплицитным выстраиванием иерархии исследовательских позиций. В этой неявно заданной системе координат определенная группа точек зрения обретает статус научно обоснованной, тогда как альтернативные подходы (прежде всего «национальные» историографии) последовательно маркируются как «эмоционально окрашенные», «радикальные» либо излишне политизированные.

Проблема обоснованности историографических обобщений

Ряд тезисов, выдвигаемых авторами, носят характер недостаточно обоснованных обобщений. Так, в первой части работы, ссылаясь на В.В. Лапина, они утверждают, что фиксация в Большой Советской Энциклопедии 1973 г. хронологических рамок Кавказской войны (1817–1864 гг.) и ее географии (Чечня, Дагестан, Северо-Западный Кавказ) «усилило позиции тех, кто заострял внимание на её национально-освободительном характере» (Бедрик, Ткаленко, 2025a: 1205). Данное утверждение представляет собой интересную гипотезу, однако авторы не предлагают доказательств в ее пользу. Почему сужение хронологии должно было автоматически усилить позиции сторонников

национально-освободительного нарратива? Возможно, исключение из рассмотрения событий XVIII в. действительно могло сместить фокус на «оборонительную» фазу конфликта, однако этот тезис требует развернутой аргументации с опорой на анализ конкретных работ 1970–1980-х гг., чего в исследовании не представлено. Авторы фиксируют хронологическую корреляцию, но не раскрывают причинно-следственную связь.

Несомненным достоинством работы А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко является широкий охват материала. Авторам удалось проследить эволюцию советской исторической мысли: от безусловного разоблачения «колониального гнета царизма» в 1920–1930-е гг. через постепенное смещение акцентов в сторону «прогрессивного значения присоединения» и «внешнего подстрекательства» в 1940–1950-е к появлению в 1980-х гг. концепции М.М. Блиева. Столь же детально показана поляризация постсоветского периода, где крайние точки заняли, с одной стороны, адепты теории «геноцида» А.Х. Касумов, Х.И. Тугуз, а с другой – представители школы В.Б. Виноградова.

Проблема критериев научности и языка историописания

Однако, стремясь к беспристрастности, А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко попадают в методологическую ловушку. В основе их метода лежит классическая историография описательного типа, фиксирующая наличие различных мнений, но не акцентированная на анализе глубинных причин их возникновения. Авторы сами задают критерий «научности» – публикация в рецензируемых изданиях, но тут же оговариваются, что по уровню эмоциональности многие работы ближе к публицистике (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1741). Этот формальный критерий, призванный очертить границы «науки», они тут же дезавуируют, признавая, что многие отобранные ими же работы по своему стилю ближе к публицистике, чем к научному исследованию. Таким образом, критерий, призванный отделить «зерна от плевел», сам оказывается неработоспособным и сохраняет за авторами право на субъективный отбор.

Классифицируя различные историографические традиции, авторы оперируют категориями «эмоциональность», «радикализм» или «политизированность», но оставляют без внимания более фундаментальный вопрос о языке историописания. Между тем даже нейтральные дефиниции, такие как «горец» или «кавказец», по-разному интерпретировались в прошлом и продолжают по-разному использоваться современными авторами, будучи перегруженными историческими коннотациями (Tleptsok, Sheudzhen, 2017: 196-197). Еще более сложную проблему представляют собой оценочные клише («дикие народы», «туземцы», «хищники»), которые, будучи однажды введенными в научный оборот, продолжают оказывать влияние на формирование образов прошлого. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, фиксируя наличие «крайних» точек зрения, не проводят анализ самого языка историописания, не ставят вопроса о том, как различные понятийные системы конструируют разные версии прошлого. Как справедливо отмечает Э.А. Шеуджен, «для характеристики целых народов использовался набор понятий, имеющих негативный смысл», что «становилось своеобразным ключом, запускающим психологический механизм восприятия в массовом сознании» (Шеуджен, 2006: 701). Игнорирование этого аспекта обедняет историографический анализ.

Кроме того, авторы активно используют термин «национально-освободительная борьба» для описания советской и постсоветской историографии, но не проблематизируют его. В советское время он имел конкретное марксистско-ленинское наполнение (борьба с царизмом как часть классовой борьбы). В постсоветское время у северокавказских авторов он наполняется иным содержанием (борьба за независимость, защита традиционной культуры). Фиксируя это содержание, исследователи не анализируют трансформацию самого понятия и то, как одна и та же терминологическая оболочка наполняется разными смыслами.

Декларируемый критерий «научности» оставляет без внимания и вопрос о том, как сама институциональная структура науки воспроизводит асимметрию голосов. В постклассической эпистемологии давно утвердилось понимание, что «научность» не является нейтральным, внеположным критерием, а представляет собой социальный конструкт, тесно связанный с редакционной политикой изданий, составом редколлегий и сложившимися в академическом сообществе исследовательскими приоритетами. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, формируя корпус анализируемых источников, опираются преимущественно на публикации из ограниченного круга авторов и изданий, что характерно для многих исследовательских коллективов, однако оставляют без рефлексии вопрос о том, как сам отбор источников (даже в рамках рецензируемых журналов) может влиять на репрезентативность «спектра мнений». Отсутствие анализа редакционной политики и тематических предпочтений используемых изданий создает риск методологической замкнутости, когда контуры историографического поля невольно очерчиваются кругом работ, уже вовлеченных в орбиту внимания авторов, без критической оценки возможных лакун.

Проблема «взгляда извне» и репрезентации бесписьменных народов

Принципиальное значение для кавказоведения имеет характер источниковой базы: большинство народов региона не имели своей письменной истории, что придает особую значимость проблеме опосредованной реконструкции исторического прошлого. Ключевая методологическая проблема заключается в том, что «современные историки располагают античными, арабскими, европейскими, с определенного времени, русскими свидетельствами, т.е. при реконструкции

северокавказской истории доминирует взгляд "извне"» (Шеуджен, 2006: 696). Это наблюдение имеет прямое отношение к анализу исследовательского подхода А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко. Фиксируя многообразие мнений в русскоязычной историографии, они остаются в рамках того самого «взгляда извне», доминирование которого при реконструкции прошлого бесписьменных народов давно является предметом теоретической рефлексии. Вне их поля зрения остается пласт исследований, опирающихся на устную традицию, которая для бесписьменных в прошлом народов выступает важнейшим каналом сохранения исторического опыта. В этой связи важно различать «эмоциональность» как стилистическую характеристику текста и обращение к иному типу исторического источника, каковым является устная традиция. Последняя требует не дисквалификации, а выработки специальных методов анализа, учитывающих ее природу. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, декларируя формальный критерий научности, не учитывают, что для адыгской историографии XIX – начала XX в. характерно отсутствие «национального письменного историописания», что обуславливало специфику формирования исторических представлений (Tleptsok, Sheudzhen, 2017: 197).

Авторы с самого начала сознательно ограничивают себя только русскоязычными работами, мотивируя это тем, что термин «Кавказская война» «возник в русском языке и эволюционировал... с минимальным иностранным влиянием» (Bedrik, Tkalenko, 2025a: 1204). Этот тезис спорен: они сами же в тексте неоднократно упоминают, что важной частью советской и постсоветской историографии была тема внешнего влияния (Англии, Турции) на Кавказскую войну. Полноценный анализ историографии, постоянно говорящей о внешних игроках, затруднителен без привлечения работ самих «внешних игроков». Ирония ситуации в том, что работа опубликована в американском журнале «Bylye Gody», позиционирующем себя как площадка для «международного научного сотрудничества», что делает игнорирование англоязычных исследований особенно заметным.

Хронологический нигилизм и проблема «набеговой системы»

Одним из наиболее уязвимых мест в исследовании является некритическое отношение к хронологическим рамкам Кавказской войны. Фиксируя многообразие подходов к датировке конфликта, авторы ограничиваются констатацией этого факта, не предпринимая попытки проанализировать, что стоит за выбором той или иной хронологии. Между тем, можно согласиться с мнением Г.З. Анчабадзе, что выбор хронологических рамок – 1722, 1763, 1785, 1801 или 1817 год – имеет не академический, а концептуальный характер, предопределяя понимание природы конфликта (Анчабадзе, 2024: 14-15). Показательна в этом отношении позиция А.А. Черкасова с соавторами, которые обосновывают хронологические рамки 1801–1864 годов, полемизируя с советской традицией, возлагавшей ответственность за начало боевых действий на русское командование (Cherkasov et al., 2017: 68). Выбор даты для этих авторов не просто уточнение хронологии, а принципиальная смена оптики. А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, не вскрывая концептуальной подоплеки разных датировок, остаются на поверхности историографического процесса.

Особую уязвимость подхода обнаруживает их отношение к концепции «набеговой системы» М.М. Блиева. Упоминая её как одну из «крайних» точек зрения, они не анализируют её научную состоятельность (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743). Г.З. Анчабадзе подвергает концепцию развёрнутой критике, показывая, что тезис о набегах, обусловленных «крайней бедностью», опровергается свидетельствами о высокоразвитом хозяйстве адыгов. Более того, он фиксирует внутреннее противоречие построений Блиева: в его монографии чеченцы становятся «хищниками» именно тогда, когда разбогатели (Анчабадзе, 2024: 17). Кроме того, авторы оставляют без внимания проблему верификации историографических конструктов через обращение к эмпирическому материалу. Е.Ф. Кринко с соавторами предпринимает попытку количественной оценки боевых потерь горского населения, показывая, что при общей численности населения в сотни тысяч человек потери не привели к демографической катастрофе (Krinko et al., 2017: 831-832). Эта работа демонстрирует путь к преодолению «войны историографий»: через обращение к верифицируемым источникам и количественным методам.

Внутреннее разнообразие «адыгской точки зрения»

А.В. Бедрик и Н.С. Ткаленко, оперируя обобщенной категорией «северокавказская» или «адыгская» точка зрения, не учитывают внутреннего разнообразия этой историографической традиции. Между тем работы К.Ф. Дзамихова (2005; 2014), А.Д. Панеша (2006; 2007), С.Х. Хотко (2002; 2019) демонстрируют различные исследовательские стратегии. Если для А.Д. Панеша ключевым является вопрос о том, как внешние игроки использовали мюридизм для мобилизации сопротивления, то К.Ф. Дзамихова интересует внутренняя логика столкновения двух цивилизационных систем. С.Х. Хотко же смещает фокус на анализ материальной культуры, доказывая, что Черкесия была не «архаичным обществом», а сложной цивилизацией с развитой агрикультурой, что напрямую опровергает тезис о «бедности» как причине набегов. Сведение этих разных исследовательских оптик к единой «эмоциональной» точке зрения упрощает и искажает картину развития северокавказской исторической мысли.

Проблема верификации «медианной оценки»

В заключении авторы вводят понятие «медианной оценки», которая, по их мнению, эволюционировала до представления о «сложном, неоднозначном конфликте», «в рамках которого нельзя возлагать вину на произошедшее исключительно на одну из сторон» (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1747). Этот вывод вступает в противоречие с обширным материалом, представленным самими же авторами. Они подробно описывают «войну историографий», приводя примеры авторов, возлагающих вину исключительно на Россию (Х.И. Тугуз, А.Х. Касумов), и авторов, столь же однозначно возлагающих вину на горцев (представители Школы В.Б. Виноградова) (Бедрик, Ткаленко, 2025b: 1743-1744). В условиях сохраняющейся и даже усиливающейся поляризации мнений, когда крайние точки зрения не только существуют, но и активно артикулируются, констатировать наличие некоего «медианного» консенсуса представляется преждевременным и не соответствующим приведенному фактическому материалу.

К вопросу о «полифоничном нарративе» как альтернативе

Преодоление «войны историографий» возможно не через поиск мифической «объективной истины» или «медианной позиции», а через построение полифоничного нарратива. Понятие полифонии, заимствованное из литературоведения М.М. Бахтина, предполагает равноправное сосуществование различных «голосов» и «сознаний», ни один из которых не обладает монополией на истину (Бахтин, 1929). Теоретические работы кавказоведов и концепция «пространства памяти» задают методологические основания для такого полифоничного подхода. Первое основание это признание множественности перспектив. В современной историографии последовательно утверждается понимание исторического познания как диалога, а не монолога. Обращение к «взгляду извне» и «взгляду изнутри» как к равноправным, хотя и различным, источникам знания создает основу для признания легитимности различных историографических традиций. Концепция «пространства памяти» по определению предполагает наличие множества обитателей с разными историями и разным опытом проживания одного и того же пространства.

Второе основание – работа с «трудным прошлым». В рамках сложившейся исследовательской традиции у Кавказской войны утверждается необходимость не забвения или эвфемизации трагических событий, а их научного осмысления, свободного от «митинговых криков» и политической конъюнктуры. Такой подход позволяет говорить о травме, не скатываясь в риторику взаимных обвинений. «Пространство памяти» требует признания всех его слоев, включая самые трагические, их нельзя снести или закрасить, их можно только вписать в общий архитектурный план. Третье основание – методологическая рефлексия. Одним из ключевых требований современной исторической науки является обязанность исследователя рефлексировать над собственными методами, предпосылками и ограничениями. Это требование в равной степени относится как к исследователям, работающим в рамках «имперской» парадигмы, так и к тем, кто разрабатывает «национальную» историю. Только такая рефлексия позволяет сделать исследовательскую позицию прозрачной и доступной для критики. В контексте «пространства памяти» это означает осознание того, из какой точки ведется наблюдение за общим историческим ландшафтом. Четвертое основание – включение в анализ зарубежной историографии диаспоры. Активное взаимодействие с зарубежными исследователями позволяет вводить в научный оборот новые источники и интерпретации, остающиеся за пределами мейнстримной российской историографии. Это расширяет границы «пространства памяти» до глобальных масштабов, признавая, что историческое пространство не заканчивается у официальных границ, а простирается туда, где живут носители памяти.

4. Заключение

Рассматриваемое исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко ценно тем, что оно наглядно демонстрирует тупик, в котором оказалась современная историография Кавказской войны. Однако их попытка выйти из этого тупика с помощью поиска «медианной позиции» методологически уязвима. Как свидетельствуют теоретические наработки в современном кавказоведении, «объективность» в историческом познании достигается не усреднением различных точек зрения, а их сопоставлением, критической рефлексией и признанием их равноправного статуса. Выход из кризиса лежит не в усреднении, а в усложнении картины. Полифоничный нарратив, признающий трагедию побежденных и рефлексирующий над травмой, не разрушает общероссийское историческое пространство, а, напротив, делает его более зрелым и способным к диалогу. Первым шагом к такому диалогу могло бы стать не усреднение позиций, а создание проблемно-ориентированных исследовательских коллективов, включающих историков из разных регионов и научных школ, работающих над общими проектами (например, «Устная история Кавказской войны», «Картография памяти»), где каждая из сторон могла бы предложить свою интерпретацию, не претендуя на монополию на истину. Работы современных кавказоведов демонстрируют возможность такого диалога: научного, методологически выверенного, свободного как от имперского высокомерия, так и от националистического мифотворчества.

Острота и непримиримость исторических дискуссий вокруг Кавказа проистекают не из «мифологизации» истории или недостаточной научной культуры местных исследователей, как это

имплицитно подразумевается в работе А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, а из принципиально иной онтологической природы истории в этом культурном пространстве. История здесь не предмет интерпретации, а основа бытия, «пространство памяти». Любая попытка вмешаться в это пространство, переписать его ключевые события, оспорить их значимость, осквернить связанные с ними святыни или представить их как результат обоюдной вины, воспринимается носителями традиции не как академический спор, а как прямое покушение на родной дом. До тех пор, пока историческая наука будет отказывать целым народам в праве на их собственный, болезненный нарратив о прошлом, «война историографий» будет продолжаться, находя новую пищу в настоящем. Задача историка сегодня не судить, кто прав, а кто виноват, и тем более не искать искусственную «золотую середину», а создавать условия для того, чтобы все голоса были услышаны, и чтобы «источники, как храмы на крови», обрели, наконец, своих внимательных и чутких исследователей.

Литература

- Анчабадзе, 2024 – Анчабадзе Г.З. Характер и временные рамки Кавказской войны / *Материалы научной конференции, приуроченной к 160-летию окончания Кавказской войны и 110-летию Г.А. Дзидзария «Кавказская война: уроки истории и современность»*. Сухум: АГУ, ОП РФ, АБИГИ, Госкомитет по репатриации РА, 2024. С. 13-20.
- Бахтин, 1929 – Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 244 с.
- Блиев, Дегоев, 1994 – Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 591 с.
- Виноградов, Виноградов, 2006 – Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. «Кавказская война» – изжившая себя дефиниция в познании процесса включения Северного Кавказа в состав России // *Вопросы южнороссийской истории*. 2006. № 1. С. 94.
- Дзамихов, 2005 – Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик: Эльбрус, 2005. 109 с.
- Дзамихов, 2014 – Дзамихов К.Ф. (ред.) Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: КБИГИ РАН, 2014.
- Касумов, 1992 – Касумов А.Х. Геноцид адыгов: Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 199 с.
- Панеш, 2006 – Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: Адыгея, 2006. 128 с.
- Панеш, 2007 – Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе межкавказских связей (1829–1864). Майкоп: Качество, 2007. 240 с.
- Панеш, 2015a – Панеш А.Д. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и внешнеполитическое положение Западной Черкесии // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2015. № 58. С. 82-84.
- Панеш, 2015b – Панеш А.Д. Мухаммед Амин и Сефер-бей Заноко как фактор взаимодействия Черкесии и имамата Шамиля / *Новая Турция*. Анкара, 2015. С. 620-630.
- Скиба, 2005 – Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии / Под ред. В.Г. Виноградова. Армавир, 2005. 123 с.
- Тлепцок, 2010 – Тлепцок Р.А. Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / Ред. и автор предисл. Э.А. Шеуджен. М.: Издательство социально-гуманитарных знаний, 2010. 680 с.
- Тлепцок, 2025 – Тлепцок Р.А. Кавказ в пространстве истории: в поисках алгоритма и методологии исследования. СПб.: Тот Питер, 2025. 212 с.
- Тугуз, 2006 – Тугуз Х.И. Русско-Кавказская война: правда и мифы / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 489-545.
- Урушадзе, 2018 – Урушадзе А.Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 129-156.
- Ушпаров, 2024 – Ушпаров И.А. Структуры нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне в публичном дискурсе Республики Карачаево-Черкесия // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2024. № 1. С. 61-72.
- Хотко, 2002 – Хотко С.Х. Черкесские мамлюки. Майкоп: Адыгея, 2002. 256 с.
- Хотко, 2019 – Хотко С.Х. Черкесия: исторические очерки. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2019. 534 с.
- Хотко, 2021 – Хотко С.Х. Адыги. Этногенез, историческая этнография, политическая история. Т. I: Этногенез и культурное наследие. Майкоп, 2021.
- Шеуджен, 2005 – Шеуджен Э.А. Историография: вопросы теории и методологии: курс лекций. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2005. 272 с.
- Шеуджен, 2006 – Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны / *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Майкоп, 2006. С. 692-704.
- Шеуджен, 2010 – Шеуджен Э.А. Адыги: структура исторической памяти // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 2 (62). С. 53-61.

- [Шеуджен, 2017](#) – Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы): проблемы исторической памяти // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2017. № 1. С. 56-68.
- [Шнирельман, 2023](#) – Шнирельман В.А. Социальная травма и особенности памяти // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 1. С. 5-10.
- [Bedrik, Tkalenko, 2025a](#) – Bedrik A.V, Tkalenko N.S. The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1 // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1203-1212.
- [Bedrik, Tkalenko, 2025b](#) – Bedrik A.V, Tkalenko N.S. The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2 // *Bylye Gody*. 2025. 20(4): 1740-1751.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Pp. 68-85.
- [Krinko et al., 2017](#) – Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M. Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. Pp. 821-835.
- [Tleptsok, Sheudzhen, 2017](#) – Tleptsok R., Sheudzhen E. The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains // *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Cambridge Scholars Publishing, 2017. Vol. 1. Pp. 189-199.

References

- [Anchabadze, 2024](#) – Anchabadze, G.Z. (2024). Kharakter i vremennye ramki Kavkazskoi voyny [the nature and time frame of the Caucasian war]. *Materialy nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 160-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voyny i 110-letiyu G.A. Dzidzariya «Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'»*. Sukhum: AGU, OP RF, AbIGI, Goskomitet po repatriatsii RA. Pp. 13-20. [in Russian]
- [Bakhtin, 1929](#) – Bakhtin, M.M. (1929). Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Art]. Leningrad: Priboi. 244 p. [in Russian]
- [Bedrik, Tkalenko, 2025a](#) – Bedrik, A.V, Tkalenko, N.S. (2025). The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1. *Bylye Gody*. 20(3): 1203-1212.
- [Bedrik, Tkalenko, 2025b](#) – Bedrik, A.V, Tkalenko, N.S. (2025). The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2. *Bylye Gody*. 20(4): 1740-1751.
- [Bliev, Degoev, 1994](#) – Bliev, M.M., Degoev, V.V. (1994). Kavkazskaya voina [The Caucasian war]. M.: Roset. 591 p. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- [Dzamikhov, 2005](#) – Dzamikhov, K.F. (2005). Adygi: bor'ba i izgnanie [The Adygs: struggle and exile]. Nalchik: El'brus. 109 p. [in Russian]
- [Dzamikhov, 2014](#) – Dzamikhov, K.F. (ed.) (2014). Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya) [The Caucasian war: actual problems of historical discourse (to the 150th anniversary of the end)]. Nalchik: KBIGI RAN. [in Russian]
- [Kasumov, 1992](#) – Kasumov, A.Kh. (1992). Genotsid adygov: Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke [The genocide of the Adygs: from the history of the Adygs' struggle for independence in the 19th century]. Nalchik. 199 p. [in Russian]
- [Khotko, 2002](#) – Khotko, S.Kh. (2002). Cherkesskie mamlyuki [Circassian Mamluks]. Maikop: Adygeya. 256 p. [in Russian]
- [Khotko, 2019](#) – Khotko, S.Kh. (2019). Cherkesiya: istoricheskie ocherki [Circassia: historical essays]. Maikop: Adyg. resp. kn. izd-vo. 534 p. [in Russian]
- [Khotko, 2021](#) – Khotko, S.Kh. (2021). Adygi. Etnogenez, istoricheskaya etnografiya, politicheskaya istoriya. T. I: Etnogenez i kul'turnoe nasledie [The Adygs. Ethnogenesis, historical ethnography, political history. Vol. I: Ethnogenesis and cultural heritage]. Maikop. [in Russian]
- [Krinko et al., 2017](#) – Krinko, E.F., Suschiy, S.J., Mamadaliev, A.M. (2017). Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders. *Bylye Gody*. 45(3): 821-835.
- [Panesh, 2006](#) – Panesh, A.D. (2006). Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.) [Muridism and the struggle of the Adygs of the North-Western Caucasus for independence (1829–1864)]. Maikop: Adygeya. 128 p. [in Russian]
- [Panesh, 2007](#) – Panesh, A.D. (2007). Zapadnaya Cherkesiya v sisteme mezhkavkazskikh svyazei (1829–1864) [Western Circassia in the System of Inter-Caucasian Relations (1829–1864)]. Maikop: Kachestvo. 240 p. [in Russian]
- [Panesh, 2015a](#) – Panesh, A.D. (2015). Russko-turetskaya voina 1828–1829 gg. i vneshnepoliticheskoe polozhenie Zapadnoi Cherkesii [The Russo-Turkish war of 1828–1829 and the foreign policy situation of Western Circassia]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 58: 82-84. [in Russian]
- [Panesh, 2015b](#) – Panesh, A.D. (2015). Mukhammed Amin i Sefer-bei Zanoiko kak faktor vzaimodeistviya Cherkesii i imamata Shamilya [Muhammad Amin and Sefer Bey Zanoiko as a factor of interaction between Circassia and Shamil's imamate]. *Novaya Turtsiya*. Ankara. Pp. 620-630. [in Russian]

- Sheudzhen, 2005** – Sheudzhen, E.A. (2005). Istoriografiya: voprosy teorii i metodologii: kurs lektzii [Historiography: Issues of Theory and Methodology: a Course of Lectures]. Maikop: Adygeiskii gosudarstvennyi universitet. 272 p. [in Russian]
- Sheudzhen, 2006** – Sheudzhen, E.A. (2006). Istoricheskaya pamyat' i problemy Kavkazskoi voyny [Historical memory and problems of the Caucasian war]. *Kavkazskaya voyna: uroki istorii i sovremennost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 692-704. [in Russian]
- Sheudzhen, 2010** – Sheudzhen, E.A. (2010). Adygi: struktura istoricheskoi pamyati [The Adygs: the structure of historical memory]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2(62): 53-61. [in Russian]
- Sheudzhen, 2017** – Sheudzhen, E.A. (2017). Adygi (cherkesy): problemy istoricheskoi pamyati [The Adygs (Circassians): problems of historical memory]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 1: 56-68. DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-56-68 [in Russian]
- Shnirelman, 2023** – Shnirelman, V.A. (2023). Sotsial'naya travma i osobennosti pamyati [Social trauma and features of memory]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1: 5-10. [in Russian]
- Skiba, 2005** – Skiba, K.V. (2005). Iz istorii «Maloi Kavkazskoi voyny» na Kubanskoi Linii [From the history of the “Little Caucasian War” on the Kuban Line]. Ed. by V.G. Vinogradov. Armavir. 123 p. [in Russian]
- Tleptsok, 2010** – Tleptsok, R.A. (2010). Protsess inkorporatsii Kavkaza v Rossiiskuyu imperiyu. Izvlecheniya iz «Vestnika Evropy» (1802–1918 gg.) [The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from the “Messenger of Europe” (1802–1918)]. Ed. and preface by E.A. Sheudzhen. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 680 p. [in Russian]
- Tleptsok, 2025** – Tleptsok, R.A. (2025). Kavkaz v prostranstve istorii: v poiskakh algoritma i metodologii issledovaniya [The Caucasus in the space of history: in search of algorithm and research methodology]. St. Petersburg: Tot Piter. 212 p. [in Russian]
- Tleptsok, Sheudzhen, 2017** – Tleptsok, R., Sheudzhen, E. (2017). The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains. *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Cambridge Scholars Publishing. 1: 189-199.
- Tuguz, 2006** – Tuguz, Kh.I. (2006). Russko-Kavkazskaya voyna: pravda i mify [The Russian-Caucasian war: truth and myths]. *Kavkazskaya voyna: uroki istorii i sovremennost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 489-545. [in Russian]
- Urushadze, 2018** – Urushadze, A.T. (2018). Pomnit'-nel'zya-zabyt': Kavkazskaya voyna v istoricheskoi pamyati adygov i rossiiskom prostranstve kommemoratsii [Remember-cannot-forget: the Caucasian war in the historical memory of the Adygs and the Russian space of commemoration]. *Politicheskaya nauka*. 3: 129-156. [in Russian]
- Ushparov, 2024** – Ushparov, I.A. (2024). Struktury narrativov o deportatsii karachaevskogo naroda i Kavkazskoi voine v publichnom diskurse Respubliki Karachaevo-Cherkesiya [Structures of narratives about the deportation of the Karachay people and the Caucasian war in the public discourse of the Karachay-Cherkess republic]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 1: 61-72. [in Russian]
- Vinogradov, Vinogradov, 2006** – Vinogradov, B.V., Vinogradov, V.B. (2006). «Kavkazskaya voyna» – izzhivshaya sebya definitsiya v poznanii protsessa vklucheniya Severnogo Kavkaza v sostav Rossii [The “Caucasian War” is an outdated definition in understanding the process of the incorporation of the North Caucasus into Russia]. *Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii*. 1: 94. [in Russian]

Кавказская война в историографии: методология кризиса и поиск полифоничного нарратива. Расширенная реплика к исследованию А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко

Руслан Асланович Тлепцок ^{а, *}

^а Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой критический ответ на историографическое исследование А.В. Бедрика и Н.С. Ткаленко, посвященное эволюции взглядов на Кавказскую войну в советской и российской науке. Цель работы - выявить методологические ограничения подхода авторов и предложить альтернативную исследовательскую оптику. В первой части анализа демонстрируется, что предложенная А.В. Бедриком и Н.С. Ткаленко концепция «медианной позиции», претендующая на объективность, на практике ведет к иерархизации историографических традиций и маргинализации северокавказской точки зрения посредством риторических стратегий квалификации «национальных» историографий как «эмоциональных» и «радикальных». Во второй части, опираясь на теоретическое наследие Э.А. Шеуджен, разрабатывавшей проблемы «взгляда

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bum102@yandex.ru (Р.А. Тлепцок)

извне», исторической памяти и методологии историописания бесписьменных народов, а также на концепцию истории как «пространства памяти», обосновывается необходимость перехода от поиска единого «объективного» нарратива к построению полифоничной модели историописания. Дополнительно привлекается категория травмы, разрабатываемая в современных *memory studies*, позволяющая объяснить «эмоциональную заряженность» ряда историографических текстов не как отклонение от нормы научности, а как форму репрезентации коллективного опыта. Особое внимание уделяется методологическому значению работ Э.А. Шеуджен для понимания природы историографических конфликтов и преодоления «войны историографий».

Ключевые слова: Кавказская война, историография, методология, Э.А. Шеуджен, А.В. Бедрик, Н.С. Ткаленко, историческая память, «пространство памяти», полифоничный нарратив, «война историографий», *memory studies*.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 663-673
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.663

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Evolution of the Russian Intelligentsia's Perception of the Romanov Dynasty in the 19th – early 20th centuries

Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Semen V. Kozhevnikov ^a,
 Tatyana V. Schastlivaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the evolution of the Russian intelligentsia's attitude toward the authority of the Romanov dynasty during the 19th and early 20th centuries. The article identifies a correlation between the transformation of that attitude, which ranged from consensus and hopes for reform to pronounced antagonism and open confrontation, and changes in the socio-political climate. It notes that the growing self-awareness of the intelligentsia and its aspiration to participate in state affairs encountered the institutional constraints of absolute monarchy. This discrepancy gave rise to persistent oppositional tendencies, further reinforced by the ruling monarchs' departure from expected liberal reforms and the mismatch between the idealized image and the real character of a ruler. The internal disunity among the intelligentsia, manifested in the antagonism between radical and liberal factions, weakened its consolidating power. Special attention is paid to how the personal qualities of the monarchs, namely their ability or inability to engage in dialogue and implement reforms, affected the intelligentsia's perception of their authority. The research is based on a comparative analysis of historical sources, including memoirs, diaries, and notes of contemporaries, providing a reliable basis for understanding the examined aspects of Russia's socio-political life during this period.

Keywords: Russia, the Romanov dynasty, intelligentsia, autocracy, liberalism, conservatism.

1. Введение

На протяжении трехсотлетнего периода ход развития российской истории определяла династия Романовых, характер власти которой обуславливал меру возлагаемой на нее ответственности за судьбы страны. Абсолютизм как концентрированная форма власти повышал роль династии в формировании и развитии государства до невероятных размеров, накладывая на ее носителя огромную ответственность за все, что происходило в стране. Политическим оправданием самодержавной власти могло служить лишь успешное правление, результатом которого являлось бы общее благополучие и процветание страны. В силу сложившихся традиций абсолютизма, результат этот во многом определялся личностными качествами государей, занимавшими престол в тот или иной период.

Отношения верховной власти с передовой общественностью, представленной прежде всего интеллигенцией, складывались в различные исторические периоды крайне неоднозначно и динамично. С развитием самосознания интеллигенции, изменением и усложнением ее социального состава, эти отношения претерпевали существенные трансформации. Восприятие интеллигенцией личности императора, как символа и носителя верховной власти, оказывало прямое влияние на ее отношение к самой системе самодержавия.

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), semenk2011@yandex.ru (S.V. Kozhevnikov), repetitor1972@gmail.com (T.V. Schastlivaya)

В процессе постепенной десакрализации образа царя со стороны передовой общественности становилась возможной не только критика конкретного императора, но и самодержавия как института власти в целом. Противопоставляя себя власти, интеллигенция объединялась в различные кружки, общества, движения и образовывали ей стойкую оппозицию. Однако, идейная разобщенность интеллигенции, проявлявшаяся практически по всем вопросам, касавшимся жизни страны, предопределила чрезвычайную широту ее мнений и оценок качества власти. Порой даже негативная в целом оценка самодержавия со стороны интеллигенции не исключала признания его определенной необходимости в конкретных исторических условиях. Так, например, оценивал роль самодержавия выдающийся историк В. Ключевский, который считал, что «самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие» (Ключевский, 1993: 27). Это мнение ученого подчеркивает сложность и противоречивость отношения интеллигенции к самодержавию, признававшей его потенциал как инструмент поддержания порядка, несмотря на критику его авторитарных черт.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются воспоминания, мемуары, дневники, письма представителей интеллигенции, которые либо лично знали представителей царской семьи, либо были очевидцами событий, явившихся следствием проводимой ими политики. «Записки» декабриста Н. Басаргина содержат сведения об Александре I и Николае I (Басаргин, 1985). В «Записках» М. Волконской содержатся сведения об отношении С. Волконского к Николаю I (Волконская, 1975). Воспоминания и дневники фрейлины А. Тютчевой дают представление о взглядах дворянской интеллигенции на императорскую семью и её политику (Тютчева, 2000). Воспоминания А. Бенуа, имевшего личные контакты с Александром III, Николаем II и членами императорской семьи, позволяют составить мнение об отношении семьи художника и их окружения к характеру проводимой властью политики, личным качествам членов царской семьи (Бенуа, 1993а, Бенуа, 1993б). Оценка самодержавия разночинной интеллигенцией прослеживается в трудах С. Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987). "Книга воспоминаний" великого князя Александра Михайловича раскрывает личностные качества членов императорской семьи и их влияние на императора (Великий князь, 1991). Дневниковые записи выдающегося русского историка В. Ключевского предлагают научную трактовку описываемых событий (Ключевский, 1993). Воспоминания И. Колышко демонстрируют публицистический подход к описанию общественной и политической жизни России (Колышко, 2009). Оценка правления Александра II представлена в воспоминаниях В. Короленко (Короленко, 1985). Письма императрицы Александры Федоровны позволяют понять её отношение к событиям Первой мировой войны (Дивный свет, 2005).

Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем общенаучные и специально-исторические методы анализа. Принцип историзма позволил учесть контекст эпохи при анализе изменения восприятия династии Романовых русской интеллигенцией. Историко-генетический метод позволил сосредоточиться на выявлении факторов, влиявших на формирование представлений о династии. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить взгляды различных групп интеллигенции в определенные исторические периоды. Проблемно-хронологический метод обусловил определение хронологических рамок исследования и выделения этапов в восприятии династии. Компаративный подход позволил выявить изменения в восприятии династии, их причины и последствия, а также факторы, влиявшие на эти трансформации.

3. Обсуждение

Проблема кризиса самодержавного способа правления привлекала внимание исследователей на протяжении многих десятилетий. Исторические материалы, касающиеся правления российских императоров XIX – начала XX вв., подробно изложены в лекциях А. Корнилова, предоставляя богатую фактическую базу для анализа (Корнилов, 2004). С. Пушкарев в своем «Обзоре русской истории» оценивает деятельность монархов в рамках политического и социального развития страны, помещая их правление в широкий исторический контекст (Пушкарев, 1991). Современное научное видение проблемы кризиса российского самодержавия представлено в книге И. Барыкиной (Барыкина, 2017). Особое внимание в современных исследованиях уделяется взаимоотношениям власти и русской интеллигенции, которые рассматриваются как один из ключевых факторов, влиявших на политическую ситуацию. Г. Чагин анализирует отношение русской интеллигенции к личности Николая I, раскрывая специфику восприятия монарха этой социальной группой (Чагин, 1984). Труд С. Высоцкого содержит сведения об отношении интеллигенции к власти в контексте биографии выдающегося юриста и общественного деятеля А. Кони (Высоцкий, 1988). Р. Закиров анализирует общественные настроения и реакцию интеллигенции на правящий режим, используя в качестве показательного события убийство великого князя Сергея Александровича (Закиров, 2013). И. Савицкий рассматривает пути противостояния русской интеллигенции абсолютизму, выявляя формы и методы этой борьбы (Савицкий, 2013). Е. Токарева освещает теоретические аспекты взаимоотношений интеллигенции и власти, обобщая различные подходы к пониманию этой

динамики (Токарева, 2016). Т. Шебзухова указывает на идейный раскол в интеллектуальной элите как на значимый фактор, способствовавший крушению монархической власти (Шебзухова, 2018). П. Карабущенко анализирует позицию С. Витте в отношении правящей элиты и ближнего царского окружения (Карабущенко, 2015). Т. Сабурова рассматривает влияние образа власти на поведение интеллигенции первой половине XIX века (Сабурова, 2005). Ряд работ А. Грязнухина и Т. Грязнухиной посвящены идейным поискам русской интеллигенции путей развития страны (Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021), вопросам ее ментальности в контексте благотворительности (Gryaznukhin et al., 2020), взаимоотношениям российской и сибирской интеллигенции (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017).

4. Результаты

Начало XIX в. в России ознаменовалось сменой непопулярного, кратковременного правления Павла I воцарением Александра I. Общество, восторженно встретившее приход нового императора, ждало от него новых преобразований. Сам молодой монарх также был преисполнен желания улучшить благосостояние народа. А. Пушкин от имени просвещенной общественности приветствовал «дней Александровых прекрасное начало», полагая, что «губительное время» позади (Пушкин, 1950: 120). Либерально настроенная дворянская интеллигенция, желая иметь какие-либо гарантии против произвола самодержавной власти, поддержала Александра I через периодическую печать, как, например, Карамзин в «Вестнике Европы», восхвалявший его начинания (Корнилов, 2004: 133). Однако, после заключения Тильзитского мира, который был воспринят обществом как позор, популярность императора резко упала. Это нашло отражение в творчестве художественной интеллигенции. В театрах шли патриотические пьесы вроде «Дмитрия Донского» В. Озерова, «Князя Пожарского» М. Крюковского, которые публика встречала бурными овациями. В Москве стал выходить патриотический журнал «Русский вестник», направленный против Наполеона. В Петербурге было образовано патриотическое общество «Беседа», собиравшееся у Г. Державина (Корнилов, 2004: 164-165). Все это свидетельствует о том, что русская интеллигенция в начале века имела уже достаточный уровень развития самосознания, чтобы выступить в качестве организованной оппозиции по отношению к правительственной политике. Вернуть расположение общества к императору и ослабить оппозиционные настроения были призваны реформы М. Сперанского. Однако увлечение Александра мистицизмом, отказ от либеральных преобразований, отчасти под влиянием Карамзина, который убеждал в незыблемости самодержавия, не способствовали популярности царя.

Дворянская военная интеллигенция, проникнутая во время европейских военных походов освободительными идеями, стала объединяться в тайные общества. Единой программы по политическому переустройству общества у нее не было. И если программа П. Пестеля настаивала на республиканском устройстве, то программа Н. Муравьева допускала монархическую форму правления. Эта разобщенность декабристов во взглядах сказалась и на их отношении к верховной власти после восстания 1825 г. До конца критическое отношение к власти сохранил И. Пущин, из далекой сибирской ссылки пытался подавать свой протестующий голос М. Лунин. С. Волконский же, напротив, не держал зла на императора, признавая его стойкость и считая, что наказание было бы неизбежным в любом другом государстве (Волконская, 1975: 112).

Эпоха Александра I завершилась глубоким разочарованием интеллигенции, чьи ожидания существенных либеральных преобразований оказались тщетными. Это подтолкнуло ее к формированию устойчивой оппозиции к власти. В ответ, по мнению В. Ключевского, правящая династия и придворная элита сплотились, движимые страхом перед свободомыслием и народными массами (Ключевский, 1993: 408). Царствование Николая I, начавшееся после драматических событий 1825 г., не сулило ничего хорошего прогрессивной интеллигенции, чьи ряды были значительно ослаблены ссылками. Декабрист Н. Басаргин, наблюдая за поведением императора во время суда над декабристами и его опасениями перед либеральными идеями, предвидел авторитарный характер будущего правления. Самонадеянность царя проявлялась в том, что он воспринимал только те мнения, которые соответствовали его собственным желаниям, в результате чего сложилась ситуация, когда "уста истины закрылись" (Басаргин, 1985: 81).

Более полное представление о Николае I и жизни двора можно получить из воспоминаний и дневников А. Тютчевой. Будучи фрейлиной цесаревны Марии Александровны, она тринадцать лет служила двум императорам. Хотя Тютчева, как и многие дворяне-интеллигенты, была монархисткой, ее проникательный и критический ум позволял ей объективно оценивать события и людей. Разделяя идеи своего отца, поэта Ф. Тютчева, и его друзей-славянофилов, она стремилась донести их до правящего монарха, пытаясь повлиять на его мировоззрение. В частности, ее отец надеялся, что она убедит цесаревича в необходимости создания русской политической газеты, защищенной от цензуры высоким покровительством, но эта инициатива не была реализована (Тютчева, 2000: 79).

Николай I, по словам Тютчевой, был человеком, фанатично преданным своей власти и абсолютно уверенным в ней. Она описывала его как личность с «рыцарским характером редкого благородства и честности, сердцем горячим и нежным, и умом возвышенным и просвещенным, хотя

и лишенным широты» (Тютчева, 2000: 45). В то же время, она отмечала, что он «мог быть для России в течение своего 30-летнего царствования тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни» (Тютчева, 2000: 45). При этом сам император был убежден, что все его действия направлены на благо родины. Работая по 18 часов в сутки, отказывая себе в отдыхе и развлечениях, он видел свой долг в наведении порядка, что, по сути, означало уничтожение индивидуальной свободы. Новые идеи представлялись ему чудовищной ересью, подлежащей искоренению. Двойственная оценка личности и деятельности Николая I, данная фрейлиной двора, перекликается с мнением декабриста Н. Басаргина. Он писал, что в критические для страны времена царь не мог получить дельного совета, поскольку его окружали лишь раболепие и низкопоклонство (Басаргин, 1985: 81). В результате, императору удалось добиться всеобщего оцепенения в стране.

Историк В. Ключевский в своем дневнике 1868 г., характеризуя общественное положение в России, отмечал, что его поколение выросло под гнетом политического и нравственного унижения (Ключевский, 1993: 323). Само царствование Николая I ученый считал постыдным, которое «благополучно кончилось севастопольским поражением и Парижским миром» (Ключевский, 1993: 386). Поражение в Крымской войне вызвало в обществе взрыв негодования против правительства. До этого вера в военную мощь и авторитет России помогала мириться с удушающей обстановкой в стране. Однако поражение наглядно продемонстрировало интеллигенции несостоятельность системы правления, поколебав престиж самодержавной власти. Личная трагедия Николая заключалась в том, что перед смертью он осознал всю несостоятельность своей политики (Тютчева, 2000: 46).

Отношение интеллигенции к царской власти менялось в зависимости от динамики общественно-политической обстановки. Воцарение Александра II было встречено с надеждой на преобразования. Славянофилы, например, поддерживали самодержавную власть, считая ее, наряду с православием, необходимым условием русской жизни. В записке К. Аксакова, представленной Александру II, указывалось, что власть должна принадлежать царю, но при этом он должен учитывать мнение общества и народа. Радикальным аспектом позиции славянофилов было требование невмешательства государства в частную и общественную жизнь (Корнилов, 2004: 447). При этом поддержка самодержавия не мешала им критически относиться к предыдущему царствованию. И. Аксаков считал Николая I «тупоумнейшим» человеком, причинившим много зла России, а его убеждения – «фельдфебельскими». Эту оценку разделял и Ф. Тютчев, называя императора «злосчастливым», тупым человеком, виновным в поражении в Крымской войне (Чагин, 1984: 123, 132).

Русская интеллигенция делала неоднократные попытки принять хоть какое-либо участие в управлении страной. Но это ее стремление достучаться до власти путем личного обращения к ее представителям, как правило, не приносило результатов. Так письмо А. Герцена Александру II по поводу необходимости реформ, напечатанное в «Полярной звезде» не возымело своего действия. По свидетельству А. Тютчевой, Герцен также написал письмо императрице, опубликованное в «Колоколе». В нём он критиковал систему военной подготовки великих князей, касаясь, в частности, воспитания наследника. Несмотря на негативное отношение к Герцену, Тютчева признавала его правоту в этом вопросе, как и во многих других. Императрица, осознавая все недостатки системы, ответила, что не видит в своем окружении достойных претендентов на роль воспитателей великих князей (Тютчева, 2000: 316). Ум и проницательность Марии Александровны отмечали многие современники. Она замечала злоупотребления вокруг, но делала вид, что это ее совершенно не касается, хотя обвинить в отсутствии патриотических чувств ее было невозможно. Глубоко религиозная Мария Александровна имела большую склонность к созерцательности, нежели к активной деятельности. Она могла бы оказать поддержку Александру в его начинаниях, но не делала этого (Тютчева, 2000: 244). Сравнивая Александра II с его отцом, Николаем I, Тютчева отмечала недостаток у молодого императора твердости и убежденности в законности своей власти. Его ум, по мнению фрейлины, страдал узостью кругозора и недостаточной просвещенностью, что мешало ему осознать важность проводимых реформ (Тютчева, 2000: 30). В итоге, испугавшись собственных преобразований, Александр II начал от них отказываться. Эта оценка перекликается с мнением В. Короленко, который считал, что царь не понял глубинных ожиданий общества, для удовлетворения которых требовался «более крупный ум и характер» (Короленко, 1985: 537). Убийство императора в среде творческой интеллигенции, к которой принадлежал писатель, было воспринято как следствие его поворота к реакции. Историк В. Ключевский характеризовал Александра II как провокатора, который одной рукой дарил реформы, ожидаемые обществом, а другой выдвигал тех, кто их разрушает. Полиция, преследуя недовольных, превратилась при нем в карательный орган (Ключевский, 1993: 386). Непоследовательность императора, отсутствие в нем сильного характера и ума воспринималась обществом как слабость и дискредитировала саму власть. С ростом требований конституции популярность Александра II падала. Это обстоятельство вынуждало его считаться с мнением общества. Так, война с Турцией в 1877 г. была объявлена императором под давлением общественного мнения (Пушкарев, 1991: 324). В ответ на это общество в едином патриотическом порыве объединилось вокруг власти. Спектакли в Большом театре начались с

исполнения национального гимна. Публика заставляла петь гимн «Боже, царя храни» несколько раз (Бенуа, 1993а: 367). Однако уступки, сделанные правительством на Берлинском конгрессе, поколебали его авторитет в глазах общественности.

Интеллигенция, представлявшая собой сознательные общественные силы, иногда имела возможности влиять на власть, но ответственность за происходившее разделять с ней не желала. Радикально настроенная разночинная интеллигенция не хотела идти с самодержавием ни на какие компромиссы. Она была убеждена в том, что самодержавие не имеет права на существование в силу своего тиранического характера. Самодержавие, ведущее беспощадную борьбу с интеллигенцией, и не желающее отдать власть, должно быть, по ее мнению, уничтожено посредством террора (Степняк-Кравчинский, 1987: 66, 67). В целом же общественное мнение было не на стороне террористов. После смерти Александра II, по свидетельству Тютчевой, могила его утопала в цветах, и от тесноты нельзя было сделать движения (Тютчева, 2000: 343). А. Бенуа также вспоминал, что убийство императора повергло общество в состояние ужаса. Осуждение террористов было всеобщим. Все домочадцы и прислуга семьи Бенуа ходили в Зимний дворец проститься с императором, а фотографии с изображением убитого императора годами висели в их доме (Бенуа, 1993а: 383, 384).

Начало царствования Александра III было ознаменовано надеждами на продолжение либеральных преобразований, инициированных его предшественником, Александром II. Эти ожидания разделяла, в частности, военная интеллигенция. Так, в дневниковых записях Тютчевой от 1882 г. зафиксирован разговор с генералом М. Скобелевым, который выражал уверенность в наступлении эры национальной политики, основанной на верности самодержавию (Тютчева, 2000: 348). Однако эти надежды были омрачены влиянием К. Победоносцева, который сумел склонить императора к консервативно-реакционному курсу. Победоносцев убедил Александра III в том, что реакционные взгляды редактора «Московских ведомостей» М. Каткова отражают мнение всего российского общества (Корнилов, 2004: 736).

Молодой монарх не видел в интеллигенции потенциальную опору для своей политики. Скептически относясь к ней и считая её «гнилой», он сразу решил, что она не сможет диктовать ему свои условия. Исключением из этого правила стал И. Аксаков, которого Александр III считал истинным патриотом, в отличие от своего отца, не испытывавшего к Аксакову симпатии (Тютчева, 2000: 344).

По роду своих профессиональных занятий и благодаря своей одаренности как художника, А. Бенуа имел возможность лично общаться с членами царской семьи. Его многочисленная семья и ее окружение к власти относились лояльно, о чем он неоднократно указывал в своих воспоминаниях. О себе Бенуа говорил, что осознает себя как «консерватора с монархическим уклоном». Художник отмечал «ограниченность интеллекта, примитивность, а то и просто грубость суждений» императора Александра III (Бенуа, 1993а: 632). Тем не менее, его кратковременное царствование оценивал как «чрезвычайно значительное и благотворное», подготовившее расцвет русской культуры, который продолжался и все царствование его приемника, несмотря на бездарность власти Николая II (Бенуа, 1993а: 632). Достоинством Александра III, по мнению Бенуа, было то, что «он был крепок, он умел держать и сдерживать, он имел на вещи свое мнение, а его простой здравый смысл выработался на почве глубокой любви к родине» (Бенуа, 1993а: 633). Художник отмечал честность, простоту и бдительность императора. А. Тютчева также в качестве главных качеств молодого императора выделяла честность и прямоту, ясность в словах, твердость и мощь, понимание ответственности за страну (Тютчева, 2000: 345). Журналист Колышко тоже характеризовал Александра III как человека честного и правдивого, которому чужды интриги (Колышко, 2009: 29).

В отношении к царской власти и ее ставленников среди интеллигенции единства не было. Однако после смерти Александра III неспособность нового российского императора управлять империей для всей интеллигенции стала очевидной. С первых шагов своего царствования Николай II сумел восстановить общественное мнение против себя. После трагедии на Ходынке сыновья великого князя Михаила Николаевича потребовали отстранения великого князя Сергея Александровича от должности генерал-губернатора Москвы, считая его виновным в происшедшем, и прекращения коронационных торжеств. Но Николай, послушав старших великих князей, не прекратил торжеств. Сергей Александрович торжествовал (Великий князь, 1991: 142). На фоне разыгравшейся трагедии продолжать коронационные торжества было, конечно, неуместно. И хотя молодой император оказал материальную помощь семьям погибших, общее впечатление общества о недостойном поведении царя и безнаказанности его родственника осталось неизменным.

В 1890-е годы в Париже российская интеллигенция образовала «русскую колонию», которую волновали события, происходившие на родине. По свидетельству Бенуа в этой среде «о русском правительстве иначе, как в самом ироническом тоне не принято было говорить, а к личности государя уже установилось отношение, в котором известная жалость сплеталась с абсолютным недоверием в политическом отношении» (Бенуа, 1993б: 119). Он подчеркивал, что даже в их семье, лояльно настроенной к власти, с первых дней царствования зародилось недоверие к личности императора.

Отношение к царю общественности во многом определила неудачно прочитанная им по шпальгалке речь перед представителями земств, в которой он заявил, что твердо намерен охранять

устой самодержавия (Бенуа, 1993b: 119). Либерально настроенная интеллигенция убедилась, что влияние Победоносцева остается в силе и надеяться на участие земств в управлении не приходится (Пушкарев, 1991: 333).

Одним из выразителей взглядов либеральной оппозиции являлся А. Кони, имя которого для интеллигенции было символом противостояния власти. Кони считал, что самодержавие своей бездарной политикой завело страну в тупик и

тащит Россию к революции. Предполагая, что его хотят использовать как известного либерала для прикрытия реакционной политики царизма, он отказался от предложенного ему министерского поста (Высоцкий, 1988: 322, 332). Нерешительность, свойственная характеру императора, его подверженность различным влияниям, его растерянность перед необходимостью принять решение не способствовали популярности царя. Три раза менял он свое решение об отправке Балтийского флота на Дальний Восток. Отправка флота, по мнению великого князя Александра Михайловича, означала бы его верную гибель. И действительно флот был уничтожен в Цусимском проливе. Вина царя в этом поражении была для всех очевидной (Великий князь, 1991: 183). Военные провалы и обострение внутренних проблем российское общество связывало со слабостью самой монархии, что активизировало антиправительственные настроения.

В межличностном общении император Николай II был прост и доступен, отсутствие величия располагало к общению с ним. Обычно он откликался на призывы в оказании помощи. В 1899 г., узнав от В. Серова, который писал его портрет, о бедственном положении журнала «Мир искусства», император пожертвовал десять тысяч рублей из своих личных средств. Его примеру последовали другие меценаты, в результате журнал был спасен (Бенуа, 1993b: 288). Однако эти жесты благотворительности не смогли существенно изменить сложившегося негативного отношения интеллигенции к власти. Русско-японская война стала поворотным моментом, заставив общество переосмыслить состоятельность режима. Интеллигенция единодушно выступала за радикальные перемены, разделяясь во мнениях относительно путей их осуществления: от смены строя до смены монарха с сохранением принципа монархии. «Вопрос об обуздании абсолютизма, о конституции стал злобой дня» (Бенуа 1993a: 408). События 9 января 1905 г. были восприняты интеллигенцией как трагедия и преступление, за которое император нес ответственность. Манифест 17 октября многие представители интеллигенции восприняли как попытку сохранить монархию. Даже те, кто не доверял Николаю II из-за его неспособности эффективно управлять страной, возлагали надежды на то, что монархия будет ограничена, а произвол устранен. Однако были и сторонники исключительного революционного пути. Так, Д. Философов и супруги Мережковские опубликовали памфлет, направленный против царя, но, опасаясь преследований, уехали в Париж (Бенуа, 1993b: 440).

Отсутствие единства во взглядах о пути преобразований не мешало интеллигенции быть единой в критическом отношении к власти и личности императора. В попытках найти решение для стоящих перед страной проблем, либерально и радикально настроенные представители интеллигенции, включая многих профессоров, сформировали партию конституционных демократов, во главе которой стал профессор истории П. Милоков. На январском съезде 1906 г. подавляющее большинство членов партии выступило за парламентскую монархию. Республиканцы оказались в меньшинстве (Пушкарев, 1991: 350). Осознавая кризис в системе самодержавия и не обладая самостоятельной силой, часть интеллигенции продолжала рассчитывать на модернизированную монархию как источник стабильности политической системы.

Личная, общественная и политическая жизнь династии Романовых, в том числе и императора Николая II, нашла отражение в мемуарах великого князя Александра Михайловича, который, будучи близким к императорской семье, обладал критическим взглядом на происходящие события. По свидетельству князя, отношения между членами династии были далеки от дружеских. Напротив, они разделялись на враждующие партии, соперничая за влияние на царя. Эта борьба обострилась особенно после смерти Александра III (Великий князь, 1991: 37). Будучи убежденным монархистом по мировоззрению, князь критиковал интеллигенцию за «игру в либерализм». Он считал, что республиканский строй в России невозможен, так как восемьдесят пять процентов населения неграмотно, а интеллигенция требовала, при этом, всеобщего избирательного права. По его мнению, рост непопулярности царской власти проявлялся в том, что идея цареубийства уже в 1880-е годы «носились в воздухе». Предвестником грядущего большевизма князь видел Ф. Достоевского, который, по словам писателя, говорил издателю А. Суворину, что в предполагаемом продолжении романа Алеша Карамазов уйдет из монастыря, станет анархистом и убьет царя (Великий князь, 1991: 42).

Согласно великокняжескому статусу, члены императорской семьи должны были занимать высокие посты, что не всегда соответствовало их профессиональным навыкам и моральным качествам. Александр Михайлович прямо указывал на это в своих мемуарах. Брат Александра III, великий князь Алексей Александрович, будучи адмиралом Российского Императорского флота, обладал весьма скромными познаниями в морском деле. Его заседания сводились к приглашению членов адмиралтейского совета на обед и пересказу одних и тех же историй из прошлого парусного флота. Другой брат покойного императора, великий князь Сергей Александрович, будучи посредственным офицером, командовал гвардейским Преображенским полком. Невежественный в

вопросах административного управления, он занимал пост московского генерал-губернатора. Александр Михайлович возлагал на него полную ответственность за трагедию на Ходынском поле (Великий князь, 1991: 116). Упрямый, дерзкий и амбициозный, Сергей Александрович вызывал всеобщее неприятие. Директор департамента полиции А. Лопухин в своем рапорте после убийства князя отмечал ликование среди интеллигенции. Студенты встретили известие об убийстве возгласами: «Долой самодержавие!» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 48об.). Московская пресса с едва скрываемой симпатией писала об убийце князя И. Каляеве, впоследствии к годовщинам покушения выпускались открытки с изображением Каляева (Закиров, 2013: 311). Убийство князя наглядно продемонстрировало истинное отношение интеллигенции и общества к самодержавной власти, олицетворением которой был император.

Профессиональная некомпетентность великих князей, по мнению С. Витте, наносила значительный урон авторитету царской власти (Карабущенко, 2015: 18). А. Бенуа также считал, что расточительность членов императорской фамилии подрывала этот авторитет. Показательным примером стали крупные растраты при строительстве храма на месте убийства Александра II, совершенные доверенным лицом великого князя Владимира. Это вынудило Александра III инициировать судебное расследование (Бенуа, 1993а: 562).

Однако среди династии были и те, кто внес значительный позитивный вклад в развитие русской культуры. Великий князь Константин Константинович, будучи президентом Императорской Академии наук, первым признал гений И. Павлова. Его перевод «Гамлета» считался лучшим из существовавших на тот момент. Князь также сам писал стихи и организовывал в Измайловском полку литературные вечера, лично занимаясь с солдатами. Политика его совершенно не интересовала (Великий князь, 1991: 118-119).

Великий князь Николай Михайлович, несмотря на успешное окончание военного училища, посвятил себя истории. Его монументальный труд об Александре I принес ему почетное членство во Французской Академии, что было большой редкостью для иностранца. Будучи сторонником парламентского строя, в других обстоятельствах он мог бы стать блестящим дипломатом (Великий князь, 1991: 123).

Анализ показывает, насколько разнообразны были представители династии по своим убеждениям и наклонностям. Судьба России могла бы сложиться иначе, если бы на троне оказался другой член династии. Так, великий князь Константин Николаевич, обладавший сильным характером и решимостью отстаивать свои взгляды, активно выступал за продолжение реформ. Если Александр II его поддерживал, то Александр III, напротив, уволил князя со всех постов за радикальные взгляды (Барыкина, 2017: 87). Очевидно, что, оказавшись у власти, Константин Николаевич иначе распорядился бы своими полномочиями.

Поведение членов царской семьи во время Первой мировой войны характеризует их как в личном плане, так и показывает их социальную позицию по отношению к происходившим событиям. Великие княжны Ольга и Татьяна, а также сама императрица Александра Федоровна, пройдя обучение на курсах сестер милосердия, самоотверженно трудились в госпиталях, организованных в царскосельских дворцах. Их работа продолжалась вплоть до ареста в 1917 г.

В сентябре 1914 г. императрица писала Николаю II, что уход за ранеными стал для нее утешением, позволяющим хоть немного облегчить их страдания. Работая по многу часов, несмотря на боль в сердце, она ассистировала при сложнейших операциях, обрабатывала тяжелые раны, извлекала отравленные пули и выносила ампутированные конечности. Россию она считала своей «любимой страной». Отношение к Германии было пронизано глубоким негодованием: «стыд и унижение при мысли о том, что немцы могут себя так вести! Хочется зарыться в землю...» (Дивный свет, 2005: 248-249).

К сожалению для монархии, ни самоотверженный труд в госпиталях, ни активная благотворительная деятельность, ни шефство над туберкулезными больными в Крыму не смогли поколебать негативного отношения интеллигенции к императрице.

В Киеве великая княгиня Ольга Александровна возглавляла госпиталь, работая наравне с простыми сестрами милосердия. Солдаты с трудом верили, что перед ними дочь Александра III. Ксения Александровна заведовала госпиталем в Петербурге. Михаил Александрович храбро сражался в составе кавказской Дикой дивизии (Великий князь, 1991: 215, 216).

О присущем Романовым патриотизме писала в своем дневнике А. Тютчева. В Севастополе в военной кампании 1854 г. участвовали молодые великие князья Николай и Михаил. Во время взрыва снаряда они остались невредимы, в то время как находившиеся рядом с ними три адъютанта были контужены, а генерал Ф. Соймонов убит (Тютчева, 2000: 109).

Великий князь Константин, когда правительство отказалось финансировать постройку канонерок для Балтийского флота из-за отсутствия средств, лично выделил двести тысяч рублей из своих личных сбережений. Князь подчеркнул, что все его имущество по праву принадлежит России (Тютчева, 2000: 91).

Таким образом, обвинения Романовых со стороны интеллигенции в отсутствии патриотизма, основанные лишь на династических браках с немецкими принцессами, представляются безосновательными и опровергаются многочисленными свидетельствами современников.

В своих воспоминаниях, названных «Великий распад», известный журналист И. Колышко проанализировал причины крушения Российской империи, рассматривая роль всех слоев общества, от царской семьи и высших чиновников до представителей интеллигенции, которые, сознательно или нет, способствовали этому процессу.

Жизнь самого Колышко была полна событий: он работал под началом С. Витте, был близок к В. Плеве, сотрудничал с князем Мещерским, печатался у Суворина и Сытина, писал пьесы и даже участвовал в переговорах о сепаратном мире с Германией. Анализируя правление последних императоров, журналист пришел к выводу, что самодержавие утратило свою державность еще при Александре II из-за отсутствия идейной преемственности. Александр III, по мнению Колышко, принял Россию как вотчину, которую нужно охранять (Колышко, 2009: 32). Это суждение перекликается с мнением историка В. Ключевского, который считал, что Павел I, Александр I и Николай I «владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес», игнорируя нужды народа (Ключевский, 1993: 407). А. Тютчева также отмечала, что Николай I, несмотря на высокий престиж императорской власти, не смог ее удержать (Тютчева, 2000: 28).

Отсутствие у Николая II четкого понимания общественно-политической ситуации и подверженность чужому влиянию позволяли различным группировкам использовать его в своих интересах. Колышко считал Николая II безвольным монархом, а проводимую политику – никчемной. Он констатировал, что с началом войны в тылу царя полная политическая неразбериха, усугубляемая отношением общественности и интеллигенции к власти, ругать которую стало «паспортом благонадежности перед публикой» (Колышко, 2009: 328). Если на фронте еще умирали за царя, то в тылу ему копали яму.

В последние годы своего существования самодержавие в глазах интеллигенции окончательно дискредитировало себя, не имея с ее стороны никакой поддержки. Интеллигенция, будучи носителем передовых идей, видела в существующем порядке непреодолимое препятствие для развития страны и общества, что лишь усиливало ее отчуждение от власти и ее институтов.

5. Заключение

Верховная власть, сложившаяся в России в форме абсолютной монархии в руках самодержца, представляла собой мощную и опасную силу. Она повышала ответственность представителей династии за все, что происходило в стране до невероятно больших размеров. Отношение к самодержавной власти, олицетворением которой в России была династия Романовых, со стороны русской интеллигенции не было однозначным. Оно менялось в соответствии с изменением общественно-политической ситуации и колебалось от безусловной поддержки власти до формирования жесткой оппозиции.

В начале XIX в. интеллигенцией дворянского происхождения власть воспринималась в качестве неизменной категории, не подлежащей критике. Самодержавие рассматривалось в качестве гаранта процветания России. Убеждение в незыблемости монархии в целом, не означало, однако, отсутствия критического отношения к отдельным ее представителям. Популярность представителя династии, занимавшего трон определялась как его личностными качествами, так и характером его практической деятельности, его способностью сбалансировать и удовлетворить запросы и интересы различных социальных слоев. С ростом общественного сознания в среде российской интеллигенции возникают оппозиционные настроения, усиливавшиеся по мере отхода императора Александра I от обещанных им либеральных преобразований.

Попытка силового воздействия военной дворянской интеллигенции на власть закончилась в 1825 г. трагедией на Сенатской площади и формированием стойкой оппозиции со стороны интеллигенции к власти. Авторитарный характер правления Николая I только усилил противостояние и усугубил общественно-политическую ситуацию в стране. Попытки интеллигенции обратиться к власти путем личных обращений или посредством печатных органов успеха не имели, понимания со стороны власти они не нашли. Стремление достучаться до власти, привлекая к этому процессу народ в 1870-х гг. в рамках движения «хождения в народ» также не имело успеха. В связи с этим радикально настроенная разночинная интеллигенция пришла к убеждению в необходимости уничтожения самодержавия посредством террора.

Падению авторитета власти в глазах всего общества способствовало отсутствие идейного единства в проводимой властью политике. И если Александр II, позиция которого по отношению к начатым им реформам отличалась непоследовательностью и двойственностью, все-таки проводил их, то Александр III свернул практически все начатые отцом преобразования. Идея незыблемости самодержавной власти объединяла династию, несмотря на имеющиеся противоречия внутри нее. Единства же во взглядах на самодержавную власть в рядах самой интеллигенции не было. Это затрудняло для интеллигенции отстаивание своих интересов и прав, усугубляя общую ситуацию.

Идейный диапазон ее разногласий по этому вопросу был весьма широк. Он колебался от отрицания самодержавия как института власти до приятия монархии при условии смены правителя и ограничения его власти. К началу XX в. русская интеллигенция была едина во мнении, что власть надо менять. Немалую роль в этом сыграла личность последнего императора, слабость характера которого дискредитировала саму власть, приводя страну к анархии. Таким образом, история взаимоотношений самодержавной власти и русской интеллигенции представляет собой сложный, многогранный процесс, отмеченный как периодами сотрудничества и поддержки, так и глубокими конфликтами и противостояниями, которые в конечном итоге оказали существенное влияние на судьбу Российской империи.

Литература

- Барыкина, 2017 – Барыкина И.Е. Александр III. Назад в будущее. М., 2017. 111 с.
 Басаргин, 1985 – Басаргин Н.В. Записки. Красноярск, 1985. 304 с.
 Бенуа, 1993a – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 1. Кн. 1-3. М., 1993. 711 с.
 Бенуа, 1993b – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 2. Кн. 4-5. М., 1993. 743 с.
 Великий князь, 1991 – Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. 271 с.
 Волконская, 1975 – Волконская М. Н. Записки княгини. Красноярск, 1975. 155 с.
 Высоцкий, 1988 – Высоцкий С. А. Кони. М., 1988. 432 с.
 Дивный свет, 2005 – Дивный свет. Дневниковые записи, переписка. Жизнеописание. Государыня императрица Александра Федоровна Романова. М., 2005. 650 с.
 Закиров, 2013 – Закиров Р.С. Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 г. // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 3. С. 309-314.
 Карабущенко, 2015 – Карабущенко П.Л. Имперские элиты России в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2015. № 87. Ч. 2. С. 16-19.
 Ключевский, 1993 – Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты. Дневники. М., 1993. 415 с.
 Колышко, 2009 – Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб. 2009. 464 с.
 Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.
 Короленко, 1985 – Короленко В.Г. История моего современника. Тт. 1-2. М., 1985. 704 с.
 Пушкирев, 1991 – Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. 390 с.
 Пушкин, 1950 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 2. М.-Л., 1950.
 Сабурова, 2005 – Сабурова Т.А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века // *Известия УрГУ*. 2005. № 34. С. 98-107.
 Савицкий, 2013 – Савицкий И.П. Самодержавие и русская интеллигенция // *Философские науки*. 2013. № 3. С. 67-75.
 Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. М., 1987. 575 с.
 Токарева, 2016 – Токарева Е.А. Российская художественная интеллигенция и власть: некоторые вопросы теории и истории исследований // *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*. 2016. №.1 (21). С. 36-43.
 Тютчева, 2000 – Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. 416 с.
 Чагин, 1984 – Чагин Г.В. Тютчев в Москве. М., 1984. 175 с.
 Шебзухова, 2018 – Шебзухова Т.А. Царская власть глазами российской интеллектуальной элиты начала XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 2 (55). С. 162-169.
 Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
 Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 811-820.
 Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. Zhulaeva A.S. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.
 Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V., Malyutina L.F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.
 Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

References

- Barykina, 2017 – Barykina, I.E. (2017). Aleksandr III. Nazad v budushchee [Alexander III. Back to the Future]. M. 111 p. [in Russian]

- [Basargin, 1985](#) – *Basargin, N.V.* (1985). Zapiski [Notes]. Krasnoyarsk. 304 p. [in Russian]
- [Benua, 1993a](#) – *Benua, A.N.* (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 1. Kn. 1-3 [My memories. In 5 books. Vol. 1. Books 1-3]. M. 711 p. [in Russian]
- [Benua, 1993b](#) – *Benua, A.N.* (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 2. Kn. 4-5 [My memories. In 5 books. Vol. 2. Books 4-5]. M. 743 p. [in Russian]
- [Chagin, 1984](#) – *Chagin, G.V.* (1984). Tyutchev v Moskve [Tyutchev in Moscow]. M. 175 p. [in Russian]
- [Divnyi svet, 2005](#) – *Divnyi svet.* Dnevnikovye zapisi, perepiska. Zhizneopisanie. Gosudarynya imperatritsa Aleksandra Fedorovna Romanova [Wonderful light. Diaries, correspondence. Biography. Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna Romanova]. M. 2005. 650 p. [in Russian]
- [Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody.* 38(4): 972-981.
- [Gryaznukhina et al., 2017](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T., Reut, G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody.* 45(3): 811-820.
- [Gryaznukhina et al., 2021](#) – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F. Zhulaeva, A.S.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody.* 16(2): 652-660.
- [Gryaznukhin et al., 2020](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V., Malyutina, L.F.* (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody.* 57(3): 1132-1141.
- [Gryaznukhin et al., 2021](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody.* 16(3): 1299-1307.
- [Karabushchenko, 2015](#) – *Karabushchenko, P.L.* (2015). Imperskie ehlyty Rossii v «Vospominaniyakh» grafa S.Yu. Vitte [The Imperial elites of Russia in the memoirs of Count S.Yu. Witte]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta.* 87. Part 2. Pp. 16-19. [in Russian]
- [Klyuchevskii, 1993](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (1993). Aforizmy. Istoricheskie portrety. Dnevniki [Aphorisms. Historical portraits. Diaries]. M. 415 p. [in Russian]
- [Kolyshko, 2009](#) – *Kolyshko, I.I.* (2009). Velikii raspad. Vospominaniya [The Great disintegration. Memories]. SPb. 464 p. [in Russian]
- [Kornilov, 2004](#) – *Kornilov, A.A.* (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia of the XIX century]. M. 862 p. [in Russian]
- [Korolenko, 1985a](#) – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika [The story of my contemporary]. Tt. 1-2. M. 704 p. [in Russian]
- [Pushkarev, 1991](#) – *Pushkarev, S.G.* (1991). Obzor russkoi istorii [Review of Russian history]. M. 390 p. [in Russian]
- [Pushkin, 1950](#) – *Pushkin, A.S.* (1950). Poln. sobr. soch. v 10 tt. T. 2 [Complete works in 10 volumes. Vol. 2]. Moskva-Leningrad. [in Russian]
- [Saburova, 2005](#) – *Saburova, T.A.* (2005). Obraz vlasti kak faktor formirovaniya strategii povedeniya russkoi intelligentsii pervoi poloviny XIX veka [The image of power as a factor in the formation of the behavior strategy of the Russian intelligentsia in the first half of the 19th century]. *Izvestiya UrGU.* 34: 98-107. [in Russian]
- [Savitskii, 2013](#) – *Savitskii, I.P.* (2013). Samoderzhavie i russkaya intelligentsiya [The autocracy and the Russian intelligentsia]. *Filosofskie nauki.* 3: 67-75. [in Russian]
- [Shebzukhova, 2018](#) – *Shebzukhova, T.A.* (2018). Tsarskaya vlast' glazami rossiiskoi intellektual'noi ehlyty nachala XX v. [The Tsarist regime through the eyes of the Russian intellectual elite in the early 20th century]. *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura.* 2(55): 162-169. [in Russian]
- [Stepnyak-Kravchinskii, 1987](#) – *Stepnyak-Kravchinskii, S.* (1987). Sochineniya. V 2 t. T. 1. Rossiya pod vlast'yu tsarei. Podpol'naya Rossiya [Essays. In 2 vols. Vol. 1. Russia under the rule of the tsars. Underground Russia]. M. 575 p. [in Russian]
- [Tokareva, 2016](#) – *Tokareva, E.A.* (2016). Rossiiskaya khudozhestvennaya intelligentsiya i vlast': nekotorye voprosy teorii i istorii issledovaniy [Russian artistic intelligentsia and power: some issues of theory and research history]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki.* 1(21): 36-43. [in Russian]
- [Tyutcheva, 2000](#) – *Tyutcheva, A.F.* (2000). Pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniya. Dnevnik [At the court of two emperors. Memories. Diary]. M. 416 p. [in Russian]
- [Velikii knyaz' Aleksandr Mikhailovich, 1991](#) – *Velikii knyaz' Aleksandr Mikhailovich* (1991). Kniga vospominanii [Grand Duke Alexander Mikhailovich. A Book of Memories]. M. 271 p. [in Russian]
- [Volkonskaya, 1975](#) – *Volkonskaya, M.N.* (1975). Zapiski knyagini [Notes of the Princess]. Krasnoyarsk. 155 p. [in Russian]
- [Vysotskii, 1988](#) – *Vysotskii, S.A.* (1988). Koni [Koni]. M. 432 p. [in Russian]
- [Zakirov, 2013](#) – *Zakirov, R.S.* (2013). Obshchestvennoe mnenie ob ubistve velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha v 1905 g. [Public opinion on the assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich in 1905]. *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 3: 309-314. [in Russian]

Динамика восприятия династии Романовых русской интеллигенцией XIX – начала XX вв.

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a,
Семен Валерьевич Кожевников ^a, Татьяна Валерьевна Счастливая ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ эволюции отношения русской интеллигенции XIX – начала XX столетий к верховной власти, персонифицированной династией Романовых. Выявлена корреляция между изменением общественно-политической конъюнктуры и трансформацией данного отношения, варьировавшегося от консенсуса и надежд на реформы до выраженного антагонизма и открытого противостояния. Отмечается, что рост самосознания интеллигенции и ее стремление к участию в государственных делах столкнулись с институциональными ограничениями абсолютной монархии. Это несоответствие стало причиной возникновения устойчивых оппозиционных тенденций, усугублявшихся отходом правящих монархов от ожидаемых либеральных преобразований и расхождением их личностных качеств с идеализированным образом правителя. Внутренняя разобщенность интеллигенции, проявлявшаяся в антагонизме между радикальными и либеральными фракциями, ослабляла ее консолидирующую силу. Особое внимание уделяется тому, как личные качества монархов, их способность или неспособность к диалогу и реформам, влияли на восприятие их власти интеллигенцией. Исследование базируется на компаративном анализе исторических источников, включая мемуары, дневники и записки современников, что обеспечивает реконструкцию объективной картины исследуемых аспектов общественно-политической жизни России указанного периода.

Ключевые слова: Россия, династия Романовых, интеллигенция, самодержавие, либерализм, консерватизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), semenk2011@yandex.ru (С.В. Кожевников), repetitor1972@gmail.com (Т.В. Счастливая)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 674-686
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.674

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Formation of Regional Identity of Residents of the Penza Territory and the Provincial Local History Movement

Larisa A. Koroleva ^{a, *}, Natalia V. Miku ^a

^a Penza University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

For each individual, the place of residence is the space where important life activities and the most significant life interactions are carried out. As a result, the Fatherland is associated with the personal interests and aspirations of the personality living there, it is perceived as its own world. Awareness of the small homeland as its territory means the self-identification of a person with it, the adoption of its spiritual, moral and socio-cultural values and norms in the process of socialization, the education of the need for practical improvement of living conditions, i.e. regional identity.

Local history is a powerful resource for the formation of regional identity, since it studies the nature, population, history, economy and culture of a particular territory or object (republic, region, village, etc.). Knowledge of local history is very close to each person. The idea of the cultural, historical and socio-economic characteristics of a small homeland contributes to the understanding of the individual as part of a large whole community, the awareness of his regional identity and personal involvement in historical events of any scale, the education of a sense of citizenship and morality.

The purpose of the presented study is to study the local history movement as a factor in building regional identity using the example of the Penza region.

The novelty of the study is that for the first time the development of the local history movement in the Penza Territory and its practice in the context of the process of forming regional identity among the population are considered.

Local history material was widely used to educate regional identity among the Penza population through fostering pride in their native land, respect for its historical past and their fellow countrymen, awareness of the role of the region in the socio-economic development of the country, the formation of a desire to actively participate in the life of their region, etc.

Keywords: identity, regional identity, local history, Penza region.

1. Введение

В современных реалиях международной нестабильности, в сложных внутрироссийских социально-экономических обстоятельствах наблюдается кризис социальной идентичности, размываются понятия «Родина» и «Отчий край», происходит девальвация ценности семьи и родственных отношений, утрата самобытности. Люди теряются в понимании себя, самоотождествлении с определенной социальной группой и территорией. В связи с этим вопросы сущности идентичности человека, включая региональную, роли краеведения в ее построении имеют особое значение в настоящее время.

2. Материалы и методы

К используемым источникам относится комплекс различных видов опубликованных и неопубликованных материалов Государственного архива Пензенской области (ГАПО, Пенза,

* Corresponding author

E-mail addresses: la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva)

Российская Федерация), которые дополняют и подтверждают друг друга. Они позволяют провести сравнительный анализ и определить ключевые направления развития краеведческой работы в регионе, формы использования краеведения в процессе конструирования местной идентичности. В исследовании использованы коллекции документов фондов ГАПО: Пензенского губернского статистического комитета (Ф. 9), Пензенской губернской ученой архивной комиссии (Ф. 131), Пензенского общества любителей естествознания (Ф. 287). В указанных фондах содержатся нормативные и распорядительные документы, которые отражают цели и задачи краеведческих организаций, направленность и формы их работы, регламентирующие их деятельность правила. Особый интерес среди делопроизводственных источников вызывают отчеты обществ, которые дают представление об их устройстве, внутренней жизни; членах; финансировании и др. Сборники, издававшиеся краеведческими объединениями, включают разнообразный фактический материал, детально раскрывающий внутреннюю структуру организации, главные направления их деятельности.

Теоретико-методологическая основа исследования и используемая исходная база позволили провести объективное и интегральное исследование указанного вопроса. Методологическая основа исследования основана на применении общенаучных принципов объективности, системности, научного подхода и детерминизма. Кроме того, исследование основывалось на принципах исторической науки и педагогической науки: историзм, генезис, сравнение. Исследование предполагает философско-психологическую концепцию взаимодействия как многокомпонентного процесса, осуществляемого в совместной деятельности и коммуникации. В результате примененные методы позволили исследовать потенциал краеведения в формировании региональной идентичности у населения Пензенского края в контексте особенностей конкретной исторической ситуации и эволюции, взаимосвязи и взаимозависимости с другими изменяющимися явлениями. Эти методы позволили проанализировать изученный вопрос на основе имеющегося фактического материала и определить объективные тенденции применения краеведения как ресурса формирования региональной идентичности жителей Пензенского края с учетом экономической, политической и культурной специфики региона. Системный подход способствовал теоретическому пониманию региональной идентичности и роли краеведения в укреплении как совокупности убеждений и представлений, так и связи с внешней средой и обратного воздействия. Эти методы направлены на решение проблемы региональной самобытности; показать краеведческие практики по ее формированию.

3. Обсуждение

Идентичность человека не является константой, данной ему с рождения, она формируется и может меняться на разных этапах его жизни. Проблема идентичности, в том числе политика идентичности, находилась в фокусе научных изысканий следующих специалистов: В.А. Ачкасова (Ачкасов, 2013), О.В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина, 2024), Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2014), И.С. Семененко (Семененко и др., 2023) и др.

В зарубежной историографии исследование различных аспектов идентичности проводилось в рамках психоаналитического подхода (Э. Эриксон (Эриксон, 2023), З. Фрейд (Фрейд, 2010), Э. Фромм (Фромм, 2019), Ж. Лакан (Лакан, 2008) и др.), конструктивистского подхода (Б. Андерсон (Андерсон, 2001), П. Бурдье (Бурдье, 2002), Э. Геллнер (Геллнер, 1991), П. Бергер и Т. Лукман (Бергер, Лукман, 1995) и др.), когнитивно-ориентированного подхода (G. Tajfel, J. Turner (Tajfel, Turner, 2004; Tajfel, 1981) и др.), нарративного подхода (Дж. Брунер (Брунер, 2005), К. Герген (Gergen, 1997), Т. Сарбин (Сарбин, 2004) и др.), с позиции символического интеракционизма (Дж. Мид (Mead, 1992), К. Кули (Кули, 1994) и др.), в контексте модернистской концепции (Э.П. Коэн (Cohen, 1993), А. Пааси (Paasi, 2009) и др.).

Анализ российской идентичности с позиции государственно-гражданского и гражданского принципа представлен в трудах А.А. Алаудинова (Алаудинов, 2024), Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2020), В.В. Титова (Титов, 2017), В.А. Тишкова (Тишков, 2019), П.В. Фадеева (Фадеев, 2022) и др. С национально-государственной позиции ее рассматривают Т.В. Евгеньева (Евгеньева, 2012), Г.В. Пушкарева (Пушкарева, 2017), А.В. Селезнева (Селезнева, 2017), Д.А. Филимонов (Филимонов, 2019) и др. На основе политического подхода российскую идентичность исследовали О.В. Попова (Попова, 2016), И.Н. Тимофеев (Тимофеев, 2010) и др. О.Ю. Малинова (Малинова, 2010) применяет макрополитический подход. Традиционной российской идентичности присущи идеологизированность, приоритет государства и вторичность личности (Рубцов, 2009: 186).

Сущность и структуру региональной идентичности, механизм ее построения, политическую символику, позиционирование региона и т.п. изучали Е.В. Головнева (Головнева, 2017), Г.Д. Гриценко (Гриценко, 2024), Е.В. Еремина (Еремина, 2012), С.А. Коновалов (Коновалов, 2019), О.А. Сухова (Сухова, 2022), И.В. Юрченко (Юрченко и др., 2025) и др. Важным компонентом региональной идентичности выступает темпоральная идентификация, которая представляет собой конструирование картин настоящего, прошлого и будущего местных жителей региона (Мануильский, 2018). О.А. Сухова объективно отмечает, что в пензенской историографии вопросы исследования территориальной и региональной идентичности были «на периферии научного интереса», однако

некоторые моменты рассматривались в работах краеведческого плана, тем самым закладывая определенный вектор историографического пространства (Сухова, 2022: 152).

В трудных жизненных ситуациях, в переломные исторические моменты, людям нужна некая стабильность и опора, которую они обретают в семье, в своей «малой Родине», которая составляет ядро региональной идентичности. Краеведение обладает мощным воспитательным потенциалом и способствует формированию региональной идентичности личности, сохранению исторической и культурной целостности.

Изучением истории отечественного краеведения занимались В.М. Забелин (Забелин, 2014), Г.П. Пирожков (Пирожков, Пирожкова, 2017), С.Л. Тихвинский (Тихвинский, 1988), С.О. Шмидт (Шмидт, 1990) и др. Краеведение как педагогическое явление, содержание воспитательной функции краеведения и методы ее реализации изучали В.С. Гуревич (Гуревич, 2022), А.В. Зулхарнаева (Зулхарнаева, 2022), К.Г. Янакова (Янакова, 2021) и др.

Изучению зарождения и развития краеведения в Пензенском регионе, местных краеведческих организаций посвящены труды Б.А. Дорошина (Дорошин, 1998), В.И. Лебедева (Лебедев, 1996), В.И. Первушкина (Первушкин, 2007; Первушкин, 2008), А.В. Тюстина (Тюстин, 1966), О.В. Савина (Савин, 1981), С.Л. Шишлова (Шишлов, 1996) и др.

Краеведение – это комплексное изучение отдельных местностей страны с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей, осуществляемое силами местного населения с целью познания общества и окружающего мира. В краеведении вместе с теоретическими положениями задействованы житейский опыт и обыденные наблюдения. Академик Д.С. Лихачев указывал на такие особенности краеведения, как комплексность, поскольку оно включает сведения природоведческие, исторические, искусствоведческие и пр., относящиеся к одной местности; воспитательная направленность; участие в краеведении как в деятельности по сбору материалов, предметов местной истории, природы и т.п., людей всех возрастов, статуса; его охранительная функция; важная роль в духовном развитии личности (Лихачев, 2000). В краеведении принято различать два направления: научно-исследовательское (историческое, историко-культурное, естественно-географическое) и практическое (памятниково-охранительное, музейное, школьное).

Краеведение предоставляет реальную возможность практически каждому человеку участвовать в общественно-политических, экономических, культурных, природных процессах жизненного пространства Отчего края. Малая Родина – ландшафт, воспитывающий индивида своими духовными ценностями и материальными условиями, способствующий осознанию личности как ее части. На этом территориальном уровне человек имеет возможность самоидентификации, самоопределения и самореализации.

4. Результаты

В России краеведческое движение зарождается в середине XVIII в. В начале XIX в. краеведение превратилось в массовое явление, в него включаются многочисленные представители местной интеллигенции. Наиболее распространенным форматом организационного устройства общественного краеведения были научные общества.

Пензенское краеведческое движение во второй половине XIX в. – начале XX в. представляли Пензенский губернский статистический комитет (ПГСК), Пензенская ученая архивная комиссия (ПУАК), Пензенское общество любителей естествознания (ПОЛЕ). Эти структуры являлись центрами научно-исторической и краеведческой деятельности в регионе. Энтузиасты на общественных началах проводили работу по сбору и систематизации краеведческих материалов; привлекали к этой деятельности значительный круг местных жителей; занимались просветительской деятельностью через публикацию своих наработок в средствах массовой информации. В результате этого у населения, в первую очередь, высших слоев общества и грамотных жителей, происходило внедрение и закрепление идентичности через фиксацию эмоциональных переживаний и интересов, связанных с Пензенским регионом, культивирование гордости за местные патристические и трудовые традиции, уважение к известным людям, внесшим значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие края. Краеведческие объединения способствовали сохранению исторической и культурной памяти, являющейся одной из составляющих региональной идентичности населения.

В Пензенском крае оформление краеведческого движения, в котором участвовали не только отдельные исследователи-любители, но и широкие слои интеллигенции провинциального сообщества, датируют 6 мая 1835 г., когда состоялось открытие Пензенского губернского статистического комитета. В разное время в статкомитет входили в ранге «непременных» членов и членов-корреспондентов историк В.О. Ключевский, филолог Ф.И. Буслаев, юрист Н.С. Таганцев, археографы А.П. и Н.П. Барсуковы, метеорологи П.Т. Морозов и Н.П. Никитин, педагоги-просветители И.Ф. Кузьмин и В.Х. Хохряков, археолог В.М. Терехин, врач-краевед Г.П. Петерсон, краевед Н.В. Прозин и др. До начала XX в. комитет был единственной организацией, которая инициировала краеведческие исследования в регионе.

«Положение о создании губернских и областных статистических комитетов» (1834 г.), декларировало их ключевые задачи, которые заключались в проверке данных и их упорядочении через занесение их в табельные формы сведений от статистического отделения Совета МВД, или составление на их основе подробных и детальны́х характеристик состояния губернии в целом, по отдельным «частям управления, хозяйства, промышленности, торговли» ([Высочайше утвержденные..., 1835: 3](#)). В новом «Положении о губернских и областных статистических комитетах» (1860 г.) уточнялись сферы деятельности организации. Под «обязательными» и «необязательными занятиями» статкомитетов теперь понимались: предоставление отчетов в правительство об интересных топографических, исторических, промышленных, торговых, сельскохозяйственных фактах; подготовка и публикация «Памятных книжек», издание материалов в виде статей, описаний, ведомостей и т. п. ([ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 127. Л. 2–20б.](#)). «Памятные книжки» представляли собой однотипные по структуре ежегодные сборники официальных справочных сведений о численности жителей по сословиям и вероисповеданию, природе, социально-экономическом состоянии, уровне культуры, повседневной жизни регионов. В структуру «Адрес-календарей» входили перечни всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений и их штаты. Административные справочники включали сведения о территориальном устройстве, почтовых и телеграфных конторах, транспортном сообщении в губернии, промышленных и торговых заведениях, медицинских и образовательных организациях, культурно-просветительских и книгопечатных учреждениях, имевшей хождение в крае периодической печати, списки населенных пунктов и крупных землевладельцев и т. д. Статистические обзоры содержали табличные формы о составе населения, формах землевладения, состоянии сельского хозяйства, информацию о здравоохранении, фабрично-заводских предприятиях, судебной системе, числе пожаров, показатели доходов и недоимок и т. п. В научно-краеведческие сборники входили выборки данных по археографии, источниковедению, библиографии и пр.

Комитеты находились в ведении губернаторов и Центрального статистического комитета, имевшего ранг департамента МВД. Губернатор непосредственно руководил комитетом, и естественно, он играл ведущую роль в активности учреждения. Следует согласиться с В.И. Первушкиным, что губернатор по роду своей деятельности был обязан предпринимать конкретные шаги по социально-экономическому развитию региона, реализации культурной политики в провинции, объединению общественности на решение поставленных задач ([Первушкин, 2007: 48](#)). Однако при пензенском губернаторе А.А. Панчулидзе статистический комитет как историко-краеведческая организация фактически бездействовал ([ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 605. Л. 43](#)). Известный краевед М.С. Киевский с сожалением заметил в 1864 г., что, судя по имевшимся на тот момент книгам и статьям, крайне мало написано о Пензенской губернии ([Памятная книжка..., 1864: 63](#)).

В обязанности Пензенского губернского статистического комитета входили сбор и накопление статистических сведений, описание экономического развития губерний и городов. Так, в 1896 г. ПГСК систематизировал данные о численности надельных и арендованных земель, о детях от 8 до 14 лет; в 1902 г. собрал информацию о местах проживания и народных костюмах нерусских жителей Пензенского края; обработал сведения о могильниках, насыпях, валах и других историко-культурных объектах. ПГСК поддерживал разнообразные научные связи с Центральным и некоторыми губернскими статкомитетами, Академией наук, Русским географическим обществом, Московским археологическим обществом и т. д.

Основным направлением работы комитета был публикация «Памятных книжек», «Адрес-календарей», обзоров и другой справочно-энциклопедической литературы. Всего ПГСК выпустил более 20 изданий. Сборники печатались на основе самокупаемости, гонорар авторам не выплачивался. В 1864–1911 гг. ПГСК издал 11 «Памятных книжек». В некоторых из них приводились даты православных праздников, прогонная плата за лошадь на почтовых трактах, расстояния между почтовыми станциями, количество учебных заведений, численность чиновников, преподавателей, учащихся и т. д. Особую ценность представляют «Памятные книжки» с краеведческими материалами. «Справочные книги» издавались в 1892–1894, 1899, 1901, 1902, 1913 гг.; «Адрес-календари» – в 1854, 1858, 1869, 1884, 1891, 1893, 1895, 1898 гг. «Сборники Пензенского губернского статистического комитета», цель которых виделась в изучении исторического прошлого своей губернии, выпускались ежегодно в 1893–1895 гг., затем нерегулярно – в 1899, 1901, 1905 гг. ([Тюстин, 1997: 8](#)). ПГСК подготовил «Перечень достопримечательных зданий и памятников старины, имеющих в городах и уездах Пензенской губернии».

Серьезную публикационную активность проявляли краеведы А.И. Масловский, Н.В. Прозин, А.И. Пульхеров, А.Ф. Селиванов, В.Х. Хохряков и др. Важным направлением научно-исторической работы комитета была подготовка краеведческих статей и подбор авторов из своих членов для газеты «Пензенские губернские ведомости». В этом местном СМИ регулярно публиковались отчеты статкомитета ([Рисунок 1](#)).

К концу XIX в. приоритет в проведении краеведческих исследований переходит к Губернским ученым архивным комиссиям, которые создавались на местах на добровольной основе при содействии Императорской Академии наук. ГУАК имели двойное подчинение – со стороны

Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения. Их появление в 1884 г. стало результатом непростого процесса складывания в государстве системы учреждений архивного типа и деятельности местных краеведов в рамках работы ГСК. Помимо выполнения своей прямой функции – организации исторических архивов, для чего составлялись описи, комплектовали указатели и т. п., ГУАК осуществляли археологические и этнографические исследования губерний, сбор и описание памятников старины и пр. (Первушкин, 2015: 28). Членами комиссий могли быть представители городского и земского самоуправления, ученые, преподаватели, священники, купцы, чиновники, помещики, военные. Членство определялось возможностями принимать участие в культурно-просветительской деятельности, оказывать финансовую поддержку и пр. Члены не получали денежного вознаграждения, в свободное время занимались сохранением отечественного культурно-исторического достояния.



Рис. 1. Отчет Пензенского губернского статического комитета за 1863 год // Пензенские губернские ведомости. 1864. 13 мая. С. 117.

Пензенская ученая архивная комиссия была создана в 1901 г. Почетный член комиссии Г.П. Петерсон объяснил это тем, что исследованием местной истории и сбором исторических сведений ведал статистический комитет, однако его деятельность была не постоянной, а настолько случайной, что даже появлялись сомнения «в существовании даже самого статистического комит[ета]» (Труды ПУАК, 1903: 33). Председателем комиссии был педагог-просветитель, историк-краевед В.Х. Хохряков. В комиссию входили географ И.А. Лопатин, историк и библиофил С.Д. Шереметев, археолог П.С. Уварова, коллекционер П.А. Васильчиков, художник К.А. Савицкий, журналист А.Ф. Селиванов, профессор А.Л. Хвоцев и др. ПУАК проводила изучение истории края, природно-климатических условий, культурной и хозяйственно-бытовой жизни губернии; осуществляла сбор и классификацию фольклорных, этнографических, исторических источников; проводила просветительские мероприятия. Г.П. Петерсон, подчеркивал, что в «недрах земли нашей сохраняется много, возбуждающего научную любознательность ученого исследователя» (Труды ПУАК, 1903: 37). В ходе составления списка памятников старины Пензенской губернии комиссия собрала, купила и приняла на хранение 926 дел о крупных событиях Пензенского края: строительстве Спасского кафедрального собора, ополчении 1812 г. и 1855 г. и др. Всего за время деятельности комиссии было обнаружено 148 древних находок на территории Пензенской губернии (орудия

каменного века, кости вымерших животных, серебряные слитки гривен и др.) (Труды ПУАК, 1905). Примечательно, что значительная часть находок приходилась на крестьян,

которые передавали их местным органам власти, сообщения об этих событиях размещались в «Пензенских губернских ведомостях» (Рисунок 2), и таким образом получалось, что крестьяне и их ближайшее окружение оказывались вовлеченными в краеведческую деятельность, приобщались к истории своего родного края. В течение 1903–1905 гг. было опубликовано 3 сборника «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии». В содержание издания входили разделы: «Официальная часть», «Рефераты и доклады» и «Материалы для истории местного края». В «Официальной части» размещалась документация, связанная с функционированием комиссии, журналы заседаний и собраний, отчеты и т. д. Раздел «Рефераты и доклады» включал исторические исследования членов комиссии. В «Материалах для истории местного края» публиковались архивные материалы, описи и документы губернских исторических архивов и т.п. В своей публикационной практике ПУАК отдавала предпочтение документам по социально-экономической истории (челобитные, купчие, вольные и т. д.); затем – материалам по истории Пензенского края (колонизация русским населением; закрытие губернии в 1797 г. и ее восстановлению в 1801 г., пензенские ополчения 1812 г. и 1856 г. и т. п.). Серьезное внимание уделялось материалам по истории дворянских родов, военных кампаний, развитию предпринимательства, функционированию органов власти, кредитно-финансовым вопросам, о природных катаклизмах и несчастных случаях и т. д. В 1913 г. в ходе выполнения заданий Археологической комиссии ПУАК осуществляла надзор за планированием строительства железнодорожных линий в губернии (ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–5, 10, 31). Член комиссии В.В. Попов отмечал значительную помощь организации со стороны представителей дворянства, земства и городов (Труды ПУАК, 1903: 42–43).

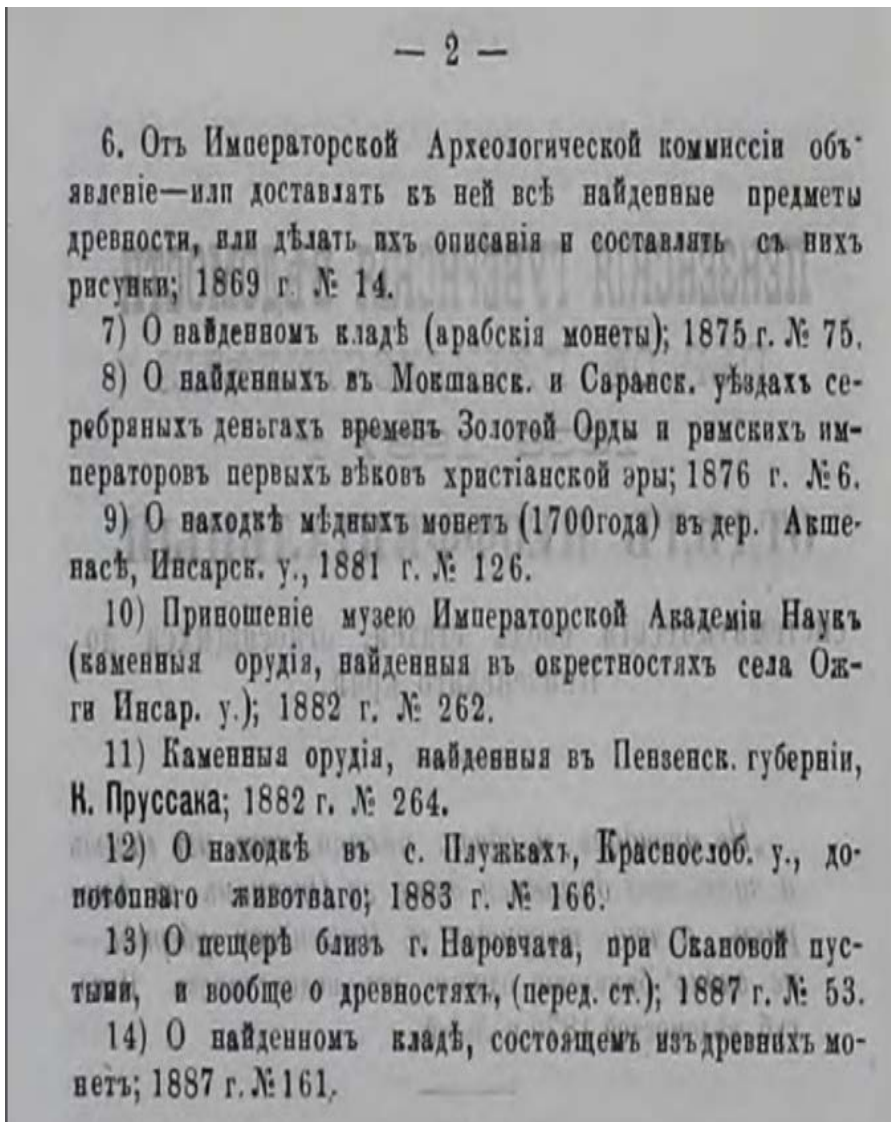


Рис. 2. Пензенские губернские ведомости. Первое пятидесятилетие. 1838–1887. Пенза: Губернская типография, 1889. С. 2.

В 1905 г. была учреждена организация «Пензенское общество любителей естествознания». В эту краеведческую структуру вошли представители местной интеллигенции: Ф.Ф. Федорович, В.М. Артоболевский, Н.Н. Державин, Н.Р. Евграфов, Н.Ф. Езерский, П.М. Иллюстров, П.И. Коровин, А.Н. Магницкий, Д.Ф. Попов, Я.Т. Симаков, И.И. и Н.И. Спрыгины, В.М. Терехин, Б.И. Цилли, А.А. и Е.К. Штукенберги, Н.Г. Заикин и др. Цель ПОЛЕ состояла в целенаправленном изучении природы и истории края, публикации результатов своих краеведческих исследований и распространении естественноисторических знаний (ГАПО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Постоянно организовывались экскурсии в окрестности Пензы, проводились публичные лекции и научные беседы, где члены общества выступали с сообщениями, докладами и т.п. С 1905 г. по 1917 г. было издано 4 выпуска трудов общества по вопросам естествознания. В «Отчете о деятельности Пензенского общества любителей естествознания за 1909–1910 г.» подчеркивалось, что постепенно в местной публике растет осознание необходимости такого Общества, и выражалась надежда на широкий интерес к научному учреждению (Пензенское общество, 1910: 3). В 1915 г. подводился своеобразный итог деятельности ПОЛЕ словами, что сначала этот «светильник знания» еле теплился, и за десятилетие разгорелся в зримое пламя, объединяющее вокруг себя многих людей (Очерк деятельности..., 1915: 3).

Статистический комитет, ученая архивная комиссия и Общество любителей естествознания имели собственные музеи краеведческой направленности. Музей при статкомитете был открыт в 1891 г., при ученой архивной комиссии – в 1902 г., при Обществе любителей естествознания – в 1905 г.

5. Заключение

Историки-любители, краеведы собирали факты прошлого и настоящего Пензенского региона, через которые создавали целостную историю страны в целом. Добровольные полуофициальные организации вели систематические краеведческие работы по следующим тематическим линиям: изучение истории заселения и хозяйственного освоения региона, его промышленного развития, местного фольклора, быта населения. Осуществлялась масштабная издательская работа, в ходе которой печатали документы о повседневной деятельности учреждений, возникали более адаптированные к той реальности виды провинциальной периодики научного характера с историко-археологическими, этнографическими трудами пензенских авторов. Активность по сохранению и популяризации историко-культурных памятников выражалась в выявлении, описании и комментировании объектов историко-культурного значения. Просветительская миссия краеведческих объединений реализовывалась через публичные чтения рефератов, докладов и лекций, экскурсии и пр. В результате обширных археографических практик местных историков по сохранению архивных материалов создавались исторические архивы. Оформлялся круг исследователей-краеведов из числа местных любителей старины.

Краеведческая деятельность вносила серьезный вклад в закрепление региональной идентичности населения Пензенского края, способствовала его консолидации. Коллективное проживание в одинаковых природно-географических и социально-культурных условиях, единый вид хозяйствования отражались в модели взаимодействия жителей и традициях; групповая память диктовала обычные реакции на события, положительные и отрицательные воспоминания и образы, местные символы, понятные населению и т. д.

В ходе реализации различных краеведческих практик расширялось количество людей, непосредственно занятых в краеведческой работе, и получавших информацию о славном прошлом и настоящем своего места жительства, об известных земляках, внесших большой вклад в социально-экономическое и культурное развитие региона и др. Происходило повышение общего культурного уровня населения и его патриотическое воспитание. В результате прививалось стабильное чувство любви к своей малой родине, формировался положительный облик Пензенского края в сознании населения. Знание истории малой родины, подкрепленное личным опытом, способствовало формированию внутренней потребности в сохранении и приумножении культурного наследия.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-20273, <https://rscf.ru/project/25-28-20273/>

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-28-20273. <https://rscf.ru/en/project/25-28-20273/>

Литература

Алаудинов, 2024 – Алаудинов А.А. Формирование общенациональной идентичности в России на основе региональной идентичности в условиях гибридной войны. М.: Горячая Линия – Телеком, 2024. 500 с.

Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.

- [Ачкасов, 2013](#) – Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2013. № 4. С. 71-77.
- [Бергер, Лукман, 1995](#) – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
- [Брунер, 2005](#) – Брунер Дж. Жизнь как нарратив // *Постнеклассическая психология*. 2005. № 1. С. 9-30.
- [Бурдые, 2002](#) – Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45-61.
- [Высочайше утвержденные..., 1835](#) – Высочайше утвержденные правила для статистического отделения при Совете министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях. СПб. 1835. 6 с.
- [Гаман-Голутвина, 2024](#) – Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 3. С. 177-191.
- [ГАПО](#) – Государственный архив Пензенской области.
- [Геллнер, 1991](#) – Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердниковой и М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
- [Головнева, 2017](#) – Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*. 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 182-189.
- [Гриценко, 2024](#) – Гриценко Г.Д. Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы // *Регионоведение*. 2024. Т. 32. № 2. С. 446-462.
- [Гуревич, 2022](#) – Гуревич В.С. О роли краеведения в формировании патриотизма // *Региональные проблемы*. 2022. Т. 25. № 3. С. 183-186.
- [Дорошин, 1998](#) – Дорошин Б.А. История Пензенской губернской ученой архивной комиссии. Пенза: ПГТУ, 1998. 161 с.
- [Дробижева, 2020](#) – Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 37-50.
- [Дробижева, 2014](#) – Дробижева Л.М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // *Россия и мир: анатомия современных процессов* / под ред. Е.А. Нарочницкой. М., 2014. С. 130-146.
- [Евгеньева, 2012](#) – Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // *Ценности и смыслы*. 2012. № 5. С. 27-37.
- [Еремина, 2012](#) – Еремина Е.В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // *Социально-гуманитарные знания*. 2012. № 5. С. 276-287.
- [Забелин, 2014](#) – Забелин В.М. Этапы развития краеведения в России / *Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития: материалы XXI Годиного научного собрания профессорско-преподавательского состава (г. Ставрополь, 11 апреля 2014 г.)* / отв. ред. С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2014. С. 116-119.
- [Зулхарнаева, 2022](#) – Зулхарнаева А.В. Педагогические условия реализации воспитательного потенциала краеведения с целью развития гражданской идентичности личности // *Нижегородское образование*. 2022. № 3. С. 74-81.
- [Коновалов, 2019](#) – Коновалов С.А. Региональная идентичность: теоретико-методические аспекты исследования // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2019. № 1 (70). С. 55-61.
- [Кули, 1994](#) – Кули Ч. Социальная самость // *Американская социологическая мысль* / под ред. В.И. Добренкова. Сост. Е.И. Кравченко. М.: Издательство Московского университета. 1994. С. 316-329.
- [Лакан, 2008](#) – Лакан Ж. Изнанка психоанализа. М.: Логос, 2008. 266 с.
- [Лебедев, 1996](#) – Лебедев В.И. Роль Пензенского губернского статистического комитета в развитии провинциальной культуры / *Российская провинция XVIII–XIX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции*. Кн. 2. Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. С. 90-99.
- [Лихачев, 2000](#) – Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // *Русская культура*. М.: Искусство, 2000. С. 159-162.
- [Малинова, 2010](#) – Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование политической макроидентичности в постсоветской России: от 1990-х к 2000-м // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 2. С. 90-105.
- [Мануильский, 2018](#) – Мануильский М.А. Идентичности в темпоральном пространстве диалога культур / *Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г.* СПб.: СПбГУП, 2018. С. 435-436.
- [Очерк деятельности..., 1915](#) – Очерк деятельности Пензенского Общества Любителей Естествознания за десять лет с 1905 по 1915 гг. Пенза: Типо-литография А.Д. Стрыгина, 1915. 11 с.

- Памятная книжка..., 1864 – *Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год*. Пенза, 1864. 133 с.
- Пензенское общество..., 1910 – *Пензенское общество любителей естествознания. Отчет о деятельности Пензенского общества любителей естествознания за 1909–1910 г.: (5-й год)*. Пенза: Типография губернского правления, 1910. 16 с.
- Первушкин, 2007 – *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: ПГПУ, 2007. 214 с.
- Первушкин, 2008 – *Первушкин В.И.* «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. Пенза: ПГПУ, 2008. 191 с.
- Первушкин, 2015 – *Первушкин В.И.* Общественно-политические предпосылки формирования исторических знаний в российской провинции в 1830–1890-е гг.: перспективы изучения проблемы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. № 2 (34). С. 23-32.
- Пирожков, Пирожкова, 2017 – *Пирожков Г.П., Пирожкова И.Г.* Периодизация истории краеведения // *Современные научные исследования и разработки*. 2017. № 3 (11). С. 257-263.
- Попова, 2016 – *Попова О.В.* Эффективность политики идентичности современного полиэтнического государства // *Политическое пространство и социальное время*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 157-160.
- Пушкарева, 2017 – *Пушкарева Г.В.* Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 156-173.
- Рубцов, 2009 – *Рубцов А.В.* Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009. 259 с.
- Савин, 1981 – *Савин О.М.* Живая память. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. 176 с.
- Сарбин, 2004 – *Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // *Постнеклассическая психология*. 2004. № 1. С. 6-28.
- Селезнева, 2017 – *Селезнева А.В.* Ценностные основания российской национально-государственной идентичности // *Вестник российской нации*. 2017. № 4 (56). С. 82-94.
- Семененко и др., 2023 – *Семененко И.С., Лапкин В.В., Прохоренко И.Л.* и др. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Ответственный редактор И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. 509 с.
- Сухова, 2022 – *Сухова О.А.* Региональная идентичность как объект научного анализа (на примере Пензенского края) // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 2 (62). С. 147-158.
- Тимофеев, 2010 – *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // *Вестник МГИМО–Университета*. 2010. № 3 (12). С. 51-59.
- Титов, 2017 – *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 181 с.
- Тихвинский, 1988 – *Тихвинский С.Л.* Состояние и задачи дальнейшего развития исторического краеведения в СССР // *Вопросы истории*. 1988. № 1. С. 24-31.
- Тишков, 2019 – *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89. № 4. С. 408-412.
- Труды ПУАК, 1903 – *Труды ПУАК*. Пенза: Типография губернского правления, 1903. Кн. 1. 166 с.
- Труды ПУАК, 1905 – *Труды ПУАК*. Пенза: Типография губернского правления, 1905. Кн. 3. 222 с.
- Тюстин, 1997 – *Тюстин А.В.* «В любви к Отечеству потомков назидая...» История пензенского краеведения // *Краеведение*. 1997. № 1. С. 7-12.
- Тюстин, 1966 – *Тюстин А.В.* Скульптурные памятники и мемориальные доски Пензенской области. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1966. 52 с.
- Фадеев, 2022 – *Фадеев П.В.* Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. Т. 10. № 3. С. 78-95.
- Филимонов, 2019 – *Филимонов Д.А.* К вопросу о роли русской исторической памяти в формировании российской национальной идентичности // *PolitBook*. 2019. № 2. С. 123-139.
- Фрейд, 2010 – *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «я» / под ред. Е.Е. Соколовой и Т.В. Родионовой. СПб.: Азбука, 2010. 190 с.
- Фромм, 2019 – *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ, 2019. 528 с.
- Шишлов, 1996 – *Шишлов С.Л.* Музей Пензенского статистического комитета – первый краеведческий музей Пензенской области и его руководитель В.П. Попов / *Российская провинция XVIII–XIX веков. Материалы III Всероссийской научной конференции*. Кн. 2. Пенза, 1996. С. 217-224.
- Шмидт, 1990 – *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // *Отечество: краеведческий альманах*. 1990. Вып. 1. С. 11-27.

- [Эриксон, 2023](#) – Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни. СПб.: Питер: Прогресс книга, 2023. 207 с.
- [Юрченко и др., 2025](#) – Юрченко И.В., Юрченко В.М., Донцова М.В. Формирование общероссийской идентичности молодежи: региональный аспект проблемы // *PolitBook*. 2025. № 2. С. 54-71.
- [Янакова, 2021](#) – Янакова К.Г. Потенциал краеведения в духовно-нравственном воспитании детей и его педагогическая сущность // *Современные инновации*. 2021. № 2 (40). С. 66-69.
- [Cohen, 1993](#) – Cohen A.P. Culture as Identity: An Anthropologist's View // *New Literary History*. 1993. Vol. 24. № 1. Pp. 195-209.
- [Gergen, 1997](#) – Gergen K. Realities and Relationships. Soundings in Social Construction. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 368 p.
- [Mead, 1992](#) – Mead G.H. Mind, Self and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992. 401 p.
- [Paasi, 2009](#) – Paasi A. The Resurgence of the «Region» and «Regional Identity»: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. S. 1. Pp. 121-146.
- [Tajfel, 1981](#) – Tajfel H. Human Groups and Social Categories. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
- [Tajfel, Turner, 2004](#) – Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Political psychology*. New York: Psychology Press, 2004. Pp. 276-293.

References

- [Achkasov, 2013](#) – Achkasov, V.A. (2013). Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity politics in the modern world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4: 71-77. [in Russian]
- [Alaudinov, 2024](#) – Alaudinov, A.A. (2024). Formirovanie obshchenatsional'noi identichnosti v Rossii na osnove regional'noi identichnosti v usloviyakh gibrinnoi voyny [The formation of a nationwide identity in Russia based on regional identity in a hybrid war]. M.: Goryachaya Liniya – Telekom. 500 p. [in Russian]
- [Anderson, 2001](#) – Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imaginary communities: reflections on the origins and spread of nationalism]. Per. s angl. V. Nikolaeva. M.: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole. 286 p. [in Russian]
- [Berger, Lukman, 1995](#) – Berger, P., Lukman, T. (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Per. s angl. E. Rutkevich.. M.: Academia-Tsentr; Medium. 323 p. [in Russian]
- [Bruner, 2005](#) – Bruner, Dzh. (2005). Zhizn' kak narrativ [Life as a narrative]. *Postneklassicheskaya psikhologiya*. 1: 9-30. [in Russian]
- [Burd'e, 2002](#) – Burd'e, P. (2002). Identichnost' i reprezentatsiya: ehlementy kriticheskoi refleksii idei «regiona» [Identity and representation: elements of critical reflection of the idea of a «region»]. *Ab Imperio*. 3: 45-61. [in Russian]
- [Cohen, 1993](#) – Cohen, A.P. (1993). Culture as Identity: An Anthropologist's View. *New Literary History*. 24: 1: 195-209.
- [Doroshin, 1998](#) – Doroshin, B.A. (1998). Istoriya Penzenskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii [History of the Penza Provincial Scientific Archival Commission]. Penza: PGU. 161 p. [in Russian]
- [Drobizheva, 2014](#) – Drobizheva, L.M. (2014). Teoreticheskie problemy izucheniya grazhdanskoi identichnosti i sotsial'naya praktika [Theoretical problems of the study of civil identity and social practice]. Rossiya i mir: anatomiya sovremennykh protsessov. Pod red. E.A. Narochitskoi. M. Pp. 130-146. [in Russian]
- [Drobizheva, 2020](#) – Drobizheva, L.M. (2020). Rossiiskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: searches for definition and distribution dynamics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8: 37-50. [in Russian]
- [Ehrikson, 2023](#) – Ehrikson, Eh. (2023). Identichnost' i tsikl zhizni [Identity and the cycle of life]. SPb.: Piter: Progress kniga. 207 p. [in Russian]
- [Eremina, 2012](#) – Eremina, E.V. (2012). Ponyatie regional'noi identichnosti i spetsifika ee formirovaniya v sovremennoi Rossii [The concept of regional identity and the specifics of its formation in modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5: 276-287. [in Russian]
- [Evgen'eva, 2012](#) – Evgen'eva, T.V. (2012). Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoi Rossii [Historical memory and national-state identity in modern Russia]. *Tsennosti i smysly*. 5: 27-37. [in Russian]
- [Fadeev, 2022](#) – Fadeev, P.V. (2022). Rossiiskaya gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' skvoz' prizmu vospriyatiya istorii, kul'tury i obshchestvenno-politicheskoi zhizni [Russian state-civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 10: 3: 78-95. [in Russian]

- Filimonov, 2019** – *Filimonov, D.A.* (2019). K voprosu o roli russkoi istoricheskoi pamyati v formirovanii rossiiskoi natsional'noi identichnosti [On the role of Russian historical memory in the formation of Russian national identity]. *PolitBook*. 2: 123-139. [in Russian]
- Freid, 2010** – *Freid, Z.* (2010). Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «ya» [Psychology of the masses and analysis of the human self]. Pod red. E. E. Sokolovoi i T. V. Rodionovoi. SPb.: Azbuka. 190 p. [in Russian]
- Fromm, 2019** – *Fromm, Eh.* (2019). Zdorovoe obshchestvo [Healthy Society]. M.: AST. 528 p. [in Russian]
- Gaman-Golutvina, 2024** – *Gaman-Golutvina, O.V.* (2024). Kontsept identichnosti: dvizhenie ot abstraktnogo k konkretnomu [Concept of identity: movement from abstract to concrete]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 3: 177-191. [in Russian]
- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State Archive of the Penza Region].
- Gellner, 1991** – *Gellner, Eh.* (1991). Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. Per. s angl. T.V. Berdnikovoi i M.K. Tyun'kinoi. M.: Progress. 319 p. [in Russian]
- Gergen, 1997** – *Gergen, K.* (1997). Realities and Relationships. Soundings in Social Construction. Cambridge: Harvard University Press. 368 p.
- Golovneva, 2017** – *Golovneva, E.V.* (2017). Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona [Regional identity and identity of the region]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. 12: 3(167): 182-189. [in Russian]
- Gritsenko, 2024** – *Gritsenko, G.D.* (2024). Sotsial'noe konstruirovaniye obshcherossiiskoi identichnosti na Severnom Kavkaze: sostoyaniye i perspektivy [Social construction of all-Russian identity in the North Caucasus: state and prospects]. *Regionologiya*. 32: 2: 446-462. [in Russian]
- Gurevich, 2022** – *Gurevich, V.S.* (2022). O roli kraevedeniya v formirovanii patriotizma [On the role of local history in the formation of patriotism]. *Regional'nye problemy*. 25: 3: 183-186. [in Russian]
- Kononov, 2019** – *Kononov, S.A.* (2019). Regional'naya identichnost': teoretiko-metodicheskie aspekt issledovaniya [Regional identity: theoretical and methodological aspect of the study]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. 1(70): 55-61. [in Russian]
- Kuli, 1994** – *Kuli, Ch.* (1994). Sotsial'naya samost' [Social selfhood]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. Pod red. V.I. Dobren'kova. Sost. E.I. Kravchenko. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Pp. 316-329. [in Russian]
- Lakan, 2008** – *Lakan, Zh.* (2008). Iznanka psikhoanaliza [The Underbelly of Psychoanalysis]. M.: Logos. 266 p. [in Russian]
- Lebedev, 1996** – *Lebedev, V.I.* (1996). Rol' Penzenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta v razvitiy provintsial'noi kul'tury [The role of the Penza Provincial Statistical Committee in the development of provincial culture]. *Rossiiskaya provintsiya XVIII–XIX vekov. Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Kn. 2. Penza: Departament kul'tury Penzenskoi oblasti. Pp. 90-99. [in Russian]
- Likhachev, 2000** – *Likhachev, D.S.* (2000). Kraevedenie kak nauka i kak deyatel'nost' [Local history as a science and as an activity]. *Russkaya kul'tura*. M.: Iskusstvo. Pp. 159-162. [in Russian]
- Malinova, 2010** – *Malinova, O.Yu.* (2010). Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye politicheskoi makroidentichnosti v postsovetsoi Rossii: ot 1990-kh k 2000-m [Symbolic politics and the construction of political macro-identity in post-Soviet Russia: from the 1990s to the 2000s]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2: 90-105. [in Russian]
- Manuil'skii, 2018** – *Manuil'skii, M.A.* (2018). Identichnosti v temporal'nom prostranstve dialoga kul'tur [Identities in the temporal space of the dialogue of cultures]. *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 17–19 maya 2018 g.* SPb.: SPbGUP. Pp. 435-436. [in Russian]
- Mead, 1992** – *Mead, G.H.* (1992). Mind, Self and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, London: The University of Chicago Press. 401 p.
- Ocherk deyatel'nosti..., 1915** – Ocherk deyatel'nosti Penzenskogo Obshchestva Lyubitelei Estestvoznaniya za desyat' let s 1905 po 1915 gg. [Essay on the activities of the Penza Society of Natural History Lovers for ten years from 1905 to 1915]. Penza: Tipo-litografiya A.D. Strygina, 1915. 11 p. [in Russian]
- Paasi, 2009** – *Paasi, A.* (2009). The Resurgence of the «Region» and «Regional Identity»: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe. *Review of International Studies*. 35: 1: 121-146.
- Pamyatnaya knizhka..., 1864** – Pamyatnaya knizhka Penzenskoi gubernii na 1864 god [Commemorative book of the Penza province for 1864]. Penza, 1864. 133 p. [in Russian]
- Penzenskoe obshchestvo..., 1910** – Penzenskoe obshchestvo lyubitelei estestvoznaniya. Otchet o deyatel'nosti Penzenskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya za 1909–1910 g.: (5-i god) [Penza Society of Natural History Lovers. Report on the activities of the Penza Society of Natural History Lovers for 1909–1910: (5th year)]. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1910. 16 p. [in Russian]
- Pervushkin, 2007** – *Pervushkin, V.I.* (2007). Gubernskie statisticheskie komitety i provintsial'naya istoricheskaya nauka [Provincial statistical committees and provincial historical science]. Penza: PGPU. 214 p. [in Russian]

- Pervushkin, 2008** – Pervushkin, V.I. (2008). «Byt' neutomimymi rabotnikami na pol'zu rodnoi istoricheskoi nauki...»: Istoriya Tambovskoi, Saratovskoi i Penzenskoi gubernskikh uchenykh arkhivnykh komissii [«To be tireless workers for the benefit of native historical science»...: History of the Tambov, Saratov and Penza provincial scientific archival commissions]. Penza: PGPU. 191 p. [in Russian]
- Pervushkin, 2015** – Pervushkin, V.I. (2015). Obshchestvenno-politicheskie predposylki formirovaniya istoricheskikh znaniy v rossiiskoi provintsii v 1830–1890-e gg.: perspektivy izucheniya problemy [Socio-political prerequisites for the formation of historical knowledge in the Russian province in the 1830–1890s: prospects for studying the problem]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2 (34): 23–32. [in Russian]
- Pirozhkov, Pirozhkova, 2017** – Pirozhkov, G.P., Pirozhkova, I.G. (2017). Periodizatsiya istorii kraevedeniya [Periodization of the history of local history]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 3 (11): 257–263. [in Russian]
- Popova, 2016** – Popova, O.V. (2016). Ehffektivnost' politiki identichnosti sovremennogo poliehtnicheskogo gosudarstva [Effectiveness of the identity policy of a modern multi-ethnic state]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya*. Simferopol': IT «ARIALYa». Pp. 157–160. [in Russian]
- Pushkareva, 2017** – Pushkareva, G.V. (2017). Idei i tsennosti kak sposob konstruirovaniya simvolicheskogo prostranstva natsional'noi identichnosti [Ideas and values as a way to construct a symbolic space of national identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 5: 156–173. [in Russian]
- Rubtsov, 2009** – Rubtsov, A.V. (2009). Rossiiskaya identichnost' i vyzov modernizatsii [Russian identity and the challenge of modernization]. M.: Ehkon-Inform. 259 p. [in Russian]
- Sarbin, 2004** – Sarbin, T.R. (2004). Narrativ kak bazovaya metafora dlya psikhologii [Narrative as a basic metaphor for psychology]. *Postneklassicheskaya psikhologiya*. 1: 6–28. [in Russian]
- Savin, 1981** – Savin, O.M. (1981). Zhivaya pamyat' [Living memory]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 176 p. [in Russian]
- Selezneva, 2017** – Selezneva, A.V. (2017). Tsennostnye osnovaniya rossiiskoi natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti [The value foundations of the Russian national-state identity]. *Vestnik rossiiskoi natsii*. 4 (56): 82–94. [in Russian]
- Semenenko i dr., 2023** – Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., Prokhorenko, I.L. i dr. (2023). Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya. Otvetstvennyi redaktor I.S. Semenenko [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field. Executive editor I.S. Semenenko]. M.: Ves' mir. 509 p. [in Russian]
- Shishlov, 1996** – Shishlov, S.L. (1996). Muzei Penzenskogo statisticheskogo komiteta – pervyi kraevedcheskii muzei Penzenskoi oblasti i ego rukovoditel' V.P. Popov [Museum of the Penza Statistical Committee – the first museum of local lore in the Penza region and its head V.P. Popov]. *Rossiiskaya provintsiiya XVIII–XIX vekov. Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Kn. 2. Penza. Pp. 217–224. [in Russian]
- Shmidt, 1990** – Shmidt, S.O. (1990). «Zolotoe desyatiletie» sovetskogo kraevedeniya [«The Golden decade» of Soviet local history]. *Otechestvo: kraevedcheskii al'manakh*. 1: 11–27. [in Russian]
- Sukhova, 2022** – Sukhova, O.A. (2022). Regional'naya identichnost' kak ob'ekt nauchnogo analiza (na primere Penzenskogo kraia) [Regional identity as an object of scientific analysis (on the example of the Penza Territory)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2 (62): 147–158. [in Russian]
- Tajfel, 1981** – Tajfel, H. (1981). Human Groups and Social Categories. Cambridge: Cambridge University Press. 369 p.
- Tajfel, Turner, 2004** – Tajfel, H., Turner, J.C. (2004). The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Political psychology*. New York: Psychology Press. Pp. 276–293.
- Tikhvinskii, 1988** – Tikhvinskii, S.L. (1988). Sostoyanie i zadachi dal'neishego razvitiya istoricheskogo kraevedeniya v SSSR [The state and tasks of the further development of historical local history in the USSR]. *Voprosy istorii*. 1: 24–31. [in Russian]
- Timofeev, 2010** – Timofeev, I.N. (2010). Rossiiskaya politicheskaya identichnost' skvoz' prizmu interpretatsii istorii [Russian political identity through the prism of interpretation of history]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*. 3 (12): 51–59. [in Russian]
- Tishkov, 2019** – Tishkov, V.A. (2019). Rossiiskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian identity: internal and external challenges]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 8: 4: 408–412. [in Russian]
- Titov, 2017** – Titov, V.V. (2017). Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: rossiiskii opyt i novye tendentsii [Memory policy and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. M.: Vash format. 181 p. [in Russian]
- Trudy PUAk, 1903** – Trudy PUAk [Proceedings of PUAC]. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1903. Kn. 1. 166 p. [in Russian]
- Trudy PUAk, 1905** – Trudy PUAk [Proceedings of PUAC]. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1905. Kn. 3. 222 p. [in Russian]

Tyustin, 1966 – Tyustin, A.V. (1966). Skul'pturnye pamyatniki i memorial'nye doski Penzenskoi oblasti [Sculptural monuments and memorial plaques of the Penza region]. Penza: Privolzh. kn. izd-vo. 52 p. [in Russian]

Tyustin, 1997 – Tyustin, A.V. (1997). «V lyubvi k Otechestvu potomkov nazidaya...» Istoriya penzenskogo kraevedeniya [«In love for the Fatherland, edifying descendants...» History of Penza local history]. *Kraevedenie*. 1: 7-12. [in Russian]

Vysochaishe utverzhdenye..., 1835 – Vysochaishe utverzhdennye pravila dlya statisticheskogo otdeleniya pri Sovete ministerstva vnutrennikh del i statisticheskikh komitetov v guberniyakh [Highly approved, 1835 – Highly approved rules for the statistical department under the Council of the Ministry of the Interior and statistical committees in the provinces]. SPb. 1835. 6 p. [in Russian]

Yanakova, 2021 – Yanakova, K.G. (2021). Potentsial kraevedeniya v dukhovno-nravstvennom vospitanii detei i ego pedagogicheskaya sushchnost' [The potential of local history in the spiritual and moral education of children and its pedagogical essence]. *Sovremennye innovatsii*. 2 (40): 66-69. [in Russian]

Yurchenko i dr., 2025 – Yurchenko, I.V., Yurchenko, V.M., Dontsova, M.V. (2025). Formirovanie obshcherossiiskoi identichnosti molodezhi: regional'nyi aspekt problemy [Formation of an all-Russian youth identity: a regional aspect of the problem]. *PolitBook*. 2: 54-71. [in Russian]

Zabelin, 2014 – Zabelin, V.M. (2014). Ehtapy razvitiya kraevedeniya v Rossii [Stages of the development of local history in Russia]. *Sovremennoe gumanitarnoe znanie o problemakh sotsial'nogo razvitiya: materialy XXI Godichnogo nauchnogo sobraniya professorsko-prepodavatel'skogo sostava (g. Stavropol', 11 aprelya 2014 g.)*. Otv. red. S.E. Shiyanov, A.P. Fedorovskii. Stavropol': Izd-vo Severo-Kavkazskogo sotsial'nogo instituta. Pp. 116-119. [in Russian]

Zulkharnaeva, 2022 – Zulkharnaeva, A.V. (2022). Pedagogicheskie usloviya realizatsii vospitatel'nogo potentsiala kraevedeniya s tsel'yu razvitiya grazhdanskoi identichnosti lichnosti [Pedagogical conditions for the realization of the educational potential of local history in order to develop a civic identity]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. 3: 74-81. [in Russian]

Формирование региональной идентичности жителей Пензенского края и провинциальное краеведческое движение

Лариса Александровна Королева ^{a, *}, Наталья Валентиновна Мику ^a

^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. Для каждого индивида место проживания представляет собой пространство, где осуществляются важные жизненные мероприятия и наиболее значимые жизненные взаимодействия. В результате чего, Отчий край связан с личными интересами и стремлениями живущей там личности, он воспринимается как собственный мир. Осознание малой Родины как своей территории означает самоидентификацию человека с ней, принятие ее духовно-нравственных и социально-культурных ценностей и норм в процессе социализации, воспитание необходимости деятельности по практическому улучшению условий жизни, т.е. региональную идентичность.

Мощным ресурсом конструирования региональной идентичности является краеведение, как область гуманитарных знаний, изучающая природу, население, экономику, историю и культуру той или иной территории или объекта (республики, области, села и др.). Знания местной истории очень близки каждому человеку. Представление о культурных, исторических и социально-экономических особенностях малой родины способствует пониманию индивидом себя как части большого целого сообщества, осознанию своей региональной идентичности и личной причастности к историческим событиям любого масштаба, воспитанию чувства гражданственности и нравственности.

Целью представленного исследования является изучение краеведческого движения как фактора построения региональной идентичности на примере Пензенского региона.

Новизна исследования состоит в том, что впервые рассмотрены развитие краеведческого движения в Пензенском крае и его практики в контексте процесса формирования региональной идентичности у населения.

Краеведческий материал широко использовался для культивирования региональной идентичности среди пензенского населения через воспитание гордости за Родную Землю, уважения ее истории и своих земляков, понимания вклада региона в социально-экономическое развитие страны, для воспитания стремления к активному участию в жизни своего региона и т. д.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, краеведение, Пензенский край.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 687-698
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.687

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Elpidifor Vasilyevich Barsov as a Personality and a Scholar (to the 190th Anniversary of His Birth)

Lyailya G. Khusnutdinova ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article is dedicated to the memory of Elpidifor Vasilyevich Barsov (1836–1917), a scholar, historian of ancient Russian writing and literature, archaeographer, folklorist, and collector who dedicated his life to preserving ancient books, manuscripts, icons, and coins – many of which today are preserved in museums and libraries. His activities went far beyond collecting: he meticulously studied each edition, documented its unique features, restored lost fragments, and created detailed descriptions, transforming the collection into a living source of knowledge. Drawing on archival documents – the scholar's official and family correspondence, inventories of book collections, personal notes, etc. – this article reconstructs the researcher's professional path and his contribution to understanding Russian folk culture and history. The relevance of this work stems from the anniversary date, which provides an opportunity to examine the legacy of this outstanding scholar, the need to study historical practices with rare editions, and the need to preserve the memory of those who formed cultural collections. The novelty of this study lies in the introduction of previously unpublished archival materials related to the scholar's work into scholarly circulation. These documents allow us to: supplement biographical information and reveal the scholar's professional connections; identify the range of his scientific interests and priority areas of work; and evaluate his contribution to the development of collecting and systematizing old books. Elpidifor Vasilyevich Barsov's ethnographic, archaeological, and critical works, as well as numerous speeches delivered on various events in the academic world, occupy a prominent place in his scholarly legacy. The study demonstrates the value of archival sources for studying the history of ethnography, as well as related disciplines such as folklore studies, cultural anthropology, and regional history. The results can be used in educational and outreach projects.

Keywords: history of Russian ethnography, Elpidifor Vasilyevich Barsov, archival materials, folklore, collector, museum, cultural heritage.

1. Введение

В мире, где традиции всё быстрее уступают место универсальному образу жизни, особенно ценной становится работа тех, кто умеет разглядеть в обыденном – вечное, в простом предмете – память поколений. Исследователи различных эпох не просто изучали мир – они бережно собирали его фрагменты, превращая личные собрания в клады знаний. Для них коллекционирование не было увлечением ради престижа: каждый предмет становился частью большой картины, помогающей понять, как устроен мир и как жили люди в разные времена. Благодаря систематизации разрозненные артефакты обретали голос и становились объектом научного анализа, дополняя письменные источники и порой опровергая устоявшиеся теории, а частные коллекции превращались в мосты между эпохами, позволяя потомкам не просто узнать о прошлом, а глубже понять историческую эпоху.

* Corresponding author

E-mail addresses: Lavanda-55@mail.ru (L.G. Khusnutdinova)

Особую роль в этом процессе сыграли учёные, сумевшие соединить страсть к собирательству с научной строгостью. Истории Александра Черткова, братьев Щукиных, Елпидифора Барсова, Ивана Забелина, Натальи Шабельской, Ивана Вахрамеева, Сигизмунда Валка и других исследователей показывают, как личная увлечённость, подкреплённая методичным подходом, способна преобразить культурное пространство (Шангина, 2017; Щепкина, Протасова, 1958; Горева, 2025; Чернуха, 1988). Благодаря им: разрозненные предметы превращались в тематические собрания с чёткой логикой построения; случайные находки становились частью научных классификаций; уникальные объекты получали подробное описание и сохранялись для будущих поколений; музейные экспозиции переставали быть просто витринами с редкостями – формировали целостное представление о культуре, искусстве, природе.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация) располагает множеством ценных коллекций, среди которых особое место занимает фонд Елпидифора Васильевича Барсова (более 1 тыс. единиц хранения). Ценность фонда обусловлена не только его масштабом, но и многообразием исторических источников, которые Елпидифор Васильевич Барсов собирал на протяжении 50 лет. Материалы охватывают значительный хронологический период – с конца XV до начала XX века – и представлены самыми разными видами документов: древние рукописи, писцовые книги, челобитные, ревизские сказки, хозяйственные архивы, ведомости, отчеты, старопечатные книги, деловая переписка и многое другое.

Фонд Елпидифора Васильевича Барсова – это не просто архив, а живой инструмент познания прошлого. Материалы фонда актуальны для специалистов разных областей: историков – как источник по социально-экономической и политической истории; филологов и палеографов – для изучения языковых норм, почерков, книгопечатания; этнографов – благодаря фольклорным записям и описаниям обрядов; юристов – через анализ челобитных и деловой переписки как отражения правовых обычаев; экономистов – на основе хозяйственных архивов и ревизских сказок.

Настоящая статья приурочена к 190-летию со дня рождения Елпидифора Васильевича Барсова (1836–1917), человека, чьи труды и коллекции стали мостом между прошлым и настоящим. Как этнограф и фольклорист он открыл миру богатство русского народного творчества, как исследователь древнерусской литературы углубил наше понимание средневековой культуры, а как библиофил и собиратель сохранил для потомков уникальные рукописи и предметы быта (Яновский, 1999: 261, 264, 266; Журавская, 1999: 140, 141). В статье мы рассмотрим жизненный путь и научное наследие этого выдающегося деятеля отечественной культуры.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования выступил фонд № 450 «Елпидифор Васильевич Барсов», хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва). В ходе работы были подвергнуты комплексному анализу следующие группы документов: официальные документы, отражающие научную и служебную деятельность Елпидифора Васильевича Барсова и фиксирующие ключевые этапы его профессионального становления (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1, 2); деловая корреспонденция, позволяющая проследить характер научных коммуникаций учёного, его участие в профессиональных дискуссиях и взаимодействие с коллегами (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 8); семейная переписка (письма родителей, братьев, сестёр и жены), раскрывающая особенности личных отношений и бытовые аспекты жизни исследователя (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 37, 43); рукописные тексты (статьи, заметки, наброски), демонстрирующие эволюцию научных идей и специфику исследовательского метода Елпидифора Васильевича Барсова (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 56, Д. 207, 287). Анализ источников открывает нам Елпидифора Васильевича Барсова по-новому: за академическим статусом проступает личность – с историей жизни, убеждениями и людьми, которые были рядом.

Его научные статьи, очерки, монографии обеспечили необходимую базу для изучения профессиональной деятельности учёного как специалиста в области этнографии, филологии и фольклористики и дали возможность охарактеризовать ключевые аспекты его исследовательской практики. Среди ключевых публикаций Елпидифора Васильевича Барсова выделяются: «Палеостров и его судьба и значение в Обонежском крае» (1868); «Пётр Великий в народных преданиях Северного края» (1872); «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии» (1873); «Северные предания о древнерусских князьях и царях» (1870–1880); фундаментальное издание в 3-х томах «Причитания Северного края» (1872–1886). А фундаментальный труд Елпидифора Васильевича Барсова «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887–1889) стал ключевым в его научной карьере. Елпидифор Васильевич доказывал подлинность и древнерусское происхождение данного произведения, объясняя значение памятника как источника по культуре и социально-политической жизни Киевской Руси XII века.

В процессе исследования были применены следующие методы исторического познания, каждый из которых решал конкретные задачи. Так, для работы с архивными документами, рукописями, публикациями Елпидифора Васильевича Барсова применялся метод «источниковедческого анализа», что способствовало установлению авторства, датировки материалов

и интерпретации текстов в рамках эпохи. «Биографический» метод использовался для реконструкции жизненного пути Елпидифора Васильевича Барсова. Он же и помог установить связь между этапами биографии и тематикой исследований, выявить факторы, повлиявшие на выбор научных направлений: период преподавания в семинарии – начало сбора фольклора Олонецкого края; переезд в Москву и работа в музеях – переход к археографии и изучению древнерусской письменности; участие в научных обществах (Московское общество истории и древностей российских и др.) и пр. «Проблемно-хронологический» метод дал возможность структурировать материал по ключевым направлениям научной деятельности Елпидифора Васильевича Барсова и проследить их развитие во времени: в 1860-е годы сбор фольклора и первые публикации в «Олонецких губернских ведомостях»; в 1872–1886 годы – издание трёх томов «Причитания Северного края»; в 1880-е годы – публикация статей, очерков по истории старообрядчества, археография; в 1887–1890 годы вышел в свет научный труд «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси»; в 1900-е годы исследования по истории колонизации и культуры регионов России. Применение «сравнительно-исторического» метода дало возможность сопоставить исследовательские подходы Елпидифора Васильевича Барсова, проследить эволюцию его взглядов в контексте науки второй половины XIX века. «Описательный» метод был применён для систематизации и структурированного представления собранных данных.

При изучении научной деятельности Елпидифора Васильевича Барсова были соблюдены общеисторические принципы научного познания. Они обеспечили объективность, системность и достоверность результатов исследования. Так, «принцип историзма» требовал рассматривать деятельность Елпидифора Васильевича Барсова в контексте эпохи: развития этнографии и фольклористики XIX века, роли музеев и научных обществ. «Принцип объективности» предусматривал анализ как достижений учёного, так и возможных ограничений его методов; обеспечивался опорой на широкий круг источников: архивные документы, рукописи, опубликованные труды, переписку, воспоминания современников. «Принцип системности» предполагал изучение наследия Елпидифора Васильевича Барсова в комплексе – как неразрывного целого, с учётом разносторонности его деятельности: педагогической, научной, собирательской, благотворительной и иных направлений. «Принцип всесторонности» предполагал использование широкого спектра материалов для полноты картины: деловую и личную переписку Елпидифора Васильевича Барсова; его служебную документацию и др.

Исследовательский инструментарий в данном исследовании позволил, раскрыть личность и наследие Елпидифора Васильевича Барсова во всей полноте и его деятельность стала мостом между народной культурой и наукой XIX века, а принципы работы образцом для следующих поколений исследователей.

3. Обсуждение

Наследие Елпидифора Васильевича Барсова – учёного, фольклориста, археографа и коллекционера – на протяжении более чем столетия привлекало внимание исследователей, каждый из которых вносил свой вклад в понимание его роли в отечественной науке.

Первые свидетельства о деятельности Елпидифора Васильевича Барсова появились ещё при его жизни. Приват-доцент Московского университета Дмитрий Владимирович Цветаев в брошюре «Записка об учёных трудах Е. В. Барсова» (1887) составил первый систематизированный перечень его работ и дал краткую характеристику основных направлений исследований (Цветаев, 1887). Этот труд стал отправной точкой для последующих биографических и научных изысканий.

О личности Елпидифора Васильевича Барсова можно узнать и из мемуарной литературы. Писатель, литературовед, драматург Владимир Алексеевич Гиляровский в книге «Москва и москвичи» запечатлел живой образ учёного – знатока древних рукописей, к которому за консультациями обращался писатель Лев Николаевич Толстой (Гиляровский, 2014: 37). Такие свидетельства передают атмосферу эпохи и показывают, каким Барсов виделся современникам: не просто исследователем, а хранителем традиций, связующим звеном между прошлым и настоящим.

В 1915 году музевед Георгий Леонидович Малицкий и профессор Московского университета Вячеслав Николаевич Щепкин в «Отчете Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III» подтвердили полезность материалов и представили документы для будущих поколений исследователей (Щепкина, Протасьева, 1995: 56).

После смерти учёного интерес к его наследию не угас. В 1917 году «Исторический вестник» опубликовал некролог, подводящий итоги его научной деятельности (Некролог, 1917: 287).

В 1950–1960-х годах работы Елпидифора Васильевича Барсова вновь привлекли внимание учёных, особенно в контексте изучения древнерусской литературы и фольклора. Крупнейшие специалисты по славяно-русской рукописной традиции Марфа Вячеславовна Щепкина и Татьяна Николаевна Протасьева в книге «Сокровища древней письменности и старой печати» (1958) отметили собрание Елпидифора Васильевича Барсова как ценный ресурс для изучения культурного наследия (Щепкина, Протасова, 1958: 53, 55).

Конец XX – начало XXI века ознаменовались новым всплеском интереса к наследию Елпидифора Васильевича Барсова. Важным событием этого периода стала публикация биографической статьи о нем в энциклопедии «Слово о полку Игореве» в 1995 году, составленной М.А. Салминой (Салмина, 1995). Материал позволил по-новому оценить вклад учёного в изучение знаменитого древнерусского памятника и вписать его достижения в актуальный научный контекст.

В 1999 году краеведческие публикации в альманахе «Череповец» раскрыли новые грани личности и деятельности учёного: вологодский краевед, исследователь Ирина Леонидовна Журавская в работе «О двух документах из собрания Е.В. Барсова» проанализировала конкретные материалы из его архива, показав их ценность для локальной истории (Журавская, 1999). В работе проанализированы два документа из коллекции Елпидифора Васильевича Барсова: письмо приходского священника 1890 года и хозяйственная книга помещичьего имения (1802–1810), имеющие ценность для истории Череповецкого края. Александр Дмитриевич Яновский в исследовании «Е. В. Барсов – учёный и коллекционер» представил Барсова как страстного собирателя редких рукописей и предметов старины, чьё собрание стало своеобразным музеем в миниатюре (Яновский, 1999: 265).

В 2000 году в сборнике «Рябининские чтения – 99» доктор филологических наук, профессор Софья Михайловна Лойтер рассмотрела значение второго издания «Причитаний Северного края», собранных Елпидифором Васильевичем Барсовым (Лойтер, 2000). Этот труд остаётся фундаментальным источником по изучению обрядовой поэзии Русского Севера.

Знаковым событием 2024 года стала публикация книги Олеси Суриковой, Светланы Толстая «Причитанья Северного края» Е.В. Барсова: исследования и материалы к словарю». Авторы не просто обратились к сборнику Елпидифора Васильевича Барсова, но и предложили современный взгляд на него: проанализировали поэтику причитаний, их лингвистические особенности и подготовили материалы для словаря (Сурикова, Толстая, 2024: 264, 282).

4. Результаты

4.1. Биография Елпидифора Васильевича Барсова (1836–1917)

Происхождение Елпидифора Васильевича Барсова было скромным – он родился в семье потомственного православного священника 20 октября 1836 года (по юлианскому календарю) в селе Логиново Череповецкого уезда Новгородской губернии (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 8. Л. 7). А через три дня, 23 октября, был крещен под именем Елпидифор греческого происхождения, что означало «носящий надежды» или «приносящий надежду» (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 8. Л. 70б.). В русской традиции имя «Елпидифор» иногда использовалось среди священнослужителей, поскольку звучность и смысловая глубина имени хорошо соответствовали церковному контексту.

Семья Елпидифора Васильевича Барсова жила скромно – так, как было принято в среде священнослужителей. Отец, Василий Марсович Барсов, нёс служение в Покровской Логиновской церкви в сане священника (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 8. Л. 8), а мать, Анна Семёновна, воплощала традиционные черты жены священника: смирение, трудолюбие и заботу о домашнем укладе (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 43. Л. 94-98).

В возрасте шести месяцев Елпидифор Барсов был отправлен на воспитание к бабушке и бабушке. Именно в их доме, в атмосфере, во многом определившей его мировоззрение, прошли его ранние детские годы.

В девять лет Елпидифор Барсов был отдан в Устюжское духовное училище, по окончании которого получил начальное духовное образование. Этот этап его жизни оказался крайне непростым. По воспоминаниям самого Елпидифора Васильевича Барсова, шесть лет обучения сопровождалось суровыми наказаниями: «Был ежедневно сечён по два-три раза в день; стоял на коленях и оставался без обеда; каждую субботу был сечён за неделю шалостей». Даже ежедневные молитвы у 12 церквей по дороге в училище не спасали от жестокости воспитателей, о чём он с горечью писал: «Идя в училище мимо 12 церквей, каждый день молился Богу пред каждою церковью, чтобы миновала розга, но жестокость воспитателей преобладала пред детскою молитвою» (Барсов, 1888: 235).

Следующим этапом в образовании Елпидифора Барсова стало обучение в Новгородской семинарии. Здесь он углубил знания в богословии и гуманитарных дисциплинах, однако жизнь семинариста оказалась полна лишений. В автобиографических заметках Елпидифор Васильевич Барсов подробно описывал тяготы того времени: голод, неблагоприятные условия и проблемы со здоровьем, обострившиеся весной. Он вспоминал: «Мучили меня голод и гнилость Новгородской земли, особенно в весеннее время. Не раз я умирал, но каждую весну Промысел воздвигал меня с смертного одра» (Барсов, 1888: 235). Эта фраза отражает не только физические страдания, но и глубокую религиозность автора, видевшего в своём выздоровлении действие Провидения.

Вершиной его образовательного пути стала Санкт-Петербургская духовная академия, которую Елпидифор Васильевич Барсов окончил в 1861 году со степенью кандидата богословия и гуманитарных наук. Во время учёбы Елпидифор Барсов входил в студенческое общество «Ядро». Он охотно участвовал в спорах и коллективных протестах. Те годы в академии выдались беспокойными: за четыре года сменилось четыре ректора и пять инспекторов. Такая частая смена руководства отражала дух времени –

эпоху, когда общество активно отвергало прежние устои. Это касалось всех слоёв, не минуя и придворных кругов. В академии настроения были особенно радикальными.

Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Елпидифор Васильевич Барсов начал преподавательскую деятельность в Олонецкой духовной семинарии г. Петрозаводска, где преподавал логику и психологию. На этом этапе закладывались основы его будущих научных изысканий, в свободное от работы время Елпидифор Васильевич знакомился с жизнью, обычаями и традициями местного населения Олонецкой губернии, записывал их предания, былины, народные песни. Особый интерес он проявлял к старообрядцам, которые жили на большей части северного края, в чьих домах с почетом хранились рукописные и старопечатные книги, а в монастырских архивах – неизданные акты. Елпидифор Васильевич невольно увлекался богатой местной археологией и этнографией. Свои первые научные работы он размещал в периодических изданиях – газетах и журналах, таких как «Олонецкие губернские ведомости», «Памятные книжки Олонецкой губернии» и др.

По приглашению Алексея Егоровича Викторова, первого хранителя отделения рукописей и старопечатных книг Московского публичного и Румянцевского музея, в 1870 г. Елпидифор Васильевич Барсов переезжает в Москву, и стал помощником хранителя этого отделения (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 27). В 1873 г. Елпидифор Васильевич занимает должность библиотекаря в русском и славянском отделении Московского публичного и Румянцевского музея, одновременно начиная заведовать Чертковской городской библиотекой.

Переехав в Москву, Елпидифор Васильевич Барсов с новой силой развернул научную работу и вскоре снискал славу одного из виднейших отечественных учёных последней четверти XIX – начала XX века. Его вклад в науку был отмечен членством в престижных научных обществах: он состоял действительным членом Статистического комитета Олонецкой губернии (1865) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 18), действительным членом Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее (1869) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 23), действительным членом Императорского Общества истории и древностей Российских (1872) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 1), действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1874) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 24), действительным членом Императорского Московского археологического общества (1874), действительным членом Церковно-археологического Общества при Киевской духовной академии (1876) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 29), член-сотрудник Императорского Русского Географического общества (1877) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 21), действительным членом Одесского Общества истории и древностей (1882) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 33), член-сотрудник Ростовского музея церковных древностей (1885) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 34), член-корреспондент Императорского Общества любителей древней письменности (1888) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 38), почетным членом Вятской Учетной архивной комиссии (1905) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 40), действительным членом Московского отделения Императорского военно-исторического Общества (1909) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 42), а также входил в состав Санкт-Петербургской духовной академии.

С 1881 года Елпидифор Васильевич Барсов исполнял обязанности секретаря и редактора «Чтений в Московском обществе истории и древностей российских» («Чтений ОИДР») (Яновский, 1999: 262) – авторитетного научного издания, выходившего с 1846 по 1918 годы. Его служба на этих постах продолжалась вплоть до сентября 1917 года, внося весомый вклад в развитие отечественной исторической науки.

30 мая 1872 года Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Императорском Московском университете, приняло торжественное постановление. В знак признания выдающихся трудов Елпидифора Васильевича Барсова по устройству Политехнической выставки Общество выразило ему официальное признание и постановило выдать свидетельство на Большую серебряную медаль (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 20).

В ноябре 1909 года, в Санкт-Петербурге, в честь двухсотлетней годовщины славной Полтавской победы 1709 года, Елпидифор Васильевич Барсов удостоился почётной награды. 12 числа ему была вручена светло-бронзовая медаль для ношения на груди на Андреевской ленте – знак признания его заслуг в памятный юбилейный год (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1. Л. 42).

Елпидифор Васильевич Барсов состоял в браке с Евдокией Ивановной, женщиной, отличавшейся исключительной скромностью. Годы совместной жизни принесли им радость отцовства и материнства: в семье появилась дочь, которую они с любовью называли Антониной (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 5, 24, 26, 135-142). В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранятся личные материалы девочки Антонины (Тони) Барсовой: учебные тетради, альбом для стихов и прочие документальные источники (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 43. Л. 135-146). Сведения о других детях отсутствуют.

Выдающийся русский фольклорист и собиратель памятников старины Елпидифор Васильевич Барсов ушёл из жизни 2 апреля 1917 года – в сложный исторический период, накануне кардинальных перемен в России. Он скончался в Москве и был похоронен на Донском кладбище, одном из старейших и наиболее значимых некрополей столицы (Некролог, 1917: 287; Полунина, Фролов, 1997: 21).

4.2. Научная и литературная деятельность Елпидифора Васильевича Барсова

Страсть к родной старине, любовь к народному слову и неутомимая жажда познания – вот что определяло жизнь и творчество Елпидифора Васильевича Барсова. Его глубокая связь с народной культурой и древнерусской письменностью воплотилась в десятках научных статей, монографий и публикаций фольклорных текстов – подлинных сокровищ, сберегающих голос прошлого. Ярким примером стала работа Елпидифора Васильевича Барсова «Причитаний Северного края». Первый том издания увидел свет в 1872 году, а к 1886 году были опубликованы еще два тома. Основой книги стали записи причитаний, собранные Елпидифором Васильевичем в ходе экспедиций к сказительницам Олонецкой губернии (Барсов, 1882). Особое место в собрании заняли материалы, полученные от Ирины Андреевны Федосовой: учёный вёл с ней работу на протяжении нескольких лет, начиная с 1867 года (Сурикова, 2017: 74, 75). Труд был высоко оценён научным сообществом: удостоен золотой медали Русского географического общества и дважды получил Уваровскую премию (Яновский, 1999: 262).

Параллельно с другими изысканиями Елпидифор Васильевич Барсов опубликовал ряд работ, обогативших отечественную фольклористику и историческую науку. Ключевым стал труд «Пётр Великий в народных преданиях Северного края» (1872). В нём Елпидифор Васильевич систематизировал устные рассказы крестьян Олонецкого края о Петре I – ценный этнографический материал, отражающий народное восприятие исторической личности (Барсов, 1872).

Дополняет эту картину цикл очерков «Северные предания о древнерусских князьях и царях» (1870–1880-ые). В этой работе Елпидифор Васильевич Барсов продемонстрировал, как народные сказания, переплетаясь с официальными историческими сведениями, сохраняли древние верования и формировали коллективное представление о власти в сознании жителей Русского Севера (Барсов, 1879).

В конце 1880-х годов в журнале «Чтения ОИДР» вышла масштабная работа Елпидифора Васильевича Барсова, посвящённая «Слову о полку Игореве» (Барсов, 1887; Барсов, 1889). Труд под названием «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси» представляет собой комплексное исследование. Елпидифор Васильевич Барсов мастерски соединил исторический и филологический подходы, представив читателям глубокий палеографический разбор рукописи и скрупулёзный текстологический анализ памятника. Благодаря этому работа раскрыла «Слово о полку Игореве» не только как исторический документ, но и как выдающееся художественное произведение эпохи Киевской Руси.

В критической работе «Письмо профессору Е.Е. Голубинскому с возражениями на его книгу: История Русской церкви» (1880) Елпидифор Васильевич Барсов анализирует и оспаривает положения, выдвинутые Е.Е. Голубинским. В частности, он выражает несогласие с оценками степени воздействия византийской традиции и характеристикой состояния церковного просвещения в домонгольской Руси (Барсов, 1880: 14).

Помимо научной публицистики, Елпидифор Васильевич Барсов активно выступал с устными докладами и речами. Из множества речей, произнесенных Елпидифором Васильевичем при разных торжествах и событиях в ученом мире, одни имеют значение историко-литературные, другие служат выражением глубоких патриотических чувств оратора. К примеру, речь Елпидифора Васильевича Барсова по поводу первого покушения на жизнь царя Александра II выражала позицию, характерную для патриотически настроенных людей того времени, а именно в безоговорочной поддержке монархии и осуждению террора; речь Елпидифора Васильевича Барсова о государственном канцлере графе Николае Петровиче Румянцеве в Московском Археологическом обществе акцентировал внимание на нём как на меценате, собирателе рукописей, документов и покровителе русской науки (Барсов, 1882а: 5, 10). Помимо названных речей, имелся ряд других выступлений – речь на Ростовских торжествах, речь в день тысячелетней памяти славянского первоучителя св. Мефодия и других выступлениях (Цветаев, 1887: 31). Все речи указывают на отношение его к ученому и литературному миру. Добрый и отзывчивый, Елпидифор Васильевич Барсов говорил всегда с полной искренностью, с убежденностью, что учная сила есть дорогое общественное сокровище во всякой стране, тем более в России, небогатой служителями научного знания.

Архивные материалы позволяют проследить не только творческий путь Елпидифора Васильевича Барсова, но и материальное признание его научных трудов. В частности, в Отделе письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы хранится письмо редакции «Журнала Министерства народного просвещения» от 18 сентября 1876 года. В документе сообщается о выплате гонорара за статью «Критический очерк литературы «Слово о полку Игореве»: общая сумма составила 88 рублей, из них 2 рубля удержано за почтовую пересылку. Оставшиеся 86 рублей были направлены Елпидифору Васильевичу Барсову, а редакция просила выслать расписку в получении всей суммы целиком (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 25). Этот источник наглядно демонстрирует, как научное сообщество середины XIX века оценивало вклад исследователей в изучение древнерусской словесности.

Елпидифор Васильевич Барсов регулярно направлял собственные научные труды друзьям, коллегам и иным заинтересованным лицам (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 8. Л. 102; Д. 2. Л. 21). Эта практика была органичной частью его исследовательской и просветительской миссии: учёный

стремился максимально широко распространить знания о древнерусской письменности, фольклоре и истории. 28 августа 1910 года московский градоначальник Александр Александрович Адрианов, написал письмо Елпидифору Васильевичу Барсову. Текст письма лаконичен и выдержан в традициях эпистолярного этикета Российской империи: «Ваше превосходительство, милостивый государь Елпидифор Васильевич! Прошу вас принять мою сердечную благодарность за любезно высланные мне ваши произведения. Примите уверение в совершенном почтении и преданности» (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 92). Обращение «Ваше превосходительство» указывает на высокий социальный статус Елпидифора Васильевича Барсова. В системе Табели о рангах этот титул присваивался лицам 3-го и 4-го классов (генерал-майорам, тайным советникам и т.д.). Это позволяет предположить, что Елпидифор Васильевич Барсов имел соответствующий чин и пользовался особым уважением в официальных кругах.

За долгую и насыщенную научную жизнь Елпидифор Васильевич Барсов создал впечатляющее наследие – около 120 трудов, включающих статьи, очерки и фундаментальные монографии.

4.3. Елпидифор Васильевич Барсов как коллекционер и хранитель памятников старины

Елпидифор Васильевич Барсов на протяжении жизни формировал обширное собрание памятников отечественной старины, которое отражало его научные интересы и вклад в изучение русской культуры. В состав коллекции входили: рукописные тексты различных периодов; памятники древнерусской литературы; нумизматические материалы; образцы исторического вооружения; портретная живопись; предметы церковного искусства, включая иконы.

Отправной точкой для собирательской деятельности Елпидифора Васильевича Барсова стали 1860-е годы – в то время он преподавал в Олонецкой духовной семинарии. Первые рукописи, попавшие в его коллекцию, были связаны с историей Олонецкого края: они служили опорой в научных изысканиях. Но постепенно книжные поиски вышли за привычные границы. Елпидифор Васильевич Барсов открывал для себя новые пласты культуры: в собрание вливались тексты по древнерусской традиции, сочинения из разных научных областей. А жемчужинами коллекции стали старообрядческие рукописи и историко-литературные памятники – они словно сложили мозаику русской культурной памяти.

Переезд в Москву открыл перед Елпидифором Васильевичем Барсовым богатые возможности: коллекция пополнялась через дружеские рекомендации и находки на антикварных прилавках. Он с увлечением отыскивал старинные книги, рукописи, монеты, иконы. Немалую помощь оказали профессиональные книготорговцы. У них были и опыт, и нужные связи – благодаря этому удавалось отыскивать редкие книги, которые уже нигде не сыскать в провинции (Гиляровский, 2014: 37). С их помощью собрание пополнилось уникальными материалами, раскрывшими новые темы и эпохи. Собственных средств не всегда хватало: чтобы приобрести по-настоящему ценную рукопись, порой приходилось копить, а то и вовсе отказываться от покупки. В качестве решения была выработана практика взаимодействия с состоятельными коллекционерами: владелец коллекции делился с ними опытом поиска и отбора редких изданий. Это позволяло сохранять культурное наследие через перераспределение ценных материалов в надёжные частные

Немало ценных рукописей попало в коллекцию Елпидифора Васильевича Барсова благодаря щедрости дарителей (Рыков, 1986: 326). Учёные, посвятившие себя изучению прошлого, делились материалами из собственных архивов – они верили, что единое собрание поможет сберечь культурное наследие. К ним примыкали литераторы и увлечённые собиратели, чьё искреннее стремление сохранить старинные тексты придавало делу особую силу. С каждым таким даром коллекция становилась не просто обширнее, но и глубже: в ней оживали голоса разных эпох, раскрывались новые темы и сюжеты.

Одной из ключевых особенностей его деятельности стала доступность коллекции для научного сообщества (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 8. Л. 110-110об.; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 77). Он регулярно открывал доступ к рукописям для коллег-исследователей и близких по духу учёных.

Для идентификации рукописей из личного собрания собиратель применял специальный штамп с собственными инициалами (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 288. Л. 1, 1а). Данный знак прослеживается на части сохранившихся материалов (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 207. Л. 12).

4.4. Елпидифор Васильевич Барсов как меценат

Елпидифор Васильевич Барсов сочетал в себе талант исследователя, страсть собирателя и щедрость мецената. Десятилетия он посвящал себя поиску и систематизации памятников древнерусской письменности: собирал рукописи, редкие старопечатные издания, ценные этнографические материалы. Не удерживая всё в своих руках, он щедро передавал фрагменты собрания в музеи и научные центры. Этим он продолжал славную традицию российского меценатства на рубеже веков: в конце XIX – начале XX столетия именно частные коллекционеры нередко становились опорой для музеев – помогали им встать на ноги, наполняли их залы и хранилища подлинными сокровищами отечественной культуры. Елпидифор Васильевич Барсов рассматривал свою коллекцию не как личное сокровище, а как общественное достояние, которое должно служить науке и просвещению.

Одним из первых значимых жестов благотворительности Елпидифора Васильевича Барсова стал дар Череповецкому музею в 1878 году. Он передал учреждению нумизматическую коллекцию, насчитывавшую 1100 монет, «из них 295 серебряного», разных эпох и стран – от античных греческих и римских до европейских и русских (включая великокняжеские, царские и императорские экземпляры) (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 88об.). Помимо монет, в дар вошли образцы древнерусского вооружения, репродукции памятников византийского искусства и галерея портретов русских правителей. Этот вклад заметно обогатил фонды музея и укрепил его просветительские задачи. В письме от 8 августа 1903 года (№ 213) череповецкого городского головы И.А. Милютин, в котором он выразил глубокую признательность Елпидифору Васильевичу Барсову за ценный дар городу. От имени Городской думы он поблагодарил собирателя за передачу коллекции редких археологических предметов, которые должны были стать частью экспозиции местного музея и способствовать развитию краеведческого просвещения (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 90). В тексте письма подчёркивается особая ценность дара: он назван «драгоценным» и рассматривается как фундамент для дальнейшего развития музейного учреждения. Автор выражает надежду, что этот жест станет «памятником потомству» – символом патриотизма и благотворительности дарителя. Официальный характер документа подкреплён приложением копии постановления Городской думы о принятии дара. «Собрание, заслушав с большим интересом все изложенное Елпидифором Васильевичем Барсовым, единогласно постановило: выразить его Превосходительству глубочайшую сердечную благодарность за столь драгоценный дар городу, причем принять предметы Барсова от Учительской семинарии, в которой они находятся, поместить их в существующее здание музея особым отделом под названием «Отдел Барсова» (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 89). Это подчёркивает не только личную признательность председателя городской головы, но и коллективное одобрение поступка со стороны муниципального органа. Событие также отражает распространённую в начале XX века практику формирования провинциальных музеев за счёт частных пожертвований, а также демонстрирует механизмы взаимодействия местной власти и частных лиц в деле развития культурной инфраструктуры региона.

В последующие годы Елпидифор Васильевич Барсов продолжил делиться материалами из своего собрания. Отдельные рукописи направлялись в значимые центры изучения отечественной культуры – в Троицу-Сергиевскую лавру, университеты Казани и Киева, а также за рубеж (Рыков, 1986: 328; Цветаев, 1887: 8). Так исследователи получали доступ к редким источникам, которые иначе оставались бы вне научного оборота (Цветаев, 1887: 7).

Важнейшим событием в истории коллекции трудов Елпидифора Васильевича Барсова стала передача в 1914 году крупной части собранных материалов Историческому музею Москвы (Яновский, 1999: 264). Подход Елпидифора Васильевича Барсова определялся твёрдым убеждением: культурное наследие не должно оставаться в частных руках – его необходимо сохранять и делать доступным для изучения и просвещения общества. Эта идея легла в основу его взглядов на роль коллекционера: собрание воспринималось не как личное достижение, а как ресурс для развития науки и национальной памяти. Но на этом путь собранных материалов не закончился. После кончины Елпидифора Васильевича Барсова в 1917 году традиция передачи ценностей продолжилась: в 1919 году его дочь, Антонина Елпидифоровна Терехова, передала в тот же музей личный архив отца и оставшиеся предметы из коллекции (Рыков, 1986: 331). Благодаря этому комплекс материалов сохранился как единое целое и оказался в распоряжении учёных.

4.5. Взаимодействие Елпидифора Васильевича Барсова с императорским домом

На протяжении десятилетий Елпидифор Васильевич Барсов, известный собиратель и исследователь древнерусской письменности, поддерживал устойчивые связи с императорской семьёй. Его деятельность выходила за рамки академических занятий: как знаток старины и обладатель одной из крупнейших частных коллекций рукописей, Елпидифор Васильевич регулярно участвовал в пополнении придворных собраний и выполнял поручения, связанные с историко-культурным наследием.

Свидетельства такого взаимодействия встречаются в переписке разных лет. Например, в письме от 26 декабря 1867 года, адресованном Елпидифору Васильевичу Барсову, передали благодарность наследника цесаревича Александра Александровича за подаренный древний харатейный часослов. Государь оценил значимость памятника древнерусской письменности и в знак признательности пожаловал собирателю драгоценный бриллиантовый перстень, который был отправлен ему графом Толстым. Письмо с подарком сопровождалось тёплыми словами и уверениями в почтении (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Ещё одно подтверждение связи Барсова с двором, письмо генерал-адъютанта Григория Даниловича к Елпидифору Васильевичу Барсову от 25 мая 1888 года – отражает практику культурного обмена между знатоками старины и императорским двором. От имени Государя Наследника Цесаревича автор благодарит Барсова за присланные «Брюсов календарь» и фрагменты рукописного Евангелия: материалы вызвали интерес у Георгия Александровича и, вероятно, использовались в образовательном процессе. Помимо официальных новостей о службе членов императорской семьи (морская подготовка Великого князя Георгия Александровича, лагерные сборы Наследника Цесаревича под Красным Селом), письмо содержит личные ноты: благодарность за

переписку, пожелание отдыха и оплату 5 рублей за календарь. Примечательно сравнение качества изданий: экземпляр, подобранный Барсовым, оказался лучше и дешевле петербургского аналога (25 рублей в «Посреднике») (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 52-54).

Письмо 22 мая 1890 года – от А. Васильковского – содержит уведомление о пересылке 25 рублей. Это возмещение расходов за рукопись «Устюжский Патерик», которую Елпидифор Васильевич Барсов приобрёл для Государя Наследника Цесаревича по просьбе генерал-адъютанта Даниловича. К сумме приложено письмо от Григория Григорьевича, что Елпидифор Васильевич Барсов должен уведомить Контору Августейших детей их Императорских Величеств о получении денег (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 56). Подобные документы в совокупности позволяют сделать ряд важных выводов: Елпидифор Васильевич Барсов выступал экспертом и посредником: он искал и приобретал редкие рукописи для императорского двора, пользуясь репутацией знатока древнерусской книжности. При дворе ценили древнерусские тексты: интерес к памятникам вроде «Устюжского Патерика» отражает стремление сохранить национальное культурное наследие в составе придворных коллекций.

Письмо генерал-адъютанта Григория Даниловича от 5 января 1894 года содержит благодарность Елпидифору Васильевичу Барсову за присланные библиографические редкости. Упоминается, что дар вызвал живой интерес Государя Наследника Цесаревича. Автор также благодарит за экземпляр Евангелия Алексия и дружескую поддержку во время болезни, отмечает успешное завершение порученного Императором дела воспитания Наследника. В письме сообщается о возмещении расходов Барсова в размере 35 рублей и выражается ожидание результатов его текущих научных трудов (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 64).

Сохранившийся документ от 17 мая 1913 года служит прямым свидетельством продолжавшегося сотрудничества профессора Елпидифора Васильевича Барсова с императорским двором на позднем этапе его деятельности. Так, Канцелярия Министерства Императорского Двора официально извещала Барсова о получении посылки, отправленной им непосредственно для его Императорского Величества государя императора Канцелярии Министерства Императорского Двора направляет Елпидифору Васильевичу Барсову официальное уведомление о получении посылки, адресованной его Императорскому Величеству. Документ подписан князем С. Гагариным – заместителем начальника канцелярии, помощником гофмейстера (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2. Л. 60).

5. Заключение

История Елпидифора Васильевича Барсова – убедительное свидетельство того, как один человек, преданный своему делу, способен повлиять на культуру и науку своего времени. Так, в своих трудах Елпидифор Васильевич сумел соединить две, казалось бы, разные задачи: скрупулёзную научную работу – систематизацию, анализ, публикацию источников; и просветительскую миссию – он делал древнюю культуру живой и понятной для современников. Благодаря Елпидифору Васильевичу фольклор перестал восприниматься как «простое народное творчество» – он обрёл статус полноценного исторического источника, способного дополнить и даже скорректировать официальные хроники. Его сборники причитаний, исследования преданий и публикации рукописей открыли исследователям и читателям живую традицию Русского Севера – с её верованиями, представлениями о власти, памятью о прошлом.

Наследие Елпидифора Васильевича Барсова звучит особенно актуально сегодня. В эпоху стремительных перемен его пример напоминает: о ценности внимательного, вдумчивого отношения к традиции; о необходимости слушать «тихие голоса» прошлого – сказания, обычаи, интонации речи; о том, что подлинный прогресс невозможен без опоры на корни.

Елпидифор Васильевич Барсов не просто изучал старину – он вдохнул в неё новую жизнь. И потому его труды продолжают служить мостом между эпохами, помогая нам лучше понять самих себя через призму многовекового опыта народа.

Литература

- Барсов, 1872 – Барсов Е.В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // *Беседа*. 1872. № 5. С. 295-309.
- Барсов, 1879 – Барсов Е.В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // *Древняя и новая Россия*. 1879. Т.2. № 9. С. 411.
- Барсов, 1880 – Барсов Е.В. Письмо профессору Е.Е. Голубинскому с возражениями на его книгу: История Русской церкви. Т. 1, период до монгольских. М. 1880. 14 с.
- Барсов, 1882 – Барсов Е.В. Причитания Северного края. Часть 2. Плачи завоенные, рекрутские, солдатские. М.: Тип. «Современные известия». 1882. 402с.
- Барсов, 1882а – Барсов Е.В. Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными. М.: В Университетской библиотеке (М. Катков). 1882. 400 с.
- Барсов, 1887 – Барсов Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. В 3 т. Т. 1-3. М.: В Университетской тип. (М. Катков). 1887. 570 с.

Барсов, 1888 – Барсов Е.В. [Автобиография] / Знакомые: альбом М.И. Семеvского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина»: книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. СПб. 1888. С. 235.

Гиляровский, 2014 – Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Медиа, 2014. С. 37.

Горева, 2025 – Горева А.В. Коллекция Н.Л. Шабельской в собрании ярославского музея-заповедника / *Собрание русской старины» Натальи Леонидовны Шабельской: состав, значение, судьба: Материалы семинара.* Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2025. 158 с.

Журавская, 1999 – Журавская И.Л. О двух документах из собрания Е. В. Барсова // *Череповец: краевед. альм.* Вологда. 1999. Вып. 2. С. 140-145.

Лойтер, 2000 – Лойтер С.М. Второе издание «Причитаний Северного края, собранных Е.В. Барсовым»: доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 99» / редкол.: Р.Б. Калашникова и др. Петрозаводск. 2000. С. 187-194.

Некролог, 1917 – Некролог. Барсов Е.В. // *Исторический вестник.* 1917. Т. 149. № 7-8. С. 287-288.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва).

Полунина, Фролов, 1997 – Полунина Н., Фролов А. Барсов Елпидифор Васильевич (1836-1917) / Коллекционеры старой Москвы: иллюстрированный биографический словарь. М. 1997. С. 19-22.

Салмина, 1995 – Салмина М.А. Барсов Елпидифор Васильевич: [биография] / Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. А-В / отв. ред. О. В. Творогов. СПб. 1995. С. 86-88.

Рыков, 1986 – Собрание Е.В. Барсова. Ф. 17. / Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 2. (1917–1947). Отв. ред. вып. Ю.Д. Рыков. М. 1986. С. 320-336.

Сурикова, 2017 – Сурикова О.Д. К изучению архаической лексики в «Причитаниях северного края» Е.В. Барсова // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 73-82.

Сурикова, Толстая, 2024 – Сурикова О.Д., Толстая С.М. «Причитания Северного края» Е.В. Барсова: Исследования и материалы к словарю. М.: Индрик, 2024. 696 с.

Цветаев, 1887 – Цветаев Д. В. Записка об ученых трудах Е. В. Барсова. М.: И.А. Вахрамеев. 1887. 40 с.

Чернуха, 1988 – Чернуха В.Г. Сигизмунд Натанович Валк - ученый и человек // *Вопросы истории.* 1988. № 12. С. 31-46.

Шангина, 2017 – Шангина И.И. Проблемы комплектования этнографических собраний в Последней четверти XIX в. // *Музей. Традиция. Этничность.* 2017. № 1 (9). С. 22-27.

Щепкина, Протасьева, 1995 – Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Собрание рукописей Е.В. Барсова / Сокровища древней письменности и старой печати. М. 1995. С. 56-58.

Щепкина, Протасьева, 1958 – Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея // *Тр. ГИМ. Памятники культуры.* Вып. XXX. М.: Советская Россия. 1958. 104 с.

Яновский, 1999 – Яновский А.Д. Е.В. Барсов – ученый и коллекционер // *Череповец: краевед. альм.* Вологда. 1999. Вып. 2. С. 261-266.

References

Barsov, 1872 – Barsov, E.V. (1872). Petr Velikii v narodnykh predaniyakh Severnogo kraya [Peter the Great in folk legends of the Northern region]. *Beseda*. 5: 295-309. [in Russian]

Barsov, 1879 – Barsov, E.V. (1879). Severnye narodnye skazaniya o drevnerusskikh knyaz'yakh i tsaryakh [Northern folk tales about old Russian princes and tsars]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. T. 2. № 9. P. 411. [in Russian]

Barsov, 1880 – Barsov, E.V. (1880). Pis'mo professoru E.E. Golubinskому s vozrazheniyami na ego knigu: Istoriya Russkoi tserkvi. T. 1, period do mongol'skii [Letter to Professor E.E. Golubinsky with objections to his book: history of the Russian church. Vol. 1, Pre-Mongol Period]. M. 14 p. [in Russian]

Barsov, 1882 – Barsov, E.V. (1882). Prichitaniya Severnogo kraya. Chast' 2. Plachi zavoennye, rekrutskie, soldatskie [Lamentations of the Northern region. Part 2. War, recruit, and soldier laments]. M.: Tip. «Sovremennye izvestiya». 402 p. [in Russian]

Barsov, 1882a – Barsov, E.V. (1882). Perepiska gosudarstvennogo kantslera grafa N.P. Rumyantseva s moskovskimi uchenymi [Correspondence of the state chancellor Count N.P. Rumyantsev with Moscow scholars]. M.: V Universitetskoj biblioteke (M. Katkov). 400 p. [in Russian]

Barsov, 1887 – Barsov, E.V. (1887). Slovo o polku Igoreve kak khudozhestvennyi pamyatnik Kievskoi družinnoi Rusi [The tale of Igor's campaign as an artistic monument of the Kievan družina Rus']. V 3 t. T. 1-3. M.: V Universitetskoj tip. (M. Katkov). 570 p. [in Russian]

Barsov, 1888 – Barsov, E.V. (1888). [Avtobiografiya] [Autobiography]. Znakoemye: al'bom M.I. Semevskogo, izdatelya-redaktora istoricheskogo zhurnala «Russkaya starina»: kniga avtobiograficheskikh sobstvennoruchnykh zametok 850 lits. SPb. P. 235. [in Russian]

- Chernukha, 1988** – Chernukha, V.G. (1988). Sigizmund Natanovich Valk – uchenyi i chelovek [Sigismund Natanovich Valk – scientist and man]. *Voprosy istorii*. 12: 31-46. [in Russian]
- Gilyarovskii, 2014** – Gilyarovskii, V.A. (2014). Moskva i moskvichi. [Moscow and muscovites] M.: Media. P. 37. [in Russian]
- Goreva, 2025** – Goreva, A.V. (2025). Kolleksiya N.L. Shabel'skoi v sobranii yaroslavskogo muzeya-zapovednika [The collection of N.L. Shabel'skaya in the Yaroslavl museum-reserve's holdings]. *Sobranie russkoi stariny» Natal'i Leonidovny Shabel'skoi: sostav, znachenie, sud'ba: Materialy seminar. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A I. Gertsena. 158 p. [in Russian]*
- Loiter, 2000** – Loiter, S.M. (2000). Vtoroe izdanie «Prichitanii Severnogo kraya, sobrannykh E.V. Barsovykh»: doklady III Mezhdunar. nauch. konf. «Ryabininskie chteniya-99» [Second edition of “Lamentations of the Northern territory, collected by E.V. Barsov”: papers of the III Int. scientific. conf. “Ryabinin readings – 99”]. Redkol.: R.B. Kalashnikova i dr. Petrozavodsk. Pp. 187-194. [in Russian]
- Nekrolog, 1917** – Nekrolog. Barsov E.V. [Obituary. Barsov E.V.]. *Istoricheskii vestnik*. 1917. 149(7-8): 287-288. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (g. Moskva) [Department of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow)].
- Polunina, Frolov, 1997** – Polunina, N., Frolov A. (1997). Barsov Elpidifor Vasil'evich (1836–1917) [Polunina N. Barsov Elpidifor Vasilievich (1836–1917)]. *Kollektsionery staroi Moskvy: illyustrirovannyi biograficheskii slovar'*. M. Pp. 19-22. [in Russian]
- Rykov, 1986** – Rykov, Yu.D. (1986). *Sobranie E.V. Barsova. F. 17* [Collection of E.V. Barsova. F. 17]. *Rukopisnye sobraniya Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina. Ukazatel'. T. 1. Vyp. 2. (1917–1947). Otv. red. vyp. Yu.D. Rykov. M. Pp. 320-336. [in Russian]*
- Salmina, 1995** – Salmina, M.A. (1995). Barsov Elpidifor Vasil'evich: [biografiya] [Barsov Elpidifor Vasilievich: [biography]. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*. T. 1. A-V. Otv. red. O. V. Tvorogov. SPb. Pp. 86-88. [in Russian]
- Shangina, 2017** – Shangina, I.I. (2017). Problemy komplektovaniya etnograficheskikh sobranii v Poslednei chetverti XIX v. [Problems of acquisition of ethnographic collections in the last quarter of the 19th century]. *Muzei. Traditsiya. Etnichnost'*. 1(9): 22-27. [in Russian]
- Shchepkina, Protas'eva, 1958** – Shchepkina, M.V., Protas'eva, T.N. (1958). Sokrovishcha drevnei pis'mennosti i staroi pechati. Obzor rukopisei russkikh, slavyanskikh, grecheskikh, a takzhe knig staroi pechati Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Treasures of Ancient writing and old printing. a review of Russian, Slavic, and Greek manuscripts, as well as old-printed books from the State historical museum]. Tr.GIM. Pamyatniki kul'tury. Vyp. XXX. M.: Sovetskaya Rossiya. 104 p. [in Russian]
- Shchepkina, Protas'eva, 1995** – Shchepkina, M.V., Protas'eva, T.N. (1995). *Sobranie rukopisei E.V. Barsova* [Collection of manuscripts of E.V. Barsova]. Sokrovishcha drevnei pis'mennosti i staroi pechati. M. Pp. 56-58. [in Russian]
- Surikova, 2017** – Surikova, O.D. (2017). K izucheniyu arkhaiskoi leksiki v «Prichitaniyakh severnogo kraya» E.V. Barsova [To the study of Archaic Lexicon in E.V. Barsov's “Lamentations of the Northern region”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 9(4): 73-82. [in Russian]
- Surikova, Tolstaya, 2024** – Surikova, O.D., Tolstaya, S.M. (2024). «Prichitan'ya Severnogo kraya» E.V. Barsova: Issledovaniya i materialy k slovaryu [“Lamentations of the Northern region” by E.V. Barsov: research and materials for the dictionary]. M.: Indrik, 696 p. [in Russian]
- Tsvetaev, 1887** – Tsvetaev, D.V. (1887). Zapiska ob uchenykh trudakh E. V. Barsova [Note on the scholarly works of E.V. Barsov]. M.: I.A. Vakhrameev. 40 p. [in Russian]
- Yanovskii, 1999** – Yanovskii, A.D. (1999). E.V. Barsov – uchenyi i kollektsioner [E.V. Barsov – scholar and collector]. *Cherepovets: kraeved. al'm. Vologda. Vyp. 2. Pp. 261-266. [in Russian]*
- Zhuravskaya, 1999** – Zhuravskaya, I.L. (1999). O dvukh dokumentakh iz sobraniya E.V. Barsova [On two documents from the collection of E.V. Barsov]. *Cherepovets: kraeved. al'm. Vologda. 2: 140-145. [in Russian]*

Елпидифор Васильевич Барсов как личность и ученый (к 190-летию со дня рождения)

Ляйля Гельсовна Хуснутдинова ^{a, *}

^aМосковский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена памяти ученого, историка древнерусской письменности и литературы, археографа, фольклориста и коллекционера – Елпидифора Васильевича Барсова

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Lavanda-55@mail.ru (Л.Г. Хуснутдинова)

(1836–1917), который посвятил жизнь спасению старинных книг, рукописей, икон, монет – тех самых, что сегодня вызывают восхищение у посетителей музеев и библиотек. Его работа была не просто собирательством: он тщательно изучал каждое издание, фиксировал его особенности, восстанавливал утраченные фрагменты и создавал подробные описания, превращая коллекцию в живой источник знаний. Опираясь на архивные документы – служебной и семейной переписки учёного, описей книжных собраний, личных заметок и пр. – реконструируется профессиональный путь исследователя и его вклад в понимание народной культуры и истории России. Актуальность работы обусловлена юбилейной датой, дающей повод обратиться к наследию выдающегося ученого, потребностью в изучении исторических практик с редкими изданиями и необходимостью сохранения памяти о людях, формировавших культурные коллекции. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов, связанных с деятельностью учёного. Эти документы позволяют: дополнить биографические сведения и раскрыть профессиональные связи учёного; выявить круг научных интересов и приоритетных направлений его деятельности; оценить его вклад в развитие коллекционирования и систематизации старинных книг. Видное место в творческом наследии Елпидифора Васильевича Барсова занимают его этнографические, археологические и критические труды, а также многочисленные речи, произнесенные по поводу различных событий в ученом мире. Исследование демонстрирует ценность архивных источников для изучения истории этнографии, а также смежных дисциплин – фольклористики, культурной антропологии и региональной истории. Результаты могут быть использованы в образовательных и просветительских проектах.

Ключевые слова: история Российской этнографии, Елпидифор Васильевич Барсов, архивные материалы, фольклор, коллекционер, музей, культурное наследие.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 699-707
DOI: 10.13187/bg.2026.2.699

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Rural Judicial Charter for State Peasants as a Source of Volost Legal Proceedings in the last quarter of the 19th century (based on documents from the State Archives of the Arkhangelsk Region)

Mariya A. Sosnina ^{a, *}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Svetlana A. Grimalskaya ^c, Ruslan M. Zhirov ^d

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the legislative basis of legal regulation of volost justice with an emphasis on the Rural Judicial Statute for state peasants as a source of decision-making in volost courts after the abolition of serfdom in Russia. The content of the article is based on a comparative legal analysis of two interrelated reforms: the reform of the state (1837–1841) and the reform of the landlord village (1861), the continuity of which is shown through the protocols of volost courts in the Arkhangelsk province, where there was no private-feudal dependence of the peasant population. Based on the theoretical conclusions made in pre-revolutionary historiography, as well as the conclusions of modern researchers in the field of legal history, the authors of this article have made well-founded conclusions using the protocols of volost courts stored in the State Archive of the Arkhangelsk Region. These conclusions are based on the legal dualism of peasant law, where the choice of the legal norm applied by the court directly depended on the pre-reform legal status of the peasant and the administrative and judicial experience of the peasant community. The present study empirically refutes the thesis, well-established in historiography, about the weak demand for the law in the volost court. The earlier and long-term functioning of the system of estate self-government and judicial proceedings in the state village significantly influenced the legal awareness of this category of peasants, forming their attitude towards the use of legislative norms, the stable functioning of which was facilitated by volost judicial practice.

Keywords: Russian Empire, Russian North, state village, P.D. Kiselev's reform, peasant reform, Rural Judicial Statute for State Peasants, volost court, law and custom.

1. Введение

В социально-экономической структуре Российской империи государственная (казённая) деревня имела особый правовой статус. В традиционной историографии она преимущественно рассматривалась как объект административного регулирования и фискальной политики. Однако такой подход игнорирует юридическое и фактическое положение: крестьянский мир представлял собой сложную систему с внутренней самоорганизацией и регулирующей ролью обычая, обладающую значительным потенциалом для междисциплинарных исследований в области историко-правовой науки.

Проводимые в периоды модернизации реформы, инициированные верховной властью и реализуемые бюрократическими методами, зачастую не учитывали этот уникальный внутренний

* Corresponding author

E-mail addresses: SosninaAGTU@yandex.ru (M.A. Sosnina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), sgrimalskaya@fa.ru (S.A. Grimalskaya), dzhir-ruslan@mail.ru (R.M. Zhirov)

крестьянский мир. Это приводило к сложностям в системе коммуникации между государственным регулированием с помощью закона и традиционными общественными институтами в виде правового обычая. Ярким примером такого противоречия стала масштабная реформа управления государственными крестьянами, разработанная и проведённая под руководством графа П.Д. Киселёва в 1837–1841 годах. Её анализ позволяет выявить характерные противоречия между попыткой рационализации управления «сверху» и устойчивыми нормами общинной саморегуляции «снизу».

Инициатива по реформированию государственной деревни была обусловлена комплексом социально-экономических и правовых факторов, ключевыми среди которых выступали два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, реформаторский курс был избран в силу его политической осуществимости: преобразования в государственной деревне, в отличие от помещичьей, не затрагивали имущественных и сословных интересов дворянства, что минимизировало риски сопротивления со стороны наиболее влиятельной социальной группы. Во-вторых, существовала объективная административно-хозяйственная необходимость, вызванная кризисным состоянием казённой деревни. К его системным проявлениям относились хронические недоимки по государственным податям, прогрессирующее малоземелье крестьянских хозяйств и отсутствие единой, эффективной системы управления обширным земельным фондом и зависимым населением. Данная ситуация требовала законодательного урегулирования и административной реорганизации в целях обеспечения фискальной устойчивости и социальной стабильности.

Масштаб задачи подчеркивается статистическими данными: по сведениям восьмой ревизии, государственные крестьяне составляли 36,12 % населения империи (свыше 9 млн.) (Кабузан, 1971: 59-168). Территория расселения последних охватывала различные регионы, такие как, Северное Приуралье, Архангельскую и Олонецкую губернии, Сибирь, а также территории Белоруссии и Прибалтики. С 1832 г., согласно Своду законов Российской империи, государственные крестьяне были отнесены к категории «свободных сельских обывателей» (Свод законов..., 1832: 121-123). Однако на практике их правовой статус оставался ограниченным: провозглашенные личные и имущественные права существенно регламентировались местной сельской администрацией.

Ключевым вектором реформы стала бюрократизация управления государственной деревней, основанная на принципах всеобъемлющего административного контроля и детальной регламентации. Основное правовое воздействие было направлено на системную реорганизацию институтов местного управления и крестьянского судопроизводства. Однако государственное регулирование распространилось значительно дальше, в сферу традиционного правового уклада и повседневных социальных практик.

2. Материалы и методы

Современным научным трендом являются междисциплинарные исследования, к числу которых следует отнести изучение государственного регулирования правоотношений различных социальных групп, проводимых на стыке таких социо-гуманитарных наук, как история, этнография и юриспруденция. Историко-правовая наука испытывает потребность в научных работах, направленных на исследование юридического быта населения разных регионов с целью укрепления национально-правовой самоидентичности. Важную роль в деле сохранения последней играют фонды региональных архивов, хранящие уникальные документы по поднимаемой проблеме. В настоящей статье в качестве эмпирической основы вводятся протоколы волостных судов двух архивных дел Долгощельского волостного правления под номерами 18 и 191 объёмом 637 листов, находящихся на постоянном хранении в Государственном архиве Архангельской области (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. 345 л.; Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. 292 л.).

Высокая степень достоверности названных документов делает их значимыми источниками историко-правового исследования.

Методологической основой настоящей статьи стал формально-юридический метод, который позволил проанализировать Сельский судебный устав для государственных крестьян как основу решений волостных судов Архангельской губернии и привёл к выводу о дуализме крестьянского сословного права после крестьянской реформы 1861 г. Для учёта политических и социально-экономических факторов, влияющих на функционирование законодательных норм в реальных общественных отношениях, использовался конкретно-исторический метод, позволивший сделать результаты исследования репрезентативными.

Результатом использования метода критики исторических документов (в частности, правоприменительных актов волостных судов) стал вывод о том, что законодательная норма применялась в волостном суде в совокупности с другими социальными нормами, характерными для конкретного периода их функционирования, а также в соответствии с правосознанием и правовой культурой изучаемой социальной группы.

3. Обсуждение

Историография проблемы реформирования государственной деревни и сословной правосубъектности крестьян государственного сектора экономики Российской империи сравнительно

невелика и противоречива (Дунаева, 2010). Н.В. Дунаева в монографии дала исчерпывающую характеристику сословного статуса «свободных сельских обывателей», используя широкий круг нормативных правовых актов, регламентирующих изменения в управлении государственной деревней второй трети XIX в. Региональный аспект проблемы на документах Тамбовской губернии раскрывает в своей монографии Е. Ю. Иванова-Малофеева (Иванова-Малофеева, 2005). Результатам реформирования административно-судебных органов в казённой деревне посвящена монография советского историка Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва» (Дружинин, 1946; Дружинин, 1958).

В отечественной дореволюционной литературе можно встретить негативные суждения о реформе государственной деревни П.Д. Киселёва (Зайцев, 1912), которую рассматривали исключительно как продукт полицейского государства с бюрократической системой управления и мелочной регламентацией жизнедеятельности государственных крестьян, не защищённых от административного произвола. С другой стороны, государственная казна после реформы казённой деревни заметно обогатилась за счёт сокращения в два раза недоимок (Богословский, 1907).

В современной историографии вопроса реформу П.Д. Киселёва называют одним из немногих удачных преобразований в сфере управления Российской империей (Иванова, 2011), поскольку последняя включала и создание вертикали управления в казённой деревне в сочетании с элементами местного самоуправления, и ряд попечительских мероприятий в отношении государственных крестьян. Однако И.А. Христофоров отмечает, что главной целью и одновременно средством реформы П.Д. Киселёва стали регламентация и контроль: «не только повинностей перед государством, но и условий хозяйствования, быта, даже нравственности» (Христофоров, 2011: 30-35).

Основные выводы, вытекающие из историографии проблемы, следующие. Идеологическая и политическая победа графа П. Д. Киселёва в полемике со сторонниками западнических подходов (Е.Ф. Канкрин, В. П. Кочубеев, Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский) знаменовала утверждение в правосознании российской бюрократии так называемой «общинно-государственной» парадигмы (Дунаева, 2010: 203) реформирования. Данная парадигма, ставшая на десятилетия доминирующей, базировалась на следующих ключевых принципах:

1. Сословная административно-судебная автономия крестьянской общины под строгим государственным контролем.
2. Приоритет общинных форм землепользования и землевладения над частно-собственническими.
3. Патерналистско-попечительская роль государства по отношению к крестьянству как к особому, нуждающемуся в опеке сословию.

Таким образом, как справедливо отмечали историки (в частности, Н.М. Дружинин), реформа П.Д. Киселёва не только трансформировала положение государственных крестьян, но и оказала структурообразующее влияние на всю дальнейшую правительственную политику в отношении крестьянского сословия, предопределив контуры последующих преобразований (Дружинин, 1946: 561).

Настоящее исследование логически и содержательно продолжает цикл статей, посвящённых волостным судам Русского Севера в целом, и обычно-правовой основе их решений в частности (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b; Sosnina et al., 2024c).

4. Результаты

Законодательной основой реформы государственной деревни стали три основных акта: «Об управлении государственными имуществами в губерниях» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 13. № 11189), «Сельский полицейский устав» и «Сельский судебный устав для государственных крестьян» (Устав Сельский ..., 1880). Два последних устава стали впоследствии составными частями Устава о благоустройстве в казенных селениях (Свод законов..., 1857: 62-102).

Первый раздел Сельского судебного устава 1839 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 14. №12166) определял общие принципы судоустройства для государственных крестьян, создавая автономную сословную судебную систему. Её структура была построена по иерархическому принципу, в котором первой инстанцией выступала сельская расправа. Апелляционные и кассационные функции в отношении её решений были сосредоточены в волостной расправе. Высшей судебной инстанцией в данной вертикали оставались общеимперские уездные и земские суды, что обеспечивало формальную интеграцию крестьянского судоустройства в общую судебную систему. Ключевым преимуществом созданных расправ, с точки зрения законодателя, были их простота, близость к населению и финансовая доступность. Для обеспечения оперативности исполнения решения приговоры сельских и волостных расправ подлежали немедленному исполнению через должностных лиц крестьянского самоуправления – сельских старост.

Устав также вводил ряд специфических процессуально-правовых норм, отражающих патерналистский и фискальный подход государства. К таковым относились:

1. Мера материальной ответственности за злоупотребление правом на обжалование: подача неосновательной жалобы влекла наложение пени в размере 50 копеек серебром.

2. Альтернативная санкция имущественного характера: несостоятельные ответчики, в случаях, предусмотренных уставом, могли быть приговорены к отработке долга в форме общественных работ, что свидетельствует о синтезе судебной и административной ответственности в рамках сословного правоприменения (Иванова-Малофеева, 2005: 54).

Вторая часть Сельского судебного устава закрепляла материально-правовые и процессуальные основания юрисдикции созданных сословных судов. Её ключевым элементом стала детальная классификация проступков и санкций, а также чёткое определение территориальной и субъектной подсудности.

Юрисдикция сельских и волостных расправ ограничивалась делами, возникающими исключительно на территории казённых земель и с участием государственных крестьян. Данный принцип сословно-территориальной обособленности исключался, если в правонарушении участвовали лица иных сословий (например, помещичьи крестьяне), что автоматически переводило дело в компетенцию земского суда. Аналогично, дела о проступках, совершённых в городской черте, подлежали рассмотрению органами полиции.

Вводилось разграничение компетенции между инстанциями внутри крестьянской судебной системы:

- Сельской расправе, как суду первой инстанции, были подсудны наименее сложные казусы. К ним относились малозначительные гражданско-правовые споры, основанные на устных договорах (личного или имущественного найма, купли-продажи), то есть вытекающие из неформальных правоотношений;

- Волостная расправа обладала более широкой и сложной компетенцией. Помимо рассмотрения жалоб на решения нижестоящей инстанции, она была уполномочена разрешать дела о духовных завещаниях, заявленных при волостном правлении. Уникальной особенностью данной инстанции было прямое указание на возможность вынесения решений на основе местных обычаев, что формально легитимизировало его применение в рамках государственной судебной системы.

Таким образом, функциональная роль волостной расправы выходила за рамки простого пересмотра дел; она была институционализирована как орган административно-судебного контроля и попечительства над деятельностью сельских расправ, обеспечивая единство правоприменительной практики в государственной деревне.

Сельская и волостная расправы стали прототипом созданного в ходе крестьянской реформы 1861 г. волостного суда для вышедших из крепостной зависимости помещичьих крестьян. С преобразованием общественного управления государственных крестьян в 1866 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. №42899) нормой о волостном суде были охвачены и казённые деревни, однако статьи Сельского судебного устава, регламентирующие перечень проступков и наказаний, продолжали использоваться в качестве основы решения волостных судов для бывших государственных крестьян, тогда как в отношении бывших помещичьих крестьян действовали нормы Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. №36657), которое регламентировало в качестве источника волостного судопроизводства обычаи. С этого времени, как утверждал Н.С. Таганцев, Устав (имеется в виду Сельский судебный устав для государственных крестьян – прим. авторов) «получил совершенно второстепенное значение», поскольку «первенствующее место в судах крестьянских заняло обычное право» (Таганцев, 1887: 203-204). Аналогичная ситуация складывалась и у других народов (Plotskaya et al., 2025a), в том числе и у соседей Архангельской губернии, т.е. в Коми крае (Plotskaya et al., 2025b), о чем свидетельствуют исторические источники, хранящиеся в архивах.

Таким образом, после отмены крепостного права в России сохранился дуализм крестьянского сословного права, где различия в правовой основе волостного судопроизводства основывались на прежней ведомственной принадлежности крестьян.

Эту уникальную особенность функционирования волостных судов в Архангельской губернии, где основным населением были государственные крестьяне, авторы статьи демонстрируют протоколами волостных судов, находящихся на постоянном хранении в Государственном архиве Архангельской области. Хронологические рамки цитируемых документов, вводимых в научный оборот впервые, относятся к периоду с 1881 по 1894 гг., территориальные – к Долгощельскому волостному правлению Мезенского уезда Архангельской губернии.

В систему проступков, регламентированных Сельским судебным уставом (ст. 468) (Свод законов..., 1857: 62-102), входили:

- Во-первых, проступки против церковного благочиния (нарушение порядка в церкви во время богослужения, нарушение порядка в общественном месте до окончания литургии в воскресный день).

- Во-вторых, проступки против правительственного и общественного порядка (драки, нарушение санитарных правил о чистоте на улицах, неявка в суд, несправедливые просьбы начальству, самовольные отлучки, несанкционированные постройки, самовольное переселение, семейные разделы, неуважение родителей и начальства, отказ содержать родителей в старости и болезни и др.). В подобных случаях в суд обращались в основном выборные должностные лица села или волости.

Ст. 471 Устава за всякое нарушение правительственного и общественного порядка, тишины и спокойствия, равно как за всякое ослушание начальства, виновные должны быть подвергнуты наказанию по мере вины (*Свод законов...*, 1857: 62-102). Так, например, Долгощельский волостной старшина передал на обсуждение волостного суда заявление полицейского урядника 2 участка Яркова о том, что при проверке караулов и обходов не оказалось на месте караульщиков в ночь с 24 октября Алексея Яковлева Широкова, с 25 октября Тараса Яковлева Нечаева и вдовы Марфы Селивёрстовой, посему просить сказанные лица привлечь к ответственности. Суд постановил на основании ст. 443 Устава о благоустройстве в казённых селениях Нечаева из-под суда освободить, Алексея Яковлева Широкова на основании ст. 471 и 474 того же устава и ст. 102 Общего положения о крестьянах подвергнуть общественным работам на один день, а Марфу из-под суда освободить, принимая во внимание преклонность её возраста (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 277–281*).

Фонды Государственного архива Архангельской области содержат протоколы волостных судов по делам о семейных разделах в крестьянской среде, в исследуемый период проблеме, актуальной и неоднократно обсуждаемой в научном и общественном дискурсах (*Sosnina et al.*, 2024: 159-168). Приведём один из многочисленных примеров семейного конфликта отцов и детей. 10 января 1893 г. волостной суд разбирал жалобу отца Андрея Буторина на сына своего Антона, который ночью ушёл из дома со своей женой, прихватив вещи. Ответчик показал, что отец его держал в доме только как за работника. Суд несколько раз пытался склонить стороны к примирению, но из-за непокорности сына таковое не состоялось. Суд на основании ст. 489 Сельского судебного устава о государственных крестьянах постановил: как непослушного родителям и тем более оскорбляющего их словами, наказать по воле родителей розгами не выходя, однако, из пределов, определённых для наказания в этом уставе, а их вещи вернуть (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 331*).

Волостной суд воспроизводит ст. 489 Устава близко к тексту и назначает телесное наказание, не указывая при этом его размер. Под стражу заключаются отделённые или неотделённые от родителей дети, оскорбившие родителей словами, а также дети, отказывающие родителям в «пище, одежде и вспоможении», особенно в старости и болезни (ст. 490 и 491 Устава) (*Свод законов...*, 1857: 62-102). Пример подобного дела решил Долгощельский волостной суд 2 марта 1894 г. по жалобе отца на сына по поводу отсутствия содержания на основании ст. 491 Устава о благоустройстве в казённых селениях и обязал сына содержать родителей (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–2*).

В-третьих, проступки против благочиния (пьянство, нецензурная брань, лень, растрата домашнего имущества и скота вследствие пьянства, развратный образ жизни, прошение милостыни и др.).

Анализ волостной судебной практики за указанный период показал, что чаще всего крестьяне обращались в волостной суд по поводу драк, оскорбления словом и действием. Так, например, 26 октября 1889 г. ветеринарный фельдшер Ушаков заявил волостному суду следующую жалобу: Я позволил самому себе зайти на вечеринку к крестьянину Степану Давыдову Нечаеву вместе с Долгощельским старшиной. На вечеринке не знаю почему крестьянские сыновья Трифон Егоров Широкий и Терентий Степанов Нечаев нанесли мне оскорбление словами и действием. Дело решено на основании 465 ст. Устава о благоустройстве в казённых селениях (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 217*).

Или, например, волостной суд рассмотрел дело об оскорблении крестьянской вдовы Увакиной, которую ответчик Селивёрстов назвал «блядью» и другими ругательными словами. На основании ст. 465 Устава о благоустройстве в казённых селениях и ст. 354 Устава о предупреждении и пресечении преступлений в просьбе Александре Ивановой Увакиной отказать, а Степана Иванова Селивёрстова из-под суда освободить, поскольку по словам свидетелей она сама первая начала ругаться бранными словами (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 147–150*). Волостной суд использует для решения ст. 465 Устава, которая регламентирует: Если за обиду словом, письмом или действием, обидчик сделает обидчику таковую же обиду, то теряет право иска (*Свод законов...*, 1857: 62-102).

В-четвёртых, проступки против законов о личной безопасности (торговля некачественными продуктами, содержание в хозяйстве диких животных, причинение вреда третьим лицам дикими и домашними животными, несоблюдение скоростного режима в местах скопления людей, выход на тонкий лёд, оставление в опасности, оскорбление словом или действием и др.).

Так, ст. 519 Устава содержит состав дела о клевете: Кто злоумышленно станет обвинять другого в проступках и будет обличён во лжи, того присуждать к такому же наказанию, какому подлежит обвиняемый, если бы донос или показание оказались справедливыми (*Свод законов...*, 1857: 62-102). Пример дела о клевете в протоколе волостного суда: Селивёрстова не смогла доказать волостному суду, что Широкий захватил у неё деньги в размере 4 руб. Посему Селивёрстову подвергнуть на основании 519 ст. Сельского судебного устава и 102 ст. Общего положения о крестьянах аресту при волостном правлении с освобождением под наблюдение десятского (*ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 47, 48*).

В-пятых, проступки против законов о праве на имущество (нанесение вреда чужому имуществу, нарушение правил пожарной безопасности, игра в карты на деньги, обвес или обмер, кража или воровство, укрывательство краденого, несообщение о находке сельскому старосте, заражение скота и др.).

Кражи и мошенничество – самые распространённые правонарушения в крестьянской среде. Ст. 533 Устава (*Свод законов...*, 1857: 62-102) содержит оба состава проступков: Виновные в воровстве-краже и воровстве-мошенничестве, когда цена похищенного или присвоенного обманом не

превышает тридцати рублей и когда сие учинено в первый или во второй раз, без всяких увеличивающих вину обстоятельств, наказываются розгами; похищенное же имущество возвращается хозяину.

Волостной суд рассмотрел спор между братьями о краже 7 рублей. Василий Хорьговский просит взыскать с брата Семёна Хорьговского 7 рублей и наказать по закону. Ответчик на суде выявил согласие уплатить в пользу Василия 2 руб. Волостной суд постановил на основании ст. 102 Общего положения о крестьянах и ст. 533 Устава о благоустройстве в казённых селениях постановил взыскать с Семёна украденные им 7 руб., а за учинённый проступок в первый раз наказать розгами десятью ударами при волостном правлении (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 18-21).

Следующая статья 534 Устава (Свод законов..., 1857: 62 – 102) гласит: Кто, приняв имущество заведомо краденое, не объявит о нём сельскому старосте, тот подлежит наказанию, положенному за воровство. Приведём пример дела о продаже краденых вещей. На основании ст. 533 и 534 Устава о благоустройстве в казённых селениях ответчику Матрёну Селивестрову подвергнуть взысканию 4 руб., а также Ивана Широкова, который знал о том, что в доме краденые вещи, штрафу 3 руб. 50 коп. (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. Л. 264–265).

Протоколов по делам о неосторожном обращении с огнём встретилось несколько, что свидетельствует о важности вопроса пожарной безопасности. Так, например, 19 декабря 1890 г. на обсуждение волостного суда волостной старшина принёс заявление полицейского урядника 4 участка Ежова о том, что у крестьянина Григория Селивестрова загорелся скотский двор от неосторожного обращения с огнём. Так как при осмотре места происшествия признаков вины не обнаружено, то на основании ст. 442 и 443 Устава о благоустройстве в казённых селениях Григория и его жену из-под суда освободить по недоказанности (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 288–290).

Для решения дела волостной суд использовал ст. 442 Устава (Свод законов..., 1857: 62–102), согласно которой никто не должен быть присуждён к наказанию без точных доказательств или явных улик в проступке. Принцип презумпции невиновности чётко прослеживается в ст. 443 закона: по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить к оному одного невиновного (Свод законов..., 1857: 62–102).

Интересное дело о клевете и угрозе одновременно встретилось авторам статьи на листах 67–71 Книги решений волостного и третейского суда. Волостной суд рассмотрел жалобу крестьянина Петра Фёдорова Широкова на крестьянскую девицу Дарью Иванову Широкою, которая наносит ему обиды в разных предметах: украла ящик с вещами из горницы, утащила с улицы от дома поставни (устар. постав – ткацкий стан), выломала с улицы стёкла в горнице, что могут подтвердить свидетели. Так как ни один из свидетелей не может подтвердить слова истца, на основании ст. 443 Устава о благоустройстве в казённых селениях девицу от суда освободить, а в том, что похвалялась поджечь дом Петра Широкова, это дело на основании ст. 536 (п. 2) того же Устава как не подвластное волостному суду передать на обсуждение общих судебных мест (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 67–71).

В главе «О разных родах наказаний за проступки» Сельского судебного устава для государственных крестьян (Свод законов..., 1857: 62–102) была установлена следующая система исправительных наказаний: арест и заключение под стражу с содержанием на хлебе и воде, штрафы (25 коп., 50 коп., 1 руб.), общественные работы, телесные наказания, удаление из общества. Все перечисленные наказания носят исправительный характер, что интерпретируется в историко-правовой литературе как свидетельство определенной тенденции к гуманизации карательной политики в отношении крестьян в дореформенной России. Преобладание в практике крестьянских судов наказания в виде общественных работ позволяет предположить, что целью наказания по Уставу являлась не столько наказание и исправление правонарушителя, сколько извлечение общественной пользы из самого факта осуждения.

Характерной особенностью санкций по Уставу была неопределенность их размера. Законодатель, за редким исключением, не устанавливал точных сроков ареста или объемов назначаемых общественных работ, предоставляя судье широкие возможности судебскому усмотрения, «по человеку смотря». Единственным формализованным смягчающим обстоятельством, прямо указанным в законе, выступало чистосердечное признание вины подсудимым (ст. 452 Устава) (Свод законов..., 1857: 62–102).

5. Заключение

Проведенный анализ судебной практики позволяет выявить ключевое последствие двух реформ: государственной деревни П.Д. Киселёва (1837–1841 гг.) и помещичьей деревни 1861 г. Более раннее существование суда у государственных крестьян и длительный опыт судопроизводства на основе Сельского судебного устава для государственных крестьян привели к устойчивой судебной традиции использования данного закона в решениях вновь созданного в 1861 г. волостного суда. Таким образом, в правовой системе государственной деревни сформировался сложный синтез нормативных актов, уходящих корнями в обе реформы.

Настоящее исследование эмпирически опровергает устоявшийся в историографии тезис о слабой востребованности закона в волостном суде. Более раннее и длительное функционирование

системы сословного самоуправления и судопроизводства в государственной деревне существенно повлияло на правосознание данной категории крестьян, сформировав у них установку на использование законодательных норм при разрешении споров в волостных судах после 1861 г. Данный факт также свидетельствует о глубоком правовом дуализме крестьянского права, когда выбор применяемой судом нормы напрямую зависел от предреформенного правового статуса и административно-судебного опыта крестьянской общины.

Анализ преемственности между Киселёвской реформой государственной деревни и последующими крестьянскими преобразованиями, включая реформу 1861 года, позволяет выявить их общую консервативно-охранительную направленность. Эта направленность стала системным следствием отказа правящей элиты от радикальных либеральных моделей модернизации аграрного сектора.

Литература

[Богословский, 1907](#) – Богословский М.М. История России в XIX веке. Дореформенная Россия (1800-1840): Сборник. СПб.: А. и И. Гранат, 1907. Т. 1. С. 250-259.

[ГААО](#) – Государственный архив Архангельской области.

[Дружинин, 1946](#) – Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. М.; Ленинград, 1946–1958 (Москва). 2 т.; Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. 1946. 635 с.

[Дружинин, 1958](#) – Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Реализация и последствия реформы / 2 т.; 26 см. М.; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. Наук СССР, 1946–1958 (Москва), 1958. 615 с.

[Дунаева, 2010](#) – Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб., 2010. 471 с.

[Зайцев, 1912](#) – Зайцев К.И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян / Труды студентов экономического отделения Санкт-Петербургского Политехнического института. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого, 1912. 204 с.

[Иванова, 2011](#) – Иванова Е.Ю. Из опыта законодательного оформления управленческой реформы (на примере реформы государственной деревни 1837 – 1841 гг.) // *Вестник ТГУ*. 2011. Вып. 12(104). С. 792-804.

[Иванова-Малофеева, 2005](#) – Иванова-Малофеева Е.Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Монография. Тамбов, 2005. 196 с.

[Кабузан, 1971](#) – Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий). М., 1971. 190 с.

[ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.

[Свод законов..., 1857](#) – Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т.12. Часть вторая. СПб.: В Типографии Второго Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 591 с.

[Свод законов..., 1832](#) – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Свод законов о состоянии людей в государстве. С.-Пб., 1832. 572 с.

[Таганцев, 1887](#) – Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 815 с.

[Устав Сельский..., 1880](#) – Устав Сельский Судебный / Руководство для крестьян: Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. Москва: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1880. С. 156-176.

[Христофоров, 2011](#) – Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.

[Plotskaya et al., 2025a](#) – Plotskaya O.A., Melentev A.V., Ospanova D.A., Zhiron R.M. Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1428-1437.

[Plotskaya et al., 2025b](#) – Plotskaya O.A., Botoeva Ch. K., Grudin N.S., Shiryov D.A. The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 632-640.

[Sosnina et al., 2024a](#) – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

[Sosnina et al., 2024b](#) – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.

[Sosnina et al., 2024c](#) – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1759-1765.

References

- [Bogoslovskii, 1907](#) – *Bogoslovskii, M.M.* (1907). *Istoriya Rossii v XIX veke. Doreformennaya Rossiya (1800-1840)* [History of Russia in the 19th century. Pre-reform Russia (1800-1840)]: Sbornik. SPb: A. i I. Granat. T. 1. Pp. 250-259. [in Russian]
- [Druzhinin, 1946](#) – *Druzhinin, N.M.* (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva*. [State Peasants and P. D. Kiselev's Reform]. M.; Leningrad, 1946–1958 (Moskva). 2 t.; T. 1: Predposylki i sushchnost' reformy. 635 p. [in Russian]
- [Druzhinin, 1958](#) – *Druzhinin, N.M.* (1958). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P. D. Kiseleva. Realizatsiya i posledstviya reformy* [State Peasants and the Reform of P. D. Kiselev. Implementation and Consequences of the Reform]. 2 t.; 26 sm. M.; Leningrad: Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. Nauk SSSR, 1946–1958 (Moskva). 615 p. [in Russian]
- [Dunaeva, 2010](#) – *Dunaeva, N.V.* (2010). *Mezhdru soslovnoi i grazhdanskoi svobodoi: evolyutsiya pravosub"ektnosti svobodnykh sel'skikh obyvatelei Rossiiskoi imperii v XIX v.* [Between class and civil freedom: the evolution of the legal personality of free rural inhabitants in the Russian Empire in the 19th century]. SPb. 471 p. [in Russian]
- [GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [The State Archive of the Arkhangelsk region].
- [Ivanova, 2011](#) – *Ivanova, E.Yu.* (2011). *Iz opyta zakonodatel'nogo oformleniya upravlencheskoi reformy (na primere reformy gosudarstvennoi derevni 1837 – 1841 gg.)* [From the experience of legislative implementation of administrative reform (based on the reform of the state village in 1837–1841)]. *Vestnik TGU*. 12(104): 792-804. [in Russian]
- [Ivanova-Malofeeva, 2005](#) – *Ivanova-Malofeeva, E.Yu.* (2005). *Reforma gosudarstvennoi derevni v Tambovskoi gubernii (seredina 30-kh – sredina 50-kh gg. XIX v.)* [Reform of the state village in the Tambov province (mid-1830s – mid-1850s)]. Monografiya. Tambov. 196 p. [in Russian]
- [Kabuzan, 1971](#) – *Kabuzan, V.M.* (1971). *Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v.: (po materialam revizii)* [Changes in the population distribution in Russia in the 18th and first half of the 19th century: (based on census data)]. M. 190 p. [in Russian]
- [Khristoforov, 2011](#) – *Khristoforov, I.A.* (2011). *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-1890-e gg.)* [The fate of the reform: the Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830-1890s)]. M.: Sobranie. 368 p. [in Russian]
- [Plotskaya et al., 2025b](#) – *Plotskaya, O.A., Botoeva, Ch. K., Grudin, N.S., Shiryov, D.A.* (2025). The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries. *Bylye Gody*. 20(2): 632-640.
- [Plotskaya et al., 2025a](#) – *Plotskaya, O.A., Melentev, A.V., Ospanova, D.A., Zhirov, R.M.* (2025). Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1428-1437.
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
- [Sosnina et al., 2024a](#) – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A.* (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.
- [Sosnina et al., 2024b](#) – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.
- [Sosnina et al., 2024c](#) – *Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A.* (2024). The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(4): 1759-1765.
- [Svod zakonov..., 1832](#) – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyi* [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of His Majesty Emperor Nicholas Pavlovich]. T. 9: *Svod zakonov o sostoyanii lyudei v gosudarstve*. S.-Pb., 1832. 572 p. [in Russian]
- [Svod zakonov..., 1857](#) – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Izdanie 1857 g. T. 12. *Chast' vtoraya*. S.-Pb.: V Tipografii Vtorogo Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. 591 p. [in Russian]
- [Tagantsev, 1887](#) – *Tagantsev, N.S.* (1887). *Lektsii po russkomu ugolovnomu pravu* [Lectures on Russian criminal law]. *Chast' obshchaya*. Vyp. 1. S.-Pb. 815 p. [in Russian]
- [Ustav Sel'skii..., 1880](#) – *Ustav Sel'skii Sudebnyi* [Rural Judicial Charter]. *Rukovodstvo dlya krest'yan: Sbornik deistvuyushchikh uzakonenii, kasayushchikhsya obshchestvennogo ikh upravleniya i obyazannostei sel'skikh i volostnykh dolzhnostnykh lits i nizhnikh chinov uездnoi politzii*. Moskva: Tip. M.N. Lavrova i K., 1880. Pp. 156-176. [in Russian]
- [Zaitsev, 1912](#) – *Zaitsev, K.I.* (1912). *Ocherki istorii samoupravleniya gosudarstvennykh krest'yan* [Essays on the history of self-government of state peasants]. *Trudy studentov ekonomicheskogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo Politekhnikeskogo instituta*. SPb.: Sankt-Peterburgskii politekhnikeskii institut imperatora Petra Velikogo. 204 p. [in Russian]

Сельский судебный устав для государственных крестьян как источник волостного судопроизводства последней четверти XIX в. (на примере документов Государственного архива Архангельской области)

Мария Александровна Соснина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b,
Светлана Александровна Гримальская ^c, Руслан Михайлович Жиров ^d

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются законодательные основы правового регулирования волостной юстиции с акцентом на Сельский судебный устав для государственных крестьян как источник принятия решений в волостных судах после отмены крепостного права в России. Содержание статьи основано на сравнительно-правовом анализе двух взаимосвязанных между собой реформ: реформы государственной (1837–1841 гг.) и помещичьей деревни (1861 г.), преемственность которых показана через протоколы волостных судов Архангельской губернии, где отсутствовала частно-феодалная зависимость крестьянского населения. Опираясь на теоретические выводы, сделанные в дореволюционной историографии, а также заключения современных исследователей в области истории права, авторами настоящей статьи сделаны обоснованные выводы с применением протоколов волостных судов, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, о правовом дуализме крестьянского права, когда выбор применяемой судом нормы напрямую зависел от предреформенного правового статуса крестьянина и административно-судебного опыта крестьянской общины. Настоящее исследование эмпирически опровергает устоявшийся в историографии тезис о слабой востребованности закона в волостном суде. Более раннее и длительное функционирование системы сословного самоуправления и судопроизводства в государственной деревне существенно повлияло на правосознание данной категории крестьян, сформировав у них установку на использование законодательных норм, к стабильному функционированию которых способствовала волостная судебная практика.

Ключевые слова: Российская империя, Русский Север, государственная деревня, реформа П.Д. Киселёва, крестьянская реформа, Сельский судебный устав для государственных крестьян, волостной суд, закон, обычай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SosninaAGTU@yandex.ru (М.А. Соснина),
vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), sgrimalskaya@fa.ru (С.А. Гримальская),
dzhir-ruslan@mail.ru (Р.М. Жиров)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 708-717
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.708

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Russian Aristocracy of Kaluga Governorate as Depicted in the Provincial Gazette

Natalia S. Sergienko ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article examines the representation of the Russian nobility of Kaluga Governorate in the materials of Kaluga Governorate Gazette from the nineteenth to the early twentieth century. Based on an analysis of both the official and non-official sections of the periodical, the study identifies the administrative, socio-economic, and cultural characteristics of provincial nobility and reveals the main forms of its participation in local governance and public life. Special attention is paid to the socio-economic transformation of the nobility, including processes of property differentiation, indebtedness, and the gradual loss of economic autonomy by a significant part of the estate. At the same time, the Gazette reflects the preservation and expansion of managerial functions of the nobility through institutions of estate self-government, zemstvo bodies, judicial and guardianship institutions. The article demonstrates that the governorate gazette served not only as an administrative bulletin but also as a mechanism for constructing a public image of the nobility at the regional level. The analysis contributes to the study of regional models of social structure in the Russian Empire and highlights the value of provincial periodicals as a source for social history research.

Keywords: nobility, newspaper, provincial gazette, management, culture, estate, province, official.

1. Введение

Русское дворянство традиционно занимало ключевое место в социальной структуре Российской империи, выполняя управленческие, военные и культурно-просветительские функции. На региональном уровне специфика дворянского сословия проявлялась особенно наглядно, что делает губернскую периодику ценнейшим историческим источником. «Калужские губернские ведомости» (КГВ), издававшиеся с первой половины XIX в., аккумулировали сведения нормативного, статистического и хроникального характера, позволяя реконструировать повседневную и институциональную жизнь дворянства губернии.

В современной историографии губернские ведомости рассматриваются как особый тип источника, сочетающий черты официального административного издания и региональной хроники. Одним из первых системных исследований данного вида периодики стала работа Г.М. Дейча (Дейч, 1978), в которой губернские ведомости охарактеризованы как «ценный исторический источник». Данный подход заложил методологические основы использования губернских ведомостей в исследованиях по социальной и административной истории (Баикина, 2020; Саляхиева, 2009; Шевцов, 2013).

Развитие историографической традиции в конце XX – начале XXI вв. связано с усилением интереса к региональной истории и историческим подходам, в рамках которых губернская периодика используется для анализа социальной структуры, механизмов власти и повседневных практик. В этом контексте ведомости выступают не только источником фактических сведений, но и средством репрезентации социальных групп, транслирующим нормативные модели поведения и социальные ожидания. Разработка данной проблематики нашла отражение в исследовании, посвящённом

* Corresponding author

E-mail addresses: nssergienko@mail.ru (N.S. Sergienko)

анализу чиновничества на материалах губернских ведомостей (Сергиенко и др., 2022а: 86; Сергиенко и др., 2022: 63). Обращение к данному исследованию позволяет расширить аналитическую часть статьи и рассматривать дворянство и чиновничество как взаимосвязанные группы в структуре губернского управления. Особое значение данные материалы приобретают при анализе социально-экономического положения дворянства, поскольку именно в губернских ведомостях нашли отражение процессы имущественной дифференциации, трансформации помещичьего хозяйства и адаптации сословия к реформам середины XIX в. В отличие от столичной прессы, губернские издания фиксировали эти процессы в их повседневном, незавершённом виде, что повышает их ценность для социальной истории.

Целью настоящей статьи является анализ образа и роли дворянства Калужской губернии на страницах губернских ведомостей с учётом его административных функций, социально-экономического положения и участия в культурно-общественной жизни, а также выявление ключевых тематических блоков репрезентации данного сословия в региональной периодике.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования послужили подшивки «Калужских губернских ведомостей» за 1838–1916 гг., использованные по оцифрованным копиям и микрофильмам. Анализу подвергались как официальная, так и неофициальная части издания, что позволило рассматривать губернские ведомости как сложный и многослойный исторический источник.

Принципиальное значение имеет разграничение официальной и неофициальной частей «Калужских губернских ведомостей». Официальная часть выполняла функции правового и административного информирования и отражала нормативно заданную модель дворянства как опоры государственной власти. Здесь публиковались указы, распоряжения, отчёты, протоколы дворянских собраний, сведения о выборах и назначениях. Неофициальная часть, напротив, фиксировала элементы повседневной жизни, хозяйственные практики и формы общественной активности, что делает её особенно ценной для социальной истории.

Официальная часть «Калужских губернских ведомостей» фиксирует участие дворянства в системе местного управления через публикацию нормативных актов, отчётов, протоколов и служебных сообщений. Именно здесь формируется нормативно заданный образ дворянства как сословия, несущего особую ответственность за состояние губернских и уездных дел.

Значительное место занимают публикации о выборах предводителей дворянства и членов дворянских собраний. Ведомости регулярно сообщали о сроках проведения выборов, утверждении избранных лиц и распределении обязанностей между ними. Подобные сообщения не только информировали, но и подчёркивали легитимность дворянского самоуправления как элемента государственной системы. Так, в официальной части выпуска № 9 за 1861 г. (Местные известия, 1861) указывалось, что «...дворянское собрание, выслушав доклад предводителя, постановило принять меры к приведению в надлежащее состояние уездных повинностей», что свидетельствует о прямом участии дворян в регулировании хозяйственно-административных вопросов.

В официальных сообщениях последовательно закрепляется контрольная функция дворянства. В официальной части № 14 за 1862 г. подчёркивалось, что «предводители дворянства обязаны иметь неослабное наблюдение за ходом дел земских и общественных» (Местные известия, 1862). Использование подобных формулировок указывает на институциональное представление о дворянстве как посреднике между центральной властью и местным обществом.

Анализ языка официальной части ведомостей показывает устойчивость определённого набора риторических клише: «в установленный срок», «по высочайше утверждённому порядку», «в видах общего благоустройства». Эти формулы несли нормативную нагрузку и задавали рамки допустимого поведения, формируя модель «служилого дворянства», ориентированного на исполнение государственных задач.

В динамике XIX в. можно проследить постепенное расширение круга вопросов, в решении которых фигурирует дворянство. Если в 1840–1850-х гг. акцент делался преимущественно на административных и фискальных обязанностях, то в пореформенный период возрастает внимание к участию дворян в земских учреждениях, опеке, попечительстве и судебных органах. Тем самым официальная часть ведомостей отражает трансформацию функций дворянства в условиях модернизации системы местного управления, смещение акцентов с исключительно административной роли дворянства к общественно-культурной деятельности. Показательным является, например, сообщение официальной части № 12 за 1845 г.: «Дворянское собрание Калужской губернии, созданное в установленный срок, имело предметом своим обсуждение мер к улучшению управления уездными делами» (Местные известия, 1845). Подобные формулировки позволяют судить не только о факте проведения собрания, но и о том, каким образом через язык ведомостей конструировалась модель функциональной вовлечённости дворянства в административную практику губернии. При этом официальная часть «Калужских губернских ведомостей» не только фиксировала факты деятельности дворянских институтов, но и конструировала устойчивый публичный образ дворянства как опоры административного порядка и

социальной стабильности в губернии. В совокупности содержание выпусков КГВ существенно расширяет источниковую базу исследования и позволяют рассматривать «Калужские губернские ведомости» как комплексный источник по социальной истории губернского дворянства.

В методологическом отношении статья опирается на сочетание историко-типологического, проблемно-хронологического методов и контент-анализа. Историко-типологический метод используется для выявления устойчивых форм репрезентации дворянства в различных жанрах губернской периодики – от нормативных сообщений до хроникальных заметок. Проблемно-хронологический подход позволяет проследить динамику социально-экономического и общественного положения дворянства в разные периоды XIX – начала XX вв., а контент-анализ применяется для выявления повторяющихся тематических блоков и смысловых акцентов.

3. Обсуждение

В российской историографии русское дворянство традиционно рассматривается как важнейший элемент социальной и административной структуры Российской империи. В работах Г.Э. Блосфельдта (Блосфельдт, 1904), И.П. Ерошкина (Ерошкин, 1968), П.А. Зайончковского (Зайончковский, 1978), С.В. Думина, П.Х. Гребельского (Думин, Гребельский, 2004) раскрыты правовые основы существования дворянства, его место в государственном аппарате и институтах сословного самоуправления. В работе В.М. Кабузана и С.М. Троицкого (Кабузан, 1971: 153) представлены статистические данные о размещении дворянства в России.

В зарубежных исследованиях русское дворянство рассматривается прежде всего как ключевой элемент политической, социальной и правовой структуры Российской империи (Taranovski, 1988; Mosse, 1981; Hamburg, 1981; Hamburg, 1979; Cavender, 2007; Grigoryan, 2018).

Вместе с тем региональные аспекты функционирования дворянства и особенности его отражения в местной печати освещены менее полно. Именно поэтому обращение к губернским ведомостям как к источнику по истории дворянства представляется особенно значимым.

Существенное значение для настоящего исследования имеют труды, посвящённые губернским ведомостям как особому типу исторического источника. Работы Г.М. Дейча, В.В. Шевцова, Р.В. Саляхиевой, С.А. Козлова (Дейч, 1978: 236; Шевцов, 2013; Саляхиева, 2009; Козлов, 2011) показали, что губернская периодика совмещала функции официального административного органа и региональной хроники, отражая не только управленческие процессы, но и повседневную жизнь провинциального общества. Такой подход позволяет рассматривать ведомости не просто как источник фактических сведений, но и как средство формирования публичного образа социальных групп, в том числе дворянства.

Определённую методологическую основу для данной статьи составили и исследования Н.А. Щербаковой, Н.С. Сергиенко, Ю.П. Майданевич, А.С. Сибиряева, И.А. Трихиной (Сергиенко и др., 2022; Сергиенко и др., 2022а: 86), посвящённые чиновничеству, в том числе калужскому, и общественным объединениям российских служащих XIX в. Эти работы продемонстрировали потенциал губернских ведомостей при изучении социальных групп в региональном измерении.

Для осмысления позднеимперской динамики необходимо учитывать цивилизационное измерение социально-экономической конфликтности. Л.В. Крылова, анализируя мотивы и факторы противоборства в современной мировой экономике, акцентирует внимание на столкновении интересов, ценностных ориентаций и различных моделей развития (Крылова, 2023: 46). Применение данной исследовательской оптики к историческому материалу губернской периодики позволяет глубже раскрыть содержание публикаций о дворянстве: они отражали не только административные практики и хозяйственные процессы, но и борьбу за символическое признание, общественную легитимность и сохранение сословного статуса в условиях модернизации имперского общества.

Проведённый анализ в целом подтверждает сложившиеся в историографии представления о значимой роли дворянства в системе местного управления, одновременно позволяя конкретизировать их на региональном материале. Публикации «Калужских губернских ведомостей» свидетельствуют о том, что дворянство выступало не только как служилое сословие, участвовавшее в работе дворянских собраний, земских, судебных и попечительских учреждений, но и как внутренне неоднородная социальная группа, испытывавшая воздействие имущественной дифференциации, долговой зависимости и постепенного ослабления хозяйственной самостоятельности.

4. Результаты

В системе государственного управления Российской империи дворянство занимало особое положение, выступая важнейшим социальным и институциональным посредником между центральной властью и местным обществом. На губернском уровне данная роль проявлялась наиболее наглядно (Любина и др., 2016: 146; Козлов, 2011: 79), что отчётливо зафиксировано и на страницах «Калужских губернских ведомостей».

Прежде всего, дворянство было интегрировано в систему управления через институты сословного самоуправления – дворянские собрания и должность губернского и уездных предводителей дворянства.

Официальная часть ведомостей регулярно публиковала сведения о созыве собраний, выборах должностных лиц и утверждении их полномочий, что подчёркивало правовой характер участия дворянства в управлении. Предводители дворянства наделялись функциями координации, контроля и представительства, что делало их ключевыми фигурами губернской административной структуры.

Значительная часть управленческих функций дворянства была связана с участием в деятельности земских учреждений. После реформ 1860-х гг. ведомости всё чаще фиксируют присутствие дворян в земских собраниях, управах, комиссиях и попечительских советах. Через эти институты дворянство принимало участие в решении вопросов местного хозяйства, образования, здравоохранения и благотворительности, расширяя рамки своей управленческой компетенции.

Кроме того, дворянство активно привлекалось к работе судебных и опекунских органов (Соловьев, 2011: 121). В официальных сообщениях назывались дворяне, выполнявшие обязанности мировых посредников, членов опеки и попечительств, а также заседателей различных комиссий. Такая практика свидетельствовала о значительном доверии государства к дворянству и об использовании его социального положения и административного опыта для поддержания порядка и устойчивости на местах.

Следует подчеркнуть, что управленческая роль дворянства имела не только формально-правовое, но и символическое значение. Размещение в губернских ведомостях сведений о деятельности дворянских институтов закрепляло представление о дворянстве как о «служилом сословии», ответственном за общественное благо и выполнение государственных задач. Тем самым ведомости выполняли функцию легитимации управленческой роли дворянства в восприятии местного общества.

В динамике XIX – начала XX вв. прослеживается постепенная трансформация управленческих функций дворянства. Если в дореформенный период основное внимание уделялось административно-фискальным обязанностям и сословному контролю, то в пореформенное время усиливалось значение общественно-хозяйственных и социально-организационных функций. Вместе с тем даже в условиях изменения системы управления дворянство продолжало занимать важное место в структуре государственного управления на региональном уровне.

Отметим, что на рубеже XIX–XX вв. трансформация функций дворянства происходила на фоне нарастающей политической нестабильности и усиления революционного движения. Исследование эволюции тактики эсеровского террора в 1902–1907 гг. показывает изменение форм политического насилия и расширение спектра угроз для властных институтов (Seleznev et al., 2022). В свою очередь, анализ потенциала силового аппарата московских властей в 1905 г. демонстрирует, что противодействие революционному движению требовало координации административных, полицейских и общественных ресурсов (Seleznev et al., 2022a). Поэтому сведения ведомостей о дворянских собраниях, судебных и попечительских структурах следует рассматривать и как элемент репрезентации порядка в обществе, переживавшем рост конфликтности.

Материалы «Калужских губернских ведомостей» позволяют реконструировать социально-экономическое положение дворянства Калужской губернии, позволяя проследить процессы имущественной дифференциации, изменения форм хозяйствования и постепенную утрату экономической автономии части сословия. Уже в дореформенный период КГВ фиксируют нарастание финансовых затруднений помещиков. В неофициальной части № 28 за 1854 г. публиковались объявления о залоге имений, где сообщалось, что «дворянин, состоящий при уезде ..., объявляет о залоге имения с угодьями и крестьянами» (Объявления, 1854). Подобные публикации свидетельствуют о широком распространении кредитной зависимости дворян и использовании земельной собственности в качестве залогового актива. В последующие годы данная тенденция усиливается. В неофициальной части № 16 за 1857 г. отмечалось, что продажа части имения осуществляется «по причине невозможности содержания хозяйства в прежнем объёме» (Объявления, 1857). Эти формулировки отражают структурный кризис помещичьего хозяйства, связанный как с общими экономическими изменениями, так и с ограниченными возможностями модернизации сельского производства.

Пореформенный период характеризуется ростом практики аренды дворянских земель. В ведомостях за 1859–1860 гг. неоднократно встречаются объявления о передаче имений или их частей в аренду. Аренда становится для многих дворян вынужденной стратегией сохранения доходов при утрате возможности самостоятельного ведения хозяйства.

В результате выявленная на материалах КГВ имущественная дифференциация дворянства получает дополнительное объяснение через современные подходы к анализу неравенства. Устойчивость социально-экономического неравенства определяется не только различиями в доходах, но и неодинаковым доступом социальных групп к инструментам адаптации и преодоления кризисов (Антропов, 2022: 36), при этом масштабы доходного неравенства напрямую связаны с качеством институтов, регулирующих права собственности, перераспределение и экономические возможности домохозяйств (Дорофеев, 2022: 196). Применительно к калужскому дворянству это означает, что залог, продажа и аренда имений отражали не только индивидуальные финансовые затруднения, но и институциональные ограничения, определявшие стратегии сохранения статуса.

Кроме того, анализ выпусков 1860-х гг. губернских новостей позволяет уточнить и конкретизировать представление о роли дворянства в жизни Калужской губернии, например, № 3 ([Местные известия, 1860](#)). В рассматриваемый период в газете регулярно размещались протоколы дворянских собраний, перечни лиц, утверждённых на выборные должности, а также отчёты о работе уездных и губернских учреждений. Так, в ряде выпусков 1860–1870-х гг. содержатся сведения о составе уездных дворянских депутатских собраний: поимённо указывались предводители дворянства, заседатели и кандидаты. Это даёт возможность восстановить кадровую организацию местного дворянского управления и проследить функционирование сословных институтов на региональном уровне. Подобные публикации свидетельствуют о сохранении устойчивых механизмов дворянского самоуправления даже в условиях реформаторских преобразований второй половины XIX в.

В неофициальной части выпусков за 1860 г. заметное место занимали хозяйственные и частно-правовые сообщения. Наряду с объявлениями о закладе и продаже имений, а также о найме управляющих, всё чаще публиковались уведомления о судебных разбирательствах с участием представителей дворянского сословия. Эти материалы позволяют говорить о нарастании социально-экономической дифференциации дворянства и увеличении числа имущественных конфликтов во второй половине XIX в.

Особое значение в источниковом корпусе имеют сведения о деятельности дворянских опеки и попечительств. В официальной части № 5 за 1860 г. и № 17 за 1861 г. отмечалось «увеличение числа дел о временном управлении имениями» ([Местные известия, 1860а, № 5](#); [Местные известия, 1861а](#)). Данный факт указывает на системный характер экономических затруднений, с которыми сталкивалась часть дворянства. Передача имений под опеку отражала не только финансовую несостоятельность отдельных владельцев, но и снижение их способности самостоятельно управлять хозяйством.

Во второй половине XIX в. имущественное расслоение дворянства становилось всё более очевидным. Так, в № 34 за 1871 г. в разделе объявлений было опубликовано сообщение о продаже «имения потомственного дворянина Козлова, состоящего при сельце ... с числом душ мужеского пола 27» ([Объявления и извещения, 1871](#)). Подобные публикации демонстрируют сосуществование в Калужской губернии крупных землевладельцев и мелкопоместных дворян, положение которых отличалось особой нестабильностью.

Таким образом, социально-экономические материалы «Калужских губернских ведомостей» позволяют сделать вывод о постепенном, но устойчивом ослаблении экономических позиций значительной части калужского дворянства. Эти процессы предопределили трансформацию роли дворянства в системе местного управления и способствовали смещению акцентов с хозяйственной самостоятельности к административным и общественным функциям в пореформенную эпоху.

Интерес представляет описание институциональной благотворительности дворян – участие дворян в попечительских советах при учебных и богоугодных заведениях, при этом характер такой помощи регулярный и институциональный и связана она с образованием и социальной поддержкой. В официальной части губернских ведомостей 1860-х гг. упоминались дворяне, входившие в состав попечительских советов при учебных и богоугодных заведениях, на которых возлагались обязанности по надзору за финансами и хозяйственным состоянием учреждений. Участие в подобных структурах усиливало управленческую и символическую роль дворянства в губернском обществе, сочетая моральный долг, социальные функции и поддержание публичного авторитета дворянства. С учётом работ Ядгарова о нравственных основаниях политической экономии XIX в. культурно-благотворительная активность дворянства может быть интерпретирована как форма публичного подтверждения социальной ответственности сословия ([Ядгаров, 2025: 72](#); [Ядгаров, Орлова, 2024: 59](#)). Эта линия дополняет вывод о том, что утрата части экономической автономии не обязательно означала исчезновение общественного влияния; напротив, дворянство всё чаще воспроизводило свой статус через образовательные, благотворительные и попечительские практики, то есть через символический капитал служения и заботы о местном обществе.

На материалах Калужских губернских ведомостей 1894 года представляется возможным точнее охарактеризовать культурную активность дворянства конца XIX в. Так, в неофициальной части выпуска № 21 сообщалось: «По подписке, открытой между местными дворянами, собрана сумма на устройство народного училища при уездном городе» ([Местные известия, 1894](#)), что подтверждает ведущую роль дворянства в развитии образования.

В неофициальной части выпуска № 37 в 1898 году отмечалось, что «...дворяне губернии приняли деятельное участие в благотворительном собрании, доходы от коего обращены на призрение бедных учащихся» ([Местные известия, 1898](#)), что отражает устойчивость благотворительных практик в дворянской среде.

Представляется, что такого рода публикации дают возможность восстановить отдельные стороны повседневной жизни дворянства, в том числе бытовые практики, способы коммуникации, а также проявления социальной напряжённости как внутри самого сословия, так и во взаимоотношениях дворян с другими группами населения. Так, в № 41 за 1884 г. содержалось сообщение о судебном разбирательстве «по иску дворянина к бывшему управляющему имением»

(О вызовах, 1884). Данный пример указывает на распространённость имущественных и служебных конфликтов в дворянской среде.

5. Заключение

Русское дворянство Калужской губернии на страницах «Калужских губернских ведомостей» представлено как сложное и изменяющееся социальное явление, развитие которого определялось сочетанием административных, социально-экономических и культурных факторов. Изучение материалов официальной и неофициальной частей издания позволяет выйти за пределы традиционного понимания дворянства только как служилого или культурного сословия и показать разнообразие его функций на региональном уровне.

Особое значение имеют выявленные в ходе исследования процессы социально-экономической трансформации дворянства. Сообщения о залоге, продаже и аренде имений, а также материалы о деятельности дворянских опеки и попечительства свидетельствуют о постепенном усилении кризисных явлений в помещичьем хозяйстве уже в середине XIX в. Эти процессы имели не единичный, а системный характер и способствовали утрате экономической самостоятельности частью дворянства. В результате возрастала зависимость представителей сословия от административных, общественных и служебных форм деятельности.

Вместе с тем губернские ведомости фиксируют сохранение, а в отдельных случаях и расширение управленческих функций дворянства в системе местного управления. Через институты дворянского самоуправления, земские учреждения, судебные и опекунические органы дворянство продолжало занимать значимое место в реализации государственной политики на местах, выполняя роль посредника между центральной властью и губернским обществом.

Культурно-общественная деятельность дворянства, отражённая в публикациях о благотворительности, образовании и различных общественных инициативах, дополняет данный образ. Она позволяет рассматривать дворянство как социальную группу, которая стремилась приспособиться к условиям модернизации за счёт перераспределения своих функций и сохранения символического капитала.

Таким образом, «Калужские губернские ведомости» могут рассматриваться как комплексный источник по социальной истории губернского дворянства. Их материалы позволяют проследить изменение роли и статуса дворянства в XIX – начале XX вв. Полученные выводы углубляют представления о региональных моделях социальной структуры Российской империи и подтверждают высокий исследовательский потенциал губернской периодики как источника по истории сословий.

Литература

[Антропов, 2022](#) – Антропов В.В. Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15. № 3. С. 21-37.

[Баикина, 2020](#) – Баикина Ю.О. Газетные объявления как индикатор социальных вопросов (на примере газеты «Томские губернские ведомости» 1858 г.) // *Вопросы истории*. 2020. № 5. С. 51-59.

[Блосфельдт, 1901](#) – Блосфельдт Г.Э. Сборник законов о российском дворянстве: Санкт-Петербург: Д.В. Чичинадзе, 1901. XII, 443 с.

[Дейч, 1978](#) – Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник / *Вспомогательные исторические дисциплины*. М., 1978. Т. 9. С. 236.

[Дорофеев, 2022](#) – Дорофеев М.Л. Влияние качества институционального устройства экономики на доходное неравенство домохозяйств: результаты кросс-национального исследования // *Финансы: теория и практика*. 2022. Т. 26, № 5. С. 186-206.

[Думин, Гребельский, 2004](#) – Думин С.В., Гребельский П.Х. Дворянские роды Российской Империи: В 5 т. М., 2004.

[Ерошкин, 1968](#) – Ерошкин И.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 352 с.

[Зайончковский, 1978](#) – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва: Издательский дом "Мысль", 1978. 288 с.

[Кабузан, Троицкий, 1971](#) – Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782-1858 гг. // *История СССР*. 1971. № 4. С. 153-169.

[КТВ](#) – Калужские губернские ведомости.

[Местные известия, 1845](#) – Местные известия // *КТВ*. 1845. №12.

[Местные известия, 1860](#) – Местные известия // *КТВ*. 1860. №3.

[Местные известия, 1860а](#) – Местные известия // *КТВ*. 1860. №5.

[Местные известия, 1861](#) – Местные известия // *КТВ*. 1861. №9.

[Местные известия, 1861а](#) – Местные известия // *КТВ*. 1861. №17.

[Местные известия, 1862](#) – Местные известия // *КТВ*. 1862. № 14.

[Местные известия, 1894](#) – Местные известия // *КТВ*. 1894. № 21.

[Местные известия, 1898](#) – Местные известия // *КТВ*. 1898. №37.

- Объявления, 1854 – Объявления // КГВ. 1854. №28.
 Объявления, 1857 – Объявления // КГВ. 1857. №16.
 Объявления, 1859 – Объявления // КГВ. 1859. №14.
 Объявления и извещения, 1860 – Объявления и извещения // КГВ. 1860. №2.
 Объявления и извещения, 1871 – Объявления и извещения // КГВ. 1871. № 34.
 О вызовах, 1884 – О вызовах // КГВ. 1884. № 41.
 Козлов, 2011 – Козлов С.А. "Местная хроника" на страницах Губернских ведомостей: поиск жанра и стиля ("Новгородские губернские ведомости", 1853-1862 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17 (232). С. 71-75.
 Крылова, 2023 – Крылова Л.В. Мотивы и факторы противоборства в современной мировой экономике: цивилизационный аспект // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 1. С. 36-47.
 Любина и др., 2016 – Любина Т.И., Бодрова Ю.В., Чижова В.В. Генеалогия регионального чиновничества XIX – начала XX века (на материалах Тверской губернии) // Российская генеалогия. 2016. № 1. С. 143-161.
 Панасюк, 2024 – Панасюк В.В. Расходы калужского губернского земства на содержание сельскохозяйственного персонала в период столыпинских преобразований начала XX в. // Наукосфера. 2024. № 1-1. С. 22-26.
 Прокофьев и др., 2021 – Прокофьев С.Е., Бальнин И.В., Сергиенко Н.С., Знаменский Д.Ю. Этапы развития государственного финансового контроля в Российской Империи // Вопросы истории. 2021. № 10-2. С. 14-22.
 Салыхиева, 2009 – Салыхиева Р.В. Официальная печать в губернском управлении (на материалах газеты "Пермские губернские ведомости" первой половины XIX в.) // Власть. 2009. № 9. С. 144-146.
 Сергиенко и др., 2022 – Сергиенко Н.С., Щербакова Н.А., Майданевич Ю.П. Общественные объединения российских чиновников XIX в. // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 62-69.
 Сергиенко и др., 2022a – Сергиенко Н.С., Щербакова Н.А., Сибиряев А.С., Трихина И.А. Калужское чиновничество на страницах губернских ведомостей (1852-1867) // Вопросы истории. 2022. №2. С. 86-96. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi13
 Соловьев, 2011 – Соловьев Б.И. Российское дворянство. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 315 с.
 Шевцов, 2007 – Шевцов В.В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3 (66). С. 74-80.
 Шевцов, 2013 – Шевцов В.В. "Губернские ведомости" в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 3 (23). С. 105-123.
 Ядгаров, 2025 – Ядгаров Я.С. Вехи формирования нравственных оснований российской политической экономики в XIX веке // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 4. С. 59-74.
 Ядгаров, Орлова, 2024 – Ядгаров Я.С., Орлова Д.Р. Преодоление ортодоксии в экономической науке: теоретико-методологические аспекты // Terra Economicus. 2024. №22(4). С. 50-61.
 Cavender, 2007 – Cavender M. Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. University of Delaware Press, 2007. 251 p.
 Grigoryan, 2018 – Grigoryan B. Noble Subjects: The Russian Novel and the Gentry, 1762–1861. Cornell University Press, 2018. 192 p.
 Hamburg, 1981 – Hamburg G. M. Portrait of an Elite: Russian Marshals of the Nobility, 1861–1917 // Slavic Review. 1981. Vol. 40. No. 4. Pp. 585-602.
 Hamburg, 1979 – Hamburg G.M. The Russian Nobility on the Eve of the 1905 Revolution // The Russian Review. 1979. Vol. 38. No. 3. Pp. 323-338.
 Mosse, 1981 – Mosse W.E. Bureaucracy and Nobility in Russia at the End of the Nineteenth Century // The Historical Journal. 1981. Vol. 24. No. 3. Pp. 605-628.
 Seleznev et al., 2022 – Seleznev P.S., Mitrakhovich S.P., Petrosyants D.V., Malanicheva N.V. The Evolution of the Tactics of the Social Revolutionary Terror in the Period of 1902–1907 // Bylye Gody. 2022. 17(4): 1927-1935.
 Seleznev et al., 2022 – Seleznev P., Prokofiev S. E., Simonov Konstantin V. The Potential of the Power Apparatus of the Moscow Authorities in the Framework of Countering the Revolutionary Movement in 1905 // Bylye Gody. 2022. 17(3): 1397-1404.
 Taranovski, 1988 – Taranovski T. The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. Roberta Thompson Manning Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Seymour Becker. Cambridge University Press 1988. Vol. 47, No. 2. Pp. 314-318

References

- Antropov, 2022 – Antropov, V.V. (2022). Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire: instrumentarii otsenki, tendentsii i strategii preodoleniya [Socio-economic inequality in the modern

- world: assessment tools, trends and strategies for overcoming]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 15(3): 21-37. [in Russian]
- [Baikina, 2020](#) – Baikina, Yu.O. (2020). Gazetnye ob'yavleniya kak indikator sotsial'nykh voprosov (na primere gazety «Tomskie gubernskie vedomosti» 1858 g.) [Newspaper ads as an indicator of social issues (on the example of the newspaper Tomsk Provincial Gazette of 1858)]. *Voprosy istorii*. 5: 51-59. [in Russian]
- [Blosfel'dt, 1904](#) – Blosfel'dt, G.E. (1904). Sbornik zakonov o rossiiskom dvoryanstve [Collection of laws on the Russian nobility]. Sankt-Peterburg: D.V. Chichinadze, XII, 443 p. [in Russian]
- [Cavender, 2007](#) – Cavender, M. (2007). Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. University of Delaware Press. 251 p.
- [Deich, 1978](#) – Deich, G.M. (1978). Gubernskie vedomosti kak istoricheskii istochnik [Provincial Gazette as a Historical Source]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. M. T. 9. P. 237. [in Russian]
- [Dorofeev, 2022](#) – Dorofeev, M.L. (2022). Vliyanie kachestva institutsional'nogo ustroystva ekonomiki na dokhodnoe neravenstvo domokhozyaistv: rezul'taty kross-natsional'nogo issledovaniya [The impact of the quality of the institutional structure of the economy on household income inequality: results of a cross-national study]. *Finansy: teoriya i praktika*. 26(5): 186-206. [in Russian]
- [Dumin, Grebel'skii, 2004](#) – Dumin, S.V., Grebel'skii, P.Kh. (2004). Dvoryanskie rody Rossiiskoi Imperii: V 5 t. [Noble families of the Russian Empire: In 5 volumes]. M. [in Russian]
- [Eroshkin, 1968](#) – Eroshkin, I.P. (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M., 352 p. [in Russian]
- [Grigoryan, 2018](#) – Grigoryan, B. (2018). Noble Subjects: The Russian Novel and the Gentry, 1762–1861. Cornell University Press, 192 p.
- [Hamburg, 1979](#) – Hamburg, G.M. (1979). The Russian Nobility on the Eve of the 1905 Revolution. *The Russian Review*. 38(3): 323-338.
- [Hamburg, 1981](#) – Hamburg, G.M. (1981). Portrait of an Elite: Russian Marshals of the Nobility, 1861–1917. *Slavic Review*. 40(4): 585-602.
- [Kabuzan, Troitskii, 1971](#) – Kabuzan, V.M., Troitskii, S.M. (1971). Izmeneniya v chislennosti, udel'nom vese i razmeshchenii dvoryanstva v Rossii v 1782-1858 gg. [Changes in the number, specific gravity and location of the nobility in Russia in 1782-1858]. *Istoriya SSSR*. 4: 153-169. [in Russian]
- [KGV](#) – Kaluzhskie gubernskie vedomosti.
- [Kozlov, 2011](#) – Kozlov, S.A. (2011). "Mestnaya khronika" na stranitsakh Gubernskikh vedomostei: poisk zhanra i stilya ("Novgorodskie gubernskie vedomosti", 1853–1862 gg.) ["Local Chronicle" on the pages of the Provincial Gazette: a search for genre and style (Novgorod Provincial Gazette, 1853-1862)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 17(232): 71-75. [in Russian]
- [Krylova, 2023](#) – Krylova, L.V. (2023). Motivy i faktory protivoborstva v sovremennoi mirovoi ekonomike: tsivilizatsionnyi aspekt [Motives and factors of confrontation in the modern world economy: a civilizational aspect]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 16(1): 36-47. [in Russian]
- [Lyubina i dr., 2016](#) – Lyubina, T.I., Bodrova, Yu.V., Chizhova, V.V. (2016). Genealogiya regional'nogo chinovnichestva XIX – nachala XX veka (na materialakh Tverskoi gubernii) [Genealogy of regional officialdom of the XIX – early XX century (based on materials from Tver province)]. *Rossiiskaya genealogiya*. 1: 143-161. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1845](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1845. №12. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1860](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1860. №3. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1860a](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1860. №5. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1861](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1861. №9. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1861a](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1861. №17. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1862](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1862. № 14. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1898](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1898. №37. [in Russian]
- [Mestnye Izvestiya, 1894](#) – Mestnye izvestiya. KGV. 1894. № 21. [in Russian]
- [Mosse, 1981](#) – Mosse, W.E. (1981). Bureaucracy and Nobility in Russia at the End of the Nineteenth Century. *The Historical Journal*. 24(3): 605-628.
- [O vyzovakh, 1884](#) – O vyzovakh [About challenges]. KGV. 1884. № 41. [in Russian]
- [Ob'yavleniya i izveshcheniya, 1860](#) – Ob'yavleniya i izveshcheniya [Announcements and notices]. KGV. 1860. №2. [in Russian]
- [Ob'yavleniya i izveshcheniya, 1871](#) – Ob'yavleniya i izveshcheniya [Announcements and notices]. KGV. 1871. № 34. [in Russian]
- [Ob'yavleniya, 1854](#) – Ob'yavleniya [Announcements]. KGV. 1854. №28. [in Russian]
- [Ob'yavleniya, 1857](#) – Ob'yavleniya [Announcements]. KGV. 1857. №16. [in Russian]
- [Ob'yavleniya, 1859](#) – Ob'yavleniya [Announcements]. KGV. 1859. №14. [in Russian]
- [Panasyuk, 2024](#) – Panasyuk, V.V. (2024). Raskhody kaluzhskogo gubernskogo zemstva na sodержanie sel'skokhozyaistvennogo personala v period stolypinskikh preobrazovaniy nachala XX v. [Expenses of the Kaluga provincial Zemstvo for the maintenance of agricultural personnel during the Stolypin transformations of the early 20th century]. *Naukosfera*. 1-1: 22-26. [in Russian]

- Prokof'ev i dr., 2021 – Prokof'ev, S. E., Balynin, I. V., Sergienko, N. S., Znamenskii, D. Yu. (2021). Etapy razvitiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossiiskoi Imperii [Stages of development of state financial control in the Russian Empire]. *Voprosy istorii*. 10-2: 14-22. [in Russian]
- Salyakhieva, 2009 – Salyakhieva, R.V. (2009). Ofitsial'naya pechat' v gubernskom upravlenii (na materialakh gazety "Permskie gubernskie vedomosti" pervoi poloviny KhIKh v.) [The official seal in the provincial administration (based on the materials of the newspaper Perm Gubernskie Vedomosti of the first half of the nineteenth century)]. *Vlast'*. 9: 144-146. [in Russian]
- Seleznev et al., 2022 – Seleznev, P., Mitrakhovic, S., Petrosyants, D., Malanicheva, N. (2022). The Evolution of the Tactics of the Social Revolutionary Terror in the Period of 1902–1907. *Bylye Gody*. 17(4): 1927-1935.
- Seleznev et al., 2022 – Seleznev, P., Prokof'ev, S., Simonov, K. (2022). The Potential of the Power Apparatus of the Moscow Authorities in the Framework of Countering the Revolutionary Movement in 1905. *Bylye Gody*. 17(3): 1397-1404.
- Sergienko i dr., 2022 – Sergienko, N.S., Shcherbakova, N.A., Maidanovich, Yu.P. (2022). Obshchestvennye ob"edineniya rossiiskikh chinovnikov XIX v. [Public associations of Russian officials of the XIX century]. *Voprosy istorii*. 8-1: 62-69. [in Russian]
- Sergienko i dr., 2022a – Sergienko, N.S., Shcherbakova, N.A., Sibiryayev, A.S., Trikhina, I.A. (2022). Kaluzhskoe chinovnichestvo na stranitsakh gubernskikh vedomostei (1852–1867) [Kaluga officialdom on the pages of the Provincial Gazette (1852–1867)]. *Voprosy istorii*. 2: 86-96. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii.202202Statyi13 [in Russian]
- Shevtsov, 2007 – Shevtsov, V.V. (2007). Gubernskie vedomosti v zakonodatel'stve Nikolaya I [Provincial Gazette in the legislation of Nicholas I]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(66): 74-80. [in Russian]
- Shevtsov, 2013 – Shevtsov, V.V. (2013). "Gubernskie vedomosti" v sovetskoi i postsovetskoi istoriografii: osnovnye napravleniya izucheniya ["Provincial Gazette" in soviet and post-soviet historiography: the main directions of study]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(23): 105-123. [in Russian]
- Solov'ev, 2011 – Solov'ev, B.I. (2011). Rossiiskoe dvoryanstvo [The Russian nobility]. Rostov-na-Donu: Feniks. 315 p. [in Russian]
- Taranovski, 1988 – Taranovski, T. (1988). The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. Roberta Thompson Manning Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Seymour Becker. *Cambridge University Press*. 47(2): 314-318.
- Yadgarov, 2025 – Yadgarov, Ya.S. (2025). Vekhi formirovaniya npravstvennykh osnovanii rossiiskoi politicheskoi ekonomii v XIX veke [Milestones in the formation of the moral foundations of Russian Political economy in the 19th century]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. 4: 59-74. [in Russian]
- Yadgarov, Orlova, 2024 – Yadgarov, Ya.S., Orlova, D.R. (2024). Preodolenie ortodoksii v ekonomicheskoi nauke: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Overcoming orthodoxy in economics: theoretical and methodological aspects]. *Terra Economicus*. 22(4): 50-61. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1978 – Zaionchkovskii, P.A. (1978). Pravitel'stvennyi apparat samodержavnoi Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moskva: Izdatel'skii dom "Mysl", 288 p. [in Russian]

Русское дворянство Калужской губернии на страницах губернских ведомостей

Наталья Сергеевна Сергиенко ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации русского дворянства Калужской губернии в материалах «Калужских губернских ведомостей» XIX – начала XX вв. В центре внимания находятся механизмы отражения административных, социально-экономических и культурных функций дворянства на региональном уровне. На основе систематического анализа официальной и неофициальной частей издания раскрываются особенности участия дворянства в системе местного и государственного управления, его роль в земских, судебных и опекунских институтах, а также трансформация хозяйственных практик в условиях дореформенного и пореформенного развития. Особое внимание уделяется социально-экономической дифференциации дворянства, процессам залога, продажи и аренды имений, росту долговой зависимости и расширению практики временного управления имениями через дворянские опеки и попечительства. Показано, что утрата экономической автономии значительной частью дворянства

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nssergienko@mail.ru (Н.С. Сергиенко)

сопровождалась перераспределением его функций в сторону административной, общественной и культурно-просветительской деятельности. В статье обосновано положение о том, что губернские ведомости выступали не только официальным органом информирования, но и инструментом формирования публичного образа дворянства как «служилого» и социально ответственного сословия. Материалы издания позволяют проследить динамику трансформации статуса и роли дворянства в контексте модернизации системы управления Российской империи и вносят вклад в изучение региональных моделей социальной структуры и повседневности.

Ключевые слова: дворянство, газета, губернские ведомости, управление, культура, сословие, губерния, чиновничество.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 718-729
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.718

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Russian Empire as a Colonial Empire: the Kazakh Context

Yerkin A. Abil ^{a, *}, Amanzhol Kuzembayuly ^b

^a Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanay Regional University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the colonial character of the Russian Empire within the framework of contemporary comparative imperial and postcolonial studies. It addresses ongoing historiographical debates concerning the nature of Russia's imperial expansion and critically engages with interpretations that deny or relativize its colonial dimension, particularly the concept of Russia's "self-colonization". Drawing on a broad corpus of historiographical works, imperial-era scholarly and reference publications, and post-Soviet research, the study employs comparative-historical and discourse-analytical methods to reassess the structural features of Russian imperial rule.

The analysis demonstrates that the continental form of Russia's expansion does not negate its colonial character but rather represents a specific spatial modality of colonialism. The article argues that key characteristics of classical colonial empires – such as institutional and legal asymmetry between the center and the periphery, extractive economic relations, and cultural hierarchization – were also intrinsic to the Russian imperial model. Particular attention is paid to the territory of present-day Kazakhstan, which is interpreted as part of the colonial space of the Russian Empire. The incorporation of Kazakh lands involved military conquest, the establishment of special administrative regimes, restrictions on political representation, and the reorientation of the regional economy toward the needs of the metropolitan center.

The study concludes that integrating the Russian imperial experience, including Kazakhstan, into the global history of colonialism allows for a more nuanced and analytically grounded understanding of imperial governance, beyond national-centered or ideologically driven narratives.

Keywords: Russian Empire, colonialism, continental empire, comparative imperiology, Kazakhstan, colonial expansion, metropolis and periphery, colonial discourse, internal colonization, postcolonial studies.

1. Введение

Вопрос о характере Российской империи и природе её территориальной экспансии занимает одно из центральных мест в современной историографии империй и колониализма. Начиная с конца XX века, в рамках сравнительно-исторических и постколониальных исследований утвердилось понимание империи как особого типа политического образования, основанного на институциональной, правовой, экономической и культурной асимметрии между метрополией и зависимыми территориями (Howe, 2002: 30). В этом контексте Российская империя всё чаще рассматривается не как исключительный или «особый» исторический случай, а как континентальная колониальная держава, функционально сопоставимая с западноевропейскими империями Нового времени.

Несмотря на значительный прогресс в изучении имперской проблематики, вопрос о колониальном статусе Российской империи продолжает оставаться предметом острых научных и идейных дискуссий. Особенно противоречивым он является в отношении территорий Центральной Азии и Казахстана, чьё включение в состав империи сопровождалось военным завоеванием,

* Corresponding author

E-mail addresses: yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), topai240345@mail.ru (A. Kuzembayuly)

демонстрацией местных политических институтов, установлением особых административных режимов и глубокой социально-экономической трансформацией. В то же время в постсоветской российской историографии получила распространение теория «самоколонизации», а также подходы, отрицающие или релятивизирующие колониальный характер Российской империи, апеллируя к её континентальному характеру, отсутствию заморских владений и предполагаемому отсутствию чёткого дуализма «метрополия – колония».

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического анализа данных интерпретаций и их сопоставления с эмпирическим материалом и достижениями современной сравнительной историографии. Отрицание колониального характера Российской империи, равно как и концепция «самоколонизации», нередко воспроизводят ключевые элементы самого имперского дискурса, нивелируя историческую субъектность присоединённых обществ и деисторизируя опыт колонизированных регионов. В условиях постимперского и постсоветского контекста такие интерпретации выполняют не только академическую, но и политико-символическую функцию, влияя на формирование исторической памяти и рамки допустимого научного обсуждения.

Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении российской имперской практики с классическими моделями колониализма XIX – начала XX вв., а также в интеграции казахстанского материала в более широкий глобальный контекст имперских и колониальных исследований. Принципиально важным является отказ от априорно оценочных, эмоционально нагруженных трактовок понятий «империя» и «колония» и их использование в качестве аналитических категорий, описывающих специфические формы власти, пространственной интеграции и социально-экономической иерархии.

Таким образом, обсуждение проблемы направлено на преодоление национально-центричных и идеологизированных интерпретаций имперского прошлого и на формирование методологически взвешенного подхода к изучению истории Российской империи и Казахстана в её составе, что открывает возможности для более точного и продуктивного диалога между региональной и глобальной историографией колониализма.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирическую основу исследования составляет комплекс разнородных источников и материалов, позволяющих проанализировать колониальный характер Российской империи в сравнительной и междисциплинарной перспективе, с особым вниманием к территории дореволюционного Казахстана. Используемая источниковая база условно подразделяется на несколько взаимодополняющих блоков.

Во-первых, это корпус историографических источников конца XIX – начала XXI вв., включающий труды западных, российских, советских и постсоветских исследователей, посвящённые проблематике империй, колониализма, «внутренней колонизации» и сравнительной империологии. Анализируются как классические работы (Ф.А. Голдер, П. Галузо, Г. Сафаров, С. Соловьёв, В. Ключевский), так и исследования новейшего периода (Д. Ливен, А. Каппелер, С. Хау, Ж. Кундакбаева и др.), что позволяет проследить эволюцию научных интерпретаций и выявить устойчивые дискурсивные конструкции в осмыслении имперского опыта России.

Во-вторых, важную часть эмпирического материала составляют публицистические, научные и справочные издания имперского периода (географические и статистические труды, энциклопедические словари, отчёты научных и хозяйственных обществ, материалы выставок), в которых отражён официальный и полуофициальный дискурс об «окраинах», «колонизации», «туземном населении» и цивилизационной миссии империи. Эти тексты рассматриваются как носители колониального знания и инструменты символической легитимации имперского господства.

В-третьих, в исследовании используются материалы советской и постсоветской историографии Казахстана, включая работы, прямо трактующие имперский период как колониальный, а также исследования, сознательно избегающие данного термина. Их анализ позволяет выявить влияние идеологических и политико-символических факторов на интерпретацию колониального прошлого и проследить трансформацию исследовательских парадигм в постсоветском контексте.

2.2. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных исторических методов. Ключевым является историографический метод, применяемый для анализа эволюции научных представлений о природе Российской империи, выявления конкурирующих концепций (колониальной, «самоколонизационной», интеграционистской) и оценки их эвристического потенциала и методологических ограничений.

Центральное место занимает сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить практики и структуры Российской империи с моделями западноевропейских колониальных держав XIX – начала XX вв. (Британской, Французской, Испанской и др.). В рамках данного подхода сравниваются механизмы территориальной экспансии, формы административного контроля, экономические отношения центра и периферии, а также дискурсивные стратегии легитимации власти. Это позволяет выйти за рамки национально-центричного анализа и включить российский материал в глобальную историю колониализма.

Важную роль играет дискурсивный анализ, применяемый к официальным документам, научным и публицистическим текстам, с целью выявления устойчивых нарративов о «цивилизационной миссии», «отсталости» периферии и «естественности» имперского расширения. Данный метод позволяет показать, каким образом язык власти и науки воспроизводил и нормализовал колониальные иерархии.

В целом сочетание разнородной эмпирической базы и комплексной методологии обеспечивает многомерный анализ имперского опыта России и позволяет аргументированно рассматривать территорию дореволюционного Казахстана как часть колониального пространства Российской империи, избегая при этом редукционизма и априорно оценочных интерпретаций.

3. Обсуждение

В российской историографии значительный вклад в развитие сравнительного имперского подхода внесли исследования, в которых Россия рассматривается как многонациональное и многоконфессиональное образование с устойчивой иерархией центров и окраин. Анализ современной российской империологии сделан Ж. Кундакбаевой. Она, в частности, отмечает, что первые серьезные дискуссии имели место еще в 1994–1996 гг. на страницах журнала «Родина». Ключевым итогом данной дискуссии стала своего рода «реабилитация» понятия «империя» в глазах российских обществоведов (Кундакбаева, 2011).

Существенный импульс развитию исследований придала международная конференция «Имперская Россия: границы, окраины, самосознание», состоявшаяся в 1994 г. в Казани. Итогом работы семинара стало осознание империи как многомерного пространства, в рамках которого процессы, разворачивающиеся в различных измерениях, могут как взаимно дополнять друг друга, так и вступать в острые противоречия (Гаспаров, 1997). Конференция Российской академии наук 1996 г. подвела итоги исследований по имперской проблематике и зафиксировала основные направления дальнейшего развития данной области (Сахаров, 1999). Важным центром дискуссий о характере российской имперской модели стал журнал «Ab Imperio», основанный в 2000 году в Казани. Добавим к этому, что «имперский поворот» в российской историографии совпал с активизацией постколониального дискурса в мировой исторической науке (Иллерицкая, 2023).

Отметим, что в российской историографии после длительных дискуссий закрепилось понимание империи как многонационального государства, общества, состоящего из разных этнических групп с собственными историческими, культурными, религиозными традициями. П. Марченя считает империю исторически обусловленной системой взаимодействия народа и власти в России (Марченя, 2013: 118). Он определяет империю как государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как Миссию, находящуюся превыше локальных («всего лишь государственных») интересов. В основе исторического существования любой Империи лежит идея служения Императиву, объединяющему населяющие ее народы во имя реализации Добра и противостояния Злу, считает он, придавая феномену империи социально-философский смысл (Марченя, 2013: 128). С.В. Лурье определяет империю как открытую динамическую гетерогенную систему, находящуюся в состоянии неустойчивого равновесия, как политико-культурный феномен, требующий нейтральной оценки с учетом различных аспектов имперского строительства и имперской практики (Лурье, 2012: 16–20). Она предлагает употреблять понятие «империя» без оценочных суждений, в качестве категории, описывающей определенную форму многонационального государства, использовавшего разнообразные формы и методы интеграции восточных областей в состав России.

Англо-американская школа империологии, начиная с Ф.А. Голдера, считала Россию классической колониальной империей. Альфред Голдер, в частности, сводил все аспекты российской политики в Азии к военной экспансии (Попов, 2025). М.Б. Олкотт квалифицирует продвижение России в Казахской степи как «завоевание» («conquest»). По ее мнению, характер колониального администрирования отчетливо проявляется в реформах второй половины XIX в., а одним из наиболее разрушительных инструментов колониального воздействия стала земельная политика (Olcott, 1987: 28, 87). Б.Ф. Манц также считает, что после военного завоевания Центральной Азии российская политическая элита рассматривала регион не как интегрированную часть государства, а как объект колониального владения (Manz, 1994: 190).

Турецкий исследователь Н. Девлет подчеркивает, что стратегическая цель российской политики совпадала с целями других крупных империй Нового времени и заключалась в аннексии новых территорий. Колониальный характер российской политики проявлялся не только в военной экспансии, но и в экономическом использовании присоединенных территорий. «Главной целью российской политики было аннексирование новых территорий, подобно Британской империи или другим крупным империям» (Devlet, 2002: 44–46).

Справедливости ради необходимо отметить, что исследователи отмечали специфику российского имперского проекта. Так, А. Каппелер считает, что выработанные на материалах европейских колониальных империй подходы не всегда корректны при изучении российской имперской модели (Каппелер, 2000: 12). Однако в этой же работе он выделяет главу об экспансии

Российской империи на Кавказе и в Центральной Азии как «Колониальная экспансия в Азию в XIX в.» и отмечает, что с завоеванием Коканда, Хивы и Бухары «Россия ... окончательно вошла в круг европейских колониальных держав» (Каппелер, 2000: 146). Он отмечает, что местное население по своему статусу стало «колониальными народами, сегрегированными от русских» (Каппелер, 2000: 147), а экономическая политика в регионе носила классический колониальный характер (Каппелер, 2000: 148).

Британский историк А. Моррисон, неоднократно полемизировавший с российскими коллегами, указывает на сохраняющиеся методологические проблемы в изучении присутствия Российской империи в Центральной Азии как в российской, так и в западной историографии. Любые попытки сопоставления российского империализма с европейскими имперскими практиками, как правило, встречают у российских исследователей резкое неприятие (Моррисон, 2015: 70-71). Характеризуя российский колониализм, Моррисон отмечает, что разграничение между метрополией и колонией, а также между подданным и гражданином в России было менее отчетливым, чем в Британской и Французской империях, прежде всего вследствие отсутствия морского барьера. Тем не менее такое разделение существовало в правовом, административном и массовом сознании и в течение XIX века становилось все более выраженным. В подтверждение сходства колониальных практик западных держав и Российской империи он указывает, что около 60 % мусульманского населения империи – в Степном крае, на Северном Кавказе и в Средней Азии – проживали в регионах, находившихся под военным управлением (Morrison, 2021).

В целом, несмотря на отказ некоторых авторов от характеристики Российской империи как колониальной, фактически эти работы подчёркивают, что специфика континентальной экспансии не отменяет колониального характера империи, а лишь придаёт ему иные пространственные формы. Понятия «внутренняя колонизация» и «империя без заморских колоний» используются для описания тех же структурных неравенств, которые характерны для классического колониализма.

4. Результаты

Важным элементом сравнительного анализа является колониальный дискурс. В этом отношении Российская империя демонстрирует значительное сходство с другими империями Нового времени: формирование иерархизированного знания о «отсталых» народах, использование языка цивилизационной миссии и представление имперского контроля как исторически необходимого и прогрессивного. Постколониальные исследования подчёркивают, что подобный дискурс служил универсальным инструментом легитимации имперского господства вне зависимости от конкретной географической конфигурации империи.

Мы можем наблюдать, как в официальном и общественном дискурсе самой Российской империи боролись две тенденции – отрицание колониального статуса империи со стороны власти и фактическое ее признание со стороны как официальных лиц, так и широкого круга авторов различной общественно-политической ориентации. В частности, можно привести взгляды русского географа, одного из основателей статистической науки в России К. Арсеньева. В своем капитальном труде «Статистические очерки России», увидевшем свет в 1848 году он писал: «Все ... неудобства и затруднения от великого протяжения и от широких границ представляются нам в ином виде, если мы примем Сибирь и весь Закавказский край, самую природой отделенные от собственно России, колониями Русскими, которые весьма важны для метрополии в политико-экономическом отношении ... Сибирь есть истинная колония земледельческая, металлоносная и коммерческая; рассматриваемая под сим видом она имеет преимущество пред колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океанами, ни посторонними владениями. Закавказский край равным образом может быть назван колонию нашею» (Арсеньев, 1848: 35). Кроме того, он проводит прямые аналогии между казачьим завоеванием Сибири и действиями конкистадоров в Америке, называя Ермака «русским Кортесом» (Арсеньев, 1848: 37). Учитывая, что К. Арсеньев был одним из учителей будущего императора Александра II, сопровождал его в поездке по России и был членом Совета министра внутренних дел, его взгляды можно считать близкими к официальным. Кстати, К. Арсеньев не включал казахские степи в состав собственно Российской империи, описывая границу последней как проходящую по Оренбургской пограничной линии и землям Среднего жуза (Арсеньев, 1848: 14-16).

Кавказ и Туркестан названы колониями России в очерке сотрудника Императорского Вольного экономического общества, члена Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и Императорского Российского общества садоводства В.Э. Иверсена о посещении кавказского и туркестанского отделов Московской политехнической выставки (Иверсен, 1873: 204). В. Вошинин в своих очерках назвал Туркестан «богатейшей и, пожалуй, единственной настоящей колонией» России (Вошинин, 1914: 13).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона обходил вниманием термин «колония», объясняя это понятие через термин «колонизация». Последняя понималась как «массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства. Результатом такого заселения является колония или колониальное государство, находящееся в той или иной зависимости от метрополии, т.е. государства, из которого вышли поселенцы»

(Андреевский, 1895: 736). Анализируя разные виды колонизации, автор статьи Н. Романов, особо отмечает немецкий термин «innere Kolonisation», т. е. «внутренняя колонизация», что соотносится с русским понятием «переселение» (Андреевский, 1895: 737). Отдельно энциклопедия рассматривает колонизацию собственно России, которая описывается как процесс, имевший место «на всем протяжении русской истории» и составляющий «одну из самых характерных черт ее» (Андреевский, 1895: 740).

Российский официальный дискурс, как мы уже отмечали, отрицал колониальный статус Российской империи. Само понятие «колония» объяснялось прежде всего, как «заморские» владения европейских держав. В частности, в «Военной энциклопедии» 1911–1915 гг. колония определялась как владения государства, не входящая в состав ее сухопутных границ и связанное с метрополией морским сообщением. Соответственно, отмечалось, что «Россия, обладающая еще огромным запасом свободных земель, заключенных в общей сухопутной границе, не имеет (колоний)» (Новицкий, 1913: 41-42).

Понятие «внутренняя колонизация», перенесенная на российскую почву из немецкого общественно-политического дискурса, прижилось и стало распространенной характеристикой процесса расширения Российской империи. Концепция С. Соловьева, выраженная в фразе «русская история есть история страны, которая колонизируется» была осмыслена В. Ключевским, считавшим колонизацию самой себя основным фактом русской истории. Благодаря этому «колонизация» как переселение православного славянского населения на новые территории прочно вошло в официальный дискурс. В 1907–1917 годах издавался журнал «Вопросы колонизации», в 1908 году была издана книга «Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации дальневосточных областей», в 1911 «Вопросы колонизации Приамурского края» и пр. Однако, распространение понятия «колонизация» не означало распространения понятия «колония».

Исключение составляли работы сибирских областников, использовавших термин «колония» для характеристики статуса сибирских владений России. Н.М. Ядринцев, рассматривал колонизацию имперских окраин как процесс хозяйственного освоения территорий (Ядринцев, 1882). Г.Н. Потанин пришел к выводу, что Сибирь являет собой классический образец земледельческой колонии. В понятие «колонизация» он вкладывал два смысла. С одной стороны, это процесс освоения новых земель, с другой – политика метрополии по отношению к колониям. История освоения Сибири – это колонизация в обоих смыслах (Потанин, 2005).

По мнению А. Масозро определение окраинных территорий России как колоний вызывало подозрение в царской политической традиции, т.к. колонии были для европейской политической традиции не только источником богатства и престижа, но и обществами, потенциально способными развиваться независимо (Масозро, 2016: 345). Д. Шорковиц, в свою очередь, объясняет это опасениями российской власти, что распространение дискурса о колониальном статусе окраин может разрушить формируемое представление о «единости» и «неделимости» территории империи (Шорковиц, 2021: 98). Это опасение было хорошо сформулировано Н. Данилевским, утверждавшим, что назвать земли колониями означало неявно признать существование ряда «не-Россий в составе России» (Данилевский, 1991).

Что интересно, подобный дискурс был характерен не только для представителей Российской империи. Британский историк Джон Роберт Сили, известный как апологет колониальной политики Британской империи и ее цивилизаторской роли для народов, не способных к самостоятельному развитию, настаивал на том, что расширение Британии является не захватом колоний, а расширением Английского государства за пределы Британских островов (Сили, 1903). Он писал: «Великая Британия вовсе не является империей в обычном смысле этого слова. Рассматривая отдельно колониальную часть Великой Британии, мы находим естественный рост, просто нормальное распространение английской расы на новых, большей частью слабо заселенных землях... Оно создает не собственно империю, а просто обширное государство» (Сили, 1903: 229).

Таким образом, в рамках имперского дискурса XVIII – начала XX века регионы Азиатской России зачастую осмыслились как особые, «инаковые» территории. В общественном сознании и бюрократической практике они нередко маркировались если не как «не-Россия», то, по крайней мере, как «другая Россия» – пространство, требующее специфических методов управления, колониальной администрации и цивилизационной миссии. Подобная дифференциация отчетливо фиксируется в языке официальных документов, публицистике и научных сочинениях эпохи, где устойчиво воспроизводилось противопоставление «внутренних губерний» и «окраин».

Победа в России большевиков сняла ограничение на использование понятия «колония». Еще в 1915 году В. Ленин в своей работе «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» относил Россию к колониальным державам, определяя как колонии более трех четвертей территории империи (Ленин, 1969: 314). После революции в общественном дискурсе закрепились понятия «тюрьма народов», «колониальная политика царизма», «колонизаторы» т.п. (Виткинд, 1929; Окунь и др., 1935; Парсамян, 1940; Петрушевский, 1936; Рамазанов, 1956; Егунов, 1963). Одним из пионеров в обосновании колониального характера политики Российской империи на окраинах, в частности,

в Туркестане был Г. Сафаров. В его труде «Колониальная революция (Опыт Туркестана)» отдельный раздел был озаглавлен «Туркестан-колония» (Сафаров, 1921: 47).

Большой вклад в теоретическое обоснование колониального характера Российской империи был Петр Григорьевич Галузо. В очерке с говорящим названием «Туркестан-колония», подготовленном на основе доклада в Институте красной профессуры, П. Галузо рассматривает саму причину проникновения России в Центральную Азию как «одну из струй «расхвата» колоний во вторую половину XIX века» (Галузо, 1929). Сама колониальная политика России в регионе, по мнению автора начинается именно в заинтересованности власти в нем как в будущей колонии. Позже эти взгляды были значительно доработаны и переосмыслены в других его работах (Галузо, 1963; Галузо, 1968).

Трактовка статуса Казахстана как колонии Российской империи присутствует в работах С. Асфендиярова, назвавшего имперский период истории края «колониальным» (Асфендияров, 1935: 9); М. Вяткина, обозначившего данный период как период феодально-колониальной эксплуатации (Вяткин, 1941: 194); Н. Апполовой, применявшей термин «колония» применительно к статусу Казахстана в XIX веке (Апполова, 1948); Е. Бекмаханова, широко применявшего в своих работах понятия «колониальная политика царизма», «колониальная администрация» (Бекмаханов, 1957); Б. Сулейменова, характеризовавшего Казахстан как регион, полностью включенный в систему колониальной эксплуатации Российской империи, где социально-экономические процессы определялись интересами метрополии, а не внутренним развитием края (Сулейменов, 1963).

В целом, дискурс, выработанный в советской науке, продолжает сохраняться и в постсоветских странах, за исключением России. Лишь в недавно в казахстанской историографии появились первые попытки поставить под сомнение колониальный статус Казахстана в имперский период. Авторы монографии «Новый взгляд на старую эпоху: Казахская степь и Российская империя через призму статистики» избегают использования термина "колониализм", подчеркивая сложность исторической ситуации и наличие как элементов колониального управления, так и автономных процессов. "Ситуация с Казахстаном в составе Российской империи представляет собой сложную комбинацию различных факторов, и мы предлагаем рассматривать её через более широкую аналитическую призму, избегая узкого применения термина "колониализм" – пишут они (Мармونتova и др., 2024).

Мы видим в этом влияние современного российского постколониального дискурса. В постсоветской российской исторической науке стали со временем господствовать две связанные тенденции. Одна – продолжение теории «самоколонизации» России (Эткинд, 2013). Вторая связана с отрицанием колониального характера Российской империи (Большакова, 2019). Мы можем говорить о существовании современной теории «самоколонизации» России как интерпретационной концепции в истории, культурологии и постколониальных исследованиях, согласно которой Российское государство на протяжении своей истории осуществляло колонизационные практики преимущественно по отношению к «внутренним» территориям, а не только (и не столько) к внешним, завоеванным регионам.

Так, Д.В. Васильев различает понятия «колониальная политика» и «колонизационная политика», первая имеет военно-политический смысл, вторая – хозяйственно-экономический. При этом применительно к Казахстану он отрицает возможность применения понятия «колония» так как эти территории становятся составной частью Российского государства и не могут считаться «колониями», к ним применим более универсальный термин – «национальные окраины» (Васильев, 2022). Таким образом, территория Казахстана фактически ретроспективно лишается субъектности.

В работах А. Ремнева, А. Быкова, В. Моисеева ставится под сомнение правомочность характеристики внутренней политики Российской империи по отношению к осваиваемым периферийным территориям как «колониальной» по своей сути (Ремнев, 2011; Быков, 2023; Моисеев, 2001). В рамках данного подхода утверждается, что граница между метрополией и колонией в российском случае была размыта или отсутствовала, поскольку эксплуатация, насилие и культурная иерархизация распространялись внутрь самого государства. Утверждается, что в Российской империи отсутствует классический дуализм метрополия-колония, в отличие от западноевропейских колониальных империй (Британской, Французской, Испанской), Россия, согласно данной теории, не имела четко оформленной метрополии, противопоставленной заморским колониям. Соответственно, понятия «метрополия-колония» заменяются на «центр-периферия» (Миллер, 2006).

Отрицание колониального характера Российской империи, как правило, опирается на узкое определение колониализма, сведенное к заморским владениям, игнорирование сравнительно-имперских исследований, ретроспективное принятие имперского дискурса как аналитически нейтрального, отказ признавать субъектность присоединенных обществ до их включения в состав империи. Колонизация ретроспективно представляется как «изначальная принадлежность» или «естественное расширение».

Ключевые аргументы этого дискурса следующие:

1. Тезис о континентальной империи. Российская экспансия интерпретируется как «естественное» территориальное расширение в пределах единого континентального пространства, что, в отличие от заморских империй Западной Европы, якобы исключает её колониальный характер.

2. Концепция органического присоединения. Инкорпорация Сибири, Кавказа, Центральной Азии и степных регионов представляется как интеграция пограничных земель, тогда как военное завоевание, насильственное подчинение и ликвидация местной государственности маргинализируются либо оправдываются «исторической необходимостью».

3. Сведение империи к национальному государству. Империя ретроспективно описывается как расширенная форма «исторической России», что стирает границу между метрополией и присоединёнными территориями и переводит отношения господства в категорию внутреннего управления.

4. Редукция колониального измерения к социальному. Насилие и эксплуатация трактуются преимущественно как классовые или сословные, что подменяет колониальный анализ социально-экономическим и нивелирует асимметрию между русским центром и нерусской периферией.

5. Аргумент «цивилизационной миссии». Имперская политика оправдывается распространением порядка, культуры и прогресса – риторикой, воспроизводящей классический колониальный дискурс при одновременном отрицании самого факта колониализма.

Подходы «самоколонизации», «центра-периферии» и пр., претендуя на критическое переосмысление имперского наследия, фактически воспроизводят базовые установки архаичного имперского дискурса, отрицая внешнюю колониальную экспансию и историческую субъектность присоединённых обществ. В постимперском и постсоветском контексте подобное отрицание выполняет также политико-символическую функцию, позволяя избегать обсуждения колониальной ответственности и асимметрий исторической памяти. В обоих случаях результатом становится деисторизация опыта колонизированных обществ (включая казахское) и воспроизводство имперского дискурса в аналитической форме.

Мы убеждены в том, что в рамках современной сравнительной историографии Российскую империю можно интерпретировать как колониальную державу, сопоставимую с другими империями XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ позволяет выявить не только различия между континентальными и заморскими империями, но и их фундаментальное сходство, выражающееся в асимметрии власти, экономической эксплуатации и культурной иерархизации. Такой подход создаёт методологическую основу для включения истории Российской империи в глобальную историю колониализма и империй, а казахские земли – ее колонией.

5. Заключение

Анализ воздействия Российской империи на территорию дореволюционного Казахстана требует методологически взвешенного подхода, предполагающего отказ от априорно эмоционально окрашенных – как негативных, так и апологетических – коннотаций понятий «империя» и «колония». В рамках современной исторической науки данные термины рассматриваются прежде всего как аналитические категории, фиксирующие специфические формы политического управления, пространственной интеграции и социально-экономической трансформации, а не как моральные ярлыки.

С точки зрения теории модернизации имперские образования Нового и Новейшего времени выступали важными агентами институциональных и технологических изменений на перифериях. Включение казахских степей в имперское пространство сопровождалось внедрением административно-территориального деления, формированием бюрократического аппарата, кодификацией правовых практик, развитием инфраструктуры (пути сообщения, почтово-телеграфная связь), а также институционализацией светского образования и медицины. Эти процессы, при всей их неоднородности и противоречивости, соответствовали логике «имперской модернизации», в рамках которой центр стремился унифицировать управление и повысить управляемость периферий.

В то же время признание модернистского эффекта не тождественно его нормативной оценке. Колониальный характер имперского присутствия выражался в асимметрии политического представительства, в перераспределении ресурсов в пользу метрополии, в ограничении традиционных форм самоуправления и в социально-культурной иерархизации. Эти черты позволяют квалифицировать дореволюционный Казахстан как часть колониального пространства империи, не сводя при этом колониальность исключительно к эксплуатации или насилию и не отрицая наличия структурных изменений, имевших долгосрочные последствия.

Следовательно, продуктивный исследовательский подход предполагает аналитическое разведение понятий «империя» и «колония» с их оценочными интерпретациями. Отказ от эмоционально нагруженных дихотомий («империя как абсолютное зло» или «империя как безусловный модернизатор») открывает возможность более точного анализа: выявления конкретных механизмов имперского управления, каналов трансфера институтов и знаний, а также форм адаптации и сопротивления со стороны местных сообществ. Именно такая концептуальная нейтральность позволяет встроить казахстанский материал в широкий сравнительный контекст имперских и колониальных исследований и избежать редукционизма, характерного для идеологизированных нарративов.

6. Благодарности

Данное исследование реализуется в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № BR28713085 «Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов»).

Литература

- Андреевский, 1895** – Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; [под редакцией профессора И.Е. Андреевского]. Санкт-Петербург: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1890-1907, Т. 15А. (30): Коала – Конкордия. 1895. С. 479-960.
- Апполова, 1948** – Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: АН КазССР. 1948. 255 с.
- Арсеньев, 1848** – Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб.: Тип. Имп. Акад.наук. 1848. 503 с.
- Асфендияров, 1935** – Асфендияров С. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое изд-во. 1935. 259 с.
- Бекмаханов, 1957** – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: АН СССР. 1957. 337 с.
- Большакова, 2019** – Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография : сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Большакова О.В. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории. 2019. 180 с.
- Быков, 2023** – Быков А. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731-1917 гг.) Т.1. М.: ИВ РАН. 2023. 464 с.
- Васильев, 2022** – Васильев Д.В. Поступь империи: Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М.: Нестор-История. 2022. 636 с.
- Виткинд, 1929** – Виткинд Н.Я. Библиография по Средней Азии: (указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии). Москва: Изд-во Коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина. 1929. 165 с.
- Воцинин, 1914** – Воцинин В.П. Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации. СПб.: типография «Наш век». 1914. 86 с.
- Вяткин, 1941** – Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен по 1870 г. Т. 1. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1941. 368 с.
- Галузо, 1929** – Галузо П. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М.: Издание Комм. Ун-та Трудящихся Востока имени И.В. Сталина. 1929. 235 с.
- Галузо, 1963** – Галузо П. К истории колониальной эксплуатации Казахстана в конце XIX – начале XX в. (На материалах южных районов Казахстана) / Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 440 с.
- Галузо, 1968** – Галузо П. Колониальная система российского империализма в канун Октябрьской революции / Казахстан в канун Октября. Алма-Ата : Наука Казахской ССР. 1968. 283 с.
- Гаспаров, 1997** – Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Под ред. Б. Гаспарова. М.: О.Г.И. 1997. 414 с.
- Данилевский, 1991** – Данилевский Н. Россия и Европа. М.: Книга. 1991. 576 с.
- Егунов, 1963** – Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 1963. 315 с.
- Иверсен, 1873** – Иверсен В. Отчет о поездке на Московскую политехническую выставку // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. 1873. С. 204-221, 507-525.
- Иллерицкая, 2023** – Иллерицкая Н.В. «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации // Вестник РГТУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 158-169.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Москва: «Традиция» – «Прогресс-Традиция». 2000. 344 с.
- Кундакбаева, 2011** – Кундакбаева Ж.Б. Имперский алгоритм в изучении истории России: тенденции современной историографии / Сайт Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://iie.kz/?s=Кундакбаева&lang=kk>
- Ленин, 1969** – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. Москва: Издательство политической литературы. 1969. 590 с.
- Лурье, 2012** – Лурье С.В. Imperium. Империя – ценностный и этнопсихологический подход. М.: АИРО-XXI. 2012. 217 с.
- Мармونتова и др., 2024** – Мармونتова Т.В., Тажибаев А.Т., Дроговоз А.И. Новый взгляд на старую эпоху: Казахская степь и Российская империя через призму статистики. Астана: ИП Булатов А.Ж. 2024. 191 с.

- Марченя, 2013** – Марченя П.П. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования // *Философские исследования и современность*. Вып. 2. М.: ИД Акад. им. Н.Е. Жуковского. 2013. С. 117-136.
- Масоэро, 2016** – Масоэро А. Колонизация в позднеимперской России: история понятия / Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научн. трудов. Омск: Полиграфический центр КАН. 2016. 480 с.
- Миллер, 2006** – Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: НЛО. 2006. 607 с.
- Моисеев, 2001** – Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Барнаул: Алтайский университет. 2001. 172 с.
- Моррисон, 2015** – Моррисон А. «Мы не англичане...» К вопросу об исключительности российского империализма // *«Восток Свыше»*. 2015. № 3 (XXXVIII). С. 69-78.
- Новицкий, 1913** – Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. Т. 1-18 Санкт-Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1911-1915, Т. 13: Кобленц – Круз. 1913. 375 с.
- Окунь и др., 1935** – Окунь С.Б. Дрезен А.К. Алькор Я.П. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов. Ленинград: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР. 1935. 212 с.
- Парсамян, 1940** – Парсамян В. Колониальная политика царизма в Армении. Ереван : Изд-во АрмФАН'а. 1940. 208 с.
- Петрушевский, 1936** – Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. / Под ред. И.П. Петрушевского. Ч. 1. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 1936. 463 с.
- Попов, 2025** – Попов Е.В. Американская историография о проблемах "имперского проекта" в период переселенческой политики в России во второй половине XIX начале XX в // *Genesis: исторические исследования*. 2025. № 9. С. 97-107
- Потанин, 2005** – Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири / Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. Павлодар: ЭКО. 2005. 533 с.
- Рамазанов, 1956** – Рамазанов Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала: б.и. 1956. 40 с.
- Ремнев, 2011** – Ремнев А. Колониальность, постколониальность и "историческая политика" в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. №1. С. 169-205.
- Сафаров, 1921** – Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М.: Государственное издательство. 1921. 234 с.
- Сахаров, 1999** – Россия в XX в.: проблемы национальностей / Под ред. Сахарова А.Н., Михайлова В.А. М.: Наука. 1999. 450 с.
- Сили, 1903** – Сили Дж.Р. Расширение Англии. Два курса лекций. СПб.: Издательство О. Поповой. 1903. 239 с.
- Сулейменов, 1963** – Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX в. (1867-1907 гг.). Алма-Ата: АН КазССР. 1963. 411 с.
- Шорковиц, 2021** – Шорковиц Д. Была ли Россия колониальной империей? Часть 1 // *Nomadic civilization: historical research (Кочевая цивилизация: исторические исследования)*. 2021. 1(2): 86-104.
- Эткинд, 2013** – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО. 2013. 448 с.
- Ядринцев, 1882** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург. 1882. 476 с.
- Devlet, 2002** – Devlet N. Empires in Eurasia from Chingiz Khan to 20th Century. İstanbul, Yeditepe Üniv. Yay. 2002. 106 p.
- Howe, 2002** – Howe S. Empire: A Very Short Introduction. Oxford University Press. 2002.
- Manz, 1994** – Manz B.F. Central Asia in Historical Perspective. Westview Press. 1994.
- Morrison, 2021** – Morrison A. The Russian conquest of Central Asia. A study in Imperial Expansion. 1814–1914. Cambridge University Press. 2021.
- Olcott, 1987** – Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford University Press. 1987.

References

- Andreevskii, 1895** – Andreevskiy, I.E. (ed.) (1895). Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopaedic dictionary]. Izdateli: F.A. Brokgauz, I.A. Efron; [pod redaktsiei professora I.E. Andreevskogo]. Sankt-Peterburg: tipografiya Aktsionernogo Obshchestva Brokgauz-Efron, 1890-1907, T. 15A. (30): Koala – Konkordiya. Pp. 479-960. [in Russian]
- Appolova, 1948** – Appolova, N.G. (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The incorporation of Kazakhstan into Russia in the 1730s]. Alma-Ata: AN KazSSR. [in Russian]
- Arsen'ev, 1848** – Arsen'ev, K. (1848). Statisticheskie ocherki Rossii [Statistical essays on Russia]. SPb.: Tip. Imp. Akad.nauk. 503 p. [in Russian]

- Asfendiyarov, 1935** – *Asfendiyarov, S.* (1935). *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen)* [The history of Kazakhstan from Ancient Times]. T. 1. Alma-Ata: Kazakstanskoe kraevoe izd-vo. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1957** – *Bekmakhanov, E.B.* (1957). *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii* [Kazakhstan's Incorporation into Russia]. M.: AN SSSR. [in Russian]
- Bol'shakova, 2019** – *Bol'shakova, O.V.* (ed.) (2019). *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya: sb. obzorov i referatov* [The Imperial turn in Russian history: contemporary historiography: a collection of reviews and abstracts]. Otv. red. Bol'shakova O.V. M.: RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. istorii. 180 p. [in Russian]
- Bykov, 2023** – *Bykov, A.* (2023). *Rossiiskaya politika v Stepnykh oblastyakh i transformatsiya kazakhskogo obshchestva (1731-1917 gg.)* [Russian Policy in the steppe regions and the transformation of Kazakh Society (1731–1917)]. T. 1. M.: IV RAN. [in Russian]
- Danilevskii, 1991** – *Danilevskii, N.* (1991). *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. M.: Kniga. [in Russian]
- Devlet, 2002** – *Devlet, N.* (2002). *Empires in Eurasia from Chingiz Khan to 20th Century*, 106 p. Istanbul, Yeditepe Üniv. Yay.
- Egunov, 1963** – *Egunov, N.P.* (1963). *Kolonial'naya politika tsarizma i pervyi etap natsional'nogo dvizheniya v Buryatii v epokhu imperializma* [The colonial policy of tsarism and the first stage of the national movement in Buryatia during the imperialist era]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Etkind, 2013** – *Etkind, A.* (2013). *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonisation. Russia's imperial experience]. M.: NLO. [in Russian]
- Galuzo, 1929** – *Galuzo, P.* (1929). *Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyutsii 1917 goda)* [Turkestan – a colony (An outline of the history of Turkestan from the Russian conquest to the 1917 revolution)]. M.: Izdanie Komm. Un-ta Trudyashchikhsya Vostoka imeni I.V. Stalina. 235 p. [in Russian]
- Galuzo, 1963** – *Galuzo, P.* (1963). *K istorii kolonial'noi ekspluatatsii Kazakhstana v kontse XIX – nachale XX v. (Na materialakh yuzhnykh raionov Kazakhstana)* [On the history of colonial exploitation of Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries (Based on materials from the southern regions of Kazakhstan)]. *Ob osobennostyakh imperializma v Rossii*. M.: Izd-vo AN SSSR. 440 p. [in Russian]
- Galuzo, 1968** – *Galuzo, P.* (1968). *Kolonial'naya sistema rossiiskogo imperializma v kanun Oktyabr'skoi revolyutsii* [The colonial system of Russian imperialism on the eve of the October Revolution]. *Kazakhstan v kanun Oktyabrya*. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR. [in Russian]
- Gasparov, 1997** – *Gasparov, B.* (ed.) (1997). *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossiiskaya imperiya vzglyadom iz raznykh uglov* [Kazan, Moscow, St. Petersburg: the Russian Empire from different perspectives]. Pod red. B. Gasparova. M.: O.G.I. 414 p. [in Russian]
- Howe, 2002** – *Howe, S.* (2002). *Empire: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.
- Illeritskaya, 2023** – *Illeritskaya, N.V.* (2023). «Imperskii povorot» v izuchenii rossiiskoi istorii: sovremennye interpretatsii [The 'imperial turn' in the study of Russian history: contemporary interpretations]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 4. Ch. 2. Pp. 158-169. [in Russian]
- Iversen, 1873** – *Iversen, V.* (1873). *Otchet o poezdke na Moskovskuyu politekhnicheskuyu vystavku* [Report on a trip to the Moscow Polytechnic Exhibition]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1873. 1: 204-221, 507-525. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000). *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia as a Multinational Empire]. M.: «Traditsiya» – «Progress-Traditsiya». [in Russian]
- Kundakbaeva, 2011** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2011). *Imperskii algoritm v izuchenii istorii Rossii: tendentsii sovremennoi istoriografii* [The imperial algorithm in the study of Russian history: trends in contemporary historiography]. Sait Instituta istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova. [Electronic resource]. URL: <https://iie.kz/?s=Kundakbaeva&lang=kk> [in Russian]
- Lenin, 1969** – *Lenin, V.I.* (1969). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. T. 26. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. [in Russian]
- Lur'e, 2012** – *Lur'e, S.V.* (2012). *Imperium. Imperiya – tsennostnyi i etnopsikhologicheskii podkhod* [Imperium. Empire – a value-based and ethnopsychological approach]. M.: AIRO-XXI. [in Russian]
- Manz, 1994** – *Manz, B.F.* (1994). *Central Asia in Historical Perspective*. Westview Press.
- Marchenya, 2013** – *Marchenya, P.P.* (2013). *Kontsept imperii kak predmet mul'tidistsiplinarnogo issledovaniya* [The concept of empire as a subject of multidisciplinary research]. *Filosofskie issledovaniya i sovremennost'*. Vyp. 2. M.: ID Akad. im. N.E. Zhukovskogo. Pp. 117-136. [in Russian]
- Marmontova i dr., 2024** – *Marmontova, T.V., Tazhibayev, A.T., Drogozov, A.I.* (2024). *Novyi vzglyad na staruyu epokhu: Kazakhskaya step' i Rossiiskaya imperiya cherez prizmu statistiki* [A new look at an old era: The Kazakh steppe and the Russian Empire through the lens of statistics]. Astana: IP Bulatov A.Zh. [in Russian]
- Masoero, 2016** – *Masoero, A.* (2016). *Kolonizatsiya v pozdneimperskoi Rossii: istoriya ponyatiya* [Colonisation in late imperial Russia: the history of the concept]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauchn. trudov*. Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN. [in Russian]

- Miller, 2006 – Miller, A.I. (2006). Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [The Western peripheries of the Russian Empire]. M.: NLO. [in Russian]
- Moiseev, 2001 – Moiseev, V.A. (2001). Rossiya – Kazakhstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost' [Russia–Kazakhstan: contemporary myths and historical reality]. Barnaul: Altaiskii universitet. [in Russian]
- Morrison, 2015 – Morrison, A. (2015). «My ne anglichane...» K voprosu ob isklyuchitel'nosti rossiiskogo imperializma [“We Are Not the English...”: On the Question of the Exceptionalism of Russian Imperialism]. *Vostok Svyshe*. 3 (XXXVIII): 69-78. [in Russian]
- Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian conquest of Central Asia. A study in Imperial Expansion. 1814–1914. Cambridge University Press.
- Novitskii, 1913 – Novitskii, V.F. (ed.) (1913). Voennaya entsiklopediya [Military encyclopedia]. T. 1-18. SPb: T-vo I.D. Sytina, 1911–1915. T. 13: Koblents – Kruz. [in Russian]
- Okun' i dr., 1935 – Okun', S.B. Drezen, A.K. Al'kor, Ya.P. (1935). Kolonial'naya politika tsarizma na Kamchatke i Chukotke v XVIII veke: Sb. arkhivnykh materialov [Colonial policy of tsarism in Kamchatka and Chukotka in the 18th century: Collection of archival materials]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR. 212 p. [in Russian]
- Olcott, 1987 – Olcott, M.B. (1987). The Kazakhs. Stanford University Press.
- Parsamyan, 1940 – Parsamyan, V. (1940). Kolonial'naya politika tsarizma v Armenii [The colonial policy of tsarism in Armenia]. Erevan: ArmFAN. [in Russian]
- Petrushevskii, 1936 – Petrushevskii, I.P. (ed.) (1936). Kolonial'naya politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane v 20-60-kh gg. XIX v. [The colonial policy of Russian tsarism in Azerbaijan in the 1820s–1860s.]. Pod red. I.P. Petrushevskogo. Ch. 1. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. [in Russian]
- Popov, 2025 – Popov, E.V. (2025). Amerikanskaya istoriografiya o problemakh "imperskogo proekta" v period pereselencheskoi politiki v Rossii vo vtoroi polovine XIX nachale XX v [American historiography on the problems of the “imperial project” during Russia’s resettlement policy in the late nineteenth and early twentieth centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 9: 97-107. [in Russian]
- Potantin, 2005 – Potantin, G.N. (2005). Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri [The conquest and colonization of Siberia]. Izbrannye sochineniya: T. 3. Pavlodar: EKO. [in Russian]
- Ramazanov, 1956 – Ramazanov, Kh. (1956). Kolonial'naya politika tsarizma v Dagestane v pervoi polovine XIX v. [The colonial policy of tsarism in Dagestan in the first half of the 19th century]. Makhachkala. [in Russian]
- Remnev, 2011 – Remnev, A. (2011). Kolonial'nost', postkolonial'nost' i "istoricheskaya politika" v sovremennom Kazakhstane [Coloniality, postcoloniality, and “politics of history” in contemporary Kazakhstan]. *Ab Imperio*. 1: 169-205. [in Russian]
- Safarov, 1921 – Safarov, G. (1921). Kolonial'naya revolyutsiya (Opyt Turkestana) [The colonial revolution (the experience of Turkestan)]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Sakharov, 1999 – Sakharov, A.N. (ed.) (1999). Rossiya v XX v.: problemy natsional'nostei [Russia in the 20th century: ethnic issues]. M.: Nauka [in Russian]
- Shorkovits, 2021 – Shorkovits, D. (2021). Byla li Rossiya kolonial'noi imperiei? Chast' 1 [Was Russia a colonial empire? Part 1]. *Nomadic civilization: historical research (Kochevaya tsivilizatsiya: istoricheskie issledovaniya)*. 1(2): 86-104. [in Russian]
- Sili, 1903 – Sili, J.R. (1903). Rasshirenie Anglii. Dva kursa lektsii [The expansion of England. Two lecture courses]. SPb.: Izdatel'stvo O. Popovoi. [in Russian]
- Suleimenov, 1963 – Suleimenov, B.S. (1963). Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX – nachale XX v. (1867–1907 gg.) [The Agrarian Question in Kazakhstan in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1867–1907)]. Alma-Ata: AN KazSSR. [in Russian]
- Vasil'ev, 2022 – Vasil'ev, D.V. (2022). Postup' imperii: Politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX v. [The march of Empire: Russia's policy in Central Asia from the nineteenth to the early twentieth century]. M.: Nestor-Istoriya. [in Russian]
- Vitkind, 1929 – Vitkind, N.Ya. (1929). Bibliografiya po Srednei Azii : (ukazatel' literatury po kolonial'noi politike tsarizma v Srednei Azii) [Bibliography on Central Asia: (index of literature on the colonial policy of tsarism in Central Asia)]. Moskva: Izd-vo Kommunisticheskogo universiteta trudyashchikhsya Vostoka im. I.V. Stalina. 165 p. [in Russian]
- Voshinin, 1914 – Voshchinin, V.P. (1914). Ocherki novogo Turkestana: Svet i teni russkoi kolonizatsii [Essays on the New Turkestan: Light and Shadows of Russian Colonisation]. SPb.: tipografiya «Nash vek». [in Russian]
- Vyatkin, 1941 – Vyatkin, M.P. (1941). Ocherki po istorii Kazakhskoi SSR. S drevneishikh vremen po 1870 g. [Essays on the History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to 1870]. T 1. M.: GOSPOLITIZDAT. [in Russian]
- Yadrintsev, 1882 – Yadrintsev, N.M. (1882). Sibir' kak koloniya: Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony: the contemporary situation of Siberia, its needs and demands, its past and future]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Российская империя как колониальная империя: казахстанский контекст

Еркин Аманжолулы Абиля ^{a, *}, Аманжол Кузембайулы ^b

^a Мажилис Парламента Республики Казахстан, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А.Байтурсынова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается колониальный характер Российской империи в рамках современных сравнительных имперских и постколониальных исследований. Анализируются продолжающиеся историографические дискуссии о природе российской имперской экспансии и критически осмысливаются интерпретации, отрицающие или релятивизирующие её колониальное измерение, в частности концепция «самоколонизации» России. Опираясь на широкий корпус историографических трудов, научных и справочных изданий имперского периода, а также постсоветских исследований, автор использует сравнительно-исторический и дискурсивно-аналитический методы для переоценки структурных характеристик российского имперского владычества.

Проведённый анализ показывает, что континентальная форма расширения Российской империи не отменяет её колониального характера, а представляет собой специфическую пространственную модальность колониализма. В статье обосновывается тезис о том, что ключевые признаки классических колониальных империй – институционально-правовая асимметрия между центром и периферией, экстрактивный характер экономических отношений и культурная иерархизация – были присущи и российской имперской модели. Особое внимание уделяется территории современного Казахстана, которая интерпретируется как часть колониального пространства Российской империи. Включение казахских земель сопровождалось военным завоеванием, созданием особых административных режимов, ограничением политического представительства и переориентацией региональной экономики на потребности метрополии.

В заключение делается вывод о том, что включение российского имперского опыта, включая казахстанский кейс, в глобальную историю колониализма позволяет сформировать более аналитически обоснованное понимание механизмов имперского управления, выходящее за пределы национально-центричных или идеологически обусловленных нарративов.

Ключевые слова: Российская империя, колониализм, континентальная империя, сравнительная имперология, Казахстан, колониальная экспансия, метрополия и периферия, колониальный дискурс, внутренняя колонизация, постколониальные исследования.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yerkinabil@gmail.com (Е.А. Абиля), topai240345@mail.ru (А. Кузембайулы)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 730-737
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.730

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Legislative Acts Regulating the Governance of the Kazakhs of Western Siberia: Grounds and Implementation (1850s)

Gulmira Y. Kupenova ^{a, *}, Bibigul S. Abenova ^b, Daulet K. Abenov ^b, Yerzhan M. Toraygyrov ^c

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the introduction and implementation of legislative acts regulating the governance of the Kazakhs of Western Siberia in the 1850s. Drawing on a wide range of sources, including legal and regulatory documents, archival materials, and the works of Russian and Kazakhstani scholars, the study analyzes the tactics of the imperial authorities aimed at integrating the nomadic steppe into the administrative system of the Russian Empire. This approach ensures a comprehensive consideration of the problem and the drawing of objective conclusions.

The article shows the current situation in the management of the Kazakhs of the Siberian department, which belonged to various departments, and the consequences of this situation created the basis for the introduction of a new administration on the right bank of the Irtysh.

The particular attention was paid to the change in tactics of the tsarist administration from allowing the transition of Kazakhs from the outer districts to the inner ones to prohibiting them, the problem of increasing horse theft is analyzed in order to identify of the tsarist authorities to the theft of horses by Kazakhs and the application of measures to stop them.

The relevance of the study is due to the need for a comprehensive analysis of improving the system of governance of the Kazakhs of the region. The study of this process allows us to determine the basis for the introduction of legislative reforms and the course of their implementation.

The methodological framework is based on historical-chronological and analytical methods, which made it possible to analyze the evolution of the governance system and the application of legislative norms at the regional level.

Keywords: Western Siberia, Middle Zhuz, Irtysh region, Russian Empire, legislative acts, horse theft, Semipalatinsk region.

1. Введение

Формирование структуры управления казахами Западной Сибири Российской империей конца XVIII – конца XIX вв., как период глубокой трансформации казахского общества осуществлялось через сложный процесс законодательных преобразований и административных мер. Одним из её важных этапов стала середина XIX века – введение нового порядка управления казахами Сибирского ведомства в целях дальнейшего совершенствования управления края. По «Положению об управлении Семипалатинской областью» 1854 года край был разделен на Семипалатинскую область и Область сибирских казахов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения совершенствования системы управления казахами края. Исследование данного процесса позволяет определить основание введения законодательных преобразований и её ход реализации в отношении

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulia_79_79@inbox.ru (G.Y. Kupenova)

казахского населения Западной Сибири. Данная проблема до настоящего времени не получила достаточного освещения в исторической науке, что определяет научную значимость настоящей работы. Целью исследования является анализ законодательных актов 50-х гг. XIX века в реализации формирования новой системы управления казахами края, определение её основания и этапов реализации в российской политике освоения приграничной территории.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные документы фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация), а именно, фонды 1 «Канцелярии Военного министерства», 38 «Оренбургские и Сибирские дела», 400 «Главный Штаб Военного министерства». Изучены и использованы материалы регионального архива – Исторического архива Омской области (ИАОО, Омск, Российская Федерация), фонды 3 «Главное Управление Западной Сибири», 6 «Штаб отдельного Сибирского корпуса». Из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы, Казахстан) были взяты для исследования материалы Сергиопольского, Уч-Булакского, Атбасарского внешних окружных приказов, Омского, Семипалатинского, Акмолинского областных управлений, канцелярии Степного генерал-губернатора, Пограничного управления Сибирскими киргизами, а также Областного управления Сибирскими казахами МВД Тобольской губернии.

Исследование основано на опубликованных исторических источниках и архивных материалах, позволяющих проследить процесс эволюции структуры управления казахами Западной Сибири XIX века, в соответствии с законоположениями, правовыми актами, инструкциями по введению российской системы административно-территориального управления. «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.), «Устав об инородцах» (1822 г.), «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами» (1838 г.), «Положение об управлении Семипалатинской областью» (1854 г.) опубликованные в Полном собрании законов Российской империи и в Сборнике документов «Структуры управления казахами Западной Сибири (конец XVIII в. – XIX в.)» ([Структуры управления..., 2025](#)) являются основой совершенствования российской политики в отношении казахов.

Методологическая основа исследования базируется на историко-хронологическом методе, давшем возможность анализа законодательных актов эволюции системы управления казахами Западной Сибири периода 50-х гг. XIX века. Использован аналитический метод для систематизации данных и выявления специфики применения законодательных норм на региональном уровне. Структура изложения основана на хронологическом принципе, что позволяет проследить динамику и этапы формирования управленческих структур края.

3. Обсуждение

Изучение истории казахов Западной Сибири XVI – начало XIX вв. берёт начало с работ Н.А. Томилова ([Томилов, 1983](#)), где в контексте с этнической историей рассмотрена проблема их расселения на территории Западной Сибири. Данное исследование осуществлено на базе архивных документов, часть которых была впервые введена в научное использование с изучением отдельных аспектов расселения отдельных групп казахского населения в Западной Сибири в течение с XV по начало XX вв. Проблемы формирования хозяйственной организации и этнической самоидентификации казахов Западной Сибири анализируются в работе О.Б. Наумовой ([Наумова, 1980](#)).

З.Е. Кабульдинов ([Кабульдинов, 2001](#)) исследовал в историко-демографическом аспекте процесс становления казахов Западной Сибири при этом выявив основные периоды их расселения на юге региона. Начало вторичного расселения казахами региона, автор отнес к середине XVIII века, после процесса полного поражения джунгар. Правовое положение казахов определялось неурегулированностью взаимодействия с органами управления.

И.В. Октябрьская ([Октябрьская, 2004](#)) дает анализ процессу миграции и расселения казахского населения Алтая в условиях пограничья и его влияния на этносоциальный процесс их формирования. Продолжением данного исследования стала работа И.В. Анисимовой ([Анисимова, 2012](#)) по изучению миграционного процесса казахов в Сибирь в течение всего XIX века. Автор определяет открытый статус казахов горного ведомства поднявший вопрос их правового регулирования и согласна с позицией З.Е. Кабульдинова и О.Б. Наумовой об отсутствии в середине XIX в. определенного мнения властей к проблеме вывода казахов с территории Алтайского горного округа.

Значение имеют работы Е.М. Торайгырова ([Торайгыров, 2025](#)), где на примере формирования Иртышской военной линии представлен анализ стратегии территориального расширения Российской империи в XVIII веке. Особое внимание автор уделит военной и административной политике России в приграничной зоне, специфике взаимодействия между казахскими родами и казачьими общинами. Анализ реформы 1868 года на примере деятельности Западно-Сибирской и Оренбургской администрации посвящено исследование Б.С. Абеневой ([Abenova, 2025](#)). Рассматриваются административно-колониальные реформы, которые институционализировали российское правление в Казахстане во время введения «Временного положения» 1867–1868 гг. Где результаты уточняют

понимание имперско-царского управления в приграничной территории и его влияния на развитие сельских районов Центральной Азии.

По мнению исследователя А.Ю. Быкова (Быков, 2023), после строительства русских крепостей формируются торговые взаимоотношения, что способствовало формированию в сибирских городах и рядом с ними, в том числе в так называемой десятиверстной полосе, поселений среднеазиатских купцов. Процесс выселения казахов с внутренней стороны Иртыша в 1830–1870 гг., как изменение тактики в политике российского правительства середины XIX века представила в своей работе Г.И. Купенова (Купенова, 2025).

В целом, данная проблема имеет определенную историографическую постановку, что определяет актуальность в условиях современного состояния исторической науки исследования процесса формирования системы управления казахами Западной Сибири. В особенности причин усиления контроля региона и перехода к новому порядку формирования структуры отдельного управления казахами Западной Сибири середины XIX века. Что подтверждает необходимость дальнейшего комплексного анализа с привлечением широкого круга источников.

4. Результаты

С 1880-х гг. с получением официального согласия правительства, начался переход казахов степных регионов во внутреннюю часть Иртыша. Одним из основных факторов их переселения стала барымта со стороны соплеменников. По мнению С.Б. Броневского, «грабежи и насилия в Орде были причиной перехода на российскую сторону, приняв присягу на верноподданство» (Броневский, 1830: 179-180). По мнению З.Е. Кабульдинова, «казахов во внутреннюю часть линии тянуло, нехватка пастбищных земель в степи, барымта и желание поправить свое материальное положение. И желание кочевать в привычных для них родовых пастбищах отошедших к Тобольской и Томской губерниям в ходе строительства и выдвижения кордонной линии в глубь казахских степей в XVIII в.» (Кабульдинов, 2001: 112).

В целях глубокого проникновения и укрепления в приграничной зоне правительство решило ликвидировать ханскую власть и ввести российскую систему административно-территориального управления. Так, указы 1822 года «О сибирских киргизах» положили конец правлению ханов в степи. Общеизвестно, что к началу XIX века институт ханской власти в Младшем и Среднем жузах утратил прежнее влияние, и не только в связи с реализацией царским правительством политики ее дискредитации. По мнению С.Б. Броневского, «именно соперничество между ханами и султанами способствовало ослаблению власти ханов» (Броневский, 1830: 80-81). Важно отметить, что казахские ханства как потестарные государства, племенной периферии с феодально-бюрократическим строем постепенно утратили свою роль.

По «Уставу» регион Среднего жуза стал частью формирующейся Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Территорию степной зоны сибирских киргизов за рекой Иртыш было рекомендовано разделить на внутренние и внешние округа: в 1823 году в приграничных землях были оформлены четыре внутренних округа, а восемь внешних округов следовало устроить на основе Устава 1822 г., для чего требовалось направить туда российских чиновников и задействовать лиц из числа казахской аристократии для исполнения служебной деятельности на местах.

В 1824 году с начала апреля началась организация внешних округов. В степь с 13 пунктов вышли вооруженные казачьи отряды. Первым был открыт Каркаралинский, вторым – Кокчетавский, третьим – Аягузский округа. Было создано 8 округов с волостями и аулами.

Организация округов вызвала протест и даже борьбу казахов. Ее возглавили потомки Аблай хана – султаны Губайдулла и Касым (Броневский, 1830: 87-88).

Центром управления пограничными округами стал окружной приказ, в котором предусматривалось для казахов места старшего султана и двух заседателей. Омская область отошла к Тобольской губернии. Семипалатинский и Устькаменогорский уезды переданы Томской губернии. Остальные земли казахов в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства управлялись специальным пограничным управлением. Эти новые изменения в административном делении были вызваны с задачами, поставленными перед российской администрацией в 1830-е годы – с усилением контроля над местным управлением, централизацией власти и усилением темпов колонизации казахского края. Так, 6 апреля 1838 года было утверждено «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами», через внедрение которого российское правительство планировало перейти к порядку формирования структуры отдельного управления казахами Сибири.

В процессе перехода казахов на правую сторону Иртыша стало расти конокрадство, что привело к обострению обстановки в регионе. И как следствие этого возникла необходимость защиты своих прав на основе собственного Управления, первое обращение по поводу открытия которого относят к 1834 г. (Кабульдинов, 2001: 69). Сформированной системы управления в отношении переселившихся казахов не было, в связи с тем, они относились к разным ведомствам. Их «тянули на расправу в земские суды Омского, Колыванского, Барнаульского и Бийского уездов несмотря на то, что они этим судам не были подчинены никакими правительственными постановлениями; тормозило их и казачье начальство, не оставляло в покое и горное» (Красовский, 1868: 24). Данное положение

вызвало состояние неурегулированности, то есть, наиболее благоприятные условия, активизировавшие рост случаев исторически сложившейся практики конокрадства и разорения крестьян от казахов, как со стороны внутренних, так и степного населения, перешедших во внутренние районы по билетам, или за выплату ремонтных сборов казакам.

В первое время, среди казахов-переселенцев напряженности во взаимоотношениях с крестьянским населением не отмечалось, однако с 30-х гг. обстановка стала меняться. Увеличение численности казахского населения, по мере активных их переходов с выплатой ремонтных платежей и позднее по «билетам», а также отсутствие в отношении них управленческих структур привело их в состояние неуправляемости. «Ненадежный присмотр за киргизами» привел к жалобам крестьян на конокрадство киргизов и на вытравы ими полей и сенокосов у горнозаводских крестьян (РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 17. Л. 3–30б.).

Переселенческий поток русского населения в область Тобольской и Томской губернии и рост кражи лошадей казахами способствовали созданию сложной конфликтной обстановки. Вследствие чего, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири Трофимов обозначил «казахский вопрос». Полагая крайне неудачным размещение последних в непосредственной близости к хозяйствам крестьян, что, по его мнению, способствовало к обострению в регионе межэтнических отношений. При этом, считал, что конокрадство казахов носило организованный порядок, где не представляется возможным установить виновных и рассматривал его как главное основание его обращения к властям по вопросу ограничения и запрета их перехода за Иртыш (Анисимова, 2012: 20).

Рост кражи лошадей со стороны «верноподданных» казахов в 30-х гг. XIX века, впервые поставила вопрос о необходимости отнесения их к внешним волостям. Так, в 1852 году было принято решение о выводе всех внутренних киргиз во внешние округа, но в то же время, возникла проблема наделения их кочевьями как летними, так и зимними, так как, сами жители внешних округов жаловались «об неимении удобных кочевых мест» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1774. Л. 14). В связи с отсутствием сведений о распределении киргиз внешних округов земель, было решено приостановить без предварительного наделения внутренних киргиз земель боясь в дальнейшем их разорения. Также из-за возникшей конфликтной ситуации между крестьянами горного ведомства и внутренними киргизами и о фактах неповиновения их местным властям, с 1852 года строго был введен запрет на выдачу билетов киргизам для кочевки на землях горного ведомства всем Внешним Окружным Приказам Киргизской степи (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1774. Л. 20).

Начиная с 1850-х годов было принято множество мер, направленных на совершенствование управления краем согласно интересам России. С середины XIX в. меры по пресечению конокрадства все более активизируются. В марте 1854 г. вводится в действие «Положение» сибирского комитета «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири». Преследовавшая цель массового выселения станичных киргизов, компактно размещенных в районах крестьянских хозяйств. Конокрады по оценке царского правительства считались преступниками, оставлявшие крестьян-переселенцев без тягловой силы. Вследствие этого, Сибирское управление вводит полный запрет переходу казахов в пределы крестьянских земель. Согласно которому требовали незамедлительного переселения во внешние округа казахи, не вступившие в ряды крестьян, но с предоставлением им разрешения кочевать в казахских землях с внесением ремонтного сбора (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4346. Л. 7).

В 1859 году издаются «Правила о постановлении общественных приговоров об удалении киргизов порочных», где казахам внешних административных округов был запрещен переход на постоянное кочевье во внутреннюю часть линии и на земли подведомственных внутри Семипалатинскому окружному Приказу. Переход был возможен только с разрешения начальства, с выдачей узаконенных билетов, за самовольное проникновение они подлежали высылке, с сопровождением начальника казачьей станицы. Лиц виновных, в пропуске киргизов во внутреннюю часть, подвергали наказанию (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4346. Л. 2). Киргизы, замеченные в грабежах, в особенности в конокрадстве лишались права перехода во внутренние округа.

Порядок пребывания казахов в казахских станицах и крестьянских селах был строго регламентирован. Усиливается контроль, выраженный во введении билетной (паспортной) системы, только с билетами казахи внутренней Семипалатинской округи имели право въезда в казачьи станицы и крестьянские селения. Выдача билетов имела свои особенности, в указанных сроках и должностного лица их оформившего. Так, билет сроком на 7 дней выдавал аульный старшина, сроком на 1 месяц и не дальше 250 верст выдавал волостной управитель, а на продолжительное время имел право выдачи окружной приказ. Билеты имели полные сведения о въезжающем, его имя, возраст, социальное состояние, какие-либо приметы, причины перехода и срок пребывания во внутренних округах. Билет считался действительным только на один переход. Выдача билетов фиксировалась в шнуровых книгах областного правления. Одним из требований к аульным старшинам и волостным управителям был контроль над подвластной им территорией, за всеми передвижениями сельчан, в особенности за теми, кто ранее был замечен в «дурном» поведении (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4346. Л. 3).

Ужесточается борьба с конокрадством, имевшее в некоторых местах особый размах, где подлежал наказанию не только конокрад-киргиз. Конокрада отдавали в солдаты, а казаков – пособников конокрадов предавали военному суду и прогоняли через строй. Их начальников

увольняли с должностей и могли также подвергнуть военному суду (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4346. Л. 8). С 1859 года за безбилетного или с просроченным билетом киргиза-работника в селах или в казачьих станицах определялся штраф. Так, за киргиза с месячным просроченным билетом полагался штраф в размере 30 копеек серебром, за менее 3 суток и по 5 копеек в сутки. За безбилетного работника киргиза полагался двойной штраф в размере 10 копеек в день. С каждым разом штраф рос, и если в течение года работник-киргиз находился без билета или с просроченным билетом то на его хозяина налагался в двойной штраф. Штрафные деньги шли на строительство больниц и других общественных мест для киргиз. За неуплату штрафа или его недовыплату взыскание его шло на все селение или станицу, за попустительство и укрывательство его жителей и несвоевременное информирование о нарушениях. Контроль за вверенной территорией над волостным, сельским и станичным начальством усиливается, особенно в отношении безбилетного или с просроченным билетом киргиза. В случае определения фактов укрывательства их в отношении должностных лиц применяли строгие наказания (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4346. Л. 4).

К середине XIX века сложившееся положение в управлении казахами Сибирского ведомства больше не удовлетворяло царской правительство. А именно, отсутствие управленческих структур в отношении «верноподданных» киргиз, «управляемость» их различными ведомствами, усиление конокрадства, превышение служебных полномочий чиновников по отношению к ним, а также в некоторых случаях пособничество им, невозможность выселения их во внешние округа привели к необходимости создания на правобережье Иртыша нового управления. Важным стал фактор протяженности контролируемой территории, который «с расширением числа владений, состав Пограничного Управления Сибирских киргизов признан не соответствующим обширности занимаемого киргизами степи» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 569). Возникла необходимость разделения степи на две территориальные единицы, с тем чтобы каждая из двух частей располагала своим самостоятельным областным правлением. 19 мая 1854 года был введен новый порядок управления казахами Сибирского ведомства. По «Положению об управлении Семипалатинской областью» край был разделен на Семипалатинскую область и Область сибирских казахов. В связи с этим Омское пограничное управление было изменено на Областное управление сибирскими казахами, а должность начальника была заменена должностью военного губернатора. Область Сибирских Киргизов состояла из 5 округов, а Семипалатинская из Внутреннего, Семипалатинского, Кокбектинского, части Сергиопольского и Зайсанского края (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 569).

В связи с переходом степного края с пограничного во внутренние части Империи возникла необходимость укрепления позиции российской государственности, которая могла быть достигнута введением «прочной русской администрации», но с учетом специфики «ордынского населения» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 570). В целях ликвидации двойственности в управлении Степью было решено введение общего управления как для казачьего, так и для киргизского населения. Вводилось областное управление, которое сосредоточило всю переписку областного управления в одном месте, действуя как канцелярия губернаторов. Существовавшее окружное административное устройство считалось не соответствующим ее состоянию уже не пограничной территории, а внутренней части империи. Полагалось распространение на нее единой уездной системы, управляемой Уездным начальником, русского чиновника. Так как с введением единой общей администрации власть киргизских Султанов из-за незнания ими законов, русского языка считалась «бесполезной и даже вредной» и «крайне неудобной» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 571). В отношении волостей и аулов выборность управления сохранялась.

Из Кокчетавского, Атбасарского, Акмолинского округов, городов Омска и Петропавловска образована особая Акмолинская область, с 4 уездами. Семипалатинская область также состояла из 4 уездов, управление которыми располагалось в городах Семипалатинск, Павлодар, Кокбекты и Каркаралинск.

Земли Сибирских казахов Семипалатинских внутренних округов объявлялись государственной собственностью России. Для внутренних округов были созданы окружные приказы, ими управляли военные начальники. Положение 1854 года юридически закрепило земли «десятиверстной полосы» как земли Сибирского казачьего войска. «Десятиверстная» линия на территории левого берега Иртыша возникла для «охранения русских поселений от набегов киргизов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 572), была местом зимних стойбищ киргизов. Казахам внутренних округов разрешалось кочевать на землях «десятиверстной полосы», платя за это ремонтную пошлину.

В 1858 году в целях контроля поступления дохода в виде скота взимаемых в пользу войскового дохода за пользование киргизами войсковых и земель «десятиверстного пространства» и ограждения «ордынцев от всякого рода притеснений», так как, частыми стали жалобы киргиз на самоуправство и превышение служебных полномочий казачьим начальством «и в особенности при слишком частом перечислении у них скота» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6666. Л. 2–30б.) привели к изменениям порядка взимания с киргиз ремонтной пошлины. В 1858 году начальник штаба Войскового Правления полковник Цолков внес проект об аренде киргизами «десятиверстного пространства», которая отдавалась в аренду сроком на три года, с внесением денег в размере 15 тысячи рублей за год вперед. Вывоз соли, продажа рыбы, использование леса в качестве топлива киргизам запрещалось (ИАОО.

Ф. 3. Оп. 4. Д. 6666. Л. 5–6). «Десятиверстное пространство» расположено было на левом берегу Иртыша напротив 6–9 полковых Округов и отдавались с торгов в аренду на 1–2 года не более, при этом учитывалось близость кочевков киргиз. Учитывалось возможность распределить их большему количеству арендаторов как из числа казаков, так и киргиз, а «не одним богатым», не деля их на разные участки, а в одном месте несколько участков (ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6666. Л. 205). Запрещалось строительство капитальных построек, зимовок, самовольных вырубок лесов (поленные деньги). За самовольную вырубку лесов определены были штрафные санкции вплоть до лишения права аренды земли и выставления их к новым торгам. В дальнейшем, в отношении «десятиверстной» полосы, «отделения киргизов от русских поселений» будут приняты другие решения, вплоть до отдачи ее в «бесплатное пользование» так как, данное состояние будет «противоречит основной цели – сближению киргизов с русскими» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 120. Л. 570).

С 1859 года происходит дальнейшее усиление контроля, с выходом «Правил об установлении общественных приговоров об удалении киргизов порочных», по которому, сибирские киргизы имели право выносить общественные приговоры о ссылке в Восточную Сибирь «порочного» киргиза. Основанием для вынесения приговора был сбор 2/3 голосов киргизов данной волости. Приговор выполнялся после утверждения его Военным губернатором, к которому приговор поступал от Волостного Управителя в окружной Приказ и в Областное Правление (ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4346. Л. 1). То есть, вводилась более жесткая система прямого военного колониального управления.

5. Заключение

Таким образом, анализ законодательных актов 1850-х гг. по формированию нового порядка управления казахами Западной Сибири Российской империей явился периодом глубоких эволюционных изменений в жизни казахского общества, ее постепенной интеграции в имперскую систему. Из приграничной территории в конце XVIII – начале XIX вв. казахский край превращается в середине XIX века во внутреннюю часть Российской империи. Началом формирования системы управления стали Указы 1822 года, ликвидировавшие ханскую власть и оформившие систему внешних округов в Степи. Следующим этапом стали 30-е гг. XIX века – укрепление централизованной системы управления и контроля местного правления. Шло введение структуры отдельного управления казахами Сибири.

Кардинальные изменения в порядке управления казахами Сибирского ведомства происходят в середине XIX века, с введением 19 мая 1854 года «Положения об управлении Семипалатинской области». Это было введение нового, совершенного порядка управления казахами Западной Сибири, как следствие опыта управления над казахами степных волостей. В дальнейшем возникнет необходимость ее унификации и разработки проекта более совершенной системы управления казахами в 1865 году с созданием Степной комиссии.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках финансируемого грантом Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта «Структуры управления казахами Западной Сибири: конец XVIII в. – XIX в.». (AP23489137).

Литература

Абенова, 2013 – Абенова Б.С. Региональная политика Российской империи в Оренбургском крае. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2013. 231 с.

Анисимова, 2012 – Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу регламентации миграции казахов в Южносибирский регион // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. №4 (20). С.15-25.

Ахметова, Томилов, 2010 – Ахметова Ш.К., Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в исследованиях российских и казахстанских ученых XIX – начала XXI веков / *Материалы Международной научно-практической конференции «Казахи России: история и современность»*. Т. 1. Омск, 2010. 37 с.

Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки Генерал-майора Броневского о Киргиз-Кайсаках Средней Орды. Отечественные записки издаваемые Павлом Свиным. Часть 41-43. Санкт-Петербург, 1830. 232 с.

Быков, Кожирова, 2023 – Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Истоки формирования русско-казахского пограничья в Западной Сибири (XVI – начало XIX в.) // *Восточный архив*. 2023. №1(47). С. 47-59.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Кабульдинов, 2001 – Кабульдинов З.Е. Казахи Тобольской и Томской губернии во второй половине XVIII – начале XX вв. (историко-демографический аспект). Павлодар, 2001. 293 с.

Кабульдинов, 2013 – Кабульдинов З.Е. Положение казахов на Правобережье Иртыша (до создания Семипалатинского внутреннего округа в 1854 г.) // *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»*. 2013. №1(69). С. 45-56.

- Кабульдинов, 2018** – Особенности управления Семипалатинским внутренним округом. [Электронный ресурс]. URL: E-history/kz. Qazaqstan tarihy.
- Красовский, 1868** – Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч.1. Санкт-Петербург, 1868. 264 с.
- Купенова, 2025** – Купенова Г.Б. Конокрадство казахов Западной Сибири середины XIX в. в контексте нового правового поля царского правительства // *Вестник ЗКУ, Серия «Педагогика, филология, история, экология, география»*. 2025. №3 (99). С. 180-195.
- Наумова, 1980** – Наумова О.Б. Казахско-русские взаимоотношения на юге Западной Сибири в XVIII-начале XX вв. / Изучение преемственности этнокультурных явлений. Москва, 1980.
- Октябрьская, 2004** – Октябрьская И.В. Казахи Алтая: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX– XX вв. Новосибирск, 2004. 287 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Структуры управления..., 2025** – Структуры управления казахами Западной Сибири (конец XVIII в. – XIX в.). Сборник документов. Сост.: Абенова Б.С., Абенов Д.К., Купенова Г.Б., Саркенова К.А. Алматы, 2025. 552 с.
- Томилов, 1981** – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западносибирской равнины в конце XVI – первой четверти XX вв. Томск, 1981. 276 с.
- Томилов, 1983** – Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в конце XVI – первой четверти XIX вв. / Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. 267 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Abenova et al., 2025** – Abenova B., Abenov D., Toraigyrov Y. Reform of 1868: Activities of the West Siberian and Orenburg Administrations on Colonisation of the Kazakh Steppe // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 438-454.
- Toraygyrov et al., 2025** – Toraigyrov Y., Abenova B., Abenov D. The Strategy of the Russian Empire's Expansion: the Case of the Irtysh Military Line // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 548-566.

References

- Abenova i dr., 2025** – Abenova, B., Abenov, D., Toraigyrov, Y. (2025). Reform of 1868: Activities of the West Siberian and Orenburg Administrations on Colonisation of the Kazakh Steppe. *Bylye Gody*. 20(3): 438-454.
- Abenova, 2013** – Abenova, B.S. (2013). Regional'naya politika Rossiiskoi imperii v Orenburgskom krae [Regional policy of the Russian Empire in the Orenburg region]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 231 p. [in Russian]
- Anisimova, 2012** – Anisimova, I.V. (2012). Pozitsii tsentral'nykh i regional'nykh vlastei po voprosu reglamentatsii migratsii kazakhov v Yuzhnosibirskii region. [Positions of Central and Regional Authorities on the Regulation of Kazakh Migration to the South Siberian Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(20): 15-25. [in Russian]
- Akhmetova, Tomilov, 2010** – Akhmetova, Sh.K., Tomilov, N.A. (2010). Kazakhi Zapadnoi Sibiri v issledovaniyakh rossiiskikh i kazakhstanskikh uchenykh XIX- nachala XXI vekov [Kazakhs of Western Siberia in the studies of Russian and Kazakhstani scholars of the 19th – early 21st centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost'»*. T. 1. Omsk. 37 p. [in Russian]
- Bronevskii, 1830** – Bronevskii, S.B. (1830). Zapiski General-maiora Bronevskogo o Kirgiz-Kaisakakh Srednei Ordy. Otechestvennye zapiski izdavaemye Pavlom Svin'inym [Notes of Major General Bronevsky on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde. Otechestvennye Zapiski (Notes of the Fatherland) published by Pavel Svinyin. Parts 41-43]. SPb. 232 p. [in Russian]
- Bykov, Kozhirova, 2023** – Bykov, A.Yu., Kozhirova, S.B. (2023). Istoki formirovaniya russko-kazakhskogo pogranich'ya v Zapadnoi Sibiri (XVI – nachalo XIX v.). [Origins of the formation of the Russian-Kazakh borderland in Western Siberia (16th – early 19th centuries)]. *Vostochnyi Arkhiv*. 1(47): 47-59. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of Omsk Oblast].
- Krasovskii, 1868** – Krasovskii, M. (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov. [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General Staff. The region of Siberian Kirghiz]. Part 1. St. Petersburg. 264 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2001** – Kabul'dinov, Z.E. (2001). Kazakhi Tobol'skoi i Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX vv. [Kazakhs of Tobolsk and Tomsk provinces in the second half of the 18th – early 20th centuries (historical and demographic aspect)]. Pavlodar. 293 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2013** – Kabul'dinov, Z.E. (2013). Polozhenie kazakhov na Pravoberezh'e Irtysha (do sozdaniya Semipalatinskogo vnutrennego okruga v 1854 g.) [The position of Kazakhs on the right bank of the Irtysh (before the creation of the Semipalatinsk inner district in 1854)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya»*. 1(69): 45-56. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2018** – Kabul'dinov, Z.E. (2018). Osobennosti upravleniya Semipalatinskim vnutrennim okrugom [Features of the administration of the Semipalatinsk inner district]. [Electronic resource]. URL: E-history.kz. History of Kazakhstan [in Russian]

- [Kupenova, 2025](#) – *Kupenova, G.Y.* (2025). Konokradstvo kazakhov Zapadnoi Sibiri serediny XIX v. v kontekste novogo pravovogo polya tsarskogo pravitel'stva [Horse theft among the Kazakhs of western Siberia in the mid-19th century in the context of the new legal framework of the tsarist government]. *Vestnik ZKU, Seriya «Pedagogika, filologiya, istoriya, ekologiya, geografiya»*. 3(99): 180-195. [in Russian]
- [Naumova, 1980](#) – *Naumova, O.B.* (1980). Kazakhsko-russkie vzaimootnosheniya na yuge Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XX vv. [Kazakh-Russian relations in the south of Western Siberia in the 18th – early 20th centuries]. *Izucheniye preemstvennosti etnokul'turnykh yavlenii*. M. Pp. 39-50. [in Russian]
- [Oktyabrskaya, 2004](#) – *Oktyabrskaya, I.V.* (2004). Kazakhi Altaya: etnopoliticheskie i sotsiokul'turnye protsessy v pogranichnykh raionakh Yuzhnoi Sibiri XIX–XX vv. [Kazakhs of Altai: Ethnopolitical and Sociocultural Processes in the Border Regions of Southern Siberia (19th–20th Centuries)]. Novosibirsk, 287 p. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- [Struktury upravleniya..., 2025](#) – *Struktury upravleniya kazakhami Zapadnoi Sibiri (konets XVIII v. – XIX v.). Sbornik dokumentov*. Abenova B.S., Abenov D.K., Kupenova G.Y., Sarkenova K.A. (Comp.). *Collection of Documents*. Almaty, 2025. 552 p. [in Russian]
- [Tomilov, 1983](#) – *Tomilov, N.A.* (1983). Kazakhi Zapadnoi Sibiri v kontse XVI – pervoi chetverti XIX vv. [Kazakhs of Western Siberia at the End of the 16th – First Quarter of the 19th Centuries]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Omsk, 267 p. [in Russian]
- [Tomilov, 1980](#) – *Tomilov, N.A.* (1980). Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadnosibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XX vv. [Turkic-speaking population of the West Siberian plain at the end of the 16th – first quarter of the 20th centuries]. Tomsk. 276 p. [in Russian]
- [Toraigirov et al., 2025](#) – *Toraigirov, E.M., Abenova, B.S., Abenov, D.K.* (2025). Strategy of the Expansion of the Russian Empire on the Example of the Irtysh Military Line. *Bylye Gody*. 2: 548-566.
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Законодательные акты по управлению казахами Западной Сибири: основание и реализация (50-е гг. XIX века)

Гульмира Ыхласовна Купенова ^{a, *}, Бибигуль Сейловна Абенова ^b, Даулет Кусайнович Абенов ^b, Ержан Муратович Торайгыров ^c

^a Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актөбе, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^c Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу введения и реализации законодательных актов по управлению казахами Западной Сибири 50-х гг. XIX века. На основе широкого круга источников, нормативно-правовых актов, архивных материалов и трудов российских и казахстанских исследователей, анализируется тактика государства по интеграции кочевой степи в имперскую систему, позволившая определить причинно-следственные связи и ход реализации законодательных преобразований и административных мер. Такой подход обеспечивает комплексное рассмотрение проблемы и определение объективных выводов. В центре исследования, причины введения нового порядка формирования структуры отдельного управления казахами Западной Сибири. Показано сложившееся положение в управлении казахами Сибирского ведомства, относившихся к различным ведомствам, и их последствия, создавшие основание для введения на правобережье Иртыша нового управления. Особое внимание было уделено изменению тактики царской администрации от разрешения перехода казахов внешних округов во внутренние до их запрета, проблеме усиления конокрадства для выявления отношения царской власти к краже лошадей казахами и применения мер к их пресечению.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения совершенствования системы управления казахами края. Исследование данного процесса позволяет определить основание введения законодательных преобразований и её ход реализации.

Методологическая основа исследования базируется на историко-хронологическом методе, давшем возможность анализа законодательных актов эволюции системы управления казахами Западной Сибири периода 50-х гг. XIX века. Использован аналитический метод для систематизации данных и выявления специфики применения законодательных норм на региональном уровне.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Средний жуз, Прииртышье, Российская империя, законодательные акты, конокрадство, Семипалатинская область.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulia_79_79@inbox.ru (Г.И. Купенова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 738-750
DOI: 10.13187/bg.2026.2.738

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Translators as Imperial Agents: Iskander Batyrshin and Knowledge Production in the Kazakh Steppe

Seiilkhan Tokbolat ^a, Indira Shakirbaeva ^{a, *}, Asem Sadykova ^b, Shyngys Rakhmetulla ^a

^a Sherkhan Murtaza International Taraz University, Taraz, Republic of Kazakhstan

^b Taraz University named after M.Kh. Dulaty, Taraz, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the role of translators as imperial agents in the Kazakh Steppe through the case of Iskander Batyrshin, who served as a translator at the Orenburg Frontier Commission during the mid-19th century. Batyrshin's career illustrates the dual function of translators, involving mediation between the Russian administration and the local Kazakh elite, as well as the production of knowledge about the social and political structure of the Kazakh steppe. The research draws on materials from the Central State Archive of Kazakhstan, the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive, and Batyrshin's own texts, including A Note on the Khivan Khanate (1852) and A Short Diary of the Ak-Mechet Expedition (1853). The application of microhistorical, source-critical, and discursive approaches demonstrates how Batyrshin transformed local information gathered during diplomatic and translation work into strategically significant knowledge for the Russian imperial administration. The research positions Batyrshin within the analytical framework of imperial intermediaries and demonstrates that his translation practices constituted an integral component of the Russian Empire's strategic mechanisms for the political, administrative, and epistemological incorporation of the Kazakh steppe.

Keywords: Iskander Batyrshin, Russian Empire, Orenburg Frontier Commission, translators, Kazakh Steppe, Kokand Khanate, Khiva Khanate, intelligence agents, Ak-Mechet, Kazakh elite.

1. Введение

С 40-х годов XVIII века русская администрация начинает создание общего центра для систематического сбора и анализа военно-политических и торгово-экономических сведений о казахской степи и приграничных государствах. С целью распространения административного влияния на земли казахов Младшего и Среднего жуза, указом Сената от 15 марта 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния (ПСЗ РИ. Т. 12. 1830: 51).

В 1763 году при Оренбургской губернской канцелярии был официально утвержден штат переводчиков и толмачей. Вскоре, согласно именному указу императрицы Екатерины II от 29 июля 1770 г. предписывалось данному штату не только переводческую работу, но и командирования в степь «по секретным прочим делам переводчикам и толмачам посылки через них же в оном народе разведывания и другие подробности чинятся...» (ПСЗ РИ. Т. 19. 1830: 99-100).

Дальнейшее закрепление их административной роли произошло в 1784 году, когда в правительственный Сенат был представлен доклад коллегии иностранных дел о необходимости установления годового жалования переводчикам и толмачам, поддерживавшим постоянную связь с казахской правящей верхушкой «для обучения их народа [казахов] порядкам и законам...» (ПСЗ РИ. Т. 22. 1830: 160-161).

* Corresponding author

E-mail addresses: indira.81-81@mail.ru (I. Shakirbaeva), seiltokbolat@gmail.com (S. Tokbolat), asemakaznpu@mail.ru (A. Sadykova), shyngysvip2002@gmail.com (Sh. Rakhmetulla)

В 1799 году на основе деятельности Оренбургской экспедиции и пограничного суда, выполнявших функции посредников между казахскими султанами и родовыми старшинами, была учреждена Оренбургская пограничная комиссия, которая впоследствии стала основным органом управления в младшем жузе (Горбунова, 2017: 85). Данное подразделение действовало в тесной координации с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и все более усиливало посредническую роль переводчиков и толмачей, расширяя их функции от ведения дипломатических сношений до систематического сбора исторических и этнографических сведений о среднеазиатских ханствах.

Оценивая значимость подобной деятельности, военный историк М.А. Терентьев в своем научном труде, посвященном толмачам, пишет: «Незнание языка, невозможность иметь столько драгоманов, чтобы ни один разъезд, ни один пикет, ни один отряд не остался глухонемым, когда дар слова может стоить жизни, все это указывает на необходимость сборника всех неизбежных в этих случаях вопросов» (Терентьев, 1867: 1).

Однако, такая деятельность несла в себе и свои опасные последствия, особенно в степной местности. Американский историк, востоковед Майкл Ходарковский пишет, что толмачи и переводчики «ходили по проволоке, натянутой между двумя сторонами, и боялись за свою жизнь, опасаясь, что результат их перевода будет сочтен оскорбительным или провокационным». По замечанию Ходарковского, толмачи, сопровождающие посольства к кочевым народам, часто становились «мишенями для угроз и дурного обращения» (Ходарковский, 2023: 116-117).

Весьма важным в изучении истории казахов того периода, являются научные наследия этих переводчиков и толмачей. Обладавшие глубоким знанием языков, обычаев и традиций степняков, толмачи, совмещали административную, исследовательскую и этнографическую функции. Ведущий эксперт по изучению деятельности татарских толмачей в казахской степи, д.и.н. Г.С. Султангалиева пишет, что «татарские переводчики и толмачи, будучи членами научных обществ, вели большую популизаторскую работу...» (Султангалиева, 2023: 9). Они выполняли роль не только посредников между имперской властью и местным населением, но и становились важнейшими участниками научно-разведывательных экспедиций, фиксируя в своих путевых дневниках ценнейшие сведения о жизни казахской степи. Их записки и наблюдения представляют собой уникальные источники, отражающие повседневность, хозяйственно-бытовую культуру, морально-нравственные устои и социально-политические отношения в казахском обществе середины XIX века. Однако, по замечанию Султангалиевой, большинство документов и материалов относящейся к данному периоду «не дошли до наших дней в силу самых различных причин» (Султангалиева, 2023: 9).

Казахстанский историк Ирина Ерофеева отмечает особую важность путевых дневников, мемуаров и повседневных журналов, составленных участниками военных и административных миссий. «В условиях слабой осведомленности царского правительства о географии и текущей общественно-политической обстановке внутри казахских кочевий...» как пишет Ерофеева «служебные журналы являлись в течение целого столетия для высших российских сановников одним из основных источников информации». Подобные журналы служили для систематической фиксации обсуждаемых актуальных вопросов, накопившихся проблем и принимаемых по ним решений (Ерофеева, 2012: 6).

К середине 20-х годов XIX в., в состав Оренбургской пограничной комиссии входили два переводчика и три толмача. По сведениям известного дореволюционного ученого-тюрколога Александра Васильева, все они происходили из среды татар Волго-Уральского региона (Васильев, 1898: 4). В числе их были Мухаммед-Шариф Аитов, Мирсалах Бекчурин, Абдулнасыр Субханкулов, Мухаммед-Рахим Чанышев, Кутлуг-Мухаммед Бигмаев и др. Все они в основном являлись выпускниками Оренбургского Неплюевского военного училища, составляли свою династическую сословию, и выходили из дворян Оренбургской губернии.

Среди представленных выше чиновников, особое место занимает фигура Искандера Алюковича Батыршина, служившего в системе Оренбургской пограничной комиссии. Его деятельность охватывала широкий спектр задач, от перевода дипломатических сношений и ведения переговоров с казахской знатью до участия в разведывательных и научно-этнографических миссиях, проводимых в контексте военных экспедиций Российской империи на южных рубежах. В ходе своих командировок Батыршином были составлены два исторических очерка, первая «Записки» о Хивинском ханстве, второй «Дневник», составленный в ходе Ак-Мечетской экспедиции.

В историографии фигура Искандера Батыршина остается слабо изученной. Исследователи, как правило, ограничиваются фрагментарными и отрывочными упоминаниями о его деятельности в качестве переводчика. В большинстве случаев сведения о Батыршине встречаются в трудах, посвященных в целом татарским толмачам и переводчикам, направлявшимся в Казахскую степь, либо рассматриваются в контексте выпускников Неплюевского военного училища в Оренбурге. Однако специальные научные труды, подробно анализирующих жизненный путь и профессиональную деятельность Искандера Батыршина, на сегодняшний день отсутствуют.

Настоящее исследование направлено на анализ служебной деятельности Искандера Батыршина в системе Оренбургской администрации, при этом особое внимание уделяется содержанию его письменного наследия. Дневник и записки, составленные Батыршином выступают не

только как хроника военных действий и административных решений, но и как «внутренний» взгляд участника на подготовку, фиксируя механизмы разведки, логистические практики, и особенности взаимодействия с казахской знатью. Такой корпус записей позволяет реконструировать событийный ряд и контекст принятия решений «изнутри» имперской практики, сопоставляя официальные директивы с повседневной административно-военной рутинной.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование основано на комплексном анализе разнородных источников, отражающих служебную, переводческую и разведывательно-административную деятельность Искандера Батыршина в системе Оренбургской пограничной комиссии. Источниковую базу составляют, во-первых, неопубликованные архивные материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы, Республика Казахстан), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация). В их числе формулярные списки, служебная переписка, приказы, донесения, переводы писем, а также журналы экспедиций и рапорты должностных лиц, позволяющие реконструировать контекст службы и деятельности И. Батыршина. Во-вторых, также основным корпусом источников выступают собственные тексты Батыршина его «Записка о Хивинском ханстве» (1852) и «Краткий дневник» Ак-Мечетской экспедиции 1853 г., опубликованные в сборниках материалов.

Методологически исследование опирается на сочетание историко-критического, источниковедческого и микроисторического подходов. Историко-критический анализ позволил сопоставить сведения Батыршина с официальной перепиской пограничной комиссии, донесениями военных начальников и материалами Азиатского департамента МИД, выявляя расхождения между нормативно-декларативным и повседневно-практическим уровнями имперского управления. Источниковедческий метод был использован для определения происхождения, жанровой специфики и функционального назначения каждого документа, а также для оценки степени их информативности и искажающего потенциала. Дополнительно использовались методы текстового и дискурсивного анализа. Сопоставлялись лексика, риторика и тематические акценты Батыршина в разных типах документов. В совокупности примененные методы обеспечивают реконструкцию как событийного ряда, так и внутренних логик функционирования переводчика в системе имперской власти.

3. Обсуждение

Первое упоминание о Батыршине встречается в труде казахстанского историка Э.А. Масанова, посвященного этнографическому изучению казахского народа. Батыршин в данном труде был упомянут как одним из Оренбургских корреспондентов, представивший свою научную статью в русское географическое общество (Масанов, 1966: 136).

Также одними из самых ранних упоминаний об Искандере Батыршине являются труды башкирских историков Г.Б. Хусаинова (Хусаинов, 1992) и А. З. Асфандиярова (Асфандияров, 1996). В своих исследованиях, схожих по содержанию и проблематике, авторы рассматривают процессы социально-экономического и культурного развития Башкирии и России в XVIII–XIX веках.

В 2007 г. в VI томе сборника История Казахстана в русских источниках, содержащий путевые дневники и служебные записки XVIII–XIX вв., учеными-историками И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым, впервые было опубликовано записка составленный Искандером Батыршином «о Хивинском ханстве» датируемая 1852 г. (ИКРИ. Т. 6. 2007: 300). Под редакцией этих же ученых, в 2012-м году, в казахстанской историографии впервые был представлен «Краткий дневник» введенный Батыршином во время Ак-Мечетской экспедиции (История Казахстана..., 2012: 300). На основе данного дневника, И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым была опубликована вводная статья, посвященное вопросу о перезахоронении останков Абулхаира его потомками, записанный самим Искандером Батыршином (Ерофеева, Жанаев, 2012: 279).

Краткие упоминания об Искандере Батыршине нередко встречаются в исследованиях, посвященных истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В подобных трудах фигура Батыршина упоминается в ряду выпускников восточного отделения, которые впоследствии были направлены в должности переводчиков в Оренбургскую пограничную комиссию. Среди подобных исследований стоит отметить научные труды Г.П. Матиевской (Матиевская, 2016), Ю.Р. Почекаева (Почекаев, 2017) и Ю.М. Гордеевой (Гордеева, 2024).

В рамках исследований деятельности татарских переводчиков и толмачей, командированных в Казахскую степь на рубеже конца XVII – начала XIX вв., доктором исторических наук Г.С. Султангалиевой была проделана значительная исследовательская работа, результатом которой стала публикация ряда научных статей и монографических изданий, с анализом письменного наследия известных представителей татарских толмачей, где содержатся фрагментарные сведения о службе Искандера Батыршина в переводческом штабе пограничной комиссии (Султангалиева, 2009; Султангалиева, 2012; Султангалиева, 2023; Султангалиева, 2024). Ученый отмечает, что в XVIII–XIX веках в Оренбургской губернии сформировалась целая династия татарских писцов и

переводчиков. Наряду с такими известными фамилиями как братья Бигловы, Аитовы, Еникеевы, Субханкуловы исследователь упоминает и братьев Искандера и Сулеймана Батыршина, начавших свою деятельность в качестве регистраторов и младших переводчиков. Как пишет Султангалиева: «Формирование этой династии свидетельствует о четко выраженной тенденции к созданию особой профессиональной группы переводчиков» (Султангалиева, 2012: 58).

Вклад в интерпретацию фигуры Искандера Батыршина значимо внесла статья К. Гайбулиной (2024), в которой он рассматривается через концепцию “subaltern intermediaries” то есть подчиненных империи посредников, обладавших при этом собственным агентством. В сопоставлении с польским ссыльным Брониславом Залесским Батыршин предстает как двойственная фигура: с одной стороны, проводник имперской политики в степи, с другой представитель мусульманского населения, использовавший службу в имперских учреждениях как инструмент социальной и карьерной мобильности. Анализ его записок, по мнению Гайбулиной, показывает, каким образом местные знания о степи превращались в управляемое и политически значимое знание для имперского центра.

Тем не менее, несмотря на отдельные упоминания в научной литературе, деятельность Искандера Батыршина до сих пор не получила целостного анализа. Его служебные записки, дневники и участие в административно-дипломатических практиках остаются недостаточно исследованными, в результате чего фигура Батыршина по-прежнему занимает периферийное место в историографии, несмотря на высокий источниковедческий потенциал его наследия.

4. Результаты

Искандер Алюкович Батыршин родился в 1819 г. в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии. По происхождению был татарин и являлся потомственным дворянином (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 106.). Его отец, Аллюк Батыршин, занимал должность дворянского заседателя Стерлитамакского уездного суда. Военную службу Аллюк Батыршин начал в 1790 году, поступив в Московский гренадерский полк, а с 1796 года в Павловском полку. За участие в подавлении польского восстания был награжден первым офицерским чином подпоручика, а уже через год получил чин поручика. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года. В 1815 году, вследствие ранений, полученных во время боевых действий, был уволен со службы в звании штабс-капитана (Мухамедов, 2020: 189).

Окончив курс наук по восточному отделению в Неплюевском военном училище, Искандер Батыршин предназначался состоять в одном из линейных батальонов, однако по запросу председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса, был перенаправлен в должность толмача «потому что г. директор знал от меня, что Комиссия нуждается в хороших толмачах». По замечанию Генса, в отличие от Европейского отделения, выпускники Азиатского отделения не должны были определяться в какую-либо солдатскую должность, кроме как, в качестве пехотного офицера «знающих восточные языки» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4667. Л. 2–406.). 6 января 1837 г. по поручению Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского, Батыршин был определен на службу в пограничную комиссию «для употребления в качестве толмачей впредь до дальнейшего предписания...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4667. Л. 1106.).

В октябре 1838 г. в должности толмача, начинающий чиновник отправился из Оренбурга в Букеевскую орду, в составе отряда полковника К.К. Геке, для подавления восстания Исатая Тайманова. Основная задача Батыршина в этом деле был перевод ряда писем Исатая и хана Букеевской орды Джангира, адресованные полковнику Геке (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1963). В июле 1838 г. Батыршин при отряде полковника Геке, отправились в Зауральскую орду для «разъяснение противоправных действий» восставшим казахам Тайманова и обеспечения безопасности местных казахов подведомственных султану Баймухаммеду Айшуакову «внушая им [казахам] повиноваться одному только начальству своему...» (ЦГА РК. Ф. 4. Д. 1966. Л. 41–4106.). Так, за успешно проведенную экспедицию, в декабре 1838 г. толмач Батыршин «...Всемиловнейшее» был пожалован в чин коллежского регистратора (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7208. Л. 11–14).

По случаю начавшейся подготовки В. А. Перовского к Хивинской экспедиции в 1839 г. Искандер Батыршин, состоявший при отряде полковника Геке, был командирован в Зауральскую орду для устройства укреплений при речках Чучка-Куль и Эмбе. В 1841 г. по предписанию военного губернатора Батыршин вступил в должность учителя татарского языка в Неплюевском военном училище.

Совмещая преподавание со службой в пограничной комиссии, Батыршин занимался переводом официальной корреспонденции. В годы восстания под руководством султана Кенесары Касымова высшие административные лица Оренбургского края вели частную переписку с султаном, переводом большинства писем которой занимался Батыршин. Так, на протяжении 1840-х годов Искандер Батыршин представлял в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора письма, адресованные военному губернатору и председателю пограничной комиссии и полученные от султана Кенесары (Национально-освободительная борьба..., 1996: 173, 174, 206, 208, 213, 332, 399).

Также в период службы в пограничной комиссии Искандер Батыршин перевел письма хивинского хана Рахимкули, адресованные биям Младшего жуза (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 396а. Л. 68). Политическое влияние Хивинского ханства на казахов Младшего жуза во второй четверти XIX века постепенно усиливалось, что вызывало серьезную обеспокоенность российской администрации в

Оренбурге. Хивинские чиновники стремились закрепить свое влияние в приграничных степях, устанавливая дипломатические и торговые связи с отдельными родоплеменными объединениями казахов, а также оказывая давление посредством карательных выступлений и сбора подати. В ответ на это Российская империя была вынуждена активизировать свою политику, направив усилия на организацию системы оборонительных пунктов.

Новый вектор в административной и военно-политической деятельности Оренбургского края был задан назначением на пост военного губернатора генерал-адъютанта В. А. Обручева. Под его непосредственным руководством в 1846 году была организована экспедиция к восточному побережью Каспийского моря, направленная на демаркацию новых рубежей и возведение степных укреплений. Искандер Батыршин, чьи лингвистические способности были востребованы канцелярией, был прикомандирован к данному предприятию в качестве переводчика (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7208. Л. 11-14). Так с мая по август 1847 г. Батыршин сопровождал военного губернатора в экспедициях по территории Восточного Приаралья, организованных по возведению Раимского укрепления (ЦГА РК. Ф. 4. Д. 2729. Л. 4 об.-5). За заслуги перед оренбургской администрацией, в 1847 г. Батыршин получил чин титулярного советника (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 5).

Затрагивая научную деятельность переводчика, сформировавшуюся в ходе его путешествий, в 1850 году он подготовил статью «Замечания о характеристических отличиях тюркских наречий в Оренбургском крае», отправленную в Русское географическое общество. Общество предложило Батыршину систематически заниматься сбором сведений о культуре и быте казахского народа (Масанов, 1966: 136). В том же году Батыршин был переведен из Неплюевского кадетского корпуса в Оренбургскую пограничную комиссию, где ему присвоили чин коллежского асессора (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2729. Л. 5 об.-60б.).

В преддверии Ак-Мечетской экспедиции В.А. Перовского би чумекеевского рода Алмат Тавабергенов рапортом от 3 февраля 1852 года сообщил начальнику Аральского укрепления, «что бывший задержанный Хивинским ханом Султан Илекей Касымов ныне оттоль убежал с намерением быть преданным нашему Русскому Правительству» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3622. Л. 42–420б.). Начальник Аральского укрепления майор Энгман доложил В.А. Перовскому о направлении Илекея с толмачом Чанышевым и бием Алматом Тавабергеновым в Оренбург для представления его «с повинной головой» в русскую администрацию (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3622. Л. 46–48).

Прибытие султана Илекея Касымова в русское подданство имело большое политическое и стратегическое значение для Петербурга. Этот акт рассматривался как важный источник разведывательных и дипломатических сведений, поскольку ранее Илекей находился под патронатом хивинского хана Мухаммед Эмина, который определил его ханскую ставку в крепости Ходжанияз. Во время пребывания на ханской должности в пределах Хивы Илекей был хорошо осведомлен о внутреннем положении ханства, его оборонительных сооружениях и политических связях. Так, с целью сбора необходимых сведений председатель Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженский направил для личной беседы с Илекеем коллежского асессора Искандера Батыршина. Составленные им записи «касательно Хивинского ханства и султана Илекея Касымова из личных бесед» вскоре были представлены в Министерство иностранных дел (ИКРИ. Т. 6. 2007: 300).

В ходе беседы султан Илекей представил ценные сведения и соображения относительно завоевания Хивы. Он неоднократно осведомлялся у Батыршина, «думает ли правительство завладеть Хивой», предлагая со своей стороны всестороннее содействие походу (ИКРИ. Т. 6. 2007: 311). По убеждению Илекея, наиболее благоприятным временем для наступления является зима, однако для этого следовало сосредоточить войска и продовольствие в Аральском укреплении уже к осени. Кроме того, султан передал Батыршину подробный маршрут движения регулярных частей, указав наиболее пригодные пути и характер препятствий на различных участках степи (ИКРИ. Т. 6. 2007: 312).

«По мнению Илекея» как пишет Батыршин, «можно будет найти важную помощь в Хиве от персиян пленников» которые, по замечанию султана, «составляют всю третью часть населения ханства». Пользуясь своим расположением между казахами чумекеевского и дюрткаринского рода, Илекей был готов собрать более двух тысяч верблюдов в Аральское укрепление «если на то будет воля начальства», когда как для покорения Хивы, достаточно будет до 3 тысяч человек регулярного войска с хорошим вооружением (ИКРИ. Т. 6. 2007: 314). Исходя из этого, Илекей выразил мнение, что «Хивой завладеть не очень трудное дело, как вообще полагают» и описанный им выше маршрут движения «достаточно ручаются за успех» (ИКРИ. Т. 6. 2007: 314).

Таким образом, всю полученную информацию от Илекея, Батыршин детально отразил в двух служебных записках, которые были переданы в пограничную комиссию, а оттуда в Азиатский департамент при министерстве иностранных дел. Под сильным впечатлением от личной беседы с Илекеем, Батыршин писал Ладыженскому, что «султан этот одарен природным умом и решительным энергическим характером» (ИКРИ. Т. 6. 2007: 314). Вскоре, в течение всей Ак-Мечетской экспедиции, именно переводческая деятельность Батыршина выступит посредником в эпистолярных сношениях султана Илекея с М.В. Ладыженским.

Начиная с 1852 года, русская военная администрация приступила к рекогносцировочным работам, направленным на детальное изучение положения кокандской крепости Ак-Мечеть на реке

Сырдарье. Руководство экспедиционными мероприятиями было возложено на отряд под командованием инженера-капитана Ивана Федоровича Бларамберга, которому поручалось обследование укрепления, сбор топографических данных и составление картографических схем района предстоящих боевых действий (РГВИА. Ф. 438. Оп. 1. Д. 30. Л. 17–18об.). К этому времени вопрос о военном выступлении против Кокандского ханства становился делом ближайшей перспективы. В ответ на активизацию российской экспансии хивинские и кокандские власти начали предпринимать дипломатические шаги, стремясь привлечь на свою сторону казахских правителей и родовую знать. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан сохранился обширный комплекс писем и посланий, адресованных монархам, сановникам и другими представителями среднеазиатских ханств казахским старшинам и султанам, большая часть переводов которых была выполнена Искандером Батыршиным. Среди них «Письмо хакима Ташкента Нар-Мухаммед-кушбеги биям рода табын» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 64–64об.), «Письмо хакима Ак-Мечети Мухаммед-Юсуф-бека биям сырдарьинских казахов» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 66–67), «Письма хивинского чиновника Ходжанияз-бия биям и влиятельным казахам рода шомекей» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 119–120), «Письмо туркестанского ходжи Гали-Акбера биям рода шомекей» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 113–114), «Письмо хакима Туркестана Таш-Мухаммед-дадхаха биям родов кете и шомекей» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 115–116об.), «Письмо хивинского мехтера Мухаммед-Рахима бию подразделения шомышты рода табын» (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3830. Л. 2–2об.).

Из представленных Батыршиным, в Оренбургскую пограничную комиссию писем, стало известно, что в Кокандском ханстве к этому времени сложилась нестабильная политическая ситуация. Внутренние противоречия и политическая борьба между ташкентским хакимом Нар-Мухаммедом и влиятельным сановником мынбаши Мусульман-Кулом ослабили управление ханства и привели к нарастанию политической раздробленности (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 270–273об.). Оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, получив соответствующие донесения, стремился использовать возникшую политическую ситуацию для активизации военных действий. Осознавая нестабильность положения в ханстве, он настаивал перед военным министром на необходимости немедленного начала масштабной экспедиции в направлении кокандской крепости Ак-Мечети (Tokbolat, Dzhursunbaev, 2025).

В начале мая 1853 г. Оренбургской пограничной комиссией В.А. Перовскому был представлен формулярный список «о службе коллежского асессора Искандера Батыршина» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 7208). Учитывая набранный опыт и, способность вести дипломатические сношения с казахской кочевой элитой, по распоряжению В.А. Перовского, Батыршин был включен в состав Ак-Мечетской экспедиции. Как пишет об этом Батыршин в своем дневнике: «будучи осчастливлен выбором оренбургского и самарского генерал-губернатора состоять при его особе переводчиком в походе на Ак-Мечеть, я записывал дорогою все относящееся до азиатцев для себя на память» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 1).

15 мая того же года Батыршин, состоявший в отряде Башкиро-мещеряцких войск, выступил из Оренбурга в направлении Карабутацкого форта. В это время от султана Илекея прибыл ходжа Байсал Ширгазиев, через которого Перовский приказал Илекею явиться в Уральское укрепление. Илекей, в свою очередь, собирал сведения о гарнизоне Ак-Мечети и через Батыршина сообщил, что в крепости находятся около 300 стрелков, вооружённых двумя большими и тремя малыми пушками, называемыми «китайча» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 4об.).

28 мая, на привале у Иргиза, к генералу Перовскому явились султаны-правители Арслан Джантюрин и Мухаммедгали Тяукин. Беседа с ними касалась организации найма необходимого числа верблюдов для транспортировки грузов в степные укрепления. По свидетельству Батыршина, генерал приказал султану Арслану собрать 3800 верблюдов и «остаться в тех родах, с которых нужно взять этих верблюдов, а не следовать для охранения транспортной дороги» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 5-5об.).

На следующий день, для представления, к генералу Перовскому явился сам султан Илекей Касымов, с которым также встал вопрос о верблюдах, которых казахи, по замечанию генерала «неохотно отдают в найм», на что Илекей ответил, что причиной тому ядовитые растения, к северу от Аральска по Сырдарье, «от которых издыхают верблюды». По словам Батыршина, и Илекей Касымов, и султан-правитель средней части младшего жуза Арслан Джантюрин предлагали генералу Перовскому верховых лошадей, однако их предложения были отклонены (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 7–7об.).

В степной местности Центральной Азии, для российских военных походов обеспечение логистической транспортировки продовольствия, вооружения и прочего снаряжения являлось одной из первоочередных задач. В условиях нехватки корма и воды для традиционных тягловых животных, таких как лошади и быки, наилучшим решением стало использование верблюдов. Заготовка необходимого количества вьючных верблюдов, представляла собой одну из важных логистических задач, от решения которой во многом зависел успех военных экспедиций в степи.

Реализация данной задачи была практически невозможна без активного участия местной казахской знати, на которую возлагалась функция мобилизации материальных и людских ресурсов казахского населения. Как подчеркивает британский историк Александр Моррисон в исследовании,

посвященном логистике российской военной экспедиции в Хиву в 1839 г., несмотря на оснащенность армии новейшими для своего времени образцами вооружения и военной техники, в вопросах передвижения она оставалась в высокой степени, зависимой от местных знаний и ресурсов. По выражению Моррисона, каждый подобный поход представлял собой «колоссальный караван» на первый взгляд поразительно архаичную, но структурно необходимую форму проецирования европейского имперского влияния в Центральной Азии (Morrison, 2014: 447).

Эта зависимость от местных ресурсов и знаний отчетливо прослеживается в дневнике Искандера Батыршина, где подробно отражён порядок и последствия найма верблюдов казахами для нужд военных экспедиций. Батыршин отмечает, что казахи неохотно предоставляли своих верблюдов военным отрядам, тогда как купцам они сдавали их гораздо охотнее, даже при более низкой оплате. Караванные возчики, перевозившие купеческие товары, пользовались значительной свободой: самостоятельно выбирали места для привалов и ночлега, могли задерживаться на несколько дней и действовали в целом по собственному усмотрению. В составе же военных отрядов их положение существенно менялось: они были обязаны строго подчиняться распоряжениям начальства и лишались привычной самостоятельности (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 8–80б.).

Кроме того, по наблюдениям Батыршина, верблюды для казенных нужд предоставлялись не отдельными лицами, а общинами, обычно состоявшими из шести, семи или десяти кибиток. Каждая кибитка совместно приобретала выючное животное, нанимала возчика, обеспечивала его продовольствием и снабжала всем необходимым, включая попону, седло и арканы. Возврат верблюда из похода считался большой удачей, поскольку в случае гибели животного все участники теряли вложенное имущество и не получали никакого возмещения. Эта зависимость в большой степени объясняет нежелание казахов предоставлять верблюдов для нужд армии (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 80б.-9).

Остроту проблемы найма верблюдов отчетливо осознавал и сам В.А. Перовский, для которого она стала одной из важных организационных трудностей экспедиции. В письме к исполняющему обязанности оренбургского и самарского генерал-губернатора Н.В. Балкашину, направленном из похода, Перовский прямо указывал, что «киргизы на эту службу давали [верблюдов] с величайшим отвращением», уточняя, что на практике животных «не давали, а отбирали насильно, раскладкою со столько-то кибиток по верблуду». По его оценке, казахи заранее рассматривали таких верблюдов как «пропавших», исходя из негативного опыта предыдущих экспедиций, и потому обвинять их в неохотности было бы несправедливо. Осознавая эти трудности, Перовский предполагал, что для будущих экспедиций за павших верблюдов их владельцам следовало бы предоставлять вознаграждение в виде соразмерного освобождения от кибиточного сбора (Перовский, 1911: 168).

30 мая Батыршин прибыл в Уральское укрепление, где сбором верблюдов занимался дистанционный начальник, бий Алмат Тавабергенов, ранее сопровождавший султана Илекея в Оренбург (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 11). В тот же день к генералу Перовскому прибыл султан Арслан Джантюрин, в ходе беседы с которым был затронут вопрос найма верблюдов. Генерал Перовский указал на необходимость упорядочения этого процесса путем введения системы, при которой каждый казахский род самостоятельно обеспечивал бы доставку провианта и других казенных грузов до определенного пункта под надзором русского чиновника. Последний должен был следить за их сохранностью и в случае гибели верблюда выдавать владельцу или возчику справку, на основании которой стоимость животного компенсировалась бы из кибиточного сбора (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 9–90б.).

По мнению Перовского, такой порядок обеспечивал бы прямое получение вознаграждения владельцами верблюдов без участия посредников. Вместе с тем генерал отмечал, что при наличии гарантии возмещения казахи могли стремиться сдавать больных или ослабленных животных. В ответ султан Арслан заверил, что для надзора за отбором наиболее пригодных верблюдов будут назначены доверенные представители Орды, что, по его мнению, должно было способствовать соблюдению установленных требований (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 90б. –10).

7 июня Искандер Батыршин в составе отряда генерала Перовского прибыл в Аральское укрепление, где экспедицию встретил надворный советник И.Я. Осмоловский. Последний незамедлительно направил в сторону Ак-Мечети шесть лазутчиков с задачами разведки местности и уточнения маршрута дальнейшего продвижения отряда генерала Перовского (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–130б.). Обладая собственной сетью постоянных лазутчиков и осведомителей из числа присырдарьинских и кокандских казахов, Осмоловский систематически направлял в Оренбургскую пограничную комиссию донесения, содержавшие разведывательные сведения о положении дел на территориях по реке Сырдарье и в пределах Кокандского ханства (Tokbolat, Rakhmetulla 2025: 175-187).

До прибытия И.Я. Осмоловского в Аральское укрепление его разведывательная деятельность была сосредоточена преимущественно в районе Уральского укрепления, о чем он регулярно докладывал в Пограничную комиссию. В одном из таких донесений Осмоловский отмечал, что «казахи чумекеевского рода и других родов, а также сам султан Илекей Касымов кочуют вблизи этого укрепления, а следовательно, разведывание и сбор сведений здесь представляются более удобными» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 287–288).

Сопоставляя сведения, полученные в Аральском укрепении, Батыршин указывал, что численность гарнизона Ак-Мечети не превышает 300 стрелков, при этом, по имеющимся слухам,

в Туркестане велась подготовка дополнительных сил, предназначенных для возможного оказания помощи крепости (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 14–14об.).

Аральское укрепление, ранее носившее название Раимского, было основано генералом В.А. Обручевым, который придавал особое значение формированию агентурной сети из числа местного казахского населения. Так, 16 мая 1847 года генерал Обручев предписал командиру Оренбургского батальона майору Базанину «обращать особое внимание на приобретение надежных сборщиков сведений из числа преданных нам казахов и получать от них данные о происходящем в степи». На организацию данной деятельности ежегодно выделялось 400 рублей серебром (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–21об.).

Находясь более двух недель в Аральском укреплении, Батыршин зафиксировал в своем дневнике ценные сведения о политических контактах хивинского хана с бухарским эмиром. Эти данные поступали от лиц, направленных в Хиву султаном Илекеем Касымовым, к которому Батыршин неоднократно выезжал для бесед, а также для поощрения его сторонников. «Хивинский хан, – отмечал Батыршин, – надеясь посредством родственных связей с бухарским эмиром усилить свои позиции на случай противодействия русским, направил посла к бухарскому эмиру с предложением о браке своей сына с его дочерью» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 150б.).

Ожидая потенциальную угрозу со стороны Хивы, Оренбургская пограничная комиссия предписала султану Илекею продолжать сбор разведывательных сведений о положении в Хивинском ханстве. В рапорте на имя председателя комиссии М.В. Ладыженского Илекей сообщал, что ближайшая к казахам Оренбургского ведомства крепость Ходжанияз приводится в состояние готовности к обороне. По его сведениям, в крепости на тот момент находилось около 200 человек гарнизона, а по распоряжению хивинского хана туда дополнительно было направлено еще до 500 вооруженных людей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 21–21об.).

Подчеркивая ум и политическое влияние султана Илекея, Батыршин отмечал его важную роль на протяжении всей Ак-Мечетской экспедиции как в деле сбора разведывательных сведений, так и в мобилизации людских ресурсов. По его словам «при нем состояло до 150 человек киргизов [казахов] из разных родов, они направлялись в разные стороны для разведок, наблюдений и иных поручений, а также находились при съёмочных отрядах» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 96об.).

16 июня Батыршин вместе с отрядом выступил из Аральского укрепления в форт Казалинск. Гарнизон форта насчитывал 225 человек из состава Уральского казачьего войска. При форте находились два судна, на которых осуществлялась переправа казахских и бухарских караванов, следовавших из Бухары в Троицк (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 23–30). В Казалинске Батыршин встретился с капитан-лейтенантом Александром Ивановичем Бутаковым, руководителем Аральской флотилии. Осознавая значение участия Аральской флотилии в военных походах, военный министр князь В.А. Долгоруков еще в 1850 году распорядился направить капитан-лейтенанта А.И. Бутакова в Швецию для заказа двух судов. В 1852 году они были доставлены в разобранном виде в Аральское укрепление (Ламырев, 2006: 112–113).

Генерал В.А. Перовский был особо заинтересован в использовании этих пароходов, получивших названия «Обручев» и «Перовский», в предстоящей экспедиции против Ак-Мечети. В рапорте на имя военного министра Перовский подчеркивал их значение, отмечая, что «экспедиционный отряд при выступлении из Аральска к Ак-Мечети будет снабжен достаточными перевозочными средствами для поднятия всех вообще тяжестей» (РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–20б.).

Прибыв в Казалинский форт, Бутаков по предписанию Перовского приступил к рекогносцировочным исследованиям русла Сырдарьи (Ламырев, 2006: 114). Вместе с ним на пароходе «Обручев» находились султаны Мухаммеджан Баймухаммедов и Илекей Касымов. По свидетельству Искандера Батыршина, оба они «остались в восхищении, особенно султан Илекей, который в первый раз ощущал удовольствие подобной езды» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 21–21об.).

К началу июля, под Ак-Мечетью начали собираться основные силы экспедиционного отряда. Вместе с тем, в степь начали распространяться слухи о сборе кокандских войск в Туркестане. Основная задача Батыршина в этой плеяде было сбор сведений и показаний, отобранных от казахских лазутчиков, отправляемых султаном Илекеем для разведок. Основной отряд под его командованием насчитывал около 200 конных казахов и был разделен на два разведывательных подразделения, действовавших по различным направлениям.

Первое подразделение, под руководством султана Джаныбека Искандерова, состояло из 37 всадников и осуществляло наблюдение по двум дорогам, ведущим из Ак-Мечети в сторону Туркестана. Второе подразделение, возглавляемое султаном Чингизом Чантаевым, включало 20 казахов и было направлено к местности Сагазы для получения разведанных из Ташкента. Оба отряда, по свидетельству Батыршина, должны были оставаться на своих позициях до завершения штурма Ак-Мечети, обеспечивая командование своевременной информацией о положении дел на подступах к крепости и в смежных районах (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 56–56об.).

Вместе с тем из показаний, собранных Искандером Батыршиным от казахских лазутчиков, стало известно, что Мирза-Давлет, направлявшийся из Ташкента в Ак-Мечеть с отрядом численностью около 300 вооруженных людей, по приказу ташкентского кушбеги был вынужден

возвратиться обратно в Ташкент. Начальник Туркестана Кидейбай-дадха также удалился в сторону Ташкента, когда как казахи, кочующие вблизи Туркестана, в числе 50-60 аулов перекочевали к Каратауским горам. Как пишет Батыршин, об этих откочевках: «...вообще казахи находятся пока в выжидательном положении, они ждут, возьмут ли русские Ак-Мечеть?» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 64–65). Полученные им сведения позволяют рассматривать подобные перемещения как проявление массовых откочевок и осторожной, выжидательной позиции родовой знати, обусловленной стремлением избежать преждевременного политического выбора в условиях неопределенного исхода военной экспедиции.

По свидетельству Батыршина, отраженному в его дневнике, прибытие русских войск произвело заметное впечатление на местное казахское население. Батыршин отмечал, что многие казахи выезжали навстречу отряду еще по пути следования и являлись в лагерь, где он находился вместе с генералом Перовским (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 69–69об.). По его наблюдению, казахи выражали готовность оказывать содействие русским военным, добровольно принимая всякое участие в строительстве бараклов, лазаретов и других объектов, необходимых для обеспечения армии. «По-видимому...» как пишет Батыршин «ожидают взятия русскими Ак-Мечети все здешние казахи с нетерпением, чтоб покориться нашей власти, в этом они прозревают перспективу будущего своего благополучия и спокойного кочевания...» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 70).

26 июля, после проведения серии инженерных работ, включавших устройство траншей и окопов вокруг укрепления, русские войска приступили к решающему этапу штурма, общим руководством которого занимался генерал-майор Хрулев. Капитан саперных частей Орловский руководил закладкой мин под одну из стен крепости, взрыв которого должен был стать сигналом к общему наступлению. Утром, 28 числа, около пяти часов, после успешного подрыва мины начался штурм, завершившийся взятием Ак-Мечети. Число убитых со стороны русских войск, составило 16 человек, когда как со стороны кокандцев свыше 300 человек (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 79 об.–80).

В беседе с Батыршином, пленные кокандцы рассказывали, что виновником защиты Ак-Мечети был комендант ее, Мухаммед-Вали бек, и если бы русские продолжали бы осаждать крепость еще три дня, то кокандский гарнизон готов был добровольно сдаться и открыть ворота «...потому что в крепости очень мало оставалось продовольствия». По отмечанию Батыршина, до начала полномасштабного штурма, в крепости погибло уже до 80 человек, что поставило остальных жителей «в отчаянное положение» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 80об.–81).

После взятия крепости Ак-Мечеть Искандер Батыршин остался на месте и продолжил деятельность по сбору сведений о казахском населении, кочевавшем в окрестностях укрепления. В своих записях он отмечал, что собранные материалы охватывали широкий спектр вопросов, касающихся быта и хозяйственной жизни казахов, перешедших под власть Российской империи. По наблюдениям Батыршина, общее число кибиток, располагавшихся вблизи Ак-Мечети, превышало тысячу. Он фиксировал данные о направлениях сезонных перекочевок, особенностях кочевого устройства, структуре хозяйства, а также о традиционных занятиях местного населения ремесле, хлебопашестве и рыболовстве. Особое внимание уделялось казахам Большой и Средней жузов, перекочевавшим под Ак-Мечеть из Каратау, где Батыршин занимался учетом их кибиточного состава и установлением порядка кибиточного сбора (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 84–90).

31 июля, Батыршин отправился к султанам Мухаммеджану Баймухаммедову и Илекею Касымову, передав им от генерала Перовского в виде подарка два серебряных бокала, изображающее внутри вызолоченное голову коня. Султаны, оставшись довольными, заверили Батыршина, что сожалеют только о том, что не представилось особенного случая, «где бы они могли показать свое усердие в лучшем виде». Между разговором, султан Мухаммеджан рассуждал, что для управления казахами под Ак-Мечетью, нужно поставить доверенного ордынца, указывая на султана Илекея, так как «нельзя найти никого, кто бы по энергическому характеру и влиянию своему мог управлять здешними казахами». Однако в этом, им было отказано В.А. Перовским, приказав Илекею продолжать заниматься разведывательной деятельностью и охраной казахских аулов (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 92 об.–94).

В записях Батыршина содержатся примечательные сведения, отражающие характер взаимоотношений между султанами Илекеем и Мухаммеджаном. Из приведенных наблюдений следует, что султан Мухаммеджан пользовался уважением со стороны чиновников, нежели Илекей, что указывает на его высокий авторитет и влияние в среде степной знати. Между султанами, как отмечает Батыршин «...из короткой дружбы» постепенно установились доверительные отношения. Мухаммеджан, отличавшийся умом и рассудительностью, при каждом удобном случае стремился наставлять Илекея, оказывая на него заметное моральное и политическое влияние. Убеждения Мухаммеджана, подкрепленные опытом и хитростью, не могли не произвести впечатления на Илекея, который имел открытый характер, и по замечанию Батыршиным, был «горд, самолюбив и любит властвовать». Батыршин, от личных бесед с Илекеем пишет, что несмотря на присущую ему гордость, султан открыто признавал интеллектуальное и личностное превосходство Мухаммеджана, считая его достойным всяческого уважения (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 94об.–96).

3 августа, по распоряжению В.А. Перовского, пленные кокандцы были освобождены, и под надзором Искандера Батыршина, который взял для сопровождения 10 вооруженных казахов, были

доставлены в укрепление Джулек: «Радости пленников по случаю освобождения их не было границ: многие из них плакали, благодарили самого генерал-губернатора, за оказанную им такую милость...» (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 97 об.–99).

5 августа Батыршин вместе с генералами Перовским двинулись в обратный путь. Между тем, султаны Илекей и Мухаммеджан остались при Ак-Мечети, для охраны и выставления к пределам крепости лазутчиков (РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 102. Л. 100–100об.). По инициативе В.А. Перовского, из Оренбурга в Ак-Мечеть переместился штаб по внешней разведке, руководителем которого стал И.Я. Осмоловский (О слухах и событиях..., 2016: 7). Сам В.А. Перовский покинул пределы Ак-Мечети со своей свитой того же числа августа, оставив комендантом крепости подполковника Ионея (Макшеев, 1898: 231).

Вечером 7 сентября, Батыршин вместе с отрядом возвратился в Оренбург, и в течение нескольких месяцев обрабатывал и дополнял свой путевой дневник для представления к высочайшему усмотрению В.А. Перовского. За оказанную службу при экспедиционном отряде, Искандер Батыршин, по предписанию В.А. Перовского от 24 ноября 1853 г. был награжден орденом святой Анны 2-й степени, доставленных в Оренбург из Санкт-Петербурга (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2725. Л. 15).

В 1855 году И. Батыршин вернулся к преподавательской деятельности и продолжил работу преподавателем татарского языка в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, где служил до 1865 года. К этому времени он был удостоен чина коллежского советника (Адрес-календарь, 1856: 276; Адрес-календарь, 1865: 149). Совмещая должность преподавателя со службой в пограничной комиссии, Батыршин сохранял личные отношения с султаном Илекеем, который регулярно отправлял Батыршину сведения и донесения о событиях в степи (РГИА. Ф. 853. Оп. 3. Д. 3).

Генерал-губернатор Перовский, ознакомившись вскоре с дневником Батыршина, решил оставить его у себя, для дальнейшей его публикации. Однако из-за постигшей его тяжелой болезни, он так и не смог этого сделать, и дневник остался без внимания. Позже документ оказался в личном архиве братьев Перовских, в архиве Министерства юстиции Российской империи. После революции, документ был передан на хранение в одном из крупнейших архивов Европы – в Российский государственный исторический архив (РГИА), где он находится до наших дней (История Казахстана..., Т. 2. 2012: 286).

5. Заключение

Анализ служебной и письменной деятельности Искандера Алюковича Батыршина показывает, насколько важную роль играли переводчики и толмачи в системе Оренбургской пограничной комиссии середины XIX века. Он выполнял функции дипломата, разведчика и этнографа, становясь связующим звеном между сбором информации, ее интерпретацией и деятельностью имперской администрации. Без таких посредников эффективное проведение политических и военных операций было бы практически невозможным.

Записи, дневники и служебные документы Батыршина позволяют восстановить ход военных экспедиций, а также понять, как российская администрация взаимодействовала с казахской знатью и соседними среднеазиатскими ханствами. Собранные им сведения отражают стратегическое планирование, организацию логистики, мобилизацию местных ресурсов и дипломатические контакты, что делает его наследие ценным источником для изучения истории Центральной Азии. Деятельность Батыршина подчеркивает значимость посредников империи, находившихся на стыке официальной власти и местных социальных структур. Они формировали управляемое знание о степи и обеспечивали выполнение политических и военных задач.

Литература

Адрес-календарь, 1856 – Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. В двух частях. Ч. 1. СПб., 1856. 309 с.

Адрес-календарь, 1865 – Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском на 1865–1866 год. В двух частях. Ч. 1. СПб., 1865. 606 с.

Васильев, 1898 – Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург: типо-лит. П.Н. Жаринова, 1898. 63 с.

Горбунова, 2017 – Горбунова С.В. «К подначальству и правосудию нечувствительно привыкать будут»: участие казахов в работе Оренбургской пограничной комиссии (1799–1869 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. №2. С. 85–95.

Ерофеева, 2012 – Ерофеева И. Журналы Оренбургской пограничной администрации 1738 и 1749 гг. о социально-политической жизни кочевого населения Младшего и Среднего жузов // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438 с.

ИКРИ, 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям XVIII–XIX вв. Т. 6. / Сост. И.В. Ерофеева,

Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

История Казахстана..., 2012 – История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 438 с.

Ламырев, 2006 – *Ламырев В.И.* Алексей Иванович Бутаков, 1816–1869 / В.И. Ламырев; отв. ред. А.В. Постников, А.Ф. Плахотник. Москва: Наука, 2006. 182 с.

Макшеев, 1896 – *Макшеев А.И.* Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб.: Воен. тип., 1896. 257 с.

Масанов, 1966 – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения Казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.

Матвиевская, 2016 – *Матвиевская Г.П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 174 с.

Мухамедов, 2020 – *Мухамедов М.Р.* Карьерный путь мусульманского чиновника Оренбургской губернии в конце XVIII – первой трети XIX в. / *Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина): сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., проведенной 28 мая 2020 г.* Уфа: Мир печати, 2020. С. 181-190.

Национально-освободительная борьба..., 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Сборник документов. Сост. В.З. Галиев, Б.Т. Жанаев. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

О слухах и событиях..., 2016 – О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1. 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г.: Сб. документов / Сост. Б.Т. Жанаев. Караганда, 2016. 800 с.

Перовский, 1911 – *Перовский В.А.* Письма гр. В.А. Перовского к Н.В. Балкашину // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXIII. Оренбург: Типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко», 1911. С. 149-190.

Почекаев, 2017 – *Почекаев Р.Ю.* Роль российских чиновников татарского происхождения в изучении государственности и права ханств Средней Азии (М. Бекчурин, М. Аитов, И. Батыршин) // *Научный Татарстан*. 2017. №3. С. 26-33.

ПСЗ РИ. Т. 12 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 12. 1744–1748. СПб., 1830. 962 с.

ПСЗ РИ. Т. 19 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. 1770–1774. СПб., 1830. 1085 с.

ПСЗ РИ. Т. 22 – Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. 1784–1788. СПб., 1830. 1054 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Султангалиева, 2009 – *Султангалиева Г.С.* Деятельность татарских переводчиков, толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Научный Татарстан*. 2009. №4. С. 125-138.

Султангалиева, 2023 – *Султангалиева Г.С.* Татарские переводчики, толмачи в Казахской степи (XVIII–первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 с.

Султангалиева, 2024 – *Султангалиева Г.С.* Сюжеты дипломатической деятельности татарских переводчиков Оренбургской пограничной комиссии в Хиве (первая половина XIX в.) // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2024. Т. 14. №1. С. 94-108.

Терентьев, 1867 – *Терентьев М.А.* Толмач-спутник русских воинов для неизбежного расспроса и переговоров на языках русском, турецком, сербском и греческом. СПб.: В печатне В. Головина, 1867. 91 с.

Ходарковский, 2023 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. 2-е изд. Москва, 2023. 358 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Gaibulina, 2024 – *Gaibulina K.* “Subalterns” in the Russian Imperial Service. The Case of Bronisław Zaleski and Iskander Bатырshyn // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2024. Vol. 23. Is. 2. Pp. 7-32. DOI: <https://doi.org/10.53779/KAGB1607>

Morrison, 2014 – *Morrison A.* Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2014. Vol. 57. No. 4. Pp. 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>

Tokbolat, Dzhursunbaev, 2025 – *Tokbolat S., Dzhursunbaev B.* Revisiting the Fall of Aq Masjid: Khoqand Instability and the Russian Conquest // *War in History*. 2025: Online First. DOI: <https://doi.org/10.1177/0968344525131566>

Tokbolat, Rakhmetulla, 2025 – *Tokbolat S., Rakhmetulla Sh.* On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862) // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 175-187. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2025.1.175>

References

Adres-kalendar', 1856 – *Adres-kalendar'*. Obshchaya rospis' vsekh chinovnykh osob v gosudarstve. [Address Calendar. General list of all civil officials in the state]. V dvukh chastyakh. Ch. 1. SPb., 1856. 309 p. [in Russian]

Adres-kalendar', 1865 – Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v imperii i po glavnym upravleniyam v Tsarstve Pol'skom i Velikom knyazhestve Finlandskom na 1865–1866 god. [Address calendar. General list of officials and other officeholders across all administrations of the empire and the main administrations in the kingdom of Poland and the Grand duchy of Finland for 1865–1866]. V dvukh chastyakh. Ch. 1. SPb., 1865. 606 p. [in Russian]

Erofeeva, 2012 – Erofeeva, I. (2012). Zhurnaly Orenburgskoi pogranichnoi administratsii 1738 i 1749 gg. o sotsial'no-politicheskoi zhizni kochevogo naseleniya Mladshego i Srednego juzov [Journals of the Orenburg frontier administration, 1738 and 1749, on the socio-political life of the nomadic population of the Junior and Middle Horde]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh*. T. 2. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets». 438 p. [in Russian]

Gaibulina, 2024 – Gaibulina, K. (2024). “Subalterns” in the Russian Imperial Service. The Case of Bronisław Zaleski and Iskander Batyrshyn. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 23(2): 7-32. DOI: <https://doi.org/10.53779/KAGB1607>

Gorbunova, 2017 – Gorbunova, S.V. (2017). “K podnachal'stvu i pravosudiyu nechuvstvitel'no privykat' budut”: uchastie kazakhov v rabote Orenburgskoi pogranichnoi komissii (1799–1869) [“They will become insensitive to supervision and justice”: Kazakhs' participation in the work of the orenburg frontier commission (1799–1869)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 85-95. [in Russian]

IKRI, 2007 – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. [History of Kazakhstan in Russian Sources, 16th – 20th centuries]. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnym kazakhskim stepyam XVIII–XIX vv. T. 6. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana..., 2012 – Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh [History of Kazakhstan in documents and materials: Almanah]. T. 2. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets», 2012. 438 p. [in Russian]

Khodarkovskii, 2023 – Khodarkovskii, M. (2023). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe Frontiers of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. 2-e izd. M. 358 p. [in Russian]

Lamyrev, 2006 – Lamyrev, V.I. (2006). Aleksei Ivanovich Butakov, 1816–1869. M.: Nauka. 182 p. [in Russian]

Maksheev, 1896 – Maksheev, A.I. (1896). Puteshestvie po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu [Journey through the Kyrgyz steppes and Turkestan region]. SPb.: Voen. tip. 257 p. [in Russian]

Masanov, 1966 – Masanov, E.A. (1966). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya Kazakhskogo naroda v SSSR [Sketch of the history of ethnographic studies of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata: Nauka. 322 p. [in Russian]

Matvievskaia, 2016 – Matvievskaia, G.P. (2016). Orenburgskii Nepluyevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii: monografiya [Orenburg Nepluev cadet corps. Historical sketch: monograph]. M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya. 174 p. [in Russian]

Morrison, 2014 – Morrison, A. (2014). Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 57(4): 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>

Mukhamedov, 2020 – Mukhamedov, M.R. (2020). Kar'ernyi put' musul'manskogo chinovnika Orenburgskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi treti XIX v. [Career path of a Muslim official in the Orenburg province, late 18th – early 19th centuries]. *Musul'manin na sluzhbe Rossiiskoi imperii (k 200-letiyu Mirsaliha Bekchurina)*. Ufa: Mir pečhati. Pp. 181-190. [in Russian]

Natsional'no-osvoboditel'naia bor'ba..., 1996 – Nacional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova [National liberation struggle of the Kazakh people under the leadership of Kenesary Kasymov]. Sbornik dokumentov. Sost. V.Z. Galiev, B.T. Zhanaev. Almaty: Gyl'm, 1996. 512 p. [in Russian]

O slukhakh i sobytiyakh..., 2016 – O slukhakh i sobytiyakh v Srednei Azii [On rumors and events in Central Asia]. T. 1. 20 aprelya 1853 g. – 31 iyulya 1862 g.: Sb. dokumentov. Sost. B.T. Zhanaev. Karaganda, 2016. 800 p. [in Russian]

Pervovskii, 1911 – Pervovskii, V.A. (1911). Pisma gr. V.A. Pervoskogo k N.V. Balkashinu [Letters of count V.A. Pervovsky to N.V. Balkashin]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. XXIII. Orenburg: Tipolit. t-va “Karimov, Khusainov i Ko”. Pp. 149-190. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu. (2017). Rol' russkikh chinovnikov tatarskogo proiskhozhdeniya v izuchenii gosudarstvennosti i prava khanstv Srednei Azii (M. Bekchurin, M. Aitov, I. Batyrshin) [The role of russian officials of tatar origin in the study of statehood and law in the khanates of Central Asia]. *Nauchnyi Tatarstan*. 3: 26-33. [in Russian]

PSZ RI. V. 12 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 12. 1744-1748. SPb., 1830. 962 p. [in Russian]

PSZ RI. V. 19 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 19. 1770-1774. SPb., 1830. 1085 p. [in Russian]

PSZ RI. V. 22 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 22. 1784-1788. SPb., 1830. 1054 p. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].

[Sultangalieva, 2009](#) – Sultangalieva, G.S. (2009). Deyatel'nost' tatarskikh perevodchikov, tolmahei Orenburgskoi pogranichnoi komissii v Kazakhskoi stepi (XVIII-XIX vv.) [Activity of Tatar Translators, Interpreters of the Orenburg Frontier Commission in the Kazakh Steppe (18th-19th century)]. *Nauchnyi Tatarstan*. 4: 125-138. [in Russian]

[Sultangalieva, 2023](#) – Sultangalieva, G.S. (2023). Tatarskie perevodchiki, tolmachii v Kazakhskoi stepi (XVIII–pervaya polovina XIX v.) [Tatar translators, interpreters in the Kazakh steppe (18th – first half of the 19th centuries)]: monografiya v dokumentakh. Pod red. I.G. Gumerova, A.M. Akhunova. Kazan': IYaLi. 300 p. [in Russian]

[Sultangalieva, 2024](#) – Sultangalieva, G.S. (2024). Syuzhety diplomaticheskoi deyatel'nosti tatarskikh perevodchikov Orenburgskoi pogranichnoi komissii v Khive (pervaya polovina XIX v.) [Plots of diplomatic activity of Tatar translators of the Orenburg frontier commission in Khiva (first half of the 19th century)]. *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzh'ya*. 14(1): 94-108. [in Russian]

[Terent'ev, 1867](#) – Terent'ev, M.A. (1867). Tolmach-sputnik russkikh voynov dlya neizbezhnogo rassprosa i peregovorov na yazykakh russkom, turetskom, serbskom i grecheskom [Interpreter-companion of Russian soldiers for inevitable questioning and negotiations in Russian, Turkish, Serbian, and Greek]. SPb.: V. Golovin. 91 p. [in Russian]

[Tokbolat, Dzhursunbaev, 2025](#) – Tokbolat, S., Dzhursunbaev, B. (2025). Revisiting the Fall of Aq Masjid: Khoqand Instability and the Russian Conquest. *War in History*. Online First. DOI: <https://doi.org/10.1177/0968344525131566>

[Tokbolat, Rakhmetulla, 2025](#) – Tokbolat, S., Rakhmetulla, Sh. (2025). On the Activities of Iosif Osmolovsky in the Context of the Russian Military Movements Against the Khokand Khanate (1852–1862). *Bylye Gody*. 20(1): 175-187. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2025.1.175>

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Vasil'ev, 1898](#) – Vasil'ev, A.V. (1898). Materialy k kharakteristike vzaimnykh otnoshenii tatar i kirgizov s predvaritel'nykh kratkim ocherkom etikh otnoshenii [Materials for the characterization of mutual relations between Tatars and Kyrgyz, with a brief outline of these relations]. Orenburg: Tipo-lit. P.N. Zharinova. 63 p. [in Russian]

Переводчики как агенты империи: Искандер Батыршин и производство знаний в казахской степи

Сейилхан Токболат ^a, Индира Шакирбаева ^{a, *}, Асем Садыкова ^b, Шынгыс Рахметулла ^a

^aМеждународный Таразский университет им. Шерхана Муртазы, Тараз, Республика Казахстан

^bТаразский университет имени М.Х. Дулати, Тараз, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется роль переводчиков как агентов империи на примере Искандера Батыршина, который работал переводчиком при Оренбургской пограничной комиссии в середине XIX века. Деятельность Батыршина демонстрирует двойственную функцию переводчиков, заключающуюся в посредничестве между российской администрацией и местной кочевой элитой, а также в производстве знаний о социальной и политической структуре степи. Исследование опирается на материалы Центрального государственного архива Казахстана, Российского государственного военно-исторического архива, а также на собственные тексты Батыршина, включая «Записку о Хивинском ханстве» (1852) и «Краткий дневник Ак-Мечетской экспедиции» (1853). Применение микроисторического, источниковедческого и дискурсивного подходов позволяет показать, как Батыршин трансформировал локальные сведения, собранные в ходе дипломатической и переводческой деятельности, в стратегически значимое знание для администрации Российской империи. В исследовании Батыршин рассматривается в рамках аналитической категории имперских посредников, при этом показано, что его переводческая практика являлась неотъемлемым элементом стратегических механизмов Российской империи по политической, административной и эпистемологической инкорпорации Казахской степи.

Ключевые слова: Искандер Батыршин, Российская империя, Оренбургская пограничная комиссия, переводчики, казахская степь, Кокандское ханство, Хивинское ханство, лазутчики, Ак-Мечеть, казахская элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: indira.81-81@mail.ru (И. Шакирбаева), seiltokbolat@gmail.com

(С. Токболат), asemakaznpu@mail.ru (А. Садыкова), shyngysvip2002@gmail.com (Ш. Рахметулла)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 751-762
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.751

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



«... Serving a Common Cause, We Must Not Allow Misunderstandings and Mutual Misunderstandings»: K.J. Grot and L.M. Savelov as Individuals and Specialists in Archival Affairs (based on Correspondence Materials)

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The purpose of this article is to reveal the personal and business qualities of two famous scientific figures of the late 19th and early 20th centuries: Konstantin Jakovlevich Groth (1853–1934) and Leonid Mikhailovich Savelov (1868–1947). K.J. Groth was appointed by Emperor Nicholas II as Head of the General Archive of the Ministry of the Imperial Household, and L.M. Savelov as Head of the Moscow Archive Department of the Ministry of the Imperial Court. The presentation of the work of people who perceived it as an act of civic service determines the relevance of this work. Its novelty is determined by the introduction into scientific circulation of a new historical source – the correspondence of K.J. Groth and L.M. Savelov on archive matters. As the analysis of historiography has shown, the personalities of these two scientists began to reveal themselves to the Russian reader only in recent decades. For the purposes of this work, the published memoirs of L.M. Savelov were also used. In them, L.M. Savelov gives a negative assessment of his superior. An analysis of the correspondence between the two scientists allows us to shift the emphasis. Both scientists were responsible for the assigned task. L.M. Savelov initiated an inspection of the archive, the purchase of new technical equipment at that time (a press for the restoration of documents, a telephone, a typewriter), petitioned for the hiring of new staff and the construction of a special building for the archive. K.J. Groth supported the initiatives of L.M. Savelov before the leadership of the Ministry of the Imperial Court and sought their implementation, although it was not possible to ensure all. A conflict arose between them due to the improper behavior of the Moscow archivist A.I. Uspensky, but both researchers were able to rise above their own self-esteem, and relations were established. The correspondence presents the respondents as intelligent people who support their business, spare no effort, time and money for its success, and respect each other.

Keywords: history of Russia, archival work, Archive of the Ministry of the Imperial Court, microhistory, personalities, L.M. Savelov, K.Ya. Grot.

1. Введение

В название статьи вынесены слова из письма известного российского слависта Константина Яковлевича Грота (1853–1934) одному из основоположников отечественной генеалогии Леониду Михайловичу Савелову (1868–1947). Деятельность обоих респондентов не исчерпывается приведенными нами областями, о чем речь пойдет далее. Целью данной работы является раскрытие их личных качеств и качеств как специалистов архивного дела. К.Я. Грот и Л.М. Савелов были назначены на свои должности указами императора Николая II, оба не имели профессионального архивоведческого образования, но оба воспринимали свою работу как форму служения стране. Восприятие своей, казалось бы, чисто административной должности обоими учеными как акт гражданского служения, добросовестное и творческое к ней отношение являются примером для

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

наших современников. Такое радение за свое дело, неформальное к нему отношение, приводило иногда к непониманию и столкновению позиций. Однако оба смогли преодолеть личные мотивы поведения и возвыситься над собственным самолюбием. Проблема преодоления амбиций и высокой самоотдачи полученному делу на примере двух людей науки представляется актуальной для современности.

В данной работе вводится в научный оборот новый исторический источник – переписка К.Я. Грота и Л.М. Савелова, который анализируется в рамках микроисторического исследования, что позволяет «рассмотреть, как возможности общественного развития реализовывались в действиях конкретных персонажей» (Бессмертный, 1999: 294). Как будет показано далее, если личность и деятельность Л.М. Савелова исследовалась в российской историографии (Наумов, 1994; Наумов, 1997; Наумов, 2005; Наумов, 2012; Наумов, 2013; Наумов, 2015; Наумов, 2018), то биография К.Я. Грота в период до 1917 года малоизучена, а его взглядам и научной деятельности после 1917 года посвящены единичные работы (Робинсон, 1998; 1996; 2004; Суляк, 2022; Штакельберг, 1986). Новый исторический источник и ракурс его рассмотрения определяют новизну данной работы. Мы стремились, чтобы читатель представил характерологические особенности обоих респондентов, почувствовал их стиль общения, чем обусловлено частое цитирование приводимых нами писем К.Я. Грота и Л.М. Савелова.

2. Материалы и методы

Материалами для данной статьи послужила переписка К.Я. Грота и Л.М. Савелова, хранящаяся в фонде Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93). Л.М. Савелов писал в своих воспоминаниях, написанных в 1928 году и изданных в 2025 году: «Вообще, моя переписка с Гротом чрезвычайно интересна <...> очень будет жаль, если она погибла» (Савелов, 2015: 248). Действительно, Л.М. Савелов вспоминал, что при отъезде из Москвы после событий 1917 года он сжег семнадцать корзин переписки (Наумов, 2012: 334), но часть своего архива историк передал в Российский Исторический музей ((РИМ), ныне – Государственный исторический музей (ГИМ)) в Москве. Как свидетельствуют архивные материалы, основная часть архива и коллекции была передана ученым в РИМ в 1910 году и принята музеем с большой благодарностью, но имеется рукописный документ, датированный 1918 годом, о принятии архива Л.М. Савелова в Российский Исторический музей (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1. Л. 23). Переписка имеет крайние даты: 15 июня 1908 года – 10 апреля 1916 года, что дает возможность предположить передачу ее в РИМ в 1918 году.

Сохранились в общей сложности 74 письма, из которых пять принадлежат Л.М. Савелову и шестьдесят девять – К.Я. Гроту. Материалы о жизни и деятельности К.Я. Грота хранятся в различных фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии Наук (СПбФ АРАН). Как свидетельствуют описи СПбФ АРАН, в нем не сохранились письма К.Я. Гроту от Л.М. Савелова, что затрудняет возможности раскрытия данной темы, но тем ценнее хранящиеся в ОПИ ГИМ материалы. Несколько писем К.Я. Грота Л.М. Савелову и ответов на них хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 35. Д. 156. Л. 72-73) и введены в научный оборот О.Н. Наумовым (Наумов, 2012).

Переписка К.Я. Грота и Л.М. Савелова, обнаруженная нами в ОПИ ГИМ, представляет собой рукописные материалы, выполненные черными чернилами на высококачественной белой бумаге различного формата. Ряд писем написаны на типографских бланках: «Заведующий Московским отделом Архива Министерства Императорского двора» (письма Л.М. Савелова) и «Заведующий Общим Архивом Министерства Императорского двора» (письма К.Я. Грота). Одно письмо Л.М. Савелова и два письма К.Я. Грота представляют собой машинопись. На одном из писем Л.М. Савелова обозначено: «копия». Все письма К.Я. Грота точно датированы и указано место написания: «Санкт-Петербург», «Царское Село», «Москва», «Петроград». Нами проанализированы все 74 письма.

Кроме того, материалом для данного исследования послужили воспоминания Л.М. Савелова. Рукопись 1928 года хранится в фонде ученого в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва, Российская Федерация) и опубликована в 2015 году главным специалистом по творчеству Л.М. Савелова, профессором О.Н. Наумовым (Наумов, 2015). Во введении к изданию О.Н. Наумов приводит подробную информацию о рукописи Леонида Михайловича и дает характеристику его личности, а также публикует биографические сведения об историке, относящиеся к периоду после 1917 года. Как считает О.Н. Наумов, Л.М. Савелов писал свои воспоминания, используя собственную память и материалы публицистики (Наумов, 2015: 6). Для раскрытия темы нашего исследования важен раздел воспоминаний, условно озаглавленный «Москва», в котором Леонид Михайлович описывает свою работу в Московском отделении Общего архива императорского двора, которое иногда неофициально называется Московским дворцовым архивом. В воспоминаниях Л.М. Савелов довольно резко отзываясь о К.Я. Гроде и завершает раздел указанием на то, что ему удалось настоять на своем порядке решения вопроса о своем преемнике на месте заведующего Московским дворцовым архивом, что «было пощечиной и Гроту, вполне, впрочем, им заслуженной» (Савелов, 2015: 253).

Материалом к нашему исследованию стал также CURRICULUM VITÆ, составленный лично К.Я. Гротом и хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии Наук (СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп.1. Д. 139. Л. 14-19). Этот документ был оцифрован и размещен в сети Интернет в 2003 году (Грот, 2003). В научном жизнеописании К.Я. Грот уделяет всего два абзаца своей архивной деятельности, обращая основное внимание на научно-исследовательскую работу, которой занимался «рядом с исполнением текущих служебных обязанностей и с заботами о благоустройстве вверенного ему Архива, (между прочим, довольно запущенного Московского его Отделения)» (Грот, 2003). CURRICULUM VITÆ, написанный К.Я. Гротом, датируется, судя по публикации, 1924 годом, а если учесть, что описи других документов, относящихся к жизненному пути ученого и хранящиеся в СПбФ АРАН, не содержат указаний на сохранение документов, относящихся к архивной работе слависта, то можно предположить, что в оценке своей архивной деятельности (как и работы Московского дворцового архива), Константин Яковлевич опирался, как и Л.М. Савелов, на свою память. В том и другом случае это не могло не сказаться на субъективности оценок, что повлияло и на историографию.

Для достижений целей исследования нами использованы такие методы, как сравнительно-исторический, позволивший сравнить имеющиеся в историографии оценки личностных и деловых качеств К.Я. Грота и Л.М. Савелова (в той мере, в которой они нашли свое отражение в трудах современных историков) с данными, предоставляемыми вводимыми нами в научный оборот источниками. Мы использовали также биографический метод, который дал возможность соотнести факты, упоминаемые респондентами, с данными их биографий. Хронологический метод позволил проследить специфику изменений взаимоотношений авторов писем во времени. Мы опирались также на принципы историзма и объективности, стремясь проводить исследование с максимальной опорой на данные источников и избежать односторонних оценок изучаемых нами личностей.

3. Обсуждение

Работы, посвященные теме данного исследования, можно условно разделить на два блока. В первый блок входят труды, в которых характеризуются разные стороны биографии Л.М. Савелова. Как мы отмечали выше, среди наших современников главным специалистом по его деятельности является профессор О.Н. Наумов. Исследователь произвел анализ фонда Л.М. Савелова, хранящегося в ГАРФ (ГАРФ. Ф. 6091) (Наумов, 2012). Как следует из анализа фонда ученого в ГАРФ, в нем хранятся в основном материалы, относящиеся к периоду эмиграции историка после 1917 года, в том числе и опубликованные О.Н. Наумовым воспоминания Леонида Михайловича (Савелов, 2015). Биография ученого до 1917 года реконструируется на основе его материалов, переданных РИМ (ныне – ГИМ), но анализ его фонда в Отделе письменных источников ГИМ был выполнен на стадии обработки (Калантырская, Леренман, 1994), завершившейся в 2010 году, и не содержит подробной характеристики рассматриваемой нами переписки.

О.Н. Наумов изучил деятельность Л.М. Савелова на посту руководителя Историко-Родословного общества в Москве (Наумов, 1994). В своих воспоминаниях Леонид Михайлович пишет, что, отстаивая право исследователей на публикацию архивных документов, провел свое решение на заседании общества (Савелов, 2015: 328). О.Н. Наумов тщательно изучает историю подготовки Л.М. Савеловым издания о роли московского дворянства в Отечественной войне 1812 года (Наумов, 2013). Свою работу Л.М. Савелов подарил К.Я. Гроту, о чем есть упоминание в одном из писем Константина Яковлевича. Особую ценность для раскрытия темы нашей статьи представляет работа О.Н. Наумова, посвященная деятельности Л.М. Савелова на посту заведующего Московским отделением Общего Архива Министерства Императорского двора в 1908–1916 гг. (Наумов, 2005). В ней О.Н. Наумов прослеживает истоки интереса Леонида Михайловича к архивной работе в его генеалогических изысканиях. Исследователь на основе материалов, хранящихся в ГАРФ и РГАДА, оценивает отношения Л.М. Савелова и К.Я. Грота как борьбу за возможность пользоваться архивом для исследователей, считает, что К.Я. Грот «попытался свести личные счёты с подчиненным, уличить его в служебных нарушениях» (Наумов, 2005: 8), подробно рассматривает конфликт Л.М. Савелова с младшим архивариусом А.И. Успенским. Статья О.Н. Наумова позволяет проследить основную событийную канву взаимоотношений К.Я. Грота и Л.М. Савелова как раз в период, к которому относится их переписка.

Археологические интересы Л.М. Савелова рассмотрены в статье Н.А. Бессуднова (Бессуднов, 2016). Полевые исследования Л.М. Савелов производил в Воронежской губернии в 1892–1904 годах, то есть до переезда в Москву и назначения заведующим Московским отделением Общего Архива Министерства Императорского двора. Для целей нашей работы важно отметить наличие таких личностных качеств Леонида Михайловича, как высокая научная компетентность, добросовестность, инициативность, ответственность, бескорыстие. Л.М. Савелов по своей инициативе не только исследовал Воронежские курганы, но и составил археологическую карту Воронежской губернии, участвовал в Археологических Съездах, где неоднократно выступал с докладами (Бессуднов, 2016).

Второй историографический блок представлен работами, посвященными биографии К.Я. Грота. Необходимо отметить незначительное число подобных работ, особенно относящихся к интересующему нас хронологическому периоду – 1908–1916 гг. Историков науки интересовала

деятельность К.Я. Грота как ученого-слависта и профессора (Робинсон, 1986; Робинсон, 1998; Робинсон, 2004). Например, в 1935 году в Праге вышла книга на чешском языке, в которой кратко описала деятельность Константина Яковлевича как ученого и преподавателя Варшавского университета, дана библиография его трудов (Francev, 1935). Научную деятельность К.Я. Грота изучали и комментировали исследователи, занимавшиеся общими проблемами истории славяноведения в России (Лаптева, 2012; 2005; Славяноведение..., 1988; Штакельберг, 1986). Политическим взглядам и теоретическим концепциям ученого, его непростым отношениям с руководством советской науки посвящены работы, освещающие биографию К.Я. Грота в послереволюционный период (Робинсон, 1986; Робинсон, 1998). Подробно биографию К.Я. Грота реконструировал С.Г. Суляк, используя практически все доступные публикации (Суляк, 2022). С.Г. Суляк прослеживает историю предков К.Я. Грота, его биографию и подробно останавливается на концепции ученого об отношении славян с соседними народами в Карпато-Подунавье. Об архивной деятельности Константина Яковлевича исследователь только упоминает, приводя сведения из приведенного нами выше CURRICULUM VITÆ К.Я. Грота (Грот, 2003).

Таким образом, деятельность Л.М. Савелова и К.Я. Грота заинтересовала ученых в последние десятилетия, однако в большинстве случаев российские авторы анализировали научные взгляды респондентов. Архивная работа Л.М. Савелова освещена в приведенной нами выше работе О.Н. Наумова (Наумов, 2005), а архивная деятельность К.Я. Грота только упомянута в статье С.Г. Суляка (Суляк, 2022). Оценка личностных качеств Л.М. Савелова и К.Я. Грота, как особенности их отношения к работе в архиве, ускользала от внимания исследователей.

4. Результаты

Как показало рассмотрение историографии, личности Л.М. Савелова и К.Я. Грота начали раскрываться российскому читателю только в последние десятилетия, поэтому для считаем необходимым привести биографические сведения об обоих респондентах.

4.1. Л.М. Савелов (краткая биография)

Леонид Михайлович Савелов родился 30 апреля (12 мая) 1868 года в Варшаве, в 1860–1890-е годы учился в Петровской Полтавской гимназии.

Специального исторического или архивоведческого образования не получил, как следует из написанных им воспоминаний, мечтал о юридическом факультете университета, но получил образование в Орловском военном корпусе (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Однако из-за проблем со зрением военным не стал, а служил по гражданской части в Харькове. После двух лет службы он ушел в отставку и посвятил себя общественной и научной деятельности. Одиннадцать лет избирался на должность предводителя дворянства Коротояжского уезда Воронежской губернии. Параллельно с выполнением должностных обязанностей занимался генеалогическими и историческими исследованиями, писательским трудом, путешествовал.

В 1904 году причислен к Министерству Внутренних дел и переехал в Москву, где с 1908 по 1914 годы заведовал Московским отделением Общего Архива Министерства Императорского двора, читал лекции по генеалогии в Московском Археологическом институте. Л.М. Савелов участвовал в торжествах к 300-летию Дома Романовых, которые проходили в Москве, был допущен в Кремлевский дворец, присутствовал при въезде императора в Москву и на печально известной церемонии на Ходынском поле (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 11. Л. 10-12).

В годы Первой мировой войны Леонид Михайлович активно работал в организациях Красного Креста, вкладывал собственные средства в его деятельность. С 1916 по 1917 годы назначен Холмским губернатором.

События февраля, а затем и октября 1917 года, перенес как личную трагедию. Л.М. Савелов был убежденным монархистом, что видно не только по его воспоминаниям, но и по научным и публицистическим трудам. Например, в его работе, посвященной роли Московского дворянства в Отечественной Войне 1812 года (Наумов, 2013) значительное место уделено позиции и деятельности императора Александра I, а в публицистике резко критикуются либеральные деятели и русская интеллигенция (Савелов, 1907; Савелов, 1908). Как подметил О.Н. Наумов, в воспоминаниях Л.М. Савелова нет ни одного слова осуждения в адрес Николая II (Наумов, 2015: 12).

В 1920 году Л.М. Савелов эмигрировал из России сначала в Грецию, а потом – в США. Несмотря на то, что приходилось терпеть серьезные материальные лишения, в прямом смысле голодать, оставшись без накапливаемых годами материалов, Леонид Михайлович продолжал научную и общественную деятельность: издавал генеалогический журнал «Новик» и был инициатором создания Русского историко-родословного общества. В историю российской науки вошел как один из ведущих исследователей генеалогии российского дворянства. Умер в США в 1947 году. Деятельность Л.М. Савелова в эмиграции освещена в документах, хранящихся в ГАРФ, РГАДА, ЦГАМ и в США, всесторонне исследованных О.Н. Наумовым.

4.2. К.Я. Грот (биографическая справка)

Самую подробную информацию о биографии и научной деятельности К.Я. Грота собрал в своей статье С.Г. Суляк (Суляк, 2022), на которую мы и опираемся. К.Я. Грот родился в Царском Селе, сын

академика Я.К. Грота (1812–1893) и писательницы Наталии Петровны Семёновой (1824–1899). Обучение Константин Яковлевич прошел в частной Петербургской гимназии Видемана (до 1867 г.), а затем в Ларинской казённой гимназии, закончив курс в 1872 г. с золотой медалью. Затем К.Я. Грот поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Специализировался по кафедре славянской филологии у профессора В.И. Ламанского (1833–1914), где был оставлен после окончания учебы «для приготовления к профессорскому званию». В 1881 г. К.Я. Грот защитил магистерскую диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века». В 1882–1883 гг. Константин Яковлевич совершил научную командировку в страны Европы, и в 1883 г. был назначен экстраординарным профессором на славянскую кафедру Императорского Варшавского университета. Продолжал собирать материалы для своей докторской диссертации «Из истории Угрии и славянства в XII в.», которую защитил в 1889 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете. Активно занимался научной работой, а также публикацией научного наследия своих отца, тети, брата. В 1905 году возглавил Общий Архив Министерства Императорского двора. «Благодаря К.Я. Гроту в 1904–1916 гг. были изданы «Камерфурьерские церемониальные журналы» за 1805–1817 гг. (всего 40 томов) с «Приложениями» и «Алфавитный указатель» за 1695–1774 гг. Архивом он заведовал 17 лет, в т. ч. и 5 лет при советской власти» (Суляк, 2022: 139). В 1911 г. К.Я. Грота избирают членом-корреспондентом Императорской академии наук. После революции 1917 г. К.Я. Грот несколько лет управлял вверенным ему архивом, затем после реорганизации архивов, вышел в 1923 г. на пенсию. В конце 1933 – начале 1934 г., когда в ходе репрессий против советских учёных, закончившихся ликвидацией организационных структур славяноведения, К.Я. Грот очень переживал сложившуюся обстановку. Умер Константин Яковлевич Грот 29 сентября 1934 г. и был похоронен на Новодевичьем Кладбище в Санкт-Петербурге.

4.3. Взаимоотношения и личностные качества К.Я. Грота и Л.М. Савелова (по данным переписки)

4.3.1. Деловые качества Л.М. Савелова и К.Я. Грота

Как следует из воспоминаний Л.М. Савелова, в 1908 году он вступил в должность Заведующего Московским отделением Общего Архива Министерства Императорского двора (Савелов, 2015: 248). Когда создавался Общий Архив Министерства Императорского двора, у его заведующего по штату было два помощника, в Петербурге он назывался «Царским архивариусом», а в Москве – «Заведующим». Положение их по классу и по всему уравниено. До Л.М. Савелова Московским отделением заведовал граф Е.А. Салиас де Турнемир (1840–1908), который, по словам К.Я. Грота, смотрел на свою должность как на синекуру (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 31). В результате в Московском Дворцовом архиве, где хранились документы различных учреждений, обслуживавших царские и императорские дворы в XVI–XIX веках, многие документы были не описаны, другие требовали реставрации, имелось более 800 описей, в которых было сложно ориентироваться. Архив находился в непригодном помещении – Троицкой башне Кремля, и Л.М. Савелов начал с проверки архива (Наумов, 2005: 5).

В своем письме Л.М. Савелову, поздравляя с назначением, К.Я. Грот проявляет знание ситуации в Московском отделении. Он отмечает, что отделение «находится в сравнительно запустелом состоянии», поэтому «приведение его в порядок и благоустройство согласно современным требованиям архивного дела – наша задача, наша желанная цель» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 12). Здесь примечательно употребление местоимения «наше»: Константин Яковлевич подчеркивает единство задач, которые стоят перед ним как начальником и Л.М. Савеловым как подчиненным. При этом К.Я. Грот весьма доброжелателен в оценке деловых качеств сотрудников архива: он подчеркивает хорошую подготовку А.И. Успенского, добросовестность и практический опыт С.Н. Кологривова, «прекрасным чиновником» называет Б.С. Пушкина и «прекрасно научно подготовленной труженицей» г. Смирнову (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 12). Ни одной отрицательной характеристики. В другом своем письме от того же года К.Я. Грот резюмирует: «Дай Бог, чтобы Вы сумели объединить всех помощников Ваших, между которыми имеются такие деятельные и энергичные, в дружной и спорной работе» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 14).

В своем не датированном письме К.Я. Гроту, относящемся, судя по содержанию, к началу вступления Леонида Михайловича в должность, он ярко и без прикрас описывает ситуацию: «Вы хорошо знаете обстановку Московского архива, где все чужое и все скверно. Дворцовое управление отдало все то, что ему самому не стоило, и в результате получилось учреждение не Императорского двора, а какого-то захолустного волостного правления, при чем о всяком пустяке приходится кланяться перед Дворцовым управлением, и дело дошло до того, что какой-то делопроизводитель пишет требования в архив от своего имени, и он прав, т.к. знает, что может быть через несколько дней нам придется кланяться перед ним и просить поправить какой-нибудь сломанный стул или что-нибудь вроде того» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 2).

О том, что Л.М. Савелов болел за дела вверенного ему отделения архива, говорит и то, что он тратил собственные средства на его обустройство: «когда мне не на чем было сидеть, то я купил кресло на собственные деньги, на собственные же деньги поставил 2 перегородки, чтобы иметь свой угол, купил стульев и т.д., но ведь нельзя же требовать, чтобы все необходимое приобреталось на

средства служащих» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 2). Леонид Михайлович с болью пишет о том, что «грошовая экономия загнала нас в тупик (далее три строки зачеркнуто), заставляя чуть ли не побираться» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 2).

Л.М. Савелов смело и компетентно берется за благоустройство архива: запрашивает деньги на пресс для реставрации столбцов XVI века вместо использовавшихся ранее кирпичей, просит увеличить оплату сторожам и их число, ходатайствует о проведении телефона в архивное здание. К.Я. Грот поддерживает его в этих начинаниях, но не все он может решить: в своих письмах Константин Яковлевич постоянно сетует на то, что Министерство Императорского двора не отпускает необходимые средства. В его письмах сквозит откровенное сожаление: «ввиду того, что сума пособий, и без того очень маленькая, по особым обстоятельствам давно уже исчерпана – вопрос о пособиях придется отложить» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 15). К.Я. Грот разделяет негодование Л.М. Савелова по поводу нехватки отпускаемых из Петербурга средств: «не утвердил еще расхода в 22 рубля (по прошлому отчету) и требует объяснений (вместо аванса в 50 р назначил 28 р!). Я, конечно, протестую. Но не знаю, чем это закончится» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 17). К.Я. Грот поддерживает возмущение Л.М. Савелова отношением к делам архива со стороны Московского Дворцового Управления, отмечая, что с этим трудно примириться. «Оно – ненормально», – пишет К.Я. Грот (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 24).

Л.М. Савелов организовал проверку и упорядочивание дел архива, в чем нашел поддержку у К.Я. Грота: «Очень рад, что дело проверки у Вас началось и что на это есть у Вас теперь руки. <...> Приятно сознавать, что Московское отделение скоро, Бог даст, выйдет из своей запущенности» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 28). О том, что Л.М. Савелов проявил себя на посту Заведующего Московским отделением архива как грамотный руководитель, говорит замечание К.Я. Грота о том, что даже в случае отъезда Л.М. Савелова в командировку дело проверки архива продолжалось без задержек. Руководил проверкой в отсутствие заведующего архивариус С.Н. Кологривов (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 37).

Л.М. Савелов хотел обеспечить более качественную проверку архива, для чего просил разрешения оплатить работу временно приглашенных сотрудников. Однако К.Я. Грот объясняет отказ руководства в выделении дополнительных сумм тем, что кредит на временный состав служащих и так исчерпан, «как Вы знаете, что нет лишней копейки» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 42). Леонид Михайлович ходатайствовал об установке телефона на квартире у С.Н. Кологривова, мотивируя это служебной необходимостью, но К.Я. Грот объяснил отказ тем, что это – «недопустима пока роскошь» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 41). К.Я. Грот и Л.М. Савелов пытались сделать максимум возможного для улучшения не только состояния архива, но и условий жизни работников. Однако это далеко не всегда удавалось, что приводило даже к трагическим последствиям. К.Я. Грот сожалеет о смерти одного из служащих, болезни которого «способствовала сырая квартира, о перемене которой я столько хлопотал, но тщетно» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 47). Константин Яковлевич пишет Л.М. Савелову о том, что ему удалось предотвратить отмену прибавки к жалованию одному из служащих, а на сообщение о болезни другого, полученное, видимо, от Л.М. Савелова, рекомендует подать прошение: «может удастся выхлопотать хоть маленькое пособие на лечение» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 50).

Ответственное отношение к своему делу иногда приводило обоих респондентов к непониманию. Видимо, Л.М. Савелов с присущей ему эмоциональностью описывал бедственное положение дел в архиве, что заставляло К.Я. Грота прибегать к обстоятельным объяснениям: «Во всех Ваших настоятельных нуждах я, заботясь о Московском отделении не менее, чем о Петербургском, с полным сочувствием и настойчивостью шел Вам навстречу, и когда была хоть малейшая возможность, преодолевал все те препятствия и трудности, которые возникали, когда речь заходит не только о новых кредитах, но и о расходовании сметных сумм, и о которых я не раз Вам говорил. Приходилось Вам отказывать лишь тогда, когда не имелось никаких надежд, а наоборот имелись прямые указания против возбуждения ходатайства» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 56).

Под руководством Л.М. Савелова всего за два года была проведена проверка вверенного ему архива, и Леонид Михайлович, видимо, просил о награждении служащих, проделавших такой огромный труд. К.Я. Грот выхлопотал подарок от императора лично для Л.М. Савелова, – немалую по тем временам сумму – 500 рублей, официально поздравил его (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 64) и сообщал Леониду Михайловичу о своих усилиях по награждению остальных служащих архива (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 66).

На основании писем не удастся однозначно решить вопрос о причинах нарушения субординации в служебных отношениях респондентов. Например, К.Я. Грот рекомендует Л.М. Савелову лично обратиться к руководству Дворцового Управления, считая, что это поможет «постепенно внушить иной взгляд и отношение к нашему учреждению» и достичь «всего необходимого для его внешнего вида и благоустройства» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 24). Еще случай нарушения субординации – отправка одним из чиновников Московского отделения архива телеграммы К.Я. Гроту без ведома Л.М. Савелова, что вызвало искреннее возмущение последнего. Л.М. Савелов требует разъяснений и указания, имеет ли он право непосредственно сноситься с

центральными органами Министерства Императорского двора и с Министром (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 3).

Еще сложнее выстроились субординационные отношения в связи с конфликтом между Л.М. Савеловым и архивариусом А.И. Успенским. Л.М. Савелов ходатайствовал о постройке нового здания для Московского отделения архива, но К.Я. Гроту удалось заручиться лишь обещаниями руководства найти подходящее помещение в существующих дворцовых зданиях, так как строительство нового «считается делом слишком непосильным» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 66). Московское отделение архива находилось в Троицкой башне, и 18 мая 1911 года загорелась сажа в трубе, огонь перекинулся на крышу. Л.М. Савелов и все сотрудники архива, включая сторожей, быстро прибыли к горящему зданию, было вызвано четыре пожарные команды, пожар ликвидирован, и ни один документ не пострадал. Л.М. Савелов тут же сообщил о произошедшем К.Я. Гроту телеграммой, представил подробный рапорт, «и все успокоилось» (Савелов, 2015: 245). Однако, как выяснилось, кроме Л.М. Савелова о пожаре телеграфировал и архивариус А.И. Успенский, приписав себе заслугу тушения до прибытия остальных сотрудников. В своих воспоминаниях поступок подчиненного Леонид Михайлович характеризует как «гадость не только по отношению ко мне, но и по отношению к его сослуживцам, которые все были на месте при тушении пожара» (Савелов, 2015: 247). Л.М. Савелов упоминает обмен с К.Я. Гротом резкими письмами по поводу дела о пожаре (Савелов, 2015: 247-248).

В ОПИ ГИМ нами обнаружен рукописный фрагмент текста, не имеющий ни подписи, ни даты, написанный почерком Л.М. Савелова. Как следует из содержания, это отрывок из письма Л.М. Савелова К.Я. Гроту по поводу поведения А.И. Успенского: «мой подчиненный говорит мне дерзости, пишет дерзкие и неуместные бумаги, в течение трех месяцев ворочает спину, и я же оказываюсь виноватым» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 6). Л.М. Савелов в своих воспоминаниях пишет о своем стремлении перевести А.И. Успенского в Петербургское отделение архива и о дознании, поведенном начальником Московского дворцового управления князем Н.Н. Одоевским-Масловым, результатом чего стал выговор в адрес А.И. Успенского (Савелов, 2015: 248). О своем ходатайстве удалить чиновника из Московского отделения архива и объявить ему выговор пишет Л.М. Савелов в своем письме К.Я. Гроту от 20 октября 1913 года. В машинописном тексте звучит вся натура Леонида Михайловича, и его слова кажутся горячими и резкими: «Во всей этой истории я считаю себя безусловно правым и незаслуженно оскорбленным, а неправы Вы, не пожелавший не только поддержать мой авторитет и мои справедливые требования, но и обуздать зазнавшегося чиновника, благодаря чему получилось что-то невероятное. Вы, конечно, согласитесь, что ввиду подобного Вашего отношения ко мне, продолжать службу под Вашим началом я больше не в силах, т.к. я не могу допустить над собой того издевательства, которое происходит теперь, но мой уход осложняется тем, что я был назначен по выбору государя и без его соизволения я не считаю возможным уходить. <...> Я уверен, что разрешение это будет дано, и тогда я с особым удовольствием уйду из того учреждения, в котором я рискую каждую минуту быть оскорбленным, без надежды получить удовлетворение» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 7). В этих словах – и эмоциональность, и оскорбленное дворянское достоинство, и верность своему делу и императору.

К.Я. Грот объясняет, что переживания Л.М. Савелова по поводу телеграммы А.И. Успенского о пожаре в Троицкой башне напрасны: «Я ей настолько не придавал значения, что даже не обратил внимания на то выражение, которое в ней Вас так задело, да, думаю, что и автора ее не могло быть при этом никакой задней мысли» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 89).

А.И. Успенский возглавил только что созданный Московский Археологический институт, где готовили работников архивов и студенты которого проходили и археологическую практику. Л.М. Савелов читал студентам курс генеалогии, в котором обосновывал значение ее как науки. Как пишет Леонид Михайлович в своих воспоминаниях, конфликт с А.И. Успенским заставил его покинуть кафедру, о чем он очень сожалел (Савелов, 2015: 251).

К.Я. Грот в своем письме отмечал, что А.И. Успенский склонен смешивать свои отношения, права и обязанности как архивариуса и директора Археологического института, но очень полезен архиву по части издательской деятельности (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 139). Однако конфликт дошел до такой стадии, что когда встал вопрос о назначении А.И. Успенского старшим архивариусом, Л.М. Савелов откровенно писал К.Я. Гроту: «Отдавая должное А.И. Успенскому и вполне признавая за ним его научный ценз, я считаю, что невозможно молиться двум богам, а потому, в случае его кандидатуры, я поставил бы вопрос – я или он, т.к. по совести и долгу службы считаю назначение его старшим архивариусом невозможным» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 85). В результате, когда Л.М. Савелов был назначен Холмским губернатором, его преемником на посту заведующего Московским дворцовым архивом стал С.Н. Кологривов (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 85).

В своих воспоминаниях Л.М. Савелов указывает на препятствия, на которые наталкивался в своих служебных взаимоотношениях с К.Я. Гротом (Савелов, 2015: 258). Видимо, Леонид Михайлович высказывал это и в своих письмах, на что К.Я. Грот терпеливо разъяснял: «Я, конечно, понимаю Ваши порывы и стремления, и вполне верю в Вашу искреннюю преданность делу. Да и Вам не приходится сомневаться и в моем постоянном стремлении к той же цели. Но я, стоя близко к

управляющему механизму и имея с ним дело, знаю, с чем приходится считаться, чего и как есть возможность достигнуть. Сообразно с этим я и считаю нужным действовать» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 59).

Такие качества, как преданность своему делу, доброжелательное и уважительное отношение к подчиненным, стремление добиваться для них лучших условий жизни и работы, были свойственны обоим респондентам. Их переписка раскрывает и их личные качества и характер взаимоотношений.

4.3.2. Личные взаимоотношения Л.М. Савелова и К.Я. Грота

Переписка Л.М. Савелова и К.Я. Грота носит неофициальный характер, о чем говорит, например, возможность для Леонида Михайловича называть свое положение в архиве «крайне печальным», поскольку он не может думать об улучшении дела в архиве, а только должен высчитывать «те гроши, которые отпускаются» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 1), в чем находил сочувствие у К.Я. Грота (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 2).

Когда разгорелся конфликт по поводу поведения А.И. Успенского, Л.М. Савелов отреагировал на письмо К.Я. Грота как на «оскорбительное по форме и странное по содержанию», упрекая Константина Яковлевича в том, что тот не щадит его самолюбие и «ужасно боится» задеть самолюбие А.И. Успенского. Л.М. Савелов далек, с одной стороны, от грубости и агрессивности, с другой – от пресмыкания и чинопочитания: «я готов извиниться, когда я виноват, но в данном случае нет такой силы, которая могла бы заставить меня это сделать», «я вообще не из пугливых и угрозами заставить меня поступить против моего разума и понимания невозможно» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 6-7). В своей решимости добиться улучшения дел в Московском Отделении Дворцового архива Л.М. Савелов готов идти на крайние меры и не скрывает этого: «я найду способ довести до сведения Державного Хозяина о печальном положении его Московского архива и буду просить уже его заступничества за те сокровища, которые брошены в пыльной и сырой Троицкой башне, и до которых никому нет дела» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 9).

В самом начале службы Л.М. Савелова на посту заведующего Московским Отделением дворцового архива К.Я. Грот высказывает пожелание «найти в Вас и просвещенного, и преданного делу помощника по управлению Московским Отделением архива, и благоволящего заботливого руководителя по отношению к персоналу архива» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 11). К.Я. Грот утверждает, что он «заинтересован поддерживать Вашу компетентную инициативу и Ваш авторитет в отношении к персоналу Московского Отделения» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 30). Когда разгорелся конфликт с участием А.И. Успенского, К.Я. Грот терпеливо разъяснял свою позицию: «Предоставляю Вам спокойно и объективно обдумать, насколько Ваш образ действий корректен и соответствует тем доселе добрым нашим – по крайней мере с моей стороны, – отношениям, к омрачению которых мною не подавалось ни малейшего повода» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 57).

К.Я. Грот перечисляет в своем письме, как он поддерживал многие начинания Л.М. Савелова, указывая, что он «мог поэтому рассчитывать на то, что Вы сумеете оценить мое сочувственное и прямодушное к Вам отношение, и что Вы ответите мне таким же прямодушием и доверием», однако разлад в отношениях наступил (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 87). В связи с этим К.Я. Грот готов к личной встрече с Л.М. Савеловым и резюмирует: «В случае каких-либо недоразумений следует откровенно объясниться, ибо Вы можете быть спокойны, что задней мысли обидеть никогда не может быть, разумеется, в моих мыслях. При таком взаимопонимании никому со стороны не удастся нарушить наших отношений» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 89). Действительно, конфликт был улажен, и отношения нормализованы. Л.М. Савелов прислал К.Я. Гроту свой труд о роли московского дворянства в войне 1812 года и получил ответную благодарность и предложение представить издание царю (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 99). По ходатайству Л.М. Савелова К.Я. Грот был избран почетным членом Словатско-русского общества (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 148). К.Я. Грот поздравляет Л.М. Савелова с присвоением ранга Действительного Статского Советника и пишет о том, что лично поддержал это решение (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 103). Поддерживая предложение Л.М. Савелова о присвоении Московскому дворцовому архиву имени «Романовский», К.Я. Грот «переговорил, с кем следует» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 118), но переговоры оказались безрезультатными.

К.Я. Грот мог в своих письмах не только давать указания или сообщать о служебных делах, но и писать о смерти единственного сына (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 13), а Л.М. Савелов – высказывать сочувствие Константину Яковлевичу в постигшем его горе (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 17). К.Я. Грот обсуждает с Л.М. Савеловым необходимость послать венок от архива на гроб умершего графа Е.А. Салиаса и берет на себя все расходы по этому поводу (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 19-20). К.Я. Грот мог обратиться к Л.М. Савелову с просьбой провести генеалогические изыскания, и благодарить Леонида Михайловича за проведенную работу (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 47).

К.Я. Грот и Л.М. Савелов обменивались поздравлениями с государственными и церковными праздниками: Новым Годом, Пасхой и т.п. При чем это были не формальные послания. Приведем начало одного из таких писем К.Я. Грота: «Дай Бог, чтобы Новый Год принес нам более светлые настроения и впечатления. Благодарю за поздравления и пожелания и сам желаю Вам наилучшего в

наступающем году» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 24). О доверительных отношениях респондентов говорит, например, замечание К.Я. Грота в письме Л.М. Савелову: «Очень грустно, что что Вы своим отпуском не можете воспользоваться как следует для здоровья» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 41) или вопрос: «Как Вы довольны этим летом? Надеюсь, что у Вас дома все здоровы и благополучны» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 43). Заканчивая письмо, К.Я. Грот шлет Л.М. Савелову наилучшие пожелания, «прежде всего – здоровья, в чем теперь Вы так нуждаетесь. <...> От души желаю, чтобы принимаемая тяжелая и скучная мера – укрепила бы Ваши глаза и нервы. Прошу передать мое почтение и приветствие Вашей супруге» (ОПИ ГИМ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 93. Л. 53).

В своих воспоминаниях Л.М. Савелов пишет о том, что, подписывая письма, К.Я. Грот «всегда подписывал «действительный статский советник Грот»», в ответ на что Леонид Михайлович в переписке указывал свое звание камергера и действительного статского советника, в результате чего «моя подпись была вдвое длиннее Грота» (Савелов, 2015: 249). Леонид Михайлович, как отмечает О.Н. Наумов, писал свои воспоминания по памяти и в очень непростых условиях эмиграции (Наумов, 2015: 6). В рассмотренной нами переписке К.Я. Грот ни разу не указывает своих чинов и званий. Письма заканчиваются словами «С искренним уважением», «Искренне уважающий Вас», «Искренне доброжелательный к Вам» и подписью: «Конст. Грот». Как видим из приведенной переписки, отношения респондентов носили довольно вежливый и уважительный характер, хотя в воспоминаниях Л.М. Савелов пишет о К.Я. Гроде, что тот «слишком много испортил мне крови за 8 лет нашей с ним совместной службы» (Савелов, 2015: 252). Прояснить ситуацию могли бы письма Л.М. Савелова К.Я. Гроту, которых в его архиве нами обнаружено, как отмечалось выше, лишь пять. Видимо, остальные были уничтожены. В описях СПбФ АРАН упоминания о переписке К.Я. Грота с Л.М. Савеловым нет.

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что и Л.М. Савелов, и К.Я. Грот, хотя не имели специального археографического образования, относились к своим обязанностям руководителей архивов добросовестно. Оба переживали недостаток средств на оплату работы сотрудников, закупку новейшей, по тем временам, техники (пресса для реставрации документов, телефона, пишущей машинки и т.п.). При этом инициатива исходила, видимо, от Л.М. Савелова, а К.Я. Грот старался ее поддержать перед Министерством Императорского двора. Оба относились доброжелательно к своим сотрудникам, что выразилось как в благоклонных отзывах, так и в стремлении выхлопотать для них заслуженные отпуска, прибавки к жалованию, награды. Так, Л.М. Савелов организовал проверку Московского Дворцового архива, а К.Я. Грот постоянно интересовался ее ходом, организовывал пополнение штата сотрудников, оплату их труда и ходатайствовал о награждении Леонида Михайловича и его коллег императорскими подарками и орденами.

Не все поддержанные К.Я. Гротом инициативы Л.М. Савелова достигали цели: не удалось обеспечить постройку нового специального здания для Московского Дворцового архива и настоять на присвоении архиву имени «Романовского».

Серьезным испытанием для деловых и личных отношений двух руководителей стал конфликт, связанный с пожаром в Троицкой башне и неблагоприятным поведением архивариуса А.И. Успенского. Оба осудили поведение чиновника, оба, хотя с разной степенью эмоциональности, отстаивали интересы вверенного им учреждения. Оба смогли возвыситься над собственным самолюбием.

Отношения Л.М. Савелова и К.Я. Грота, разумеется, нельзя назвать дружескими. Но и сводить к чисто официальным их тоже нельзя. Оба могли в письмах делиться собственными бедами и радостями, обмениваться поздравлениями, информировать о здоровье и планах на отпуск. При этом во всех письмах – вежливое обращение к адресату и отсутствие упоминаний о своих чинах и званиях при завершении текстов писем.

Анализ переписки Л.М. Савелова и К.Я. Грота позволяет представить их как образованных и интеллигентных людей, преданных своему делу и государству, с искренним уважением относящихся друг к другу. Умение не жалеть себя на благо государства, возвыситься, когда это требуют интересы дела, над собственными эмоциями и прийти к взаимопониманию, является не только открывающейся в ходе исследования чертой личностей двух ученых рубежа XIX–XX веков, но и поучительным примером для наших современников.

Литература

Бессмертный, 1999 – Бессмертный Ю.Л. Проблема интеграции микро- и макроподходов / Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 1999. С. 290–302.

Бессуднов, 2016 – Бессуднов А.Н. Об археологических занятиях Л.М. Савёлова // *Filo Ariadne*. 2016. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://s.esrae.ru/filoariadne/pdf/2016/2/42.pdf>

Грот, 2003 – Грот К.Я. Curriculum Vitae. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm>

- Калантырская, Леренман, 1994 – Калантырская И. С., Леренман М. М. Архив Л. М. Савелова в Государственном историческом музее (обзор фонда) // *Генеалогические исследования*. М.: РГГУ, 1994. С.42-49
- Лаптева, 2005 – Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.
- Лаптева, 2012 – Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
- Наумов, 1994 – Наумов О.Н. Л.М. Савелов и Историко-Родословное общество в Москве // *Историческая генеалогия*. 1994. №4. С. 4-12.
- Наумов, 2005 – Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов – архивист // *Отечественные архивы*. 2005. № 3. С. 3-12.
- Наумов, 1997 – Наумов О.Н. Описание и научное использование архива Московского дворянского собрания в конце XIX – начале XX в. // *Отечественные архивы*. 1997. № 2. С. 16-18.
- Наумов, 2013 – Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов и изучение Отечественной войны 1812 года // *История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы*. Вып. 4. М.: Альянс-Архео, 2013. С. 144-152.
- Наумов, 2018 – Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов как библиограф // *Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению*. 2018. № 3. С. 56-64.
- Наумов, 2015 – Наумов О.Н. Предисловие / Савелов Л.М. Воспоминания. М.: Старая Басманная, 2015.
- Наумов, 2012 – Наумов О.Н. Фонд Л.М. Савелова в Государственном архиве Российской Федерации. Очерки по русской генеалогии. М.: Старая Басманная, 2012. С.332-340.
- Робинсон, 1998 – Робинсон М.А. К.Я. Грот – общественные взгляды и судьба в науке (начало 30-х годов) / *Славянский альманах* 1997. М.: Индрик, 1998.
- Робинсон, 1986 – Робинсон М.А. Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М.: Наука, 1986. С. 91-112.
- Робинсон, 2004 – Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
- Савелов, 2015 – Савелов Л.М. Воспоминания. М.: Старая Басманная, 2015. 485 с.
- Савелов, 1908 – Савелов Л.М. Как я совершил поступок, несовместимый с званием дворянина. М.: «Печатня С.П. Яковлева», 1908. 16 с.
- Савелов, 1907 – Савелов Л.М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном значении. М.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1907. 18 с.
- Славяноведение..., 1988 – Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред.: академик Д.Ф. Марков, доктор исторических наук В.А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.
- Суляк, 2022 – Суляк С.Г. К.Я. Грот и Карпато-Дунайские земли // *Русин*. 2022. №67. С. 131-174.
- Штакельберг, 1986 – Штакельберг Ю.И. Грот Константин Яковлевич // *Славяноведение Юго-Восточной Европы*. М.: Наука, 1986. С. 91-112.
- Francev, 1935 – Francev V.A. K.J. Grot. V Praze: Nákladem České akademie ved a umení, 1935. 56 s.

References

- Bessmertnyi, 1999 – Bessmertnyi, Yu.L. (1999). Problema integratsii mikro- i makropodkhodov [The problem of integration of micro- and macro approaches]. *Istoriya v poiske. Mikro- i makropodkhody k izucheniyu proshlogo*. M.: Institut Vseobshchei istorii RAN. Pp. 290-302. [in Russian]
- Bessudnov, 2016 – Bessudnov, A.N. (2016). Ob arkhologicheskikh zanyatiyakh L.M. Savelova [On the archaeological studies of L.M. Savelov]. *Filo Ariadne*. 2. [Electronic resource]. URL: <https://s.esrae.ru/filoariadne/pdf/2016/2/42.pdf> [in Russian]
- Francev, 1935 – Francev, V.A. (1935). K.J. Grot. V Praze: Nákladem České akademie ved a umení. 56 p. [in Czech]
- Grot, 2003 – Grot, K.J. (2003). Curriculum Vitae. [Electronic resource]. URL: <https://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm> [in Russian]
- Kalantyrskaya, Lerenman, 1994 – Kalantyrskaya, I.S., Lerenman, M.M. (1994). Arkhiv L.M. Savelova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee (obzor fonda) [L.M. Savelov's archive in the State historical museum (fund review)] *Genealogicheskie issledovaniya*. M.: RGGU. Pp. 42-49. [in Russian]
- Lapteva, 2005 – Lapteva, L.P. (2005). Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke [The history of Slavic studies in Russia in the 19th century]. M.: Indrik. 848 p. [in Russian]
- Lapteva, 2012 – Laptev, L.P. (2012). Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v. [The history of Slavic studies in Russia at the end of the XIX – the first third of the XX centuries]. M.: Indrik. 840 p. [in Russian]

- [Naumov, 1994](#) – Naumov, O.N. (1994). L.M. Savelov i Istoriko-Rodoslovnnoe obshchestvo v Moskve [L.M. Savelov and the Historical and Genealogical Society in Moscow]. *Istoricheskaya genealogiya*. 4: 4-12. [in Russian]
- [Naumov, 1997](#) – Naumov, O.N. (1997). Opisanie i nauchnoe ispol'zovanie arkhiva Moskovskogo dvoryanskogo sobraniya v kontse XIX – nachale XX v. [Description and scientific use of the archive of the Moscow Noble Assembly in the late XIX – early XX centuries]. *Otechestvennye arkhivy*. 2: 16-18. [in Russian]
- [Naumov, 2005](#) – Naumov, O.N. (2005). Leonid Mikhailovich Savelov – archivist [Leonid Mikhailovich Savelov – archivist]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 3-12. [in Russian]
- [Naumov, 2012](#) – Naumov, O.N. (2012). Fond L.M. Savelova v Gosudarstvennom arkhive Rossiiskoi Federatsii [The L.M. Savelov Foundation in the State Archive of the Russian Federation]. *Ocherki po russkoi genealogii*. M.: Staraya Basmannaya. Pp. 332-340. [in Russian]
- [Naumov, 2013](#) – Naumov, O.N. (2013). Leonid Mikhailovich Savelov i izuchenie Otechestvennoi voyny 1812 goda [Leonid Mikhailovich Savelov and the study of the Patriotic War of 1812]. *Istoriya Moskovskogo kraya*. Problemy, issledovaniya, novye materialy. M.: Al'yans-Arkheo. 4: 144-152. [in Russian]
- [Naumov, 2015](#) – Naumov, O.N. (2015). Predislovie [Preface]. Savelov L. M. Vospominaniya [Memoirs]. M.: Staraya Basmannaya. Pp. 3-12. [in Russian]
- [Naumov, 2018](#) – Naumov, O.N. (2018). Leonid Mikhailovich Savelov kak bibliograf [Leonid Mikhailovich Savelov as a bibliographer]. *Bibliografiya. Nauchnyi zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu*. 3: 56-64. [in Russian]
- [Robinson, 1986](#) – Robinson, M.A. (1986). Metodologicheskie voprosy v trudakh russkikh slavyanovedov kontsa XIX – nachala XX v. (V.I. Lamanskii, P.A. Kulakovskii, K.J. Grot) [Methodological issues in the works of Russian Slavic scholars of the late 19th and early 20th centuries (V.I. Lamansky, P.A. Kulakovsky, K.J. Grot)]. *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy*. M.: Nauka. Pp. 91-112. [in Russian]
- [Robinson, 1998](#) – Robinson, M.A. (1998). K.J. Grot – obshchestvennye vzglyady i sud'ba v nauke (nachalo 30-kh godov) [K.J. Groth – social views and fate in science (early 30s)]. *Slavyanskii al'manakh* 1997. M.: Indrik. Pp. 10-16. [in Russian]
- [Robinson, 2004](#) – Robinson, M.A. (2004). Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov) [The fate of the academic elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. M.: Indrik, 432 p. [in Russian]
- [Savelov, 1907](#) – Savelov, L.M. (1907). Dvoryanskoe soslovie v ego bytovom i obshchestvennom znachenii [The noble estate in its everyday and social meaning]. M.: Tovarishchestvo «Pechatnya S.I. Yakovleva», 18 p. [in Russian]
- [Savelov, 1908](#) – Savelov, L.M. (1908). Kak ya sovershil postupok, nesovmestimyi s zvaniem dvoryanina [How I committed an act incompatible with the title of a nobleman]. M.: «Pechatnya S.P. Yakovleva». 16 p. [in Russian]
- [Savelov, 2015](#) – Savelov, L.M. (2015). Vospominaniya [Memoirs]. M.: Staraya Basmannaya. 485 p. [in Russian]
- [Shtakel'berg, 1986](#) – Shtakel'berg, Yu.I. (1986). Grot Konstantin Yakovlevich [Grot Konstantin Yakovlevich] *Slavyanovedenie Yugo-Vostochnoi Evropy* [Slavic Studies of Southeastern Europe]. M.: Nauka. Pp. 91-112. [in Russian]
- [Slavyanovedenie..., 1988](#) – Slavyanovedenie v dorevol'yutsionnoi Rossii. Izuchenie yuzhnykh i zapadnykh slavyan [Slavonic studies in pre-revolutionary Russia. The study of the Southern and Western Slavs]. Ed. by Academician D.F. Markov, Doctor of Historical Sciences V.A. Dyakov. M.: Nauka, 1988. 400 p. [in Russian]
- [Sulyak, 2022](#) – Sulyak, S.G. (2022). K.J. Grot i Karpato-Dunaiskie zemli [K.J. Grot and the Carpathian-Danubian lands]. *Rusin*. 67: 131-174. [in Russian]

«...Служа общему делу, мы не должны допускать недоразумений и взаимного непонимания»: К.Я. Грот и Л.М. Савелов как личности и специалисты архивного дела (по материалам переписки)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}

^aМосковский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является раскрытие личностных и деловых качеств двух известных научных деятелей конца XIX – начала XX веков: Константина Яковлевича Грота (1853–

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

1934) и Леонида Михайловича Савелова (1868–1947). К.Я. Грот был назначен императором Николаем II Заведующим Общим Архивом Министерства Императорского двора, а Л.М. Савелов – Заведующим Московским отделом Архива Министерства Императорского двора. Представление работы людей, воспринимавших ее как акт гражданского служения, обуславливает актуальность данной работы. Новизну ее определяет ввод в научный оборот нового исторического источника – переписки К.Я. Грота и Л.М. Савелова по делам архива. Как показал анализ историографии, личности этих двух ученых стали раскрываться перед российским читателем только в последние десятилетия. Для целей данной работы использовались также опубликованные воспоминания Л.М. Савелова. В них Л.М. Савелов дает отрицательную характеристику своему начальнику. Анализ переписки двух ученых позволяет сместить акценты. Оба ученых относились ответственно к порученному делу. Л.М. Савелов инициировал проверку архива, закупку новых по тому времени технических средств (пресса для реставрации документов, телефона, пишущей машинки), ходатайствовал о найме новых сотрудников и постройке специального здания для архива. К.Я. Грот поддерживал перед руководством Министерства Императорского двора инициативы Л.М. Савелова и добивался их реализации, хотя удавалось обеспечить далеко не все. Конфликт возник между ними из-за неправильного поведения московского архивариуса А.И. Успенского, но оба исследователя смогли возвыситься над собственным самолюбием, и отношения были налажены. Переписка представляет респондентов как интеллигентных людей, болеющих за свое дело, не жалеющих сил, времени и средств для его успеха, с уважением относящихся друг к другу.

Ключевые слова: история России, архивное дело, Архив Министерства Императорского двора, микроистория, персоналии, Л.М. Савелов, К.Я. Грот.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 763-772
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.763

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Of “Ours” and “Them”: Representations of the Kazakh Steppe in the Mid-19th century in the Travelogue of Merchant Yakov Prokhorovich Zharkov

Kurmangali G. Darkenov ^a, Serikbay D. Mamraimov ^b, Bibikhadisha Z. Abzhapparova ^{a,*},
 Aiman M. Azmukhanova ^a

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Zhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, using materials from the travelogue of Saratov merchant Yakov Prokhorovich Zharkov, identifies key patterns in Russian society's construction of the image of the Kazakh steppe as a region actively incorporated into imperial space in the mid-19th century. The study identified the motives and reasons that prompted the average Russian entrepreneur to travel, as well as the considerations that guided their decision to record their impressions in a text for subsequent publication. An examination of such imagological concepts as autoimage and heteroimage allowed us to identify Ya.P. Zharkov's self-perceptions, his class affiliation, and his ethnocultural self-awareness. These concepts significantly influenced his and the educated segment of Russian society's perception of the Kazakh steppe as a space of imaginary geography. It has been established that the Orientalist and Eurocentric views of the mid-19th century, which spread through Russia's intellectual milieu, combined with the imperial narrative, exerted an indirect influence on the understanding of the eastern outskirts of the Russian Empire as its own lands – a “Proper East”. The materials of Ya.P. Zharkov's travelogue, on the one hand, distilled the stereotyped “civilizing” view of a man of “power and culture” on peripheral regions as objects of Russian cultural influence, and on the other, revealed the specifics of the merchant “optics” of reflecting on the empire's outlying territories in the context of 19th-century population politics. Ya.P. Zharkov's representations of the Kazakh steppe during the period under study are based on the “own”/“foreign” dichotomy, which predetermined the emotional nature of his perception of territories and people, with value judgments dominating analytical descriptions of travel narratives. At the same time, unlike the understanding of the East conveyed by imperial experts from elite communities – nobility and bureaucracy – merchant Zharkov's travelogue offers an opportunity to understand the territories incorporated into imperial space as the representations of a person not separated from the indigenous peoples of the Kazakh steppe by a significant cultural distance.

Keywords: travelogue, merchant Ya.P. Zharkov, Kazakh steppe, representations, autoimage, heteroimage, indigenous peoples, population policy, “civilizing”.

1. Введение

Обращение к эпистемологическим возможностям жанра травелога – литературы путешествий, широко распространившейся в России в XVIII–XIX вв., в современной исследовательской ситуации может рассматриваться как эффективный инструмент научной рефлексии колониционного опыта, частью которого являлся процесс конструирования образа периферийных регионов и населения

* Corresponding author

E-mail addresses: hadisha_1960@mail.ru (B.Z. Abzhapparova),
k_darkenov@mail.ru (K.G. Darkenov), s_dauletuly@mail.ru (S.D. Mamraimov),
aimanazmukhanova@gmail.com (A.M. Azmukhanova)

восточных окраин в период активной военной и административно-управленческой экспансии Российской империи ([Русский травелог..., 2015](#); [Майга, 2014: 254-259](#); [Ремнёв, 2015](#)).

А.М. Эткинд, характеризуя обстоятельства рождения травелога в эпоху Просвещения и его дальнейшее триумфальное шествие, связывал их с переопределением окружающего мира и расширением его ментальной системы координат. Научные и географические открытия, венчавшие эру становления рационального знания, существенно раздвинули границы коммуникативных практик человечества, познавательных возможностей, имевших во многом практикоориентированный, меркантильный характер: «...нуждаясь в «другом» как образце или утешении, воображение интеллектуалов переносилось через океаны легче их тел» ([Эткинд, 2022: 8](#)).

Саратовский купец Яков Прохорович Жарков, совершивший в 1852–1854 гг. деловую поездку в Казахскую степь, отчасти тоже может быть причислен к сообществу российских интеллектуалов. Не обладая хорошим образованием, он, тем не менее, взял на себя труд составить подробное описание путешествия в отдалённый регион. Будучи предпринимателем, торговцем, Жарков, на страницах своего путевого очерка запечатлел яркие картины далёкой восточной окраины, внося видимый вклад в создание образа региона, его жителей, повседневных практик поведения, хозяйственных занятий, организации производственного и профанного быта. Добавим, что предложенная Я.П. Жарковым рецепция «собственного востока», значительно видоизменяет многие сложившиеся в литературе путешествий стереотипы, навязываемые имперскими экспертами – представителями чиновничества, посетившими окраины по долгу службы и часто видевшие в них объект государственно-колониционных интересов.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили непосредственно записки саратовского купца Я.П. Жаркова, опубликованные в 1854 г. в четырёх номерах журнала «Библиотека для чтения» за 1854 г. В 2012 г. усилиями казахстанских историков был подготовлен и издан сборник документов и материалов о путешествиях в казахскую степь в обширном хронологическом диапазоне XVIII – середины XIX вв., в который были полностью включены записки Жаркова о киргизах, датируемые 1852 г., а также записки 1854 г. Работа именно со сборником документов показала нам наиболее продуктивной, поскольку собранные материалы позволяют рассматривать «дорожные истории» отдельных персонажей, в частности Я.П. Жаркова в общем контексте путешествий в направлении казахских степей в длительный временной период ([Путевые дневники..., 2012](#)).

Кроме того, в процессе чтения травелога Я.П. Жаркова мы обратили внимание на несколько важных нюансов: во-первых, достаточно свободный стиль изложения впечатлений, полученных в ходе поездки, игнорирование автором стандартных правил написания подобных текстов, с характерным доминированием отчётной риторики, а во-вторых, присутствие элементов эго-свидетельств, большой объём материала, включавшего личные переживания, эмоционально-экспрессивные реакции автора. В этой связи возникла необходимость объективирования информации, извлечённой из травелога, что направило исследовательский коллектив к привлечению литературы путешествий в Азию, составленную по результатам экспедиций представителей других социальных групп и профессий. Таким образом, круг аккомодируемых источников расширился за счёт травелога российского дипломата, учёного и общественного деятеля П.И. Пашино, совершившего в 1866 г. деловую и научную поездку в Туркестанский край ([Пашино, 1869](#)), записок о путешествии по окраинам российской Азии военного географа, члена РГО М.И. Венюкова ([Венюков, 1868](#)), сообщений о поездке в Ташкент писателя и просветителя Е. Маркова ([Марков, 1901](#)). Привлечённые материалы позволили выделить специфику представлений купца-путешественника о себе (автообраз) в тесной взаимосвязи с представлениями «о других» (гетерообраз), репрезентируемых в травелоге, а также скорректировать оценочность суждений об азиатской периферии в репрезентациях имперской бюрократии.

Актуализация осмысления проблемы конструирования автообраза персонажа (купца Я. Жаркова) и гетерообраза региона – обширной казахской степи, обратило исследовательский коллектив к дисциплинарному полю современной имагологии, предметом которой является изучение образов «своих» и «чужих» ([Иванова, 2016: 74](#)). Ключевое понятие статьи – «образ», определяется как интеллектуальный конструкт, результат сложных и динамичных представлений, репрезентируемых на различных «площадках», в том числе травелогах, отражающих рефлексии различных социальных групп, страт сообществ окружающего мира и своего места в нём ([Андерсон, 2001](#); [Замятин, 2003](#); [Родигина, 2006](#)).

3. Обсуждение

В виду того обстоятельства, что темой статьи является сюжет о конструировании образа казахской степи в репрезентациях травелога купца Я.П. Жаркова, полагаем целесообразным выделить наиболее значимые точки историографической традиции данного вопроса. Необходимо отметить, что история купечества как сословия, со всеми коннотациями социальной идентичности сообщества крайне широко представлена в научном творчестве учёных-историков, культурологов,

социологов и т.д. Однако тема о включённости купечества в интеллектуальную деятельность, с детальным анализом социокультурных представлений сословия, впервые получила максимально подробное обоснование в монографии новосибирского историка Е.В. Комлевой (Комлева, 2018). Автор, опираясь в своей работе на личные тексты купечества, поставила и решила ряд вопросов, связанных с формированием этоса купечества как локального сообщества, конструированием автообраза российских предпринимателей, создав благоприятную историографическую ситуацию, позволившую рассматривать купечество в качестве одного из действующих акторов российского исторического процесса, в том числе и в колониационном ракурсе.

Не менее существенной сферой историографической рефлексии является обращение исследователей к проблеме травелога как жанра и источника выявления представлений различных групп российского социума о восточных окраинах империи (Суворова, Кадиков, 2015; Токмурзаев и др., 2021, 2021; Tokmurzaev et al., 2025; Чуркин, 2022; Чуркин, 2023; Чуркин, 2024). Также нельзя не отметить и вклад в исследование проблемы теми авторами, которые посвятили свои статьи непосредственно проблеме интерпретации текста травелога Я.П. Жаркова. Так, сюжеты бытовой аккумуляции казахов середины XIX в. с опорой на свидетельства современников, в том числе Жаркова, получили детальное освещение в работах Д.В. Васильева и С.В. Любичанковского (Васильев, Любичанковский, 2018: 151-165; Васильев, 2019: 102-112); реакция на записки Жаркова Н.Г. Чернышевского подробно представлена в публикации А.Л. Фокеева (Фокеев, 2017: 80-84).

4. Результаты

Путешествие саратовского купца Я.П. Жаркова в «киргизскую степь» в 1852–1854 гг., результатом которого стало подробное описание впечатлений от поездки, органично вписывается в канву травелогов XVIII–XIX столетий, отразивших рефлексии «собственного востока России» (Тольц, 2013) различными группами российского общества. Вместе с тем, необходимо оговорить, что до некоторой степени, записки, составленные представителями российского частного капитала – купечеством, выпадают из общего контекста литературы путешествий, ставшей важным каналом репрезентации восточных окраин, в том числе и казахской степи, имперскими экспертами эпохи наиболее интенсивной территориальной экспансии азиатской периферии, примыкавшей к восточным границам России. Проблема заключается в несовпадении мотивов и задач экспедиций, организованных на казённые средства и частных акций, инициированных отдельными представителями торгового класса. Если в первом случае экспедиционеры выполняли по преимуществу функции разведывательного характера, попутно фиксируя этнографические детали образа жизни и быта населения окраин, то купечество, как правило, отправлялось в далекое путешествие руководствуясь корыстными соображениями экономического свойства, при этом мир местных обывателей становился для них объектом простого человеческого любопытства, в отдельных случаях совпадавшего с обыденным, вполне понятным тщеславием, которое выражалось в стремлении реализовать свои литературные амбиции. Так, Яков Прохорович Жарков, в объяснении причин, побудивших его отправиться в Казахскую степь, вполне откровенно пишет: «Летошним годом собрался я со своей хозяйкой, Авдотьей Ивановной, в дорогу, по торговому делу... Нынче вот такой случай выпал, что надо ей ехать... У Авдотьи Ивановны грудь слабовата маленько, ...присоветовали подышать тамошним воздухом, да и поиспробовать кумысу... Отойдёт, говорят, грудная боль...» (Записки..., 2012: 433). В преамбуле к путевым очеркам, Я.П. Жарков в полушутливой манере комментирует и свои намерения перенести на бумагу, увиденное им в степных областях: «...Третий месяц всё мучаюсь...: ай, напишу?... ай, не стану! Руки зудят, в голове гудит, сердце бьётся..., так и тянет меня к конторке...Ну и ин быть так. Рассказывать, так рассказывать! Ну, а может статься найдутся люди, что и не станут меня корить, да ещё и мне же промолвят: Благодарствуй...» (Записки..., 2012: 433).

Купеческий прагматизм, как исходный мотив, определивший намерения Я.П. Жаркова зафиксировать увиденное в ходе путешествия в форме травелога, не отменяет ценности произведённого автором текста, имеющем отчётливые признаки эго-документа, «позиционируемого не столько в качестве поставщика информации, сколько как хранителя и транслятора личных переживаний, внутренних ощущений и идентичности автора» (Чуркин, Умнов, 2019: 117) как одного из героев произведения. В этой связи, представления Я.П. Жаркова о казахской степи середины XIX столетия конструируются в двух системах координат: как автообраз (представление о себе, своём сообществе и близких по духу круге людей) и гетерообраз (представление о других), которым свойственна взаимосвязь и взаимопроникновение, в результате чего формируется воображаемый дискурс, воспроизводящий образ региона и его обитателей (Иванова, 2016: 77).

Одной из характеристик автообраза в травелоге Я.П. Жаркова выступает саморепрезентация, фиксирующая множественные идентичности автора: региональную, сословную, социокультурную, национальную. Отправляясь в долгий и непредсказуемый путь, Я.П. Жарков даёт яркое и эмоционально окрашенное описание временного отрыва от родной земли – «...Саратова, с уютом родительским домом, с уютной светлицей, заветным тёплым углом...» (Записки..., 2012: 434). Предстоящее путешествие воспринимается Жарковым как выход за границы привычного,

повседневного, составляющего сущность «своего» пространства: «...ещё тошнее покидать широкие, правильные улицы, прощаться с великанами – высокими каменными домами, с богатством наших частных и общественных строений... Умилённо крестились мы на золотые кресты наших великолепных божьих церквей...» (Записки..., 2012: 434).

Представление купца Жаркова о самом себе и «своём мире» становится невидимым для него маркером, определяющим восприятие «чужого», малознакомого и экзотического пространства иных культур. Во вводной части травелога Я.П. Жарков обстоятельно сообщает о роде своей деятельности, наследственности предприятия, доставшегося «исстари, ещё от покойного батюшки» (Записки..., 2012: 433), которое в настоящий момент разрастается за счёт торговли ситцем: «Шлют жену за Волгу: ну-тко, мол, и я насчёт баранчиков, да ситцев попригляжусь у карсаков, либо дальше у уральцев! А там – пушусь к настоящим карсакам, в дальние орды...» (Записки..., 2012: 433). Автообраз «делового», «сметливого» предпринимателя дополняется в травелоге перечислением веских оснований/оправданий своих действий: принадлежности к купеческому сословию, с характерной для сообщества корпоративной солидарностью: «в Уральский город приятели надавали мне писем к своим хорошим знакомым» (Записки..., 2012: 433) и материальном благополучии семьи: «Мы были в независимом положении настолько, что могли даже другим услужить сухим бульоном, серенками (спички), содовыми порошками, плитками шоколаду и лимонадом в коробках...» (Записки..., 2012: 435-436).

Я.П. Жарков, конструируя на страницах путевых очерках свой автообраз, постоянно соизмеряет его с миром окраинных сообществ – этнически, социально и конфессионально пёстрых. Этот момент видится нам чрезвычайно важным в аспекте расшифровки представлений человека, ментально сформированного в имперской системе координат. По констатации Р. Джераси, российское владычество на окраинах, в том числе и в поволжско-уральском регионе, реализовывалось в условиях этнического разнообразия империи и попытки эту разнородность преуменьшить (Джераси, 2013: 5). В репрезентациях путешествия саратовского купца имперская рецепция постигаемого им пространства казахской степи и местных номадов будет определяться предшествующим опытом коммуникации с представителями других народов и конфессиональных групп, занимавших маргинальное положение между «своими» и «чужими». В последовательном описании немецких колоний и старожильческих селений, отмечая зажиточность немецких «колонок» на Волге и «коренных, старинных» русских селений (Журавлиха, Гусиха), расположенных к югу от г. Николаевска, Я.П. Жарков отмечает, что немцы «очень грубы...», восемьдесят лет живут на этой земле без хлопот: пора бы с нашими сжиться», а старожилы – люди, которые терпеть не могут нашего брата табачника и бритоуса...» (Записки..., 2012: 436).

Характерно, что имперский нарратив, сопровождающий конструирование Я.П. Жарковым автообраза, усиливается в процессе путешествия. Приближение к неведомым казахским степям сопровождается постоянным поиском и обнаружением «своего», выполняющего функцию своеобразного защитного барьера от заполнения пространства чужеродными элементами. Вступив в область земель уральских казаков, купец-путешественник акцентирует внимание на обстоятельствах хозяйственного и бытового уклада казачества: «...хлебопашества почти нет, пеньки нет, лесу нет», подчёркивая при этом, что «здесь всё привозное..., но дома опрятные, чистые, в линию» (Записки..., 2012: 440). Жарков резюмирует: «Казак, вестимо дело, рождён не на печи лежать, а биться за царя, за Русь Святую» (Записки..., 2012: 440). Для Я.П. Жаркова поддержание региональной, сословной и национальной идентичности в «чужой» земле, неразрывно связано с тотальным русским присутствием. Ссылаясь в тексте на письмо товарищей по корпорации из Саратова (своих), Жарков рассказывает о посещении в г. Уральске местного предпринимателя – торговца баранами, по предварительным представлениям автора травелога – типичного маргинала казачьего звания: «...надо взглянуть каков казачина выступит..., должно быть коренастый, толст, как вол, борода ниже пояса...» (Записки..., 2012: 441). К восхищению и удивлению Я.П. Жаркова, перед ним предстал «молодой, видный собой офицер...Георгий Ларионович, который отслужив урочные годы в Петербурге, в гвардии, воротился на родину и занимается теперь дома по хозяйству...» (Записки..., 2012: 441). Именно казачество репрезентируется Жарковым в качестве не только воинской силы, но и «своих», отстаивающих «русское дело» на враждебном Востоке. Обсуждая с попутчиком, выходцем из коренного населения, обычай аманатства – степным обычаем похищения людей, в том числе русских, с целью использовать таковых как заложников, Жарков про себя замечает: «Нынче уж этого не смеют делать! Нынче дрожат от одного имени – русский» (Записки..., 2012: 464). Принимая во внимание полиэтничность казачества уральского войска, и зная, что отдельные «умёты» и «улусы» возглавляют потомки бывших султанов, Я.П. Жарков посчитал необходимым написать благодарственное письмо одному из таких войсковых начальников, в надежде заручиться поддержкой во время путешествия по казахским аулам. Несмотря на избранный по выражению самого Жаркова, «галантерейный тон» обращения, полный лести и подобострастия, автор письма не отказал себе в удовольствии напомнить султану о том, что тот «согражданин нашего общего отечества и сын нашей матери Родины» (Записки..., 2012: 443).

Компоненты автообраза купца Я.П. Жаркова, выявленные посредством рефлексии представлений путешественника о себе, «своём» и «своих» определяют и активно взаимодействуют с

гетерообразом «чужого» и «чужих», конструируемого в тексте травелога. Очевидно, что интеллектуальное производство образа казахской степи середины XIX в., коренного населения и его повседневных практик, осуществляется автором с учётом его личного и социального опыта, включая ряд значимых сюжетов, иллюстрирующих восприятие Жарковым «чужого» мира.

К основным паттернам гетерообраза казахской степи, репрезентируемых в материалах травелога, мы относим:

Во-первых, паттерн иной организации пространства, подразумевающий смену ландшафтных и природно-климатических условий, воспринимаемых путешественником как вхождение в «чужое» и травматическая ситуация, видоизменяющая привычный для него уровень внешнего комфорта. В детальных описаниях Я.П. Жарковым этапов степного пути интонации восторга от увиденного часто смешиваются с недовольством темпом и условиями передвижения: «Ну уж степь – так степь. Глазом не окинешь дали!... С грехом пополам покатили мы дальше. Кони наши... припрыгивали и расстраивали порядок, арканы развязывались, дуга болталась,... нам, против воли, приходилось подсакивать на не очень-то мягких подушках...» (*Записки...*, 2012: 451-452). В живописание Жарковым степной бесконечности интересной представляется и смена оптического восприятия пространства: городской житель, воспринимающий перспективу через интенсивную застройку и архитектурное разнообразие, видит перед собой «необозримое поле, которому конца нет», и его взгляд невольно «цепляется» за хорошо знакомые взору приметы: «пригорки, овражки, кустарник невзрачный, увалы...» (*Записки...*, 2012: 451). Природа внедряется в привычный купеческий уклад и в ночное время, когда Я.П. Жарков устраивается на ночлег в казахской «кибитке» (юрте): «...Я во всём, как был одет, лёг на разостланную перину. И думал я: ночь, ветер дует... – прозябну ночью. Но когда я укрылся под матерчатое киргизское одеяло, мне стало так душно, что я не мог заснуть. Прочные кошмы...не пропускали ни ветру, ни ночной прохлады...» (*Записки...*, 2012: 475). Показательно и такое лирическое отступление: «Я обвёл глазами небо; оно сыпало на землю тихое мерцание ярких золотых, а уже *не наших* серебристых звёзд...» (*Записки...*, 2012: 479).

Отметим, что гетерообраз «чужого», создаваемого Жарковым вокруг сюжета о природных особенностях окружаемого пространства, в значительной степени лишён негативных коннотаций. Путешественник в своих дорожных воспоминаниях постоянно пишет о высокой адаптивности представителей купеческого сословия, развитой способности к преодолению различного рода неудобств. В этой точке происходит эффективное соединение автообраза и гетерообраза: «Мне спать по-дорожному – не приучаться спать!»; «Несколько дней назад я жил в своих хоромах, в богатом городе, в Саратове, а теперь, словно как дома, распоряжаюсь и сплю на открытой степи...» (*Записки...*, 2012: 475).

Во-вторых, паттерн русского «цивилизаторства», культурного миссионерства, характерный для восприятия в российском обществе восточных окраин как «своей, собственной земли», населённой экзотическими народами, нуждавшимися в государственной организации и опеке. В этом плане показательными являются исходные представления купца и его спутников о коренных обитателях казахской степи, и их последующая эволюция. Особый исследовательский интерес представляет для нас как динамичные конструкции восприятия Жарковым региона и жителей, так и те, которые отличаются поразительной устойчивостью.

Прежде всего, подчеркнём, что в основе представлений Я.П. Жаркова о казахской степи и казахах располагался грандстерейотип Отечества – «родной земли», «родного места», который репрезентируется на страницах травелога через понятные, доступные автору ассоциации – противопоставления: «...я, например – русский человек; живу на Волге-матушке и куда как люблю выпить... здоровенький ковшичек вкусной для меня волжской водицы..., представьте же вы себе, что карсаки (казахи) вовсе холодной воды никогда не пьют; у нас и в голову не придёт мысль, что могли бы существовать такие народы, которые живут без хлеба и хлебопашества, и после этого я вдруг очутился среди народа, у которого целое лето корки хлеба не мог допроситься; у нас родная земля, как совокупность и моей родины, и вашей, и всех и каждого..., родной язык и родная вера. У киргизов нет родины, нет Отечества, нет того блага, которое достаётся в удел развитого человечества» (*Записки...*, 2012: 503).

Вместе с тем, Я.П. Жарков, в своём травелоге признаёт подвижность собственных представлений о казахской степи и аборигенном населении, подчёркивая, что таковые первоначально складывались в результате «толков о киргизах», которые велись в Европейской России – в Саратове, и были существенно скорректированы уже в ходе путешествия в дни пребывания в Уральске и общения с местным казачеством. Так, «саратовские впечатления», легко укладывались в формулу: «...воры, хищники, дикие, чуть ли не людоеды,... в плен вас возьмут и станут мучить голодом» (*Записки...*, 2012: 441). При посещении Уральска выяснилось, что «теперь киргизы совсем не то, что были за пятьдесят лет» (*Записки...*, 2012: 440) и путешественникам будет предоставлена возможность убедиться в этом воочию, через непосредственное общение «с одним почётным киргизом» (*Записки...*, 2012: 441). Последующие контакты с представителями казахской администрации (аульным и дистанционным старшинами), а также простонародьем отлились в устойчивое убеждение в безопасности близких контактов. На вопрос Якова Прохоровича, обращённого супруге, «не боится ли она киргизов», та уверенно ответила: «Теперь мы нагляделись на них вдоволь: даром, что дикие,

злые люди, а смотри как они с нами обходительны! Какие у всех весёлые, открытые лица...» (*Записки...*, 2012: 453).

Цивилизаторская логика Я.П. Жаркова, транслируемая в третьей части (тетрадке) травелога, рождается, на наш взгляд, из двух источников. В первую очередь из ощущения культурного превосходства, своеобразной «европейскости», обретенной хоть и «не по происхождению», как российским дворянством, гордившимся своей принадлежностью к европейской культуре, а по уму, таланту, предприимчивости, финансовым возможностям. В преамбуле к травелогу Жарков осознаёт некоторую беспочвенность своих намерений обратиться к литературному творчеству – уделу образованных сословий: «Куда конь с копытом – туда и рак с клешней... Пишут книжки люди учёные: я-то для чего не за своё берусь дело?» (*Записки...*, 2012: 432). Однако тут же находит неопровержимое оправдание своего поступка, подтверждение «особого» права, обусловленного материальными факторами: «сало топим..., мясо солим..., красным товаром промышляем» (*Записки...*, 2012: 432). Не менее существенным фактором формирования «цивилизаторских» представлений выступает и наивный этатизм народных низов, выходящем из которых является Яков Жарков. Государство-династия, обеспечивавшее собственную легитимность экспансией, регулярно транслировало обществу имперскую идею о государственном величии, достигаемом через противоборство с враждебным окружением и дарование благоденствия многочисленному безгласному населению окраин, исключенному из культурного поля. Я.П. Жарков, в тексте травелога ищет ответ на вопрос: каким образом «...безбрежная пустыня, где живут дикари, недавно ещё разбойничавшие и грабившие одинокого безвестного путника», пусть и временно, но стала для него домом? Как и почему случилось, что «теперь тишь такая всюду, что вот я с хозяйкой катаюсь, будто около Саратова!» (*Записки...*, 2012: 475-476). Наступившее благоденствие в казахской степи, путешественник объясняет двумя причинами: успехом военной экспансии русского оружия и мерами градостроительства в степи. По мнению Жаркова «Хивинская экспедиция доказала, что русское воинство неудержимо: ни снега, ни жары, ничто ему не помеха; что храбрость его и стойкость в деле для народов Средней Азии – баснословны, невероятны, заколдованы!» (*Записки...*, 2012: 476). Далее купец приводит длинный список русских укреплений, построенных в казахской степи к середине XIX в., акцентируя внимание именно на военных их функциях, позволивших закрепиться России в регионе (*Записки...*, 2012: 481-482).

Обратим внимание, что в своих размышлениях и выводах Я.П. Жарков не был одинок. Имперская «оптика» оправдания русского «цивилизаторства» являлась неотъемлемой частью записок, очерков, травелогов в Центральную Азию. Приведём лишь наиболее типичные свидетельства, созвучные восприятию востока Я.П. Жарковым, исходящие от экспертов, посетивших соседний Туркестан во второй половине XIX – начале XX вв. Российский военный и чиновник П.И. Пашино, пребывая в Ташкент, констатировал: «Замечательно, что здесь преобладал русский элемент: одну треть составляли местные торговцы-сарты, а две трети – русские: солдаты линейные и артиллерийские и казаки...» (*Пашино, 1868: 90*). Писатель Е. Марков, описывая улицы Ташкента выражал восторг «...яркой белизной белых рубашек на беспрерывно снующих по улицам солдатах и их ярких, как кровь, шароварах из козьей замши, замечая попутно, что «...солдат тут нужен всем и на каждом шагу. Он и защищает, он и устраивает, он и цивилизует... А что такое солдат в каком-нибудь Курске или в Щиграх? Кому и на что он нужен в обычное, мирное время?» (*Марков, 1901: 467*). Марков резюмировал: «Только прочным насаждением здесь русской силы мы можем надеяться держать в руках своих этот мусульманский край, населённый истари враждебными нам народами» (*Марков, 1901: 507*).

Выделяя русское «цивилизаторство» в качестве одного из ключевых паттернов представлений Я.П. Жаркова, нельзя не отметить одну важную особенность в репрезентации им фактора российского присутствия и русского культуртрегерства в казахской степи. В отличие от подавляющей массы путешественников в центрально-азиатский регион XIX столетия, купец Жарков не принадлежит к элитарным сообществам России имперского периода (дворянство, правительственная бюрократия, литературный бомонд). Читая текст травелога Я.П. Жаркова, не возникает ощущения значительной культурной дистанции между автором и объектом его познавательной рефлексии – степняками-кочевниками. В материалах Жаркова по определению отсутствуют откровенно шовинистические и ксенофобские заявления, подобно тем, которые регулярно встречаются в очерках Е. Маркова, определившего восточные окраины как «опасные гнёзда дикости и азиатского варварства» (*Марков, 1901: IX*) или П.И. Пашино, писавшего о покорении Туркестана: «Да, русские задали вам с 600-ми штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете...» (*Пашино, 1868: 90*). Конструируя свой автообраз, Я.П. Жарков, постоянно акцентирует внимание на своём демократическом происхождении, а в описании обширного гардероба супруги Авдотьи Ивановны, напоминает, что многие привычки она вынесла из крестьянской среды: «Хозяйка моя родилась в коренной русской семье, еле-еле отвыкла от платочка, и по моей только милости...» (*Записки...*, 2012: 442). Позднее, характеризуя контакты с казахами, Жарков «...немало подивился короткостям, которые завязались у киргизских женщин с нашими: Авдотья Ивановна, а особенно Фёкла, так и рассыпались перед киргизьянками в разных вежливостях, а те перед ними то и дело тараторили по-своему. Понимали ли они друг друга – это особая статья; но они, видимо, были друг другом довольны» (*Записки...*, 2012: 449). Яков Петрович, не без удовлетворения отмечал, что многие деловые вопросы ему удавалось

урегулировать при посредничестве супруги, легко налаживавшей контакты с местными женщинами: «Мне во всём помогала моя хозяйка. Она затараторила с двумя жёнами старшины, вызнала по разным приёмам, которая из них имеет над мужем большую власть, попотчевала её содовыми порошками..., да кроме того старшей киргизянке поднесла плитку шоколада, которая та, отродясь в глаза не видывала. Старшинская жена разнежничалась, расцеловалась с моей Авдотьей Ивановной, начала упрасивать мужа насчёт лошадей и настояла на том, чтобы нам выбрали лучших лошадок...» (*Записки...*, 2012: 495).

О лабильности «цивилизаторских» убеждений Я.П. Жаркова свидетельствуют и его некоторые высказывания в резюмирующем разделе сочинения. Жарков, используя метафору музыкального тона, говорит о необходимости и возможности «настроить Киргизскую степь, управление, привычки и выгоды на один тон с русскими» (*Записки...*, 2012: 505), что осуществимо через установление торговых отношений и взаимную адаптацию.

5. Заключение

В целом, можно констатировать, что обращение к литературе путешествий, исходящей от выходцев из низовой социальной среды российского общества середины XIX в., позволяет существенно скорректировать «контур» представлений о восточных окраинах Российской империи, формируемых главным образом на основании мнений политических элит. Очевидно, что «купеческий спектр» травелога, помимо информационной составляющей, включает в свой состав значительную долю личных, эмоционально окрашенных реакций на события и состояния мира, с которыми путешественники приходили в соприкосновение.

Характерно, что в отличие от путешественников, принадлежавших сообществу имперской бюрократии, вписывавшим свои впечатления в стандарты официального делопроизводства, авторы из народа, купцы, были свободны от стилевых шаблонов отчётного свойства, что придавало их наблюдениям особый колорит. Подобная свобода в реализации литературного опыта даёт исследователю прекрасную возможность «считывать» в тексте Я.П. Жаркова сложный и многогранный образ казахской степи и её обитателей, с учётом соотношения и взаимопроникновения элементов автообраза и гетерообраза, конструируемых на страницах произведения.

Представления купца-путешественника Жаркова о самом себе, своей группе и сообществах маргинального типа, составляющие автообраз автора и, одновременно, одного из персонажей травелога, становятся основанием для конструирования им гетерообраза «другого», «чужого», экзотизируемого литературными средствами. И в то же время, создаваемый Я.П. Жарковым образ казахской степи и коренного населения характеризуется подвижностью и пластичностью, что объясняется отсутствием значительной культурной дистанции между миром «своих» и «чужих» в исследуемый период.

Литература

- Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Кучково поле», 2001. 288 с.
- Васильев, 2019 – Васильев Д.В. Бытовая аккультурация казахов в XIX столетии: поселение и жилище / *Источник. Историк. Политика. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа А.П. Чулошникова*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. 452 с.
- Васильев, Любичанковский, 2018 – Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С. 151-165.
- Венюков, 1868 – Венюков М.И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1868. 535 с.
- Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 348 с.
- Замятин, 2003 – Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Записки..., 2012 – Записки саратовского купца Я.П. Жаркова / Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов-чернобыльцев», 2012. С. 432-647.
- Иванова, 2016 – Иванова А.Д. О понятийном аппарате современной имагологии // *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 11. С. 74-78.
- Комлева, 2018 – Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение северо-восточной Евразии. Новосибирск: Параллель, 2018. 398 с.
- Майга, 2014 – Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 254-259.
- Марков, 1901 – Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям и Каспийскому морю и Волге. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.

- Пашино, 1868** – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые записки. СПб.: Тип. Таблена, 1868. 176 с.
- Путевые дневники..., 2012** – Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов-чернобыльцев», 2012. 758 с.
- Ремнёв, 2015** – Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 580 с.
- Родигина, 2006** – Родигина Н.Н. "Другая Россия": образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 343 с.
- Русский травелог..., 2015** – Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 142-165.
- Суворова, Кадиков, 2015** – Суворова Н.Г., Кадиков Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2015. № 4(8). С. 174-193.
- Токмурзаев и др., 2021** – Токмурзаев Б.С., Тажитаева Р.С., Сирбаева А.А. Репрезентация имперских принципов управления Степным краем во второй половине XIX в. в записках генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 469. С. 204-209.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский период. М.: «Новое литературное обозрение», 2013. 336 с.
- Фокеев, 2017** – Фокеев А.Л. Этнографические «Записки купца Жаркова» в оценке Н.Г. Чернышевского / *Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сб. науч. тр. Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 25–26 мая 2017 года*. Вып. 7. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2017. С. 80-84.
- Чуркин, 2022** – Чуркин М.К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. / *Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Мат-лы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019), Барнаул, 05–06 мая 2022 года*. Барнаул: "Барнаульский юридический институт МВД РФ", 2022. С. 68-73.
- Чуркин, 2023** – Чуркин М.К. Репрезентации г. Омска и прилегающих территорий в дневнике-травелоге А.К. Гейнса // *Исторический бюллетень*. 2023. Т. 6. № 2. С. 65-70.
- Чуркин, 2024** – Чуркин М.К. Образ имперского субалтерна в дискурсе травелогов алтайских миссионеров второй половины XIX – начала XX вв. / *Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сб. ст. III Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н.А. Дворяшиной*. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2024. С. 39-44.
- Чуркин, Умнов, 2019** – Чуркин М.К., Умнов Е.Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны / *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. В 2-х частях, Томск, 03–04 октября 2019 года*. Т. Часть I. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 116-121.
- Эткинд, 2022** – Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: «Новое литературное обозрение», 2022. 608 с.
- Tokmurzayev et al., 2025** – Tokmurzayev B.S., Churkin M.K., Zhangaliyev U.K., Mamraimov S.D. «Our Aliens» in the Imperial Project of Colonial Brokerage in the Eastern Outskirts of Russia in the Mid-19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 780-790.

References

- Anderson, 2001** – Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism]. М.: «Kuchkovo pole». 288 p. [in Russian]
- Churkin, 2022** – Churkin, M.K. (2022). Reprezentatsii vlasti i obshchestva Kokandskogo khanstva v travelogakh russkikh puteshestvennikov pervoi poloviny XIX v. [Representations of the government and society of the Kokand khanate in the travelogues of Russian Travelers of the first half of the 19th century]. *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniі: Mat-ly vtoroi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Startseva (1956–2019), Barnaul, 05–06 maya 2022 goda*. Barnaul: "Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD RF". Pp. 68-73. [in Russian]
- Churkin, 2023** – Churkin, M.K. (2023). Reprezentatsii g. Omska i privileyushchikh territorii v dnevnike-traveloge A.K. Geinsa [Representations of Omsk and adjacent territories in the travelogue diary of A.K. Gaines]. *Istoricheskii byulleten'*. 6(2): 65-70. [in Russian]

- Churkin, 2024** – Churkin, M.K. (2024). Obraz imperskogo subalterna v diskurse travelogov altaiskikh missionerov vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [The image of the imperial subaltern in the discourse of travelogues of altai missionaries of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya: Sb. st. III Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 75-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora N.A. Dvoryashinoi*. Surgut: Surgutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 39-44. [in Russian]
- Churkin, Umnov, 2019** – Churkin, M.K., Umnov, E.E. (2019). Vospominaniya kak ego-tekst: detskaya tylovaya povsednevnost' sibirskoi provintsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Memories as an ego-text: children's everyday life in the rear of the Siberian Province during the Great Patriotic War]. *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogil'nitskogo): Mat-ly Vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. V 2-kh chastyakh, Tomsk, 03–04 oktyabrya 2019 goda*. T. Chast' I. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 116-121. [in Russian]
- Dzherasi, 2013** – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, orientalism, nation and religion in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p. [in Russian]
- Etkind, 2022** – Etkind, A.M. (2022). Tolkovanie puteshestvii. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Interpretation of travel. Russia and America in Travelogues and intertexts]. M.: «Novoe literaturnoe obozrenie». 608 p. [in Russian]
- Fokeev, 2017** – Fokeev, A.L. (2017). Etnograficheskie «Zapiski kuptsa Zharkova» v otsenke N.G. Chernyshevskogo [Ethnographic “Notes of the Merchant Zharkov” as assessed by N.G. Chernyshevsky]. *Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury: Sb. nauch. tr. Materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Saratov, 25–26 maya 2017 goda*. Vyp. 7. Saratov: Izdatel'stvo "Saratovskii istochnik". Pp. 80-84. [in Russian]
- Ivanova, 2016** – Ivanova, A.D. (2016). O ponyatiinom apparate sovremennoi imagologii [On the conceptual apparatus of modern imagology]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11: 74-78. [in Russian]
- Komleva, 2018** – Komleva, E.V. (2018). Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaistvennoe osvoenie i izuchenie severo-vostochnoi Evrazii [Siberian merchants: contribution to the economic development and study of northeastern Eurasia]. Novosibirsk: Parallel'. 398 p. [in Russian]
- Maiga, 2014** – Maiga, A.A. (2014). Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: genre specifics]. *Filologiya i kul'tura*. 3(37): 254-259. [in Russian]
- Markov, 1901** – Markov, E. (1901). Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblastyam i Kaspiiskomu moryu i Volge [Essays on travels through Transcaucasia, Turkmenistan, Bukhara, the Samarkand, Tashkent, and Fergana Regions and the Caspian Sea and the Volga]. T. 1. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha. 541 p. [in Russian]
- Pashino, 1868** – Pashino, P.I. (1868). Turkestanskii krai v 1866 g. Putevye zapiski [The Turkestan region in 1866. Travel notes]. SPb.: Tip. Tablena. 176 p. [in Russian]
- Putevye dnevniki..., 2012** – Putevye dnevniki i zapiski rossiiskikh chinovnikov i issledovatelei o Kazakhskoi stepi XVIII – serediny XIX veka [Travel diaries and notes of Russian officials and researchers on the Kazakh steppe from the 18th to the mid-19th centuries]. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samigulin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov-chernobyl'tsev», 2012. 758 p. [in Russian]
- Remnev, 2015** – Remnev, A.V. (2015). Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta. 580 p. [in Russian]
- Rodigina, 2006** – Rodigina, N.N. (2006). "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 343 p. [in Russian]
- Russkii travelog..., 2015** – Russkii travelog XVIII–XX vekov [Russian Travelogues of the 18th–20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 142-165. [in Russian]
- Suvorova, Kadikov, 2015** – Suvorova, N.G., Kadikov, E.R. (2015). Kolonizatsionnye teksty imperskikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachala XX v.) [Colonization texts of imperial experts (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 4(8): 174-193. [in Russian]
- Tokmurzaev i dr., 2021** – Tokmurzaev, B.S., Tazhitaeva, R.S., Sirbaeva, A.A. (2021). Reprezentatsiya imperskikh printsipov upravleniya Stepnym kraem vo vtoroi polovine XIX v. v zapiskakh generala ot infanterii I.F. Babkova [Representation of imperial principles of governance of the steppe region in the second half of the 19th century in the notes of infantry general I.F. Babkov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 469: 204-209. [in Russian]
- Tokmurzayev et al., 2025** – Tokmurzayev, B.S., Churkin, M.K., Zhangaliyev, U.K., Mamraimov, S.D. (2025). «Our Aliens» in the Imperial Project of Colonial Brokerage in the Eastern Outskirts of Russia in the Mid-19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(2): 780-790.

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's own East”: Identity politics and oriental studies in the late imperial period]. M.: «Novoe literaturnoe obozrenie». 336 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2019 – Vasil'ev, D.V. (2019). Bytovaya akkul'turatsiya kazakhov v XIX stoletii: poselenie i zhilishche [Everyday acculturation of Kazakhs in the 19th century: settlement and housing]. *Istochnik. Istorik. Politika. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo istorika-arkheografa A.P. Chuloshnikova*. Ufa: IYal UFITs RAN. 452 p. [in Russian]

Vasil'ev, Lyubichankovskii, 2018 – Vasil'ev, D.V., Lyubichankovskii, S.V. (2018). Kazakhi i russkie: bytovaya akkul'turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: everyday acculturation in the 19th century]. *Voprosy istorii*. 3: 151-165. [in Russian]

Venyukov, 1868 – Venyukov, M.I. (1868). Puteshestviya po okrainam russkoi Azii i zapiski o nikh [Travels along the outskirts of Russian Asia and notes about them]. SPb.: Tip. Imperatorskoi akademii nauk. 535 p. [in Russian]

Zamyatin, 2003 – Zamyatin, D.N. (2003). Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian Geography: Space and language of geographical images]. SPb.: Aleteiya. 331 p. [in Russian]

Zapiski..., 2012 – Zapiski saratovskogo kuptsa Ya.P. Zharkova [Notes of the Saratov Merchant Ya.P. Zharkova]. Putevye dnevniki i zapiski rossiiskikh chinovnikov i issledovatelei o Kazakhskoi stepi XVIII – serediny XIX veka. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samigulin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov-chernobyl'tsev», 2012. Pp. 432-647. [in Russian]

О «своих» и «чужих»: репрезентации Казахской степи середины XIX в. в дорожном травелогe купца Я.П. Жаркова

Курмангали Газезович Даркенов ^a, Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^b,
Бибахдиша Журсиновна Абжаппарова ^{a, *}, Айман Махсотовна Азмуханова ^a

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Zhanibekov University, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, на материалах дорожного травелога саратовского купца Якова Прохоровича Жаркова, выявляются ключевые паттерны конструирования российским обществом образа казахской степи как региона, активно инкорпорируемого в имперское пространство в середине XIX в. В ходе исследования были установлены мотивы и причины, побудившие среднестатистического российского предпринимателя отправиться в путешествие, а также соображения, которыми он руководствовался, принимая решение зафиксировать свои впечатления в тексте, с его последующей публикацией. Обращение к таким понятиям имагологии как автообраз и гетерообраз позволило выявить представления Я.П. Жаркова о себе как личности, своей сословной принадлежности, этнокультурном самосознании, что оказало существенное влияние на рецепцию им и образованным сегментом российского социума казахской степи как пространства воображаемой географии. Установлено, что ориенталистские и европоцентристские воззрения середины XIX в., распространившиеся в интеллектуальной среде России, в соединении с имперским нарративом, оказывали опосредованное влияние на понимание восточных окраин Российской империи как своих земель – «собственного востока». Материалы травелога Я.П. Жаркова, с одной стороны дистиллировано отразили трафаретность «цивилизаторского» взгляда человека «власти и культуры» на периферийные регионы, как объект российского культуртрегерства, с другой – позволили обнаружить специфику купеческой «оптики» рефлексии окраинных территорий империи в ситуации политики населения XIX столетия. Основу репрезентаций Я.П. Жарковым представлений о казахской степи в исследуемый период составляет дихотомия «своё»/«чужое», что предопределило эмоциональный характер восприятия территорий и людей, преобладание оценочных суждений над аналитическими характеристиками сюжетов путешествия. Вместе с тем, в отличие от понимания востока, транслируемого имперскими экспертами из элитарных сообществ: дворянства, бюрократии, травелог купца Жаркова даёт возможность для осмысления включаемых в имперское пространство территорий, как представления человека, не отделённого от коренных народов казахской степи значительной культурной дистанцией.

Ключевые слова: травелог, купец Я.П. Жарков, казахская степь, представления, автообраз, гетерообраз, репрезентации, коренные народы, политика населения, «цивилизаторство».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hadisha_1960@mail.ru (Б.Ж. Абжаппарова),
k_darkenov@mail.ru (К.Г. Даркенов), s_dauletuly@mail.ru (С.Д. Мамраймов),
aimanazmukhanova@gmail.com (А.М. Азмуханова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 773-782
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.773

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Women's Education in the Steppe Region at the turn of the 19th–20th centuries: Gender and Socio-Cultural Contexts

Aizhan T. Kapayeva^a, Saltanat A. Asanova^a, Arailym N. Konkabayeva^{a, *}

^a Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the historical dynamics of women's education in the Kazakh (Kyrgyz) steppe in the late 19th and early 20th centuries in the context of social modernization processes. The institutional and cultural factors that determined women's access to education are analyzed, and key stages in the transformation of gender practices are identified. Special attention is paid to early modernization, which influenced the formation of a stratum of educated women, the opening of the first Russian-Kazakh schools, women's schools and madrassas of a new type, as well as the activities of the national educational intelligentsia. The article analyzes the impact of education on changing the traditional position of Kazakh women in the family and society. It is shown that education contributed to the expansion of women's horizons, the formation of literacy skills, vocational training and the development of self-awareness, which gradually undermined patriarchal foundations and traditional gender restrictions. Women's education has become an important tool for social mobility, allowing women to participate more actively in social, cultural and, later, professional life. The relationship between educational initiatives and the ideas of national renewal, characteristic of Kazakh public thought at the turn of the century, is considered separately. It is concluded that women's education has become one of the key factors in the emancipation of Kazakhstani women, laying the foundations for further transformations in the field of gender relations and playing a significant role in the modernization of Kazakh society as a whole.

Keywords: women's education, gender history, enlightenment, identity.

1. Введение

История женского образования занимает важное место в изучении процессов социально-культурных трансформаций казахского общества в условиях вынужденной модернизации, развернувшейся после включения территории казахских земель в состав Российской империи. В рассматриваемый период система женского образования в европейском понимании, как светская, основанная на рационально-диалектическом мировоззрении в казахской степи практически отсутствовала. Доступ казахских девушек к подобному типу образования был существенно ограничен в силу господства патриархальных гендерных норм, воспроизводивших асимметричное распределение социальных ролей, а также отсутствия развитой сети учебных заведений, ориентированных на женское обучение. Фактически вплоть до второй половины XIX века образование девушек не рассматривалось в качестве социально значимой задачи и, как правило, не выходило за пределы семейного и бытового пространства.

В то же время утверждение о полном отсутствии женского образования в среде казахского народа указанного периода представляется чрезмерно упрощённым. Даже при отсутствии формализованной школьной системы существовали устойчивые практики передачи знаний,

* Corresponding author

E-mail addresses: konkabayeva.arailym@mail.ru (A.N. Konkabayeva), kapaeva.59@mail.ru (A.T. Kapayeva), saltasanova@gmail.com (S.A. Asanova)

связанные с воспитанием в семье, религиозным обучением и включённостью женщин в традиционную культуру. Эти формы образования не носили институционального характера, однако выполняли важную социальную функцию и способствовали формированию базовых навыков и ценностных ориентиров.

Особое значение в этом контексте приобретает взаимодействие традиционного казахского общества с образовательной политикой Российской империи. Колониальная система образования, с одной стороны, закрепляла социальные и гендерные неравенства, а с другой – создавала ограниченные, но принципиально новые возможности для расширения образовательного пространства. Появление русско-казахских школ и гимназий стало важным этапом в формировании предпосылок для женского образования, хотя доступ к нему по-прежнему оставался социально и территориально неравномерным.

С точки зрения теории модернизации развитие женского образования в казахской степи следует рассматривать как длительный и противоречивый процесс. Он формировался постепенно, в условиях сосуществования традиционных образовательных практик и элементов социального обновления. Такой подход позволяет отказаться от жёсткого противопоставления «традиции» и «модерности» и рассматривать женское образование как результат сложной эволюции социальных и культурных представлений о роли женщины в обществе.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе эволюции женского образования в казахской степи в конце XIX – начале XX веков с учётом влияния социальных, политических и культурных факторов. В рамках основной исследовательской задачи предпринимается поиск ответа на вопрос о том, в чём заключалась специфика становления и развития просветительской практики среди казахских женщин и какие последствия она имела. Решение поставленной задачи опирается на исторический анализ нормативно-правовых актов, материалов образовательной политики, педагогической литературы и научной историографии. Применение сравнительно-исторического подхода позволяет выявить как элементы преемственности, так и изменения в подходах к женскому образованию на различных этапах исторического развития.

При этом в работе избегается представление женщин как однородной социальной группы. Учитываются социальные, региональные и культурные различия, которые во многом определяли доступ к образованию, его формы и последствия для социальной мобильности женщин.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). В работе использованы материалы фондов И-15 «Семипалатинское областное правление Министерства внутренних дел» (1854–1919) и И-25 «Тургайское областное правление», включая журналы заседаний областных правлений, циркуляры Министерства внутренних дел и распоряжения Министерства народного просвещения, документы об открытии русско-казахских двухклассных мужских и женских училищ, а также отчёты о деятельности гимназий и состоянии народного образования.

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход, сочетающий инструменты гендерной истории, социальной истории и постколониального анализа. В работе образование рассматривается, как важный механизм социальной регуляции, отражающий господствующие представления о статусе и предназначении женщин в обществе. Исследование опирается на принцип историзма, а также описательный и сравнительно-исторический методы, что позволяет проследить динамику развития женского образования в Казахстане в конце XIX – начале XX веков.

3. Обсуждение

В фундаментальных исследованиях дореволюционного и советского периодов проблема народного образования получила различную концептуальную интерпретацию, отражающую смену методологических установок и идеологических парадигм. В трудах А.Е. Алекторова (Алекторов, 1891), относящихся к дореволюционной историографии, народное образование рассматривалось преимущественно в контексте колониальной образовательной политики Российской империи и задач «просвещения инородческого населения», с акцентом на описании состояния школьной сети, миссионерской деятельности и уровня грамотности. В трудах Ахмета Байтурсынулы и Миржакипа Дулатулы (2022) напрямую связывалась проблема образования казахских девушек с процветанием нации. Они указывали, что отсутствие образования среди девочек является одной из основных причин женского неравенства и социальной отсталости общества и неизбежно отражается на воспитании будущих поколений.

В исследованиях советского периода – работы В.Т. Кочарова (Кочаров, 1959), Т.Т. Тажибаева (Тажибаев, 1965), а также А.И. Сембаева и Г.М. Храпченкова (Сембаев, Храпченков, 1972) интерпретируют народное образование как структурный элемент социалистической модернизации, подчеркивая его роль в преодолении социальной и культурной отсталости, формировании «нового человека» и интеграции казахского общества в советскую систему ценностей. В советской литературе

широко пропагандировалась деятельность советского государства, направленная на освобождение женщин от патриархальных норм и обычаев, а также на достижение равноправия. Показательной является работа Н. Арыковой (Арыкова, 1930), написанная в разгар кампании по раскрепощению женщин Востока. В частности, автор показывает борьбу с пережитками прошлого по отношению к женщине и первые системные меры по вовлечению женщин в общественную жизнь в советский период. Аналогичные труды написаны в разные годы учеными: Х.Г. Айдарова, С.Б. Кульбаев, В.П. Осипов (Борьба за советскую..., 1982), Б.П. Пальванова (Пальванова, 1982: 306), К.К. Кунантаева (Кунантаева, 1978), А.Т. Абдулина (Абдулина, 2024) и т.д. В трудах И.В. Стасевича (Стасевич, 2011) анализируется социальный статус женщины в казахском обществе с точки зрения исторической преемственности и современных изменений в контексте традиционной культуры, структуры семьи, норм обычаев и гендерных ролей.

Таким образом, сравнительный анализ дореволюционной и советской историографии позволяет выявить не только эволюцию образовательных практик, но и трансформацию исследовательских подходов – от описательно-административного к социально-историческому и идеологически нормативному.

4. Результаты

История женского образования в казахской степи – это сложный и многослойный процесс, тесно связанный с трансформациями традиционного общества, колониальной политикой Российской империи, реформаторскими движениями начала XX века и советским проектом социальной модернизации. В научной литературе женское образование нередко рассматривается как один из ключевых индикаторов эмансипации казахских женщин и изменения гендерных ролей. В XIX веке образование для казахских девочек носило эпизодический и локальный характер. Это было обусловлено совокупностью таких взаимосвязанных факторов: как устойчивость патриархального уклада в традиционном казахском обществе, неразвитость образовательной инфраструктуры, религиозно-моральными ограничениями, особенностями колониальной образовательной политики Российской империи, а также экономической необходимостью раннего включения девочек в домашний труд. В условиях традиционного казахского общества до середины XIX века образование не представляло собой институционализированную систему и осуществлялось преимущественно в рамках доинституциональных, неформальных практик социализации и передачи знаний. Эти формы обучения были органически встроены в кочевой образ жизни и регулировались нормами адата, религиозными представлениями и устоявшейся системой гендерного разделения социальных ролей. В науке до сегодняшнего дня не существует единого взгляда на традиционное положение казахской женщины в обществе и семье. Одни источники и исследования пишут о приниженном положении женщины в обществе по сравнению с мужчинами, другие наоборот. В данном контексте мы исходим из положения о том, что «традиционное казахское общество патриархально» (Стасевич, 2011: 5) и, следовательно, главенствующее положение занимали мужчины. Поэтому и процесс воспитания и обучения носил ярко выраженный дифференцированный характер и был напрямую связан с возрастом, полом и социальным статусом ребенка. Для мальчиков приоритетными являлись навыки, обеспечивавшие их будущую роль в общественной и хозяйственной жизни рода: военная подготовка, основы скотоводства, знание родовой истории и обычного права. Образование девочек, в свою очередь, формировалось в рамках женской сферы и было ориентировано на подготовку к семейно-бытовым функциям, что отражало патриархальную структуру традиционного общества.

Женское образование в доинституциональный период носило преимущественно практико-ориентированный характер и передавалось в семейной среде от матерей, бабушек и других женщин рода. Оно включало освоение навыков ведения домашнего хозяйства, ремесел (шитье, вышивка, обработка войлока), а также усвоение норм поведения, этических установок и ритуальных практик, регламентировавших статус женщины в семье и общине. Важной составляющей такого воспитания являлось знакомство с устным народным творчеством – эпосом, пословицами, песнями и обрядами, которые выступали механизмом трансляции коллективной памяти и гендерных моделей поведения.

Гендерное неравенство особенно четко проявлялось в степени доступности для казахских девочек системного институционального образования. Это положение обуславливалось целым комплексом причин. Прежде всего, социально-культурными установками, господствовавшими в казахском традиционном обществе. В повседневной практике для молодых женщин считалось не обязательным получение системного образования. В зависимости от социального статуса семьи девочек обучали грамоте на основе арабского алфавита, основам ислама, чтению Корана, а также знакомились с классическими образцами устного народного творчества – героическим и лирическим эпосом. Однако в бедных семьях такой роскоши, как праздное свободное время, для молодых женщин почти не было поэтому и образование такие девушки фактически не получали. Важным препятствием было также отсутствие в XIX веке в казахской степи специализированных женских учебных заведений. Отсутствие формализованных образовательных институтов для девочек не было следствием исключительно экономических или географических факторов, но являлось результатом

устойчивых нормативных представлений о «естественном» предназначении женщины, ограниченного рамками семьи и рода.

В указанный период образовательная практика среди казахских девушек включала освоение навыков ведения хозяйства, элементарную грамотность (в отдельных случаях), основы религиозных знаний, а также приобщение к устной традиции - эпическим сказаниям, песням, пословицам и преданиям. Однако даже такое минимальное образование было доступно далеко не всем: как правило, его получали девочки из состоятельных и привилегированных семей потомков чингизидов, биев и крупных баев. Именно из этой социальной среды вышли первые образованные казахские женщины конца XIX – начала XX века. Среди них – Гульсум Асфендиарова, дочь Сейтжафара Асфендиарова, одна из первых казахских женщин-врачей; Аккагаз Досжанова – общественная деятельница и врач; Назиба Кулжанова - журналист, просветительница и активная участница общественной жизни. Их биографии наглядно демонстрируют, что доступ к образованию был тесно связан с социальным происхождением и экономическими возможностями семьи.

Патриархальный уклад предполагал четкое разделение гендерных ролей. Мужчины были ориентированы на внешнюю социальную сферу. Поэтому у мальчиков изначально воспитывали навыки приспособления к войне, защита скота, установление связей с соседями, колониальной администрации, а это предполагало обязательную физическую подготовку и получение всех доступных форм образования. Поэтому в XIX веке в казахской степи казахские дети активно обучались не только в аульных мусульманских школах, но и новометодных и русско-казахских школах. В то время как женщины носили образ «хранительницы домашнего очага», им отводилась роль сохранения семейных ценностей и традиций. Однако необходимо отметить, что данное гендерное различие не носило абсолютного характера. Существует множество примеров женщин, которые занимали активную политическую и военную роль в истории формирования и развития казахского общества. Среди них - Гаухар батыр, супруга Кабанбай батыра; Бопай, младшая сестра Кенесары Касымова; Акбота, дочь Санкибая; Айганым ханша, бабушка Шокана Валиханова. Однако подобные фигуры оставались исключением и не отражали повседневной социальной практики большинства казахских женщин.

Сколько-нибудь развитая система просвещения через специальные школы, училища или пансионы в XIX веке оставалась редким исключением. Это не значит, что в повседневной практике в традиционном казахском обществе не существовало своей системы обучения. В казахском обществе всегда большое внимание уделялось обучению детей. Как отмечал Ишмухамед Букин, воспитанник Туркестанской учительской семинарии, казахи полагают, что отказ от обучения детей грамоте – большой грех. Именно поэтому «они стремятся хотя бы на несколько недель отдать ребенка на обучение мулле и считают это своим долгом по отношению к своим детям» (Стасевич, 2011: 44). Об этом также писал Ч.Ч. Валиханов: «Почти в каждом казахском ауле нашей области есть кочевая школа, где учителя – по большей части татарские муллы или семинаристы. В Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском округах преобладают татары. В Баянаульском и Каркаралинском они в последнее время вытесняются среднеазиатами» (Валиханов, 1986). Однако как отмечал сам Валиханов эти школы не отвечали современным требованиям общеобразовательной школы. Обучение в них было схоластическим и ограничивалось механическим заучиванием текста Корана. Такие школы требовали реформирования. В них гендерное неравенство сохранялось. Немногочисленные мектебы и медресе ориентировались преимущественно на мальчиков. Даже русско-казахские школы, открываемые царской администрацией, изначально предназначались для обучения мальчиков, поскольку именно они рассматривались как будущие переводчики, писари и посредники между имперской властью и местным населением. Существенную роль играли и религиозно-моральные ограничения. К XIX веку ислам прочно вошёл в повседневную жизнь казахского общества, а в традиционном религиозном сознании совместное обучение мальчиков и девочек считалось недопустимым. Родители опасались, что посещение школы может нарушить нравственные нормы, особенно если преподавателями выступали русские учителя или татары-реформисты. В результате девочек старались изолировать от публичного образовательного пространства.

Не менее значимым фактором были социально-экономические причины. Образование даже в домашней форме требовало ресурсов и времени, что делало его доступным лишь для зажиточных семей. В рядовых и особенно бедных слоях общества образование девочек не воспринималось как приоритет. Девочки с раннего возраста были вовлечены в хозяйственную деятельность: уход за младшими, обработку шерсти, приготовление пищи, помощь по кочевому быту. Отправить девочку в школу означало лишиться важного трудового ресурса.

Казахское общество первоначально относилось с недоверием к обучению детей на русском языке и даже выступало против открытия русско-казахских школ. В 1841 году, когда в Оренбурге распространялись слухи об открытии школы для казахских детей, в некоторых местах возникли волнения. Однако спустя несколько лет казахи осознали пользу образования. Казахские общины начали оказывать денежную благотворительную помощь создаваемым школам. Так, в 1868 году на средства казахов Тургайской области, собранные на строительство Оренбургской мужской гимназии и пансиона, оставшиеся 25 тысяч рублей были направлены на строительство первого разряда

Оренбургского женского училища и пансиона специально для казахских девочек. Вскоре это училище было преобразовано в Оренбургскую женскую гимназию. Очевидно, что цель казахов при вложении столь крупных сумм состояла в обучении собственных детей. Однако до конца XIX века среди учащихся Оренбургской женской гимназии казахских девочек не было ([Рахымқұлов, 2015: 5](#)).

Наконец, в рамках колониальной политики Российская империя в XIX веке не ставила задачу массового женского образования среди кочевых народов. Первые попытки открытия женских учебных заведений относятся лишь к 1870–1890-м годам и носили ограниченный характер: такие школы были немногочисленными, сосредоточенными преимущественно в городах и доступными главным образом дочерям казахской аристократии. Ситуацию усугубляло отсутствие женских педагогических кадров: русскоязычных казахских учительниц практически не существовало, что делало невозможным создание отдельных женских классов, отвечающих религиозным и культурным ожиданиям казахских семей. Важнейшим этапом стало открытие специализированных учебных заведений для девочек. Первая русско-казахская женская школа на 20 девочек была открыта в Ханской ставке Букеевской Орды в 1883 году. Эта школа стала важным прецедентом в развитии женского образования, хотя массового характера процесс не приобрёл. В конце XIX века они функционировали в Иргизе, Торгае, Костанаете, Каратагае, Каркаралинске, Бөкей Орде и других центрах. Их инициаторами и покровителями были представители казахской интеллигенции, прежде всего Ыбырай Алтынсарин, идеи которого оказали долгосрочное влияние. По его прямой инициативе в 1888 году была открыта Иргизская русско-казахская женская школа; после его смерти были открыты Торгайская женская школа (1891 г.), Костанайская женская школа (1893 г.), Карабутацкая женская школа (1895 г.) и Актюбинская женская школа (1896 г.). Все они стали результатом благородного дела, начатого Ы. Алтынсариним. Первое женское училище было открыто по его же инициативе в 1897 году в Иргизе. Всего в пяти женских училищах в 1896 году обучалось 211 девушек, из них 141 русских и 70 казашек ([Алтынсарин, 1975: 30-31](#)). Училище имело технико-прикладной характер девушек обучали рукоделию. Позже женские училища были преобразованы в ремесленные училища.

Принимая во внимание вековые традиции казахов, не допускавшие совместного обучения мальчиков и девочек, а также значительную отдаленность расположения казахских аулов от школ, Ы. Алтынсарин добивался открытия школ для казахских девочек со специальными интернатами при них. Так, по его ходатайству были открыты интернаты при женских русско-казахских школах в Иргизе и других городах. Последующие школы также открывались с интернатами. В 1883 году в Семипалатинской области женские интернаты имелись в Семипалатинске, в Каркаралы и Павлодаре ([Тажикаев, 1965: 52](#)).

В школах казахские девочки овладевали русской грамотой, учились читать и писать на русском языке. Помимо этого, их обучали арифметике и рукоделию. К концу 1889–1890 учебного года в Иргизской русско-казахской женской школе действовало три отделения. В высшем отделении шесть девочек свободно читали русские тексты, могли пересказывать их содержание, умели писать и решали арифметические задачи четырёх действий. Девочки также хорошо освоили рукоделие, а изделия, выполненные казахскими ученицами, выставлялись на специальных выставках. Идею обучения девочек рукоделию предложил сам Ы. Алтынсарин.

В этот период на территории казахских областей начинает формироваться общероссийская система образования, а именно действовали три основных типа учебных заведений, в которых могли обучаться девочки: русско-казахские школы нового типа, женские гимназии и прогимназии, многометодные (джадидские) мектебы, популярные в городах с татарским населением. В этих учебных заведениях обучение велось преимущественно на русском языке. Девочки изучали арифметику, чтение, письмо, рукоделие. При школах чаще всего открывались интернаты, что делало обучение доступным для сельских учениц. Выпускницы могли поступать в фельдшерско-акушерские курсы или продолжить обучение в гимназиях.

1 октября 1897 года отставной статский советник, султан Альмухаммед Сейдалин обратился к военному губернатору Тургайской области с просьбой выделить три земские стипендии для казахских девочек из тех самых 25 тысяч рублей, собранных казахами, и принять его дочерей по именам «Жаугара» и «Гольжихана», а также родственницу «Гольжамалу Сулейман-Джигангирову» (тоже дворянского происхождения) с предоставлением им права содержаться в означенном пансионе ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1475. Л. 4](#)). В ответ губернатор сообщил, что указанные средства были переведены в государственные ценные бумаги и переданы в попечительный совет Оренбургского женского училища. Попечительный совет Оренбургской женской гимназии ответил, что дочь Сейдалина Жаухар сможет быть принята на земскую стипендию лишь в 1899–1900 учебном году. В конце XIX века по количеству школ для казахских девочек особенно выделялась Тургайская область. Всего училище в 1890 году было 16, обучалось в них 552 мальчика и 84 девочки, а всего 636 человек, которых обучали 50 преподавателей ([Алекторов, 1891: 78](#)). 8 октября 1895 года в здании русско-казахского женского училища была открыта единственная во всей казахской степи русско-казахская женская прогимназия. На её открытие казахи Костанайского уезда собрали 12 тыс. рублей. В конце 1898 года в Оренбургской женской гимназии были учреждены две стипендии для казахских девочек по 250 рублей каждая.

Стала формироваться система среднего образования. Был организован ряд женских гимназий общего типа. Все гимназические учебные заведения находились в подчинении Министерства народного просвещения. В Верненской женской прогимназии, открытой в 1877 году плата за обучение была очень высокой, там, в основном, обучались дочери дворян и чиновников. Верненская женская гимназия поначалу размещалась в арендованных домах, затем – в бывшем доме губернатора, а с 15 августа 1883 года была переведена в собственное двухэтажное здание, построенное на её средства. Это здание было возведено из кирпича, покрыто железной крышей, а внутренние и внешние стены были оштукатурены. В результате разрушительного землетрясения, произошедшего 28 мая 1887 года в городе Верный, здание гимназии полностью обрушилось. После этого гимназия временно разместилась в двух арендованных домах станицы Большая Алматинская. Позднее для учебного заведения было построено новое деревянное здание (Рахымқұлов, 2015: 18). В 1885 году в гимназии обучалось 126 девочек, в 1888 году – 74, в 1889 году – 85. Аналогичные гимназии функционировали в других казахских городах. К ним относятся – Семипалатинская женская гимназия (открыта в 1871 г.), Уральская женская гимназия (1894 г.), Павлодарская женская прогимназия (1901 г.) и Усть-Каменогорская женская прогимназия (1905 г.). Хотя гимназии изначально ориентировались на русское дворянство и городские семьи, для обучения в них могли допускать и казахских девочек, чаще всего из знатных родов (Рахымқұлов, 2015: 1). Рост интереса к образованию среди степной знати, стимулировали расширение возможностей обучения для женщин. Хотя обучение казахских девочек в этих средних учебных заведениях было возможно, но сведений о казахских девочках, обучавшихся в них, не обнаружено. Школы нового типа и гимназии создавали первые профессиональные возможности для женщин в качестве учительниц, фельдшерниц, акушеров, переводчиц при административных органах. Однако казахские девочки в этих учебных заведениях составляли меньшинство. Такое положение объяснялось тем, что казахские ученицы в гимназиях встречались крайне редко из-за высокой платы за обучение, русифицированного характера учебных программ и отсутствия общежитий.

Качественный сдвиг происходит в начале XX века под влиянием джадидского движения и деятельности алашской интеллигенции. (А. Байтұрсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев и др.) рассматривали женское образование как одно из условий прогресса нации и основу культурной и духовной модернизации общества. В общеимперском контексте джадидизм выступал как трансрегиональное реформаторское течение, охватившее мусульманские сообщества Поволжья, Крыма, Кавказа и Центральной Азии. Реализацией джадидисткой идеи стали школы, в которых использовались новые методы обучения. Преподавателями первых школ джадидов были учителя преимущественно татарского происхождения, отличавшиеся большей модернизированнойностью среди других тюркских народов. В системе женского образования так же преуспевали татарские учительницы. «В условиях колониальной политики царского правительства, вызвавшей критическое экономическое состояние местного населения Туркестана, особую роль сыграли татарские женщины». Они начали осуществлять просветительскую деятельность в джадидских школах и активно участвовать в социальной жизни Туркестана (Насретдинова, 2020).

Казахский вариант джадидского дискурса формировался в специфических условиях кочевого и полукочевого общества. В сравнении с татарскими и башкирскими джадидами, у которых к началу XX века уже существовала развитая сеть новометодных школ и женских медресе, казахские просветители действовали в условиях более слабой образовательной инфраструктуры и ограниченной урбанизации. Это обусловило преимущественно программно-дискурсивный характер ранних инициатив в сфере женского образования, реализуемых через публицистику, учебные тексты и общественные дебаты, а не через массовое институциональное школьное обучение.

Начало XX века стало временем сложного, многоуровневого развития образования в казахской степи. Система оставалась неравномерной и социально ограниченной, однако именно в этот период формируются основы национальной педагогической мысли, создаются первые казахские учебники и открываются школы, которые позже станут фундаментом советской образовательной модели. Данный этап характеризовался одновременным сосуществованием трёх образовательных направлений: традиционного мусульманского (мектебы и медресе), российско-имперского светского и новой волны национально-просветительских инициатив казахской интеллигенции.

Помимо русских учебных заведений широкое распространение в городах с развитой татарской общиной (Семей, Петропавловск, Уральск, Кокшетау) появлялись джадидские школы, где могли обучаться и казахские девочки. Особенность этих школ заключалась в том, что обучение велось фонетическим методом. («усул-джадид» новый метод), значительная часть учебного материала состояла из светских предметов – арифметика, география, история, основы естествознания. Обучение было раздельным, но по схожим программам. Джадидские мектебы сыграли роль в формировании просвещённого слоя среди мусульманского населения казахской степи, в том числе женщин.

Важным аспектом проблемы женского образования стало соотношение просветительских инициатив с мусульманскими установками, особенно с теми нормами, которые широко практиковались среди широких слоёв населения и ограничивали положение женщин. При этом нередко выдвигались рациональные аргументы о том, что в своей основе ислам не противоречит

просвещению, в том числе образованию женщин. Казахская интеллигенция использовала умеренную модернистскую интерпретацию ислама, утверждая, что в раннем исламе существовало уважение к образованию как мужчин, так и женщин. Пророк Мухаммед поощрял получение знаний всеми мусульманами. Религия не запрещает образование - запрещают лишь невежественные традиции и ошибочные толкования. Так снимались страхи родителей, которые опасались «русской школы» и потери нравственности. Своеобразным показателем изменения настроения казахского общества стало открытие первого женского медресе Багыстан Ханум, которое было открыто в 1910 году в Оренбурге по инициативе Багустан Момыновой, при поддержке Губайдуллы Рдуди (автора учебников по физике и природоведению) и Зия Камалиддина (организатора медресе «Галия»). В этом медресе обучались татарские, башкирские, казахские и киргизские девушки. За 10 лет своего существования медресе окончили 1212 учащихся, из них учительское образование получили 347 девушек. Медресе было закрыто в 1917 году.

В начале XX века казахский национальный дискурс приблизился к универалистским идеям гендерного равенства. М. Дулатұлы, А. Байтұрсынұлы и другие представители алашского движения утверждали идею необходимости изменить традиционные формы патриархальных семейных отношений, где женщина занимала подчинённое положение. Лидеры «Алаш» продвигали принцип гендерного равенства женщины, как полноправного члена общества, который должен иметь все возможности для самореализации, где образование являлось основным условием реализации этого равенства. Эти идеи нашли выражение в образах главных героинь целого ряда литературных произведений того периода. К ним можно отнести повести «Несчастная Жамал» М. Дулатова (Дулатов, 2022), «Акбилек» Ж. Аймауытова (Аймауытов, 2003) «Камар сулу» С-М. Торайгырова (Торайгыров, 1958), М. Жумабаев (Жумабаев, 2013). В этих произведениях представлен не только новый дискурс женской субъектности в казахской литературе, но и конфликт между личной свободой и патриархальными нормами, проблема греха как социальной и духовной категории, а также критика гендерного неравенства в традиционном обществе, создавались в эпоху глубоких социальных трансформаций казахского общества начала XX века. Повести «Несчастная Жамал» и «Акбилек» представляют собой две стадии осмысления женской проблемы в казахской литературе начала XX века. Если М. Дулатов фиксирует трагедию традиционного общества и необходимость реформ, Ж. Аймауытов моделирует возможный путь выхода из кризиса через образование, социальную активность и личностное самоутверждение. В совокупности эти тексты формируют целостную концепцию женской эмансипации в эпоху культурной модернизации казахского общества. Фактически казахская интеллектуальная элита конца XIX – начала XX века создала реформаторскую концепцию женского образования, в которой традиционная роль матери сочеталась с понимаем необходимости социальных трансформаций, в которой женщине отводилась активная созидательная роль. Их аргументация была не просто гуманистической, но и стратегически национальной. Без образованных женщин невозможна сильная, культурная и современная казахская нация.

Однако проблема женского образования продолжала оставаться не до конца решенной. Не существовало системного государственного подхода. В отличие от отдельных мусульманских регионов Российской империи, где идеи женского образования вызывали открытое противостояние со стороны традиционалистских кругов, в казахской среде джадидская риторика чаще принимала форму компромиссного дискурса, апеллирующего к прагматическим аргументам о пользе для семьи, воспитании детей и улучшения морально-нравственной атмосферы общества. С позиций сравнительной гендерной истории это позволяет рассматривать казахский джадидизм как умеренную, адаптационную модель модернизации, ориентированную на постепенное расширение образовательных возможностей женщин без радикального разрыва с традиционными социальными структурами.

В начале XX века идея женского образования становится важным элементом джадидского реформаторского дискурса, получившего распространение в различных мусульманских регионах Российской империи. Казахское общество так же было включено в этот общеимперский и общеисламский процесс переосмысления роли женщины и женского образования. Несмотря на общность модернизационных установок, конкретные формы и темпы внедрения образовательных инициатив для женщин существенно различались. В зависимости от социально-экономических, культурных и институциональных условий каждого региона. В этой связи сравнительный анализ опыта Степного края, Поволжья и Туркестана позволяет выявить региональные особенности трансформации гендерных и образовательных практик. Так, к примеру, Поволжье (татаро-башкирский регион) характеризовалось наиболее ранним и институционально оформленным развитием женского образования. Уже в конце XIX – начале XX века здесь функционировала разветвлённая сеть новометодных школ, женских медресе и частных учебных заведений, ориентированных на обучение девочек. Татарские джадиды (И. Гаспринский, Р. Фахретдин и др.) рассматривали женское образование как необходимое условие культурного прогресса и морального обновления мусульманского общества. В гендерном отношении данный регион демонстрировал относительно высокий уровень институционализации женского образования и более радикальное переосмысление традиционных гендерных ролей.

Туркестан представлял собой промежуточную модель джадидской модернизации. С одной стороны, в городских центрах региона (Ташкент, Самарканд, Бухара) формировались новометодные школы и распространялись идеи женского обучения, во многом под влиянием татарских и крымскотатарских реформаторов. С другой стороны, сильные позиции традиционалистских религиозных элит и ограниченное участие женщин в публичной сфере сдерживали институциональное развитие женского образования. В результате образовательные инициативы для девушек носили фрагментарный и преимущественно городской характер, что обуславливало их ограниченное социальное воздействие.

В Степном крае в сравнении с Поволжьем и Туркестаном демонстрировал наиболее сдержанную и дискурсивно ориентированную модель внедрения идеи женского просвещения. Специфика кочевого и полукочевого образа жизни, слабая школьная инфраструктура и относительно позднее формирование национальной интеллигенции обусловили преобладание идеологического осмысления значения женского образования. Казахские джадиды говорили о необходимости развития женского образования как одного из главных условий национально-культурного возрождения, поскольку понимали и всегда об этом говорили, что воспитанием нации занимается женщина. Пресвященная мать означает просвещенный народ. Если рассматривать условную типологизацию женского образования по регионам, то здесь можно выделить следующие направления. Поволжье наиболее модернизированный регион здесь имелось наибольшее число новометодных джадидских учебных заведений. Туркестан демонстрировал наибольшее сохранение традиционалистского взгляда на роль и значение женского образования, тогда как казахское направление развития женского образования можно рассматривать, как поступательное адаптационное сочетающее в себе постепенное расширение сферы женского образования без радикального эмансипированного посыла.

5. Заключение

В конце XIX – начале XX века женское образование в казахском обществе развивалось в сложных условиях взаимодействия традиционных социокультурных норм и модернизационных импульсов, джадидским движением, деятельностью национальных элит и имперской образовательной политикой. Необходимость преодоления гендерной асимметрии в системе женского просвещения осознавалась во всех регионах Российской империи и в казахской степи в том числе. Конкретные формы и темпы реализации реформаторских инициатив существенно различались в зависимости от уровня урбанизации, социально-экономического развития и степени институциональной оформленности образовательной инфраструктуры.

Таким образом, женское образование в казахской степи на рубеже веков развивалось под воздействием нескольких модернизационных тенденций и представляло собой синтез русской имперской модели образования, джадидистских реформ и собственно казахских просветительских установок. На его основе была сформирована первая генерация женской интеллигенции и заложена идеологическая и социокультурная база для последующего успешного развития образования среди женщин казахского общества.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта КН МНВО РК АР23490001 «Социальная политика в Казахстане в исторической динамике (20–80-е годы XX в.)».

Литература

- [Абдулина, 2024](#) – *Абдулина А.Т.* Этносоциология Казахстана и сельское население Жетысу: на изломе советской эпохи и становления независимости / Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. Алматы: ИП «Мадияр», 2024. 584 с.
- [Аймауытов, 2003](#) – *Аймауытов Ж.* «Ақбілек» романы. Алматы, «Атамұра», 2003 ж.
- [Алекторов, 1891](#) – *Алекторов А.Е.* Тургайская область. Естественные и производительные силы области, хозяйственная деятельность её населения и народное образование. Оренбург, 1891. С. 78.
- [Алтынсарин, 1975](#) – *Алтынсарин Ы.* Собрание сочинение в трех томах. Т. 1. Алма-Ата, 1975. 360 с.
- [Арыкова, 1930](#) – *Арыкова Н.* Раскрепощение трудящихся женщин. Алма-Ата: Изд-во юбилейной комиссии. 10-летие Казахстана, 1930. 60 с.
- [Борьба за советскую..., 1982](#) – *Борьба за советскую власть в Казахстане* / составители Айдарова Х.Г., Кульбаев С.Б., Осипов В.П. Алма-Ата: Казахстан, 1982. Т 1, 2. 236 с.
- [Валиханов, 1986](#) – *Валиханов Ч.Ч.* Записки о судебной реформе. Чокан Валиханов. Избранные произведения Москва. Наука. 1986. С.340
- [Дулатұлы, 2022](#) – *Дулатұлы М.* Бақытсыз Жамал. Алматы: “Мазмұндама” қоғамдық қоры, 2022. 148 бет
- [Жұмабаев, 2013](#) – *Жұмабаев М.* Шығармалары (әдеби басылым). 2-том: Әңгіме, ғылыми еңбек, мақалалар, аудармалар, жарияланбаған өлеңдер / Құраст. Сәндібек Жұбаниязов. Алматы: Жазушы, 2013. 376 бет

- Избранное, 1958** – Избранное / С. Торайгыров ... Алма-Ата: Казгосиздат худож. лит., 1958. 165.
- Кочаров, 1959** – *Кочаров В.Т.* Из истории народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1959. 79 с.
- Кунантаева, 1978** – *Кунантаева К.К.* К вершине знаний (Развитие женского образования в Казахстане 1920–1970 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1978. 136 с.
- «Қазақ» газеті, 2009** – *«Қазақ» газеті.* 1914 жыл / Құраст.: Смағұлова С., Әнес Ф., Замзаева Т. Алматы, «Арыс» баспасы, 2009.
- Насретдинова, 2020** – *Насретдинова Д.М.* Татарские женщины в социальной жизни Туркестана // *Историческая этнология.* 2020. Т. 5. № 3. С. 460–465. DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-3.460-465>
- Пальванова, 1982** – *Пальванова Б.П.* Эмансипация мусульманки. Москва, 1982. 306 с.
- Рахымқұлов, 2015** – *Рахымқұлов Д.* Қазақ балалары білім алған гимназиялар жөнінде (XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басы). [Электронный ресурс]. URL: e-history.kz. 2015. 27 б.
- Сембаев, Храпченков, 1972** – *Сембаев А.И., Храпченков Г.М.* Очерки по истории школ Казахстана: (1900–1917 гг.). Алма-Ата: Мектеп, 1972.
- Стасевич, 2011** – *Стасевич И.В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 101 с.
- Тажибаев, 1965** – *Тажибаев Т.* Педагогическая мысль в Казахстане во второй половине XIX века. Алма-Ата: Казахстан, 1965. 164 с.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.

References

- «Kazak» gazetі, 2009** – *«Kazak» gazetі.* 1914 zhyl [The newspaper “Kazakh”. 1914]. Kurast.: Smagulova S., Anes G., Zamzaeva T. Almaty, «Arys» baspasy, 2009. [in Kazakh]
- Abdulina, 2024** – *Abdulina, A.T.* (2024). Etnosotsiologiya Kazakhstana i selskoe naselenie Jetyysu: na izlome sovetской epohi i stanovleniya nezavisimosti [Ethnosociology of Kazakhstan and the rural population of Zhetysay: at the Turning Point of the Soviet Era and the Formation of Independence]. Institut istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valihanova KN MNVO RK. Almaty: IP «Madiyar». 584 p. [in Russian]
- Aimauytov, 2003** – *Aimauytov, Zh.* (2003). «Akbiyek» romany [The novel "Akbiyek"]. Almaty, «Atamura». [in Kazakh]
- Alektorov, 1891** – *Alektorov, A.E.* (1891). Turgaiskaya oblast'. Estestvennye i proizvoditel'nye sily oblasti, khozyaistvennaya deyatel'nost' ee naseleniya i narodnoe obrazovanie [Turgai region. The natural and productive forces of the region, the economic activity of its population and public education]. Orenburg. P. 78. [in Russian]
- Altynsarın, 1975** – *Altynsarın, Y.* (1975). Sobranie sochinenie v trekh tomakh [Collected works in three volumes]. T. 1. Alma-Ata. 360 p. [in Russian]
- Arykova, 1930** – *Arykova, N.* (1930). Raskreposhchenie trudyashchikhsya zhenshchin [Emancipation of working women]. Alma-Ata: Izd-vo jubileinoi komisii. 10-letie Kazakhstana. 60 p. [in Russian]
- Bor'ba za sovetскую..., 1982** – *Bor'ba za sovetскую vlast' v Kazakhstane* [The struggle for Soviet power in Kazakhstan]. Sostaviteli Aidarova H.G., Kulbaev S.B., Osipov V.P. Alma-Ata: Kazakhstan, 1982. T 1, 2. 236 p. [in Russian]
- Dulatuly, 2022** – *Dulatuly, M.* (2022). Bakysyz Zhamal [Unfortunate Jamal]. Almaty: “Mazmundama” kogamdyk kory. 148p. [in Kazakh]
- Izbrannoe, 1958** – *Izbrannoe* [Selected works]. S. Toraiyrov ... Alma-Ata: Kazgosizdat khudozh. lit., 1958. 165. [in Russian]
- Kocharov, 1959** – *Kocharov, V.T.* (1959). Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [From the history of public education in the Turkestan region]. Tashkent. 79 p. [in Russian]
- Kunantaeva, 1978** – *Kunantaeva, K.K.* (1978). K vershine znaniy (Razvitie zhenskogo obrazovaniya v Kazakhstane 1920-1970 gg.) [Towards the peak of knowledge (Development of women's education in Kazakhstan 1920-1970)]. Alma-Ata: Kazakhstan. 136 p. [in Russian]
- Nasretdinova, 2020** – *Nasretdinova, D.M.* (2020). Tatarskie zhenshchiny v sotsial'noi zhizni Turkestana [Tatar women in the social life of Turkestan]. *Istoricheskaya etnologiya.* 5(3): 460-465. DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-3.460-465> [in Russian]
- Palvanova, 1982** – *Palvanova, B.P.* (1982). Emansipatsiya musul'manki [The emancipation of the Muslim woman]. Moskva. 306 p. [in Russian]
- Rakhymkulov, 2015** – *Rakhymkulov, D.* (2015). Kazak balalary bilim algan gimnaziylar zhoninde (XIX gasyrdyn ekinshi zhartyysy – XX gasyrdyn basy) [About the gymnasiums where Kazakh children studied (second half of the XIX – early XX centuries)]. [Electronic resource]. URL: e-history.kz. 27 p. [in Kazakh]
- Sembaev, Khrapchenkov, 1972** – *Sembaev, A.I., Khrapchenkov, G.M.* (1972). Ocherki po istorii shkol Kazakhstana: (1900–1917 gg.) [Essays on the history of schools in Kazakhstan: (1900-1917)]. Alma-Ata: Mektep. [in Russian]
- Stasevich, 2011** – *Stasevich, I.V.* (2011). Social'nyi status zhenshhiny u kazahov: tradicii i sovremennost [Social status of Kazakh women: traditions and modernity]. SPb: Nauka. 101 p. [in Russian]

[Tazhibaev, 1965](#) – *Tazhibaev, T.* (1965). *Pedagogicheskaya mysl' v Kazakhstane vo vtoroi polovine XIX veka* [Pedagogical thought in Kazakhstan in the second half of the 19th century]. Alma-Ata: Kazakhstan. 164 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Valikhanov, 1986](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1986). *Zapiski o sudebnoi reforme* [Notes on judicial reform]. Chokan Valikhanov. *Izbrannye proizvedeniya* Moskva. Nauka. P.340 [in Russian]

[Zhumabaev, 2013](#) – *Zhumabaev, M.* (2013). *Shygarmalary (adebi basylym)* [Works (literary publication)]. 2-tom: Angime, gylimi enbek, makalalar, audarmalar, zhariyalanbagan olender. Kurast. Sandibek Zhubaniyazov. Almaty: Zhazushy. 376 p. [in Kazakh]

Женское образование в Степном крае на рубеже XIX–XX веков: гендерные и социокультурные контексты

Айжан Токановна Капаева^a, Салтанат Амиргалиевна Асанова^a,
Арайлым Нурболатовна Конкабаева^{a, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается историческая динамика женского образования в Казахской (Киргизской) степи в конце XIX – начале XX веков в контексте процессов социальной модернизации. Анализируются институциональные и культурные факторы, определявшие доступ женщин к образованию, и выявляются ключевые этапы трансформации гендерных практик. Особое внимание уделяется женской модернизации, которая повлияла на формирование слоя образованных женщин, открытие первых русско-казахских школ, женских школ и медресе нового типа, а также на деятельность национальной образовательной интеллигенции. В статье анализируется влияние образования на изменение традиционного положения казахских женщин в семье и обществе. Показано, что образование способствовало расширению кругозора женщин, формированию навыков грамотности, профессиональной подготовке и развитию самосознания, что постепенно подрывало патриархальные устои и традиционные гендерные ограничения. Женское образование стало важным инструментом социальной мобильности, позволяющим женщинам более активно участвовать в социальной, культурной и, позднее, профессиональной жизни. Отдельно рассматривается взаимосвязь между образовательными инициативами и идеями национального обновления, характерными для казахской общественной мысли на рубеже веков. Делается вывод о том, что женское образование стало одним из ключевых факторов эмансипации казахстанских женщин, заложив основы для дальнейших преобразований в сфере гендерных отношений и сыграв значительную роль в модернизации казахстанского общества в целом.

Ключевые слова: женское образование, гендерная история, просвещение, идентичность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kapaeva.59@mail.ru (А.Т. Капаева), saltasanova@gmail.com (С.А. Асанова), konkabayeva.arailym@mail.ru (А.Н. Конкабаева)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 783-794
DOI: 10.13187/bg.2026.2.783

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



“A View on Private Gold Mining in Eastern Siberia” Manuscript as a Source on the History of Gold Mining in the Russian Empire of the mid-19th century

Natalia P. Koptseva ^a, Xenia A. Degtyarenko ^{a, *}, Tikhon K. Ermakov ^a, Natalia N. Seredkina ^a

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article introduces into research circulation for the first time the manuscript “A View on Private Gold Mining in Eastern Siberia,” which is preserved in the State Archive of Krasnoyarsk Krai and forms part of the G.V. Yudin collection. This document was created in the mid-19th century (1860) and represents an analytical essay in which an unknown author critically examines the state of private gold mining in the Russian Empire, focusing on Eastern Siberia as the leading gold mining center of that period. The text consistently analyzes the shortcomings of mining legislation concerning the allotment of plots, the taxation system, and the relations between entrepreneurs and the state treasury, while also proposing measures to improve the organization of production. The source analysis conducted made it possible to establish the probable chronological framework of the manuscript’s creation, identify its structure and the distinctive features of the author’s reasoning, as well as compare the data contained therein with official documents of that era. The introduction of the manuscript into research circulation expands existing understandings of the debates that took place among Siberian gold miners in the mid-19th century and enriches the source base on the history of mining, entrepreneurship, and state regulation in the Russian Empire. It is suggested that the manuscript may be related to the work of the Mining Commission, which at the same time was preparing a large-scale reform of private gold mining aimed at facilitating entrepreneurial activity in the Russian state.

Keywords: manuscript, G.V. Yudin collection, Eastern Siberia, gold mining industry, mining legislation, private entrepreneurship, mid-19th century.

1. Введение

Изучение истории предпринимательства в Российской империи является значимой темой исторических дисциплин, где особое внимание уделяется тем регионам, экономическое развитие которых в большой степени предопределялось деятельностью частного капитала. Регионы Восточной Сибири, включая Енисейскую губернию, являются своего рода репрезентантами данных процессов. Именно здесь к середине XIX в. сложился один из крупнейших в российском государстве центров золотодобычи. Масштабы золотопромышленности, численность занятых в ней людей, объемы инвестиций, влияние на экономическую и социальную структуры восточно-сибирских территорий, включая миграцию из центральных областей империи на северные и сибирские окраины, делают золотопромышленность ключевой для понимания исторических закономерностей освоения новых территорий, развития российской промышленности и формирования принципиально новых экономических практик на новых территориях Российской империи. Одновременно полнота исторических знаний об истории золотопромышленности середины XIX в. напрямую зависит от формы и содержания источников, которые исследователи вводят в научный оборот. Особое место в комплексе исторических материалов занимают документы, связанные со средой

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), kkrupkina@sfu-kras.ru (K.A. Degtyarenko), termakov@sfu-kras.ru (T.K. Ermakov), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina)

золотопромышленников. Частные архивы деловых людей отличаются от официального делопроизводства горных ведомств, министерств, государственных статистических отделов и фиксируют не только бюрократически-формальные показатели работы золотых приисков Восточной Сибири, но и неформальные оценки, сомнения, индивидуальные прогнозы и экспертное стратегическое мнение по поводу перспектив развития золотопромышленности. Такие источники позволяют реконструировать не столько статистическую картину золотодобычи, сколько её «антропологическое измерение», включая представления действующих лиц о проблемах и перспективах своего дела, их отношение к государственному регулированию, поиск путей повышения эффективности золотодобычи. В этом отношении особую ценность представляют архивные коллекции, сформированные крупными сибирскими предпринимателями, которые целенаправленно собирали и сохраняли материалы, отражающие опыт предшественников и современников.

Одним из наиболее значимых комплексов такого рода является коллекция Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912), хранящаяся ныне в Государственном архиве Красноярского края. Крупный золотопромышленник, владелец одной из лучших частных библиотек в России, Юдин на протяжении своей жизни аккумулировал в своей частной коллекции документы, имевшие отношение к истории и современному состоянию золотопромышленности в Сибири. Сформированное им собрание содержит как официальные материалы (отчёты, предписания, уставы), так и документы неофициального происхождения, многие из которых до сих пор не были предметом специального изучения. Среди них – рукописи, авторы которых, оставаясь и сегодня «неизвестными», фиксировали собственный взгляд на положение дел в золотопромышленности, свободный от «официальной формы», но содержащий значимые сведения, которые делают сегодня эти документы ценными историческими источниками.

К числу таких документов относится рукопись, обозначенная в описи Государственного архива Красноярского края как «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982). Данный текст, выполненный рукописным способом на 54 листах, не содержит прямых указаний на имя создателя и точную дату написания. Однако предварительный анализ содержания, сорта бумаги и особенностей каллиграфического почерка (очевидно, рукопись была переписана профессиональным писцом) позволяет предположить, что документ был составлен не позднее второй половины 1850-х годов. Сотрудники архива и автор рукописи указывают в качестве завершения работы над текстом 1860 год. По своему жанру это не отчёт и не служебная записка, а аналитический очерк, в котором автор последовательно излагает собственные наблюдения о состоянии частной золотодобычи, выделяя её сильные и слабые стороны, оценивая эффективность существующего законодательства и предлагая меры по совершенствованию организации отрасли, включая комплексное реформирование золотопромышленности в Российской империи.

Автор описывает разнообразные экономические практики, характерные для приисков, упоминает законодательство разных уровней, регулирующее золотодобычу в российском государстве, комментирует практику отвода участков, сословное происхождение экономических субъектов, взаимоотношения между старателями и держателями приисков, а также технические аспекты разработки россыпей, характерны для автора многочисленные нравственно-христианские оценочные суждения тех или иных экономических практик. Такой уровень детализации и манифестации деловой этики, характерной для христианства, позволяет рассматривать рукопись не просто как памятник общественной мысли, но и как ценный источник эмпирических и теоретических сведений, которые в официальной документации либо отсутствуют, либо представлены в агрегированном виде.

Несмотря на очевидную значимость данного документа, до настоящего времени он не публиковался и не привлекался к исследованию в контексте истории золотопромышленности Российской империи, включая Восточную Сибирь. В научной литературе, посвящённой сибирской золотодобыче, отсутствуют ссылки на эту рукопись, её содержание не анализировалось, а её место в структуре юдинского собрания ранее не осмыслялось. Между тем введение подобных источников в научный оборот способно не только расширить фактическую базу исследований, но и скорректировать сложившиеся представления о том, как современники воспринимали процессы, происходившие в ключевой отрасли сибирской экономики в середине XIX столетия.

Предлагаемое исследование ставит своей целью источниковедческий анализ рукописи «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири». Для достижения этой цели необходимо решить ряд конкретных задач: дать описание внешних особенностей документа (его материала, почерка, наличия помет); определить возможные временные рамки его создания на основании косвенных признаков; выявить круг сведений, содержащихся в тексте, и оценить их достоверность через сопоставление с другими источниками (официальными отчётами, публикациями в «Горном журнале», данными приисковой статистики и другими); а также определить, какое место занимала данная рукопись в системе информационных источников, доступных восточно-сибирским предпринимателям в середине XIX века. Результатом работы станет введение в научный оборот нового исторического источника, который расширяет представления о частной золотопромышленности Восточной Сибири в контексте развития Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования послужили архивные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК, Красноярск, Российская Федерация), входящие в так называемую «юдинскую коллекцию» и связанные с документами по истории золотопромышленности в Восточной Сибири середины XIX в. Отдельные материалы ранее никогда не публиковались и не обсуждались в качестве исторических источников. Дополнительно к документам «юдинской коллекции» в качестве материалов использованы Горный устав 1835 г. ([Свод законов Российской империи..., 1842](#)), «Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов, том 13» ([Труды комиссии..., 1868](#)), «Статистический временник Российской империи» ([Статистический временник..., 1866–1890](#)).

2.2. Методологические подходы к исследованию включали сочетание общенаучных и специально-исторических методов. Принцип историзма позволил рассмотреть рукопись в контексте середины XIX века, периода активного формирования правового поля частной золотопромышленности в Российской империи и эпохи «великих реформ» императора Александра II. С помощью системного подхода стало возможным включить документальные источники в широкий круг исследовательских материалов, включая горное законодательство, отчеты и материалы внутриведомственной переписки. Источниковедческий анализ проводился с помощью текстологического и палеографического методов. Текстологический анализ позволил выявить структуру рукописи, установить логику авторского рассуждения и выделить ключевые тематические блоки текста, связанные с критическим анализом существующих законодательных норм, которые регулировали отвод участников для золотодобычи, налоги, взаимоотношения с государственной казной и ряд других. Палеографический метод, связанный с исследованием особенностей почерка, типа бумаги, позволил предположить вероятные временные рамки создания документа и особенности его бытования. Метод контент-анализа был использован для систематизации значимых содержательных аспектов, включая критические замечания автора и его предложения об изменении законодательной базы Российской империи по регулированию золотодобычи. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить авторские оценки с официальными документами того же периода, что позволило выявить расхождения между заявленными нормами и реальной практикой их применения в Восточной Сибири.

Комплексное применение перечисленных методов обеспечило целостный источниковедческий анализ рукописи и создало основу для её введения в научный оборот.

3. Обсуждение

Актуальные вопросы исторических исследований, посвященных истории золотопромышленности в Восточной Сибири середины XIX в., структурируются по ряду направлений. Первое направление связано с историей горного дела и технической модернизации, где фундаментальное значение имеют работы, раскрывающие эволюцию горнозаводской промышленности в контексте государственной политики. Данная тематика представлена в трудах Ж.В. Петруниной и соавторов ([Petrulina et al., 2020](#)), Л.В. Сапоговской ([Сапоговская, 1998](#)), С.К. Игибаева ([Igibaev, 2020](#)), А.С. Черткова ([Чертков, 2025](#)), А.С. Жулаевой и соавторов ([Zhulaeva et al., 2024](#)), Кошцевой и соавторов ([Koptseva et al., 2026](#)), К.У. О-Ун-Дар ([О-Ун-Дар, 2003](#)). Значительное место в раскрытии исторической динамики данных процессов имеют труды Е.Г. Нелюдова ([Нелюдов, 2020; Нелюдов, 2022](#)), Н.И. Бурнашевой и И.И. Ковлекова ([Бурнашева, Ковлеков, 2025](#)), Н.А. Бушиной ([Бушина, 2006](#)), М.И. Роднова ([Роднов, 2018](#)), И.А. Васютина ([Васютин, 2018](#)) и ряда других исследователей. Второе направление охватывает историю предпринимательства и социальную историю золотопромышленности, где особое место занимают труды Г.Х. Рабиновича ([Рабинович, 1962](#)), посвященные золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX – начала XX в., где на обширном фактическом материале рассмотрена динамика золотодобычи, экономический строй, соотношение мануфактурного и крупного машинного производства, процесс промышленного переворота, а также состав золотопромышленников и положение рабочих на приисках. Третье направление составляет источниковедение, в рамках которого разрабатывается методология введения в научный оборот новых документальных материалов, включая классификацию исторических источников, работу с архивными документами личного происхождения, анализ периодической печати как источника по истории промышленности. В этом контексте интерес представляют исследования, посвященные съездам золотопромышленников и их представительным организациям, дискуссии которых фиксировались на страницах общероссийской и региональной сибирской периодики ([Бушина, 2006; Маруев, 2017; Рукосуев, 2015; Ковалев и др., 2018; Бессолицын, 2016](#) и ряд других работ). Четвёртое направление связано с региональной историей, где акцент делается на изучении специфики золотодобычи в Восточной Сибири в сравнении с Уралом и другими горнозаводскими регионами, а также на анализе модернизационных процессов, перехода от доиндустриальных к индустриальным формам организации производства ([Сапоговская, 1998; Матеева и др., 2024; Ростов и др., 2024; Чеха, 2025; Zhulaeva et al., 2024; Бибииков, Румянцев, 2018; Бакшт, 2017](#) и многие другие исследования).

Совокупность результатов, полученных в ходе развития этих направлений исторической науки, создаёт необходимый контекст для введения рукописи «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири» в научный оборот, демонстрируя, что интерес исследователей к истории горного дела, законодательства и предпринимательства в Сибири середины XIX века сохраняет свою актуальность, а введение новых источников из частных архивов позволяет существенно дополнить сложившиеся представления.

4. Результаты

4.1. Рукописные источники по истории добычи золота в Восточной Сибири XIX в.

Рукописные источники по истории добычи золота в Восточной Сибири находятся на хранении в государственных архивах или в личных коллекциях. Материалы, дающие представление об указанной области промышленности, о ее истории, разнообразны. История золотопромышленности в Восточной Сибири XIX века раскрывается во множестве данных: в переписке, где задействованы представители ведомственных учреждений, золотопромышленники, ученые-изыскатели и т.д.; в отчетных документах и ведомостях, наполненных статистическими сведениями, данными о золотоносных участках, владельцах приисков; в картографических источниках и др. Известны случаи опубликования автобиографических сведений, дневников, личных записей и материалов специалистов своего времени, играющих свою особую роль в процессах разработки золотоносных участков, развитии золотопромышленности Российской империи. Так, в 2023 году были впервые изданы личные материалы отечественного горного инженера и золотопромышленника, чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Николая Павловича Аносова (1833–1890) (Аносов, 2023). Известны также материалы личного дневника купца первой гильдии, члена торгово-промышленной палаты Иркутска, золотопромышленника Якова Давидовича Фризера (1869 – 1932), открывшего богатые залежи золота в Забайкалье (Владимирски, Кротова, 1919).

Большое значение имеют рукописи, которые хранятся в фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК), входящие в коллекцию документов Г.В. Юдина. Таким рукописным документом, например, является «Атлас золотопромышленных приисков Енисейского округа с указанием фамилий и их владельцев в 1840–1852 гг.», где визуализируется картография золотоносных рек и фиксируются наименования приисков с данными об их владельцах, о регистрации участков для разработки и их площади (Koptseva et al., 2026). В списке архивных дел присутствуют также: «Устав о добыче золота на Крестовоздвиженном прииске 1893» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1118); «Указы и предписания Енисейского губернского правления и постановления Красноярской городской думы о порядке выдачи свидетельств на право добычи золота 1856–1869» (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1455); «Указы Ачинского земского суда о выданных генерал-губернатором Восточной Сибири дозволительных свидетельств на право добычи золота разным лицам 22 марта–24 сентября 1852» (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 322); «Постановление Главного управления Восточной Сибири IV отделения о порядке межевания площадей под золотосодержащие прииски и исполнения правил для золотопромышленности...» (ГАКК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1). Имеются также межевые журналы (ГАКК. Ф. 794. Оп. 4. Д. 1353; ГАКК. Ф. 794. Оп. 4. Д. 1816), материалы о способах добычи (ГАКК. Ф. 475. Оп. 1. Д. 29) и «Дело о разрешении купцу Юдину пользоваться архивом главного управления Восточной Сибири (горное отделение) для выявления сведений о добыче золота по каждому прииску. 1880» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 42. Д. 124).

Подобные документы вводят в научный оборот массив данных картографического, описательного, статистического характера, касающиеся конкретного временного периода и определенной местности, что может выступить основанием для дальнейших исследований в области истории открытия и добычи драгоценных металлов, золотопромышленности, предпринимательства.

4.2. Подготовка реформ в области частной золотопромышленности в Российской империи середины XIX в.

Регулирование частной золотопромышленности в Российской империи до середины XIX века было определено различными законодательными реформами, которые, по всей видимости, были направлены на стимулирование поисковой деятельности будущих золотопромышленников, что способствовало обнаружению новых приисков. Само стимулирование было связано с обнаружением большого числа новых приисков, что требовало расширения числа лиц, включенных в золотодобывающую деятельность, о чём говорит, например «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената о правилах для распространения открытий и умножения разработки золотистых песков», опубликованный в I томе Горного журнала в 1827 году (Указ Его Императорского Величества..., 1827). Этот документ ещё не готовит явного преобразования в устоявшейся системе частного горнодобывающей деятельности (частью которой и является добыча золота), но активно стимулирует процесс поиска и формирования частных предприятий в различных губерниях Российской империи.

В этом процессе происходило взаимодействие инициатив «снизу» и «сверху», примером чего является положение «О дозволении купцу Кузнецову отыскивать и разрабатывать золотосодержащие руды в Сибирских Губерниях на том основании, на каком сие разрешено разным

другим лицам» 1828 года (ПСЗ РИ, 1830: 36-37). Данный документ показывает, что частная золотопромышленность всё ещё требует регулирования «сверху», причём на уровне министерств (что вероятно связано с некоторыми особенностями положений 1824, 1826 и 1827 годов, которые, судя по тексту документа, и разрешали частным лицам вести золотодобывающую деятельность на землях, принадлежащих государству), но сама инициатива подобного разбирательства исходит от частного лица.

Вероятно, развитие частной золотопромышленности приводит к появлению множества частных проблем, которые связаны с удалённостью большинства золотоносных приисков. В том числе, это приводит к появлению положений вроде «Об учреждении надзора за частным золотым промыслом в Западной Сибири» 1833 года (ПСЗ РИ, 1834: 84-96). Важно отметить, что регулирование и надзор были связаны не столько со стандартизацией экономического эффекта от работы приисков, сколько с определением социальной ответственности и регулированием охраны труда, включая сюда, например, устройство медицинских пунктов.

В результате больших подготовительных работ в 1851 году выходит «Проект изменения статей Свода Законов, до частной золотопромышленности относящихся» (ПСЗ РИ, 1852: 297-309), который можно рассматривать как инициативу «сверху», направленную на приведение к единому виду множества законных актов, изданных ранее для регулирования отдельных вопросов частной золотопромышленности. По большей части, данный проект направлен преимущественно на изменение условий частной добычи золота в различных губерниях, по всей видимости, опираясь на реальный эффект промысла на каждой конкретной территории, достигнутый со временем начала разработки золотых приисков частными лицами. Как правило, это подразумевает расширение или сокращение доступных для поиска и добычи золота территорий, а также различные изменения в области налогообложения, а также изменения в определении круга лиц, имеющих возможность добывать золото в тех или иных регионах. Можно предполагать, что преимущественное установление этих ограничений «сверху» и вызвало к деятельности различные инициативы «снизу», направленные на описание реального положения дел и реакции золотопромышленников на эффект этого постановления. В частности, именно на описанные в нём изменения ссылается «неизвестный» автор документа, рассматриваемого в данной работе.

4.3. «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири» в контексте реформирования частного предпринимательства в Российской империи середины XIX в.

Рукопись «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 54) представляет собой неопубликованный труд неизвестного автора, написанный в свободной форме и содержащий ряд новых для частной золотопромышленности середины XIX века предложений, направленных на ее реформирование. Анализ стилистических особенностей текста позволяет утверждать, что текст написан от лица определенной группы сибирских золотопромышленников. Это подтверждается выбранной формой изложения текста, а именно формой первого лица множественного числа. Автор рукописи, представляющий взгляд на золотопромышленность от лица золотопромышленников, предстает как человек, широко осведомленный о процессах, протекающих в данной отрасли. Он оперирует данными из различных официальных документов, регулирующих развитие отрасли в этот период, а также «негласными» фактами, сопровождающими процесс золотодобычи, что позволяет охарактеризовать его как опытного золотопромышленника, занимающегося делом золотодобычи «в продолжении нескольких лет» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 3), и заинтересованного в развитии, по словам автора, «полезной и благородной» золотопромышленности (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 42).

Поводом для создания документа, по словам автора, послужил «упадок в развитии золотопромышленности», который сказывался и на развитии государства в целом. Автором особо отмечается спад в развитии золотопромышленности в Восточной Сибири: «...золотопромышленность в Восточной Сибири ... в последние годы не развивается как бы надобно было ожидать, а стоит на точке замерзания или даже понижается» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 38). Для подтверждения в примечании к рукописи приведена статистика по количеству добытого золота в период с 1847 по 1859 годы (Таблица 1), демонстрирующая наибольший объем добытого золота лишь в 1847 году.

Таблица 1. Статистика по добыче золота в период с 1847 по 1859 гг. (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 38)

Год	Количество добытого золота (пуд)
1847	1289
1853	790
1857	1269
1858	1219
1859	1134

Для выявления причин подобной негативной тенденции в золотопромышленности и поиска путей содействия ее развитию был разработан данный документ. Создавался он с ориентацией на широкую

общественность и главным образом на тот круг лиц, который был заинтересован в развитии данной отрасли экономики российского государства (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 3). Ввиду отсутствия рукописи в опубликованных официальных источниках можно предположить, что документ создавался в качестве, с одной стороны, своего рода «манифеста», призванного привлечь внимание общественности к существующим проблемам в отрасли, с другой стороны, как коллегиальное концептуальное решение для дальнейшего развития золотопромышленности и модернизации существующих алгоритмов ее реализации на территории Восточной Сибири с тем, чтобы она приносила, по словам автора, «действительную пользу» и государству, и самим золотопромышленникам.

Структура рукописи включает вступление, основную часть, состоящую из 5 разделов, и заключение.

Во вступлении автор обосновывает ценностные составляющие закона и отношение к нему общества. Закон осмысливается как важнейший фактор, обеспечивающий порядок и развитие в любой отрасли экономики гражданского общества: «всякий закон ... издается законодателем всегда с благою целью, чтобы установить твердый во всем порядок, полезный как для целого общества, так и для каждого его члена» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 2). Указывая на ценность закона и существующую вариабельность в его толковании людьми, автор определяет важнейшие концептуальные направления, с позиции которых он критически оценивает текущее состояние в области золотопромышленности в основной части своего труда. Данная часть рукописи включает пять разделов:

1. О правах частных лиц на золотопромышленность.
2. О заявке золотоносных приисков.
3. Об отводе площадей из найденных россыпей.
4. О разработке площадей, отведенных к приискам.
5. О порядке объявления казенных участков, остатков и приисков свободными для новых заявок.

Содержание данных разделов основывается на аналитике и критической оценке отдельных статей Устава Горного 1857 года, опубликованного в 7 томе Свода законов Российской Империи (Свод законов..., 1857), а именно статей второго раздела, который называется «О частной золотопромышленности в казенных землях в Сибири». Автор упоминает также «Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири» 1838 года, «Свод законов Российской империи» 1842 года издания, «Закон об уплате денег вместо разработки приисков»¹ 1851 года, «Законы о состояниях» (ст. 205, том IX «Свода законов Российской империи», 1857), «Уставы о промышленности Фабричной и Заводской» 1857 года (том XI, ч. II, «Устав о Службе Гражданской по определению от правительства» (ст. 979, том III «Свода законов Российской империи», 1857), закон «О дозволении этого промысла во всей Европейской России, за исключением только некоторых весьма немногих местностей» 1859 года.

На основе аналитики данной законодательной базы, регламентирующей процесс организации золотопромышленности, автор обращает внимание на 5 вопросов, которые, по его оценке, тормозят развитие отрасли и потому требуют своего критического осмысления и реформирования. Это вопросы, касающиеся 1) требований к лицам, имеющим право заниматься золотым промыслом, 2) правил оформления заявок на золотые прииски, 3) правил, регламентирующих принципы отвода золотопромышленникам площадей приисков, 4) требований к владению золотопромышленниками определенной площади прииска, 5) порядке объявления казенных участков, остатков и приисков свободными для новых заявок.

По первому вопросу критической оценке автора подверглись положения, изложенные в статьях 2432, 2433, 2435 и 2443 Устава Горного 1857 года, регламентирующие *требования обязательной принадлежности человека к определенному сословию*. Автор убежден, что изложенные в законе положения не исполняются в полной мере среди золотопромышленников, в частности в отношении необходимости записи определенных лиц в гильдию, внесения ежегодной платы в казну в размере «около 300 руб. ...» за получение купеческих свидетельств (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 7), которые предоставляют право заниматься золотым промыслом.

Среди причин неисполнения закона золотопромышленниками автор отмечает неясность самих законоположений, касающихся прав лиц, которым дозволено заниматься золотым промыслом в Сибири (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 9). По его убеждению, указанный в законе круг лиц, которым дозволено заниматься золотопромышленностью, «весьма сильно ограничивает круг деятелей на поприще золотопромышленности, а вместе с тем и задерживает ее развитие» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 12). Решение существующих проблем автор видит в необходимости уточнения положений закона посредством включения следующих нововведений: 1) позволить участвовать в золотом промысле «всем сословиям Государства, служащим и не служащим, за исключением лишь лиц, лишенных по суду прав состояния и сосланных в Сибирь на поселение и каторжную работу» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 12); 2) установить единовременную, «сподручную и для людей небогатых»,

¹ Возможно, имелся в виду документ «О мере и порядке вознаграждения за золотые прииски, отходящие в казну от лиц, которые не имеют права заниматься золотым промыслом», 1851 год.

плату за получение дозвоительного свидетельства на право золотопромышленности (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 13); 3) увеличить подать с золота на небольшой процент, который будет уплачиваться только лицами «действительно¹ занимающихся золотым промыслом...» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 14).

Предложения по реформированию положений, касающегося *вопроса о правилах оформления заявок на золотые прииски*, формулируются автором на основе критической оценки содержания статей 2445–2448, 2455 Устава Горного 1857 года (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 17). Согласно автору, «сам... закон дает повод промышленникам не открывать в точном смысле золотоносные россыпи, а захватывать только места с предполагаемым в них золотом» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 18). В результате данная практика оказывала негативное влияние на развитие золотопромышленности, поскольку многие прииски, оформленные отдельными золотопромышленниками, оставались в конечном итоге без разработки и недоступными для других золотопромышленников.

В качестве необходимых мер решения данных проблем, автор предлагает внести следующие изменения в действующий закон «о первоначальной разшурфовке приисков»: 1) «ограничить число заявочных шурфов вместо десяти пятью шурфами... чтобы эти пять шурфов непременно были пробиты до золотосодержащего пласта, а за отсутствием его до постели залегающей россыпи» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 22-23); 2) обязать межевщиков «промеривать при сличении явки с местностью глубину явочных шурфов... заверять на самом деле содержание золота, показанное в шурфе заявкою» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 23); 3) утвердить закон о запрете перезаявки постановлением, согласно которому «в случае зашурфовки другим заявителем не только прежде открытой и законно заявленной², но даже только прежде занятой и разведываемой местности...», виновный золотопромышленник подвергается установленному взысканию – «лишению права на поиски, а доверенному его ... запрещается навсегда не только заниматься золотым промыслом, если он имеет на то право, но даже .. служить на золотых приисках» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 24); 4) постановить правило о взыскании за подачу «заглазных заявок» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 24).

Третий вопрос, связанный с *правилами, регламентирующими принципы отвода золотопромышленникам площадей приисков*, осмысливается автором на основе критической оценки статей 2462 и 2464 Устава Горного 1857 года (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 24-25). Автор положительно высказывается о действующем законе, дающем, по его оценке, «полную свободу промышленнику принимать площадь к прииску по личному его усмотрению...» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 33). Однако наряду с этим, отмечает возникающие между золотопромышленниками, владеющими смежными площадями, столкновения за право разработки обнаруженной золотосодержащей местности, а также случаи незаконного владения смежными площадями одним золотопромышленником или одной компанией, одним товариществом.

Следующий четвертый вопрос, связанный с *требованиями к владению золотопромышленниками определенной площади прииска*, осмысливается автором на основе критической оценки действующего закона, изложенного в статьях 2472 и 2473 Устава Горного 1857 года (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 34). По его мнению, финансовая нагрузка, которая регламентировалась законом, для многих золотопромышленников была сложно выполнимой ввиду того, что в реальной практике золотодобычи господствовала тенденция закрепления за одним промышленником или одной компанией большого количества площадей золотоносных приисков. С целью урегулирования существующего противоречия между действующим законом и реальной практикой предлагается уменьшить число закрепленных за одним лицом площадей к приискам с целью недопущения простаивания неразбатываемых приисков: «пусть число их уменьшится на треть, на половину, но только бы половина эта не оставалась втуне лежащею, а разбатывалась, принося пользу и казне, и частным лицам» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 40).

Наконец, пятый вопрос, связанный с осмыслением *порядка объявления казенных участков, остатков и приисков свободными для новых заявок*, раскрывается автором через положительную оценку введенного в 1858 году порядка объявления приисков свободными через их публикацию в Иркутских губернских ведомостях (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 51). С целью достижения равных условий при выборе казенных приисков между иркутскими, красноярскими и енисейскими промышленниками, предлагается установить сроки, «ранее которых промышленник не может получить втуне лежащий прииск для разработки» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 53).

В конце своего труда, автор выражает надежду на то, что высказанные им позиции будут услышаны и восприняты в целях развития золотопромышленности и государственного управления в целом.

5. Заключение

Проведённое исследование достигло поставленной цели – осуществило источниковедческий анализ рукописи «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири». В ходе работы

¹ Подчеркивание авторов рукописи.

² Подчеркивание авторов рукописи.

решены все сформулированные задачи. Текстологический анализ позволил выявить структуру рукописи, логику авторской аргументации и ключевые тематические блоки: критику горного законодательства, анализ практики отвода участков, проблемы налогообложения и особенности взаимоотношений восточносибирских предпринимателей с государственной казной.

Сопоставление содержащихся в рукописи сведений с официальными источниками, в том числе, «Уставом горным» 1857 года, отчётами горного ведомства, публикациями в «Горном журнале», а также с проектами реформы податной комиссии, подтвердило достоверность авторских наблюдений и позволило определить место рукописи в системе информационных источников, доступных сибирским предпринимателям середины XIX века. Документ отражает не формальные показатели, а критический взгляд современника – представителя коллектива золотопромышленников Восточной Сибири, что делает его уникальным свидетельством дискуссий, предшествовавших законодательным преобразованиям в Российской империи данного исторического периода.

Высказано предположение, что рукопись могла быть создана в связи с подготовкой реформы горного законодательства, проводившейся Горной комиссией в 1860-е годы. Характер изложения, в том числе, системная критика действовавших норм с конкретными предложениями по их изменению, сближает документ с аналитическими материалами, которые могли запрашиваться комиссией у представителей отрасли для выработки нового Устава. Это позволяет рассматривать рукопись не только как «частное мнение» одного или нескольких заинтересованных лиц, но и как потенциальный элемент информационной базы, на основе которой разрабатывались проекты законодательных преобразований в эпоху «великих реформ» императора Александра II.

Таким образом, введение рукописи в научный оборот расширяет представления о частной золотопромышленности Восточной Сибири, дополняет источниковую базу истории горного дела и предпринимательства в Российской империи, а также акцентирует значимость частных архивов (в данном случае, «юдинской коллекции») для изучения механизмов взаимодействия частного предпринимательства и имперской власти на сибирских окраинах в период подготовки крупных реформ середины XIX в.

Литература

- Аносов, 2023** – Аносов Н.П. Записки горного инженера (1830-е – 1874). Москва: Кучково поле, 2023. 329 с.
- Бакшт, 2017** – Бакшт Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной золотопромышленностью в первой половине XIX в // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. №. 50. С. 5-11.
- Бессолицын, 2016** – Бессолицын А.А. Государство и отраслевые съезды предпринимателей в России в конце XIX – начале XX века // *Экономическая история: ежегодник*. 2016. Т. 2014. С. 15.
- Бибилов, Румянцев, 2018** – Бибилов Г.Н., Румянцев П.П. Комитет 18 февраля 1844 г. Для обсуждения положения золотопромышленности Восточной Сибири: история учреждения и деятельности // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. №. 55. С. 5-11.
- Бурнашева, Ковлеков, 2025** – Бурнашева Н.И., Ковлеков И.И. Первые геологические изыскания на территории Якутии (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2025. Т. 9. № 1. С. 85-92.
- Бушина, 2006** – Бушина Н.А. Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX в // *Историко-экономические исследования*. 2006. Т. 7. №. 2. С. 79-90.
- Васютин, 2019** – Васютин И.А. Причины кризиса золотопромышленности в конце XIX века (на материалах Енисейской губернии) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2019. №. 3 (13). С. 148-155.
- Владимирски, Кротова, 1919** – Владимирски И., Кротова М.В. Сибирская золотопромышленность через призму дневников Якова Фризера (1869-1932) // *Новейшая история России*. 2019. 9(3). С. 609-624. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.304. EDN DNLMRC.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Карлова, 2024** – Карлова О.А. "Семинарист": заметки о быте и нравах Красноярска 1890-х годов в ранних пробах пера учителя-философа П.П. Устюгова (Часть 1) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 7. С. 1269-1276.
- Ковалев и др., 2018** – Ковалев А.С., Кушнарченко Е.Е., Терскова А.А., Яценко М.П. Съезды промышленников как основная форма представительных организаций буржуазии в Енисейской губернии в дореволюционный период // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. №. 4 (34). С. 147-152.
- Маруев, 2017** – Маруев В.А. Съезды золотопромышленников Забайкалья в 1898–1919 гг. // *СибСкрипт*. 2017. №. 2 (70). С. 58-61.
- Матвеева, 2024** – Матвеева Н.П., Третьякова Е.А., Овчинников И.Ю. К оценке социально-экономической роли лесостепных западносибирских городищ эпохи средневековья по остаткам

металлургического производства // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 9. С. 1723-1734.

[Неклюдов, 2020](#) – Неклюдов Е.Г. Горнозаводская промышленность в России второй половины XIX – начала XX в.: выбор организационной модели // *Уральский исторический вестник*. 2020. № 1(66). С. 93-102. DOI 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-93-102.

[Неклюдов, 2022](#) – Неклюдов Е.Г. Региональное горное управление в России: институциональная динамика XIX – начала XX в. // *Экономическая история: ежегодник*. 2022. Т. 2021. С. 89-129.

[О золотых приисках..., 1862](#) – О золотых приисках, расположенных в Енисейской губернии, в Восточной Сибири // *Горный журнал*. 1862. Т. 3. 545-584.

[О способах к развитию..., 1860](#) – О способах к развитию золотого промысла в России // *Горный журнал*. 1860. Т. 12. С. 781-789.

[О-Ун-Дар, 2003](#) – О-Ун-Дар К.У. Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2003. 286 с.

[ПСЗ РИ, 1830](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том III (1828). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1246 с.

[ПСЗ РИ, 1834](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том VIII. Отделение первое (1833). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1834. 832 с.

[ПСЗ РИ, 1852](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Том XXVI. Отделение второе (1851). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. 752 с.

[Рабинович, 1962](#) – Рабинович Г.Х. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // *К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв.* Красноярск, 1962.

[Роднов, 2018](#) – Роднов М.И. К истории сибирской золотопромышленности // *Историко-экономические исследования*. 2018. Т. 19. №. 2. С. 185-197.

[Ростов и др, 2024](#) – Ростов Н.Д., Панченко И.А., Яровикова В.А. Мобилизационный и инфраструктурный потенциал Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Сибирский антропологический журнал*. 2024. Т. 8, № 2. С. 96-107.

[Рукоусев, 2015](#) – Рукоусев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направления деятельности – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2015. 399 с.

[Сапоговская, 1998](#) – Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 313 с.

[Свод законов Российской империи..., 1842](#) – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: издание 1842 года. Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1842. Т. 7. Свод уставов казенного управления. Ч. 3, Уставы: монетный, горный и о соли. 762 с.

[Свод законов Российской империи..., 1857](#) – Свод законов Российской империи..., 1857 – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Том VII. (1857). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 496 с.

[Статистический временник..., 1866–1890](#) – Статистический временник Российской империи / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1866–1890.

[Труды комиссии..., 1868](#) – Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1868. Т. 13. О горном промысле. Ч. 4: Проект горного устава, составленный общим собранием комиссии. 936 с.

[Указ Его Императорского Величества..., 1827](#) – Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената о правилах для распространения открытий и умножения разработки золотистых песков // *Горный журнал*. 1827. Т. 1. С. 3-10.

[Чертков, 2025](#) – Чертков А.С. «Лутчие люди» в системе управления Ленским краем в XVII веке в контексте формирования национальной «элиты» // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2025. Т. 9. № 2. С. 52-62.

[Чеха, 2025](#) – Чеха А.Н. Стоянка Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье): новые данные по хронологии и современный контекст // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2025. Т. 18, № 11. С. 2183-2192.

[Igibaev, 2020](#) – Igibaev S.K. From the History of Gold Mining on the Territory of Modern Kazakhstan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. No. 2. Pp. 742-758.

[Koptseva et al., 2026](#) – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Ermakov T.K., Seredkina N.N. Visual Sources on the History of the Gold Mining Industry of the Yenisei Province in the 19th century // *Bylye Gody*. 2026. 21(1): 214-227. DOI: 10.13187/bg.2026.1.214.

[Petrunina et al., 2020](#) – Petrunina Zh.V., Pospelova S.V., Slisky M.V. Development Peculiarities of Gold Mining Industry in the Amur Region of the East Siberian Governorate General in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 759-768. DOI: 10.13187/bg.2020.2.759.

[Zhulaeva et al., 2024](#) – Zhulaeva A.S., Grigoryeva E.A., Gryaznukhin A.G., Lushchaeva G.M. The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1890s // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 670-679.

References

[Anosov, 2023](#) – Anosov, N.P. (2023). Zapiski gornogo inzhenera (1830-e – 1874). Moskva: Kuchkovo pole. 329 p. [in Russian]

[Baksht, 2017](#) – Baksht, D.A. (2017). Praktika naznacheniya ofitserov korpusa zhandarmov, upolnomochennykh po nadzoru za chastnoi zolotopromyshlennost'yu v pervoi polovine XIX v [The Practice of appointing officers of the gendarme corps, authorized to supervise private gold mining in the first half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 50: 5-11. [in Russian]

[Bessolitsyn, 2016](#) – Bessolitsyn, A.A. (2016). Gosudarstvo i otraslevye s"ezdy predprinimatelei v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [The State and Industry congresses of entrepreneurs in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Ehkonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2014: 15. [in Russian]

[Bibikov, Rumyantsev, 2018](#) – Bibikov, G.N., Rumyantsev, P.P. (2018). Komitet 18 fevralya 1844 g. Dlya obsuzhdeniya polozheniya zolotopromyshlennosti Vostochnoi Sibiri: istoriya uchrezhdeniya i deyatelnosti [The Committee of February 18, 1844 to discuss the situation of the gold mining in eastern Siberia: history of the institution and activities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 55: 5-11. [in Russian]

[Burnasheva, Kovlekov, 2025](#) – Burnasheva, N.I., Kovlekov, I.I. (2025). Pervye geologicheskie izyskaniya na territorii Yakutii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [The first geological surveys in Yakutia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Severnye Arkhivy i Ehkspeditsii*. 9(1): 85-92. [in Russian]

[Bushina, 2006](#) – Bushina N.A. Vliyanie zolotopromyshlennosti na ehkonomiku regiona v osveshchenii sibirskoi pechati vtoroi poloviny XIX v [The influence of the gold mining industry on the regional economy as covered by the Siberian press of the second half of the 19th century]. *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya*. 7(2): 79-90. [in Russian]

[Chekha, 2025](#) – Chekha, A.N. (2025). Stoyanka Ust'e Reki Kutarei (Severnoe Priangar'e): novye dannye po khronologii i sovremenniy kontekst [The Kutarey river mouth site (Northern Angara region): new chronological data and contemporary context]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 18(11): 2183-2192. [in Russian]

[Chertkov, 2025](#) – Chertkov, A.S. (2025). «Lutchie lyudi» v sisteme upravleniya Lenskim kraem v XVII veke v kontekste formirovaniya natsional'noi «ehility» [“The Best People” in the Governance System of the Lena Region in the 17th Century in the Context of the Formation of the National “Elite”]. *Severnye Arkhivy i Ehkspeditsii*. 9(2): 52-62. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of Krasnoyarsk Krai].

[Igibaev, 2020](#) – Igibaev, S.K. (2020). From the History of Gold Mining on the Territory of Modern Kazakhstan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries. *Bylye Gody*. 56(2): 742-758.

[Karlova, 2024](#) – Karlova, O.A. (2024). "Seminarist": zametki o byte i nraakh Krasnojarska 1890-h godov v rannih probah pera uchitelja-filosofa P.P. Ustjugova (Chast' 1) [“Seminarian”: notes on the life and customs of Krasnoyarsk in the 1890s in the early works of the philosopher-teacher P.P. Ustyugov (Part 1)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*. 17(7): 1269-1276. [in Russian]

[Koptseva et al., 2026](#) – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Ermakov, T.K., Seredkina, N.N. (2026). Visual Sources on the History of the Gold Mining Industry of the Yenisei Province in the 19th century. *Bylye Gody*. 21(1): 214-227. DOI: 10.13187/bg.2026.1.214

[Kovalev i dr., 2018](#) – Kovalev, A.S., Kushnarenko, E.E., Terskova, A.A., Yatsenko, M.P. (2018). S"ezdy promyshlennikov kak osnovnaya forma predstavitel'nykh organizatsii burzhuazii v Eniseiskoi gubernii v dorevolutsionnyi period [Congresses of industrialists as the main form of representative organizations of the bourgeoisie in the Yenisei province in the pre-revolutionary period]. *Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 4(34): 147-152. [in Russian]

[Maruev, 2017](#) – Maruev V. A. S"ezdy zolotopromyshlennikov Zabaikal'ya v 1898–1919 gg. [Congresses of Gold Miners of Transbaikalia in 1898–1919]. *SibSkript*. 2(70): 58-61. [in Russian]

[Matveeva et al., 2024](#) – Matveeva, N.P., Tret'yakova, E.A., Ovchinnikov, I.Ju. (2024). K otsenke social'no-jekonomicheskoy roli lesostepnykh zapadnosibirskih gorodishh jepohi srednevekov'ja po ostatkam metallurgicheskogo proizvodstva [On the assessment of the socio-economic role of forest-steppe West Siberian settlements of the Middle Ages based on the remains of metallurgical production]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 17(9): 1723-1734. [in Russian]

[Neklyudov, 2020](#) – Neklyudov, E.G. (2020). Gornozavodskaya promyshlennost' v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: vybor organizatsionnoi modeli [The mining industry in Russia in the second

- half of the 19th – early 20th centuries: the choice of an organizational model]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(66): 93-102. DOI 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-93-102 [in Russian]
- [Neklyudov, 2022](#) – Neklyudov, E.G. (2022). Regional'noe gornoe upravlenie v Rossii: institutsional'naya dinamika XIX – nachala XX v. [Regional mining administration in Russia: institutional dynamics of the 19th – early 20th centuries]. *Ehkonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2021: 89-129. [in Russian]
- [O sposobakh k razvitiyu..., 1860](#) – O sposobakh k razvitiyu zolotogo promysla v Rossii [On Methods for Developing the Gold Mining in Russia]. *Gornyi zhurnal*. 1860. 12: 781-789. [in Russian]
- [O zolotykh priiskakh..., 1862](#) – O zolotykh priiskakh, raspolozhennykh v Eniseiskoi gubernii, v Vostochnoi Sibiri [On the Gold Mines Located in the Yenisei Province, in Eastern Siberia]. *Gornyi zhurnal*. 1862. 3: 545-584. [in Russian]
- [O-Un-Dar, 2003](#) – O-Un-Dar, K.U. (2003). Zolotopromyshlennost' Eniseiskoi gubernii s 1832 po 1917 god [Gold Mining in the Yenisei Province from 1832 to 1917]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet. 286 p. [in Russian]
- [Petrunina et al, 2020](#) – Petrunina, Zh.V., Pospelova, S.V., Slisky, M.V. (2020). Development Peculiarities of Gold Mining Industry in the Amur Region of the East Siberian Governorate General in the Second Half of the XIX Century. *Bylye Gody*. 56(2): 759–768. DOI: 10.13187/bg.2020.2.759
- [PSZ RI, 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. Tom III (1828) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Volume III (1828)]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 1246 p. [in Russian]
- [PSZ RI, 1834](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. Tom VIII. Otdelenie pervoe (1833) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Volume VIII. First Section (1833)]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1834. 832 p. [in Russian]
- [PSZ RI, 1852](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe. Tom XXVI. Otdelenie vtoroe (1851) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Volume XXVI. Section Two (1851)]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1852. 752 p. [in Russian]
- [Rabinovich, 1962](#) – Rabinovich, G.H. (1962). Tehnicheskij perevorot i ego finansirovanie v zolotopromyshlennosti Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Technical revolution and its financing in the gold mining industry of the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. K izucheniyu ekonomiki Eniseiskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX vv. Krasnoyarsk. [in Russian]
- [Rodnov, 2018](#) – Rodnov, M.I. (2018). K istorii sibirskoi zolotopromyshlennosti [On the History of the Siberian gold mining]. *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya*. 19(2): 185-197. [in Russian]
- [Rostov i dr., 2024](#) – Rostov, N.D., Panchenko, I.A., Yarovikova, V.A. (2024). Mobilizatsionnyi i infrastrukturnyi potentsial Tomskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Mobilization and infrastructure potential of Tomsk province in the late 19th – early 20th centuries]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 8(2): 96-107. [in Russian]
- [Rukosuev, 2015](#) – Rukosuev, E.Yu. (2015). S'ezdy gorno- i zolotopromyshlennikov Urala v kontse XIX – nachale XX veka: organizatsiya i napravleniya deyatelnosti [Congresses of Ural Mining and Gold Miners in the Late 19th – Early 20th Centuries: Organization and Activities]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN. 399 p. [in Russian]
- [Sapogovskaja, 1998](#) – Sapogovskaja, L.V. (1998). Chastnaja zolotopromyshlennost' Rossii na rubezhe XIX–XX vv. (Ural i Sibir' – modeli razvitiya) [Private gold mining in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries (the Urals and Siberia – development models). Ekaterinburg. 400 p. [in Russian]
- [Statisticheskii vremennik..., 1866–1890](#) – Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii [Statistical vremyanik of the Russian Empire]. Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del. SPb., 1866–1890. [in Russian]
- [Svod zakonov Rossiiskoi imperii..., 1842](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy: izdanie 1842 goda [Code of laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas Pavlovich: 1842 edition]. Sankt-Peterburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1842. T. 7. Svod ustavov kazennogo upravleniya. Ch. 3, Ustavy: monetnyi, gornyi i o soli. 762 p. [in Russian]
- [Svod zakonov Rossiiskoi imperii..., 1857](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy. Tom VII. (1857) [Code of laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas Pavlovich. Volume VII. (1857)]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. 496 p. [in Russian]
- [Trudy komissii..., 1868](#) – Trudy komissii, vysochaishe uchrezhdennoi dlya peresmotra sistemy podatei i sborov [Proceedings of the commission, imperially established to revise the system of taxes and fees]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1868. T. 13. O gornom promysle. Ch. 4: Proekt gornogo ustava, sostavlennyy obshchim sobraniiem komissii. 936 p. [in Russian]

[Ukaz Ego Imperatorskogo Velichestva..., 1827](#) – Ukaz Ego Imperatorskogo Velichestva, Samoderzhitsa Vserossiiskogo, iz Pravitel'stvuyushchego Senata o pravilakh dlya rasprostraneniya otkrytii i umnozheniya razrabotki zolotistyx peskov [Decree of His Imperial Majesty, Autocrat of All the Russias, from the Governing Senate on rules for the dissemination of discoveries and the increase of golden sands development]. *Gornyi zhurnal*. 1827. T. 1. Pp. 3-10. [in Russian]

[Vasyutin, 2019](#) – Vasyutin, I.A. (2019). Prichiny krizisa zolotopromyshlennosti v kontse XIX veka (na materialakh Eniseiskoi gubernii) [Causes of the gold mining crisis at the end of the 19th century (based on materials from the Yenisei province)]. *Sotsial'no-ehkonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 3(13): 148-155. [in Russian]

[Vladimirski, Krotova, 1919](#) – Vladimirski, I., Krotova, M.V. (1919). Sibirskaya zolotopromyshlennost' cherez prizmu dnevnikov Yakova Frizera (1869-1932). *Noveishaya istoriya Rossii*. 9(3): 609-624. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.304 EDN DNL MRC. [in Russian]

[Zhulaeva et al., 2024](#) – Zhulaeva, A.S., Grigoryeva, E.A., Gryaznukhin, A.G., Lushchaeva, G.M. (2024). The Social Aspect of the "Gold Rush" Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1890s. *Bylye Gody*. 19(2): 670-679.

Рукопись «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири» как источник по истории золотодобычи Российской империи середины XIX века

Наталья Петровна Копцева ^a, Ксения Александровна Дегтяренко ^{a, *},
Тихон Константинович Ермаков ^a, Наталья Николаевна Середкина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот рукопись «Взгляд на частную золотопромышленность в Восточной Сибири», которая хранится в Государственном архиве Красноярского края и является частью собрания Г.В. Юдина. Данный документ создан в середине XIX столетия (1860 г.) и представляет собой аналитическую записку, где неизвестный автор критически осмысливает положение частной золотодобычи в Российской империи, сосредоточив внимание на Восточной Сибири – ведущем на тот момент центре золотопромышленности. В тексте последовательно разбираются изъяны горного законодательства, касавшиеся отвода участков, системы налогообложения и отношений предпринимателей с казной, а также выдвигаются предложения по улучшению организации производства. Проведённый источниковедческий анализ позволил установить вероятные хронологические рамки создания рукописи, выявить её композицию и особенности авторской логики, а также соотнести приведённые в ней данные с официальными документами той эпохи. Включение рукописи в научное обращение расширяет имеющиеся представления о дискуссиях, которые велись среди сибирских золотопромышленников в середине XIX века, и обогащает источниковую базу по истории горного дела, предпринимательства и государственного регулирования в Российской империи. Делается предположение о том, что рукопись имеет отношение к работе Горной комиссии, которая в это же время готовила масштабную реформу частной золотодобычи, облегчающую предпринимательскую деятельность в российском государстве.

Ключевые слова: рукопись, коллекция Г.В. Юдина, Восточная Сибирь, золотопромышленность, горное законодательство, частное предпринимательство, середина XIX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), kkrupkina@sfu-kras.ru (К.А. Дегтяренко), termakov@sfu-kras.ru (Т.К. Ермаков), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 795-804
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.795

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Working in Monastery as a Source of Additional Income for Peasants in the Arkhangelsk Region in the second half of the XIX and early XX centuries

Tatiana S. Minaeva ^{a, *}, Yana E. Kharitonova ^b

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Kenozero National Park, Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract

The article examines the hired labor of peasants in the monasteries of the Arkhangelsk North in the second half of the XIX and early XX centuries. The sources for this research include documents from the State Archives of the Arkhangelsk and Murmansk Regions, the scientific archives of the Solovetsky State Historical, Architectural, and Natural Museum-Reserve, publications by the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee, historical essays. The authors investigate the reasons that prompted peasants to seek employment in monasteries, the size of their incomes. The article concludes that working for a monastery was not a priority for peasants in the Arkhangelsk region. Nevertheless, a part of the population, primarily those living in former monastic villages, were constantly employed in monasteries for a number of reasons. Social and economic ties between peasants and monasteries persisted, and various types of employment of peasants by monasteries were beneficial to both parties.

The theoretical and practical significance of the research lies in the analysis of the problems of socio-economic development of the Russian North in the second half of the XIX and early XX centuries and the possibilities of using the article's materials for creating museum exhibitions, developing courses on historical regional studies, and creating educational materials.

Keywords: peasants, monasteries, the economic situation of peasants, Northern Russia, Arkhangelsk Province, wage labor, the socio-economic development of Russia.

1. Введение

Природные условия Архангельской губернии всегда являлись естественными предпосылками для поиска крестьянами источников дополнительного дохода. Удобными для ведения хозяйства (лес, пашня, луга) признавались только 45 % земельных угодий губернии. Земледелие развивалось только в двух уездах из восьми – Шенкурском и Холмогорском. Обширные приморские территории губернии способствовали развитию морских промыслов, но они отличались нестабильностью. В целом, из трех северных губерний – Вологодской, Олонецкой и Архангельской, – в последней больше всего взрослого населения (60 %) во второй половине XIX в. занимались различной промысловой деятельностью и искали дополнительные источники дохода (*История Северного...*, 1985: 61, 67). Такими источниками дохода являлись речное и озерное рыболовство, охота, извоз (доставка грузов гужевым транспортом), отхожие промыслы, которые представляли, как правило, различные виды работ в артелях в крупных городах, в том числе в Санкт-Петербурге. В конце XIX – начале XX в. в Архангельской губернии быстрыми темпами развивалась лесная промышленность, с 1895 по 1906 г. количество рабочих, занятых в лесной промышленности увеличилось в три раза, при этом рабочие были нужны не только на заводах, но и для заготовки леса и его сплава. «Население предпочитает лесные заработки» указывалось в статье о занятиях крестьян в журнале архангельского

* Corresponding author

E-mail addresses: t.minaeva@narfu.ru (T.S. Minaeva), khyana@rambler.ru (Ya.E. Kharitonova)

краеведческого общества за 1909 г. (*Сельскохозяйственный вопрос...*, 1909: 42). Тем не менее, среди различных вариантов получения дополнительных доходов для крестьян Архангельской губернии немаловажное значение имела работа на монастырь.

Актуальность изучения данной темы определяется укреплением влияния Русской Православной Церкви в современном обществе, ростом интереса населения к истории и современной жизни и деятельности монастырей. Научная значимость работы связана с изучением особенностей экономических отношений крестьян и православных монастырей Архангельского Севера во второй половине XIX – начале XX в. и позволяет углубить представления о значимости монастырей в повседневной жизни северного крестьянства.

2. Материалы и методы

Изучение заявленной темы возможно только на основе изучения комплекса различных видов источников. Для написания статьи авторы использовали документы Государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация) и Государственного архива Мурманской области (Мурманск, Российская Федерация), в фондах которых представлена информация о хозяйственной деятельности монастырей. В научном архиве ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» были найдены отдельные сведения о взаимоотношениях крестьян из деревень побережья Белого моря с Соловецким монастырем в начале XX в. Ежегодные Обзоры Архангельской губернии, которые издавались Архангельским губернским статистическим комитетом, содержат статистическую информацию о промыслах и заработках населения губернии на рубеже XIX–XX вв. Исторические очерки с описаниями северных обитателей и опубликованные воспоминания крестьян, работавших по обету в монастырях, дополнили архивные и статистические материалы важными фактическими подробностями и позволили подтвердить сведения из архивных источников.

В исследовании применялся системный подход, который позволил рассмотреть различные виды работ северных крестьян в монастырях как часть исторически сложившейся системы традиционных крестьянских заработков и социально-экономических отношений монастырей и крестьянства в Архангельской губернии. Для интерпретации фактов авторы статьи применяли также культурно-антропологический метод, который позволяет исследовать поведение людей исходя из их социальных представлений и ценностей. Данный метод был необходим для определения мотивов обращения крестьян в монастыри в поисках дополнительного заработка.

3. Обсуждение

Вопрос об использовании в монастырях крестьянского труда в XIX – начале XX в. освещался в историографии фрагментарно и описательно. Наиболее подробно данная тема нашла отражение на примере Соловецкого монастыря. Так, в конце XIX в. П.Ф. Федоров не только указал, на каких работах использовались трудники и наемные рабочие, но и отметил причины, по которым крестьяне трудились в обители: православная вера и недостаток средств, получаемых с помощью основных занятий (*Федоров, 1889*). В 1920-х гг. А. Березин, характеризуя экономическую деятельность Соловецкой обители, писал о давнем обычае населения Поморья «отдавать свой труд в пользу монастыря» (*Березин, 1925*). П.В. Федоров в 1996 г. издал работу об истории Трифоно-Печенгского монастыря. В ней он описал хозяйство обители, взаимоотношения с лопарями (саамами), но не исследовал детально труд крестьян (*Федоров, 1996*). В 2006-х г. вышла обширная статья Ю.М. Критского о ремеслах и промыслах Соловецкого монастыря, в которой приводился ряд примеров использования наемного труда (*Критский, 2006*). В 2021 г. В.А. Мацак опубликовал работу, в которой собрал большое количество интересных документов об истории Печенгского монастыря, включая статистические ведомости о числе ремесленников и наемных рабочих, проживавших в обители в разные годы, но эти материалы он не анализировал (*Мацак, 2021*).

В основном же, исследователи, если и писали о трудниках и наемных рабочих в российских православных монастырях во второй половине XIX — начале XX в., то только отмечали использование их труда в хозяйственной деятельности монастырей, крайне редко подтверждая положения подробной количественной информацией (*Бабич, 2017; Елисеева, 2020; Есеева, 2007; Лахтионова, 2020; Смирнов, 2003; Смирнов, 1997*). Редким исключением можно считать краеведческую работу монахини Евфимии (Пашенко), в которой собраны разрозненные факты из архивных документов об использовании наемного труда в женских монастырях Архангельской епархии в изучаемое время (*Евфимия, 2007*).

В 2017 г. коллектив исследователей подготовил и выпустил солидное издание «Монастыри Архангельского Севера XIV–XXI вв.». В работе собраны, как опубликованные ранее материалы об истории монастырей, так и новые статистические данные из Государственного архива Архангельской области, представлена история возрождения обителей в постсоветское время. Однако при описании хозяйственной деятельности обителей авторы только иногда приводили отдельные примеры о работниках в монастырях в начале XX в. (*Монастыри Архангельского...*, 2017).

Зарубежные историки Д. Трегголд (Treagold, 1968), Г. Фриз (Freeze, 1983), Б. Михен-Уотерс (Meehan-Waters, 1992), К. Чулос (Chulos, 2003) косвенно рассматривали тему, показывая влияние православного христианства на сельское население и взаимоотношения российского крестьянства с приходскими священниками и епархиальными властями. Добровольный труд крестьян в монастырях не изучался, но авторы акцентировали внимание на религиозности российских крестьян и большой значимости православия в их жизни во второй половине XIX – начале XX в.

Таким образом, наемный труд крестьян в монастырях во второй половине XIX – начале XX в. практически не изучался и глубоко не анализировался. Требуется дальнейший поиск источников и проведение анализа трудовых взаимоотношений крестьян с монастырями в разных регионах страны, выяснение условий найма, видов работ, размеров заработков, степени заинтересованности крестьян в работах на монастыри, сравнении размеров крестьянских доходов, полученных от разных видов дополнительной деятельности, включая работу в монастырях.

Цель статьи — проанализировать источники о наемном труде крестьян Архангельской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. и определить причины найма крестьян на работу в монастыри и размеры заработков крестьян в монастырях по сравнению с другими дополнительными крестьянскими доходами.

4. Результаты

Во второй половине XIX – начале XX в. использование наемного крестьянского труда в монастырях зависело от ряда условий: сложившихся отношений обителей с крестьянским сообществом, уровня хозяйственного развития монастырей и количества трудников, желавших поработать в монастырях, материального положения населения, наличия у крестьян иных способов получения дополнительных доходов.

Все монастыри Архангельского Севера в большей или меньшей степени были заинтересованы в использовании труда крестьян. Особую необходимость испытывали обители, расположенные на островах и берегах Белого моря – Соловецкий, Пертоминский, Онежский Крестный, Николаевский Корельский, – так как морские и речные промыслы, доставка грузов и богомольцев, требовала привлечения дополнительной рабочей силы. Возрождение Трифоно-Печенгского монастыря также не могло осуществляться без помощи и опоры на местное население. В остальных обителях, не связанных с морем, крестьяне тоже работали, но уже в меньшем количестве. Монастыри старались развивать отношения с местными крестьянами на основе взаимной выгоды. Численность наемных работников в монастырях не была постоянной и менялась в разные годы в зависимости от объемов хозяйственной деятельности монастырей и количества насельников. Самым крупным в Архангельской губернии было хозяйство Соловецкого монастыря. Число наемных работников здесь ежегодно составляло от 140 до 240 человек (Федоров, 1889: 168). В Артемиево-Веркольской обители в 1861 г. насчитывалось 7 трудников и только 19 работников (Краткое историческое..., 1902: 398). В начале 1880-х гг. монастырь нанимал 10–15 рабочих ежегодно. В 1902 г. наемных рабочих в монастыре вообще не было, но хозяйство обители обслуживали 125 трудников, а в 1908 г. их количество составляло 110 человек (Краткое историческое..., 1902: 398; Есеева, 2007: 121; Монастыри Архангельского..., 2017: 251, 255). В Трифоно-Печенгском монастыре в 1889–1890 гг. проживало 8 наемных рабочих, с 1901 по 1917 гг. – не более 2-х человек, при том, что количество трудников достигало 160 (Воспоминания обетника..., 2009: 324; Мацак, 2021: 276). В монастырях с небольшим количеством братии трудников чаще всего не было, при необходимости такие обители нанимали работников. В 1899 г. в Онежском крестном монастыре трудилось 17 наемных рабочих, в 1907 г. – 7 (ГААО. Ф. И-29. Оп. 31. Д. 2045. Л. 110б.). В Михайло-Архангельском монастыре в 1899 г. – было 3 наемных работника, в 1905 г. – 4 (ГААО. Ф. И-29. Оп. 1. Т. 1. Д. 930. Л. 6.). В Николаевском Корельском монастыре в начале XX в. насчитывалось 7 постоянных работников и 10 рабочих, проживавших в монастыре в летнее время (Монастыри Архангельского..., 2017: 103).

Крестьяне Архангельского Севера обращались в поисках работы в монастыри, чаще всего, для получения дополнительных средств к существованию. Значимость возможности получить работу в монастыре увеличивалась для крестьян в периоды, когда складывалась особенно неблагоприятная ситуация в сельском хозяйстве или на морском промысле (Зырянов, 2002: 173).

Большинство наемных рабочих устраивались в монастыри на сезонные летние работы, когда в обителях не хватало иной рабочей силы. В поисках дополнительного заработка крестьяне обращались в монастыри не случайно. Этому способствовала традиция трудничества, существовавшая в крестьянских семьях в Архангельской губернии. Монастырское трудничество имело несколько причин. Во-первых, трудники работали на монастырь по обету. Обет рассматривался крестьянами как форма благодарности за милость свыше, за божественную помощь (Ведерникова, Никитина, 2014: 180). Во-вторых, в трудники шли по причине бедности. Часто в обители работали подростки из многодетных крестьянских семей, бездетные вдовцы, одинокие пожилые крестьяне. В-третьих, трудниками становились глубоко верующие люди (Федоров, 1889: 56-57, 60-61).

В начале XX в. почти каждая семья в Поморье имела членов семьи, работавших на Соловках. Многие поморы из близлежащих к монастырям деревень традиционно работали в обителях по два-

три дня на краткосрочных летних работах (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 80б.; Евфимия, 2007: 68; Федоров, 1889: 55). При этом общее количество желавших сезонно или длительно потрудиться на монастырь составляло в 1860–1890-х гг. от 500 до 1000 чел., большая часть из которых представляла собой трудников (Федоров, 1889: 35, 168).

Позитивный образ монастыря складывался и у детей, трудившихся в монастырях по обету. Обетниками-годовиками прошли через северные монастыри многие жители Архангельской губернии. Отсутствие ребенка, отправленного в монастырь, не оказывало большого влияния на состояние крестьянского хозяйства. В то же время дети получали в обителях навыки сельскохозяйственных и ремесленных работ, обучались грамоте (Федоров, 1889: 57). Монастыри содержали детей за свой счет. Работу детей в мастерских курировали насельники-специалисты. Например, в Кожеозерском монастыре мальчиков учили сапожному, портному, кузнечному и иным ремеслам. В 1901 г. шесть лучших учеников обитель оставила у себя в качестве живописцев и писемоводителей (ГААО. Ф. И-29. Оп. 5. Д. 1350. Л. 16). Обетниками, как правило, становились дети из семей крестьян, проживавших в бывших монастырских землях (ГААО. Ф. И-29. Оп. 5. Д. 1350. Л. 16; Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Л. 37). Так попадали, например, на Соловки, в подростковом возрасте жители деревень Летнего берега Белого моря. Мальчики трудились на сельскохозяйственных работах, вязали сети, помогали на рыбном промысле, в мастерских. Монахи, как и в Кожеозерском монастыре, не просто давали детям трудовые навыки, но и следили за их успехами, наиболее одаренных обучали в иконописной мастерской, могли отправить учиться в мореходную школу (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Л. 9).

У подростков-обетников достаточно часто меняли виды послушаний, следили, чтобы работа была посильной и им не надоедала, посещение школы в вечернее время было необязательным, добровольным. Многим детям такое пребывание в монастыре нравилось, и по прошествии года они оставались на следующий срок (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 17). По окончании пребывания в обители каждому юному насельнику монахи дарили на память подарки – деревянные ложки «с благословением», литографические изображения Соловков, альбомы фотографий с видами монастыря (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 17).

Обетниками трудились в северных монастырях дети не только поморов, но и малых северных народов – саамов и коми (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 145. Л. 5).

В некоторых монастырях, например в Артемиево-Веркольском и Трифоно-Печенгском, грамоте и письму обучали по желанию и взрослых обетников (ГААО. Ф. И-308. Оп. 1. Д. 57. Л. 60б.; Федоров, 1996: 48).

После пребывания в монастырях в качестве трудников и обетников, узнав порядки в обители и ее хозяйство, крестьяне позднее нанимались на работу в монастыри уже за плату (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 240б.).

Выходцы из крестьян, имевшие профессиональные навыки, необходимые для выполнения работ в ремесленных мастерских, на заводах, судах, могли работать в монастырях по несколько лет.

Немаловажную роль в выборе источника дополнительного заработка играла материальная помощь, которую обители в случае необходимости (неурожая, голода) оказывали крестьянам, работавшим в хозяйстве (Есеева, 2022: 122). В неурожайные годы некоторые монастыри старались развернуть дополнительные работы, чтобы крестьяне имели возможность получить средства к существованию. Так поступил, например, Пертоминский монастырь в 1868 г., организовав строительство дома для гостиницы, дорожные работы, разработку полей и сенокосов, прокладку дороги к полям через болото, устройство водяной мельницы и пристани на берегу, колку дров, ремонт деревянного поморского судна, что в совокупности обеспечило заработком множество крестьян (Доброленский, 1888: 410).

Обители использовали труд крестьян в разных хозяйственных сферах.

Постоянных работников из поморов регулярно нанимали для рыбного промысла. Если крестьяне испытывали нужду, то монастыри могли давать им продукты в долг, в счет будущего улова. Если улов не покрывал долга, то крестьяне отрабатывали его на других работах в монастыре (ГААО. Ф. И-29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2055. Л. 14; ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–260б., 28–38, 40–46; Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156. Л. 50). Ловлей рыбы для Трифоно-Печенгского монастыря занимались мурманские колонисты. Заработная плата за ведение промысла с марта по июль в 1892 г. составляла, например, 35 руб., причем часть из нее выплачивалась авансом (ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–260б., 28–38; 40–46). Для того, чтобы получить задаток некоторые крестьяне заключали договоры с монастырем еще осенью или зимой, что свидетельствует об их низком уровне благосостояния и потребности в установлении трудовых отношений с монастырем. В 1890-х гг. за выполнение организаторских работ, требующих более высокой ответственности, таких как заведование засолкой рыбы, управление промысловыми судами и т.п., монастырь платил крестьянам 15 руб. в месяц (ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 7, 27–270б.). Кроме мурманских колонистов Трифоно-Печенгский монастырь нанимал и саамов. Во взаимоотношениях с саамами монастырь преследовал не только хозяйственные, но и социальные цели. Монахи знали о влиянии на саамов спиртных напитков. Эта зависимость приводила часто к их обнищанию и необходимости брать у купцов в долг деньги и

продукты ([Воспоминания обетника...](#), 2009: 321). Обитель же обеспечивала саамов-промысловиков съестными припасами «в счет промысла» – сахаром, чаем, крупой, солью, мукой – на все время работы и за улов платила деньги ([ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 21–260б.](#)). Саамы чинили для иноков также скобяные изделия и предметы быта, их нанимали на сенокос, рубку леса, простые строительные работы ([ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 7; Д. 23. Л. 420б.](#)).

Ежегодно набирал наемных работников и Соловецкий монастырь. Даровых рабочих далеко не всегда хватало для удовлетворения потребностей монастыря. Недостаток рабочих начинал ощущаться уже весной, когда многие трудники разъезжались, а на их место приезжали новые, совершенно незнакомые с монастырем и его хозяйством. В это же время увеличивалось и количество работы, наемные рабочие нужны были вместе с трудниками, чтобы косить сено, состоять гребцами при переправах, матросами на судах, кочегарами на пароходах, рыть канавы, чистить «пожни» (сенокосы). Кроме того, работали они и в разных ремесленных мастерских и заводах монастыря: гончарном, салотопенном, кирпичном. Монастырское начальство так распределяло рабочих по группам, чтобы в каждой из них было по несколько опытных людей, хорошо знающих свое дело – или из монашествующих, или из наемных рабочих, или из даровых трудников. Богомольцы сначала были помощниками, а зимой уже самостоятельно выполняли некоторые работы ([Федоров, 1889: 169; Критский, 2006: 225–229](#)).

Заработная плата наемных рабочих, конечно, различалась: юноши получали в середине 1880-х гг. от 12 до 20 руб. за лето, взрослые – от 40 до 60 руб. Такие расценки, как писал В. Федоров, были на 5–15 % ниже местной заработной рыночной платы ([Федоров, 1889: 168](#)). Условия жизни и работы в монастыре наемных рабочих и трудников различались. Наемные рабочие жили и питались в отдельном здании, за пределами монастыря. В отличие от даровых работников в скоромные дни для них варили мясной суп, кашу с маслом. Кроме того, рабочий день у них длился на час больше, и за их работой строже следили ([Федоров, 1889: 170](#)).

Среди наемных рабочих Соловецкого монастыря было много жителей Беломорья, которым не всегда хватало их доходов от традиционных видов деятельности (земледелия, скотоводства, рыболовства) для удовлетворения потребностей, поэтому они отправлялись на заработки в монастырь. За некоторых работников, много лет служивших и имевших хорошую репутацию, монастырь, в случае тяжелого материального положения крестьян, мог выплачивать все государственные подати в счет результатов будущего промысла или выполнения каких-либо работ в пользу монастыря. Во время голода обитель бесплатно снабжала хлебом нуждающиеся поморские семьи, особенно те, мужчины из которых работали на монастырь. Погорельцам монастырь ссужал деньги и лес для постройки домов ([Федоров, 1889: 167–168](#)). «Мы живем монастырем, без него нам нельзя обойтись!» – так писал В. Федоров об отношении наемных рабочих к монастырю. При этом автор подчеркивал, что близкое знакомство поморов с подробностями жизни иноков, не всегда безгрешных, не мешало им относиться с глубокой верой к Преподобным Зосиме и Савватию, основателям Соловецкого монастыря ([Федоров, 1889: 170](#)).

Одним из видов работ, на который в конце XIX – начале XX в. монастыри брали крестьян на работу, было управление судами. Соловецкий, Пертоминский, Трифоно-Печенгский и Сурский монастыри имели свои речные и морские суда для доставки продовольствия, грузов, перевозки товаров и богомольцев. Постоянными работниками, необходимыми для обслуживания флота монастыри дорожили. Если члены команды трудились на монастырских судах по несколько лет, то монастырь заключал с работниками особый договор и обязывался ежегодно производить перерасчет заработной платы. Рабочие Соловецкого монастыря, например, в первый год получали ежемесячно 5 руб., в каждый последующий год – на рубль больше. В 1880-х гг. матросы на пароходе «Соловецкий» зарабатывали от 40 до 63 руб. за лето, кочегары – 48–54 руб. ([Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 103; Федоров, 1889: 68](#)). В 1906–1908 гг. матрос без опыта работы получал 12 руб. в месяц ([Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 47](#)). Сурская обитель производила ежегодные расчеты со своими наемными работниками. Так, общая заработная плата служащим парохода «Св. Николай Чудотворец» составила в навигацию 1906 г. 1718 руб. 80 коп. Матросы получили от 13 до 84 руб., кочегары от 14 до 84 руб. ([Монастырский пароход](#)).

В период возрождения Трифоно-Печенгский монастырь постоянно нуждался в дополнительной рабочей силе. Как показывают архивные документы, трудников монастырь использовал на неквалифицированных работах и в ремесленных мастерских, а наемных рабочих – на сенокосе и рыбном промысле ([ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 7. Л. 12, 36, 136–141; Д. 14. Л. 300–314](#)).

Для Сурского монастыря крестьяне Архангельской и Олонецкой губерний изготавливали кирпичи. Они трудились на монастырском кирпичном заводе, но использовали собственных лошадей и при необходимости сами нанимали подмастерьев ([ГААО. Ф. И-310. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2; 9](#)). В Сурской обители крестьяне также находили работу на строительстве и рубке леса ([ГААО. Ф. И-310. Оп. 1. Д. 12. Л. 12–13; 18–19; Д. 21. Л. 1](#)). В монастыре строго контролировали труд наемных рабочих, применяли систему наказаний за невыполнение обозначенных объемов или сроков. Крестьяне дорожили заработком и соглашались на подобные условия договоров ([Есеева, 2013: 140](#)). С наемными рабочими обитель расплачивалась не только деньгами, практиковалась плата продуктами – маслом и мукой.

За работу крестьянских артелей обители, в целом, часто расплачивались хлебом (Ведерникова, Никитина, 2014: 25). Также, как и Соловецкий монастырь, Сурская обитель нанимала крестьян как на сезонные работы, так и на длительный срок. В последнем случае работники постоянно жили и питались за счет монастыря, получая часть заработной платы авансом.

Труд крестьян оплачивался в монастырях в целом невысоко. Так, в 1902 г. в Сурском монастыре за различные работы на монастырских лошадях крестьянин за год получил 86 руб., в 1911 г. в Шенкурском Свято-Троицком монастыре наемные рабочие зарабатывали 8 руб. в месяц, в Соловецком монастыре на сенокосе крестьяне получали от 5 до 16 руб. в месяц, в Ущельском монастыре двое крестьян за ремонт церкви получили 11 руб. 50 коп. Для сравнения – в Холмогорском Успенском монастыре мельник зарабатывал 140 руб. в год (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15; Евфимия, 2007: 41-46).

Крестьянки бывших монастырских деревень Онежского и Летнего берегов Белого иногда подрабатывали в Соловецком и Пертоминском монастырях в качестве надомных работниц. Монахи привозили поморкам холст, из которого зимой они шили белье для инок и трудников «порты и рубахи» до 40 штук за зиму. В качестве оплаты надомницы получали продукты и деньги – 15–20 руб. (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 41; Д. 156. Л. 45; Д. 179. Л. 30б.). С началом навигации готовую продукцию отвозили в монастыри.

Одним из способов подработки крестьян в Соловецком монастыре был сбор чабреца (богородской травы). Ее собирали по берегам моря и сдавали в обитель в обмен на поливную керамическую посуду монастырского производства (Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 41). Николаевский Корельский монастырь использовал труд наемных рабочих при добыче речного жемчуга. Поморы, имевшие свои суда подрабатывали перевозом грузов и богомольцев в Соловецкий и Пертоминский монастыри (Гемп, 1983: 66).

Во второй половине XIX – начале XX в. значение различных видов промыслов в жизни крестьян Архангельской губернии постепенно менялось. В 1860–1880-х гг. больше всего населения было занято морским и речным рыболовным промыслом (25-40 тыс. человек), в конце XIX – начале XX в. быстро росло число занятых рубкой и сплавом леса и отхожими промыслами в другие губернии (свыше 50 тыс. человек) (Обзор Архангельской..., 1879: 10-11; Обзор Архангельской..., 1886: 7; Обзор Архангельской..., 1891: 8-9; Обзор Архангельской..., 1896: 27; Обзор Архангельской..., 1906: 30; Обзор Архангельской..., 1912: 89; Обзор Архангельской..., 1914: 80). Морские промыслы не давали стабильного дохода. Зверобой получали в среднем 10–30 руб. в год, в лучшие годы до 80 руб. Добыча рыбы приносила от 30 до 200 руб. Охотой зарабатывали 5–12 руб. в год (Зобков, 1911: 863; Обзор Архангельской..., 1879: 10-11; Обзор Архангельской..., 1886: 7; Обзор Архангельской..., 1891: 8-9; Обзор Архангельской..., 1896: 27; Обзор Архангельской..., 1906: 30; Обзор Архангельской..., 1912: 89; Обзор Архангельской..., 1914: 80; Руднев, 1862: 40-41). Наиболее выгодными из промыслов в конце XIX – начале XX в., но и самыми тяжелыми считались сплав плотов и рубка леса и дров. В 1880–1915 гг. средний заработок за сплав плотов, рубку леса и заготовку дров составил 37-44 руб. в год на человека (Обзор Архангельской..., 1886: 7; Обзор Архангельской..., 1891: 8-9; Обзор Архангельской..., 1896: 27; Обзор Архангельской..., 1906: 30; Обзор Архангельской..., 1912: 89; Обзор Архангельской..., 1914: 80; Обзор Архангельской..., 1916: 6). В отдельные годы труд по заготовке леса для лесозаводов и погрузка его на пароходы приносил крестьянам до 128 руб. (Обзор Архангельской..., 1916: 6) Отхожие промыслы в 1890 г. в целом позволили крестьянам получить в среднем 38 руб. 20 коп., а в 1910 г. – 54 руб. в год (Обзор Архангельской..., 1891: 8-9; Обзор Архангельской..., 1912: 89). Ниже всего при этом оплачивался труд крестьян, которые устраивались в городах чернорабочими или поступали в прислугу – 37 руб. Извозный промысел приносил до 40 руб., исключением стал 1915 г., когда возросли расценки в Архангельске в связи с перевозкой военных грузов и постройкой пристаней. В результате средняя заработная плата поднялась до 100–200 руб. в месяц на лошадь (Обзор Архангельской..., 1916: 6). Средняя плата за выполнение полевых работ в 1910–1913 гг. составляла 35–90 руб. мужчинам и 27–50 руб. женщинам (Обзор Архангельской..., 1912: 89; Обзор Архангельской..., 1914: 80).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. среди дополнительных заработков и промыслов крестьян Архангельской губернии работа на монастырь не являлась приоритетной. Население предпочитало рыболовство, заготовку леса или отхожие промыслы за пределами губернии. Тем не менее, часть крестьянства, прежде всего, проживавшая в непосредственной близости от монастырей, в бывших монастырских деревнях, постоянно нанималась на работу в монастыри. Этому способствовало ряд причин: традиции трудничества и обетничества, существовавшие в крестьянских семьях Архангельского Севера; близость монастыря как работодателя; стабильность заработков; отношение монастырей к наемным рабочим, включая обеспечение их жильем, пропитанием, предоставление социальной помощи при необходимости денежным кредитом, продовольствием, семенами. В крупных монастырях количество трудников всегда превышало численность наемных рабочих, что является доказательством религиозности

крестьян в исследованный период. Это позволяет также предположить, что религиозное мировоззрение сельского населения и авторитет монастыря также влияли на выбор крестьянами источника дополнительного заработка. Значимость для крестьян работы в монастырях повышалась в неурожайные и неблагоприятные для морских промыслов годы, когда трудно было найти работу в других местах. Заинтересованность крестьян в работах на обители увеличивалась, когда в монастырях начинались крупные хозяйственные преобразования (строительство, прокладка дорог, распашка земель и т.д.). Наемный труд применялся в обителях в различных формах и видах деятельности. Крестьяне участвовали в сезонных сельскохозяйственных работах, трудились временно и постоянно в ремесленных мастерских и на заводах, строительстве, работали на монастырских тонях и судах, выполняли надомные работы. Заработная плата в монастырях была не ниже средней заработной платы наемных рабочих в губернии. Квалифицированные и опытные работники были более востребованы и их заработок был выше и зависел нередко от количества проработанных лет. Такое положение их вполне устраивало, в ином случае они не заключали бы контракты на несколько лет. В целом трудовое взаимодействие монастырей и крестьянства Архангельской губернии в исследованный период было выгодным обеим сторонам и удовлетворяло потребности как православных обителей, так и населения.

Литература

- Бабич, 2017 – Бабич И.Л. Монастырская экономика в XVI–XX вв. (на примере монастыря Вознесенская Давидова пустынь // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. №4. С. 159-171.
- Березин, 1925 – Березин А. Прошлое и настоящее Соловецкой промышленности // *Соловецкие острова*. 1925. № 2. С. 63-70.
- Ведерникова, Никитина, 2014 – Ведерникова Н.М., Никитина С.Е. Соловки в памяти поморов. М., 2014. 312 с.
- Воспоминания обетника..., 2009 – Воспоминания обетника Николая Васильевича Макарова // *Кириллов: историко-краеведческий альманах*. 2009. Вып. 7. С. 306-331.
- ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- ГАМО – Государственный архив Мурманской области.
- Гемп, 1983 – Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. 239 с.
- Доброленский, 1888 – Доброленский Ф. Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // *Русская старина*. 1888. Т. 57. № 2. С. 409-432.
- Евфимия, 2007 – Евфимия (Пащенко), монахиня. Очерки из жизни православных северных женских монастырей середины XIX – начала XX вв. Архангельск, 2007. 277 с.
- Елисеева, 2020 – Елисеева Е.А. Структура доходно-расходных статей провинциального женского монастыря во второй половине XIX — начале XX века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2020. №3. С. 117-127.
- Есеева, 2022 – Есеева О.В. Организация внутренней жизни и социально-экономическое развитие Сурского женского монастыря в начале XX в. // *Российский журнал истории Церкви*. 2022. № 3. С. 99-125.
- Есеева, 2013 – Есеева О.В. Отец Иоанн Кронштадтский на родине. Архангельск, 2013. 256 с.
- Есеева, 2007 – Есеева О.В. Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья. Архангельск, 2007. 253 с.
- Зырянов, 2002 – Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество XIX–XX в. М., 2002. 319 с.
- Зобков, 1911 – Зобков С. Поморская деревня, ее жизнь и нужды // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1911. №11. С. 860-863.
- История Северного..., 1985 – История Северного крестьянства. Т. 2. Архангельск, 1985. 385 с.
- Краткое историческое..., 1902 – Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. 500 с.
- Критский, 2006 – Критский Ю.М. Промыслы и ремесла северного крестьянства и Соловецкого монастыря XV–XX вв. // *Соловецкий сборник*. Вып. 3. Архангельск, 2006. С. 218-255.
- Лахтионова, 2020 – Лахтионова Е.С. Женские монастыри Урала и Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.): повседневная жизнь и основные направления деятельности // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2020. № 2 (30). С. 187-225.
- Мацак, 2021 – Мацак В.А. Печенгский монастырь: от истоков к возрождению: (документы, воспоминания, фотографии). СПб., 2021. 958 с.
- Монастыри Архангельского..., 2017 – Монастыри Архангельского Севера: XIV–XXI вв. Вологда, 2017. 473 с.
- Монастырский пароход – Монастырский пароход / Архангельская епархия. Сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/47403/> (дата обращения: 12.12.2025).
- Научный архив – Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник».
- Обзор Архангельской..., 1879 – Обзор Архангельской губернии за 1878 г. Архангельск, 1879. 42 с.
- Обзор Архангельской..., 1886 – Обзор Архангельской губернии за 1885 г. Архангельск, 1886. 36 с.

- Обзор Архангельской..., 1891 – Обзор Архангельской губернии за 1890 г. Архангельск, 1891. 52 с.
 Обзор Архангельской..., 1896 – Обзор Архангельской губернии за 1895 г. Архангельск, 1896. 103 с.
 Обзор Архангельской..., 1906 – Обзор Архангельской губернии за 1905 г. Архангельск, 1906. 118 с.
 Обзор Архангельской..., 1912 – Обзор Архангельской губернии за 1910 г. Архангельск, 1912. 207 с.
 Обзор Архангельской..., 1914 – Обзор Архангельской губернии за 1913 г. Архангельск, 1914. 238 с.
 Обзор Архангельской..., 1916 – Обзор Архангельской губернии за 1915 г. Архангельск, 1916. 24 с.
 Руднев, 1862 – Руднев Н.Ф. Промыслы по Мурманскому или Лапландскому берегу: Сведения, собранные во время плавания шкуны "Задорная" в 1861 году // *Морской сборник*. 1862. Т. LXIII. №11. С. 31-70.
 Сельскохозяйственный вопрос..., 1909 – Сельскохозяйственный вопрос в Архангельской губернии в связи с колонизацией края. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. №2. С. 38-42.
 Смирнов, 2003 – Смирнов А.И. Горицкий Воскресенский женский монастырь во второй половине XIX века // *Кириллов*. Вып. 5. Вологда, 2003. С. 97-116.
 Смирнов, 1997 – Смирнов И.А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 годах. (Краткий очерк развития хозяйства) // *Кириллов. Краеведческий альманах*. Вып. 2. Вологда, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/239/index.htm> (дата обращения: 12.12.2025).
 Федоров, 1996 – Федоров П.В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.). Мурманск. 1996. 70 с.
 Федоров, 1889 – Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889. 344 с.
 Chulos, 2003 – Chulos Ch. *Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917*. De Kalb, 2003. 201 p.
 Freeze, 1983 – Freeze G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, 1983, 507 p.
 Meehan-Waters, 1992 – Meehan-Waters B. *To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Women's Religious Communities in Prerevolutionary Russia / Russian Peasant Women*. New York, 1992. Pp. 121-133.
 Treagold, 1968 – Treagold D.W. *The Peasant and Religion / The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford, 1968. Pp. 72-107.

References

- Babich, 2017 – Babich, I.L. (2017). Monastyrskaya ekonomika v XVI – XX vv. (na primere monastyrya Voznesenskaya Davidova pustyn' [Monastic economy in the XVI –XX centuries (using the example of the Voznesenskaya David's Monastery)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 4: 159-171. [in Russian]
 Berezin, 1925 – Berezin, A. (1925). Proshloe i nastoyashchee Soloveckoj promyshlennosti [The past and present of the Solovetsky industry]. *Solovetskie ostrova*. 2: 63-70. [in Russian]
 Chulos, 2003 – Chulos, Ch. (2003). *Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917*. De Kalb. 201 p.
 Dobrolenskij, 1888 – Dobrolenskij, F. (1888). Vospominaniya o golode na severe Rossii v 1868 g. [Memories of the famine in northern Russia in 1868]. *Russkaya starina*. 57(2): 409-432. [in Russian]
 Eliseeva, 2020 – Eliseeva, E.A. (2020). Struktura dohodno-raskhodnyh statej provincial'nogo zhenskogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [The structure of income and expenditure items for a provincial convent in the second half of the XIX and early XX centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3: 117-127. [in Russian]
 Eseeva, 2007 – Eseeva, O.B. (2007). Pravoslavnyi monastyr' v religiozno-kul'turnom prostranstve Pinezh'ya [An Orthodox monastery in the religious and cultural space of Pinezhye]. *Arkhangel'sk*, 253 p. [in Russian]
 Eseeva, 2013 – Eseeva, O.V. (2013). Otets Ioann Kronshtadtskii na rodine [Father John of Kronstadt in his native land]. *Arkhangelsk*. 256 p. [in Russian]
 Eseeva, 2022 – Eseeva, O.V. (2022). Organizatsiya vnutrennei zhizni i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Surskogo zhenskogo monastyrya v nachale XX v. [The organization of internal life and socio-economic development of the Sursky Convent in the early XX century]. *Rossiiskii zhurnal istorii Tserkvi*. 3: 99-125. [in Russian]
 Evfimiya, 2007 – Evfimiya (Pashchenko), monahinya (2007). Ocherki iz zhizni pravoslavnykh severnykh zhenskih monastyrej serediny XIX – nachala XX vv. [Essays on the life of Orthodox Northern convents in the mid-XIX and early XX centuries] *Arkhangelsk*. 277 p. [in Russian]
 Fedorov, 1889 – Fedorov, P.F. (1889). *Solovki*. [Solovki]. Kronshtadt. 344 p. [in Russian]
 Fedorov, 1996 – Fedorov, P.V. (1996). *Istoriya Trifono-Pechenskogo monastyrya (1886–1917 gg.)*. [History of the Trifon-Pechenga monastery (1886-1917)]. *Murmansk*. 70 p. [in Russian]
 Freeze, 1983 – Freeze, G.L. (1983). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton. 507 p.
 GAAO – Gosudarstvennyj arhiv Arkhangel'skoj oblasti [State Archive of Arkhangelsk Region].

- GAMO** – Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoy oblasti [State Archive of Murmansk Region].
- Gemp, 1983** – *Gemp, K.P.* (1983). *Skaz o Belomor'e* [The Tale of the White Sea]. Arhangel'sk. 239 p. [in Russian]
- Istoriya Severnogo..., 1985** – *Istoriya Severnogo krest'yanstva* [The history of the Northern Peasantry]. 1985. V. 2. Arhangel'sk. 385 p. [in Russian]
- Kratkoe istoricheskoe..., 1902** – *Kratkoe istoricheskoe opisanie monastyrej Arhangel'skoj eparhii* [A brief historical description of the monasteries of the Arkhangelsk Diocese]. Arhangel'sk. 1902. 500 p. [in Russian]
- Kritskij, 2006** – *Kritskij, Yu.M.* (2006). *Promysly i remesla severnogo krest'yanstva i Soloveckogo monastyrya XV–XX vv.* [Crafts and trades of the northern peasantry and the Solovetsky monastery, XV–XX centuries]. *Solovetskij sbornik*. Vyp. 3. Arhangel'sk. Pp. 218-255. [in Russian]
- Lahtionova, 2020** – *Lahtionova, E.S.* (2020). *Zhenskie monastyri Urala i Zapadnoj Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): povsednevnyaya zhizn' i osnovnye napravleniya deyatelnosti* [Women's monasteries in the Urals and Western Siberia (second half of the XIX century – early XX centuries): daily life and main activities]. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii*. 2(30): 187-225. [in Russian]
- Macak, 2021** – *Macak, V.A.* (2021). *Pechengskij monastyr': ot istokov k vozrozhdeniyu: (dokumenty, vospominaniya, fotografii)* [Pechenga monastery: from origins to revival: (documents, memoirs, and photographs)]. SPb. 958 p. [in Russian]
- Monastyrskii parokhod** – *Monastyrskii parokhod* [The Monastery steamer]. Arkhangel'skaya eparkhiya. Sait. [Electronic resource] URL: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/47403/> (data of access: 12.12.2025). [in Russian]
- Monastyri Arhangel'skogo..., 2017** – *Monastyri Arhangel'skogo Severa: XIV–XXI vv.* [Monasteries of the Arkhangelsk North: XIV–XXI Centuries]. Vologda. 2017. 473 p. [in Russian]
- Meehan-Waters, 1992** – *Meehan-Waters, B.* (1992). *To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Women's Religious Communities in Prerevolutionary Russia. Russian Peasant Women*. New York. Pp. 121-133.
- Nauchnyj arhiv...** – Nauchnyj arhiv FGBUK «Soloveckij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik» [Scientific archive of the Solovetsky state historical, architectural, and natural museum-reserve].
- Obzor Arhangel'skoj..., 1879** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1878 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1878]. Arhangel'sk. 1879. 42 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1886** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1885 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1885]. Arhangel'sk. 1886. 36 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1891** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1890 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1890] Arhangel'sk. 1891. 52 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1896** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1895 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1895]. Arhangel'sk. 1896. 103 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1906** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1905 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1905]. Arhangel'sk. 1906. 118 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1912** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1910 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1910]. Arhangel'sk. 1912. 207 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1914** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1913 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1913] Arhangel'sk. 1914. 238 p. [in Russian]
- Obzor Arhangel'skoj..., 1916** – *Obzor Arhangel'skoj gubernii za 1915 g.* [Overview of the Arkhangelsk Province in 1915]. Arhangel'sk. 1916. 24 p. [in Russian]
- Rudnev, 1862** – *Rudnev, N.F.* (1862). *Promysly po Murmanskomu ili Laplandskomu beregu: Svedeniya, sobrannye vo vremya plavaniya shkuny "Zadornaya" v 1861 godu* [Fishing on the Murmansk or Lapland coast: information collected during the Zadornaya schooner's voyage in 1861]. *Morskoy sbornik*. LXIII(11): 31-70. [in Russian]
- Sel'skohozyajstvennyj vopros..., 1909** – *Sel'skohozyajstvennyj vopros v Arhangel'skoj gubernii v svyazi s kolonizaciej kraja* (1909). [The agricultural issue in the Arkhangelsk province in connection with the colonization of the region]. *Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 2: 38-42. [in Russian]
- Smirnov, 1997** – *Smirnov, I.A.* (1997). *Kirillo-Belozerskij monastyr' v 1764–1924 godah. (Kratkij ocherk razvitiya hozyajstva)* [The Kirillo-Belozersky Monastery in 1764–1924. (A brief outline of economic development)]. *Kirillov. Kraevedcheskij al'manah*. Vyp. 2. Vologda. [Electronic resource]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/239/index.htm> (data of access: 25.11.2024). [in Russian]
- Smirnov, 2003** – *Smirnov, A.I.* (2003). *Goritskii Voskresenskii zhenskii monastyr' vo vtoroi polovine XIX veka* [Goritsky resurrection convent in the second half of the XIX century]. *Kirillov*. Vyp. 5. Vologda. Pp. 97-116. [in Russian]
- Treagold, 1968** – *Treagold, D.W.* (1968). *The Peasant and Religion. The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford. Pp. 72-107.

- Vedernikova, Nikitina, 2014 – Vedernikova, N.M., Nikitina, S.E. (2014). Solovki v pamyati pomorov [Solovki in the memory of the Pomors]. M. 312 p. [in Russian]
- Vospominaniya obetnika..., 2009 – Vospominaniya obetnika Nikolaya Vasil'evicha Makarova (2009). [Memories of Nikolai Vasilyevich Makarov]. Kirillov: istoriko-kraevedcheskij al'manah. 7: 306-331. [in Russian]
- Zobkov, 1911 – Zobkov, S. (1911). Pomorskaya derevnya, ee zhizn' i nuzhdy [The Pomor village, its life and needs]. Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa. 11: 860-863. [in Russian]
- Zyryanov, 2002 – Zyryanov, P.N. (2002). Russkie monastyri i monashestvo XIX–XX v. [Russian monasteries and monasticism in the XIX and XX centuries]. M. 319 p. [in Russian]

Работа на монастырь как источник дополнительного заработка крестьян Архангельской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Татьяна Станиславовна Минаева ^{a, *}, Яна Эдуардовна Харитонова ^b

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

^b Национальный парк «Кенозерский», Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется наемный труд крестьян в монастырях Архангельского Севера во второй половине XIX – начала XX в. Источниками для работы послужили документы Государственных архивов Архангельской и Мурманской областей, научного архива ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» издания Архангельского губернского статистического комитета, исторические очерки. Авторы выясняют причины, по которым крестьяне нанимались на работу в монастыри, размеры крестьянских доходов. В заключении статьи делается вывод, что работа на монастырь не являлась для крестьян Архангельской губернии одним из приоритетных видов заработков. Тем не менее, часть населения, прежде всего, проживавшая в бывших монастырских деревнях, постоянно нанималась на работу в монастыри по ряду причин. Социально-экономическая связь крестьян с монастырями сохранялась, и различные виды найма крестьян монастырями были выгодны обеим сторонам.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется изучением проблем социально-экономического развития Российского Севера во второй половине XIX – начале XX в. и возможностями использования материалов статьи для создания музейных экспозиций, разработки учебных курсов по историческому регионоведению и учебных пособий.

Ключевые слова: крестьяне, монастыри, экономическое положение крестьян, Север России, Архангельская губерния, наемный труд, социально-экономическое развитие России.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.minaeva@narfu.ru (Т.С. Минаева), khyana@rambler.ru (Я.Э. Харитонова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 805-817
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.805

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Mausoleum of Khoja Akhmed Yasawi in the Research of the Imperial Period (XIX c.)

Akmaral D. Sandybayeva ^a, Saule K. Uderbayeva ^b, *

^a International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the Khoja Ahmed Yasawi Mausoleum in the scientific discourse of the 19th century (imperial period). The mausoleum is a significant monument of Central Asia's religious and cultural heritage. Its study during the 19th century combined scholarly interests with imperial objectives, including gathering information about newly acquired territories, exploring religious and cultural centers, and shaping the region's image within the imperial discourse. The present study focuses on approaches to the mausoleum's study, identifying sources, methods, and interpretations, while also highlighting details and materials that have received limited attention in previous historiography.

The research applies historical-genetic, historiographical, source-critical, and comparative-historical methods, complemented by a chronological approach, allowing the tracing of the mausoleum's study over time and the changing focus of researchers. The special attention is given to reports of imperial officials, travel notes, drawings, and plans, which illustrate the interplay between science, authority, and ideology in shaping understandings of the monument.

The findings clarify the role of imperial officials in studying and preserving materials, reveal previously underexplored aspects of historiography, and contribute to a more comprehensive understanding of Central Asia's historical and cultural heritage, as well as contemporary approaches to its study.

Keywords: mausoleum, Khoja Ahmed Yasawi, Russian Empire, scholars, sacred site, Oriental studies, orientalism, medieval architecture, sufism.

1. Введение

Комплекс мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави – выдающийся памятник средневекового зодчества. Один из грандиозных архитектурных сооружений средневековья был воздвигнут в честь широкого известного на Востоке древнетюркского поэта-мистика и проповедника суфизма Ахмеда Ясави.

Ахмед Ясави родился в местечке Сайрам (современный Южный Казахстан), первоначальное образование получил в Отраре – центре науки и просвещения. Приставка «Ясави» указывает на происхождение из Яссы – исторического названия города Туркестан. Позднее в Бухаре Ахмед Ясави вступил в орден (сюлюк) суфийского шейха Юсуфа Хамадани¹ и прошел школу дервишизма (Басенов, 1982: 13). После смерти Ю. Хамадани и его преемников орден возглавил Ахмед Ясави, но вскоре оставил этот пост и вернулся на родину.

Ахмед Ясави проповедуя идеи суфизма, твердо им следовал, живя в аскетизме. Его авторитет был высок далеко за пределами присырдарьинских степей. После смерти могила Ходжа Ахмеда Ясави стала местом паломничества, вокруг его имени стали создаваться легенды. Сборник суфийских назидательных стихотворений Ахмеда Ясави «Хикмет» («Мудрость») многократно переписывался и

* Corresponding author

E-mail addresses: saule-uderbaeva@mail.ru (C.K. Uderbaeva), a.sandybaeva@iuth.edu.kz (A.D. Sandybayeva)

¹ Юсуф Хамадани – персидский пир, исламский богослов, суфийский шейх, один из знатоков исламской теологии, праведник ислама XII в.

издавался. В настоящее время сборник «Хикмет», написанный на древнетюркском языке является выдающимся литературным памятником.

Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави был построен по приказу эмира Тимура¹, по народным преданиям глубоко почитавшего наследие суфия. Более чем через два века после смерти на месте небольшого надмогильного сооружения был построен один из выдающихся памятников мирового зодчества (Басенов, 1982: 14).

Официальная история Тимура «Зафар-наме» (Книга побед) связывает закладку мавзолея со временем пребывания эмира в городе Ясы, когда в 1397 году им было совершено поклонение (зияарат) могиле Ахмеда Ясави. После чего эмир Тимур дал указание о строительстве сооружения, достойного памяти великого суфия, возвеличивающего ислам и способствующему его распространению. Эмир сам определил основные размеры мавзолея, основной купол должен был равен 30 гязам².

Следует отметить, что из четырех величественных памятников эпохи эмира Тимура сохранилось только здание мавзолея в городе Туркестан, остальные, к сожалению, со временем превратились в руины.

Несмотря на воздействие природных и антропогенных факторов, памятник средневекового зодчества, сохранивший свое величие и первоначальный облик, всегда привлекал внимание исследователей.

Преувеличенные размеры, совершенство пропорций, новизна ряда конструктивных приемов, богатство и разнообразие архитектурного декора мавзолея дают полное представление о монументальном стиле эпохи Тимура конца XIV–XV вв.

Уникальность и ценность памятника сакральной архитектуры подтверждает тот факт, что в 2003 году мавзолей был внесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Именно в XIX веке, в период включения Центральной Азии в состав Российской империи, начинается систематическое научное изучение региона, в рамках которого исследования мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави становятся важной частью развития имперского востоковедения, археологии, истории архитектуры и эпиграфики.

Анализ этих работ позволяет проследить становление научных подходов, методы описания памятников и уровень знаний того времени. Исследования мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в XIX веке проводились не только из научного интереса, но и в рамках имперской политики, направленной на сбор информации о завоёванных территориях, изучение религиозных и культурных центров и формирование образа региона в имперском дискурсе, что делает данную тему актуальной для анализа взаимосвязи науки, власти и идеологии. В условиях роста интереса к историческому наследию Центральной Азии, процессов деколонизации гуманитарного знания, а также активизации работ по охране и реставрации памятников обращение к исследованиям мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави XIX века приобретает особую актуальность.

Принципиальное научное значение имеет всесторонний анализ вклада имперских чиновников и исследователей XIX века, которые заложили основы систематического изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, осуществили первичную научную фиксацию его архитектурно-планировочных и эпиграфических характеристик, а также обеспечили сохранение комплекса документальных и рукописных источников, сформировавших базу для дальнейшего развития историографии и источниковедения памятника.

2. Материалы и методы

Основными источниками данного исследования являются труды XIX века – отчеты, записи, путевые заметки, дневники, научные публикации имперских чиновников, с которых именно в этот период началось систематическое научное изучение мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави.

В основе данного исследования публикации Н. Северцева, М. Бекчурина, М. Пашино, А. Гейнса, П. Лерха, П. Ахмерова, А. Диваева, С. Маллицкого, Н. Лыкошина, Н. Остроумова, К. Абаза, А. Добросмыслова, Ж.-А. Кастанье, Н. Веселовского, А. Куна, В. Бартольда, М. Дулатова.

Эти материалы содержат ценные сведения об архитектуре, эпиграфике, религиозных практиках и культурных особенностях региона, сочетающие научный интерес с административными целями. Их изучение позволяет уточнить представления о деятельности исследований имперского периода и выявить аспекты, которые ранее оставались вне основного внимания современной историографии. В этот период происходило накопление знаний о мавзолее и формирование научного нарратива.

Следует отметить, что изучение этих работ в предшествующей историографии было затруднено в условиях советского дискурса, потому что все авторы являлись чиновниками царской России.

Следующий этап изучения мавзолея относится к 1930-м годам XX века и связан с формированием советского научного дискурса. В рамках новой методологической парадигмы

¹ Эмир Тимур – Тамерлан – тюркско-монгольский завоеватель XIV в., основатель империи Тимуридов и ее первый правитель.

² Гяз – единица меры длины, равная примерно 60,5 см.

появляются первые специализированные исследования, среди которых особое место занимает труд М.Е. Массона «Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави» (Масон, 1930).

В позднесоветский период количество работ, посвящённых мавзолею, остаётся ограниченным. Существенный вклад внесла архитектор, доктор искусствоведения Л. Ю. Маньковская, защитившая в 1963 году диссертацию на тему «Исследование архитектурного комплекса – мавзолея Ахмеда Ясави в городе Туркестане и вопросы его реставрации» (Ёлгин, 2013: 10).

Л. Маньковская впервые особо тщательно произвела капитальные обмеры, анализы пропорций, методы построения арок мавзолея, подготовив обмерную документацию для проведения реставрационных работ (Нурмухамедова, 2012). Однако подготовленный ею историографический обзор трудов по мавзолею остался неизданным (Ёлгин, 2013: 10).

Из последующих немногочисленных работ советской историографии, посвященных мавзолею можно отметить труд Т.К. Басенова, представляющий своеобразный фотоальбом, вышедший в серии «Памятники культуры Казахстана», с авторскими комментариями по истории создания мавзолея, его устройству и кратком обзоре описаний мавзолея в трудах предшествующих исследователей, на русском и немецком языках (Басенов, 1982).

Следует подчеркнуть, что изучение мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в советский период не могло стать предметом целенаправленного научного исследования в силу проводимой советской властью антирелигиозной политики.

В постсоветский период в казахстанской историографии наметился заметный рост исследований, посвящённых истории мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави.

Особо хотелось бы отметить серьёзный вклад в изучение истории культовой архитектуры Южного Казахстана, в том числе мавзолея Ахмеда Ясави, внесенным казахстанским исследователем Юрием Андреевичем Ёлгиным, являющегося автором целого ряда работ, посвященных истории, истории изучения, проведения реставрационных работ в сакральном комплексе (Ёлгин, 2013; Ёлгин, 2015; Ёлгин, 2018; Ёлгин, 2019; Ёлгин, 2022). Ю.А. Ёлгин является автором-составителем библиографического указателя по мавзолею (Ёлгин, 1992), одним из первых исследователей, осуществивший историографический обзор трудов по археологическим и историко-архитектурным исследованиям мавзолея.

Обзор изучения мавзолея от средневековья до конца XX века представлен в статье А.У. Тохтабая (Тохтабаев, 2000); совместно с Н.А. Досымбетовым им рассмотрено отражение мавзолея и других сакральных объектов Туркестанского края в трудах русских учёных и путешественников второй половины XIX – начала XX века (Tokhtabay, Dosymbetov, 2022).

Состояние изученности и реставрации мавзолея в XIX – начале XX века освещено в статье Д. Мустапаевой (Мустапаева, 2021).

В 2017 году была опубликована коллективная монография, посвящённая введению в научный оборот исторических документов, связанных с мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясави и хранящихся в собраниях Алматы, Туркестана, Ташкента и Санкт-Петербурга (Исторические документы..., 2017).

В числе зарубежных исследований можно отметить работу башкирских ученых Р.Г. Букановой и И.С. Игдавлетова, посвящённую описанию мавзолея в записках Мирсалиха Бекчурина (Буканова, Игдавлетов, 2024).

В 2024 году издан сборник документов по истории города Туркестана в имперский и советский периоды, включающий материалы по мавзолею (Туркестан қаласының..., 2024).

Таким образом, представленные исследования позволяют выделить основные этапы изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Несмотря на формирование базовой хронологии, данная проблематика остаётся недостаточно разработанной и требует дальнейшего исследования.

Методологическую основу исследования составляют историко-генетический, историографический, источниковедческий и сравнительно-исторический методы. Историко-генетический метод позволяет проследить процесс формирования научных знаний о мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави в XIX веке, выявить основные этапы его изучения и эволюцию научных представлений в рамках имперской науки. Историографический анализ используется для рассмотрения трудов исследователей имперского периода, выявления их научных подходов, исследовательских целей, особенностей источниковой базы и интерпретаций памятника. Источниковедческий метод применяется при анализе архивных материалов, отчётов имперских чиновников, путевых заметок, чертежей и рукописных материалов, связанных с изучением мавзолея. Сравнительно-исторический метод позволяет сопоставить интерпретации памятника в исследованиях XIX века с более поздними и современными научными работами, выявив как элементы преемственности, так и расхождения в оценках и выводах.

Принципиально важное значение имеет хронологический подход, позволяющий последовательно рассмотреть исследования мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в XIX веке, выявить этапы их развития, динамику научных интерпретаций и изменение исследовательских приоритетов в контексте эволюции имперской науки. В данном исследовании внимание уделяется отдельным деталям и источникам, что позволяет уточнить и дополнить существующие представления о деятельности имперских чиновников и изучении мавзолея.

3. Обсуждение и результаты

В имперский период мавзолеев Ходжа Ахмеда Ясави стал объектом исследований целого ряда видных ориенталистов, в числе которых были А.М. Лерх, М. Бекчурин, члены Туркестанского кружка любителей археологии А.А. Диваев, А.А. Ахмеров, Н.С. Лыкошин, Н.И. Веселовский и другие (Басенов, 1982: 55).

Именно 1864 год, по мнению исследователя Ю.А. Ёлгина, становится важным рубежом в историографии мавзолея Ясави: до этого периода публикации о мавзолее и народах Центральной Азии отличались низким уровнем новизны и аналитической глубины, хотя сведения о мавзолее уже встречались в русской печати 1850–1880-х гг. После 1864 года наблюдается количественный рост публикаций, обусловленный активным притоком в Туркестанский край военных, чиновников и образованных интеллигентов, что сделало регион более доступным для исследований, однако качественные изменения в содержании трудов при этом были менее заметны. Сам факт завоевания юга Казахстана сделал его доступным для исследователей (Ёлгин, 2013: 76).

Также на наш взгляд рост числа трудов о мавзолее в имперский период связан с развитием имперской востоковедной школы.

Одним из первых русских исследователей XIX века описал мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави зоолог и путешественник, выпускник Московского университета Николай Алексеевич Северцев, который в 1857 г. по направлению Академии наук вошел в состав научной экспедиции в низовья Сыр-Дарьи, где был захвачен в плен (Матвиевская). В результате месячного нахождения в плену написал труд под названием «Месяц плена у кокандцев», в котором описал мавзолей и историю его постройки. Со слов своего переводчика Н. Северцев пишет, что подобных построек в регионе больше нет, а у паломников сакрального мавзолея происходят чудотворные исцеления (Северцев, 1860: 77-78).

В 1866 году в журнале «Военный сборник» была опубликована работа М.М. Бекчурина «Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане». Мирсалих Мурсалимович Бекчурин – выпускник Неплюевского кадетского училища, востоковед, переводчик, общественный деятель, действительный статский советник, член Оренбургского отдела ИРГО, ОУАК, в качестве переводчика участвовал в военных походах русской армии в Среднюю Азию в 1865, 1866, 1871–1873 годах (Шакуров, 1996).

Характеризуя мавзолей как «дивное создание рук человеческих», М. Бекчурин представил в статье подробное описание расположения мечети, его архитектурных особенностей, всех погребенных в усыпальнице, а также перевод всех надписей на стенах и дверях, сосудах, подсвечниках мавзолея. Название своей работы – описание мечети Азрета М. Бекчурин объясняет в отдельном примечании, отмечая, что правильнее называть не Азрет, а «Хазрет-ходжа-Ахмед-Ясави» (Бекчурин, 1866: 209).

Мечеть Азрета имеет в крае весьма важное в религиозном отношении значение, отмечал востоковед. Мусульмане (сунитского толка) считают ее священным храмом, в который, до взятия русскими Туркестана, стекались богомольцы со всех мест Азии, даже эмиры, ханы и другие влиятельные особы, приносившие от себя в пользу учащихся в медресе при мечети и в пользу духовенства большие пожертвования (Бекчурин, 1866: 215).

Доходы мечети и духовенства при ней, кроме приношений состояли из денежных сборов, поступающих с двух гостиных дворов и одного караван-сарая. Гостиные дворы составляли собственность бывшего туркестанского хакима, шейх-Бадама-шейх-Ходжиева, еще при жизни, обративших их в вакф (благотворительное приношение) в пользу мечети Азрета (Бекчурин, 1866: 215).

В своём труде Мирсалих Бекчурин сообщает о единственных изменениях в устройстве мавзолея, осуществлённых при бухарском эмире Абдулле в период зависимости Туркестана от Бухары. По распоряжению эмира в стене над наружной дверью мавзолея был пристроен небольшой придел, напоминающий мезонин и не имевший функционального значения. В целом исправления этого периода М. Бекчурин оценивал крайне низко, сокрушаясь по поводу пестроты облика, возникшей вследствие некачественного ремонта трещин наружных стен (Бекчурин, 1866: 217).

В заключение своего труда М. Бекчурин высказывает свои тревоги о разрушающем влиянии повреждений мавзолея, нанесенные при штурме города Туркестана имперскими войсками, сообщая, что по сооружению было выпущено несколько сокрушительных снарядов. Мавзолей несомненно был бы разрушен или пострадал еще сильнее, если бы шейх-эль-ислам не поспешил взойти на минарет и не поднял белый флаг (Бекчурин, 1866: 217). Повреждения мавзолея на момент выхода работы М. Бекчурина – 19 февраля 1866 года не исправлены, отмечено в заключение. К работе приложен рисунок с изображением вида мавзолея из цитадели.

По мнению исследователя Ю.А. Ёлгина, рисунок не профессионален и несовершенен, скопирован с натуры художника Д.А. Вележева, изобразившего мавзолей в иллюстрациях к книге востоковеда М. Пашино (Ёлгин, 2013: 77).

Тем не менее, исследователи справедливо определяют труд М. Бекчурина как одно из первых подробных описаний состояния мавзолея в период захвата русскими войсками города Туркестана (Буканова, Игдавлетов, 2024: 14).

Интересно, что на факты, описанные в публикации М. Бекчуриным, последовали замечания офицера Генерального штаба Льва Мейера, также опубликованные в «Военном сборнике» (Мейер,

1866: 176). Л. Мейр в письме редактору сборника как очевидец и участник событий утверждает, что изначально полковник Н. Вережкин¹ сознательно щадил мечеть как исторический памятник, однако обстрел был начат позже исключительно с целью сломить моральный дух осаждённых. Утверждение о поднятии белого флага шейх-эль-иелимом и сдаче города неверно: никаких знаков капитуляции не было, и часть жителей продолжала сопротивление, пишет Л. Мейер (Мейер, 1866: 176).

Как отмечает Ю.А. Ёлгин, сразу после присоединения Южного Казахстана к Российской империи, начинаются попытки изучения архитектурных сооружений при помощи метода истолкования письменных источников (Ёлгин, 2013: 15).

В 1866 году Туркестан посетил русский путешественник, ученый, ориенталист, этнограф, писатель Петр Иванович Пашино, результатом стал его путевые заметки, изданные в 1868 году с двадцатью рисунками городов, фортов, архитектурных сооружений художника Д.А. Вележева, с посвящением графу И.И. Воронцову-Дашкову² (Пашино, 1968).

В шестой главе заметок под названием «Туркестан» П. Пашино описывает свое впечатление от посещения мавзолея, высказывая свое предположение о времени постройки мечети: «я готов скорее согласиться, что здание это воздвигнуто во время другого Тимура, внука знаменитого завоевателя, жившего в XV столетии», (Пашино, 1968: 65), аргументируя тем, что в «Хавадисати Тимури», описывающих многие строения Тимура, нет упоминания о мавзолее Ахмеда Ясави³ (Пашино, 1968: 66).

Мавзолей удивил путешественника своим устройством с десятками темных келий, двухэтажными пекарнями, внутренними колодцами, Пашино отмечает, что не видел ранее аналогов мавзолею; следует отметить, что его путешествию в Туркестанский край предшествовал вояж в Персию. В другое здание – мавзолей Рабиги-ханым, он не попал, так как в нем расположился артиллерийский склад.

В 1866–1867 гг. в походах русской армии в Туркестан участвовал полковник А.К. Гейнс⁴, записавший все увиденное и пережитое в своих дневниках, изданные в 1898 г. в собрании его сочинений (Гейнс, 1898). В дневнике дается подробное описание мавзолея, а также поразившего А. Гейнса своими «баснословными» размерами бронзового котла, захороненных в мавзолее казахских ханов, истории строительства мечети, ее состояния, размеры доходов от приношений, обстоятельства завоевания Туркестана, осады мавзолея, визита к потомкам Ходжи Ахмеда Ясави, их деление и деятельность.

Интересно, что А. Гейнс особо подчеркивает, что вблизи Карнака, в двадцати верстах от Туркестана сохранились развалины завода, к котором отливался священный бронзовый котел (Гейнс, 1898: 276). Также исследователь попросил сопровождающих собрать для него легенды и поверья, связанные с Туркестаном, мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясави, ханов Аблая, Жолбарыса, захороненных в нем. Описывая Сайрам А. Гейнс отмечает, что город известен большим количеством святых, в особенности, почитаются могилы Ибрагима ходжи, отца Туркестанского Азрета и его матери (Гейнс, 1898: 380). Сокрушаясь плачевному состоянию мавзолейного комплекса, А. Гейнс обещает содействовать ремонтным и реставрационным работам.

Одним из первых профессиональных исследователей начал изучение средневекового зодчества Средней Азии востоковед, археолог Петр Иванович Лерх, причем начал именно с мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави.

В 1858 г. П. Лерх сопровождал в Хиву и Бухару посольство полковника Н.П. Игнатьева, направленную российским правительством с целью изучения политического и экономического положения государств Центральной Азии (Шалекенов, 1995: 311).

В извлечении из отчета, представленного Императорской Археологической комиссии указано, что П.И. Лерх был командирован по поручению комиссии для изучения развалин старинного города при устье Сыр-Дарьи у форта №1 по просьбе Оренбургского генерал-губернатора весной 1867 года, в помощь ему назначили ротмистра М.К. Приорова (Лерх, 1870: 1).

В пятимесячной поездке П.И. Лерх изучил развалины Джанкента и Саурана, в Туркестане изучил мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави, тщательно скопировав надписи на могилах, захороненных в мавзолее (Лерх, 1870: 9). В примечаниях к отчету востоковед кратко описал историю возведения мавзолея в г. Туркестане по поручению эмира Тимура, обещая, что о туркестанской святыне он поговорит более подробно в другом месте. Критически охарактеризовав рисунок М. Бекчурина неточным, П. Лерх отмечает, что второй рисунок мавзолея, опубликованный в труде М. Пашино,

¹ Вережкин Николай Александрович – российский военачальник, участник Среднеазиатских походов Российской империи, за взятие Туркестана награжден орденом Святого Георгия и чином генерал-майора.

² Илларион Воронцов-Дашков – государственный деятель, граф, министр Императорского двора, наместник Кавказа, в 1865 г. служил начальником штаба генерала Д. Романовского в Туркестане, участвовал во взятии Бухарской крепости Ура-Тюбе, штурме Джизака.

³ «Хавадисати Тимури» – хроника событий эпохи Тимура.

⁴ Гейнс Александр Константинович – генерал-лейтенант русской армии, этнограф, член ИРГО, ИО любителей естествознания и этнографии, писатель.

вырезан на дереве по рисунку М. Приорова (Лерх, 1870: 16). Также исследователь сообщает о предположении М. Пашино, что мечеть была построена при жизни святого, об ошибочном указании времени построения мавзолея ко времени похода эмира Тимура против Тохтамыша в статье «Азрет – магометанская святыня в Туркестане», опубликованной в пятом номере «Справочного листка города Казани». Далее П. Лерх представил свои копии надписей на сосудах и могильных камнях мавзолея и их расшифровку, полемизируя с предшественником М. Бекчуриным, уточняя и выявляя его ошибки (Лерх, 1870: 18-21).

П. Лерх нашел у туркестанского шейх-уль-ислама Насруллы пятнадцать грамот от среднеазиатских владетелей с подтверждением льгот, дарованных потомкам Ахмеда Ясави, с четырнадцати из них сделал копии и опубликовал в примечании к своему отчету (Лерх, 1870: 21-23).

Эпиграфические надписи мемориального комплекса, печать Ходжа Ахмеда Ясави описал миссионер, переводчик, педагог, выходец из Казанской губернии Павел Николаевич Ахмеров¹ (Саибгерей Ахмеров). Как указал П. Ахмеров в своей статье оттиск печати Ахмеда Ясави в «Общество археологии, истории и этнологии» была доставлена его сотрудником Абубакиром Диваевым. Интересно, что оттиск А. Диваевым был получен совершенно случайно, благодаря родственным связям с начальником уезда в Туркестане, полковником Диваевым, имевшим контроль над доходами мечети (Ахмеров, 1896: 129). Пользуясь влиянием дяди А. Диваев написал письмо накибу – старосте мечети, который неожиданно выслал в ответ оттиск печати в качестве амулета (Ахмеров, 1896: 129). Оттиск был представлен в публикации П. Ахмерова.

Абубакир Диваев² один из многих чиновников Российской империи, совмещавших служебную деятельность с исследовательской. Находясь на службе переводчиком в Военно-народном управлении в Ташкенте, затем при Сырдарьинском военном губернаторе, он активно изучал фольклор, быт, традиции, историю, культуру народов Туркестанского края. Став членом Туркестанского кружка любителей археологии³, А. Диваев 1901 году опубликовал перевод в «Туркестанских ведомостях» жалованной грамоты (ина-ят-нама), данной эмиром Тимуром туркестанской мечети Ходжи Ахмеда-Ясави-Хазрет-Султана (Ёлгин, 2013: 211).

Туркестанский кружок любителей археологии – научно-краеведческое общественное учреждение, занимавшееся изучением исторических памятников Центральной Азии, стал одним из плодотворных провинциальных научных обществ Российской империи (Удербаяева, Любичанковский, 2019).

Член ТКЛА, военный инженер Сергей Гурьевич Маллицкий в своем труде, опубликованном в «Протоколах» кружка в 1907 г., представил план мечети над могилой Ходжа Ахмеда Ясави, подробное описание и архитектурные особенности сооружения, определяя его стиль как смешанный «персидско-арабский» (Маллицкий, 1907: 27). Можно согласиться с мнением Ёлгина, определившего, что «это едва ли не первая попытка историко-архитектурного исследования в Туркестанском крае» (Ёлгин, 2013: 81). С. Маллицкий действительно представил в своей работе обстоятельный анализ особенностей и эволюцию мусульманской архитектуры, на основе трудов известных архитекторов и планов различных мечетей в частности каирской, кордовской, византийских и других (Маллицкий, 1907: 27).

Несмотря на ошибочность выводов инженера по определению архитектурного стиля мавзолея, он справедливо соотносит его в один ряд с шедеврами мирового зодчества (Ёлгин, 2013: 83).

Другой член ТКЛА, один из его основателей, совмещавший чиновничью имперскую службу в Туркестанском крае с научно-исследовательской деятельностью Нил Сергеевич Лыкошин также описал мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в главе «Мечеть Хазрет Султана в Туркестане и связанные с ней суеверия киргиз» своей книги «Полжизни в Туркестане» (Лыкошин, 1916: 218-222). Ранее, в 1902 году, в газете «Туркестанские ведомости» эта этнографическая статья была опубликована под названием «Суеверия киргиз, связанные с туркестанской мечетью Хазрет Султана» (Лыкошин, 1902). Н. Лыкошин попытался развенчать традиции и предметы религиозного поклонения из мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, в частности - раздача «халима», «чудесный» огромный котёл Тимура, зеркало-камень, «могилки для души» в мечети, подвешенный кувшин и «роковой» кирпич) описывая, как паломники приписывают обычным явлениям сверхъестественные свойства и рационально объясняя каждое «чудо» – практичностью, оптическими законами или человеческой доверчивостью. В целом статья критически, но без злобы показывает народную религиозность, смешение исламских догматов с древними верованиями и то, как сильная вера в чудо помогает людям чувствовать уверенность в спасении души. Автор также утверждает, что мечеть Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане является важным центром паломничества, где казахи, еще не глубоко укоренившиеся в исламе, совмещают внешние мусульманские обряды с языческими верованиями и суевериями. Н. Лыкошин подчеркивает, что истинным чудом мечети Хазрет Султана является не суеверно почитаемые

¹ Павел Николаевич Ахмеров – Саибгерей Ахмеров принял православие в 1891 году.

² Абубакир (Абубекр) Ахметжанович Диваев (1856–1932) – имперский и советский исследователь тюрколог, востоковед, фольклорист, татарский просветитель.

³ Далее ТКЛА.

предметы, а сама мечеть как выдающийся памятник архитектуры XIV века, сочетающий изящество и прочность, созданный мастерами эпохи Тамерлана (Лыкошин, 1916: 222).

Введение в научный оборот документов сакрального комплекса началось членами кружка с доклада о жалованной грамоте эмира Тимура на заседании ТКЛА члена кружка, одного из инициаторов его создания и активного деятеля Николая Петровича Остроумова в августе 1897 г.

Н. П. Остроумов¹ – один из первых исследователей Туркестана, выдающийся востоковед, историк и этнограф, получивший от академика В.В. Бартольда характеристику «патриарх туркестановедения».

Через год текст документа был опубликован в «Протоколах» ТКЛА. В 1901 году текст грамоты был опубликован другим членом кружка А. Диваевым также в «Протоколах» ТКЛА. Почти десятилетие спустя в 1910 г. Н.П. Остроумов дал разъяснения и дополнения к жалованной грамоте эмира Тимура, опубликовав их в «Туркестанских ведомостях». В 1912 г. русский перевод грамоты опубликовал А.И. Добросмыслов (Султонов, 2014: 78).

В 1902 году была опубликована книга «Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев – в общедоступном изложении», составителем которой стал русский офицер К.К. Абаза² (Абаза, 1902). Ранее в 1888–1900 годах очерки печатались в журнале «Родник». В главе «Туркестанский край и попутные города» К. Абаза дает описание города Туркестана и мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави и размещает фотографию фасада мечети (Абаза, 1902: 78). Пользуясь большим уважением у народа мечеть показалась ему подобной чуду среди степи, а также К. Абаза пишет, что после того как «несколько наших снарядов задели ее купол, испуганный шейх-эль – ислам, т. е. глава духовенства не побоялся сам взойти на минарет, чтобы выкинуть белый флаг» (Абаза, 1902: 78). Сильнее всего удивила К. Абазу толщина крепостных стен: «так толсты, что на них могут разехаться несколько всадников» (Абаза, 1902: 78). Конкретных указаний по происхождению фотографий в книге автор не дал, только в предисловии написал, что рисунки заимствованы из коллекции Г.А. Колпаковского³, туркестанского епископа Неофита⁴, книг Гродекова, Иванова, журналов «Всемирная иллюстрация» и «Разведчик» (Абаза, 1902: IV).

Ветеринар Тургайской области, активный и плодотворный исследователь Александр Иванович Добросмыслов⁵ в своем труде «Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент» (Добросмыслов, 1912) дает краткое описание истории возникновения города Туркестана, связывая его рост именно как города с именем шейха Ходжа Ахмеда Ясави, последователя основателя ордена Кубреви Неджм-ад-дина Кубра, после своей смерти ставшего почитаемым святым, чья могила превратила поселение Ясы в крупный религиозный и торговый центр, что в итоге привело к строительству великой мечети по приказу Тимура в 1397 году. (Добросмыслов, 1912: 108). Также исследователь подробно описывает все перипетии завоевания Туркестана русскими имперскими войсками.

Активный деятель Оренбургской ученой архивной комиссии⁶, а затем и ТКЛА французский исследователь Жозеф Антуан Кастанье в своем самом фундаментальном труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» в главе под названием «Развалины, киргизские святыни, предания и другие памятники Сырдарьинской области» описывает древности Туркестана (Uderbaeva et al., 2022: 794). Ж.-А. Кастанье со ссылкой на П. Лерха отмечает, что древняя знаменитая мечеть была воздвигнута в 1404 году над могилой святого Ахмеда Ясави, и она самая значительная в Средней Азии. В мавзолее захоронены правнучка эмира Тимура, дочь знаменитого Улутбека, Абулхаир ходжа хан, два его сына, дочери, шейх-уль-исламы Туркестана, казахские султаны отмечает Кастанье. Областной город Туркестан иначе называемый Азрет-Султан почитается магометанами священным местом, так как в нем находится множество памятников и гробниц с прахом святых, поэтому сюда стекаются множество соседних азиатов для поклонения угодникам, а богатые привозят тела своих родственников для погребения вместе с ними, особо подчеркнул Жозеф Кастанье (Кастанье, 1910: 186).

¹ Остроумов Николай Петрович – русский учёный-ориенталист, историк и этнограф, автор ряда работ по исламоведению.

² Абаза Константин Константинович – артиллерийский офицер, имперский военный историк, писатель, педагог.

³ Колпаковский Герасим Алексеевич – генерал от инфантерии, генерал-губернатор Семипалатинской, Семиреченской областей, Степной генерал-губернатор, член Военного совета Российской империи, член ЗСО ИРГО.

⁴ Архиепископ Неофит (в миру Николай Васильевич Неводчиков) – епископ Русской православной церкви.

⁵ Добросмыслов Александр Иванович – ветеринарный врач Тургайской области, советник Тургайского областного правления, редактор газеты, самодеятельный исследователь, этнограф и публицист; член ОУАК, ОО ИРГО, автор трудов по истории Оренбургского края и этнографии казахского народа.

⁶ Далее ОУАК.

Выдающийся русский археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии, профессор Н.И. Веселовский был одной из ключевых фигур дореволюционного изучения архитектурных памятников Средней Азии: с 1880-х годов он исследовал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, организовал экспедиции и добился проведения в 1905 году масштабной фиксации памятника в чертежах, фотографиях и надписях силами Русского комитета (РКСВА)¹ для изучения Средней и Восточной Азии, собрав материал, который, несмотря на отдельные неточности научных выводов, сохранил важное научное значение и стал первым систематическим обследованием мавзолея. Н.И. Веселовский, проверив выполненные архитектурные чертежи и надписи мавзолея, выполнил максимально возможную для своего времени фиксацию памятника – натурное обследование, обмеры и документирование здания и опубликовал в 1905 году отчёт в «Известиях» РКСВА (Ёлгин, 2013: 84).

Благодаря научно-собирательской деятельности востоковеда и арабиста А.Л. Куна были сохранены рукописные копии документов из архивов предводителей трёх кланов ходжей при мавзолее Ахмеда Ясави, ныне хранящиеся в его личном архивном фонде (Исторические документы..., 2017: 11).

Занимая должности старшего чиновника по учебной части при генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане и первого инспектора учебных заведений Туркестанского края, Кун совершал поездки по Центральной Азии и Туркестану. Он принимал активное участие в международной научной жизни, будучи делегатом съезда ориенталистов в Лондоне, членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже, а также действительным членом Русского археологического общества.

Несмотря на отсутствие в его архиве специальных работ о мавзолее Ахмеда Ясави, вклад А.Л. Куна в изучение истории и культуры Туркестана определяется масштабом собранных им материалов документов, значительная часть которых в 1870–1878 гг. была передана в Императорскую Публичную библиотеку и вошла в так называемую «Коллекцию Кауфмана», насчитывающую около 4 тыс. (Исторические документы..., 2017: 15). Кроме того, краевед Л. Кун один из создателей «Туркестанского альбома», отразившего этнографическое и историко-культурное многообразие региона (Султонов, 2014: 76).

Выдающийся востоковед, академик В.В. Бартольд с 1890-х годов регулярно работал в Средней Азии и в своих дореволюционных трудах неоднократно упоминал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави как выдающийся памятник, хотя отдельного исследования ему не посвятил. Наибольший интерес для его изучения представляет статья «О погребении Тимура», где Бартольд рассматривает историю закладки мавзолея в контексте мусульманского культа и традиций культовой архитектуры (Ёлгин, 2013: 84).

Выдающийся представитель казахской демократической интеллигенции начала XX века, деятель «Алаш-Орды» Мыржақып Дулатов опубликовал в газете «Казах» статью под инициалами «М.Д.» под названием «Хазірет Сұлтан» (Дулатов, 1998: 40). Мавзолей М. Дулатов посетил в мае 1913 г. по дороге в поездке в Ташкент и под впечатлением от увиденного осознал, что необходимо написать о мавзолее.

Из материалов публикации становится очевидной обстоятельная предшествующая работа М. Дулатова по изучению истории Казахского ханства и создания мавзолея. Высоко определяя значение святыни в культуре казахского народа, автор отмечает, что люди, посетившие мавзолей, по возвращении почитаются наравне с теми, кто совершил хадж в Мекку. В то же время, несмотря на широкую известность мавзолея, реальные сведения о нём остаются малодоступными и фрагментарными. В своём историческом экскурсе автор обращается к трудам В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» и В. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства».

Описав историю сооружения мавзолейного комплекса, его масштабы, архитектурное устройство, как и все предшествующие исследователи не преминув описать большой священный тай-казан размерами с пятиканатную юрту, М. Дулатов перечисляет всех нашедших упокоение в мавзолее казахских ханов (Дулатов, 1998: 43). Описывая плачевное состояние мусульманской святыни, М. Дулатов указал, что из-за опасности обрушения для посетителей закрыты и опечатаны захоронение Абулхаир-хана, ак-сарай, колодец, молельная. Как истинный патриот своего народа М. Дулатов сокрушается его доверчивости, указывая что большая часть пожертвований обманом присваивается нечистыми на руку служителями и не направляется на столь необходимый ремонт мавзолея. В доказательство автор приводит несколько случаев, подтверждающих расточительства, в частности указывает, что в 1910 году шейхи мечети собрали неисчислимую сумму от пожертвований, но указали только двенадцать тысяч рублей и пригласили инженера Козловского для ремонта мавзолея, но не найдя консенсуса, разругались с ним, не доводя ремонт до конца присвоили все оставшиеся деньги (Дулатов, 1998: 43). Проблема заключается в бесконтрольности действий служителей мавзолея, в доверчивые казахи становятся жертвами лицемерных ходжей, резюмирует М. Дулатов. В заключении публицист пишет, что ремонт мавзолея нужно поручать научным

¹ РКСВА – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, учрежден в 1902 году.

археологическим обществам, чтобы от шестисотлетнего величественного сооружения не остались однажды только святые могилы.

Дальнейшее изучение мавзолея продолжилось после установления советской власти.

4. Заключение

Проведённый анализ трудов имперских чиновников и исследователей XIX века показывает, что именно в этот период было положено начало систематическому научному изучению мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави.

Представленные выше публикации XIX века заложили основные направления раннего этапа исследования памятника, сосредоточенные преимущественно на его описании, архитектурных особенностях и историко-культурном значении. Вместе с тем данные работы отражали методологические установки и административно-научные задачи своего времени, что определяло характер интерпретации памятника.

Несмотря на преимущественно описательный характер, исследования XIX века обладают высокой научной ценностью, поскольку фиксируют состояние мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави на раннем этапе его изучения, до значительных реставрационных и интерпретационных изменений. Эти материалы выступают важной источниковедческой базой для реконструкции первоначального облика памятника, а также позволяют проследить формирование научного интереса и методологических подходов к изучению архитектурного наследия Центральной Азии в имперский период.

Атрибуция авторов и выявление фактов, ранее не акцентированных в историографии, позволили уточнить вклад отдельных исследователей и расширить представления о формировании научного интереса к мавзолею Ходжа Ахмеда Ясави в имперский период.

Полученные выводы создают основу для дальнейшего переосмысления историографического наследия и его использования в современных исследованиях истории, архитектуры и культурного значения памятника.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования научного проекта «Историко-культурные и археологические памятники Туркестанской области в контексте развития культурно-исторического туризма и их цифровизация» (AP26105447).

Литература

Абаза, 1902 – Абаза К.К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. Санкт-Петербург. Типография М.М. Стасюлевича. 1902. 310 с.

Ахмеров, 1896 – Ахмеров П.И. Надписи мечети Х.А. Ясави // *Известия Общества археологии и этнологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете*. Т. XIII. Вып. 6. Казань, 1896.

Басенов, 1982 – Басенов Т.К. Комплекс мавзолея Ахмеда Ясави. Алма-Ата, Онер, 1982. 71 с.

Бекчурин, 1866 – Бекчурин М.М. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане (с рисунком) // *Военный сборник*. 1866. №8. С. 209-219.

Буканова, Игдавлетов, 2024 – Буканова Р.Г., Игдавлетов И.С. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в записках Мирсалиха Бекчурина // *Проблемы востоковедения*. 2024. 3(105). С. 9-14.

Гейнс, 1896 – Гейнс А.К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан. Собрание литературных трудов. Т. II. СПб., 1896. 431 с.

Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент: Эл. пар. типолит. О.А. Порцева, 1912. 204 с.

Дулатов, 1998 – Дулатов М. Хазірет Сұлтан // «Қазақ» газеті / Бас редактор Ә.Нысанбаев, 1998. Алматы, 1998. С. 40-43.

Ёлгин, 1992 – Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: (Библиографический указатель) / Сост. и автор вступит. статьи Ю.А. Ёлгин. Шымкент, 1992. 48 с.

Ёлгин, 2013 – Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: Вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов: (Очерки и материалы). Алматы, 2013. 225 с.

Ёлгин, 2015 – Ёлгин Ю.А. К проблеме света в мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави // *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук*. 2015. № 6. С. 73-88.

Ёлгин, 2018 – Ёлгин Ю.А. В.С. Гейнцельман и его программа ремонта мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в 1906–1908 гг. // *Археология Казахстана*. 2018. № 1-1. С. 201-214.

Ёлгин, 2019 – Ёлгин Ю.А. К изучению вопроса о ремонте мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в 1906–1908 гг. // *Археология Казахстана*. 2019. № 1(3). С.83-90.

Ёлгин, 2022 – Ёлгин Ю.А. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави: история архитектурно-археологических исследований / ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 299 с.

Исторические документы..., 2017 – Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмада Ясави / Муминов А.К., Кумекон Б.Е., Султонов У.А., Шуховцов В.К., Кенжетов Д.Т., Кабылова А.С., Утепбергенова У.А., Айбасов А.А. Астана: Мастер ПО ЖШС, 2017. 216 с.

Кастанье, 1910 – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края с рисунками И.А. Кастанье // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXII. Оренбург, 1910. 361 с.

Лерх, 1870 – Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году [Электронный ресурс]: извлеч. из Отчета, представл. Имп. Археол. комис. / [соч.] П. Лерха. Электрон. текстовые дан. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1870. 40 с.

Лыкошин, 1902 – Лыкошин Н.С. Суеверия киргиз, связанные с туркестанской мечетью Хазрет Султана // «*Туркестанские ведомости*» (газета). Ташкент. 1902. № 17 (28 февраля (13 марта)). С. 98.

Лыкошин, 1916 – Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане: очерки быта туземного населения. Склад Т-ва В.А. Березовский, 1916. 415 с.

Маллицкий, 1907 – Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Ясавийского в Туркестане // *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии*. 1907. Вып. XII. 88 с. С. 6-28.

Массон, 1930 – Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент: Типолит. № 2. Узполиграфтреста, 1930. 23 с.

Матвиевская – Матвиевская Г.П. Северцев Николай Алексеевич / Оренбургский край. [Электронный ресурс]. URL: <https://orenlib.ru/kray/orenkay/a-1209.html>. (дата обращения: 16.10.2025).

Мейер, 1866 – Мейер Л. По поводу статьи «Описание мечети Азрета» (Из письма редактору) // *Военный сборник*. 1866. № 10. С. 176.

Мұстапаева, 2021 – Мұстапаева Д. Қожа Ахмет Ясауи кесенесінің жөнделу жағдайы, зерттелуі (XIX ғ.–XX ғ. басы) // *Ясауи университетінің хабаршысы*. 2021. № 2(120). Б. 237-247. DOI: <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.606>

Нурмухамедова, 2012 – Нурмухамедова Ш. Лия Юльевна Маньковская // *Санат*. Вып. №1. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://sanat.orexca.com/2012-rus/2012-1-2/mankov/>

Остроумов, 1897 – Остроумов Н.П. Доклад о жалованной грамоте Тимура, выданной мазару Ясави]. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. 1897. № 2. С. 1-4, 9-11.

Пашино, 1868 – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки П.И. Пашино. Санкт-Петербург: тип. Тиблена и К° (Неклюдова), 1868. 179 с.

Саибгерей Ахмеров – Саибгерей Ахмеров. Педагог, миссионер, переводчик. Ахмеров Павел Николаевич // *Tatarica*. Татарская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/obrazovanie/personalii/ahmerov-pavel-nikolaevich>. (дата обращения: 23.12.2025).

Северцев, 1860 – Северцев Н.А. Месяц плена у кокандцев. Санкт-Петербург. 1860. Типография Рюмина и К. 98 с.

Султонов, 2014 – Султонов У.А. Русский востоковед А. Л. Кун и его коллекция исторических документов Ахмада Ясави // *Восточный архив*. 2014. № 1(29). С. 76-83.

Тохтабаев, 2000 – Тохтабаев А.У. Қожа Ахмет Ясауи сәулет ғимаратының тарихнамасы // *Отан тарихы*. 2000. №3 4. Б. 23-35.

Туркестан қаласының..., 2024 – Туркестан қаласының тарихы: архивтік құжаттар мен материалдардар. Құраст.: Тастанбеков М.М., Тұрсүн Х.М., Сандыбаева А.Д., Динашева Л.С., Рахымжан Қ.Ә., Байболов Б.Қ., Шаметов С.Т. Алматы, «ТОО «Алгорифм», 2024. 400 б.

Удербоева, Любичанковский, 2019 – Удербоева С.К., Любичанковский А.В. Вклад российских имперских научно-краеведческих обществ в научное изучение Центральной Азии // *ЭНОЖ «История»*. 2019. 8(82): 28. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840006044-7>

Шакуров, 1996 – Шакуров Р.З. Биксурин Мирсалих Мирсалимович / Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. 672 с. С. 179-180.

Шалекенов, 1995 – Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. Алматы: Ғылым, 1995. 422 с.

Uderbaeva et al., 2022 – Uderbaeva, S.K., Sagatov, A.M., Kakimzhanov, E.Kh. (2022). The Sacred Geography of Central Asia in the Works of Joseph-Antoine Castagnier. *Bylye Gody*. 17(2): 789-799. DOI: 10.13187/bg.2022.2.789

Tokhtabay, Dosymbetov, 2022 – Tokhtabay A.U., Dosymbetov N.A. Sacred Places of the Kazakhs in the Turkestan Region in the Works of Russian Researchers and Travelers (second half of the 19th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1214-1226.

References

- Abaza, 1902** – Abaza, K.K. (1902). Zavoievaniye Turkestana. Rasskazy iz voennoi istorii, ocherki prirody, byta i npravov tuzemtsev v obshchedostupnom izlozhenii [The conquest of Turkestan: stories from military history, essays on nature, daily life and customs of the natives in a popular presentation]. Sankt-Peterburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha. 310 p. [in Russian]
- Akhmerov, 1896** – Akhmerov, P.I. (1896). Nadpisi mecheti Kh.A. Yasavi [Inscriptions of the Kh.A. Yasavi Mosque]. *Izvestiia Obshchestva arkheologii i etnologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete*. T. XIII, vyp. 6. Kazan. [in Russian]
- Basenov, 1982** – Basenov, T.K. (1982). Kompleks mavzoleia Akhmeda Yasavi [The complex of Ahmed Yasavi's Mausoleum]. Alma-Ata: Oner. 71 p. [in Russian]
- Bekchurin, 1866** – Bekchurin, M.M. (1866). Opisanie mecheti Azreta, nakhodiashcheisia v gorode Turkestane (s risunkom) [Description of the Azret Mosque in the city of Turkestan (with illustration)]. *Voennyi sbornik*. 8: 209-219. [in Russian]
- Bukanova, Igdavletov, 2024** – Bukanova, R.G., Igdavletov, I.S. (2024). Mavzolei Khodzhi Akhmeda Yasavi v zapisakh Mirsalih Bekchurina [The Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi in the notes of Mirsalih Bekchurin]. *Problemy vostokovedeniia*. 3(105): 9-14. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1912** – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Goroda Syr-Dariinskoi oblasti: Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata i Chimkent [Cities of the Syr-Darya Region: Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata and Chimkent]. Tashkent: El. par. tipolit. O.A. Portseva. 204 p. [in Russian]
- Dulatov, 1998** – Dulatov, M. (1998). Khaziret Sultan [Khaziret Sultan]. «Qazaq» gazet. Bas redaktor A. Nysanbaev. Almaty. Pp. 40-43. [in Kazakh]
- Gains, 1896** – Gains, A.K. (1896). Dnevnik 1866 goda. Puteshestvie v Turkestan [Diary of 1866. Journey to Turkestan]. Sbornie literaturnykh trudov, t. II. SPb. 431 p. [in Russian]
- Istoricheskie dokumenty..., 2017** – Istoricheskie dokumenty mavzoleia Khodzha Akhmeda Yasavi [Historical Documents of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi]. Muminov A.K., Kumekov B.E., Sultonov U.A., Shukhovtsov V.K., Kenzhetaev D.T., Kabylova A.S., Utepbergenova U.A., Aibasov A.A. Astana: Master PO ZhShS, 2017. 216 p. [in Russian]
- Kastan'e, 1910** – Kastan'e, I.A. (1910). Drevnosti Kirgizskoi stepi i Orenburgskogo kraia s risunkami I.A. Kastan'e [Antiquities of the Kyrgyz Steppe and Orenburg Region with Illustrations by I.A. Kastan'e]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhovoi komissii*. Vyp. XXII. Orenburg. 361 p. [in Russian]
- Lerh, 1870** – Lerh, P.I. (1870). Arkheologicheskaia poezdka v Turkestanskii krai v 1867 godu [Archaeological trip to the Turkestan region in 1867]. SPb: tip. Imp. Akad. nauk. 40 p. [in Russian]
- Lykoshin, 1902** – Lykoshin, N.S. (1902). Sueverii kirgiz, svyazannye s turkestanskoi mecheti Khazret Sultana [Superstitions of the Kyrgyz Associated with the Khazret Sultan Mosque]. *Turkestanskii vedomosti (gazeta)*. Tashkent. № 17 (28 fevralia/13 marta). P. 98. [in Russian]
- Lykoshin, 1916** – Lykoshin, N.S. (1916). Polzhizni v Turkestane: Ocherki byta tuzemnogo naseleniia [Half a life in Turkestan: essays on the daily life of the native population]. SPb: Sklad T-va V.A. Berezovskii. 415 p. [in Russian]
- Malitskii, 1907** – Malitskii, S.G. (1907). Istoriko-arkhitekturnoe znachenie mecheti Khazreta Yasaviiskogo v Turkestane [Historical and architectural significance of the Khazret Yasavi Mosque in Turkestan]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha liubitelei arkheologii*. XII: 6-28. [in Russian]
- Masson, 1930** – Masson, M.E. (1930). Mavzolei Khodzha Akhmeda Yasevi [Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi]. Tashkent: Tipolit. №2 Uzpolografiya. 23 p. [in Russian]
- Matvievskaia** – Matvievskaia, G.P. Severtsev Nikolai Alekseevich [Severtsev Nikolai Alekseevich]. *Orenburgskii krai*. [Electronic resource]. URL: <https://orenlib.ru/kray/orenkray/a-1209.html> (date of access: 16.10.2025). [in Russian]
- Meyer, 1866** – Meyer, L. (1866). Po povodu stat'i «Opisanie mecheti Azreta» (Iz pis'ma redaktoru) [Regarding the Article "Description of the Azret Mosque" (From a Letter to the Editor)]. *Voennyi sbornik*. 10: 176. [in Russian]
- Mustapaeva, 2012** – Mustapaeva, D. (2012). Khoja Akhmet Yasavi kesenesinin zhondelu zhaui, zertteuli [The restoration and study of the Khoja Ahmed Yasavi Mausoleum (Late 19th – Early 20th Century)]. *Yasavi universitetinin khabarsy*. 2(120): 237-247. DOI: <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.606> [in Russian]
- Nurmukhamedova, 2012** – Nurmukhamedova, Sh. (2012). Liya Yul'evna Mankovskaia [Liya Yulyevna Mankovskaya]. *Sanat*. 1. [Electronic resource]. URL: <https://sanat.orexca.com/2012-rus/2012-1-2/mankov/> (date of access: 16.10.2025). [in Russian]
- Ostroumov, 1897** – Ostroumov, N.P. (1897). Doklad o zhalovannoi gramote Timura, vydannoi mazaru Yasavi [Report on Timur's Charter Issued to the Yasavi Mausoleum]. *Protokoly zasedanii i soobshcheniia chlenov Turkestanskogo kruzha liubitelei arkheologii*. 2: 1-4, 9-11. [in Russian]
- Pashino, 1868** – Pashino, P.I. (1868). Turkestanskii krai v 1866 godu: Putevye zametki [The Turkestan region in 1866: travel notes]. Sankt-Peterburg: tip. Tiblena i K° (Nekliudova). 179 p. [in Russian]
- Saibgeri Akhmerov** – Saibgeri Akhmerov. Pedagog, missioner, perevodchik. Akhmerov Pavel Nikolaevich [Educator, Missionary, Translator. Akhmerov Pavel Nikolaevich]. Tatarica. Tatarskaia entsiklopediia. [Electronic

resource]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/obrazovanie/personalii/ahmerov-pavel-nikolaevich> (date of access: 23.12.2025). [in Russian]

[Severtsev, 1860](#) – *Severtsev, N.A.* (1960). Mesiats plena u kokandtsev [A month of captivity among the Kokandians]. Sankt-Peterburg: Tipografiia Riumina i K. 98 p. [in Russian]

[Shakurov, 1996](#) – *Shakurov, R.Z.* (1996). Biksurin Mirsalih Mirsalimovich [Biksurin Mirsalih Mirsalimovich]. Bashkortostan: kratkaia entsiklopediia. Ufa: Bashkirskaiia entsiklopediia. Pp. 179-180. [in Russian]

[Shalekenov, 1995](#) – *Shalekenov, M.U.* (1995). Vzaimootnosheniia narodov Priaralia v XVIII–XIX vv. [Relations of the peoples of the Aral region in the 18th–19th centuries]. Almaty: Ghylm, 422 p. [in Russian]

[Sultonov, 2014](#) – *Sultonov, U.A.* (2014). Russkii vostokoved A.L. Kun i ego kolleksiia istoricheskikh dokumentov Akhmada Yasavi [Russian orientalist A.L. Kun and his collection of historical documents on Ahmad Yasavi]. *Vostochnyi arkhiv*. 1(29): 76-83. [in Russian]

[Tokhtabaev, 2000](#) – *Tokhtabaev, A.U.* (2000). Khoja Akhmet Yassau saulet g'imaratynyn tarkhnamasy [The Architectural history of Khoja Ahmed Yasavi's Mausoleum]. *Otan tarikhy*. 3–4: 23-35. [in Kazakh]

[Tokhtabay, Dosymbetov, 2022](#) – *Tokhtabay, A.U., Dosymbetov, N.A.* (2022). Sacred Places of the Kazakhs in the Turkestan Region in the Works of Russian Researchers and Travelers (second half of the 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 17(3): 1214-1226.

[Turkestan kalasynyn..., 2024](#) – *Turkestan kalasynyn tarkhy: arkhivtik dokumentter men materialdar* [The History of Turkestan City: Archival Documents and Materials]. Qurast.: Tastanbekov M.M., Tursun Kh.M., Sandybayeva A.D., Dinasheva L.S., Rakhymzhan Kh.A., Baibolov B.K., Shametov S.T. Almaty: TOO «Algorifm», 2024. 400 p. [in Russian]

[Uderbaeva et al., 2022](#) – *Uderbaeva, S.K., Sagatov, A.M., Kakimzhanov, E.Kh.* (2022). The Sacred Geography of Central Asia in the Works of Joseph-Antoine Castagnier. *Bylye Gody*. 17(2): 789-799. DOI: 10.13187/bg.2022.2.789

[Uderbaeva, Liubichankovskii, 2019](#) – *Uderbaeva, S.K., Liubichankovskii, A.V.* (2019). Vklad rossiiskikh imperskikh nauchno-kraevedcheskikh obshchestv v nauchnoe izuchenie Tsentral'noi Azii [Contribution of Russian Imperial Scholarly Societies to the Scientific Study of Central Asia]. *Enozh «Istoriia»*. 8(82): 28. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840006044-7> [in Russian]

[Yolgin, 1992](#) – *Yolgin, Yu.A.* (1992). Mavzolei Khodzhi Akhmada Yasavi: Bibliograficheskii ukazatel [The Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi: Bibliographic Index]. Shymkent. 48 p. [in Russian]

[Yolgin, 2013](#) – *Yolgin, Yu.A.* (2013). Arkheologicheskie i istoriko-arkhitekturnye issledovaniia mavzoleia Khodzhi Akhmada Yasavi: Vtoraya polovina XIX v. – seredina 1950-kh godov: Ocherki i materialy [Archaeological and historical-architectural studies of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi: late 19th century – mid 1950s: essays and materials]. Almaty. 225 p. [in Russian]

[Yolgin, 2015](#) – *Yolgin, Yu.A.* (2015). K probleme sveta v mavzolee Khodzhi Akhmada Yasavi [On the problem of light in the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi]. *Izvestiia Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Serii obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 6: 73-88. [in Russian]

[Yolgin, 2018](#) – *Yolgin, Yu.A.* (2018). V.S. Geintsel'man i ego programma remonta mavzoleia Khodzhi Akhmada Yasavi v 1906–1908 gg. [V.S. Geintselman and his program for the restoration of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi in 1906–1908]. *Arkheologiiia Kazakhstana*. 1-1: 201-214. [in Russian]

[Yolgin, 2019](#) – *Yolgin, Yu.A.* (2019). K izucheniiu voprosa o remonte mavzoleia Khodzhi Akhmada Yasavi v 1906–1908 gg. [On the study of the question of the Mausoleum's restoration in 1906–1908]. *Arkheologiiia Kazakhstana*. 1(3): 83-90. [in Russian]

[Yolgin, 2022](#) – *Yolgin, Yu.A.* (2022). Mavzolei Khodzhi Akhmada Yasavi: Istoriia arkitekturno-arkheologicheskikh issledovaniia [The Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi: history of architectural and archaeological research]. Red. B.A. Baitanova. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana. 299 p. [in Russian]

Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в исследованиях имперского периода XIX века

Акмарал Сандыбаева ^a, Сауле Удербаева ^b . *

^a Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан

^b Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется отражение истории мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в научном дискурсе XIX века (имперского периода). Мавзолей является значимым памятником

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saule-uderbaeva@mail.ru (С. Удербаева),

a.sandybaeva@iuth.edu.kz (А. Сандыбаева)

религиозного и культурного наследия Центральной Азии. В XIX веке его изучение сочетало научные интересы с имперскими задачами: сбор информации о новых территориях, исследование религиозных и культурных центров, а также формирование образа региона в имперском дискурсе. Настоящее исследование направлено на анализ подходов к изучению мавзолея в этот период, выявление источников, методов и интерпретаций, а также на уточнение существующих представлений через внимание к деталям и материалам, ранее не находившимся в центре внимания исследователей.

Для анализа применяются историко-генетический, историографический, источниковедческий и сравнительно-исторический методы, а также хронологический подход, что позволяет проследить динамику изучения мавзолея и изменение акцентов исследователей. Особое внимание уделяется архивным документам, отчетам имперских чиновников, путевым заметкам, рисункам и чертежам, демонстрирующим взаимосвязь науки, власти и идеологии в формировании представлений о памятнике.

Результаты работы уточняют роль имперских чиновников в изучении и сохранении материалов, выявляют ранее недостаточно освещённые аспекты историографии и способствуют более полному пониманию историко-культурного наследия Центральной Азии, а также современных подходов к его исследованию.

Ключевые слова: мавзолей, Ходжа Ахмед Ясави, империя, исследователи, сакральный памятник, востоковеды, ориентализм, средневековое зодчество, суфизм.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 818-825
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.818

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The University as an Institution for Elite Formation in the Ukrainian Governorates (1865–1917): Levels, Mechanisms, and Scale of Influence

Andrii E. Lebid ^{a, b, c, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b East European Historical Society, Houston, USA

^c Sumy State University, Sumy, Ukraine

Abstract

This article examines the role and historical mission of the university as an institution of elite formation in the Ukrainian Governorates at the turn of the 19th and 20th centuries (using the example of Imperial Novorossiia University in Odesa). The article analyzes the multilevel mechanisms and actual scope of the university's influence on the formation of scientific, intellectual, legal, and civic elites. The source material of the study consists of three complementary bodies of sources: official university and imperial educational-administration records, memoir and epistolary materials, and biographical and bibliographic publications. These publications served as the basis for compiling and verifying a register of the institution's most prominent figures. The research methodology is based on a synthesis of prosopographic, historical-comparative, problem-chronological, typological, and biographical methods, as well as content analysis.

As a result of verification, a personnel corpus comprising 56 individuals was compiled whose activities at Imperial Novorossiia University in Odesa took place during the imperial era. This register brought together figures who made significant contributions to science, state-building, and public administration.

Quantitative and qualitative analysis of the database revealed a clear dominance of the natural sciences and medicine, as well as physics and mathematics, which collectively account for 73.2 % of the total number of verified individuals. This confirms that the university served, first and foremost, as a powerful center for the formation of a scientific elite. At the same time, the significant proportion of representatives from the humanities, law, and social spheres indicates that the institution's mission of elite formation extended far beyond the strictly academic realm, encompassing the spheres of government and public life as well.

It has been demonstrated that Imperial Novorossiia University in Odesa functioned as an integrated institutional system of elite formation. Its effectiveness was determined by its normative structure, the activities of the professorial body, departmental organization, the integration of teaching and research, academic mobility, and symbolic legitimation. The institution's work unfolded in three dimensions: regional (as the intellectual core of Southern Ukraine), pan-imperial (as a center for the distribution of professional resources), and international (through the formation of world-class scholars). This allows us to position Imperial Novorossiia University in Odesa as one of the leading institutions for the formation of elites in the second half of the 19th and early 20th centuries.

Keywords: university, higher education, educational policy, elites, elite formation.

1. Introduction

The study of elites is one of the fundamental problems of historical scholarship, for it is precisely through the analysis of elite groups that one can trace the logic of state-building, institutional development, social transformations, and the cultural representation of society. Throughout various historical eras, it was

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

the elites who served as the strategic core of political, administrative, and intellectual life. They accumulated resources of power, established normative models of public behavior, produced knowledge, and shaped the state's internal and external image (Koval, 2015: 9-37; Domin, 2015: 57-68).

The modern era (especially from the second half of the 19th century to the early 20th century) is characterized by a rapid increase in the importance of educational and scientific institutions in the processes of elite formation. The deep bureaucratization of the state apparatus, the increasing complexity of the social structure, the differentiation of professional activities, and the institutionalization of science transformed universities into key channels of social mobility. Higher education in this period did more than train personnel: it shaped closed professional corporations, ensured the reproduction of intellectual staff, and served as a space for the accumulation of symbolic capital (Koval, 2015: 38-56; Muzychko, 2015: 82-106).

2. Materials and methods

The source material of this study consists of three distinct groups of sources. The first group includes official records produced by the administration of Imperial Novorossiia University in Odesa and documents of the imperial educational administration. This collection includes founding documents, the university-wide statutes of 1863 and 1884, minutes of University Council meetings, as well as annual reports on the institution's status and activities and reviews of academic instruction. This body of sources makes it possible to reconstruct the regulatory and legal framework of the university's operations, its administrative hierarchy, personnel policy, and the specifics of the educational process. Thanks to these materials, it has become possible to study in detail the institutional mechanisms through which the university environment formed and reproduced elite professional and intellectual groups (Obshchie ustavy..., 1901; Protokoly..., 1865–1884; Otchety..., 1866–1916; Obozrenie prepodavaniia..., 1895).

The second group consists of personal sources and materials of a memoir and epistolary nature. These include diaries, memoirs of contemporaries about Imperial Novorossiia University in Odesa, as well as private collections of professors and public figures whose lives were connected to the institution. These documents are of exceptional importance for reconstructing the internal life of the academic community, interpersonal communication, career strategies, corporate ethics, and specific forms of symbolic self-affirmation within the university (Samoilov, 1999).

The third group of sources consists of reference, biographical, and bibliographic publications used to compile and subsequently verify the university's personnel corpus – a register of professors and alumni who left the most significant mark on the institution's history. Additional data verification was provided by biographical and encyclopedic dictionaries, as well as systematic indexes to the “Notes of Novorossiia University”. The functional purpose of this section was to clarify the chronological boundaries, positions, nature of specific individuals' connections with the institution, and their location within the overall body of university documentation (Zoloti imena..., 2016; Profesory..., 2000–2005; Vypusknky..., 2005; Vypusknky..., 2010; Systematychnyi pokazhchyk..., 1957).

The personal corpus (register of professors and graduates) was formed based on the criterion of a person's direct connection to Imperial Novorossiia University in Odesa during the imperial period. The analysis included professors, lecturers, and graduates whose biographies intersected with the institution's activities between 1865 and 1917. This approach transformed the compiled register into a reliable tool for identifying and reconstructing typical trajectories of elite formation.

The article is based on a set of general scholarly methods. Synthesis and analysis allowed for the differentiation of the empirical base into separate blocks, combining them into a coherent model of the functioning of Imperial Novorossiia University in Odesa as an institution of elite formation. Induction and deduction were used to move from individual biographical, personnel, and documentary facts to broader conceptual conclusions about the institution's mission in forming scientific, legal, civic, and cultural leaders. The method of generalization helped identify typical characteristics of members of the university community, while the descriptive method provided a coherent account of the institution's institutional evolution, its structure, and the career paths of individuals associated with it.

Among the specialized historical methods, the prosopographic method plays a leading role, through which the types of connections between figures and the university, their disciplinary affiliations, forms of public recognition, and the scope of their subsequent activities were identified. The historical-comparative method was used to compare individual groups: natural sciences and medicine, physics and mathematics, chemistry, humanities, and the political-legal and civic fields. The problem-chronological method allowed us to trace the development of Imperial Novorossiia University in Odesa over time – from its founding to the end of the imperial period.

The historical-typological method was applied to classify types of elites and models of academic careers, while the biographical method was used for an in-depth analysis of representative cases that best illustrate the general patterns of elite formation. The content analysis method served as the foundation for examining reports, minutes of Council meetings, reviews of instruction, university periodicals, memoirs, and diaries. Elements of quantitative analysis were also employed, allowing for the systematization of individuals in the register by groups, nature of their connection to the institution, academic disciplines, and forms of recognition. The synthesis of these sources and methods enabled a comprehensive study of Imperial

Novorossiya University in Odesa as an institution for the formation of elites at the regional, imperial, and international levels.

3. Discussion

An analysis of the historiography shows that the history of Imperial Novorossiya University in Odesa has repeatedly attracted the attention of researchers; however, the dominant approaches to its study remain predominantly institutional-descriptive or disciplinary-fragmentary in nature. In most works, the university is presented as a complex administrative system, the development of which is analyzed through the prism of organizational transformations, educational traditions, international contacts, or the everyday practices of faculty and students. This perspective provides a broad framework for understanding the institution's place in the history of Southern Ukraine and the imperial educational space as a whole, but overlooks other important aspects (Grebtsova, 2005: 342-351; Riasikov, 2015: 163-171; Domin, Marenkov, 2015: 205-208; Grebtsova, Kovalska, 2021: 284-299; Kushnir, 2021: 23-32).

A separate body of literature is devoted to the development of specific faculties, departments, or academic fields. Studies examining the emergence of botanical studies at the Faculty of Physics and Mathematics, the development of physics, ethnography, history teaching, and the formation of source studies as a scientific discipline convincingly demonstrate that the university served as the primary space for the institutionalization of specialized fields of knowledge and the formation of professional communities. However, in the available publications, these processes are covered in isolation, without any attempt to integrate them into a coherent analytical model (Obshchie ustavy..., 1901; Protokoly..., 1865-1884; Otchety..., 1865-1915).

Thus, a review of the first block of literature allows us to conclude: contemporary historiography has laid a solid foundation for studying Imperial Novorossiya University in Odesa as a purely educational and scientific center, but has not yet offered a systematic vision of this institution as a powerful mechanism for the formation of the scientific, legal, civic, and cultural elite (Obozrenie..., 1895; Systematychnyi pokazhchyk..., 1957).

The collection of the university's official records of the university administration and documents of the imperial educational administration serves as the primary basis for reconstructing the institutional mechanisms of elite formation. Of particular value here is a collection of regulatory materials comprising founding documents, the statutes of 1863 and 1884, minutes of University Council meetings, and annual reports on its activities. These sources make it possible to reconstruct the institution's actual institutional configuration, its legal framework, administrative hierarchy, decision-making processes, departmental structure, faculty selection principles, and educational priorities.

Within this body of documents, the minutes of Council meetings and annual reports are the most important, as they specifically record the day-to-day operations of the university's administrative machinery. Through them, one can trace personnel appointments, faculty elections, the internal structure of departments, the geography of academic travel, changes in curricula, and the actual state of scientific research. When compared with the statutes, these documents illustrate the extent to which the university exercised autonomy and where it remained under strict state control.

No less significant are the serial materials of an educational, administrative, and scientific nature. They enable the reconstruction of the institution's disciplinary landscape, its professorial staff, and the actual architecture of knowledge within which future professionals were formed, as well as the university's modes of institutional self-representation. It is precisely in this combination that official documents reveal the university as a dynamic center for the training, selection, and legitimization of elites.

The source value of the memoir and epistolary heritage lies in the ability to reconstruct the daily life of the institution, clarify the specific features of the professorial and student subcultures, and identify the mechanisms of the subsequent glorification of individual community leaders. The personal archives of scholars and figures associated with the university significantly strengthen this line of research. They provide access to private correspondence, manuscripts, and official and private notes. Through them, one can trace individual trajectories of intellectual self-assertion, reflections on institutional changes, academic conflicts, communication networks, and career strategies. This allows us to study not merely a formal service biography, but the immediate process of entering an elite milieu as a unique personal and cultural experience (Samoilov, 1999).

The fourth block of sources, consisting of reference, biographical, and bibliographic literature, primarily serves a verification function. The register of the institution's "illustrious figures" makes it possible to identify those individuals through whom collective memory and scholarly tradition represent Imperial Novorossiya University in Odesa as a center of the highest intellectual standing (Profesory..., 2000-2005; Vypuschnyky..., 2005; Vypuschnyky..., 2010; Systematychnyi pokazhchyk..., 1957).

4. Results

The primary basis for compiling the personal corpus of individuals associated with Imperial Novorossiya University in Odesa was the register of professors and graduates who are recorded in historical memory as its most influential figures. Following verification, 56 individuals whose direct connection to the

institution spans the years 1865–1917 were added to the analytical database. This dataset allows for a detailed examination of the personnel composition during the imperial period. It represents not only the professorial body but also the institution's alumni, opening up the possibility of studying the university simultaneously in two dimensions: as a space for the formation of the academic elite and as a channel for training high-status specialists for other spheres of society.

An initial systematization of the personnel corpus revealed that it is more appropriate to classify the university's prominent figures not by formal positions but by sectoral and functional criteria. On this basis, the entire corpus of figures was divided into four independent blocks: 1) natural sciences and medicine; 2) physics, mathematics, and chemistry; 3) humanities; 4) political, legal, and civic.

The quantitative distribution revealed a clear dominance of the first two categories. The natural sciences and medicine block included 22 individuals, the physics, mathematics, and chemistry block – 19, the humanities block – 12, and the political-legal and civic block – 3 (Table 1). Thus, the first two blocks together account for 73.2 % of the total number of verified figures. This clearly confirms that Imperial Novorossiya University in Odesa during the imperial era positioned itself primarily as a center of scientific elite formation.

Table 1. Quantitative distribution of the personnel corpus of Imperial Novorossiya University in Odesa, 1865–1917 (*Profesory..., 2000–2005; Vypusky..., 2005; Vypusky..., 2010; Zoloti imena..., 2016*)

Block (cluster)	Number of Individuals	Share of Corpus, %
Natural Sciences and Medicine	22	39.3
Physics, Mathematics, and Chemistry	19	33.9
Humanities	12	21.4
Political, Legal, and Civic	3	5.4
Total	56	100.0

The natural sciences and medicine block accounts for the largest share of the studied corpus: 22 individuals, or 39.3 % of the total. This indicates that the university most clearly established itself as a space for the formation of the medical and biological elite (*Zoloti imena..., 2016; Profesory..., 2000–2005*).

This block is most vividly illustrated by the figures of Illia Mechnikov, Volodymyr Khavkin, Danylo Zabolotny, Mykola Gamaliya, Volodymyr Filatov, and Oleksandr Bogomolets. It is through the lens of their biographies that one can trace the university's capacity to form scientific leaders at the imperial and global levels. Illia Mechnikov's scientific achievements were linked to biology, embryology, microbiology, and immunology, and his research on phagocytosis earned him the Nobel Prize. This serves as compelling evidence of the university's integration into the global scientific community.

Volodymyr Khavkin demonstrates another model for realizing this unit's potential – the transition from fundamental university training to microbiological and epidemiological research on a global scale. His work on developing vaccines against cholera and the plague epitomizes a type of scientific authority where theoretical knowledge was directly converted into practical efforts to save human lives.

No less revealing are the biographies of Danylo Zabolotny and Mykola Gamaliya, which illustrate the university's role in the development of Ukrainian bacteriology and epidemiology.

As a researcher of particularly dangerous infections, Danylo Zabolotny represents the type of scientist whose career combined high academic standards with a socially significant mission. Mykola Gamaliya, one of the leading bacteriologists of his era, confirms that the university's resources could be transformed not only into academic recognition but also into tangible influence on the healthcare system and preventive medicine. Thanks to these figures, the natural sciences and medicine block emerged as an environment where science gained direct social significance.

Volodymyr Filatov and Oleksandr Bogomolets personify the fields of clinical medicine, pathophysiology, and the formation of powerful scientific schools. Volodymyr Filatov – a world-renowned ophthalmologist and one of the founders of modern ophthalmic surgery and tissue therapy – clearly demonstrated the high practical potential of the Odesa medical center. Oleksandr Bogomolets – an outstanding physiologist – exemplifies how the university served as a launching platform for achieving the highest level of scientific authority. These examples demonstrate that the natural sciences and medicine constituted a key component of the university's intellectual and professional community, while their representatives shaped the trajectory of scientific development far beyond the region itself.

Within this cluster, several types of connections with the university can be distinguished. Some scholars were members of the professional academic corps and directly shaped the intellectual environment through their teaching activities. Others were connected with the institution exclusively as graduates, whose education there laid the foundation for their future clinical or scientific careers. A separate group consisted of individuals whose biographies combined both models. Such multidimensionality indicates that the university functioned as a space for sustained and profound academic socialization.

This block brings together scholars whose subsequent activities differed in scale. While some scientists conducted their research primarily at the local level, the leaders of the field extended their influence far beyond the borders of Odesa. The aforementioned Mechnikov, Khavkin, Zabolotny, Gamaliya, Filatov, and Bogomolets embody not merely local history, but a global process of the institutionalization of science, in which the educational environment of Southern Ukraine served as a powerful generator of personnel and research practices.

The physics, mathematics, and chemistry block is the second largest component of the studied corpus: 19 individuals, or 33.9 % of the total. Together with the natural sciences and medicine block, it formed the core of the university's scientific elite (Zoloti imena, 2016; Profesory..., 2000–2005).

This block is most prominently represented by Mykola Zelinsky, Oleksandr Lyapunov, Leonid Mandelstam, and Lev Pysarzhevsky. Their work reveals the university's connection to the formation of an elite of fundamental knowledge, for whom high-level theorization, mathematical culture, laboratory experimentation, and an impeccable academic reputation were priorities.

Mykola Zelinsky is one of the key figures illustrating the evolution from a university student to a chemist of international renown. His research in organic chemistry, as well as his applied inventions, took his work far beyond the confines of purely academic science.

The figure of Oleksandr Lyapunov is also illustrative, as he embodies a high culture of mathematical research. His works in the fields of mathematics and mechanics confirm Imperial Novorossiia University in Odesa's commitment to the development of fundamental theory. This block demonstrates a specific model of elite formation, in which academic resources were converted into intellectual capital that shaped scientific progress beyond the borders of Odesa. The university's role here lay not merely in education, but in immersing individuals in an environment of high standards, where abstract thinking, methodological rigor, and the continuity of scientific traditions were honed.

Leonid Mandelstam, one of the most brilliant physicists of his time, attests that the university served as a launching platform for scholars who later worked within the sphere of global science. His example demonstrates the ability of the Odesa academic community to train top-tier researchers in both theoretical and experimental fields.

Lev Pysarzhevsky, a representative of the chemical field, exemplifies a model in which the university educated not merely classical professors and lecturers, but innovators capable of developing original approaches and founding their own scientific schools. It is precisely thanks to such leaders that the physics, mathematics, and chemistry block emerged as an environment for generating fundamental science, which defined the character of the academic landscape of that time.

This block represented a different type of elite formation than the medical and biological one. While in the medical environment, the social applicability of knowledge, clinical practice, and the fight against epidemics played a significant role, for the physics-mathematics and chemistry fields, the defining factors were the depth of theoretical training, the level of abstraction, methodological culture, and the ability to create new scientific schools.

Thus, the first two blocks constituted the main intellectual potential of Imperial Novorossiia University in Odesa. Their analysis demonstrates the institution's ability to foster a high-status scientific environment, ensure disciplinary continuity, and integrate graduates into broad scientific networks at the regional, imperial, and international levels.

The third block, the humanities, is quantitatively smaller than the previous two, yet it is by no means secondary. Its significance makes it possible to view Imperial Novorossiia University in Odesa as an important center for the formation of the humanities and cultural elite of the imperial era. In particular, the role of this educational institution in the development of art history, Byzantine studies, archaeology, philosophy, and psychology is most vividly reflected in the scholarly works of Nikodym Kondakov, Fedir Uspenskii, and Mykola Lange.

Nikodym Kondakov's scholarly legacy is inseparably connected with art history and archaeology, and his authority was recognized far beyond Odesa. His example demonstrates that the Faculty of Humanities trained not merely teachers or narrowly specialized experts, but scholars who shaped the development of the humanities within an international context.

No less significant was Fedir Uspenskii – one of the most authoritative Byzantinists, whose career serves as evidence of the high level of the university's historical and philological school. In his case, the humanities emerge as a sphere for preparing researchers capable of integrating the university into global academic networks and establishing their own scholarly schools.

Mykola Lange personifies the philosophical and psychological dimension of this intellectual sphere, closely connected with the development of intellectual culture. Taken together, these figures demonstrate that the university's humanities division served as a powerful source for the formation of cultural elites of the highest caliber.

The humanities constituted a distinct model of elite formation. Humanitarian disciplines provided a special form of prestige – intellectual authority, the ability to shape cultural codes, historical narratives, scholarly methodologies, and academic standards of interpretation.

This confirms that Imperial Novorossiia University in Odesa was not only a center for natural sciences but also an important hub of humanities knowledge that influenced the formation of the intellectual climate in both the Ukrainian lands and the empire as a whole.

The political-legal and civic block is the smallest within the structure of the personnel corpus, accounting for 5.4 % of the total. However, its presence is of fundamental importance, as it allows us to go beyond purely academic history and demonstrate how the university's resources were converted into practices of public administration, jurisprudence, public opinion formation, and civic life (Zoloti imena..., 2016; Vypusknyky..., 2005; Vypusknyky..., 2010). This group captures a distinct type of elite formation, where higher education served as a space for training individuals capable of influencing political decisions, legal doctrine, and the vectors of social development (Zoloti imena..., 2016; Profesory..., 2000–2005).

This block is most vividly represented by Mykola Vasylenko, Serhii Witte, and Mykhailo Slabchenko. It is through their lives that the university's ability to educate not only scholars but also statesmen and public leaders becomes evident. Mykola Vasylenko embodies the legal and statecraft dimensions of this approach. As a legal historian, a researcher of state institutions, and at the same time an active politician, he demonstrates that university education served as the foundation for combining theoretical knowledge with state activity.

Serhii Witte embodies the large-scale administrative and political dimension of university elite formation. He held the highest positions in the imperial system of power – Minister of Finance, Chairman of the Committee of Ministers, and Chairman of the Council of Ministers. His figure is a classic example of the transformation of university education into a large-scale political and modernizing influence on the state system.

Mykhailo Slabchenko represents the civic-intellectual component of this block. His life story traces the connection between Imperial Novorossiia University in Odesa and the cultivation of public intellectuals, whose activities closely intertwined scientific research with active citizenship and participation in social processes.

The conducted analysis makes it possible to assert that the elite-forming mission of the Imperial Novorossiia University in Odesa was not limited merely to the presence within its walls of individual outstanding professors or talented graduates.

The decisive factor was that the university functioned as a cohesive institutional mechanism. Within its framework, the legal structure, the professorial body, the faculty structure, the educational process, scientific research, academic communications, and symbolic forms of recognition formed a unified system.

The first fundamental element in the formation of elites was the institutional organization of the institution, enshrined in regulatory acts. The founding documents, the statutes of 1863 and 1884, as well as reporting documentation, indicate that Imperial Novorossiia University in Odesa was integrated into the empire-wide system of higher education as a fully-fledged structure designed to ensure the training of highly qualified personnel, the development of science, and the self-renewal of the professoriate (Obshchie ustavy..., 1901; Otchety..., 1866–1916).

The second key lever was the professorial corporation itself. It was this body that ensured the continuity of academic tradition, set the standard for scientific quality, developed curricula, conducted faculty selection, and shaped the environment for the initial intellectual socialization of young researchers. Sources indicate that within the university structure, the professor served as the primary bearer of scientific authority, a representative of his or her school, and a unifying link between the local institution and the global scientific community (Protokoly..., 1865–1884; Obozrenie prepodavaniia..., 1895; Otchety..., 1866–1916).

The third mechanism for the formation of elites was the faculty-department structure, which defined the university's disciplinary character and effectively shaped the profile of future elites. This explains the clear dominance of representatives from the natural sciences, medical sciences, and the exact sciences within the verified cohort. The issue is not merely one of individuals, but rather that the very conditions under which departments and laboratories operated fostered the concentration of resources in fields where research was systematic and long-term in nature.

An integral condition for the formation of the elite was the unity of the educational process and scientific work. The university environment was structured so that the acquisition of knowledge, experimentation, and early involvement in research mutually reinforced one another. This is fundamental to understanding the nature of the university. Here, the elite emerges not as a random external outcome of education, but as a natural product of an environment where an individual progressed from a lecture attendee to an equal participant in scientific discourse, from a student to a faculty member and a member of the scientific community.

A significant proportion of the individuals included in the compiled corpus continued their careers at other universities, academies, major laboratories, and administrative institutions. It was this academic mobility that transformed Imperial Novorossiia University in Odesa from a regional institution into a significant element of the pan-imperial and international intellectual sphere.

Another effective tool for elite formation was symbolic legitimation and the specific culture of academic prestige. The university conferred a particularly high status associated with the title of professor, departmental affiliation, and recognition among peers. Taken together, these factors transformed the Imperial Novorossiia University in Odesa into one of the most important centers for the formation of the scientific, intellectual, legal, and civic elite of its era.

An analysis of the structure of its academic and professional community makes it possible to examine the influence of this educational institution across three interconnected dimensions: regional, imperial, and international. Such a three-level perspective provides an objective assessment of its historical significance. The university was not an isolated local institution; rather, its function was to simultaneously satisfy the intellectual and professional needs of the southern Ukrainian governorates, integrate into the imperial circulation of knowledge, and educate leaders whose activities extended onto the international stage.

On a regional scale, Imperial Novorossiia University in Odesa served as the main hub of intellectual activity in Southern Ukraine. It influenced the region by training qualified specialists and shaping an urban environment where education and science became important markers of social prestige. This influence was particularly noticeable in fields related to the region's practical needs. For instance, the geological surveys conducted by Mykola Andrusov and Mykola Golovkinsky were of strategic importance for the scientific exploration of the Black Sea region, while Oleksandr Brauner's zoological studies focused on the fauna of the South. The climatic and meteorological studies of Oleksandr Klosovsky, oriented toward regional needs, are also indicative in this regard, as are the botanical-geographical works of Gavrylo Tanfiliev devoted to the characteristics of the steppe zone.

The pan-imperial vector of influence is no less clearly discernible. The compiled corpus of individuals demonstrates that most individuals associated with the university extended beyond the local sphere and integrated into the empire's academic, legal, and state systems. In this context, the university emerges as a vital hub for the formation and redistribution of intellectual resources, capable of training specialists who successfully competed and gained recognition at the national level.

The institution's international scope of influence was most clearly evident through representatives of the natural sciences and medicine block, as well as the physics, mathematics, and chemistry block. It is there that figures are concentrated whose scientific activity transcended the empire's borders and became an integral part of the European and global context. This means that the university was involved not only in the reproduction of national elites but also in the training of scholars whose authority had global resonance.

Thus, the research findings indicate that Imperial Novorossiia University in Odesa operated simultaneously on three scales. At the regional level, it served as the intellectual core of Southern Ukraine and a center for the formation of high-status professional groups. At the imperial level, it served as a key hub for the training and deployment of scientific, administrative, and legal personnel. Internationally, it facilitated the entry of locally trained scholars onto the global academic stage. Collectively, this allows us to position it as an institution of elite formation operating across several levels.

5. Conclusion

This study allows us to view Imperial Novorossiia University in Odesa as one of the key institutions for the formation of elites in Southern Ukraine in the second half of the 19th and early 20th centuries. An analysis of the institution's verified personnel indicates that its historical influence was manifested simultaneously in several dimensions. It was most clearly evident in the sphere of scientific elite formation, primarily in the natural sciences, medicine, and physics and mathematics. It is these fields that constitute the quantitatively dominant part of the studied corpus. They most convincingly attest to the university's high institutional capacity for training scientific and research personnel on an imperial and international scale.

At the same time, the results of the analysis demonstrate that the role of Imperial Novorossiia University in Odesa was not limited exclusively to the history of the natural sciences and medicine. The development of the institution's humanities field confirms its significance as a vital environment for shaping an intellectual and cultural elite associated with history, philology, philosophy, archaeology, and art history. The political-legal and civic block, despite its limited size, revealed yet another significant vector of the university's influence, directly linked to the sphere of public administration, the development of public opinion, and civic life. This provides grounds for asserting that Imperial Novorossiia University in Odesa ensured the reproduction of several types of elites, among which the academic elite held a prominent place.

The study also established that the university's elite-forming mission was supported by a complex of interrelated institutional mechanisms. These include the institution's formally established structure, the activities of the professorial corporation, the faculty-departmental organization, the systematic integration of teaching with research, academic mobility, a developed knowledge infrastructure, and an effective system of symbolic legitimation. The university simultaneously served as a space for selection, academic socialization, professional development, and social recognition of the individual.

An important conclusion of the study is that the university's activity unfolded simultaneously across three dimensions. At the regional level, it served as a center of intellectual concentration for Southern Ukraine and a hub for training high-status professional groups. At the pan-imperial level, the university served as one of the leading centers for the formation and redistribution of scientific, administrative, and intellectual personnel. At the international level, the institution contributed to the formation of figures whose scientific authority and achievements extended far beyond the boundaries of the imperial scientific and academic sphere.

Thus, during its existence (1865–1917), Imperial Novorossiia University in Odesa emerged as a powerful center for the formation of the scientific, intellectual, legal, and civic elite. Its historical role was defined by its

ability to construct and maintain a stable academic environment within which knowledge, status, institutional structure, and symbolic capital combined into an effective mechanism for long-term elite formation.

References

- Domin, 2015** – Domin, O. (2015). Orhanizatsiini transformatsii ta stanovlennia navchalnoho protsesu. Novorosiiskyi universytet u 1865–1920 rokakh [Organizational transformations and the formation of the educational process: Novorossiia university in 1865–1920]. Odeskyi natsionalnyi universytet imeni I.I. Mechnykova. Istoriiia ta suchasnist (1865–2015). Odesa: Odeskyi nats. un-t. Pp. 57-68. [in Ukrainian]
- Domin, Marenkov, 2015** – Domin, O., Marenkov, V. (2015). Rozvytok fizychnykh doslidzhen [The development of physical research]. Odeskyi natsionalnyi universytet imeni I.I. Mechnykova. Istoriiia ta suchasnist (1865–2015). Odesa: Odeskyi nats. un-t. Pp. 205-208. [in Ukrainian]
- Grebtsova, 2005** – Grebtsova, I. (2005). Vykladannia rosiiskoi istorii v Novorosiiskomu universyteti [Teaching Russian History at Novorossiia University]. *Zapysky istorichnoho fakultetu*. 16: 342-351. [in Ukrainian]
- Grebtsova, Kovalska, 2021** – Grebtsova, I., Kovalska, M. (2021). The development of the foundations of source criticism as a scientific discipline at the Imperial Novorossiia University. *History of Science and Technology*. 11(2): 284-299.
- Koval, 2015** – Odeskyi natsionalnyi universytet imeni I.I. Mechnykova. Istoriiia ta suchasnist (1865–2015) [Odesa I.I. Mechnikov National university: history and modernity]. Hol. red. I.M. Koval. Odesa: Odeskyi nats. un-t. 963 p. [in Ukrainian]
- Kushnir, 2021** – Kushnir, V. (2021). Etnohrafiia v Novorosiiskomu universyteti: do pyttannia pro vytoke narodoznavchoi dystsypliny [Ethnography at Novorossiia university: on the origins of ethnological studies]. *Zapysky istorichnoho fakultetu*. 32: 23-32. [in Ukrainian]
- Muzychko, 2015** – Muzychko, O. (2015). Povsiakdenne zhyttia vykladachiv i studentiv. Novorosiiskyi universytet u 1865–1920 rokakh [The everyday life of professors and students: Novorossiia university in 1865–1920]. Odeskyi natsionalnyi universytet imeni I.I. Mechnykova. Istoriiia ta suchasnist (1865–2015). Odesa: Odeskyi nats. un-t. Pp. 82-106. [in Ukrainian]
- Obozrenie prepodavaniia..., 1895** – Obozrenie prepodavaniia v Imperatorskom Novorossiiskom universitete na 1895–1896 akademicheskii god [Review of teaching at the Imperial Novorossiia university for the 1895–1896 academic year]. Odessa, 1895. [in Russian]
- Obshchie ustavy..., 1901** – Obshchie ustavy imperatorskikh rossiiskikh universitetov 1863 i 1884 gg. [General statutes of the Imperial Russian universities of 1863 and 1884]. Odessa: Tip. Iuzhno-rus. o-va pechatnogo dela, 1901. 83 p. [in Russian]
- Otchety..., 1866–1916** – Otchety o sostoianii i deiatelnosti Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta za 1865–1884, 1901–1915 gg. [Reports on the condition and activities of the Imperial Novorossiia university for 1865–1884 and 1901–1915]. Odessa, 1866–1916. [in Russian]
- Profesory..., 2000–2005** – Profesory Odeskoho (Novorosiiskoho) universytetu [Professors of Odesa (Novorossiia) University]: biohr. slov.: u 4 t. Odesa: Astroprynt, 2000–2005. [in Ukrainian]
- Protokoly..., 1865–1884** – Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta [Minutes of the meetings of the Council of the Imperial Novorossiia university]. Odessa, 1865–1884. [in Russian]
- Riasikov, 2015** – Riasikov, L. (2015). Stanovlennia i rozvytok botanichnykh doslidzhen. Fyzyko-matematychnyi fakultet [The formation and development of botanical research: faculty of physics and mathematics]. Odeskyi natsionalnyi universytet imeni I.I. Mechnykova. Istoriiia ta suchasnist (1865–2015). Odesa: Odeskyi nats. un-t. Pp. 163-171. [in Ukrainian]
- Samoilov, 1999** – Novorosiiskii universitet v vospominaniiakh sovremennikov: k 135-letiiu Odesskogo universiteta [Novorossiia university in the memoirs of contemporaries: to the 135th anniversary of Odesa university]. Avt.-sost. F.A. Samoilov. Odessa: Astroprynt. 295 p. [in Russian]
- Systematychnyi pokazhchyk..., 1957** – Systematychnyi pokazhchyk do «Zapysok Novorosiiskoho universiteta» za 1867-1919 rr. [Systematic index to the “Notes of Novorossiia university” for 1867–1919]. *Pratsi Odeskoho derzhavnoho universytetu im. I.I. Mechnykova. Bibliohrafichna seriia*. 1957. 147(1): 31-102. [in Ukrainian]
- Vypusknky..., 2005** – Vypusknky Odeskoho (Novorosiiskoho) universytetu [Graduates of Odesa (Novorossiia) university]: entsykl. slovnyk. ONU im. I.I. Mechnykova, Nauk. b-ka; vidp. red. V.A. Smyntyna; zast. vidp. red. M.O. Podrezova. Odesa: Astroprynt, 2005. Vyp. 1. 246 p. [in Ukrainian]
- Vypusknky..., 2010** – Vypusknky Odeskoho (Novorosiiskoho) universytetu [Graduates of Odesa (Novorossiia) University]: entsykl. slovnyk. ONU im. I.I. Mechnykova, Nauk. b-ka. Odesa: Astroprynt, 2010. Vyp. 2. 230 p. [in Ukrainian]
- Zoloti imena..., 2016** – Zoloti imena Odeskoho natsionalnoho universytetu imeni I.I. Mechnykova (1865-2015) [Golden names of Odesa I.I. Mechnikov national university]: nauk. dovidnyk. ONU im. I.I. Mechnykova, Nauk. b-ka; nauk. red. I.M. Koval; uporiad.: M.O. Podrezova, V.V. Samodurova; bibliohr. red. A.P. Bakhchyvanzhy. 2-he vyd., pererob. i dopov. Odesa: Odeskyi nats. un-t, 2016. 205 p. [in Ukrainian]

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 826-836
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.826

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Kazakh Agriculture in the Syr Darya Region in Russian Scholarship 19th–20th centuries

Amina Ahantaeva ^a, Gulzhan A. Meirmanova ^b*, Daulet Z. Zhailybay ^b

^a Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the agricultural culture of the Kazakhs of the Syr Darya region from the mid-19th to the early 20th century. Particular attention is given to traditional agriculture practiced by the Kazakh population of the middle and lower reaches of the Syr Darya, which constituted one of the key components of their economic system and played a significant role in shaping the region's material and spiritual culture. The aim of the study is to identify and interpret the place and significance of agricultural traditions within the life-support system of the Kazakhs inhabiting the Syr Darya territories.

The scientific novelty of the study lies in a comprehensive historical and ethnographic analysis of the agricultural culture of the Kazakhs of the Syr Darya region as a stable and historically continuous phenomenon formed in a border zone of interaction between nomadic and sedentary ways of life. For the first time, because of a comparative analysis of sources from different periods, agriculture is examined not only as an economic practice but also as an element of ethnocultural adaptation to the natural-geographical and socio-political conditions of the region.

The study identifies the main agricultural methods and techniques, features of irrigation practices, tools of labor, and types of agricultural products, as well as customs and ritual forms associated with farming. It demonstrates the dependence of the organization of agricultural labor on seasonal cycles and environmental conditions, allowing the Syr Darya region to be characterized as one of the centers of agricultural culture among the Kazakhs.

Keywords: Syr Darya region, Kazakh agriculture, Kyzylkum Kazakhs, peasant farm, history of agriculture, researchers of the Russian Empire, murap (traditional irrigation water manager), ethnography, Central Asia, irrigation.

1. Введение

Сырдарьинский регион на протяжении длительного исторического времени выступал одной из ключевых зон взаимодействия кочевых и оседло-земледельческих форм хозяйствования в Центральной Азии. Особенности природно-географической среды, прежде всего наличие устойчивых водных ресурсов реки Сырдарьи в условиях аридного климата, способствовали формированию развитых традиций ирригационного земледелия. В результате в регионе сложился специфический хозяйственно-культурный тип, сочетающий кочевое и полукочевое скотоводство с различными формами земледельческой деятельности. В историографии XIX – начала XX вв. сведения о хозяйственной культуре казахов Сырдарьинского региона получили отражение преимущественно в трудах российских военных чиновников, путешественников, статистиков и исследователей. Эти работы были тесно связаны с административными и научными задачами Российской империи и содержат значительный фактический материал о традиционных формах хозяйствования, системе ирригации, организации труда и расселении населения региона. Среди авторов, внесших

* Corresponding author

E-mail addresses: meirmanovaga@gmail.com (G.A. Meirmanova)

значительный вклад в изучение данного вопроса, следует отметить А.И. Макшеева, Л.Л. Мейера, Н.Н. Дингельштедта, А.А. Кауфмана, И.В. Аничкова и других исследователей, чьи труды позволяют реконструировать хозяйственную систему казахов Сырдарьинского края в дореволюционный период. Вместе с тем данные источники требуют критического осмысления с учётом специфики колониального дискурса и методологических ограничений своего времени.

Современные исследования, посвящённые традиционной хозяйственной культуре казахов, в большей степени сосредоточены на проблемах кочевого скотоводства, тогда как земледелие зачастую рассматривается как второстепенное или производное явление. В этой связи актуализируется необходимость комплексного историографического анализа дореволюционных источников. Они позволяют выявить реальное место земледелия в хозяйственной системе казахов Сырдарьинского региона и проследить историческую преемственность земледельческих практик. Сырдарьинский регион играл значимую стратегическую и экономическую роль, одновременно выступая центром торгово-культурной и научной активности.

В XIX веке Перовский и Казалинские уезды, входившие в состав Сырдарьинской области бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, соответствуют современным границам Кызылординской области. В научной терминологии понятия «Сыр өңірі (Сырдарьинский регион)» и «Сыр өңірі казактары (Казахи низовьев сырдарьи)» используются для обозначения данного историко-этнографического региона (Кляшторный, 1953: 189).

В качестве объекта исследования выбрана земледельческая культура казахов Перовского и Казалинского уездов второй половины XIX – начала XX вв., что позволяет раскрыть историко-географический и социально-культурный контекст данной территории.

Историко-культурные особенности, родоплеменной состав и различия в традиционных формах хозяйствования, сложившиеся в различных регионах Казахстана, требуют комплексного научного анализа в сфере материальной и духовной культуры. При этом особое внимание уделяется изучению духовной культуры, народных знаний и верований, а также определения научного значения этих источников для реконструкции традиционной хозяйственной системы региона. Научная новизна исследования заключается в комплексном историографическом переосмыслении земледельческой культуры казахов Сырдарьинского региона как устойчивого элемента традиционного хозяйства, сформировавшегося в зоне взаимодействия кочевых и оседлых экономических систем. В работе земледелие рассматривается не только как хозяйственная практика, но и как форма этнокультурной адаптации населения к природным условиям и социально-экономическим процессам региона XIX–XX вв.

2. Материалы и методы

В основу исследования положены опубликованные труды русских ученых XIX–XX вв., посвященные земледелию казахов Сырдарьи. В качестве источников использованы монографии, статьи в научных журналах, отчеты экспедиций, отражающие хозяйственную деятельность местного населения.

Особое внимание уделено трудам таких авторов как А.И. Макшеев (Макшеев, 1896), П.И. Рычков (Рычков, 1887), Л. Мейер (Мейер, 1865), И.Г. Александров (Александров, 1923), С. Зыков (Зыков, 1862), П.И. Пашино (Пашино, 1868), П.И. Лерх (Лерх, 1870), Н.Н. Каразин (Каразин, 1885), Л.Ф. Костенко (Костенко, 1871), Е. Смирнова (Смирнова, 1887), Н.Н. Дингельштедт (Дингельштедт, 1893), И.В. Аничков (Аничков, 1899), А.И. Шахназарова (Шахназарова, 1898), Н. Гаврилова (Гаврилова, 1911), А.А. Кауфман (Кауфман, 1903), Н.Н. Александров (Александров, 1923). Кроме того, в исследовании использованы этнографические описания, схемы ирригационных систем, терминология, связанная с земледельческой практикой, а также образцы устной народной литературы.

В данный период царское правительство организовывало научно-географические экспедиции для статистического и экономического изучения казахских земель. Основной задачей этих экспедиций было выявление пригодных для земледелия территорий и их последующее включение в государственный фонд. В данном направлении активно работали статистические комитеты, ежегодно составлявшие специальные обзоры и собравшие сведения о практике землепользования казахов. В представленной статье для раскрытия историко-этнографических основ традиционной земледельческой культуры казахов использован широкий спектр источников и научных методов. Прежде всего, основными источниками исследования стали труды военных чиновников, русских путешественников и исследователей середины XIX – начала XX вв. Несмотря на то, что данные работы зачастую были ориентированы на административные интересы империи, они содержат богатый фактический материал о традиционном укладе жизни казахского народа, что придает им особую ценность.

Для анализа применялся историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить различные описания земледельческих практик и выявить общие тенденции в их интерпретации. Применение проблемно-хронологического метода позволило структурировать исследовательский материал в соответствии с последовательностью публикаций и основными тематическими направлениями изучения земледельческой культуры. Историко-сравнительный этнографический метод обеспечил выявление роли политических, социально-экономических и природно-географических факторов в формировании и развитии традиционного земледелия казахов

Перовского и Казалинского уездов, а также дал возможность сопоставить интерпретации и оценки различных исследователей. Использование системного подхода способствовало классификации разнородного корпуса источников от официальных административных отчетов до путевых заметок и научных публикаций и позволило выявить основные направления осмысления и анализа земледельческой культуры казахов Сырдарьинского региона в рамках российского научного и административного дискурса. Применение историко-сравнительного метода позволило не только сопоставить разновременные и разнородные источники, но и выявить закономерности формирования земледельческой культуры Сырдарьинского региона в сопоставлении с другими районами земледельческого расселения казахского населения и Средней Азии. Использование данного метода дало возможность проследить динамику трансформации землепользовательских и ирригационных практик в условиях изменения природно-климатических факторов и административной политики Российской империи, а также уточнить степень устойчивости традиционных форм земледелия по отношению к внешним воздействиям. Также использовался контент-анализ текстов, направленный на выявление ключевых понятий и терминов, связанных с аграрной культурой казахов.

Особое внимание уделялось критическому рассмотрению источников: учитывались социально-политический контекст времени, цели и задачи исследователей указанного периода.

3. Обсуждение и результаты

Понятие «Сырдарьинский регион», связанное не только с ролью реки Сырдарья как главного водного источника, но и с ограниченным употреблением данного топонима исключительно к территориям среднего и нижнего течения реки. Эта особенность имеет глубокие корни в историко-географическом, этнографическом и культурном контексте региона. В русских письменных источниках второй половины XIX – начала XX вв. широко использовался термин «Присырдарья» в русских письменных источниках второй половины XIX – начала XX вв. Это демонстрирует параллельность историко-географической номинации. Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем» 1867 года, Перовский и Казалинский уезды входили в состав Сырдарьинской области. Их территория охватывала песчаные пространства северо-западной части Туркестана и располагалась по обоим берегам среднего и нижнего течения реки Сырдарья (Кляшторный, 1953: 192).

Этимология гидронима «Сырдарья», равно как и его античного названия «Яксарт», до настоящего времени не получила окончательного научного подтверждения. Существующие версии основываются на сравнительно-историческом анализе тюркских, иранских и греческих источников, однако единое мнение среди исследователей отсутствует. Наиболее убедительную интерпретацию предложил И. Маркварт, отметивший упоминание «Яксарта» в древнетюркских источниках VIII в. В китайских хрониках того времени река фигурировала как «Чжэнь-чжу-хэ» («истинная жемчужная река»), а местное название транскрибировалось как «jo-sa», «jok-sat». И. Маркварт связывал его с древнеиранским выражением ja/sa-arta – «истинная жемчужина» (Лившиц, 2003: 12). В исторической книге «Тарих-и Вассаф» отмечается, что термин «Сыр» вошёл в этнотопонимический оборот начиная с XIII–XIV вв., закрепившись не только как географический, но и как политико-культурный маркер. Этимологический анализ показывает, что слово «Сыр» в ряде таджикских и узбекских городов Средней Азии употреблялось в значении «полноводная (река)», «бурная (река)», что свидетельствует о взаимодействии древнетюркской, персидской и местной лексической традиции (Жумабаева, Сабитов, 2023: 224).

Природно-географические особенности региона обусловили постоянные противоречия между земледельческими и кочевыми сообществами, что препятствовало полноценному развитию оседлого земледельческого населения. Для земледельцев значение Сырдарьи было исключительным: в условиях жаркого и засушливого климата Средней Азии летом без искусственной ирригации земледелие было невозможно. При этом многие малые русла и притоки реки из-за крутых берегов и гидрологических особенностей не подходили для орошения. В отличие от верхнего и среднего течения, нижнее течение Сырдарьи, протекающее по широкой и постепенно понижающейся равнине, формировало благоприятные условия для ирригации, обеспечивая почву влагой и обогащая её аллювиальными наносами, что способствовало повышению плодородия земель. В результате сравнительного анализа были выявлены существенные различия: во-первых, между земледельческими практиками Перовского и Казалинского уездов, обусловленные неодинаковыми гидрологическими условиями среднего и нижнего течения Сырдарьи; во-вторых, между земледельческой культурой присырдарьинских казахов и земледелием оседлого населения оазисов Средней Азии, что проявлялось в характере ирригационных сооружений, сезонности сельскохозяйственных работ и степени интеграции земледелия в кочевую хозяйственную систему; в-третьих, между оценками и интерпретациями русских исследователей различных периодов, отражавшими эволюцию научных подходов от административно-статистического описания к более этнографически ориентированному анализу.

Анализ дореволюционных источников показывает, что представления российских исследователей о земледельческой культуре казахов Сырдарьинского региона формировались на

стыке научного знания и колониальной административной практики. Для большинства авторов земледелие рассматривалось как критерий формирования оседлых практик и «хозяйственного прогресса», что нередко приводило к недооценке традиционных форм адаптации кочевого населения к земледельческой деятельности. Вместе с тем фактический материал, зафиксированный в этих работах, свидетельствует о глубокой исторической укорененности земледелия в регионе.

В трудах А.И. Макшеева и Л.Л. Мейера земледелие казахов представлено как системный элемент хозяйственной структуры, тесно связанный с ирригационными практиками и сезонной организацией труда. Описания оросительных сооружений, распределения воды и роли *мурапов* демонстрируют высокий уровень традиционных инженерных знаний, сформировавшихся задолго до включения региона в состав Российской империи. Эти наблюдения опровергают распространённое в дореволюционной историографии представление о вторичности земледелия в хозяйстве казахов.

Особое значение имеют работы Н.Н. Дингельштедта и И.В. Аничкова, в которых земледелие рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с социальными институтами и правовыми нормами водопользования. Н. Дингельштедт подчёркивал, что регулирование ирригационных отношений осуществлялось на основе традиционных механизмов, исключавших вмешательство судебных структур, что свидетельствует о развитой системе локального самоуправления. И.В. Аничков, в свою очередь, отмечал гибкость хозяйственной деятельности казахов, позволяющую сочетать земледелие, скотоводство и рыболовство в зависимости от природных условий.

Сравнительный анализ статистических материалов конца XIX – начала XX вв. показывает, что в Перовском и Казалинском уездах земледелие занимало устойчивые позиции в хозяйственной структуре населения. Данные «Материалов по киргизскому землепользованию» и отчётов Переселенческого управления свидетельствуют о значительных площадях орошаемых земель и высокой вовлечённости населения в земледельческий труд. При этом переход части казахского населения к оседлости носил не стихийный, а адаптационный характер, обусловленный как природными, так и социально-экономическими факторами.

По мере продвижения Российской империи в казахскую степь хозяйственная система и обычаи местного населения становились объектом научного изучения. Если восточные источники затрагивали данную тему лишь косвенно, то наиболее полные сведения о хозяйственной практике встречаются преимущественно в русских письменных материалах. С конца XVIII – первой четверти XIX вв. эмпирическая база данных о хозяйственной структуре казахов Сырдарьинского региона значительно расширилась, что было связано с установлением торгово-дипломатических отношений Российской империи с ханствами Центральной Азии. Традиционные транзитные маршруты караванной торговли и дипломатических миссий в направлении Хивы, Бухары и Ташкента проходили через Сырдарьинский регион, усиливая его геоэкономическое значение.

В этот период в официальных отчетах российских чиновников и военных разведчиков появляются сравнительно-аналитические сведения о хозяйственной практике местного населения. Так, востоковед генерал-лейтенант Алексей Иванович Макшеев, основываясь на исследованиях Сырдарьинского региона в труде «Описание низовьев Сыр-Дарьи» (1896) подробно описал состояние кочевого скотоводства, земледелия и традиционных промыслов региона, анализируются особенности традиционной хозяйственной системы Сырдарьинского региона, соотношение кочевого и оседлого населения, этнодемографические показатели и торговые связи. Его материалы позволяют комплексно реконструировать историко-этнографический облик казахов Сырдарьинского края XIX в.

В 1840-е гг. Российская империя начала масштабную подготовку административного включения казахских земель, включая территории вдоль Сырдарьи. В рамках этих мероприятий в 1847 г. по предложению военного топографа И. Ф. Бларамберга на восточном побережье Аральского моря, у устья Сырдарьи, была построена крепость Райым. Местоположение крепости было выбрано на основе материалов и топографических рисунков, приведённых в его труде «Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского воеводства» (Бларамберг, 1848: 69). В данном исследовании автор подробно описал летний и зимний кочевой быт казахов Младшего жуза, а также одним из первых научно обосновал, что казахи Сырдарьинского региона в большей степени занимались земледелием по сравнению со своими соплеменниками в Западном Казахстане. Он представил данные об организации земледельческого процесса, используемых орудиях труда и выращиваемых культурах. Кроме того, И.Ф. Бларамберг отметил важность рыболовства как значимого промысла для населения Сырдарьи (Бларамберг, 1848: 73). Эти сведения не только служили информационной основой для колониальной политики царского правительства, но и позволяли выявить особенности этноэкономической структуры региона.

В 1858 г. генерал Л. Л. Мейер был назначен в Оренбургский военный корпус, что усилило его научный интерес к казахской степи. В 1860 г. он провёл комплексные исследования Жаңадарьи, долины Сырдарьи и Аральского моря, описав природно-географические, экономические и стратегические особенности региона. Результаты этих экспедиций были опубликованы в статьях «Дельта реки Сыр-Дарьи и её отношение к России» (Мейер, 1861), «Аральская флотилия в отношении к среднеазиатской торговле» (Мейер, 1862). Эти публикации в журналах «Морской сборник» и

«Военный сборник» способствовали научному обоснованию политической и военной стратегии Российской империи в Центральной Азии.

В 1867 г. Л.Л. Мейер был назначен председателем специальной комиссии по описанию казахской степи и возглавил систематическое исследование региона. Под его руководством был подготовлен труд «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба» (Мейер, 1865: 163), который всесторонне охватывает этнографический и социально-экономический облик казахов Сырдарьинского региона 1860-х гг., включая традиционное скотоводство и земледелие, вспомогательные промыслы, расселение родов, обычаи и повседневную жизнь.

В трудах Л. Мейера содержатся ценные сведения о земледельческих и ирригационных традициях рассматриваемого региона. На протяжении нескольких лет он проживал среди местного населения, владел казахским языком, что позволило ему глубоко проникнуть в повседневную жизнь казахов. В его работе «Киргизская степь Оренбургского ведомства» представлены подробные описания оросительных систем и сельскохозяйственных орудий труда. Исследование было основано на статистических данных, архивных материалах и документах царской администрации. Как инженер по образованию, Л. Мейер с особым интересом относился к традиционным знаниям мурапов в строительстве плотин, арыков и каналов, отмечая их мастерство в управлении водными ресурсами даже без применения измерительных приборов, что свидетельствует о высокой точности традиционных инженерных знаний (Мейер, 1862: 263). В своих трудах он систематизировал сведения о расселении родов вдоль Сырдарьи и их родовых тамгах, а также представил описания и иллюстрации технических устройств, таких как чигирь и атпа. Анализ трудов Л. Мейера позволяет сделать вывод о его стремлении к научному осмыслению оросительных систем, высокому уважению к традиционным знаниям и практикам, благодаря чему им были зафиксированы достоверные и ценные сведения об инженерной культуре казахской степи колониального периода (Мейер, 1862: 263).

Русский офицер С. Зыков в своем труде «Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарье с 1847 по 1862 г.» приводит важные данные о традиционной хозяйственной системе казахов, населявших нижнее течение Сырдарьи. Автор описывает прежние пастбища и пахотные земли местного населения, показывая взаимосвязанное развитие кочевого скотоводства и земледелия в их экономической жизни (Зыков, 1862: 80). После работ Л. Мейера и С. Зыкова в Сырдарьинском регионе по специальному заданию Русского географического общества научно-исследовательскую деятельность осуществляли статистик М.А. Терентьев и известный географ и статист А.И. Макшеев.

В 1871 году Русское географическое общество опубликовало фундаментальный труд А.И. Макшеева «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», а в 1874 г. исследование М. А. Терентьева «Статистические очерки Среднеазиатской России». Представленные в них этнографические и статистические материалы не только содержат ценные сведения о социально-экономической структуре Сырдарьинского региона, но и дополняют данные, приведённые Л. Мейером, существенно расширяя научное представление об исследуемом регионе.

К концу XIX в. А.И. Макшеев, опираясь на дневниковые записи своих полевых поездок, опубликовал труд, в котором привёл конкретные сведения о хозяйстве и быте казахов, населявших Сырдарьинский регион. Эти данные свидетельствуют о том, что активизация оседлости и земледелия в крае была связана также с имперскими административными мерами (Макшеев, 1871: 57). В его работах зафиксированы ценные этнографические наблюдения о хозяйственных навыках местного населения. Исследователь подчёркивал трудолюбие земледельцев, подробно описывая их повседневную жизнь. Его записи свидетельствуют не только о сложности земледельческой культуры казахов, но и об их высокой жизненной устойчивости и адаптационных возможностях (Макшеев, 1871: 43).

Следует учитывать, что интерпретации земледелия у А.И. Макшеева и Л. Мейера формировались в рамках колониального дискурса, что обуславливало их стремление рассматривать оседлость как показатель «прогресса» данного региона. В этой связи в конце XIX века был опубликован ряд работ, в которых хозяйственные особенности казахов Сырдарьинского региона рассматривались с различных сторон. К ним относятся труды П.И. Пашино (Пашино, 1868: 114), исследования археолога П.И. Лерха (Лерх, 1870: 69), путевые заметки художника Н.Н. Каразина (Каразин, 1885: 123), а также фундаментальный труд «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», том X «Русская Средняя Азия», подготовленный Н. Н. Каразиным и А. Н. Тарановым. В этом издании авторы, сравнивая земледельческий опыт русских и казахов, отмечали: «Сады русских переселенцев в Перовском форте ничем не отличались от казахских, поскольку способы обработки земли были заимствованы у казахов...» (Каразин, 1885: 115).

После указанных работ были опубликованы ещё два значимых исследования, посвящённые хозяйству казахов Сырдарьинского региона. К ним относятся труд Л. Ф. Костенко «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» и исследование Е. Смирнова «Сырдарьинская область», подготовленное в 1886 году по поручению Туркестанского генерал-губернатора. Л.Ф. Костенко положительно оценивал занятия казахов земледелием, подчёркивая: «...группа

казахов, издавна занимающихся земледелием, представляет собой земледельцев [можно без преувеличения сказать, что они существуют с глубокой древности – Авт.]» (Костенко, 1871: 69). В то же время Е. Смирнов отмечал, что в 1870–1880-е гг. особенности развития хозяйства данного региона ещё не были окончательно сформированы, указывая, что земледелием занимались преимущественно бесскотные бедняки, которые, разбогатев, вновь переходили к полукочевому образу жизни (Смирнов, 1887: 49). Вместе с тем оба исследования ценны приведёнными статистическими данными о размерах пастбищ и составе поголовья скота.

В 1893 г. вышло в свет масштабное исследование Н.Н. Дингельштедта «Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область», в котором автор доказал глубокое знание казахами традиционной оросительной системы и её правовых основ. Он отмечал, что споры, связанные с водопользованием, решались при участии сельских старейшин и мурапов, но никогда не передавались народным судьям и биям. По итогам проведённого исследования Н. Н. Дингельштедт представил высшим властям рекомендации об организации ирригационных работ в казахских землях на государственном уровне (Дингельштедт, 1893: 112).

Также содержательные размышления об особенностях хозяйственной структуры казахов были представлены в труде И. В. Аничкова «Очерки народной жизни Северного Туркестана» (Аничков, 1899: 50-51). В течение нескольких лет он служил помощником судьи в Казалинском уезде, а затем занимал должности в судебной системе, что позволило ему глубоко изучить язык, быт и хозяйственные практики местного населения. Он подчёркивал гибкость и адаптивность хозяйственной деятельности казахов, указывая, что земледелие, скотоводство и рыболовство могли взаимно переходить друг в друга в зависимости от природных условий (Аничков, 1899: 55-57).

Труды Н.Н. Дингельштедта и И.В. Аничкова взаимно дополняют друг друга, раскрывая сложные аспекты социально-экономической жизни казахов Сырдарьинского региона. Однако отстранение Н.Н. Дингельштедта от региональных исследований привело к тому, что его научный потенциал был реализован не в полной мере, что существенно затруднило комплексное изучение хозяйства региона в конце XIX в.

В 1898 г. был опубликован труд агронома А.И. Шахназарова «Очерк сельского хозяйства Туркестанского края», позднее переработанный и дополненный под названием «Сельское хозяйство в Туркестанском крае». Автор привёл детальные количественные данные о площадях посевов и объёмах сельскохозяйственной продукции, а также описал структурные изменения в скотоводстве, отметив рост роли крупного рогатого скота в условиях оседлости (Шахназаров, 1898: 56). Он также подробно рассмотрел статистику рисоводства в Перовском уезде.

Важным источником остаётся и «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», изданный областным статистическим комитетом, значительная часть публикаций которого принадлежит И.И. Гейеру. Дополняя эти данные, Н.И. Гаврилов подчёркивал, что до 80 % хозяйств Перовского и Казалинского уездов были ориентированы на земледелие, тогда как скотоводство выполняло вспомогательную функцию, что свидетельствует о ключевой роли ирригации в социально-экономической трансформации региона (Гаврилов, 1911: 279-280).

В начале XX в. была опубликована фундаментальная монография А. А. Кауфмана «К вопросу о русской колонизации Туркестанского края» (Кауфман, 1903), в которой на основе обширных статистических данных показано быстрое развитие оседлости и земледелия в Перовском и Казалинском уездах. Автор связывал этот процесс с расширением орошаемого земледелия и коллективными формами труда (Кауфман, 1903: 138-142).

В целом дореволюционные исследователи внесли значительный вклад в изучение хозяйства казахов, в том числе земледелия, систематически собирая и публикуя этнографические и статистические материалы. Однако социально-классовая направленность историографии того времени и недостаточная изученность региона не позволили дать всестороннюю и объективную оценку исторического развития казахского земледелия. Ряд авторов Л.Ф. Костенко, И.В. Аничков, Н.Н. Дингельштедт и др. справедливо указывали на преемственность земледельческих традиций казахов Сырдарьинского региона.

История ирригации нижнего течения Сырдарьи рассматривалась в контексте формирования древних оросительных практик и получила дальнейшее развитие в работах Б.В. Андрианова, который исследовал ирригационные системы в их техническом и социально-экономическом измерении (Андрианов, 1969: 98). Эти выводы, опирающиеся на материалы Хорезмской экспедиции, заложили прочную научную основу для дальнейшей реконструкции хозяйственной системы региона. Взаимосвязь хозяйства и оседлости с развитием социально-экономических связей подчёркивал и Э.Х. Маргулан (Маргулан, 1950: 69).

В его трудах были чётко выявлены экономические основы возникновения и развития оседлых поселений и городов Сырдарьинского региона, а также всесторонне показана взаимосвязь этих процессов с кочевым скотоводством Центрального Казахстана. Исследователь особо подчёркивал роль меридионального кочевого пути, объединявшего население двух регионов, акцентируя внимание на непрерывном характере взаимозависимости между оседлым и кочевым населением. В статье этнографов А.У. Токтабаева и Н.А. Досымбетова, всесторонне рассмотрены исследования

традиционного казахского земледелия в Семиречии в трудах российских учёных и путешественников XVIII–XIX вв. (Toktabai, Dosymbetov, 2025: 1688).

При анализе традиций и обычаев, сложившихся в земледельческой культуре, а также системы верований, особое значение приобретает выявление специфики земледельческого промысла в кочевой среде. В казахском обществе обряды, поверья и ритуалы, связанные с распашкой земли и посевом, организацией ирригационных систем, периодами засухи, уборкой и обмолотом урожая, являлись неотъемлемой частью земледельческой практики. Почитание Дикан баба и Кыдыр ата как «покровителей земледелия» также выступает важным элементом данной культурной системы.

Совокупность подобных данных позволяет определить исторический уровень развития оседлой культуры, орошаемого земледелия и ирригационных систем в Сырдарьинском регионе. Эти материалы дают возможность осмыслить пространственную организацию оседло-земледельческой культуры, технико-технологические аспекты хозяйственной деятельности и способы адаптации к природной среде. Такое пересечение исследований обеспечивает взаимодополнение археологических и этнографических материалов о Сырдарье и способствует более глубокому историко-генетическому пониманию региональной хозяйственно-культурной типологии.

В этой связи Переселенческое управление осуществляло сбор и обработку необходимых статистических данных и публиковало обширные статистические сборники под названием «Материалы по киргизскому землепользованию» (далее – МКЗ). В этих трудах представлены более точные показатели, позволяющие определить реальные масштабы земледелия. Так, сведения по Перовскому уезду были опубликованы в 1910 г. (МКЗ, 1912), а данные по Казалинскому уезду вышли несколько позднее (МКЗ, 1913). Статистические материалы по обоим уездам издавались в Ташкенте под руководством Переселенческого управления. Эти источники, с одной стороны, дополняли официальные административные отчёты, а с другой – выявляли их недостатки.

Особого внимания заслуживают два фундаментальных тома. Первый – «Орошение в Туркестане», где приведены точные статистические данные о площадях орошаемых земель, количестве и протяжённости арыков в Перовском и Казалинском уездах. Второй – «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», в котором в комплексе представлены сведения о хозяйстве казахов, их социальных отношениях и родовой структуре (Пален, 1910: 36). Преимущество использования этих трудов заключается в том, что они отражают не только показатели аграрного производства, но и закономерности развития социально-экономических структур. Собранные материалы также раскрывают роль родовых отношений в хозяйственной организации.

Как установила экспедиция К. К. Палена, влияние родственных связей на формирование новых земледельческих поселений было незначительным. Так, при рытье Жаман арыка в Жамансаринской волости все жатаки, независимо от родственных отношений, принимали равное участие в коллективном труде, что служит наглядным подтверждением данного вывода (Материалы..., 1911: 96). Это свидетельствует о постепенном отрыве новых хозяйственных отношений от родовой системы и их организации на социально-экономической основе.

Совокупность рассмотренных источников позволяет оценивать материалы экспедиции К.К. Палена не только как статистический массив, но и как комплексный источник по изучению социальной структуры и эволюции хозяйства. В этих трудах отчётливо отражены сложные изменения, происходившие в процессе перехода казахского общества от традиционного кочевого скотоводства к земледелию и оседлости.

Традиционное земледелие казахов Сырдарьинского региона следует рассматривать как важную историческую предпосылку формирования оседло-земледельческой культуры региона. Сопоставительный анализ археологических и письменных источников с этнографическими материалами подтверждает, что данный процесс не носил случайного характера, а являлся результатом длительного исторического развития населения региона. Земледелие выступало не только как форма хозяйственной деятельности, направленная на удовлетворение бытовых потребностей, но и как один из ключевых факторов формирования социальной структуры и культурных традиций.

Со второй половины XIX в. интенсивное развитие земледелия в Сырдарьинском регионе способствовало углублению социально-экономической трансформации казахского общества. В этот период значительная часть кочевого населения перешла к полуоседлому и полукочевому образу жизни. Такие изменения создали условия для освоения земледельческих навыков при сохранении скотоводства. В результате адаптации к природной среде сформировалась смешанная модель хозяйствования, определившая своеобразие этнокультурного облика Сырдарьинского региона.

Данные дореволюционного периода свидетельствуют о том, что земледелие казахов низовьев Сырдарьи приобрело специализированный характер. Широкое применение различных ирригационных систем, устойчивое развитие орошаемого земледелия, формирование разделения труда и возделывание разнообразных сельскохозяйственных культур подтверждают данный вывод. Вместе с тем в хозяйственной практике сохранялись простейшие земледельческие традиции, восходящие к глубокой древности. В отдельных этапах обработки земли, посева и уборки урожая,

а также в обрядовой сфере отчётливо проявлялись признаки экстенсивных методов, что можно рассматривать как проявление преемственности в эволюции хозяйства.

Продукция земледелия занимала важное место в жизни казахов. Зерновые и бахчевые культуры служили не только источником повседневного питания, но и составляли основу обменных и торговых отношений. Пшеница, ячмень, просо, бахчевые культуры и овощи играли значительную роль в обеспечении устойчивости хозяйственной системы региона.

Таким образом, земледельческая культура казахов Сырдарьинского региона в рассматриваемый период представляла собой сложный и динамичный феномен, сформировавшийся в результате длительного исторического развития. Земледелие выступало не только как экономическая практика, но и как важный элемент этнокультурной идентичности, обеспечивающий устойчивость хозяйственной системы в условиях пограничья кочевого и оседлого миров.

4. Заключение

Проведённое исследование показало, что земледельческая культура казахов низовьев Сырдарьи середины XIX – начала XX века являлась важнейшей частью их хозяйственной и культурной жизни.

Организация коллективных работ по рытью арыков и использованию природных водных ресурсов обеспечивала устойчивое земледелие и способствовала формированию новых форм социальной кооперации.

Земледелие выступало как адаптационный элемент хозяйственного уклада казахов, обеспечивая приспособление к природным условиям и социально-экономическим вызовам и отражая переход от родовой системы к более гибким социально-экономическим отношениям. Труды российских исследователей, чиновников и путешественников в XIX-начала XX вв. обладали историографической значимостью, поскольку не только фиксировали хозяйственные практики казахов Сырдарьинского региона, но и формировали дискурс о «прогессе» края, что позволяет современному исследователю критически переосмыслить их свидетельства.

Таким образом, земледельческая культура казахов выступает как исторически значимый феномен, отражающий взаимодействие природных условий, социально-экономических факторов и этнокультурных особенностей. Её изучение даёт возможность глубже понять процессы формирования материальной и духовной культуры казахского народа, а также место земледелия в общей системе традиционного хозяйства. В отличие от ранее проведённых исследований, данная работа интерпретирует земледельческую культуру в более широком контексте, включая её роль в процессах этнокультурной адаптации в зоне взаимодействия кочевого и оседлого населения.

Литература

- Александров, 1923** – Александров И.Г. Регулирование стока реки Сыр-Дарьи и перспективы орошения в её бассейне. М.: Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1923. 83 с.
- Андрюханов, 1969** – Андрюханов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 254 с.
- Аничков, 1899** – Аничков И.В. Очерки народной жизни северного Туркестана. Ташкент: Типо-Литография т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. 148 с.
- Бларамберг, 1848** – Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства. Ч. III. Т. 14. СПб., 1852. 195 с.
- Гаврилов, 1911** – Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области: Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). СПб.: Тип. Ф. Вейсберга и П. Гершунина, 1911. 336 с.
- Дингельштедт, 1893** – Дингельштедт Н.Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сырдарьинская область. – СПб: типография Министерства Путей Сообщения, Высочайшего утвержденного товарищества И.Н. Кушнерева и К°, 1893. Ч. 1. 311 с; Ч. 2. СПб. 1895. 312 с.
- Жумабаева, Сабитов, 2023** – Жумабаева А.А., Сабитов Ж.М. Сведения о Джучи и ханах улуса Джучи из тюркоязычного источника Таварихи Гузидаи Нусрат-наме // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология*. 2023. № 4 (145). С. 223-232.
- Зыков, 1862** – Зыков С. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарье // *Морской сборник*. СПб., 1862. Т. 59. № 6, С. 70-86.
- Каразин, Таранов, 1885** – Каразин Н.Н., Таранов А.Н. Русская Средняя Азия / Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., книг-изд. Г. Гоппе, 1885. Т.10. 256 с.
- Кауфман, 1903** – Кауфман А.А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб: типография В.О. Киршбаума. 1903. 205 с.
- Кляшторный, 1953** – Кляшторный С.Г. Яксарт – Сыр-Дарья // *Советская этнография*, 1953. № 3. С. 189-199.

- Костенко, 1871** – Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. 358 с.
- Лившиц, 2003** – Лившиц В.А. Древнее название Сырдарьи // *Вестник древней истории*. 2003. №1 (244). С. 3-10.
- Лерх, 1870** – Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1870. 253 с.
- Макшеев, 1896** – Макшеев А.И. Описание низовьев Сыр-Дарьи. СПб.: типографии Имп. Академии Наук, 1896. 80 с.
- Макшеев, 1871** – Макшеев А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае / *Записки Русского Географического Общества*. СПб. Военная типография, 1871. Т. 2. С. 1-60.
- Маргулан, 1950** – Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алматы, 1950. 122 с.
- Материалы..., 1911** – Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. I. СПб., 1911.
- МКЗ, 1912** – Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область. Перовский уезд. – Ташкент, 1912. Главное управление землеустройства и земледелия Переселенческого управления. Ташкент: Типолитография В.М. Ильина, 1912. 190 с.
- МКЗ, 1913** – Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область. Казалинский уезд. Ташкент, 1913. Главное управление землеустройства и земледелия Переселенческого управления. Ташкент: Типолитография В.М. Ильина, 1913. 148 с.
- Мейер, 1861** – Мейер Л.Л. Дельта реки Сыр-Дарьи и ее отношение к России // *Морской Сборник*. 1861. № 9. Ч. 3. С. 144-154.
- Мейер, 1862** – Мейер Л. Аральская флотилия в отношении к среднеазиатской торговле // *Морской сборник*. 1862. №7. Ч. I. С. 109-134.
- Мейер, 1865** – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 288 с.
- Пален, 1910** – Пален К.К. Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб, 1910. 195 с.
- Пашино, 1868** – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. СПб., 1868. 158 с.
- Раздыков, Досымбетов, 2022** – Раздыков С.З., Досымбетов Н.А. Сырдария өңірі казактарының суландыру жүйесінің зерттелу тарихы. // *Asian Journal «Steppe Panorama»*. 2022. 2 (30): 209-220.
- Смирнов, 1887** – Смирнов Е. Сырдарьинская область. Описание по официальным источникам. СПб.: Изд-во М. М. Стасювича, 1887. 289 с.
- Toktabai, Dosymbetov, 2025** – Toktabai A.U., Dosymbetov N.A. (2025) Traditional Kazakh Agriculture in the Research of Russian Scholars and Travelers of the 18th–19th centuries // *Bylye Gody*. 20(4): 1686-1699.
- Шахназаров, 1898** – Шахназаров А.И. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. СПб., 1898. 512 с.

References

- Andrianov, 1969** – Andrianov, B.V. (1969). Drevnie orositel'nye sistemy Priaralya [Ancient irrigation systems of the Aral Sea region]. Moskva: Nauka. 254 p. [in Russian]
- Anichkov, 1899** – Anichkov, I.V. (1899). Ocherki narodnoi zhizni Severnogo Turkestana [Essays on the folk life of Northern Turkestan]. Tashkent: Tipo-litografiia F. i G. Br. Kamenskii. 148 p. [in Russian]
- Blaramberg, 1848** – Blaramberg, I.F. (1848). Voenno-statisticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaisakov Vnutrennei (Bukeevskoi) i Zaural'skoi (Maloi) Ordy Orenburgskogo vedomstva [Military statistical survey of the Kirghiz-Kaisak land of the Inner (Bukeevskaya) and Trans-Ural (Malaya) Hordes of the Orenburg department]. Ch. III. T. 14. Sankt-Peterburg. 195 p. [in Russian]
- Dingel'shtedt, 1893** – Dingel'shtedt, N.N. (1893). Opyt izucheniiia irrigatsii Turkestanskogo kraia. SyrDar'inskaia oblast' [Study of Irrigation in the Turkestan region: Syr Darya province]. SPb., 366 p. [in Russian]
- Gavrilov, 1911** – Gavrilov, N. (1911). Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblast: Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya i Ferganskaya) [Resettlement business in Turkestan region (regions: Syr Darya, Samarkand and Ferghana)]. Sankt-Peterburg: Tip. F. Veisberga i P. Gershunina. 336 p., 1 map. [in Russian]
- Karazin, Taranov, 1885** – Karazin, N.N., Taranov, A.N. (1885). Russkaia Sredniaia Aziia [Russian Central Asia]. Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. Sankt-Peterburg: G. Goppe. T. 10. 256 p. [in Russian]
- Kaufman, 1903** – Kaufman, A.A. (1903). K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraia [On the issue of Russian colonization in the Turkestan territory]. Sankt-Peterburg: Tipografiia V.O. Kirshbauma. 205 p. [in Russian]

- [Klyashtornyi, 1953](#) – *Klyashtornyi, S.G.* (1953). Yaksart Syr-Dar'ia [Yaksart, the Syr Darya river]. *Sovetskaia etnografiia*. 3: 189-199. [in Russian]
- [Kostenko, 1871](#) – *Kostenko, L.F.* (1871). Sredniaia Aziia i vodvorenii v nei russkoi grazhdanstvennosti. Sankt-Peterburg [Central Asia and the establishment of Russian civil order there. St. Petersburg]. 358 p. [in Russian]
- [Lerkh, 1870](#) – *Lerkh, P.I.* (1870). Arkheologicheskaiia poezdka v Turkestanskii krai v 1867 g. [Archaeological expedition to the Turkestan territory in 1867]. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 253 p. [in Russian]
- [Livshits, 2003](#) – *Livshits, V.A.* (2003) Drevnee nazvanie Syrdar'ya [The ancient name of the Syr Darya]. *Vestnik drevnei istorii*. 1(244): 3-10. [in Russian]
- [Maksheev, 1871](#) – *Maksheev, A.I.* (1871). Geograficheskie, etnograficheskie i statisticheskie materialy o Turkestanskom krae [Geographical, ethnographical, and statistical materials on the Turkestan territory. Notes of the Russian Geographical Society]. Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. SPb.: Voennaya tipografiya. T. 2. 60 p. [in Russian]
- [Maksheev, 1896](#) – *Maksheev, A.I.* (1896). Opisanie nizov'ev Syr-Dar'i [Description of the lower course of the Syr Darya river]. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 80 p. [in Russian]
- [Margulan, 1950](#) – *Margulan, A. Kh.* (1950). Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana [From the History of Cities and Architectural Art of Ancient Kazakhstan]. Almaty. 122 p. [in Russian]
- [Materialy, 1911](#) – *Materialy k kharakteristike narodnogo khoziaistva v Turkestane* (1911) [Materials for the Characterization of the National Economy in Turkestan]. Ch. I. Sankt-Peterburg. 452 p. [in Russian]
- [Meyer, 1861](#) – *Meyer, L.* (1861). Delta reki Syr-Dar'i i ee otnoshenie k Rossii [The Delta of the Syr Darya River and Its Relation to Russia]. *Morskoi sbornik*. 9. Ch. 3. Pp. 144-154. [in Russian]
- [Meyer, 1862](#) – *Meyer, L.* (1862). Aral'skaia flotiliia v otnoshenii k sredneaziatskoi torgovle [The Aral flotilla in relation to Central Asian trade]. *Morskoi sbornik*. 7: 109-134. [in Russian]
- [Meyer, 1865](#) – *Meyer, L.* (1865). Kirgizskaia step' Orenburgskogo vedomstva. Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba [The Kyrgyz steppe of the Orenburg department. Materials for the geography and statistics of Russia, Collected by officers of the General staff]. Sankt-Peterburg. 288 p. [in Russian]
- [MKZ, 1912](#) – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu* (1912). Syr-Dar'inskaia oblast'. Perovskii uezd. [Materials on Kyrgyz Land Use (1912). Syr Darya Province. Perovsky District]. Tashkent: Tipolitografiia V. M. Il'ina. 190 p. [in Russian]
- [MKZ, 1913](#) – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniuu*. Syr-Dar'inskaia oblast'. [Materials on Kyrgyz Land Use. Syr Darya Province]. Kazalinskii uezd. Tashkent: Tipo-litografiia V. M. Il'ina. 1913. 148 p. [in Russian]
- [Palen, 1910](#) – *Palen, K.K.* (1910). Otchyot po revizii Turkestanskogo kraia, proizvedyonnoy po Vysochayshemu poveleniyu senatorom gofmeysterom grafom K.K. Palenom. Pereselencheskoe delo v Turkestane [Report on the Revision of the Turkestan Region, conducted by Imperial order of Senator, Hofmeister count K.K. Palen. The resettlement issue in Turkestan]. Sankt-Peterburg. 408 p. [in Russian]
- [Pashino, 1868](#) – *Pashino, P.I.* (1868). Turkestanskii krai v 1866 g [The Turkestan Territory in 1866]. Sankt-Peterburg. 158 p. [in Russian]
- [Razdykov, Dosymbetov, 2022](#) – *Razdykov, S.Z., Dosymbetov, N.A.* (2025). Syrdariya oniri kazaktarynyn sulandyru zhyiesinin zerttelu tarikhy [The history of studying the irrigation system of Syrdaryan Kazakhs]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2(30): 209-220. [in Kazakh]
- [Shakhnazarov, 1898](#) – *Shakhnazarov, A.I.* (1898). Ocherk sel'skogo khoziaistva Turkestanskogo kraia [Outline of agriculture in the Turkestan territory]. Sankt-Peterburg. 512 p. [in Russian]
- [Smirnov, 1887](#) – *Smirnov, E.* (1887). Syrdar'inskaia oblast'. Opisanie po ofitsial'nym istochnikam [The Syr Darya province. Description based on official sources]. Sankt-Peterburg: Izd-vo M. M. Stasiuvicha. 289 p. [in Russian]
- [Toktabai, Dosymbetov, 2025](#) – *Toktabai, A.U., Dosymbetov, N.A.* (2025). Traditional Kazakh Agriculture in the Research of Russian Scholars and Travelers of the 18th–19th centuries. *Bylye Gody*. 20(4): 1686-1699.
- [Zhumabaeva, Sabitov, 2023](#) – *Zhumabaeva, A.A., Sabitov, Zh.M.* (2023). Svedeniya o Dzhuchi i khanakh ulusa Dzhuchi iz tyurkoyazychnogo istochnika Tavarikhi Guzidai Nusrat-name [Accounts of Jochi and the Khans of the ulus of Jochi from the Turkic-language source Tavarikhi Guzidai Nusrat-name]. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya*. 4(145): 223-232. [in Russian]
- [Zykov, 1862](#) – *Zykov, S.* (1862). Ocherk utverzhdeniya russkogo vladychestva na Aral'skom more i reke Syr-Dar'e [Outline of the consolidation of Russian rule on the Aral sea and the Syr Darya river]. *Morskoi sbornik*. Sankt-Peterburg. T. 59. 86 p. [in Russian]
- [Aleksandrov, 1923](#) – *Aleksandrov, I.G.* (1923). Regulirovanie stoka reki Syr-Dar'i i perspektivy orosheniya v ee basseine [Regulation of the Syr Darya river flow and prospects for irrigation in its basin]. Moskva: Narkomzem "Novaya derevnya". 83 p. [in Russian]

Земледелие казахов Сырдарьи в исследованиях русских ученых XIX–XX вв.

Амина Жагиппаровна Ахантаева^a, Гулжан Асановна Мейрманова^{b, *},
Даулет Жаксымұратұлы Жайлыбай^b

^a Казахский национальный аграрный исследовательский университет Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на основе трудов исследователей, путешественников и ученых Российской империи рассматривается земледельческая культура казахов Сырдарьинского региона в середине XIX – нач. XX вв. Особое внимание уделено традиционному земледелию казахского населения среднего и нижнего течения Сырдарьи. Оно являлось одним из ключевых компонентов хозяйственного уклада и важным фактором формирования духовной и материальной культуры региона. Цель исследования заключается в выявлении и научном осмыслении места и значения земледельческих традиций в системе жизнеобеспечения казахов присырдарьинских территорий. В качестве источниковой базы использованы труды русских военных чиновников, путешественников, статистиков и исследователей второй половины XIX – начала XX вв., а также статистические и административные материалы Туркестанского края. Научная новизна работы заключается в комплексном историко-этнографическом анализе земледельческой культуры казахов Сырдарьинского региона как устойчивого и исторически преемственного явления, сформировавшегося в зоне взаимодействия кочевого и оседлого хозяйственных укладов. Показано, что земледелие в данном регионе являлось не второстепенным занятием, а важной формой адаптации населения к природно-географическим и социально-экономическим условиям. В результате исследования выявлены основные методы и приёмы земледелия, особенности ирригационных практик, используемые орудия труда и сельскохозяйственная продукция, а также связанные с земледелием обычаи и обрядовые формы.

Показана зависимость организации земледельческого труда от сезонных циклов и природных условий, что позволяет рассматривать Сырдарьинский регион как один из очагов земледельческой культуры казахов.

Ключевые слова: Сырдарьинский регион, хозяйство, земледельцы, казахи Кызылкума, мурапы, исследователи Российской империи, этнографы, востоковеды, ирригация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: meirmanovaga@gmail.com (Г.А. Мейрманова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 837-845
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.837

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Semipalatinsk Interior District: Authority, Collaboration with Local Elites, and Imperial Practices in the 19th century

Farkhat R. Lebayev ^{a, *}, Ziyabek Y. Kabuldinov ^a, Miras Y. Abdrakhim ^b

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Zhetysu University named after Iliyas Zhansugurov, Taldykorgan, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the Semipalatinsk Interior District as a short-lived but important experiment in Russian imperial governance during the nineteenth century. Created in 1854 to administer Kazakhs living on the right bank of the Irtysh River, the district reflected the empire's effort to regulate a population with ambiguous legal status and to integrate them into a bureaucratic framework. Drawing on archival records from the Omsk Historical Archive and a range of historiography, the study reconstructs the district's establishment, administrative structure, and everyday practices of control.

The analysis shows how imperial authorities limited the role of traditional elites, introduced new procedures for elections, and reshaped the *biy* courts into hybrid institutions combining local custom with imperial law. Measures such as oaths of allegiance, ticket systems, and collective responsibility reveal how the empire sought to discipline mobility and transform social life. The district also illustrates broader strategies of social engineering, where loyalty and wealth replaced hereditary legitimacy.

By situating the Semipalatinsk Interior District in a comparative perspective, the study highlights common features of nineteenth-century imperial governance and contributes to understanding how empires managed peripheral populations through authority, collaboration, and adaptation.

Keywords: Semipalatinsk Interior District, Russian Empire, Kazakh elites, Imperial governance, colonial intermediaries, administrative reforms, legal transformation, mobility control.

1. Introduction

The Semipalatinsk Interior District was established as a distinct administrative unit to govern the Kazakhs who roamed the right bank of the Irtysh River. Its creation reflected the empire's desire to organize the administration of the "internal" Kazakhs, who occupied an ambiguous legal status (PSZRI, 1855: 493).

Despite the significance of this initiative, the district had a short lifespan. During the administrative reforms of 1867–1868, it was abolished and incorporated into the Semipalatinsk Region. This brief experiment demonstrates that the Interior District functioned as a transitional and experimental institution, designed to test new forms of governance and to integrate the Kazakh population into the empire's bureaucratic system.

In historiography, attention has often focused on the external districts and broader reforms, while the Interior District remains understudied. Yet its experience offers a new perspective on the colonial policies of the Russian Empire. Key mechanisms of imperial governance were evident here: the limitation of traditional elite authority, the introduction of new procedures for selection, and the transformation of the *biy* courts.

The relevance of this study lies in viewing the Semipalatinsk Interior District as an imperial governance project. Such an approach allows for the identification of specific features of the power system, the examination of methods of collaboration with the local elite, and the placement of this experience within the global context

* Corresponding author

E-mail addresses: abdrakhimmiras@gmail.com (M.Y. Abdrakhim)

of analogous 19th century administrative institutions. Similar projects existed in Austria-Hungary, British India, Qing China, and the Ottoman Empire, where special structures were likewise created to manage peripheral populations.

Accordingly, the aim of this article is to examine the Semipalatinsk Interior District as an imperial governance project, to reveal its system of authority, to analyze methods of engagement with the Kazakh elite, and to situate its experience within the broader framework of nineteenth-century global practices of governing peripheral peoples.

2. Materials and methods

For the purposes of this study, archival documents from the Historical Archive of the Omsk Region (Omsk, Russian Federation) were extensively utilized. Of particular importance was Collection No. 3, "Office of the Omsk Governor-General", which preserves information on administrative reforms, correspondence between officials, and practical measures for governing the Semipalatinsk Interior District. These sources enabled the reconstruction of the district's formation process and the identification of specific features of imperial policy toward the Kazakh population.

In addition, published works by pre-revolutionary scholars, Soviet historians, and contemporary Kazakh authors were employed. Their inclusion allowed for a comparative assessment of different stages in historiography and demonstrated the evolution of scholarly approaches. This combination of archival materials and historiographical analysis provided the study with both coherence and depth.

The research also applied methodological approaches that framed the formation of the Semipalatinsk Interior District specifically within the context of imperial policy. The primary method was comparative-historical analysis, which facilitated the juxtaposition of Russian administrative practices on the periphery with analogous systems in global history. Comparative analysis was further employed in examining French prefectures, colonial districts, and administrative structures of the Qing Empire, revealing common features of imperial strategies.

An additional critical element was the application of contemporary theories of imperialism, which allowed the administrative reforms to be interpreted as part of a broader colonial policy framework. This approach enabled not only the reconstruction of factual developments but also the situating of these processes within the wider context of global patterns of imperial governance and modernization.

3. Discussion

Pre-revolutionary historiography on the Semipalatinsk Inner District developed within the broader framework of studies on the history of Siberia and the Kazakh steppe. No independent analysis of the district's establishment was undertaken. Scholars focused primarily on ethnographic and geographical data, which were viewed as the basis for administrative decisions. Chokan Valikhanov collected extensive material on Kazakh life and the specific features of local governance; his observations became an important source for understanding imperial policy (Valikhanov, 1984).

Travellers and members of the Russian intelligentsia, such as Grigory Potanin and Pyotr Semenov-Tyan-Shansky, recorded ethnographic and geographical information that made it possible to grasp the distinctiveness of the region and its economic characteristics (Potanin, 1884; Semenov-Tyan-Shansky, 1914). Aleksei Levshin and Dmitry Zavalishin described the social and economic conditions of the steppe, providing a foundation for later administrative reforms (Levshin, 1996; Zavalishin, 1862). Taken together, these works show that pre-revolutionary historiography viewed the Inner District as part of a broader process of incorporating and developing the region.

Military officials and administrators such as Bronevsky, Krasovsky, and Venyukov focused on the delineation of the *zhuz* boundaries, the development of agriculture, and questions of military geography (Bronevsky, 1836; Krasovsky, 1868; Venyukov, 1873). The journalist and ethnographer Konshin added to this picture with ethnographic sketches and administrative notes based on his observations in the Semipalatinsk region (Konshin, 1901). Taken together, pre-revolutionary historiography produced a fragmented yet valuable understanding of the Semipalatinsk Inner District as an element of imperial policy, in which ethnographic and geographical data served as the foundation for administrative decision-making.

In Soviet historiography, the Semipalatinsk Inner District was not treated as an independent subject but rather as part of the broader policy of the Russian Empire toward the Kazakh population. Scholars focused primarily on social and economic transformations and on the integration of the steppe into the imperial system. Ye.B. Bekmakhanov offered a detailed analysis of Kazakhstan's incorporation into Russia, demonstrating how imperial policy shaped the region's development (Bekmakhanov, 1951). N.Ye. Bekmakhanova and D.I. Dulatova examined administrative measures and their impact on Kazakh society (Bekmakhanova, Dulatova, 1974). S.Z. Zimanov focused on the legal dimensions of governance (Zimanov, 1960), while N.Ye. Masanov explored social structures and economic change, linking these processes to imperial policy (Masanov, 1984).

In the historiography of independent Kazakhstan, the topic of the Semipalatinsk Inner District has been reconsidered within the broader context of the region's political and social transformations. Contemporary scholars pay particular attention to the dynamics of administrative divisions, ethnic composition, and economic

processes. The works of B.M. Abdrakhmanova, T.T. Dalayeva, and G.S. Sultangalieva examine the region as part of wider changes in imperial policy and their impact on Kazakh society (Abdrakhmanova, 1998; Dalayeva, 2019; Sultangalieva, 2014). Particular importance is attached to the work of Zh.K. Kassymbayev, who highlighted the role of the city of Semipalatinsk as a center of administrative and cultural transformations at the turn of the nineteenth and twentieth centuries (Kassymbayev, 1998). An important contribution was also made by Z. Kabuldinov, who emphasized administrative reforms in the internal provinces and their influence on the socio-economic structure of Kazakh society (Kabuldinov, 2011). Modern historiography thus considers the Inner District as a dynamic element of imperial policy, linking it to broader processes of modernization and regional transformation.

Thus, the historiography of the Semipalatinsk Inner District reflects three major trends. In the pre-revolutionary period, scholars focused primarily on ethnographic and descriptive material; in the Soviet era, attention shifted toward the region's socio-economic development and its integration into the imperial system; and in independent Kazakhstan, researchers have examined the district within the broader context of colonial policy and modernization. Each stage expanded the scope of inquiry and introduced new analytical perspectives. At the same time, the question of how the district was originally formed remains insufficiently explored and requires further, comprehensive study in the context of imperial policy and the transformation of Kazakh society.

4. Results

In the main part of the article, the topic will be examined across three interconnected sections. The first section focuses on the preconditions and circumstances surrounding the establishment of the Semipalatinsk Inner District, as well as the significance of its creation for the administrative system of the Russian Empire. It is important here to show why the district was deemed necessary and what functions it was expected to fulfil.

The second section analyses the practices of imperial control over the Kazakh population of the district. Particular attention is given to how imperial authorities regulated their mobility, economic activities, and legal status by means of bureaucratic and military-police mechanisms. This section reveals the distinctive features of the imperial approach to governing peripheral populations.

The third section places the Semipalatinsk Inner District in a comparative context. Its experience is juxtaposed with similar administrative institutions in other nineteenth-century empires, allowing for the identification of both common patterns and specific features of the Russian model of governance.

Such a structure ensures a holistic understanding of the topic and makes it possible to present the Inner District as an element of imperial strategy comparable to global practices of managing peripheral peoples.

Origins and Preconditions of the Semipalatinsk Inner District

In the first half of the 19th century, the process of Kazakh settlement within the internal provinces of Russia, including Western Siberia, continued despite various prohibitions and restrictions imposed by regional authorities. According to the 1851 census, 18,985 Kazakhs of both genders were living in the Semipalatinsk District of the Tomsk Governorate alone (Keppen, 1857: 259). These groups, referred to as “internal”, roamed along the right bank of the Irtysh River, while the “external” Kazakhs lived beyond the Irtysh line of military fortifications.

The absence of a unified administrative structure for the “internal” Kazakhs led to significant disorder: they were simultaneously subordinate to *zemstvo*, Cossack, and Cabinet authorities, which further worsened their social and legal position. Additional contributing factors included the spread of horse theft, abuses by local officials, and repeated petitions from Kazakh elders requesting the establishment of official administrative bodies.

The impossibility of removing the “internal” Kazakhs to the steppe forced the authorities to seek an alternative solution. As a result, on 19 May 1854, the “*Highest Approved Regulation on the Administration of the Semipalatinsk Region*” was issued, which provided for the creation of a special district for the Kazakhs who roamed along the right bank of the Irtysh (PSZRI, 1855: 493). The new Semipalatinsk Inner District was separated from the Tomsk Governorate and incorporated into the Semipalatinsk Oblast, receiving the status of an independent administrative unit.

Following the adoption of the Regulation on the Administration of the Semipalatinsk Region, the authorities of the Russian Empire took steps to institutionalize the new district. One of the first measures was bringing the “internal” Kazakhs to take an oath of allegiance: an act that carried not only legal but also symbolic meaning. For more than half a century, they had lacked their own administrative structures, and now the empire sought to formalize their integration into the new system of governance.

On 8 August 1854, P.M. Spiridonov, who had been appointed head of the future district administration, gathered representatives of the Kazakh population in the *Podpusknaya stanitsa* at the order of the governor-general of Western Siberia. They were informed of the emperor's “most gracious consent” to establish the long-requested Inner District, after which the administrative regulations were read aloud, translated into Tatar to ensure clearer understanding (IAOO. F. 3. Op. 3. D. 3571. L. 129ob.).

According to P.M. Spiridonov's report, the Kazakhs received the announcement with reverence, offered a prayer according to their custom, and expressed their willingness to remain “loyal sons of the

Russian fatherland" (IAOO. F. 3. Op. 3. D. 3571. L. 129ob.). In terms of modern theories of imperial governance, this act can be understood as a ritual of incorporating a peripheral population into the imperial space. The oath functioned as a symbolic contract: it both formalized the loyalty of the subjects and simultaneously demonstrated the state's concern for the "new" governed population.

Thus, the oath became part of a common practice in nineteenth-century empires. Symbolic acts, such as pledges, ceremonies, and public readings of laws, served to legitimize authority. They also helped integrate peripheral societies into the administrative system.

The district administration, the main governing body of the Semipalatinsk Inner District, began functioning on 1 January 1855. Until then, *zemstvo* officials handled legal cases on their own. They focused especially on cases of horse theft. This shows the empire's desire to avoid a legal vacuum. It also demonstrates the effort to maintain control over the mobile population (IAOO. F. 3. Op. 3. D. 3571. L. 211-212).

Imperial Mechanisms of Control over the Kazakhs of the District

The legal status of the "internal" Kazakhs was defined as "nomadic Siberian aliens". This status granted certain privileges. For example, they were exempt from military conscription. At the same time, it excluded them from participation in *zemstvo* duties (IAOO. F. 3. Op. 3. D. 3571. L. 212). Thus, the empire created a special legal regime. It distinguished the Kazakhs from other categories of the population. It also allowed the authorities to govern them through separate mechanisms.

The Charter on the Siberian Kirghiz served as the basis for administration. However, it was modified to suit the specifics of the Inner District. In terms of modern theories of imperial governance, this can be seen as an example of "legal engineering". The empire used existing norms but adapted them for a particular region. This created a hybrid system of authority.

The district administration of the Semipalatinsk Inner District had a special structure. It was headed by a district military chief, who also acted as the chair. A senior sultan served as deputy. Three Russian officials and only one Kazakh representative acted as members (PSZRI, 1855: 500). This arrangement clearly minimized the role of the Kazakh elite, including descendants of Genghis Khan. In contrast, in the external districts, their participation was more visible. This was due both to the district's geographic location, surrounded by the Irtysh Cossack line and settlement villages, and to the broader imperial policy. The empire sought to gradually limit the power of the traditional elite.

This institutional model became part of a broader practice of marginalizing hereditary dynasties. Descendants of Genghis Khan, who had governed *uluses*, *zhuz*, and khanates since the 13th century, gradually lost real levers of power. It is noteworthy that as early as 1834, the most influential sultans and elders petitioned the Omsk regional governor. They requested the creation of a special body on the internal side, called *the Steppe Duma*. They proposed that it should consist of the main ancestor and two or three members elected by the Kyrgyz community (IAOO. F. 3. Op. 1. D. 1112. L. 61ob.). However, this initiative was rejected. It reflects the empire's strategy of centralizing power and refusing to recognize autonomous institutions.

Thus, the Semipalatinsk Inner District became a space where the empire implemented a strategy of administrative asymmetry. The local elite retained symbolic participation but lost real influence. This is a typical example of nineteenth-century imperial practice: traditional power institutions were replaced by bureaucratic structures. This ensured central control and reduced the risk of political autonomy in the periphery.

In addition, the creation of the Semipalatinsk Inner District involved the gradual displacement of the traditional Kazakh elite from governance. The Genghisid descendants, who had played a key role in managing *uluses*, *zhuz*, and khanates since the 13th century, saw their political influence deliberately limited. This reflected the empire's strategy of substituting hereditary institutions of power with bureaucratic structures, where military chiefs and officials held the decisive authority.

Administratively, the structure of the Semipalatinsk Inner District formally followed the model of the external Kazakh districts. The territory was divided into *volosts*, and *volosts* into *auls*. An *aul* typically included 50–70 yurts, while a *volost* comprised 10–12 *auls* (Istoriya gosudarstva..., 1982: 106-107). *Volosts* were governed by sultans or respected Kazakhs. However, within this similarity lay an important distinction. The empire gradually changed the content of power. The role of Genghisid descendants was reduced, while representatives of the "black bone" gained influence.

The electoral system in the Semipalatinsk Inner District had special features. *Aul* elders and *volost* administrators were elected for an indefinite term and confirmed by the district administration or the frontier commander. The senior sultan and Kazakh member were elected for three years and appointed with the approval of the governor-general. Only sultans, administrators, and Kazakhs who had received ranks or awards could participate in elections (PSZRI, 1855: 501).

Crucially, the new senior sultan assumed office without the traditional ceremony of being raised on a *white koshma*. Skipping this symbolic act broke the old forms of legitimizing authority. It also demonstrated the empire's policy of institutionalizing governance, where sacred practices were replaced by bureaucratic procedures.

The powers of *aul* elders and *volost* administrators were not limited by term (PSZRI, 1855: 501). The lack of a mechanism for their removal increased the dependence of lower-level officials on imperial authorities. This reveals the paradox of the electoral system: the procedure for election formally remained, but in practice it reinforced the subordination of local administrators to the district chief, a Russian officer.

Thus, the electoral system in the Semipalatinsk Inner District was not a democratic mechanism. It was an instrument of imperial policy. The system combined elements of formal autonomy with real centralization of power. Elections in the district were more a form of apparent participation than genuine self-governance. They legitimized imperial authority rather than the interests of the local society.

It is also known that the imperial authorities appointed figures such as Tokpan Aytuarly, a man of non-sultan lineage who actively cooperated with the authorities during the population census (IAOO. F. 3. Op. 3. D. 3571. L. 229), and Tuyte Nurekenuly, a wealthy livestock owner who was also not a Genghisid (IAOO. F. 3. Op. 3. D. 3710. L. 114ob.), as senior sultans in the district. This clearly shows that the empire deliberately carried out social engineering. Power was not passed to hereditary dynasties, but to new leaders whose legitimacy rested on wealth, administrative loyalty, and support from the center. This gradually blurred traditional social boundaries in Kazakh society. Descendants of Genghis Khan lost their exclusive right to power. At the same time, new social groups gained the opportunity to occupy key positions.

It is important to note that the context of events here is significant. In 1847, the rebellion of Kenesary Kassymuly, the last major Genghisid who claimed the khanate, was suppressed (Kassymbaev, 2002: 174-175). This rebellion marked a turning point. After it, the empire accelerated the development of laws aimed at eliminating the political influence of sultans and the khan's dynasty. The Inner District became a space where this policy was particularly evident. Appointing senior sultans from the "black bone" placed them in opposition to traditional sultans and clan elders. This created a new power configuration based on loyalty to the empire rather than hereditary legitimacy.

It is also important to note that judicial authority in the Inner District was a special hybrid. Formally, the institution of *biy* courts was preserved. However, it incorporated elements of the Russian imperial court, including juries. Such an experiment did not exist in the external Kazakh districts. It reflected the empire's desire to test new forms of control in the "internal" territory.

Jury *biys* were elected from each *volost*, and the chief *biy* was appointed from the most respected clan leaders. The appointment was confirmed by the district administration. This showed the gradual subordination of the traditional court to bureaucratic procedures. The judicial process remained outwardly familiar. The jury *biy* presided, while two others represented the parties in conflict (PSZRI, 1855: 501). However, the possibility of a single *biy* making a decision with the parties' consent, and the right of the district administration to review decisions with other *biys*, demonstrated that ultimate authority rested with imperial structures.

This judicial system can be seen as a transitional institution. It preserved the form of the traditional court but changed its content. In terms of historical anthropology, it is an example of legal syncretism. Kazakh legal norms intertwined with imperial procedures, creating an eclectic system. Over time, this system prepared for the displacement of local tradition.

From the perspective of colonial governance theory, this practice was a form of legal acculturation. The empire could not immediately abolish the *biy* courts, as they were deeply rooted in Kazakh society. Instead, it used a strategy of gradual transformation. The tradition remained as a shell, but new rules were introduced inside, changing the very logic of the court.

In the end, judicial authority in the Inner District became an instrument of institutional transformation. The empire simultaneously demonstrated respect for local customs and subordinated them to its legal system. This was a step toward creating a unified legal space, in which Kazakh law was meant to be absorbed into the imperial framework.

The legal status of the Kazakhs in the Semipalatinsk Inner District was strictly regulated. It differed from the situation of residents in external districts and those temporarily roaming in the lands of Tomsk and Tobolsk Governorates. They were forbidden to move onto peasant villages' lands. They also could not freely travel between districts. Violating these rules led to detention and forced return. In addition, staying in the Cossack zone was only allowed after paying a repair fee, which was used to support the troops (Kassymbaev, 1998: 129-130). Thus, the Kazakh population was under constant control of the Cossack units, which performed both military and administrative functions.

From the perspective of imperial governance, this can be seen as a strategy of limited inclusion. The Kazakhs were recognized as subjects, but their mobility and access to resources were strictly regulated. The empire used legal barriers and economic mechanisms to integrate them into the system of power while keeping them dependent. The Cossack troops became a tool not only for defense but also for surveillance. Rental payments became a form of economic subordination.

Modern approaches allow this practice to be interpreted through the concept of imperial biopolitics. The authorities regulated movement, access to land, and resources, turning the population into an object of governance. The approach of colonial acculturation also applies. The traditional mobility of the Kazakhs was restricted, and their economic activity was subordinated to the interests of the empire.

Thus, the legal status of the Kazakhs in the Inner District was not just a legal distinction. It was part of the empire's strategy. Through control of mobility and economic payments, the empire ensured dependence. It also gradually transformed traditional ways of life, preparing them for integration into the bureaucratic system.

The legal status of the Kazakhs in the Semipalatinsk Inner District was strictly regulated through a passport or ticket system. It limited the ability to roam outside the district and made movement a controlled procedure. Without a ticket, no other district could admit the Kazakhs. Reuse of tickets was prohibited (PSZRI, 1855: 502). Thus, mobility, which had traditionally been central to the Kazakh way of life, was placed under bureaucratic control.

From the imperial perspective, the ticket system served several functions. First, it was a tool for taxation. Tickets generated income and strengthened the financial base of the local administration and military structures. Second, it ensured discipline and dependence. The Kazakhs were under the supervision of local authorities, and violations could lead to the loss of the right to further movement. Third, the system reinforced imperial control over space, turning the territory into a strictly delineated and monitored zone.

The Regulation on the Establishment of the District for the Administration of the Inner Siberian Kyrgyz detailed the rules for Kazakhs staying in Cossack stanitsas and peasant villages. Special tickets were required to leave the district. Tickets varied by duration and were issued by different officials. An aul elder could issue a ticket for one week. A volost administrator could issue a ticket for one month and up to 250 versts from the camp. Longer trips required permission from the district administration. Tickets recorded the person's name, age, distinguishing features, reasons for migration, and travel period. These details were also entered into special border administration books. Kazakhs noted for "bad behavior" were not allowed to receive tickets. Residents of Cossack stanitsas and peasant villages were obliged to hand over Kazakhs with expired tickets to the authorities. Violations incurred fines. If the offender could not pay, the amount was distributed across the community (PSZRI, 1855: 503).

Analyzing these regulations, it can be said that the ticket system was a tool of imperial governance. It restricted the traditional mobility of the Kazakhs and turned it into a bureaucratic procedure. From the perspective of imperial biopolitics, the authorities controlled population movement, recorded personal data, and regulated access to space. This allowed the empire to govern not only the territory but also the way of life of the nomads. The introduction of collective responsibility strengthened discipline and involved local communities in the system of surveillance.

Thus, the ticket system was not just a technical measure. It became part of the empire's strategy, where control over mobility and strict regulation of movement served to integrate the Kazakhs into the bureaucratic structure while simultaneously limiting their traditional practices.

In this situation, the authorities of the Semipalatinsk Inner District applied a strict system to control Kazakh movement. At gatherings, residents of stanitsas and villages were informed about the allowed duration of nomads' stay. If a Kazakh was found with an expired ticket or without one, both the local authorities and the nomad were punished. Local officials could face penalties at the discretion of their superiors, while the nomads were fined. These measures were milder than in the Orenburg administration, where similar violations could result in exile, corporal punishment, or conscription into the army (OGA.OO. F. 6. Op. 10. D. 1260. L. 1-10b.). Later, the procedure for issuing tickets was changed several times, as the authorities sought to prevent arbitrariness by aul and volost administrations. All these measures aimed to keep the Kazakhs within the district and prevent their movement into other internal and external districts. Despite the prohibitions, some Kazakh elites continued to migrate outside the district, showing the limited effectiveness of these measures.

From an analytical perspective, the ticket system and accompanying punishments were part of the empire's governance strategy. They combined control over mobility with discipline of local communities. The approach of imperial biopolitics applies here: the authorities recorded movement, regulated the duration of stay, and used punishments to maintain order. At the same time, collective responsibility was practiced, as local residents could be fined for the "overstay" of Kazakhs. This increased local participation in surveillance and made control a shared obligation.

Thus, the measures implemented in the Semipalatinsk Inner District reflected a typical 19th-century imperial policy: restricting freedom of movement and gradually transforming traditional ways of life. These measures were milder than in other regions but still served to integrate the Kazakhs into the bureaucratic system and strengthen imperial authority over the peripheral population.

Comparative Analysis: The Place of the District in the Global Practices of 19th-Century Empires

In the context of imperial policy, it is especially important to draw parallels between the Semipalatinsk Inner District and similar institutions in other 19th-century states. Such comparison allows us to view the governance of peripheral populations from a broader perspective. It is not only a local experience of the Russian Empire but also part of a global imperial practice. Through comparison, it becomes clear that such structures were key elements of imperial strategy. Their analysis opens new opportunities for understanding mechanisms of power and the durability of empires.

Of particular interest is the comparison of the Semipalatinsk Inner District with the princely states of British India. In both cases, imperial authorities relied on the local elite and used it to govern the population. Common features included the limitation of autonomy, taxation, and control over movement.

Differences appeared in the degree of independence. Indian princely states maintained a formal state status and enjoyed more symbolic freedom. In the Semipalatinsk District, autonomy was reduced to a

minimum, and it was fully integrated into the Russian bureaucratic system. In India, a policy of subsidiary alliances required princes to maintain British troops. In the Semipalatinsk District, control was exercised by Cossack units and the district administration. Thus, the Russian model was closer to direct governance, while the British model relied on indirect rule. In India, princes formally retained power but were effectively subordinate to imperial interests (Bayly, 1999: 112-115).

In addition, Austria-Hungary in the 19th century used similar methods to govern its borderlands through the creation of special administrative units. In Austria-Hungary, this was evident in Galicia, Bukovina, and Transylvania. Special districts were established with enhanced bureaucratic supervision, separate tax regimes, and legal norms different from the general state law. The Semipalatinsk Inner District served a similar function. It acted as a tool to integrate peripheral territories into the imperial system, combining bureaucratic administration with military control.

Common features included the use of administrative fragmentation as a means of maintaining power and adapting governance to local conditions. In both cases, the special status of the districts allowed the center to flexibly regulate taxation, legal norms, and administrative procedures. This created a system where the periphery remained under constant control but had specific local rules (Judson, 2016: 145-150; Kann, 1974: 312-318).

The Semipalatinsk Inner District can also be compared, to some extent, with the millet system of the Ottoman Empire. In the 19th century, the Ottomans used this administrative system to govern religious communities. Each group had the right to manage personal law, education, and religious practices. The empire retained supreme control but delegated certain powers to local leaders (Stamatopoulos, 2006: 253-273).

The Semipalatinsk Inner District in the Russian Empire had similar features. A special administrative form was created, where the local elite participated in governance but remained under strict central supervision. In both cases, the empires sought stability by combining limited autonomy with control. The millets offered more cultural freedom, while the Russian model was more bureaucratic and military. However, the underlying logic was the same: special structures served as instruments to integrate the periphery and maintain order.

In the Qing Empire, there was a system called tuzjun, which was used to govern border populations. It was similar to the better-known tusi system inherited from the Ming dynasty. The essence of the system was that local hereditary leaders retained authority over their communities but recognized the supremacy of the emperor. They carried out administrative and military functions on behalf of the central government. This arrangement allowed the empire to maintain control over complex and distant territories without direct intervention. At the same time, it secured the loyalty of local elites (Li, 2015: 87-92).

The Semipalatinsk Inner District in the Russian Empire had similar elements. A special administrative structure was created, where the local elite participated in governance but remained under strict supervision of the bureaucracy and military. The common feature was that both empires used special mechanisms to govern borderlands. They combined limited autonomy with supreme control to integrate the periphery into the imperial system and maintain stability (Bayly, 1999: 112-115).

Thus, Qing China and the Russian Empire applied different forms, but the logic was the same: special governance structures served as tools to maintain authority over border populations.

Of particular interest is the comparison of the Semipalatinsk Inner District with the prefecture system established by France in the 19th century. This system was used to govern both the metropolis and colonial districts in North Africa. In Algeria, after 1830, prefectures were introduced where appointed officials controlled administrative and financial affairs. In Tunisia and Morocco, French authorities also created districts that combined local structures with direct control from Paris. The main goal was to consolidate authority and organize governance of new territories (Julien, 1970: 215-220).

This practice shared common features with other imperial systems. Like in the Russian Empire or the Ottoman Empire, the French administration sought to create special forms of governance for peripheral regions. In all cases, bureaucracy, taxation, and control over local elites were employed. The French model differed in its emphasis on direct intervention and assimilation policies, but the underlying logic was similar. Special districts served as instruments to integrate the periphery into the imperial system and maintain stability (Ageron, 1991: 134-138).

Thus, the prefectures and colonial districts of France in North Africa can be compared to the Semipalatinsk Inner District and other imperial practices. The common feature was the creation of special administrative units that allowed the center to maintain authority and adapt governance to the specific conditions of each region. This confirms that different empires used similar mechanisms to control their peripheries (Bayly, 1999: 112-115).

In conclusion, comparing the Semipalatinsk Inner District with analogous institutions in other 19th-century empires reveals the general logic of imperial governance. In all cases, special administrative structures combined limited autonomy for local elites with supreme central control. These mechanisms served as tools for integrating peripheral territories into the imperial system and ensuring stability. Therefore, the Semipalatinsk Inner District appears not only as a local phenomenon of the Russian Empire but also as part of a global practice of maintaining power over borderlands.

5. Conclusion

In conclusion, the Semipalatinsk Inner District was established as a special administrative unit reflecting the Russian Empire's effort to organize the governance of Kazakhs, who were in a complex legal situation. Its creation was part of the broader imperial strategy to integrate peripheral peoples into the bureaucratic system.

Historiography shows that attention to this district remained limited for a long time. Pre-revolutionary authors focused mainly on ethnographic and geographic data. Soviet scholars treated the district as part of the empire's general policy, linking it to socio-economic changes. Contemporary Kazakh historians emphasize colonial policies and modernization processes.

Archival documents, especially materials from the "Chancellery of the Omsk Governor-General" fonds, made it possible to reconstruct actual mechanisms of governance. They reveal how the empire limited the power of the traditional elite and introduced new forms of control.

Comparative analysis shows similarities between the Russian model and the practices of other 19th-century empires. In all cases, special administrative structures combined participation of local elites with supreme central control.

Thus, the Semipalatinsk Inner District appears as part of the global practice of imperial governance. Its experience helps to understand mechanisms of power, methods of controlling the periphery, and the resilience of empires.

6. Acknowledgements

This study was funded by the Scientific Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, BR28512385 "Interdisciplinary study of regional aspects of Kazakhstan's history (based on new archival materials and folklore works)".

References

- [Abdrakhmanova, 1998](#) – *Abdrakhmanova, B.* (1998). *Istoriya Kazakhstana, vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: power, administrative system, territorial organization in the XIX century]. Astana. 137 p. [in Russian]
- [Ageron, 1991](#) – *Ageron, C.R.* (1991). *Modern Algeria: A History from 1830 to the Present*. London: Hurst. Pp. 134-138.
- [Bayly, 1999](#) – *Bayly, C.A.* (1999). *Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870*. Cambridge: Cambridge University Press.
- [Bekmakhanov, 1951](#) – *Bekmakhanov, Ye.B.* (1951). *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii* [Annexation of Kazakhstan to Russia]. Moscow. 342 p. [in Russian]
- [Bekmakhanova, Dulatova, 1974](#) – *Bekmakhanova, N.E., Dulatova, D.I.* (1974). *Voprosy istoricheskoi geografii Kazakhstana XIX veka v dorevoliutsionnoi literature* [Issues of historical geography of Kazakhstan in the XIX century in pre-revolutionary literature]. *Voprosy istorii*. 6: 60-70. [in Russian]
- [Bronevskii, 1836](#) – *Bronevskii, S.B.* (1836). *Zapiski general-maiora Bronevskogo o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy* [Notes of major general Bronevskii on the Kyrgyz-Kaisaks of the Middle horde]. *Otechestvennye zapiski*. Ch. 41–42. St. Petersburg. [in Russian]
- [Dalaeva, 2019](#) – *Dalaeva, T.T.* (2019). *Starshe sultany vneshnikh okrugov Zapadnoi Sibiri (1822–1868 gg.): sluzhebnyaya kar'era i chiny* [Senior sultans of external districts of Western Siberia (1822–1868): career and ranks]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'*. Irkutsk. Pp. 47-54. [in Russian]
- [IAOO](#) – *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical Archive of Omsk Region].
- [Istoriya gosudarstva..., 1982](#) – *Istoriya gosudarstva i prava KazSSR* [History of the state and law of the Kazakh SSR]. Alma-Ata. 182 p. [in Russian]
- [Judson, 2016](#) – *Judson, P.M.* (2016). *The Habsburg Empire: A New History*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- [Julien, 1970](#) – *Julien, C.A.* (1970). *Histoire de l'Afrique du Nord*. Paris: Payot. Pp. 215-220.
- [Kabul'dinov, 2001](#) – *Kabul'dinov, Z.Ye.* (2001). *Kazakhi Tobol'skoi i Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX vv. (istoriko-demograficheskii aspekt)* [Kazakhs of Tobolsk and Tomsk governorates in the second half of XVIII – beginning of XX century (historical-demographic aspect)]. Pavlodar. [in Russian]
- [Kann, 1974](#) – *Kann, R.A.* (1974). *A History of the Habsburg Empire, 1526-1918*. Berkeley: University of California Press.
- [Kassymbayev, 1998](#) – *Kassymbayev, Zh.K.* (1998). *Istoriya goroda Semipalatinska (1718–1917 gg.)* [History of the city of Semipalatinsk (1718–1917)]. Almaty. 276 p. [in Russian]
- [Kassymbayev, 2002](#) – *Kassymbayev, Zh.K.* (2002). *Posledniy pokhod khana Kenesary i yego gibel' (dekabr' 1846 – april' 1847 gg.)* [The last campaign of Khan Kenesary and his death (December 1846 – April 1847)]. Almaty. 200 p. [in Russian]

- Keppen, 1857** – *Keppen, P.I.* (1857). Devyataya reviziya. Issledovaniye o chisle zhitel'ey v Rossii v 1851 godu [Ninth Revision. Research on the Number of Population in Russia in 1851]. SPb. 298 p. [in Russian]
- Konshin, 1901** – *Konshin, N.* (1901). Ocherki ekonomicheskogo byta kirgiz Semipalatinskoi oblasti [Essays on the economic life of Kyrgyz of the Semipalatinsk region]. In: Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1901 g. Vyp. V. Semipalatinsk. Pp. 1-186. [in Russian]
- Krasovskii, 1868** – *Krasovskii, M.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Oblast' Sibirskikh kirgizov [Materials for geography and statistics of Russia, collected by General Staff officers. Region of Siberian Kyrgyz]. Ch. 2–3. St. Petersburg. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Kazakh hordes and steppes]. Almaty: Sanat. [in Russian]
- Li, 2015** – *Li, X.* (2015). Tusi and Tuzjun Systems in the Qing Empire: Governance of Border Populations. Beijing: China Social Sciences Press. Pp. 87-92.
- Masanov, 1984** – *Masanov, N.Ye.* (1984). Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII–XIX vv. [Problems of socio-economic history of Kazakhstan at the turn of XVIII–XIX centuries]. Alma-Ata: Nauka. [in Russian]
- OGAOO** – Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Unified State Archive of Orenburg Region].
- Potanin, 1884** – *Potanin, G.N.* (1884). Semipalatinsk i drugie goroda Semipalatinskoi oblasti [Semipalatinsk and other towns of the Semipalatinsk region]. Zhivopisnaya Rossiya. T. 11. Pp. 11-29. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- Rossiya, 1914** – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Tom XVIII. Kirgizskii krai [Russia. Complete geographic description of our Fatherland. Vol. XVIII. Kyrgyz land]. Ed. by P.P. Semenov-Tyan-Shanskii. St. Petersburg. 1914. [in Russian]
- Stamatopoulos, 2006** – *Stamatopoulos, D.* (2006). The millet system and governance in the Ottoman Empire. Athens: Alexandria Publications. Pp. 253-273.
- Sultangalieva, 2014** – *Sultangalieva, G.S.* (2014). Kazakhskie chinovniki na sluzhbe Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov [Kazakh officials in the service of the Russian Empire: collection of documents and materials]. Almaty: Kazakh University. 418 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1984** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984). Sobr. soch. v 5 t. [Collected works in 5 volumes]. Almaty–Alma-Ata: Kaz. Sov. Ents. [in Russian]
- Venyukov, 1873** – *Venyukov, M.I.* (1873). Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii [Experience of military survey of Russian borders in Asia]. St. Petersburg. 487 p. [in Russian]
- Zavalishin, 1862** – *Zavalishin, I.* (1862). Opisanie Zapadnoi Sibiri [Description of Western Siberia]. Moscow. 414 p. [in Russian]
- Zimanov, 1960** – *Zimanov, S.Z.* (1960). Politicheskii stroy Kazakhstana kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX veka [Political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and first half of XIX centuries]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. 400 p. [in Russian]

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 846-857
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.846

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Russian-Native Education as an Integral Part of the Educational Activities of the Russian Administration in Karkaralinsky District (1868–1905): Implementation, Problems, Results

Madina B. Muratova ^{a, *}, Lyazzat K. Shotbakova ^a, Dzhambul A. Dzhumabekov ^a,
 Nursakhan A. Beysenbekova ^a

^a Karaganda National Research University named after Academician E.A. Buketov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the process of formation and development of Russian-native education in Karkaralinsky district as the most important area of educational activity of the Russian administration in the second half of the XIX – early XX centuries. The object of the study is the system of Russian-native education, and the research subject is the specific characteristics of its implementation in Karkaralinsky district. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the educational policy of the Russian Empire in the Steppe region. The concepts of enlightenment and modernization of traditional society, as well as systemic, interdisciplinary, sociocultural approaches, and a number of general scientific and specific methods are used as the theoretical basis of the research. On the basis of archival materials and scientific literature we conducted an analysis of the organizational forms of education, the content of curricula, language policy and the specifics of staffing. It is shown that the introduction of Russian-native education was accompanied by a number of difficulties, including lack of funding, weak material and technical base, lack of qualified teachers, and the wary attitude of Kazakh society. At the same time, the activities of Russian-native schools contributed to the spread of literacy, the training of translators and employees from the local population, etc.

Keywords: Karkaralinsky district, enlightenment, Russian Empire, reform, elementary schools, agricultural schools, college, Kazakh intelligentsia, petition, parish school.

1. Введение

Современное общество переживает качественные трансформации, связанные с поступательным развитием процессов глобализации и интеграции, для которых характерны стремительное развитие технологий, доступность информации и глобальные вызовы, включая социокультурные, экологические и политические. В этих условиях возрастает значение просветительской деятельности, одной из важнейших форм которой является распространение знаний. Вместе с тем, просветительская деятельность является инструментом формирования национальной и культурной идентичности, что невозможно без хорошо развитой системы образовательных учреждений.

Начиная с XIX в. просветительская деятельность в Казахстане начала оформляться в качестве неотъемлемой части национального культурного и образовательного развития. Она служила средством формирования интеллектуального потенциала народа, укрепления национальной идентичности и адаптации общества к вызовам времени.

В этот период на территории современного Центрального Казахстана происходят значительные социально-политические и культурно-образовательные изменения, связанные с реформами Российской империи, в частности, в области развития системы народного образования, ростом активности казахской интеллигенции.

* Corresponding author

E-mail addresses: 141092@mail.ru (M.B. Muratova)

В данном исследовании мы предпринимаем попытку проследить процесс становления и развития русско-туземной системы образования в казахской Степи на примере Каркаралинского уезда, представлявшего в изучаемый период один из сложных и обширных регионов в составе Семипалатинской области. Выбор начальной даты исследования обусловлен тем, что Каркаралинский уезд был основан в 1868 году как административно-территориальная единица Семипалатинской области, входившей в состав Степного генерал-губернаторства Российской империи.

2. Материалы и методы

При изучении различных аспектов данной темы были использованы архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы, Республика Казахстан, Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернаторства Министерства внутренних дел г. Омск; Ф. 408 – Семипалатинское уездное управление Министерства внутренних дел г. Семипалатинск), Государственного архива Карагандинской области (ГАКО, Караганда, Республика Казахстан, Ф. 1487 – фонд краеведа Ю.Г. Попова).

Архивные материалы в основном представлены делопроизводственными документами по Каркаралинскому уезду, среди которых отчёты инспекторов народных училищ, сведения о деятельности русско-казахских школ и медресе, краеведческие материалы и др.

Теоретическую основу исследования составляют концепции просвещения и модернизации традиционного общества; взаимодействия колониальной политики и национального самосознания; развития образования как фактора культурной трансформации общества, которые нашли отражение в работах как представителей российской администрации и ученых конца XIX – начала XX вв., так и современных авторов.

Методологическую основу изучения просветительской деятельности в Каркаралинском уезде Семипалатинской области во второй половине XIX – начала XX вв. составляют базовые принципы и подходы, а также общенаучные и частные методы. Применение принципов историзма и объективности позволило изучить просветительскую деятельность в Семипалатинском уезде во взаимосвязи и взаимообусловленности, то есть проследить, как исторические условия влияли на становление и развитие просветительской деятельности в изучаемом регионе Российской империи.

Целостное восприятие изучаемой темы обеспечили системный и социокультурный подходы. На основе применения системного подхода была предпринята попытка воссоздать целостную картину развития русско-туземных образовательных учреждений в казахской Степи и их влияния на формирование просветительских идей среди местного населения. С помощью социокультурного подхода был проведен анализ влияния становления системы образования на формирование национального самосознания и общественной мысли казахского общества. Применение комплексного междисциплинарного подхода позволило рассмотреть просветительскую деятельность в Каркаралинском уезде Семипалатинской области не только как элемент образовательной политики Российской империи, но и как важный фактор становления национальной интеллигенции и формирования казахской культурной идентичности.

Использование историко-хронологического и историко-генетического методов оказало серьезную помощь при выявлении этапов формирования и развития одной из важнейших составляющих просветительского движения в казахской Степи – системы образования, позволили проследить этот процесс от первых инициатив в 1868 году до начала XX века. Также были прослежены причинно-следственные связи между государственной образовательной политикой Российской империи и деятельностью местных просветителей.

При работе с различными группами источников использовался метод анализа и синтеза, позволивший систематизировать, проанализировать и обобщить сведения из разных по содержанию, назначению и происхождению групп источников.

3. Обсуждение

Историография вопроса формировалась постепенно, отражая смену методологических подходов: от дореволюционных описательных трудов и советской интерпретации как «классового просвещения» до современных культурно-антропологических и региональных исследований.

Каркаралинский регион рассматривался в трудах Н. Ядринцева, Ю. Шмидта, Н. Коншина, Л. Чермака и других исследователей конца XIX – начала XX вв. в основном в контексте анализа промышленно-экономического, культурно-образовательного развития (Ядринцев, 1882; Шмидт, 1894; Коншин, 1901; Чермак, 1912). Среди них можно выделить Н. Ядринцева, который в своих исследованиях рассматривал данный регион в контексте колониальной политики Российской империи, акцентируя внимание на социально-экономическом положении казахского населения, проблемах землепользования, административных преобразованиях и проблемах просвещения (Ядринцев, 1882).

Такие авторы как Т.Т. Тажибаев, М.Г. Храпченков, А.И. Анастасиев, А.Е. Алекторов, В.П. Вахтерев, Е.А. Звягинцев, Н.И. Ильминский, С.В. Рождественский, Г.А. Фальборк и другие, (Тажибаев, 1962; Храпченков, 1975; Анастасиев, 1915; Алекторов, 1905; Вахтерев, 1897; Звягинцев,

1913; Ильминский, 1913; Рождественский, 1902; Фальборк, 1908) в своих работах изучали систему образования, как в отдельных регионах Казахстана, так и в отдельных уездах и учебных округах Казахской степи и Российской империи. В большинстве этих публикаций подчёркивалась значимость образовательной политики Российской империи для формирования новых культурных и социальных практик в Степном крае.

Впервые тема просвещения казахского общества в рамках образовательной политики Российской империи нашла свое отражение в трудах представителей российской педагогической мысли второй половины XIX века – Н.И. Ильминского, В.В. Григорьева, В.В. Катаринского (Ильминский, 1900; Григорьев, 1840; Катаринский, 1906).

Советская историография представлена, в частности, таким крупным исследователем, как Т.Т. Тажибаев. Он проанализировал социально-экономическую и политическую ситуацию, основные этапы формирования и развития системы образования в казахской степи (Тажибаев, 1958). А монография «Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века» содержит информацию о количестве начальных и средних специализированных школ. Впервые в советской историографии он раскрыл роль сельскохозяйственных школ в подготовке национальных кадров (Тажибаев, 1962).

В современной историографии образование и просвещение изучаемого периода рассматривается в качестве ключевых механизмов интеграции казахского населения в имперское культурное и административное пространство и объединяет несколько устойчивых направлений: нормативно-административное – анализ правовой базы, школьных реформ и политики государства; языковое и этнокультурное – изучение политики русификации и двуязычного обучения; конфессиональное и миссионерское – исследование взаимодействия между мусульманскими мектебами и православными школами; биографическое и микроисторическое – восстановление образов просветителей.

Так, значительное место в изучении данной проблематики занимают исследования, посвящённые деятельности органов управления Степного края в сфере народного образования. Анализ административных механизмов регулирования учебных заведений и форм контроля за просвещением среди казахского населения посвящена работа Т.Ю. Плахотник (Плахотник, 2019).

Институциональные основы функционирования начальных школ в регионе рассматриваются в работе М.В. Стуровой. Автор подчеркивает, каким образом русско-казахская школа выполняла функцию аккультурации коренного населения. По данным М.В. Стуровой, к началу XX века в большинстве волостей Степного края существовали стационарные училища и передвижные школы, что свидетельствует о распространении модели массового элементарного образования (Стурова, 2017).

Отмечая роль русской интеллигенции в организации школ и просветительской работы среди казахского населения, Р.С. Буктугутова в своих исследованиях подчеркивает, что образование служило инструментом интеграции окраин в имперское пространство (Буктугутова, 2006). По мнению Ю.А. Лысенко, М.В. Рыгалова, Е.Н. Егоренкова, русский язык стал механизмом социальной мобильности и культурного воздействия на местное казахское население (Лысенко и др., 2021). Идеологические столкновения в сфере просвещения и реакцию местного духовенства анализирует Д.Ш. Муфтахутдинова (Муфтахутдинова, 2021).

Одним из интересных направлений изучения просветительской деятельности в Каркаралинском уезде является восстановление образов просветителей, вышедших из казахской среды. К ним можно отнести А. Кунабаева, Ж. Акпаева, Б. Каратаева, чья деятельность стала символом нового культурного типа (Сыдыков, 2018; Тлепина, 2018).

В статьях, рассматривающих трансформацию системы образования в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв., предпринимается попытка проследить основные изменения в учебных учреждениях данного региона под воздействием политики Российской империи. Так, в статье Ю.А. Эргашева, О.А. Рахмонкулова, У.Ш. Абдуллаева, Ф.У. Самарова «Трансформация системы образования Туркестанского края конца XIX – начала XX вв.» рассматривается переход от исламских образовательных институтов к русско-туземным школам в Туркестанском крае (Ergasheva et al., 2025). Можно отметить схожесть модели трансформации образовательных учреждений в южных регионах Казахской степи с процессами, имевшими место в Степном крае. Авторы отмечают рост числа смешанных школ и участие женщин в образовательных инициативах.

Г.К. Муканова, О.Т. Абишева, С. Жуматай и Ж.А. Батырханова «Волонтерство от культуры, или воспитание благотворительности через искусство у учащейся мусульманской молодежи в Российском Туркестане, рубеж XIX–XX веков» в качестве одной из культурных инициатив мусульманской молодежи выделяют неформальные формы просвещения (Mukanova et al., 2022). По их мнению, эти формы самоорганизации отражают «низовое» стремление к образованию, что позволяет сравнить их с аналогичными кружками и читальнями в Каркаралинске. Другими словами, исследуется исторический опыт воспитания навыков и традиций меценатства среди учащейся мусульманской молодёжи Российской империи.

В рамках изучения нашей темы вызывает определенный интерес концепция колониального посредничества, предложенная в статье Б.Ж. Абжаппарова, Б.С. Токмурзаева, З.С. Ильясова,

С.Д. Мамраймова «Колониальное посредничество как «травма»: лидеры казахской интеллигенции на службе Российской империи во второй половине XIX – начала XX в.». Авторы считают, что представители казахской интеллигенции, получившие русское образование, испытывали внутренний конфликт между служением империи и национальной идентичностью (Abzhapparova et al., 2025). Этот подход важен для анализа деятельности просветителей Каркаралинска, совмещавших культурную лояльность и национальное самосознание.

Одним из комплексных исследований становления и развития системы образования Каркаралинского региона является коллективная монография ученых Карагандинского национального исследовательского университета Л.К. Шотбаковой, Г.М. Смагуловой, Б.Т. Тулеуовой и Н.А. Бейсенбековой «Адамдар тағдырындағы Қарқаралы өңірінің білім беру жүйесінің қалыптасуы мен даму тарихы (XIX аяғы – XX ғ. басы)» (Шотбакова и др., 2023). Авторы впервые в казахстанской историографии проследили эволюцию школьного дела через судьбы конкретных людей – учителей, просветителей и выпускников местных учебных заведений. Работа основана на широком круге источников: архивных документах, статистических отчетах, материалах местной прессы и воспоминаниях. Такой подход позволил объединить институциональную историю образования с антропологическим и социокультурным измерением.

Зарубежная историография просвещения Казахстана представлена трудами исследователей, рассматривающих развитие образования, интеллектуальной культуры и просветительских идей в казахском обществе в контексте колониальной политики Российской империи, советской и постсоветской модернизаций. К ним можно отнести работы Isabelle Kreindler (Kreindler, 1983), David Galick (Galick, 2014), Alexander Morrison (Morrison, 2015) и другие.

А. Kappeler, V. Martin отмечают, что имперская образовательная политика была направлена на формирование лояльной местной элиты (Kappeler, 2001). Казахские просветители интерпретируются как посредники между имперской системой и национальной культурой.

Значительный вклад в изучение просвещения Казахстана внесли западные исламоведы и историки Центральной Азии. А. Bennigsen, С. Lemerrier-Quelquejau обращали внимание на то, что исламское образование в степи играло важную роль в формировании грамотности и социальной мобильности (Bennigsen, Lemerrier-Quelquejau, 1967).

В последние десятилетия появились сравнительные исследования, рассматривающие развитие образования в сопредельных регионах – Южном Урале, Западной Сибири и Северо-Западном Казахстане. Эти труды показывают общие тенденции: постепенное распространение начальных школ, влияние миссионерской педагогики, а также адаптацию местного населения к новым культурным нормам. Подобные сравнительные подходы позволяют выявить место Каркаралинского уезда в системе образовательной модернизации Степного края.

Таким образом, историография изучаемой нами проблемы прошла путь от описательной фиксации отдельных фактов к комплексному анализу структурных, культурных и этноконфессиональных аспектов образовательной системы. Вместе с тем, остаются недостаточно изученными локальные уровни – деятельность конкретных школ, биографии учителей, взаимодействие светского и мусульманского образования в том числе и на уездном уровне. Дальнейшее изучение темы предполагает сочетание институционального и микроисторического подходов, что позволит воссоздать реальную картину становления просвещения в Каркаралинском уезде и его вкладе в культурную историю Степного края.

4. Результаты

Вторая половина XIX века для казахской степи была временем проведения колониальных реформ Российской империи, внедрение новых административных порядков и образовательных инициатив, которые привели к серьезным изменениям в жизни казахского общества. Одним из центров просветительской деятельности стал Каркаралинский уезд, входивший в состав Семипалатинской области.

В соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» 1822 года первый внешний округ, Каркаралинский, был открыт 8 апреля 1824 году с центром в урочище Каркаралы, где первоначально было возведено небольшое военное укрепление, на базе которого в 1827 году была образована станица Каркаралинская. Старшим султаном округа был назначен майор Турсун Чингисов, внук хана Букея. Первоначально в округ прибыли посланцы сибирских и баянаульских казаков, а в 1849–1850 гг. для усиления поселения в Каркаралы были переселены малороссийские казаки.

В 1854 году были образованы Семипалатинская область и Область сибирских киргизов. Пять внешних округов и, в том числе, Каркаралинский, вошли в состав Области сибирских киргизов.

Первые данные о населении Каркаралинского округа приводятся в отчете Военного Губернатора Семипалатинской области за 1863 год. Более ранних сведений, а также данных о численности оседлого населения нет. По состоянию на 1863 год число волостей в округе – 17, аулов – 101, число юрт – 18398; кочевое население: мужчин – 31809, женщин – 26841, обоего пола – 58650 человек (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 36).

Определенную сложность представляет и выявление точных данных о количественном и качественном составе учебных заведений в исследуемый период. Отдельные сведения содержатся в ряде документов и материалов, на основании которых нами составлена следующая [Таблица 1](#).

Таблица 1. Учебные заведения Каркаралинского уезда

Года	Школы						Училища
	Начальные (русско-киргизские)	При мечетях	Приходские (казацкие)	Аульные (волостные)	Сельско-хозяйственные	Интернаты	
1860-е – 1880-е годы	1	2	1	23	1	1	2
1890-е – 1905 годы	1	1	1	28	1	1	2

Источник: Статистические данные по видам учебных заведений собраны, систематизированы на основе ряда документов и различных трудов (ГАКО, Ф.1487, Оп. 1, Д. 97, Л. 34-70; Обзор Семипалатинской области за 1871, 1888, 1890, 1903 годы; Попов, 2019; Попов и др., 2014; Шаймұқанов и др., 2014).

Как видим, в Каркаралинском уезде действовали учебные заведения разного типа. Среди них были начальные (русско-киргизские), школы при мечетях, приходские и аульные (волостные). Отдельно следует сказать о таких школах как сельскохозяйственные и школы-интернаты. Если в сельскохозяйственных школах колониальные власти стремились обучить детей из казахской среды основам оседлого земледелия, т. е. данный вид учебных заведений отражал основы колониальной политики имперской России, то школы-интернаты были свидетельствами привлечения казахских детей из отдаленных аулов к образованию. Как правило, в школах-интернатах обучались девочки. Достаточно большое количество аульных (волостных) школ объясняется тем, что в изучаемый нами период число волостей в Каркаралинском уезде постоянно росло и к началу XX века составило 25 волостей.

По отчету Губернатора за 1863 год в селении насчитывалось 8 казенных домов, 4 общественных и 143 обывательских, также была церковь на Богословском заводе, мечеть в восточной части татарской слободки и две школы: одна казачья, другая киргизская (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 34).

Число обучавшихся в Каркаралинском округе киргизских мальчиков достигало до 500 человек. Обучали их муллы, число которых к 1863 году составило 41 преподаватель (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 70). В 1867 году были открыты 23 мусульманские школы с численностью 412 человек.

Станичной школой 6-го полкового округа Сибирского казачьего войска, то есть школой для детей казаков, руководил урядник Николай Георгиевич Булычев, он же был и единственным учителем (Попов, Рязанцев, 2012: 19).

Каркаралинский округ был преобразован в уезд, в ходе административной реформы в Степном крае после утверждения «Временного положения об управлении в степных областях» 1868 года. В результате Каркаралинский уезд вошел в состав Семипалатинской области.

В 1868 году «Временным положением об управлении степных областей», была осуществлена реорганизация административного деления казахских земель. В результате казахская степь полностью перешла под прямое административное управление Российской империи и стала фундаментом административного устройства региона вплоть до 1920-х годов. Несмотря на то, что реформа, в первую очередь, носила административный характер, она оказала серьезное влияние на сферу просвещения, создав условия для появления русско-казахских школ, подготовки национальной интеллигенции и формирования новых культурных практик.

С этого времени российская администрация стала рассматривать образование как средство интеграции степи в имперское пространство, подготовки местных чиновников, переводчиков и распространения русского языка. Также просвещение должно было ослабить влияние родовых структур, духовенства и способствовать созданию лояльных образованных слоев среди местного населения.

В начале 1870-х годов в Каркаралинском уезде появляются новые виды учебных заведений. Так, в 1872 году открывается сельскохозяйственная школа в урочище Бельгач, а в 1879 году – интернат для казахских девочек.

Серьезное внимание уделяется народным школам. Н.Д. Ушинский писал: «...Устройство хороших народных школ есть самая выгодная и самая прочная и основная финансовая операция,

потому, что хорошая народная школа открывает источники народного богатства...она увеличивает умственный и нравственный капитал народа...без которого все прочие капиталы остаются мертвыми...». Вместе с тем, он указывал на необходимость соединения в деятельности человека умственного и физического труда, особенно подчеркивая значение сельско-хозяйственного труда для учащихся (ТАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 66).

Как отмечалось выше, одной из востребованных форм учебных заведений в конце XIX века стала сельскохозяйственная школа. Согласно Проекта Устава низших сельскохозяйственных киргизских школ в Акмолинской и Семипалатинской областях, сельскохозяйственная школа представляла собой «...нижнее учебное заведение состоящее в ведении Министерства Народного Просвещения, имеющее целью дать кочевому киргизскому населению Акмолинской и Семипалатинской областей, воспитанных в обстановке и потребностях оседлого быта, сведущих сельско-хозяйственных работников и работниц» (ЦГА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

Курс обучения составлял 6 лет, которые были поделены на 3 блока по два года. В штат школы, помимо управляющего и учителя-воспитателя, входили надзирательница, фельдшер, ветеринар, эконо, письмоводитель, приказчик и мастера, рабочие, прислуга (ЦГА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

Интересен тот факт, что школа содержалась за счет ежегодного сбора с киргизских обществ 22.000 руб. и различных добровольных пожертвований и случайных поступлений (ЦГА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

На каждое отделение набиралось по 40 человек воспитанников, в возрасте от 12 лет и старше для мальчиков, 10 лет – для девочек (ЦГА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1. Л. 25). Наиболее способные из них после трех лет обучения могли быть отправлены для продолжения учебы в г. Омск в киргизский пансион.

В сельскохозяйственной школе преподавались различные дисциплины, которые были разбиты по трем циклам.

Таблица 2. Расписание уроков в Каркаралинской сельскохозяйственной школе на 1900–1901 учебный год (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6104. Л. 110)

	Часы	Первый приготов. класс	Второй приготов. класс	Первый специальный класс
Понедельник	8-9	Русский язык	Русский язык	Арифметика
	9-10	Арифметика	Закон Божий	Русский язык
	10-11	Чистописание	Арифметика	
	1-5	Работы в мастерских	Работы в мастерских	Работа в мастерских
Вторник	8-9	Арифметика	Арифметика	Основн. пон. о прав. сп. возд. земли
	9-10	Русский язык	Русский язык	Закон Божий
	10-11	Чистописание	Чистописание	Русский язык
	1-5	Работа в мастерских		
Среда	8-9	Русский язык	Арифметика	Учение о пол. и вред. раст. и живот.
	9-10	Арифметика	Русский язык	Арифметика
	10-11	Чистописание	Арифметика	Основн. пон. о прав. сп. возд. земли
	1-5	Работа в мастерских		
Четверг	8-9	Арифметика	Русский язык	Арифметика
	9-10	Русский язык	Закон Божий	Русский язык
	10-11	Чистописание		Чистописание
	1-5	Работа в мастерских		
Пятница	8-9	Русский язык	Арифметика	Учение о пол. и вред. раст. и живот.
	9-10	Арифметика	Русский язык	Арифметика
	10-11	Чистописание	Чистописание	Русский язык
	1-5	Работа в мастерских		
Суббота	8-9	Русский язык	Арифметика	Основн. пон. о прав. сп. возд. земли
	9-10	Арифметика	Русский язык	Закон Божий
	10-11	Пение		
	11-12	Пение		

Как видно из данного курса обучения, казахские дети должны были научиться работать в земледельческом хозяйстве, не скотоводческом. Также обращает на себя внимание то, что, начиная со второго цикла обучения, им преподавали Закон божий, что делалось в целях воспитывать из казахских детей верноподанных Российской империи. Это соотносилось с ужесточением политики российской администрации в отношении мусульманских учебных заведений, деятельность которых либо ограничивалась, либо вовсе запрещалась в изучаемый период.

Следующим серьезным шагом в развитии образовательной системы в Казахской степи накануне XX века стала реализация положений реформы 1891 года, оформленной в документе «Степное положение».

По «Степному положению» школа стала рассматриваться российской администрацией в качестве ключевого механизма в укреплении имперской власти, распространении русского языка, подготовке местных чиновников и переводчиков и т. д.

К началу XX века задачи сельскохозяйственных школ усложняются. В документах они называются школами практического сельского хозяйства и согласно «Положению о школах практического сельского хозяйства в областях Степного Генерал-Губернаторства» целью этих школ было «дать кочевому населению областей, воспитанных в обстановке и потребностях оседлого быта, сведущих селско-хозяйственных работников и работниц вообще; в частности же, разделяясь каждая на два отделения, мужское и женское, подготавливает их первых сведущих ремесленников, по тем отраслям ремесленных производств, которые стоят в тесной связи с сельским хозяйством, и из второй – мастериц по женским ремеслам, наиболее ценным у киргиз» (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 66-67). Следует отметить, что первые упоминания и низших школах практического сельского хозяйства встречаются в документах, начиная с 1885 года.

Поскольку для сельскохозяйственных школ необходимы были базы практик подготовки, то им выделялись определенные земли в пределах уезда. Так, Каркаралинской сельскохозяйственной школе были отведены земельные участки: Таинский №13 и Бахаревский №12, «казенные оброчные участки», площадью 405 десятин с тем, чтобы в нынешних владениях школы были образованы «оброчные системы» (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 67).

Как видим, российская администрация основную задачу видела не в том, чтобы дать образование кочевому населению Казахской степи, а в том, чтобы привить ему навыки человека, способного вести оседлый образ жизни и хозяйствования, что на деле мало соответствовало нуждам местного казахского населения.

Ответ на вопрос, была ли реально решена эта задача, можно найти в тексте Каркаралинской петиции, составленной в 1905 году представителями казахской интеллигенции во главе с Алиханом Букейхановым и отправленной на имя императора Российской империи.

В ней авторы к недостаткам в управлении Казахским краем, в частности, отнесли и состояние образования, а именно, невозможность открытия медресе, закрытие существующих школ при мечетях, обучение детей в аульных школах для казахских мальчиков только на русском языке, без права изучения родного языка. Также отмечалось, что в большинстве интернатов для казахских детей вместо 30 человек проживали 300 человек. Интернаты преобразовывались в сельскохозяйственные школы, в которых, по мнению казахской интеллигенции, в казахской степи не было потребности.

Так, авторы Петиции отмечали: «Несмотря на 15-ти летнее существование сельскохозяйственных школ, из них не вышел ни один сельский хозяин и ни один профессиональный работник по сельскому хозяйству. Как ученики сельскохозяйственных школ, так и ученики бывших интернатов составили контингент интеллигентных казахов, в чем нельзя не видеть потребности в казахской степи в общем, а не в профессиональном образовании» (Жусип, 2010: 55).

Это вовсе не означает, что казахским детям не нужно образование, а наоборот «спрос со стороны казахского населения на образование огромный, о чем свидетельствует масса казахских детей, обучающихся в городских училищах на свои средства, несмотря на обременительность этого расхода для казахского скотоводческого хозяйства» (Жусип, 2010: 55-56).

На рубеже XIX–XX веков в Каркаралинском уезде продолжали действовать аульные школы, о необходимости открытия которых мы встречаем сведения в ходатайстве Генерал-Губернатора Сухотина на имя Министра Просвещения об открытии в Акмолинской и Семипалатинской областях киргизских аульных школ и учреждения для заведывания ими особой должности Инспектора Народных Училищ, с присвоением последнему директорских прав, датированное июлем 1901 года (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 68).

Наряду с начальными школами, одной из форм образовательных учреждений, открывавшихся в Каркаралинском уезде, были училища. Так, в 1872 году в Каркаралинске было открыто мужское приходское училище. Цель данного училища была определена следующим образом: дать детям всех сословий умственное и религиозно-нравственное образование. В 1881 году оно было преобразовано в трехклассное училище. Число учеников в разные годы составляло от 60 до 120 человек. С 1908 года трехклассное училище становится четырехклассным, смешанным, т. е. на обучение начали принимать и девочек (Shotbakova et al., 2023).

Городское приходское училище или женское приходское училище было основано в 1877 году, и через четыре года в нем насчитывалось всего 47 учеников. Небольшое количество обучающихся объяснялось, в частности, тем, что родители, придерживаясь традиционного воспитания, неохотно отдавали девочек на обучение.

По подсчетам известного краеведа Ю.Г. Попова, к началу XX века в городе было три училища: городское трехклассное, низшая сельскохозяйственная школа и женская начальная школа. Интересно, что Ю.Г. Попов относит к разряду училищ низшую сельскохозяйственную школу и женскую начальную школу (Попов, Рязанцев, 2012).

В этот период российское правительство стремилось всеми возможными мерами превратить казахских просветителей в проводников политики обрусения «инородцев». Поскольку национальная интеллигенция была неоднородной по социальному составу, то определенная ее часть сотрудничала с правительственной администрацией, проводя угодную правительству политику «обрусения» и национального гнета, о чем встречаем свидетельства в работе Дебоган Л.Л. «Каркаралинск в документах 1824-1917 гг.», раздел – Народное просвещение, которая сохранилась в личном фонде Ю.Г. Попова (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 69).

В последующие годы, вплоть до Октябрьской революции 1917 года, серьезных перемен в деле народного образования, за исключением присвоения Каркаралинскому четырехклассному училищу названия «высшее начальное» не произошло (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 69).

5. Заключение

Таким образом, с конца XIX в. в казахской Степи начались процессы трансформации образовательной системы, которые отражали противоречия в политической, социальной и культурной жизни казахского общества. Просветительская деятельность в Каркаралинском уезде в период с 1868 по 1905 гг. была стартовым этапом в формировании системы народного образования в этом регионе.

Несмотря на множество препятствий – кочевой образ жизни, слабую материально-техническую базу, языковые и культурные трудности – уже к началу XX века можно наблюдать рост образовательных учреждений, распространение грамотности среди казахского населения, появление школ для девочек и интернатов. Эти процессы заложили фундамент для дальнейшего развития образования в уезде и области в целом.

Развитие образования в Каркаралинском уезде в конце XIX – начале XX веков отвечало интересам, прежде всего, колониальной политики Российской империи, которая стремилась использовать русско-туземные школы как инструмент подготовки лояльных подданных по отношению к империи.

В то же время следует отметить, что просветительская деятельность в Каркаралинском уезде заложила основы формирования казахской национальной интеллигенции, которая впоследствии сыграла важную роль в становлении и развитии казахской культуры и образования XX века.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного грантового проекта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2024–2026 годы, регистрационный номер ИРН АР23486898 «Политические репрессии на территории Карагандинской области в 1920–1930 гг.».

Литература

Алекторов, 1905 – Алекторов А.Е. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1905. №12. С. 154-191.

Анастасиев, 1915 – Анастасиев А.И. Народная школа: руководство для учителей и учительниц начальной народных училищ: настольная справочная книга: в 2 ч. М.: тип. А. Д. Ступина, 1915. Ч. 1. 581 с.

Буктугутова, 2006 – Буктугутова Р.С. Вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX в. // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 4. С. 29-37.

Вахтерев, 1897 – Вахтерев В.П. Всеобщее обучение. Москва, 1897. 225 с.

ГАКО – Государственный архив Карагандинской области, Республика Казахстан.

Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.

Жусип, 2010 – Жусип С.А. Алихан Букейхан. Полное собрание сочинений в 7 томах. Астана, 2010. Том IV. 568 с.

Звягинцев, 1913 – Звягинцев Е.А. Проект новых программ для начальных школ // *Вестник воспитания*. 1913. № 6. С. 53-76.

Ильминский, 1900 – Ильминский Н.И. О способах обучения инородцев. Санкт-Петербург, 1900. 8 с.

- Ильминский, 1913** – *Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. 162 с.
- Катаринский, 1906** – *Катаринский В.В.* Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Оренбург, 1906. 217 с.
- Коншин, 1901** – *Коншин Н.* От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.* Вып. V. Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П.Плещеев и К», 1901. Разд. IV. С. 1-55.
- Лысенко и др., 2021** – *Лысенко Ю.А., Рыгалова М.В., Егоренкова Е.Н.* Русский язык как инструмент интеграции в Степном генерал-губернаторства России в общеимперское пространство (вторая половина XIX в. – начало XX века) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2021. № 1 (52). С. 154-163.
- Муфтахутдинова, 2021** – *Муфтахутдинова Д.Ш.* Религиозная полемика в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.) // *Eurasian Journal of Religious Studies.* 2021. № 3 (27). С. 66-74.
- Обзор..., 1871** – Обзор Семипалатинской области за 1871 год. Семипалатинск: Тип. Обл. Правления, 1872. 81 с.
- Обзор..., 1888** – Обзор Семипалатинской области за 1888 год. Семипалатинск: Тип. Обл. Правления, 1889. 141 с.
- Обзор..., 1890** – Обзор Семипалатинской области за 1890 год. Семипалатинск: Тип. Обл. Правления, 1891. 99 с.
- Обзор..., 1903** – Обзор Семипалатинской области за 1903 год. Семипалатинск: Тип. Обл. Правления, 1904. 125 с.
- Плахотник, 2019** – *Плахотник Т.Ю.* Проблема образования кочевого населения Степного края в работах А.Е. Алекторова – чиновника образовательного ведомства / *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции.* Омск, 2019. С. 21-27.
- Попов, 2019** – *Попов Ю.Г.* Волостные управители и народные судьи (бии) Каркаралинского уезда: 1871–1919 годы. Караганды, 2019. 156 с.
- Попов, Рязанцев, 2012** – *Попов Ю.Г., Рязанцев В.П.* Корниловы, Карбышевы, Рязанцевы и другие казаки станицы Каркаралинской (штрихи краеведческой летописи). 3-е издание, исправленное и дополненное. Новосибирск, 2012. 142 с.
- Попов и др., 2014** – *Попов Ю.Г., Шотбакова Л.К., Смагулова Г.М.* Творцы и свидетели истории Каркаралинска. Караганда, 2014. 354 с.
- Рождественский, 1902** – *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802-1902. Санкт-Петербург, 1902. 785 с.
- Стурова, 2018** – *Стурова М.В.* Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством степного генерал-губернаторства начала XX в. // *Народы и религии Евразии.* 2018. №3 (16). С.88-98.
- Сыдыков, 2018** – *Сыдыков Е.Б.* Абай – волостной управитель // *Вестник КазНУ. Серия историческая.* Алматы, 2018. № 2. С. 64-71.
- Тажибаев, 1958** – *Тажибаев Т.Т.* Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX. Алма-Ата, 1958. 98 с.
- Тажибаев, 1962** – *Тажибаев Т.Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962. 507 с.
- Тлепина, 2018** – *Тлепина Ш. Ж.* Акпаев: неизвестная автобиография // *Право и государство.* № 3-4 (80-81). 2018. С. 155-172.
- Фальборк, 1908** – *Фальборк Г.А.* Всеобщее образование в России. Москва, 1908. 212 с.
- Храпченков, 1975** – *Храпченков Г.М.* История школы и педагогической мысли Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1975. 168 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- Чермак, 1912** – *Чермак Л.* Киргизское хозяйство в Степном крае / Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. Санкт-Петербург: тип. Ц. Крайз, 1912. С. 215-256.
- Шмидт, 1894** – *Шмидт Ю.* Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинском округе // *Записки ЗСО РГО.* Книжка XVIII. Омск: Тип. Окруж. Штаба, 1894. С. 1-149.
- Шотбакова и др., 2023** – *Шотбакова Л.К., Смагулова Г.М., Тулеуова Б.Т., Бейсенбекова Н.А.* Адамдар тағдырындағы Қарқаралы өңірінің білім беру жүйесінің қалыптасуы мен даму тарихы (XIX ғ. – XX ғ. басы). Караганда, 2023. 379 б.
- Шаймұқанов и др., 2004** – *Шаймұқанов Д.А., Шаймұқанова Р.А., Аршабеков Т.Т., Шахарбаев Т.М.* Қасиетті мекен – Қарқаралы. Қарағанды, 2004. 230 б.
- Ядринцев, 1882** – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург, 1882. 471 с.

[Abzhapparova et al., 2025](#) – *Abzhapparova B.Zh., Tokmurzaev B.S., Il'yasova Z.S., Mamraimov S.D.* Colonial Mediation as a "Trauma": Leaders of the Kazakh Intelligentsia in the Service of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1279-1287.

[Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay, 1967](#) – *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C.* Islam in the Soviet Union. London, 1967. 272 p.

[Ergasheva et al., 2025](#) – *Ergasheva Yu.A., Rakhmonkulova O.A., Abdullaev U.Sh., Samarov F.U.* Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the Late 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 20(3): 1355-1368.

[Galick, 2014](#) – *Galick D.* Responding to the Dual Threat to Kazakhness: The Rise of Alash Orda and its Uniquely Kazakh Path. [Electronic resource]. URL: <http://geohistory.today/alah-orde-kazakh-nationalism/>

[Kappeler, 2001](#) – *Kappeler A.* The Russian Empire: a Multiethnic History. London, 2001. 455 p.

[Kreindler, 1983](#) – *Kreindler Isabelle.* Ibrahim Altynsarin, Nikolai Il'minskii and the Kazakh national awakening // *Central Asian Survey*. 1983. 2(3): 99-116.

[Morrison, 2015](#) – *Morrison A.* Peasant Settlers and the «Civilising Mission» in Russian Turkestan, 1865–1917 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015. Vol. 43. Is. 3. Pp. 387-417.

[Mukanova et al., 2022](#) – *Mukanova G.K., Abisheva O.T., Zhumatai S., Batyrkhanova Zh.A.* Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 824-833.

[Shotbakova et al., 2023](#) – *Shotbakova L.K., Tuleuova B.T., Smagulova G.M., Beisenbekova N.A.* To the Question of the Opening of Educational Institutions of Karkaralinsk of the Semipalatinsk region in the Western Siberian School District in the late 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18 (4): 1852-1868.

References

[Abzhapparova et al., 2025](#) – *Abzhapparova, B.Zh., Tokmurzaev, B.S., Il'yasova, Z.S., Mamraimov, S.D.* (2025). Colonial Mediation as a "Trauma": Leaders of the Kazakh Intelligentsia in the Service of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1279-1287.

[Alektorov, 1905](#) – *Alektorov, A.E.* (1905). Iz istorii razvitiya obrazovaniya sredi kirgizov Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastei [From the history of the development of education among the Kyrgyz people of Akmola and Semipalatinsk regions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 12: 154-191. [in Russian]

[Anastasiev, 1915](#) – *Anastasiev, A.I.* (1915). Narodnaya shkola: rukovodstvo dlya uchitelei i uchitel'nits nachal'noi narodnykh uchilishch: nastol'naya spravoch'naya kniga: v 2 ch. [National school: a guide for teachers of primary public schools: a desk reference book: in 2 parts]. M.: tip. A. D. Stupina, 1915. Ch. 1. 581 p. [in Russian]

[Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay, 1967](#) – *Bennigsen, A., Lemerrier-Quelquejay, C.* (1967). Islam in the Soviet Union. London. 272 p.

[Buktugutova, 2006](#) – *Buktugutova, R.S.* (2006). Vklad rossiiskoi intelligentsii v razvitie obrazovaniya sredi kazakhskogo naseleniya Stepnogo kraia v nachale XX v. [The contribution of the Russian intelligentsia to the development of education among the Kazakh population of the Steppe region in the early twentieth century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 29-37. [in Russian]

[Chermak, 1912](#) – *Chermak, L.* (1912). Kirgizskoe khozyaistvo v Stepnom krae [Kyrgyz farming in the Steppe region]. Raion zheleznoi dorogi Petropavlovsk – Spasskii zavod v ekonomicheskom otnoshenii. Sankt-Peterburg: tip. Ts. Kraiz. Pp. 215-256. [in Russian]

[Ergasheva et al., 2025](#) – *Ergasheva, Yu.A., Rakhmonkulova, O.A., Abdullaev, U.Sh., Samarov, F.U.* (2025). Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1355-1368.

[Fal'bork, 1908](#) – *Fal'bork, G.A.* (1908). Vseobshchee obrazovanie v Rossii [Universal education in Russia]. M. 212 p. [in Russian]

[GAKO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti, Respublika Kazakhstan [The State Archive of the Karaganda region, Republic of Kazakhstan].

[Galick, 2014](#) – *Galick, D.* (2014). Responding to the Dual Threat to Kazakhness: The Rise of Alash Orda and its Uniquely Kazakh Path. [Electronic resource]. URL: <http://geohistory.today/alah-orde-kazakh-nationalism/>

[Grigor'ev, 1840](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym. [On Russia's attitude towards the East: A speech delivered by acting Professor V. Grigoriev]. Odessa. 18 p. [in Russian]

[Il'minskii, 1900](#) – *Il'minskii, N.I.* (1900). O sposobakh obucheniya inorodtsev [About the ways to teach foreigners]. Sankt-Peterburg. 8 p. [in Russian]

[Il'minskii, 1913](#) – *Il'minskii, N.I.* (1913). O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i o Kazanskoi tsentral'noi kreshcheno-tatarskoi shcole [About the system of education for foreigners and the Kazan central christian-tatar School]. Kazan'. 162 p. [in Russian]

[Kappeler, 2001](#) – *Kappeler, A.* (2001). The Russian Empire: a Multiethnic History. London, 455 p.

- [Katarinskii, 1906](#) – Katarinskii, V.V. (1906). Grammatika kirgizskogo yazyka. Fonetika, etimologiya i sintaksis. [Grammar of the Kyrgyz language. Phonetics, etymology and syntax]. Orenburg. 217 p. [in Russian]
- [Khrapchenkov, 1975](#) – Khrapchenkov, G.M. (1975). Istoriya shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana [The history of schools and pedagogical thought in Kazakhstan]. Alma-Ata: Mektep. 168 p. [in Russian]
- [Konshin, 1901](#) – Konshin, N. (1901). Ot Pavlodara do Karkaralinska. Putevye nabroski [From Pavlodar to Karkaralinsk. Travel sketches]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1901 g.* Vyp. V. Semipalatinsk: Tip. Semipalatinskogo Oblastnogo Pravleniya i Torgovogo doma «P.Pleshcheev i K». Razd. IV. Pp. 1-55. [in Russian]
- [Kreindler, 1983](#) – Kreindler, I. (1983). Ibrahim Altynsarin, Nikolai Il'minskii and the Kazakh national awakening. *Central Asian Survey*. 2(3): 99-116.
- [Lysenko i dr., 2021](#) – Lysenko, Yu.A., Rygalova, M.V., Egorenkova, E.N. (2021). Russkii yazyk kak instrument integratsii v Stepnom general gubernatorstva Rossii v obshcheimperskoe prostranstvo (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX veka) [The Russian language a tool for integrating the Russia's Steppe General Government in the Imperial space (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1(52): 154-163. [in Russian]
- [Morrison, 2015](#) – Morrison, A. (2015). Peasant Settlers and the «Civilising Mission» in Russian Turkestan, 1865–1917. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 43(3): 387-417.
- [Muftakhutdinova, 2021](#) – Muftakhutdinova, D.Sh. (2021). Religioznaya polemika v Stepnom krae (konets XIX – nachalo XX vv.) [Religious polemics in the Steppe Region (late 19th – early 20th centuries)]. *Eurasian Journal of Religious Studies*. 3(27): 66-74. [in Russian]
- [Mukanova et al., 2022](#) – Mukanova, G.K., Abisheva, O.T., Zhumatai, S., Batyrkhanova, Zh.A. (2022). Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan. *Bylye Gody*. 17(2): 824-833.
- [Obzor..., 1871](#) – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1871 god [Overview of the Semipalatinsk Region in 1871]. Semipalatinsk: Tip. Obl. Pravleniya, 1872. 81 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1888](#) – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1888 god [Overview of the Semipalatinsk Region in 1888]. Semipalatinsk: Tip. Obl. Pravleniya, 1889. 141 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1890](#) – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1890 god [Overview of the Semipalatinsk Region in 1890]. Semipalatinsk: Tip. Obl. Pravleniya, 1891. 99 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1903](#) – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1903 god [Overview of the Semipalatinsk Region in 1903]. Semipalatinsk: Tip. Obl. Pravleniya, 1904. 125 p. [in Russian]
- [Plakhotnik, 2019](#) – Plakhotnik, T.Yu. (2019). Problema obrazovaniya kochevogo naseleniya Stepnogo kraia v rabotakh A.E. Alektorova – chinovnika obrazovatel'nogo vedomstva [The problem of formation of nomadic population of the Steppe Territory in the works of A.E. Alektorov – an official of the educational department]. *Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu: materialy I Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii*. Omsk. Pp. 21-27. [in Russian]
- [Popov i dr., 2014](#) – Popov, Yu.G., Shotbakova, L.K., Smagulova, G.M. (2014). Tvortsy i svideteli istorii Karkaralinska [Creators and Witnesses of the History of Karkaralinsk]. Karaganda. 354 p. [in Russian]
- [Popov, 2019](#) – Popov, Yu.G. (2019). Volostnye upraviteli i narodnye sud'i (bii) Karkaralinskogo uезда: 1871–1919 gody [Vlost governors and people's judges (biys) of the Karkaralinsky district: 1871–1919]. Karagandy. 156 p. [in Russian]
- [Popov, Ryazantsev, 2012](#) – Popov, Yu.G., Ryazantsev, V.P. (2012). Kornilovy, Karbyshevy, Ryazantsevy i drugie kazaki stanitsy Karkaralinskoi (shtrikhi kraevedcheskoi letopisi) [The Kornilovs, the Karbyshevs, the Ryazantsevs and other Cossacks of the Karkaralinskaya village (notes from the local history chronicle)]. 3-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Novosibirsk. 142 p. [in Russian]
- [Rozhdestvenskii, 1902](#) – Rozhdestvenskii, S.V. (1902). Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. 1802–1902. [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902]. Sankt-Peterburg. 785 p. [in Russian]
- [Shaimukanov et al., 2004](#) – Shaimukanov, D.A., Shaimukanova, R.A., Arshabekov, T.T., Shakharbaev, T.M. (2004). Kasietti meken – Karkaraly [Sacred address-Karkaraly]. Karagandy. 230 p. [in Kazakh]
- [Shmidt, 1894](#) – Schmidt, Yu. (1894). Ocherk kirgizskoi stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskom okruge [An essay on the Kyrgyz steppe to the south from the Aral-Irtysh watershed in the Akmola district]. *Zapiski ZSO RGO. Knizhka XVIII*. Omsk: Tip. Okruzh. Shtaba. Pp. 1-149. [in Russian]
- [Shotbakova et al., 2023](#) – Shotbakova, L.K., Tuleuova, B.T., Smagulova, G.M., Beisenbekova, N.A. (2023). To the Question of the Opening of Educational Institutions of Karkaralinsk of the Semipalatinsk region in the Western Siberian School District in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1852-1868.
- [Shotbakova i dr., 2023](#) – Shotbakova, L.K., Smagulova, G.M., Tuleuova, B.T., Beisenbekova, N.A. (2023). Adamdar tagdyryndagy Karkaraly onirinin bilim beru zhyiesinin kalyptasuy men damu tarikhy (XIX ayagy – XX g. basy) [The history of the establishment and development of the education system in the

Karkaraly region as reflected in people's destinies (late XIX – early XX centuries)]. Karaganda. 379 p. [in Kazakh]

[Sturova, 2018](#) – *Sturova, M.V.* (2018). Russko-kazakhskie shkoly v sisteme gosudarstvennogo upravleniya obrazovatel'nym prostranstvom stepnogo general-gubernatorstva nachala XX v. [Russian-Kazakh schools in the system of state administration of the educational space of the Steppe General Government of the early XX century]. *Narody i religii Evrazii*. 3(16): 88-98. [in Russian]

[Sydykov, 2018](#) – *Sydykov, E.B.* (2018). Abai – volostnoi upravitel' [Abai – volost governor]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. Almaty. 2: 64-71. [in Russian]

[Tazhibayev, 1958](#) – *Tazhibayev, T.T.* (1958). Razvitie prosveshcheniya i pedagogicheskoi mysli v Kazakhstane vo vtoroi polovine XIX. [The development of education and pedagogical thought in Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Alma-Ata. 98 p. [in Russian]

[Tazhibayev, 1962](#) – *Tazhibayev, T.T.* (1962). Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka. [Enlightenment and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century]. Alma-Ata. 507 p. [in Russian]

[Tlepina, 2018](#) – *Tlepina, Sh.Zh.* (2018). Akpaev: neizvestnaya avtobiografiya [Zh. Akpayev: an unknown autobiography]. *Pravo i gosudarstvo*. 3-4 (80-81): 155-172. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Vakhterev, 1897](#) – *Vakhterev, V.P.* (1897). Vseobshchee obuchenie [General education]. M. 225 p. [in Russian]

[Yadrintsev, 1882](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1882). Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhstletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony: on the occasion of its 300th anniversary: the current situation in Siberia, its needs and requirements, its past and future]. Sankt-Peterburg. 471 p. [in Russian]

[Zhusip, 2010](#) – *Zhusip, S.A.* (2010). Alikhan Bukeikhan. Polnoe sobranie sochinenii v 7 tomakh [Alikhan Bukeikhan. A complete collection of works in 7 volumes]. Astana. Tom IV. 568 p. [in Russian]

[Zvyagintsev, 1913](#) – *Zvyagintsev, E.A.* (1913). Proekt novykh programm dlya nachal'nykh shkol [Draft of new programs for primary schools]. *Vestnik vospitaniya*. 6: 53-76. [in Russian]

Русско-туземное образование как составная часть просветительской деятельности российской администрации в Каркаралинском уезде (1868–1905 гг.): реализация, проблемы, результаты

Мадина Болатовна Муратова ^{a,*}, Ляззат Касымовна Шотбакова ^a,
Джамбул Азмуханович Джумабеков ^a, Нурсахан Ахметовна Бейсенбекова ^a

^a Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития русско-туземного образования в Каркаралинском уезде как важнейшего направления просветительской деятельности российской администрации во второй половине XIX – начале XX веков. Объектом исследования является система русско-туземного образования, предметом – особенности ее реализации в Каркаралинском уезде. Цель работы заключается в комплексном анализе образовательной политики Российской империи в Степном крае. В качестве теоретической основы исследования использованы концепции просвещения и модернизации традиционного общества, системный, междисциплинарный и социокультурный подходы, ряд общенаучных и частных методов. На основе архивных материалов, научной литературы анализируются организационные формы обучения, содержание учебных программ, языковая политика и особенности кадрового обеспечения. Показано, что внедрение русско-туземного образования сопровождалось рядом трудностей, включая недостаток финансирования, слабую материально-техническую базу, нехватку квалифицированных педагогов, настороженное отношение казахского общества. Вместе с тем, деятельность русско-туземных школ способствовала распространению грамотности, подготовке переводчиков и служащих из местного населения и др.

Ключевые слова: Каркаралинский уезд, просветительство, Российская империя, реформа, начальные школы, сельскохозяйственные школы, училище, казахская интеллигенция, Петиция, приходская школа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 141092@mail.ru (М.Б. Муратова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 858-869
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.858

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Ethno-Demographic Dynamics of the Population of Akmolinsk Oblast under the Resettlement Policy of the Russian Empire (1868–1916)

Marat Z. Utegenov ^{a, *}, Ainur T. Shukeeva ^a, Talapker A. Ualiyev ^a, Kairat B. Alibekov ^a

^a Shokan Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the ethnodemographic dynamics of the population of Akmolinsk Oblast (Northern Kazakhstan) between 1868 and 1916 in the context of the resettlement policy of the Russian Empire. Particular attention is paid to long-term changes in the population structure caused by organized and spontaneous peasant migration from European Russia, as well as to the impact of these processes on traditional land-use practices and the social organization of Kazakh nomadic society.

The source base of the study includes materials from the *Reviews of Akmolinsk Oblast*, data from the First General Census of the Russian Empire conducted in 1897, and land-management documentation from the late nineteenth and early twentieth centuries. Their combined analysis makes it possible to trace demographic processes over time rather than viewing them as isolated statistical snapshots.

The findings indicate that the principal driver of demographic transformation in the region was the rapid growth of the sedentary population, while demographic changes among the Kazakh population were comparatively inert. The incorporation of Akmolinsk Oblast into the all-imperial economic space proceeded in an asymmetrical manner and was accompanied by the persistence of raw-material specialization and by unequal participation of different ethnic groups in the economic development of the region.

Overall, the results of the study clarify the mechanisms of colonial development in Northern Kazakhstan and the associated ethnodemographic transformations, allowing them to be interpreted within the broader context of the late imperial period.

Keywords: Northern Kazakhstan, Akmolinsk Oblast, resettlement policy, settlers, ethnic groups, ethnodemography, sedentary population, nomadic population, colonization, Russian Empire.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. история Северного Казахстана была напрямую связана с активными миграционными процессами, которые заметно повлияли на облик региона. Именно в этот период складывались основы его полиэтнического населения. Переселенческая политика Российской империи сыграла в этом процессе одну из ключевых ролей, оказав воздействие как на демографическую ситуацию, так и на социально-культурную структуру края. Массовое переселение крестьян из центральных и южных губерний, в том числе из украинских и белорусских земель, было обусловлено задачами освоения земель, укрепления приграничных районов и включения Северного Казахстана в общеимперское хозяйственное и административное пространство.

Миграционные процессы конца XIX – начала XX вв. сопровождались заметными изменениями в структуре общества. Происходила трансформация этнодемографического состава населения, изменялись традиционные формы хозяйствования, формировались новые модели межэтнических отношений и социальной дифференциации. Для изучения данных процессов особое значение имеют статистические

* Corresponding author

E-mail addresses: utegenov.marat02@gmail.com (M.Z. Utegenov), ainur_shukeeva@mail.ru (A.T. Shukeeva), tarikname10@gmail.com (T.A. Ualiyev), kairat1975ast@gmail.com (K.B. Alibekov)

материалы «Обзоров Акмолинской области», а также данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Эти источники позволяют проследить динамику этнического состава населения и выявить основные этапы формирования полиэтнического общества в Северном Казахстане.

Несмотря на то, что в современной историографии существует немало работ, посвященных переселенческой политике в степных областях, до настоящего времени не был проведен комплексный анализ этнодемографической ситуации Акмолинской области в 1868–1916 гг. В большинстве исследований данные процессы не были основным объектом исследования и рассматривались лишь косвенно. В статье колониальное освоение региона рассматривается как комплексный и длительный исторический процесс (1868–1916 гг.). Это позволяет проследить изменение соотношения оседлого и кочевого населения как устойчивый этнодемографический процесс. Особое внимание уделяется неравномерному включению Акмолинской области в имперское хозяйственное пространство. Актуальность исследования определяется также современным контекстом. В условиях независимого Казахстана вопросы национальной идентичности и межэтнического согласия приобретают особое значение. Исторический опыт формирования полиэтнического состава населения Северного Казахстана позволяет не только воссоздать демографические изменения дореволюционного периода, но и глубже понять предпосылки современных этносоциальных процессов.

Таким образом, изучение проблематики этнодемографических трансформаций Северного Казахстана позволяет, с одной стороны, более точно раскрыть особенности переселенческой политики и демографического развития региона на рубеже XIX–XX вв., а с другой – служит основанием для анализа последствий колониционных процессов, значимых как для исторической интерпретации, так и для понимания современных реалий.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют комплекс официальных опубликованных статистических и архивных материалов, позволяющих реконструировать этнодемографическую динамику Акмолинской области в рассматриваемый период. В качестве основного источника использованы материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Эти документы содержат сведения о численности и структуре населения по уездам, численности городского населения, а также о социально-профессиональных категориях.

Среди источников особое место занимают ежегодные «Обзоры Акмолинской области», издававшиеся областной администрацией вплоть до 1917 г. В обзорах представлены систематизированные статистические данные о численности населения, его распределении по уездам, соотношении оседлого и кочевого компонентов, а также краткие ретроспективные сведения о демографическом состоянии региона за предыдущие годы. В частности, информация за 1868–1869 гг. была восстановлена на основе сводных справочных материалов, включённых в более поздние выпуски, прежде всего в издание 1895 г.

Для рассмотрения изменений в системе землепользования и практик реализации переселенческой политики были использованы материалы «О землепользовании киргизов» (1897; 1902; 1907; 1908). Данные источники дают возможность проанализировать особенности расселения, формы хозяйственной деятельности и землеустроительные мероприятия, характеризующие взаимодействие казахского населения и переселенцев.

Дополняют источниковую базу документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) и Государственного архива Омской области (Омск, Российская Федерация). В их составе представлены статистические ведомости, отчётные материалы административных и переселенческих учреждений, переписка местных органов власти, а также справочные документы. Их привлечение позволяет точнее реконструировать условия формирования официальной статистики и выявить специфику переселенческой политики на региональном уровне.

В качестве методологической основы работы использован междисциплинарный подход, объединяющий методы исторической демографии, социальной истории. В процессе исследования применялся историко-генетический метод, позволивший выявить предпосылки, этапы и внутреннюю логику реализации переселенческой политики Российской империи, а также проследить ее влияние на демографические процессы в данном регионе.

Историко-сравнительный метод использовался при сопоставлении статистических источников различных периодов, включая материалы переписей населения, ежегодные обзоры и архивные сборники. Это дало возможность зафиксировать изменения в численности и структуре населения области, а также выявить неравномерный характер демографических процессов в отдельных уездах.

Количественный метод использован для сведения статистических показателей в сопоставимые ряды, расчёта относительных величин (долей оседлого и кочевого населения) и их представление в виде таблиц и диаграмм. Применение этих приёмов позволило проверить полученные результаты и наглядно показать процесс трансформации Акмолинской области из преимущественно кочевого региона в зону аграрной колонизации с преобладанием оседлого населения.

3. Обсуждение

В историографии, охватывающей дореволюционный, советский и современный этапы, достаточно широко отражена проблема формирования полиэтнического населения Северного Казахстана в результате переселенческой политики Российской империи. Однако, несмотря на значительный массив исследований, региональные особенности и демографические последствия переселенческой политики до сих пор остаются изученными в недостаточной мере. Это обстоятельство и определяет актуальность данного исследования.

Первые научные объяснения переселенческой политики были предложены её современниками – представителями административных органов, статистиками, а также казахской интеллигенцией. Важную источниковую основу составили работы Ф.А. Щербины и материалы экспедиций 1896–1903 гг., опубликованные в серии «Материалы по киргизскому землепользованию». Данные исследования, составленные с использованием методов земской статистики (подворный опрос) содержат ценные сведения о социально-хозяйственном состоянии казахского населения ([Материалы по киргизскому..., 1897](#); [Материалы по киргизскому..., 1902](#); [Материалы по киргизскому..., 1907](#); [Материалы по киргизскому..., 1908](#)).

Критическое осмысление колониальной политики получило развитие в трудах Н.М. Ядринцева, который рассматривал степные области как внутренние колонии империи и подчёркивал игнорирование интересов местного населения ([Ядринцев, 1892](#)). Экономические причины переселенческого движения были проанализированы А.А. Кауфманом, связывавшим его с проблемой аграрного перенаселения центральных губерний ([Кауфман, 1905](#)). В свою очередь, И.Л. Ямзин сосредоточил внимание на эволюции законодательных основ переселения, выявив противоречия между декларируемыми целями государственной политики и результатами её практической реализации ([Ямзин, 1912](#); [Ямзин, Воцинин, 1926](#)). Особое место занимают публикации А. Букейханова, в которых с позиций казахской интеллигенции показан колониальный характер изъятия земель у коренного населения ([Букейханов, 1908а](#); [Букейханов, 1908b](#)).

Советская историография, опираясь на дореволюционное научное наследие, выработала более системный подход к изучению переселенческой политики. В работах Л.М. Горюшкина Северный Казахстан рассматривался в рамках общесибирского процесса аграрной колонизации, основанного на обширном статистическом материале. Вместе с тем идеологические рамки советской науки существенно ограничивали критическое осмысление колониального характера переселения ([Горюшкин, 1976](#)). Значительный вклад внесли исследования Н.В. и А.Н. Алексеенко, которые на основе переписных и текущих статистических данных позволили выявить основные демографические тенденции ([Алексеенко, Алексеенко, 1999](#)). Также важное значение имеют труды Ж.К. Касымбаева, который в своих исследованиях города рассматривает как центры социально-экономической жизни и дает комплексный анализ урбанизации ([Касымбаев, 1990](#)).

Англоязычная историография рассматривает переселенческую политику Российской империи в русле колониальных теорий и сравнительных исследований. В работах В. Мартина рассмотрены правовые механизмы колонизации и нормативные условия изъятия земель, однако региональная специфика раскрыта в них лишь фрагментарно ([Martin, 2012](#); [Мартин, 2009](#)). А. Моррисон анализирует переселение в контексте европейских колониальных практик, подчёркивая его массовый и противоречивый характер, при этом долгосрочным демографическим последствиям уделяется ограниченное внимание ([Morrison, 2015](#); [Morrison, 2021](#)). С. Сейбол сосредоточился на изучении влияния колонизации на формирование казахского национального самосознания, в значительной степени оставив вне поля анализа повседневные социальные и демографические процессы ([Sabol, 2003](#)).

В постсоветской российской историографии наметилась тенденция к пересмотру советских интерпретаций переселенческой политики. В трудах И.В. Нама представлены этнополитические последствия переселения, проявившиеся в условиях революции и Гражданской войны ([Нам, 2009](#)). Д.Я. Фризен обращает внимание на стихийный характер переселенческого движения и обострение аграрных противоречий, рассматривая их как один из факторов межэтнических конфликтов (Фризен, 2012). Концептуальный подход А.В. Ремнева, основанный на идее «географии имперской власти», позволяет интерпретировать демографические изменения в Северном Казахстане как элемент системной практики управления окраинными территориями Российской империи ([Ремнев, 2005](#)).

4. Результаты

Колониальное продвижение Российской империи в Северном Казахстане усилилось со второй половины XVIII в. и было тесно связано с формированием системы военных укреплений. Ключевым этапом этого процесса стало строительство в 1752 г. крепости Святого Петра и Павла на реке Ишим (ныне Петропавловск). В последующий период вдоль северной и северо-восточной границы степи была создана оборонительная линия протяжённостью около 768 км, которая обеспечила опорную инфраструктуру для продвижения и закрепления русскоязычного населения в регионе.

В первой трети XIX в. процесс переселения был официально оформлен через создание внешних округов на основе «Устава о сибирских киргизах» (1822–1824 гг.). В 1824 г. был образован

Кокчетавский округ, в 1832 г. – Акмолинский, а в 1839 г. – Атбасарский, после чего эти территории были открыты для заселения ([Обзор Акмолинской..., 1897: 7](#)).

Переселенческие мероприятия середины XIX в. способствовали появлению первых постоянных оседлых поселений. В 1849–1850 гг. в регион были направлены казаки и крестьяне из Оренбургской и Саратовской губерний общей численностью 3 852 человека. Наибольшее число новых поселений возникло в Кокчетавском уезде. В Акмолинском и Атбасарском уездах в этот период было создано лишь две казачьи станицы, что свидетельствует о неравномерности заселения на начальном этапе ([Обзор Акмолинской..., 1897: 7](#)).

21 октября 1868 г. значительная часть региона была включена в состав вновь образованной Акмолинской области. Её создание было закреплено «Временным положением об управлении степными областями...», при этом административным центром области был определён Омск. На момент образования области численность населения в её тогдашних границах составляла 375 370 человек, из которых 101 910 приходилось на оседлое население, а 273 460 – на киргизов (казахов), ведущих кочевой образ жизни ([Таблица 1; Обзор Акмолинской..., 1897: 7](#)).

Таблица 1. Распределение оседлого населения по уездам Акмолинской области в 1868 г. ([Обзор Акмолинской..., 1897: 7](#)).

Уезды	Города	Казачьи селения	Крестьянские селения	Число населения
Омский	1	27	–	42 188
Петропавловский	1	44	–	35 433
Кокчетавский	1	15	–	18 278
Атбасарский	1	1	–	939
Акмолинский	1	1	–	5 072

Согласно приведенным данным (см. [Таблица 1](#)), в 1868 г. численность оседлого населения Акмолинской области составляла 101 910 человек, однако его распределение по уездам было крайне неравномерным. Наибольшая концентрация оседлого населения приходилась на Омский, Петропавловский и Кокчетавский уезды, а в Акмолинском и Атбасарском уездах были минимальные показатели оседлости. В целом более трёх четвертей оседлого населения сосредотачивалось в северных и северо-западных районах области, что наглядно отражает пространственную неравномерность колонизации на начальном этапе.

Схожая картина наблюдается и в размещении населённых пунктов. Наибольшее число казачьих поселений было зафиксировано в Петропавловском, Омском и Кокчетавском уездах, тогда как в Акмолинском и Атбасарском уездах их насчитывалось по одному. Отсутствие крестьянских поселений свидетельствует о преобладании военно-административных форм оседлого заселения и начальном характере колонизации региона.

Преобладание оседлого населения на начальном этапе в северных уездах объяснялось их пригранично-административным положением, более ранним включением в имперскую систему управления и наличием казачьих поселений. Напротив, слабые показатели оседлости в Акмолинском и Атбасарском уездах связаны с их отдаленностью и преобладанием местного кочевого населения. Данное соотношение подтверждается и материалами переписи населения 1897 г., согласно которым северная часть области была демографически разнообразной по сравнению с южной ([Памятная книжка..., 1887: 21; Первая всеобщая..., 1897: 25](#)). Кокчетавский уезд, благодаря своим благоприятным природно-географическим условиям и более ранним образованием казачьих укреплений выделялся сравнительно развитой сетью оседлых поселений.

Статистические данные, представленные в «Обзоре Акмолинской области за 1881 г.», позволяют охарактеризовать особенности расселения и структуру населения степных областей Северо-Западного Казахстана во второй половине XIX в. Сопоставление Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областей выявляет как общие тенденции демографического развития, так и выраженные региональные различия ([Таблица 2; Обзор Акмолинской..., 1882: 2](#)).

Для всех указанных областей была характерна низкая плотность населения. В Акмолинской области этот показатель составлял 0,9 человека на квадратную версту, что было ниже среднеимперского уровня и свидетельствовало о слабой демографической освоенности территории. Структура населения определялась преобладанием кочевого образа жизни при относительно незначительной доле оседлого населения.

В Семипалатинской области диспропорции в структуре населения проявлялись более отчетливо, тогда как Уральская область отличалась сравнительно более сбалансированным соотношением оседлого и кочевого компонентов. Из всех областей наиболее консервативной оставалась Тургайская область, где к началу 1880-х гг. процессы оседлости и аграрной колонизации практически не получили развития.

Таблица 2. Демографические показатели Акмолинской области за 1881 г. в сравнении с соседними областями ([Обзор Акмолинской..., 1882: 2](#)).

Области	Площадь, кв. в.	Общее число населения	Плотность кв. в.	Численность оседлого населения	Численность кочевого населения
Семипалатинская	428 528	530 720	1,2	54 920	475 800
Акмолинская	479 200	460 363	0,9	120 635	339 728
Тургайская	460 146	320 070	0,7	2 270	317 805
Уральская	331 965	523 403	1,6	109 722	413 681

До начала активной реализации крестьянской переселенческой политики, проводились статистические и землеустроительные исследования казахского населения, направленные на определение параметров кочевого хозяйства и выявление земельных «излишков», подлежащих включению в переселенческий фонд ([Материалы по киргизскому..., 1897: 162](#)).

В начале 1890-х годов усиление миграционных потоков из Европейской России, вызванное аграрным перенаселением, привело к включению Акмолинской области в переселенческое движение в качестве транзитного и принимающего региона.

Значительная часть переселенцев направлялась в северные уезды Акмолинской области по Оренбургско-Петропавловскому тракту, а также более короткими маршрутами через Тургайскую область в бассейн реки Ишим и Кокчетавский уезд. К концу 1890 г. на территории области проживало более 15 тыс. крестьян, прибывших более чем из тридцати губерний Европейской России, преимущественно из Самарской губернии. Для их размещения были образованы переселенческие участки за счёт земель, ранее использовавшихся кочевым населением; наибольшее их число пришлось на Кокчетавский уезд ([Обзор Акмолинской..., 1897: 9-10](#)).

Наиболее привлекательными для переселенцев являлись долина и бассейн реки Ишим, отличавшиеся наличием водных ресурсов и благоприятными условиями для земледелия, что способствовало относительно быстрому формированию крупных сельских поселений. В южных уездах области переселенцы, происходившие в основном из степных губерний империи, сравнительно быстро адаптировались к безлесным степным условиям и переходили к экстенсивным формам земледелия.

Дополнительным фактором, усилившим переселенческое движение, стало строительство Западно-Сибирской железной дороги. В соответствии с положением Комитета Сибирской железной дороги, утверждённым 4 марта 1893 г., для Акмолинской области была создана временная межевальная партия, занимавшаяся обследованием земель вдоль железнодорожной линии, включая территории Петропавловского и Омского уездов. В ходе её работы земли, относившиеся к казахскому населению, подлежали выделению и последующему преобразованию в переселенческие участки на основании временных правил от 13 июня 1893 г. В 1893–1895 гг. в Петропавловском уезде было образовано 37 переселенческих и дополнительных участков, а в Омском уезде – 20 переселенческих и 10 дополнительных участков, общей площадью свыше 383 тыс. десятин. Аналогичные землеустроительные мероприятия проводились и в Кокчетавском уезде, где к середине десятилетия был подготовлен значительный массив дополнительных участков ([Обзор Акмолинской..., 1897: 10](#)).

Статистические данные наглядно свидетельствуют об усилении крестьянского переселения в Акмолинскую область в середине 1890 годов. В течение трёх лет наблюдался устойчивый рост как числа переселенческих поселений, так и численности прибывшего населения: если в 1894 г. насчитывалось 54 переселенческих поселка с общей численностью жителей 39 705 человек, то в 1895 г. их количество увеличилось до 87, а численность населения достигла 61 809 человек; к 1896 г. эти показатели возросли соответственно до 132 поселений и 99 399 человек ([Обзор Акмолинской..., 1898: 10](#)). Подобная динамика отражает переход переселенческого движения от ограниченных форм к этапу массовой аграрной колонизации, напрямую связанному с развитием железнодорожного сообщения и расширением землеустроительных мероприятий в регионе.

Усиление переселенческих потоков было связано с регулированием движения по Западно-Сибирской железной дороге, а также развитием инфраструктуры вдоль железнодорожной линии, включая станции, бараки и медико-продовольственные пункты. Совокупность этих мер способствовала заметному увеличению миграционных потоков и закреплению крестьянского населения на территории Акмолинской области.

Несмотря на значительные размеры области, пригодных для устойчивого оседлого расселения земель оказалось существенно меньше, чем ожидалось. Во многих районах отсутствовали постоянные источники пресной воды либо соответствующие участки уже использовались казахским населением в качестве пастбищ и зимовок. В результате формирование русских оседлых поселений сопровождалось

не только изъятием пахотных и сенокосных угодий, но и разрушением элементов традиционной инфраструктуры кочевого хозяйства, что усиливало напряжённость в сфере землепользования.

Колонизационные мероприятия были тесно связаны с правовым статусом казахских земель. В соответствии со степным законодательством конца XIX в. земля рассматривалась как государственная собственность и передавалась общинам в бессрочное коллективное пользование без чёткого закрепления границ. Фактическое распределение пастбищ регулировалось нормами обычного права и традицией коллективного владения зимовками ([Обзор Акмолинской..., 1897: 14](#)).

В конце 1890 – начале 1900 гг. проведение специальных статистико-землеустроительных исследований создало условия для упорядочения переселенческой политики в Акмолинской области. Это выражалось в расчёте нормативов землепользования и выявлении земель, признаваемых избыточными для кочевого хозяйства и подлежащих включению в переселенческий фонд ([Материалы по киргизскому..., 1897; Материалы по киргизскому..., 1902](#)).

На рубеже XIX–XX вв. переселенческие и колонизационные процессы в Акмолинской области достигли наибольшей интенсивности и степени административной регламентации. В 1897–1901 гг. в уездах области в результате деятельности временных межевых партий было образовано значительное число переселенческих и дополнительных участков. Наибольший объём землеустроительных работ пришёлся на Кокчетавский, Атбасарский и Акмолинский уезды, тогда как в Омском и Петропавловском уездах количество и площадь вновь созданных участков были сравнительно невелики.

В этот период в Омском уезде было создано 9 участков общей площадью 2 544 десятины, в Петропавловском уезде – 5 участков площадью 2 181 десятину. В Кокчетавском уезде были учреждены 12 переселенческих участков площадью 20 124 десятины и 8 дворянских участков общей площадью 2 925 десятин. В Атбасарском уезде было выделено 12 участков общей площадью 6 202 десятины. В Акмолинском уезде, в свою очередь, было образовано 39 переселенческих и 10 дополнительных участков общей площадью 19 600 десятин, а также 8 хуторских участков площадью 24 десятины и один дворянский участок площадью 62 десятины. Кроме того, пяти поселениям Акмолинского уезда дополнительно было выделено 1 030 десятин земли ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8](#)).

В целом, в период 1893–1901 гг. в Акмолинской области было образовано 251 земельный участок общей площадью 94 107 десятин, что наглядно отражает масштабы переселенческого землеустройства в регионе и завершённый характер его административного оформления ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8](#)). К началу XX в. пределы расширения переселенческого фонда были фактически достигнуты. Уже в 1901 г., ещё до окончательного утверждения проектируемых участков уездными комиссиями, Акмолинская область была официально объявлена закрытой для дальнейшего переселения. Новые переселенцы могли размещаться лишь в пределах свободных долей существующих поселений Петропавловского, Кокчетавского и Атбасарского уездов; в результате таким образом было водворено свыше 2,3 тыс. семей общей численностью более 10,5 тыс. человек ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8](#)).

Нехватка земельных ресурсов и усиление переселенческого потока вынудили областную администрацию в 1902 г. сохранить режим временного закрытия области. Основное внимание было сосредоточено на перераспределении ранее выделенных участков и окончательном упорядочении уже сложившихся хозяйств. При этом особо подчёркивалось, что казённые земли могут предоставляться исключительно переселенцам, прибывшим в установленном порядке ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8](#)).

В ходе землеустроительных работ, проведенных летом 1903 г., деятельность двух временных межевых партий привела к формированию и официальному принятию переселенческих участков Комиссией по переселению в ряде уездов Акмолинской области. На территории Омского уезда было создано 14 участков общей площадью 3 601 десятину; дополнительно осуществлялась прирезка земли к одному селению в объёме 29 десятин. В Атбасарском уезде было образовано 16 переселенческих участков площадью 5 022 десятины, при этом прирезка затронула семь селений и составила 887 десятин. В Акмолинском уезде в тот же период было принято 15 участков общей площадью 4 546 десятин, с прирезкой земель к девяти селениям на 1 001 десятину ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8](#)).

В 1904 г. переселенческое движение временно замедлилось в связи с русско-японской войной. Вместе с тем приток переселенцев полностью не прекратился. В западных уездах области, прежде всего в Петропавловском, переселение продолжалось, в том числе за счёт выходцев из Забайкалья. В течение года прибывшие и временно проживавшие переселенцы размещались главным образом на свободных долях и участках, образованных в предшествующие годы. Кроме того, в 1904 г. на территории Омского уезда были приняты новые переселенческие участки общей площадью 4 043 десятины, что частично смягчало дефицит земельного фонда ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8](#)).

В 1905 г. на фоне общего оживления переселенческого движения в области особенно заметным стал наплыв самовольных переселенцев. По данным официальных обзоров, наибольшее их число приходилось на Омский уезд, где было зафиксировано 406 семей общей численностью 1 909 душ мужского пола. В Петропавловском уезде численность самовольных переселенцев составила 72 семьи (202 души), в Атбасарском – 211 семей (696 душ), в Акмолинском – 167 семей (551 душ). Значительная часть этих переселенцев была временно водворена в старожильческих селениях, однако основное их

размещение осуществлялось на участках, сформированных ранее, прежде всего в Омском уезде ([Обзор Акмолинской..., 1907: 8-9](#)).

В целом в период 1896–1905 гг. масштабы крестьянского расселения в Акмолинской области увеличились в несколько раз. За это время число переселенческих поселений возросло примерно вдвое, а численность крестьянского населения увеличилась с немногим более 100 тыс. до свыше 200 тыс. человек. Подобная динамика свидетельствует о переходе переселенческого движения от ограниченных и во многом стихийных форм к этапу массовой аграрной колонизации, осуществлявшейся в более институционально упорядоченном виде ([Обзор Акмолинской..., 1907: 9](#)).

Продолжение переселенческого движения на фоне дефицита земель, пригодных для оседлого земледелия, потребовало дополнительных землеустроительных мероприятий. В 1905 г. временные межевые партии сформировали дополнительные переселенческие и вспомогательные участки в Атбасарском и Акмолинском уездах. В Кокчетавском уезде решения о создании новых участков были отложены до завершения общего землеустроительного обследования, призванного учесть как интересы переселенцев, так и потребности местного населения ([Обзор Акмолинской..., 1907: 9-10](#)).

К началу XX в. население Акмолинской области характеризовалось четко выраженной этнической и социально-хозяйственной дифференциацией. В этнографическом отношении выделялись две основные группы – русское и казахское (в источниках-киргизское) население. Внутри русской группы, в свою очередь, различались казачий и крестьянский компоненты, выполнявшие различные функции в системе колониального освоения региона.

Казачество занимало особое место как один из первых носителей имперского влияния в степном пространстве. Значительные земельные наделы, закреплённые за Сибирским казачьим войском на территории области, обеспечивали казачьим станицам относительную устойчивость и хозяйственную самостоятельность. В пространственном отношении казахи поселения концентрировались преимущественно в северной части области – вдоль Иртыша, вблизи Омского железнодорожного округа и у уездных центров. По состоянию на 1915 г. численность казачьего населения в области достигала 131 232 человек, что обеспечивало ему заметное, хотя и не доминирующее, место в демографической структуре региона ([Обзор Акмолинской..., 1917: 8](#)).

Наиболее многочисленной и динамично растущей частью оседлого населения являлись крестьяне, прибывшие из Европейской России. К началу 1916 г. численность крестьянского населения в Акмолинской области приблизилась к 745 тыс. человек, а площадь земель, находившихся в их пользовании, превысила 5,7 млн десятин. Расселение носило ярко выраженный территориальный характер и концентрировалось в наиболее благоприятных для земледелия районах – в юго-западной части Омского и Кокчетавского уездов, а также в южных районах Атбасарского и Акмолинского уездов. Подобная пространственная конфигурация отражала как природно-географические ограничения, так и поэтапную логику переселенческой политики, ориентированной на продвижение оседлого земледелия с северо-запада на юго-восток ([Обзор Акмолинской..., 1917: 8](#)).

Несмотря на рост численности населения, Акмолинская область продолжала оставаться слабо заселённым регионом. Средняя плотность населения составляла около 3,3 человека на квадратную версту, что было значительно ниже показателей центральных губерний империи. Этнический состав населения области отличался значительным разнообразием: наряду с русскими и украинцами здесь проживали поляки, немцы, татары, мордва, евреи и представители других групп. Подобная этническая мозаика являлась прямым результатом миграционных процессов конца XIX – начала XX вв. и усиливала полиэтнический характер региона ([Обзор Акмолинской..., 1917: 9](#)).

К середине 1910-х гг. количественные и структурные изменения в соотношении оседлого и казахского населения оказали заметное влияние на этнический облик региона. Рост оседлого населения, происходивший преимущественно за счёт миграции, усложнил этнический состав Акмолинской области и способствовал формированию многоуровневой демографической структуры, в которой наряду с основными этническими группами всё более заметную роль стали играть малочисленные сообщества. В этом контексте анализ этнического состава населения области на завершающем этапе дореволюционного периода позволяет точнее выявить демографические изменения, проявившиеся в динамике оседлого и кочевого населения ([Рисунок 1; Обзор Акмолинской..., 1917: 9](#)).

Этнический состав населения Акмолинской области в 1915–1916 гг. в процентном соотношении к общей численности населения, наглядно демонстрирует многоуровневый характер этнодемографической структуры региона на завершающем этапе дореволюционного периода. Представленные данные позволяют проследить как соотношение основных этнических групп, так и количественное присутствие малочисленных общин, формируя целостное представление о полиэтническом облике области (см. [Рисунок 1](#)).

Доминирующее положение занимает казахское (киргизское) население, составлявшее более трети жителей региона. Сопоставимую долю представляли восточнославянские группы – малороссы и великороссы (см. [Рисунок 1](#)). Их совокупная численность отражает глубинные демографические сдвиги, произошедшие в Акмолинской области в результате переселенческой политики Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Примечательно, что численность малороссов незначительно

превышала число великороссов, что указывает на ведущую роль выходцев из южных губерний Европейской России в процессе аграрного освоения степных территорий.



Рис. 1. Этнический состав населения Акмолинской области в 1915–1916 гг. (Обзор Акмолинской..., 1917: 9).

Отдельный сегмент составляют малочисленные этнические группы, объединённые в категорию «прочие» (см. [Рисунок 1](#)). Наиболее заметными среди них были немцы, мордва и татары. Их присутствие являлось следствием миграционных процессов второй половины XIX – начала XX вв., связанных с организованными и полуорганизованными переселенческими потоками из Европейской России и Поволжья. Хотя эти группы уступали по численности основным этносам, социально значимую роль играли поляки, белорусы, евреи, сарты и цыгане. Они отражали разнообразие миграционных каналов – от аграрного и трудового переселения до торгово-ремесленной деятельности и ссыльных перемещений. Концентрируясь преимущественно в городах и оседлых поселениях, представители этих общин внесли заметный вклад в развитие торгово-ремесленного сектора и формирование городского пространства региона.

Приведенные данные также наглядно отражают полиэтническую структуру населения Акмолинской области (см. [Рисунок 1](#)). В ней прослеживается определённая иерархия этнических групп: на макроуровне демографическую основу региона формировали казахский и восточнославянский массивы, тогда как на микроуровне малочисленные этносы играли важную роль в обеспечении хозяйственного, культурного и социального разнообразия.

В 1915–1916 гг. этнодемографическое развитие области происходило в условиях асимметричного включения региона в общеимперское хозяйственное пространство. Рост оседлого и многоэтнического населения сочетался с сырьевой специализацией региона. При этом горнодобывающая деятельность была сосредоточена преимущественно в руках русских, татарских и иностранных предпринимателей, тогда как участие казахского населения в этих процессах оставалось крайне ограниченным ([ГАОО. Ф. 3. Т. 12. Д. 17 776. Л. 16](#)). Торгово-транспортная интеграция развивалась в том же ключе: после ввода в эксплуатацию Сибирской железной дороги Петропавловск и Омск функционировали главным образом как пункты накопления и вывоза сырья. Продукция животноводства к 1910 г. вывозилась из северных уездов в необработанном виде, тогда как готовые товары поступали на рынки степных областей из европейской части империи на неравных условиях ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3476. Л. 42](#)).

Данные, представленные за период с 1868 по 1915 гг. (см. [Таблица 3](#)), отражают устойчивый рост численности населения Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX вв. Этот рост был обусловлен прежде всего увеличением доли оседлого населения. В период с 1868 по 1915 гг. численность жителей области возросла более чем в четыре раза – с 370,4 тыс. до 1 575,7 тыс. человек ([Таблица 3; Обзор Акмолинской..., 1897: 7](#)).

Наиболее высокие темпы прироста были характерны для оседлого населения. Если в 1868 г. его численность составляла 101,9 тыс. человек (27,5 % от общего населения), то к 1915 г. она достигла 983,3 тыс., превысив 62 % общей численности. Особенно заметное ускорение роста наблюдалось после 1890-х гг., что напрямую связано с активизацией переселенческой политики и развитием транспортной инфраструктуры региона.

Численность кочевого (киргизского/казахского) населения также увеличилась – с 273,5 тыс. до 592,3 тыс. человек, однако темпы этого роста были существенно ниже, чем у оседлого населения.

В результате удельный вес кочевого населения в общей структуре населения области постепенно сокращался.

Таблица 3. Динамика численности оседлого и кочевого населения Акмолинской области в 1868–1915 гг. Таблица составлена на основе материалов «Обзора Акмолинской области» за 1882, 1897, 1898, 1907 и 1917 гг. Данные за 1868 г. заимствованы из «Обзора Акмолинской области» за 1897 г., в котором приведены ретроспективные статистические сведения по указанному году ([Обзор Акмолинской..., 1897: 7](#)).

Годы	Численность оседлого населения	Численность кочевого населения	Общая численность населения
1868	101 910	273 460	370 370
1881	120 635	339 728	460 363
1896	258 797	380 450	639 247
1905	403 331	484 461	887 792
1915	983 324	592 332	1 575 656

Примечание. К оседлому населению отнесены городские жители, казаки и крестьяне.

В совокупности приведённые данные свидетельствуют об изменении демографической структуры региона, Акмолинская область трансформировалась из преимущественно кочевого пространства в зону аграрной колонизации с доминированием оседлого населения. Данный процесс стал одним из ключевых факторов, определивших социально-экономическую и этнодемографическую трансформацию региона накануне революционных событий.

5. Заключение

Анализ этнодемографической динамики Акмолинской области в 1868–1916 гг. показывает, что ключевым фактором трансформации населения региона выступала переселенческая политика Российской империи. Её воздействие проявлялось не только в росте общей численности населения, но и в изменении структурного соотношения оседлого и кочевого компонентов. На начальном этапе (1868–1869 гг.) в области преобладало кочевое казахское население, тогда как оседлая часть была представлена главным образом городскими элементами и казачьими станицами. В дальнейшем, особенно с 1890 годов, усиление миграционных потоков, развитие транспортной инфраструктуры и проведение землеустроительных мероприятий привели к стремительному росту оседлого населения. В результате регион прошёл путь от преимущественно кочевого пространства к зоне аграрной колонизации с доминированием оседлого населения, доля которого к 1915 г. превысила 62 % и заняла определяющее место в структуре населения области.

К завершению дореволюционного периода Акмолинская область сформировалась как полиэтнический регион с многоуровневой демографической структурой. На макроуровне ведущую роль играли казахский и восточнославянский массивы, тогда как на микроуровне значительное значение приобрели малочисленные этнические группы, обеспечивавшие культурное и социально-профессиональное разнообразие, прежде всего в городах и торгово-промышленной среде.

Особое место в составе русскоязычного оседлого населения занимали казаки, выступавшие одним из первых и институционально закреплённых элементов колониального присутствия. По состоянию на 1915 г. численность казачьего населения достигла 131 232 человека, что обеспечивало ему заметную, хотя и не доминирующую, позицию в демографической структуре региона.

К 1 января 1916 г. общая численность населения области составила 1 579 656 человек. Быстрый рост оседлого населения при сохранении значительной доли казахского населения создал предпосылки для обострения земельного вопроса в условиях расширяющейся аграрной колонизации.

Демографические сдвиги сопровождались асимметричным включением области в общеимперские хозяйственные связи. Несмотря на увеличение численности оседлого населения и развитие транспортных узлов, регион сохранял сырьевую специализацию, а участие различных этнических групп в экономическом освоении носило неравномерный характер.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках научного проекта ИРН AP23488158 «История формирования полиэтнического состава населения и процесс нациестроительства в Северном Казахстане (конец XIX–XX вв.)».

Литература

[Алексеев, Алексеев, 1999](#) – Алексеев Н.В., Алексеев А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск: Изд-во ВКТУ, 1999. 158 с.

[Букейханов, 1908а](#) – Букейханов А. (псевд. V.) Отчуждение киргизских орошаемых пашен // *Сибирские вопросы*. 1908. № 16.

- Букейханов, 1908b** – Букейханов А. (псевд. V.) Переселенческие наделы в Акмолинской области // *Сибирские вопросы*. 1908. № 27–28.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области.
- Горюшкин, 1976** – Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / отв. ред. ч.-кор. АН СССР И.Д. Ковальченко. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. 343 с.
- Касымбаев, 1990** – Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг.: социально-экономический аспект. Алма-Ата: Гылым, 1990. 180 с.
- Кауфман, 1905** – Кауфман А.А. Переселение и колонизация: монография. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1905. 444 с.
- Мартин, 2009** – Мартин В. Закон и обычаи в степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке / Виржиния Мартин; [пер. с англ. Д.М. Костина]. Алматы : Санат, 2009. 263 с.
- Материалы по киргизскому..., 1902** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. 11. Омский уезд. Т. XI. Омск, 1902.
- Материалы по киргизскому..., 1907** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Т. III. Ч. 1. Таблицы. СПб, 1907.
- Материалы по киргизскому..., 1908** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Петропавловский уезд. Т. XII. Чернигов, 1908.
- Нам, 2009** – Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Издательство Томского университета, 2009. 500 с.
- Обзор Акмолинской..., 1882** – Обзор Акмолинской области за 1881 год.: приложение ко всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора. Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1882. 34, [37] с.: табл.
- Обзор Акмолинской..., 1897** – Обзор Акмолинской области за 1895 год. Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1897. [4], 30, [47] с.: табл.
- Обзор Акмолинской..., 1898** – Обзор Акмолинской области за 1896 год. Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1898. [4], 85, [45] с. : табл.
- Обзор Акмолинской..., 1907** – Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1907. 71 с.
- Обзор Акмолинской..., 1917** – Обзор Акмолинской области за 1915 год. Омск: Издание Акмолинского областного статистического комитета; Электротипография Акмолинского областного правления, 1917. 142 с.
- Памятная книжка..., 1887** – Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г.: адрес-календарь и географическо-статистические сведения. Омск: тип. Акмол. обл. правл., 1887. [8], 65, 46, [66], 14, [4] с.
- Первая Всеобщая..., 1897** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Население империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам. СПб., 1897. Выпуск I. 30 с.
- Ремнев, 2005** – Ремнев А.В. Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти / *Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева*. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2005. С. 163-221.
- Фризен, 2012** – Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9–1. С. 178-182.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Ядринцев, 1892** – Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп., ил. 16 сибирск. видами и типами. Санкт-Петербург: И.М. Сибиряков, 1892. XII, 720 с., 16 л. ил.: 24.
- Ямзин, 1912** – Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1912. IV, 198 с.
- Ямзин, 1926** – Ямзин И.Л. Учение о колонизации и переселениях : учебное пособие для высших учебных заведений / И.Л. Ямзин, В.П. Воишин; авт. предисл. И.Л. Ямзин. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1926. VI, 332 с.
- Martin, 2001** – Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond (Surrey): Curzon Press, 2001. XVIII, 244 p.
- Morrison, 2015** – Morrison A. Peasant settlers and the civilizing mission in Russian Turkestan, 1865–1917 // *Journal of Imperial & Commonwealth History*. 2015. Vol. 43. No. 3. Pp. 387-417.
- Morrison, 2021** – Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 641 p.

[Sabol, 2003](#) – *Sabol S.* Russian colonization and the genesis of Kazak national consciousness. Basingstoke (Hants.), New York: Palgrave Macmillan, 2003. IX, 233 p.

References

- [Aleksenko, Aleksenko, 1999](#) – *Aleksenko, N.V., Aleksenko, A.N.* (1999). Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897–1997 gg.) [Population of Kazakhstan for 100 Years (1897–1997)]. Ust'-Kamenogorsk: Izd-vo VKTU. 158 p. [in Russian]
- [Bukeikhanov, 1908a](#) – *Bukeikhanov, A. (psevd. V.)* (1908). Otchuzhdenie kirgizskikh oroshaemykh pashen [Alienation of Kyrgyz Irrigated Arable Lands]. *Sibirskie voprosy*. № 16. [in Russian]
- [Bukeikhanov, 1908b](#) – *Bukeikhanov, A. (psevd. V.)* (1908). Pereselencheskie nadely v Akmolinskoi oblasti [Settlement allotments in Akmola Oblast]. *Sibirskie voprosy*. 27–28. [in Russian]
- [Frizen, 2012](#) – *Frizen, D.Ya.* (2012). Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnoshenii v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii Respubliki Kazakhstan [Current issues in the study of agrarian relations in Western Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries in the historiography of the Republic of Kazakhstan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9–1: 178–182. [in Russian]
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State Archives of Omsk Oblast].
- [Goryushkin, 1976](#) – *Goryushkin, L.M.* (1976). Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.) [Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900–1917)]. Otv. red. ch.-kor. AN SSSR I.D. Koval'chenko. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd.-nie. 343 p. [in Russian]
- [Kasymbaev, 1990](#) – *Kasymbaev, Zh.K.* (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861–1917 gg.: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt [Cities of Eastern Kazakhstan in 1861–1917: socio-economic aspect]. Alma-Ata: Gylm. 180 p. [in Russian]
- [Kaufman, 1905](#) – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya: monografiya [Resettlement and colonization: monograph]. Sankt-Peterburg: Obshchestvennaya pol'za. 444 p. [in Russian]
- [Martin, 2001](#) – *Martin, V.* (2001). Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond (Surrey): Curzon Press. XVIII, 244 p.
- [Martin, 2009](#) – *Martin, V.* (2009). Zakon i obychai v stepi: kazakhi Srednego zhuza i rossiiskii kolonializm v XIX veke [Law and custom in the steppe: the Kazakhs of the middle zhuz and Russian colonialism in the nineteenth century]. Virzhiniya Martin; [per. s angl. D.M. Kostina]. Almaty : Sanat. 263 p. [in Russian]
- [Materialy po kirgizskomu..., 1902](#) – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu Stepnykh oblastei* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to explore the steppe regions]. Akmolinskaya oblast'. 11. Omskii uезд. T. XI. Omsk, 1902. [in Russian]
- [Materialy po kirgizskomu..., 1907](#) – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu Stepnykh oblastei* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to explore the steppe regions]. Akmolinskaya oblast'. Akmolinskii uезд. T. III. Ch.1. Tablitsy. SPb, 1907. [in Russian]
- [Materialy po kirgizskomu..., 1908](#) – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu Stepnykh oblastei* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition to explore the steppe regions]. Akmolinskaya oblast'. Petropavlovskii uезд. T. XII. Chernigov, 1908. [in Russian]
- [Morrison, 2015](#) – *Morrison, A.* (2015). Peasant settlers and the civilizing mission in Russian Turkestan, 1865–1917. *Journal of Imperial & Commonwealth History*. 43(3): 387–417.
- [Morrison, 2021](#) – *Morrison, A.* (2021). The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press. 641 p.
- [Nam, 2009](#) – *Nam, I.V.* (2009). Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.) [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 500 p. [in Russian]
- [Obzor Akmolinskoi..., 1882](#) – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1881 god.: prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Akmolinskogo gubernatora* [Overview of Akmola region for 1881: supplement to the most humble report of the Akmola governor]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya, 1882. 34, [37] p. : tabl. [in Russian]
- [Obzor Akmolinskoi..., 1897](#) – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1895 god* [Review of Akmola oblast for 1895]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya, 1897. [4], 30, [47] p.: tabl. [in Russian]
- [Obzor Akmolinskoi..., 1898](#) – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1896 god* [Review of Akmola oblast for 1896]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya, 1898. [4], 85, [45] p.: tabl. [in Russian]
- [Obzor Akmolinskoi..., 1907](#) – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1905 god* [Review of Akmola oblast for 1905]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya, 1907. 71 p. [in Russian]
- [Obzor Akmolinskoi..., 1917](#) – *Obzor Akmolinskoi oblasti za 1915 god* [Review of Akmola oblast for 1915]. Omsk: Izdanie Akmolinskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta; Elektrotipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya, 1917. 142 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1887 – Pamyatnaya knizhka Akmolinskoi oblasti na 1887 g.: adres-kalendar' i geograficheskoe-statisticheskoe svedeniya [Commemorative book of the Akmol region for 1887: address-calendar and geographical-statistical information]. Omsk: tip. Akmol. obl. pravl., 1887. [8], 65, 46, [66], 14, [4] p. [in Russian]

Pervaya Vseobshchaya..., 1897 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 goda po uezdam [First General census of the Russian Empire of 1897. Population of the Empire according to the census of January 28, 1897, by Districts.]. SPb., 1897. Vypusk I. 30 p. [in Russian]

Remnev, 2005 – Remnev, A.V. (2005). Stepnoe general-gubernatorstvo v imperskoi geografii vlasti [The Steppe governorate-general in the imperial geography of power]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: Sbornik nauchnykh statei k 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.V. Remneva*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo. Pp. 163-221. [in Russian]

Sabol, 2003 – Sabol, S. (2003). Russian colonization and the genesis of Kazak national consciousness. Steven Sabol. Basingstoke (Hants.), New York: Palgrave Macmillan. IX. 233 p.

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Yadrintsev, 1892 – Yadrintsev, N.M. (1892). Sibir', kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic, and historical respects]. *Sibir', kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii*. 2-e izd., ispr. i dop., il. 16 sibirsk. vidami i tipami. Sankt-Peterburg: I.M. Sibiryakov, 1892. XII, 720 p., 16 l. il.: 24. [in Russian]

Yamzin, 1912 – Yamzin, I.L. (1912). Pereselencheskoe dvizhenie v Rossii s momenta osvobodzheniya krest'yan [The migration movement in Russia since the emancipation of the peasants]. Kiev: Tip. Imp. un-ta sv. Vladimira. IV, 198 p. [in Russian]

Yamzin, 1926 – Yamzin, I.L. (1926). Uchenie o kolonizatsii i pereseleniyakh : uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [The doctrine of colonization and resettlement: a textbook for higher educational institutions]. I.L. Yamzin, V.P. Voshchinin; avt. predisl. I. L. Yamzin. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. VI, 332 p. [in Russian]

Этнодемографическая динамика населения Акмолинской области в условиях переселенческой политики Российской империи (1868–1916 гг.)

Марат Зеннатович Утегенов ^{a, *}, Айну́р Таласбековна Шукеева ^a, Талапкер Аскарович Уалиев ^a, Кайрат Булатович Алибеков ^a

^a Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается этнодемографическая динамика населения Акмолинской области в 1868–1916 гг. в условиях переселенческой политики Российской империи. Основное внимание уделяется долгосрочным изменениям в структуре населения, обусловленным организованным и стихийным переселением крестьян из Европейской России, а также влиянию этих процессов на традиционные формы землепользования и социальную организацию казахского кочевого общества.

Источниковую базу исследования составляют материалы «Обзоров Акмолинской области», данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., а также землеустроительная документация конца XIX – начала XX вв. Их комплексное использование и сопоставление позволяют проследить демографические процессы в динамике.

Полученные результаты показывают, что ключевым фактором демографической трансформации региона стал рост оседлого населения, тогда как демографическое развитие казахского населения отличалось относительной инерционностью. Включение Акмолинской области в общеимперское хозяйственное пространство носило асимметричный характер и сопровождалось сохранением сырьевой специализации региона, а также неравномерным участием различных этнических групп в экономическом освоении территории.

В целом выводы исследования уточняют механизмы колониального освоения Северного Казахстана и связанных с ним этнодемографических изменений, позволяя интерпретировать их в контексте особенностей позднеимперского периода.

Ключевые слова: Северный Казахстан, Акмолинская область, переселенческая политика, переселенцы, этнические группы, этнодемография, оседлое население, кочевое население, колонизация, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: utegenov.marat02@gmail.com (М.З. Утегенов), ainur_shukeeva@mail.ru (А.Т. Шукеева), tarikhname10@gmail.com (Т.А. Уалиев), kairat1975ast@gmail.com (К.Б. Алибеков)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 870-882
DOI: 10.13187/bg.2026.2.870

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Socio-Political Preconditions for Popular Movements in the Kokand Khanate in the 1870s

Farida T. Baitova ^{a,*}, Jeenbek B. Alymbaev ^b, Elida A. Tolobaeva ^c

^a Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports named after B. T. Turusbekov, Bishkek, Kyrgyz Republic

^b Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

In this article, the authors examine the sociopolitical preconditions for the popular uprisings in the seventies of the 19th century in the Kokand Khanate, linking them to an internal crisis in the khan's authority, the weakening of state institutions, and growing contradictions between various social strata. Increased fiscal pressure, arbitrary actions by local governors, corruption in the administrative system, and the uneven distribution of the tax burden led to deepening social inequality and growing discontent among farmers, artisans, and nomadic communities. Particular attention is given to the influence of foreign policy factors, primarily the Russian presence in the region, which contributed significantly to the stabilization of the situation. The Russian administration sought to establish a clearer system of governance, streamline tax collection, and limit the arbitrary exercise of local authorities, which paved the way for the emergence of new, more sustainable forms of social organization and economic activity. An analysis of archival documents, reports from Russian officials, oral historical sources, and the writings of local chroniclers suggests that the Russian Empire's intervention played a significant role in ending internecine conflicts, strengthening social stability, and laying the groundwork for the gradual modernization of social relations. In this context, the popular movements of the 1870s are viewed not only as a manifestation of the Kokand Khanate's internal crisis but also as a historical pattern that led to the region's inclusion in the broader and relatively stable political and economic space of the Russian Empire. This, in turn, marked an important stage in the integration of the Fergana Valley into the pan-Russian system of governance and economic development, which subsequently predetermined the transformation of social structures and a shift in the region's political landscape.

Keywords: Russian Empire, Kokand Khanate, Fergana Valley, popular movements, historical sources, Kyrgyz population, political instability, social inequality, civil strife, self-government.

1. Введение

В конце XIX века Кокандское ханство вступило в период значительных изменений в общественной, государственной и хозяйственной жизни. Обострение разногласий внутри страны, злоупотребления со стороны влиятельной феодальной верхушки и нерациональная политика ханов вызвали растущее возмущение среди народа, которое выразилось в крестьянских бунтах 1870-х годов. Они распространились по широким территориям Ферганской долины, населённой кыргызами, узбеками и таджиками. Данные всплески указывали на серьёзный упадок ханской системы, потерявшей возможность гарантировать правосудие, мир и оборону прав обычных людей. На этом фоне возрастающее влияние Российской империи сыграло стабилизирующую роль и способствовало

* Corresponding author

E-mail addresses: baitova_farida@mail.ru (F.T. Baitova),
jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Zh.B. Alymbaev), tolobaeva_elida@mail.ru (E.A. Tolobaeva)

установлению порядка. Российская политика, опиравшаяся на идеи правопорядка, государственного управления и модернизации, способствовала постепенному восстановлению общественного спокойствия, укреплению хозяйственной жизни и формированию новых административных структур, основанных на принципах законности и ответственности. Вмешательство России стало важным фактором, обеспечившим прекращение междоусобиц, ограничение произвола местных феодалов и открывшим путь к включению региона в более развитое политико-экономическое пространство.

События конца XIX века можно рассматривать как переломный этап, когда влияние Российской империи не только привнесло стабильность и порядок, но и заложило основу для последующего социально-экономического и культурного возрождения народов Ферганской долины.

В рассматриваемый период на первый план выдвинулись острые экономические противоречия внутри Кокандского ханства. Усиление налогового бремени, произвольный сбор дани, игнорирование прав местных землепользователей и неравномерное распределение материальных ресурсов между центром и периферией способствовали росту социальной напряжённости. Фискальная политика ханства стала одним из решающих факторов, вызвавших массовое недовольство среди населения, особенно среди кочевых и полукочевых кыргызских племён, проживавших на пограничных территориях. На фоне нарастающего кризиса именно Российская империя выступила носителем принципов правопорядка и управленческой рациональности. Вмешательство России позволило смягчить последствия хозяйственного упадка, ограничить произвол местной знати и внести элементы экономической стабильности в регион. Благодаря этому началось постепенное восстановление социальной справедливости, а также укрепление основ законности и государственного управления, что в дальнейшем создало предпосылки для интеграции местных сообществ в более устойчивую и развитую систему хозяйственных отношений.

Народные волнения 1870-х годов XIX столетия не следует считать исключительно самопроизвольными проявлениями недовольства. В них отчетливо прослеживался политический аспект, обусловленный противодействием угнетению и беззаконию правящей династии. Главы этих восстаний, например Полот-хан (Исхак Асан уулу) и его соратники, смогли сплотить разнообразные племена и слои населения, что определило их стремление к национальной независимости. Следовательно, изучение причинно-следственной связи между социальным положением и политической обстановкой во время народных движений в Кокандском ханстве указанного периода крайне необходимо для осмысления как развития самого ханства, так и общих тенденций борьбы за свободу. Анализ документальных свидетельств, фольклорных произведений, архивных данных и работ учёных позволяет установить главные факторы, побуждавшие к бунтам, их причины, движущие силы и характерные черты восстаний.

2. Материалы и методы

2.1. В процессе подготовки статьи с применением научных методов авторами были исследованы и проанализированы документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Узбекистан (НА РУз, Ташкент, Узбекистан), а также источники, сохранившиеся в рукописном фонде Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан (ИВ АН РУз, Ташкент, Узбекистан).

В архивных фондах сохранились сведения, отражающие деятельность чиновников Российской империи, которые тщательно фиксировали события, составляли донесения, отчёты и переписку. Данные материалы предоставляют современным исследователям возможность реконструировать картину восстаний и выявлять их социально-экономические и политические причины.

В донесении полковника Циммермана командующему войсками Сибирского корпуса от 5 сентября 1860 года (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 24) содержатся сведения, фиксирующие династические конфликты, заговоры и мятежи в Кокандском ханстве середины XIX века, отражающий как внутреннюю борьбу за власть и роль кочевников, что позволяет проследить политическую и социальную динамику в ханстве.

Документ под названием «Из письма Оренбургского генерал-губернатора Управляющему Министерству Иностранных дел» от 15 сентября 1853 года (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14), приводятся сведения о политической несостоятельности правительства, о доминирующей роли кипчаков в административном управлении, их самовольных действиях и обременительных поборах, что отражает наличие социального напряжения и рост недовольства среди населения.

В ханстве социальные напряжения были связаны не только с политическими, но и с экономическими отношениями. Из донесения Г.Х. Гасфорда военному министру от 30 июня 1855 года, имеются сведения о деятельности кокандских сборщиков налогов, которые при взимании податей с кочевых групп населения прибегали к насильственным действиям, сопровождавшимся грабежами (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 16. Л. 111).

Также широко использованы материалы фондов Национального архива Республики Узбекистан. В документе, известном как «Показания дикокаменного киргиза, бежавшего из Кокандского владения» содержатся сведения о том, что в результате нарастания недовольства политикой Худояр-хана около 40 тыс. юрт киргиз-кипчаков предприняли попытку организованного выступления (НА РУз. Ф. И-1.

Оп. 34. Д. 25. Л. 40б.). Целью данного политического выступления являлось устранение действующего хана с престола и установление власти Малла-хана. Следовательно, данный источник можно рассматривать как подтверждение того, что внутренние противоречия и социальное напряжение в Кокандском ханстве создавали условия для регулярных восстаний.

Архивные данные свидетельствуют о том, что социально-политические процессы, происходившие в Кокандском ханстве, массовое выступление кочевых народов против Худояр-хана отражало не только локальное недовольство его политическим курсом, но и более масштабный кризис легитимности ханской власти в середине XIX века.

Выполняя обязанности посла США в России Ю. Скайлер в 1873 г., на протяжении восьми месяцев по поручению своего правительства путешествовал по русским владениям в Средней Азии. Для нас некоторые сведения Ю. Скайлера как очевидца этого восстания на его первом этапе, имеют определенный интерес. Например, он был поражен эпизодом казни повстанцев в Коканде. Вот что он пишет по этому поводу: «Сразу же после того, как я покинул Коканд, мятежники, пойманные в недавних выступлениях были казнены, базар был буквально затоплен кровью, которая проникла даже в караван сарай, где я остановился. Тогда было казнено более пятисот человек» (Schuyler, 1876: 16). Массовые казни в центре города подчёркивает крайнюю жестокость репрессивных мер, применявшихся властями, и позволяет оценить масштабы трагедии, затронувшей сотни людей.

Нарративные источники, представленные кокандскими хрониками важны для исторической характеристики внутреннего и внешнеполитического положения в ханстве. Являясь в подавляющем большинстве придворными хрониками, они почти не отражают экономической жизни общества, не содержат существенно важных сведений о социальной структуре и классовым отношениям, данных о положении народов. Восстания и неповиновение народных масс в них трактуется тенденциозно. Однако при серьёзном критическом подходе они могут быть использованы в исследовании и нами привлекались как по публикациям, так и рукописным собраниям.

В рукописных материалах, хранящихся в фондах Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, – «Ансобу-с-салатин ва тавориху-л-хавокин» (Родословие султанов и хроники ханов) Мирзо Олим ибн Домла Мирзо Рахим Тошкандия (ИБ АН РУз. Инв. № 1314) и «Тарихи Азизи» (История Азизи) Мулла Азиз бин Мулла Мухаммад-Риза Маргинания (ИБ АН РУз. Инв. № 11108), – содержится информация о политике Кокандского ханства в отношении кочевых племён, а также отражены факты нарушения традиционно закреплённых правовых норм и имущественных прав населения. Например, указ Худояр-хана 1873 года об аннулировании васиков, лишавший подданных имущественных прав, стал проявлением кризиса легитимности ханской власти в Кокандском ханстве и вызвал массовое сопротивление, приведшее к восстанию 70-х гг. XIX в. (ИБ АН РУз. Инв. № 11108. Л. 158б-159а).

Критический анализ нарративных и рукописных источников показывает, что политика Кокандского ханства в отношении кочевых племён и нарушение имущественных прав населения стали важными факторами кризиса легитимности власти и социально-политической причиной народных восстаний.

2.2. Методологической основой исследования явилось использование принципов объективности, историзма и научного анализа, а также применение сравнительно-исторического метода, комплексного подхода, критического и системного анализа. Эти методы позволили рассмотреть особенности формирования и основные этапы развития восстания и социально-политических предпосылок восстаний в Кокандском ханстве 1870-х гг.

Комплексный подход стал основой для всестороннего изучения социально-политических процессов, предопределивших восстания, а также их взаимосвязи с экономическими и этническими факторами. В статье применялся также проблемно-хронологический метод, предполагающий разделение тематики на ряд более узких проблем, каждая из которых соотносится с конкретным этапом и рассматривается в хронологическом порядке. В соответствии с данным методом структурированы разделы статьи, что позволило выявить социально-политические предпосылки восстаний.

В свою очередь, принцип научной объективности предполагает исключение предвзятости как со стороны автора, так и со стороны других исследователей при оценке исторических фактов, связанных с социально-экономическими предпосылками восстаний в Кокандском ханстве. Данный принцип требует критического подхода к источникам, отказа от субъективных интерпретаций и стремления к максимально точному воспроизведению реалий исторического процесса. В контексте исследования восстаний это означает необходимость рассматривать социально-экономические противоречия – налоговую политику, имущественное расслоение, этнические различия и административные практики – как объективные факторы, обусловившие нестабильность и народные выступления.

3. Обсуждение

Социально-политические предпосылки народных движений 1870-х гг. в Кокандском ханстве до сих пор не получили всестороннего и глубокого освещения в исторических исследованиях. Работы,

посвященные изучению народных движений, преимущественно рассматривают их как эпизоды политической истории, ограничиваясь описанием внешних проявлений.

В историографическом анализе данной проблемы традиционно выделяются три взаимосвязанных хронологически этапа: дореволюционный, советский и постсоветский.

В русской востоковедческой литературе рассматриваемого периода было создано значительное число исторических трудов, посвящённых восстаниям в Кокандском ханстве.

1880-е гг. в научной и общественной среде Российской империи впервые был опубликован фундаментальный труд В.П. Наливкина. В исследовании автора отмечаются сведения о противоречиях и соперничестве между кочевыми и оседлыми группами населения, которые рассматривались как один из факторов, обусловивших регулярные восстания в ханстве (Наливкин, 1886). Приведённые факты и острые противоречивые события внутри ханства свидетельствуют о нестабильности его внутренней политики.

В начале XX века исследователи, обращаясь к изучению восстаний в Кокандском ханстве, стремились выявить их социально-экономические основы. При этом внутриполитические причины оставались в стороне, что не позволяло дать всестороннюю интерпретацию происходившему.

В 1930–1950-е годы в исследованиях по истории Кокандского ханства второй половины XIX века значительно расширилось использование документальных и архивных источников, что позволило глубже раскрыть социально-политические предпосылки восстания. В частности, в журнале «Борьба классов» публикуется статья С. Павлова, М. Рабиновича «Кокандское восстание (1875–1876 гг.)» (Павлов, Рабинович, 1936). По мнению авторов, крестьянство оказалось в полной зависимости от феодалов, контролировавших землю и воду. В таком же подчинённом положении находилось и кочевое киргизское население. Союз Худояр-хана с русским царём обернулся дополнительным бременем для крестьянства (Павлов, Рабинович, 1936: 49). Авторы отметили, что в 1874 г. в ханстве насчитывалось 18 видов налогов, которые делали невыносимой жизнь народа. Основной движущей силой восстания они считали крестьянство и беднейшие слои городского населения. Авторы также впервые в советской историографии верно определили роль и место Пулат хана в Кокандском восстании, считая его выразителем интересов народных масс.

Б.Д. Джамгерчинов в монографии «Присоединение Киргизии к России» (Джамгерчинов, 1959) всесторонне раскрывает социально-экономические причины народных движений в Кокандском ханстве, не затрагивая внутриполитические отношения в ханстве. Отмечая особо жестокое отношение Худояр-хана к кочевому населению, автор обращал внимание на то, что чрезмерное увеличение налогов вызывало сопротивление со стороны народа. Автор сделал вывод о том, что основной движущей силой восстания являлись мелкие и средние скотоводы и дыйкане, испытывавшие на себе всю тяжесть грабительской политики Кокандского ханства.

В начале 60-х годов К.У. Усенбаев (Усенбаев, 1960) на основании изучения архивных материалов подробно описывает ход восстания ошских киргизов в 1845 г., алайских киргизов в 1858 г. предшествовавшего Кокандскому восстанию 1873–1876 гг. Причиной этих восстаний, по мнению автора, стали грабежи, насилие и произвол, чинившиеся представителями ханской власти и вызвавшие ответные действия со стороны трудового народа. Тем самым автор существенно расширил проблематику исследования, рассмотрев социально-политические причины восстания и проанализировав обращения восставших киргизов в 1873–1876 гг. к русским властям с просьбой о принятии их в российское подданство.

Проблемы народных движений 1870-х гг. в Кокандском ханстве нашли отражение в монографии А.Х. Хасанова «Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х годах XIX века» (Хасанов, 1961). По мнению автора, основной причиной восстания стало недовольство всех слоёв населения постоянными поборами и жестоким режимом Худояр-хана, что сопровождалось усилением социального, экономического и национального гнёта.

Анализ работы А.Х. Хасанова свидетельствует, что в 1860-е годы сравнительно с предыдущими периодами, меняется подход ученых к Кокандскому восстанию 1870-х годов. Было доказано, что это единое восстание с двумя этапами. Также ученые утверждали, что его основной причиной было усиление эксплуатации со стороны Кокандского ханства, а не лозунг «газават», т.е. борьба с Россией.

Среди работ, вышедших в 70-е годы, следует выделить монографию А.Х. Хасанова «Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства» (Хасанов, 1977) где автор обобщил предшествующие исследования по вопросу восстаний в 1870-х годах. Автор отмечал, что причиной нового подъёма восстания стало дальнейшее усиление социального и экономического гнёта со стороны хана. Он подчёркивал, что после подавления восстания 1873–1874 гг. киргизы подверглись введению особого дополнительного налога за участие в восстании. Кроме того, выполнять воинскую повинность стало обременительно: кочевники обязаны были посылать в ханское ополчение воинов со своими лошадьми и снаряжением (Хасанов, 1977: 63).

Другим капитальным трудом второй половины 70-х годов, в котором исследуется народные восстания в период господства Кокандского ханства, является монография В.М. Плоских «Киргизы и Кокандское ханство» (Плоских, 1977). В монографии В.М. Плоских анализируются политические факторы, экономические связи, формы эксплуатации и гнета и др. Автор на основе тщательного

изучения восстания, приходит к заключению, что «в целом 60-е годы XIX века характеризуются более активным сопротивлением киргизского населения Кокандскому ханству, усилением ориентации на Россию и постепенным принятием российского подданства» (Плоских, 1977: 303).

В работе казахского исследователя Т.К. Бейсембиева «Тарих-и Шахрухи как исторический источник» (Бейсембиев, 1987) можно проследить тот факт, что причинами восстания в Кокандском ханстве были обусловлены, в частности, внутренним противостоянием между двумя социальными группами – оседлым населением и кочевниками, соперничавшими за власть. Ссылаясь на источник, автор пишет что, в ходе борьбы за власть кочевники временно объединялись, становясь грозной силой. В 1858 г. возник союз всех кочевников Ферганы, в котором главная роль принадлежала киргизам и кипчакам. Это обстоятельство свидетельствует о существовании иерархически организованной социальной структуры кочевых этносов Ферганской долины.

В советской историографии в качестве основных причин возникновения восстаний в Кокандском ханстве рассматривались преимущественно социально-экономические факторы, тогда как внутренние политические причины оставались в тени.

Действительно в советской историографии, накопление и использование документального материала способствовало расширению исследовательских горизонтов и позволило более детально анализировать социально-экономические и политические предпосылки народных выступлений. Вместе с тем, отмечается определённая ограниченность исследования: недостаточное внимание уделено политическим аспектам, связанным с противостоянием сартией и илатией. Этот пробел представляется существенным, поскольку этнополитические конфликты и групповые противостояния во многом определяли динамику общественных процессов в Кокандском ханстве. Их анализ мог бы дополнить картину социально-политических предпосылок и углубить понимание причин народных движений.

В постсоветский период в среднеазиатских республиках значительно возрос интерес к изучению народных движений и причин их возникновения. Именно с этих позиций следует оценить монографию Х.Н. Бабабекова «Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв.)» (Бабабеков, 1990). Автор, используя широкий круг источников, в особенности архивные материалы, рассматривает практически все формы народных выступлений – от крупных восстаний до локальных проявлений и их социально-политических причин.

На наш взгляд, упоминание работы Х.Н. Бабабекова подчеркивает её важность как инструмента исследования, благодаря использованию обширного массива архивных материалов и комплексному подходу к анализу народного сопротивления. При этом выделение разнообразия проявлений протеста даёт возможность расширить горизонты изучения за пределы классического взгляда на крупные бунты и рассмотреть народные волнения как закономерное следствие комплекса социально-экономических и политических причин. Подобный подход позволяет лучше разобраться в особенностях народных выступлений в Кокандском ханстве и указывает на важность анализа этих явлений с учетом внутренних социальных изменений, а не лишь как ответа на конкретные действия властей или финансовую политику.

В историографии Кокандского ханства особое внимание уделяется изучению этнополитического состава населения и роли различных социальных и этнических групп в политической системе ханства. Так, Т. Кененсариев, опираясь на исторические источники, выделяет четыре основные силы, определявшие политическую жизнь ханства: сартов, мингов (узбеков), кыргызов и кипчаков. При этом исследователь подчёркивает, что разграничение населения на «сартыя» и «илатия» отражало не только социально-экономические особенности, но и специфику политической организации ханства (Кененсариев, 2009: 180). На наш взгляд, данное разграничение может быть охарактеризовано как один из факторов, способствовавших формированию социально-политических предпосылок последующих восстаний в Кокандском ханстве.

Важно отметить, что все вышесказанное иллюстрирует значимую методологию в исследовании политического устройства Кокандского ханства, где этнополитическое взаимодействие интерпретируется как независимый и существенный элемент развития истории. Благодаря определению Т. Кененсариевым основных этносоциальных слоев появляется возможность лучше разобраться в принципах формирования власти и особенностях политического равновесия внутри ханства. Однако такое разделение жителей на «сартыя» и «илатия» кажется не только инструментом анализа, но и выражением внутреннего напряжения, присущего управленческой системе. Таким образом, этническая иерархия могла являться одним из элементов, вызывающих нестабильность, обостряя общественное недовольство и приводя к росту оппозиционного настроения. Это позволяет углубить понимание народных движений, демонстрируя, что они обусловлены не только экономическими конфликтами, но и возникают благодаря взаимодействию различных факторов – социальных, этнических и политических сил.

Следует подчеркнуть, что для комплексного анализа народных движений необходимо учитывать не только социально-экономические, но и этнополитические аспекты.

4. Результаты

Период 1840-х годов в Кокандском ханстве характеризуется значительным укреплением центральной власти, которое сопровождалось не только формализацией административного аппарата, но и ростом напряжённости в отношениях между центром и периферией. Центральная власть стремилась консолидировать своё влияние, внедряя новые механизмы контроля над местными бекскими и общинными структурами. В этой связи возникает принципиальная проблема: усилия по централизации часто вступали в прямое противоречие с традиционными формами самоуправления и автономией племенных общин, что становилось источником системного социального недовольства. Фискальная политика ханства того периода также носила противоречивый характер. С одной стороны, она позволяла обеспечивать функционирование расширяющегося административного аппарата и укреплять ресурсную базу государства; с другой – чрезмерное налоговое давление и произвольные сборы дани подрывали экономическую стабильность сельских и кочевых общин. Возникает острый конфликт между централизованной государственностью и локальными социальными практиками распределения земель, пастбищ и экономических ресурсов, что в дальнейшем создало «социальное напряжение в зачатке», подготовив почву для массового недовольства и народных выступлений (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 16. Л.111).

В то же время положительное влияние России в регионе способствовало частичной стабилизации социально-экономической ситуации. Российское присутствие обеспечивало определённый уровень внешнего контроля, снижая угрозу полного хаоса на границах ханства, а также открывало возможности для торговли и обмена технологиями, что косвенно поддерживало экономическую устойчивость отдельных районов. Таким образом, влияние России рассматривалось как фактор внешней опоры, способный смягчать последствия внутренних противоречий и частично компенсировать избыточное административное давление ханской власти.

Обратимся к основным событиям данного периода. Как только независимость Кокандского ханства была восстановлена и отодвинулась угроза со стороны Бухары, в Фергане возникла напряжённая ситуация в связи с претензиями кочевников на руководящую роль. В 1842–1843 гг. отчетливо обозначилось «неустойчивое равновесие» трех группировок: оседлых феодалов во главе с Шади, хакимом Маргилана; киргизов и части ханских родственников во главе с Йусуфом мингбаши киргизом; кипчаков под руководством Мусулманкула (ок. 1794–1852 гг.). В 1843 г. последний пытался открыто выступить против центральной власти (Мирзо Олим Махдум Хожи, 2008: 12), но перед лицом могущественного тогда Йусуфа мингбаши отступил. Враждой между ними воспользовался Шади и с помощью дворцовых интриг устранил Йусуфа мингбаши (ИБ АН РУз. Инв. № 1314. Л. 48а). Шади в 1844 г. попытался тайно убрать Мусулманкула, но тот, предупрежденный об опасности, поднял в Андижане мятеж, где он был войсковым начальником (батурбаши). Его поддерживали соплеменники-кипчаки, а также каракалпаки и калмаки (ИБ АН РУз. Инв. № 1314. Л. 49б-50а). Именно в этот период начинают формироваться глубокие социально-политические предпосылки будущих народных движений, что позволяет рассматривать данный этап как переходный от относительной стабильности к фазе нарастающего общественного напряжения. После восстановления независимости Кокандского ханства и устранения внешней угрозы со стороны Бухары, в Ферганской долине усилилась внутренняя борьба за власть, обусловленная претензиями кочевых групп на политическое доминирование.

В середине девятнадцатого столетия внутривнутриполитическая жизнь Кокандского ханства во многом определялась деятельностью аталыка Мусулманкула, чья карьера ярко иллюстрировала рост влияния военных и государственных лидеров в эпоху упадка власти ханов. Появившись из числа служилого дворянства, он смог взять под контроль реальное руководство страной, воспользовавшись юным возрастом хана Худояра. Он демонстрирует тенденцию того времени – медленный сдвиг полномочий от представителей правящей семьи к сильному военному и управленческому сословию. Правление Мусулманкула (1840–1852) ознаменовалось стремлением к централизации (Петровский, 1873: 9), целью которой было усилить власть хана, однако достигнутое осуществлялось посредством жестких мер и принуждения. Правитель беспощадно пресекал попытки сопротивления со стороны элиты и народного недовольства, уничтожая оппозиционеров при дворе. Хотя это ненадолго обеспечило относительную стабильность, оно значительно обострило социальное напряжение и усилило гнев среди жителей. Наиболее заметно разногласия выявились во взаимодействии с кыргызским и казахским племенами, земли которых Мусулманкул пытался включить в состав ханства. Отъем владений и принудительное обращение в ислам провоцировали волнения на окраинах государства. В памяти кыргызов он остался воплощением деспотизма и угнетения, что впоследствии подпитывало антикокандские чувства и создавало идеологическую базу для восстаний 1870-х годов. Смерть Мусулманкула ознаменовала наступление времени политических потрясений, отмеченного сменами правителей и обострением противостояния между представителями родовой знати и военных элит (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 101-102). Это подорвало силу центральной администрации, усугубило разногласия внутри государства и подготовило почву для народных бунтов в грядущие годы. Следовательно, правление Мусулманкула стало ключевым моментом в

прогрессировании проблем, которые впоследствии привели к разрушению привычного политического строя Кокандского ханства.

Политическая динамика этого времени характеризуется ростом элитарных конфликтов и кризисом легитимности власти, что, в научном плане, свидетельствует о начале дезинтеграции традиционной модели ханского управления, основанной на патримониальных и племенных принципах. Уже в 1843 году Мусулманкул предпринял попытку открытого выступления против центра, однако, столкнувшись с силой Йусуфа мингбаши, был вынужден отступить (Бейсембиев, 1987: 22). Этим противостоянием воспользовался Шади, искусно применив дворцовые интриги для устранения своего соперника.

Злоупотребления фаворитов Худояр-хана способствовали возникновению заговоров и мятежей. В 1853 г. против хана поднялся его старший брат Малла-бек, управлявший Ташкентом, но в результате похода кокандских войск на Ташкент он был разбит и бежал в Бухару (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 25. Л. 40б.). В 1855 г. был раскрыт заговор Рустам-хана тора, внука Нарбута-бека. В 1858 г. Малла-бек, воспользовавшись осадой бухарским эмиром Ходжента, прибыл к киргизам и поднял новый мятеж. Объединив ферганских кочевников, он одержал победу над ставшим непопулярным Худояр-ханом и занял кокандский трон. В период правления Малла-хана (1858–1863 гг.) кочевники вернули утраченные позиции в государстве. Главную роль в их “конфедерации” играли киргизы, из среды которых выдвинулся молодой военачальник Алимкул киргиз-кипчак (1832/33–1865 гг.). В 1860 году после разрушения русскими отрядами крепостей Токмак и Пишпек кокандцы совершили поход в Семиречье, но были разбиты немногочисленными силами Г.А. Колпаковского под Узун-Агачем (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 24. Л. 173-176). Вскоре неугодный кочевой знати Малла-хан был убит и на престол возведен Шах-Мурад-хан, сын Сарымсак-хана (февраль 1862 г.). Находившиеся в Туркестане кокандские войска во главе с Канаат-шахом не признали нового хана. Пригласив Худояр-хана из Джизака они открыли военные действия против ферганских кочевников, опираясь на ополчение из Южного Казахстана, Ташкента и Курамы. Бухарский эмир Музаффар двинулся на помощь Худояр-хану, которому при поддержке эмира удалось затем овладеть Кокандом. Однако второе его правление было коротким: борьба с киргизами и кипчаками приняла затяжной характер, а намерение эмира присоединить к его владениям Фергану руками Худояр-хана не сулило ферганцам ничего доброго (Бейсембиев, 1987: 24).

В июле 1863 г. киргизы и кипчаки во главе с Алимкулом лашкаром захватили власть в ханстве. Номинальным правителем был провозглашен сын Малла-хана Султан Саййид-хан (1863–1865 гг.) (Наливкин, 1886: 200). Фактически делами вершил Алимкул. К тому времени русские войска овладели Яныкурганом и Пишпекком. Попытки Алимкула остановить их дальнейшее продвижение успеха не имели. В 1864 году кокандцы были выбиты из Мерке, Ауилие-Аты, Туркестана и Чимкента. Весной 1865 г. генерал М.Г.Черняев подошел к Ташкенту. В бою под Ташкентом Алимкул был смертельно ранен. Султан Саййид-хан был отослан ташкентцами в Бухару. 15 июня 1865 г. Ташкент был взят. Киргизские и кипчакские главы бежали в Фергану и провозгласили ханом правнука Шади-бия (младший сын основателя династии мингов Шахрух-бия), Худайкула, продержавшегося на кокандском троне около двух месяцев (Бейсембиев, 1987: 25). Но эмир Бухары вновь вступил в Фергану, присоединил к своим владениям Ходжент и в третий раз посадил на трон Худояр-хана. Многие киргизы и кипчаки ушли в Кашгар на службу к Йакуб-беку (Бейсембиев, 1987: 25).

Также Алымбек датка (ок. 1800–1862) занимал особое место в политической системе Кокандского ханства как один из наиболее влиятельных государственных деятелей. При Малла-хане он управлял Андижанским вилайетом (Плоских, 1977: 166). Он стремился поддерживать устойчивое равновесие между центральной властью и региональными элитами. Будучи выходцем из южных кыргызских родов, он сумел добиться признания как среди кочевой знати, так и при дворе хана, что свидетельствовало о высокой степени политической адаптивности и дипломатических способностей.

В период правления Худояр-хана Алымбек датка выступал посредником между ханской властью и кыргызскими манапами, пытаясь смягчить последствия нарастающего административного и фискального давления. Его деятельность способствовала временному укреплению порядка в южных областях ханства, однако противоречия между центром и местными элитами привели к его гибели в 1862 году (Плоских, 1977: 300). Смерть Алымбека датка символизировала нарастание политического кризиса и стала одной из предпосылок народных движений 1870-х годов.

Итак, на наш взгляд злоупотребления фаворитов Худояр-хана, произвол администрации и нарастающий фискальный гнёт усилили социальное расслоение и обострили противоречия между центром и местными родоплеменными элитами. Борьба за власть между различными группировками знати – оседлой, кочевой и духовной – привела к политической дезорганизации ханства и ослаблению центральной власти. В этих условиях усилилось недовольство народных масс, прежде всего среди киргизов и беднейших слоёв оседлого населения. Таким образом, кризис управления, вызванный внутренними распрями и зависимостью ханов от внешних сил, усиление борьбы за власть между оседлой и кочевой знатью сопровождалось ростом недовольства среди народных масс, страдавших от произвола местных беев, злоупотреблений чиновников и усиливающегося налогового гнёта. Многонациональный состав ханства, при отсутствии прочной централизованной власти,

способствовал формированию очагов социальной напряжённости, что в дальнейшем стало одной из ключевых социально-политических предпосылок народных движений 1870-х годов.

Одной из ключевых черт организации общества в Кокандском ханстве было разделение жителей по этническому и социальному признаку – на сартия и илатийа, которые отличались своим бытом, экономикой и ролью в управлении государством. Основу городских центров и оазисов составляли оседлые жители, известные как сарты. Среди них можно было встретить мастеров, купцов, фермеров и представителей ханского правительства. Сарты обладали большей устойчивостью положения, могли использовать оросительные каналы, участвовать в торговле и пользоваться преимуществами перед другими слоями населения. Из числа сартов происходили сборщики податей, религиозные деятели и влиятельные люди, поддерживавшие власть хана. Напротив них располагалась община илатийа – народ, ведущий кочевой и полукочевой образ жизни, состоявший преимущественно из представителей кыргызских и казахских племен, проживавших в горах и у подножий гор (Кененсариев, 1997: 6-7). Илаты были вассалами земледельцев, часто терпели произвол приказчиков и чиновников. Неравномерное распределение обязательств и лишенность политического влияния порождали у них ощущение обособленности и неприязни к власти хана. Различие между сартами и илатами проявлялось не только в социально-экономической, но и в этнополитической сфере. Оседлые жители находились под покровительством правителя и составляли управленческую верхушку, в то время как кочевники считались зависимыми и воспринимались как наименее развитые субъекты государства (Кененсариев, 1997: 6-7). Данная ситуация обостряла отношения между различными народами и привела к тому, что постепенно волнения переросли из местных социальных протестов в широкое движение с чертами стремления к национальной независимости.

Представители правых, левых и ичкиликских (внутренних) кыргызских племён, издавна проживавших в Ферганском регионе, кипчаки, обитавшие в равнинных долинах (кыргыз-кипчаки, нойгут-кипчаки, жети-кашка кипчаки и другие), полукочевые тюрки, каракалпаки и карамурутцы, а также кочевые узбекские племена, переселившиеся сюда начиная с XVI века, впоследствии образовали мощное этнополитическое сообщество кочевников, известное под названием «илатийа» (Кененсариев, 2009: 174).

Необходимость защиты от внешних врагов заставляла представителей различных групп, входивших в состав «илатии», объединяться в решающие моменты. Поэтому во время калмыцких набегов 1741–1745 годов объединённые силы кыргызов из племени кушчу под предводительством бия Кубата и представителей кочевой династии кокандских биев смогли изгнать захватчиков из Ферганы (Гуревич, 1983: 64).

Кроме того, во многих городах и селениях – таких как Ходжент, Канибадам, Исфара, Касан, Чуст и другие – проживали таджики. Более того, известно, что даже в одном городе могли сосуществовать разные этнополитические группы. Например, в начале XVIII века в Коканде существовало четыре общины, из которых только одна – «кокандийцы» (сарттар) – была местной, тогда как остальные – самаркандийцы, кашгарийцы и кухистанийцы – были выходцами из соседних регионов. Они переселились в Коканд в результате политических беспорядков, происходивших в соседних землях (Бейсембиев, 1987: 9) в XVII–XVIII веках. Таким образом, оседлое городское и сельское население в основном составляло сообщество, называемое «сартийа».

Этнополитическая структура Кокандского ханства представляет собой сложный и динамичный феномен, формировавшийся под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Рост территориальных владений, расширение политического влияния и активные миграционные процессы привели к тому, что ханство стало многонациональным государственным образованием с выраженной социальной стратификацией и этнокультурной неоднородностью. На основе исторических источников, посвящённых истории Кокандского ханства, можно выделить четыре основные политические силы, игравшие значительную роль в его политической жизни: сартов, мингов (узбеков), кыргызов и кипчаков. Политическая группа мингов (узбеков) в XVIII веке представляла собой кочевое феодальное объединение и входила в состав «илатийа», однако уже в XIX веке постепенно перешла к оседлому образу жизни и вошла в состав «сартийа». Эти политические силы на протяжении всей истории Кокандского ханства занимали различные ступени власти, что подтверждается сведениями исторических источников (Кененсариев, 2009: 180).

В XIX веке сартское население постепенно ассимилировалось с оседлыми узбеками, что привело к их частичному слиянию в этнокультурном и социальном отношении. Несмотря на отсутствие политической власти, сарты, как отмечалось ранее, обладали значительным экономическим влиянием, контролируя торговлю, ремёсла и финансовые потоки. Поэтому любая политическая сила, приходившая к власти в ханстве, вынуждена была считаться с ними, независимо от своих намерений и политических приоритетов (Кененсариев, 2009: 178).

В Кокандском ханстве администрация всё чаще зависела от поддержки местных феодалов, биев и военачальников, которые в отдалённых областях фактически становились самостоятельными правителями. Подобное перераспределение власти сопровождалось ростом произвола, усилением фискального гнёта и увеличением неравенства среди населения, что постепенно подготавливало социальную базу будущих народных движений. На этом фоне усиливалось влияние Российской

империи, которая, распространяя своё административное и культурное воздействие, внесла значительный вклад в стабилизацию политической обстановки и постепенную модернизацию общественных отношений в регионе. Укрепление российской власти способствовало упорядочению налоговой системы, развитию торговли и началу формирования новых экономических связей, что в дальнейшем стало основой для социально-экономических преобразований.

Политическая волатильность Кокандского ханства в 1850–1870-х годах усугубила кризис. Регулярные смещения правителей, борьба за власть между знатными родами и влиятельными военачальниками ослабляли авторитет центрального управления. В глазах простого народа ханы превращались в марионеток привилегированной элиты, заботившейся лишь о собственных интересах. В этих условиях усиливалось влияние народных предводителей, выражавших чаяния и надежды народа. Одним из наиболее ярких из них стал Исхак Асан уулу (Полот-хан), чей образ в народной памяти символизировал сопротивление тирании и борьбу за социальную справедливость (Шамшиев, 2021).

Описанные социально-политические причины создавали благодатную почву для народных выступлений в Кокандском ханстве. На фоне усиления политической нестабильности и межэтнических противоречий население искало возможности выразить протест и найти лидеров, способных отстоять интересы простых людей. Исторические источники конца XIX века наглядно подтверждают эти процессы и показывают конкретные события и реакции ханской власти на возникающее недовольство.

Так, «Туркестанские ведомости» (17 января 1884 г., №3, с. 10-11) и записи М. Михайлова («Поход в Коканд, 1875 г.») дают живую картину положения Кокандского ханства в преддверии народных выступлений. Они показывают, как Худояр-хан, стремясь удержать власть одновременно сталкивался с внутренними противоречиями, ростом недовольства среди различных социальных и этнических групп и необходимостью лавировать между интересами местных партий и кочевого населения (Туркестанские ведомости, 1884: 10-11).

М. Михайлов отмечает что, «в первое время после основания ханства, господствующим народом в Коканде были узбеки-кипчаки; из их-же среды вышли и первые ханы, недружелюбно относившиеся к сартам, как к народу покоренному, но с течением времени ханский род, постоянно окруженный сартами, утратил свой резкий тюркский тип и принял все сартовские обычаи. Узбеки лишились затем всякого политического значения и первенствующие должности в ханстве остались за сартами» (Михайлов, 1884). Перераспределение власти между узбеками-кипчаками и сартами может быть охарактеризовано как важный этап эволюции политической структуры ханства. Данный процесс свидетельствует о взаимосвязи этнического фактора с социально-политическими реалиями, которые способствовали возникновению предпосылок для дальнейших восстаний.

Далее так называемый «закон Васика» (или *васик-наме*) в Кокандском ханстве представлял собой правовой документ, регулирующий имущественные, земельные и налоговые отношения между различными социальными субъектами – частными лицами, государственными структурами, а также между феодалами и зависимыми крестьянами. Термин «васик» (от араб. *فقيشو* – *wasīqah*, «документ», «договор», «акт») восходит к мусульманской правовой традиции и использовался в качестве обозначения письменных договоров, фиксирующих имущественно-правовые обязательства сторон (Бабаджанов, 2010: 289). В административно-правовой практике Кокандского ханства васик-наме применялись для оформления купли-продажи, аренды, дарения, завещания, передачи земельных участков, а также для закрепления налоговых повинностей. Юридическая сила васиков обеспечивалась процедурой их оформления в судебных канцеляриях (кади-хана), при обязательном участии свидетелей и удостоверении печатью кади, что придавало им официальный характер и легитимность со стороны ханской администрации.

Как отмечает Ш. Вохидов «в 1873 году Худояр-хан издал указ под названием «васика барабар» или «махрум мерос» (в переводе – «лишённые наследства») (Вахидов, 2014: 27). Суть этого указа заключалась в том, что Худояр-хан, достигнув сорокапятилетнего возраста, объявил недействительными ранее выданные васики (имущественно-правовые документы) и, присвоив часть наследственного имущества подданных, изъяс его в свою пользу. Народ выступил против такого несправедливого закона. Улемы, осмелившиеся выразить протест, подверглись наказанию. Указ был распространён также на Коканд, Маргилан, Андижан, Ош и Наманган. В том же году началось восстание муллы Исхак-хана, сына Хасанбая, которого кыргызы провозгласили ханом под именем Пулат-хан, подняв его на борьбу против Худояр-хана» (ИВ АН РУз. Инв. № 11108. Л. 1586-159а).

Из вышесказанного следует отметить, что в социально-экономическом плане институт васика играл двоякую роль. С одной стороны, он обеспечивал правовую определённость имущественных отношений и служил инструментом фискального контроля со стороны государства. С другой стороны, васики нередко использовались местной знатью и духовенством для закрепления личных привилегий и перераспределения земельных владений в свою пользу. Это, в свою очередь, усиливало социальную стратификацию и противоречия между различными слоями общества, создавая предпосылки для народных движений второй половины XIX века.

Следовательно, «закон Васи́ка» в Кокандском ханстве отражает не только специфику правового регулирования, но и характерные черты социально-экономической политики правителей ханства, направленной на централизацию власти при сохранении традиционной феодальной системы. Его анализ позволяет проследить динамику правовой эволюции общества, стоящего на пересечении норм шариата и адата, а также выявить причины нарастающего социального напряжения, приведшего к народным выступлениям 1873–1876 годов.

Исследование этих документов позволяет сформулировать ряд важных выводов. Прежде всего, показания М. Михайлова ясно отражают изменчивость и непоследовательность политики Худояр-хана, который фактически проводил внутреннюю политику, основанную на произволе, тяжёлых налогах и притеснении простого населения. На этом фоне политика России в Средней Азии выглядела как фактор стабилизации и справедливости: её вмешательство способствовало прекращению междоусобиц, ослаблению феодального гнёта и постепенному утверждению законности и порядка.

В результате проводимая Россией политика в условиях сложной геополитической обстановки оказала заметное влияние на процессы модернизации общественных отношений, развитие торговли и ремесленного производства, а также на обеспечение относительной безопасности и социальной устойчивости региона. Кроме того, значимым является замечание исследователя относительно этнических и политических распрей, терзавших государство. Противостояние между узбеками-кипчаками и сартами, частые смещения правителей, а также казни и преследования представителей разных родов и племен свидетельствуют о том, что внутренняя борьба была закономерным следствием непрочной структуры власти и неэффективной системы управления.

Помимо растущего социального неравенства, значительный вклад в развитие народной неудовлетворённости вносил институт дарханства – своего рода система сословных льгот. В Кокандском ханстве, подобно другим феодальным образованиям Средней Азии, статус дархана давал определённым лицам освобождение от уплаты налогов, выполнения обязательных работ и преследования по закону благодаря специальным указам правителя. Такими преимуществами обладали приближенные к трону люди, представители религиозного мира, крупные помещики и военные лидеры (НА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 4. Л. 17-20). Следовательно, финансовое бремя в обществе было распределено весьма несправедливо: дарханы наслаждались многочисленными благами, а основной груз налогов приходился на крестьян, мастеров и кочевые племена. Усугубляющееся неравенство в обществе вызывало недовольство среди обычных людей, ослабляло веру в силу правителей и провоцировало волнения. Гордость дарханов – представителей привилегированных слоёв – воспринималась как воплощение социального произвола и угнетения, что послужило одной из главных причин народного сопротивления в 1870-е годы.

Итак, в конце статьи следует отметить, что история Кокандского ханства середины XIX века – это история постепенного угасания централизованной власти, разложения политической системы и усиления народного протеста. Внутренние противоречия, усиленные борьбой за власть между различными группировками – кипчаками, сартами и представителями родовой знати, – подорвали устойчивость государства и вызвали глубокий социальный кризис. Политическая нестабильность, произвол чиновников и рост налогового гнёта, отражённые как в архивных документах, так и в устных преданиях народов Ферганской долины, создали атмосферу всеобщего недовольства и отчуждения населения от власти.

5. Заключение

Формирование социально-политических предпосылок народных движений 1870-х годов в Кокандском ханстве началось ещё в 1840-е годы, когда процессы централизации ханской власти вступили в противоречие с традиционными структурами самоуправления. Попытки ханской администрации укрепить контроль над регионами сопровождалась ростом бюрократического аппарата, произвольным сбором налогов и ограничением автономии местных общин, что вызвало системное недовольство среди широких слоёв населения.

Этнополитическая структура ханства, основанная на делении населения на группы сартий и илатий, отражала глубокие социально-экономические и культурные различия между оседлым и кочевым населением. Неравномерное распределение земельных и налоговых обязанностей, дискриминация кочевников и отсутствие у них политического представительства усиливали чувство отчуждения и несправедливости, превращая этносоциальные противоречия в источник политической дестабилизации.

Борьба между элитарными группировками – сартами, кипчаками, кыргызами и мингами – способствовала ослаблению центральной власти и постепенному разрушению патримониальной системы правления. Злоупотребления фаворитов хана, произвол администрации и зависимость правителей от военных лидеров (в частности, Мусулманкула и Алимкула) подорвали легитимность власти, усилили внутренние распри и дезорганизовали управление. Это, в свою очередь, стимулировало рост антикокандских и антифеодальных настроений среди народных масс.

Роль отдельных исторических личностей, таких как Мусулманкул и Алымбек датка, демонстрирует двойственность процессов того времени. С одной стороны, их деятельность отражала стремление к укреплению порядка и централизации; с другой – их методы и политические амбиции приводили к росту репрессий, ослаблению доверия к власти и усилению межэтнических конфликтов. Гибель Алымбека датка символизировала окончательный разрыв между ханом и кыргызской знатью, что стало прологом массовых восстаний.

Влияние Российской империи на развитие Кокандского ханства носило в целом стабилизирующий и цивилизационный характер. Усиление российского присутствия в регионе способствовало постепенному ослаблению феодального деспотизма, ограничению произвола знати и введению более рациональных форм управления. Благодаря контактам с Российской империей началось внедрение элементов новой хозяйственной культуры, развитие торговли, совершенствование налоговой системы и укрепление правовых институтов. Российская политика в Средней Азии способствовала переходу региона на путь модернизации, культурного обмена и постепенного включения в более широкие экономические и политические связи. Тем самым действия России объективно подготовили почву для ликвидации архаичных феодальных порядков и формирования новых общественных отношений, основанных на законности и административной упорядоченности.

Литература

- Бабабеков, 1990** – Бабабеков Х.Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII-XIX вв.). Ташкент, 1990. 117 с.
- Бабаджанов, 2010** – Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент, 2010. 744 с.
- Бейсембиев, 1987** – Бейсембиев Т.К. «Тарих-и-Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. 200 с.
- Вохидов, 2014** – Вохидов Ш. Қўқон хонлиги тарихи (хонлик тарихи – манбаларда). Тошкент, 2014. 1492 б.
- Гуревич, 1979** – Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979. 253 с.
- Джамгерчинов, 1959** – Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во соц. эк. лит., 1959. 435 с.
- ИБ АН РУз. Инв. № 11108** – Мулла Азиз бин Мулла Мухаммад-Риза Маргинани. Тарихи Азизи [История Азизи]. Рукопись. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, Инв. № 11108.
- ИБ АН РУз. Инв. № 1314** – Мирзо Олим ибн Домла Мирзо Рахим Тошкандий. Ансоби-с-салатин ва тавориху-л-хавокин [Родословие султанов и хроники ханов]. Рукопись. Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, Инв. № 1314.
- Кененсариев, 1997** – Кененсариев Т. Кыргыздар жана Кокон хандыгы. Ош: Ошский государственный университет, 1997. 64 б.
- Кененсариев, 2009** – Кененсариев Т. Кыргызстандын XIX кылымдын 50 – 70-жылдарындагы саясий өнүгүүсү. Бишкек, 2009. 392 б.
- Мирзо Олим Махдум Хожид, 2008** – Мирзо Олим Махдум Хожид. Тарих-и Туркестан. Тошкент: Янги аср авлоди, 2008. 242 б.
- Михайлов, 1884** – Михайлов М. Поход в Коканд, 1875 г. (Из записок артиллериста) // *Туркестанские ведомости*. №3. 17 января, 1884.
- НА РУз** – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Наливкин, 1886** – Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1886. 215 с.
- Павлов, Рабинович, 1936** – Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание (1875–1876 гг.) // *Борьба классов*. 1936. № 4. С. 47-65.
- Петровский, 1873** – Петровский Н.Ф. Очерки Коканского ханства // *Туркестанский сборник*. Санкт-Петербург, 1873. Т.76. С.1-19.
- Плоских, 1977** – Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977. 368 с.
- Усенбаев, 1960** – Усенбаев К.У. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе: Киргосиздат, 1960. 190 с.
- Хасанов, 1961** – Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х годах XIX века. Фрунзе: Учпедгиз, 1961. 183 с.
- Хасанов, 1977** – Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М: Наука, 1977. 93 с.
- Шамшиев, 2021** – Шамшиев А. 76 лет, уроженец села Орозбеково Кадамжайского района, представитель рода Исхака Асан уулу. Запись беседы. 2021 г. Личный архив.
- Schuyler, 1876** – Schuyler E. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. Vol. 2. New York, 1876.

References

- [Bababekov, 1990](#) – Bababekov, Kh.N. (1990). Narodnye dvizheniya v Kokandskom khanstve i ikh sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie predposylki (XVIII-XIX vv.) [Popular movements in the Kokand Khanate and their socio-economic and political prerequisites (18th–19th centuries)]. Tashkent. 117 p. [in Russian]
- [Babadzhanov, 2010](#) – Babadzhanov, B.M. (2010). Kokandskoe khanstvo: vlast', politika, religiia [The Kokand khanate: power, politics, religion]. Tashkent, 744 p. [in Russian]
- [Beysembiev, 1987](#) – Beysembiev, T.K. (1987). “Tarikh-i-Shahrukhi” kak istoricheskiy istochnik [“Tarikh-i-Shahrukhi” as a historical source]. Alma-Ata: Nauka. 200 p. [in Russian]
- [Dzhamgerchinov, 1959](#) – Dzhamgerchinov, B.D. (1959). Prisoedinenie Kirgizii k Rossii [Annexation of Kyrgyzstan to Russia]. M.: Izd-vo sots. ek. lit., 435 p. [in Russian]
- [Gurevich, 1979](#) – Gurevich, B.P. (1979). Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v. [International relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th centuries]. Moscow, 253 p. [in Russian]
- [IV AN RUz. Inv. № 11108](#) – Mulla Aziz bin Mulla Muhammad-Riza Marginani. Tarikhi Azizi [History of Azizi]. Rukopis'. Institut vostokovedeniya im. Abu Rayhana Beruni Akademii nauk Respubliki Uzbekistan, Inv. № 11108. [in Turkish]
- [IV AN RUz. Inv. № 1314](#) – Mirzo Olim ibn Domla Mirzo Rahim Toshkandiy. Ansobu-s-salatin va tavorikhu-l-khavokin [Rodoslovie sultanov i khroniki khanov] [Ansobu-s-salatin va tavorikhu-l-khavokin – Genealogy of the Sultans and Chronicles of the Khans]. Rukopis'. Institut vostokovedeniya im. Abu Rayhana Beruni Akademii nauk Respubliki Uzbekistan, Inv. № 1314. [in Turkish]
- [Kenensariyev, 2009](#) – Kenensariyev, T. (2009). Kyrgyzstandyn XIX kylymdyn 50-70-zhyldaryndagy sayasy onuguusu [Political development of Kyrgyzstan in the 1850s–1870s]. Bishkek, 392 p. [in Kyrgyz]
- [Kenensariyev, 1997](#) – Kenensariyev, T. (1997). Kyrgyzdar zhana Kokon khandygy [The Kyrgyz and the Kokand khanate]. Osh: Osh MU. 64 p. [in Kyrgyz]
- [Khasanov, 1961](#) – Khasanov, A.Kh. (1961). Vzaimootnosheniya kirgizov s Kokandskim khanstvom i Rossiei v 50-70-kh godakh XIX veka [Relations of the Kyrgyz with the Kokand Khanate and Russia in the 1850s–1870s]. Frunze: Uchpedgiz. 183 p. [in Russian]
- [Khasanov, 1977](#) – Khasanov, A.Kh. (1977). Narodnye dvizheniya v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva [Popular movements in Kyrgyzstan during the Kokand Khanate]. M.: Nauka. 93 p. [in Russian]
- [Mikhailov, 1884](#) – Mikhailov, M. (1884). Pokhod v Kokand, 1875 g. (Iz zapisok artillerista) [Campaign to Kokand, 1875 (From the notes of an artilleryman)]. *Turkestanskije vedomosti*. 3. 17 January. [in Russian]
- [Mirzo Olim Mahdum Khoji, 2008](#) – Mirzo Olim Mahdum Khoji (2008). Tarikh-i Turkestan [History of Turkestan]. Toshkent: Yangi asr avlodi, 242 p. [in Uzbek]
- [NA RUz](#) – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].
- [Nalivkin, 1886](#) – Nalivkin, V. (1886). Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva [Brief history of the Kokand Khanate]. Kazan: Tip. Imperatorskogo Universiteta. 215 p. [in Russian]
- [Pavlov, Rabinovich, 1936](#) – Pavlov, S., Rabinovich, M. (1936). Kokandskoe vosstanie (1875–1876 gg.) [The Kokand uprising (1875–1876)]. *Bor'ba klassov*. 4: 47–65. [in Russian]
- [Petrovsky, 1873](#) – Petrovsky, N.F. (1873). Ocherki Kokanskogo khanstva [Essays on the Kokand Khanate]. *Turkestanskiy sbornik*. SPb. 76: 1–19. [in Russian]
- [Ploskikh, 1977](#) – Ploskikh, V.M. (1977). Kirgizy i Kokandskoe khanstvo [The Kyrgyz and the Kokand Khanate]. Frunze: Ilim. 368 p. [in Russian]
- [Schuyler, 1876](#) – Schuyler, E. (1876). Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja [Travel notes on Russian Turkistan, Kokand, Bukhara, and Kuldja]. Vol. 2. New York.
- [Shamshiev, 2021](#) – Shamshiev, A. (2021). 76 let, urozhnec sela Orozbekovo Kadamzhajskogo rajona, predstavitel' roda Ishaka Asan uulu. Zapis' besedy. Lichnyj arhiv. [in Russian]
- [Usenbaev, 1960](#) – Usenbaev, K.U. (1960). Prisoedinenie Yuzhnoy Kirgizii k Rossii [Annexation of Southern Kyrgyzstan to Russia]. Frunze: Kirgosizdat. 190 p. [in Russian]
- [Vohidov, 2014](#) – Vohidov, Sh. (2014). Qo'qon xonligi tarixi (xonlik tarixi – manbalarda) [History of the Kokand Khanate (in sources)]. Toshkent, 1492 p. [in Uzbek]

Социально-политические предпосылки народных движений в Кокандском ханстве в 1870-е годы

Фарида Турганбаевна Байтова ^{a, *}, Жээнбек Байыскулович Алымбаев ^b,
Элида Анарбековна Толобаева ^c

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: baitova_farida@mail.ru (Ф.Т. Байтова), jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Ж.Б. Алымбаев), tolobaeva_elida@mail.ru (Э.А. Толобаева)

^a Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта им. Б.Т. Турусбекова, Бишкек, Кыргызская Республика

^b Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. В представленной статье авторы рассматривают социально-политические предпосылки народных выступлений 70-х годов XIX века в Кокандском ханстве, связывая их с внутренним кризисом ханской власти, ослаблением государственных институтов и нарастанием противоречий между различными социальными слоями общества. Усиление фискального давления, произвол местных наместников, коррупция в административной системе, а также неравномерное распределение налогового бремени привели к углублению социального неравенства и росту недовольства среди земледельцев, ремесленников и кочевых сообществ. Особое внимание уделяется влиянию внешнеполитических факторов, прежде всего российскому присутствию в регионе, которое во многом способствовало стабилизации обстановки. Российская администрация стремилась установить более чёткую систему управления, упорядочить налоговый сбор и ограничить произвол местных властей, что создало предпосылки для формирования новых, более устойчивых форм общественной организации и хозяйственной деятельности. Анализ архивных документов, донесений русских чиновников, устных исторических источников и записей местных хронистов позволяет утверждать, что вмешательство Российской империи сыграло значительную роль в прекращении междоусобных конфликтов, укреплении социальной стабильности и формировании предпосылок для постепенной модернизации общественных отношений. В данном контексте народные движения 1870-х годов рассматриваются не только как проявление внутреннего кризиса Кокандского ханства, но и как историческая закономерность, обусловившая включение региона в более широкое и относительно стабильное политико-экономическое пространство Российской империи. Это, в свою очередь, стало важным этапом в процессе интеграции Ферганской долины в общероссийскую систему управления и хозяйственного развития, что впоследствии предопределило трансформацию социальных структур и изменение политического ландшафта региона.

Ключевые слова: Российская империя, Кокандское ханство, Ферганская долина, народные движения, исторические источники, кыргызское население, политическая нестабильность, социальное неравенство, междоусобица, самоуправление.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 883-891
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.883

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Problem of Marriage and Family among Kazakhs in the Works of Russian Researchers of the XIX century

Kuralai B. Baudiyarova ^a, Gulzhan A. Meirmanova ^a, Meruyert K. Yegizbayeva ^{a, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the problem of marriage and family among the Kazakhs as reflected in the works of pre-revolutionary Russian researchers of the nineteenth century. Particular attention is paid to the studies of A. Alektorov, N. Grodekov, L. Ballyuzek, G. Zagryazhsky, and V. Tronov, in which the characteristics of family and marital relations, traditional norms of family law, and the social institutions of Kazakh society were recorded. These studies considered the institution of marriage as an ethnographic phenomenon and as an element of social regulation that was of interest for the administrative practice of the imperial period. These works also form an important basis for the modern historiographical analysis of the problem of marriage and family among the Kazakhs.

Researchers sought to document the specific features of marital customs, family institutions, and their connection with traditional law. Attention was given to issues such as the bride price (*kalym*), marriage agreements, the role of clan relations, and the position of women within the family. These observations often had a dual character: on the one hand, they recorded rich ethnographic material; on the other, they reflected a colonial perspective that sought to compare Kazakh practices with Russian legal norms. Russian researchers noted that marital relations among the Kazakhs were closely connected with economic and social factors: marriage was regarded not only as a union between two individuals but also as a means of strengthening clan ties and economic interests. The family functioned as a key institution for preserving traditions, transmitting property, and raising children. The works also documented conflicts arising in cases of divorce, inheritance, and violations of marriage agreements.

Thus, nineteenth-century studies provide valuable insight into how Kazakh marital and family relations were perceived and interpreted within the context of imperial scholarship. At the same time, they serve both as a source of ethnographic data and as a reflection of the ideological attitudes of the era, which makes them an important resource for the modern analysis of Kazakhstan's cultural heritage and legal traditions. In conclusion, the significance of pre-revolutionary studies is emphasized as a foundation for contemporary historiographical analysis of the problem of marriage and family among the Kazakhs.

Keywords: marriage and family of the Kazakhs, ethnographic research, customary law, *kalym* (bride price), family institutions, pre-revolutionary studies, social regulation, historical ethnography, imperial period, historiography.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX века Российская империя последовательно интересовалась изучением казахского общества. Представители имперской администрации и научного сообщества осуществляли комплексные исследования, направленные на анализ социальной структуры, семейно-родственных связей и брачных практик. В научный оборот были введены

* Corresponding author

E-mail addresses: egyzeavamk@gmail.com (M.K. Egyzbeava)

значимые этнографические материалы, фиксирующие специфику традиционных правовых норм, семейно-брачных обрядов, калыма и внутрисемейных отношений.

При этом собранные сведения имели не только академическую ценность, но и прикладное значение, они использовались для совершенствования колониальной административной практики, способствуя формированию системы контроля и регулирования общественных процессов в степных регионах. Таким образом, труды чиновников и этнографов имперского периода представляют собой важный историко-этнографический источник, требующий анализа и переосмысления.

В современном научном пространстве обращение к этим материалам позволяет глубже осмыслить историко-социальные изменения казахского общества, выявить преемственность между традиционной правовой системой и современными институтами права. Изучение эволюции семьи и брака способствует сохранению национальных ценностей и укреплению исторического сознания подрастающего поколения.

2. Материалы и методы

В представленной статье использован широкий круг источников и научных подходов, направленных на раскрытие семейно-брачных отношений казахского народа. В качестве основных источников исследования рассмотрены письменные отчеты, исторические очерки российских исследователей, военных чиновников конца XIX – нач. XX века (А.Е. Алекторова, Н.И. Гродекова, Л.Ф. Баллюзек, Г.С. Загряжский, В.Д. Тронева). В процессе исследования для наиболее полного раскрытия представленной темы были использованы историко-этнографический, хронологический, сравнительный и системный метод. Историко-этнографический анализ предполагает рассмотрение дореволюционных источников в политико-экономических и социальных аспектах. Применение хронологического подхода позволило при изучении трудов исследователей сохранить последовательность их публикаций, а также структурировать материалы по отдельным тематическим направлениям. Сравнительный метод позволяет анализировать сходства и различия в исследованиях. Системный метод, в свою очередь, обеспечивает классификацию и упорядочивание широкого круга источников, что способствует комплексному осмыслению исследуемой проблемы.

3. Обсуждение

В дореволюционный период появились труды исследователей, которые собирали сведения о семейно-брачных отношениях казахского народа и давали им научное описание. Большинство авторов были военными или чиновниками Российской империи, направленными в степные регионы для управления и изучения местного населения. В их трудах семья и брак рассматривались как ключевые институты, через которые можно понять социальную организацию казахского общества: калым, многожёнство, развод, наследование, роль старших в принятии решений. Исследователи фиксировали «обычное право» и традиции для того, чтобы встроить их в систему управления империи. Это придавало их работам двойственный характер с одной стороны, ценнейшие этнографические сведения, с другой – инструмент колониальной политики. Несмотря на субъективность, их труды стали основой для последующих исследований казахской семьи и брака. Советские этнографы и историки активно использовали эти материалы как первоисточники.

В результате вопросы брака и семьи казахского народа в XIX–XX веках стали объектом исследования этнографов. Прежде всего русский историк, этнограф, востоковед, чиновник и инспектор народных школ Оренбургского края и степных областей А.Е. Алекторов в своих трудах всесторонне проанализировал обычаи заключения брака и свадебные традиции казахов. В его исследованиях подробно рассматриваются брачные обряды и ритуалы, место и значение калыма, его размер, порядок совершения брачного договора, свадебное торжество, а также положение невесты в семье (Алекторов, 1893: 18).

Генерал, военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродеков уделил внимание вопросам брака и семьи, описав свадебные обычаи, процедуры заключения брака, размеры калыма, случаи нарушения брачной верности, разводы, институт левирата, а также внутрисемейные отношения. Ценность его труда заключается в том, что автор приводит достоверные этнографические сведения, собранные в полевых условиях. На материале южных регионов Перовского, Аулиеатинского и Шымкентского уездов он анализирует влияние социальной неравномерности на размер калыма и виды подарков, преподносимых на разных этапах брачного процесса. Приводя ответы респондентов, исследователь характеризует состав калыма, свадебные обряды и особенности казахского быта. Данное исследование внесло значительный вклад в дальнейшее изучение истории и этнографии народов Средней Азии (Гродеков, 1889: 77).

Военный губернатор Тургайской области Л. Ф. Баллюзек в своих трудах описал основы казахского обычного права и нормы «адат». Основными темами исследования стали правовые нормы, внутрисемейные отношения и вопросы наследования. Работа состоит из девяти разделов, из которых второй посвящён особенностям казахского брака, обрядам сватовства, видам и порядку уплаты калыма, проблеме похищения невесты, расторжению брачных договоров и причинам разводов. Особенность труда заключается в объективном анализе правил «закона степи». В нём также

подробно рассмотрены судебные процедуры, меры наказания, нормы порядка и уголовные дела, связанные с обычным правом ([Баллюзек, 1873: 45](#)).

Исследователь Центральной Азии и Казахстана, начальник Токмакского и Перовского уездов Г.С. Загряжеский внёс значительный вклад в этнографическое изучение Туркестанского региона. В его трудах рассматриваются казахские обычные нормы, брачные отношения, правила уплаты калыма, вопросы расторжения брака и развода, внутрисемейные отношения и воспитание детей. Автор уделяет внимание правовым нормам, судебным процедурам, уголовным делам, клятве и штрафам, анализируя их в соответствии с действующими правовыми традициями. Особенность работы заключается в системной классификации разделов и предоставлении широкого этнографического материала по конкретным пунктам ([Загряжеский, 1876: 151](#)).

Этнограф, специалист в области обычного права казахов, военный юрист В.Д. Тронов анализировал юридическую сторону семейных отношений, брачные контракты. Проведя глубокий анализ брачных обрядов, состава калыма, обряда проводов невесты (узату той), вопросов приданого и наследования, автор останавливается на каждом из этих аспектов отдельно ([Тронов, 1891: 71](#)).

О. Шкапский в своих исследованиях опирался на законы адат, обычаи и традиции Центральной Азии, касающиеся положения женщин, внутрисемейных отношений и заключения брака ([Шкапский, 1896: 21](#)).

А.И. Добросмыслов в своей работе анализирует судебные процедуры, нормы и порядок разрешения споров в традиционном обществе. Он рассматривает брачные нормы, заключение брака, внутрисемейные отношения, положения женщины, семейные споры в суде ([Добросмыслов, 1904: 42](#)).

Проблемы брака и семьи отражены в трудах первых казахских исследователей А. Диваева и И. Алтынсарина. И. Алтынсарин, анализируя брачные обряды в Оренбургском крае, даёт этнографическое описание таких традиций, как сватовство, выплата калыма, заключение брака, проводы невесты и проведение свадебного торжества ([Алтынсарин, 1870: 101](#)).

А. Диваев посвятил свои исследования описанию свадебных обрядов казахов Сырдарьинской области. В его трудах рассматриваются сватовство, калым, обычаи урын бару (тайное посещение женихом невесты до свадьбы), брачные ритуалы, неке кию (совершение брачного обряда) и организация свадебного торжества. Особая этнографическая ценность работы заключается в том, что исследователь впервые зафиксировал на бумаге исполнение свадебной песни «Жар-жар» ([Диваев, 1900: 3](#)).

Указанные труды нашли отражение в последующих исследованиях. Н. Малышев, Л.А. Словохотов, А.И. Добросмыслов и А.И. Мякутин широко использовали их в своих научных работах. Так, Н. Малышев изучал социальную жизнь и быт казахов, уделяя внимание власти мужчины в семье, составу семьи, многожёнству и институту левирата ([Малышев, 1902: 8](#)). Л.А. Словохотов подробно рассмотрел нормы обычного права, брачные ритуалы, сватовство и порядок уплаты калыма ([Словохотов, 1905: 83](#)). А.И. Мякутин проанализировал структуру казахской семьи, обряд заключения брака и положение женщины в обществе ([Мякутин, 1910: 23](#)). С.А. Фукс в своих трудах рассмотрел казахское обычное право, брачные нормы, вопросы развода, институт левирата и систему калыма ([Фукс, 1981: 56](#)). Эти исследования существенно дополнили этнографические сведения о браке и семье.

После установления советской власти появились работы Б. Куфтина, Ф. Фиельструп и И.Д. Старынкевича. Многие статьи были посвящены роли женщины в семье и внутрисемейным отношениям. В данных исследованиях использованы материалы, ранее опубликованные в XIX веке. В этнологическом очерке Б. Куфтин описал культуру и быт казахов, семью и положение женщины в обществе ([Куфтин, 1926: 10](#)). И.Д. Старынкевич исследовал формы заключения брака у казахов, киргизов, туркмен и сибирских тюрков, предложив глубокие теоретические выводы ([Старынкевич, 1930: 215](#)). Исследователь казахской этнографии Ф.А. Фиельструп в своей работе анализировал свадебные обычаи, обряд «кыз узату» (проводы невесты), обряд «беташар» (открытие лица невесты) и ритуалы заключения брака ([Фиельструп, 2002: 14](#)).

Особое значение имеет исследование Х.А. Аргынбаева, одного из ведущих отечественных этнографов. Он изучил все направления традиционной этнографии казахов материальную, хозяйственную, духовную культуру, а также брачно-семейные отношения. Его труд охватывает весь Казахстан до и после Октябрьской революции и представляет собой первое комплексное исследование, где подробно описаны формы семьи и брака, различные семейные и брачные отношения, обряды сватовства, уплаты калыма, дарения приданого, а также современные трансформации казахской семьи и брака ([Аргынбаев, 1973: 22](#)).

Н.А. Кисляков исследовал историю брака и семьи у народов Средней Азии. В его трудах проводится сравнительный анализ семейных обычаев и традиций казахов, киргизов, туркмен и других тюркских народов, включая сватовство, обряд кыз узату (провод невесты), обряд введения невесты в дом и свадебные торжества ([Кисляков, 1969: 21](#)).

4. Результаты

В трудах этнографов и историков XIX века казахские брачные и семейные традиции описывались преимущественно как патриархальные и традиционные. Этот процесс мог начинаться

ещё в младенческом возрасте ребёнка. В отдельных случаях двое друзей, желая увековечить свою дружбу, договаривались о браке своих детей (Баллюзек, 1873: 68). Казахский брачный институт в XIX веке был тесно связан с практикой уплаты калыма, который рассматривался как главный условный элемент заключения брака. Все исследователи отмечают, что калым должен быть полностью выплачен до вступления в брак. Само вступление в брак происходило после достижения брачными сторонами совершеннолетия, которое определялось в среднем с 13–15 лет (Алекторов, 1893: 18). По данным Н.И. Гродекова, в Перовском уезде женились в возрасте 12–15 лет, в Казалинском уезде встречались браки даже в 9–12 лет, а в Шымкентском уезде возрастной диапазон составлял примерно 20–25 лет (Гродеков, 1889: 55).

После сватовства жених отдавал выкуп невесты. Калым выплачивался отцу или родственникам невесты (Загряжеский, 1876: 155). Т. Тронов фиксировал, что в среднем браки заключались в возрасте 17–20 лет, при этом состоятельные могли жениться уже в 14 лет, а испытывающие затруднения при уплате калыма в 30–35 лет (Тронов, 1891: 71). Согласно брачным нормам, казахи не имели права вступать в брак с представителями иной религии, жених также не мог жениться без согласия отца (Загряжеский, 1876: 155). Перед заключением брака он подыскивал подходящую семью для сватовства. Для этого отец жениха или доверенное лицо отправлялись в аул невесты. В ходе обряда накрывался дастархан, хозяин дома просил гостей дать бата (благословение) на заклание барана, что символизировало согласие сторон. Сваты угощались дастарханом, им преподносили «куйрык-бауыр» (символ доверия и крепких связей), который служил неоспоримым доказательством заключённого союза. На следующий день отец и родственники невесты вручали «киит» (подарки), масштаб которых зависел от их материального положения: от целых табунов лошадей и верблюдов до простого шапана или бешпента. С этого момента начиналась выплата калыма (Алекторов, 1893: 20).

По наблюдениям А. Алекторова, калым исчислялся условной единицей жиырма (двадцать), включавшей определённое количество скота: жеребая кобыла и четыре жеребца (всего двенадцать голов), четырёх двухлетних жеребят, двух жеребят и двух трёхлетних коней – всего двадцать голов. Аналогично считались коровы и овцы: шестьдесят овец приравнивались к «жиырма» (двадцать). Две лошади и две верблюдицы или четыре атана также составляли «жиырма». Средняя стоимость такой единицы оценивалась в 150 рублей. При этом для казахов важным было не только количество, но и вид скота, что определяло состав калыма (Алекторов, 1893: 20).

Н.И. Гродеков и Л.Ф. Баллюзек отмечали, что размер калыма зависел от социального статуса семьи. Калым представлял собой количество скота, передаваемого родителям или опекунам невесты. При этом от вдовца, вступающего в повторный брак, требовался более высокий калым, чем от юноши, женившегося впервые. Н.И. Гродеков фиксировал различия в размерах калыма по уездам, что отражало региональные особенности. Материалы по Перовскому уезду подтверждают, что калым являлся отражением социальной структуры казахского общества конца XIX – начала XX вв. Его состав и объём варьировались в зависимости от имущественного статуса, при этом сохранялась единая обрядово-правовая основа (Гродеков, 1889: 77).

Н.И. Гродеков отмечает, что в настоящее время указанные структурные элементы калыма в значительной степени утрачены. В тех случаях, когда они сохраняются, «бас жаксы» (хорошее начало) возвращается отцом невесты в форме киита (подарок). В Перовском уезде размер калыма составлял двадцать семь саулык (27 овец). Существовала также разновидность калыма «домалак калым» (округленный калым), под которым понималась общая сумма выплачиваемого скота или денежных средств. Тоймал и ілу в эту сумму не включались (Гродеков, 1889: 78). У зажиточных казахов структура калыма сохранялась, но объём выплат был сокращён. В бедных семьях наблюдается упрощение калыма: вместо крупных имущественных выплат допускались денежные и натуральные формы, а отдельные элементы могли отсутствовать. Гибкость традиционного права позволяла адаптировать брачные отношения к экономическим условиям, сохраняя при этом обрядово-правовую основу института калыма (Гродеков, 1889: 83).

Стороны (кудалар) не заключают специального соглашения относительно размера тоймала, его величина определяется социальным положением жениха до вступления в брак. По сведениям Н. Гродекова, отец жениха предоставляет в качестве подарков (киит) предметы престижного характера: молодняк и скот (лошадей, верблюдов), ковры, шубы, чапаны, рубахи и т.д. Кроме того, дарится головной убор невесты сәукеле и свадебный платок красного цвета (желек), который носится в течение года (Гродеков, 1889: 68).

По сведениям Л.Ф. Баллюзека, в казахском брачном праве выделялись следующие виды калыма:

Бас жаксы. В состав «бас жаксы» входили четыре престижных предмета: качественное оружие, доспехи (для защиты от барымты), породистый скакун, победитель нескольких скачек, верблюдов, удобный для кочёвок. Стоимость каждого предмета приравнивалась к пяти головам крупного рогатого скота, то есть за весь комплект выплачивалось 20 голов скота (известных как «жиырма»). Данная форма калыма сохранялась преимущественно в Тургайской и Уральской областях.

Кара мал. «Кара мал» составлял основную имущественную часть калыма. Его объём варьировался от одной до пяти «жиырма», а в отдельных случаях достигал шести-семи «жиырма».

В Тургайской области размер «кара мал» для зажиточных семей составлял 47 голов скота, для семей среднего достатка 37 голов, что отражало социальную дифференциацию выплат.

Ілу. «Ілу» представлял собой часть калыма, выплачиваемую при первом визите жениха к невесте урын келу. По традиционным нормам такой визит разрешался после достижения невестой 14-летнего возраста. Размер «ілу» колебался от 30 до 80 голов лошадей, а в некоторых случаях до 10 верблюдов. Эта выплата имела символическое и материальное значение, закрепляя брачные обязательства сторон.

Тоймалы скот, передаваемый в день свадебного торжества некеге туру. Размер тоймалы варьировался от 20 до 70 лошадей. В день свадьбы жених, помимо выплаты тоймала, обеспечивал материал для покрытия юрты кииз, что являлось обязательным элементом свадебной подготовки.

Сұтақы – дар матери невесты, представлявший собой 1–7 верблюдов. Данная выплата имела символическое значение, признавая вклад матери в воспитание дочери и закрепляя социальные связи между родами.

Жігіт түйе, калын түйе – выплата, включавшая два верблюда. Этот элемент калыма рассматривался как престижный дар и подчеркивал статус брачного союза. Кәде – подарки, которые жених преподносил родственникам невесты. Традиционная формула «калынсыз кыз болмайды, кәдесіз күйеу болмайды» отражала обязательный характер взаимных даров в процессе заключения брака. Бала калын, упрощённая форма калыма, применявшаяся в зависимости от имущественного положения сторон. В этом случае размер калыма уменьшался на 5, 10 или 15 голов скота по сравнению с классическими нормами (47 или 37 голов). Дөңгелек калын минимальная форма калыма, состоявшая из 10 голов крупного рогатого скота и применявшаяся преимущественно в бедных семьях. Согласно данным Л. Баллюзека, общий объём калыма варьировался: для зажиточных семей 100–150 голов скота, для семей среднего достатка 75–100 голов, при бала калын 20–40 голов, при дөңгелек калын 10 голов (Баллюзек, 1873: 75).

Система семейно-брачных отношений регулировалась строгими правовыми нормами. Невыплата калыма лишала жениха права на заключение брака. Если невеста похищалась до завершения выплат, к сумме калыма добавлялся штраф (аттон айып). В случае, когда калым был выплачен, но родители невесты задерживали брак, штраф не взыскивался, однако жених имел право требовать только приданое. Нарушение брачных договорённостей влекло имущественную ответственность. При отказе жениха от помолвки задаток каргы бау не возвращался. Если же от помолвки отказывались родители невесты, помимо возврата задатка взыскивался штраф. После ритуала куйрык-бауыр и официального отказа жениха он обязан был компенсировать все расходы на подготовку брака. В случае похищения замужней женщины виновный обязан был возместить ущерб её супругу, возвращались скот и имущество (түйе, ат, огиз) в размере трёх тогызов, что отражало материальную и правовую ответственность за нарушение семейных отношений (Баллюзек, 1873: 84).

Обычаи, связанные с внезапной смертью жениха или невесты. Если невеста умирает, родители девушки вместо неё дают другую дочь, а если дочери нет, возвращают калым (Загряжеский, 1876: 89). Если жених успел совершить «урын бару» тайно посетить невесту при её жизни, то за её сестру к калыму добавляется «түйе бастаған тогыз» (девятка, начинающаяся с верблюда). Если жених отказывается жениться на сестре, калым не возвращается. Если родители невесты после её смерти отказываются дать другую дочь, они добавляют к калыму ещё одну «девятку». Если жених полностью выплатил калым до свадьбы, а невеста умерла, родители девушки вместо калыма дают её приданое. В случае смерти жениха эти правила также соблюдаются. Если у умершего жениха есть брат, то если он холост дают одну лошадь, если женат «түйе бастаған тогыз». Если братьев или младших нет, родители невесты возвращают калым. Если жених успел выплатить калым полностью до свадьбы, приданое невесты отправляется родителям жениха, и там один из родственников женится на ней (Баллюзек, 1873: 88).

После того как половина калыма выплачена, жених впервые идёт к невесте. Перед этим отец устраивает праздник, благословляет сына и отправляет его в путь. Этот обычай называется «урын бару» тайное посещение невесты без ведома её родителей (Алекторов, 1893: 66). Жениха наряжают в дорогую одежду, сажают на коня с красивой серебряной сбруей. На голову надевают украшенный тюбетейку или тымак, лицо должно быть скрыто. До свадьбы жених не должен попадаться на глаза старшим. Его сопровождают друзья. В первый визит он приносит «жыртыс», «кызкашар», «ілу». Женщины, выбежавшие навстречу, получают «ентикпе». Привязавшей коня женщине, дают «атбайлар». Организующая встречу женге получает «женгейлик». «Жыртыс» включает: *кыз құшақтар, шаш сипатар, қол ұстатар, төсек салар, шымылдық байлар*. «Кызкашар» увоз девушки в соседний аул, за что дарят серебряный слиток. Все эти обряды жених обязан выполнить. Женщины говорят: «Ат өлсе де, кәде олмейди» (Лошадь может умереть, но обряд не исчезает) или «Калынсыз кыз болады, кәдесіз болмайды» (Без калыма может быть девушка, но без обряда нет) (Гродеков, 1889: 71).

Когда жених приезжает в аул невесты, братья девушки смотрят на «ілу» принесённый скот (40–50 лошадей). Если их не устраивает, жениха не пускают в аул и отправляют обратно. Недалеко от аула ставят шатёр, где женщины встречают жениха. При встрече он кланяется, совершает обряд с

огнём: «От ана, май ана жарылка» (Мать-огонь, мать-масло, благослови). Его ведут в шатёр с ковром и постелью, где он раздаёт «кәде» женщинам. Старший друг распределяет подарки. Среди друзей есть певцы и шутники. «Ұрын келу» продолжается до свадьбы (Тронов, 1891: 76).

До свадьбы в доме отца невесты проводится праздник, называемый коспа той. В этот день ставится новая юрта, которая считается частью приданого невесты (Алекторов, 1893: 28). В это время совершается обряд «отау жабар». За закрытие юрты женщины получают особый дар «отау жабар кәдесі». При закрытии тундика они бросают внутрь шейный позвонок барана, что символизирует пожелание: «Пусть из тундика выйдет огонь, но дом не будет задымлён». На «мойынтастар кәдесі» дарят барана (Гродеков, 1889: 85).

В день свадьбы невеста, увидев свою юрту, прощается с родственниками, исполняя обрядовую песню сынсу. В это время юноши её аула окружают невесту, а друзья жениха пытаются её «отнять». Откупиться от них можно только подарками. В Младшем и Среднем жузе невесту усаживают на ковер и водят по аулу для прощания, в Старшем жузе она сама обходит родных (Алекторов, 1893: 40).

Обряд неке кию религиозное заключение брака. Для этого приглашается мулла. По сведениям А. Алекторова, разводится большой костёр, вокруг которого раскладываются платки и ткани. Мулла усаживает молодых в центр, берёт сосуд с водой из рук отца жениха, накрывает его и читает молитву. Затем он спрашивает согласие присутствующих и даёт молодым трижды отпить воду. Иногда в воду кладут стрелу с привязанным конским волосом, связанным с именами молодых, или бумагу с молитвой. В обряде участвуют минимум два свидетеля. Само неке кияр означает публичное объявление брака. По данным Н.И. Гродекова, в Казалинском уезде в чашу с водой кладут серебряное кольцо или серьгу, накрывают белым платком. После чтения Корана супруги пьют «неке суы», остаток передают свидетелям, а платок раздают им (Гродеков, 1889: 80).

Жених дарит мулле подарок за совершение обряда. Тесть вручает жениху последний дар неке акы. В ходе сватовства родителям жениха преподносят «киітке бас жылкы» главную лошадь. Отцу жениха дарят серебряный слиток или 15–20 лошадей, остальным родственникам меньшие дары (Тронов, 1891: 83).

После обряда женщины снимают головной убор невесты и повязывают ей платок, сопровождая это песнями. Жених пытается увезти невесту, женщины сопротивляются, и игра завершается дарением кәде. При входе в юрту одна женщина ложится у порога, получая «кемпір өлді кәдесі». Женгелер просят жениха поднять невесту на постель, но он отказывается, считая это неприличным для мужчины. Тогда сильная женщина поднимает невесту и получает «кыз көтерер кәдесі». На следующий день женгелер снимают «неке жаулык» и требуют вознаграждение (Гродеков, 1889: 80). На следующий день отец невесты впервые приглашает молодых в дом. Жениха не сажают на почётное место, а усаживают у стены, что символизирует связь между двумя родами. Ему подадут «тос» и кладут деньги в блюдо кәде (Алекторов, 1893: 66). При отъезде молодых весь аул собирается. Тесть торжественно вручает приданое, погруженное на верблюдов и лошадей. Невеста прощается с родными песней сынсу и отправляется в путь. В ауле жениха её встречают женщины, покрывают сәукеле вуалью, вводят в юрту и привязывают конец платка к камчи. Стихами представляют её родственникам, наставляют в правилах поведения. После беташар женщины спешат посмотреть приданое. На свадьбе жених раздаёт подарки муше. Главный дар шёлковый халат или конь, преподносимый султану или уважаемому человеку. Остальные дары распределяются между старшими рода. Последний дар кусок шёлка или ткани один из гостей вырывает и уносит на коне, а кто догонит, тот и получает (Алекторов, 1893: 71). На свадьбе ставят две-три юрты, режут баранов, устраивают угощение и национальные игры. После скачек юноши пытаются сорвать покрытие юрты, женщины отбиваются, не подпуская их. Этот обряд называется үй мүшелеу.

В семейных отношениях невестка не называет имён мужа и его родственников. Отца мужа она называет «ата» или «мырза». Братьев и сестёр мужа «төрем», «шырак», «жаркын», «шырайлым», «бикеш». Жена обязана исполнять волю мужа, не имеет права претендовать на имущество мужа и детей. Муж распоряжается имуществом жены по необходимости. Женщина может заниматься торговлей только с разрешения мужа. Мужчины, опасаясь гнева бога, не называли точное число детей и скота (Гродеков, 1889: 73).

5. Заключение

Изучение брака и семьи казахов в трудах русских исследователей XIX века имеет важное историографическое значение. Эти материалы не только фиксируют этнографические детали, но и демонстрируют методологические подходы, характерные для эпохи. Исследователи А. Алекторов, Н. Гродеков, Л. Баллюзек, Г. Загряжского, Т. Тронов и другие стремились систематизировать наблюдения, используя сравнительно-описательный метод, уделяя внимание как ритуальной, так и правовой стороне брачных отношений. Труды указанных этнографов всесторонне описывают брачные обряды и институт семьи казахов. Они рассматривали традиционные нормы не только как этнографический материал, но и как элемент социально-правового регулирования, представляющий интерес для административного управления. Н. Гродеков и Г. Загряжский уделяли особое внимание процессуальным особенностям суда биев, высоко оценивая его принципы справедливости и

примирительного урегулирования споров. В свою очередь, Л. Баллюзек стремился систематизировать данные нормы с административной точки зрения и предпринял попытку их кодификации, определяя сферы их практического применения. А. Алекторов описывал правовые отношения в казахской степи преимущественно в широком историко-этнографическом контексте, выступая в роли внешнего наблюдателя. Т. Тронов более глубоко обращался к уголовно-правовым аспектам, в частности к эволюции института выплаты куна. Данные исследования отражают особенности научного пространства своего времени, в настоящее время остаются ценным источником для изучения историко-культурного развития казахского общества и эволюции семейных институтов.

Литература

- Алекторов, 1893** – Алекторов А. Очерки Внутренней Киргизской орды // *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. 1893. С. 18-49.
- Алтынсарин, 1870** – Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского вedomства // *Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. 1870. Вып. 1. С. 101-122.
- Аргынбаев, 1973** – Аргынбаев Х. Казах халкындагы семья мен неке (Семья и брак у казахов). Алма-Ата: Ғылым, 1973. 288 с.
- Баллюзек, 1873** – Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи имевшие, а отчасти ныне имеющие малой киргизской орде силу закона // *Туркестанский Сборник*. Т.76. 1873. С. 45-167.
- Гродеков, 1889** – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырь-Даринской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. Глава VI. 298 с.
- Диваев, 1900** – Диваев А. О свадебном ритуале киргизов Сырдарьинской области // *Записки Императорского Казанского Университета*. 1900. С. 1-27.
- Добросмыслов, 1904** – Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904. 105 с.
- Загряжеский, 1876** – Загряжеский Г.С. Юридический обычай киргизов о различных родах состояний им присвоенных // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Вып. 4. СПб, 1876. С. 151-202.
- Кирпиченко, Нарыжная, 2012** – Кирпиченко Т.В., Нарыжная С.М. Н.И. Гродеков и его научный труд «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» // *Библиосфера*. 2012. № 2. С. 15-22.
- Кисляков, 1969** – Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 239 с.
- Куфтин, 1926** – Куфтин Б.А. Киргиз-казахи. Культура и быт: этнологический очерк. М., 1926. С. 10-11.
- Мальшев, 1902** – Мальшев Н. Обычное семейное право киргиз. Ярославль, 1902. 104 с.
- Мякутин, 1910** – Мякутин А.И. Юридический быт киргизов. Оренбург, 1910. 180 с.
- Словохотов, 1905** – Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург, 1905. 156 с.
- Старынкевич, 1930** – Старынкевич И.Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии // *Музей антропологии и этнографии АН СССР*. Л., 1930. Т. 9. С. 215-235.
- Сураганова, 2009** – Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана, 2009. 192 с.
- Тронов, 1891** – Тронов Т. Обычаи и обычное право киргиз // *Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии*. Т. XVII. Вып. II. СПб, 1891. С. 71-86.
- Фиельструп, 2002** – Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 307 с.
- Фукс, 1981** – Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX в. Алматы, 1981. 224 с.
- Шкапский, 1896** – Шкапский О. Положение женщины у кочевников Средней Азии // *Среднеазиатский вестник*. Ташкент, 1896. № 6–7. С. 17-27.

References

- Alektorov, 1893** – Alektorov, A. (1893). Ocherki Vnutrennei Kirgizskoi ordy [Essays on the Inner Kirghiz horde]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Pp. 18-49. [in Russian]
- Altynsarin, 1870** – Altynsarin, I. (1870). Ocherk obychaev pri svatovstve i svad'be u kirgizov Orenburgskogo vedomstva [An essay on matchmaking and wedding customs among the Kirghiz of the Orenburg department]. *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1: 101-122. [in Russian]
- Argynbaev, 1973** – Argynbaev, Kh. (1973). Kazak khalkyndaгы sem'ya men neke (Sem'ya i brak u kazakhov) [Family and marriage among the Kazakhs (Kazakhs)]. Alma-Ata: Fylym. 288 p. [in Kazakh]

- Ballyuzek, 1873** – *Ballyuzek, L.F.* (1873). Narodnye obychai imevshie, a otchasti nyne imeyushchie maloi kirgizskoi orde silu zakona [Folk customs that had, and partly still have, the force of law in the minor Kirghiz horde]. *Turkestanskii Sbornik*. 76: 45-167. [in Russian]
- Divaev, 1900** – *Divaev, A.* (1900). O svadebnom rituale kirgizov Syrdar'inskoi oblasti [On the wedding ritual of the Kirghiz of the Syr-Darya region]. *Zapiski Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta*. Pp. 1-27. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1904** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1904). Sud u kirgiz Turgaiskoi oblasti v XVIII i XIX vekakh [Court among the Kirghiz of the Turgai Region in the 18th and 19th centuries]. Kazan'. 105 p. [in Russian]
- Fiel'strup, 2002** – *Fiel'strup, F.A.* (2002). Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka [From the ritual life of the Kyrgyz at the beginning of the 20th century]. M.: Nauka. 307 p. [in Russian]
- Fuks, 1981** – *Fuks, S.L.* (1918). Obychnoe pravo kazakhov v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Customary Law of the Kazakhs in the 18th – first half of the 19th centuries]. Almaty. 224 p. [in Russian]
- Grodekov, 1889** – *Grodekov, N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr'-Darinskoi oblasti [Kirghiz and Karakirghiz of the Syr-Darya Region]. T. 1. Yuridicheskii byt. Tashkent. Glava VI. 298 p. [in Russian]
- Kirpichenko, Naryzhnaya, 2012** – *Kirpichenko, T.V., Naryzhnaya, S.M.* (2012). N.I. Grodekov i ego nauchnyi trud «Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti» [Grodekov and his scientific work “Kirghiz and Kara-Kirghiz of the Syr-Darya region”]. *Bibliosfera*. 2: 15-22. [in Russian]
- Kislyakov, 1969** – *Kislyakov, N.A.* (1969). Ocherki po istorii sem'i i braka u narodov Srednei Azii i Kazakhstana [Essays on the history of family and marriage among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. L.: Nauka. 239 p. [in Russian]
- Kuftin, 1926** – *Kuftin, B.A.* (1926). Kirgiz-kazakhi. Kul'tura i byt: etnologicheskii ocherk [Kirghiz-Kazakhs. Culture and life: ethnological essay]. M. Pp. 10-11. [in Russian]
- Malyshev, 1902** – *Malyshev, N.* (1902). Obychnoe semeinoe pravo kirgiz [Customary family law of the Kirghiz]. Yaroslavl'. 104 p. [in Russian]
- Myakutin, 1910** – *Myakutin, A.I.* (1910). Yuridicheskii byt kirgizov [Legal life of the Kirghiz]. Orenburg. 180 p. [in Russian]
- Shkapskii, 1896** – *Shkapskii, O.* (1896). Polozhenie zhenshchiny u kočevnikov Srednei Azii [The position of women among the nomads of Central Asia]. *Sredneaziatskii vestnik*. Tashkent. № 6–7. Pp. 17-27. [in Russian]
- Slovokhotov, 1905** – *Slovokhotov, L.A.* (1905). Narodnyi sud obychnogo prava kirgiz Maloi Ordyy [People's court of customary law of the Kirghiz of the little horde]. Orenburg. 156 p. [in Russian]
- Starynkevich, 1930** – *Starynkevich, I.D.* (1930). Formy zaklyucheniya braka u turetskikh plemen Sibiri i u kočevnikov Srednei Azii [Forms of marriage among the Turkish tribes of Siberia and the Nomads of Central Asia]. *Muzei antropologii i etnografii AN SSSR*. L. T. 9. Pp. 215-235. [in Russian]
- Suraganova, 2009** – *Suraganova, Z.K.* (2009). Obmen darami v kazakhskoi traditsionnoi kul'ture [Gift exchange in Kazakh traditional culture]. Astana. 192 p. [in Russian]
- Tronov, 1891** – *Tronov, T.* (1891). Obychai i obychnoe pravo kirgiz [Customs and customary law of the Kirghiz]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. T. XVII. Vyp. II. SPb. Pp. 71-86. [in Russian]
- Zagryazheskii, 1876** – *Zagryazheskii, G.S.* (1876). Yuridicheskii obychai kirgizov o razlichnykh rodakh sostoyanii im prisvoennykh [The Legal custom of the Kirghiz concerning the various social statuses assigned to them]. *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja*. Vyp. 4. SPb. Pp. 151-202. [in Russian]

Проблема брака и семьи казахов в трудах русских исследователей XIX века

Куралай Батырбековна Баудиярова ^a, Гулжан Асановна Мейрманова ^a,
Меруерт Карпыковна Егизбаева ^{a, *}

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется проблема брака и семьи казахов в трудах дореволюционных российских исследователей XIX века. Особое внимание уделяется работам А. Алекторовой, Н.И. Гродекова, Л.Ф. Баллюзека, Г. Загряжского и В. Тронова, в которых зафиксированы особенности семейно-брачных отношений, традиционных норм семейного права и социальных институтов казахского общества. Исследования рассматривали институт брака как этнографический феномен в качестве элемента социального регулирования, представляющий интерес для административной практики имперского периода. современного историографического анализа проблемы брака и семьи казахов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: egyzbavamk@gmail.com (М.К. Егизбаева)

Исследователи стремились зафиксировать особенности брачных обычаев, институтов семьи и их связь с традиционным правом. Особое внимание уделялось вопросам калыма, брачных договоров, роли родовых связей и положения женщины в семье. Эти наблюдения часто носили двойственный характер: с одной стороны, они фиксировали богатый этнографический материал, с другой отражали колониальный взгляд, стремившийся сопоставить казахские практики с российскими правовыми нормами.

Русские исследователи отмечали, что брачные отношения у казахов были тесно связаны с экономическими и социальными факторами: брак рассматривался не только как союз двух индивидов, но и как средство укрепления родовых связей и хозяйственных интересов. Семья выступала ключевым институтом сохранения традиций, передачи имущества и воспитания детей. В трудах фиксировались также конфликты, возникавшие при разводах, наследовании и нарушении брачных договоров.

Таким образом, исследования XIX века дают ценное представление о том, как брачно-семейные отношения казахов воспринимались и интерпретировались в контексте имперской науки. Они одновременно служат источником этнографических данных и отражением идеологических установок эпохи, что делает их важным материалом для современного анализа культурного наследия и правовых традиций Казахстана. В заключении подчёркивается значение дореволюционных исследований как основы для современного историографического анализа проблемы брака и семьи казахов.

Ключевые слова: брак и семья казахов, этнографические исследования, обычное право, калым, семейные институты, дореволюционные исследования, историческая этнография, имперский период, историография, социальное регулирование.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 892-907
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.892

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



From Christmas to Maslenitsa. Urban Festive Daily Life in Orenburg at the turn of the 19th and 20th centuries, based on the Orenburg Press

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}

^a Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract

The article examines the evolution of the festive daily life of Orenburg residents in the last quarter of the 19th century and the first decade of the 20th century. The object of the study is the daily life of residents of a provincial city at the turn of the century, and the subject is festive daily life as a special form of leisure daily life. The source base is the regional press of the specified period, which acts as a "collective diary" for the city's residents, recording both the key events of urban life and the opinions of the citizens regarding these events.

An analysis of available sources allows us to conclude that the festive events held in various Russian cities during the period from Christmas to Maslenitsa were relatively standard. These include biblical plays, mummers, divination, sleigh rides, Christmas tree celebrations, balls and masquerades, circus and theater performances, and concerts. The festive daily life of Orenburg residents was transformed by the gradual displacement of folk forms of celebration with more Europeanized, intellectually and aesthetically oriented forms, in the same way as it happened in other provincial cities at the turn of the century. Festive events became more corporate and club-like, were combined with various charitable initiatives, and became increasingly diverse.

At the same time, festive daily life was quite closely connected with the social composition of the urban population. For example, the significant presence of military classes in Orenburg, including officers, soldiers, Cossacks, and others, introduced elements of combat training and foot drill into the celebrations and made popular, for example, such a winter pastime as "the capture of the snow fortress." A significant percentage of the population employed in the service sector (modistes, seamstresses, maids, lackeys, etc.), working for the city's bureaucratic and military aristocracy, contributed to the emergence and chronological stability of the phenomenon known as the "lackeys' ball". The presence of a large number of Asian merchants in the city (representatives of Khiva, Bukhara, Kokand, Tashkent, etc.) influenced the masquerade costumes of the Orenburg dandies, who copied the details of their national clothing.

Keywords: daily life, city, holiday, Christmas, Maslenitsa, Orenburg, late 19th – early 20th centuries.

1. Введение

Феномен праздничного достаточно часто противопоставляется категории повседневного, поскольку исключает такие компоненты, как ежедневность, будничность, рутинность, обычность. Однако в ситуации, когда праздник приобретает периодический, повторяющийся характер и переживается человеком на протяжении жизни значительное число раз, он приобретает свойства привычности, стандартизированности, стереотипности. Именно поэтому основные зимние праздники – Рождество и Масленица – и устойчивые для какой-либо локации традиции их переживания могут восприниматься как некий хронотоп, специфический мир повседневности, подразумевающий характерную для данного места и времени повторяющуюся коммуникативную ситуацию.

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya)

Время от Рождества до Масленицы, насыщенное традиционными вариантами социальной коммуникации, коллективных практик определяло как предметную составляющую бытия (праздничное пространство, подарки и т. д.), так и поведенческую (гостевание, балы, гуляния и пр.), а также особое состояние сознания (эмоции, мысли). Данные обстоятельства позволяют рассматривать указанный временной период как особую разновидность повседневности – повседневность праздничную. Перечисленные структуры повседневности воспроизводили специфическую культурную идентичность горожан, обеспечивали групповую коммуникацию через общие поведенческие практики, демонстрировали некую внутреннюю сущность социума, подчеркивали непрерывность жизненных циклов поколений.

2. Материалы и методы

Рождество и Масленица были наиболее крупными, народными зимними праздниками, обладавшими собственными ритуалами и привычными формами их проживания. Действия, совершаемые горожанами в конце декабря – феврале, находили отражение на страницах региональной прессы, подробно фиксирующий весь ход городской жизни. В газетах фиксировались не только происходящие события, но и планы организаторов, и впечатления публики, и рассуждения журналистов, и отзывы участников событий. В основном источниками послужили раздел «Хроника» и публикуемые в газетах объявления и реклама. Были использованы такие оренбургские печатные средства массовой информации, как «Оренбургский листок» и «Оренбургская газета» – наиболее массовые издания, имевшие еженедельный или ежедневный характер.

Методология исследования опирается на метод конкретных ситуаций (кейс-метод), основанный на анализе частных случаев, нашедших отражение на страницах оренбургской прессы. Особенностью использования данного метода является изучение не только зафиксированных исторических фактов, но и контекста событий, тесно связанного со спецификой места и времени их проявления. В этой связи был дополнительно использован такой источник, как данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., позволяющий уточнить объективные особенности оренбургского социума.

Целью исследования является конструирование и анализ праздничной городской повседневности на рубеже XIX–XX вв. в провинциальном Оренбурге. Практики празднования Рождества, Нового года и Масленицы, с одной стороны, включали в себя элементы традиционной праздничной культуры, но с другой – трансформировались под влиянием внешних обстоятельств, экономических, социальных и культурных факторов жизни. В этом проявлялся своеобразный дуализм праздничной повседневности, являющийся маркером жизненного мира провинциального горожанина конца XIX – начала XX в.

3. Обсуждение

Поскольку существуют десятки исследований, посвященных досуговым практикам горожан в рамках Российской империи в целом, в рамках историографического обзора по теме статьи остановимся лишь на работах, касающихся Урала и Поволжья – регионов, исторически и географически связанных с Оренбургской губернией. Анализ различных вариантов праздничной досуговой повседневности горожан Волго-Уральского региона можно найти как в монографических работах (Зорин и др., 2000; Миненко и др., 2006; Микитюк, Яхно, 2014; Бурлуцкая и др., 2020), так и в научных статьях. В монографиях, как правило, подробно описывались общие черты и особенности городской провинциальной повседневности, включая праздничные традиции и формы досуга. Эти работы позволяют изучить сочетание в провинциальных городах традиционных праздничных обрядов и новых форм досуга, появившихся в период модернизации.

Исследователь провинциальной повседневности городов Вятской губернии И.В. Маслова в ряде публикаций (Маслова, 2010; Маслова, 2013) поднимала тему праздничной повседневности, в том числе в контексте социокультурной среды провинциального города. По мнению автора, в «организации досуга провинциальных горожан проявлялся причудливый альянс народных традиций и забав по европейскому образцу» – с одной стороны, горожане «неукоснительно чтили религиозные обряды» (Маслова, 2013: 29), с другой – проявляли интерес к таким светским развлечениям, как театр, музыкальные вечера, карточные игры и пр.

Основным источником, позволяющим получить материал, касающийся различных вариантов зимнего досуга горожан, является городская пресса. Отражению праздничных городских событий в газетах был посвящен целый ряд научных публикаций (Яхно, 2010; Казакова-Апкаримова, 2018; Яхно, 2019; Кискидосова, 2020). На основе данных городских газет авторы пытались выявить «вектор перемен» в досуговой составляющей городской повседневности. Так, например, О.Н. Яхно (Яхно, 2019) делала акцент на переходе от сословных досуговых практик к объединению «по интересам» в масштабах клубов и общественных организаций, от обычных обывательских развлечений к благотворительным мероприятиям. Е.Ю. Казакова-Апкаримова (Казакова-Апкаримова, 2018) обращала внимание на популяризацию средствами массовой информации новых, «модерных форм досуга» среди горожан.

Таким образом, целый ряд авторов, анализирующих эволюцию городской досуговой повседневности на протяжении второй половины XIX – начала XX в., смогли вычленить направление этих изменений, зафиксированное региональными печатными изданиями. Однако применительно к Оренбургской губернии и губернскому центру аналогичные исследования не проводились, что и обусловило актуальность и научную новизну предлагаемого исследования.

4. Результаты

Излагаемые в рамках статьи ситуации и случаи относятся к довольно продолжительному периоду конца 1870-х – начала 1910-х гг., что позволяет проследить эволюцию праздничной повседневности в Оренбурге на протяжении почти 40 лет, а также выявить какие-то максимально устойчивые компоненты этой повседневности, сохраняющие актуальность на протяжении всего исследуемого периода.

Прежде чем приступить к изложению материала, касающегося обстоятельств и форм бытования горожан Оренбурга в период от Рождества до Масленицы, стоит акцентировать внимание на ряде аспектов, отличающих Оренбург от других губернских центров Российской империи.

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., городское население Оренбургской губернии составляло примерно 9,5 % от общего числа губернских жителей (ПВПН РИ, 1905: VIII). Население Оренбурга с его 72 425 жителями составляло 13 % от общего числа проживающих в Оренбургском уезде (ПВПН РИ, 1905: VIII). Таким образом, губерния была аграрной, населенной преимущественно сельским населением. Процент грамотных оренбуржцев составлял чуть более 41 % (ПВПН РИ, 1905: 1), что может считаться весьма высоким показателем, примерно соответствующим средней грамотности городского населения России в 45 % (Рашин, 1956: 297).

Местными в Оренбурге были 32 955 человек (ПВПН РИ, 1905: 2), т.е. 45,5 % горожан. Более половины оренбуржцев, таким образом, происходили из других уездов Оренбургской губернии, других губерний и даже других государств. Большое число иногороднего, пришлого населения, неизбежно сказывалось на культурной идентичности жителей города, воплощавших в своем поведении культурные привычки «родных» мест, способствовало образованию культурной маргинальности существенной части горожан.

Сословный состав населения Оренбурга включал в себя 8 % дворян, 1,4 % священнослужителей, 1,2 % купцов, 55 % мещан, 25,7 % крестьян, 5,7 % войсковых казаков и 0,5 % инородцев, 0,7 % иностранцев (представителей Австро-Венгрии, Германии, Хивинского и Бухарского ханств и других государств (ПВПН РИ, 1905: 26)), и 1,8 % остальных сословий (ПВПН РИ, 1905: 2-3). Значительный процент представителей «городских» сословий в составе оренбуржцев, вкупе с довольно высоким уровнем грамотности горожан, очевидно влиял на их приверженность интеллектуальным и эстетичным формам проведения праздничного досуга.

В то же время, присутствие в составе горожан более 30 % сельских сословий также должно было накладывать отпечаток на формы проживания праздничной повседневности. Данное обстоятельство усугублялось многоэтничностью и поликонфессиональностью оренбуржцев, из которых лишь 75,7 % (ПВПН РИ, 1905: 3) были православными, а оставшаяся четверть населения представляла собой смесь из мусульман, старообрядцев, иудеев, католиков, протестантов и представителей иных религий. Таким образом, праздничная повседневность жителей Оренбурга должна была отличаться максимальной пестротой и разнообразием.

Наиболее распространенными вариантами занятости населения в Оренбурге были: работа частной прислугой и поденщиками (3 970 чел. – 5,5 % горожан), служба в вооруженных силах (2 728 чел. – 3,8 %), занятие земледелием (1 593 чел. – 2,2 %), изготовление одежды (1 351 чел. – 1,9 %) и строительные / ремонтные работы (1 296 чел. – 1,8 %) (ПВПН РИ, 1905: 108-109). Присутствие в городе значительного числа земледельцев, военных и представителей сферы услуг неизбежно должно было стать причиной включения в городскую праздничную повседневность элементов военного и крестьянского быта, а также специфической «окологородской» повседневности модисток, горничных и пр., воспроизводящей в искаженном виде повседневность их хозяек и заказчиц.

Горожане до 20 лет насчитывали 41,7 % оренбуржцев, 20–40 лет – 33,2 %, 40–60 лет – 17,7 %. Оставшиеся 7,4 % приходились на людей старше 60 лет (22 мужчин и 35 женщин из этого числа перешагнули 90-летний юбилей!) (ПВПН РИ, 1905: 6-7). Таким образом, население города было довольно молодым, состоящим из людей активного возраста, с удовольствием участвующих в разнообразных праздничных мероприятиях.

В целом комплекс праздничных развлечений в Оренбурге на рубеже XIX–XX столетий был довольно стандартным. Об аналогичных традиционных зимних мероприятиях в Екатеринбурге писала, к примеру, О.Н. Яхно: «Несколько недель от Рождества до Крещения были заполнены балами, театральными спектаклями, визитами, маскарадами, гуляниями и т. д.» (Яхно, 2010: 150), «репертуар зимних городских праздников сложился, обычным стал и их сценарий» (Яхно, 2010: 154).

Наиболее традиционными, народными были святочные развлечения в крестьянской и казачьей среде. Присутствие в составе оренбургского городского общества значительного числа крестьян (более 25 % в 1897 г.) и казаков (5,7 % в 1897 г.), делало их зимние забавы общими городскими

увеселениями. Александр Иванович Кривощёков — краевед, педагог, исследователь казачьего быта, собиравший архивные материалы и записывавший рассказы старожилов, в «Вестнике Оренбургского учебного округа» за 1915 г. описал, к примеру, Святки в среде оренбургских казаков. Отсутствие полевых работ и избыток свободного времени делало Святки самым веселым временем года, сезоном пирушек и подготовки к свадьбам. С первых дней Рождества начиналось хождение «людей семейных» по гостям, молодежь устраивала вечеринки и маскарады. Наряжались «казаками» (в полную форму), киргизами, киргизками, татарами, татарками, цыганами» и ходили с песнями и плясками от одной вечеринки к другой. Набор масок, таким образом, отражал специфический этно-социальный состав населения города. Причем себя такие «маскирующиеся» называли не ряжеными, а «слушальщиками». Вместо масок они иногда использовали «вырезанные из толстой сахарной бумаги и разрисованные углем» «страшные рожи», носовые платки, кисею, вязанные салфетки или просто мазали лица сажей. Хозяева посещаемых домов должны были при этом угадать каждого замаскированного (Кривощёков, 1915: 194).

Оренбургский автор, описывая рождественские празднества 1877 года, сообщал, что в первые несколько дней после Рождества «мы еще с утра будем делать и принимать визиты; вечером сегодня [25 декабря – авт.] пойдем на лакейский бал, издавна установившийся в общественном и коммерческом клубе для удовольствия прислуги, ... [...] Далее, начесавши язычок во время визитаний, мы ... пойдем поочередно отплясывать в наших клубах, для разнообразия заглянем в театр, потом будем принимать “ряженных”, которые подобно мотыльку, разъезжая по городу, летят на огонек». Прием «ряженных», конечно, подогревал любопытство узнать под маской свою знакомую или знакомого. Однако «посещения замаскированных, в большинстве молчаливых, редко остроумно костюмированных, более пляшущих, нежели разговаривающих, и плохо интригующих» (Барбачев, 1877: 1), большого интереса, особенно у городской аристократии, не вызывали. Авторы монографии, посвященной различным аспектам городского быта дореволюционного Поволжья, отмечали, что в городах святочное ряженье «рассматривалось как одна из главных и самых любимых святочных забав “простонародья”, “низшего класса” – мещан, мелких купцов и части чиновников» (Зорин и др., 2000: 157-158).

Несмотря на то, что даже в 1896 г. ряженые были привычным явлением на городских улицах и «во многих домах были принимаемы радушно как забавники и танцоры» (Хроника, 1896а: 2), автор фельетона 1877 г. констатировал, что «год от году ряды этих странствующих масок редеют», а «путешествующие со звездой и представляющие на дому “царя Максимилиана” совершенно исчезли». Эти представления сохранялись «на импровизированных солдатских сценах в казармах и доставляют великое удовольствие простонародной публике, любительнице подобных зрелищ» (Барбачев, 1877: 2).

В основе сюжета рождественской народной пьесы «Царь Максимилиан» лежал конфликт между жестоким царем Максимилианом, поклоняющимся идолам, и его сыном Адольфом (или Адонисом), который тайно принял христианскую веру и отказывался от нее отречься. Вероятно, жители города все же постепенно обособливались от традиционной крестьянской культуры, тяготеющей к подобным представлениям.

Как отмечал оренбургский фельетонист, рождественские торжества обычно начинались «самым христианским образом» с *визита славильщиков*: «- “Прикажете прославить”? ... Этим вопросом, в особенности в “среднем кругу” сегодня многие были разбужены. За ним, не ожидая ответа, вопрошавший затягивал “Христос рождается, славите”...». Затем наставала пора детских елок и гаданий. «Далее – балы, маскарады, ряженье в “чертовые хари” и в конце концов купанье в крещенской проруби с целью смыть священными водами Иордана маскарадную греховность» (Барбачев, 1877: 1). В итоге период от Рождества до Крещения вмещал в себя как православные традиции, так и языческие ритуалы.

Перечисляемые журналистом местные «святочные удовольствия» включали в себя также разнообразные гадания – литье в снег растопленного воска и олова, гадание по комям снега и пр. Последняя «чара» заключалась в том, что с улицы приносили ком снега и рассматривали его на предмет наличия в нем волоса, цвет которого и должен был определить цвет волос будущего суженого или суженой. Упоминались также гадание «в зеркало, в уединенной комнате, при двух свечах, без креста на шее; беганье на перекресток с целью спросить первого встречного или встречную об имени». Можно было сбегать в домашнюю баню и, выставив через оконную раму наружу спину, ожидать: погладит ли ее кто-то в мохнатой рукавице или огреет нагайкой; первый случай предсказывал супруга «нрава ласкового и кроткого, а второй – резкого и крутого». Можно было также налить в таз воды, оклеить его края билетиками с женскими или мужскими именами, взмутить воду и, пустив лодочку из скорлупы грецкого ореха с зажженным огарком восковой свечки, узнать имя будущих невесты или жениха, написанное на загоревшемся билетике (Барбачев, 1877: 2).

О традиционных вариантах святочных гаданий писал и Кривощёков. По его словам, гадать можно было «петухом и курицей» (по взаимодействию птиц между собой и их интересу к воде и зерну предсказывали характер будущей семейной жизни), литьем в воду воска или сырого яйца (по форме вылитого определяли грядущее), «зеркалом по месяцу» (по числу отражений луны в зеркальце

определяли будущее число детей и число душ в семье мужа), «лазаньем в дугу» (девушка, которая с завязанными глазами пролезала в поставленную в снег дугу, не уронив ее, должна была вскоре выйти замуж), бросанием валенок через ворота, «бастриком», «хлебом», «камнями», «тараканами» и пр. (Кривощёков, 1915: 195-201). Именно канун Нового года и крещенский Сочельник казаки считали особенно удачным для гадания временем, хотя ворожба происходила почти каждый вечер в течение всех Святков. А. Н. Зорин и его соавторы отмечали, что гаданиями занимались люди любого пола и возраста, холостые, семейные и даже вдовы. Гадания были распространены «во всех слоях городского общества, в одиночку и компаниями, во время вечеринок, вперемешку с другими забавами и в виде особого действия» (Зорин и др., 2000: 164).

Ряженые, славильщики, гадающие – этот комплекс святочных увеселений горожан, по мнению авторов одного из исследований (с которыми следует согласиться), был абсолютно идентичен аналогичным сельским забавам и может быть отнесен к «традиционным». Присутствие этого комплекса в городской повседневности «ясно свидетельствует о неразрывной связи праздничного быта горожан с русской этнической традицией» (Зорин и др., 2000: 170-171). В то же время, в городах, помимо указанных народных вариантов организации праздничного досуга, существовали и другие, более сложные формы досуговой повседневности – балы, маскарады, елки, посещение театров и музыкальных представлений и пр.

Зимние праздники оренбургская публика проводила весьма оживленно. По словам фельетонистов, «самый канун нового года, праздник чисто семейный, привлекает в залы [общественного – Е.Б.] собрания целые сотни семейных людей, желающих во что бы то ни стало похоронить старый и встретить новый год в обществе» (Nemo, 1876a: 1). К началу XX в. репертуар праздничных мероприятий немного изменился. Праздничные развлечения в 1904 г., как писала оренбургская пресса, «имели клубный и театральный характер: елки, вечера и спектакли, в училищах, в домах, в собраниях и в театрах – городском и народного дома. Была елка для учащихся и в залах городской управы с чтением и пением детей» (Хроника, 1904b: 2). Таким образом, происходила постепенная эволюция праздничных традиций – от массовых народных ритуалов, включающих в себя гостевание, прием славильщиков и ряженых, «чары и гадания», представители оренбургского городского социума переходили к более «цивилизованным» и корпоративным вариантам праздничного отдыха, предполагающим интеллектуальный культурный досуг (спектакли) и благотворительные мероприятия.

Насыщенность и частота рождественско-новогодних торжеств, в первую очередь, зависели от «характера» года – в период неурожая или эпидемий накал празднеств естественным образом снижался, зато в добрые годы оренбургская публика с удовольствием погружалась в праздничную суету. Так, например, 1891 год был встречен в городе очень тихо. «Общественные классы городского населения словно кризис какой-то переживают и веселились с оглядкой. Даже простой народ ликовал как будто меньше прежнего...» (Хроника, 1891: 3). Журналисты констатировали, что «оживление последует не раньше урожая», поскольку успехи оренбургской экономики максимально зависели от благополучия земледелия и скотоводства. К сожалению, год оказался неурожайным, что привело к продовольственному кризису 1891–1892 гг. А вот празднование Рождественских Святков в 1899 г. должно было пройти, по мнению оренбургских журналистов, «веселее, чем в прошлом году, благодаря удовлетворительному хозяйственному положению края» (Хроника, 1899c: 3).

В январе 1896 г. журналист «Оренбургского листка» констатировал, что «Праздничные увеселения в этом сезоне выдавались из ряда прежних годов». «Отдохнувший после бедствий неурожая народ веселился, как умел». Особенно популярными оказались елки, которые устраивались даже в приютах, солдатских казармах и в больницах. Елки в учебных заведениях сопровождалась разнообразными развлекательными программами. Так, например, в 1-м Кадетском корпусе выступил оркестр самих кадетов, а обучающиеся исполнили «характерные танцы» - лезгинку и гопака (Хроника, 1896a: 2). Разнообразные варианты проведения детских елок наши отражение на страницах одной из монографий автора статьи (Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024: 85-94).

В то же время, автор заметки называл елки «национально немецким праздничным развлечением», удивлялся обилию «молодого фойника» [хвойника – авт.] – сосенок и елочек – на городских площадях, а также ценам на эти праздничные деревья, которые достигали 3 рублей только лишь за веточку. «Усиленное предложение указывает на усилившийся спрос» (Хроника, 1896a: 2), – констатировал журналист. Мы же можем сделать вывод о том, что традиция украшения елок к Рождеству или Новому году в Оренбурге даже в конце XIX в. еще не вошла в обывательскую привычку. Однако уже в начале XX столетия елки в декабре стали ходовым товаром. «Оренбургский листок» в 1903 г. писал: «Елок (фойных деревьев) навезено много; сосенками и елью укутаны все свободные места на базарах» (Хроника, 1903: 3).

«Елки вошли здесь в обычай, и теперь где только их не устраивают! – писал журналист «Оренбургского листка» в 1898 г. – Была елка даже для батальонных солдат в казармах. Зелень елки ли сосенки, как символ жизни вечной, одинаково радует взрослых, как восхищает детей. Помпезно устраиваются здесь елки, особенно в кадетских корпусах, в женском институте и благотворительные елки в [общественном – Е.Б.] собрании» (Хроника, 1898a: 3).

Символы праздника, естественно, требовали разнообразных украшений. «Для елки большой выбор бонбоньерок, хлопушек, игрушек и украшений», – сообщал магазин Малышева и К° ([Оренбургский листок, 1876: 1](#)). «В чайном магазине А. Н. Захо получен большой выбор елочных принадлежностей и конфет» ([Оренбургский листок, 1877: 1](#)), – гласило другое объявление. «В лавке Ануфриевой» тоже имелся большой выбор елочных украшений ([Листок..., 1889: 1](#)).

Торговый дом «Павел Ишков с С-ми» в 1908 г. советовал: «Не покупайте нигде елочных украшений, не посмотревши в нашем магазине». Предприниматель обещал более 20 тыс. разнообразных предметов для украшения новогоднего дерева, а также целые коллекции игрушек стоимостью от 3 до 10 руб. и выше. Предлагался большой выбор «хлопушек ударных, сюрпризных и с костюмами, елочная карамелевка в пышной и цветной обертке» и разнообразные пряники ([Оренбургская газета, 1908a: 4](#)).

«Детский мир» Ан. Вейнбаума предлагал «полные наборы» для елок от 1 рубля и бесплатный сюрприз при каждом наборе. Также можно было выбрать разнообразные подарки «для школ и учреждений» от 5 коп., конфетти, серпантин, маски и «усы» ([Оренбургская газета, 1908b: 4](#)). Елочные украшения продавал и магазин А. В. Сачкова. Стоимость коллекций варьировалась от 1 до 10 р. была обещана скидка в 10 %. Кроме того, к каждой коллекции прилагался бесплатный календарь ([Оренбургская газета, 1908c: 6](#)).

«Громадный, изящный выбор елочных украшений» предлагал аптекарский магазин «Помощь», расположенный на Толкучем рынке возле магазина Ишкова. Цены обещались «дешевле всех». Кроме того, покупателям гарантировалась «премия» – детские игрушки, зеркала и пр. ([Оренбургская газета, 1908d: 6](#)).

Не забывали оренбургские предприниматели и о подарках к Рождеству и Новому году. Магазин «Посуда и лампы», открывшийся на Гостинодворской улице (совр. ул. Кирова) рядом с Николаевской аптекой, предлагал к рождественским праздникам новую партию керосиновых ламп – «столовых и висячих, последних фасонов и рисунков», а также другие «изящные вещи» для подарков ([Оренбургская газета, 1910b: 4](#)).

В крещенский Сочельник (вечером и ночью с 5 на 6 января) все рестораны, театры и кинематографы традиционно закрывались. *Крестный ход на Иордань* 6 января по старому стилю (19 января – по новому), которую обыкновенно устраивали напротив губернаторского дома, вызывал большой интерес. Как отмечали журналисты, желающих «принять холодные очистительные ванны от скверны бесовские было много, но, благодаря распорядительности полиции, купанье это не состоялось» ([Хроника, 1889: 2](#)). В 1913 г. 6 января состоялся «Крещенский парад». Во Введенскую церковь, расположенную на берегу Урала, были принесены полковые знамена Ларго-Кагульского полка. По окончании литургии знамена были вынесены из храма и с крестным ходом вынесены на реку. Там же расположились полки Оренбургского гарнизона. При погружении креста в воду был произведен 21 выстрел ([Хроника, 1913: 2](#)).

Излюбленным и новогодним, и масленичным развлечением было *катание на лошадях* по главным городским улицам. По словам автора городской хроники, ежедневно, с 3-4 часов дня «густой и бесконечной вереницей шагом тянулись сани, запряженные красивыми лошадьми и нагруженные разряженными красавицами из слободок» – своеобразная «выставка “выездов” и “закладок”» ([Хроника, 1896a: 2](#)). Сытые рысаки катали своих владельцев и владельцев, изрядно разодетых, по Большой улице (совр. ул. Советская), «на которой от езды снег превратился в бурый песок», а люди победнее, попроще и поскромнее, «отдавая дань суетному обычаю, катались по боковым улицам» ([Хроника, 1898c: 2](#)).

А.И. Кривощёков писал, что практически у всех имущих казаков имелись «городские сани», в которые впрягалась лучшая лошадь. В катаньях принимала участие преимущественно молодежь – «ездила верхом, с гиком и свистом, на всем карьере». Люди средних лет выезжали «редко и большею частью под пьяную руку, компаниею» ([Кривощёков, 1915: 195](#)). Главными участниками катаний на Масленицу были «молодые» (молодожены) и «женихи с невестами» (помолвленные) ([Кривощёков, 1915: 201](#)).

В 1904 г. новогодние катания «на рысаках» были мало востребованы из-за морозов, достигавших -29°R (ниже -36°C) ([Хроника, 1904b: 2](#)). На Масленицу же, когда морозы стихли, катания достигли своего апогея. Наиболее «эффектную картину» представляло катание институток. Десятки саней, запряженных тройками в нарядной сбруе, ездили по улицам цугом, «и любо было глядеть на счастливые личики девиц, нарумяненных свежим воздухом». В каждой саней сидело по 5-6 учениц с дамами. «Были сани даже роскошно отделанные: это любезность богатых родителей и купцов» ([Хроника, 1904c: 4](#)). Практически все авторы, упоминающие о данном виде зимних развлечений, отмечали, что для владельцев лошадей подобные выезды были демонстрацией зажиточности, богатства нарядов и удалы коней.

А.И. Кривощёков подробно описал и такую казачью забаву, как *взятие Снежного городка* на Масленицу. Штурму снежного городка предшествовали другие состязания «военного характера»: скачки и соревнования во владении пашками и пиками, джигитовка, бег в мешках, борьба на гладком горизонтальном бревне и пр. ([Кривощёков, 1915: 204](#)). На Форштадтской площади из снега

строился сужающийся столб высотой в 8–10 аршин (6–7 м.) в диаметре у основания – 4–5 аршин (3–3,5 м.). Стены столба примерно на 2/3 высоты делались абсолютно отвесными, гладкими и ровными. На вершине ставился флаг. Вокруг возводилась стена из снега высотой в 1/2 – 3 аршина. Внутри, за этим валом располагались защитники городка, вооруженные ружьями, заряженными холостыми патронами и старинной медной пушкой. На вершине городка, «обняв древко флага и свесив ноги, сидит сам “турецкий паша”, с обмотанною белым полотенцем шапкою, изображающий чалму, одетый в пестрый бухарский халат» (Кривошёков, 1915: 207–208). Штурмующие на лошадях пытались прорваться через стену.

Затем следовало взобраться на снеговую вышку и вырвать у «паши» знамя. Подниматься по ледяной стене приходилось, подтягиваясь на руках, с помощью тонких заостренных колышек, которые всаживали в затвердевший снег. После взятия большого городка наступала очередь «школьников», сражающихся за аналогичный маленький городок (Кривошёков, 1915: 208–209). По словам журналиста «Оренбургского листка» на Масленицу 1899 г. «... праздный люд веселился, и улицы прогуливающимися были полны. Особенное оживление было ... на форштадтской площади, когда казаки и казачата брали штурмом снеговые городки, а также на льду, на беге скакового общества» (Хроника, 1899b: 2).

И «Крещенский парад», и взятие Снежного городка были явлениями военизированной повседневности Оренбурга. Наличие в городе большого числа солдат, офицеров, казаков, воспитанников военных училищ зачастую придавало городской праздничной жизни ярко выраженный плац-парадный характер.

Однако и гражданские забавы в Оренбурге были весьма востребованы. В Коммерческом собрании в течение января-февраля давались традиционные *маскарады*. Так, в 1892 г. в собрании были назначены на 19 и 26 января – членские маскарады, 2 февраля – семейный вечер с танцами, 9 февраля – костюмированный вечер, 11 февраля – вольный маскарад, 13 февраля – детский вечер, 14 февраля – «блины по подписке» и 15 февраля – членский маскарад. «При блинах» играл оркестр (Оренбургский листок, 1892b: 1). Танцы обычно начинались с 10 часов вечера (Оренбургский листок, 1889: 1).

В первый день 1898 г. в Коммерческом собрании состоялся костюмированный вечер. Танцевали «оживленно и много». Золотыми жетонами были отмечены костюмы: «чертополох» m-lle Федоровой; костюм, изображавший положение современной прессы г-жи Бауэр Большаковой; мужской костюм трюфювого короля «из карт, мелков, щеточек, пашек, бильярда, домино, костей и пр.» К. А. Заранека и костюм «русско-французской пары» Ольги Эдуардовны Эстеррейх (супруги руководителя оренбургского казачьего оркестра Георгия Францевича Эстеррейха) и купца Смочилина (Хроника, 1898b: 3).

На костюмированном вечере в Коммерческом собрании 7 февраля 1899 г. настоящий фурор произвел костюм «реклама» или «пресса». Он состоял «из бумажного фрака и таких же панталонов и составлен был из различных объявлений, преимущественно о подписке на разные журналы и газеты. На голове шапка в виде крыши, в трубу которой вылетает издававшаяся когда-то в Оренбурге “Тургайская Газета”, через плечо две ленты с надписями: на одной “за ненадобностью продается газетная бумага”, а на другой – “электричество в темные ночи гореть не будет”» (Хроника, 1899a: 4).

Аналогичные мероприятия проходили и в Общественном собрании. Маскарад 9 февраля 1876 г. собрал неожиданно большое число участников. Женщины допускались на него исключительно в масках (при этом «дамские» билеты были бесплатными), мужчины же могли быть без масок, но должны были заплатить за вход 1 р. Событие нашло отражение в газетном фельетоне, автор которого акцентировал внимание на том, что удовольствие, «доставляемое маскарадом, обуславливается непринужденною беседою масок с кавалерами, возможностью для первых интриговать, и не быть узанными, а для вторых быть интригуемыми и заинтересованными, и наконец полным сохранением маскарадной тайны во все продолжение маскарада» (Nemo, 1876b: 2).

При этом прибывшие на маскарад 9 февраля маски «в огромном большинстве не были намерены интриговать кого бы то ни было, что, действительно, и не было для них возможно, так как каждую из них узнавали чуть ли не с первого шага все знакомые, а кто не узнавал, то разве потому, что лень было спросить того или другого из бывших в зале мужчин». Танцевать в маске было «жарко, интриговать под ней некого, сидеть в ней, не танцуя, скучно, смотреть неловко – одним словом “никем не мучими сами ся мучаху”» (Nemo, 1876b: 2).

Загадку того, кто скрывается под маской, действительно было практически невозможно долго сохранять неразгаданной. «В Оренбурге интриговать?! Помилуйте! Что и про кого в этой боготерпимой столице степей неизвестно всем и каждому?», - писал журналист. «Бегают эти бедные барыни, после каждого сеанса в уборную, меняют там банты, подправляют и пудрят волосы и не успевают вернуться в зал, как их первый же знакомый приветствует по имени и отчеству» (Nemo, 1876b: 2).

Карнавал, устроенный 2 января 1900 г. в Общественном собрании Оренбурга, обошелся вовсе без «характерных» костюмов. Было несколько костюмов «традиционных» – татарки, цыганки, китаянки и пр. – и «Арлекин» («половина женщины, половина мужчины») (Хроника, 1900: 2).

В связи с наступлением нового века было устроено своеобразное шествие, которое, по мнению журналистов, «было красиво, но аншлаги на хоругвях не блестели остроумием и даже грешили по части русской орфографии» ([Хроника, 1900: 2](#)). Зал был украшен елками и флагами и в электрическом свете выглядел весьма эффектно.

Способы украшения праздничных пространств зависели от финансовых ресурсов и вкусов организаторов, а также от технических возможностей помещения. Так, например, в 1897 г. в Оренбурге было создано «Общество любителей художеств». Общество должно было объединять любителей рисования, живописи и ваяния, способствовать их общению и совместным занятиям этими искусствами. Впоследствии общество должно содействовать устройству в г. Оренбурге рисовальной школы и художественно-промышленного музея. 25 февраля 1899 г. в зале Общественного собрания состоялся костюмированный вечер этого общества. Залы собрания были богато декорированы «частью в стиле рококо, частью в смешанном виньеточном вкусе».

В большом зале с середины потолка спускался «шатер из желтых панно, расписанных красками». На стенах между расписанными пилястрами, тоже были развешены панно, «из которых два больших голубого цвета, были особенно эффектны – маски, палитры, амуры, фигуры, бабочки и пр.». Гостиная, убранная растениями, гипсовыми бюстами, группами, масками, была освещена дуговыми фонарями «лунного цвета». В столовой, перед огромной декорацией, изображающей лес, был устроен грандиозный фонтан цветов с фигурой Венеры наверху. «Фонтан сверху донизу покрытый цветочными гирляндами, сам по себе чрезвычайно художественно написанный и унизанный массой электрических лампочек, представлял эффектную картину. Вся столовая была богато декорирована, также, как и зала, мелкими панно, полумасками, карикатурами. Очень картинна была фигура рыцаря на бочке, очевидно верного слуги Бахуса; в одном из углов столовой была поставлена чрезвычайно красивая декорация русского терема» ([Хроника, 1899b: 2](#)). Рококо, классицизм и псевдорусский стиль слились здесь воедино, чтобы поразить воображение празднующих.

Карнавальные костюмы в Оренбурге можно было сшить самостоятельно или приобрести в специальном магазине. Так, г-н Городецкий сообщал, что «с 26-го декабря ... будут отдаваться костюмы для замаскирования в самом большом выборе и по самым дешевым ценам на Николаевской улице в доме купца Каретникова» ([Оренбургский листок, 1876: 4](#)). В цирке Г-жи Вольф костюмы для маскарадов можно было получать напрокат: «сербские, арабские, турецкие, комические, черногорские, пейзажные, разбойнические, индейские, польские и разные национальные костюмы обоего пола. Цена за вечер по 2 р.» ([Оренбургский листок, 1877: 4](#)).

Уже упоминаемый ранее иллюстрированный дамский модный журнал «Новый “Русский базар”» в 1881 г., описывая маскарадные костюмы, представленные на «парижской раскрашенной модной картинке», детально останавливался на некоторых из них. Так, костюм «Нарядная венгерка» предполагал использование атласа, бархата, кружева, золотой бахромы и золотых шнуров и даже соболиного меха ([Приложение, 1881: 1](#)). Перечень используемых тканей и отделок дает возможность хотя бы приблизительно понять стоимость данных маскарадных одеяний. Так что маскарад был делом не только хлопотным, но и весьма дорогим. В этой связи, для того, чтобы праздничные увеселения стали доступными для большего числа горожан, 19 февраля 1881 г. в зале коммерческого собрания был дан «ситцевый вечер». Предполагалось, что на этом мероприятии дамы должны были появляться в ситцевых платьях. Те же, кто приходил на бал в бархатных или шерстяных туалетах, по идее, должны были платить штраф «в пользу бедных». Однако, большая часть публики из дам все же пришла в бальных платьях, при этом о штрафах так никто и не вспомнил ([Л. И-в, 1891: 2](#)).

Любовь оренбургских дам к дорогим и красивым нарядам произрастала еще из губернаторства В.А. Перовского, баловавшего местных барышень, как своим вниманием, так и практически столичным размахом развлечений для аристократии ([Бурлуцкая, 2019](#)). По словам А.Н. Плещеева, описывающего в повести «Пашинцев» бал времен Перовского в Оренбурге-Ухабинске, даже самый «придирчивый столичный франт, окинув пытливым взором это многолюдное общество, сквозь вставленную в глаз лорнетку, не нашел бы ничего провинциального, отсталого; от всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством с столицей ...» ([Плещеев, 1897: 54](#)).

С конца XIX в. все более значительная часть зимних развлекательных мероприятий (балов и маскарадов) стала даваться в пользу каких-либо нуждающихся – учащихся или обитателей приютов. Так, например, 22 января 1910 г. в Общественном собрании концерт-спектакль артиста Императорских театров, баритона П.Д. Орлова, сопрано М.М. Корвин-Коссаковской и пианистки Ф.А. Дюрсен с последующим балом прошли в пользу «недостаточных учеников Оренбургского реального училища» ([Оренбургская газета, 1910c: 2](#)). А бал в Общественном собрании, объявленный на 30 января 1910 г., устраивался в пользу детских приютов А.Ф. Ожаровской, попечительницей детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. Во время бала должна была разыгрываться «Статуя “Юность”» – подарок императрицы Марии Федоровны ([Оренбургская газета, 1910d: 1](#)). Участие в таких благотворительных мероприятиях позволяло горожанам не только ярко провести досуг, но и почувствовать себя частью «правильного» городского сообщества, оказывающего помощь ближнему, проявляющего заботу о нуждающихся.

«Лакейские балы», введенные в обиход жителей Оренбурга еще военным губернатором В.А. Перовским, изначально проводились 25 декабря в зале Общественного собрания. Однако к концу столетия аналогичные вечера стали проводиться и в городском театре, и в ресторане Белова, и в Коммерческом собрании (Хроника, 1899с: 4). На столь длительное существование в Оренбурге подобных праздничных развлечений, по-видимому, влиял большой процент модисток, белошвеек, горничных, лакеев, швейцаров и других представителей сферы услуг в городском социуме.

Вечерние мероприятия и развлечения заставляли оренбургских дам уделять колоссальное внимание своему внешнему виду. Бальный сезон требовал от участников регулярного обновления туалетов, для чего оренбургские магазины предоставляли весьма широкий ассортимент необходимых вещей. Так универсальный магазин Леска предлагал для этих целей «отделку блестками и платья, тюлевые блузки, перчатки, веера» (Оренбургская газета, 1910с: 4). Полагаем, что высказанное Е.Ю. Казаковой-Апкариковой в одной из публикаций мнение о том, что общественные балы на рубеже XIX–XX вв. в уральской провинции испытывали на себе влияние демократизации и либерализации, отличались от подобных развлечений более раннего времени меньшей регламентацией, менее выраженными парадностью и церемониальностью (Казакова-Апкарикова, 2010: 83), не может быть в полной мере применимо к Оренбургу, высшее городское сообщество которого было крайне чувствительно к своему внешнему виду. Данное обстоятельство подчеркивали многие побывавшие в Оренбурге персоны. Помимо уже упоминаемого ранее А.Н. Плещеева, об этом писал и М. Михайлов: «Известно, что провинциальные города вообще страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, но Оренбург, как центр военного и гражданского управления краем и, притом, как резиденция генерал-губернатора, подвержен этой мании в превосходной степени» (Михайлов, 1866: 38-39).

Вообще время от Рождества до Масленицы было временем наибольшего напряжения для всех причастных к созданию модного внешнего облика и организации праздников. Как с иронией писал женский журнал «Новый Русский Базар», поговаривали, что «один из модных куаферов, известный по своей изобретательности разнообразных дамских причесок, от сильного умственного напряжения немного свихнулся и на время помещен в больницу Св. Николая. По слухам с одним из бальных капельмейстеров сделалась пляска Св. Витта. В какой-то мастерской для изготовления нарядов к швейным машинам был приспособлен паровой двигатель» (Кружевная маркиза, 1885: 56).

К бальному наряду полагалось иметь соответствующее лицо, создаваемое посредством декоративной косметики. Оренбургская пресса реагировала на это следующим образом: «– Черт знает, говорил мне этот юнец, как вечернее освещение меняет физиономии. Утром еще я видел в магазине М-не N., бледную, желтую с синими губами, а вчера встречаю ее на вечере розовую, белую с алыми губами, Удивительные создания женщины: как они умеют перерождаться. Двух моих знакомых так поверите-ли, совсем не узнал, ей богу: другое лицо, ну как есть другое лицо» (Nemo, 1876с: 1).

Зимний мясоед – период с Рождества до предпоследнего воскресенья перед Великим постом – был временем, когда традиционно молодежь *подыскивала себе спутника жизни*. Незамужние девицы и холостяки прогуливались по главной улице города – Большой (Николаевской), подыскивая себе пару. Уже упоминаемый ранее «Дядя Пахом» в своем «Раёшнике» отмечал эту традицию следующим образом: «Вот теперь мясоед в самом разгаре, все невесты в угаре, турнюрками вертят, замуж хотят. Уж больно девки наши модны, по три дня сидят голодны, как бы только турнюр надеть попышнее да вырядиться почуднее. [...] А вот и форштадтские невесты, тоже не найдут себе места. Шляпки тоже надевают, турнюры подмощают из сена, да из рогожи; довольны, что хоть снаружи по одежде на барышень похожи. По тротуару рыщут, женихов ищут, по-модному одеваются, за женихами гоняются, из всех сил стараются поймать женихов, непременно офицеров, храбрых кавалеров. Только офицеры женихи не совсем-таки простаки, тоже ловки, знают девичьи уловки, на удочку редко попадаются, все, вишь, о приданом справляются. Приданого-ж у невест мало, капиталов не бывало, а с имения дохода на хлеб да на воду, сундуки приданым не густы, в красоте тоже изъян, не обойтись без белил да румян, чтобы подновить образины, замазывать морщины» (Дядя Пахом, 1889а: 2). Сколько информации о повседневном в этом отрывке! Тут и про женскую моду, и про модные ухищрения девушек из низших городских слоев.

Про турнюры из сена Дядя Пахом даже сложил стихотворение «Беда с турнюрком»: «Смотрите, вон модисточки

По улице спешат
И меж собой превесело
Болтают, говорят.

Но только грех немаленький
С одной случился тут:
С сенцом турнюрчик шлепнулся,
И красоте капут» (Дядя Пахом, 1889б: 2).

Публика, более склонная к спортивному, нежели к праздному образу жизни, в период зимних праздников развлекала себя *катанием на коньках*. Катков в Оренбурге делалось несколько – на набережной Урала близ вокзала-ресторана Белова, на Марсовом поле, во дворе Дворянского (Общественного) собрания, возле Петропавловской церкви. На катках играла музыка. Вход составлял 15 коп. (для учащихся – 10 коп.) ([Листок..., 1892: 2](#)).

На катке Ренка 20 января 1892 г. состоялись конькобежные соревнования с призовым фондом. Желающие могли обратиться за справками об условиях бега «в теплушку на катке», записаться там и заплатить два рубля в качестве взноса. Призами служили: «1) ЖЕТОН золотой, эмблематический; 2) КОНЬКИ американские, беговые; 3) БОКАЛ серебряный. Приза конькобежцам присудит особое постороннее жюри» ([Оренбургский листок, 1892а: 4](#)).

Сам содержатель катка, О. И. Ренко в письме в редакцию «Оренбургского листка» во-первых акцентировал внимание читателей на том, что «зимний каток не лишняя затея в городе Оренбурге. Это – зимняя гимнастика». На катке «чистым воздухом и свободными гимнастическими телодвижениями» могла воспользоваться учащаяся молодежь. Во-вторых, автор сетовал на невнимание оренбургской публики и скепсис Городской управы к этому зимнему развлечению. В-третьих, Ренко описывал ход и итог конькобежных состязаний.

Явилось всего 4 человека, которым бежать предстояло версту (9 кругов, чуть больше километра). Предполагалось, что данное расстояние конькобежцы преодолеют не более, чем за три минуты, однако такой результат не показал никто. Тем не менее, трое лучших были определены, призы были выданы. Также были анонсированы еще два аналогичных забега на Масленицу ([Ренко, 1892: 3](#)).

Проводились даже детские бега! На катке у церкви Св. Петра и Павла 10 января 1910 г. были устроены детские конькобежные соревнования. Участникам предстояло преодолеть около версты – 5 кругов вокруг катка. Бежали пятью группами по 6 человек, а победителей определила «перебежка» в три круга. Победителями стали «Алекс. Митин, Владим. Кузьмин и Ив. Щербаков». Однако соревнование проводилось без музыки, из-за чего детей было немного ([Местная хроника, 1910 b: 3](#)).

Традиционными для начала зимы были и *гастроли заезжих артистов*. Залы заполняла оренбургская публика, желающая познакомиться с творчеством столичных мастеров искусств. В период масленичных празднеств с 20 по 26 февраля 1894 г. Оренбург посетила капелла Дмитрия Александровича Славянского. Дмитрий Александрович Агреньев-Славянский — вокалист, хоровой дирижер, собиратель народных песен – выступил в Общественном собрании. Капелла была одета «в старинные боярские костюмы бояр, рынд и служилых людей XVII века» ([Листок..., 1894: 2](#)).

В январе 1896 г. оренбургская публика в том же зале могла послушать «концерт-спектакль» при участии «известной артистки русской оперы» меццо-сопрано саратовской оперной труппы Е. К. Дигби и артиста Императорских московских театров К. В. Корсака ([Оренбургский листок, 1896: 1](#)). В 1897 г. Оренбург посетили «артист Императорских театров», драматический тенор Н.А. Преображенский и «артист Московских театров», баритон З. М. Кателли ([Оренбургский листок, 1897: 1](#)). Вообще театральная жизнь в Оренбурге два первых месяца года обычно была весьма насыщенной, поскольку после масленичных гуляний, во время Великого поста интерес к театру заметно снижался, и антрепренеры старались выжать все возможное из публики именно за январь-февраль.

Цирк на протяжении второй половины XIX – начала XX в. был одним из наиболее любимых и популярных вариантов городского общественного досуга. Трюковое «искусство действия» было понятно большинству горожан. Однако и в этом жанре городского досуга наметились изменения – от простой демонстрации силы и ловкости цирковые антрепренеры постепенно переходили к своеобразным «образовательным» программам. Так, цирк г-жи Вольф в 1877 г. с 25 декабря обещал дневные и вечерние представления, а также «академические живые картины из римско-греческой истории и мифологии» ([Оренбургский листок, 1877: 4](#)). Цирк Э. Стракай, работавший в Оренбурге в 1903–1904 гг., представил в Новый год пантомиму по сказке «Сандрильона» или «Золушка – хрустальный башмачок». «Эффектная феерия», в которой принимали участие более 80 детей, запомнилась «исторически верными костюмами», а также любопытным перечнем исторических персонажей, которые явились на сказочный бал принца – «китайская вдовствующая императрица (в носилках, конечно), английский король Эдуард VII, австрийский император Франц Иосиф, президенты Крюгер и Лубэ, турецкий император, персидский шах, император германский Вильгельм II, бухарский эмир, болгарский князь Фердинанд, князь черногорский, король сербский, король румынский и многие из исторических знаменитостей, даже умершие, с того света явились на бал: Наполеон I, Бисмарк и “белый генерал” Скобелев» ([Хроника, 1904а: 1-2](#)).

В самом конце XIX столетия в Оренбурге появилось новое развлечение – *кинематограф*. Однако, как отмечала газета «Оренбургский листок», «движущиеся фотографии хороши, глядеть их некому». Демонстрация «живых картин» в городском театре и в общественном собрании была слишком дорогим удовольствием, что снижало интерес публики к этим «оптическим фокусам» ([Хроника, 1896b: 4](#)).

Тем не менее, в начале XX столетия кинематограф уже прочно вошел в повседневность оренбуржцев. «Оренбургская газета» констатировала: «Развившаяся конкуренция привела к тому,

что владельцы биоскопов стараются в подборе картин друг перед другом. В театре «Как в Париже» демонстрировалась в эти дни прекрасная картина «Боярин Орша», сюжет которой заимствован из Лермонтова. В «Идеале» очень интересны по сюжету и по исполнению «Симана», «Фиорелла» и «Ловля рыбы». В «Электро-Биоскопе» замечательный фотографический снимок «Крещенского водосвятия». Очень интересна и картина «Роман наездницы». Все синемаграфы полны народа, особенно в праздничные дни» ([Местная хроника, 1910а: 2](#)).

Если проанализировать объявления, размещенные на первой странице одного из первых номеров «Оренбургской газеты» за 1910 г., то можно констатировать, что у оренбургской публики была масса самых разнообразных возможностей для того, чтобы приятно провести начало зимы. Так, в городском театре 6 января давали две драмы – утреннюю (в 12:30) и вечернюю в (20:00). в Народном доме – еще одну драму в 8 часов вечера.

В Американской гостинице ежедневно с 9 часов вечера давались концерты Венского салонного оркестра под управлением Оскара Малюшко. Предлагался «колоссальный репертуар всех наилучших русских (классических и модных) композиторов», несколько солистов и ежедневную смену программы. Ресторан «Коммерческий» П. А. Жарова предлагал во время обеда (с 14 до 17 часов) и ужина (с 9 часов вечера до 2 часов ночи) послушать «великолепный салонный дамский оркестр под управлением М.П. Михайлова-Вулих. Гостям предлагался буфет, снабженный «русскими и заграничными винами лучших фирм» и кухню «под наблюдением опытного кулинара».

Общественное собрание 6 января давало благотворительный спектакль-концерт в пользу недостаточных учеников Оренбургского реального училища с участием артиста императорских театров П.Д. Орлова, оперной певицы М.М. Корвин-Коссаковской и местной шансоньетки Ф.А. Дюре-Эн. В программе были арии из оперы Рубинштейна «Демон». По окончании анонсировались танцы.

Кинотеатр «Идеал» с 3 по 6 января предлагал «небывалую программу «Напрасная жертва или Убийство у подъезда. Носки. Результаты действия серной кислоты. Дочь лесника». Сеансы начинались в 4 часа дня (по праздникам – на два часа раньше), а репертуар менялся два раза в неделю. «Электро-биоскоп» на Николаевской предлагал программу, состоящую из лент «Маленький тряпичник», «Роман Лизетты», «Маркизет», «Рожа самоубийц», «Сундук новой горничной», «Бой быков в Барселоне». То есть за пару часов можно было посмотреть и драму, и триллер, и эротику, и нечто научно-популярное. Сеансы начинались в 5 часов вечера (по праздникам – в 14:00). Смена репертуара также происходила два раза в неделю. «Элегантный электротейтер «Как в Париже»» сообщал о последних новинках кинематографа – «Поздняя слава. Океан у Сан-Люче. Похороны Леопольда II. Две компаньонки. Злоключения облагодетельствованного босяка. Удивительная кухня. Волшебное зеркало». Сеансы начинались в 16:00, а в праздничные дни – с часу дня. В фойе кинотеатра играл «оркестр бальной музыки» ([Оренбургская газета, 1910а: 1](#)).

В 1913 г. к уже названным местам отдыха добавились кинотеатры «Фурор» и «Олимп». А концертные программы можно было посетить в ресторанах «Эрмитаж», «Декаданс» и ресторане «Центральной гостиницы» ([Оренбургская газета, 1913: 1](#)).

5. Заключение

В целом, на основе анализа значительного массива региональной прессы можно утверждать, что на протяжении последней четверти XIX – первого десятилетия XX в. в Оренбурге происходила постепенная трансформация городской праздничной повседневности.

Если в начале изучаемого этапа праздничное бытие оренбуржцев в публичном пространстве в период от Рождества до Масленицы носило ярко выраженный фольклорный, народный смысл (ряженые, славильщики, гадания), то к началу XX столетия оно стало приобретать более европеизированный (елки), городской, эстетически обусловленный характер. Свободное время горожан все более наполнялось деятельностью, ориентированной не столько на традиции, сколько на восприятие, создание и переживание прекрасного (балы, маскарады), расширение кругозора, развитие эстетического вкуса и культуры (театральные постановки, концерты, кино). Горожане демонстрировали тягу не только к пассивному потреблению удовольствий, но и к собственному их созиданию – придумывали интересные маскарадные костюмы, занимались дизайном праздничных интерьеров, ставили школьные спектакли и т. д. Новые праздничные занятия обогащали внутренний мир, способствовали получению новых знаний, переводили в практическую плоскость представления о здоровом образе жизни (катание на коньках).

В то же время, специфический состав городского сообщества накладывал свой отпечаток на праздничную повседневность Оренбурга. Офицеры, солдаты и казаки привносили в нее элементы милитаризации (взятие снежного городка, военные парады на Крещение). Большой процент крестьянского, казачьего и купеческого (тоже, преимущественно, выходцев из крестьян) населения сохранял традиции праздничных катаний на сани. Наличие в городе значительного числа представителей стран Азии и близкое знакомство с ними практически всех категорий горожан находило отражение в тематике карнавальных костюмов. Существенный процент горожан, занятых в сфере услуг (горничные, модистки, камердинеры и пр.), вызвал к жизни такой вариант праздничного досуга, как «Лакейский бал», ежегодно проводимый в Оренбурге 25 декабря.

Еще одной особенностью оренбургской праздничной повседневности было максимально пристальное внимание женской части городского социума к своему внешнему виду – одежде и макияжу. Эта черта, с одной стороны, была обусловлена присутствием в городе столичных чиновников и офицеров, присланных сюда на службу, а также сложившимися во времена губернаторства В. А. Перовского досуговыми традициями оренбургской аристократии.

Литература

- [Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024](#) – Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург, 2024. 496 с.
- [Барбачев, 1877](#) – Барбачев С. Картинки с натуры // *Оренбургский листок*. 1877. № 52. 25 декабря. С. 1-2.
- [Бурлуцкая, 2019](#) – Бурлуцкая Е.В. Балы, маскарады и танцевальные вечера как варианты досуговой повседневности горожанок Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в // *История повседневности*. 2019. № 3 (11). С. 68-79.
- [Бурлуцкая и др., 2020](#) – Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А., Куренкова Ю.О. и др. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева, 2020. 472 с.
- [Дядя Пахом, 1889a](#) – Дядя Пахом. Раешник // *Оренбургский листок*. 1889. № 3. 15 января. С. 2.
- [Дядя Пахом, 1889b](#) – Дядя Пахом. Раешник // *Оренбургский листок*. 1889. № 5. 29 января. С. 2.
- [Зорин и др., 2000](#) – Зорин А.Н., Зорин Н.В., Каплуновский А.П. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск: Изд-во Средневожского научного центра, 2000. 601 с.
- [Казакова-Апкаримова, 2010](#) – Казакова-Апкаримова Е.Ю. Благородные собрания Перми и Екатеринбурга в XIX – начале XX в // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 2. С. 81-84.
- [Казакова-Апкаримова, 2018](#) – Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формы городского досуга на Урале в начале XX в.: традиционализм и модернизм / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 тт.* Т. 1. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 365-369.
- [Кискидосова, 2020](#) – Кискидосова Т.А. «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX – начала XX века: обзор современной историографии // *Гуманитарный вектор*. 2020. № 3. С. 73-81.
- [Кривошечков, 1915](#) – Кривошечков А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков // *Вестник Оренбургского учебного округа*. 1915. № 5. С. 183-210.
- [Кружевная маркиза, 1885](#) – Кружевная маркиза. Фельетон. Записки хорошенькой женщины // *Новый Русский Базар*. 1885. № 6. С. 55-56, 58.
- [Л. И-в, 1891](#) – Л. И-в. Фельетон // *Оренбургский листок*. 1891. № 9. 24 февраля. С. 2-4.
- [Листок, 1889](#) – Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок». 1889. № 129. 16 декабря. С. 1.
- [Листок, 1892](#) – Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок». 1892. № 1. 4 января. С. 2.
- [Листок..., 1894](#) – Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок». 1894. № 7. 17 февраля. С. 2.
- [Маслова, 2013](#) – Маслова И.В. Изучение темы «социокультурная среда»: российский провинциальный город второй половины XIX – начала XX в. // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2013. № 7. С. 27-33.
- [Маслова, 2010](#) – Маслова И.В. Организация досуга и развлечений купечества уездных городов Вятской губернии в XIX начале XX века // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2010. № 124. С. 62-71.
- [Местная хроника, 1910a](#) – Местная хроника // *Оренбургская газета*. 1910. № 8. 12 января. С. 2.
- [Местная хроника, 1910b](#) – Местная хроника // *Оренбургская газета*. 1910. № 9. 13 января. С. 3.
- [Микитюк, Яхно, 2014](#) – Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков. Очерки городского быта. Екатеринбург: АМБ, 2014. 447 с.
- [Миненко и др., 2006](#) – Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006. 380 с.
- [Михайлов, 1866](#) – Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.
- [Оренбургская газета, 1908a](#) – Оренбургская газета. 1908 № 263. 2 декабря. С. 4. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1908b](#) – Оренбургская газета. 1908. № 264. 3 декабря. С. 4. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1908c](#) – Оренбургская газета. 1908. № 268. 9 декабря. С. 5. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1908d](#) – Оренбургская газета. 1908. № 273. 14 декабря. С. 6. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1910a](#) – Оренбургская газета. 1910. № 3. 5 января. С. 1. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1910b](#) – Оренбургская газета. 1910. № 11. 15 января. С. 4. Объявления.

- Оренбургская газета, 1910с – *Оренбургская газета*. 1910. № 15. 20 января. С. 2. Объявления.
 Оренбургская газета, 1910d – *Оренбургская газета*. 1910. № 23. 29 января. С. 1. Объявления.
 Оренбургская газета, 1910e – *Оренбургская газета*. 1910. № 25. 31 января. С. 4. Объявления.
 Оренбургская газета, 1913 – *Оренбургская газета*. 1913. № 6. 8 января. С. 1. Объявления.
 Оренбургский листок, 1876 – *Оренбургский листок*. 1876. № 52. 19 декабря. С. 1. Объявления.
 Оренбургский листок, 1877 – *Оренбургский листок*. 1877. № 51. 18 декабря. С. 1. Объявления.
 Оренбургский листок, 1889 – *Оренбургский листок*. 1889. № 3. 15 января. С. 1. Объявления.
 Оренбургский листок, 1892a – *Оренбургский листок*. 1892. № 3. 12 января. С. 4. Объявления.
 Оренбургский листок, 1892b – *Оренбургский листок*. 1892. № 4. 19 января. С. 1. Объявления.
 Оренбургский листок, 1896 – *Оренбургский листок*. 1896. № 1. 7 января. С. 1. Объявления.
 Оренбургский листок, 1897 – *Оренбургский листок*. 1897. № 7. 9 февраля. С. 1. Объявления.
 Плещеев, 1897 – Плещеев А.Н. Пашинцев / Повести и рассказы А.Н. Плещеева. В 2 т. Т. 2. СПб.: изд. А.А. Плещеева, 1897. С. 1-151.
 ПВПН РИ, 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с.
 Приложение, 1881 – Приложение. Описание парижской, раскрашенной модной картинки // *Новый Русский Базар*. 1881. № 1. С. 1-2.
 Рашин, 1956 – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
 Ренко, 1892 – Ренко О.И. Письмо в редакцию // ОЛ. 1892. № 5. 26 января. С. 3.
 Хроника, 1904a – Хроника // *Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок»*. 1904. № 1. 4 января. С. 1-2.
 Хроника, 1889 – Хроника // *Оренбургский листок*. 1889. № 2. 8 января. С. 2.
 Хроника, 1891 – Хроника // *Оренбургский листок*. 1891. № 2. 6 января. С. 3.
 Хроника, 1896a – Хроника // *Оренбургский листок*. 1896. № 1. 7 января. С. 2.
 Хроника, 1896b – Хроника // *Оренбургский листок*. 1896. № 51. 22 декабря. С. 3-4.
 Хроника, 1898a – Хроника // *Оренбургский листок*. 1898. № 1. 1 января. С. 2-3.
 Хроника, 1898b – Хроника // *Оренбургский листок*. 1898. № 2. 4 января. С. 3.
 Хроника, 1898c – Хроника // *Оренбургский листок*. 1898. № 8. 15 февраля. С. 2.
 Хроника, 1899a – Хроника // *Оренбургский листок*. 1899. № 7. 14 февраля. С. 3-4.
 Хроника, 1899b – Хроника // *Оренбургский листок*. 1899. № 9. 28 февраля. С. 2.
 Хроника, 1899c – Хроника // *Оренбургский листок*. 1899. № 52. 25 декабря. С. 3-4.
 Хроника, 1900 – Хроника // *Оренбургский листок*. 1900. № 2. 9 января. С. 2.
 Хроника, 1903 – Хроника // *Оренбургский листок*. 1903. № 52. 21 декабря. С. 2-3.
 Хроника, 1904b – Хроника // *Оренбургский листок*. 1904. № 1. 1 января. С. 2-3.
 Хроника, 1904c – Хроника // *Оренбургский листок*. 1904. № 6. 8 февраля. С. 3-4.
 Хроника, 1913 – Хроника // *Оренбургская газета*. 1913. № 6. 8 января. С. 2-3.
 Яхно, 2019 – Яхно О.Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // *История: факты и символы*. 2019. №1 (18). С. 73-84.
 Яхно, 2010 – Яхно О.Н. Зимние развлечения горожан в начале XX в // *Восьмые Татищевские чтения: Доклады и сообщения*. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2010. С. 150-154.
 Nemo, 1876a – Nemo. Фельетон // ОЛ. 1876. № 2. 4 января. С. 1-2.
 Nemo, 1876b – Nemo. Фельетон // ОЛ. 1876. № 8. 15 февраля. С. 1-2.
 Nemo, 1876c – Nemo. Фельетон // ОЛ. 1876. № 50. 5 декабря. С. 1.

References

- Abdrakhmanova, Burlutskaya, 2024 – Abdrakhmanova, E.N., Burlutskaya, E.V. (2024). Rebenok na rubezhe stoletiy. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroy poloviny XIX - nachala XX v. [Child at the turn of the century. Daily life of children in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg. 496 p. [in Russian]
 Barbachev, 1877 – Barbachev, S. (1877). Kartinki s natyry [Pictures from nature]. *Orenburgskij listok*. December 25. Nr. 52. Pp. 1-2. [in Russian]
 Burlutskaya i dr., 2020 – Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanov, K.A., Kurenkova, Yu.O. i dr. (2020). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'noi gorozhanki v poreformennoi Rossii (na materialakh Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka) [Daily life of a provincial woman in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg province in the second half of the 19th and early 20th centuries)]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni G.P. Donkovtseva. 472 p. [in Russian]
 Burlutskaya, 2019 – Burlutskaya, E.V. (2019). Baly, maskarady i tantseval'nye vechera kak varianty dosugovoi povsednevnosti gorozhanok Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX - nachala XX v [Balls, masquerades, and dance parties as options for leisure activities of women in the Orenburg province in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti*. 3(11): 68-79. [in Russian]

- [Dyadya Pahom, 1889a](#) – Dyadya Pahom (1889). Raeshnik [Peepshow]. *Orenburgskij listok*. January 15th. Nr. 3. P. 2. [in Russian]
- [Dyadya Pahom, 1889b](#) – Dyadya Pahom (1889). Raeshnik [Peepshow]. *Orenburgskij listok*. January 29th. Nr. 5. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1889](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1889. January 8th. Nr. 2. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1896a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1896. January 7. № 1. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1896b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1896. December 22nd. № 51. Pp. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1898a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1898. January 1st, № 1. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1898b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1898. January 4th. № 2. P. 3. [in Russian]
- [Hronika, 1898c](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1898. February, 15. № 8. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1899a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1899. The 14th of February. Nr. 7. P. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1899b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1899. February 28th. № 9. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1899c](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1899. December 25. № 52. Pp. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1900](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1900. January 9th. № 2. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1903](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1903. December 21. № 52. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1904a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. 1904. January 4th. Nr. 1. Pp. 1-2. [in Russian]
- [Hronika, 1904b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1904. January 1st. № 1. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1904c](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1904. February 8. № 6. Pp. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1913](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskaya gazeta*. 1913. January 8th. № 6. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1891](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1891. January 6th. № 2. P. 3. [in Russian]
- [Kazakova-Apkarimova, 2010](#) – Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2010). Blagorodnye sobraniya Permi i Ekaterinburga v XIX – nachale XX v. [Noble assemblies in Perm and Yekaterinburg in the 19th and early 20th centuries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2: 81-84. [in Russian]
- [Kazakova-Apkarimova, 2018](#) – Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2018). Formy gorodskogo dosuga na Urale v nachale XX v.: tradicionalizm i modernost' [Forms of urban leisure in the Urals at the beginning of the 20th century: traditionalism and modernity]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: In 2 t.* Vyp. 1. SPb. Pp. 365-369. [in Russian]
- [Kiskidosova, 2020](#) – Kiskidosova, T.A. (2020). «Gorodskaya povsednevnost'» v regional'noj periodike vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: obzor sovremennoj istoriografii [“Urban daily life” in the regional periodicals of the second half of the 19th and early 20th centuries: a review of modern historiography]. *Gumanitarnyj vector*. 3: 73-81. [in Russian]
- [Krivoschchyokov 1915](#) – Krivoschchyokov, A.I. (1915). Obryady i obychai orenburgskih kazakov [Rites and Customs of the Orenburg Cossacks]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 5: 183-210. [in Russian]
- [Kruzhevnaya markiza, 1885](#) – Kruzhevnaya markiza. Fel'eton. Zapiski horoshen'koj zhenshchiny [A feuilleton. Notes of a pretty woman]. *Novyj Russkij Bazar*. 1885. 6: 55-56, 58. [in Russian]
- [L. I-v., 1891](#) – L. I-v (1891). Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. February 24th. Nr.9. Pp. 2-4. [in Russian]
- [Listok..., 1889](#) – *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. December 16th. Nr. 129. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Listok..., 1892](#) – *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. January 4th. № 1. P. 2. Ads. [in Russian]
- [Listok..., 1894](#) – *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. February 17th. № 7. P. 2. Ads. [in Russian]
- [Maslova, 2010](#) – Maslova, I.V. (2010). Organizatsiya dosuga i razvlechenij kupechestva uezdnyh gorodov Vyatskoj gubernii v XIX nachale XX veka [Organization of leisure and entertainment for the

merchants of the district towns of the Vyatka province in the 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 124: 62-71. [in Russian]

[Maslova, 2013](#) – Maslova, I.V. (2013). Izuchenie temy «sociokul'turnaya sreda»: Rossijskij provincial'nyj gorod vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Studying the topic "sociocultural environment": the Russian provincial city of the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 7: 27-33. [in Russian]

[Mestnaya hronika, 1910a](#) – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Orenburgskaya gazeta*. 1910. January 12. Nr. 8. P. 2. [in Russian]

[Mestnaya hronika, 1910b](#) – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Orenburgskaya gazeta*. 1910. January 13. Nr. 9. P. 3. [in Russian]

[Mihajlov, 1866](#) – Mihajlov, M. (1866). Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchih oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troickom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1 [Orenburg letters for those who wish to learn about Orenburg, Orsk, Troitsk, Fort Aleksandrovsky, and the road through the Kirghiz steppe to Fort Nr. 1]. SPb. [in Russian]

[Mikityuk, Yahno, 2014](#) – Mikityuk, V.P., Yahno, O.N. (2014). Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov. Ocherki gorodskogo byta [Daily life in Yekaterinburg at the turn of the 19th and 20th centuries. Essays on urban life]. Ekaterinburg. [in Russian]

[Minenko i dr., 2006](#) – Minenko, N.A., Apkirimova, E.Yu., Golikova, S.V. (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka [Daily life in a Ural city in the 18th and early 20th centuries]. M. [in Russian]

[Nemo, 1876a](#) – Nemo. Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. 1876. January 4th. Nr. 2. Pp. 1-2. [in Russian]

[Nemo, 1876b](#) – Nemo. Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. 1876. February, 15. Nr. 8. Pp. 1-2. [in Russian]

[Nemo, 1876c](#) – Nemo. Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. 1876. 5th of December. № 50. P. 1. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1908a](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 2nd. № 263. P. 4. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1908b](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 3. № 264. P. 4. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1908c](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 9th. № 268. P. 5. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1908d](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 14th. № 273. P. 6. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1910a](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 5th. № 3. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1910b](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 15th. № 11. P. 4. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1910d](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 29th. № 23. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1910e](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 31st. № 25. P. 4. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1910c](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 20th. № 15. P. 2. Ads. [in Russian]

[Orenburgskaya gazeta, 1913](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 8th. № 6. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1876](#) – *Orenburgskij listok*. December 19th. № 52. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1877](#) – *Orenburgskij listok*. December 18th. № 51. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1889](#) – *Orenburgskij listok*. January 15th. № 3. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1892a](#) – *Orenburgskij listok*. January 12. № 3. P. 4. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1892b](#) – *Orenburgskij listok*. January 19th. № 4. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1896](#) – *Orenburgskij listok*. January 7. № 1. P. 1. Ads. [in Russian]

[Orenburgskij listok, 1897](#) – *Orenburgskij listok*. February 9th. № 7. P. 1. Ads. [in Russian]

[Pleshcheev, 1897](#) – Pleshcheev, A.N. (1897). Pashincev [Pashincev]. Povesti i rasskazy A.N. Pleshcheeva [Stories by A.N. Pleshcheyev]. In 2 vol. V. 2. SPb. Pp. 1-151. [in Russian]

[Prilozhenie, 1881](#) – Prilozhenie. Opisaniye parizhskoj, raskrashennoj modnoj kartinki [Application. Description of a Parisian, colored fashion picture]. *Novyj «Russkij bazar»*. 1881. 1: 1-2. [in Russian]

[PVPN RI, 1905](#) – Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897. T. XXVIII: Orenburgskaja gubernija [The first census of the Russian empire. Volume XXVIII: Orenburg governorate]. Saint-Petersburg. 1905. [in Russian].

[Rashin, 1956](#) – Rashin, A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913). Statisticheskie ocherki [The population of Russia over 100 years (1811–1913). Statistical essays.]. Moskva. [in Russian]

[Renko, 1892](#) – Renko, O.I. (1892). Pis'mo v redakciju [Letter to the editor]. *Orenburgskij listok*. January 26. Nr. 5. P. 3. [in Russian]

[Yahno, 2010](#) – Yahno, O.N. (2010). Zimnie razvlecheniya gorozhan v nachale XX v. [Winter entertainment of the townspeople at the beginning of the XX century]. Vos'mye Tatishchevskie chteniya: Doklady i soobshcheniya. Ekaterinburg. Pp. 150-154. [in Russian]

[Yahno, 2019](#) – Yahno, O.N. (2019). Dosug v provincial'nom gorode nachala XX veka: novye formy organizacii [Leisure in a provincial town in the early 20th century: New forms of organization]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(18): 73-84. [in Russian]

[Zorin i dr., 2000](#) – Zorin, A.N., Zorin, N.V., Kaplunovskij, A.P. i dr. (2000). Ocherki gorodskogo byta dorevolucionnogo Povolzh'ya [Essays on the urban life of the pre-revolutionary Volga region]. Ul'yanovsk. [in Russian]

От Рождества до Масленицы. Городская праздничная повседневность в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. по материалам оренбургской прессы

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается эволюция праздничной повседневности жителей Оренбурга в последней четверти XIX – первом десятилетии XX в. Объектом исследования выступает повседневная жизнь провинциальных горожан на рубеже столетий, субъектом – праздничная повседневность, как особая форма досуговой повседневности. Источниковой базой служит региональная пресса указанного периода, выступающая в качестве «коллективного дневника» жителей города, фиксирующего как ключевые события городской жизни, так и мнения горожан относительно этих событий.

Анализ имеющихся источников позволяет констатировать относительную стандартизированность праздничных мероприятий, проводимых в различных российских городах в период с Рождества по Масленицу. К ним можно отнести разыгрывание библейских сцен, гуляния ряженных, гадания, катания на лошадях, елки, балы и маскарады, цирковые и театральные представления, концерты. Трансформация праздничной повседневности оренбуржцев, как и в других провинциальных городах на рубеже веков, проявляла себя в постепенном вытеснении фольклорных, народных форм празднования более европеизированными, интеллектуально и эстетически ориентированными. Праздничные мероприятия приобретали более корпоративный, клубный характер, сопрягались с разнообразными благотворительными начинаниями, отличались все большим разнообразием.

В то же время, праздничная повседневность оказалась достаточно тесно связанной с особенностями сословного состава городского населения. Так, присутствие в Оренбурге большого числа воинских сословий – офицеров, солдат, казаков и пр. – вносило в празднование элементы боевой и строевой подготовки и делало популярным, к примеру, такой вариант зимних забав, как «взятие снежного городка». Значительный процент населения, занятого в сфере услуг (модистки, белошвейки, горничные, лакеи и пр.) и обслуживающего потребности городской чиновничьей и военной аристократии, определило возникновение и хронологическую устойчивость такого феномена, как «лакейский бал». Маскарадные костюмы оренбургских щеголей, как правило, были тесно связаны с присутствием в городском пространстве большого числа азиатских торговцев (представителей Хивы, Бухары, Коканда, Ташкента и т. д.) и копировали детали их национальных одежд.

Ключевые слова: повседневность, город, праздник, Рождество, Масленица, Оренбург, конец XIX – начало XX в.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 908-918
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.908

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Missionary Parishes as Centers of Education for the Indigenous People in the North of the Yenisei Governorate

Ekaterina A. Sertakova ^a, Natalia M. Leshchinskaia ^{a, *}, Maria S. Koptseva ^a, Stepan O. Zotov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Based on a study of previously unpublished sources – materials from the State Archives of Krasnoyarsk Krai (collection no. 667) – this article examines the history of the educational activities of clergy in missionary parishes in the northern Yenisei province from 1870 to 1905. It examines the transition from an ineffective field mission to a system of permanent parishes (Turukhansky, Verkhneimbatsky, Dudinsky, Khatanga, and Tazovsky), which became centers of education for the indigenous population. Particular attention is given to the role of priests as ascetic missionaries, exemplified by Father Mikhail Ivanovich Suslov (Archimandrite Father Makarii), including the organization of parish schools and the teaching of literacy, hygiene skills, and new crafts to indigenous children. The article reveals the specific methods of work of missionary educators, including the study of the local languages of the indigenous peoples of the North and the upholding of the principle of voluntary acceptance of the Orthodox Christian faith. It was revealed that education was considered a necessary condition for the Christianization of the indigenous population of the Yenisei province, while the activities of the parishes contributed to the formation of the first foundations of the education of the Tungus, Ostyaks, Samoyeds, Yuraks and Yenisei Ostyaks in the difficult climatic and territorial conditions of the Far North.

Keywords: Russian Empire, Yenisei Governorate, Diocesan Committee, Orthodox Missionary Society, missionaries, enlightenment, baptism and christianization of the indigenous population of Siberia.

1. Введение

Исторические процессы России XIX в. во многом определялись событиями, происходящими на ее отдалённых от столичных городов и центральных районов территорий. В современной исторической науке в настоящее время активно исследуются сложные социально-экономические, политические и культурные процессы освоения Сибири и Дальнего Востока, включение коренного населения данных территорий в общее российское экономическое и социально-культурное пространство, в единое для Российской империи правовое поле. Институцией, которая брала на себя основные образовательно-просветительские функции в XVIII – начале XX вв., стала Русская православная церковь, ее священнослужители, различные сообщества православных людей. Активная миссионерская деятельность Русской православной церковью велась на таких окраинных территориях Российской империи как Алтай (посредством деятельности Алтайской духовной миссии), Киргизия (с помощью работы Киргизской духовной миссии), Забайкалье (здесь функционировала Забайкальская духовная миссия). Одной из наиболее сложных духовных миссий с точки зрения этнической структуры, экономического статуса, сурового климата и трудных способов перемещения из одного населенного пункта в другой по праву может считаться миссионерская деятельность на территории Енисейской губернии. На этой территории, характеризующийся

* Corresponding author

E-mail addresses: esertakova@sfu-kras.ru (E.A. Sertakova), nlibakova@sfu-kras.ru (N.M. Leshchinskaia), mkoptseva@sfu-kras.ru (M.S. Koptseva), szotov@sfu-kras.ru (S.O. Zotov)

холодным северным климатом, максимальным отдалением от столичных культурных центров, низкой плотностью населения и пестрым этническим составом, вела свою миссионерскую деятельность Енисейская епархия. Наиболее сложными для освоения были северные территории Енисейской губернии, где, вдали от губернского центра г. Красноярска проживали люди из различных племен и родов коренного населения – тунгусы, остяки, самоеды, юраки, долгане и якуты, сохранявшие традиционный уклад в быту и языческие верования в духовной культуре. Христианизация и просвещение людей на данных территориях была первостепенной задачей миссионерских станов в структуре Енисейского епархиального православного миссионерского общества (ЕЕПМО).

Историография миссионерского движения в Сибири постоянно пополняется новыми материалами, фокусирующимися как на истории имперской просветительской политики на отдалённых территориях в целом, так и на истории деятельности конкретных миссий (Алтайской, Киргизской и других). В то же время, деятельность многих конкретных миссионерских приходов всё ещё находится на периферии научного внимания, хотя именно из их постоянной и регулярной работы складывались процессы российского освоения окраинных земель Российской империи. До настоящего времени остается не изученной история повседневной деятельности тех или иных миссионерских станов, конкретных методов их просветительской деятельности, направленной для улучшения жизни коренного населения, включая историю такого важного процесса, как взаимодействие между священнослужителями и потенциальной паствой в условиях Крайнего Севера. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел. Хронологические рамки работы охватывают период с 1870 по 1905 годы. Выбор данного периода связан с тем, что именно в 1872 году практика «бесприходных», «походных» миссионеров была упразднена в связи с низкой эффективностью, а обязанности по работе с коренным населением окончательно закрепились за приходскими священниками. Данное решение Святейшего Синода положило начало формированию сети стационарных миссионерских приходов в Енисейской губернии – Туруханского, Верхнеимбатского, Дудинского, Хатангского и Тазовского, ставших центрами просвещения на Енисейском Севере. Верхняя граница (1905 год) позволяет проследить развитие этих приходов на протяжении более чем тридцати лет, увидеть и понять факторы, влиявшие на становления губернской просветительской системы, её первые ощутимые результаты, а также адекватно оценить те трудности, с которыми столкнулись миссионеры-подвижники на рубеже XIX–XX веков.

Научная новизна данной статьи определяется, прежде всего, введением в широкий научный оборот целого комплекса неопубликованных архивных документов, извлеченных из фондов Государственного архива Красноярского края (далее – ГАКК), а именно, материалов фонда № 667. В академическое пространство вводятся новые исторические документы, которые содержат уникальные сведения о повседневной жизни православных миссионерских станов, строительстве церковно-приходских школ, взаимоотношениях с коренным населением и конкретных практиках просвещения тунгусов, остяков, самоедов и других представителей коренного населения северных территорий Российской империи в границах Енисейской губернии. В совокупности эти источники позволяют комплексно исследовать историю повседневной просветительской работы миссионерских приходов Русской православной церкви данного периода.

Таким образом, основной целью данной статьи является комплексный анализ истории деятельности миссионерских приходов на севере Енисейской губернии как центров просвещения коренного населения в 1870–1905 годах. Для достижения этой цели необходимо проследить историю перехода от формы походной миссии к системе стационарных приходов; изучить повседневную практику просветительской работы (включая создание школ, обучение грамоте и ремеслам); выявить роль личности миссионера во взаимодействии с коренным населением, а также проанализировать основные трудности и противоречия, с которыми сталкивались священники в своей деятельности на Крайнем Севере.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования выступили архивные документы Енисейского епархиального православного миссионерского общества за период 1870–1905 гг., находящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК, Красноярск, Российская Федерация). Значительная часть документов на сегодняшний день не оцифрована, некоторые материалы из них ранее не рассматривались в научных публикациях, включая описи, журналы заседаний общества и доклады Енисейской Духовной Консистории, отчеты об административно-церковной деятельности общества, путевые журналы и рапорты священников миссионерских приходов (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 10, 13, 14, 15, 16, 89, 113).

Дополнительно были привлечены такие источники, как публикации авторства священников миссионерских приходов в периодических изданиях Енисейской епархии: Енисейские Епархиальные ведомости и Енисейский церковный вестник.

2.2. Методологическим основанием исследования выступают принципы системности, компаративизма, комплексности, когда исторические события рассматриваются интегративно в контексте базовых процессов российской истории конца XIX–XX вв., включая выделение основных

факторов, определяющих развитие северных территорий Российской империи в границах Енисейской губернии. Компаративизм позволяет сравнивать исторические феномены, которые имеют единое основание для сравнения, и тем самым выявлять своеобразие каждого из феноменов.

Для изучения эмпирического материала важным является источниковедческий подход, согласно которому в качестве исторических источников могут выступать как архивные материалы, так и публикации в прессе конкретного исторического периода. При этом для анализа содержания источника возможно исследование отдельного материала (статьи, отчета, газетной тематической «колонки», визуального иллюстративного материала и т. д.), если он содержит репрезентативную и новую историческую информацию (Рышков, 2010). Привлекались методы текстологического анализа и контент-анализа, которые позволили выявить и целостно рассмотреть ключевые события и процессы истории просветительского дела в миссионерских приходах на севере Енисейской губернии. Соответствующие архивные документы были отобраны и структурированы в соответствии с задачами научного исследования, затем был выполнен тематический анализ, который позволил определить наиболее важные темы, раскрывающие специфику просвещения миссионерами коренного населения на севере Енисейской губернии в 1870–1905 гг. Изучаемые источники предоставили исторический материал, который затем был синтезирован в определенную модель истории миссионерских приходов как центров просвещения коренного населения на севере Енисейской губернии.

3. Обсуждение

История изучения миссионерской деятельности Русской православной церкви на северных территориях Российской империи имеет ряд общих и специфических направлений, включая как историю христианского миссионерства, так и историю Енисейской губернии и населяющих ее коренных народов. История Енисейской губернии конца XIX – начала XX веков как стратегически значимого региона российского государства в различных аспектах рассмотрена в трудах Г.Ф. Быкони (Быконя, 2003; Быконя, 2015), Н.В. Латкина (Латкин, 1892), А.П. Дворецкой, А.В. Шахматова, А.В. Суржко и Н.Р. Новосельцева (Dvoretzskaya et al., 2024), А.С. Жулаевой, А.П. Дворецкой, А.Г. Грязнухина и Т.В. Грязнухиной (Zhulaeva et al., 2023), Н.П. Копцевой, К.А. Дегтяренко, Д.С. Пчелкиной (Koptseva et al., 2022), С.М. Соколова (Соколов, 2025), А.С. Черткова (Чертков, 2025), М.Б. Аверина (Аверин, 2024) и ряда других авторов.

История коренного населения северных территорий Енисейской губернии в контексте региональной политики Российской XIX – начала XX веков обсуждается в научных публикациях М.А. Колесник и М.И. Буковой (Колесник, Букова, 2026), Н.П. Копцевой и Ю.Н. Перепелицей (Копцева, Перепелица, 2026), Е.А. Сертаковой, Н.М. Лещинской, М.С. Копцевой и С.О. Зотовым (Sertakova et al., 2025), А.А. Ховяковым, Н.Н. Середкиной, С.О. Зотовым и М.С. Копцевой (Ховяков и др., 2025) и других исследователей.

В отечественной и зарубежной историографии сформировалось несколько подходов к изучению миссионерской деятельности. Как правило в исследованиях, выполненных в рамках имперского и политико-административного подхода, анализируется роль миссий как инструмента интеграции периферии в общеимперское пространство, где христианизация часто рассматривалась в неразрывной связи с политикой русификации (Slezkine, 1994; Юрцовский, 2023; Алексеенко, 1979; Юрганова, 2021). Институциональный подход позволяет проследить эволюцию государственной и церковной политики в отношении христианизации, выделить этапы и нормативные рамки миссионерской деятельности (Artamonova et al., 2018; Donskaya, 2019; Дворецкая, Терскова, 2019). Важным направлением истории православного миссионерства в России являются региональные исследования, которые на примере конкретных миссий (Алтайской, Киргизской и других) детально анализируют методы работы миссионеров, их социальную и просветительскую деятельность, взаимодействие с местным населением (Collins, 1993; Kreydun, Nekhvyadovich, 2018; Аверьянова, 2019). Исследователи отмечают особую роль миссии Русской православной церкви в конце XIX века, чья деятельность не ограничивалась крещением, но также включала обучение грамоте, приобщение к земледелию, ремёслам, основам гигиены, что в первую очередь способствовало переходу от кочевого к оседлому образу жизни (Kreydun, Nekhvyadovich, 2018). В истории православного миссионерства России изучаются соответствующие практики и значение отдельных личностей миссионеров, включая деятельность таких подвижников, как архимандрит о. Макарий (М.Я. Глухарёв) и священник о. Василий (В.И. Вербицкий), которые не ограничивались только «проповедью», а изучали местные (алтайские) языки коренного населения, основывали церковно-приходские школы и больницы (Collins, 1993). Ряд историков отмечают, что миссионеры достаточно часто сталкивались с нехваткой финансирования (Kreydun, Nekhvyadovich, 2018). Большой проблемой для миссии в Сибири были труднодоступность регионов, суровый климат, низкая плотность населения. Миссионеры прямо указывали на отсутствие инфраструктуры, сезонную недоступность территорий, что напрямую влияло на эффективность православной миссии в среде коренного населения Севера (Artamonova et al., 2018).

Просветительский аспект миссионерской деятельности рассматривается в современной исторической науке в контексте закрепления результатов христианизации населения определенных

территорий. Миссионерские школы вели переводческую деятельность, создавали письменность для местных языков (Kreydun, Nekhvyadovich, 2018; Collins, 1993; Юрганова, 2024; Ховяков и др., 2025). Однако успехи миссий часто были формальными, после обращения и крещения аборигены нередко сохранялись традиционные верования (Artamonova et al., 2018; Артамонова, Асочакова, 2023). Отдельным аспектом у современных историков изучается роль православных миссий в пограничных регионах Российской империи, где существовала сетевая схема строительства монастырей, что способствовало интеграции окраин в имперскую административную систему (Юрганова, 2024).

Несмотря на наличие богатой историографии по православному миссионерству в Сибири, комплексных исследований, посвящённых миссионерским приходам на севере Енисейской губернии, деятельность которых была связана с культурным просвещением коренного населения (тунгусов, самоедов, остяков, енисейских остяков, юраков), явно недостаточно. Существующие работы затрагивают эту тему косвенно и, как правило, в более широких контекстах истории русского православия (Дворецкая, 2018; Артамонова, Асочакова, 2023; Гюнтер, 2022) или истории Сибири и Дальнего Востока (Юрганова, 2022; Юрганова, 2024). Остаются нераскрытыми исторические особенности повседневной организации жизни конкретных миссионерских станов, вопросы материально-технического обеспечения, конкретных практиках просвещения (школьного дела, библиотек, медицинской помощи), характера взаимодействия миссионеров с различными сообществами и группами коренного населения территорий Крайнего Севера Енисейской губернии в период 1870–1905 гг. В данной статье восполняется пробел, связанный с конкретизацией исторической специфики культурно-просветительских практик, характерных для определенного периода истории миссионерских приходов на северных территориях Енисейской губернии, где в это время проживали такие коренные народы, как тунгусы, енисейские остяки, остяки, юраки, самоеды.

4. Результаты

Идеи просвещения имели свои характерные особенности в произведениях российских авторов-просветителей XVIII–XIX вв. и приобрели уникальные характеристики соответствующих практических проектов, отличаясь от французских, британских или германских аналогов. В Российской империи развитие просвещения было инициировано представителями императорской государственной власти и ее институций, источником административно-управленческих просветительских практик были политические решения государей, начиная с XVIII столетия, где особая роль инициаторов просвещения на территории всего государства принадлежит императрице Екатерине II и ее сподвижникам. В дальнейшем органы центральной государственной власти создавали не только столичные, но и региональные структуры, инициировали подготовку служащих для распространения грамотности и православного христианства на всех обширных территориях российского государства, включая самые отдаленные окраины.

Просветительская деятельность среди населения Российской империи осуществлялась с различной степенью успешности, медленно и неравномерно из-за значительных расстояний, рассеянного проживания населения за пределами столичных и крупных губернских городов. Особенно сложными в этом контексте считались территории Севера, Сибири и Дальнего Востока. Помимо тяжелых климатических и географических условий, коренное и старожильское население было преимущественно бедным и безграмотным, в социально-экономической, религиозной, этнической структуре жителей этих территорий были «раскольники» (старообрядцы), ссыльнопоселенцы (осужденные как за уголовные, так и за политические правонарушения), роды, племена и кланы местных инородцев, ведущих преимущественно кочевой образ жизни и даже на фоне небогатого сибирского русского старожильского населения отличавшихся особой нищетой, малой продолжительностью жизни вследствие эпидемий и распространения других форм социального неблагополучия (включая алкоголизм).

Значительное место в истории распространения просвещения на данных территориях принадлежит Русской православной церкви, представители которой руководствовались не только целью распространения православия как основы государственной идеологии Российской империи, включая искоренение ересей и языческих верований, но и задачами формирования и развития российской культуры через распространение русского языка и общепринятых социальных практик в области здравоохранения, включая гигиену, социального обеспечения, образования и обучения востребованным профессиям.

В Енисейской губернии практические аспекты религиозного просвещения территорий, отдаленных от губернского центра, осуществлять было крайне сложно, и особенно – в северных территориях, где проживали несколько разных племен и народностей, говорящих на разных языках, чья грамматика и лексика существенно отличались от русского языка, а также языки разных этнических групп (тунгусов, самоедов, остяков, енисейских остяков, юраков) были мало схожи и между собой. Местоположение кочующих этнических групп на севере губернии часто менялось из-за кочевого образа жизни и соответствующих ему традиционных видов хозяйственной деятельности. Расстояния до их стоянок от стационарных поселений (сельских или уездных городских) зачастую исчислялись сотнями и тысячами верст.

До 1872 года на севере среди аборигенов Енисейской губернии просветительскую деятельность вели «бесприходные» миссионеры-священнослужители, не имеющие постоянного закрепления за определенной территорией – приходом. Они состояли при Троицкой Походной церкви, совершая нечастые выезды к коренному населению для проведения православных христианских богослужений. Их миссионерская и просветительская деятельность была «малоэффективной» по многим причинам, в том числе, потому что местные жители не видели в них духовных авторитетных и значимых наставников, не понимали их языка и не видели особой пользы общения с миссионерами. Понимая все это, церковная администрация принимает соответствующее решение, и в 1872 году категория «походные миссионеры» была упразднена, а обязанности по работе с коренным населением были возложены на приходских священников, которые должны были проживать на местах, где более или менее стационарно находятся люди, и быть в постоянном взаимодействии со своей паствой.

История распространения просвещения на севере Енисейской губернии было напрямую связано с миссионерскими приходами, а именно Туруханским, Верхнеимбатским, Дудинским, Хатангским и Тазовским, вокруг которых рассредоточено проживали представители коренного населения: тунгусы, остяки, енисейские остяки, самоеды, юраки, якуты и долгане. Данные миссионерские приходы были центрами распространения православного христианского учения и просвещения, включающего как духовно-культурные практики, так и практики внедрения развитых форм социальной жизни (гигиены, образования, здравоохранения).

Не все священники, приезжающие на службу в отдаленные от губернских и уездных городов северные территории, могли работать в столь сложных условиях. Многие из них не задерживались более года или двух лет. Однако были среди них и выдающиеся во многих отношениях подвижники, которые, несмотря на все преграды, достигали поставленных для них государством целей. В этом аспекте выделяется фигура священнослужителя о. Михаила (Суслова) (впоследствии – архимандрита о. Макария). Его роль в деле просвещения коренного населения севера Енисейской губернии была отмечена и административно. В феврале 1881 года он получил благодарность епархиального церковного руководства «за заботы о наставлении прихожан и за просвещение инородцев», в 1885 году – архипастырское благословение и благодарность за миссионерство в Туруханском крае, в 1889 – орден св. Анны 3-й степени за крещение коренного населения. За успешное просвещение язычников епархиальная администрация Енисейской губернии неоднократно объявляла о. Михаилу (Суслову) благодарность.

О. Михаил (Суслов) прослужил на севере Енисейской губернии в общей сложности 44 года (с 1870 года до момента своей кончины в 1915 году). К службе он всегда относился с особой ответственностью и не только регулярно совершал поездки к стоянкам коренного населения, но и много времени посвящал написанию отчетов и писем в Енисейскую епархию, подробно описывая нужды прихожан, живущих на вверенной ему территории. Помимо этого, о. Михаил Суслов был автором публикаций в таких периодических изданиях, как Енисейские епархиальные ведомости и Енисейский церковный вестник, справедливо полагая, что данные издания читают не только священники и члены миссионерского общества, но и многие образованные люди, которые, могли бы при известных обстоятельствах проникнуться идеями просвещения и понять нужды коренного населения и прислать какую-либо материальную помощь, пожертвование.

Путевые журналы о. Михаила (Суслова) являются значимым историческим источником и содержат подробные отчеты о его поездках, в которых он много внимания уделяет описанию северной природы и портретам проживающих здесь людей. Так, описывая свое посещение кочевой стоянки остяков (ныне селькупов) в деревне Фарково, он отмечает, что «в разговоре, между прочим, речь коснулась необходимости исполнения каждым христианином долга исповеди и святого причастия, а также *благотворности грамотности для них*. На последнее инородцы-остяки отозвались согласием и, по предложению пристава, дали приговор на ежегодный взнос на училище по 35 коп. с ясашной души» (Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 66).

О. Михаил (Суслов) не только исполнял церковные службы и христианские требы, но вел беседы с инородцами о разных аспектах жизни: сообщал им «новости из газет», говорил о «верности супруге» и «грехе измен», о вреде пьянства, о достоинстве, о правильном ведении торговли и отстаивании своих интересов и многом другом. Он смел стать авторитетным наставником, представители коренного населения ему верили и уважали, отдавая своих детей на обучение: «на предложение мое остячке отдать своих детей: сына Тимофея 4 лет и дочери Марии 6 лет к обучению грамоте она согласилась, обязуясь доставить их в Туруханск лично летнюю порой» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 76). Большую роль в установлении позитивных коммуникаций между священнослужителем и паствой сыграл тот факт, что сам священнослужитель с уважением относился к родной культуре коренного населения, изучал их язык и понимал значимость сохранения этнических традиций. Помимо преподавания Закона Божьего он учил представителей северных народов практическим навыкам в новых для них ремеслах: плетению корзин корзины, вязанию сетей, ловле рыбы ранее неизвестным для них способом и другим.

В отчете по административно-церковной деятельности с 1878 по 1892 годы благочинный о. Михаил (Суслов) пишет: «Мысль об обучении инородцев грамоте возникла давно. Из архивов

Туруханского Троицкого Монастыря видно, что и Духовные и Гражданские начальства Края еще прошлого века *заботились о просвещении грамотой инородцев*. Но и тогда, как и теперь главным препятствием служило пожелание инородцев отдавать детей в учение за 1500 верст в Монастырь» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 15. Л. 28). Он подчеркивал важность разъяснения значимости обучения коренным жителям, их уважения и доверия, а также организации приходских школ, которые не будут столь отдалены от традиционных мест обитания из самих и сородичей (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 114. Л. 11). Так, в отчете он писал, что пока таких школ две: Верхнеинбатская церковно-приходская и формируемая Туруханская центральная миссионерская. Первая была открыта 1 мая 1886 года в доме местного священника и существовала на его средства. 18 декабря 1886 года пристав по фамилии Сергеев (имя и отчество в источнике не указано) издал документ, по которому на содержание школы стали брать с прихожан по 25 копеек с каждой «платежной души». Но деньги поступали неисправно (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 15. Л. 28).

Священник отмечает, что очень важно обустроить центральную миссионерскую школу в селе Туруханск, так как она *«принесет делу просвещения язычников большие подспорья в учениках, которые наученные истинами Веры Христовой, разойдутся по кочевьям сородичей своих, где словом и примером послужат святой цели Миссии»* (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 15. Л. 26).

Об успехах и неудачах просветительской деятельности, которая выступала необходимым условием христианизации инородцев, священнослужители регулярно писали рапорты в церковную администрацию Енисейской и Красноярской епархии. Оценка той или иной степени религиозного обучения проводилась регулярно. В рапорте за 1903–1904 годы о. Михаил (Суслов), ставший к этому времени катехизатором Дудинского и Хатангского приходов иеромонахом о. Макарием, описывает знания и понимание крещеными инородцами православной христианской веры, устройства мира, природы Бога: «Впрочем, все инородцы веруют: что Бог сотворил весь видимый мир; всем управляет; все знает и все видит, но неодинаково понимают, Его правдивость, полагая, что он не может своевременно оказать помощь человека, или наказать за обиду богатого-обидающего» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–4). Он отмечает, что в заупокойном культе даже крещенные инородцы придерживаются «старых языческих обрядов». Кроме успехов священнослужитель упоминает и негативные моменты, подчеркивая при этом, что они единичны и редки: «Самоедский Кеха живя у Дудинской церкви, обучая даже детей своих в церковно-приходской школе, вблизи местного священника – неуважительно относится к изображению креста, помещаемого им в чуму около собак... Случай эти, к счастью, очень редки...» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 5).

О. Михаил (Суслов) (в поздние годы своей жизни архимандрит о. Макарий) всегда отстаивал необходимость пребывания священника «рядом» с коренными народами Севера. Он писал, что «постоянное пребывание причта при церкви имело бы и культурное влияние на прихожан: могла бы существовать школа, могли бы вестись религиозно-нравственные собеседования, болеющим, вместе с религиозным утешением, могла бы быть оказываема медицинская помощь, добрые советы в житейских затруднениях и напастях» (Архимандрит Макарий (Суслов), 1907: 2).

Священнослужитель в своих отчетах подробно описывает нужды приходской школы, указывая на необходимость организации общежития при школе, где обучающиеся будут «содержаться достойно». А также отмечает необходимость формирования «сочувственного отношения» к таким школам у прихожан и родителей учеников, которые будут «помогать в ее благородном деле посильным способом» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 15. Л. 29–30). Без этого, полагает о. Михаил (Суслов) школа будет восприниматься как «учреждение принудительного характера» и задач своих не выполнит. Записи о. Михаила (Суслова) показывают, что в деле просвещения и вопросах принятия веры принципиальной позицией священников миссионерских приходов был добровольный выбор человека. Насильственная христианизация и навязывание грамотности казались им неуместными и ненужными, как и поиск средств для содержания миссии.

В своих публикациях Суслов не раз отмечал «нужду» в деньгах, строительных материалах, инструментах, припасах еды, лекарствах, утвари, иконах, материалах для одежды детей-инородцев, учебных пособий и книг, а «главнейшее – в любви к угнетенным и природой, и людьми – людям» (Архимандрит Макарий (Суслов), 1907: 3). Он обращался с призывом о помощи к неравнодушным людям, которые бы понимали «благость» данных пожертвований.

Проект Туруханской школы, смета содержания учителя, русских учеников и учеников-инородцев подробно описаны в рапорте священника о. Ивана (Иоанна) (Фирсова) на имя Преосвященного Антония, где миссионер-просветитель пишет, что «инородческие дети должны содержаться по проекту на суммы миссионерского общества по 70 рублей на каждого. Принимаются дети обоего полу в неограниченном количестве. Предметы обучения соответствуют первоначальным народным школам. Помимо Закона Божия, обязательны: чтение и письмо, арифметика, история, география» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 13. Л. 2).

Значимость устройства приходских школ и понимании этого населением отстаивает красноярский педагог и ученый (археолог, антрополог и топограф) Иван Тимофеевич Савенков в статье «Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно-просветительным делом в епархии». Он отмечает, что лишь «немногие из мирян вникают в быт, нужды и просветительские

задачи местного духовенства, не понимают глубокое значение школ для всей епархии, которые представляют равный интерес и для духовного лица, и для мирянина» (Савенков, 1884: 55). «Церковь и школа, как две сестры, без ревности, с любовью должны совершать свой религиозно просветительный труд для утверждения веры, для славы Царя, силы и благосостояния государства, для процветания родного сибирского края» (Савенков, 1884: 70).

Процессы постройки приходских школ были под наблюдением местных священников, а также под контролем Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества, куда регулярно священнослужителями направлялись соответствующие рапорты. Так, в рапорте священника о. Павла (Попова), в котором описывается его поездка для «личного осмотра работы по постройке церкви и школы», состоявшаяся с 17 декабря по 5 декабря 1903 года, сообщается: «в общем о работе можно сказать, что она производится медленно, но тщательно... Стены выведены правильно... окна распределены симметрично... пазы в бревнах выбраны глубоко» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 113. Л. 1). Следовательно, организация образовательного процесса сопровождалась контролер миссионеров-священнослужителей от проектирования и строительства здания школы, до обеспечения и реализации непосредственно учебной деятельности.

В рапорте Константина Рычкова, псаломщика Тазовской церкви Туруханского края, представлен отчет о работе школы за 1904 год и также описываются «нужды» Тазовской школы. Текст документа свидетельствует о заинтересованности его автора в успешной реализации образовательного процесса, он отмечает, что «для бесед с инородцами в школе немалую пользу оказал бы волшебный фонарь с картинами важнейших событий Ветхозаветной истории и жизни Христа» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 7). Помимо этого, указывается на недостаточное количество учебников и пособий, в том числе и на «языке инородцев», а также на отсутствие оплаты учительского труда: «Вопиющая нужда нашей школы – не оплачивается труд учителя, каждый труд должен вознаграждаться» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 7а). Псаломщик выражает собственное желание «обучать детей инородцев ремеслам»: «испрашиваю Вашего Архипастырского благословения позволить обучать детей инородцев ремеслам по преимуществу необходимым в жизни инородцев по следующему конспекту: дети во внеучебное время под моим руководством будут заниматься приготовлением главным образом рыболовных снастей. Как то: сетей, неводов, морд и проч. ... Прихожане не имеют необходимых снастей для ловли рыбы, а ловят первобытным способом. Тогда как существование Тазовских инородцев всецело зависит от удачного улова рыбы, как не имеющих скота» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 7).

Катехизатор Дудинско-Хатангского прихода, Туруханского края дьякон о. Григорий (Кайдалов) описывает свою поездку и общение с инородцами о знании ими основ православного культа и подчеркивает значимость обучения их грамоте, заявляя о недостаточном количестве людей, способных к учительству и выражая свою готовности заняться этим делом. Он указывает, что рассредоточенность инородцев на обширной территории требует огромного количества учителей. Так, побеседовав с тунгусом Григорием Безруких, катехизатор заключает: «Нет детей школьного возраста в ближайших чумах, пришлось бы содержать учителя только для его двоих детей» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 12). Общась с инородцами, анализируя их рассуждения и отношение к обучению, о. Григорий (Кайдалов) в своем рапорте отмечает, что кругозор жителей севера «весьма ограничен», поскольку «кроме богатой природы, что окружает их постоянно, им ничего особо неизвестно, в связи с этим северянам сложно объяснять что-то, если это не касается рыбы, оленей или песка» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 12).

Практически во всех изученных источниках священнослужители-миссионеры проводят идею о том, что просвещение и миссионерство, включая обучение хотя бы основам грамоты, нераздельны. Об этом четко и ясно пишет и дьякон о. Григорий (Кайдалов): «Я убежден, что для инородцев нужен учитель, а не миссионер, правда, учитель с зататками миссионера. Десять таких учителей в 15 лет, обучая инородческих детей грамоте сделают то, чего десяти миссионерами обучающим взрослых не сделать для миссии за сотни лет» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 89. Л. 16).

5. Заключение

В конце XIX – начале XX века на северных территориях Енисейской губернии осуществлялась религиозная и социально-культурная просветительская деятельность, положившая начало дальнейшему образованию коренного населения в рамках государственного освоения этих окраинных земель Российской империи. Но если на юге губернии, среди татар и хакасов, просвещение населения достигало больших результатов, то на северных территориях, где в тяжелых климатических и географических условиях проживали представители коренного населения (тунгусы, остяки, самоеды, юраки, енисейские остяки), это был сложный процесс, требующий особого подхода и особого типа личности миссионеров и просветителей. Только благодаря личным качествам священников местных приходов, их подвижничеству на Севере Енисейской губернии возникали новые центры религиозного и социально-культурного просвещения, что особенно характерно для исторического периода 1870–1905 годов.

Достигнутые успехи миссионерской деятельности и просветительства, включая обучение основам грамоты, гигиены, ремеслам, во многом связаны и обуславливают друг друга. В изученных архивных документах представлены описания бесед священников с инородцами, анализ которых позволяет понять, что с одной стороны, многие инородцы и сами стремились к освоению грамоты и способствовали обучению своих детей, в тоже время принимая христианское учение (например, изучая молитвы). Но многие христианские таинства и обряды порой было невозможно выполнить из-за местных условий. Так, не было возможности соблюдения постов, установленных Русской православной церковью, так как на Севере люди питались исключительно тем, что удавалось добыть промыслом (мясом, рыбой).

Сложная просветительская служба священников миссионерских приходов северных окраин губернии никогда не носила принудительный характер, просветители-миссионеры с уважением относились к этнической культуре аборигенов, сами учили их язык, обучали доверенных им детей практическим навыкам, становясь авторитетными наставниками.

Одновременно распространению образования препятствовали различные субъективные и объективные факторы: от страхов инородцев перед обучением из-за сложности этого процесса до отсутствия инфраструктуры, включая общежития, необходимого для кочевого населения. Просветители-миссионеры последовательно формулировали и решали просветительские задачи, стремясь сделать процесс обучения максимально доступным всем жителям северных территорий Енисейской губернии.

Помимо просвещения коренных народов на севере Енисейской губернии, приходские священники много сил вкладывали в просвещение русского старожильского и вновь прибывшего из центральных районов Российской империи населения, в том числе, посредством публикаций просветительского содержания в епархиальных изданиях. Просветительская деятельность миссионеров и иных категорий священнослужителей Русской православной церкви в Енисейской губернии в целом, и особенно – на ее северных территориях, – никогда не ограничивалась исключительно религиозным содержанием, но включала в себя комплекс просветительской практической деятельности на базе развития образования, здравоохранения и других необходимых социальных практик. Более того, в местах традиционного проживания северных коренных народов они были единственными просветителями до 1920-х гг., создавая первые описания быта, традиций, языков и культур этих народов, имеющих значение исторических источников и в настоящее время.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Литература

- Аверин, 2024 – Аверин М.Б. Усилия Совета министров по укреплению государственного единства Российской империи (1906–1914 гг.) // *Сибирский антропологический журнал*. 2024. Т. 8. № 1. С. 112–114.
- Аверьянова, 2019 – Аверьянова Д.В. Духовенство и прихожане: борьба за трезвость в Минусинском уезде в конце XIX – начале XX в. // *Исторические исследования*. 2019. № 3. С. 55–65.
- Алексеев, 1979 – Алексеев Е.А. Христианизация на Туруханском Севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // *Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Л., 1979. С. 50–85.
- Артамонова, Асочакова, 2023 – Артамонова Н.Я., Асочакова В.Н. Миссионерская деятельность в Енисейской епархии в конце XIX – начале XX в.: трудности и достижения // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2023. Т. 19. № 4. С. 126–136.
- Архимандрит Макарий (Суслов), 1907 – Архимандрит Макарий (Суслов). На помощь инородцам // *Енисейский церковный вестник*. 1907. № 45. С. 2–3.
- Быконя, 2003 – Быконя Г.Ф. Красноярск: этапы исторического пути. Красноярск: Буква, 2003. 146 с.
- Быконя, 2015 – Быконя Г.Ф. Особенности и результаты крещения ясачного населения Восточной Сибири в XVIII в // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2015. Т. 13. С. 25–30.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гюнтер, 2022 – Гюнтер О. А. Зарождение и развитие национальной школы народов Туруханского края Енисейской губернии в дореволюционный период (1860-е–1917 гг.) // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 4. С. 144–151.
- Дворецкая, 2018 – Дворецкая А.П. Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг. Красноярск: издательство Сибирского федерального университета, 2018. 315 с.
- Дворецкая, Терскова, 2019 – Дворецкая А.П., Терскова А.А. К вопросу о распространении православия среди инородцев Туруханского края в XVIII – начале XX вв. / *Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию Енисейска): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Красноярск, 12–13 сентября 2019 г.)*. Красноярск, 2019. С. 118–125.

[Донская, 2019](#) – Донская А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в XVII – начале XX в. (на примере народов Сибири) // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 69-79.

[Колесник, Букова, 2026](#) – Колесник М.А., Букова М.И. Способы репрезентации коренных знаний северных и сибирских народов в этнографии Российской империи XVIII - начала XX века // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2026. Т. 19. № 1. С. 54-63.

[Копцева, Перепелица, 2026](#) – Копцева Н.П., Перепелица Ю.Н. Ранние зарубежные источники по этнографии самодейских народов // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2026. Т. 19. № 1. С. 74-84.

[Латкин, 1892](#) – Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. Санкт-Петербург: Типография и литография В. А. Тиханова, 1892. 467 с.

[Рынков, 2010](#) – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

[Савенков, 1884](#) – Савенков И. Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно просветительным делом в епархии // *Енисейские Епархиальные ведомости*. 1884. № 4. С. 54-71.

[Соколов, 2025](#) – Соколов С.М. Тема присоединения Сибири к России в раннем творчестве Г.В. Вернадского: геополитический аспект // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2025. Т. 9. № 4. С. 60-66.

[Ховяков и др., 2025](#) – Ховяков А.А. и др. Антропология питания самодейских народов // *Сибирский антропологический журнал*. 2025. Т. 9. № 3. С. 101-111.

[Чертков, 2025](#) – Чертков А.С. Особенности установления ясачного режима «в государеве дальней земле» в XVII веке // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2025. Т. 9. № 3. С. 19-29.

[Юрганова, 2021](#) – Юрганова И.И. Деятельность Русской православной церкви на северо-востоке Сибири: инкорпорация в русскую государственность (XVII – начало XX века). Чита, 2021. 328 с.

[Юрганова, 2024](#) – Юрганова И.И. Православные обители как центры христианской цивилизации на восточных рубежах русского государства // *Гуманитарный вектор*. 2024. Т. 19. № 2. С. 113-122.

[Юрцовский, 1923](#) – Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923. Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. 1923. 246 с.

[Artamonova, 2018](#) – Artamonova N.Ya., Asochakova V.N., Chistanova S.S. Religious Migration: the History of Missionary Work in Siberia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. № 11(8). Pp. 1188-1210.

[Collins, 1993](#) – Collins D.N. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makarii and V. I. Verbitskii // *Siberia and the Russian Far East: A Bibliographic Portrayal*. 1993. Pp. 31-46.

[Dvoretskaya et al., 2024](#) – Dvoretskaya A.P., Shakhmatov A.V., Surzhko A.V., Novosel'tsev N.R. Nansen and S. V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 937-945.

[Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S. The Image of Siberian Territories of the Russian Empire in Regional Periodicals at the Turn of the 19th–20th Centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 422-431.

[Kreydun, Nekhvyadovich, 2018](#) – Kreydun Yu.A., Nekhvyadovich L.I. Culture-Forming Role of the Missionary Activities of the Orthodox Church in Altai in the 19th – Early 20th Centuries // *European Journal of Science and Theology*. 2018. № 14(6). Pp. 171-181.

[Sertakova et al., 2025](#) – Sertakova E.A., Leshchinskaya N.M., Koptseva M.S., Zotov S.O. Tungus-Manchu Peoples of the Russian Empire in the Works of the First Yenisei Governor A.P. Stepanov and Siberia Scholar G.I. Spassky // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1152-1163.

[Slezkine, 1994](#) – Slezkine Yu. Savage Christians or Unorthodox Russians? The Missionary Dilemma in Siberia // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. 1994. Pp. 15-31.

[Zhulaeva et al., 2023](#) – Zhulaeva A.S., Dvoretskaya A.P., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 18(3): 1374-1383.

References

[Alekseyenko, 1979](#) – Alekseyenko, Ye.A. (1979). Khristianizatsiya na Turukhanskom Severe i yeye vliyaniye na mirovozzreniye i religioznyye kul'ty ketov [Christianization in the Turukhansk North and its influence on the worldview and religious cults of the Kets]. *Khristianstvo i lamaizm u korennoogo naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. L. Pp. 50-85. [in Russian]

[Archimandrite Makariy \(Suslov\), 1907](#) – Archimandrite Makariy (Suslov) (1907). Na pomoshch' inorodtsam [To the aid of foreigners]. *Yeniseyskiy tserkovnyy vestnik*. 45: 2-3. [in Russian]

[Artamonova, 2018](#) – Artamonova, N.Ya., Asochakova, V.N., Chistanova, S.S. (2018). Religious Migration: the History of Missionary Work in Siberia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 11(8): 1188-1210.

- [Artamonova, Asochakova, 2023](#) – Artamonova, N.Ya., Asochakova, V.N. (2023). Missionerskaya deyatel'nost' v Yeniseyskoy yeparkhii v kontse XIX – nachale XX v.: trudnosti i dostizheniya [Missionary activity in the Yenisei diocese in the late 19th – early 20th centuries: difficulties and achievements]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 19(4): 126-136. [in Russian]
- [Averin, 2024](#) – Averin, M.B. (2024). Usiliya Soveta ministrov po ukrepleniyu gosudarstvennogo yedinstva Rossiyskoy imperii (1906–1914 gg.) [Efforts of the Council of ministers to strengthen the state unity of the Russian Empire (1906–1914)]. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*. 8(1): 112-114. [in Russian]
- [Aver'yanova, 2019](#) – Aver'yanova, D.V. (2019). Dukhovenstvo i prikhozhane: bor'ba za trezvest' v Minusinskom uyezde v kontse XIX – nachale XX v. [Clergy and parishioners: the struggle for sobriety in the Minusinsk district in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskiye issledovaniya*. 3: 55-65. [in Russian]
- [Bykonya, 2003](#) – Bykonya, G.F. (2003). Krasnoyarsk: etapy istoricheskogo puti [Krasnoyarsk: Stages of the Historical Path]. Krasnoyarsk: Bukva. 146 p. [in Russian]
- [Bykonya, 2015](#) – Bykonya, G.F. (2015). Osobennosti i rezul'taty kreshcheniya yasachnogo naseleniya Vostochnoy Sibiri v XVIII v. [Features and results of the baptism of the Yasak population of Eastern Siberia in the 18th century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 13: 25-30. [in Russian]
- [Chertkov, 2025](#) – Chertkov, A.S. (2025). Osobennosti ustanovleniya yasachnogo rezhima «v gosudareve dal'ney zemle» v XVII veke [Features of the establishment of the Yasak regime “in the sovereign's distant land” in the 17th century]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 9(3): 19-29. [in Russian]
- [Collins, 1993](#) – Collins, D.N. (1993). The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makarii and V. I. Verbitskii. *Siberia and the Russian Far East: A Bibliographic Portrayal*. Westport. Pp. 31-46.
- [Donskaya, 2019](#) – Donskaya, A.A. (2019). Pravovoye regulirovaniye missionerskoy deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XVII – nachale XX v. (na primere narodov Sibiri) [Legal regulation of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the 17th – early 20th centuries (on the example of the peoples of Siberia)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11: 69-79. [in Russian]
- [Dvoretetskaya et al., 2024](#) – Dvoretetskaya, A.P., Shakhmatov, A.V., Surzhko, A.V., Novosel'tsev, N.R. (2024). Nansen and S. V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 19(2): 937-945.
- [Dvoretetskaya, 2018](#) – Dvoretetskaya, A.P. (2018). Pravoslavnaya tserkov' i naseleniye Priyeniseyskoy Sibiri. 1700-1919 gg. [The Orthodox church and the population of Yenisei Siberia. 1700–1919]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 315 p. [in Russian]
- [Dvoretetskaya, Terskova, 2019](#) – Dvoretetskaya, A.P., Terskova, A.A. (2019). K voprosu o rasprostraneniye pravoslaviya sredi inorodtsev Turukhanskogo kraya v XVIII – nachale XX vv. [On the spread of orthodoxy among the non-Russians of the Turukhansk region in the 18th – early 20th centuries]. *Yeniseyskaya Sibir' v istorii Rossii (k 400-letiyu Yeniseyska): materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Krasnoyarsk, 12-13 sentyabrya 2019 g.)*. Krasnoyarsk. Pp. 118-125. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of Krasnoyarsk Krai].
- [Günther, 2022](#) – Günther, O.A. (2022). Zarozhdeniye i razvitiye natsional'noy shkoly narodov Turukhanskogo kraya Yeniseyskoy gubernii v dorevolutsionnyy period (1860-ye-1917 gg.) [The origin and development of the national school of the peoples of the Turukhansk region of the Yenisei governorate in the pre-revolutionary period (1860s–1917)]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(4): 144-151. [in Russian]
- [Khovyakov et al., 2025](#) – Khovyakov, A.A., Seredkina, N.N., Zotov, S.O., Koptseva, M.S. (2025). Antropologiya pitaniya samodiyskikh narodov [Anthropology of the Samoyedic Peoples' Diet]. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*. 9(3): 101-111. [in Russian]
- [Kolesnik, Bukova, 2026](#) – Kolesnik, M.A., Bukova, M.I. (2026). Sposoby reprezentatsii korennykh znaniy severnykh i sibirskikh narodov v etnografii Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX veka [Methods of representing indigenous knowledge of Northern and Siberian peoples in the ethnography of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 19(1): 54-63. [in Russian]
- [Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S. (2022). The Image of Siberian Territories of the Russian Empire in Regional Periodicals at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 422-431.
- [Koptseva, Perepelitsa, 2026](#) – Koptseva, N.P., Perepelitsa, Yu.N. (2026). Ranniye zarubezhnyye istochniki po etnografii samodiyskikh narodov [Early foreign sources on the ethnography of the Samoyedic peoples]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 19(1): 74-84. [in Russian]
- [Kreydun, Nekhvyadovich, 2018](#) – Kreydun, Yu.A., Nekhvyadovich, L.I. (2018). Culture-Forming Role of the Missionary Activities of the Orthodox Church in Altai in the 19th – Early 20th Centuries. *European Journal of Science and Theology*. 14(6): 171-181.
- [Latkin, 1892](#) – Latkin, N.V. (1892). Yeniseyskaya guberniya, yeye proshloye i nastoyashcheye [Yenisei province, its past and present]. Sankt-Peterburg: Tipografiya i litografiya V. A. Tikhanova, 467 p. [in Russian]

Rynkov, 2010 – Rynkov, V.M. (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: their place in the system of historical sources]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Savenkov, 1884 – Savenkov, I. (1884). Neskol'ko slov o narodnom obrazovanii v svyazi s religiozno-prosvetitel'nym delom v yeparkhii [A few words about public education in connection with religious educational work in the diocese]. *Yeniseyskiye Yeparkhial'nyye vedomosti*. 4: 54-71. [in Russian]

Sertakova et al., 2025 – Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Koptseva, M.S., Zotov, S.O. (2025). Tungus-Manchu Peoples of the Russian Empire in the Works of the First Yenisei Governor A.P. Stepanov and Siberia Scholar G.I. Spassky. *Bylye Gody*. 20(3): 1152-1163.

Slezkine, 1994 – Slezkine, Yu. (1994). Savage Christians or Unorthodox Russians? The Missionary Dilemma in Siberia. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. Pp. 15-31.

Sokolov, 2025 – Sokolov, S.M. (2025). Tema prisoyedineniya Sibiri k Rossii v rannem tvorchestve G.V. Vernadskogo: geopoliticheskiy aspekt [The theme of Siberia's annexation to Russia in the early works of G.V. Vernadsky: a geopolitical aspect]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 9(4): 60-66. [in Russian]

Yurganova, 2021 – Yurganova, I.I. (2021). Deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi na severo-vostoke Sibiri: inkorporatsiya v russkuyu gosudarstvennost' (XVII – nachalo XX veka) [Activities of the Russian Orthodox church in Northeastern Siberia: incorporation into Russian statehood (17th – early 20th centuries)]. Chita. 328 p. [in Russian]

Yurganova, 2024 – Yurganova, I.I. (2024). Pravoslavnyye obiteli kak tsentry khristianskoy tsivilizatsii na vostochnykh rubezhakh russkogo gosudarstva [Orthodox monasteries as centers of Christian civilization on the Eastern Borders of the Russian state]. *Gumanitarnyi vector*. 19(2): 113-122. [in Russian]

Yurtsovsky, 1923 – Yurtsovsky, N.S. (1923). Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. Novo-Nikolayevsk, 1923. Vyp. 1: Obshchiy khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri [Essays on the history of education in Siberia. Novo-Nikolayevsk, 1923. Issue 1: General course of development of school affairs in Siberia. 1703–1917]. 246 p. [in Russian]

Zhulaeva et al., 2023 – Zhulaeva, A.S., Dvoretzkaya, A.P., Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2023). Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 18(3): 1374-1383.

Миссионерские приходы как центры просвещения коренного населения на севере Енисейской губернии

Екатерина Анатольевна Сертакова ^{a, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^a, Мария Сергеевна Копцева ^a, Степан Олегович Зотов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. На основе исследования ранее неопубликованных источников – материалов Государственного архива Красноярского края (фонд № 667) – рассматривается история просветительской деятельности священнослужителей миссионерских приходов на севере Енисейской губернии в 1870–1905 годах. Анализируется переход от малоэффективной походной миссии к системе стационарных приходов (Туруханского, Верхнеимбатского, Дудинского, Хатангского, Тазовского), ставших центрами просвещения коренного населения. Особое внимание уделяется роли личности священников как миссионеров-подвижников, примером которых является о. Михаил Иванович Суслов (архимандрит о. Макарий), включая организацию церковно-приходских школ, обучении детей коренного населения грамоте, навыкам гигиены и новым для них ремеслам. Раскрываются специфические методы работы миссионеров-просветителей, включавшие изучение местных языков коренных народов Севера и отстаивание принципа добровольности принятия ими православной христианской веры. Выявлено, что просвещение рассматривалось как необходимое условие христианизации коренного населения Енисейской губернии, при этом деятельность приходов способствовала формированию первых основ образования тунгусов, остяков, самоедов, юраков и енисейских остяков в сложных климатических и территориальных условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: Российская империя, Енисейская губерния, Епархиальный Комитет, православное миссионерское общество, миссионеры, просвещение, крещение и христианизация инородцев.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esertakova@sfu-kras.ru (Е.А. Сертакова), nlibakova@sfu-kras.ru (Н.М. Лещинская), mkoptseva@sfu-kras.ru (М.С. Копцева), szotov@sfu-kras.ru (С.О. Зотов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 919-930
DOI: 10.13187/bg.2026.2.919

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Frontier Migration Processes of the Population from East Turkestan to the Fergana Valley in the late 19th – early 20th centuries

Bakhromjon B. Khaynazarov ^{a, b}, Gulnur B. Narymbet ^{c, *}, Oysuluv J. Urakova ^d, Akramjon P. Akhunov ^e

^a National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

^b Oriental University, Republic of Uzbekistan

^c M. Auyezov South Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan

^d Andijan State Medical Institute, Republic of Uzbekistan

^e Andijan State University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article analyzes the processes of frontier migration from East Turkestan to the Fergana Valley at the end of the 19th century – early 20th centuries from the perspective of historical space and social transformation. The relevance of the research is determined by the need for an in-depth study of migration's impact on the structure of local society, social relations, and the cultural environment in the process of developing the frontier territories of the Fergana Valley. The article focuses on identifying common historical patterns through the analysis of frontier migration to the Fergana Valley. The study employs historical-genetic, source-based, and microhistorical methods, as well as comparative analysis, to identify the features of frontier migration.

The results obtained from archival documents, official notes, reports of officials, and statistical materials on the activities of the Turkestan Governor-Generalship demonstrate that frontier migration led to social adaptation and the formation of property relations among settlers from East Turkestan. The article clarifies that frontier migration was an active instrument of the Turkestan Governor-Generalship's migration policy in the Fergana Valley. The research results confirm the effectiveness of the microhistorical approach in studying the history of frontier migration. The authors substantiate that frontier migration processes had a positive impact on the demographics of the local population in the Fergana Valley.

Keywords: Frontier migration, East Turkestan, Fergana Valley, Uyghurs, Dungans, Kashgarlik, Kashgar, Yettishar State, Yakub Beg, Turkestan Governor-Generalship.

1. Введение

В исторических исследованиях последних лет широко применяется концепция фронтирных миграций, которая считается одним из основных механизмов исторического и социального развития. Данное явление возникает в условиях расширения человеческой деятельности на приграничные, периферийные или менее интегрированные территории. В современной науке фронтинтерпретируется не как строгая пограничная линия, а как динамическая зона, где происходят процессы установления контактов, взаимодействия и столкновения различных сообществ и цивилизаций (Sarraf, 2020).

Фронтирные миграции – это не просто переселение населения в другие регионы, а процесс, сопровождающийся освоением новых территорий и ресурсов, формированием новых сообществ, а также нарушением или изменением существующих социальных и культурных порядков. Антропологические

* Corresponding author

E-mail addresses: n.gulnur_85@mail.ru (G.B. Narymbet), beshkurgan@gmail.com (B.B. Khaynazarov), oysuluv78@mail.ru (O.J. Urakova), akramjonaxunov1979@gmail.com (A.P. Akhunov)

исследования показывают, что такие миграции являются формой адаптации человека к новым экологическим, экономическим и политическим условиям и неизбежно приводят к культурным изменениям (Alexander et al., 2007). Исторически территории Центральной Азии и Восточного Туркестана, расположенные на перекрестке цивилизаций, считались одними из мест, где наблюдались активные миграционные процессы. Представители этих регионов издавна поддерживали взаимные торговые отношения и между ними интенсивно развивались этнокультурные связи. Особенно активно эти процессы протекали между Восточным Туркестаном и Ферганской долиной.

Территория Восточного Туркестана исторически включает в себя бассейн Тарима и прилегающие к нему территории - преимущественно пустынные и горные районы между Тянь-Шанем на севере и Памиро-Алаем на юге. Эта территория до XX века рассматривалась в широком географическом смысле и не имела четких политических границ. Неудивительно, что впоследствии регион стал частью политики «Большой игры» между крупными державами – Российской империи, Великобритании и Китая. В свою очередь, Ферганская долина была одним из социально-экономически развитых регионов Туркестанского генерал-губернаторства. Между Ферганской долиной (на западе) и Восточным Туркестаном расположены высокие горные хребты Тянь-Шаня. Эти горные хребты образовали естественный барьер между двумя регионами. Это позволило резко ограничить массовые миграции, держать под контролем торговые и военные коммуникации. В то же время это создало климатические и хозяйственные различия между регионами.

2. Материалы и методы

К источникам, освещающим историю фронтальных миграций между Ферганской долиной и Восточным Туркестаном, можно отнести архивные документы, периодические издания, а также путевые заметки и мемуары должностных лиц Российской империи.

В частности, в Национальном архиве Узбекистана в фонде И-1 – Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора в описях 29 и 34 содержатся значимые документы, касающиеся миграционных процессов населения в Ферганскую область из Восточного Туркестана. Особый интерес представляют данные о переселении дунганских беженцев на территорию Ферганы в 1870–1880-е гг.

В фондах Национального архива Узбекистана (НАУз, Ташкент, Узбекистан) И-19 – «Ферганское областное управление» (1876–1917), И-276 – Канцелярия военного губернатора Ферганской области содержатся материалы по вопросам переселения населения из Восточного Туркестана в Ферганскую область, а также вопросы гражданства переселенцев.

Государственные и общественные деятели, непосредственно участвовавшие в социально-экономических и политических процессах этого периода, в своих путевых заметках, воспоминаниях и мемуарах стремились проанализировать связанные с темой вопросы. В этой связи следует особо отметить воспоминания А.Н. Куропаткина (Куропаткин, 1878), отправленного в 1876 году в качестве посланника туркестанского генерал-губернатора в государство Еттишаар (Еттишахар) отчет Н.Ф. Петровского, консула Российской империи в Кашгаре (Петровский, 1886), а также работы М. Павлова (Павлов, 1910). Данные авторы изложили свои соображения о социальных и культурных взаимоотношениях жителей Восточного Туркестана с Ферганской долиной, причинах миграции населения и ее периодах. Наряду с этим в ряде статистических сборниках также содержатся многочисленные сведения о перемещении населения в Ферганскую долину из различных приграничных территорий (Обзор Ферганской..., 1901).

В ходе анализа поставленной проблемы использован комплекс методов исторического исследования.

1. Метод историзма этот метод позволяет рассматривать фронтальную миграцию в определенный период и в конкретных исторических условиях. На основе этого в статье анализируются этапы, динамика и структурные изменения фронтальных миграций.

2. Системный подход. С помощью этого метода миграция изучалась как целостная система, включающая социальные, экономические, политические и культурные факторы. Это позволило рассматривать фронтальную территорию в качестве комплексного пространства.

3. Историко-генетический метод. Этот метод помогает раскрыть происхождение и процесс формирования фронтальной миграции, а также проанализировать ранние этапы и последующие трансформации в жизнедеятельности мигрантов.

4. Количественный (квантитативный) анализ позволяет рассматривать объем, направления и интенсивность миграций. Это имеет важное значение при анализе миграций с помощью таблиц и динамических показателей.

5. Микроисторический метод полезен при изучении фронтальной миграции на примере отдельной общины, села, семьи или человека, переселившегося из Восточного Туркестана. Это обусловлено тем, что крупные миграционные процессы отчетливо видны в небольшом пространстве.

3. Обсуждение

Изучение истории миграций между Восточным Туркестаном и Ферганской долиной началось в советский период. В частности, Э. Мамедова (Мамедова, 1963), Г. Никольская (Никольская, 1962) и

С. Губаева (Губаева, 1983) проводили научные исследования, посвященные вопросам, связанным с этносами, переселившимися в Ферганскую долину, их образом жизни и культурой. В годы независимости Узбекистана был также проведен ряд научных исследований, посвященных проблемам миграции населения. В частности, такими исследователями, как Г. Валихонова (Валихонова, 2021), С. Габриэлян (Gabrielyan et al., 2025), Б. Хайназаров (Khaynazarov et al., 2019), Д. Ураков (Ураков, Шоназаров, 2025), А. Муминов (Муминов, Муминов, 2025) были рассмотрены теоретические вопросы миграции, её социально-экономические последствия в Узбекистан из различных регионов, а также вопросы влияния на демографические процессы в Ферганской долине.

Миграции населения из Восточного Туркестана в Ферганскую долину привлекли внимание многих зарубежных исследователей. В частности, С. Абашин (Абашин, 2001) и Ким Ходонг (Kim, 2004) показали влияние государства Якуббека и последствия его падения на миграционные процессы в Ферганской долине, а также роль этих событий в изменении этнического самосознания населения региона.

Другой исследователь А. Камалов рассмотрел вопрос миграции населения Кашгара после падения Кашгарского эмирата в Восточном Туркестане (Камалов, 2006). При этом он обратил внимание на политические события, произошедшие за короткий период и их влияние на миграцию. Все перечисленные выше исследования ограничивались лишь фронтными миграциями на русско-китайской границе в XIX веке, – переселениями в Казахские степи и жизнью кочевых скотоводов (Atantayeva et al., 2021). Но миграции между Восточным Туркестаном и Ферганской долиной не рассматривались с фронтальной точки зрения. Такой подход требует изучения этнической и культурной самобытности, особенностей расселения населения, переселившегося в Ферганскую долину, а также их влияния на этническое разнообразие в Ферганской долине. Особенно важно рассмотрение массовых миграций в политических и социально-экономических процессах с точки зрения фронтальных концепций.

4. Результаты

Прежде всего, целесообразно кратко остановиться на истории миграционных процессов между двумя регионами. С древних времен Восточный Туркестан и Ферганская область играли важную роль во взаимных миграционных процессах различных народов. В частности, политическая нестабильность, наблюдавшаяся в Восточном Туркестане с XVII века, и последующее завоевание региона империей Цин оказали большое влияние на миграционные процессы. Это связано с тем, что вследствие политического кризиса экономических трудностей и ухудшения социального положения населения Восточного Туркестана, многие люди были вынуждены покинуть свои места жительства и переселиться в регионы, близкие по территории, языку, культуре и обычаям. Особенно жители Ферганской области, географически соседствующей с Восточным Туркестаном, были благосклонны к переселенцам и оказывали им всестороннюю поддержку в связи с их этнической близостью. Эти процессы в системе фронтальных миграций можно классифицировать как дофронтальный этап.

В XVIII веке на территории Восточного Туркестана обострились внутренние конфликты, завершившиеся завоеванием региона Джунгарским ханством. Из-за отсутствия альтернативных путей спасения жизни, основная часть мигрантов из Восточного Туркестана направилась в Ферганскую долину. С этого времени межрегиональные миграции приобрели массовый характер. К концу 1750-х годов в Фергану переехали примерно 9000 семей – порядка 40 тыс. жителей Кашгара. По данным источников, население Ферганы тогда составляло около 300 тыс. человек. К началу XIX века потомки этих поселенцев уже воспринимались как местные жители, и их прежнее происхождение было забыто. Особого внимания заслуживает тот факт, что жители некоторых сел Наманганской области говорили на диалекте узбекского языка, где явно прослеживалось влияние уйгурских лексических и грамматических особенностей. На сегодняшний день нет достоверных свидетельств того, что переселенцы оказались в данном регионе ещё в XIX веке. Тем не менее, весь XIX век наблюдался постоянный приток населения из Восточного Туркестана в Среднюю Азию. Постоянные военные столкновения с Китаем, часто завершавшиеся поражением Еттишаара, провоцировали миграции разного уровня и масштаба (Абашин, 2001: 209).

Разумеется, отношения среднеазиатских ханств, в частности Кокандского ханства, с Китаем также не были дружественными. Даже в 1829–1832 годах между ними произошла война, в результате которой, согласно мирному договору, многие семьи переселились на территорию ханства, что отражено в исторических источниках. Тем не менее, контакты между двумя регионами не прерывались.

В истории этих связей важную роль играли такие крупные торговые и культурные центры долины, как Коканд, Андижан, Маргилан, Кува, Ош. По данным российского консула в Кашгаре Н. Петровского, часть населения Кашгара и Андижана располагала возможностью беспрепятственно передвигаться по обоим регионам. Длительная история дружеских связей между территориями способствовала формированию устойчивых этнических и демографических взаимных связей. В районе Восточного Туркестана произошли процессы и явления, спровоцировавшие усугубление проблемы в экономической жизни. В результате возникли большие волны групп населения, вынужденных покинуть свою родину. Этот процесс охватывал исторический период с середины XIX века до 60-х годов XX века (Валихонова, 2021: 311).

Мнения многих исследователей о численности иммигрантов, переселившихся из Восточного Туркестана различны. С.С. Губаева полагает, что в середине XIX века в Ферганской области проживало около 300 тыс. кашгарцев. Согласно И.В. Захаровой, до 1860 года в Кокандском ханстве проживало от 200 до 250 тыс. уйгуров. Г.М. Исхаков, А.М. Решетов и А.Н. Седловская в своих общих подсчетах отмечают, что в XVIII–XIX веках в Среднюю Азию из Восточного Туркестана переселилось от 85 до 160 тыс. мигрантов. Г.Б. Никольская считает, что с конца XVIII века и в первой половине XIX века в Фергану переселилось 85–165 тыс. кашгарцев (Абашин, 2001: 209). Разумеется, приведение столь различных цифровых данных фактов объясняется отсутствием у исследователей точных статистических данных.

После завоевания Средней Азии Российской империей эти процессы не прекратились. Насилия со стороны маньчжурцев по отношению к местному населению зачастую провоцировали восстания и протестные акции. Жители Восточного Туркестана, стремясь уйти от жестокого правления маньчжурской династии, переселялись в два района Туркестанского генерал-губернаторства – Семиречье и Ферганскую долину. В конце XIX века, при ослаблении власти империи Цин, обострилась борьба за независимость Кашгарского ханства. В этих условиях Якуб-бек, известный военачальник, сын купца из Пскента (современный район Ташкентской области), возглавил военные действия с целью завоевания региона и установления самостоятельного государства.

30 августа 1866 года он приступил к военному походу из города Ош через перевал Терек-Даван. К лету 1867 года территория Кашгара была освобождена от китайских войск. За год до указанного времени, то есть до лета 1867 года, Мухаммад Якуб-бек провел ряд военных кампаний, объединив Кучарское, Яркендское и Кашгарское ханства. Объединённые в одно государство три ханства получили название Еттишаар (Павлов, 1910: 143). Это название представляло собой государство, охватывавшее семь городов Восточного Туркестана – Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу, Учтурфан, Кучар и Карашахар. За четыре–пять лет после прибытия в Кашгар Мухаммад Якуб-бек сумел объединить большую часть региона, что заложило основу для последующего экономического и политического становления территории.

Мухаммад Якуб-бек был не просто выдающимся военачальником, но также грамотным политическим деятелем, проявившим высокое дарование в дипломатии. Благодаря его усилиям в регионе были восстановлены спокойствие и порядок. Тем временем противостоявшие друг другу Великобритания и Османская империя, стремились подчинить себе это государство, однако после загадочной кончины Якуб-бека в городе Курла в мае 1877 года обстановка в Восточном Туркестане резко накалилась.

5 августа того же года Хакимхан-тюря вместе с пятитысячной армией перешёл границу Российской империи, рассчитывая получить поддержку от русских войск для захвата власти в Кашгаре, и направил обращение к российским властям (Камалов, 2006: 91). Российские власти сначала разоружили войска Хакимхан-туры, а потом направили их в Ферганскую долину. Вместе со своими ближайшими спутниками численностью 25 человек он вначале направился в Ош, после чего двинулся в Шахрихан. Впоследствии они обосновались там на постоянное жительство.

Наибольшее количество беженцев из Кашгара переселилось в Ферганскую область после поражения Беккулибека. После победы над Хакимхан-турой Беккулибек попытался подчинить себе другие территории Восточного Туркестана. Однако правители этих территорий не желали признавать власть Беккулибека. В результате безуспешной осады Кашгара и наступления войск маньчжурской империи он был вынужден бежать через перевал Терек в Ферганскую область.

Российское правительство, получив сведения о взятии Кашгара китайскими войсками и бегстве Беккулибека, предприняло необходимые шаги по организации его радужного приёма. Приезд Беккулибека состоялся 15 декабря 1877 года. Вынужденные переселенцы перешли границу 16 и 17 декабря. К 23 декабря в Оше было зарегистрировано 4641 житель Кашгара (включая 3573 мужчин и 968 женщин). Таким образом, общее количество беженцев из Кашгара составило около пяти тысяч человек (Камалов, 2006: 92).

Русское правительство создало все условия для того, чтобы переселенцы могли преодолеть перевал без потерь в холодные дни. В частности, начальником Ошского уезда было отправлено 579 вьючных лошадей для больных и пеших переселенцев, следующих из Оша на перевал Терек. Кроме того, у кыргызов для этих целей было нанято 30 лошадей и верблюдов (Камалов, 2006: 92). Переселенцам было доставлено большое количество хлеба и крупы. Для них были организованы станции на перевалах Терек, Аянгар, Гульча, Суфи-Курган и у озера Коплон. На станциях для них шили сапоги. Тем, кто не имел никаких средств, выдавали по 10 копеек в сутки взрослым и по 5 копеек детям (Мамедова, 1963: 129).

Согласно архивным сведениям, с 14 по 29 декабря 1877 года через границу прошло 5675 человек – 4413 мужчин и 1262 женщины. Ещё 500 человек прибыли в Андижанский уезд по маршруту через Карасу. Среди прибывших 2081 человек остались жить в городе Ош, а 500 человек покинули город, направившись в разные уезды (Камалов, 2006: 92). В списке, составленном 14 января 1878 года, также приводятся дополнительные сведения об их этническом происхождении. Согласно этому списку,

в Ошском уезде проживало 1070 дунган, 1283 кашгарца, 211 жителей Оша, 573 кокандца, а также 129 кипчаков (НАУз. Ф. И-276. Оп. 2. Д. 1. Л. 57).

В район Карасу Ферганской области переселилось в общей сложности 10675 человек (Мамедова, 1963: 129).

Из этих архивных данных видно, что миграции происходили как организованно, так и по личной инициативе отдельных групп. Близость расстояния и культурная близость играли важную роль в принятии решений людьми, готовившимися к переезду. Вместе с тем экономическое оживление в Ферганской долине в этот период привело к увеличению спроса на рабочую силу. По этой причине мигранты рассматривали Ферганскую долину не только как убежище, но и как удобное место для жизни.

В свою очередь, Российская администрация считала приемлемым оказать помощь мигрантам в размере 12 тыс. руб. Это было связано с тем, что мигранты рассматривались как фактор, способствующий дальнейшему оживлению экономической жизни. В конечном итоге уйгуры остались жить в окрестностях города Ош, Карасуйской волости, долин Кугарта и Узгена, а остальные переселились в другие уезды. Они считались категорией населения, хорошо владеющей земледелием, ремеслами и торговлей в этих регионах. Примечательно, что из 1459 кашгарцев, прибывших в область, все 959 человек обоего пола нашли приют в домах своих родственников. Это объясняется тем, что 1/3 этого населения составляли сарты (НАУз. Ф. И-276. Оп. 2. Д. 1. Л. 76).

Среди групп населения, переселившихся в Ферганскую долину, значительную часть составляли дунгане. Дунгане были искусны в сельском хозяйстве (овощеводстве, рисоводстве, садоводстве), торговле и сфере услуг. При этом их принадлежность к исламу способствовала предотвращению потенциальных конфликтов в Ферганской долине. Большинство дунган, возглавляемых Бай Ян-ху, осели в Семиречье. Те из них, кто оказался в Ферганской долине, так и не сумели прочно обосноваться на новом месте. К 1878 году количество эмигрантов дунган в Ферганской области достигло 2228 человек (Акбаров, 2018: 11). Имперская власть планировала переселить жителей Ошского уезда в район Гульче, но это “замысловатое” решение не было воплощено в жизнь. По мнению исследователя Р.Г. Акбарова, дунгане, в отличие от уйгур, так и не сумели полноценно занять отдельную деревню в Ферганской долине (Акбаров, 2018: 12). Однако в рапорте № 1200 от 19 ноября 1879 года, направленном военным губернатором Ферганской области туркестанскому генерал-губернатору был представлен список дунганских эмигрантов, принудительно высланных из Кашгара в некоторые уезды Ферганской области. Согласно ему, было зарегистрировано 165 семей, которые вместе с детьми составляли 426 человек. Отмечено, что они расселились в аксакальствах Исманкул, Джанту, Мирвашта, Габдуга-фура, Абдурахманхон, Иммат и Мухаммад Азим Ошского уезда (НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 380. Л. 56-58). В этих документах также приводится список 44 дунган, прибывших в Маргиланский уезд, и сообщалось, что они поселились в кишлаках Беш бола и Джумаши Аввальской волости. Их общее число вместе с детьми составило 94 человека (НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 380. Л. 59-60). Кроме того, в Кокандский уезд прибыло 9 человек. Таким образом, к 1876 году общее число дунган, прибывших в Ферганскую область, составило 529 человек (НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 380. Л. 60).

Среди беженцев также заслуживают внимания сведения о турках. Они были отмечены в списках беженцев, зарегистрированных в Оше, как пропавшие без вести в неизвестном направлении. Однако в рапорте начальника Ошского уезда от 18 января 1878 года сообщалось, что один из них, Нур Афанди, скрылся из Оша, а другой, Тахир Афанди, был задержан. В своих показаниях Тахир Афанди признается, что отправился в путешествие из Константинополя в 1873 году и был задержан Якуб-беком по прибытии в Кашгар, где прослужил в течение 5 лет. Он оставил свою семью в Кашгаре. Тахир Афанди просил разрешения на 3 месяца для поездки через Андижан, Маргилан, Коканд и Ташкент (НАУз. Ф. И-276. Оп. 2. Д. 1. Л. 55-58).

В архивных документах также имеются показания турецкого гражданина из Кашгара, представившегося Мухамеди Юсуфовым. Он прожил в Кашгаре 3 года, проведя за это время военную подготовку с 2000 людьми, а после того, как китайцы отобрали все его имущество, был вынужден переселиться в Кокандское ханство. Его личное оружие было конфисковано в городе Ош и не возвращено. В конце своих показаний он просит выдать ему билет (разрешение) для следования в Кашгар по маршруту через Бухару, Афганистан и Андижан (НАУз. Ф. И-276. Оп. 2. Д. 1. Л. 123).

По воспоминаниям другого пленного офицера, Али Казима, он находился в плену 3 месяца, подвергался пыткам в течение 30 дней и был выслан из Кашгара вместе с тремя другими османскими офицерами. Согласно показаниям Мехмета Юсуфа, он прибыл в Кашгар по приглашению Саида Якуб-хана, которого там называли «Ходжа Тура». Мехмет Юсуф упоминает о 6 офицерах. По показаниям Тахира Эфенди, он был случайно схвачен во время путешествия по Восточному Туркестану и позже служил в армии. Тахир Эфенди долгое время оставался в Оше. В начале апреля он написал письмо Замонбеку, турецкому офицеру кавказского происхождения в Ташкенте, с просьбой помочь ему вывезти оставшихся в Кашгаре жену и детей через российских купцов по согласованию с российским правительством (НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 345. Л. 1).

Среди беженцев, прибывших в Ош, были еще 2 человека, имевших связи с Турцией и привлечшие внимание местной администрации. Это были Мухаммаджон Афанди из Бухары и его 22-летний спутник. Они прибыли в Кашгар из Константинополя через Бомбей и доставили четыре письма от бывшего британского посла в Константинополе, сэра Генри Эмота, и других представителей британского правительства. У российских властей возникло подозрение, что первый из них был кашгарский дервиш Худойберди, известный из доклада русского посла в Константинополе, поэтому российские власти задержали их для выяснения обстоятельств. О дальнейшей их судьбе сведений не сохранилось (Камалов, 2006: 95).

Как было отмечено выше, большинство выходцев из Кашгара, покидая страну, не успевали вывезти свои семьи и родственников. Это послужило основанием для организации газавата (священной войны) против китайцев из Ферганской области и Сарыкола. Одно из таких выступлений было предпринято киргизом Абдурахманом додхохом, который собрал 2000 человек в Сарыколе и напал на Томалык, расположенный в 40 верстах (1 верста – 1066,8 м) от Кашгара. Алдаш додхох, бывший правителем Кашгара во времена Якуббека и Беккулибека, также присоединился к нему со своими людьми. Однако их попытки не увенчались успехом, и, потерпев поражение от направленных китайцами войск, они были вынуждены бежать к Иссык-Кулю. Позже оба были захвачены киргизами в Сарыколе, где Алдаш додхох был убит, а Абдурахман додхох отпущен. После выступлений Алдаша додхоха китайские войска в Кашгаре собрали почетных граждан города и спросили о причинах нападений. Почётные граждане объяснили, что почти у всех, кто бежал из Кашгара на территорию Туркестанского генерал-губернаторства, остались жёны, дети, родственники и близкие люди в Кашгаре, поэтому Алдаш додхох хотел опереться на своих родственников в Кашгаре. Тогда китайский правитель издал приказ, чтобы все, у кого есть родственники в Оше, немедленно покинули страну. Однако этот приказ не распространился на всех жителей. Туробходжа, живший в то время в Кашгаре, пишет, что 25 сентября 1878 года он встретил 32 беженца, высланных из Кашгара китайцами (Камалов, 2006: 96).

Согласно архивным материалам, для перемещённых лиц, покинувшие Кашгар и оказавшиеся в Ферганской долине после падения государства Якуб-бека, были распределены по следующим группам: 1) жители Коканда, прибывшие в Кашгар вместе с Якуб-беком либо присоединившиеся к нему позднее, 2) бывшие слуги мелких торговцев из разных населённых пунктов Ферганской области, 3) местные жители Кашгара, 4) дунгане (НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 298. Л. 59).

Эмигранты из Кашгара, осевшие в Ферганской долине, поддерживали постоянные контакты со своими родными и близкими, оставшимися на прежнем месте жительства. После первой волны переселенцев цинское правительство усилило пограничный контроль, вплоть до принудительного возврата некоторых беженцев. При этом большинство киргизов рассматривались в качестве «преступников», однако российская сторона придерживалась иного взгляда и отказалась передавать их властям Цин.

В начальный период переселенцы оказались в тяжелых материальных и бытовых условиях, со стороны местного населения им была оказана необходимая финансовая и медицинская помощь. В некоторых районах местная администрация Ферганской области не смогла выделить необходимые земли (город Ош), и переселенцы разбрелись по различным городам и селам Ферганской долины в поисках работы в качестве ремесленников, батраков и других работников. Для оказания материальной помощи переселенцам из доходов Ферганской области были выделены тысяча рублей и древесина для строительства домов (Мамедова, 1963: 130). Местные жители Ферганской долины также активно предоставляли переселенцам материальную поддержку, что облегчило их интеграцию с коренным населением.

Вскоре большая часть торговли овощами – капустой, луком, фасолью, баклажанами, редькой, свёклой, тыквой, арбузами и прочими перешла под контроль дунган. Цены на овощи снизились в 2–3 раза. Излишки сельскохозяйственной продукции начали вывозиться в Восточный Туркестан (Мамедова, 1963: 131).

Согласно статистическим данным, в 1877–1878 годах в общей сложности около 3000 казахов и 6180 уйгуров, спасаясь от притеснения китайских военных, бежали в бывшее Кокандское ханство (Ферганскую долину) и нашли там убежище (Валихонова, 2021: 15).

И в дальнейшем поток уйгурских беженцев из Кашгарской и Илийской областей не прекращался. Согласно Петербургскому договору от 12 февраля 1881 года Кульджа (Восточный Туркестан) была передана Китаю (Баратова, 1987: 82). В результате столкновения мусульманского населения с китайскими войсками ситуация обострилась, что привело к появлению еще более крупного потока беженцев из Восточного Туркестана. Подписание «Петербургского договора» также повлияло на увеличение числа переселенцев (Валихонова, 2021: 15). Вместе с тем, появление постоянных путей сообщения из северо-западной и северо-восточной частей Восточного Туркестана в сторону Семиречья и Ферганской области, способствовало переезду части переселившихся в Семиреченский край и в Ферганскую область. На этот процесс определенное влияние оказали тяжелые условия и нехватка земли.

Одним из основных условий приема иммигрантов в российское гражданство было обучение их детей в школах на основе «русского образования». В некоторых уйгурских селениях открывались

школы «русско-киргизского» типа, в которых уйгурские и дунганские дети изучали русский язык. Вскоре был поднят вопрос об учреждении школ для детей таранчи и дунган.

Консул и советник по иностранным делам в Кульдже И.В. Падерин в своём письме от 27 ноября 1884 года Азиатскому департаменту МИД России предложил направлять уйгурскую и дунганскую молодёжь, окончившую такие школы, сначала в средние школы, а затем в русские высшие учебные заведения. При этом, естественно, предполагалось обучение и воспитание детей состоятельной части населения, тем самым преследовалась цель подготовить необходимые кадры для аппарата местного административного управления (Мамедова, 1963: 133).

Военный губернатор Семиречья генерал Фриде считал необходимым привлекать в начальные народные школы «как можно больше переселенцев». В «Проекте о состоянии выделения капитала на воспитание и обучение детей таранчей и дунган, переселившихся из Западного Китая в Семиреченскую область», разработанном Министерством иностранных дел, предусматривалось принятие способных выпускников таких школ в гимназии с последующим выделением им стипендий (200–300 руб. в год) для обучения в высших учебных заведениях (Мамедова, 1963: 134).

Ферганское областное правление осуществляло постоянный контроль за переселенцами. Согласно данным 1899 года, население города Старый Маргилан составляло в общей сложности 40 тыс. человек, из которых 3036 были кашгарцами, а 43 – дунганами (Обзор Ферганской..., 1901: 31). Согласно же данным статистического комитета Ферганской области, в Старом Маргилане проживало 3040 жителей кашгарского происхождения, а в Маргиланском уезде – 30 500, в совокупности – 33 540 человек, что составляет 10,07 % от общего населения региона. Количество дунган в Старом Маргилане составляло 40 человек, в Маргиланском уезде – 12, итого – 52 человека, или 0,02 % от общей численности населения (Обзор Ферганской..., 1901: 73). В Ферганской области в 1889 году общая численность населения составляла 1 641 тыс. человек, при этом кашгарцы составили 165 тыс. человек (Обзор Ферганской..., 1901: 74).

Переселившиеся уйгуры в условиях возникших трудностей вступили в тесные отношения с местным населением. В частности, в результате сближения с жителями русских поселений они познакомились с железными плугами, боровами и другими усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и начали их использовать. Это привело к увеличению объемов сельскохозяйственного производства. Кузнецы, ювелиры и плотники также начали применять фабричные инструменты. В хозяйство переселенцев в деревнях и городах стали проникать эмалированная посуда, самовары и другие предметы быта. Началось строительство домов в русском стиле с наклонными крышами, окнами и мебелью. Изменения происходили и в одежде: в ее внешнем виде и отдельных элементах стало ощущаться влияние татарского, узбекского, русского и других национальных стилей. В песнях переселенцев появились татарские и киргизские творческие мотивы. В поселениях переселенцев все большую популярность приобретали песни и танцы народов Средней Азии (Мамедова, 1963: 135).

В этот период происходило не только переселение жителей Восточного Туркестана в Ферганскую область, но также, наоборот, многие люди из Ферганской области переселялись в Восточный Туркестан. В частности, во время существования государства Якуб-бека Еттишаар десятки тысяч туркестанцев бежали под его защиту. После падения государства Якуб-бека некоторые из беженцев, переселившихся на территорию Туркестанского генерал-губернаторства, вновь возвращались на территорию Китая. Эти «беженцы» по разным причинам покинули места своего проживания. Среди них было особенно много кыргызов. Этому способствовал ряд причин: в частности, нехватка пастбищ для скота, система политического управления в крае, установленные российской властью социально-экономические порядки, слабая охрана приграничных территорий в Семиречье и Ферганской области и, в целом, колониальная политика Российской империи в крае.

Административные органы и начальники уездов Российской империи приняли ряд мер для предотвращения бегства в Китай и сокращения числа беженцев. Однако эти меры не смогли остановить переселение туркестанских «беженцев» в Китай. Причина была в том, что люди предпочитали жить в местах, которые они считали наиболее подходящими и благоприятными для ведения хозяйства.

В конце XIX века, после того как были определены границы между Китаем и Российской империей, началась пограничная регистрация переселенцев на территории, принадлежавшей России. Данные Национального архива Республики Узбекистан подтверждают, что в этот период значительно увеличилось число официальных обращений жителей Восточного Туркестана к представителям российского правительства с выражением желания эмигрировать. Подобные сведения приводятся и исследователем Г.Б. Никольской. Например, в 1900 году 14 тыс. человек выразили желание переехать; в период с 1901 по 1905 год 42 964 жителя получили специальное разрешение от российского консульства (Валихонова, 2021: 311).

Одной из причин миграции уйгуров из Кашгара в конце XIX века стало массовое распространение наёмного труда в форме сезонной работы. Сезонники (наёмные работники) обычно прибывали весной и покидали места работы осенью. В Фергане кашгарцы находили работу по найму, преимущественно за подённую оплату. Основное направление их занятости состояло в обработке

хлопковых полей. Зарплата здесь была значительно выше, чем в Кашгаре, что позволяло сезонным рабочим содержать свои семьи весь зимний период. Благодаря высокому мастерству в приготовлении пищи, кашгарцы открыли в регионе много заведений общественного питания. Если в 1904 году их численность в Фергане составляла 14 556 человек, то к 1913 году количество уйгуров (кашгарцев), переехавших в этот район, выросло до 50 094 человек (Акбаров, 2018: 12). Кроме того, сезонные рабочие вывозили отсюда производственные товары – сахар, керосин, железные изделия и прочее. Основное преимущество состояло в том, что здесь по сравнению с родными местами в Восточном Туркестане их меньше беспокоило влияние государства (Акбаров, 2018: 13).

В связи с расширением площадей хлопководческих хозяйств в Ферганской долине повысился спрос на трудовые ресурсы, что способствовало росту миграции работников из Кашгарского региона в Ферганскую область. В представленной ниже таблице (Таблица 1) зафиксирован рост количества занятых рабочих в Ферганской долине.

Таблица 1. Динамика переходов через кашгаро-ферганскую границу по годам (Галузо, 1929: 114).

Годы	Перешедшие границу Кашгара в Фергану	Годы	Перешедшие границу Кашгара в Фергану
1904	14 556 человек	1909	12.725 человек
1905	13 337 человек	1910	20.402 человек
1906	16 882 человек	1911	26.463 человек
1907	26 027 человек	1912	27.174 человек
1908	25 943 человек		

Вместе с этим возрастала и оплата рабочей силы. В частности, с 1900 по 1911 год она увеличилась в 3,3 раза, достигнув 2 рублей в день (Галузо, 1929: 114).

Многие наемные работники оставались здесь навсегда и даже приглашали своих родственников из Восточного Туркестана. Количество кашгарцев, оставшихся в Ферганской области, было значительным. Только в 1912–1913 годах разница между выехавшими в Китай и въехавшими оттуда составила 13175 человек.

В Кашгаре из-за сложных экономических условий и отсутствия перерабатывающей промышленности существовала избыточная рабочая сила. Население трудилось в основном в горнодобывающей отрасли Ферганы, особенно в каменноугольных шахтах.

В приведенной ниже таблице (Таблица 2) отражено количество людей, выехавших из Кашгара через Ирештам, и количество прибывших туда людей за 2 года.

Таблица 2. Миграционное движение подданных России и Китая в Ферганской области (Обзор Ферганской..., 1916: 83)

Подданные	Число выехавших за границу		Число прибывших из-за рубежа	
	1912	1913	1912	1913
Россия	1769	1261	1839	1156
Китай	17348	21415	21897	30041

В XX веке интеграция уйгуров и узбеков шла в двух направлениях. С одной стороны, часть уйгуров ассимилировалась с узбеками в Фергане. С другой стороны, часть элементов материальной и духовной культуры уйгуров была принята узбеками и другими народами региона. С перемещением уйгуров в Ферганскую долину усилилось влияние их материальной культуры на местное население, что привело к формированию большого сходства культур. В целом, стабильное сосуществование этих двух оседлых земледельческих групп обуславливалось глубокими историческими и культурными взаимосвязями.

В конце XIX века в Сырдарьинскую и Ташкентскую области Туркестанского края с целью торговли и врачевания прибывало от 5 до 6,5 тысяч купцов и лекарей, а в Фергану – более 3–4 тысяч. Известно, что такие лекари и торговцы издавна приезжали в Фергану и постоянно там жили. Несмотря на тяжелое политическое, экономическое и социальное положение, в первые годы XX века число восточных туркестанцев, переселяющихся в Туркестан (западный), увеличивалось из года в год (Акбаров, 2018: 14). Это можно объяснить тем, что в Ферганской долине существовала постоянная потребность в представителях данной сферы.

Если с 1896 по 1900 год в российском консульстве в Кашгаре около 14 тысяч человек получили визы для поездки в Туркестан, то в период с 1901 по 1905 год консульством было выдано 42 964 таких разрешения (Никольская, 1962: 53).

Кашгарцы-беженцы попадали в Ферганскую область в основном по маршрутам через перевалы Терек, Эргаштом и Сантош, что занимало от 12 до 15 дней. Дорога до Коканда занимала около 18 дней. Наиболее выгодным считался маршрут через перевал Терек, ведущий в города долины – Ош и Андижан –

общий пробег по этому пути составлял 937 километров. Такой путь традиционно проходили торговцы и военные, затрачивая на него 15–20 дней. Из-за сильного холода на перевале беженцы-мигранты стремились быстро преодолеть дорогу, чтобы добраться до места назначения. Уйгурские беженцы, бежавшие в зимние месяцы, сталкивались с серьёзными трудностями. Многие из них погибали от голода и холода. В такие времена перевал был усеян трупами людей (Куропаткин, 1878: 47–48).

После установления российской власти над Средней Азией переселенцев расселяли в малонаселённые пустынные регионы с целью освоения новых земель. Правительство, заинтересованное в перемещении уйгуров, направляло их в приграничные районы, расположенные рядом с Китаем, чтобы использовать их в качестве опорной группы. Им предоставлялось освобождение от налогов сроком до десяти лет. На восстановление хозяйственной деятельности каждому семейству выделяли от 5 до 10 десятин земли. Туркестанское генерал-губернаторство оказывало прибывшим в Семиречье уйгурским переселенцам финансовую поддержку в размере 12 тыс. рублей (Валихонова, 2021: 16).

В документах отсутствуют сведения о том, чтобы кто-либо из переселенцев в Ферганскую область вернулся обратно либо перебрался в иную местность. Жизнь переселенцев была крайне трудной с экономической точки зрения; порой даже местные органы управления не имели возможности выделить им земельные участки. Из-за невозможности большинству крестьян получить землю в Ошской области, многие из них покидали свои места жительства и, перемещаясь в другие части Ферганской области, находили там работу по найму – в качестве подёнщиков, плотников и других наёмных работников.

Следует отметить, что уйгуры, переселявшиеся в долину, старались по возможности селиться как можно ближе друг к другу. Большинство из них обосновались в верховьях оазиса реки Акбура, в долинах Куршаб и Когарт, в окрестностях Узгенского, Джалал-Абадского и Сузакского районов, образовав свои села. Новые места поселения они называли в честь деревень и махаллей, в которых они ранее жили в Восточном Туркестане (Губаева, 1983: 86).

Переселяющиеся уйгурские мигранты не всегда располагались в природно благоприятных районах. Одна группа иммигрантов, преимущественно ремесленники, повара и торговцы, селилась в городах и пригородах. Это касалось в основном Андижана и Маргилана. В большинстве случаев мигранты осваивали целинные земли и селились в новообразованных селениях. Это можно проследить и в процессе формирования топонимов, характерных для Восточного Туркестана, такими как Кашкаркишлак, Кашкартопи, Уйгуркишлак, Дулон. В частности, в Андижанском, Асакинском, Шахриханском, Пахтабадском, Кургантепинском, Джалалкудукском и Алтынкульском районах Андижанской области возникли кишлаки и махалли, основанные уйгурами начиная со второй половины XIX века (Инагамов, 1955: 84). Например, в Ферганской долине можно до сих пор встретить такие названия, как Кашкаркишлак, Кашкартопи, Кашкарий, Кашкарча, Уйгуркишлак, Уйгурабад, Таглик, Пайнаб, Кавул, Туко, Пушман, Озак, Ортиш, Токкизак, Джанжал (Валихонова, 2021: 17). В районах, где располагались эти села, уйгуры освоили множество земель. Ими были построены новые ирригационные сооружения, расширены посевные площади сельскохозяйственных культур. Например, из канала Шахрихансай, протекающего по территории Шахриханского района Андижанской области, мигрантами были вырыты арыки Ходжаарык и Чужаарык и освоено множество целинных (неосвоенных) земель. Это может служить ярким примером характерных для фронтирных миграций аспектов, связанных с освоением целинных земель.

Наряду с этим, были изучены особенности расселения переселившихся уйгуров по долине, то есть причины их плотного и разрозненного расселения. Основную массу уйгурских переселенцев в долине составляли бедствующие безземельные крестьяне из Кашгара, тогда как вторую группу переселенцев представляли торговцы, мастера и лекари, ранее прибывшие в Ферганскую область (Валихонова, 2021: 17).

Местное население хорошо относилось к уйгурам, переселившимся в Ферганскую область. Местные жители оказывали им значительную материальную и моральную поддержку. Взаимная солидарность и доброжелательность между узбекским и уйгурским народами оказывали положительное влияние на их этногенетическое развитие. Уйгуры, переселившиеся в Ферганскую область, занимались земледелием, садоводством и домашним хозяйством, а местное население оказывало им большую помощь в ирригационных работах. Отношения между двумя народами интенсивно развивались во всех сферах жизни, в частности, в торговле, хозяйстве, культуре и семейно-брачных отношениях. После переселения на эти земли уйгуры продолжили свои традиции земледелия, ремесленничества, торговли, ведения домашнего хозяйства и кулинарии, развивая при этом этнокультурные отношения с местным населением.

5. Заключение

Таким образом, к концу XIX века процесс переселения населения из Восточного Туркестана в Ферганскую область достиг своего пика. Основной причиной этого явилось ухудшение социально-экономического положения местных народов, а также вынужденное переселение населения в долину в связи с повторным завоеванием территории Китаем. Еще одним политическим фактором стало

падение государства Якуб-бека в Восточном Туркестане и возникшие внутренние противоречия. В этой сложной социально-экономической ситуации Ферганская долина стала для мигрантов не только политическим убежищем, но и основным регионом-реципиентом.

Прибывшие мигранты быстро включились в сферы сельского хозяйства, ремесленничества и услуг. Это привело к тому, что они проявили себя не только как дополнительные потребители, но и как активные создатели ценностей. Поэтому в Ферганской долине были освоены дополнительные земельные ресурсы, что привело к значительным изменениям в торговой и производственной инфраструктуре. Особенно ярко эти процессы проявились на территориях Ферганской долины, где в настоящее время расположены Андижанская, Ошская, Джалал-Абадская и частично Ферганская области.

Согласно результатам исследования, миграция населения из Восточного Туркестана сыграла важную роль в освоении фронтальных территорий Ферганской долины. Это привело к изменениям в хозяйственных отношениях Ферганской долины. В частности, постоянное проживание уйгуров и дунган привело к развитию овощеводства в сельском хозяйстве. Вместе с тем, эти миграции к началу XX века сыграли решающую роль в формировании этнодемографической картины Ферганской долины. Мигранты из Восточного Туркестана за короткое время вместе с коренным населением стали этническим ядром населения Ферганской долины.

Литература

- Абашин, 2001 – Абашин С. Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII–XIX веках / Традиционная пища как выражение этнического самосознания. Москва, 2001. С. 208-230.
- Акбаров, 2018 – Акбаров Р.Г. Хозяйственно-торговые и культурные связи народов Кашгарии (Восточного Туркестана) и Ферганской долины // *Вестник филиала РГСУ в г. Ош*. 2018. №1. С. 9-14.
- Баратова, 1987 – Баратова Г.С. География расселения и динамика численности уйгуров на территории Казахстана на рубеже XIX – XX вв. Алматы, 1987.
- Валихонова, 2021 – Валихонова Г. Влияние политической ситуации в Восточном Туркестане на этнокультурные отношения народов региона // *Общество и инновации*. 2021. № 10/S. С. 311-316.
- Галузо, 1929 – Галузо П.Г. Туркестан – Колония. Москва, 1929.
- Губаева, 1983 – Губаева С.С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983.
- НАУз – Национальный архив Узбекистана.
- Инагамов, 1955 – Инагамов Ш.Ш. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской области в границах Узбекской ССР. Ташкент, 1955.
- Камалов, 2006 – Камалов А.К. Миграция населения Кашгарии в Ферганскую долину после падения Кашгарского эмирата в конце XIX в. / *Уйгуроведение в Казахстане: традиция и новация*. Алматы: Наш мир, 2006. С. 89-100.
- Куропаткин, 1878 – Куропаткин А.Н. Кашгария (историко-географический очерк страны). СПб., 1878.
- Мамедова, 1963 – Мамедова Э. Из истории взаимоотношений Туркестанского края и Синьцзяна в нач. XX в. / *Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII – нач. XX в.* Ташкент, 1963. С. 129-135.
- Муминов, Муминов, 2025 – Муминов А.Г., Муминов О.У. Проявление исторической эмпатии узбекским народом // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025. № 2. С. 21-27.
- Никольская, 1962 – Никольская Г.Б. Некоторые данные об отходничестве из Северо-Западного Китая в Туркестан (в конце XIX – начале XX века) // *Труды ТуркМУ*. 1962. № 194. С. 49-60.
- Обзор Ферганской..., 1901 – Обзор Ферганской области за 1889 год. Новый Маргелан, 1901.
- Обзор Ферганской..., 1916 – Обзор Ферганской области за 1913 год. Новый Маргелан, 1916.
- Павлов, 1910 – Павлов М. История Туркестана. Ташкент, 1910.
- Петровский, 1886 – Петровский Н.Н. Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского. 1885 г. / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXII. СПб.: Воен. тип., 1886. С. 1-61.
- Ураков, Шоназаров, 2025 – Ураков Д.Ж., Шоназаров Ш.Б. Каршинская волость и каршинцы в составе Башкирии в XVIII в. // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025. № 4. С.25-32.
- Alexander et al., 2007 – Alexander Rani T., Andrade Sandra. Frontier Migration and the built environment in Southwestern Campeche // *Estud. cult. maya [online]*. 30: 175-196.
- Atantayeva et al., 2021 – Atantayeva B.Zh., Akhmetova R.D., Abenova G.A., Kariyeva T.A. Russian-Chinese borderlands and frontier migrations of the population in the XIX century // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1225-1232.
- Gabrielyan et al., 2025 – Gabrielyan S.I., Urakov D.J., Khaynazarov B.B., Otarbaeva G.K. “The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 880-892.

[Khaynazarov et al., 2019](#) – *Khaynazarov B., Tursunov R., Urakov D.* Theoretical-methodological basis of studying of the history of uighurs in Uzbekistan according to diasporas // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2019. № 8(12). Pp. 3338-3343.

[Kim, 2004](#) – *Kim H.* Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, CA: Stanford University Press. 2004.

[Saraf, 2020](#) – *Saraf A.* Frontiers / Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. Oxford University Press, 2020.

References

[Abashin, 2001](#) – *Abashin, S.* (2001). Chai v Srednei Azii: istoriya napitka v XVIII–XIX vekakh. Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya [Tea in Central Asia: the history of the drink in the 18th-19th centuries. Traditional food as an expression of ethnic self-awareness]. Moskva. Pp. 208-230. [in Russian]

[Akbarov, 2018](#) – *Akbarov, R.G.* (2018). Khozyaistvenno-torgovye i kul'turnye svyazi narodov Kashgarii (Vostochnogo Turkestana) i Ferganskoi doliny [Economic, trade, and cultural ties of the peoples of Kashgaria (Eastern Turkestan) and the Fergana Valley]. *Vestnik filiala RGSU v g. Osh*. 1: 9-14. [in Russian]

[Alexander et al., 2007](#) – *Alexander Rani T., Andrade Sandra* (2007). Frontier Migration and the built Environment in Southwestern Campeche // *Estud. cult. maya [online]*. 2007. № 30. Pp. 175-196.

[Atantayeva, et al., 2021](#) – *Atantayeva, B.Zh., Akhmetova, R.D., Abenova, G.A., Kariyeva, T.A.* (2021). Russian-Chinese borderlands and frontier migrations of the population in the XIX century. *Bylye Gody*. 16(3): 1225-1232.

[Baratova, 1987](#) – *Baratova, G.S.* (1987). Geografiya rasseleniya i dinamika chislennosti uigurov na territorii Kazakhstana na rubezhe XIX–XX vv. [Geography of settlement and population dynamics of Uyghurs in the territory of Kazakhstan at the turn of the 19th – 20th centuries]. Almaty. [in Russian]

[Gabrielyan, et al., 2025](#) – *Gabrielyan, S.I., Urakov, D.J., Khaynazarov, B.B., Otalbaeva, G.K.* (2025). “The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy. *Bylye Gody*. 20(2): 880-892.

[Galuzo, 1929](#) – *Galuzo, P.G.* (1929). Turkestan – Koloniya [Turkestan – a colony]. Moskva. [in Russian]

[Gubaeva, 1983](#) – *Gubaeva, S.S.* (1983). Etnicheskii sostav naseleniya Fergany v kontse XIX – nachale XX v. (po dannym toponimii) [Ethnic composition of the population of Fergana in the late 19th – early 20th centuries (according to toponymy)]. Tashkent. [in Russian]

[Inagamov, 1955](#) – *Inagamov, Sh.Sh.* (1955). Etnicheskii sostav naseleniya i etnograficheskaya karta Ferganskoi oblasti i granitsakh Uzbekskoi SSR [Ethnic composition of the population and ethnographic map of the Fergana region and the borders of the Uzbek SSR]. Tashkent. [in Russian]

[Kamalov, 2006](#) – *Kamalov, A.K.* (2006). Migratsiya naseleniya Kashgarii v Ferganskuyu dolinu posle padeniya Kashgarskogo emirata v kontse XIX v. Uigurovedenie v Kazakhstane: traditsiya i novatsiya [Migration of the population of Kashgaria to the Fergana Valley after the fall of the Kashgar Emirate at the end of the 19th century. Uyghur Studies in Kazakhstan: Tradition and Innovation]. Almaty: Nash mir. Pp. 89-100. [in Russian]

[Khaynazarov et al., 2019](#) – *Khaynazarov, B., Tursunov, R., Urakov, D.* (2019). Theoretical-methodological basis of studying of the history of uighurs in Uzbekistan according to diasporas. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 8(12): 3338-3343.

[Kim, 2004](#) – *Kim, H.* (2004). Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, CA: Stanford University Press.

[Kuropatkin, 1878](#) – *Kuropatkin, A.N.* (1878). Kashgariya (istoriko-geograficheskii ocherk strany) [Kashgaria (historical-geographical sketch of the country)]. SPb. [in Russian]

[Mamedova, 1963](#) – *Mamedova, E.* (1963). Iz istorii vzaimootnoshenii Turkestanskogo kraya i Sin'tsziyana v nach. XX v. Vzaimootnosheniya narodov Srednei Azii i sopredel'nykh stran Vostoka v XVIII – nach. XX v. [From the history of relations between the Turkestan region and Xinjiang in the early 20th century. Relations between the peoples of Central Asia and neighboring countries of the East in the 18th – early 20th centuries]. Tashkent. Pp. 129-135. [in Russian]

[Muminov i dr., 2025](#) – *Muminov, A.G., Muminov, O.U.* (2025). Proyavlenie istoricheskoi empatii uzbekskim narodom [The historical empathy of the Uzbek people]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2: 21-27. [in Russian]

[NAUz](#) – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].

[Nikol'skaya, 1962](#) – *Nikol'skaya, G.B.* (1962). Nekotorye dannye ob otkhodnichestve iz Severo-Zapadnogo Kitaya v Turkestan (v kontse XIX – nachale XX veka) [Some data on nomadism from Northwest China to Turkestan (late 19th – early 20th centuries)]. *Trudy TurkmGU*. 194: 49-60. [in Russian]

[Obzor Ferganskoi..., 1901](#) – *Obzor Ferganskoi oblasti za 1889 god* [Overview of the Fergana Region for 1889]. Novyi Margelan, 1901. [in Russian]

[Obzor Ferganskoi..., 1916](#) – *Obzor Ferganskoi oblasti za 1913 god* [Overview of the Fergana Region for 1913]. Novyi Margelan, 1916. [in Russian]

[Pavlov, 1910](#) – *Pavlov, M.* (1910). Istoriya Turkestana [History of Turkestan]. Tashkent. [in Russian]

Petrovskii, 1886 – Petrovskii, N.N. (1886). Otchet konsula v Kashgare N. Petrovskogo. 1885 g. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. XXII. [Report of the consul in Kashgar, N. Petrovsky. 1885. Collection of Geographical, Topographical, and Statistical Materials on Asia]. SPb.: Voen. tip. Pp. 1-61. [in Russian]

Saraf, 2020 – Saraf, A. (2020). Frontiers. Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. Oxford University Press.

Urakov et al., 2025 – Urakov, D.Zh., Shonazarov, Sh.B. (2025). Karshinskaya volost' i karshintsy v sostave Bashkirii v XVIII v. [Qarshi volost and Qarshi people as part of Bashkiria in the 18th century]. Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 4: 25-32. [in Russian]

Valikhonova, 2021 – Valikhonova, G. (2021). Vliyanie politicheskoi situatsii v Vostochnom Turkestane na etnokul'turnye otnosheniya narodov regiona [The influence of the political situation in East Turkestan on the ethnocultural relations of the peoples of the region]. Obshchestvo i innovatsii. 10/S: 311-316. [in Russian]

Процессы фронтальной миграции населения из Восточного Туркестана в Ферганскую долину в конце XIX века – начале XX века

Бахромжон Бахтиёрович Хайназаров ^{a, b}, Гулнур Бекмураткызы Нарымбет ^{c, *},
Ойсулв Жамолитдиновна Уракова ^d, Акрамжон Пулатжон угли Ахунов ^e

^a Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

^b Университет Ориентал, Ташкент, Республика Узбекистан

^c Южно-Казахстанский университет им. М. Ауезова, Шымкент, Республика Казахстан

^d Андижанский государственный медицинский институт, Андижан, Республика Узбекистан

^e Андижанский государственный университет, Андижан, Республика Узбекистан

Аннотация. В данной статье с точки зрения исторического пространства и социальной трансформации проанализированы процессы фронтальной миграции из Восточного Туркестана в Ферганскую долину в конце XIX века. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого изучения влияния миграции на структуру местного общества, социальные отношения и культурную среду в процессе освоения фронтальных территорий Ферганской долины. В статье основное внимание уделяется выявлению общих исторических закономерностей путем анализа фронтальной миграции в Ферганскую долину. В исследовании для выявления особенностей фронтальной миграции применены историко-генетический, источниковедческий и микроисторический методы, а также сравнительный анализ. Результаты, полученные на основе архивных документов, официальных заметок, отчетов должностных лиц и статистических материалов о деятельности Туркестанского генерал-губернаторства, показывают, что фронтальная миграция привела к социальной адаптации формированию имущественных отношений у переселенцев из Восточного Туркестана. В статье уточняется, что фронтальная миграция явилась активным инструментом миграционной политики Туркестанского генерал-губернаторства в Ферганской долине. Результаты исследования подтверждают эффективность микроисторического подхода в изучении истории фронтальной миграции. Авторы обосновали, что фронтальные миграционные процессы оказали положительное влияние на демографию местного населения Ферганской долины.

Ключевые слова: фронтальная миграция, Восточный Туркестан, Ферганская долина, уйгуры, дунгане, кашгарлык, Кашгар, государство Еттишаар, Якуббек, Туркестанское генерал-губернаторство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.gulnur_85@mail.ru (Г.Б. Нарымбет)

beshkurgan@gmail.com (Б.Б. Хайназаров), oisuluv78@mail.ru (О.Ж. Уракова),

akramjonaxunov1979@gmail.com (А.П. Ахунов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 931-940
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.931

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Turkestan Teachers' Seminary (1879–1918): Peculiarities of Linguistic Training and Kazakh Students

Gulmira S. Sultangalieva^a, Zhibek S. Begimbayeva^b, Zhanna Dyusembek^{a,*,}, Miras Abdrakhim^c

^a Al-Farabi Kazakh National University (Farabi University), Republic of Kazakhstan

^b K. Zhubanov Aktobe Regional University, Republic of Kazakhstan

^c Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Republic of Kazakhstan

Abstract

Within the framework of the contemporary historiographical turn toward the study of imperial modernity and the production of knowledge, increasing attention has been paid to educational institutions as spaces for the formation of hybrid identities and cultural mediation. The Turkestan Teachers' Seminary is of particular interest as a key element of the knowledge infrastructure of the Russian Empire in the region.

The aim of this article is to examine the specific features of linguistic training at the Turkestan Teachers' Seminary and to analyze the role of Kazakh graduates in processes of knowledge transfer in the late XIX and early XX centuries. Drawing on archival materials from the Central State Archives of the Republic of Uzbekistan and the Republic of Kazakhstan, the study explores the content of language education (Kazakh, Sart, and Persian) as an instrument of administrative and cultural integration of Kazakh students.

The methodological framework combines approaches from the history of knowledge, postcolonial theory, and microhistory, allowing the seminary to be interpreted not only as a tool of imperial policy but also as a space of interaction, adaptation, and reinterpretation of knowledge. Particular attention is given to the agency of Kazakh students, who acted as cultural mediators between imperial and local contexts. The article demonstrates that linguistic training had an ambivalent character: while facilitating graduates' integration into administrative structures, it also enabled the formation of their own intellectual positions and participation in the socio-cultural processes of the region.

Keywords: Turkestan Teachers' Seminary, imperial modernity, history of knowledge, linguistic training, Kazakh graduates, agency, Russian Empire.

1. Введение

В 1870-е годы обширная полиязычная, полиэтническая и поликонфессиональная территория Туркестанского генерал-губернаторства стала входить в единую школьную систему Российской империи. Уже в 1874 году первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман (1867–1882) поставил вопрос о подготовке учительских кадров для открывающихся русско-инородческих школ в регионе и для открытия в Ташкенте учительской семинарии. Однако только 8 марта 1875 г. был принят проект Положения Министерства народного просвещения об «Устройстве управления по учебной части в Туркестанском крае и об учреждении прогимназии в Ташкенте и Верном» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 48). Данное управление подчинялось Министерству народного просвещения Российской империи и непосредственно Туркестанскому генерал-губернатору, под контролем которого были все учебные заведения, как русские, так и мусульманские. Управление возглавлялось главным инспектором училищ Туркестанского края. 29 февраля 1876 г. Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о создании Управления учебными делами Туркестанского края.

* Corresponding author

E-mail addresses: zhan.dsmk@gmail.com (Zh. Dyusembek)

На должность главного инспектора был назначен надворный советник А. Кун, ранее работавший чиновником особых поручений по учебному делу при К.П. фон Кауфмане. И практически с этого времени началась подготовительная работа и длительная переписка Туркестанского генерал-губернатора с министром народного просвещения Дмитрием Андреевичем Толстым (1866–1880) и военным министром Дмитрием Алексеевичем Милютинным об открытии учительской семинарии в Ташкенте. Эта переписка практически длилась два года, в обсуждение этого вопроса было включено и министерство финансов.

И наконец, 30 августа 1879 г. в соответствии с указом императора Александра Николаевича состоялось торжественное открытие Туркестанской учительской семинарии «в 4-классном составе, при 75 воспитанниках и 2-х образцовых при ней училищах...» (Отчет..., 1881: 3-4). Открытие семинарии состоялось в присутствии и.д. Туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковского, военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-майора В.Н. Троцкого (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 72).

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает комплекс архивных и опубликованных материалов, которые могут быть разделены на несколько групп по месту хранения и характеру происхождения. К первой группе относятся фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз, Ташкент, Республика Узбекистан), содержащие документы административного и персонального характера. Особую ценность представляет личный фонд первого директора Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумова (Ф. И-1009), включающий материалы, позволяющие реконструировать его взгляды на организацию учебного процесса, в том числе вопросы языковой подготовки и работы с местным населением. Важным источником является также фонд «Управление учебными заведениями в Туркестанском крае» (Ф. И-47), охватывающий период 1875–1909 гг. Документы данного фонда отражают официальную образовательную политику, структуру учебных заведений, кадровые вопросы и особенности функционирования семинарии в системе управления краем.

Ко второй группе относятся материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы, Республика Казахстан), в частности фонд И-64, в котором выявлены документы, касающиеся организации ученической квартиры для казахских воспитанников семинарии. Эти источники позволяют рассмотреть повседневные условия обучения, формы социальной поддержки и механизмы интеграции казахских учащихся в образовательное пространство.

Третью группу составляют опубликованные источники – отчёты и юбилейные издания, посвящённые деятельности Туркестанской учительской семинарии. К ним относятся, в частности, статьи М. Миропиева, освещающие первый период функционирования семинарии (Отчет..., 1881: 51), а также работа Н. Воскресенского, в которой представлен анализ деятельности учебного заведения за 25 лет его существования (Отчет..., 1904).

Данные источники обладают высокой информативной ценностью, поскольку содержат систематизированные сведения о структуре учебного процесса, численности учащихся и преподавателей, а также о содержании образовательных программ. Вместе с тем они носят официальный и во многом апологетический характер, что требует их критического анализа и сопоставления с архивными материалами.

Таким образом, сочетание архивных и опубликованных источников позволяет всесторонне реконструировать деятельность Туркестанской учительской семинарии. В то же время необходимо учитывать их ведомственную обусловленность и идеологическую направленность, особенно в случае официальных отчётов, что требует критического подхода и сопоставления различных типов источников.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной истории, истории образования и исторической антропологии. Туркестанская учительская семинария рассматривается не только как учебное заведение, но и как институциональное пространство, в рамках которого реализовывались имперские образовательные и языковые политики. В исследовании также используются подходы к изучению языковой политики (language policy studies), позволяющие рассматривать преподавание языков как элемент имперской стратегии управления и посредничества между властью и местным населением. Анализ казахских воспитанников семинарии осуществляется с позиций социальной истории и просопографии (коллективной биографии), что позволяет выявить их социальное происхождение, образовательные траектории и последующие профессиональные стратегии. Это даёт возможность рассматривать их не только как объект образовательной политики, но и как активных участников процессов социальной мобильности.

3. Обсуждение

Изучение истории учительских семинарий, в том числе и Туркестанской, можно рассмотреть по следующим параметрам: дореволюционная, советская и постсоветская.

Фундаментальной работой по истории развития русской школы, начиная с эпохи князя Владимира Святого до 80-х годов XIX в. считается исследование русского педагога Владимира

Васильевича Григорьева (1830–1901). Будучи директором Московской учительской семинарии, он в своем исследовании обратил внимание на открытие и деятельность этих учебных заведений, в том числе и Туркестанской (Григорьев, 1904: 587).

Дискуссия по организации учебного процесса в Туркестанской учительской семинарии и введению казахского языка вместо сартского и персидского представлена в работе профессора Казанской Духовной академии П.В. Знаменского. Автор раскрыл роль Н.И. Ильминского в подготовке учителей для нерусских школ и открытии учительских семинарий в окраинах Империи и показал позицию Н. Ильминского в необходимости введения казахского языка в полиэтнической среде Туркестанского генерал-губернаторства (Знаменский, 1900: 84). Ученик Н.И. Ильминского, первый директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов раскрыл роль первого генерал-губернатора К.П. Кауфмана в открытии учительской семинарии в Ташкенте, его отношение к языковой подготовке местного населения, подготовке кадров для русско-туземных школ в регионе (Остроумов, 1899).

В советской историографии нужно выделить исследование советского учёного-педагога Тулегена Тажибаевича Тажибаева, посвящённое образовательной политике Империи во второй половине XIX в., открытию учительских семинарий в пограничной зоне (Оренбург, Ташкент, Омск и др.) и в уездных городах Степного генерал-губернаторства (Семипалатинск, Актюбинск, Уральск и др.) (Тажибаев, 1962). Деятельность Туркестанской учительской семинарии в этом монографическом исследовании автор представил в контексте подготовки педагогических кадров для региона.

В отечественной историографии изучению Туркестанской учительской семинарии посвящены статьи Э.К. Садыковой (Садыкова, 2017: 110-118), цикл статей историков С.С. Сайфулмаликовой, А. Садыковой, посвященных учительским семинариям в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах (Сайфулмаликова, Садыкова, 2018: 264-274; Сайфулмаликова, Садыкова, 2018: 204-213). В российской историографии нужно отметить статью О.Л. Сумароковой, посвященной Туркестанской учительской семинарии (Сумарокова, 2015). В отечественной исторической науке изданы и научные статьи, посвященные выпускникам Туркестанской учительской семинарии, в частности Сералы Лапину (Нуртазина, 2009: 39-42; Эзиретбергенова, 2004: 80-82).

4. Результаты

Директором Туркестанской учительской семинарии был назначен Николай Петрович Остроумов (1846–1930), выпускник Казанской Духовной академии, где изучал тюркские и арабский языки и ислам. Н. Остроумов уже имел опыт преподавания в семинарии, так как после окончания Духовной академии, преподавал историю и языки в Казанской учительской семинарии. В своей речи на открытии семинарии Н.П. Остроумов подчеркнул, что основная задача семинарии подготовить учителей для начальных учебных заведений региона, и чтобы воспитанники «могли бы служить достойно делу инородческого образования». Звание народного учителя как воспитателя и руководителя молодого поколения настолько высоко и почётно (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 92, 98).

Согласно Уставу Туркестанской семинарии, в число воспитанников допускались представители как русского, так и местного населения, лица не моложе 15 и не старше 18 с половиной лет, не страдавшие физическими недостатками, препятствовавшими успешному прохождению учительской деятельности (Отчет..., 1881: 3-4).

Важный принцип деятельности семинарии, который был отмечен в ее Уставе, включал уважение религиозных верований ее воспитанников и «в своих стенах никогда не будет посягать на прозелитизм», чтобы не вызвать со стороны мусульманского населения «нежелательного для дела религиозного фанатизма». И в первом отчете о деятельности учительской семинарии за 1879–1881, Н. Остроумов вновь подчеркивал, что «влияние нашей школы на религиозные убеждения остается вне действия» и право наставлять «воспитанников инородцев в правилах исповедуемой ими веры» остается за их родителями (Отчет..., 1881: 5). И соответственно в Туркестанской учительской семинарии предмет «Магометанское вероучение» не вводился в учебный план семинарии, и при этом исполнение религиозных обрядов мусульманами «не возбуждалось», а для православных было обязательным. Вероятнее всего этот принцип был рекомендован первым туркестанским губернатором К.П. фон Кауфманом. Так, русский историк Петр Васильевич Знаменский писал, что семинария получила «организацию и направление, вполне согласные с требованиями образовательной системы генерала Кауфмана» (Знаменский, 1900: 2).

В первые годы функционирования Туркестанской учительской семинарии учителями были: П.В. Знаменский, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по русскому языку, Н. Воскресенский, выпускник Казанской духовной семинарии по Закону Божьему, по математике выпускник Санкт-Петербургского университета, М.А. Мироппев по истории и географии, зав. Самаркандским 2-х классным училищем, Я.Я. Лютша, выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета и др. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 15-170б.). Серьезной постановкой преподавания отличался предмет пения, который являлся обязательной дисциплиной. В отчете деятельности учительской семинарии отмечалось, что пение способствует развитию не только музыкальных способностей, но и добрых и гуманных чувств, так как

составляет «природную потребность каждого человека». Более того, подчеркивалось, что как будущие учителя они должны знать музыкальные инструменты, в частности включалось и обучение игре на скрипке. И хоровое пение считалось обязательным, так как являлось «лучшим вспомогательным средством для развития музыкальных способностей» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 314). Так, в отчете учительской семинарии за 1897 г. было отмечено, что из 11 воспитанников (8 русских и 3 казаха, двое казахов обучились пению и игре на скрипке) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 503. Л. 71).

Конечно, большое внимание уделялось практическим занятиям будущих учителей, а именно педагогике и методике преподавания. И для этого при учительской семинарии функционировало начальное училище для практических школьных занятий воспитанников (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1349. Л. 10). При Туркестанской учительской семинарии существовали следующие стипендиальные фонды, созданные местным населением: а) казахами Перовского уезда Сыр-Дарьинской области был собран капитал на 2 стипендии им. императора Александра II. Сумма стипендии составляла 404 р. 20 коп; б) население Маргелинского уезда Ферганской области собрало капитал и учредили стипендию в память 25-летия присоединения Кокандского ханства к России. Наличных денег к 1907 г. – 575 р.; в) население Кокандского уезда пожертвовало капитал для учреждения стипендии в память 25-летия присоединения Кокандского ханства к России. Наличных денег к 1907 г. – 273 р. 37 коп. г) население Андижанского уезда пожертвовало сумму на создание стипендии им. наследника цесаревича. На 1907 г. капитал составил 423 р. 83 коп. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 827. Л. 20). Семинаристы имели специальное обмундирование. Для этого в штате семинарии числился портной, который шил для воспитанников «зимние блузы с брюками из семинарского сукна». На каждого воспитанника было ассигновано по 190 рублей, что включало расходы на пальто, зимнюю и летнюю фуражку, обувь, белье, учебные пособия и т.д. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 503. Л. 4, 37).

8 ноября 1880 г. Туркестанский губернатор К.П. фон Кауфман ходатайствовал перед министром народного просвещения об изменении утвержденной учебной языковой программы учительской семинарии, а именно введении казахского языка вместо персидского и узбекского языков. При этом Кауфман обосновывал свое ходатайство тем, что численность казахского населения в Туркестанском генерал-губернаторстве «более значительно» в сравнении с узбекским и таджикским и соответственно казахи отправляют своих детей в открываемые учебные заведения больше, чем все другие «туземцы». И более того, он считал, что кочевое население Туркестанского края с присоединением к Империи «стало стремиться к выходу из-под узбекской опеки». И важным аргументом губернатора в пользу введения казахского языка в учительской семинарии стало его мнение, что казахи-кочевники «в культурном отношении представляются народом более способным к ассимилированию», чем узбеки и таджики (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 184-185об.).

Н.П. Остроумов в своей статье «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае» отметил, что генерал-губернатор находился под влиянием авторитетного профессора истории Востока В.В. Григорьева, проработавшего более пяти лет председателем Оренбургской пограничной комиссии (1854–1859) и идеолога просвещения нерусских народов Российской империи Н.И. Ильминского¹, которые неоднократно подчеркивали, что казахское население нужно освободить от «мусульманского влияния» татар и тогда русский язык быстрее может проникать в их кочевое общество.

Более того, попечитель Казанского учебного округа П. Шестаков, с которым встречался туркестанский губернатор считал, что казахи «магометане слабые, на первой ступени магометанства» и что их не следует «приближать» мусульманскому духовенству татар и тогда «есть надежда, что христианские идеи могут постепенно проникать в массы через посредство правильного преподавания» (Шестаков, 1868: 21). И Кауфману была близка эта идея, что казахское население еще «не забито одностороннею, исключительно религиозною мусульманскою школьною мудростью и потому жизнеспособно и восприимчиво в отношении образования». Исходя из этого, он сосредоточил свое внимание на устройстве в Туркестанском генерал-губернаторстве русских школ именно для казахских детей и рассчитывал, что «примкнут к русской гражданственности» (Остроумов, 1910). В соответствии с этим он предложил Педагогическому Совету ввести в курс обучения вместо персидского и сартского языков – казахский. В своем отношении от 8 ноября 1880 г. министру народного просвещения он обосновывал свою идею тем, что казахский язык, относящийся к семейству тюркских наречий, как и узбекский, «понятен в одинаковой степени всем туземцам Туркестанского края, говорящим по-узбекски». При этом Кауфман подчеркивал, что на этом наречии «говорят не только все тюркские племена», но и «таджики, принадлежащие к персидской расе». Важным аргументом, по мнению Кауфмана, было и то, что на персидском языке говорят только таджики, «населяющие в незначительном числе Заравшанский округ и некоторые немногие местности Туркестанского края» и поэтому введение этой дисциплины в Туркестанской учительской семинарии не принесет большой пользы будущему учителю (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 184-185об.).

¹ Н.И. Ильминский был один из первых авторов учебников по казахскому языку: Материалов для изучения киргизского языка» и «Самоучителя русского языка для киргизов».

Директор Туркестанской учительской семинарии Н. Остроумов и учитель казахского языка Я.Я. Лютша разделяли мнение Кауфмана и считали, что «в настоящее время, когда в семинарии учатся только дети киргизов, все же естественнее преподавать только киргизский язык, который по своему грамматическому устройству есть самый правильный язык из всех тюркских говоров и потому может быть принят за основную норму при обучении местных наречий, за исключением таджикского». Преподавание же персидского языка, по их мнению, «еще преждевременно и во всяком случае не так важно, как преподавание киргизского языка» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 186).

25 марта 1880 г. в здании Главного управления учебными заведениями Туркестанского края под председательством главного инспектора училищ, действительного статского советника А.А. Куна прошло заседание по установлению правильной транскрипции казахского языка русскими буквами.

В заседании приняли участие директор учительской семинарии Н. Остроумов, инспектор народных училищ, коллежский советник П.И. Азначеев, титулярный советник Д.М. Граменицкий, преподаватель Ташкентской мужской гимназии П.В. Прилежаев, заведующий ученической квартирой при Ташкентской мужской прогимназии А.И. Левитский и преподаватель местных языков в учительской семинарии Я.Я. Лютша. Кроме того, в качестве экспертов, по приглашению главного инспектора А.А. Куна были приглашены коллежский советник С.А. Батыршин, служивший долгие годы переводчиком в Оренбургской пограничной комиссии, хорошо знавший об усилиях В.В. Григорьева по введению русской транскрипции для казахских текстов в период его службы в Оренбурге и коллежский секретарь Т.П. Игнатьев и четыре казаха, а именно из Перовского уезда Сырдарьинской области (2 чел.) и Тургайской области (2 чел.). Основным вопросом стало обсуждение и «установление точных правил для транскрипции» казахского языка, который был введен в учебную программу Туркестанской учительской семинарии и соответствие учебного пособия по казахскому языку фонетическим особенностям этого языка. Составителями «Пособия изучения киргизского языка» были учитель Я.Я. Лютша и Н. Остроумов. Обсуждение членами Комиссии особенностей транскрипции казахского текста вызвало ряд дискуссий. Однако было рекомендовано авторам пособия по казахскому языку придерживаться установленных Комиссией правил или же «следовать транскрипции предложенной г. Алтынсариным в его «Киргизской хрестоматии» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 142. Л. 10-15). 21 мая 1881 года за № 47 был издан приказ о введении предмета «Казахский язык» в учебную программу Туркестанской учительской семинарии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 211). В объяснительной записке к программе казахского языка было выделено, что целью преподавания данного предмета «научить воспитанников правильно излагать мысли на киргизском языке как устно и, так и письменно, познакомить их с грамматикой киргизского языка и посредством чтения различных произведений киргизской народной литературы с духом и характером киргизского народа, детей которых они будут обучать». При этом, в объяснительной записке было отмечено, что преподавание казахского языка в семинарии «должно вестись с помощью транскрипции киргизских слов русскими буквами, так как азбука киргизов, заимствованная целиком у татар не так точно передает все звуки киргизского языка, как русская». При этом было подчеркнуто, что использование транскрипции казахского языка русскими буквами имеет и государственное значение, так как это «довольно сильное средство для сближения инородцев с русской литературой и чрез литературу с русским народом и русским государством» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 311об.-312об.).

27 июля 1884 года директор Туркестанской учительской семинарии Юлиан Фомич Крачковский поднял вопрос о том, что введение в учебную программу только казахского языка сужает деятельность семинарии и изучение других «туземных наречий» является в семинарии делом государственной важности. Мнение Ю.Ф. Крачковского представляет определенный интерес, так как он имел опыт преподавания и управления учительскими семинариями на западных окраинах империи, именно Молодечненской, Полоцкой учительских семинариях Виленского учебного округа. Он считал, что на всех уровнях деятельности русской администрации (областной, уездной), в школе, судах «при всяком соприкосновении с туземцами» требуется знание языка местных наречий. И он утверждал, что только при знании местных языков можно «овладеть населением, возбудив его доверие к нам, изучить его настроение и направить в конце концов его жизнь и деятельность как того требуют высшие интересы нашего отечества» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 382). На основании этого, Ю.Ф. Крачковский настаивал на том, что в учебную программу семинарии нужно ввести арабский язык, который, по его мнению, служит «базисом для объяснения многих филологических явлений» казахского и сартского языков (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 383об.).

18 августа 1884 года состоялось совещание Главного управления учебными заведениями Туркестанского края под руководством Главного инспектора народных училищ действительного статского советника А.И. Забелина. В совещании участвовали директор Туркестанской учительской семинарии Ю.Ф. Крачковский¹, директор Ташкентской мужской гимназии Н.П. Остроумов, директор женской гимназии К.И. Грацианский, и.о. инспектора Ташкентской мужской гимназии статский советник П.И. Азначеев, Основной вопрос для обсуждения на этом совещании – подготовка учителей

¹ Отец известного востоковеда-арабиста Игна́тий Юлиа́нович Крачко́вского (1883–1951)

в местные русские и мусульманские школы, а также переводчиков для разных административных учреждений. В работе совещания принял участие и нотариус г. Ташкента М.И. Бутковский, получивший особое приглашение, как практик, имеющий постоянное взаимодействие с местным населением. М.И. Бутковский, будучи выпускником Лазаревского института восточных языков, исходя из опыта своей практической деятельности, считал нужным введение арабского языка в учительской семинарии, выпускники которой могли бы в последующем вполне «основательно разобрать туземные поземельные документы». И более того, он считал, что без знания арабского языка «трудно вести дела», так как вся мусульманская юриспруденция (шариат) изложена на арабском. Точку зрения М.И. Бутковского поддержал и.о. инспектора Ташкентской мужской гимназии П.И. Азначеев, отметил, что введение арабского языка в Новочеркасской мужской гимназии, где было открыто отделение переводчиков для Кавказского края имело «большую пользу» и ученики, по его мнению, «успевали и в практическом разговорном языке».

Объясняя свой опыт работы в другой части Империи и как учитель арабского языка П.И. Азначеев видел во введении арабского языка шаг в дальнейшем сотрудничестве с местным населением (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 384-386). Н.П. Остроумов также считал, что изучение арабского языка поможет ученикам сознательно относиться к местным наречиям, и «отчетливо усвоить их», так как местные языки «в значительной степени восприняли в себя арабские слова и выражения» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 388). Кроме того, Н.П. Остроумов предложил пригласить для преподавания арабского языка в семинарии местного казиза, который сможет ознакомить учеников с языком и с местной мусульманской литературой и шариатом. Одновременно было принято решение обратиться в Лазаревский институт восточных языков или в восточное отделение Императорского Санкт-Петербургского университета и пригласить квалифицированного преподавателя арабского языка в семинарию.

Расширение языковой учебной программы (арабский, персидский, сартский языки) в учительской семинарии в Ташкенте, по словам участников совещания «в сердце ислама», способствовало бы, по их мнению, преобразованию ее в такое учебное заведение как Лазаревский институт восточных языков (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 394). Однако Министерство народного просвещения не согласилось с Главным управлением учебными заведениями Туркестанского края по расширению языковой подготовки семинаристов в Ташкенте. В своем отношении от 26 сентября 1885 г. за № 14638 они отмечали о том, что арабский, персидский и сартский языки относятся к трём языковым системам: семитическому, иранскому и тюркскому, отличающимся основными законами построения речи. Кроме этих предметов семинаристы должны освоить еще один язык – русский, и это уже «четвертая система языков». И поэтому они посчитали, что включение трех языков (арабского, персидского и сартского) в программу семинарии произойдет «в ущерб главным и существенным предметам» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 423).

Кроме того, министр народного просвещения И.Д. Делянов (1882–1897) акцентировал внимание на том, что замена преподавания в Туркестанской учительской семинарии киргизского языка персидским и сартским языками была мерой неблагоприятной и бесполезной, так как она «могла бы внушить» казахским семинаристам «неправильное представление о превосходстве сартского языка пред киргизским и следовательно служить к нравственному подчинению народа киргизского, менее фанатичного, сартам, более фанатичному и менее, чем киргизы, сочувствующие русскому образованию. При этом он провел аналогию с западным регионом Империи, где поддержание преимущества польского или немецкого языков перед языками литовцев или эстонцев способствовало бы тому, что русские власти своими «руками отдали бы последних в жертву преобладающих над ними народностей». Более того, министр подчеркнул, что «все туземные языки должны стать пред русским языком в равномерно подчиненное положение», отразив этим самым стратегическое направление политики империи: каждый местный язык «служит только орудием для передачи русских понятий и русского образования» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 428-429).

Однако директор Туркестанской учительской семинарии Ю.Ф. Крачковский, несмотря на отказ Министерства народного просвещения через три года, а именно 13 января 1888 г. вновь обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о расширении языковой подготовки семинаристов и включения в учебную программу сартского и персидского языков. Ходатайство Крачковского обращает наше внимание на два аспекта: 1. Ташкентская учительская семинария является частью образовательной системы империи. Он подчеркивал, что учительские семинарии сослужили «великую патриотическую службу в Германии и у нас в Западной России, тоже можно ожидать и от Туркестанской учительской семинарии». 2. Основным требованием для поддержания статуса учительских семинарий в полиэтнических регионах Империи должно быть, по его взгляду, «основательное изучение будущими учителями туземных языков». Знание учителем начальных училищ «туземных языков» способствует, по его оценке, повышению его авторитета в глазах местного населения, вызовет больше доверия, что в конечном итоге позволит местному сообществу «выполнять указание» учителя. Ю.Ф. Крачковский очень точно передал роль учителя в волостях и аулах. По его суждению, учитель тот же проповедник, и рассуждая дальше, он подчеркивал, что результаты «от проповеди» не будут иметь влияния, если учитель будет вести их «на непонятном

языке» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 430). Точку зрения директора семинарии поддержал и Туркестанский генерал-губернатор Николай Оттонович Розенбах (1884–1889). В своем письме министру народного просвещения от 4 февраля 1888 г., он подчеркнул, что обращался с ходатайством о введении в учебную программу Туркестанской учительской семинарии неоднократно (28 августа 1884 г. за № 1783, 26 октября 1885 г. за № 2175, 23 февраля 1886 г. за № 440). И в своем новом письме Туркестанский генерал-губернатор посчитал своим долгом «отстаивать преподавание сартского и персидского языков в семинарии, так как без этих языков, по его мнению, не будет «никакого успеха русского учителя в туземных школах» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 472). И только неоднократные обращения директора учительской семинарии и Туркестанского генерал-губернатора дали свои результаты. 30 марта 1888 г. министр народного просвещения Делянов в своем письме к Розенбаху за № 4999 утвердил распоряжение о замене в Туркестанской учительской семинарии преподавания казахского языка персидским и сартовским языками. Министр согласился и с тем, что для обучения этим языкам можно будет пригласить «особого практиканта» с назначением жалования ему по 600 рублей в год из остатков штатной суммы семинарии (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 479).

В результате, 21 апреля 1888 года по Туркестанскому генерал-губернаторству был издан приказ генерал-губернатора о замене преподавания казахского языка в учительской семинарии персидским и сартовским языками (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 480). Учителем сартского и персидского языков был назначен Владимир Петрович Наливкин (1852–1918).

Казахские воспитанники учительской семинарии проживали в ученической квартире в г. Ташкенте. Имели свой режим питания, сна и т. д. Интересен тот факт, что они приучались к питанию, которое отличалось от их традиционной пищи. Так, в фондах центрального архива Республики Узбекистан сохранилось расписание обедов и завтраков, которое включало такие первые блюда, как щи со свежей капустой, малороссийский борщ (во вторник), суп с фрикадельками (в четверг), рассольник (в субботу). Вторые блюда включали плов, котлеты, рисовую кашу, пироги с мясом и т. д. (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 827. Л. 180б.-19).

По данным исследователя А.И. Добросмыслова за 25 лет существования Туркестанской учительской семинарии в ней обучалось 415 человек (русских 348 или 83,9 %, киргиз 54 или 13 %, сартов – 9 или 2,2 %, татар 3 или 0,7 %, туркмен 1 или 0,2 %) (Добросмыслов, 1912: 231).

Первый директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов привел фамилии первых учеников казахов, поступивших в семинарию в 1879 г.: Кулман Кусубаев, Омар Кутебаров, Ишмурад Баймуратов, Садыкбай Тулубаев, Хасан Касымов (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 47. Л. 76). В 1879 году Н.П. Остроумов писал, что казахские воспитанники Баймуратов и Кусубаев отличались характером и темпераментом. Баймуратов, по его описанию, «на вид осанист и симпатичен и держит себя с достоинством, серьезно и важно, глядит умно». Кусубаев же был, по его мнению, полной противоположностью. Но оба они по сведениям директора семинарии учились прилежно (ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 86. Л. 39). М.А. Миропиев писал, что в 1880 году в Туркестанской учительской семинарии из семи обучающихся двое были султанами, пятеро – потомками простых киргизов (Отчет..., 1881: 11). Султанские дети были прямыми продолжателями рода хана младшего жуза Абулхаира: Исмайл Касымов и Жусип Касымов (Sadykova, Saifulmalikova, 2019: 714-725). Практически через десять лет, в 1887 году обучалось в учительской семинарии 20 воспитанников из местного населения, в том числе Джулдасов Пир-Мухамед, 20 лет, Итбаев Наурызбай 18 лет, Лапин Мунайтбас 18 лет, Мангельдин Алдабек 18 лет (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 256. Л. 205). В отчете Туркестанской учительской семинарии за 1914 г. был дан этноконфессиональный состав воспитанников, а именно православных 66 (79,15), мусульман 16 (19,5 %), из них казахов – 8 (9,96 %), татар – 3 (3,66 %), сартов – 2 (2,44 %), туркмен – 3 (3,66 %) (ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1349. Л. 4).

Директор Туркестанской учительской семинарии М.А. Миропиев писал о воспитаннике 4-го класса Сералы Лапине как о юноше, который отличался «большими способностями и особым дарованием», отлично успевал по всем предметам семинарского курса, прекрасно владел русским и сартовским языками, знал персидский язык. И директор семинарии ходатайствовал об оставлении Лапина в семинарии на должность учителя по практическим занятиям местных языков. При этом М.А. Миропиев подчеркивал, что Лапин отличался «умением вести дело обучения» и показал свои педагогические способности в период своей 2-месячной практики. И это было исключением из правил, так как в учительской семинарии в основном работали учителями выпускники учебных заведений Санкт-Петербурга, Казани, Москвы. При этом директор семинарии ходатайствовал «окладное содержание 600 р. в год» (ЦГА РУз. Ф. И-47. Д. 297. Л. 20-21). Однако С. Лапин, проработав два года в Туркестанской учительской семинарии, 1 февраля 1892 г. был переведен переводчиком в Самаркандское областное правление, а через год переводчиком при военном губернаторе Самаркандской области (Азретбергенова, 2012: 81-84). В 1900 г. именно С. Лапину было поручено возглавить группу учащихся Туркестанского генерал-губернаторства, выехавшую в Санкт-Петербург и Москву для учебно-образовательной экскурсии. В своем отчете С. Лапин отмечал, что поездка с учениками была продуктивной и длилась 52 дня (с 23 июня по 13 августа), маршрут которой включал не только знакомство с двумя столицами, но путешествие на пароходе по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 28. Д. 429. Л. 37-40).

Другой выпускник Худабай Кустанаев, будучи на последнем курсе обучения в учительской семинарии, написал статью «Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов» и при этом посвятил свой труд alma mater «в знак благодарности за полученные в ней образование» (Кустанаев, 1894: 52). Учитель русского языка в Туркестанской семинарии Н. Воскресенский в своем предисловии написал, что данный труд, представителя казахского кочевого населения может стать стимулом и для других «туземцев Туркестанского края», получивших образование в европейских учебных заведениях края.

5. Заключение

Таким образом, Туркестанская учительская семинария выступала не только образовательным учреждением, но и пространством формирования новых социокультурных и лингвистических компетенций в условиях имперского взаимодействия. Проведённый анализ позволяет рассматривать систему языковой подготовки не как односторонний инструмент политики Империи, а как сложный и многослойный процесс, в котором пересекались стратегии имперской образовательной политики и практики адаптации со стороны местных обучающихся. Особое значение деятельность семинарии имела для подготовки представителей местного населения, в том числе казахов, которые, получив педагогическое образование, становились культурными и языковыми проводниками новых образовательных практик в традиционной среде, осуществляя трансляцию и переосмысление полученных знаний в локальных контекстах. Их образовательные траектории демонстрируют не только интеграцию в административно-интеллектуальные структуры империи, но и формирование собственной интеллектуальной позиции, что позволяет говорить о многовекторности процессов формирования идентичности. Туркестанская учительская семинария предстает как важный узел циркуляции знаний, языков и идентичностей, где формировались новые социальные акторы, сыгравшие значительную роль в культурной и интеллектуальной истории региона.

Литература

- Азретбергенова, 2012 – Азретбергенова Э. Серали Лапин: жизнь и деятельность // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2012. № 3 (34). С. 81-84.
- Григорьев, 1904 – Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1904. 587 с.
- Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912. 231 с.
- Әзіретбергенова, 2004 – Әзіретбергенова Э. Серәлі Лапин кім еді? (1868-1919): XX ғ. басындағы қазақ зиялыларының қатарында өзіндік қоғамдық-саяси қызметімен дараланған қайраткер туралы деректер // *Қазақ тарихы*. 2004. №1. Б. 80-82.
- Знаменский, 1900 – Знаменский П.В. Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. Казань: типо-литография Императорского университета, 1900. 84 с.
- Кустанаев, 1894 – Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов / Сост. Н.А. Воскресенский. Ташкент, 1894. 52 с.
- Нуртазина, 2009 – Нуртазина Н.Д. Жизнь и деятельность Сералы Лапина в контексте мусульманского джадидизма // *Историческая наука Казахстана: актуальные проблемы, успехи и перспективы: материалы конф.* Алматы, 2009. С. 39-42.
- Остроумов, 1899 – Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899.
- Остроумов, 1910 – Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (хронологическая справка) / *Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истеющих со дня смерти покорителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I-го*. М.: Тип. Тов-ва Кушнерев и Ко, 1910. С. 139-160.
- Отчет..., 1881 – Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1 августа 1879 года по 1 августа 1881 года / Сост. М. Мироппиев. Ташкент: тип. арендуемая Ф.В. Базиловским, 1881. 51 с.
- Отчет..., 1904 – Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г. – 30 августа 1904 г.) / Сост. Н.П. Остроумов. Ташкент, 1904.
- Садыкова, 2017 – Садыкова Ә.Қ. Түркістан мұғалімдер семинариясы: ашылуы, қалыптасуы, қызметі (1879–1904 жылдар) // *ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы*. № 84 (1). С. 110-118.
- Сайфулмаликова, Садыкова, 2018 – Сайфулмаликова С.С., Садыкова А.К. Түркістан, Дала генерал-губернаторлығында құрылған мұғалімдер семинарияларының тарихынан (1879–1917 жылдар) // *ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы*. 2018. № 2 (89). С. 264-274.
- Сайфулмаликова, Садыкова, 2018 – Сайфулмаликова С.С., Садыкова А.К. Роль Н.И. Ильминского в открытии Туркестанской учительской семинарии и Оренбургской киргизской учительской школы / *Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): материалы Всерос. науч. конф.* 2018. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 204-213.

Сумарокова, 2015 – Сумарокова О.Л. Туркестанская учительская семинария // *Научные периодические издания*. 2015. № 2. С. 1-22.

Тажибаев, 1962 – Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алматы, 1962. 502 с.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Шестаков, 1868 – Шестаков П.Д. Соображения о системе преподавания инородцев, обитающих в Казанском учебном округе. Казань, 1868. С. 21.

Sadykova, Saifulmalikova, 2019 – Sadykova A., Saifulmalikova S.S. Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 714-725.

References

Aziretbergenova, 2004 – Aziretbergenova, E. (2004). Serali Lapin kim edi? (1868–1919) [Who was Serali Lapin? (1868-1919)]. *Kazak tarihi*. 1: 80-82. [in Kazakh]

Azretbergenova, 2012 – Azretbergenova, E. (2012). Serali Lapin: zhizn' i deyatel'nost' [Serali Lapin: life and activity]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Istoricheskie I socialno-politicheskie nauki»*. 3(34): 81-84. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1912 – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskii ocherk [Tashkent in the past and present. Historical essay]. Tashkent. 231 p. [in Russian]

Grigor'ev, 1904 – Grigor'ev, V.V. (1904). Istoricheskii ocherk russkoi shkoly [Historical essay of the Russian school]. M. 587 p. [in Russian]

Kustanaev, 1894 – Kustanaev, Kh. (1894). Etnograficheskie ocherki kirgiz Perovskogo i Kazalinskogo uezdov [Ethnographic essays of the Kirgiz of Perovsk and Kazalinsk districts]. Tashkent. 54 p. [in Russian]

Nurtazina, 2009 – Nurtazina, N.D. (2009). Zhizn' i deyatel'nost' Seraly Lapina v kontekste musul'manskogo dzhadidizma [Life and activity of Seraly Lapin in the context of Muslim Jadidism]. *Almaty*. Pp. 39-42. [in Russian]

Ostroumov, 1899 – Ostroumov, N.P. (1899). K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Konstantin Petrovich fon-Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraya [On the history of public education in Turkestan region. Konstantin fon Kaufman as organizer of Turkestan region]. Tashkent. [in Russian]

Ostroumov, 1910 – Ostroumov, N.P. (1910). Kolebaniya vo vzglyadakh na obrazovanie tuzemtsev v Turkestanskom krae (khronologicheskaya spravka) [Fluctuations in views on the education of the native population in the Turkestan region (a chronological reference)]. *Kaufmanskii sbornik, izdannyi v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya Turkestanskogo kraya, general-ad'yutanta K.P. fon Kaufmana I-go*. M.: Tip. Tov-va Kushnerev i Ko. Pp. 139-160. [in Russian]

Otchet..., 1881 – Otchet o sostoyanii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii s 1 avgusta 1879 goda po 1 avgusta 1881 goda [Report on the state of the Turkestan Teachers' Seminary from August 1, 1879 to August 1, 1881]. Sost. M. Miropiev. Tashkent: tip. arenduemaya F.V. Bazilevskim, 1881. 51 p. [in Russian]

Otchet..., 1904 – Otchet Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii za 25 let ee sushchestvovaniya (1879–1904). [Report of the Turkestan Teachers' Seminary for 25 years of its existence (1879–1904)]. Sost. N.P. Ostroumov. Tashkent. 1904. [in Russian]

Sadykova, 2017 – Sadykova, A.K. (2017). Turkistan mugalimder seminariyasi: ashyluy, kalyptasuy, kyzmeti (1879–1904) [Turkestan teachers' seminary: opening, formation and activity (1879–1904)]. *KazNU Bulletin. History series*. 84(1): 110-118. [in Kazakh]

Sadykova, Saifulmalikova, 2019 – Sadykova, A., Saifulmalikova, S.S. (2019). Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire. *Bylye Gody*. 52(2): 714-725.

Saifulmalikova, Sadykova, 2018 – Saifulmalikova, S.S., Sadykova, A.K. (2018). Turkistan, Dala general-gubernatorlygında kuryldgan mugalimder seminariyalarynyn tarihy (1879-1917 zhyldar) [From the history of teachers' seminaries in Turkestan and Steppe governor-generalship (1879-1917)]. *KazNU Bulletin. History series*. 2(89): 264-274. [in Kazakh]

Saifulmalikova, Sadykova, 2018 – Saifulmalikova, S.S., Sadykova, A.K. (2018). Rol' N.I. Il'minskogo v otkrytii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii i Orenburgskoi kirgizskoi uchitel'skoi shkoly [The role of N.I. Il'minsky in the establishment of the Turkestan teachers' seminary and the Orenburg kirgiz teachers' school]. *Problemy prosveshcheniya, istorii i kul'tury skvoz' prizmu etnicheskogo mnogoobraziya Rossii (k 170-letiyu chuvashskogo prosvetitelya I.Ya. Yakovleva): materialy Vseros. nauch. konf. Cheboksary: ID «Sreda»*. Pp. 204-213. [in Russian]

Shestakov, 1868 – Shestakov, P.D. (1868). Soobrazheniya o sisteme prepodavaniya inorodtsev, obitayushchikh v Kazanskom uchebnoy okruge [Considerations on the system of teaching non-Russian peoples in Kazan educational district]. *Kazan'*. P. 21. [in Russian]

Sumarokova, 2015 – Sumarokova, O.L. (2015). Turkestanskaya uchitel'skaya seminariya [Turkestan teachers' seminary]. *Nauchnye periodicheskie izdaniya*. 2: 1-22. [in Russian]

Tazhibaev, 1962 – *Tazhibaev, T.T.* (1962). *Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka* [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Almaty. 502 p. [in Russian]

Znamenskii, 1900 – *Znamenskii, P.V.* (1900). *Uchastie N.I. Il'minskogo v dele inorodcheskogo obrazovaniya v Turkestanskom krae* [Participation of N.I. Il'minsky in the education of non-Russian peoples in Turkestan region]. Kazan'. 84 p. [in Russian]

Туркестанская учительская семинария (1879–1918): особенности лингвистической подготовки и казахские воспитанники

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^a, Жибек Сагинбаевна Бегимбаева ^b, Жанна Дюсембек ^{a, *}, Абдрахим Мирас Еркінұлы ^c

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актобе, Республика Казахстан

^c Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Талдыкорган, Республика Казахстан

Аннотация. В рамках современного историографического поворота к изучению имперской модерности и производства знания всё большее внимание уделяется образовательным учреждениям как пространствам формирования гибридных идентичностей и культурного посредничества. Особый интерес в данном контексте представляет Туркестанская учительская семинария как один из ключевых элементов инфраструктуры знания Российской империи в регионе.

Цель данной статьи заключается в выявлении специфики языковой подготовки в Туркестанской учительской семинарии и анализе роли казахских выпускников в процессах трансфера знания в конце XIX – начале XX вв. На основе архивных материалов Центрального государственного архива Республики Узбекистан и Республики Казахстан исследуется содержание языкового образования (казахский, сартовский и персидский языки) как инструмента административной и культурной интеграции казахских учащихся.

Методологическая основа исследования сочетает подходы истории знания, постколониальной теории и микроистории, что позволяет интерпретировать семинарию не только как инструмент имперской политики, но и как пространство взаимодействия, адаптации и переосмысления знания. Особое внимание уделяется агентности казахских учащихся, выступавших культурными посредниками между имперским и локальным контекстами. В статье показано, что языковая подготовка носила амбивалентный характер: с одной стороны, она способствовала интеграции выпускников в административные структуры, с другой – создавала условия для формирования их собственных интеллектуальных позиций и участия в социокультурных процессах региона.

Ключевые слова: Туркестанская учительская семинария, имперская модерность, история знания, языковая подготовка, казахские выпускники, агентность, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhan.dsmk@gmail.com (Ж. Дюсембек)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 941-954
DOI: 10.13187/bg.2026.2.941

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Don Pre-Revolutionary Authors' Descriptions of the Cossacks of Other Cossack Hosts in Historical Works. Part I

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

To this day the topic of how Don pre-revolutionary authors described the Cossacks of other Cossack Hosts hasn't been specifically analyzed. This article undertakes an attempt at such analysis. On the grounds of the most generalizing works of the Don authors on the history of the Don Host it shows that the topic of unity of Cossackdom and historical ties of different Cossack Hosts was absolutely peripheral for Don history-describing. That said, contacts between the Don and the Zaporizhian Cossacks in the 16th–17th centuries were mentioned most often, without, however, being emphasized specifically. Exceptions to that are the works of V.M. Pudavov and E.P. Savel'ev for whom the topic of unity of Cossackdom was important.

In the first part of our article we parse texts of the Don authors written before the 1880s. It shows that originally the works of Don authors lacked any widespread common features whatsoever concerning descriptions of Cossacks of other Cossack Hosts (to the point that A.G. Popov placed Zaporizhian Cossacks on par with Turks and Tatars). However, V.D. Sukhorukov, starting from the 1820s, had set the factual outline of such descriptions for the later authors: starting with his works, they usually accentuated the connections between the Don and the Zaporizhian Cossacks. At the same time, during the aforementioned period authors usually didn't reflect on the term "Cossackdom", with the exception of V.D. Sukhorukov (who believed that the word "Cossack" was used for members of different groups without any commonality) and V.M. Pudavov (who believed that Cossacks are united by their Scythian descentance and the transcendent mission of safeguarding Orthodoxy in the East of Europe).

Keywords: Cossackdom, Don Cossacks, Zaporizhian Cossacks, history-describing, V.D. Sukhorukov, V.M. Pudavov.

1. Введение

Одной из фундаментальных, но до сих пор не только не отрефлексированных, но и фактически не поднимавшихся в историографии проблем, связанных с изучением донского казачества, является проблема разделения донскими казаками других групп людей на «своих» и «чужих». В настоящее время в научной историографии получает распространение понятие «казаковедение», под которым подразумевается изучение любых казачьих групп. Сторонниками подобного подхода выступают такие авторитетные историки, как, например, А.В. Венков (Венков, Матвеева, 2024: 19-24) и А.А. Волвенко (Волвенко, Саркисян, 2024: 126-131). С 2025 г. Южным научным центром Российской академии наук выпускается журнал «Казаковедение».

Безусловно, подобный подход, предполагающий восприятие казачества как целостного феномена, изучаемого в рамках единой дисциплины, имеет право на существование. Однако при изучении текстов, написанных донскими казаками до 1880-х гг., исследователь сталкивается с любопытной тенденцией. В этих текстах другие казачьи сообщества обычно описывались

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

исключительно в связи с их контактами с донскими казаками. Единственное обнаруженное нами исключение составляют некоторые работы Н.И. Краснова, в которых современное ему состояние различных казачьих войск описывались как самостоятельная интересная тема (Краснов, 1877: 274-293). Подобный нетипичный подход, скорее всего, объясняется биографией Н.И. Краснова: он занимал должность в имперском Главном управлении казачьих войск Военного министерства и исследовал статистику всех казачьих войск по долгу службы, руководя межевым и статистическим отделением этого управления (Королев, 1991: 235). При этом в творчестве Н.И. Краснова казачество представляло как единство чисто административное, объединенное схожим управленческим и экономическим устройством («поселенные войска» по его терминологии), а не единство историческое, культурное или этническое (Краснов, 1877: 274-293).

В данной статье мы хотим понять, существовало ли у донских дореволюционных авторов какое-либо общее представление о том, как соотносятся донские казаки и другие казачьи группы. Встраивались ли упоминания о других казачьих войсках в представления о казачестве как о некоем значимом единстве, или такого единства в представлениях донских авторов той эпохи не существовало? Считалось ли важным описывать контакты Донского Войска с другими казачьими войсками и что подчеркивалось в подобных описаниях, связи или различие? Ответы на эти вопросы очень важны, чтобы понять: кем были для донских казаков до 1917 г. представители других казачьих войск, «своими», «чужими» или они вообще занимали некое промежуточное положение.

2. Материалы и методы

Ключевым понятием для нашего исследования будет понятие «историописание», которое мы используем вслед за Н.А. Мининковым, применившим его в одном из немногих обобщающих научных текстов о дореволюционных донских казачьих авторах (Мининков, 2010: 266-285). Согласно Н.А. Мининкову, существует «историческая наука» и существует «история как одна из важных отраслей духовной культуры человечества», частью которой, но далеко не единственной, является научная история (Мининков, 2010: 266-285). Соответственно, под историописанием Н.А. Мининков подразумевает «одно из проявлений истории как формы духовной культуры», связанное с созданием письменных текстов (Мининков, 2010: 266-285). Иными словами, к историописанию относятся любые письменные тексты, затрагивающие исторические проблемы, независимо от их научной состоятельности.

В случае с сочинениями по истории донского казачества введение понятия «историописание» является фундаментально важным. Дело в том, что в дореволюционный период в принципе не сложилось научной школы исследования донского казачества. Среди донских авторов до начала XX в. не было профессиональных историков, а российские историки изучали отдельные сюжеты из истории Войска Донского в контексте истории России, но не занимались специально историей донского казачества в целом. Ситуацию хорошо подытожил В.А. Ключевский в одном из своих писем: «Прошлое Земли Войска Донского так богато преданиями, своеобразными особенностями своего быта и культурными задатками, способными к особенному развитию, что отсутствие хорошо обработанной ее истории нельзя не признать прискорбным пробелом русской историографии» (Волвенко, 2006: 119).

Соответственно, если анализировать тексты донских дореволюционных авторов, исходя из критериев анализа научной историографии, подавляющее большинство их работ будет в значительной степени вторичными и не соответствующими стандартам научного исследования. В рамках подобной логики анализа эти работы мало добавляют к научному знанию и их подробный анализ едва ли необходим (показательно, что в единственной монографии, претендующей на анализ всей историографии казачества, ее автор, И.Ю. Юрченко, ограничивается перечислением большинства донских дореволюционных авторов без полноценного анализа их текстов) (Юрченко, 2013: 88-90).

Ситуация, однако, меняется принципиально, если рассматривать сочинения донских дореволюционных авторов не как часть научной историографии, но как часть историописания. В рамках такой логики анализа данные тексты являются важным пластом специфической казачьей культуры, отражающим представления донских казаков о себе и о своем прошлом. Мы можем выявить то, какие факты и оценки этого прошлого устойчиво повторялись в различных текстах, составляя своеобразный канон донской истории, понять, как эти факты и оценки осмысливались и переосмысливались в культурной и общественной жизни Войска Донского, и даже установить основные особенности специфического дискурса донских авторов. Собственно, в своей статье мы как раз попытаемся понять, существовал ли некий канон в описаниях донскими авторами контактов донских казаков с другими казачьими группами и предлагались ли какие-либо концепции его осмысления.

При этом отдельной проблемой для нас стал подбор анализируемых текстов. Дело в том, что количество историописательных работ донских дореволюционных авторов крайне велико и многообразно. Значителен и тематический разброс данных работ. И, разумеется, более или менее неизбежно, что в работах о военных подвигах М.И. Платова (который казаками других войск почти не командовал) или о земской реформе в Области Войска Донского (в других казачьих войсках земств не было) другие казачьи войска не попадали в зону авторского внимания. С другой стороны, донской

атаман М.Г. Власов во время службы на Кавказе командовал черноморскими казаками, в том числе во время известного Калаусского сражения. Поэтому упоминание в его биографии черноморских казаков неизбежно обуславливалось историей его службы.

Исходя из этого, мы сконцентрировали свое внимание на работах, посвященных истории донского казачества/Войска Донского в целом (а также на единственной дореволюционной работе донского автора, посвященной, по крайней мере, формально, истории всего казачества). Эти работы представляются нам наиболее репрезентативными в том отношении, что при их написании авторы, как мы увидим далее, обладали наибольшей нарративной свободой: они могли как придавать существенное значение контактам донского казачества и других казачьих групп, так и вообще почти не упоминать подобные контакты; они могли исходить из существования казачьей нации или отрицать не только этническое, но и историческое единство казачества; наконец, они могли избегать применения специальных понятий и терминов или вводить собственную терминологию. Соответственно, именно в их случае форма подачи информации о контактах донских казаков с другими казачьими группами в наименьшей степени определяется спецификой материала, и в наибольшей – предпочтениями авторов и особенностями дискурса. Мы допустили только одно исключение из этого принципа, для «Исторического сведения Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленного из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня» Е.Н. Кательникова, поскольку данный текст является одним из самых ранних дошедших до нас памятников донского историописания и в нем зафиксировано представление автора о основании Черкасска некими «малороссийскими казаками».

Наконец, отметим также то, что мы будем разбирать в своей статье официальные издания Всевеликого Войска Донского, выполненные во время Гражданской войны. Хотя формально они были написаны после революции 1917 г., содержательно они, на наш взгляд, относятся к донскому дореволюционному историописанию и демонстрируют как попытки трансформировать его в изменившихся условиях, так и определенную неудачу этих попыток, результатом чего стали внутренне противоречивые тексты. Таким образом, мы подробно разберем большую часть масштабных работ донских авторов, в той или иной форме содержащих обобщающее описание истории донского казачества, начиная от «Истории о Донском войске» А.Г. Попова (1814–1816 гг.) и до анонимного «Очерка политической истории Всевеликого Войска Донского» (1919 г.).

3. Обсуждение

В современной историографии донского казачества почти отсутствуют обобщающие работы о дореволюционном донском историописании. Чаще всего исследователи рассматривают творчество отдельных авторов. За исключением наших работ, можно отметить упомянутые выше исследования Н.А. Мининкова и И.Ю. Юрченко, а также статью Е.В. Кринко о том, как донские дореволюционные авторы оценивали происхождение казачества (Krinko, 2023: 125-136). В частности, целый ряд статей посвящен творчеству Е.П. Савельева (Стегленко, 2021: 84-89; Стегленко, 2016: 66-69), исследовалось и наследие М.Х. Сенюткина (Шалак, 2023: 5-14). Е.Н. Кательникову посвящена специальная монография Н.А. Мининкова (Мининков, 2011).

4. Результаты

Первая треть XIX в.: Е.Н. Кательников, А.Г. Попов, В.Д. Сухоруков

Представление об общем происхождении казачества возникло еще до того, как появились первые историописательные тексты, созданные самими донскими казаками. Об общем происхождении казаков писал А.И. Ригельман, автор первого труда по истории Донского Войска, ставшего позднее классическим. В этом труде, в написанной в 1778 г. «Истории или повествовании о Донских казаках», А.И. Ригельман позиционировал донских казаков в качестве потомков «Украинских Черкасских Козаков» (Ригельман, 1846: 7), а большую часть других казачьих сообществ (сибирских, яицких, гребенских, некрасовских, терских семейных, волгских и моздокских казаков) считал потомками уже донских казаков (Ригельман, 1846: 138-141). При этом сам А.И. Ригельман признавал, что донские казаки «баснословят» о своем происхождении от «Черкес и Горских народов» – т. е. в их среде представления о происхождении от украинских казаков не были распространены (Ригельман, 1846: 3, 7-8).

Обратившись к дошедшим до нас текстам донской историописательной традиции XIX в., мы не найдем ни сочинений, доказывающих происхождение донских казаков преимущественно от казаков украинских, ни сочинений, доказывающих происхождение донских казаков от народов Кавказа. Судя по всему, на рубеже XVIII–XIX вв. среди образованной части донского общества вообще не было общепринятой версии происхождения казачества, и отдельные авторы в своих предположениях на этот счет могли опираться как на какие-то местные предания, так и на различные книжные версии. В этом отношении показателен случай Е.Н. Кательникова, который в 1810-ые гг., сочиняя историю родной Верхне-Курмоярской станицы, использовал как казачьи народные песни, так и «примечания Болтина на Леклерка» (т. е. книгу И.Н. Болтина «Примечания на историю древнюю и нынешнюю России г. Леклерка») (Кательников, 1886: 1).

Е.Н. Кательников соотносил донское казачество с другими казачьими группами. Его описание соответствующих сюжетов лишено каких-либо подробностей, однако он, по-своему интерпретируя как раз сообщаемые И.Н. Болтиным факты о переселениях различных категорий людей в донской регион, предполагал, что казаки-верховцы (казаки, жившие в верховьях Дона, на севере Земли Войска Донского) могли быть потомками мещерских казаков, срединцы (казаки, жившие по среднему течению Дона, в центральной части Земли Войска Донского) происходили от выходцев из русских городов, включая служилых казаков, а также стрельцов, а низовцы (казаки, жившие в низовьях Дона, на юге Войска Донского) «примечаются происходящими от России Малыя», и в числе их предков были «малороссийские казаки», основавшие Черкасск (Кательников, 1886: 4-5). Таким образом, для Е.Н. Кательникова происхождение донского казачества было связано с другими казачьими группами – однако не ограничивалось этими группами.

В любом случае возникновение казачества Е.Н. Кательников относил ко временам Ивана Грозного и Ермака (Кательников, 1886: 1-5). При описании же более поздних событий у Е.Н. Кательникова не фигурируют даже слободские казаки – хотя не контактировать с ними жители Верхне-Курмоярской станицы не могли хотя бы потому, что до 1715 г. из-за отсутствия священников в войске или жили без венчания, или ездили венчаться в Бахмут (Кательников, 1886: 14), из-за которого донские казаки конфликтовали с изюмскими. Как нам представляется, это связано с тем, что повествование Е.Н. Кательникова очень четко локализовано, и его интересовали только те группы населения и личности прошлого, которые оказывали непосредственное влияние на Верхне-Курмоярскую станицу в тот период времени, о котором еще помнили ее жители в начале XIX в. Соответственно, в тексте Е.Н. Кательникова присутствуют татары, черкесы и калмыки, совершавшие набеги на территории донских казаков в XVIII в. (Кательников, 1886: 26-31), а вот мещерским казакам и «малороссийским казакам» находится место только в качестве легендарных предков.

Несколько ближе к нарративу А.И. Ригельмана при описании интересующих нас сюжетов был А.Г. Попов, в те же 1810-е гг. сочинивший двухтомную «Историю о Донском войске». Он рассматривал ряд казачьих групп в качестве потомков донских казаков, однако при этом очень скупой писал об их происхождении и вообще не касался контактов этих групп с донскими казаками после обретения самостоятельности. Вообще сведений о не донских казаках А.Г. Попов сообщал крайне мало. Так, о сибирских казаках он неопределенно писал, что «образование Сибирских казаков» связано с совершенным «Ермаком завоеванием Сибири Донскими казаками, там от него оставшимися» (Попов, 1816: 1). Деяния сибирских казаков назывались «ироическими», но описывались буквально на одной странице (за исключением более подробно рассмотренных географических открытий С.И. Дежнева), а для их характеристики приводился отрывок из стихотворения И.И. Дмитриева о Ермаке (Попов, 1816: 1-3). О уральских казаках кратко (снова на одной странице) сообщалось, что они откололись от Донского Войска в конце XVI в. под влиянием походов Ермака и до 1708 г. даже подчинялись Войску Донскому – но никаких подробностей этого не указывалось, зато на нескольких страницах подробно описывалась имевшая только косвенное отношение к истории казачества экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву (Попов, 1816: 4-10). Наконец, о гребенских и терских казаках А.Г. Попов очень кратко (снова на одной странице) сообщал, что они возникли из донских казаков, служивших Ивану Грозному и поселившихся на Кавказе (Попов, 1816: 11). Таким образом, А.Г. Попов, подобно А.И. Ригельману, признавал, что часть казачьих групп произошла от донских казаков – но список подобных групп у него был куда короче. Кроме того, А.Г. Попов, подобно Е.Н. Кательникову, относил подобные сюжеты о связи донских казаков с другими казачьими войсками к глубокому прошлому, к XVI в. (за исключением Уральского войска, с которым некая связь сохранялась до 1708 г.).

Кроме того, А.Г. Попов при описании истории Войска Донского упоминал «малороссийских» и запорожских казаков. Однако в его тексте «Малороссия» появляется только с середины XVII в., причем внезапно и без каких-либо пояснений оказывается, что на ее территории тоже есть казачьи войска. Вот как выглядит соответствующее место: «Гетман козачьих Малороссийских и Запорожских войск Богдан Хмельницкий за насилие поляков и за притеснение ими исповедуемой веры отправил к Государю в 1653 году посольство с прошением о принятии его со всей землей и войском в 60 тыс. человек, яко единоверных, в свое подданство» (Попов, 1816: 98). Вопросы о том, как соотносятся донские казаки с «Малороссийским и Запорожским войсками», А.Г. Попов не поднимал.

Почти не писал он и о каких-либо контактах между этими казачьими группами. Единственным эпизодом донской истории, для которого было важным влияние запорожских казаков, в нарративе А.Г. Попова оказывалось Булавинское восстание (впрочем, здесь нужно отметить, что «История о Донском войске» завершается описанием этого события и в ней не описана большая часть XVIII в.). Само это восстание якобы было спровоцировано уже замыслившим измену «Мазепой, Гетманом Малороссийских и Запорожских войск» (Попов, 1816: 267-268). А.Г. Попов даже приводил некоторые любопытные подробности о контактах И.С. Мазепы и К.А. Булавина, происхождение которых, к сожалению, едва ли возможно установить (разумеется, в научной историографии сведений о подобных контактах нет). И.С. Мазепа и «Кондрат Буловин» (именно такое написание в источнике) якобы познакомились в 1706 г. во время военных действий под Азовом, а в 1707 г. «Буловин

обольщенный Мазепой» взбунтовал донских казаков, надеясь на помощь «Турок, Татар и Запорожцев», с которыми он рассчитывал затем воевать против России и Речи Посполитой (Попов, 1816: 268). И важной опорой «Буловина», по мнению А.Г. Попова, были именно запорожские казаки. «Буловин» отправил по всем станицам письмо, в котором призывал «стать купно с Запорожскими козаками и Белгородской ордой» против «разврата злых Бояр и Немцов» (Попов, 1816: 269-270); в войске «Буловина», выступившем против верных Империи казаков, было «три тысячи Запорожцев» (Попов, 1816: 273); наконец, когда «Буловин» захватил Черкасск, он «Запорожцев при себе имел» (как и «Татар», причем с последними «Буловин» якобы еще вел переписку, чтобы объединить силы) (Попов, 1816: 279).

Следовательно, у А.Г. Попова мы видим крайне любопытную и не имеющую аналогов в позднейшем донском историописании интерпретацию роли запорожских казаков в истории Войска Донского. Запорожцы оказывают значительное влияние на эту историю всего один раз, выступая однозначно негативной силой: они фигурируют в одном ряду с турками и татарами, являясь опорой Булавинского восстания, которое А.Г. Попов описывал исключительно как акт измены казаков своему законному государю (возможно, сказывалось и то, что восставшими был казнен прапрадед А.Г. Попова) (Попов, 1816: 276).

Только в «Историческом описании Земли Войска Донского», выполненном в 1820-ые гг. под руководством В.Д. Сухорукова, донским автором впервые были системно описаны другие группы казаков. При этом В.Д. Сухоруков фактически только перечислял известные в то время науке факты, не пытаясь подогнать их под какую-либо теорию. Он отмечал, что известно о существовании неких «казаков» в Крымском, Казанском и Астраханском ханствах с рубежа XV–XVI вв.; при этом само слово «казак» древнее, и, по некоторым утверждениям, означает на монгольском языке «пограничного стража и вообще военного человека»; однако на практике в XVI в. оно означало «отважного наездника, живущего набегами и войной, не привязанного к земле и домовитости» (Сухоруков, 1867: 4-5). Далее В.Д. Сухоруков констатировал, что «наши казаки» (т. е., видимо, связанные с историей восточного славянства, а не мусульманского мира) известны с XV в., и описывал историю происхождения различных казачьих сообществ (Сухоруков, 1867: 5). Хотя прямо об этом он не писал, из этого перечисления становилось ясно, что казаки не имели общего происхождения: «казаками» называли общины с самыми разными предками и статусом, однако подходящие под определение «отважных наездников, живущих набегами и войной, не привязанных к земле и домовитости». Так, «днепровских казаков» В.Д. Сухоруков называл самыми древними, возводил их историю к XII в. и считал потомками поселившихся в Киевском княжестве «Торков, Печенегов и Берендеев» (Сухоруков, 1867: 7). О мещерских казаках В.Д. Сухоруков писал, что они «суть породой Монголы», а начало их истории датировал не ранее XIV в. (хотя и признавал, что «казаками» они именовались с XV в.) (Сухоруков, 1867: 6-7). Другие «казаки» учреждались московскими властями наряду со стрельцами или пушкарями (Сухоруков, 1867: 6). В.Д. Сухоруков даже отмечал, что до середины XVI в. «донскими казаками» иногда именовалась группа казаков, не имевшая к позднейшим донским казакам никакого отношения: «городецкие» (т. е. городовые, служащие при пограничных городах Московского государства) казаки, локализованные в верховьях Дона (Сухоруков, 1867: 10). Собственно же донские казаки, по мнению В.Д. Сухорукова, не имели на начальной стадии своей истории ничего общего со всеми вышеописанными казаками (за исключением того, что тоже попадали под определение слова «казак»): это были «беглые разных Российских, а наиболее из украинских (здесь окраинных – А.П.) городов», сбежавшие на Дон от притеснений или для занятий грабежом (Сухоруков, 1867: 12-13).

В донском дореволюционном обществе В.Д. Сухоруков имел репутацию бесспорного классика местного историописания. «Ни раньше, ни позднее его ни один из донских писателей, публицистов или общественных деятелей никогда не пользовался на своей родине славой Сухорукова», – писал на этот счет в конце XIX в. другой выдающийся донской автор, Н.И. Краснов (Королев, 1991: 241-242). И нам важно понимать, что в важнейшем труде В.Д. Сухорукова, «Историческом описании Земли Войска Донского», был фактически обоснован как раз тот характерный для донских авторов XIX в. феномен, о котором мы писали в начале нашей статьи. Согласно В.Д. Сухорукову, никакого казачества вообще как сколько-либо единой общности не существовало – просто слово «казак» применялось для обозначения самых разных воинских сообществ, между которыми могло не быть вообще никакой связи – ни в происхождении, ни в образе жизни, ни даже в религии.

В то же время отдельные казачьи сообщества могли находиться между собой в тех или иных связях. Так, В.Д. Сухоруков считал, что некоторые казачьи группы произошли от донских казаков, но число этих групп у него было меньше, чем у А.Г. Попова, не говоря уже о А.И. Ригельмане: речь шла только о уральских и терских казаках, которые выделились из состава донского казачества еще в XVI в. (Сухоруков, 1867: 52-54). Однако, несмотря на подобное происхождение уральских и терских казаков, на страницах «Исторического описания Земли Войска Донского» они почти не появляются.

Напротив, запорожские казаки, хотя и не были связаны, согласно В.Д. Сухорукову, общностью происхождения с казаками донскими, в его нарративе выступали ближайшими союзниками и в прямом смысле слова соратниками Донского Войска. В.Д. Сухоруков даже не смог полноценно

датировать момента возникновения союза этих двух казачьих групп. Он отмечал, что в 1588 г. запорожцы «в знатном числе» пришли к Дону, вероятно, желая переселиться на него, а весной 1589 г., вероятно, именно эти запорожцы вместе с донскими казаками разграбили посад Азова, захватив 300 человек (Сухоруков, 1867: 68-69). Однако и до этого запорожцы приходили на Дон «небольшими партиями человек по 20 и по 30», причем, что важно, В.Д. Сухоруков описывал их пребывание на Дону так: «принимаемы были здесь братски и наравне с Донцами делили опасности и добычи» (Сухоруков, 1867: 68). В дальнейшем, согласно В.Д. Сухорукову, «связи Донских казаков с Запорожцами более и более утверждались», но не на основе общности происхождения, а из-за ситуационных союзов против России (во время мятежей), Турции и Крымского ханства (во время набегов) (Сухоруков, 1867: 124).

В результате в «Историческом описании Земли Войска Донского» в течение всего XVII в. Запорожское войско выступает главным союзником Войска Донского, а их отношения с Россией и Речью Посполитой сложны. В этом отношении наиболее показательно описание В.Д. Сухоруковым событий 1621–1622 гг. В 1621 г., во время нахождения в Донском Войске представителя московского царя, привезшего жалование, явились послы от «запорожского гетмана Бородавка», предложившие донским казакам поучаствовать в походе польской армии против турок (Сухоруков, 1867: 157-158). Послам отказали, сославшись на то, что большая часть донских казаков ушла в морской поход, но, как только представитель московского царя отбыл с Дона, 200 человек отправились присоединяться к запорожцам (Сухоруков, 1867: 158). А весной следующего 1622 г. целые «ватаги» запорожцев, численностью до 50 человек, бежали на Дон из-за «несогласий в Польше», хотя московские власти прислали грамоту, запрещающую принимать их (Сухоруков, 1867: 159). При этом московской власти донские казаки не доверяли, опасаясь, что их «соединенными силами» выбьют с Дона (место не вполне ясно – имеются в виду то ли соединенные силы Турции и Москвы, то ли соединенные силы Турции и Персии, которым Москва не будет мешать) (Сухоруков, 1867: 157). Наконец, возможно, самый известный подвиг донских казаков XVII в., Азовское сидение, интерпретируется В.Д. Сухоруковым как совершенный с участием запорожских казаков: «Запорожцы поклялись встать заодно с Донскими казаками противу неверных» (Сухоруков, 1867: 266).

Это не значит, что в нарративе В.Д. Сухорукова между донскими и запорожскими казаками не было конфликтов, однако обычно они так или иначе разрешались без кровопролития. Например, в 1650 г. Донское Войско вообще готовилось обороняться от нападения Крымского ханства и выступавшего его союзником Богдана Хмельницкого, однако крымский хан не смог выступить из-за «выгоревших степей», а запорожцы, которыми руководил Тимофей Хмельницкий, две недели стояли на Миусе, утверждая, будто бы они правда должны соединиться с ханом, но для действий против черкес, а не донских казаков – а потом ушли (Сухоруков, 1872: 316-317).

Более того, фактически «Историческое описание Земли Войска Донского» подразумевало и кровную связь донских казаков с запорожскими – но связь, сложившуюся уже во время существования донского казачества, когда в его состав, как видно из приведенных выше цитат, многократно вливались запорожские «ватаги».

К сожалению, «Историческое описание» было доведено только до начала XVIII в., и поэтому не ясно, как В.Д. Сухоруков описал бы взаимодействие донских и запорожских казаков в этом столетии. Во всяком случае, во втором своем крупном труде, «Статистическом описании Земли Донских казаков, составленном в 1822–1832 годах», В.Д. Сухоруков писал о «важнейшем умножении» населения Земли Войска Донского в конце XVIII в., произошедшем «от малороссиян, по различным обстоятельствам заходившим сюда великими толпами» (Сухоруков, 1891: 90). В числе этих «малороссиян» он выделяет и «малороссийских казаков» – хотя не ясно, как они соотносятся с запорожскими (т. е. относил ли В.Д. Сухоруков запорожских казаков к «малороссийским» или считал их отдельной группой) (Сухоруков, 1891: 90).

Соответственно, согласно В.Д. Сухорукову, запорожские казаки и малороссийские казаки в течение XVI–XVIII вв. были важнейшей частью истории собственно Войска Донского. И снова мы должны отметить его влияние на позднейшее донское историописание: как мы увидим далее, после него представление о наиболее тесной связи донских казаков именно с запорожскими/«малороссийскими» казаками становится общепринятым для донских авторов, хотя еще для А.Г. Попова запорожцы по сути представляли «чужими», подобно туркам и татарам.

Нам же остается констатировать, что немногочисленные историописательные тексты донских казаков первой трети XIX в. в вопросе о связях донского казачества с другими группами казаков плохо согласуются между собой. При этом у Е.Н. Кательникова и А.Г. Попова еще и просто отсутствуют какие-либо рассуждения о казачестве вообще, и поэтому невозможно реконструировать ту систему, частью которой были их отдельные утверждения о не донских казачьих группах. Всеми разобранными нами авторами безусловно признавалась возможность происхождения одних казачьих групп от других, однако участие донских казаков в подобных процессах относилось к глубокому прошлому, обычно к XVI в., и о каких-либо дальнейших связях донских казаков с предковыми/потомковыми казачьими группами почти не упоминалось. Зато В.Д. Сухоруков наглядно показал (почти все его утверждения, которые мы приводили выше, подтверждены

ссылками на конкретные архивные дела или научную литературу), что в XVI–XVII вв. донское казачество было теснейшим образом связано с запорожским, в том числе и кровно, однако он выводил это родство не из общности происхождения, а из длительного союза, основанного на общности интересов.

Вторая треть XIX в.: В.М. Пудавов, М.Х. Сеноткин, Н.И. Краснов, А.М. Савельев

Единственным донским автором XIX в., писавшим после В.Д. Сухорукова, но не разделявшим его общих представлений об истории казачества, был В.М. Пудавов, чье творчество приходится на 1840–1860-ые гг. В.М. Пудавов пытался выработать собственную концепцию мировой истории, совершенно оригинальную и религиозно-мистическую, при декларируемом христианстве предполагающую культ девы Тавити (т. е. скифской богини Табити) как покровительницы Восточной Европы (Пудавов, 1890: 1). Поэтому его представления о казачьих сообществах были крайне нетипичны для светского и рационального XIX в.

Подобно В.Д. Сухорукову, В.М. Пудавов исходил из того, что у слова «казак» есть совершенно четкое значение. Основываясь на псевдолингвистических построениях, он выводил слова «казак» и якобы предшествовавшее ему «хозарин» из «армяно-персидского наречия» и утверждал, что «казак» – значит «славянин белый» и «воин вольного союза» (Пудавов, 1890: 75-78). Исходя из этого, В.М. Пудавов считал, будто бы слово «казак» происходит из «русского мира» и означает «южных сынов его – славян» (Пудавов, 1890: 78). Он постулировал, что причерноморские степи были заселены славянами издавна (славянами он считал еще скифов), а казаки – это потомки именно этой группы славян (Пудавов, 1890: 87-90).

На первый взгляд может показаться, что В.М. Пудавов считал всю совокупность казаков этнической группой, объединенной общностью происхождения. Это одновременно верно и глубоко ошибочно. Хотя совокупность казаков в нарративе В.М. Пудавова действительно обладает многими чертами, которые позднее стали рассматриваться как характерные для этнических групп, сам донской автор недвусмысленно позиционировал казаков как «сословность» (Пудавов, 1890: 90). Однако «сословность» В.М. Пудавова совершенно не соответствует понятию «сословия» научного дискурса – это историко-мистическое объединение, обладающее «великим призванием», выражающимся в «сдержании на Востоке Европы равновесия», в защите православной веры от «латинства и исламизма» (Пудавов, 1890: 90).

Все эти особенности терминологии и мировоззрения В.М. Пудавова абсолютно необходимы, чтобы понять его мысли о взаимодействии «двух казацких метрополий – Днепровской и Донской» (Пудавов, 1890: 157). В его представлении, в XV–XVI в. существовали «Московская Русь» и «Литовская Русь», разьединенные политически, но объединенные верой и языком (Пудавов, 1890: 155). И первыми идею политического объединения Руси реализовали именно казаки, сумевшие создать единую «сословность» вопреки государственным отношениям «Москвы и Кракова» (Пудавов, 1890: 155). По мнению В.М. Пудавова, «казацкие товариства» выходили на территорию Дикого Поля со второй половины XV в. из Литвы и Московии независимо друг от друга, однако «братались тут как дети одной веры и одной матери русской земли» (Пудавов, 1890: 155). В итоге В.М. Пудавов использовал не встречающиеся больше ни у кого термины «западное казачество» (очевидно, понимая под ним казаков «Литовской Руси») и «восточное казачество» (понимая под ним казаков «Московской Руси»), но подчеркивал, что эти казачьи группы были объединены «общей сословной связью» (Пудавов, 1890: 155-156).

В.М. Пудавов позиционировал «Днепровское и Донское казачество» еще и как «последнее преемничество» древних скифов (Пудавов, 1890: 181). И снова речь идет не только о происхождении – но и, едва ли не в первую очередь, о конструируемой В.М. Пудавовым духовной связи казачества и скифства. Так, изначальное безбрачие казачьих сообществ он связывал со скифским «девопочитанием» (т. е. почитанием девы Тавити); любовь казаков к алкоголю соотносил с зафиксированной античными авторами любовью скифов к алкоголю; а саму первоначальную печать Войска Донского, «еленя (оленья) со стрелою» рассматривал как символ Дианы (Пудавов, 1890: 181-182) (в другом месте он ставил знак равенства между Дианой и девой Тавити (Пудавов, 1890: 21)).

К сожалению, до нас дошла только часть текста В.М. Пудавова, описывающая историю Войска Донского до 1620-ых гг. В этой части контакты донских и запорожских казаков описаны как очень тесные (пожалуй, даже более тесные, чем в «Историческом описании Земли войска Донского» В.Д. Сухорукова), но при этом значительно усилены антипольские сюжеты. В этом плане показательным, что В.М. Пудавов написал о тех событиях 1621–1622 гг., описание которых В.Д. Сухоруковым мы приводили выше. Вообще, судя по явному сходству текстов, В.М. Пудавов опирался на «Историческое описание Земли войска Донского» вплоть до заимствования отдельных словосочетаний и оборотов: так, у В.М. Пудавова запорожцы предлагают донским казакам «стать вместе под знамена короля польского, против общего врага турецкого султана» (Пудавов, 1898: 76), а в «Историческом описании» они предлагают «идти под знамена короля польского против общего врага султана турецкого» (Сухоруков 1867: 158). Но акценты у него смещены. Если у В.Д. Сухорукова, как мы видели выше, в 1621 г., получив предложение от запорожцев вместе воевать в составе польского войска против турок, донские казаки отвечают формальным отказом, но фактически

200 человек уходит с Дона на соединение с запорожцами, то В.М. Пудавов пишет про донских казаков, будто бы «польскому королю они никогда не служили и не могли служить ни за какие деньги и ни по каким убеждениям», и, разумеется, не упоминает о уходе 200 человек с Дона (Пудавов, 1898: 76-77). Зато он прямо связывает мягкий отказ донских казаков, указавших запорожским послам на то, что большая часть донцов находится в морском походе, а не отказавших им прямо, с тем, что донские казаки хотели «нераздружиться» с запорожцами (Пудавов, 1898: 77). Бегство запорожцев на Дон в 1622 г. В.М. Пудавов объясняет «гонением униатским» и полагает, что самые крупные группы беглецов состояли даже не из 50 человек (как, напомним, писал В.Д. Сухоруков), а из 500 человек (Пудавов, 1898: 79).

В.М. Пудавов, подобно В.Д. Сухорукову, считал яицких (уральских) и терских казаков потомками донских – но при этом представлял связи этих казачьих групп как куда более тесные. В его нарративе Донское Войско и волжские казаки прямо позиционируются как «метрополии» данных казачьих сообществ, а они выступают в качестве «колоний» (Пудавов, 1890: 209, 216-217). Яицкие казаки, позднее переименованные в уральских, по мнению В.М. Пудавова, возникли в конце XVI в. и следующие 150 лет, несмотря на самостоятельное существование, сохраняли «к Дону, как бы к метрополии, свое уважение и почеть» (Пудавов, 1890: 209). Отношение к донским казакам терского казачества, тоже возникшего в конце XVI в., В.М. Пудавов описывает схожими словами: союз терских казаков «при самобытном существовании тоже более ста лет сохранял к Дону, как к метрополии своей, уважение и почет, слушаясь призывов его» (Пудавов, 1890: 217).

Таким образом, В.М. Пудавов не просто описал отдельные контакты донских казаков с другими казачьими сообществами, но и предложил цельную и непротиворечивую концепцию того, чем является казачество в целом. Однако у этой концепции было два неустранимых недостатка. Во-первых, к моменту ее создания куда более уважаемый в среде донских казаков автор, В.Д. Сухоруков, обосновал позицию, согласно которой никакого казачества как целостного феномена вообще не существовало и «казаками» исторически называли разные и никак не связанные между собой сообщества. Во-вторых, В.М. Пудавов не просто вольно обходился с фактами (как нам представляется, это могли понять далеко не все его читатели-казаки) – он использовал в своих исследованиях крайне специфический и оригинальный терминологический аппарат, рассматривая казачество, именуемое «сословностью», не как сословие в общепринятом значении этого слова, а как трансцендентное сообщество, объединенное единством происхождения и общей миссией. В результате созданная В.М. Пудавовым схема связей внутри единого казачества (происходящие от скифов казачьи метрополии, донская, днепровская и, вероятно, волжская, от которых отпочковались все прочие казачьи войска в качестве сохраняющих связь с метрополиями колоний) оказалась своеобразным историописательным курьезом, не нашедшим развития у других авторов.

Труд В.М. Пудавова был анахронизмом для донского историописания еще и в том отношении, что после него до начала XX в. не было предпринято ни одной сколько-либо успешной попытки написать фундаментальную и обобщающую историю Войска Донского (в начале XX в., как мы увидим далее, Е.П. Савельев попытается написать даже более обширный труд, историю всего казачества). Вплоть до 1910-ых гг. донские авторы ограничивались популярными работами, разного рода краткими изложениями истории Войска Донского или заметками историософского плана о том, как должна будет выглядеть новая фундаментальная и обобщающая история донского казачества, которую, однако, предстояло написать кому-то другому.

В этом отношении очень характерно наследие М.Х. Сенюткина. Это донской автор писал о себе, что, получив в 1850-ые гг. доступ к войсковому архиву в качестве редактора «Донских войсковых ведомостей», он захотел написать историю Войска Донского конца XVIII-первой половины XIX в. (Сенюткин, 1866а: Б. с.). Однако, очевидно, стремясь к подробному описанию прошлого, за 4 года М.Х. Сенюткин смог только частично описать военные действия донских казаков в течение десятилетия (судя по содержанию его работ – 1770-ых гг.), после чего у него началась глазная болезнь, а затем большую часть материалов уничтожил пожар в архиве (Сенюткин, 1866а: Б. с.).

Тем не менее, М.Х. Сенюткин попытался предложить свою обобщенную версию всей истории донских казаков в работе под характерным названием «Взгляд на историю Войска Донского». Сам формат подобной работы не предполагал системного и последовательного изложения. И какой-либо концепции того, чем является казачество вообще, М.Х. Сенюткин не предложил – а вот о других казачьих группах, кроме донских казаков, неоднократно писал.

Подробнее всего М.Х. Сенюткин писал о казачестве «Малороссии». По сравнению с предыдущими донскими авторами он совершенно иначе расставил акценты, обратив внимание прежде всего не на какое-либо родство донских и малороссийских казаков и даже не на их исторические контакты, а на то, что история Войска Донского имеет «большое сходство с историей Малороссии» (Сенюткин, 1866б: 161). Сходство же это он выводил из того, что у донских и малороссийских казаков была общая цель, «борьба с неверными» (Сенюткин, 1866б: 162). М.Х. Сенюткин считал схожими для Дона и Малороссии «характер их героев» и «свойства их исторических событий», выделяя в числе таковых сходств, например, «мужество в опасностях», «преданность к православной вере» и «любовь к отечеству» (Сенюткин, 1866б: 162). При этом он

полагал, что история Войска Донского даже более богата и разнообразна, а донские казаки были более искусны в своих войнах (Сенюткин, 1866b: 162). Только после этого он писал и о общем происхождении донских и запорожских казаков – М.Х. Сенюткин считал их новгородцами, потомками «варяго-русов», чьи предки переселились в регион в XIV в. (Сенюткин, 1866b: 171). Что же касается казачьих групп, являвшихся потомками донских казаков, то М.Х. Сенюткин кратко упоминал только «Терское или Гребенское войско» (Сенюткин, 1866b: 173).

А вот о каких-либо значимых контактах даже между донскими и запорожскими казаками, не говоря уже о других казачьих группах, М.Х. Сенюткин не упоминал. Здесь нам представляется показательнее всего описание им Азовского сидения. Как мы помним, В.Д. Сухоруков прямо утверждал, что в нем принимали участие запорожские казаки. М.Х. Сенюткин описывал Азовское сидение на нескольких страницах, однако запорожцы там не фигурировали, а защитники Азова были позиционированы так: «Донцы (в числе 6 тыс. человек, где было 800 жен)» (Сенюткин, 1866b: 178).

Как нам кажется, подобное представление о связях донского казачества с другими казачьими группами оказывается ближе всего к модели, некогда возникшей у Е.Н. Кательникова. В рамках этой модели связи донских казаков с другими казачьими сообществами не отрицались, но оказывались достаточно маловажным сюжетом, к тому же, относящимся преимущественно к самой ранней истории казачества. Большая же часть истории Донского Войска описывалась как не связанная с другими казачьими сообществами. Однако М.Х. Сенюткин, в отличие от Е.Н. Кательникова, акцентировал внимание на сходстве донских казаков и казаков «Малороссии» – вероятно, потому, что после В.Д. Сухорукова представления о некоей форме исторической близости донцов и запорожцев прочно вошло в донское историописание.

Н.И. Краснов в 1860-е гг. изначально писал не полноценную историю Войска Донского, но ограниченный по объему исторический раздел для военно-статистического описания. На практике это привело к созданию достаточно специфического текста, с одной стороны, компактного, четко структурированного и не содержащего спорных мест – а с другой стороны, не только не содержащего концепции того, чем является казачество вообще, но и терминологически очень запутанного.

Н.И. Краснов позиционировал «казаков Запорожских и Донских» как «народ», «положивший себе целью вечную борьбу с мусульманами» (Краснов, 1863: 9). К сожалению, совершенно не ясно, что Н.И. Краснов подразумевал здесь под «народом». В его тексте казачество нигде полноценно не позиционируется в качестве нации. Но еще важнее тот факт, что отец Н.И. Краснова, И.И. Краснов, в 1862 г. опубликовал известнейшую статью «О народности в Донском войске», в которой призывал бороться с неназываемыми людьми, якобы желавшими создать из донских казаков «народность искусственную» (Краснов, 1862: 343-356). При этом, согласно крупнейшему современному исследователю донского казачества XIX в. А.А. Волвенко, И.И. Краснов и Н.И. Краснов были близки в своем творчестве (Volvenko, 2015: 100). Соответственно, в данном случае слово «народ» никак не обозначает особый этнос, но скорее используется в смысле некоей неопределенной общности. Ситуацию дополнительно осложняет тот факт, что далее Н.И. Краснов недвусмысленно утверждал: истории донских и запорожских казаков следует писать отдельно друг от друга, поскольку история первых «тесно связана с историей Малороссии», а история вторых представляет собой «отдельный эпизод из истории Московского государства» (Краснов, 1863: 9). Что касается кровной связи донских и запорожских казаков, то тут Н.И. Краснов в полной мере следовал предложенному В.Д. Сухорукову варианту, выводя донских казаков изначально из «России», но добавляя, что в дальнейшем в их состав влились «выходцы из других земель, в особенности Малороссияне и Запорожцы» (Краснов, 1863: 10). Наконец, хотя Н.И. Краснов не описывал подробно всех случаев взаимодействия донских казаков с запорожцами в XVII в., он признавал, что во время Азовского сидения «с Донцами соединились и запорожцы, часто приходившие погулять на Дон» (Краснов, 1863: 27).

Таким образом, для Н.И. Краснова наиболее тесно связанной с донскими казаками казачьей группой оказываются запорожцы. Более того, для него связь донского казачества с «малороссийскими казаками» не ограничивалась XVII в. Вслед за В.Д. Сухоруковым он отмечал, что в числе пришельцев на Дон в конце XVIII в. значительную часть составляли «малороссийские казаки» (Краснов, 1863: 193). Наконец – уникальный случай для донского историописания – Н.И. Краснов подчеркивал, что и современные ему донские крестьяне были потомками людей, «носивших иногда славное имя малороссийских и запорожских казаков», и поэтому при обсуждении реформ Войска Донского местным казачьим деятелям следовало принимать во внимание и их интересы (Краснов, 1863: 232).

К сожалению, едва ли возможно однозначно понять, как Н.И. Краснов соотносил донских, волжских, яицких и терских казаков. Соответствующее место его текста выглядит так: «Русские бежали на Дон толпами, так, что число их быстро умножилось, и они уже не ограничивались поселениями на Дону, а искали новых мест на Волге, Яике и Кавказе» (Краснов, 1863: 14). Эта фраза может обозначать как то, что поселения на Волге Яике и Кавказе основывали донские казаки, которым не хватало места в донском регионе, так и то, что русские беглецы сразу бежали в эти места, чтобы стать казаками. В любом случае, по уже привычной нам схеме, после XVI в. эти казачьи сообщества в тексте Н.И. Краснова уже почти не появляются.

В те же 1860-е гг. А.М. Савельев подготовил сборник очерков к трехсотлетию Войска Донского. Он уже совершенно прямо указывал во вводной части к своей книге: «Я обращал внимание только на те события, которые происходили на территории Войска Донского, слегка касаясь военных действий казаков за пределами войска» (Савельев, 1870: V). В результате проблематика, связанная с другими казачьими группами, затрагивалась А.М. Савельевым слабо – да и вообще его работа в значительной степени представляла собой компиляцию архивных и литературных источников, в которой авторские выводы из них делались далеко не всегда. В этом отношении характерно, что А.М. Савельев, пересказывая ранние источники о донском казачестве, относящиеся к XVI в., не делал вообще никакого вывода из них о важнейшем для донского историописания вопросе, вопросе о происхождении донских казаков.

В результате в тексте А.М. Савельева проскальзывают факты, из которых читатель может понять о существовании тесных контактов донских казаков и запорожцев. Например, А.М. Савельев описал инструкции, данные московскими властями отправленному на Дон в 1623 г. князю Белосельскому, от которого требовали узнать «сколько у них живет на Дону запорожских черкас» и, если запорожцев окажется много, требовать от донских казаков прекратить контакты с ними, «потому что от запорожских черкас Российскому государству бывает большое разорение» (Савельев, 1870: 15). Донские казаки во время контактов с князем признали, что в прошлом году к ним пришло 200 запорожцев, и, кроме того, «есть еще в небольшом числе черкасы, которые живут у казаков давно» (Савельев, 1870: 15). Однако сам А.М. Савельев в авторском тексте эти контакты донских и запорожских казаков никак не прокомментировал и даже не поставил вопроса о том, насколько правдива была та информация, которую сообщили донские казаки князю Белосельскому о численности запорожцев в Донском Войске, хотя далее указывал, что в других вопросах казаки обманули князя (Савельев, 1870: 15). Об участии запорожцев в важнейшем событии донской истории, Азовском сидении, А.М. Савельев не сообщал (Савельев, 1870: 21-26) – зато кратко писал, что К. Булавин действовал при «взаимной помощи» с запорожцами (впрочем, участие последних в Булавинском восстании не приобрело в его нарративе такого значения, как у А.Г. Попова) (Савельев, 1870: 57).

Для темы нашего исследования еще важно, что в посвящении своей книги цесаревичу (будущему императору Александру III) А.М. Савельев именовал войсковой круг донских казаков «центром не только Донского, но и всего Великорусского казачества» (Савельев, 1870: III). Далее он упоминал в качестве «собратьев» донских казаков «Волжских, Терских, Гребенских и Яицких казаков», но не запорожцев (Савельев, 1870: III). Соответственно, вероятно, для А.М. Савельева казачество делилось на великорусское и малороссийское, и ближе к донским казакам были не запорожцы, а волжцы, терцы, гребенцы и яицкие казаки. Тем не менее, на страницах книги А.М. Савельева эти группы казаков вообще почти не появляются: нет даже традиционного для предыдущих авторов сюжета о том, что в XVI в. с участием донских казаков возникли Уральское и Терское войска. Правда, у А.М. Савельева, описавшего историю Войска Донского в XVIII в., заметное место уделено происходившему в это время переселению донских казаков на Волгу, Кубань и Терек – однако это связано только с тем, что донской автор очень подробно описывал выступления донских казаков против подобных переселений, вовсе не касаясь их жизни на новом месте (Савельев, 1870: 97-102). В итоге в нарративе А.М. Савельева другие группы казаков, кроме донских, вообще не играют никакой роли, упоминаются крайне редко, и эти упоминания, за исключением посвящения, носят сугубо фактический, без всяких выводов характер.

Все описанное выше позволяет нам прийти к достаточно любопытным выводам. Историописательные тексты донских казаков середины XIX в. обычно не содержат никакой единой концепции казачества в целом. Это связано в первую очередь с общепринятой в то время у донских авторов логикой повествования, в рамках которой внимание в тексте настолько концентрировалось на Донском Войске, что вопрос о более масштабной общности всех казаков просто не поднимался (мы видели, что и в более ранний период такая логика встречалась, например, у Е.Н. Кательникова и А.Г. Попова).

Зато в плане описания связей различных казачьих групп тексты донских авторов середины XIX в., наконец, становятся относительно единообразны. Наиболее тесно в них донские казаки неизменно связываются с запорожскими и/или «малороссийскими». Чаще всего данная связь соотносится с контактами донских и запорожских казаков в XVII в., но это не обязательно: так, у М.Х. Сениюткина она выражается в акцентировании внимания на сходстве историй донских и «малороссийских» казаков. В то же время отдельные указания на общность происхождения донских и запорожских/«малороссийских» казаков у донских авторов середины XIX в. встречаются, но не являются обязательными. Напротив, терские и яицкие казаки в этот период уже систематически рассматриваются донскими авторами как родственные донским казакам по крови (обычно упоминается их происхождение от донских казаков в XVI в., но, например, А.М. Савельев просто называет их «собратьями» донцов). Но реальных случаев взаимодействия между ними обычно не приводится. Сравнительно недавно возникшие же казачьи войска (например, Оренбургское или Кавказское линейное) вообще не фиксируются на страницах разобранных нами работ.

5. Заключение

Хотя окончательные выводы будут сделаны нами в конце второй части нашей статьи, мы уже можем прийти к нескольким. Прежде всего, мы можем констатировать, что тематика казачества в целом, некоего единства всех казачьих сообществ была совершенно нетипична для донского дореволюционного историописания в течение большей части его существования. В разобранный нами период, до 1880-ых гг., только В.М. Пудавов уделял существенное внимание единству казачества как «сословности», причем он трактовал понятие сословия совершенно оригинальным образом и его идеи не получили развития у других авторов.

В рамках же типичной для донских дореволюционных авторов логики историописания акцент делался исключительно на донском казачестве, а другие казачьи сообщества описывались только в том случае, если прямо контактировали с донскими казаками. Как правило, подобные контакты не описывались подробно (хотя В.Д. Сухоруков и В.М. Пудавов составляют тут исключение), но и не отрицались. Более того, если в первой трети XIX в. описания подобных контактов у различных авторов существенно отличались (вплоть до варианта А.Г. Попова, у которого запорожские казаки стояли в одном ряду негативно описываемых общностей с татарами и турками), то с середины XIX в. общепринятым становится вариант фактической канвы описаний контактов донских казаков с другими группами, предложенный В.Д. Сухоруковым. В его рамках наиболее близкой к донским казакам группой объявлялись запорожские или «малороссийские» казаки. Несколько реже фиксировалось происхождение в XVI в. Терского и Яицкого войск от Войска Донского. Остальные казачьи войска на страницах упоминались эпизодически, и какого-либо серьезного значения контактам с ними не придавалось. Именно подобный подход к описанию контактов донских казаков с другими казачьими группами можно считать каноническим для донского дореволюционного историописания.

Литература

- Богачев, 1919** – Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 523 с.
- Венков, Матвеева, 2024** – Венков А.В., Матвеева Н.С. Актуальные проблемы казачеведения: новые сюжеты, подходы, источники / *Казачество на страже рубежей Отечества: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 215-летию генерал-лейтенанта Я.П. Бакланова (Новочеркасск, 6–7 июня)*. М., 2024. С. 19–24.
- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) / *Историческое сознание и власть в зеркале России XX века*. СПб., 2006. С. 115–125.
- Волвенко, Саркисян, 2024** – Волвенко А.А., Саркисян А.Г. Казачеведческие исследования в контексте этнокультурного наследия Юга России: значение, возможности и перспективы / *Этноконфессиональный диалог как основа сотрудничества в области межрелигиозных и межэтнических отношений. Сборник трудов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, 2024. С. 126–131.
- Кательников, 1886** – Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. 63 с.
- Королев, 1991** – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1862** – Краснов И.И. О народности в Донском войске // *Военный сборник*. 1862. № 4. С. 343–356.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1877** – Краснов Н.И. Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России // *Военный сборник*. 1877. № 12. С. 264–301.
- Краснов, 1882** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 3. С. 115–137.
- Мининков, 2010** – Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // *Терминология исторической науки. Историописание*. М., 2010. С. 266–285.
- Мининков, 2011** – Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону, 2011. 170 с.
- Попов, 1816** – Попов А.Г. История о Донском войске. Ч. 2. Харьков, 1816. 295 с.
- Пудавов, 1890** – Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. 328 с.
- Пудавов, 1898** – Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Ч. 2. Вып. 1. Новочеркасск, 1898. 124 с.
- Ригельман, 1846** – Ригельман А.И. История или повествование о Донских Казаках. М., 1846. 165 с.
- Савельев, 1870** – Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского. СПб., 1870. 124 с.

- Сенюткин, 1866a – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 1. М., 1866. 180 с.
 Сенюткин, 1866b – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.
 Стегленко, 2016 – Стегленко Е.В. Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и Войска Донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 1 (189). С. 66-69.
 Стегленко, 2021 – Стегленко Е.В. Личность М.И. Платова в оценке Е.П. Савельева // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2021. № 1. С. 84-89.
 Сухоруков, 1867 – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867. 328 с.
 Сухоруков, 1872 – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Т. II. Новочеркасск, 1872. 598 с.
 Сухоруков, 1891 – Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
 Шалак, 2023 – Шалак М.Е. Взаимоотношения ногайцев и донских казаков накануне ногайского восстания 1783 г. в оценках донского историка М.Х. Сенюткина // *Краеведческие записки*. Вып. 15. Ростов-на-Дону, 2023. С. 5-14.
 Юрченко, 2013 – Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013. 455 с.
 Krinko, 2023 – Krinko E.V. The Issues of the Origin of the Cossacks in the Don Historiography of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 125-136.
 Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

- Bogachev, 1919 – Bogachev, V.V. (1919). Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays of geography of the Almighty Don Host]. Novocherkassk. 523 p. [in Russian]
 Katel'nikov, 1886 – Katel'nikov, E.N. (1886). Istoricheskoe svedenie Voiska Donskogo o Verkhne-Kurmoyarskoi stanitse, sostavlennoe iz skazanii starozhilov i sobstvennykh primechanii 1818 goda dekabrya 31 dnya [The Don Host's historical information about the Verkhne-Kurmoyarskaya stanitsa compiled from the legends of old-timers and own notes in the year 1818 on the 31st day of December]. Novocherkassk, 63 p. [in Russian]
 Korolev, 1991 – Korolev, V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don, 464 p. [in Russian]
 Krasnov, 1862 – Krasnov, I.I. (1862). O narodnosti v Donskom voiske [About nationality in the Don host]. *Voennyi sbornik*. 4: 343-356. [in Russian]
 Krasnov, 1863 – Krasnov, N.I. (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb., 596 p. [in Russian]
 Krasnov, 1877 – Krasnov, N.I. (1877). Narodonaselenie i territoriya kazakov Evropeiskoi i Aziatskoi Rossii [Population and territory of the Cossacks of the European and Asian Russia]. *Voennyi sbornik*. 12: 264-301. [in Russian]
 Krasnov, 1882 – Krasnov, N.I. (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical essays of the Don. The quelling of Bulavin Rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 3: 115-137. [in Russian]
 Krinko, 2023 – Krinko, E.V. (2023). The Issues of the Origin of the Cossacks in the Don Historiography of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 18(1): 125-136.
 Mininkov, 2010 – Mininkov, N.A. (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka [Practices of history-describing and the genesis of historical science in the culture of Don of the first half of the 19th century]. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie*, M. Pp. 266-285. [in Russian]
 Mininkov, 2011 – Mininkov, N.A. (2011). Donskoi istorik esaul Evlampii Nikiforovich Katel'nikov [The Don historian Evlampii Nikiforovich Katel'nikov]. Rostov-on-Don, 170 p. [in Russian]
 Popov, 1816 – Popov, A.G. (1816). Istoriya o Donskom voiske. Ch. 2 [The history about the Don Host. Part 2]. Kharkiv, 295 p. [in Russian]
 Pudavov, 1890 – Pudavov, V.M. (1890). Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva [History of the Don Host and the antiquity of the origins of the Cossacks]. Novocherkassk, 328 p. [in Russian]
 Pudavov, 1898 – Pudavov, V.M. (1898). Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva. Ch. 2. Vyp. 1 [History of the Don Host and the antiquity of the origins of the Cossacks. Part 2. Is. 1]. Novocherkassk, 124 p. [in Russian]
 Rigel'man, 1846 – Rigel'man, A.I. (1846) Istoriya ili povestvovanie o Donskikh Kazakakh [A history or a narration about the Don Cossacks]. M., 165 p. [in Russian]

- [Savel'ev, 1870](#) – Savel'ev, A.M. (1870). Trekhsotletie Voiska Donskogo [Tercentenary of the Don Host]. SPb., 124 p. [in Russian]
- [Senyutkin, 1866a](#) – Senyutkin, M.Kh. (1866). Dontsy. Ch. 1 [The Don Cossacks. Pt. 1]. M. 180 p. [in Russian]
- [Senyutkin, 1866b](#) – Senyutkin, M.Kh. (1866). Dontsy. Ch. 2 [The Don Cossacks. Pt. 2]. M. 282 p. [in Russian]
- [Shalak, 2023](#) – Shalak, M.E. (2023). Vzaimootnosheniya nogaitsev i donskikh kazakov nakanune nogaiskogo vosstaniya 1783 g. v otsenkakh donskogo istorika M.Kh. Senyutkina [Relationships between the Nogais and the Don Cossacks on the eve of Nogai Uprising of 1783 in the assessments of the Don historian M.Kh. Senyutkin]. *Kraevedcheskie zapiski*. Vyp. 15. Rostov-on-Don. Pp. 5-14. [in Russian]
- [Steglenko, 2016](#) – Steglenko, E.V. (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i Voiska Donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savel'ev about interactions between Russian authorities and the Don Host and incorporation of Cossackdom into Russia]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki*. 1(189): 66-69. [in Russian]
- [Steglenko, 2021](#) – Steglenko, E.V. (2021). Lichnost' M.I. Platova v otsenke E.P. Savel'eva [M.I. Platov's personality in the evaluation of E.P. Savelyev]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 84-89. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1867](#) – Sukhorukov, V.D. (1867). Istoricheskoe opisanie Zemli voiska Donskogo. T. I [Historical description of the Land of the Don Host. Vol. I]. Novocherkassk, 328 p. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1872](#) – Sukhorukov, V.D. (1872). Istoricheskoe opisanie Zemli voiska Donskogo. T. II [Historical description of the Land of the Don Host. Vol. II]. Novocherkassk, 598 p. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1891](#) – Sukhorukov, V.D. (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822–1832 godakh [Statistical description of the Land of the Don Cossacks composed in the years 1822–1832]. Novocherkassk. 302 p. [in Russian]
- [Venkov, Matveeva, 2024](#) – Venkov, A.V., Matveeva, N.S. (2024). Aktual'nye problemy kazakovedeniya: novye syuzhety, podkhody, istochniki [Current problems of Cossack studies: new topics, approaches, and sources]. *Kazachestvo na strazhe rubezhei Otechestva: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennaya 215-letiyu general-leitenanta Ya.P. Baklanova (Novocherkassk, 6–7 iyunya)*. Pp. 19-24. [in Russian]
- [Volvenko, 2006](#) – Volvenko, A.A. (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902–1912 gg.) [About the want to write the history for the Don Cossacks... An official order, a historian and the local administration]. *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*, Saint-Petersburg. Pp. 115-125. [in Russian]
- [Volvenko, 2015](#) – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. 14(2): 94-107.
- [Volvenko, Sargsyan, 2024](#) – Volvenko, A.A., Sargsyan, A.G. (2024). Kazakovedcheskie issledovaniya v kontekste etnokul'turnogo naslediya Yuga Rossii: znachenie, vozmozhnosti i perspektivy [Cossack studies in the context of the ethnocultural heritage of Southern Russia: significance, opportunities and prospects]. *Ehtnokonfessional'nyi dialog kak osnova sotrudnichestva v oblasti mezhrelioznykh i mezhehtnicheskikh otnoshenii. Sbornik trudov Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Rostov-on-Don. Pp. 126-131. [in Russian]
- [Yurchenko, 2013](#) – Yurchenko, I.Yu. (2013). Istoriya izucheniya kazachestva v otechestvennoi i emigrantskoi istoriografii XV–XX stoletii: Istoriografiya kazachestva. Kn. 1 [History of study of the Cossacks in home and emigrant historiography of the 15th–20th centuries: Historiography of Cossackdom. Book 1]. M. 455 p. [in Russian]

Описания донскими дореволюционными авторами в исторических сочинениях казаков других казачьих войск. Часть I

Артём Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. До настоящего времени специально не анализировалось, как донские дореволюционные авторы описывали казаков других казачьих войск. В статье предпринята попытка подобного анализа. На основании наиболее обобщающих работ донских авторов по истории Войска Донского показано, что для донского историописания тема единства казачества и исторических связей различных казачьих войск была абсолютно периферийной. При этом чаще всего упоминались

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

контакты донских и запорожских казаков в XVI–XVII вв., однако они не подчеркивались специально. Исключение составляет творчество В.М. Пудавова и Е.П. Савельева, для которых была важна тема единства казачества.

В первой части статьи разобраны тексты донских авторов до 1880-х гг. Показано, что первоначально какие-либо распространенные общие особенности описаний казаков других казачьих войск в творчестве донских авторов отсутствовали (вплоть до того, что А.Г. Попов ставил запорожских казаков в один ряд с турками и татарами). Однако В.Д. Сухоруков с 1820-х гг. задал общую фактическую канву подобных описаний у позднейших авторов: начиная с его творчества, в них обычно делался акцент на связях донских и запорожских казаков. При этом в рассмотренный период авторы обычно не рефлексировали над понятием «казачество», за исключением В.Д. Сухорукова (считавшего, что казаками называли представителей различных групп, между которыми не было какой-либо общности) и В.М. Пудавова (считавшего, что казаки объединены происхождением от скифов и трансцендентной миссией хранить православие на Востоке Европы).

Ключевые слова: казачество, донское казачество, запорожское казачество, историописание, В.Д. Сухоруков, В.М. Пудавов.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 955-965
DOI: 10.13187/bg.2026.2.955

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Regulation of the Administration of the Indigenous Population of the Transcaspian Region of the Russian Empire

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the role and significance of the organizational measures taken by the Russian administration to ensure order among the indigenous population of the youngest of the Central Asian regions, the Transcaspian Region of the Russian Empire. Since during the period under review (1882–1917), crimes against the order of government were most often defined as disobedience to the Transcaspian administration and crimes against justice, the author provides numerous pieces of evidence that the concentration of administrative and judicial powers in the hands of regional, county, and bailiff officials was generally in line with the Turkmen mentality, facilitating their adaptation to the new legal realities and minimizing such violations. At the same time, along with changes in the rules of the people's judicial procedure of all instances (codification of folk customs in the form of collections of decisions and processes of Extraordinary congresses of people's Judges, written recording of sentences and decisions, keeping records of protocols of cases considered at each court), there were other innovations: criminal liability was established for false swearing, perjury, slander, non-fulfillment of judicial decisions and other crimes against justice; the administration of the region gradually introduced a selective attitude towards certain norms of customary law (adat) into the legal consciousness of people's judges due to their inhumanity and injustice; penalties were modified, instead of "blood feud", "revenge", self-punishment and other adat rules prohibited by the imperial government, arrest was applied, imprisonment, fine, expulsion, exile, which contributed to a change in the Turkmen view of crime as a socially dangerous act and punishment; the previous principles of collective responsibility and collective protection were losing their significance, and the principle of individual responsibility for committed crimes, including those against the order of government, was being introduced.

Keywords: Russian Empire, Transcaspian region, regional Russian administration, local administration, indigenous population, people's court, administrative procedure, crimes against justice.

1. Введение

До вхождения Закаспийской области в состав Российской империи¹ в национальном (обычном) праве туркмен понятие «порядок управления» было недостаточно развитым. Объяснение этому было вызвано условиями жизни, господствовавшими в туркменском обществе, пережитками родового строя, многочисленными противоправными действиями, в которых переплетались правонарушения как против личности, так и против собственности. Более того, в условиях родоплеменной раздробленности и, как следствие, ввиду отсутствия всетуркменской государственности, высшие патриархальные слои туркменского общества были не в состоянии установить обязательные для всех (общепризнанные) нормы, предусматривающие ответственность за те или иные действия против

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

¹ В составе Российской империи Закаспийская область была образована в 1881 г. после победоносных военных походов генерала М.Д. Скобелева на земли туркмен. До 1890 г. область входила в состав Кавказского наместничества, с 1890 по 1897 гг. непосредственно подчинялась Военному министерству. В 1899 г. эта область была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

системы управления. Несмотря на то, что обычные (адатные) нормы складывались на протяжении столетий, у туркмен не регламентировалась ответственность за ряд деяний, квалифицируемых в имперском законодательстве как правонарушения: злоупотребление властными полномочиями, коррупционные действия (взяточничество) и мошенничество, растрата чужого имущества, вынесение неправосудных решений, принуждение свидетелей к даче ложных показаний либо к отказу от ранее данных показаний, воспрепятствование явке в суд и другие.

До присоединения Закаспия к России не сложилась и строго определённая практика наказаний за указанные преступления. Ответственность за тяжкие преступления в обычном праве туркмен ограничивалась сохранением таких древнейших обычаев, как месть, выражавшаяся в праве потерпевшего и его родственников на самоуправные действия в ответ на обиду, несправедливость или ущерб, нанесённые ранее виновным, т.е. самосуд над ним. Подобные действия поощрялись, нередко осуществлялись всем родом потерпевшей стороны, считались нормой и даже благородным делом.

В практике наказаний сохранились сведения за такие действия, как неповиновение власти родоплеменных ханов (вождей), старшин аулов, неисполнение решений совета племени, рода, схода общины. Мера наказания при этом практически в каждом случае зависела не только от позиции властей, но и статусного, материального положения виновного. Наказание определялось не только каждым племенем по-разному, но и внутри одного и того же племени и рода имелись отличительные признаки, которые не подвергались оспариванию.

Согласно сообщениям дореволюционных и советских историков, виновники неповиновения власти родоплеменных ханов, старшин аулов подвергались телесным наказаниям, заключению в зинданы, и даже изгнанию из общества, что в патриархальном туркменском обществе считалось высшей мерой наказания. В качестве наказания могла быть избрана и такая мера, как лишение виновного права пользоваться поливной водой, отсутствие которой в засушливых условиях края влекло за собой полуголодное существование.

Углубление в проблему позволило сделать предварительный вывод о благотворном влиянии законодательства Российской империи и организационно-правовых мер, предпринятых администрацией края, на регламентацию порядка управления среди коренного населения после присоединения к Российской империи Закаспийской области. Под общим руководством военного ведомства российские власти задали импульс прогрессивному развитию систем управления, самоуправления, судопроизводства и т.д., что расходится с позицией некоторых постсоветских ([Национальные истории..., 1999](#)) и зарубежных ([Banuaziz, Weiner, 1994](#); [Kazemzadeh, 2004](#)) авторов на политику России в Центральной Азии, как использовавшую преимущественно репрессивные меры управления, жёсткое ограничение прав и свобод коренного населения этой окраины, в том числе и в Закаспийской области.

2. Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили документы Центрального государственного архива Туркменистана (ЦГАТ, Ашхабад, Туркменистан), в первую очередь, фонда № 1 «Канцелярия начальника Закаспийской области». Благодаря этому фонду, в аналитический оборот были вовлечены: распорядительные акты закаспийской администрации (приказы, циркуляры); отчётная документация военных и гражданских должностных лиц; материалы, отражающие реализацию управленческих и судебных функций на локальном уровне.

При рассмотрении организационно-правовой и управленческой деятельности канцелярии начальника Закаспийской области большое внимание уделялось: Обзорам Закаспийской области (ОЗО) (главам «Население», «Нравственность. Число и виды преступлений», «Судная часть»), их уникальным материалам относительно некоторых статистических данных, свидетельствующих о стремлении минимизировать нарушения порядка управления в крае; Сборникам решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области, подтвердивших эволюцию обычаев и традиций туркменского народа относительно противодействия преступлениям против правосудия; третьему собранию «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗРИ-3), констатирующему факты влияния развитых российских государственных структур и институтов на становление национальной государственности туркмен, формирование на основе российской модели национальной судебно-правовой системы.

Исследование опиралось на междисциплинарный синтез, включающий: философские принципы научного познания; методологический инструментарий исторической науки; методы системного анализа и компаративистики применительно к политико-правовым феноменам.

В рамках принципа научной объективности и историзма применялся комплекс методов: нарративный анализ – для систематизации и интерпретации данных о функционировании системы военно-народного управления, структуре административного аппарата, механизмах взаимодействия уровней власти (уезд, приставство, волость, аул) в конце XIX – начале XX в.; сравнительно-исторический метод – для сопоставления традиционного правового уклада и судебных институтов туркмен до и после включения этого региона в состав Российской империи; структурный анализ – для изучения многоуровневой организации регионального управления, контрольно-надзорных функций областных и уездно-приставских инстанций; этнопсихологический подход – для выявления особенностей правового сознания и религиозных установок туркменского населения, влияющих на

интеграцию в имперскую административную систему.

3. Обсуждение

Вопрос регламентации управления в Закаспийской области до настоящего времени не получил комплексного осмысления в отечественной историографии. Отдельные аспекты затрагивались в работах, основанных на анализе официальных отчётов и записок, мемуаров политиков, чиновников, офицеров, материалов военных, научных и дипломатических экспедиций. В одних исследованиях (Галузо, 1929; Шарова, 1940; Волков, 2014) были выделены ключевые черты модели военноподчинённого управления: синтез гражданской и военной власти; адаптивность к локальным условиям; сочетание общеимперских норм и цивилизационной специфики края; задействование потенциала институциональной эволюции. В других (Гирс, 1886; Михайлов, 1900; Пален, 1909; Караш хан оглы, 1914) анализировались попытки систематизации и анализа норм обычного права туркмен, обоснование необходимости адаптации российских правовых норм к местным обычаям, создания для коренного и пришлого населения доступной судебной системы. В некоторых трудах были рассмотрены причины осторожного отношения имперской администрации к местным органам управления, обусловленные стремлением минимизировать трансформацию устоявшихся практик при внедрении российских правовых норм (Глушенко, 2010), сохранить традиционные туркменские обычаи и институты, усилить выработку специфических региональных управленческих предписаний, применение которых позволило бы Закаспийской области адаптироваться и со временем стать частью единого государственного пространства Российской империи¹ (Маслов, 1887; Пален, 1910). При этом эти и другие авторы (Марков, 2010; Белоглазов, 2011; Котюкова, 2016) едины во мнении, что значительное влияние на административно-территориальное и правовое строительство в крае оказало, прежде всего, Военное министерство и его хорошо подготовленные сотрудники.

Анализ упомянутых источников помог составить объективное представление о том или ином организационно-управленческом и правовом явлении, прийти к конкретным выводам в контексте взаимодействия, взаимовлияния и взаиморазвития российского и туркменского народов, выявить допущенные ранее искажения исторической действительности.

4. Результаты

После вхождения Закаспия в состав России вопросы наказания тех, кто не повиновался официальной власти, стали решаться органами царской администрации и «народными судами». Так, начальник области, имевший право избирать, утверждать и отстранять лиц народного управления за непослушание, мог арестовывать их сроком до трёх месяцев или высылать за пределы уезда на тот же срок (ПСЗРИ-3. Т. 10 (1890). Ч. 1. СПб., 1893. № 6576. (Ст. 7): 72). Кроме того, начальник области в порядке управления мог отменять приговоры народных судов по уголовным делам всех инстанций.

При канцелярии начальника области действовала Комиссия по судной части². Она осуществляла надзор за правильностью народного судопроизводства, представляя начальнику заключения по жалобам на приговоры (решения) народных судов для их отмены или утверждения. На эту Комиссию, состоявшую из председателя, трёх членов с высшим специально-юридическим образованием и офицера, закончившего курсы Восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, и привлекаемого для взаимодействия с народными судами, было возложено множество обязанностей как судебного, так и судебно-административного характера (ОЗО за 1892; 1893: 184). Среди обязанностей Комиссии значилось: рассмотрение вопросов по сомнению в законах, территориальной и иерархической подсудности дел, жалоб на медленность в делопроизводстве уездных начальников и приставов, установление правомерности правильности действий этих должностных лиц и лиц местной администрации (старшин, волостных управителей и т. д.). Кроме того, заведующий Комиссией председательствовал на чрезвычайных съездах народного суда, выполнял обязанности по исполнению текущих дел и переписку по судной части, защищал интересы казны в судебных учреждениях (ОЗО за 1909; 1911: 122-124). Вследствие периодического пребывания в крае ревизионных комиссий, требовавших предоставления различных сведений о деятельности народных судов и применяемых ими народных обычаев, председателю, а также другим членам Комиссии приходилось усиленно работать для удовлетворения этих запросов, что в значительной степени усложняло исполнение Комиссией своих прямых обязанностей (ОЗО за 1908; 1910: 118-119).

Уездное управление осуществлялось начальниками уездов, обладавших такими полномочиями как: назначение аульных старшин (с утверждением начальником области); временное отстранение старшин от должности; применение к ним дисциплинарных взысканий; арест должностных лиц общественного управления (до 1 месяца); арест коренных жителей (до 7 дней); наложение на них

¹ Так, например, граф К.К. Пален полагал, что в Туркмении, не имевшей своей государственности, можно было гораздо эффективнее, чем в других областях Туркестана, создать чисто русские формы управления.

² В 1892 году последовало преобразование Судного отделения Канцелярии начальника области в особую Комиссию по разбору Судных дел Закаспийской области (ОЗО за 1892; 1893: 184).

штрафов до 20 руб. за неисполнение распоряжений; нарушение общественного спокойствия; оскорбление должностных лиц (ПСЗРИ-3. Т. 23 (1903). Ч. 1. СПб., 1905. № 22765: 358). При этом права уездного начальства на практике были значительно шире. Поскольку в народном суде под председательством начальника уезда или его помощника адат в определённых случаях терял свою силу, особенно в случаях негуманности, несправедливости его отдельных норм, уездное руководство применяло Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, или Свод законов уголовных (ОЗО за 1882–1890, 1890: 35).

После того, как в составе некоторых уездов в силу этнической специфики края были выделены особые административно-территориальные единицы – приставства, *приставы*, как и уездное начальство, были наделены правом налагать взыскания на туркмен в виде ареста на срок до 3 дней включительно и денежного взыскания на сумму не более 5 руб. (ПСЗРИ-3. Т. 23 (1903). Ч. 1. СПб., 1905. № 22765: 358–359).

Уездные начальники и приставы налагали наказания по специальным постановлениям. При этом постановления об аресте приводились в исполнение немедленно после их вынесения. Денежные начисления с оштрафованных лиц поступали на специальный счёт, предназначенный для обустройства мест заключения области (ПСЗРИ-3. Т. 23 (1903). Ч. 1. СПб., 1905. № 22765: 358).

Анализ Обзоров Закаспийской области показал, что специально оборудованных тюрем в крае не было, несмотря на то, что руководство многократно возбуждало ходатайство о выделении средств на постройку благоустроенных специальных тюрем. Необходимость такой постройки признавалась не только Военным министерством, но и Министерством внутренних дел. Однако средства для этого так и не были ассигнованы. После передачи тюремного ведомства в Министерство юстиции, оно также отказало в финансировании средств на постройку тюрем, мотивируя своё решение тем, что область находилась в ведении Военного министерства, на средства которого и должна производиться постройка мест для приговорённых и пересыльных. Данный вопрос не получил должного разрешения и после проведения областной судебной реформы 1894 года. Арестованные в уездных городах и Асхабаде размещались в тесных и ветхих домах из сырцового кирпича или гауптвахтах, откуда нередко совершались побеги. Охрана арестованных осуществлялась военными служащими и, отчасти, вольнонаёмными стражниками (ОЗО за 1896, 1898: 154–155).

Вместе с тем, Обзоры Закаспийской области разных лет свидетельствуют о том, что штрафные суммы по приговорам народных судов использовались русской администрацией по назначению. На территории, где содержались заключённые, возводились из жжённого кирпича стены арестных домов, строились кухни, заборы, отопительные печи (ОЗО за 1903, 1904: 166), производились работы по устройству в камерах вентиляции, прокладки асфальтовых полов и т. д. (ОЗО за 1904, 1905: 161; ОЗО за 1911, 1915: 112).

Сфера влияния поселковых (аульных) *старшин* была значительной, что проявлялось особенно ярко при анализе фактического положения дел касательно структуры административного управления областью. Кроме того, должностные лица данного ранга имели полномочия производить кратковременные задержания лиц, нарушивших установленный общественный порядок. Согласно регламентированным нормам, срок такого ареста мог составлять максимум двое суток. Помимо права временно ограничивать свободу подозреваемых в правонарушениях, старшинам дозволялось применять штрафы к виновным лицам.

Особое значение имело участие старшин в регулировании ключевых аспектов хозяйственной деятельности населения, прежде всего, в сфере сельского хозяйства. Важнейшей сферой их компетенции являлось решение проблем, связанных с распределением водных ресурсов, являвшимся необходимым условием успешного развития поливного земледелия. Эти вопросы представляли собой центральную проблему жизнедеятельности местных сообществ и нередко становились причиной конфликтов между различными этническими группами населения.

Яркий пример подобного спора представлен документальным свидетельством (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4891. Л. 1–2). Из материалов архива известно, что старшина поселения Дарган на реке Атрек в 1884 г. отказал группе из пяти семей туркмен-анавлийцев в доступе к источникам воды. Обоснованием данного решения послужило нежелание местной общины туркмен-текинцев принимать посторонних переселенцев в свою среду проживания, подкреплённое решением общего собрания местного сообщества. Впоследствии конфликт удалось разрешить в пользу туркмен-анавлийцев только посредством специального указания начальника Закаспийской области (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3015. Л. 1–2).

Необходимо отметить, что жалобы на злоупотребления властью старшин со стороны местных жителей были распространённым явлением. Несмотря на поддержку администрацией Закаспийского края всех должностных лиц, контроль за действиями старшин осуществлялся регулярно и систематически.

В отдельных административных единицах (уездах и приставствах) были учреждены специальные должностные лица, именуемые *эминами*. Они выполняли функции фискального характера, связанные со сбором налоговых платежей и иных обязательных сборов. Факты уклонения от налогового бремени и выполнения натуральных обязательств подвергались санкциям

преимущественно административного характера (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10534. Л. 17-18). Распределение налоговой нагрузки среди членов общины осуществлялось на основе родовой ответственности, согласно которой налоговое бремя возлагалось на ближайших родственников тех, кто покинул пределы аула, либо был признан недееспособным ввиду своей материальной несостоятельности (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10534. Л. 17-18).

К аульным старшинам приписывались *аульные джигиты*, выполнявшие вспомогательные обязанности по передаче указаний начальства, мобилизации рабочей силы, розыску лиц, подозреваемых в совершении правонарушений, а также джигиты, осуществлявшие охранные мероприятия. Для документирования актов исполнительской деятельности предусматривалось наличие одного *наставника-муллы* (Материалы..., 1903: 42-50).

Вопросы социально-экономического характера относительно владения земельными наделами и водными ресурсами, приёма новых членов аула и исключения старых, распределения земельных повинностей и общественных обязанностей разрешались *на сходах* местного сообщества. Постановления сходов общины, оформленные письменно, реализовывались исключительно после предварительного одобрения соответствующими административными инстанциями, на основе согласованного применения обычного права туркмен и официальных предписаний закаспийской администрации.

Значимую роль в функционировании местных административных структур играл *институт мирабов*, осуществлявший контроль над распределением воды в зонах орошаемого земледелия, организацию привлечения рабочей силы для выполнения обязательных работ по поддержанию гидротехнических сооружений и дренажно-мелиоративной инфраструктуры. Согласно архивным источникам начала XX века, структура распределения водных ресурсов была организована таким образом, чтобы отдельные родовые группы располагали собственными каналами водоснабжения (арыками) (Материалы..., 1903: 42-50).

С учётом высокой социальной значимостью мирабов в структуре туркменского общества, ими традиционно становились лица с высокими морально-деловыми качествами. Тем не менее, местное население обладало правом контроля над действиями указанных должностных лиц, включая возможность отстранения виновных без согласования с вышестоящими органами власти.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от декабря 1896 г., «О присвоении арык-аксакалам и мирабам в Туркестанском крае особых должностных знаков» (ПСЗРИ-3. Т. 6 (1896). Ч. 1. СПб., 1899. № 13470: 743) служит свидетельством обязательного ношения специализированной символики должностными лицами оросительной инфраструктуры края при исполнении ими должностных обязанностей. Данная практика распространялась и на другие категории должностных лиц, среди которых были не только эмины, но и народные судьи (см. Рисунок 1, 2)



Рис 1. Должностной знак выборного народного судьи Закаспийской области



Рис 2. Должностной знак аульного эмина. Мервский уезд Закаспийской области

Иерархия судебных органов была выстроена следующим образом: её основу составляли Народные участковые суды¹, далее следовал Съезд народных судей уезда (приставства), ещё выше – Чрезвычайный съезд народных судей области. Однако эта структура формировалась постепенно, зачастую непоследовательно, и не везде включала все перечисленные инстанции (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2.

¹ Согласно статьям 192 и 193 проекта Временного положения 1894 года, народные суды формировались путём избрания каждым аульским обществом двух кандидатов в судьи. Выдвигаться могли лишь заслуженные жители села, пользующиеся уважением среди односельчан, старше тридцати лет и ранее не подвергавшиеся судебному наказанию. Их окончательное утверждение начальником области сроком на три года происходило после рекомендации уездных начальников. Судьёй считался лишь тот, кто реально выполнял функции судьи. После окончания срока службы судья возвращался обратно в родное село и вновь становился кандидатом.

Д. 3795. Л. 93-102). Значительно различался также уровень подчинённости народных судов областному управлению в разных уездах.

Народный участковый суд действовал постоянно для того, чтобы оперативно рассматривать поступающие дела. В случаях работы суда в кочевой среде учитывались особенности передвижной жизни кочевников. В таких случаях заседания участкового суда проводились периодически (по сессионному графику). Сменяемый состав судей формировался уездным управлением по очереди. Поводом для возбуждения судебных разбирательств становились жалобы и заявления от пострадавших лиц, истцов, а также инициативы местных властей – волостных и аульных старшин, российских чиновников и других представителей власти.

От физических наказаний освобождались следующие категории лиц: женщины, лица старше сорока лет, обладатели государственных наград и знаков отличия, должностные лица местного самоуправления, представители духовного сословия, военнослужащие Туркменского конного дивизиона, включая младших офицеров, унтер-офицеров и всех, прослуживших не менее четырёх лет.

Если дело касалось уголовного преступления или проступка, когда ущерб составлял более 200 руб., назначалось наказание в виде ареста сроком до одного месяца, денежного штрафа не выше 30 руб., физического воздействия не более 30 ударов плетью. Подобные дела рассматривались непосредственно участковым народным судом и имели статус обязательных решений без права дальнейшего пересмотра или оспаривания в рамках указанной категории дел.

Решения и постановления участкового народного суда, принятые с нарушением полномочий либо по вопросам, неподведомственным данному суду, не исполнялись. Уездные чиновники сообщали о таких случаях областному руководству, которое отменяло приговор и направляло дело обратно с необходимыми рекомендациями для повторного рассмотрения, либо определяло правильное процессуальное движение дела, если оно оказалось неподсудным участковому суду.

На рассмотрение *сездов народных судей* направлялись дела, возникшие вследствие подачи апелляций на ранее вынесенные участковыми судами решения. Данные дела передавались в уездные суды через уездных чиновников, исполнявших роль посредников между местными судебными органами и вышестоящими инстанциями.

Съезд народных судей функционировал исключительно в рамках территории определённого уезда. Члены съезда собирались по инициативе и под непосредственным руководством местных уездных чиновников тогда, когда возникала необходимость в рассмотрении новых апелляционных жалоб либо иных судебных вопросов. Количество членов съезда составляло пять человек, каждый из которых был народным судьёй. Судебное решение признавалось действительным только в случае одновременного участия в заседании не менее трёх народных судей.

Помимо народных судей и представителей русских властей, в местные суды приглашались *казии* или *мулы* для участия в разбирательствах, исходя из положений шариата. Кроме того, они в особых случаях от сторон и свидетелей принимали присягу, оформляли свидетельства о браке и разводе, а также другие юридические документы (ОЗО за 1903; 1904: 206). Ранее туркмены редко прибегали к услугам шариатских судов, однако после присоединения Закаспийской области к Российской империи шариат приобрёл статус официального источника народного волеизъявления (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 96).

Ведению *сездов народных судей*, действовавших на территории каждого уезда, подлежали дела в случае поступления жалоб на неокончательные решения участковых народных судов. Жалобы направлялись в сезды уездными начальниками, которые на них председательствовали (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 96). Решения сездов народных судей признавались окончательными (без права последующего оспаривания) лишь для тех дел, размер исковых требований в которых не превышал 500 руб., либо предусматривалось заключение под стражу продолжительностью до 3 месяцев, либо присуждался штраф в размере не более 100 руб. или назначались телесные меры принуждения числом до 30 ударов плетью. Во всех иных ситуациях разбирательство допускало повторное рассмотрение в высших судебных инстанциях.

Обжалование промежуточных постановлений сездов происходило путём подачи апелляционной жалобы в Комиссию по судной части при канцелярии начальника области, который имел право утверждать, отменять решения или передавать дела на рассмотрение в специальный Чрезвычайный съезд народных судей.

Чрезвычайные сезды народных судей созывались начальником области, как правило, от одного до двух раз в год по мере необходимости. Они проходили в Асхабаде, в зале Судебной комиссии и длились от пяти до шести дней. Первый Чрезвычайный съезд был проведён по инициативе начальника области генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина 24 января 1894 года для рассмотрения особо запутанных жалоб жителей края касательно решений местных судебных инстанций. Основной задачей таких собраний было, как правило, разрешение земельных и водных споров, а также разногласий относительно пастбищ, возникавших чаще всего среди представителей одного рода, или внутри отдельных соседних племён (Андреев, 1900: 269). Для коренного населения решение этих вопросов представляло особую важность не только ввиду материальных последствий, но и потому, что затрагивало репутацию семей, кланов, народа в целом.

До начала каждого заседания участники съезда приносили торжественную клятву на Коране, обещая подходить ко всем делам объективно и справедливо. Разбор судебных дел производился посредством сочетания норм традиционного права (адата) и исламского религиозного закона (шариата) в устной форме и публичном порядке. Окончательные решения документировались письменно на туркменском языке, оглашались уполномоченными представителями судебной власти и удостоверялись подписью грамотных либо печатью неграмотных членов суда. После завершения процедуры утверждения начальником области вынесенные решения являлись юридически закреплёнными и исключали возможность дальнейшего пересмотра или апелляции (Ломакин, 1897: 73, 77).

Существенный аспект правовой практики состоял в формировании коллегиального органа, объединявшего делегатов из всех административных единиц региона, – семь лиц туркменской национальности и двух представителей казахского этноса, признанных обществом в качестве знатоков народного быта и традиций. Такой подход обуславливался историческим контекстом функционирования народного правосудия (маслахата), действовавшего по принципу третейского суда, согласно которому каждая сторона конфликта выдвигала своего избранника в качестве судьи, что создавало предпосылки восприятия судебного процесса как объективного (Ломакин, 1897).

Руководящими фигурами на съездах выступали не только должностные лица судебной комиссии администрации Закаспийского края, но также эксперты, владевшие местными диалектами, исполнявшие роль ассистентов председателя. Несмотря на то, что эти лица не имели права голоса при вынесении судебных решений, их рекомендации оказывали влияние на конечный результат при подведении итогов съезда.

С целью повышения уровня профессионализма и объективности работы съезда неоднократно вводились изменения состава его участников. Так, в частности, в Мангышлакском округе, отличавшемся полиэтничностью и включавшим представителей как казахских, так и туркменских этнических групп, администрацией была предпринята инициатива по реформированию состава судебного органа с учётом равноправного представительства данных народов. Такой подход обеспечил гармонизацию правоприменительной практики и способствовал повышению степени легитимации судебных актов в глазах коренного населения посредством учёта традиционных норм и устоев каждой национальной общности данного региона.

Решения и приговоры Чрезвычайных съездов вступали в силу после утверждения их начальником области. В целом, при таком устройстве съезда случаи нарушений с его стороны пределов допустимых полномочий были достаточно редкими, а потому и возложение на прокурорский надзор обязанности следить за делами съезда, по выражению автора XIX главы «Судная часть» Обзора Закаспийской области за 1902 г., стало «излишним обременением» (ОЗО за 1902, 1903: 120).

Минимизации ошибок со стороны народного суда способствовали сбор и обобщение обычаев коренного населения для предоставления народным судам «руководящих начал», имевших обязательную юридическую силу, к которым судьи могли бы обращаться в затруднительных случаях «при решении разного рода дел». Таким руководством или «писанным кодексом» для народных судей стали Сборники процессов и решений Чрезвычайного съезда народных судей, составляемые Комиссией по судной части (ОЗО за 1902, 1903: 121). Для этого еще в 1894 г. были разработаны и отлитографированы программы, разосланы начальникам уездов, приставам, старшинам аулов с просьбой дать ответы на программные вопросы (ОЗО за 1903, 1904: 207). Важность составления «письменного кодекса» объяснялась и тем обстоятельством, что именно начальник области являлся «высшею и окончательною властью по делам, разрешаемым народными судами» (ОЗО за 1903, 1904: 208).

Анализ этих сборников приводит к выводу, что к числу преступлений против порядка управления в Закаспийской области были отнесены: *неявка в суд, неисполнение судебных решений, ложное обвинение, ложное показание в суде* независимо от того, что эти действия, как и в имперском законодательстве, были совершены малоимущими или богатыми членами общества. Об этом имеется упоминание в одном из постановлений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области от 20 января 1894 г.: «За клевету съезд полагал бы наказывать применительно к Русскому Уложению». Обращение Съезда к Русскому Уложению не только в этом, но и других случаях вело к сближению судопроизводства Закаспийской области с «внутренними» губерниями Российской империи, способствовало официальному признанию территории расселения туркмен частью многонациональной страны (Хайтлиев, 1986: 188-196).

Дальнейшее исследование деятельности Чрезвычайных съездов народных судов показывает, что виновники ложного обвинения подвергались денежному штрафу, аресту от нескольких недель до нескольких месяцев (Сборник решений..., 1910б. Ч. 2: 18-20; Сборник решений..., 1910с. Ч. 2: 31-33), а иногда даже ссылке, как правило, на полуостров Мангышлак.

В практике народного судопроизводства Закаспийского края встречались следующие виды ложного показания: ложная присяга (ложная клятва); лжесвидетельство, несвязанное с присягой. В противодействии ложным показаниям использовалась сила мусульманской веры и святых мест. Для этого в народных массах на основе предписаний Корана насаждалось чувство страха к ложной присяге, вера в её трагические последствия для тех, кто к ней прибегнул, неминуемая смерть, а то и гибель всего рода.

Характеризуя отношение туркмен к присяге, вообще, А. Хайтлиев и другие авторы писали, что, принятие даже правильной присяги, когда имелся иной способ обойтись без неё, считалось грехопадением и ложилось пятном на туркмена, решившегося присягнуть правдиво. Принятие же ложной присяги составляло величайший грех, за который не было прощения в будущей жизни, и за которым должна была последовать неминуемая кара, притом не только для самого клятвонарушителя или его рода, но и «для всех присутствующих при этом акте» (Ломакин, 1897: 80-87; Андреев, 1900: 270; Хайтлиев, 1986: 189-190).

В реальной жизни наказаниями для клятвoprеступника служили общественное презрение, лишение в дальнейшем права на присягу и свидетельские показания. По сведениям А. Ломакина, туркмены таких людей подвергали ostrакизму, т.е. изгоняли навсегда из своего общества (Ломакин, 1897: 80). Приведённые факты свидетельствуют не только о наказуемости ложной присяги, но и о том, насколько глубоко укоренилась в сознании туркмен боязнь божьего наказания за лжеприсягу. В силу этих причин в практике народного судопроизводства принятие ложной присяги было экстраординарным явлением.

После образования Закаспийской области не только лжеприсягатели, но и лжесвидетели стали наказываться в судебном порядке. Признав введение в заблуждение суда уголовно-наказуемым деянием, Чрезвычайный съезд народных судей в январе 1894 г. предписал: несмотря на то, что за лжесвидетельство по адату наказание не установлено, съезд полагает, что за это преступление следует наказывать применительно Русскому Уложению». Однако анализ практики народного правосудия у туркмен приводит к выводу, что за лжесвидетельство без присяги судами применялись арест на срок от одной недели до нескольких месяцев и штраф в качестве покрытия судебных издержек (Сборник решений..., 1910. Ч. 2: 31-33).

Народные суды многократно сталкивались и с такими случаями, как уклонения от явки в суд ответчиков. Такие лица, как правило, совершали бегство не только в малодоступные места каракумской пустыни, но и соседние государства – Афганистан, Иран. Все это нарушало нормальное функционирование народных судов, вызывало недовольство со стороны истцов и их родственников. Согласно решению Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области в таких случаях подобных лиц штрафовали на сумму, равную 5 руб., а в случае неявки по второму вызову рассматривали дело заочно. Несколько позже решения съезда о наложении штрафа за неявку и заочные решения (приговоры) стали утверждаться начальником области (Ломакин, 1897: 71-72).

Бессрочные аресты особенно часто выносились судами в отношении лиц, совершивших кражу и не возместивших причинённый потерпевшему ущерб в назначенный срок. Таких осуждённых и после отбытия ими наказания содержали под стражей вплоть до полной уплаты долга (Сборник решений..., 1903. Ч. 2: 127-129, 147-148).

Неисполнение судебных решений по бракоразводным делам грозило виновнику штрафом, арестом или другими тяжкими материальными последствиями. Такие наказания чаще всего назначались по делам, касающимся выкупа невесты (калыма). Определив размер калыма, суды обычно устанавливали также сроки его уплаты. В случае неисполнения этого решения суды обязывали мужей-ответчиков дать жене развод (Сборник решений..., 1910. Ч. 1. С. 7-8, 11-12).

Таким образом, посредством наказаний виновников неисполнения судебных решений по бракоразводным делам в Закаспии укреплялись основы патриархально-семейных отношений. Более того, такая практика складывалась с ведома и одобрения областной русской администрации вплоть до туркестанского руководства, пытавшегося также укрепить авторитет и престиж народных судов. Опираясь на эти соображения, русские власти не только поддерживали позиции народных судов, но и строго наказывала лиц, злостно уклонявшихся от исполнения судебных решений.

5. Заключение

Благодаря продуктивным и последовательным методам руководства новыми подданными, решению задач по созданию оптимальной административно-территориальной, экономически целесообразной, гибкой системы российских учреждений, выработке правовых норм и традиций во взаимодействии и сотрудничестве с коренным населением, система управления в Закаспийском крае проявила наибольшую жизнеспособность. Администрация области, будучи весьма осторожной в вопросе введения российских институтов, смогла наладить механизмы политико-правовой стабильности, опираясь на: 1) твёрдость в централизации вертикали власти на основе подчинения всех отраслей и ведомств распоряжениям начальника области; 2) допуск в состав уездных и приставских управлений коренных жителей края; 3) совместное применение отдельных норм российского, обычного и мусульманского права в жизнедеятельности туркменского этноса, в том числе, в народных судах, приспособленных к условиям межплеменного и внутриплеменного взаимодействия; 4) органический синтез административного опыта российских властей и населения региона. При этом главной особенностью деятельности администрации края и центрального правительства стало сохранение, прежде всего, гражданско-правовых, семейно-правовых, шариатских устоев коренного населения за исключением отдельных норм обычного уголовного права туркмен.

Без такого подхода и принимая во внимание обширные, пустынные территории края, многосложные по различным отраслям управления задачи, социокультурные различия с местным

населением, крайне немногочисленная по своему составу русская администрация не смогла бы установить правовой режим в Закаспийской области и успешно противодействовать нарушениям против порядка управления.

Литература

- Андреев, 1900** – Андреев А.П. Туркменский суд // *Исторический Вестник*. Август. 1900. *Историко-литературный журнал*. СПб: Типография А. С. Суворина. 1900. С. 268-273.
- Белоглазов, 2011** – Белоглазов А.В. Формирование политики России в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т, 2011. 358 с
- Волков, 2014** – Волков И.В. Военно-стратегическое управление в царской России: региональный аспект (1865–1917 гг.) // *Власть*. 2014. № 4. С. 162-166.
- Галузо, 1929** – Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929. 162 с.
- Гирс, 1886** – Гирс Ф.К. Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край, Тайного Советника Гирса. СПб, б. г. [1883–1886]. 465 с.
- Глуценко, 2010** – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Серия: «Россия забытая и неизвестная». М.: Центрполиграф, 2010. 576 с
- Караи хан оглы, 1914** – Караи хан оглы. Местный суд в Закаспийской области: Народный суд: историко-критический очерк: Финляндия, 1914 год, 1922. 58 с.
- Котюкова, 2016** – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2016. 391 с.
- Ломакин, 1897** – Ломакин А. Обычное право туркмен. (Адат). Репринт с издания 1897 г. ЕЕ Медиа, 2015. 90 с.
- Марков, 2010** – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е, испр. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.
- Маслов, 1887** – Маслов А.Н. Завоевание Ахал-теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева. Материалы для топографии и характеристики Скобелева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 207 с.
- Материалы..., 1903** – Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д.И. Суботича. Асхабад: паровая тип. газ. «Асхабад», 1903. 192 с.
- Михайлов, 1900** – Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк / сост. кап. Ф. А. Михайлов. Асхабад: Паровая тип. К.М. Федорова, 1900. 79 с.
- Национальные истории..., 1999** – Национальные истории в советском и постсоветском государствах [Сб.] / Фонд Фридриха Науманна и др.; Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, Предисл. Ф. Бомсдорфа. Москва: «АИРО-XX», 1999. 445 с.
- ОЗО за 1882–1890, 1890** – Обзор Закаспийской области за 1882-1890 годы. Асхабад, 1890.
- ОЗО за 1892, 1893** – Обзор Закаспийской области за 1892 год. Асхабад, 1893.
- ОЗО за 1902, 1903** – Обзор Закаспийской области за 1902 год. Асхабад, 1903.
- ОЗО за 1903, 1904** – Обзор Закаспийской области за 1903 год. Асхабад, 1904.
- ОЗО за 1908, 1910** – Обзор Закаспийской области за 1908 год. Асхабад, 1910.
- ОЗО за 1912–1914, 1916** – Обзор Закаспийской области за 1912–1914 годы. Асхабад, 1916.
- Пален, 1909** – Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 4.] Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909;
- Пален, 1910** – Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 13.] Правовой быт туземного населения. СПб., 1910.
- ПСЗРИ-3** – Полное собрание законов Российской империи (третье собрание).
- Сборник решений..., 1903** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1898 по 1902 гг. Ч. 2. Асхабад, 1903.
- Сборник решений..., 1910** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1904 г. Асхабад, 1910.
- Сборник решений..., 1910a** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1906 г. Асхабад, 1910.
- Сборник решений..., 1910b** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1907 г. Асхабад, 1910.
- Сборник решений..., 1910c** – Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1908 г. Асхабад, 1910.
- Федоров, 1901** – Федоров К.М. Закаспийская область. Издание К.М. Федорова. Асхабад: Паровая типография К.М. Федорова, 1901. 312 с.
- Хайтлиев, 1986** – Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен. Под ред. П. Ф. Повелицыной; АН ТССР. Ашхабад: Ылым, 1986. 234 с.
- ЦГАТ** – Центральный государственный архив Туркменистана.
- Шарова, 1940** – Шарова П.П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // *Исторические записки*. 1940. № 8. С. 3-36.

[Banuaziz, Weiner, 1994](#) – *Ali Banuaziz and Myron Weiner*. The New Geopolitics of Central Asia and its Borderlands. «I.B. Taurus». London – New York. 1994. 284 p.
[Kazemzadeh, 2004](#) – *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia. 1864–1914. M., 2004. 711 p.

References

- [Andreev, 1900](#) – *Andreev, A.P.* (1900). Turkmenskij sud [Turkmen court]. *Istoricheskij Vestnik*. Avgust. 1900. Istoriko-literaturnyj zhurnal. SPb: Tipografiya A. S. Suvorina. Pp. 268-273. [in Russian]
- [Banuaziz, Weiner, 1994](#) – *Banuaziz, A., Weiner, M.* (1994). The New Geopolitics of Central Asia and its Borderlands. «I.B. Taurus». London – New York. 284 p.
- [Beloglazov, 2011](#) – *Beloglazov, A.V.* (2011). Formirovanie politiki Rossii v Central'noj Azii [Formation of Russia's policy in Central Asia]. Kazan': Kazan. un-t. 358 p. [in Russian]
- [Fedorov, 1901](#) – *Fedorov, K.M.* (1901). Zakaspijskaya oblast' [Transcaspian region]. Izdanie K.M. Fedorova. Askhabad: Parovaya tipografiya K.M. Fedorova. 312 p. [in Russian]
- [Galuzo, 1929](#) – *Galuzo, P.G.* (1929). Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 g.) [Turkestan – a colony (essay on the history of Turkestan from the Russian conquest to the 1917 revolution)]. M., 162 p. [in Russian]
- [Girs, 1886](#) – *Girs, F.K.* (1886). Otchet revizuyushchego po Vysochajshemu poveleniyu Turkestanskij kraj, Tajnogo Sovetnika Girsy [Report of the auditor of the Turkestan region, Privy Councillor Girs]. SPb, b. g., 465 p. [in Russian]
- [Glushchenko, 2010](#) – *Glushchenko, E.A.* (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. Seriya: «Rossiya zabytaya i neizvestnaya». M.: Centrpoligraf. 576 p. [in Russian]
- [Hajtliev, 1986](#) – *Hajtliev, A.* (1986). Ugolovnoe obychnoe pravo turkmen [Turkmen customary criminal law]. Pod red. P. F. Povelicynoj; AN TSSR. Ashkhabad: Ylym. 234 p. [in Russian]
- [Karash han ogly, 1914](#) – *Karash han ogly* (1914). Mestnyj sud v Zakaspijskoj oblasti: Narodnyj sud: istoriko-kriticheskij ocherk [Local court in the Transcaspian region: People's Court: a historical and critical essay]: Finlyandiya, 1914 god, 1922. 58 p. [in Russian]
- [Kazemzadeh, 2004](#) – *Kazemzadeh, F.* (2004). Russia and Britain in Persia. 1864–1914. M., 711 p.
- [Kotyukova, 2016](#) – *Kotyukova, T.V.* (2016). Okraina na osobom polozhenii. Turkestan v preddverii dramy [A special situation in the periphery. Turkestan on the eve of the drama]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. 391 p. [in Russian]
- [Lomakin, 1897](#) – *Lomakin, A.* (2015). Obychnoe pravo turkmen. (Adat) [Customary law of the turkmens. (Adat)]. Reprint s izdaniya 1897 g. EE Media. 90 p. [in Russian]
- [Markov, 2010](#) – *Markov, G.E.* (2010). Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii [Nomads of Asia. The Structure of economy and social organization]. Izd. 2-e, ispr. M.: KRASAND. 320 p. [in Russian]
- [Maslov, 1887](#) – *Maslov, A.N.* (1887). Zavoevanie Ahal-teke. Ocherki iz poslednej ekspedicii Skobeleva. Materialy dlya topografii i harakteristiki Skobeleva [The conquest of Akhal-Teke. Essays from Skobelev's last expedition. Materials for topography and characteristics of Skobelev]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina. 207 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1903](#) – *Materialy po zemle-vodopol'zovaniyu v Zakaspijskoj oblasti, sobrannye i izdannye po prikazaniyu nachal'nika Zakaspijskoj oblasti, general-lejtenanta D.I. Suboticha* [Materials on land and water use in the Transcaspian Region, collected and published by order of the Chief of the Transcaspian Region, Lieutenant General D.I. Subotich]. Askhabad: parovaya tip. gaz. «Askhabad», 1903. 192 p. [in Russian]
- [Mihajlov, 1900](#) – *Mihajlov, F.A.* (1900). Tuzemcy Zakaspijskoj oblasti i ih zhizn'. Etnograficheskij ocherk [The natives of the Transcaspian region and their lives. An ethnographic essay] Sost. kap. F.A. Mihajlov. Askhabad: Parovaya tip. K.M. Fedorova. 79 p. [in Russian]
- [Nacional'nye istorii..., 1999](#) – *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvah* [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. [Sb.]. Fond Fridriha Naumanna i dr.; Pod red. K. Ajmermahera, G. Bordyugova, Predisl. F. Bomsdorfa. Moskva: «AIRO-HH», 1999. 445 p. [in Russian]
- [OZO za 1882–1890, 1890](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1882-1890 gody* [Overview of the Transcaspian region for 1882–1890]. Askhabad, 1890. [in Russian]
- [OZO za 1892, 1893](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1892 god* [Overview of the Transcaspian region for 1892]. Askhabad, 1893. [in Russian]
- [OZO za 1902, 1903](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1902 god* [Overview of the Transcaspian region for 1902]. Askhabad, 1903. [in Russian]
- [OZO za 1903, 1904](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1903 god* [Overview of the Transcaspian region for 1903]. Askhabad, 1904. [in Russian]
- [OZO za 1908, 1910](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1908 god* [Overview of the Transcaspian Region for 1908]. Askhabad, 1910. [in Russian]
- [OZO za 1912–1914, 1916](#) – *Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1912-1914 gody* [Overview of the Transcaspian Region for 1912-1914]. Askhabad, 1916. [in Russian]
- [Palen, 1909](#) – *Palen, K.K.* (1909). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja. Narodnye sudy Turkestanskogo kraja [Report on the Audit of the Turkestan Region. People's Courts]. T. 4. SPb. [in Russian]

Palen, 1910 – *Palen, K.K.* (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja . Pravovoj byt tuzemnogo naseleniya [Report on the Audit of the Turkestan Region. Legal Life of the Indigenous Population]. T. 13. SPb. [in Russian]

PSZRI-3 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (tret'e sobranie) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Third Collection)]. [in Russian]

Sbornik reshenii..., 1903 – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1898 po 1902 gg. [Collection of Decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1898-1902]. Ch. 2. Askhabad, 1903. [in Russian]

Sbornik reshenii..., 1910 – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1904 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1904]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

Sbornik reshenii..., 1910a – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1906 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1906]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

Sbornik reshenii..., 1910b – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1907 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1907]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

Sbornik reshenii..., 1910c – Sbornik reshenii Chrezvychajnogo s"ezda narodnyh sudej Zakaspijskoj oblasti za 1908 g. [Collection of decisions of the Extraordinary Congress of People's Judges of the Transcaspian Region for 1908]. Ch. 1. Askhabad, 1910. [in Russian]

Sharova, 1940 – *Sharova, P.P.* (1940). Pereselencheskaya politika carizma v Srednej Azii [Tsarist Resettlement Policy in Central Asia]. *Istoricheskie zapiski*. 8: 3-36. [in Russian]

TsGAT – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arhiv Turkmenistana [Central State Archive of Turkmenistan].

Volkov, 2014 – *Volkov, I.V.* (2014). Voенно-strategicheskoe upravlenie v carskoj Rossii: regional'nyj aspekt (1865–1917 gg.) [Military-strategic administration in Tsarist Russia: regional aspect (1865–1917)]. *Vlast'*. 4: 162-166. [in Russian]

Регламентация порядка управления среди коренного населения Закаспийской области Российской империи

Илья Исакович Аминов ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются роль и значение организационных мер, предпринятых русской администрацией в обеспечении порядка управления среди коренного населения наиболее молодой из центральноазиатских областей – Закаспийской области Российской империи. Поскольку в рассматриваемый период (1882–1917) преступления против порядка управления признавались, чаще всего, неповиновение закаспийской администрации и преступления против правосудия, автором приводятся многочисленные свидетельства того, что сосредоточение административных и судебных полномочий в руках начальников области, уездов и приставств отвечало в целом менталитету туркмен, способствовало их адаптации к новым реалиям правовой жизни, вело к минимизации подобных нарушений. При этом наряду с изменениями в правилах народного судопроизводства всех инстанций (кодификация народных обычаев в виде сборников решений и процессов Чрезвычайных съездов народных судей, письменное оформление приговоров и решений, ведение при каждом суде книг записей протоколов рассмотренных дел), были и иные нововведения: устанавливалась уголовная ответственность за ложную клятву, лжесвидетельство, клевету, неисполнение судебных решений и другие преступления против правосудия; в правосознание народных судей администрацией области постепенно внедрялось избирательное отношение к отдельным нормам обычного права (адата) в связи с их гуманизацией; вместо «кровной мести», возмездия, саморасправы, самосуда и других адатных правил, применялись арест, тюремное заключение, штраф, ссылка, высылка, что способствовало изменению взгляда туркмен на преступление как на общественно опасное деяние и наказание; утрачивалось значение прежних принципов родовой ответственности и коллективной защиты, им на смену внедрялся принцип индивидуальной ответственности за совершенное преступление, в том числе и против порядка управления.

Ключевые слова: Российская империя, Закаспийская область, русская администрация, местная администрация, коренное население, участковый суд, съезд народных судей, Чрезвычайный съезд народных судей, порядок управления, преступления против правосудия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 966-973
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.966

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Possibility of Using the “List of River Non-Steam Vessels” of 1890 and 1900 to Reconstruct the Biographies of Non-Self-Propelled Vessels

Nikolai W. Mitiukov ^{a, *}, Irina Yu. Cherkasova ^b

^a Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Houston, USA

Abstract

The non-self-propelled fleet in pre-revolutionary Russia accounted for the lion's share of freight transportation. However, as a literature review has shown, there are currently virtually no studies analyzing the evolution and genesis of the non-self-propelled fleet. This may be due to the lack of an adequate source base. While approximately a dozen vessel lists were published for the self-propelled fleet between 1890 and 1917, only three were published for non-self-propelled vessels a dozen lists of vessels were published, only three for non-self-propelled vessels (1890, 1900, and 1917) were published. Thus, the frequency of publication was commensurate with the average service life of wooden vessels. Furthermore, the 1890 and 1900 lists lack information on vessel names, and the Ministry of Communications numbers under which they are listed changed quite frequently. Meanwhile, an analysis of the flists using the Vyatka-Volga Shipping Company as an example showed that they can represent a valuable source not only as a statistical but also as a narrative source. It demonstrated a complete match between vessel characteristics, with the exception of cargo capacity, which could change over the course of their service. Therefore, the use of systems analysis on a pre-limited sample is promising for analysis. All this makes it possible to use the lists in a number of areas related to the reconstruction of vessel biographies.

Keywords: shipbuilding, non-self-propelled vessels, vessel biographies, List of river vessels, analysis.

1. Введение

Несамоходный флот Российской Империи в дореволюционный период обеспечивал большую часть грузоперевозок. Это повлекло за собой возникновение целых типов несамоходных судов (мариинки, коломенки, клязьменки и т.п.), оптимизированных под навигационные особенности разных рек. Но что касается их описания, то до сих пор в литературе имеются лишь работы, показывающие общие закономерности развития и эволюции. Исследования, касающиеся реконструкции биографий несамоходных судов, довольно редки и не создают какой-то целостной картины. В данной работе на примере Товарищества Вятско-Волжского пароходства анализируется исследовательский потенциал едва ли не основного источника по дореволюционным российским несамоходным судам – «Списка речных непаровых судов европейской России», издававшегося в 1890 и 1900 гг.

2. Материалы и методы

В качестве основного источника по несамоходным судам Товарищества Вятско-Волжского пароходства выступили изданные до революции «Списки речных непаровых судов европейской России по переписи 1890 г.» (Список..., 1890) и 1900 г. (Список..., 1900), а также «Список судов речного флота по переписи 1916–1917 гг.» (Список..., 1917).

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

Главная задача планируемой серии исследований видится в разработке методики, с помощью которой можно производить реконструкцию дореволюционных биографий несамыходных судов. В качестве первого приближения, реализуемого в данной работе, видится оценка нарративного потенциала «Списка речных непаровых судов европейской России», выявление трудностей, которые возникают при использовании данного источника. Для этого были применены методы системного анализа. В качестве ограничения по выборке судов выступило условие их нахождения в Товариществе Вятско-Волжского пароходства, которое до 1902 г. было представлено тремя независимыми судовладельцами Александровым, Булычевым и Тырышкиным. Это дает возможность четко сформировать кластер анализируемых судов, который однозначно идентифицируется по всем трем спискам.

3. Обсуждение

Первой комплексной работой, попытавшейся обобщить дореволюционный опыт несамыходного судостроения, стала монография И.А. Шубина ([Шубин, 1927](#)), в настоящее время пережившая несколько переизданий и репринтных воспроизведений. До сих пор она является самой фундаментальной работой по этому вопросу, поскольку автор не только опубликовал уникальный материал по технологии производства несамыходных судов различного класса, но и высказал свое суждение об этом. Например, он прямо пишет, что такой класс несамыходных судов, как баржа изначально появился вследствие необходимости резкого увеличения грузоподъемности из-за использования паровой тяги. Этот класс был чисто формально перенесен от судов морского прибрежного и каботажного плавания, и для речных условий совершенно не подходил, но за неимением ничего лучшего широко использовался и прошел существенный эволюционный путь. К настоящему времени баржи практически вытеснили все остальные типы несамыходных судов.

По ряду классов несамыходных судов вышли самостоятельные исследования, несколько корректирующие историю, изложенную И.А. Шубиным, например по белянам ([Филиппов, 2018](#)). Появились работы и по судам, обойденным вниманием И.А. Шубиным, например, по нефтяным баржам конструкции В.Г. Шухова ([Сергеев, 2014](#)). Стоит отметить, что дореволюционный опыт эксплуатации наливных барж оказался в последнее время чрезвычайно востребован ([Иванов и др., 2011](#)). Формально в эту же группу можно занести работы по археологии, посвященные найденным корпусам несамыходных судов ([Филиппов, О कोरोков, 2021](#)), поскольку в них, как правило, также анализируются условия постройки и эксплуатации найденных артефактов. Но все это работы-обобщения, в которых конкретные суда приводятся лишь для иллюстрации высказанных тезисов. Вопросы реконструкции их биографий исследователями даже не ставились. В лучшем случае из этих работ можно узнать, что на такой-то год такая-то баржа принадлежала какому-то собственнику.

В этой связи намного более информативна группа публикаций, описывающих новые (на момент публикации) типы несамыходных судов, например, осваивавшихся промышленностью ([Черников, 2002](#)). Поэтому, если взять достаточно старую работу, там можно найти в том числе техническое описание и особенности эксплуатации белян, гусан и т.п. ([Прилуцкий, 1952: 349](#)). В эту же группу можно отнести обзоры, посвященные деятельности судостроительных предприятий, выпускавших несамыходные суда, например ([Подрепный, Огурцов, 2011](#)).

Что касается реконструкции биографий несамыходных судов, то в настоящее время это производится исключительно для судов, оставивших какой-то значительный след в истории. Причем, зачастую описывается не вся биография, а лишь интересующий период, как это было, например, для знаменитой голянской баржи смерти, спасенной кораблями Волжской флотилии Ф.Ф. Раскольникова ([Коробейников, 2017](#)). Интересна также работа в жанре истории повседневности о первой самостоятельной навигации на барже № 13 одного подростка в 1918–1919 гг. ([Ильина, Солодягина, 2024](#)). Достаточно информативной получилась и работа, посвященная электрификации Невского проспекта в Санкт-Петербурге, поскольку для размещения первого генератора использовался корпус баржи ([Петрущенко, 2022](#)). А в работе А.Д. Макарова с соавторами анализируется опыт использования несамыходных судов для создания наплавных мостов ([Макаров и др., 2023](#)).

Но в целом, следует отметить, что реконструкция биографий конкретных несамыходных судов во всех этих группах публикаций отсутствуют. Они скорее дают некоторый набор фактов, который может пригодиться для ее проведения. В этой связи особняком выглядит недавно вышедшая монография А.В. Есботаева ([Есботаев, 2025](#)). По заверениям автора, это первый том из многотомного издания, посвященного Российскому императорскому флоту. Причем, работа настолько подробная, что излагает биографии не только относительно крупных барж, но также яликов, гребных баркасов и прочих мелких судов. Библиографический список работы позволяет утверждать, что автор в основном использовал архивные материалы Российского государственного архива Военно-морского флота.

Что касается заявленных списков несамыходного флота 1890, 1900 и 1917 гг., то в литературе они используются лишь как источник статистической информации. Так, в работе М.И. Роднова и Т.В. Тарасовой, посвященной купцам Першиным, имеется ссылка на Список 1900 г. для создания общей статистической картины численности их купеческого несамыходного флота ([Роднов, Тарасова,](#)

2024). Примеров, когда списки используются как нарратив для реконструкции судовых биографий, в литературе найти не удалось.

4. Результаты

Ранее нами были предложены специальные методики анализа статистических сборников для составления на их основе биографии судов (Mitiukov, 2016). Нами было установлено, что самым главным условием успешного решения задачи является насыщенность изданиями исследуемого периода. В идеале, чтобы за период жизненного цикла изделия, оно бы многократно отразилось в сборниках, как это имело место для практически ежегодных Судовых списков, дающих возможность реконструировать биографии несамоходных судов в составе Российского императорского флота (Mitiukov et al., 2023). Но, как оказалось, все эти требования не подходят для анализа несамоходных гражданских судов. В первую очередь проблема заключается в редкой насыщенности сборниками исторических периодов. Так в 1890–1900 гг., когда по самоходным судам вышло четыре издания, по несамоходным имеется лишь два (Список..., 1890), (Список..., 1900). А учитывая, что срок службы деревянных судов составлял около десяти лет, получается, что каждое судно отразилось лишь в одном сборнике, и также, вероятно, что между сборниками могли иметься неучтенные суда.

Кроме того, оба списка имеют существенный недостаток в виде полного отсутствия наименований судов (они указываются под регистрационными номерами МПС, которые могли меняться раз в несколько лет), что крайне затрудняет проведение реконструкции их биографий и, как следствие, исключает какой-либо анализ по движению и эволюции судового состава. Далее (период с 1900 по 1915 гг.) в издании сборников идет перерыв. Он частично замещается четырьмя изданиями речных регистров (по два в 1915 и 1916 гг.), которые могут существенно дополнить картину, поскольку, очевидно, издавались «задним числом» и имеют сведения, например, по судам, попавшим в регистр в начале 1900-х гг., и к моменту издания (к 1915 г.) уже списанным. Но эти издания страдают серьезной неполнотой, поскольку публиковали списки лишь внесенных в речной регистр судов (а это примерно 20–30 % зарегистрированных в МПС судов). Альтернативой регистру этого периода стала регистрация судов в Министерстве путей сообщения (МПС), номер которых публиковали вместо названий упоминавшиеся списки 1890 и 1900 гг. Наиболее полным изданием по российскому дореволюционному несамоходному флоту стали многотомные (по регионам) списки судов на 1917 г., например, (Список..., 1917). Несмотря на публикацию наименования и номера МПС, эти списки также имеют существенный недостаток – отсутствует информация о месте постройки. Она есть в регистрах, но, как уже упоминалось, регистры далеко неполные. В связи с этим имеет смысл оценить исследовательский потенциал имеющихся списков, который рассмотрим на примере Товарищества Вятско-Волжского пароходства, фактического монополиста речных перевозок на Вятке.

31 марта 1902 г. пароходовладельцы Т.Ф. Булычев, А.Я. Тырышкин и П.И. Александров решили объединить свои усилия и организовать Товарищество Вятско-Волжского пароходства. В списках 1890 г. и 1900 г. все баржи проходят в собственности у указанных хозяев (или их родителей). Все суда значатся в бассейне Волги.

В Таблицах 1 и 2 сведены баржи и баркасы, находящиеся в собственности торгового дома И.В. Александров и наследники, Т.Ф. Булычева и Я.Ф. Тырышкина на 1900 г. Значения по длине, ширине и высоте бортов приведены как в оригинале в саженьях, аршинах, вершках, а по осадке – в четвертях, вершках. Грузоподъемность дается в тыс. пудов, вид перевозимых грузов маркируется как Р – разные грузы, Н – нефть, К – керосин, М – мазут. Все суда, кроме помеченных буквой «Ж» числятся деревянными.

Таблица 1. Сведения о баржах 1900 г. в собственности у Александрова, Булычева и Тырышкина

Номер МПС	Длина	Ширина	Высота	Осадка		Грузоподъ- емность	Год постройки
				порожным	в грузу		
И.В. Александров (Список..., 1900: 2)							
240/98	20 0 0	4 0 0	1 1 0	1 3	10 0	Р 35	1900
1039/98	35 1 0	6 1 4	1 1 8	2 2	14 2	Р 130	1898
570/900	20 0 0	4 0 0	1 1 0	1 3	11 0	Р 18	1900
Т.Ф. Булычев (Список..., 1900: 8-9)							
26/673	46 2 9	5 2 9	0 2 14	1 2	9 0	К 80 Ж	1890
554	45 0 0	6 2 0	1 2 8	2 2	14 0	Р 145	1896
663	34 0 0	5 1 4	1 2 0	2 2	14 0	Р 85	1893
764	25 0 0	5 0 0	1 0 0	0 3	8 0	Р 30	1896
765	50 0 0	7 0 5	1 2 0	2 2	16 0	Р 180	1899
766	50 0 0	7 0 5	1 2 0	2 2	16 0	Р 180	1899
787	46 0 0	6 2 4	1 1 12	2 2	15 0	Р 180	1899
1041	45 0 0	6 1 0	1 2 8	2 3	15 0	Н 140	1897

1095	30 0 0	5 0 0	1 2 4	2 1	10 2	Н 43,5	1893
1096	23 0 0	5 0 0	1 2 4	2 0	9 2	Н 26,5	1893
1098	35 0 0	5 2 0	1 1 8	4 0	13 2	Р 90	1893
1141	40 0 0	5 1 0	1 2 6	3 1	14 0	Р 90	1894
1148	40 0 0	6 0 0	2 0 2	3 0	14 0	Р 110	1894
2074	43 0 0	5 1 0	1 2 4	4 0	14 0	Р 105	1895
2075	20 0 0	5 0 0	1 0 3	2 0	9 0	Р 30	1894
2455	40 0 0	5 2 12	1 2 0	3 0	14 0	Р 100	1896
2456	40 0 0	6 0 0	1 2 4	1 3	13 0	Р 100	1896
2491	40 0 0	7 0 0	1 1 0	3 0	11 2	Н 111,5	1896
2492	31 1 0	6 0 0	1 1 0	1 3	11 0	Р 65	1897
4806	31 1 8	5 0 8	1 0 4	2 0	10 0	Р 45	1893
4818	40 0 0	6 0 0	1 2 4	2 0	13 3	Р 100	1895
4822	42 0 0	6 0 0	1 2 4	2 0	15 0	Р 125	1895
6398	32 0 0	5 0 0	0 2 8	1 1	8 0	К 40 Ж	1898
6402	42 2 0	5 1 0	1 2 0	3 0	14 0	Р 100	1898
Я.Ф. Тырышкин (Список..., 1900: 69-70)							
27/795	27 0 0	5 2 8	1 2 4	3 0	15 0	Р 50	1893
28/660	38 0 0	5 1 0	1 2 0	3 0	13 0	Н 60	1884
1002/98	47 0 0	6 1 0	1 2 4	2 2	15 0	Н 150	1898
917	30 0 0	5 1 0	1 2 0	2 2	15 0	Р 65	1892
1007	46 0 0	6 0 0	1 2 4	2 2	15 0	Р 120	1898
1052	50 0 0	6 1 0	1 2 4	3 0	16 0	Н 180	1898
1086	51 0 0	7 0 12	1 2 6	3 2	16 0	Н 185	1898
2017	37 1 8	6 0 0	1 2 4	2 2	14 0	Р 90	1896
2097	30 0 0	5 1 0	1 2 0	3 0	12 0	Р 50	1894
2106	30 0 0	5 1 0	1 2 0	3 0	13 0	Р 50	1893
2536	23 1 6	4 1 12	1 1 4	0 3	12 0	Р 40	1898
6379	32 0 0	5 2 0	1 0 8	1 3	9 0	Р 50	1896
6380	48 0 0	6 1 0	1 2 0	3 2	14 0	Н 110	1896
6381	32 0 0	5 2 0	1 0 8	1 3	9 0	Р 50	1896
9382	32 0 0	6 0 0	1 0 8	3 0	10 0	Р 60	1896
6383	30 0 0	2 0 0	2 2 0	2 0	9 0	Р 60	1896
6384	32 0 0	5 2 0	1 1 4	2 2	14 0	Р 70	1896
6387	30 0 0	4 1 8	1 0 8	3 0	10 0	Н 40	1896
6388	35 0 0	6 0 0	1 0 14	3 0	12 0	Р 75	1896

Таблица 2. Сведения о баркасах 1900 г. в собственности у Александрова, Булычева и Тырышкина

Номер МПС	Длина	Ширина	Высота	Осадка		Грузоподъ- емность	Год постройки
				порожним	в грузу		
И.В. Александров (Список..., 1900: 80)							
4924/90	23 0 0	4 1 0	1 0 8	1 2	7 0	Р 20	1892
1030/92	12 0 0	3 0 0	0 2 0	1 2	4 0	Р 2,5	1892
1083/92	16 0 0	4 0 0	0 2 4	1 0	4 0	Р 4	1893
182/98	22 0 0	5 0 0	1 2 0	2 0	9 0	Р 25	1898
238/98	23 0 0	4 1 0	1 0 8	1 2	9 0	Р 25	1900
239/98	20 0 0	4 0 0	1 0 0	1 2	8 2	Р 20	1900
1429/98	22 0 0	5 0 0	1 0 8	1 2	8 0	Р 25	1900
И.Г. Булычев (Список..., 1900: 80-81)							
2462/96	17 0 7	3 0 11	0 2 6	2 0	4 0	Р 5	1896
2489/96	25 1 8	4 1 8	1 0 4	2 2	5 0	Р 30	1896
6397/96	20 0 0	4 0 0	0 2 8	1 1	7 0	Р 20	1898
1073	18 0 0	3 0 0	0 1 8	1 2	4 0	Р 5	1894
1074	18 0 0	3 0 8	0 1 8	1 2	4 0	Р 5	1894
1079	20 0 0	3 1 0	0 2 8	1 0	6 0	Р 10	1893
1080	20 0 0	3 1 0	0 2 8	1 0	6 0	Р 10	1893
1097	20 0 0	3 1 0	0 2 8	0 3	5 2	Р 10	1893
1140	20 0 0	4 1 0	0 2 8	2 0	5 0	Р 10	1894
1532	20 0 0	4 0 0	0 2 8	1 1	7 0	Р 20	1899
1533	20 0 0	4 0 0	0 2 8	1 1	7 0	Р 20	1899

1811	12 0 0	2 1 8	0 2 0	1 2	3 3	P 3	1897
2458	20 0 0	4 0 0	0 2 8	2 0	6 0	P 10	1896
2459	20 0 0	4 0 0	0 2 8	2 0	6 0	P 10	1896
2460	16 1 0	3 0 0	0 2 8	1 3	4 0	P 3	1896
2461	17 0 2	3 0 2	0 1 14	1 3	4 0	P 3	1896
2487	25 0 0	4 0 4	1 0 4	2 0	7 0	P 25	1896
2508	20 0 0	4 0 0	0 2 4	1 2	6 0	P 17	1897
2509	20 0 0	4 0 0	0 2 4	1 2	6 0	P 17	1897
2510	20 0 0	4 0 0	0 2 4	1 2	6 0	P 17	1897
2516	20 0 0	3 0 8	0 1 8	1 2	4 0	P 6	1897
4793	16 0 0	2 2 8	0 1 6	1 2	3 2	P 4	1885
4796	25 0 0	4 0 0	0 2 8	2 0	7 0	P 17,7	1890
4810	20 0 0	3 0 0	1 1 8	2 2	6 0	P 7	1893
4906	20 0 0	3 0 8	0 1 8	1 2	4 0	P 6	1891
6394	20 0 0	4 0 0	0 2 8	1 1	7 0	P 20	1898
6395	20 0 0	4 0 0	0 2 8	1 1	7 0	P 20	1898
6396	20 0 0	4 0 0	0 2 8	1 1	7 0	P 20	1898
6397	25 0 0	5 0 0	0 2 12	1 1	8 0	P 32	1898
6401	26 0 12	4 1 0	0 2 10	2 0	6 0	P 25	1898
Я.Ф. Тырышкин (Список..., 1900: 81-82)							
2101/95	21 0 0	4 0 0	0 2 8	1 3	8 0	P 15	1892
2102/65	21 0 0	4 0 0	0 2 8	1 2	8 0	P 15	1892
2104/95	21 0 0	4 0 0	0 2 8	1 3	8 0	P 15	1893
2105/95	20 0 0	3 1 0	0 2 8	1 2	8 0	P 15	1893
6386/96	21 0 0	4 0 0	0 2 8	1 2	7 0	P 15	1896
6389/96	23 0 0	4 0 0	1 0 4	1 2	9 0	P 20	1898
6390/96	23 0 0	4 0 0	1 0 2	1 2	8 0	P 20	1898
677	22 0 0	4 0 0	0 2 12	1 3	8 0	P 15	1894
678	22 0 0	4 0 0	0 2 12	1 3	8 0	P 15	1894
1800	21 0 0	4 0 0	0 2 8	1 2	7 0	P 15	1896

Как видно из Таблицы 1, только одна баржа Тырышкина старше 1890 г. – нефтяная № МПС 28/660. Баржи с таким номером в списке 1890 г. нет. Но сравнивая характеристики судов, выясняется, что судно с ними все-таки находится. Размещения судна полностью совпадают, кроме грузоподъемности, которая указана в 75 тыс. пуд. и номер указан как 23/660 (Список..., 1890: 42). Таким образом, получается, что в одном из справочников имеется опечатка по номеру МПС.

В списке 1917 г. у Товарищества Вятско-Волжского пароходства имеется несколько барж и баркасов старше 1900 г. (Таблица 3). Обозначения в этой таблице аналогичны предыдущим, только высота бортов указана в четвертях и вершках.

Таблица 3. Баржи и баркасы Товарищества Вятско-Волжского пароходства, постройки ранее 1900 г. (Список..., 1917: 188-191)

Номер судна, номер МПС	Длина	Ширина	Высота	Осадка		Грузоподъ- емность	Год постройки
				порожным	в грузу		
Баржи							
№ 1 1095/23	30 0 0	5 0 0	21 0	2 1	10 2	Н 40 Д	1893
№ 3 202/23	34 0 0	5 1 8	20 0	2 2	14 0	Н 70 Д	1883
№ 4 165/23	35 0 0	5 2 0	18 0	4 0	13 2	Н 70 Д	1893
№ 10 169/23	30 0 0	4 1 8	14 0	3 0	10 0	М 40 Д	1896
Баркасы							
№ 7 236/23	20 0 0	4 1 0	10 0	2 0	5 0	Н 10 Д	1894
№ 96 2508/23	20 0 0	4 0 0	9 0	1 2	6 0	Р 17 Ж	1897
№ 97 231/23	20 0 0	4 0 0	9 0	1 2	6 0	Р 18 Ж	1897
№ 98 2510 /23	20 0 0	4 0 0	9 0	1 2	6 0	Р 17 Ж	1897
№ 99 232/23	20 0 0	4 0 0	10 0	1 1	7 0	Р 20 Ж	1898
№ 100 163/23	20 0 0	4 0 0	10 0	1 1	7 0	Р 20 Ж	1898
№ 111 164/23	20 0 0	4 0 0	10 0	1 1	7 0	Р 20 Ж	1898
№ 102 178/23	20 0 0	4 0 0	10 0	1 1	7 0	Р 20 Ж	1899
№ 103 245/23	20 0 0	4 0 0	10 0	1 1	7 0	Р 20 Ж	1899
№ 109 201/23	25 0 0	5 0 0	11 0	1 1	8 0	Р 32 Ж	1898

Совмещение данных [Таблицы 3](#) с [Таблицами 1](#) и [2](#) показывает, что, по всей видимости, деревянные баржи в пароходстве маркировались цифрами от № 1 и далее, которые сменялись по мере приведения судна в негодность. Железные суда, как более долговечные, маркировались номерами от № 90 и выше.

Нефтяная баржа № 1 с № МПС 1095 демонстрирует полное совпадение характеристик с аналогичной баржей Т.Ф. Булычева, кроме грузоподъемности (43,5 против 40 тыс. пудов). Высота борта 21 четверть составляет 3,72 м, точно такая же цифра получается при сложении 1 сажени, 2 аршин и 4 вершков из [Таблицы 1](#).

Что касается других барж, то № МПС 202 в 1900 г. значится у мариинки М. Ористарова ([Список..., 1900: 153](#)), предназначенной для перевозки дров, а полное несовпадение характеристик позволяет утверждать, что это не она. Аналогично можно сказать о мариинках Е. Воронцова № МПС 165 ([Список..., 1900: 133](#)) и А. Стекляникова № МПС 169 ([Список..., 1900: 157](#)), а также мариинке Н. Парамохина № МПС 236 ([Список..., 1900: 154](#)). Таким образом, деревянные нефтяные и мазутные баржи были приобретены пароходством в период 1900–1917 гг. у неустановленных хозяев со сменой № МПС.

Поскольку список барж в 1900 г. насчитывает 2298 судов, а баркасов всего 43, была предпринята попытка отыскания баркаса № МПС 236 по имеющимся характеристикам, и таковое судно не найдено. Имеется несколько судов с длиной корпуса 20 саженей, но ни один из них не обладает нужной шириной. Этот пример демонстрирует еще одну сложность использования списков – суда могли перестраиваться новыми хозяевами и это никак не отражается в списках.

Что касается железных баркасов в списке 1917 г., в списке 1900 г. они особо не отмечены как железные, в связи с чем по умолчанию предполагается, что это деревянные суда. Между тем, сравнение данных [Таблиц 2](#) и [3](#) демонстрирует удивительную похожесть баркасов И.Г. Булычева и баркасов пароходства. Но № МПС совпадет лишь у двух судов: № 2508 и 2510. В обоих случаях данные совпадают как по размерениям, так и по грузоподъемности. Данные по баркасу № 97 (№ МПС 231) также совпадают с № МПС 2509 из списка 1900 г. (кроме грузоподъемности: 18 тыс. пудов против 17 тыс.). Что касается баркасов серии 1898 г. № 99, 100, 111, то полное совпадение характеристик со списком 1900 г. позволяет утверждать, что они выведены там под № МПС 6394, 6395 и 6396 ([Таблица 2](#)). Еще один баркас этого же года постройки № 109 идеально совпадает с № МПС 6397. Высота борта в 9 четвертей составляет 1,60 м (что совпадает с 2 аршинами 4 вершками), 10 четвертей – 1,78 м (что совпадает с 2 аршинами 8 вершками), 11 четвертей – 1,95 м (что совпадает с 2 аршинами 12 вершками).

И лишь у баркасов № 102 и 103 нахождение соответствия затруднено, поскольку, возможно, их постройку завершили в 1899 г., но получали номер МПС они уже на следующий год и потому в списки не успели попасть.

5. Заключение

Анализ списков МПС непаровых судов 1890 и 1900 гг. и их сравнение со списком 1917 г. позволяет выявить ряд закономерностей.

1. Все списки демонстрируют полное совпадение характеристик, за исключением грузоподъемности, которая может слегка варьироваться от списка к списку. Очевидно, поскольку грузоподъемность использовалась при планировании перевозок, она находилась под жестким контролем.

2. Время между списками составляет 10 лет и 17 лет, что меньше срока службы деревянных барж для разных грузов. В связи с этим они нигде не повторяются. Исключение составляют деревянные наливные баржи. Возможно, наличие металлических емкостей способствовало бережной эксплуатации, в связи с этим по одной такой барже повторяется в списках 1890 и 1900 гг. и также в списках 1900 и 1917 гг.

3. В списке 1900 г. наличие железного корпуса особо оговаривается специальной сноской, отсутствие которой означает, что судно деревянное. Вероятно, небрежность или невнимательность составителя привела к тому, что подавляющее большинство металлических баркасов И.Г. Булычева в списке 1900 г. по умолчанию понимаются как деревянные.

4. В отличие от регистровых номеров, номера МПС могли пересматриваться, в связи с чем несовпадение номеров в разных списках может не означать разные суда. Требуется системное сравнение всей выборки для отыскания повторяющихся элементов в характеристиках. Зато размерения судов в разных списках идеально совпадают, несмотря на перевод высоты борта из системы сажень-аршин-вершок в списках 1890 и 1900 гг. к системе четверть-вершок в списке 1917 г.

В целом же на примере Товарищества Вятско-Волжского пароходства можно утверждать, что списки МПС 1890 и 1900 гг. являются ценным нарративным источником, позволяющим реконструировать некоторые сведения о биографиях несамоходных судов, что возможно только при применении методов системного анализа.

Литература

[Есботаев, 2025](#) – *Есботаев А.В.* Черноморский флот. Ч. 1. 1817–1878 гг. М.: Моркнига, 2025. 900 с.

Иванов и др., 2011 – Иванов А.И., Дмитриева Т.В., Асланова Р.Н. Мировой опыт эксплуатации барж для транспортировки нефти и нефтегрузов на рубеже XIX–XX веков // *Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья*. 2011. № 3. С. 33–39.

Ильина, Солодягина, 2024 – Ильина Е.Н., Солодягина М.Е. Приключенческая повесть В.А. Морозова "Баржа № 13. Навигационные происшествия 1918–1919 годы" как результат лингвокреативной деятельности наивного автора // *Казанская наука*. 2024. № 7. С. 173–176.

Коробейников, 2017 – Коробейников А.В. Легендарная голянская баржа // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2017. № S1. С. 143–159.

Макаров и др., 2023 – Макаров А.Д., Каракозов Ю.С., Виноградов Я.Г. Наведение наплавных железнодорожных мостов из судов речного флота // *Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России*. 2023. № 2 (58). С. 42–46.

Петрущенко, 2022 – Петрущенко В.А. К 140-летию электрического освещения Невского проспекта. Первая электростанция на барже на реке Мойке // *История науки и техники*. 2022. № 9. С. 39–51. DOI: 10.25791/intstg.9.2022.1378

Подрепный, Огурцов, 2011 – Подрепный Е.И., Огурцов П.Е. Мордовщиковский судомостостроительный завод в годы первых советских пятилеток // *Судостроение*. 2011. № 1 (794). С. 76–79.

Прилуцкий, 1952 – Прилуцкий А.В. Водный транспорт леса. М.; Л.: Гослесбумиздат, 1952. 384 с.

Роднов, Тарасова, 2024 – Роднов М.И., Тарасова Т.В. Ковровские купцы Першины в Уфе / Река времени. 2024. Уфа, 2024. С. 108–144.

Сергеев, 2014 – Сергеев С.В. "Метод В.Г. Шухова" в нефтяной промышленности России // *История науки и техники*. 2014. № 2. С. 35–43.

Список..., 1890 – Список речных непаровых судов европейской России по переписи 1890 года. [Выпуск 1]. СПб.: Издание статистического отдела МПС, 1892. 340 с.

Список..., 1900 – Список речных непаровых судов европейской России по переписи 1900 года. Вып. 2. СПб.: Типография МПС, 1902. 216 с.

Список..., 1917 – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. Б. Суда без механического двигателя. М.: [Б.и.], 1918. 219 с.

Филиппов, 2018 – Филиппов Ю.В. Нижегородская баржа-беляна: прошлое и настоящее // *Журнал института наследия*. 2018. № 4 (15). С. 2.

Филиппов, Окорок, 2021 – Филиппов Ю.В., Окорок А.В. Находки деревянных судов на реке Ветлуге // *Культурологический журнал*. 2021. № 4 (46). DOI: 10.34685/HI.2021.26.81.003

Черников, 2002 – Черников И.И. Баржа-ангар самарской школы морской авиации // *Судостроение*. 2002. № 6 (745). С. 67–69.

Шубин, 1927 – Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения. М.: Транспечать; НКПС, 1927. 910 с.

Mitiukov et al., 2023 – Mitiukov N.W., Faizullin R.V., Cherkasova I.Yu. "Ship List" as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1333–1340. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333

Mitiukov, 2016 – Mitiukov N.W. Maritime and river registers as a historical source // *Bylye Gody*. 2016. № 2 (40). Pp. 469–478.

References

Chernikov, 2002 – Chernikov, I.I. (2002). Barzha-angar samarskoi shkoly morskoi aviatsii [Barge-hangar of the Samara School of Naval Aviation]. *Sudostroenie*. 6(745): 67–69. [in Russian]

Esbotae, 2025 – Esbotae, A.V. (2025). Chernomorskii flot. Ch. 1. 1817–1878 gg. [Black sea fleet. Part 1. 1817–1878]. М.: Morkniga. [in Russian]

Filippov, 2018 – Filippov, Yu.V. (2018). Nizhegorodskaya barzha-belyana: proshloe i nastoyashchee [Nizhny Novgorod barge-belyana: past and present]. *Zhurnal instituta naslediya*. 4(15): 2. [in Russian]

Filippov, Okorok, 2021 – Filippov, Yu.V., Okorok, A.V. (2021). Nakhodki derevyannykh sudov na reke Vetluge [Finds of wooden vessels on the Vetluga River]. *Kul'turologicheskii zhurnal*. 4(46). DOI: 10.34685/HI.2021.26.81.003 [in Russian]

Ilyina, Solodyagina, 2024 – Ilyina, E.N., Solodyagina, M.E. (2024). Prikl'yuchenskaya povest' V.A. Morozova "Barzha № 13. Navigatsyonnye proisshествiya 1918–1919 gody" kak rezul'tat lingvokreativnoi deyatel'nosti naivnogo avtora [Adventure story by V.A. Morozova "Barge No. 13. Navigational Incidents of 1918–1919" as a Result of the Linguocreative activity of a naive author]. *Kazanskaya nauka*. 7: 173–176. [in Russian]

Ivanov i dr., 2011 – Ivanov, A.I., Dmitrieva, T.V., Aslanova, R.N. (2011). Mirovoi opyt ekspluatatsii barzh dlya transportirovki nefti i neftegruzov na rubezhe XIX–XX vekov [World experience in operating barges for transporting oil and oil cargo at the turn of the 19th–20th centuries]. *Transport i khranenie nefteproduktov i uglevodorodnogo syr'ya*. 3: 33–39. [in Russian]

Korobeynikov, 2017 – Korobeynikov, A.V. (2017). Legendarnaya gol'yanskaya barzha [The legendary Golyan's barge]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii*. S1: 143–159. [in Russian]

- [Makarov et al., 2023](#) – Makarov, A.D., Karakozov, Yu.S., Vinogradov, Ya.G. (2023). Navedenie naplavnykh zheleznodorozhnykh mostov iz sudov rechnogo flota [Construction of Floating Railway Bridges from River Fleet Vessels]. *Regional'nye aspekty upravleniya, ekonomiki i prava Severo-zapadnogo federal'nogo okruga Rossii*. 2(58): 42-46. [in Russian]
- [Mitiukov et al., 2023](#) – Mitiukov, N.W., Faizullin, R.V. and Cherkasova, I.Yu. (2023). "Ship List" as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies. *Bylye Gody*. 18(3): 1333-1340. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333
- [Mitiukov, 2016](#) – Mitiukov, N.W. (2016). Maritime and river registers as a historical source. *Bylye Gody*. 2(40): 469-478.
- [Petrushchenkov, 2022](#) – Petrushchenkov, V.A. (2022). K 140-letiyu elektricheskogo osveshcheniya Nevskogo prospekta. Pervaya elektrostantsiya na barzhe na reke Moike [On the 140th anniversary of electric lighting on Nevsky prospect. The First power station on a barge on the Moika river]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 9: 39-51. DOI: 10.25791/intstg.9.2022.1378 [in Russian]
- [Podrepny, Ogurtsov, 2011](#) – Podrepny, E.I., Ogurtsov, P.E. (2011). Mordovshchikovskii sudomostroitel'nyi zavod v gody pervykh sovetskikh pyatiletok [Mordovshchikov Shipyard and Bridge Building Plant during the First Soviet Five-Year Plans]. *Sudostroenie*. 1(794): 76-79. [in Russian]
- [Prilutsky, 1952](#) – Prilutsky, A.V. (1952). Vodnyi transport lesa [Water transport of timber]. M.; Leningrad: Goslesbumizdat. [in Russian]
- [Rodnov, Tarasova, 2024](#) – Rodnov, M.I., Tarasova, T.V. (2024). Kovrovskie kuptsy Pershiny v Ufe [The Kovrov merchants Pershin in Ufa]. *Reka vremeni*. Ufa: 108-144. [in Russian]
- [Sergeev, 2014](#) – Sergeev, S.V. (2014). "Metod V.G. Shukhova" v neftyanoi promyshlennosti Rossii ["V.G. Shukhov's Method" in the Russian oil industry]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 2: 35-43. [in Russian]
- [Shubin, 1927](#) – Shubin, I.A. (1927). Volga i volzhskoe sudokhodstvo. Istoriya, razvitie i sovremennoe sostoyanie sudokhodstva i sudostroeniya [Volga and Volga shipping. History, development and current state of shipping and shipbuilding]. M.: Transpechat; NKPS. [in Russian]
- [Spisok, 1890](#) – Spisok rechnykh neparovykh sudov evropeiskoi Rossii po perepisi 1890 goda [List of non-steam river vessels of European Russia according to the 1890 census]. SPb.: Izdanie statisticheskogo otdela MPS, 1892. 340 p. [in Russian]
- [Spisok..., 1900](#) – Spisok rechnykh neparovykh sudov evropeiskoi Rossii po perepisi 1900 goda [List of non-steam river vessels of European Russia according to the 1900 census]. Vyp. 2. SPb.: Tipografiya MPS, 1902. 216 p. [in Russian]
- [Spisok..., 1917](#) – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916-17 gg. Bassein reki Volgi. B. Suda bez mekhanicheskogo dvigatelya [List of river fleet vessels according to the 1916-17 census. Volga River basin. B. Vessels without a mechanical engine]. M. 1918. [in Russian]

Возможность использования «Списка речных непаровых судов» 1890 и 1900 гг. для решения задач реконструкции биографий несамоходных судов

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Ирина Юрьевна Черкасова ^b

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

Аннотация. Несамоходный флот в дореволюционной России обеспечивал львиную долю грузовых перевозок. Но, как показал обзор литературы, в настоящее время практически отсутствуют работы, в которых проводился бы анализ эволюции и генезиса несамоходного флота. Возможные причины этого кроются в отсутствии должной источниковой базы. Если для самоходного флота в период 1890–1917 гг. было издано около десятка списков судов, то для несамоходного всего три (1890, 1900 и 1917 гг.). И, таким образом, периодичность издания была соизмерима со средним сроком службы деревянных судов. Кроме того, в списках 1890 и 1900 гг. отсутствуют сведения о наименовании судов, а номера МПС, под которыми они числятся, достаточно часто менялись. Между тем, анализ списков на примере Товарищества Вятско-Волжского пароходства показал, что они могут представлять ценный не только статистический, но и нарративный источник. Он продемонстрировал полное совпадение характеристик судов, за исключением грузоподъемности, которая могла меняться за период службы, в связи с чем для анализа перспективно применение системного анализа по заранее ограниченной выборке. Все это дает возможность использовать списки в ряде вопросов, связанных с реконструкцией судовых биографий.

Ключевые слова: судостроение, несамоходные суда, судовые биографии, Список речных судов, анализ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 974-987
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.974

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Towards Commercial Butter Production: Bureaucratic Flexibility and Kazakh Trainees at the Edimonovo Dairy School in the 1890s

Elmira T. Teleuova ^{a,*}, Zhanat B. Kundakbayeva ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article analyzes the mechanisms of economic integration of the Steppe Region into the all-imperial market space on the basis of administrative records of the Ministry of Agriculture of the Russian Empire (Russian State Historical Archive). The study is built around a single case: an example of unexpectedly attentive and personalized care shown by state officials toward the individual needs of Kazakh trainees at the Edimonovo School of Dairy Farming in Tver Province. The authorities not only provided them with scholarships to study cheese and butter production in one of the “centers of Russia’s agrarian modernization,” but also allocated additional funds for their meals. As a result, the Kazakhs were fed according to their traditions for an entire year. This instrumental case of bureaucratic situational flexibility is used not for descriptive purposes, but to revise the generalizations of previous historiography. Moreover, the study situates the Steppe Region within a broader context – the project of agricultural modernization and overcoming the agrarian crisis of the late nineteenth century. The article argues that, in pursuing its strategic goals, the imperial bureaucracy assigned agricultural education the status of a key mechanism of modernization and demonstrated situational flexibility in adapting to local conditions. The overarching objective was to integrate Siberian livestock breeding (with the Steppe Region as part of the Siberian periphery) into the all-Russian market, introduce intensive methods, establish commercial animal husbandry, and incorporate this remote region into the imperial economic space. The study contributes to the historiography of empires by shifting the focus from the simplified dichotomy of “exploitation versus civilizing mission” toward a more complex model of pragmatic investment aimed at enhancing the economic efficiency of peripheral regions. Finally, the article contributes to debates on the flexibility and adaptability of imperial governance.

Keywords: Russian Empire, the Steppe Region as part of the Siberian province, all-imperial economic space, situational flexibility of bureaucracy, commercial butter production.

1. Введение

В ноябре 1889 г. Н.В. Верещагин, директор Едимоновской школы молочного хозяйства обратился в Департамент Земледелия и сельской промышленности с необычным обращением. Он просил в дополнение к уже выделенной стипендии добавить средства на индивидуальное питание для четырех казахов-стажеров. Необходимость этой меры он обосновал тем, что казахи «отказывались от наших щей и каш и даже черного хлеба», будучи привычными «к исключительно мясной пище» (РГИА. Ф. 398. Оп. 531. Разряд I. Д. 17495. Л. 90б.). В итоге, после четырехмесячной переписки между Департаментом, Степным генерал-губернатором и директором Едимоновской школы дополнительная сумма была выделена и в течение года казахи питались по специальному рациону. Данный пример представляет собой интересный случай для изучения имперских практик реализации экономических проектов модернизации скотоводства в периферийных регионах России.

* Corresponding author

E-mail addresses: elmiradesebai@gmail.com (E. Teleuova), zhkundakbayeva@gmail.com (Z. Kundakbayeva)

А проект заключался в том, что в конце XIX в., в условиях нарастающего аграрного кризиса, Россия стала рассматривать скотоводство Степного края и Сибири как потенциальный ресурс стратегического значения, способный насытить как внутренний, так и мировой рынок. Тем более что к этому времени строилась Сибирская железная дорога, которая сделала масштабный проект по развитию товарного животноводства в отдаленном регионе экономически оправданным.

В данной статье исследуются механизмы экономической интеграции Степного края в общеимперское рыночное пространство на примере модернизации скотоводства. Кейс отправки четырех казахских стажеров в Едимоновскую школу сыроварения демонстрирует конкретный механизм такой интеграции, где образовательные практики выступают инструментом экономического вовлечения региона. При этом проявленная бюрократией ситуативная гибкость и внимание к индивидуальным нуждам казахских учащихся являются ярким примером репертуаров власти на окраинах.

Изучение инструментов и стратегий имперской власти по включению окраин в единое экономическое пространство представляется важным, поскольку позволяет увидеть, что экономическая интеграция осуществлялась через сложное сочетание экономических стимулов, образовательных программ и административной гибкости. Такой подход усложняет понимание имперской модернизации: она предстает не как односторонний процесс навязывания, а как результат взаимной адаптации. Имперские структуры приспосабливались к локальным условиям, культурным различиям и хозяйственным практикам, а не просто навязывали унифицированные модели. Периферийные общества, в свою очередь, активно влияли на способы реализации имперских проектов – через хозяйственные практики, культурные нормы, повседневное сопротивление или сотрудничество.

Анализ данного кейса показывает, что экономические и социальные преобразования зависели не только от идеологий и нормативных проектов, но и от повседневных административных практик, дополнительных инвестиций и готовности идти на издержки. В результате, империя предстает не столько пространством принуждения или «цивилизаторской миссии», сколько динамичной системой управления, где модернизация являлась результатом постоянного согласования между стратегической целью и возможностями ее реализации на местах. Постановка вопроса о модернизации скотоводства с целью вовлечения региона в общеимперское экономическое пространство, проявленная при этом ситуативная гибкость бюрократии и придание образованию статуса ключевого механизма модернизации заставляют еще раз задуматься о неоднозначности имперских модернизационных проектов.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили делопроизводственные документы Министерства земледелия Российской империи (в разное время оно существовало под разными названиями: Министерство государственных имуществ, Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление землеустройства и земледелия). В настоящее время они хранятся в пятнадцати фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Основными функциями Министерства после крестьянской реформы стали поощрение сельского хозяйства и распространение сельскохозяйственных знаний. В 1890-е годы Министерство активно включилось в процесс реформирования сельского хозяйства. Ценные документы о преобразованиях в области скотоводства в Степном крае обнаружены в фонде Департамента земледелия (в изучаемый период – Департамент земледелия и сельской промышленности, 1866–1894). Поскольку данный департамент ведал «усовершенствованием сельского хозяйства», распространением передового опыта и поощрением различных его отраслей, а также открытием сельскохозяйственных учебных заведений и образцовых хозяйств, документы фонда дают целостное представление об этих процессах. Они позволяют проследить основные направления государственной политики в аграрной сфере. Эти материалы свидетельствуют о том, что Степной край был включен в общеимперский проект аграрной модернизации.

Следует отметить, что в статье представлены разные виды делопроизводственной документации, каждый из которых требует отдельного внимания. Самую большую группу делопроизводственных документов в данном исследовании составляет служебная переписка. В частности, переписка между Степным генерал-губернатором, министром государственных имуществ, Департаментом земледелия и сельской промышленности и заведующим Едимоновской школой молочного хозяйства Н.В. Верещагиным стала основой для анализа кейса в статье. Также в материалах фонда Департамента земледелия обнаружена переписка между различными ведомствами о ходе реализации проекта по улучшению животноводства в Акмолинской области. Эти документы позволяют увидеть, что Степной край был включен в проект создания товарного животноводства в Сибири, в том числе благодаря помете императора на полях всеподданнейшего отчета военного губернатора Акмолинской области. Они также дают возможность проследить некоторые итоги преобразований к 1904 г.

В данном фонде представлена и другая разновидность делопроизводственных документов – отчеты. В частности, интерес представляют отчеты агрономов Семипалатинской области за 1912 г.

Раздел отчета «Молочное хозяйство» позволяет подвести некоторые итоги становления товарного маслоделия. В нем содержатся ценные данные об экспорте сливочного масла, статистические сведения о маслодельных предприятиях, описание работы крупных производств, их технической оснащенности, а также проблем и путей их решения. Отчет показывает, что проект развития товарного маслоделия в Степном крае носил системный характер, поскольку в этот период уделялось внимание и рассадникам скота, и случным пунктам, и технической оснащенности маслодельных предприятий, а также перспективам развития артельной формы маслоделия. Представляет интерес и отчет, обнаруженный в фонде Канцелярии министра земледелия (ф. 381, РГИА). Это записка министра земледелия и государственных имуществ на имя Е. И. В. о реализации проекта по улучшению скотоводства в Степном крае. Ценность документа заключается в том, что он показывает: проекту изначально придавалось государственное значение. Правительство не жалело финансовых вложений. С самого начала он носил продуманный характер и начинался с организации экспедиций для обследования скотоводства в Степном крае.

Кроме делопроизводственных документов, в статье использованы всеподданнейшие отчеты степных генерал-губернаторов. Как отмечают современные исследователи, хотя достоверность статистических сведений в них вызывает вопросы, тем не менее, они позволяют проследить основные направления развития хозяйства. Кроме того, в отчетах, хранящихся в фондах РГИА, представляют интерес пометы на полях и гриф «совершенно секретно». Они позволяют увидеть, как функционировала система управления окраинами. Отчеты служили важным каналом информации и свидетельствовали о прямой связи руководителей окраин с центральной властью. В то же время руководители выражали интересы вверенного им края.

И, наконец, в источниковую базу статьи включены обзоры губерний и областей Российской империи – приложения к ежегодным всеподданнейшим отчетам губернаторов. Эти документы имели единую структуру и содержали систематические сведения о населении и хозяйстве. Поэтому их стандартизированность и массовость позволяют проследить изменения в скотоводстве в динамике. Таким образом, документы, отложившиеся в РГИА, служат репрезентативной базой для обоснования тезиса статьи.

Что касается методов исследования, в основе статьи лежит исключительный случай. В 1890 г. в результате длительной межведомственной переписки четверем казахам, направленным на обучение в Едимоновскую школу молочного хозяйства, к уже выделенной стипендии была добавлена дополнительная сумма на индивидуальное питание. Мотивом данного решения стало стремление предотвратить психологический и физиологический дискомфорт у учащихся, которые отказывались от принятого в школе русского рациона. Это поистине уникальный случай, способный вызвать «легкое недоумение» своим «откровенно революционным характером, бросающим вызов существующему порядку вещей» (Gillham, 2000: 103). Поэтому данный эпизод определил методологический дизайн статьи. Исследование представляет собой кейс-стади с одним кейсом, при этом основным методом выступает инструментальный кейс-стади (instrumental case study) в трактовке Р. Стейка (Stake, 2003: 137-138). Выбор кейс-стади как метода зависит от того, что именно стремится выяснить исследователь и на какие вопросы он намерен получить ответы. Рейс также указывает, что достоинства конкретного метода определяются тем, насколько он является наиболее адекватным способом решения стоящей перед исследователем научной проблемы. Случай заботы о психоэмоциональном состоянии казахов в период их обучения в Едимоновской школе используется в статье не ради описания, а для пересмотра обобщений, широко распространенных в предыдущей историографии. Эти обобщения сводятся, с одной стороны, к представлению о том, что Российская империя в пореформенный период рассматривала Казахстан исключительно как источник сырья и рынок сбыта, осуществляя экономическую эксплуатацию и переселение русских крестьян, а с другой – к интерпретациям, согласно которым империя модернизировала окраины, неся туда цивилизацию и прогресс. Кроме того, рассматриваемый эпизод демонстрирует, что в практиках управления экономические расчеты сочетались с компромиссами: исполнение директив центральных органов наталкивалось на ограничения и преграды на местном уровне. Это позволяет уточнить современные теоретические представления о репертуарах власти. В реальности стратегическая цель модернизации окраин реализовывалась через ситуативную гибкость бюрократии, что позволяет рассматривать имперскую политику не как застывшую систему принуждения, а как гибкий набор методов. Детальное рассмотрение этого случая выявляет препятствия на пути реализации российского модернизационного проекта и обогащает представление о способах интеграции периферийных территорий в экономическое пространство империи. Вместе с тем, необходимо учитывать ограничения метода кейс-стади. Многие исследователи подчеркивают, что на основе одного и даже нескольких кейсов невозможно делать широкие обобщения (Yin, 2009). Действительно, инструментальный кейс-стади несет в себе риск чрезмерной генерализации: случай с казахскими стажерами не отражает типичную практику имперского управления, а является исключительным эпизодом. Однако именно исключительность случая делает его эвристически ценным – он обнажает потенциал гибкости бюрократической системы и границы возможного в имперской политике. Кроме того, рассматриваемый случай позволяет конкретизировать и дополнить концепцию «репертуаров

власти» Дж. Бурбанка и Ф. Купера применительно к практикам экономической модернизации на имперских окраинах. Если Бурбанк и Купер показывают множественность стратегий управления на макроуровне, то рассматриваемый кейс раскрывает ситуативную гибкость бюрократических практик на микроуровне. Внимание к индивидуальным нуждам казахских стажеров демонстрирует, что репертуар власти включал не только институциональные формы управления, но и отступления от правил. При реализации масштабных проектов экономическая целесообразность (подготовка специалистов) требовала учета культурных особенностей подданных. Тем самым кейс проблематизирует представление о модернизации как линейном процессе унификации и выявляет внутреннее напряжение между стратегической целью экономической интеграции региона и тактической необходимостью адаптации к местным условиям. Это позволяет увидеть имперскую власть не как выбор между принуждением и компромиссом, а как постоянное балансирование между ними в зависимости от конкретной ситуации, ресурсов и приоритетов момента. Таким образом, нетипичность случая, невозможность делать широкие обобщения на его основе компенсируются глубоким пониманием изучаемого феномена – освоения периферийного региона, вовлечение его в общеимперское пространство, использование его потенциальных возможностей при повышении эффективности скотоводства.

3. Обсуждение

В изучении трансформации хозяйственной жизни казахов к концу XIX – началу XX в. можно выделить несколько направлений, каждое из которых высвечивает отдельные аспекты этого сложного процесса. Первое направление изучает изменения в сельском хозяйстве в результате переселения русских крестьян/аграрной колонизации. При этом, исследователи считают, что результатом взаимодействия имперских практик управления, переселения и кочевого скотоводства стал постепенный переход казахов к оседлости (Быков, 2023) и формирование смешанных скотоводческо-земледельческих форм хозяйства (Фризен, 2020). Вместе с тем, оценки влияния переселений на местное хозяйство разнятся. Одни авторы подчеркивают положительное «влияние переселений на экономику казахского кочевого аула» (Сорока, 2009), другие акцентируют внимание на обострении земельных конфликтов и росте социальной напряженности между крестьянами-переселенцами, казаками и «коренным инородческим населением» Степного края (Токмурзаев, 2016). В то же время экономический аспект изменений представлен упрощенно или слишком обобщенно. Так, например, Дерюгина считает, что итогом взаимодействия стало формирование двух относительно автономных хозяйственных сектора по этническому признаку – земледелия русских крестьян-переселенцев и кочевого скотоводства казахов (Дерюгина, 2020). А Фризен, по существу, повторяет тезисы советской науки о том, что «казахское население приспособлялось к меняющимся условиям, развивало земледелие и активнее вовлекалось в торговые и трудовые взаимодействия с российским населением» (Фризен, 2020). Можно сказать, что изучение изменений в хозяйстве казахов только под воздействием одного фактора – переселения русских крестьян, является ограниченным подходом. Рассматривая период конца XIX в. нельзя не учитывать более широкий контекст имперской аграрной политики и ее модернизационные цели.

Второй круг работ связан с проблемами модернизации аграрного сектора и сельскохозяйственным образованием как инструментом модернизации. Здесь следует выделить работы, в которых изучался аграрный кризис в России. Ученые сделали вывод о нарастании кризиса на фоне социальных преобразований, мирового падения цен на сельхозпродукцию, демографического давления и институциональных ограничений крестьянского хозяйства (Китанина, 2012; Гаврилов, 2017: 186-198; Есикова, 2013; Беспалов, 2012; Берснева, 2015; Зеленская, 2015). Так, Китанина считала, что низкое качество сельскохозяйственной продукции и архаичные методы ведения крестьянского хозяйства сделали вопрос обновления аграрной сферы стратегически значимым для государства. Основными направлениями модернизации аграрного сектора стали, по ее мнению, «структурная перестройка управленческого аппарата, стабилизация аграрного рынка, поднятие общего потенциала сельского хозяйства и восстановление экспортных возможностей страны» (Китанина, 2012: 184-202). Постикэ считал, что самой главной преградой для экспорта продукции было ее низкое качество. Поэтому для повышения качества и повышения эффективности сельского хозяйства ученые разрабатывают новые методы ведения хозяйства и испытывают их на образцовых хозяйствах. По его мнению, произошла институционализация аграрной науки, что стало в дальнейшем фундаментом для системы сельскохозяйственного образования (Постикэ, 2023: 163). Третьяков показывает, что в России возникла система сельскохозяйственного образования в рамках проекта модернизации. Несмотря на внутренние противоречия она способствовала подготовке профессиональных кадров, формированию сельскохозяйственной элиты и трансформации ментальности (Третьяков, 2015: 110). В работах М. Д. Книги сельскохозяйственное просвещение рассматривается как ответ на кризис аграрного производства и вызовы модернизации пореформенной России, связанный с распространением рационального знания и развитием институциональных форм подготовки кадров. Автор показывает формирование многоуровневой системы аграрного образования, включавшей учебные хозяйства, низшие школы, внешкольное обучение и профессиональные учреждения, а также переход от патерналистской модели к более

системной государственной политике «агрономической помощи». Особое внимание уделяется взаимодействию науки, государства и крестьянской среды, необходимости адаптации научных знаний к местным условиям и роли аграрного просвещения в повышении хозяйственной культуры. В целом исследования Книги обосновывают ключевое значение сельскохозяйственного образования как фактора профессионализации аграрного сектора и устойчивости модернизационных процессов в Российской империи (Книга, 2018; Книга, Быковская, 2021; Книга, Фурсов, 2017: 116-117). Среди этих работ, следует особо выделить исследования, посвященные «феномену Н.В. Верещагина» – «основателя новой отрасли российской экономики – маслоделия и сырной промышленности» (Николаев, 2016; Воробьев, 2019; Петриков, Вошикова, 2023: 386) и о развитии сибирского маслоделия. Николаев провел системный анализ ключевых факторов успеха маслоделия в Сибири в начале XX века (Николаев, 2016). Так, к предпосылкам становления товарного маслоделия Николаев отнес: биоклиматические условия, введение в строй Транссиба, протекционистскую государственную политику (включая Челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг., финансирование инструкторов, строительство вагонов-холодильников, контроль качества), использование импортных сепараторов, а также развитие молочной кооперации при поддержке крестьянских общин. В результате к 1909–1913 годам Сибирь экспортировала 62,1 тыс. тонн масла ежегодно (16 % мирового и 60 % российского экспорта), превратившись в одного из крупнейших мировых поставщиков этого продукта (Николаев, 2016). К сожалению, анализируя развитие товарного маслоделия в Сибири, Николаев не затрагивает маслоделие в Степном крае, хотя в статистике экспорта масла учитываются и данные из казахской степи. Есть статьи касательно сельскохозяйственного образования в Степном крае (Рыгалова, 2020; Гасанова, 2024). Они связывают формирование сети сельскохозяйственных учебных заведений в Степном крае и Туркестане с модернизацией окраин, и считают, что они выполняли важную роль в подготовке кадров и распространении практических аграрных знаний.

Завершая историографический обзор развития сельского хозяйства в Степном крае в конце века, следует отметить, что требуются исследования, которые бы вписывали историю региона в более широкий контекст имперского проекта модернизации сельского хозяйства и преодоления общероссийского аграрного кризиса. Кроме того, современные исследователи зачастую игнорируют тот факт, что в имперской географии и административной практике Степной край не отделялся от сибирской окраины. Это создает искусственный разрыв в понимании модернизационных процессов в азиатских владениях России. Наконец, исследователи рассматривают Степной край только как на потенциальную территорию для переселения русских крестьян. На скотоводство казахов смотрят только с точки зрения его деградации. На экономический потенциал региона смотрели только с точки зрения источника сырья. Данная статья предлагает иную оптику. Документы свидетельствуют о том, что самые высокие правительственные круги смотрели на скотоводство казахов с точки зрения его большого потенциала для развития товарного производства здесь. На экономический потенциал Степного региона смотрели с точки зрения полноценного участника модернизационного проекта, но рассматривали его как часть сибирской окраины.

Подводя итоги, можно сказать, что исследование вносит вклад в историографию империй в нескольких направлениях. Во-первых, усложняет устоявшееся представление о Казахстане исключительно как об источнике сырья. Случай с дополнительными расходами на индивидуальное питание казахов в Едимоновской школе рассматривается в контексте масштабного проекта освоения периферийных регионов. Он включал в себя строительство железных дорог и модернизацию сельского хозяйства через внедрение интенсивных методов хозяйствования, повышение качества продукции и развитие товарности. Речь шла не просто об увеличении объемов экспорта, а о системной трансформации хозяйствования на окраинах. Россия вкладывала значительные ресурсы в долгосрочную стратегию экономической интеграции периферии, которая не сводилась к примитивной эксплуатации. Таким образом, исследование смещает акцент с упрощенной дихотомии «эксплуатация vs. цивилизаторская миссия» к более сложной модели прагматичного инвестирования в повышение экономической эффективности империи в целом. Во-вторых, статья вносит вклад в дебаты о гибкости и адаптивности имперского управления. Развивая концепцию Дж. Бурбанк и Ф. Купер, исследование показывает, что ситуативная гибкость проявлялась и на уровне повседневных бюрократических практик. Имперская власть представляла собой не застывшую систему директив, спускаемых сверху, а процесс постоянных переговоров между центром и периферией. Данная статья обогащает наши представления о том, как на практике функционировала имперская система управления периферийными территориями.

4. Результаты

20 июня 1889 г. степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский обратился к министру государственных имуществ Н.М. Островскому с просьбой предоставить четыре стипендии для жителей Степного края для обучения в Едимоновской школе сыроварения (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 2). С этого момента, с июня по декабрь 1889 г. началась интенсивная межведомственная переписка между степным генерал-губернатором, Департаментом земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ и заведующим Едимоновской

школой молочного хозяйства Н.В. Верещагиным. Формально вопрос о стипендиях был решен довольно быстро. Уже 11 сентября 1889 г. Департамент земледелия и сельской промышленности уведомил заведующего школой Верещагина о том, что четыре стипендии для обучения казахов одобрены (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 8). Однако, как следует из письма Верещагина, казахские стажеры прибыли в Едимоново лишь 12 декабря 1889 г., то есть спустя четыре месяца после официального одобрения стипендий. Причина этой задержки оказалась ошеломляюще неожиданной: все четыре месяца стороны вели напряженную переписку о выделении дополнительных средств на индивидуальное питание казахов-стажеров.

Дело было в том, что 15 ноября 1889 г. заведующий школой Верещагин обратился в Департамент с просьбой о выделении дополнительных средств на организацию индивидуального питания для стажеров казахов. Свою просьбу он обосновал так: «вопрос о прокормлении киргизов как оказалось усложнен тем обстоятельством, что они привыкли существовать исключительно на мясной пище, что и не затруднительно в степях, где, по их словам, пуд мяса обходится в шестьдесят копеек, а баранина еще дешевле. Далее они совсем отказываются не только от наших щей и каш, но черного хлеба. Пуд белой муки в их местах стоит шестьдесят копеек. Принуждать их есть нашу пищу не считаю возможным. Могут заболеть, затем за скучают по родине и не будем знать куда с ними деваться. Лучше, хотя на первое время содержать их так, как они привыкли питаться дома. Такое содержание стоит 13 руб. в месяц. Далее у киргиз нет некоторых вещей из одежды, а она необходима для сохранения их здоровья. Для четырех человек принадлежности туалета на 156 руб. Содержание киргиз обошлось бы дешевле, если бы начали кормить кониной, но, во-первых, никто не берется для них готовить, во-вторых, насмешек тогда будет немало, ибо со всех сторон все будут их считать погаными. Генерал Колпаковский просил оберечь их от насмешек на чужой стороны, так как они легко выводят дикарей из себя и во всяком случае тяжело отзовутся на их душевном настроении мешая им учиться» (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 90б.). Итог четырех месячной переписки подводит Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства Государственных имуществ. Представитель Департамента 18 декабря 1889 г. сообщает Верещагину, что «товарищ Министра назначил в текущем году на содержание 4 учеников киргиз сто четыре руб. В будущем году они будут жить на стипендию по сто руб. в год. Выдавать им на руки и сами себе готовить пищу из конины» (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 11, 110б., 13).

Чтобы понять, насколько была увеличена сумма на содержание казахов стажеров следует обратиться к описанию столовой Едимоновской школы, оставленной публицистом и экономистом С.Ф. Шараповым. По словам Шарапова дежурный по кухне на вопрос: «почем обошлась пища на ученика» сообщил: «месячный расход колеблется между 6-ю и 8-ю рублями, а ему удалось опустить эту цифру до 5 р. 80 к. на человека. При этом ученик получает мясной обед в два блюда, хлеб и молока, сколько выпьет. Стол – отличный: простой и вкусный. Про масло нечего и говорить. Такого масла не видят в столицах и многие тайные советники» (Шарапов, 1893). Получается, что сумма в 13 рублей, выделенная на питание казахов почти в два раза превышала сумму на питание в школе. Кроме того, из слов Шарапова следует, что желающих учиться было значительно больше, чем выделялось стипендий («всего 20 по 100 р.»), поэтому многие обучались за свой счет. По словам Верещагина, «у некоторых совсем ничего нет, ну, кормятся как-нибудь» (Шарапов, 1893). В этих условиях, концентрация административного ресурса на потребностях четырех учеников выглядит просто поразительной. Директор школы лично занимается вопросами их питания (не настаивает на русском рационе, соглашается на затратное мясное меню), одежды (закупает им одежду) и психологического комфорта (заботится и о благоприятном климате вокруг них). Генерал Колпаковский уделяет им столько внимания, что даже просит защитить их от насмешек, выделяет деньги на проезд и поддерживает их специальный рацион питания. Департамент Земледелия сначала изыскивает четыре стипендии. Впоследствии находит дополнительные средства и тратит много времени на переписку со всеми. Несомненно, данный случай является ярким примером инвестиции внимания и административной энергии. В то же время, эпизод показывает, что модернизация для народов окраин – это не просто приобретение новых знаний и навыков. Это комплексная трансформация личности. Она затрагивает и тело (питание, одежда), и психику (адаптация к чужой среде, преодоление тоски), и экономические практики (переход от степного хозяйства к городской жизни). Но сам факт того, что уделяется столько внимания, тратятся ресурсы и время для обучения всего четырех человек, показывает сложность и неоднозначность политики центра в отношении народов окраин. Сложности и неоднозначности, которые выходят далеко за рамки принятых в историографии бинарных оппозиций «свой/чужой», «черное/белое», «колонизатор/ колонизированный».

Итак, представители разных уровней власти проявили внимание к индивидуальным нуждам казахов стажеров для обучения в Едимоновской школе. Чтобы понять мотивы такой лояльности, следует обратиться к контексту экономического развития России в конце века. Как отмечают многие исследователи, в этот период Россия столкнулась с нарастающим аграрным кризисом (Гаврилов, 2017; Китанина, 2017). Поэтому к концу века в обществе и государственных кругах утвердилось четкое понимание, что выход из кризиса возможен лишь через модернизацию сельского хозяйства (Китанина 2012: 184-202). На первый план выдвигаются такие вопросы как повышение

эффективности и доходности скотоводства, обеспечение населения продуктами животноводства. В этой связи правительство придает особое значение освоению периферийных регионов, прежде всего Сибири. Следует отметить, что с официальной точки зрения большая часть территории Казахстана, за исключением Юго-Восточного (Семиречье) и Южного, считали частью сибирской окраины России. Так, в книге «Окраины России» Сибирь условно делили на пять областей: Западную/Обско-Иртышскую, Среднюю/Енисейско-Ангарскую, Ленскую/Якутскую, Амурскую/Приморскую окраины и Степную/Киргизскую окраину. По географическим параметрам пространство Сибири делят на полярную зону, южно-сибирскую и степную киргизскую зону, по характеру своей природы с незапамятных времен служившей областью распространения среднеазиатских кочевых племен (Окраины России..., 1900: 6). И в брошюре о Сибирской железной дороге четыре области Казахстана (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская) рассматривались как часть сибирской окраины и считались частью Западной Сибири. Это была официальная точка зрения. Называть казахов и татар, жителей этих мест – «аборигенами и инородческими племенами Сибири» (Великая Сибирская..., 1901: 1, 6; Семенов, 1900: 114-118). Итак, в имперской географии Степной край рассматривали как часть Сибири, а скотоводство казахов не как локальную хозяйственную практику, а стратегический ресурс имперского значения. Поэтому к концу XIX века Степной край вновь привлек к себе внимание центрального правительства. На этот раз предметом особой заботы становится развитие скотоводства в регионе. В этом немалую роль сыграли донесения и отчеты представителей местной власти, которые подчеркивали ведущую роль скотоводства в хозяйстве казахов и его высоком потенциале развития. Одним из первых, кто настоятельно просил обратить внимание на огромный потенциал скотоводства здесь был Управляющий Государственными имуществами Тобольской губернии. В своей записке на имя министра земледелия и государственных имуществ он настаивал на необходимости коренной перестройки скотоводства в Сибири: заботы правительства должны быть направлены, прежде всего, на те стороны местного сельского хозяйства, которые могли бы способствовать улучшению скотоводства «во всех его видах» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 1). Он объяснял свою позицию тем, что скотоводство является «преимущественным занятием населения Западной Сибири и для большей части его – главным источником существования», а на рынке спрос на продукты животноводства имеет устойчивую тенденцию к росту (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 40б.–5). Более того, в условиях низкой доходности сельского хозяйства, кризиса земледелия, падения цен на хлеб и утраты позиций на мировых рынках автор записки настаивал на необходимости расширения рынков сбыта и развития переработки продукции крупного скотоводства и овцеводства. Он сетовал на то, что состояние сибирского рогатого скота оценивалось им как крайне неудовлетворительное: скот содержится «крайне небрежно», в открытых загонах, не очищаемых в течение длительного зимнего периода, без защиты от сильных морозов; скрещивание не контролируется. В результате рогатый скот отличается низкой продуктивностью, масло вырабатывается несовершенными способами и потому имеет низкую цену, тогда как сыроварение фактически отсутствует. Основными предметами вывоза остаются сало, кожи и живой скот (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 3). Таким образом, записка управляющего Государственными имуществами Тобольской губернии отражает характерное для конца XIX в. представление центральной администрации о Степном крае и Сибири как о пространстве с выраженной скотоводческой специализацией и одновременно – слабо интегрированном в современные рыночные и перерабатывающие структуры. Диагноз кризисного состояния скотоводства сочетался с признанием его стратегического значения. Плохие условия содержания скота – холод, антисанитария, отсутствие ухода – описывались не как неизбежные следствия природной среды, а как результат неправильной организации хозяйства. Тем самым он переводит проблему в плоскость управляемых практик. Аналогичным образом отсутствие контроля за скрещиванием интерпретировалось как дефицит рационального надзора, требующий административного и экспертного вмешательства. Неразвитость переработки, прежде всего фактическое отсутствие сыроварения, обозначалась как структурный изъян, препятствующий превращению скотоводства в устойчивый источник дохода. Высокий потенциал скотоводства в Степном крае видел также и Акмолинский губернатор. В своем отчете за 1894 г. он подчеркивал, что «скотоводство имеет значительный потенциал для развития и способно удовлетворить спрос Приуралья, прежде всего горнозаводских районов, а также Центральной России, включая Казань, Нижний Новгород и Москву». Более того, он настоятельно просит чтобы, «Киргизское скотоводство при этом рассматривалось как предмет особых забот со стороны администрации, направленных на его улучшение и повышение продуктивности» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I. Д. 19917. Л. 29). Аналогичного взгляда придерживался и Степной генерал-губернатор. В своей записке М.А. Таубе предлагал рассматривать «поднятие на более высокую ступеньку» коневодства и скотоводства в Степном крае «делом государственной важности». Он считал, что «с проведением Сибирской железной дороги, а в перспективе – с сооружением железнодорожной линии через степь в направлении Туркестана данные отрасли, должны были приобрести особое торгово-промышленное значение благодаря возможности экспорта лошадей, скота и продукции скотоводства на рынки Европейской России» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Разряд I.

Д. 19917. Л. 270б.). В конце концов, центральное правительство начинает уделять внимание Степному краю не только с точки зрения переселения русских крестьян, но и перспектив развития товарного скотоводства. Особенно этот интерес усилился в связи со строительством Сибирской железной дороги. Так, например, в 1896 г. в Акмолинскую и Семипалатинскую область была отправлена экспедиция, главной целью которой было выяснить, сколько есть земель для дальнейшего переселения русских крестьян (РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 156. Л. 300). Но руководителю экспедиции Снегиреву было сделано отдельное предписание: «попутно» собрать сведения о состоянии скотоводства в Акмолинской области (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 170б.). При этом, было дано указание ответить на следующие вопросы: «с какого вида животных следует безотлагательно начинать дело улучшения, в каких именно пунктах, какими способами и при каком участии местного населения и правительства» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 19). Таким образом, ясно, что результаты исследования Снегирева предполагалось использовать для выработки практических мероприятий по развитию и улучшению животноводства в Акмолинской области.

Вопрос о скотоводстве в Степном крае действительно становится делом государственной важности. Об этом говорит пометка «Очевидно», сделанная Императором на полях Всеподданнейшего отчета за 1894 г. военного губернатора Акмолинской области. Пометка была сделана напротив утверждения «при благоприятных местных условиях животноводство могло бы обеспечить благосостояние местного населения и одновременно служить источником поставок рабочих и мясных животных для многих районов Европейской России» (РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 17; РГИА. Ф. 398. Оп. 63. Д. 19917. Л. 38). И в журнале Комитета министров от 11 февраля 1897 г. было зафиксировано, что необходимо известить военного губернатора Акмолинской области генерал-лейтенанта Санникова, что с его запиской о состоянии животноводства» ознакомился сам Император (Журнал Комитета министров. Заседание VI. 11 февраля 1897 г. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5258. Л. 500б.). Таким образом, к концу XIX века в условиях низкой доходности сельского хозяйства, кризиса земледелия, падения цен на хлеб и утраты позиций на мировых рынках «улучшение скотоводства» в Степном крае становится частью широкомасштабной государственной программы по созданию в Сибири товарного животноводства. При этом расчет делался на развитие экспорта продукции животноводства, способного удовлетворить нужды как внутреннего, так и внешнего рынка.

Необходимо особо отметить, что среди различных мер по модернизации скотоводства, большое место отводилось внедрению научных знаний и рациональных методов ведения хозяйства (Постикэ, 2023: 163; Книга, 2018). Поэтому неудивительно, что первый губернатор Степного края Г.А. Колпаковский особое значение придавал сельскохозяйственному просвещению населения (Гермизеева, 2020: 67). Его усилия в этом направлении признавали даже современники. Так, в газете Акмолинские областные ведомости от 30 января 1890 г.: «создание сельскохозяйственных киргизских школ, как одного из способов развития и улучшения местного сельского хозяйства, можно считать одним из наибольших благодеяний, созданных в Степном крае Г.А. Колпаковским» (Гермизеева, 2020: 67). В действительности, Колпаковский имел довольно четкое представление о перспективах развития скотоводства в Степном крае. Он считал, что поскольку в Степном крае главной отраслью народного хозяйства является скотоводство, и успехи земледелия, за исключением Семиречья, остаются крайне незначительными. Поэтому скотоводство на долгие годы будет основным источником дохода как для кочевого населения края, так и частично для казаков Сибирского казачьего войска. Но его заботило незнание киргизами и казаками систематических знаний по скотоводству и особенно по переработке сельскохозяйственной продукции. Так, еще в 1884 г. Колпаковский писал: «Для распространения в вверенном мне крае рациональных способов ведения хозяйства через научно подготовленных к тому людей предполагается образовать специальные учебные заведения, с преобразованием существующих в каждом уезде Акмолинской и Семипалатинской областей киргизских мужских и женских училищ, именуемых «интернатами» – первых в сельскохозяйственные, а вторых в профессиональные школы на основании уставов, примененных к местным условиям и к особенностям кочевого сословия, для которого главным образом и принимается эта мера» (Гермизеева, 2020: 67). Но Колпаковский четко осознавал, что уровень этих заведений отстает от Едимоновской школы. В своем прошении о выделении четырех стипендий для обучения молочному делу в Едимоновской школе, Колпаковский дал оценку созданным им в каждом уезде киргизским сельскохозяйственным школам: «в курс преподавания которых включены понятия об уходе за скотом и пользовании его продуктами. Но эти школы могут давать по этим вопросам самые элементарные знания. Между тем, умение готовить молочные продукты и основательные сведения по сыроварению могли бы принести громадную пользу хозяйствам как киргизов, так и казаков» (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 2). Исходя из вышесказанного, становится понятной заинтересованность всех в обучении четырех казахов передовым методам обработки молочных продуктов в Едимоновской школе молочного хозяйства – образцового очага аграрной модернизации (Шарапов, 1893: 43).

Чему же научились четыре стажера казаха в Едимоновской школе? В январе 1891 г., то есть через два года после прибытия казахов в Едимоновскую школу, Н.В. Верещагин известил Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства Государственных имуществ о

том, что в его школе обучались киргизы: Айбатов – скотоводству, маслоделию, французским сырам и бакштейну. Мусин – скотоводству, маслоделию, швейцарскому сыру. Ознобаев скотоводству, маслоделию французским сырам и бакштейну. К концу года находящиеся в школе киргизы стали сильно скучать по родине и заболеть. В первое время пребывания в школе я улучшил их пищу, на что были даны добавочные средства от Департамента. Но далее Степной генерал-губернатор отказался добавлять деньги, указывая на конину, которой можно было бы кормить киргиз дешево. Но местная конина совсем не такая. Достать мясо конины, которую согласны были есть киргизы было нельзя. Пришлось перевести их на обыкновенную пищу, которой питались ученики. У них появились боли в желудке и груди (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 19). «Вынужден был отправить трех киргиз на родину, четвертый же Ознобаев остался в Москве для принятия православия. Киргизы благополучно прибыли домой, для применения своих знаний на сыроварню Фетисова близ Пишпека Верненского округа. Вообще надо надеяться, что пребыванию киргиз в школе не пройдет бесследно для киргизского населения империи», – писал Верещагин (РГИА. Ф. 398. Оп. 53. Разряд I. Д. 17495. Л. 190б.). И, действительно, четверем казахам удалось выучиться в Едимоновской школе молочного хозяйства, которая была не только единственной в России, но и одной из немногих в мире. Поэтому сюда приезжали учиться баварцы, австрийцы, шведы, швейцарцы, турки» (Воробьев, 2019: 28). В чем была ее уникальность? Она была уникальна, потому что была нацелена на получение практических навыков: «учись на деле». Кроме того, четверем стажерам Степного края посчастливилось побывать в самом передовом цехе сыроварения: стерильном и оснащенном новейшим оборудованием, и освоить полностью выверенное с точки зрения технологии производство сыра и сливочного масла. Описание Шараповым обучения швейцарскому сыроварению, «бакштейну и тильзиту» выглядят полностью аутентичными процессами. Это и обучающий мастер – француз. Это и оборудование по последнему слову техники. Это и лучшая закваска. И, наконец, тщательно выверенное производство с отмеренным до грамма количеством молока и закваски, строгим температурным режимом и посекундным отсчетом времени. Каждая ступень производства сыра осуществлялась строго по технологии: и разрезание сгустка молока деревянным мечом, и дробление сырной массы палкой, и взятие пробы с отвердевающей массы, и извлечение сгустка из сыворотки, и процесс прессования сыра. Особенно строго соблюдались швейцарская технология и бактериология при вызревании сыра в подвалах. Шарапов считал, что самым ценным навыком, которому обучались ученики в школе, было лабораторное исследование молока. В лаборатории молоко тщательно исследуют, чтобы вовремя выявить больных коров и фальсификацию, определить содержание жира и сухих веществ, а также подобрать животных и корма для максимальной продуктивности. Эти наблюдения позволяют хозяину управлять производством как машиной, точно зная, во что обошелся каждый фунт масла или сыра (Шарапов, 1893; Воробьев, 2019: 17-18). Еще один важный урок, который усваивали ученики школы: важными условиями успешного сыроварения является не только сам процесс, но все звенья процесса: уход за скотом, правильное кормление, знание основ ветеринарии и чистота везде и во всем. Таким образом, четверем казахам удалось выучиться в центре образцового молочного хозяйства. Они узнали все тонкости усовершенствованных и новейших приемов обработки молока. Кроме всего прочего, сама среда школы была центром нарождающейся молочной промышленности, «откуда по всей России каждый год разъезжались работать десятки мастеров» (Воробьев, 2019: 27). Как отмечают Петриков и Вощикова, важными факторами успеха проекта Верещагина были институциональная поддержка (Петриков, Вощикова, 2023: 390) и сама личность Верещагина. Они считали его родоначальником целой отрасли в России. Для него развитие артельного масло- и сыроделия были системным проектом. Он включал в себя все: от складов артельных сыров и масла в крупных городах, изготовления специальной молочной посуды и оборудования для сыроварения, закупки сепараторов за рубежом, заботу по транспортировке молочной продукции по железным дорогам и создание более выгодных условий ее сбыта за границей до аграрного просвещения (Петриков, Вощикова, 2023: 397). «И венцом его проекта было его детище – школа молочного хозяйства в селе Едимоново. Школа до 1898 г. подготовила тысячи первоклассных специалистов. Кроме этого, школа содействовала племенной работе с отечественным скотом через образцовые хозяйства, организовала выставки скота, создавала ссудо-сберегательные товарищества для краткосрочного кредита крестьянам, а также популяризировала передовой опыт ведения молочного хозяйства через публикации (Петриков, Вощикова 2023: 397). Как писал в 1904 г. сам Верещагин Императору Николаю II, ему пришлось: «1) приучить обрабатывать молоко сообща; 2) снабдить надлежащей посудой; 3) ввести у нас выработку всех сортов масла и сыров; 4) организовать их сбыт на внутренних рынках и за границей; 5) ввести контроль и определение качества молока; 6) доказать пригодность русской молочной коровы для переработки усиленных кормов и оплату ею этих кормов и улучшения в уходе; 7) широко распространить все добытые знания в России» (Петриков, Вощикова, 2023: 398). Таким образом, вышеизложенное позволяет понять мотивы всех участников переписки по организации индивидуальных условий для стажеров казахов в Едимоновской школе.

Как уже не раз отмечалось, обучение казахов в этой школе было частью более широкой программы экономической интеграции Степного края. К концу XIX века как центральные, так и местные органы власти видели значительный потенциал скотоводства в Степном крае и четко

осознавали цель – насытить внутренний рынок России продукцией скотоводства из Сибири и Степного края и вывести ее на мировые рынки. Речь шла прежде всего о внедрении методов интенсивного хозяйствования и развитии переработки животноводческой продукции. В задачи данной статьи не входит раскрыть этапы реализации этой задачи. Поэтому здесь заметим, что итоги программы уже стали видны в начале XX века. Так, в обзоре Акмолинской области за 1904 губернатор докладывал, что Акмолинская область удовлетворяет спрос на животноводческую пищу и различные скотоводческие продуктов оседлое население: Горнозаводского района (Приуралья) и более отдаленных центров России (Казань, Нижний Новгород, Москву, Петербург, Остзейскую и Привисленский край) (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 107. Л. 78).

Но в последующем, становится очевидным специализация Степного края на товарном молочном хозяйстве, прежде всего маслоделии. Это произошло в условиях активной разработки проекта товарного маслоделия в Сибири. Степной край, который имперская география рассматривала как часть Сибири, также оказался вовлечен в этот проект. Как уже указывалось ранее, Степной край в имперской географии рассматривали как часть Сибирской окраины. Поэтому успехи становления товарного маслоделия в регионе являлось частью важного проекта России по развитию сибирского маслоделия. Проект был системным. Он включал государственную политику протекционистского характера, направленную на повышение доходности Транссибирской магистрали и формирование региональной специализации сельского хозяйства. Введение в 1896 г. Челябинского тарифного перелома сделало вывоз зерна из Сибири нерентабельным и стимулировало перераспределение хлеба в пользу кормовой базы молочного животноводства, что обеспечивало значительно более высокую доходность по сравнению с хлебной торговлей. Эффективность этой политики усиливалась системой государственной поддержки – сетью инструкторов маслоделия и специализированных школ, которые компенсировали низкий уровень подготовки местных производителей. Строительство железной дороги, внедрение современных технологий переработки и благоприятные природно-климатические условия сделали сибирское масло конкурентоспособным как на внутреннем, так и на европейском рынке (Николаев, 2016: 39-43). К началу XX в. сибирское масло стало одним из ключевых экспортных товаров Российской империи, составляя до 60 % российского вывоза и занимая ведущие позиции в международной торговле. Удельный вес масла в структуре вывоза из Сибири всех сельскохозяйственных продуктов составлял 64,4 % (Николаев, 2016: 38). Важно заметить, что становление товарного маслоделия в Сибири происходило при участии Верещагина. В 1886 г. в Тобольской губернии был открыт первый маслодельный завод с паровым приводом, а уже в 1887 г. хозяйство было признано образцовым и удостоено награды Министерства государственных имуществ. С конца 1890-х гг. артельные маслозаводы демонстрировали высокую экономическую эффективность, что обеспечило быстрый рост производства и включение Сибири в мировой рынок. В рамках сибирской окраины крупным экспортером сливочного масла стал и Степной край. В регионе возникла маслодельная промышленность. Уже в 1910 г. в своем Всеподданнейшем отчете Степной генерал-губернатор торжественно рапортовал, что «развитие сливочного маслоделия идет гигантскими шагами» и что «в Омске есть пятьдесят контор, которые ежегодно отправляют миллион пудов масла» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 923. Л. 130б.). В 1912 г. в Семипалатинской области, по данным испытательной лаборатории молочного хозяйства, за исключением казачьих земель по Иртышу, имелось семьдесят маслодельных заводов (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 92). При этом в одном Усть-Каменогорском уезде было двадцать шесть маслодельных заводов, на которых переработано 123 100 пудов молока, из которого получено 5932 пуда масла (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 92). В 1912 г. для улучшения дела артельных и частных маслодельных заводов ввели в штат техника по молочному делу. В его обязанности входило объезжать заводы, давать указания и советы, а также обучать лучшим приемам маслоделия. Необходимо отметить, что заводы строились и содержались на основе правил Комиссии седьмого агрономического совещания Акмолинской области, в особенности на основе требований технического характера для построек маслодельных заводов (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 930б.). Улучшение дела артельных и частных маслодельных заводов получает институциональную поддержку. Так, к примеру, в 1912 г. в штате имелся техник по молочному делу. Он «объезжал заводы, давал указания и обучал лучшим приемам маслоделия» (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 930б.). Кроме того, было предписано, чтобы открытие и содержание маслодельных заводов в Степной крае велось на основе «стандартов» – «Правил, выработанных Комиссией Седьмого районного агрономического совещания», утвержденных генерал-губернатором и опубликованных в 1912 г. В стандарты входили и «требования технического характера, предъявляемых к постройкам маслодельных заводов». Для того, чтобы они были понятны более широкому кругу, Семипалатинской губернатор велел «Областному инженеру составить образцовый план для постройки маслодельного завода» «для помощи населению при проектировании построек маслодельных заводов» (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 94). Одновременно велась подготовка кадров – маслоделов на пяти низших сельскохозяйственных школах, которые находились в ведении агронома при Степном генерал-губернаторе. Это были пять низших сельскохозяйственных школ: в Усть-Каменогорске, Зайсане, Павлодаре и Каркаралинске (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 94–980б.). Системный проект по

организации товарного маслоделия включал в себя и курсы по показательному кормлению крупного рогатого скота. Кроме собственно курсов, эти пункты проводили регулярно выставки животноводства. К примеру, девять выставок было проведено только в 1913 г. На этих выставках экспонировался скот 698 хозяев, выставлялось 1385 голов скота, из которых 436 были премированы. 112 хозяев получили награды, а 381 – деньгами (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1913. Л. 16–17). Таким образом, к 1913 г. маслодельное дело в Степном крае приобрело характер организованной и регулируемой отрасли, опиравшейся на сеть специалистов, единые технические требования и систему профессионального обучения, а также меры по улучшению пород скота. Итог развития маслоделия к 1913 г. был впечатляющим. На основе сведений присяжного маклера при Семипалатинской бирже за январь–октябрь 1912 г. через Семипалатинск прошло 300 тысяч пудов масла (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 64. Л. 910б.). Как указано во Всеподданнейшем отчете Степного генерал-губернатора за 1913 г., «маслодельная промышленность так интенсивно развивается, что вывоз масла за последние 13 лет вырос в семь раз. В 1900 г. из Степного края вывезено 230 тыс. пудов масла, то в 1913 г. – 1 млн 700 тыс. пудов. Благодаря все возрастающему вывозу маслоделие в крае получает государственное значение и имеет впереди громадную будущность» (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1080. Л. 130б.). Еще одним доказательством товарного маслоделия как развитой отрасли является участие представителей Степного края в съезде маслоделов и экспортеров масла в сфере сбыта сибирского масла. Деятельность съездов, где обсуждались основные вопросы производства и продажи сливочного масла 1907, 1909, 1911, 1913 г. рассмотрела А. Бикина (Бикина, 2014: 350–355). В РГИА обнаружены протоколы совещания маслоэкспортеров Сибири. Нас интересует, как представлен Степной край в экспорте сибирского масла. К примеру, в 1911 г. от Степного края в работе съезда участвовал агроном при Степном Генерал-Губернаторе Титулярный советник Христианович (РГИА. Ф. 32. Оп. 9. Д. 225. Б/л.). Губернатор Акмолинской губернии 17 января 1911 выступил инициатором, чтобы Омский биржевой комитет предложил маслоэкспортерам принять участие в расходах города по принятию предупредительных противочумных мер, ассигнованием посильных средств (РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 225. Б/л.). Семипалатинские экспортеры жалуются на случаи задержки масла в Омске и ходатайствуют «об улучшении перевозки масла от пристаней на станции железной дороги» (РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 225. Л. 10). Таким образом, возвращаясь к началу статьи, когда отправляли четырех казахов в школу Верещагина, следует отметить, что ожидания Степного генерал-губернатора Колпаковского и Департамента земледелия и сельской промышленности (1866–1894) и самого Верещагина вполне оправдались. Технические навыки, культура маслоделия и сыроделия, высокие стандарты отрасли – все, что прививали в школе, со временем дали свои плоды. И в далекой окраине империи сформировалась и получила стремительное развитие новая отрасль – товарное маслоделие.

5. Заключение

История отправки четырех казахских стажеров в Едимоновскую школу молочного хозяйства Верещагина в Тверской области показывает, что Российская империя могла проявлять ситуативную гибкость, когда речь шла о достижении стратегических целей. А целью было в условиях глубокого кризиса сельского хозяйства использовать потенциал Сибири для насыщения внутреннего рынка и экспорта животноводческой продукцией. Данный проект по повышению продуктивности и созданию товарного скотоводства стал частью проекта интеграции Степного края в общеимперское пространство. К тому же, строительство Сибирской железной дороги открывало новые инфраструктурные возможности. Ситуативная гибкость, проявленная различными административными структурами по отношению всего лишь к четырем ученикам, наводит на размышления о том, как локальные решения встраивались в общеимперскую стратегию модернизации. Готовность выделять ресурсы, адаптировать процедуры и учитывать специфику конкретной ситуации свидетельствует о прагматичном характере имперской политики. В конце концов, затраченные административные и финансовые ресурсы оправдались, поскольку были разбужены экономические интересы – рынок, товар, прибыль, новые хозяйственные отношения. Все это оказалось более действенным инструментом интеграции региона, делало включение казахской степи в пространство империи более гладким и быстрым, чем административное принуждение или идеологические проекты.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «После контакта с имперскими структурами: История Степного края, 1822–1917 гг.» (ИРН AP23489947).

Литература

Бикина, 2014 – Бикина А.А. Маслоделие в Западной Сибири в начале XX века: факторы развития, роль Союза сибирских маслодельных артелей // *Исторический журнал: научные исследования*. 2014. № 3. С. 344–356.

Быков, 2023 – Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация

казахского общества (1731–1917 гг.). В 2-х тт. / Отв. ред. А. Ш. Кадырбаев. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. 466 + 444 с.

Великая Сибирская..., 1901 – Великая Сибирская железная дорога / Всемирная выставка 1900 г. в Париже. СПб., 1901.

Воробьев, 2019 – Воробьев Д.Н. Н.В. Верещагин и школа молочного хозяйства в селе Единоуново // *Труды конференции*. Тверь, 2019. С. 4-49.

Гасанова, 2024 – Гасанова Е.В. Причины создания профессиональных сельскохозяйственных образовательных учреждений в Степном крае в конце XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2024. № 5 (139). С. 20-26.

Гермизеева, 2020 – Гермизеева В.В. Генерал-губернаторы Степного края (1882–1917) // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2020. Т. 5, № 2. С. 66-72.

Дерюгина, 2020 – Дерюгина И.В. Экономическая история эволюции сельского хозяйства Казахстана на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 240-254.

Китанина, 2012 – Китанина Т.М. Эволюция сельского хозяйства в конце XIX – начале XX века в свете модернизации российской экономики // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века*. СПб., 2012. С. 184-202.

Книга, 2018 – Книга М.Д. Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е годы XIX в. – 1917 г.). Дисс. ... докт. истор. наук. Воронеж, 2018. 532 с.

Книга, Быковская, 2021 – Книга М.Д., Быковская Г.А. Сельскохозяйственные школы Европейской России и их роль в повышении уровня аграрной культуры в период столыпинской реформы // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2021. № 11 (13). С. 20-30.

Книга, Фурсов, 2017 – Книга М.Д., Фурсов В.Н. Сельскохозяйственное просвещение в Российской империи: этапы становления // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2017. № 1 (274). С. 115-117.

Николаев, 2016 – Николаев А.А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // *ЭКО*. 2016. № 6 (504). С. 36-49.

Окраины России..., 1900 – Окраины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России / Под ред. П.П. Семенова. СПб., 1900.

Петриков, Вощикова, 2023 – Петриков А.В., Вощикова Н.К. Артельный проект Н.В. Верещагина и Вольное экономическое общество: история успеха // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. № 4. С. 384-410.

Постикэ, 2023 – Постикэ Н.Б. Модернизация сельского хозяйства Российской империи XIX в. в официальных документах и публицистике // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2023. № 1. С. 151-168.

Рыгалова, 2020 – Рыгалова М.В. Формирование сети сельскохозяйственных учебных заведений на окраинных территориях Российской империи в 1880–1910 гг. // *Вестник Алтайского государственного института культуры*. 2020. № 4. С. 82-89.

Семенов, 1900 – Семенов П.П. Степная киргизская окраина // *Окраины России*. СПб., 1900. С. 114-128.

Сорока, 2009 – Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 189 с.

Токмурзаев, 2016 – Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.

Третьяков, 2015 – Третьяков А.В. Формирование системы сельскохозяйственного образования в России // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология*. 2015. № 13. С. 103-110.

Фризен, 2020 – Фризен Д.Я. Хозяйство казахов Уральской и Тургайской областей во второй половине XIX в. // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2020. Т. 7. № 4. С. 151-156.

Шарапов, 1893 – Шарапов С.Ф. По русским хозяйствам: путевые письма из летней поездки 1892 года // *Новое время*. 1893. С. 43-65.

Burbank, Cooper, 2010 – Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

Gillham, 2000 – Gillham B. Case Study Research Methods. London; New York, 2000. 114 p.

Stake, 2003 – Stake R. Case Studies // *Strategies of Qualitative Inquiry*. Thousand Oaks, 2003. Pp. 134-164.

Yin, 2009 – Yin R.K. Case Study Research: Design and Methods. London, 2009.

Yin, 2013 – Yin R.K. Validity and Generalization in Future Case Study Evaluations // *Evaluation*. 2013. Vol. 12. No. 1. Pp. 219-245.

References

Bikina, 2014 – Bikina, A.A. (2014). Maslodelie v Zapadnoj Sibiri v nachale XIX veka: faktory razvitiya,

rol' Soyuza sibirskih maslodel'nyh artelej [Butter production in western Siberia in the early twentieth century: development factors, the role of the union of Siberian butter-making artels]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 3: 344-356. [in Russian]

Bykov, 2023 – Bykov, A.Yu. (2023). Rossijskaya politika v Stepnyh oblastyah i transformaciya kazahskogo obshchestva (1731–1917 gg.). V 2-h tt. [Russian policy in the Steppe regions and the transformation of Kazakh society (1731–1917). In 2 volumes.]. Otv. red. A. Sh. Kadyrbaev. M.: Institut vostokovedeniya RAN. 466 + 444 p. [in Russian]

Deryugina, 2020 – Deryugina, I.V. (2020). Ekonomicheskaya istoriya evolyucii sel'skogo hozyajstva Kazahstana na rubezhe XIX–XX vv. [Economic history of the evolution of agriculture in Kazakhstan at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 1: 240-254. [in Russian]

Frizen, 2020 – Frizen, D.Ya. (2020). Hozyajstvo kazahov Ural'skoj i Turgajskoj oblastej vo vtoroj polovine XIX v. [Economy of the Kazakhs of the Ural and Turgai regions in the second half of the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 7(4): 151-156. [in Russian]

Gasanova, 2024 – Gasanova E.V. Prichiny sozdaniya professional'nykh sel'skokhozyajstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii v Stepnom krae v kontse XIX v. [Reasons for the creation of professional agricultural educational institutions in the Steppe region at the late 19th century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(139): 20-26. [in Russian]

Germizeeva, 2020 – Germizeeva, V.V. (2020). General-gubernatory Stepnogo kraja (1882–1917) [Governors-General of the Steppe Region (1882–1917)]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'»*. 5(2): 66-72. [in Russian]

Gillham, 2000 – Gillham, B. (2000). Case Study Research Methods. London; New York. 114 p.

Kitanina, 2012 – Kitanina, T.M. (2012). Evolyutsiya sel'skogo khozyajstva v kontse XIX – nachale XX veka v svete modernizatsii rossijskoj ekonomiki [The evolution of agriculture in the late 19th – early 20th centuries in light of the modernization of the Russian economy]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka*. SPb. Pp. 184-202. [in Russian]

Kniga, 2018 – Kniga, M.D. (2018). Stanovlenie i razvitie sistemy sel'skohozyajstvennogo prosveshcheniya v guberniyah Evropejskoj Rossii (90-e gody XIX v. – 1917 g.) [Formation and development of the agricultural education system in the provinces of European Russia (1890s – 1917)]. Diss. ... dokt. istor. nauk. Voronezh. 532 p. [in Russian]

Kniga, Bykovskaya, 2021 – Kniga, M.D., Bykovskaya, G.A. (2021). Sel'skohozyajstvennye shkoly Evropejskoj Rossii i ih rol' v povyshenii urovnya agrarnoj kul'tury v period stolypinskogo reformy [Agricultural schools of European Russia and their role in raising the level of agrarian culture during the Stolypin reform]. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 11(13): 20-30. [in Russian]

Kniga, Fursov, 2017 – Kniga, M.D., Fursov, V.N. (2017). Sel'skokhozyajstvennoe prosveshchenie v Rossijskoj imperii: etapy stanovleniya [Agricultural education in the Russian Empire: stages of development]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(274): 115-117. [in Russian]

Nikolaev, 2016 – Nikolaev, A.A. (2016). Kak Sibir' v nachale XIX v. okazalas' v centre mirovoj trgovli maslom [How Siberia found itself at the center of the global butter trade in the early twentieth century]. *EKO*. 6(504): 36-49. [in Russian]

Okrainy Rossii, 1900 – Okrainy Rossii: Sibir', Turkestan, Kavkaz i polyarnaya chast' Evropejskoj Rossii [The outskirts of Russia: Siberia, Turkestan, the Caucasus, and the Polar Part of European Russia]. Pod red. P.P. Semenova. SPb., 1900. [in Russian]

Petrikov, Voshchikova, 2023 – Petrikov, A.V., Voshchikova, N.K. (2023). Artel'nyj proekt N.V. Vereshchagina i Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo: istoriya uspekha [N.V. Vereshchagin's artel project and the Free economic society: a success story]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 4: 384-410. [in Russian]

Postike, 2023 – Postike, N.B. (2023). Modernizatsiya sel'skogo khozyajstva Rossijskoj imperii XIX v. v ofitsial'nykh dokumentakh i publitsistike [Modernization of agriculture in the Russian Empire in the 19th century in official documents and journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 1: 151-168. [in Russian]

Rygalova, 2020 – Rygalova, M.V. (2020). Formirovanie seti sel'skohozyajstvennykh uchebnykh zavedenij na okrainnykh territoriyah Rossijskoj imperii v 1880–1910 gg. [Formation of a network of agricultural educational institutions in the outlying territories of the Russian Empire in the 1880s–1910s]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4: 82-89. [in Russian]

Semenov, 1900 – Semenov, P.P. (1900). Stepnaya kirgizskaya okraina [Steppe Kyrgyz outskirts]. Okrainy Rossii. SPb. Pp. 114-128. [in Russian]

Sharapov, 1893 – Sharapov, S.F. (1893). Po russkim hozyajstvam: putevyje pis'ma iz letnej poezdki 1892 goda [Across Russian farms: travel letters from a summer trip of 1892]. *Novoe vremya*. Pp. 43-65. [in Russian]

Soroka, 2009 – Soroka, N.N. (2009). Krest'yanskie pereseleniya i ih vliyanie na ekonomiku kazahskogo kochevogo aula [Peasant migration and their impact on the economy of a Kazakh Nomadic Aul]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk. 189 p. [in Russian]

- [Stake, 2003](#) – Stake, R. (2003). Case Studies. Strategies of Qualitative Inquiry. Thousand Oaks. Pp. 134-164.
- [Tokmurzaev, 2016](#) – Tokmurzaev, B.S. (2016). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraia [Agrarian colonization of the Steppe region]. Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk. 252 p. [in Russian]
- [Tret'yakov, 2015](#) – Tret'yakov, A.V. (2015). Formirovanie sistemy sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya v Rossii [Formation of the agricultural education system in Russia]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya*. 13: 103-110. [in Russian]
- [Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga, 1901](#) – Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga [The Great Siberian railway]. Vsemirnaya vystavka 1900 g. v Parizhe. SPb., 1901. [in Russian]
- [Vorob'ev, 2019](#) – Vorob'ev, D.N. (2019). N.V. Vereshchagin i shkola molochnogo hozyajstva v sele Edimonovo [N.V. Vereshchagin and the dairy farming school in the Village of Yedimonovo]. *Trudy konferencii. Tver'*. Pp. 4-49. [in Russian]
- [Yin, 2009](#) – Yin, R.K. (2009). Case Study Research: Design and Methods. London.
- [Yin, 2013](#) – Yin, R.K. (2013). Validity and Generalization in Future Case Study Evaluations. *Evaluation*. 12(1): 219-245.

На пути к товарному маслоделению: ситуативная гибкость бюрократии и казахи в Едимоновской школе, 1890-е годы

Эльмира Т. Телеуова ^{a, *}, Жанат Б. Кундакбаева ^a

^a Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье на основе делопроизводственных документов Министерства земледелия Российской империи (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация) анализируются механизмы экономической интеграции Степного края в общеимперское рыночное пространство. Исследование строится вокруг одного кейса: примера удивительной заботы представителей власти к индивидуальным нуждам казахов-стажеров Едимоновской школы молочного хозяйства в Тверской области. Они не только дали им стипендию для обучения сыроварению и маслоделению в «очаге аграрной модернизации России», но даже выделили дополнительную сумму на питание. В итоге целый год казахи питались по индивидуальному рациону. В статье инструментальный кейс о ситуативной гибкости бюрократии используется не ради описания, а для пересмотра обобщений предыдущей историографии. Кроме того, исследование вписывает Степной край в более широкий контекст – проект модернизации сельского хозяйства и преодоление аграрного кризиса конца XIX в. В статье сделан вывод о том, что на пути к реализации стратегической цели имперская бюрократия придавала сельскохозяйственному образованию статус механизма модернизации и проявляла ситуативную гибкость в местных реалиях. А целью было вписать скотоводство Сибири (Степной край как часть сибирской окраины) в общероссийский рынок, внедрить интенсивные методы, создать товарное животноводство и интегрировать отдаленный регион в общеимперское пространство. Исследование вносит вклад в историографию империй, смещая акцент с упрощенной дихотомии «эксплуатация vs. цивилизаторская миссия» к более сложной модели: прагматичного инвестирования для повышения экономической эффективности окраин. Наконец, статья вносит вклад в дебаты о гибкости и адаптивности имперского управления.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край как часть сибирской окраины, интеграция в общеимперское экономическое пространство, ситуативная гибкость бюрократии, товарное маслоделие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elmiradesebai@gmail.com (Э.Т. Телеуова), zhkundakbayeva@gmail.com (Ж.Б. Кундакбаева)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 988-995
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.988

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



To the Issue of the Activities of the Ufa Province Law Enforcement Agencies during the Russian Japanese War. Part 1

Goran Rajović ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^d, Alexander Y. Epifanov ^e, Ivan N. Kuksin ^f

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Synergy University, Moscow, Russian Federation

^f Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the analysis of the activities of the Ufa province's law enforcement system during the Russian-Japanese War; this article is the first part of this study. Archival documents published in the collection of materials "Law Enforcement agencies of the Ufa province in the crucial years of history (1894–1922)" were used as materials. The research uses the historiographical method (content analysis), the system method, etc.

The war has left a definite imprint on provincial law enforcement agencies, forcing them to work with increased vigilance and dedication. With the outbreak of the war, the revolutionary element became more active. According to the sources cited, the social revolutionaries and Social Democrats not only actively distributed illegal literature (propaganda leaflets, issues of the Iskra magazine, the Flying Leaf newspaper, etc.), but also planned terrorist acts against the imperial family. The agents of the Ufa provincial gendarme department and the Ufa security department promptly identified state (political) criminals, most of whom were representatives of the class of commoners (burghers) and peasants. At the same time, the provincial judicial system faced difficulties in determining whether there was a crime in the absence of an evidence base, the only element of which was the testimony of a gendarme informant.

Ordinary crime has also intensified; the documents we examined indicate cases of burglary, attempted murder, including of security personnel (however, this was committed not because of their official activities, but on a "domestic" basis). The number of administrative offenses has also increased, including the illegal sale of homemade alcoholic beverages with the inaction of police authorities, as indicated by relevant archival sources.

Keywords: Ufa province, Russo-Japanese war, law enforcement agencies of the Russian Empire.

1. Введение

Любая, даже незначительная, война является испытанием не только для экономики, но и для стабильности общества в целом. В каждом государстве всегда присутствуют как сторонники, так и противники войны; последние начинают активизироваться с началом неудач на фронте, принятием у войны затяжного характера с неизбежным ухудшением экономического положения, проведением военной мобилизации и пр. И в таких условиях деятельность правоохранительных органов, особенно структур государственной безопасности, в деле сохранения стабильности как политического режима, так и общества в целом, становится определяющей.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

Русско-японская война 1904–1905 годов изначально планировалась императором и его окружением как «легкая победоносная» и соответствующим образом преподносилась и обществу. Однако реалии войны полностью перечеркнули планы Николая II и его правительства, запоздало вынудив экономику и общество пойти на сверхусилия, которые лишь усугубили тяжесть поражения. И в этих условиях, когда война резко активизировала революционное движение, вылившееся в итоге в Первую русскую революцию 1905–1907 годов, работу правоохранительной системы и, прежде всего, службы государственной безопасности в лице так называемой жандармерии¹, несправедливо было бы называть удовлетворительной. В данной серии работ, состоящей из двух частей, мы попробуем сделать анализ работы правоохранительной системы в отдельно взятом, центральном, регионе Российской империи – Уфимской губернии, на основе архивных документов, опубликованных в сборнике «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)» ([Правоохранительные органы..., 2016](#)).

2. Материалы и методы

В качестве материалов данного исследования послужили документы, опубликованные в сборнике «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)», выпущенном под общей редакцией Г.В. Мордвинцева ([Правоохранительные органы..., 2016](#)). В настоящей части работы рассмотрены материалы периода марта – июля 1904 гг.

В качестве методической основы выступили следующие специальные исторические и общенаучные методы:

- Метод источниковедческого анализа: применялся для содержательного анализа источников о деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в годы Русско-японской войны;
- Метод системного анализа: применен для исследования правоохранительной деятельности в неотрывной связи с экономической и политической обстановкой, сложившейся в регионе в 1904–1905 гг.;
- Метод синтеза: использован для обобщения результатов и выводов данного исследования. Благодаря этому методу удалось выявить характерные особенности работы правоохранительных органов на территории Уфимской губернии.

Работа построена с учетом таких принципов научно-исторического исследования, как объективность, историзм и системность.

3. Обсуждение

Работ, посвященных деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) достаточно немного, что, прежде всего, связано с узостью проблематики.

Из комплексных работ, посвященных деятельности правоохранительных органов отметим монографию Р.Р. Каримова, А.Х. Султанова и С.Х. Хакимова «Полиция в системе органов губернского управления в дореволюционной России (к 300-летию российской полиции)» ([Каримов и др., 2018](#)), в которой делается обширный по хронологическим рамкам анализ деятельности полицейской службы в Российской империи; работа полиции в годы Русско-японской войны в Уфимской губернии освещается весьма фрагментарно.

Также отметим и монографию В.Л. Рассказова, И.В. Сирицы и Л.П. Рассказова «Сыскная полиция Российской империи: вторая половина XIX века – 1917 год (историко-правовое исследование)» ([Рассказов и др., 2017](#)), в которой (применительно к Русско-японской войне) деятельность сыскной полиции анализируется в основном лишь в общегосударственном масштабе. Похожим по своей сущности, но более детальным, является и фундаментальное исследование А.С. Масалимова «Губернская полиция в дореволюционной России (историко-правовое исследование)» ([Масалимов, 2016](#)).

Из статей в периодических научных изданиях отметим статью О.В. Автуховой, посвященной проблеме комплектования правоохранительных органов в Уфимской губернии в 1882–1917 годах ([Автухова, 2022](#)), а также статью С.Х. Хакимова об особенностях формирования и деятельности дореволюционной полицейской службы на территории данной губернии ([Хакимов, 2018](#)).

Также присутствует и несколько менее значительных исследований, однако работ, прямо и глубоко анализирующих проблему деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в годы Русско-японской войны, нами в открытом электронном доступе не найдено. Такая ситуация обеспечивает научную новизну и ценность данного исследования.

4. Результаты

Русско-японская война, как уже говорилось выше, стала испытанием не только для армии, флота, промышленности и экономики в целом, но и для полиции, как политической (жандармерии), так и

¹ Отдельный корпус жандармерии (ОКЖ) – политическая полиция Российской империи в 1827–1917 годах, главной задачей которой было обеспечение государственной безопасности.

сыскной (так называемой криминальной или «общеуголовной»). Документы, опубликованные в сборнике «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)» ([Правоохранительные органы..., 2016](#)) показывают некоторые особенности полицейских будней.

Первый документ – выдержка из приказа уфимского полицмейстера Бухартовского от 5 марта 1904 г. о распределении личного состава по полицейским постам в усиление действующим нарядам ([Правоохранительные органы..., 2016a: 52-54](#)): двухсменные посты на наиболее ответственных постах сменялись трехсменными для увеличения времени отдыха сотрудников полиции ввиду повышенной интенсивности служебной деятельности. Всего был усилен 21 пост, что, по нашему мнению, связано с применением превентивных мер для предотвращения возможных правонарушений.

Подтверждением гипотезы об активизации революционного движения, в особенности социал-революционеров и социал-демократов, служит документ «Секретный доклад уфимского полицмейстера прокурору Уфимского окружного суда о задержании полицейскими приставами распространителя социал-демократических листовок в гостинице. 21 марта 1904 г.» ([Правоохранительные органы..., 2016b: 54-55](#)). Доклад указывает на попытки агитации членами Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) полицейского контингента, а именно передачи одному из полицейских приставов вырезки из пропагандистской газеты РСДРП «Искра» с призывом к всеобщей стачке. Задержанный молодой человек оказался из мещанского сословия, житель г. Уфы; после проведения обыска юноша был передан в органы дознания, а именно в Уфимское губернское жандармское управление.

Документ «Приказ № 89 на 28 апреля 1904 г. уфимского полицмейстера» от 27 апреля 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016c: 55-57](#)) отражает будни полицейской службы Уфимской губернии. В нем выносятся благодарность личному составу в части оперативного реагирования при пожаре; награда (премия в 3 руб.) конному городовому, который, увидев подозрительных людей с мешками, проявил бдительность и пресек сокрытие двух подозреваемых, до этого проникших со взломом в жилое помещение, лично задержав при этом одного из нарушителей; премирование в размере 1 руб. пешему и конному городовым за поимку мелких правонарушителей. Указываются также и другие будничные мероприятия, в частности время зажигания уличных фонарей, разрешение фотографировать объекты Уфимской губернии частному фотографу, разрешение вновь заниматься извозом извозчикам, устранившим технические неисправности в повозках, а также розыскные ориентировки.

Особый интерес представляют документы, освещающие расследование дел, связанных с покушениями на сотрудников жандармерии в связи с исполнением их служебных обязанностей. Одним из таких документов является «Выписка из журнала Уфимского губернского совещания при уфимском губернаторе по рассмотрению дела по обвинению А.Г. Солодникова в попытке покушения на жандармского ротмистра Будагосского» от 7 июня 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016d: 57-58](#)). Серьезность дела и внимательное отношение к нему государства в лице как уголовной полиции, так и спецслужб подчеркивается присутствующими на совещании лицами, а именно Уфимского губернатора генерал-майора И.Н. Соколовского, прокурора окружного суда М.И. Зубовского, начальника губернского жандармского управления полковника Н.П. Артемьева; подобное покушение на убийство заместителя («помощника») начальника управления Уфимского ОКЖ являлось «государственным преступлением». Однако в ходе дознания было установлено, что преступление не содержало признаков «государственного», следовательно, покушение на убийство жандарма имело общеуголовный (или так называемый «бытовой»), а не политический характер; дело было направлено по подследственности в общеуголовные инстанции.

Вопросы межведомственного взаимодействия по политическим преступлениям отражены в следующем документе – «Секретном отношении начальника Уфимского губернского жандармского управления прокурору Уфимского окружного суда в связи с обнаружением газеты «Искра» у жителя г. Уфы С. Ф. Гарденина» от 6 июля 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016e: 58](#)). Как известно, ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее УУС) предусматривала определенный порядок процессуальных действий при выявлении признаков государственных преступлений, а именно незамедлительно сообщать прокурору судебной палаты (в предусмотренных законом случаях – местному прокурору или заместителю), что и было сделано начальником губернского ОКЖ.

Дознание по делу Гарденина было завершено лишь в октябре 1904 года, на что указывает «Выписка из журнала Уфимского губернского совещания о прекращении дознания по делу о С.Ф. Гарденине» от 20 октября 1904 года ([Правоохранительные органы..., 2016f: 59](#)). В совещании приняли участие губернатор, прокурор и начальник губернского ОКЖ под председательством губернатора. По его результатам было вынесено решение о том, что признаков политического преступления в действиях подсудимого не усматривалось (подсудимый молодого возраста нашел отрывок из нелегальной литературы – газеты «Искра» – на улице, принес домой и спрятал под подушку), в связи с чем дальнейшее производство по делу было решено прекратить.

В источниках встречаются свидетельства и вполне результативной оперативной работы сотрудников государственной безопасности Российской империи. В документе «Секретное отношение начальника Уфимского губернского жандармского управления прокурору Уфимского окружного суда

в связи с началом дознания над рабочими Златоустовского завода по подготовке покушения на царя Николая II» начальника губернского ОКЖ, полковника Артемьева от 9 июля 1904 г. содержится информация о подготовке рабочими г. Златоуста террористического акта в отношении императора Николая II, который должен был посетить город с визитом ([Правоохранительные органы..., 2016g: 59-61](#)). Указывается, что агент-осведомитель замначальника губернского ОКЖ, ротмистра Будагосского докладывает, что в результате наблюдения и разведбеседы с неким террористом Алашевым, находящимся в «разработке» у жандармерии, узнал о готовящемся покушении на императора. Алашев предполагал подорвать Николая II самодельным взрывным устройством (подорвав поезд либо карету), а после чего покончить жизнь самоубийством, однако сетовал на отсутствие некоторых ингредиентов для изготовления взрывчатого вещества. Также террорист показал агенту самиздатское учебное пособие по подрывному делу.

Опасаясь промедления, Будагосский провел обыск у Алашева и известных его пособников, изъяв 14 революционных патронов и нелегальную литературу (один номер социал-демократического журнала «Заря»); у пособников же обыск результатов не дал. В рапорте Артемьева указывается, что было принято решение взять под стражу двух предполагаемых террористов и без достаточных доказательств совершения теракта лишь на основании показаний осведомителя, который представлялся Будагосскому благонадежным.

Процессуальное продолжение этого дела частично отражено в документе «Отношение прокурора Казанской судебной палаты прокурору Уфимского окружного суда по делу о предполагаемом покушении на царя Николая II. Июль 1904 г.» ([Правоохранительные органы..., 2016h: 61-62](#)).

По смыслу содержания данного документа, представляющего собой предписание, выданное прокурору Уфимского окружного суда вышестоящим прокурором¹, в котором предписывалось провести более тщательное дознание подозреваемых. В отношении таковых было возбуждено уголовное дело по ст. 129 Уголовного уложения (далее – УУ), предусматривающей ответственность за публичные призывы к насильственной смене государственной власти, бунту, неповиновению представителям власти и т.п., а также по ст. 101 УУ, которая устанавливала уголовную ответственность за действия против порядка престолонаследия и императора лично при отягчающих обстоятельствах (а именно, использование взрывного устройства). Однако окружной прокурор посчитал доказательную базу (показания жандармского агента-осведомителя) недостаточной и собирався освободить подозреваемых за отсутствием состава преступления, однако прокурор Казанской судебной палаты вернул дело для повторного рассмотрения Губернским совещанием.

Особо отметим тот факт, что с самого начала Русско-японской войны 9 февраля² 1904 года, уфимские правоохранительные органы предприняли ряд мероприятий, направленных на предотвращение распространения нелегальной революционной пропагандистской литературы. Одним из примеров служит документ «Рапорт уфимского уездного исправника прокурору Уфимского окружного суда о распространении антиправительственных печатных изданий на Катав-Ивановском заводе» от 17 февраля 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016i: 62-63](#))

В рапорте указано, что в ночь на 14 февраля, то есть через 5 дней после начала войны, на улицах Катав-Ивановского завода были расклеены листовки антиправительственного содержания, а также найдена социал-демократическая революционная газета «Искра», а также брошюра с революционным текстом с красным оттиском печати «Петербургский комитет партии социал-революционеров», с заборов сняты листы газеты «Летучий листок» помеченная красной печатью «Уральский союз социалистов-революционеров и социал-демократов», листовки «Партии всех стран, соединяйтесь» Санкт-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса, Комитета РСДРП, а также листовки «Российская социал-демократическая рабочая партия – от Центрального комитета Всеобщего европейского рабочего союза в Литве, Польше и России». Помимо окружного прокурора, рапорт также адресован прокурору Казанской судебной палаты, начальнику Уфимского охранного отделения (далее – ОО) и начальнику Уфимского губернского жандармского управления с приложением указанных в рапорте вещественных доказательств.

Правоохранительные органы Уфимской губернии боролись не только с революционным движением, политической и криминальной преступностью, но и нарушениями в экономической сфере. Более того, не только с самой преступностью, но и с бездействием самих полицейских. В качестве примера приведем «Приказ № 90 на 12 июля 1904 г. белебеевского уездного исправника о результатах проверки работы урядников уездной полиции по борьбе с нарушениями винной монополии государства» от 11 июля 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016j: 63](#)).

В указанном документе уездный исправник отмечает бездействие полицейских урядников в деле пресечения занятий населением самогонварения и винодельчества с целью реализации,

¹ Прокуратура Российской империи после правовой реформы 1864 года имела жесткую иерархию, в которую входили (в порядке убывания уровня) генерал-прокурор (он же министр юстиции), обер-прокуроры кассационных департаментов Сената, прокуроры судебных палат и окружные прокуроры.

² Здесь и далее, все даты – по старому стилю.

на которое распространялась монополия государства. Исправник указывает, что в некоторых местах более чем полгода происходит незаконная торговля самодельным алкоголем, в то время как протоколов об административном правонарушении было составлено только один или два; приказывается в течение кратчайшего времени обнаружить все тайные места нелегальной торговли и пресечь правонарушение, в противном случае – уволить урядника с должности.

В заключении отметим, что нагрузка на правоохранительную систему выросла, особенно на соответствующие специальные службы, занимающиеся охраной государственной безопасности. Активизировалась и общеуголовная преступность. Общие выводы будут представлены в заключении.

5. Заключение

Как уже указывалось выше, война накладывает свой отпечаток и на правоохранительные органы, вынуждая их работать с повышенной бдительностью и самоотдачей.

1. С началом войны активизировался революционный элемент. Как показывают приведенные материалы, социал-революционеры и социал-демократы не только активно распространяли нелегальную литературу (пропагандистские листовки, номера журнала «Искра», газеты «Летучий листок» и др.), но и планировали террористические акты в отношении императорской семьи. Агентура Уфимского губернского жандармского управления и Уфимского охранного отделения своевременно выявляла государственных (политических) преступников, большая часть из которых была представителями сословия разночинцев (мещан) и крестьян. Вместе с тем, судебная система губернии столкнулась с трудностями в определении наличия состава преступления при отсутствии доказательной базы, единственным элементом которой были показания жандармского осведомителя.

2. Общеуголовная преступность также активизировалась; исследованные нами документы говорят о случаях краж с проникновением в жилище, покушениях на убийство, в том числе и сотрудников органов безопасности (однако таковое было совершено не в силу служебной деятельности таковых, а на «бытовой» почве).

3. Увеличилось также и количество административных правонарушений, в том числе и незаконная торговля самодельной алкогольной продукцией при бездействии полицейских органов, о чем говорят соответствующие архивные источники.

Литература

[Автухова, 2022](#) – Автухова О.В. Особенности комплектования правоохранительных органов на документах и материалах Уфимской губернии (1882–1917 гг.) // *E-Scio*. 2022. № 12 (75). С. 426-433.

[Каримов и др., 2018](#) – Каримов Р.Р., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция в системе органов губернского управления в дореволюционной России (к 300-летию российской полиции). Уфа, 2018.

[Масалимов, 2016](#) – Масалимов А.С. Губернская полиция в дореволюционной России (историко-правовое исследование). Уфа, 2016.

[Правоохранительные органы..., 2016](#) – Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922): Сб. док. и материалов / М-во внутрен. дел по Респ. Башкортостан, Упр. по делам архивов Респ. Башкортостан, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ); отв. ред. Г.В. Мордвинцев. Уфа, 2016.

[Правоохранительные органы..., 2016a](#) – Из приказа № 52 на 6-е марта 1904 г. уфимского полицмейстера. 5 марта 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 52-54.

[Правоохранительные органы..., 2016b](#) – Секретный доклад уфимского полицмейстера прокурору Уфимского окружного суда о задержании полицейскими приставами распространителя социал-демократических листовок в гостинице. 21 марта 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 54-55.

[Правоохранительные органы..., 2016c](#) – Приказ № 89 на 28 апреля 1904 г. уфимского полицмейстера. 27 апреля 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 55-57.

[Правоохранительные органы..., 2016d](#) – Выписка из журнала Уфимского губернского совещания при уфимском губернаторе по рассмотрению дела по обвинению А.Г. Солодникова в попытке покушения на жандармского ротмистра Будагосского. 7 июня 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 57-58.

[Правоохранительные органы..., 2016e](#) – Секретное отношение начальника Уфимского губернского жандармского управления прокурору Уфимского окружного суда в связи с обнаружением газеты «Искра» у жителя г. Уфы С.Ф. Гарденина. 6 июля 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 58.

[Правоохранительные органы..., 2016f](#) – Выписка из журнала Уфимского губернского совещания о прекращении дознания по делу о С.Ф. Гарденине. 20 октября 1904 года / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 59.

[Правоохранительные органы..., 2016g](#) – Секретное отношение начальника Уфимского губернского жандармского управления прокурору Уфимского окружного суда в связи с началом

дознания над рабочими Златоустовского завода по подготовке покушения на царя Николая II. 9 июля 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 59–61.

[Правоохранительные органы..., 2016h](#) – Отношение прокурора Казанской судебной палаты прокурору Уфимского окружного суда по делу о предполагаемом покушении на царя Николая II. Июль 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 61–62.

[Правоохранительные органы..., 2016i](#) – Рапорт уфимского уездного исправника прокурору Уфимского окружного суда о распространении антиправительственных печатных изданий на Катав-Ивановском заводе. 17 февраля 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 62–63.

[Правоохранительные органы..., 2016j](#) – Приказ № 90 на 12 июля 1904 г. белебеевского уездного исправника о результатах проверки работы урядников уездной полиции по борьбе с нарушениями винной монополии государства. 11 июля 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 63.

[Рассказов и др., 2017](#) – *Рассказов В.Л., Сирица И.В., Рассказов Л.П.* Сыскная полиция Российской империи: вторая половина XIX века – 1917 год (историко-правовое исследование). Краснодар, 2017.

[Хакимов, 2018](#) – *Хакимов С.Х.* Основные этапы и особенности формирования органов полиции в дореволюционной Башкирии (к постановке проблемы) // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2018. № 1 (79). С. 19–24.

References

[Avtukhova, 2022](#) – *Avtukhova, O.V.* (2022). Osobennosti komplektovaniya pravookhranitel'nykh organov na dokumentakh i materialakh Ufimskoi gubernii (1882–1917 gg.) [Features of staffing law enforcement agencies based on documents and materials of the Ufa province (1882–1917)]. *E-Scio*. 12(75): 426–433. [in Russian]

[Karimov i dr., 2018](#) – *Karimov, R.R., Sultanov, A.Kh., Khakimov, S.Kh.* (2018). Politsiya v sisteme organov gubernskogo upravleniya v dorevolutsionnoi Rossii (k 300-letiyu rossiiskoi politzii) [Police in the system of provincial government bodies in pre-revolutionary Russia (on the 300th anniversary of the Russian police)]. Ufa. [in Russian]

[Khakimov, 2018](#) – *Khakimov, S.Kh.* (2018). Osnovnye etapy i osobennosti formirovaniya organov politzii v dorevolutsionnoi Bashkirii (k postanovke problemy) [Main stages and features of the formation of police bodies in pre-revolutionary Bashkiria (towards the statement of the problem)]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1(79): 19–24. [in Russian]

[Masalimov, 2016](#) – *Masalimov, A.S.* (2016). Gubernskaya politsiya v dorevolutsionnoi Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie) [Provincial police in pre-revolutionary Russia (historical and legal study)]. Ufa. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016](#) – *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922): Sb. dok. i materialov* [Law enforcement agencies of the Ufa province during the turning points in history (1894–1922): Collection of documents and materials]. M-vo vnutren. del po Resp. Bashkortostan, Upr. po delam arkhivov Resp. Bashkortostan, Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akademiya (Akademiya VEGU); otv. red. G.V. Mordvintsev. Ufa, 2016. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016a](#) – Iz prikaza № 52 na 6-e marta 1904 g. ufimskogo politseimestera. 5 marta 1904 g. [From Order No. 52 of March 6, 1904, of the Ufa police master. March 5, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 52–54. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016b](#) – Sekretnyi doklad ufimskogo politseimestera prokuroru Ufimskogo okruzhnogo suda o zaderzhanii politseiskimi pristavami rasprostranatelya sotsial-demokraticeskikh listovok v gostinitse. 21 marta 1904 g. [Secret report of the Ufa police master to the prosecutor of the Ufa district court on the detention by police bailiffs of a distributor of social democratic leaflets in a hotel. March 21, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 54–55. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016c](#) – Prikaz № 89 na 28 aprelya 1904 g. ufimskogo politseimestera. 27 aprelya 1904 g. [Order No. 89 of April 28, 1904 of the Ufa police master. April 27, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 55–57. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016d](#) – Vypiska iz zhurnala Ufimskogo gubernskogo soveshchaniya pri ufimskom gubernatore po rassmotreniyu dela po obvineniyu A.G. Solodnikova v popytke pokusheniya na zhandarmskogo rotmistra Budagosskogo. 7 iyunya 1904 g. [Extract from the journal of the Ufa provincial meeting under the Ufa governor to consider the case against A.G. Solodnikov for the attempted assassination of gendarme captain Budagossky. June 7, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 57–58. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016e](#) – Sekretnoe otnoshenie nachal'nika Ufimskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya prokuroru Ufimskogo okružhnogo suda v svyazi s obnaruzheniem gazety «Iskra» u zhitelya g. Ufy S.F. Gardenina. 6 iyulya 1904 g. [Secret letter from the head of the Ufa provincial gendarme department to the prosecutor of the Ufa district court regarding the discovery of the Iskra newspaper from Ufa resident S.F. Gardenin. July 6, 1904]. Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922). Ufa, 2016. P. 58. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016f](#) – Vypiska iz zhurnala Ufimskogo gubernskogo soveshchaniya o prekrashchenii doznaniya po delu o S.F. Gardenine. 20 oktyabrya 1904 goda [Extract from the journal of the Ufa provincial Conference on the termination of the inquiry into the case of S.F. Gardenin. October 20, 1904]. Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922). Ufa, 2016. P. 59. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016g](#) – Sekretnoe otnoshenie nachal'nika Ufimskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya prokuroru Ufimskogo okružhnogo suda v svyazi s nachalom doznaniya nad rabochimi Zlatoustovskogo zavoda po podgotovke pokusheniya na tsarya Nikolaya II. 9 iyulya 1904 g. [Secret letter from the head of the Ufa Provincial Gendarme Department to the prosecutor of the Ufa District Court regarding the start of the investigation of workers of the Zlatoust plant in preparation for an assassination attempt on Tsar Nicholas II. July 9, 1904]. Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922). Ufa, 2016. Pp. 59–61. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016h](#) – Otnoshenie prokurora Kazanskoi sudebnoi palaty prokuroru Ufimskogo okružhnogo suda po delu o predpolagaemom pokushenii na tsarya Nikolaya II. Iyul' 1904 g. [Letter from the prosecutor of the Kazan Judicial Chamber to the prosecutor of the Ufa District Court regarding the case of the alleged assassination attempt on Tsar Nicholas II. July 1904]. Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922). Ufa, 2016. Pp. 61–62. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016i](#) – Raport ufimskogo uездного ispravnikа prokuroru Ufimskogo okružhnogo suda o rasprostranenii antipravitel'stvennykh pechatnykh izdaniy na Katav-Ivanovskom zavode. 17 fevralya 1904 g. [Report of the Ufa district police officer to the prosecutor of the Ufa district court on the distribution of anti-government printed publications at the Katav-Ivanovsky plant. February 17, 1904]. Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922). Ufa, 2016. Pp. 62–63. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016j](#) – Prikaz № 90 na 12 iyulya 1904 g. belebeevskogo uездного ispravnikа o rezul'tatakh proverki raboty urаdnikov uездnoi politzii po bor'be s narusheniyami vinnoi monopolii gosudarstva. 11 iyulya 1904 g. [Order No. 90 of July 12, 1904, of the Belebeevsky district police officer on the results of the inspection of the work of district police officers in combating violations of the state wine monopoly. July 11, 1904]. Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922). Ufa, 2016. P. 63. [in Russian]

[Rasskazov i dr., 2017](#) – Rasskazov, V.L., Siritsa, I.V., Rasskazov, L.P. (2017). Sysknaya politiya Rossiiskoi imperii: vtoraya polovina XIX veka – 1917 god (istoriko-pravovoe issledovanie) [Detective police of the Russian Empire: the second half of the 19th century – 1917 (historical and legal study)]. Krasnodar. [in Russian]

К вопросу о деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в период Русско-японской войны. Часть 1

Горан Райович ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^d, Александр Егорович Епифанов ^e, Иван Николаевич Куксин ^f

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^f Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено анализу деятельности правоохранительной системы Уфимской губернии в годы Русско-японской войны; данная статья является первой частью указанного исследования. В качестве материалов были привлечены архивные документы, опубликованные в сборнике материалов «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)». В исследовании применены историографический метод (контент-анализ), системный метод и др.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Война наложила определенный отпечаток на провинциальные правоохранительные органы, вынуждая их работать с повышенной бдительностью и самоотдачей. С началом войны активизировался революционный элемент. Как показывают приведенные источники, социал-революционеры и социал-демократы не только активно распространяли нелегальную литературу (пропагандистские листовки, номера журнала «Искра», газеты «Летучий листок» и др.), но и планировали террористические акты в отношении императорской семьи. Агентура Уфимского губернского жандармского управления и Уфимского охранного отделения своевременно выявляла государственных (политических) преступников, большая часть из которых была представителями сословия разночинцев (мещан) и крестьян. Вместе с тем, судебная система губернии столкнулась с трудностями в определении наличия состава преступления при отсутствии доказательной базы, единственным элементом которой были показания жандармского осведомителя.

Общегосударственная преступность также активизировалась; исследованные нами документы говорят о случаях краж с проникновением в жилище, покушениях на убийство, в том числе и сотрудников органов безопасности (однако таковое было совершено не в силу служебной деятельности таковых, а на «бытовой» почве). Увеличилось также и количество административных правонарушений, в том числе и незаконная торговля самодельной алкогольной продукцией при бездействии полицейских органов, о чем говорят соответствующие архивные источники.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Русско-японская война, правоохранительные органы Российской империи.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 996-1004
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.996

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



To the Issue of the Activities of the Ufa Province Law Enforcement Agencies during the Russian-Japanese War. Part 2

Goran Rajović ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^d, Alexander Y. Epifanov ^e, Ivan N. Kuksin ^f

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Synergy University, Moscow, Russian Federation

^f Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the analysis of the activities of the Ufa province's law enforcement system during the Russian-Japanese War; this article is the second part of this study. The documents contained in the collection of materials "Law enforcement agencies of the Ufa province in the crucial years of history (1894–1922)" were used as materials. The research uses the historiographical method (content analysis), the system method, etc. The documents we have examined indicate that the Party of Social Democrats actively conducted propaganda activities in the Ufa province, distributing illegal literature (revolutionary propaganda leaflets and pamphlets) primarily among Ufa workers. The driving force behind this activity was the bourgeoisie. The documents show active interdepartmental relations between the national and, in particular, regional bodies of the political police (Ufa Gendarmerie Department), the administration (represented by the governor), the detective police (Ufa Police Department) and control and supervisory agencies (represented by the district prosecutor). There is also an active inter-regional interaction of the gendarmerie. The cases were considered for a very long time, but carefully, as evidenced by the level of meetings reflected in the documents. The propaganda work of the revolutionaries led to strikes and economic demands from the workers. The workers of Ufa province openly made economic demands, which was not a crime. However, each such case was recorded and the heads of the provincial political and detective police kept them under control. As for strikes, even the most minor strikes were reported to the provincial executive authorities in the capital. The resettlement of representatives of the Jewish ethnic group was also monitored, as they made up the majority of the leaders of the revolutionary movement. With the beginning and intensification of the revolution of 1905–1907, law enforcement agencies had to suppress open revolutionary actions, expressed not only in demonstrations, but also riots, cases of disobedience, violence, etc.

Keywords: Ufa province, Russo-Japanese war, law enforcement agencies of the Russian Empire.

1. Введение

В данной работе нашего исследования, мы продолжаем анализ вопроса о деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в годы Русско-японской войны. Источником для данной статьи являются документы периода войны, опубликованные в сборнике архивных материалов «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)», выпущенный под редакцией Г.В. Мордвинцева и под эгидой трех ведомств Республики Башкортостан Российской Федерации – Министерства внутренних дел, Управления по делам архивов

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

и Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. Хронологические рамки исследования – период с сентября 1904 по июнь 1905 года¹.

2. Материалы и методы

В качестве материалов, как уже указывалось, были привлечены материалы, собранные в сборнике «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)» ([Правоохранительные органы..., 2016](#)) под редакцией коллектива авторов во главе с Г.В. Мордвинцевым. Сборник представляет из себя собрание архивных материалов из федеральных и региональных архивов, многие из которых были опубликованы впервые. Издание содержит 546 документов о деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в период с 1894 по 1922 годы, то есть с года восшествия на престол императора Николая II до упразднения губернии в уже советском государстве.

Методологическую основу составили:

1. Метод источниковедческого анализа применен для анализа содержания источников и материалов по правоохранительной деятельности в Уфимской губернии в период Русско-японской войны;

2. Метод системного анализа использован для всестороннего, комплексного и объективного анализа деятельности правоохранительной системы Уфимской губернии в годы Русско-японской войны в единой связи с внешне- и внутривластной обстановкой, экономической и демографической ситуацией и т.д.

3. Метод синтеза (или синтетический метод) применялся для формулирования результатов и выводов о работе уфимской правоохранительной системы в период с сентября 1904 по июнь 1905 годов.

3. Обсуждение

Работ, посвященных анализу деятельности правоохранительных органов на территории Уфимской губернии в период Русско-японской войны весьма мало, и данный вопрос освещен лишь в комплексных исследованиях причем достаточно фрагментарно и неполно; более подробный историографический анализ приведен нами в первой части данной работы.

В контексте нашей работы мы использовали фундаментальные исследования Р.Р. Каримова, А.Х. Султанова, С.Х. Хакимова «Полиция в системе органов губернского управления в дореволюционной России (к 300-летию российской полиции)» ([Каримов и др., 2018](#)), В.Л. Рассказова, И.В. Сирицы, Л.П. Рассказова «Сыскная полиция Российской империи: вторая половина XIX века – 1917 год (историко-правовое исследование)» ([Рассказов и др., 2017](#)), А.С. Масалимова «Губернская полиция в дореволюционной России (историко-правовое исследование)» ([Масалимов, 2016](#)) и др., а также статьи О.В. Автуховой ([Автухова, 2022](#)), С.Х. Хакимова ([Хакимов, 2018](#)) и др.

4. Результаты

Как указывалось нами в первой части нашей работы, ведение войны, даже незначительной, резко повышает нагрузку не только на экономику, промышленность, армию и флот, но и на деятельность правоохранительного контингента, призванного обеспечить правопорядок в обществе и стабильность государственного строя. Нельзя также не отметить, что деструктивные силы государства, такие как революционное и/или оппозиционное движение активизируются именно в военный период. В данной, второй части работы мы завершаем рассмотрение вопроса о деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в период Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Документ «Из приказа №189 на 1 сентября 1904 г. уфимского полицмейстера (Генриха Генриховича Бухартовского (1870–1926²), главы городской полиции Уфы в 1903–1912³ годах – *прим. авт.*). 31 августа 1904 г.» ([Правоохранительные органы..., 2016а: 63-64](#)) касается так называемого «еврейского вопроса»⁴, а именно (и в том числе) – проблемы их расселения вне черты оседлости и переселения; Бухартовский приказывает околоточным надзирателям (аналог современных участковых уполномоченных полиции – *прим. авт.*) и участковым приставам (аналог современных начальников районных отделов внутренних дел – *прим. авт.*) информировать полицмейстера (аналог современного начальника управления внутренних дел городского образования – *прим. авт.*) в максимально короткий срок (в тот же день) о переездах представителей данной этнической группы, а также лично принимать документы об их переездах начальствующим, а не рядовым составом полиции; причиной для такого приказа послужил неудовлетворительный учет переезда

¹ Здесь и далее, все даты – по старому стилю.

² Существуют разночтения о дате смерти. Наиболее часто фигурирует 1926 год и место смерти – г. Вильно.

³ По другим данным – до 1911 года.

⁴ Особое внимание к еврейскому этносу было обусловлено тем фактом, что значительную часть народнического движения, а впоследствии и революционной молодежи, составляли представители еврейской национальности.

представителей еврейского этноса в силу как текучести кадров в самой уфимской полиции, так и не вполне добросовестного отношения к службе. Как видим, полиция в меру своих скромных возможностей старалась держать на контроле передвижения потенциально опасных в революционном плане подданных российского общества.

Следующий документ, «Выписка из журнала Уфимского губернского совещания по материалам жандармского дознания о распространении революционных листовок и брошюр по Катав-Ивановскому заводу» от 6 сентября 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016b: 64-65](#)), иллюстрирует межведомственную работу губернских органов политической полиции, администрации и надзорного ведомства в части противодействия революционной деятельности. В документе излагается продолжение дела о распространении нелегальной литературы (революционных листовок и отрывков газет), описанного нами в первой части нашей работы. Присутствовали, соответственно, полковник Н.П. Артемьев, генерал-майор И.Н. Соколовский и прокурор М.И. Zubовский. Выписка констатирует, что виновных в ходе дознания обнаружено не было, поэтому совещание постановило о прекращении дальнейших следственных действий.

Противодействие революционному движению иллюстрирует и документ «Секретное донесение уфимского полицеймейстера прокурору Уфимского окружного суда об обнаружении прокламации «Воззвание к новобранцам» на сборном пункте новобранцев» от 22 ноября 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016c: 65](#)). Указывается, что околоточный надзиратель обнаружил около военных казарм и барачных нелегальную литературу, а именно листовки, обращенные к мобилизуемому воинскому контингенту. О содержании листовок донесение не указывает. Как видим, революционное движение вполне сохраняло свой потенциал, несмотря на противодействие властей.

Отметим, что с продолжением войны и поражениями русской армии и флота, революционная агитация среди новобранцев усиливалась. Подтверждением служит документ «Из секретного донесения уфимского уездного исправника прокурору Уфимского окружного суда об обнаружении в Миньярском заводе социал-демократической прокламации к солдатам-новобранцам» от 25 ноября 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016d: 65-66](#)). Уездный исправник (начальник уездной полиции, аналог в современности – начальник РОВД в сельских поселениях; *прим. авт.*) докладывал Уфимскому прокурору об антивоенной и революционной агитации в отношении работников Миньярского завода прибывшим на «побывку» (краткосрочный отпуск мобилизованного военнослужащего – *прим. авт.*) солдата, который, в свою очередь, подобрал ее в г. Уфа во время сбора новобранцев. Агитлистка принадлежала Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и была озаглавлена «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Прокламация содержала призыв бойкотировать приказы командиров подавлять огнем демонстрации, обращая внимание на то, что «внутренним врагом» (выражение взято в кавычки авторами листовки – *прим. авт.*) являются ближайшие родственники, друзья и знакомые призывников.

На распространение нелегальной литературы среди крестьян и других сельских жителей, а также среди рабочих железнодорожных мастерских г. Уфы указывает и «Секретное отношение начальника Уфимского губернского жандармского управления прокурору Уфимского окружного суда о революционной деятельности столяра Д.И. Григорьева в с. Иглино и о распространении революционной литературы в цехах Уфимских железнодорожных мастерских» от 4 декабря 1904 г. ([Правоохранительные органы..., 2016e: 66-68](#)).

Начальник Уфимской жандармерии уведомляет прокурора о революционной пропагандистской деятельности в селе Иглино Уфимского уезда, о которой, в свою очередь ему доложила полицейская служба: некий молодой человек («18–19 лет») активно раздает нелегальную литературу (революционные листовки с заголовками «Долой самодержавие», «Да здравствует социал-демократия», распространяемые, как представляется, РСДРП) и имеет большой запас таковой («целый сундук»). Жандармерия оперативно отреагировала на полученную информацию и выслала в Иглино троих сотрудников во главе с офицером (ротмистром, современный аналог звания капитана – *прим. авт.*) для производства следственных действий, а именно – установления личности, обыска и выемки нелегальной литературы.

По результатам оперативно-следственных мероприятий была установлена личность подозреваемого (им оказался рабочий – строитель новой сельской школы Дмитрий Григорьев), проведен обыск в месте его временного проживания, результатом которого стало обнаружение искомой нелегальной литературы, а сам подозреваемый задержан и арестован. В ходе дознания он показал, что сундук с листовками нашел около железнодорожного полотна за пределами с. Иглино. Один свидетелей, учитель сельской школы Григорий Пермяков, в ходе допроса показал, что подозревал Григорьева в подбрасывании ему нелегальных революционно-пропагандистских материалов, которые немедленно уничтожил. Однако позднее Пермяков попытался войти в доверие к подозреваемому, в результате чего получил еще несколько революционных брошюр. На основании показаний Пермякова, Григорьев был арестован по ст. 129 Уголовного уложения (далее – УУ) (распространение нелегальной литературы, направленной на разрушение основ государственного строя и власти; наиболее близкий современный аналог – ст. 280.4 Уголовного кодекса Российской Федерации – *прим. авт.*). В документе прослеживается и взаимодействие региональных управлений

органов политической полиции, в частности, Уфимской жандармерии с Управлением жандармерии Самарской губернии, где были обнаружены аналогичные революционные материалы.

В период Русско-японской войны уфимские рабочие выдвигали экономические требования, что подтверждает документ «Секретное предписание уфимского губернатора начальнику уфимских железнодорожных мастерских и службы тяги Самаро-Златоустовской железной дороги о принятии мер в связи с предъявлением рабочими депо железнодорожной станции «Уфа» требования о повышении заработной платы» от 15 января 1905 г. ([Правоохранительные органы..., 2016g: 72](#)). Указывается, что 15 января 1905 года около 100 человек из числа слесарей и рабочих депо «Уфа» пришли с требованием прибавки к заработной плате и выплате так называемых «мобилизационных денег» к начальнику депо Григорьеву, ссылаясь на аналогичные выплаты на Сибирской железной дороге. Григорьев рассказал, что не слышал о прибавке и предложил требования о прибавках изложить в письменном виде для представления вышестоящему руководству. Сам же Григорьев доложил об этом уфимскому губернатору, на что И.Н. Соколовский предписал всем железнодорожным начальникам докладывать об экономических требованиях рабочих ему лично.

Документ «Отношение министра внутренних дел Российской империи начальнику Уфимского губернского жандармского управления об адресе для связи большевистской фракции Заграничного центра РСДРП во главе с В.И. Ульяновым (Лениным) с уфимской организацией РСДРП» от 11 февраля 1905 г. раскрывает содержание некоторой части оперативной информации органов политической полиции о социал-демократическом революционном движении во главе с Лениным ([Правоохранительные органы..., 2016h: 72-73](#)).

Указывается, что РСДРП, штаб которой находился за границей, распалась на две структуры, так называемые «большинство» и «твердокаменные», «во главе которых стал писатель Ленин (выделено в источнике – *прим. авт.*) (Владимир Ульянов)» ([Правоохранительные органы..., 2016h: 73](#)). Отмечается, что фракция занялась самостоятельным изготовлением нелегальной революционной литературы (пропагандистских брошюр, а также периодического издания («органа») «Вперед»), а также налаживанием связей с другими социал-демократическими ячейками в России. Агентурные сведения показывают, что Ленин может прибыть в г. Уфа и воспользоваться конспиративными адресами и именами, в частности «врач Михаил Осипович Куржанский». В связи с чем министерство внутренних дел просит жандармерию в секретном порядке сообщить, с кем Ленин мог бы встречаться в Уфе. Документ, как видим, иллюстрирует межведомственные связи между сыскной и политической полицией в деле борьбы с революционным движением.

Документ «Предписание прокурора Уфимского окружного суда начальнику Уфимского губернского жандармского управления о необходимости освобождения из тюрьмы подследственного Д. Реута за слабостью улик» от 11 февраля 1905 г. ([Правоохранительные органы..., 2016i: 73-75](#)) раскрывает особенности следственных действий уфимской губернской жандармерии. Указывается, что у задержанного по статье 1035 УУ (революционная деятельность, направленная на свержение строя в дружественном для России государстве) мещанина не выявлено пособников и за 35 дней дознания получить сведения, явно указывающих на наличие события преступления, не удалось; в связи с чем прокурор просит начальника губернской жандармерии отпустить подозреваемого, но установить за ним негласное наблюдение.

В связи с указанным делом Дмитрия Реута собралось совещание представителей высших органов административной власти и правоохранительной деятельности Уфимской губернии, на что указывает следующий документ – «Выписка из журнала Уфимского губернского совещания от 4 апреля 1905 года, состоявшегося на основании 1035/27 ст. Уст. Угол. Суд. (закон 7 июня 1904 г.)» ([Правоохранительные органы..., 2016j: 75](#)). Совещание собралось лишь через почти два месяца, однако его уровень говорит о всей серьезности внимания, которое обращалось властями на революционное движение. На совещании подтвердили, что улик в отношении Реута недостаточно, в связи с чем постановили прекратить следственные действия.

Забастовочному движению уделялось весьма серьезное внимание и уфимские органы власти даже о мелких забастовках докладывали в столицу; примером служит документ «Из донесения уфимского вице-губернатора Департаменту полиции Министерства внутренних дел Российской империи о забастовке на мельнице уфимского предпринимателя Костерина» от 2 марта 1905 г. ([Правоохранительные органы..., 2016k: 76-78](#)). В документе указываются движущие силы забастовки («...Первая искра была брошена учащимися в лице двух серьезных агитаторов...»; [Правоохранительные органы..., 2016k: 76](#)), причины участия революционного, рабочего и крестьянского контингентов в забастовочном движении, ход забастовки, методы реагирования политической и сыскной полиции, а также администрации и пр. Отдельно указывается, что качественная агентурная работа привела к тому, «...что для полиции забастовка у Костерина не была неожиданностью..., разгоревшийся пожар (забастовочного движения – *прим. авт.*) был потушен при самом возникновении» ([Правоохранительные органы..., 2016k: 78](#)).

С развитием революции усилилась деструктивная работа партии социал-революционеров (эсеров). Так, документ «Секретное предписание Особого отдела Департамента полиции МВД Российской империи начальнику Уфимского жандармского губернского управления о более

основательной проверке дела в отношении Л.Х. Пеккера и усилении работы против уфимской группы партии социалистов-революционеров» от 31 марта 1905 г. ([Правоохранительные органы..., 2016l: 78-79](#)) говорит об усилении этой группы революционеров и о необходимости выяснения уфимских членов этой группы.

Часть документов указывает и об открытых беспорядках, произошедших, в частности, 1 мая 1905 года. Документ «Корреспонденция о первомайской демонстрации в Уфе» опубликованный в газете «Урал» от 6 мая 1905 г. ([Правоохранительные органы..., 2016m: 79-80](#)) указывает на случаи беспорядков и насилия, вызванных демонстрацией, однако правоохранительным органам удалось утихомирить население без использования оружия. Среди арестованных было несколько женщин, включая учащуюся гимназии, у других арестованных было изъято оружие («14 револьверов разных систем и калибров»; [Правоохранительные органы..., 2016m: 80](#)); у многих задержанных имелся рецидив по политическим преступлениям.

Также были беспорядки и до демонстрации 1 мая, на что указывает документ «Секретное отношение Департамента полиции МВД Российской империи начальнику Уфимского губернского жандармского управления о недостаточности доказательств в отношении беспорядков во время вечера в Белебеевском соединенном собрании» от 27 июня 1905 г. ([Правоохранительные органы..., 2016n: 80-81](#)), что говорит о развитии революции 1905–1907 годов в Уфимской губернии.

Значительный интерес вызывают и биографические материалы; в частности, документ «Формулярный (послужной) список уфимского полицмейстера Г.Г. Бухартовского. Составлен в 1904 г.» ([Правоохранительные органы..., 2016f: 69-71](#)) представляет собой биографическую справку из личного дела Уфимского полицмейстера. Указывается дата и место рождения, вероисповедание, перечень государственных наград, премирований, благодарностей и прочих поощрений по службе, отсутствие имения у него самого, супруги или родителей, отсутствие служебных взысканий, а также краткий биографический очерк, описывающий получение образования и этапы служебной карьеры. В отличие от современных справок-объективов, указан и годовой служебный доход Бухартовского, а именно 2470 руб., из которых непосредственно жалованье 985 руб., «столовые» (расходы на пропитание – *прим.авт.*), «на разъезды» (дорожные расходы) – 500 руб. Отметим, что жалованье по тем временам было весьма достойным.

5. Заключение

Работа уфимской жандармской и сыскной полиции в годы Русско-японской войны представляется весьма напряженной и она складывалась из нескольких направлений:

1. Революционная пропагандистская деятельность. Как указывают исследованные нами документы, партии социал-революционеров и, в особенности, социал-демократов активно вели такую работу, распространяя нелегальную литературу (революционные пропагандистские листовки и брошюры) прежде всего среди уфимских рабочих. Движущей силой данной деятельности выступало мещанское сословие. Документы показывают активные межведомственные связи общегосударственных и, в особенности, региональных органов политической полиции (Уфимского жандармского управления), администрации (в лице губернатора), полиции (Уфимского полицейского отделения) и контрольно-надзорных ведомств (в лице окружного прокурора). Также прослеживается активное межрегиональное взаимодействие жандармерии. Дела рассматривались весьма долго, но тщательно, о чем говорит уровень совещаний, отраженный в документах.

2. Забастовочная деятельность и экономические требования. Рабочие Уфимской губернии открыто выдвигали экономические требования, что не являлось преступлением. Каждый такой случай фиксировался и руководители губернской политической и сыскной полиции держали их под контролем. Даже о самых незначительных забастовках губернские органы исполнительной власти докладывали в столицу.

3. «Еврейский вопрос». Также под контролем находилось переселение представителей еврейского этноса, так как они составляли большую часть руководителей революционного движения. Руководители правоохранительных органов Уфимской губернии требовали от своих подчиненных усиления контроля за перемещением евреев с уведомлением начальства в тот же день.

4. Беспорядки и демонстрации. С началом и усилением революции 1905–1907 годов, правоохранительным органам пришлось подавлять открытые революционные выступления, выраженные не только в демонстрациях, но и беспорядках, случаях неповиновения, насилия и пр.

Литература

[Автухова, 2022](#) – Автухова О.В. Особенности комплектования правоохранительных органов на документах и материалах Уфимской губернии (1882–1917 гг.) // *E-Scio*. 2022. № 12 (75). С. 426-433.

[Каримов и др., 2018](#) – Каримов Р.Р., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция в системе органов губернского управления в дореволюционной России (к 300-летию российской полиции). Уфа, 2018.

[Масалимов, 2016](#) – Масалимов А.С. Губернская полиция в дореволюционной России (историко-правовое исследование). Уфа, 2016.

[Правоохранительные органы..., 2010](#) – Правоохранительные органы Уфимской губернии в годы революции и Гражданской войны (1894-1917): Сб. док. и материалов / Восточная экономико-юридическая гуманитарная акад. (Акад. ВЭГУ), Архивное упр. при Кабинете министров Респ. Башкортостан; сост. Г.В. Мордвинцев и др. Уфа, 2010.

[Правоохранительные органы..., 2016](#) – Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922): Сб. док. и материалов / М-во внутрен. дел по Респ. Башкортостан, Упр. по делам архивов Респ. Башкортостан, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ); отв. ред. Г.В. Мордвинцев. Уфа, 2016.

[Правоохранительные органы..., 2016a](#) – Из приказа №189 на 1 сентября 1904 г. уфимского полицмейстера. 31 августа 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 63-64.

[Правоохранительные органы..., 2016b](#) – Выписка из журнала Уфимского губернского совещания... / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 64-65.

[Правоохранительные органы..., 2016c](#) – Секретное донесение уфимского полицеймейстера прокурору Уфимского окружного суда об обнаружении прокламации «Воззвание к новобранцам» на сборном пункте новобранцев. 22 ноября 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 65.

[Правоохранительные органы..., 2016d](#) – Из секретного донесения уфимского уездного исправника прокурору Уфимского окружного суда об обнаружении в Миньярском заводе социал-демократической прокламации к солдатам-новобранцам. 25 ноября 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 65-66.

[Правоохранительные органы..., 2016e](#) – Секретное отношение начальника Уфимского губернского жандармского управления прокурору Уфимского окружного суда о революционной деятельности столяра Д.И. Григорьева в с. Иглино и о распространении революционной литературы в цехах Уфимских железнодорожных мастерских. 4 декабря 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 66-68.

[Правоохранительные органы..., 2016f](#) – Формулярный (послужной) список уфимского полицмейстера Г.Г. Бухартовского. Составлен в 1904 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 69-71.

[Правоохранительные органы..., 2016g](#) – Секретное предписание уфимского губернатора начальнику уфимских железнодорожных мастерских и службы тяги Самаро-Златоустовской железной дороги о принятии мер в связи с предъявлением рабочими депо железнодорожной станции «Уфа» требования о повышении заработной платы. 15 января 1905 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 72.

[Правоохранительные органы..., 2016h](#) – Отношение министра внутренних дел Российской империи начальнику Уфимского губернского жандармского управления об адресе для связи большевистской фракции Заграничного центра РСДРП во главе с В.И. Ульяновым (Лениным) с уфимской организацией РСДРП. 11 февраля 1905 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 72-73.

[Правоохранительные органы..., 2016i](#) – Предписание прокурора Уфимского окружного суда начальнику Уфимского губернского жандармского управления о необходимости освобождения из тюрьмы подследственного Д. Реута за слабостью улик. 11 февраля 1905 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 73-75.

[Правоохранительные органы..., 2016j](#) – Выписка из журнала Уфимского губернского совещания от 4 апреля 1905 года, состоявшегося на основании 1035/27 ст. Уст. Угол. Суд. (закон 7 июня 1904 г.) / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 75.

[Правоохранительные органы..., 2016k](#) – Из донесения уфимского вице-губернатора Департаменту полиции Министерства внутренних дел Российской империи о забастовке на мельнице уфимского предпринимателя Костерина. 2 марта 1905 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 76-78.

[Правоохранительные органы..., 2016l](#) – Секретное предписание Особого отдела Департамента полиции МВД Российской империи начальнику Уфимского жандармского губернского управления о более основательной проверке дела в отношении Л.Х. Пеккера и усилении работы против уфимской группы партии социалистов-революционеров. 31 марта 1905 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 78-79.

[Правоохранительные органы..., 2016m](#) – Корреспонденция о первомайской демонстрации в Уфе, опубликованная в газете «Урал». 6 мая 1905 г. // Урал, 6 мая 1905 г., № 2300 / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 79-80.

[Правоохранительные органы..., 2016n](#) – Секретное отношение Департамента полиции МВД Российской империи начальнику Уфимского губернского жандармского управления о

недостаточности доказательств в отношении беспорядков во время вечера в Белебеевском соединенном собрании. 27 июня 1905 г. / Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922). Уфа, 2016. С. 80–81.

[Рассказов и др., 2017](#) – *Рассказов В.Л., Сирица И.В., Рассказов Л.П.* Сыскная полиция Российской империи: вторая половина XIX века – 1917 год (историко-правовое исследование). Краснодар, 2017.

[Уфимское губернское..., 2012](#) – Уфимское губернское жандармское управление 1873–1917: док. и материалы / Авт.-сост.: Т.В. Исмагилов, А.В. Ключев, А.С. Масалимов, Г.В. Мордвинцев, М.И. Роднов, В.П. Федяшин. Уфа: Полиграфдизайн, 2012.

[Хакимов, 2018](#) – *Хакимов С.Х.* Основные этапы и особенности формирования органов полиции в дореволюционной Башкирии (к постановке проблемы) // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2018. № 1 (79). С. 19–24.

References

[Avtukhova, 2022](#) – *Avtukhova, O.V.* (2022). Osobennosti komplektovaniya pravookhranitel'nykh organov na dokumentakh i materialakh Ufimskoi gubernii (1882–1917 gg.) [Features of staffing law enforcement agencies based on documents and materials of the Ufa province (1882–1917)]. *E-Scio*. 12(75): 426–433. [in Russian]

[Karimov i dr., 2018](#) – *Karimov, R.R., Sultanov, A.Kh., Khakimov, S.Kh.* (2018). Politsiya v sisteme organov gubernskogo upravleniya v dorevolutsionnoi Rossii (k 300-letiyu rossiiskoi politsii) [Police in the system of provincial government bodies in pre-revolutionary Russia (on the 300th anniversary of the Russian police)]. Ufa. [in Russian]

[Khakimov, 2018](#) – *Khakimov, S.Kh.* (2018). Osnovnye etapy i osobennosti formirovaniya organov politsii v dorevolutsionnoi Bashkirii (k postanovke problemy) [Main stages and features of the formation of police bodies in pre-revolutionary Bashkiria (towards the statement of the problem)]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1(79): 19–24. [in Russian]

[Masalimov, 2016](#) – *Masalimov, A.S.* (2016). Gubernskaya politsiya v dorevolutsionnoi Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie) [Provincial police in pre-revolutionary Russia (historical and legal study)]. Ufa. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2010](#) – *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voyny (1894–1917): Sb. dok. i materialov* [Law enforcement agencies of the Ufa province during the years of the revolution and civil war (1894–1917): Collection of documents and materials]. Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akad. (Akad. VEGU), Arkhivnoe upr. pri Kabinete ministrov Resp. Bashkortostan; sost. G.V. Mordvintsev i dr. Ufa, 2010. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016](#) – *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922): Sb. dok. i materialov* [Law enforcement agencies of the Ufa province during the turning points in history (1894–1922): Collection of documents and materials]. M-vo vnutren. del po Resp. Bashkortostan, Upr. po delam arkhivov Resp. Bashkortostan, Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akademiya (Akademiya VEGU); otv. red. G.V. Mordvintsev. Ufa, 2016. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016a](#) – *Iz prikaza №189 na 1 sentyabrya 1904 g. ufimskogo politsmeistera*. 31 avgusta 1904 g. [From order No. 189 of September 1, 1904, of the Ufa police chief. August 31, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 63–64. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016b](#) – *Vypiska iz zhurnala Ufimskogo gubernskogo soveshchaniya...* [Extract from the journal of the Ufa provincial meeting...]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 64–65. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016c](#) – *Sekretnoe donesenie ufimskogo politseimestera prokuroru Ufimskogo okruzhnogo suda ob obnaruzhenii proklamatsii «Vozzvanie k novobrantsam» na sbornom punkte novobrantssev*. 22 noyabrya 1904 g. [Secret report of the Ufa police chief to the prosecutor of the Ufa district court on the discovery of the proclamation “Appeal to new recruits” at the recruit assembly point. November 22, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. P. 65. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016d](#) – *Iz sekretnogo doneseniya ufimskogo uezdnogo ispravnika prokuroru Ufimskogo okruzhnogo suda ob obnaruzhenii v Min'yarskom zavode sotsial-demokraticheskoi proklamatsii k soldatam-novobrantsam*. 25 noyabrya 1904 g. [From a secret report of the Ufa district police chief to the prosecutor of the Ufa district court on the discovery of a social democratic proclamation to new recruits at the Minyar plant. November 25, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 65–66. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016e](#) – *Sekretnoe otnoshenie nachal'nika Ufimskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya prokuroru Ufimskogo okruzhnogo suda o revolyutsionnoi deyatel'nosti stolyara D.I. Grigor'eva v s. Iglino i o rasprostranении revolyutsionnoi literatury v tsekhakh Ufimskikh zheleznodorozhnykh masterskikh*. 4 dekabrya 1904 g. [Secret letter from the head of the Ufa provincial gendarme department to the prosecutor of the Ufa district court regarding the revolutionary activities of

carpenter D.I. Grigoriev in the village of Iglino and the distribution of revolutionary literature in the shops of the Ufa railway workshops. December 4, 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 66–68. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016f](#) – Formulyarnyi (posluzhnoi) spisok ufimskogo politzmeistera G.G. Bukhartovskogo. Sostavlenn v 1904 g. [Service record of Ufa police master G.G. Bukhartovsky. Compiled in 1904]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 69–71. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016g](#) – Sekretnoe predpisanie ufimskogo gubernatora nachal'niku ufimskikh zheleznodorozhnykh masterskikh i sluzhby tyagi Samaro-Zlatoustovskoi zheleznoi dorogi o prinyatii mer v svyazi s pred'yavleniem rabochimi depo zheleznodorozhnoi stantsii «Ufa» trebovaniya o povyshenii zarabotnoi platy. 15 yanvarya 1905 g. [Secret order from the Ufa governor to the head of the Ufa railway workshops and the traction service of the Samara-Zlatoust railway on taking measures in connection with the demand for higher wages by workers at the Ufa railway station depot. January 15, 1905]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. P. 72. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016h](#) – Otnoshenie ministra vnutrennikh del Rossiiskoi imperii nachal'niku Ufimskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya ob adrese dlya svyazi bol'shevistskoi fraktsii Zagranichnogo tsentra RSDRP vo glave s V.I. Ul'yanovym (Leninym) s ufimskoi organizatsiei RSDRP. 11 fevralya 1905 g. [Letter from the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire to the head of the Ufa Provincial Gendarme Directorate regarding the contact address for the Bolshevik faction of the Foreign Center of the RSDLP, headed by V.I. Ulyanov (Lenin), with the Ufa organization of the RSDLP. February 11, 1905]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 72–73. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016i](#) – Predpisanie prokurora Ufimskogo okruzhnogo suda nachal'niku Ufimskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya o neobkhodimosti osvobozhdeniya iz tyur'my podsledstvennogo D. Reuta za slabost'yu ulik. 11 fevralya 1905 g. [Order of the prosecutor of the Ufa District Court to the Chief of the Ufa Provincial Gendarme Department on the need to release D. Reut from prison due to weak evidence. February 11, 1905]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 73–75. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016j](#) – Vypiska iz zhurnala Ufimskogo gubernskogo soveshchaniya ot 4 aprelya 1905 goda, sostoyavshegosya na osnovanii 1035/27 ct. Ust. Ugol. Sud. (zakon 7 iyunya 1904 g.) [Extract from the Journal of the Ufa Provincial Conference of April 4, 1905, Held on the Basis of Article 1035/27 of the Constitutional Court. (Law of June 7, 1904)]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. P. 75. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016k](#) – Iz doneseniya ufimskogo vitse-gubernatora Departamentu politzii Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii o zabastovke na mel'nitse ufimskogo predprinimatel'ya Kosterina. 2 marta 1905 g. [From the report of the Ufa vice-governor to the police Department of the ministry of internal affairs of the Russian Empire on the strike at the mill of the Ufa entrepreneur Kosterin. March 2, 1905]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 76–78. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016l](#) – Sekretnoe predpisanie Osobogo otdela Departamenta politzii MVD Rossiiskoi imperii nachal'niku Ufimskogo zhandarmskogo gubernskogo upravleniya o bolee osnovatel'noi proverke dela v otnoshenii L.X. Pekkeri i usilenii raboty protiv ufimskoi gruppy partii sotsialistov-revolutsionerov. 31 marta 1905 g. [Secret order of the Special Section of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire to the head of the Ufa Provincial Gendarme Directorate on a more thorough investigation of the case against L.Kh. Pekker and intensifying efforts against the Ufa group of the Socialist Revolutionary Party. March 31, 1905]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 78–79. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016m](#) – Korrespondentsiya o pervomaiskoi demonstratsii v Ufe, opublikovannaya v gazete «Ural». 6 maya 1905 g. [Correspondence on the May Day demonstration in Ufa, published in the Ural newspaper. May 6, 1905]. *Ural*, 6 maya 1905 g., № 2300. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 79–80. [in Russian]

[Pravookhranitel'nye organy..., 2016n](#) – Sekretnoe otnoshenie Departamenta politzii MVD Rossiiskoi imperii nachal'niku Ufimskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya o nedostatocnosti dokazatel'stv v otnoshenii besporyadkov vo vremya vechera v Belebeevskom soedinennom sobranii. 27 iyunya 1905 g. [Secret communication from the police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire to the head of the Ufa Provincial Gendarme Directorate regarding the insufficient evidence regarding the unrest during the evening at the Belebeevsky Joint Assembly. June 27, 1905]. *Pravookhranitel'nye organy Ufimskoi gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922)*. Ufa, 2016. Pp. 80–81. [in Russian]

[Rasskazov i dr., 2017](#) – *Rasskazov, V.L., Siritsa, I.V., Rasskazov, L.P. (2017). Sysknaya politziya Rossiiskoi imperii: vtoraia polovina XIX veka – 1917 god (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Detective police of the Russian Empire: the second half of the 19th century – 1917 (historical and legal study)]. Krasnodar. [in Russian]

Ufimskoe gubernskoe..., 2012 – Ufimskoe gubernskoe zhandarmское управление 1873–1917: dok. i materialy [Ufa provincial gendarme directorate 1873–1917: documents and materials]. Avt.-sost.: T.V. Ismagilov, A.V. Klyuev, A.S. Masalimov, G.V. Mordvintsev, M.I. Rodnov, V.P. Fedyashin. Ufa: Poligrafizain, 2012. [in Russian]

К вопросу о деятельности правоохранительных органов Уфимской губернии в период Русско-японской войны. Часть 2

Горан Райович ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^d, Александр Егорович Епифанов ^e, Иван Николаевич Куксин ^f

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^f Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено анализу деятельности правоохранительной системы Уфимской губернии в годы Русско-японской войны; данная статья является второй частью указанного исследования. В качестве материалов были привлечены документы, содержащиеся в сборнике материалов «Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922)». В исследовании применены историографический метод (контент-анализ), системный метод и др.

Исследованные нами документы указывают, что партия социал-демократов активно вела пропагандистскую деятельность на территории Уфимской губернии, распространяя нелегальную литературу (революционные пропагандистские листовки и брошюры) прежде всего среди уфимских рабочих. Движущей силой данной деятельности выступало мещанское сословие. Документы показывают активные межведомственные связи общегосударственных и, в особенности, региональных органов политической полиции (Уфимского жандармского управления), администрации (в лице губернатора), сыскной полиции (Уфимского полицейского отделения) и контрольно-надзорных ведомств (в лице окружного прокурора). Также, прослеживается активное межрегиональное взаимодействие органов жандармерии. Дела рассматривались весьма долго, но тщательно, о чем говорит уровень совещаний, отраженный в документах.

Пропагандистская работа революционеров приводила к забастовкам и экономическим требованиям рабочих. Рабочие Уфимской губернии выдвигали открыто экономические требования, что не являлось преступлением. Однако каждый такой случай фиксировался и руководители губернской политической и сыскной полиции держали их на контроле. Что касается забастовок, то даже о самых незначительных забастовках губернские органы исполнительной власти докладывали в столицу. Также, на контроле держалось переселение представителей еврейского этноса, так как они составляли большую часть руководителей революционного движения.

С началом и усилением революции 1905–1907 годов, правоохранительным органам пришлось подавлять открытые революционные выступления, выраженные не только в демонстрациях, но и беспорядках, случаях неповиновения, насилия и пр.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Русско-японская война, правоохранительные органы Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1005-1015
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1005

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Progressive Pedagogical Ideas in the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)

Yulia B. Nadtochiy^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The relevance of topics related to pedagogical heritage is undeniable: the upbringing and education of the younger generation determines not only the development of the individual, but also the overall development of the state and the future of the country. The quality of education and upbringing, and education in general, depends on the foundations that are laid in the field of pedagogy, on the approaches that will be used in the educational process. In this regard, the attention is paid to various progressive pedagogical ideas put forward by famous Russian figures in the pre-revolutionary period of time. The source base of the research includes a complex of historical materials: the works of famous scientists in the field of pedagogy (articles, essays, etc.), textbooks and educational materials. The methodological basis of the research is based on general scientific methods: analysis, synthesis, generalization, analogy and historical method. As the results of the work show, the pedagogical ideas that influenced the development of Russian pedagogy belonged not only to teachers, educators, scientists (teachers, educators, mentors, teachers), but also to representatives of other fields of science and knowledge – philosophers, historians, writers, publicists, etc. In conclusion, it is noted the need for further study of the pedagogical heritage in order to understand the genesis of pedagogical views and analyze the dynamics of the development of Russian pedagogical science, taking into account the generational change.

Keywords: Russian Empire, pedagogy, pedagogical ideas, progressive pedagogical thought, late 19th – early 20th centuries.

1. Введение

Изучение исторических особенностей развития педагогической мысли позволяет не только создать целостное представление о разнообразных педагогических подходах, но и сформировать определенную систему научных знаний. В связи с этим была поставлена цель исследования – выявить и изучить различные примеры прогрессивных педагогических идей, которые публиковались, высказывались, разрабатывались, реализовывались в Российской империи в период конца XIX – начала XX века и повлияли на эволюцию российской педагогической мысли, в частности, и мировой педагогической мысли в целом.

Эти передовые идеи имеют не только историческую ценность, но и пройдя проверку временем, реализуются сейчас и при этом не утратили своей актуальности. В связи с этим, автором предпринята попытка осмыслить, почему данные идеи являлись и являются востребованными длительный период времени. Поэтому в работе не просто рассмотрены педагогические идеи прошлого, а изучены первоисточники и приведены цитаты из этих трудов.

Стоит отметить, что изучаются педагогические идеи прошлого времени давно, но их изучение представляет непрерывный и постоянный процесс, так как при каждом новом прочтении может открыться новая грань, связанная, например, с историческим периодом времени появления идеи или периодом ее изучения.

* Corresponding author

E-mail addresses: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Yu.B. Nadtochiy)

В рамках заявленной темы исследования и поставленной цели необходимо дать определение некоторым терминам.

Педагогическая идея – это выражение основной мысли, представление, отражающие взгляд человека (ученого, педагога и др.) на состояние и/или преобразование педагогической науки (теории и практики).

Под прогрессивными педагогическими идеями предлагается понимать идеи (предложения, взгляды), вносящие новизну в уже существующие подходы к обучению, воспитанию и развитию человека – в целом к его образованию (вносящие новизну в существующую систему педагогических знаний) и задающие направление дальнейшего развития научной системы знаний (в том числе, на основе переосмысления устоявшихся принципов, концепций, подходов и появления и внедрения новых). Исходя из этого определения, особенностями прогрессивных педагогических идей является то, что они способствуют появлению новшеств и нововведений в педагогике, предполагают открытость новому, существенно влияют на развитие педагогической мысли и содействуют ее выходу на новые горизонты (формирование нового педагогического мышления, смена парадигм в педагогике, расширение спектра педагогической деятельности и пр.).

Как показывает практика, развитие педагогической мысли идет параллельно в разных областях: в области обучения, воспитания, развития и формирования личности, в области дошкольной, школьной, профессиональной педагогики и т.д. В работе приводятся примеры прогрессивных педагогических идей из разных областей педагогической науки.

2. Материалы и методы

В качестве основных материалов использовался комплекс исторических публикаций: труды известных ученых в сфере педагогики, учебники и учебные пособия, методические разработки.

С учетом изучаемой проблемы основное внимание в исследовании уделено опубликованным трудам педагогической тематики. Так, выявлению прогрессивных педагогических идей для их последующего анализа способствовало изучение первоисточников – трудов самих авторов этих идей: научных статей, очерков, учебных материалов (Стоюнин, 1855; Писарев, 1865; Тихомиров, 1902; Ельницкий, 1913; За сто лет, 1923 и др.).

Для изучения педагогических идей с разных позиций (с позиции коллег-педагогов, позиции ученых и др.) рассматривались публикации современников авторов идей и учебники по истории педагогики (Демков, 1895; Острогорский, 1897; Ельницкий, 1904 и др.).

Основу методологической базы исследования составляют общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, аналогия и исторический метод. С помощью анализа, синтеза, обобщения и аналогии проводились сбор и обработка педагогических работ, выявлялись передовые идеи, определялась их специфика. Применяемый метод сравнительного (сопоставительного) анализа позволил получить данные, помогающие осмыслить использование накопленного опыта в педагогической деятельности.

Применение исторического метода способствовало поиску исторических сведений, анализу информации в ретроспективе, сопоставлению полученных данных и формулированию определенных выводов.

3. Обсуждение

Исследований, изучавших вопросы развития русской педагогики, на данный момент времени накопилось очень много.

Педагогические идеи рассматриваются в учебных изданиях (пособиях, учебниках и пр.), научных статьях, публицистических материалах. Каждый исследователь по-своему понимает смысл, заложенный автором (педагогом, философом, публицистом, историком, врачом и др.) в свои идеи и их развитие и по-разному их интерпретирует.

В более ранних изданиях изучается история русской педагогики еще с древних времен: «русская педагогика начинается со времени принятия христианства (988 г.)» (Демков, 1895: 1; Демков, 1915: 1) и включает описание исторических особенностей педагогики XIX века.

В «Очерках по истории русской педагогики» отмечаются успехи русской педагогики, которых она достигла во второй четверти XIX века: появляются учебники и руководства для народной школы, развиваются методики общеобразовательных предметов. Но в основном большинство успехов сводится к появлению разных научных и публицистических статей по педагогике, учебников, учебных пособий, специализированных журналов, переводов трудов зарубежных педагогов-классиков (Демков, 1915: 141-144).

Опубликованы воспоминания, дневники, письма известных педагогических деятелей (например, В.Я. Стоюнина, Л.Н. Модзалевского, Д.И. Писарева, В.П. Острогорского), которые также помогают составить представление о взглядах этих выдающихся людей (За сто лет, 1923).

О своих современниках писали и сами педагоги. Так, Константин Васильевич Ельницкий в своем учебнике для учебных заведений излагает интересные биографические факты многих выдающихся педагогических деятелей второй половины XIX века, акцентирует внимание на педагогических воззрениях того времени (Ельницкий, 1904), а жизни и идеям К.Д. Ушинского

посвящает отдельный труд (лекцию) – «К.Д. Ушинский. Его жизнь, деятельность и педагогические труды» (Ельницкий, 1903).

В очерках, учебниках, учебных пособиях и научных статьях по истории развития русской педагогической мысли даются краткие основные данные о существовавших в разное время педагогических идеях и их авторах (Очерки по истории..., 1952). Изданы избранные педагогические сочинения в советское (Писарев, 1984; Водовозов, 1958; Острогорский, 1985) и постсоветское время (К.В. Ельницкий о воспитании, 2004).

В изданиях советского времени рассматривается развитие педагогической мысли с дофеодального периода до 1917 года. В «Хрестоматии по истории школы и педагогики в России» помещены первоисточники, с которыми предлагается ознакомиться студентам – будущим учителям (Хрестоматия по истории..., 1986). Однако послереволюционные издания несколько специфично интерпретируют достижения педагогики в царской России.

В более современных работах также продолжается изучение становления и развития педагогической мысли (Антология педагогической..., 1990).

Изучаются педагогические идеи русских историков (Чибухашвили, 2008). Так, изучение идей Н.М. Карамзина (начало XIX века), позволяет определить составляющие компоненты воспитания: семья, религия, нравственность и патриотизм и влияющие на него факторы: семейное (домашнее) воспитание, общество (общественная обстановка) и культура. Воспитание, с точки зрения В.О. Ключевского, должно осуществляться в единстве с обучением и во взаимодействии с семьей (сотрудничество школы и семьи) (Чибухашвили, 2008).

В справочниках рассматриваются основные вехи в развитии педагогической мысли, что способствует пониманию последовательности появления и становления разнообразных педагогических учений (Лещинский и др., 2004).

Некоторые статьи посвящены пересмотру идей, их наполненности в соответствии с историческим периодом времени (Касаткина и др., 2016).

В целом в современных исследованиях освещается широкий круг вопросов, связанных с педагогической деятельностью. Большое количество проводится исследований, посвященных вопросам просвещения и образования народа (появление учебных учреждений, оплата труда педагогических работников, организация внеучебной деятельности учащихся и пр.) (Cherkasov, 2023; Ильина, 2023; Balanyuk et al., 2023; Seleznev, Zubov, 2024; Naumkina et al., 2025; Ильина, Красюкова, 2025; Baibarin et al., 2025 и др.). В статьях изучаются вопросы реформирования педагогической системы (Кобыльсков, 2020).

Публикуются исторические материалы по педагогике на сайтах библиотек (Педагогическая мысль..., 2023).

Отдельного внимания в связи с развитием педагогики заслуживает вопрос о заимствовании и передаче опыта в этой области. Широко известны идеи зарубежных педагогов (распространявшиеся в рассматриваемый период времени), которые использовались в российской педагогике (например, идеи Марии Монтессори, Яна Амоса Коменского, Иоганна Генриха Песталоцци, Герберта Спенсера и др.). При этом некоторые из них не только признавались, но и критиковались нашими педагогами, а вот о применении и развитии идей российских педагогов за рубежом очень мало сведений. Есть данные о строительстве и открытии первой русской школы в Харбине (1898 г.), а позже и об открытии Харбинского педагогического института (1925 г.), где активно применялись наработки российской педагогики (Автономов, 1937; Василенко, 2002; Косинова, 2013). В очерках того времени уделялось особое внимание задачам национального воспитания в школе и вопросам патриотического воспитания подрастающего поколения. Звучал призыв хранить заветы основоположников русской школы для «сознания ценности своего национального бытия»: «как маяки, в настоящее время светят встречающиеся там и сям, по всему миру, русские национальные, в большинстве случаев, беженские школы, старающиеся сохранить ту живую струю национальной традиции школьного дела, которая последовательно восходит к славным именам Пирогова, Ушинского, барона Корфа, Юркевича, Стоюнина и других основоположников русской школы. То, что ими постепенно, последовательно высказывалось в течение ряда десятков лет, является для нас сокровищницей национальной педагогической мысли и культуры» (Ершов, 1926: 81).

Как видно по результатам проведенного анализа работ, изучаются педагогические идеи давно и многими исследователями, однако, каждый исследователь по-своему понимает, осмысливает и интерпретирует эти идеи, каждый автор может вложить свой смысл в озвученную идею. Поэтому интерес к педагогическим идеям прошлого не иссякает. В данном материале также предпринята попытка авторского осмысления прогрессивных педагогических идей, высказывавшихся и реализовывавшихся в Российской империи конце XIX – начале XX веков.

4. Результаты

Идей, связанных с вопросами педагогики, в царской России было множество, причем самых разнообразных: по области/сфере применения (в начальной школе, в высшей школе или вообще универсальные идеи и пр.), по масштабности (от одной небольшой идеи, касающейся

усовершенствования процесса обучения или воспитания до педагогического изобретения и открытия), по содержанию (предметно-ориентированные, ориентированные на развитие личности, касающиеся метода обучения или полноценного подхода к обучению, воспитанию и пр.).

Далее будут рассмотрены примеры разных педагогических идей обозначенного периода времени. Для иллюстрации, пояснения, анализа излагаемых педагогических идей подобраны цитаты авторов идей из их опубликованных трудов (первоисточников).

Результаты проведенной работы показывают, что педагогические идеи выдвигали не только педагоги (учителя, преподаватели, педагоги-ученые), но и философы, писатели, историки, публицисты и даже врачи (например, зарубежный метод обучения Монтессори разработан Марией Монтессори, которая по образованию была физиологом, а по профессии – врачом, в России – это педагогические идеи Н.И. Пирогова). Однако зачастую в одном человеке могли уживаться сразу несколько призваний, например: педагог, философ и врач или педагог и писатель.

Следует отметить, что некоторые педагогические идеи могли совпадать и развивались педагогами параллельно. А также достаточно сложно установить точную хронологическую последовательность педагогических идей, так как время появления авторской педагогической идеи практически нигде не фиксировалось (за исключением некоторых дневников).

Как уже отмечалось, педагогических идей и наработок в конце XIX – начале XX века в области педагогики было очень много. Наиболее известными представителями рассматриваемого периода времени, высказывающими педагогические идеи, являются Николай Иванович Пирогов (1810–1881 гг.), Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870 гг.), Василий Иванович Водовозов (1825–1886 гг.), Владимир Яковлевич Стоюнин (1826–1888 гг.), Лев Николаевич Толстой (1828–1910 гг.), Сергей Александрович Рачинский (1833–1902 гг.), Николай Александрович Корф (1834–1883 гг.), Николай Александрович Добролюбов (1836–1861 гг.), Пётр Францевич Лесгафт (1837–1909 гг.), Лев Николаевич Модзалевский (1837–1896 гг.), Виктор Петрович Острогорский (1840–1902 гг.), Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868 гг.), Дмитрий Иванович Тихомиров (1844–1915 гг.), Константин Васильевич Ельницкий (1846–1917 гг.), Петр Федорович Каптерев (1849–1922 гг.), Николай Иванович Кареев (1850–1931 гг.), Василий Порфирьевич Вахтёров (1853–1924 гг.), Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864–1940 гг.), Владимир Иванович Чарнолуский (1865–1941 гг.), Евгений Александрович Бобров (1867–1933) и др.

В рамках данной работы рассмотрим лишь некоторые идеи, прогрессивность которых отчасти определяется и актуальностью ранее провозглашенных и опубликованных педагогических идей в настоящее время.

Для педагога очень важно владение разными методиками обучения (методикой обучения математике, методикой обучения русскому языку и пр.), поэтому часть педагогических идей относится к решению вопроса: как обучать людей разного возраста? Педагогическая идея заключается в том, чтобы понять, как научить педагогов, чтобы они могли лучше, эффективнее обучать разным предметам других людей. По сути, это педагогическая идея создания разнообразных методических разработок в области обучения людей разного возраста.

Известны методические разработки Дмитрия Ивановича Тихомирова, такие как буквари, азбуки, конспекты занятий, курсы грамматики, методики преподавания русского языка и др., а также Василия Ивановича Водовозова – практические уроки по системе обучения грамоте (руководство к азбуке), методики обучения грамоте, арифметике и другим предметам и курс по изучению русского языка Владимира Яковлевича Стоюнина.

В «Элементарном курсе грамматики городских и двуклассных училищ» изучаются разные темы и составлены Дмитрием Ивановичем упражнения для закрепления пройденного материала. Так, например, при изучении темы «Слово и слог» предлагается следующее упражнение: «Выписать прежде односложные слова, потом двухсложные, трехсложные и многосложные: дуб, роща, береза, осина, гребень...» (Тихомиров, 1902: 10), а для закрепления темы «Изменение звуков» – «Изменить в полногласную форму слова: глас, влас, враг, врата, млеко, млад, млат, град, хранить ...» (Тихомиров, 1902: 15).

Курс грамматики, написанный Владимиром Яковлевичем Стоюниным, является уникальным учебником по изучению русского языка: «смею думать, что мой опыт есть первый, и знаю, что далеко несовершенный. Я пользовался всеми новейшими исследованиями по русской филологии ...» (Стоюнин, 1855: II). Резюмируя свои соображения, которыми руководствовался Владимир Яковлевич при написании этого учебника, он указывает цель к которой стремился при создании высшего курса «чтобы ученик в последствии сам мог делать наблюдения над языком и объяснять себе многие его факты» (Стоюнин, 1855: IV).

В педагогических сочинениях В.Я. Стоюнин отмечает такую идею, как необходимость установления тесной связи школы и семьи «без этой связи школа делается сухою, безжизненною и маловоспитательною, семья – эгоистичною, лишенною высших интересов жизни и возможности проверять свои воспитательные элементы», а также внимательного изучения содержания такой связи «дело педагогов рассмотреть, в чем именно должна заключаться тесная связь русской семьи и русской школы» (Стоюнин, 1892: 443),

Прогрессивными являются и педагогические идеи об использовании практико-ориентированного подхода при обучении и метода наглядности в обучении для более прочного освоения учебного предмета и подготовки к жизни.

Так, В.И. Водовозов высказывает в своих работах мысль о необходимости расширения практических знаний, которые даются в университетах: «университеты у нас до тех пор не будут иметь сильного влияния на жизнь, пока в них не будет внесено возможно большее число прикладных знаний» (Водовозов, 1958: 137).

В книге «Предметы обучения в народной школе. Методика обучения грамоте, арифметике и др. предметам» в разделе «Беседы и наглядное обучение» Василий Иванович дает следующие наставления для развития представлений ребенка об окружающем мире: «... наглядность необходима в преподавании каждого предмета, и притом наглядность в обширном смысле слова, где мы действуем не на одно только зрение, а и на другие чувства» (Водовозов, 1958: 253).

Воспитание здоровых людей («чтобы эти будущие русские люди были здоровыми, свежими и сильными людьми» (Писарев, 1865: 133)) тоже можно обозначить как педагогическую идею. Д.И. Писарев выдвигает идею о внимании к здоровью и об охране здоровья учащихся, говорит о создании необходимых условий для сохранения здоровья учащихся: «совершенное игнорирование гигиены с каждым годом становится менее возможным для всех разнообразнейших отраслей государственного хозяйства» (Писарев, 1865: 127), «мы знаем в каком положении находится наша педагогическая практика; мы знаем, как резко противоречит она самым элементарным началам гигиенической науки...» (Писарев, 1865: 133). В статье «Школа и жизнь» Дмитрий Иванович Писарев рассуждает о вредном влиянии школы на здоровье учеников (в частности, с позиции гигиенических требований) и дает советы по вопросам: как сидеть за школьной партой, когда лучше готовить уроки и др. (Писарев, 1865: 116-162).

Также Дмитрию Ивановичу принадлежит идея раннего обучения ребенка иностранному языку, он предлагает начать изучение иностранного языка с детского сада, в играх, где будут дети – носители иностранного языка и русские дети. И описывает этот процесс следующим образом: «Кто хочет устроить, например, французский сад, тому надо, для первого начала, отыскать полудюжину маленьких французикув, которые не знали бы никакого языка, кроме своего родного. Потом надо показать этим французикув насколько забавных игр, в которых необходимо вести некоторые разговоры. Потом, когда эти игры будут в полном разгаре, надо открыть прием русских детей; но открывать надо не вдруг; принимать детей надо сначала поодиночке для того, чтобы русские не могли завести своих отдельных игр, и для того, чтобы они, поневоле присоединяясь к веселой компании французов, поневоле выучивались господствующему языку» (Писарев, 1865: 162).

И действительно, учеными ранний возраст детей признается наиболее восприимчивым (сенситивным) к разного рода обучению.

В конце XIX века появляется и обосновывается идея о всеобщем начальном обучении и доступности учебных и других материалов.

Книга Василия Порфирьевича Вахтёрва «Всеобщее обучение» посвящена этой созвучной идее всеобщего обязательного начального обучения в России. В.П. Вахтёрв проводит такое сравнение: «так как величие, благосостояние, промышленность, финансы, мирное культурное развитие страны, правильный ход всех ее общественных учреждений – зависит, прежде всего, от количества знаний в народе, то обучение должно быть так же обязательным, как обязательно отбывание воинской повинности и уплата государственных налогов» (Вахтёрв, 1897: 15).

В труде «Внешкольное образование народа» Василий Порфирьевич указывает на необходимость создания библиотек «одним из величайших благ, отличающих наше время от эпох, ему предшествовавших, служит изобилие и общедоступность хороших книг» (Вахтёрв, 1896: 4).

Много идей высказывалось В.П. Вахтёровым по организации нравственного воспитания подрастающего поколения. Так, по мнению Василия Порфирьевича, для нравственного воспитания большое значение имеет нравственное внушение и пример педагога, а также умение педагога развить чувство долга у подопечного «первым условием нравственного внушения является то, чтобы говорящее лицо пользовалось полным доверием ученика, верящего в его искренность и правоту, чтобы его слово не вызывало в детях ни малейшего сомнения» (Вахтёрв, 1901: 60), «развить чувство долга – это значит сделать человека высоконравственным существом. Любить добро не ради внешних выгод, которые оно может доставить (оно может и не доставить этих выгод, а, напротив, может причинить страдания), а для него самого, действовать так, чтобы твоё поведение могло стать всеобщим законом и вело к благу для всего человечества, – это значит поступать согласно с своим долгом» (Вахтёрв, 1901: 75).

Идея о том, что развитие ребенка происходит в игре, имеет длинные корни, однако считается, что активно она стала изучаться только в начале XX века. Но есть более ранний пример понимания значимости игр и развлечений для детей при освоении ими окружающей действительности.

Пётр Федорович Каптерев указывает на важное значение детской игры в развитии человека: не понять необходимость игры для детей – «значить не понять детства; не суметь удовлетворить потребности детей в игре – значит не дать им самой нужной и подходящей к их возрасту пищи.

С детской игрой серьезно должны считаться родители и воспитатели, детскую игру должен внимательно изучать психолог» (Каптерев, 1898: 4). Играм и развлечениям детей Пётр Федорович посвящает целую работу в «Энциклопедии воспитания и обучения» под названием «О детских играх и развлечениях», где говорит не только о необходимости таких игр и развлечений, но и описывает историю возникновения, их разновидности и педагогическую ценность, дает рекомендации родителям.

Идея самообразования также имеет длинную историю, но ее развитие в педагогике как раз приходится на период конца XIX века.

Владимир Иванович Чарнолуцкий рассматривает вопросы самообразования и его необходимости в жизни человека. Владимир Иванович так рассуждает: «целью самообразования является выработка стройного мировоззрения, охватывающего все стороны жизни природы, общества и личности. Только выработав в себе такое мировоззрение, личность может освободиться из под крепкой власти предрассудков и рутины окружающей среды, зажечь сознательной жизнью, освещаемой светом научного знания ...» (Чарнолуцкий, 1909: 10). А для этого человеку надо научиться понимать как построить процесс своего самообразования, иметь представление об области общечеловеческого знания и правильное представление о предстоящей работе над собой. Вот эти рассуждения В.И. Чарнолуцкого заложены в его идее об обязательности самообразования для любого человека.

В качестве педагогической идеи можно рассматривать и предложение о духовном развитии с детского возраста, что является фундаментом нравственного поведения человека.

Константин Васильевич Ельницкий рассуждает о религиозном воспитании молодого поколения, выдвигая следующие идеи: «необходимо воспитывать юношество в одном определенном, именно христианском направлении» (Ельницкий, 1913: 4), «каждый учитель должен быть учителем морали, нравственности, Закона Божия» (Ельницкий, 1913: 6), указывает на взаимозависимость обучающихся и воспитывающих от их предыдущего опыта, которые они сами получили от своих наставников (педагогов) в процессе их воспитания и обучения на то, как они будут потом учить своих подопечных, говорит о необходимости при обучении будущих учителей хорошего примера их учителей «в деле выработки хороших учителей и учительниц огромное значение имеет пример тех учителей, которые обучают готовящихся быть учителями или учительницами, а также примеры тех учителей или учительниц, уроки которых наблюдают готовящиеся к педагогической деятельности» (Ельницкий, 1913: 12).

Педагогическим вопросам организации и проведения работы с родителями, взаимодействия школы и семьи посвящены труды А.Н. Острогорского. Здесь одной из педагогических идей можно признать идею обучения родителей решать педагогические вопросы в унисон со школой (с образовательным учреждением).

Алексей Николаевич Острогорский в работе «Об отношении семьи к школе» ставит очень важные вопросы «как выбрать для своего ребенка учебное заведение?», «считаться ли с его способностями?», «как заметить задатки этих способностей» и многие другие и пытается найти ответ на них, указывает на необходимость внимания родителей к разным педагогическим вопросам. В частности, интересно такое высказывание Алексея Николаевича «воспитание и образование, говоря теоретически, и состоит только в содействии развитию сил, заложенных в организме; оно ничего не создает и ничего не уничтожает, но только обогащает опыт и наблюдение субъекта, изощряет его силы, укрепляет его власть над самим собою» (Острогорский, 1900: 6).

Еще интересна педагогическая идея о воспитании детей на художественных произведениях, которые помогают познавать окружающий мир, усваивать нравственные образцы поведения и пр.

Так, Алексей Николаевич изучая разнообразные вопросы воспитания с разных сторон, предлагает воспитывать на художественных произведениях «одна наука не выручит воспитателя, хотя серьезное образование во многом поможет ему. Необходима наблюдательность и особое чутье к явлениям душевной жизни юношества. Нам кажется поэтому вполне правильно искать союза между психологией и педагогикой, с одной стороны, и художественными произведениями – с другой» (Острогорский, 1897: 2).

Одна из педагогических идей А.Н. Острогорского – это идея воспитания молодого поколения на изучении произведений русских писателей как образца представляющего «добрые чувства, мысли и образы, которые желательно запечатлеть в детской душе, как капитал со стороны образования сердца и воображения» (Острогорский, 1874: 1), «мы не пишем руководства к изучению родного языка – а просто рассматриваем писателей в их воспитательном значении» (Острогорский, 1874: 3). Алексей Николаевич говорит о том, чтобы ребенок в поэтах видел друзей, имел желание выучить стихи наизусть и делится таким наблюдением: «в детстве знающие наизусть много образцов, впоследствии лучше говорят и пишут» (Острогорский, 1874: 2).

5. Заключение

Работ, посвященных изучению передовых педагогических идей, очень много, но до сих пор актуальным остается изучение этих идей, так как они оказали существенное влияние на развитие не только русской, но и мировой педагогики. Идеи российских педагогов изучаются, заимствуются и развиваются, а также на их основе рождаются новые идеи.

По-прежнему идеи педагогов прошлых лет не только вдохновляют на изучение их наследия, но и составляют широкий спектр направлений для исследований разного рода.

Изучение вклада известных деятелей в развитие русской педагогики помогает: ориентироваться в современных проблемах теории и практики образования, в поиске оптимальных подходов и методов, получить представление о воззрениях на воспитание и обучение подрастающего поколения в тот период времени, позаимствовать лучшие практики. Дальнейшие исследования также необходимы для обобщения педагогического опыта, для проведения дальнейшего сравнительно-исторического анализа с целью определения динамики развития педагогических идей сквозь призму времен.

По полученным результатам можно утверждать, что рассматриваемый период дореволюционного времени стал определенной вехой в развитии русской педагогической мысли.

Литература

Автономов, 1937 – Автономов Н.П. Харбинский педагогический институт (1925–1937): исторический очерк // *Сборник Государственного Педагогического Института (1925–1937)*. Харбин, 1937. С. 143–160.

Антология педагогической..., 1990 – Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / Сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. 608 с.

Василенко, 2002 – Василенко Н.А. Русские педагоги в Маньчжурии // *Россия и АТР*. 2002. № 1. С. 104–114.

Вахтёров, 1896 – Вахтёров В.П. Внешкольное образование народа. Москва: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1896. 380 с.

Вахтёров, 1897 – Вахтёров В.П. Всеобщее обучение. Москва: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1897. 216 с.

Вахтёров, 1901 – Вахтёров В.П. Нравственное воспитание и начальная школа. Москва: Ред. журн. "Русская мысль", 1901. VII, 241 с.

Водовозов, 1958 – Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения / сост. В.С. Аранский; под ред. В.З. Смирнова; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 632 с.

Демков, 1895 – Демков М.И. История русской педагогики / [Соч.] М.И. Демкова, д. чл. Нежин. ист.-филол. о-ва при Ин-те кн. Безбородко... Ч. 1-3. Древне-русская педагогия. (X–XVII вв.) / 3 т.; 24. Ревель: [журн.] "Гимназия", 1895–1909, 1895. 326 с.

Демков, 1915 – Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики: Для нар. учителей и учителей, учит. семинарий и ин-тов, жен. ин-тов и гимназий и епарх. женск. уч-щ / Сост. М.И. Демков, б. дир. Моск. учит. ин-та.... 3-е изд., испр. Москва: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 144 с.

Ельницкий, 1903 – Ельницкий К.В. К.Д. Ушинский Его жизнь, деятельность и пед. труды, Из публ. лекции, прочит. в пользу О-ва вспомоществования учащим и учившим в Акмол. обл. Санкт-Петербург: Д.Д. Полубояринов, 1903. 32 с.

Ельницкий, 1904 – Ельницкий К.В. ... Русские педагоги второй половины XIX-го столетия: Для учеб. заведений, в которых преподается педагогика. СПб.: Д.Д. Полубояринов, 1904. 167 с.

Ельницкий, 1913 – Ельницкий К.В. ... Из записной тетради старого учителя: Пед. заметки. 2-е изд. Санкт-Петербург: М.М. Гутзац, 1913. 48 с.

Ершов, 1926 – Ершов М.Н. Школа и национальная проблема: социально-педагогический очерк. Харбин, 1926. 83 с.

За сто лет, 1923 – За сто лет. Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк. Пг.: 13 Сов. труд. шк., 1923. 252 с.

Ильина, 2023 – Ильина И.Ю. Динамика возрастных характеристик профессорско-преподавательского состава высшей школы: актуальные тенденции и оценка рисков // *Экономика. Налоги. Право*. 2023. 16(6): 79–87. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X2023-16-6-79-87>

Ильина, Красюкова, 2025 – Ильина И.Ю., Красюкова Н.Л. Оплата труда преподавателей вузов в условиях модернизации высшей школы: динамика и дифференциация // *Экономика. Налоги. Право*. 2025. 18(3): 100–111. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2025-18-3-100-111>

К.В. Ельницкий о воспитании, 2004 – К.В. Ельницкий о воспитании: Для педагогов, родителей, школьников ст. возраста, студентов пед. и духов. сред. и высш. учеб. заведений. [Сост.: А. П. Фурсов]. Москва: Школ. пресса, 2004 (ГУП Чехов. полигр. комб.). 191 с.

Каптерев, 1898 – Каптерев П.Ф. Энциклопедия семейного воспитания и обучения / "Родительский кружок при Педагогич. музее в.-уч. зав. в СПб."; редактор П. Каптерев. О детских играх и развлечениях / [соч.] П. Ф. Каптерева. Вып. 4. Санкт-Петербург: тип. Е. Евдокимова, 1898. 58 с.

Касаткина и др., 2016 – Касаткина С.Н., Тарасова Е.И., Гущина Н.А. Взгляды В.П. Вахтерова на воспитание в свете современных проблем детства // *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2016. Т. 4. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/59PDMN216.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

Кобыльсков, 2020 – Кобыльсков В.А. Образовательные традиции в дореволюционной России в начале XX в. // *Вестник СПбГИК*. 2020. 3 (44). С. 46–50. DOI: 10.30725/2619-0303-2020-3-46-50

- Косинова, 2013** – Косинова О.А. Антропологические исследования Педагогического института в Харбине (1925 – 1937 гг.) // *Знание. Понимание. Умение*. 2013, № 2. С. 231-239.
- Лещинский и др., 2004** – Лещинский В.И., Мозгарев Л.В., Неделина С.В., Седова Е.Е. Краткий справочник по курсу История образования и педагогической мысли: великие педагоги, значительные события, факты на оси времени: учебное пособие. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orthedu.ru/uchposob/pedagogika/2033-leshhinskij-v-mozgarev-l-nedelina-s-sedova-e-kratkij-spravochnik-po-kursu-istoriya-obrazovaniya-i-pedagogicheskoy-mysli.html> (дата обращения: 26.03.2026)
- Острогорский, 1874** – Острогорский А.Н. Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми: (для матерей, воспитателей и учеников) / [соч.] В.П. Острогорского, [1-2]. [Выражающееся в пословицах народное воззрение на слово. Кольцов. Крылов. Пушкин. Жуковский. Гоголь. Лермонтов]. Санкт-Петербург: Д. Е. Кожанчиков, 1874. 140 с.
- Острогорский, 1897** – Острогорский А.Н. Педагогические экскурсии в область литературы. Москва: К. Тихомиров, 1897. 298 с.
- Острогорский, 1900** – Острогорский А.Н. Энциклопедия семейного воспитания и обучения / "Родительский кружок при Педагогич. музее в.-уч. зав. в СПб."; редактор П. Каптерев. Об отношении семьи к школе / [соч.] Алексея Ник. Острогорского. Санкт-Петербург: тип. Е. Евдокимова, 1900. 36 с.
- Острогорский, 1985** – Острогорский А.Н. Избранные педагогические сочинения. Акад. пед. наук СССР; [отв. ред. Г.Н. Волков; вступ. ст. М. Г. Данильченко, с. 6-40]. Москва: Педагогика, 1985. 352 с.
- Очерки по истории..., 1952** – Очерки по истории педагогики: Сборники статей / Под ред. проф. Н. А. Константинова; Акад. пед. наук РСФСР. Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. 756 с.
- Педагогическая мысль..., 2023** – Педагогическая мысль в 18 – начале 20 века // Донская государственная публичная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://dspl.ru/blog/provystavki/pedagogicheskaya-mysl-v-18-nach-20-veka/?ysclid=mnokeme1wo890991036> (дата обращения: 21.03.2026).
- Писарев, 1865** – Писарев Д.И. Школа и жизнь // *Русское слово*. 1865. [7]. Июль Лит.-полит. журнал [Тип. Рюмина и К°]. С. 116-162.
- Писарев, 1984** – Писарев Д.И. Избранные педагогические произведения / Сост. В.В. Большакова. М.: Педагогика, 1984. 368 с.
- Стоюнин, 1855** – Стоюнин В.Я. Высший курс русской грамматики, составленный Владимиром Стоюниным. Санкт-Петербург: тип. И. Фишона, 1855. IV, 167 с.
- Стоюнин, 1892** – Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. Санкт-Петербург: тип. Уч-ща глухонемых, 1892. 650 с.
- Тихомиров, 1902** – Тихомиров Д.И. Элементарный курс грамматики: Для гор. и двухклассных школ / Сост. Д. Тихомиров, учитель образцовой школы при Учительск. семинарии воен. ведомства. [78-е изд.]. Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 156 с.
- Хрестоматия по истории..., 1986** – Хрестоматия по истории школы и педагогики в России (до Великой Октябрьской социалистической революции): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Сост. и авт. ввод. очерков С. Ф. Егоров. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1986. 432 с.
- Чарнолуский, 1909** – Чарнолуский В. А. О самообразовании. С.-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1909. 79 с.
- Чибухашвили, 2008** – Чибухашвили О.А. Педагогические идеи историков Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского // *Вестник ТГУ*. 2008. Вып. 3 (59). С. 196-202.
- Baibarin et al., 2025** – Baibarin A.A., Tyurin I.V., Savostyanova S.A., Khrushchev E.G. 195 Years since the Birth of Alexander Ivanovich Georgievsky (1830–1911): To the Anniversary of the Russian Teacher // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 110-116. DOI: 10.13187/bg.2025.1.110
- Balanyuk et al., 2023** – Balanyuk L.L., Grimalskaya S.A., Gordeev I.A., Smirnov M.G. To the Issue of the Development and Operation of Secondary Schools of the Ministry of Railways of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1998-2003. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1998
- Cherkasov, 2023** – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1683
- Naumkina et al., 2025** – Naumkina V.V., Vorotilina T.V., Grimalskaya S.A., Zhirov R.M. The Educational Function of the Customary Law of the Peoples of Siberia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 228-237. DOI: 10.13187/bg.2025.1.228
- Seleznev, Zubov, 2024** – Seleznev P.S., Zubov V.V. Private Charity as a Factor in the Quality of Life of Moscow University Students in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 831-840. DOI: 10.13187/bg.2024.2.831

References

- Antologiya pedagogicheskoy..., 1990** – Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [An anthology of pedagogical thought in Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Sost. P.A. Lebedev. M.: Pedagogika. 1990. 608 p. [in Russian]

- Avtonomov, 1937** – Avtonomov, N.P. (1937). Harbinskij pedagogicheskij institut (1925–1937): istoricheskij ocherk [Harbin pedagogical Institute (1925–1937): a historical sketch]. *Sbornik Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta (1925–1937)*. Harbin. Pp. 143–160. [in Russian]
- Baibarin et al., 2025** – Baibarin, A.A., Tyurin, I.V., Savostyanova, S.A., Khrushchev, E.G. (2025). 195 Years since the Birth of Alexander Ivanovich Georgievsky (1830–1911): To the Anniversary of the Russian Teacher. *Bylye Gody*. 20(1): 110–116. DOI: 10.13187/bg.2025.1.110
- Balanyuk et al., 2023** – Balanyuk, L.L., Grimalskaya, S.A., Gordeev, I.A., Smirnov, M.G. (2023). To the Issue of the Development and Operation of Secondary Schools of the Ministry of Railways of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1998–2003. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1998
- Charnoluskij, 1909** – Charnoluskij, V.A. (1909). O samoobrazovanii [On self-education]. S.-Peterburg: Tip. M. A. Aleksandrova. 79 p. [in Russian]
- Cherkasov, 2023** – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683–1694. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1683
- Chibuhashvili, 2008** – Chibuhashvili, O.A. (2008). Pedagogicheskie idei istorikov N.M. Karamzina i V.O. Klyuchevskogo [Pedagogical ideas of historians N.M. Karamzin and V.O. Klyuchevsky]. *Vestnik TGU*. 3(59): 196–202. [in Russian]
- Demkov, 1895** – Demkov, M.I. (1895). Istoriya russkoj pedagogii [The history of Russian pedagogy]. [Soch.] M.I. Demkova, d. chl. Nezhin. ist.-filol. o-va pri In-te kn. Bezborodko... Ch. 1–3. Drevne-russkaya pedagogiya. (X–XVII vv.). 3 t.; 24. Revel': [zhurn.] "Gimnaziya". 1895–1909. 326 p. [in Russian]
- Demkov, 1915** – Demkov, M.I. (1915). Ocherki po istorii russkoj pedagogiki [Essays on the history of Russian pedagogy]: Dlya nar. uchitelej i uchitel'nic, uchit. seminarij i in-tov, zhen. in-tov i gimnazij i eparh. zhensk. uch-shch. Sost. M.I. Demkov, b. dir. Mosk. uchit. in-ta.... 3-e izd., ispr. Moskva: tip. t-va I.D. Sytina. 144 p. [in Russian]
- El'nickij, 1903** – El'nickij, K.V. (1903). K.D. Ushinskij Ego zhizn', deyatel'nost' i ped. Trudy [K.D. Ushinsky His life, activity and pedagogical works], Iz publ. lekcii, proshit. v pol'zu O-va vspomoshchestvovaniya uchaschim i uchivshim v Akmol. obl. Sankt-Peterburg: D.D. Poluboyarinov. 32 p. [in Russian]
- El'nickij, 1904** – El'nickij, K.V. (1904). Russkie pedagogi vtoroj poloviny XIX-go stoletiya [Russian teachers of the second half of the 19th century]: Dlya ucheb. zavedenij, v kotoryh prepodaetsya pedagogika. SPb.: D.D. Poluboyarinov. 167 p. [in Russian]
- El'nickij, 1913** – El'nickij, K.V. (1913). ... Iz zapisnoj tetradi starogo uchitelya: Ped. Zametki [... From the notebook of an old teacher: Pedagogical notes]. 2-e izd. Sankt-Peterburg: M.M. Gutzac. 48 p. [in Russian]
- Ershov, 1926** – Ershov, M.N. (1926). Shkola i nacional'naya problema: soc.-ped. ocherk [School and the National problem: a socio-pedagogical essay]. Harbin. 83 p. [in Russian]
- Hrestomatiya po istorii..., 1986** – Hrestomatiya po istorii shkoly i pedagogiki v Rossii (do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii) (1986) [A textbook on the history of schools and pedagogy in Russia (before the Great October Socialist Revolution)]: Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov. Sost. i avt. vvod, ocherkov S. F. Egorov. 2-e izd., pererab. M.: Prosveshchenie. 432 p. [in Russian]
- Il'ina, 2023** – Il'ina, I.Yu. (2023). Dinamika vozrastnyh harakteristik professorsko-prepodavatel'skogo sostava vysshej shkoly: aktual'nye tendencii i ocenka riskov [Dynamics of Age Characteristics of the Teaching Staff of the Higher School: Current Trends and Risk Assessment]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 16(6): 79–87. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X2023-16-6-79-87> [in Russian]
- Il'ina, Krasnyukova, 2025** – Il'ina, I.Yu., Krasnyukova, N.L. (2025). Oplata truda prepodavatelej vuzov v usloviyah modernizacii vysshej shkoly: dinamika i differenciaciya [Remuneration of university teachers in the context of higher school modernization: Dynamics and differentiation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 18(3): 100–111. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2025-18-3-100-111> [in Russian]
- K.V. El'nickij o vospitanii, 2004** – K.V. El'nickij o vospitanii: Dlya pedagogov, roditelej, shkol'nikov st. vozrasta, studentov ped. i duhov. sred. i vyssh. ucheb. zavedenij (2004). [K. V. Yelnitsky on education: For teachers, parents, school-age students, students of pedagogical and spiritual environments. and higher. studies. institutions]. [Sost.: A. P. Fursov]. Moskva: Shkol. pressa (GUP CHEkhov. poligr. komb.). 191 p. [in Russian]
- Kapterev, 1898** – Kapterev, P.F. (1898). Entsiklopediya semejnago vospitaniya i obucheniya [Encyclopedia of family education and training]. "Roditel'skij kruzhok pri Pedagogich. muzee v.-uch. zav. v SPb."; redaktor P. Kapterev. O detskih igrakh i razvlecheniyah. [soch.] P. F. Kaptereva. Vyp. 4. Sankt-Peterburg: tip. E. Evdokimova. 58 p. [in Russian]
- Kasatkina i dr., 2016** – Kasatkina, S.N., Tarasova, E.I., Gushchina, N.A. (2016). Vzglyady V.P. Vahterova na vospitanie v svete sovremennyh problem detstva [V.P. Vakhterov's views on education in the light of modern childhood problems]. *Internet-zhurnal «Mir nauki»*. 4(2). [Electronic resource]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/59PDMN216.pdf> (date of access: 26.03.2026). [in Russian]

- Kobyl'skov, 2020** – Kobyl'skov, V.A. (2020). Obrazovatel'nye tradicii v dorevolucionnoj Rossii v nachale XX v. [Educational traditions in pre-revolutionary Russia in the early twentieth century]. *Vestnik SPbGIK*. 3(44): 46-50. DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-46-50 [in Russian]
- Kosinova, 2013** – Kosinova, O.A. (2013). Antropologicheskie issledovaniya Pedagogicheskogo instituta v Harbine (1925 –1937 gg.) [Anthropological studies of the Harbin Pedagogical Institute (1925-1937)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2: 231-239. [in Russian]
- Leshchinskij et al., 2004** – Leshchinskij, V.I., Mozgarev, L.V., Nedelina, S.V., Sedova, E.E. (2004). Kratkij spravochnik po kursu Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli: velikie pedagogi, znachitel'nye sobytiya, fakty na osi vremeni: uchebnoe posobie [A short guide to the course History of education and pedagogical thought: great teachers, significant events, facts on the time axis: a textbook]. [Electronic resource]. URL: <https://www.orthedu.ru/uchposob/pedagogika/2033-leshchinskij-v-mozgarev-l-nedelina-s-sedova-e-kratkij-spravochnik-po-kursu-istoriya-obrazovaniya-i-pedagogicheskoy-mysli.html> (date of access: 26.03.2026) [in Russian]
- Naumkina et al., 2025** – Naumkina, V.V., Vorotilina, T.V., Grimalskaya, S.A., Zhirov, R.M. (2025). The Educational Function of the Customary Law of the Peoples of Siberia in the XIX century. *Bylye Gody*. 20(1): 228-237 DOI: 10.13187/bg.2025.1.228
- Ocherki po istorii..., 1952** – Ocherki po istorii pedagogiki: Sborniki statej [Essays on the history of pedagogy]. Pod red. prof. N. A. Konstantinova; Akad. ped. nauk RSFSR. Moskva: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR. 1952. 756 p. [in Russian]
- Ostrogorskij, 1874** – Ostrogorskij, A.N. (1874). Russkie pisateli kak vospitatel'no-obrazovatel'nyj material dlya zanyatij s det'mi [Russian writers as educational and educational material for classes with children]: (dlya materej, vospitatelej i uchenikov) [soch.] V. P. Ostrogorskogo, [1-2]. [Vyrzhayushcheesya v poslovicah narodnoe vozzrenie na slovo. Kol'cov. Krylov. Pushkin. Zhukovskij. Gogol'. Lermontov]. Sankt-Peterburg: D. E. Kozhanchikov. 140 p. [in Russian]
- Ostrogorskij, 1897** – Ostrogorskij, A.N. (1897). Pedagogicheskie ekskursii v oblast' literatury [Pedagogical excursions in the field of literature]. Moskva: K. Tihomirov. 298 p. [in Russian]
- Ostrogorskij, 1900** – Ostrogorskij, A.N. (1900). Entsiklopediya semejnago vospitaniya i obucheniya [Encyclopedia of family education and training]. "Roditel'skij kruzhek pri Pedagogich. muzee v.-uch. zav. v SPb."; redaktor P. Kaptelev. Ob otnoshenii sem'i k shkole. [soch.] Alekseya Nik. Ostrogorskogo. Sankt-Peterburg: tip. E. Evdokimova. 36 p. [in Russian]
- Ostrogorskij, 1985** – Ostrogorskij, A.N. (1985). Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works]. Akad. ped. nauk SSSR; [otv. red. G.N. Volkov; vstup. st. M. G. Danil'chenko, pp. 6-40]. Moskva: Pedagogika. 352 p. [in Russian]
- Pedagogicheskaya mysl'..., 2023** – Pedagogicheskaya mysl' v 18 – nachale 20 veka [Pedagogical thought in the 18th – early 20th century]. Donskaya gosudarstvennaya publichnaya biblioteka [Electronic resource]. URL: <https://dspl.ru/blog/pro-vystavki/pedagogicheskaya-mysl-v-18-nach-20-veka/?ysclid=mn0keme1w0890991036> (date of access: 21.03.2026) [in Russian]
- Pisarev, 1865** – Pisarev, D.I. (1865). Shkola i zhizn' [School and life]. *Russkoe slovo*. [7]. Iyul' Lit.-polit. zhurnal [Tip. Ryumina i K°]. Pp. 116-162. [in Russian]
- Pisarev, 1984** – Pisarev, D.I. (1984). Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya [Selected pedagogical works]. Sost. V.V. Bol'shakova. M.: Pedagogika. 368 p. [in Russian]
- Seleznev, Zubov, 2024** – Seleznev, P.S., Zubov, V.V. (2024). Private Charity as a Factor in the Quality of Life of Moscow University Students in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 19(2): 831-840. DOI: 10.13187/bg.2024.2.831
- Stoyunin, 1855** – Stoyunin, V.Ya. (1855). Vysshij kurs russkoj grammatiki, sostavlennyj Vladimirom Stoyuninyem [The higher course of Russian grammar, compiled by Vladimir Stoyunin]. Sankt-Peterburg: tip. I. Fishona. IV, 167 p. [in Russian]
- Stoyunin, 1892** – Stoyunin, V.Ya. (1892). Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]. Sankt-Peterburg: tip. Uch-shcha gluhonemyh. 650 p. [in Russian]
- Tihomirov, 1902** – Tihomirov, D.I. (1902). Elementarnyj kurs grammatiki: Dlya gor. i dvuklassnyh shkol [Elementary grammar course: For mountain and two-grade schools]. Sost. D. Tihomirov, uchitel' obrazcovoju shkoly pri Uchitel'sk. seminarii voen. vedomstva. [78-e izd.]. Moskva: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K°. 156 p. [in Russian]
- Vahtyorov, 1896** – Vahtyorov, V.P. (1896). Vneshkol'noe obrazovanie Naroda [Extracurricular education of the people]. Moskva: tip. t-va I.D. Sytina. 380 p. [in Russian]
- Vahtyorov, 1897** – Vahtyorov, V.P. (1897). Vseobshchee obuchenie [Universal education]. Moskva: tip. t-va I.D. Sytina. 216 p. [in Russian]
- Vahtyorov, 1901** – Vahtyorov, V.P. (1901). Nравственное воспитание i nachal'naya shkola [Moral education and elementary school]. Moskva: Red. zhurn. "Russkaya mysl'". VII, 241 p. [in Russian]
- Vasilenko, 2002** – Vasilenko, N.A. (2002). Russkie pedagogi v Man'chzhurii [Russian teachers in Manchuria]. *Rossiya i ATR*. 1: 104-114. [in Russian]

[Vodovozov, 1958](#) – *Vodovozov, V.I. (1958). Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works]. Sost. V.S. Aranskij; pod red. V. Z. Smirnova; Akad. ped. nauk RSFSR, In-t teorii i istorii pedagogiki. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR. 632 p. [in Russian]*

[Za sto let, 1923](#) – *Za sto let [For a hundred years]. Vospominaniya, st. i materialy. Peterb. b. 3-ya gimnaziya, nyne 13 Sov. trud. shk. Pg.: 13 Sov. trud. shk. 1923. 252 p. [in Russian]*

Прогрессивные педагогические идеи в Российской империи (конец XIX – начало XX вв.)

Юлия Борисовна Надточий ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность тем, связанных с педагогическим наследием, не вызывает сомнения: от воспитания и обучения молодого поколения зависит не только развитие личности человека, но и в целом развитие государства и будущее страны. Качество обучения и воспитания, а в целом и образования, зависит от тех основ, которые закладываются в области педагогики, от подходов, которые будут использоваться в образовательном процессе. В связи с этим уделено внимание различным прогрессивным педагогическим идеям, выдвигаемым известными российскими деятелями в дореволюционный период времени. Источниковая база исследования включает комплекс исторических материалов: труды известных ученых в сфере педагогики (статьи, очерки и пр.), учебники и учебные материалы. Методологическая база исследования опирается на общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, аналогию и исторический метод. Как показывают результаты проведенной работы, педагогические идеи, повлиявшие на развитие российской педагогики, принадлежали не только педагогам, педагогам-ученым (учителям, воспитателям, наставникам, преподавателям), но и представителям других областей науки и знания – философам, историкам, писателям, публицистам и др. В заключении отмечается необходимость и дальнейшего изучения педагогического наследия для понимания генезиса педагогических воззрений и анализа динамики развития российской педагогической науки с учетом смены поколений.

Ключевые слова: Российская империя, педагогика, педагогические идеи, прогрессивная педагогическая мысль, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Ю.Б. Надточий)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1016-1025
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1016

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



From Printed Text to Voice: Gramophone Recording and the Reinterpretation of Censorship Practices in the Russian Empire (The Caucasian Region, 1902–1913)

Taron R. Danielyan ^{a, b, *}, Tigran S. Gevorgyan ^b, Nane E. Vardanyan ^a

^a Yerevan State University, Yerevan, Armenia

^b Vanadzor State University, Vanadzor, Armenia

Abstract

The spread of the gramophone and gramophone records in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century posed a challenge to the censorship system, which had historically been oriented toward controlling printed texts. Sound recording as a new type of medium possessed a dual nature: it functioned both as a material commercial product and as a carrier of acoustic text, which significantly complicated its legal classification. In the multilingual and multi-confessional environment of the Caucasian Viceroyalty, these contradictions acquired particular administrative, legal, and political significance. The aim of this study is to analyze the institutional and law-enforcement practices used to regulate gramophones and gramophone records by the Caucasian Censorship Committee and related imperial institutions between 1902 and 1913, as well as to identify the transformation of the normative logic of control under the conditions created by the emergence of audio media. The source base consists of materials from the National Archives of Georgia and the Russian State Historical Archive, which make it possible to reconstruct administrative correspondence, interpretations of existing legislation, and supervisory practices applied to gramophone enterprises. The study demonstrates that at the initial stage the imperial administration acknowledged the existence of a legislative gap regarding sound recording as a specific form of mass communication and attempted to extend to it the norms regulating printed materials. After the reforms of 1905, a hybrid model of control emerged, combining police supervision, liability for publication, and the analogical application of the provisions of the Statute on Censorship and the Press to the activities of gramophone factories.

However, attempts to equate the production and distribution of gramophone records with the functioning of printing houses and bookshops revealed the limits of an expansive interpretation of censorship legislation and demonstrated the inability of the existing regulatory system to adequately encompass new forms of media production.

Keywords: Russian Empire, Caucasian Viceroyalty, Caucasian Censorship Committee, Main Administration for Press Affairs, sound recording, gramophone, phonograph, gramophone records, Armenian songs, works of spiritual content.

1. Введение

Каждое новое средство коммуникации в силу своих технологических и функциональных особенностей становится объектом законодательного нормирования, которому, как правило, предшествуют общественно-политические дискуссии различного масштаба – от межличностного и экспертного уровня до широких публичных дебатов.

В процессе исторического развития правовому регулированию подвергались как сами медиа в зависимости от используемой технологической основы (печатные, акустические, электрические, цифровые и др.), так и их институциональная инфраструктура (издательства, типографии, почтовая

* Corresponding author

E-mail addresses: taronDanielyan@ysu.am (T.R. Danielyan)

служба, телефонная сеть, телерадиовещание, интернет и др.), а также конкретные медиапродукты (книга, периодическая печать, реклама, грампластинка, телерадиопрограммы, сайты и др.).

Отдельные способы использования технологий, инфраструктур и медиапродуктов регулируются посредством специальных законодательных актов: иные – на уровне циркуляров и ведомственных распоряжений, часть решений принимается ситуативно – на локальном административном уровне или в рамках межведомственной переписки различных бюрократических инстанций. Таким образом, правовое регулирование медиасферы представляет собой сложную и многоуровневую систему нормативных практик.

Особый интерес представляет позиция властей Российской империи по отношению к граммофону – как к новому типу технологии, и к грампластинке – как к новому виду медиапродукта в региональном информационном пространстве.

Исследователи истории развития звукозаписи в своих работах отмечают различные особенности данного вида медиа и связанных с ним технологических инноваций.

Так, М. Маклюэн подчеркивает, что «электрические средства в силу своего тотального «полевого» характера склонны упразднить фрагментарные специализации форм и функций, которое долгое время принималось как наследство алфавита, печати, механизации» (Маклюэн, 2003: 315).

Сходную мысль высказывает Л. Гительман, отмечая, что звукозапись стала не просто техническим новшеством, а своеобразным эпистемологическим сдвигом, поставившим под вопрос границу между вещью и текстом. По ее мнению, фонограф и другие технологии записи звука развивались в рамках трансформаций печатной культуры и ее экономических механизмов, но изменили практики грамотности и ставили под сомнение традиционные роли автора и читателя, трансформируя формы культурной субъективности. «Тем самым они постоянно вмешивались в динамические конструкции частного и публичного, сообщества и различия» (Gitelman, 1999: 13).

Потенциал звуковой коммуникации раскрывался по мере развития технологий фиксации и воспроизводства новых исполнительских практик. На примере распространения фонографа и граммофона можно заметить, что аудитория оказывала непосредственное влияние на адаптацию технологических новшеств. «Благодаря этому коллективному прослушиванию граммофон смог перерасти статус аппарата в общественных местах и укорениться в домах» (Рикитянская, 2022: 285-298).

2. Материалы и методы

Методология исследования сочетает историко-сравнительный и источниковедческий подходы с методами текстового анализа. Историко-сравнительный метод используется для сопоставления механизмов регулирования печатной и граммофонной продукции, а архивный анализ – для реконструкции структуры и институционального контекста архивных дел Национального Архива Грузии (НАГ, Тбилиси, Грузия) и Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург, Российская Федерация):

- НАГ. Фонд 12 (Канцелярия начальника гражданского управления Кавказа). Описание 7. Дело 2843 (О подчинении надзору торговли граммофонами и пластинками к ним);

- НАГ. Фонд 17 (Канцелярия Тифлисского губернатора). Описание 1. Дело 4644 (Об установлении надзора инспектора типографий за торговлей граммофонами и пластинками к ним); Дело 7255 (Циркуляры о проверке магазинов и фабрик граммофонных пластинок с целью выявления недозволенных цензурой пластинок).

- РГИА. Фонд 776 (Главное управление по делам печати МВД). Описание 15. 1905. Дело 353 (Руководственные циркуляры); Описание 21. Ч. 1. Дело 662 (О запрещении печатания фамилии артистов в каталогах граммофонных фирм без удостоверения со стороны заинтересованных артистов).

Хронологические рамки исследования охватывают период 1902–1913 гг. Начало периода обусловлено поднятием вопроса о нормативном регулировании аудиосферы инспектором типографий и книжных заведений, а также книжной торговли в Тифлисе, а конец связан с предвоенным этапом и завершением относительно стабильного периода развития административной практики империи.

В теоретическом плане в исследовании используется концепция Маршалл Маклюэна, позволяющая рассматривать граммофон не только как техническое новшество, но и как новое средство коммуникации, изменившего способы распространения информации и выявившего ограничения текстоцентричной модели цензуры. В этом контексте концепция Л. Гительман о размывании границы между материальным объектом и текстом позволяет проанализировать, каким образом чиновники Российской империи определяли правовой статус граммофонных записей.

3. Обсуждение

История граммофонов и граммофонных пластинок в Российской империи рассматривалась исследователями в нескольких аспектах. Анализировались технологические и экономические условия распространения звукозаписи, формирование новых практик музыкального потребления и культурной коммуникации.

Отмечается, что звукозапись стала ключевым фактором развития музыкальной культуры: именно благодаря ей возникли новые формы существования музыкального произведения, изменившие «принципы музыкальной коммуникации и распределение ролей в музыкальной иерархии» (Чванова, 2020: 36).

Аудиозапись стала средством документального отражения национальных музыкальных культур и исполнительских школ, одновременно способствовала расширению культурных контактов и взаимовлияния различных традиций в рамках единого информационного пространства, хотя в определенном смысле выполняла и своеобразную «охранительную», «консервативную» функцию, не допуская никакого «размывания границ» (Грюнберг, 2011).

Граммофоны и пластинки сыграли большую роль в культуре мусульманских народов (Юлдашев, 2014; Газиев, 2022). В частности, в татарской истории они выполняли не только функцию сохранения музыкального и поэтического наследия, но и способствовали становлению городской буржуазной культуры. Кроме приобщения к опыту мирового искусства, татарское общество создавало собственное интегрированное культурное пространство (Габдрафикова, Салихов, 2013). Аудиозаписи на пластинках распространяли среди татар не только песни и инструментальную музыку, но и поэтические произведения национальных поэтов (Газиев, 2017).

Исследователи отмечают, что для издателей пластинок национальная музыка и литература народов Российской империи представляли собой перспективный коммерческий проект: английские и французские продюсеры, разыскивая в кавказском регионе известных певцов, рассказчиков и музыкантов, руководствовались прежде всего экономическими интересами. Наиболее успешные записи переиздавались по 3–4 раза, что фиксировалось на самих пластинках (Соколова, 2019).

Осваивая российский рынок, европейские предприниматели начали записывать музыку народов империи – армян, татар, украинцев и других. В 1901 г. Вильям Гайсберг работал в Тифлисе, фиксируя армянскую и грузинскую музыку. Благодаря компании «Граммофон» (Вильям и Фред Гайсберги, Фред Тайлер, Эдмонд Пирс) и фирме «Братья Пате» (Теобальд Нобль) сегодня сохранились живые уникальные звуковые свидетельства культур Кавказа начала XX века (Соколова, 2012).

Несмотря на бурное развитие аудиомедиа и спрос на граммофонные записи в Российской империи, законодательное поле, регулирующее данную сферу, было довольно специфичным, и по сравнению с уровнем строгости правового регулирования прессы был значительно ниже. При этом права исполнителей фактически не имели законодательного закрепления и регулировались преимущественно посредством договорной практики – напрямую или через общественные организации. Закон об авторском праве от 20 марта 1911 г. сохранял права композиторов на разрешение записи произведений на «механические ноты» и интересы граммофонных фабрикантов от копирования. Однако вопрос о правах артистов-исполнителей и «правах литературных произведений, чьи тексты воспроизводились, урегулирован не был» (Николаев, 2021).

Кавказский цензурный комитет, учрежденный 18 декабря 1848 г., в различные периоды своего функционирования обладал различным правовым статусом – от относительной автономии по отношению к столичным инстанциям до полного административного подчинения Главному управлению по делам печати. По мере роста объема полиязычной издательской продукции, в процессе расширения театрального дела на Кавказе происходило институциональное усложнение цензурной системы и увеличение штатного состава цензурных органов. До 1905 г. комитет осуществлял предварительную цензуру, а после реформ 1905 г., будучи преобразованный в Тифлисский комитет по делам печати цензурный орган, как и во всей империи, стал рассматривать публикации же после их выхода (Danielyan, Petrosyan, 2026).

В деятельности цензоров Кавказского цензурного комитета замечены неоднородность и противоречивость административных практик. Многие решения зачастую зависели «от личных отношений с сотрудниками редакций, а интерпретация творческой продукции и деятельности местных и иностранных авторов могла идти вразрез с суждениями коллег» (Даниелян, 2023: 181), что нередко приводило к двойным, нередко противоречивым стандартам решений вопросов в Тифлисе и Санкт-Петербурге.

Если книгоиздательская деятельность и периодическая печать имели относительно развитую законодательную базу, то новые средства коммуникации – кинематограф и аудиопродукция имели неоднозначное правовое регулирование.

Так, анализируя развитие кинематографической цензуры, исследователь И. Богомолов отмечает, что стремительный рост кинотеатров и кинопроизводства в начале XX века побудил власти установить административный контроль над новым видом искусства: с 1907 г. полиция получила право следить за репертуаром кинотеатров, однако киноцензура оставалась децентрализованной, решения принимались на местах, что вызывало многочисленные противоречия и недовольство прокатчиков. В условиях расширения кинорынка, представители отрасли требовали централизации цензуры в Москве, однако в предвоенные годы этот вопрос так и не получил системного решения. До Первой мировой войны российская власть «в вопросе цензуры предпочитала следовать за общественными настроениями, избегая общих решений и возлагая ответственность на местную

администрацию и полицию. В этом значимое отличие кинематографической цензуры от печатной и драматической, в которых инициатива изначально принадлежала государству» (Богомолов, 2024: 73).

История развития кинематографической цензуры демонстрирует специфичный характер цензурной политики и тенденцию к делегированию контрольных функций на локальный административный уровень.

4. Результаты

Как показывают архивные данные, вопрос о регулировании продажи аудиопродукции на Кавказе начал обсуждаться с июля 1902 г., когда исполняющий обязанности инспектора типографий и книжных заведений, а также книжной торговли в Тифлисе Соловьев отправил Главнокомандующему гражданской частью на Кавказе и Тифлисскому губернатору представление о необходимости подчинения граммофонного дела в Тифлисе надзору инспекции по делам печати.

Инспектор сообщал, что в ходе проверки музыкальных магазинов он обратил внимание на «очевидный пробел в законах», заключающийся в том, что продажа граммофонных пластинок не подпадала под надзор инспекции по делам печати. Это объяснялось тем, что на момент принятия цензурного устава данного вида коммуникации не существовало. Однако в условиях их широкого распространения контроль за данным видом торговли представлялся ему «безусловно необходимым», поскольку на граммофоне могла быть произведена запись «любого пения и декламации на всех существующих наречиях», тогда как сами пластинки изготавливались в Ганновере и при ввозе в Россию цензурному досмотру не подвергались (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4644. Л. 206.).

Уже в начале данного письма можно заметить основные проблемы, которые беспокоили чиновников, ответственных за регулирование данной медиасферы. Рассмотрим их в двух временных этапах: с 1902–1905 гг. и 1906–1913 гг.

Вопросы регулирования аудиопродукции и техники до 1905 г.

В начале XX века в Российской империи граммофонные пластинки обладали неопределенным правовым статусом. Сам факт обращения инспектора Соловьева к начальству показывает то, что существующая нормативная модель не давала однозначных правовых решений. Заметим, что в аргументации ответственного за печатную продукцию чиновника акцентируется не вид носителя, а содержание записи, что, по сути, граммофон и пластинку превращали из технического аппарата и носителя в средство распространения текстов в акустической форме. Тем самым, пластинка функционально приравнивалась к печатному произведению, однако не имела соответствующего юридического статуса в системе цензурного регулирования.

Другая проблема состояла в том, что пластинки могли использоваться как средство распространения запрещенной литературы, включая песни, которые в каталогах пластинок регистрировались под другими названиями. Инспектор сообщал высшим инстанциям, что в Петербурге он видел пластинки с песнями на польском языке, «безусловно в России воспрещенными, как например, «Еще Польша не згинела», «С дымом пожаров» и т.д.» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4644. Л. 206.). В данном случае пластинки и сопровождающая их информация в каталоге становились инструментом обхождения правового поля.

Парадокс заключался в том, что печатный текст – включая рекламные объявления и каталоги – за некоторыми исключениями подлежал предварительному просмотру и регистрации, а аудиозапись могла распространяться под измененным названием, и установление ее фактического содержания не было возможным до момента воспроизведения. Тем самым нарушалась логика превентивного контроля, который основывался на идентификации текста по заглавию и авторству.

Еще одним уязвимым элементом правового поля был вопрос о подчинении граммофонного дела надзору инспекции по делам печати. Инспектор обратился к высшей администрации с просьбой расширить полномочия инспекции для осуществления надзора граммофонного дела в Тифлисе. Это беспокойство было обусловлено тем обстоятельством, что в Тифлисе иностранным акционерным обществом – компанией «Граммфон» – открывалась оптовая торговля граммофонами и пластинками, а управление торговлей поручалось иностранному подданному. Кроме того, инспектор свое беспокойство объяснял тем обстоятельством, что, по многочисленным слухам, в данном магазине имелись пластинки с армянскими патриотическими песнями (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4644. Л. 3).

В свою очередь Министерство внутренних дел своими циркулярами уведомляло региональные власти о том, что пластинки духовного содержания зачастую чередуются с музыкальными пьесами светского содержания (романсы, комические куплеты, шансонетки и т.д.). Министр внутренних дел В. Плеве призывал принять меры на местах меры к полному запрещению публичного (магазины, концерты, базары) демонстрирования на граммофонах, фонографах пьес духовного содержания (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 31).

Фактически сочетание иностранного капитала, технологически нового средства коммуникации и многонациональной среды региона воспринималось как потенциально рискованный фактор, а граммофон стал рассматриваться не только как предмет торговли, но и как канал распространения

национальных, политических, идеологических идей. В этих условиях включения нового вида медиа в систему предварительного надзора предполагало необходимость расширения правового поля для ответственных чиновников медиасферы.

Беспокойство цензоров и инспекторов имело определенные основания, о чем свидетельствуют газетная реклама Кавказского главного агентства компании «Граммфон» в России и письмо Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе ([Реклама..., 1903](#)).

Оба документа служат источником для понимания широкой трансформации медиапространства начала XX века. В рекламной публикации граммфон и пластинки позиционируются как техническое устройство, товар массового потребления и средство межкультурной коммуникации. Голос и мелодия как средства выразительности содержания становятся тиражируемым и переносимым без непосредственного участия исполнителя. В рекламе упоминается концертный зал при магазине, где посетители могли бесплатно прослушивать пластинки ([Реклама..., 1903](#)). Таким образом граммфон выступает не только как предмет индивидуального потребления, а как средство новой формы публичности.

Законодательство в данной сфере также оставалось недостаточно разработанным. Театральная и другие виды сценического искусства, общественно-развлекательные мероприятия (в том числе мероприятия для игры в лотерею-аллегри) как сферы публичной коммуникации имели свои установленные строгие правила, но ими не регулировалась сфера публичности аудиоконтента.

Некоторые вопросы регулирования решались на локальном уровне, тогда как другие требовали более широкого правового регулирования. Так, Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе Г. Голицын сообщает министру внутренних дел, что тифлисский полицмейстер, реагируя на жалобы граждан на шум и раздражающее воздействие граммфонных исполнений, распорядился запретить их воспроизведение после полночи. Одновременно фиксировались случаи, когда лица без постоянного заработка приобретали граммфоны и за плату воспроизводили записи во дворах, по аналогии с практикой уличных шарманщиков. Кавказских чиновников беспокоила как форма распространения аудиоконтента, так и масштаб аудиопродукции: «Насколько же велик в настоящее время репертуар граммфонных пластинок-нот, можно видеть из того, что из каталога одного упомянутого агентства значится их более 50 000» ([НАГ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 2843. Л. 6-6об.](#)).

Но рынок аудиопродукции имел и теневую сторону, на что указывает рекламный текст. Рекламодатель предупреждал, что на рынке существует значительное количество подделок, что еще более усложняло механизмы контроля. Если для компаний данный вопрос решался за счет фабричного клейма, на котором был изображен «Пишущий ангел», то для ответственных за содержанием медиаконтента наличие подделок создавало дополнительные проблемы.

Фактически формировалась гибридная модель регулирования медиасферы. Пластинка как носитель контента одновременно являлась товаром, распространение которого не имело четких механизмов регулирования, в то же время бесплатная рассылка каталогов и публикация рекламы пластинок опиралась на печатную форму медиа, которая имела свои цензурные правила.

Сохранился интересный документ, который показывает еще одну проблемную сторону регулирования сферы аудиозаписи – проблема рекламы и авторского права.

24 октября 1903 г. Главное управление по делам печати уведомило цензурные комитеты и отдельных цензоров о том, что с разрешения Московской цензуры была издана брошюра «Каталог избранных пьес для граммфона. К. О. Нэографон» (Москва, 1903, типография В. С. Лебедева). В каталоге фирма «Нэографон» указала имена известных российских исполнителей, которые жаловались на то, что фирма, не выплачивая им гонораров, приобретала по одному экземпляру пластинок, записанных для компаний «Граммфон» и «Зенофон», изготавливала гальванические клише и тиражировала копии под их именами, используя их в рекламных целях. В связи с этим предписывалось с особой строгостью относиться к каталогам фирмы «Нэографон» ([РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Д. 662. Л. 3-4](#)).

Одна из особенностей регулирования граммфонной сферы и пластинок была также неоперативная коммуникация между центральными и региональными административными структурами. Заметим, что первое письмо из Кавказа в МВД было отправлено в октябре 1902 г., а ответ на данный вопрос был прислан лишь 23 сентября 1904 г.

В письме министра внутренних дел П. Святополка-Мирского сообщалось, что ввозимые в Российскую империю граммфонные пластинки не подлежали предварительному цензурному контролю. Распространение на них модели печатной цензуры признавалось практически неосуществимым вследствие масштабного распространения соответствующих устройств и необходимости создания значительного числа цензоров, что при этом не гарантировало бы исключения запрещенного содержания. В документе отмечалось: «В виду сего МВД полагало бы более целесообразным усиления наблюдения за обращением в продаж пластинок, предназначенных для воспроизведения в граммфонах, графофонах и других подобных инструментах пения, музыки и декламации, с привлечением к ответственности тех лиц, кои окажутся виновными в распространении или приобретении таких нотных пластинок, которые заключали бы в себе что-либо недозволенное для обращения в публичке» ([НАГ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 2843. Л. 10-11](#)).

По сути, до 1905 г. трансформация медиасреды посредством аудиопродукции создала новое полиязычное аудиопространство (русское, армянское, грузинское и т.д.), которое в силу своих технических и технологических характеристик стало вызовом для цензурного регулирования в плане товара, но само содержание пластинок вынуждало администрации искать способы регулирования рынка по традиционным методам – на основе правового регулирования издательской продукции.

Печатная продукция и аудиопродукция, как объекты цензурного регулирования, демонстрируют противоречия в цензурной практике. Так, одним из главных препятствий развития журналистики в регионах империи было «отсутствие отдельного цензора» (Жиликова, 2020: 29) и вследствие этого во многих регионах не разрешалось издание газет и журналов. Но ограниченное количество цензоров не влияло на распространение пластинок во всей империи.

Вопросы правового регулирования аудиопродукции и техники после 1905 г.

После Первой русской революции вопрос регулирования продажи граммофонов и пластинок был вновь актуализирован в условиях трансформации нормативно-правового поля медиасистемы.

Реформа цензурного законодательства привела к переходу от превентивной модели контроля к карательной, основанной на ответственности за распространенный контент. «Введение системы карательной цензуры на всей территории Российской империи изменило характер работы цензоров и структуру цензурных учреждений. Увеличилась нагрузка по проверке текстов. Во всех цензурных учреждениях ощущалась нехватка кадрового состава» (Патрушева, 2016: 83).

Принцип превентивного контроля в значительной степени не распространялся на рекламную деятельность, которая по-прежнему оставалась преимущественно в сфере регулирования полиции. Исключение составляли библиографическая реклама, медицинская реклама и отдельные виды экономической деятельности.

К вопросу об урегулировании граммофонов кавказская администрация вновь вернулась в 1910-е годы.

В копии секретного циркуляра канцелярии наместника на Кавказе от 1 мая за 1911 за №568, текст которого был отправлен губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края и Бакинскому Градоначальнику, сообщается, что в общественных местах получили широкое распространение граммофоны и иные механические устройства, способные воспроизводить не только музыку, но и целые речи (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 1). Свое беспокойство канцелярия аргументировала тем, что посредством аудиопродукции в империи могут свободно распространяться нецензурные и порнографические произведения, а также речи политических агитаторов вредного и преступного содержания.

Как показывают архивные документы, в определенный период административно-правовой практики Кавказского наместничества регулирование производства и распространения граммофонных пластинок осуществлялось по аналогии с нормами, действовавшими в сфере печатного дела. В соответствии со ст. 158-169, 176, 177, 179 Устава о цензуре и печати фабрики граммофонных пластинок приравнивались к типографиям и литографиям, а пункты их реализации – к книжным магазинам. Тем самым на указанные учреждения в полном объеме распространялись положения цензуры (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 1). Но циркуляр Департамента полиции от 11 января 1913 г. зафиксировал институциональный предел расширительного толкования цензурного законодательства. В данном циркуляре сообщается, что указ Правительствующего сената от 6 октября 1912 г. № 12016 прямо указывал, что такое подчинение «может иметь место лишь в законодательном порядке, а не путем толкования установленных в Уставе о цензуре и печати правил» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 37-38).

Как видим, была признана невозможность автоматического нормативного отождествления печатного производства и сферы звукозаписи.

В копии секретного циркуляра от 1 мая за 1911 за №568 Наместник Кавказа Генерал-адъютант И. Воронцов-Дашков предписывал подведомственным чинам полиции произвести проверку граммофонных пластинок, демонстрируемых в публичных местах и предназначенных для продажи. В случае выявления запрещенных цензурой пластинок предписывалось изымать их из обращения на основании ст. 138 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, а при наличии достаточных оснований – привлекать виновных к установленной законом ответственности.

Особый интерес представляет заключительная часть данного циркуляра: «Вменить чинам полиции в обязанность отнестись к возложенному на них поручению возможно менее формально, руководствуясь в каждом отдельном случае единственно лишь соображениями государственного порядка и общественного спокойствия, а не своими личными взглядами» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 2).

Фактически в постреволюционный период была предпринята попытка адаптировать регулирование нового медиума посредством применения традиционных правовых механизмов, разработанных для контроля печатной продукции. Однако подобная универсализация законов нередко приводила к тому, что многие чиновники руководствовались личными убеждениями, а риск произвольного применения власти не всегда приводила к эффективным результатам правоприменения.

В итоге Тифлисский полицмейстер сообщил Тифлисскому губернатору, что «пластинок, недозволенных цензурою или же таких, воспроизведение коих в публичных местах представлялось бы местным условиям нежелательным, в продаже не оказалось, как равно не обнаружено таковых и в доступных для публики местах» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 16).

Возможно, более строгое отношение к безнравственным и порнографическим аудиозаписям было обусловлено также тем обстоятельством, что Россия в 1910 г. в Париже подписала «Соглашения относительно пресечения обращения порнографических изданий».

За исследуемый период продолжались обсуждения вопросов контроля над пластинками духовного содержания. В дополнение к ранее установленному запрету на публичную демонстрацию было предписано со ссылкой на статью 100 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, «Воспретить лицам нехристианских вероучений продажу пластинок для граммофонов со словами православных молитвословий» (НАГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7255. Л. 32). Заметим, что по сравнению с первым периодом, когда духовный контент служил прикрытием для распространения светских произведений, то в рассматриваемые годы большее внимание уделялось конфессиональной принадлежности и правовому статусу участников рынка. В то же время должны отметить, что в духовной цензуре в годы первой русской революции также претерпела изменения: Синод сохранил контроль только над «официозами и изданиями духовных учебных заведений, в то время как частные издания на церковную тематику или даже издания, открытые представителями духовенства, лишались контроля» (Липовецкий, 2022: 257).

Архивные материалы показывают еще одну проблемную сторону функционирования аудиорынка в Российской империи. В циркуляре Главного управления по делам печати, отправленном цензурным комитетам и отдельным цензорам по иностранной цензуре, отмечается, что заграничные фирмы жалуются на частые случаи повреждения и утраты высылаемых им в Россию музыкальных пластинок при их досмотре. Ответственным за проведение досмотра пластинок поручали принять меры к тому, чтобы проверка «поступающих к ним заграничных пластинок производилась с должной тщательностью и осторожностью» (РГИА. Ф. 776. Оп. 15. 1905. Д. 353. Л. 127). Фактически логика паллиативной цензурной фильтрации негативно воздействовала на рынок аудиопродукции.

5. Заключение

На примере Кавказского региона можно констатировать, что аудиотехника и аудиопродукция стали не только культурным и коммерческим феноменом в социально-культурной жизни Российской империи, но и своеобразным индикатором кризиса традиционной цензуры. Имперская администрация стремилась регулировать сферу звукозаписи посредством уже существующих правовых норм, однако специфичность данных видов медиа вступали в противоречие с принципами централизации и унификации системы контроля, что часто приводило к противоречивым решениям в регионах. Граммофон и пластинка существенно изменили коммуникативное пространство. Если идентичность фиксированного печатного текста в целом доступна для непосредственного визуального контроля, то содержание пластинки раскрывалось исключительно в процессе ее воспроизведения и во временной протяженности звучания. Это существенно затрудняло возможность мгновенной и целостной проверки содержания. Кроме того, несоответствие наименования как на самой продукции, так и в каталогах, фактическое содержание пластинки, множественность тиражей и репертуаров, а также техническая невозможность прослушивания всех экземпляров пластинок осложняли задачу законодательного регулирования распространения двойственного медиапродукта – сочетающего-материальную и информационную составляющие.

Литература

- Богомолов, 2024 – Богомолов И.К. Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2024. Т. 65. № 5. С. 70-96.
- Габдрафикова, Салихов, 2013 – Габдрафикова Л.Р., Салихов Р.Р. Татарские граммофонные записи в начале XX века // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2013. № 1. С. 48-51.
- Газиев, 2017 – Газиев И.М. Записи произведений татарского поэта Габдуллы Тукая на граммофонных пластинках начала XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12-2. С. 61-63.
- Газиев, 2022 – Газиев И.М. Граммофонные записи татарских исполнителей начала XX века: певец-гармонист Хусайн Юсипов // *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship*. 2022. № 3. С. 202-214.
- Грюнберг, 2011 – Грюнберг П.Н. Ранняя российская грамзапись как новое информационное явление (1899–1917 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011.
- Даниелян, 2023 – Даниелян Т.Р. Деятельность цензора С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете (1872–1890 гг.) // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2023. № 1. С. 164-187.

- Жилякова, 2020** – Жилякова Н.В. Специфика цензурного надзора за частной периодической печатью Томска конца XIX века // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19. № 6. С. 21-32.
- Липовецкий, 2022** – Липовецкий П.Е. Духовная цензура в период Первой русской революции // *Богословский вестник*. 2022. № 2 (45). С. 241-260.
- Маклюэн, 2003** – Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. В. Николаева. Москва, 2003.
- НАГ** – Национальный архив Грузии.
- Николаев, 2021** – Николаев В.Е. Права исполнителей в юридической практике Российской империи: соглашение АО «Граммофон» и общества деятелей периодической печати и литературы // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. № 4.
- Патрушева, 2016** – Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX века // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2016. № 213. С. 79-84.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Реклама..., 1903** – Реклама Кавказского главного агентства компании «Граммофон» в России // *Мшак*. 1903. 246. 8 ноябрь. (на арм. яз.)
- Рикитянская, 2022** – Рикитянская М. Медиа и аудитории в историко-социологической перспективе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2022. Т. 15. № 3. С. 285-298.
- Соколова, 2012** – Соколова А.Н. Представители компании «Граммофон» на Кавказе: из истории фонодокументирования в начале XX в. // *Отечественные архивы*. 2012. № 2. С. 39-47.
- Соколова, 2019** – Соколова А.Н. Кавказские дореволюционные звукозаписи как объект научного исследования // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2019. № 4. С. 173-180.
- Чванова, 2020** – Чванова Т.П. Звукозапись, средства аудиокommunikации и фортепианное исполнительство: эволюция взглядов // *Художественное образование и наука*. 2020. № 4. С. 32-38.
- Юлдашев, 2014** – Юлдашев Э. Об истории распространения граммофона в Туркестане // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 4. С. 109-114.
- Gitelman, 1999** – Gitelman L. Scripts, grooves, and writing machines: Representing technology in the Edison era. Stanford, 1999.
- Danielyan, Petrosyan, 2026** – Danielyan T., Petrosyan S. The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914) // *Bylye Gody*. 2026. 21(1): 228-239.

References

- Bogomolov, 2024** – Bogomolov, I.K. (2024). Kinematograficheskaya tsenzura v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Film censorship in Russia during the first world war]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 65(5): 70-96 [in Russian]
- Chvanova, 2020** – Chvanova, T.P. (2020). Zvukozapis, sredstva audiokommunikatsii i fortepiannoe ispolnitelstvo: evolyutsiya vzglyadov [Sound recording, audio communications and piano performance: evolution of views]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka*. 4: 32-38. [in Russian]
- Danielyan, 2023** – Danielyan, T.R. (2023). Deyatel'nost' tsenzora S. Melik-Megrabova v Kavkazskom tsenzurnom komitete (1872–1890 gg.) [The activities of censor S. Melik-Mehrabov in the Caucasus Censorship Committee (1872–1890)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1: 164-187. [in Russian]
- Danielyan, Petrosyan, 2026** – Danielyan, T., Petrosyan, S. (2026). The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914). *Bylye Gody*. 21(1): 228-239.
- Gabdrifikova, Salikhov, 2013** – Gabdrifikova, L.R., Salikhov, R.R. (2013). Tatarskie grammofoonnye zapisi v nachale XX veka [Tatar gramophone records in the beginning of XX century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 1: 48-51. [in Russian]
- Gaziev, 2017** – Gaziev, I.M. (2017). Zapisi proizvedeniy tatarskogo poeta Gabdully Tukaya na grammofoonnykh plastinkakh nachala XX veka [Recordings of the Tatar poet Gabdulla Tuqay's works on gramophone records of the beginning of the XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2: 61-63. [in Russian]
- Gaziev, 2022** – Gaziev, I.M. (2022). Grammofoonnye zapisi tatarskikh ispolniteley nachala XX veka: pevets-garmonist Khusain Yusipov [Tatar performers gramophone recordings of the early twentieth century: singer and harmonica player Husain Yusipov]. *Problemy musical'noy nauki/Music Scholarship*. 3: 202-214. [in Russian]
- Gitelman, 1999** – Gitelman, L. (1999). Scripts, grooves, and writing machines: Representing technology in the Edison era. Stanford.

- [Grunberg, 2011](#) – *Grunberg, P.N.* (2011). Rannyaya rossiyskaya gramzapis kak novoe informatsionnoe yavlenie (1899–1917 gg.) [Early Russian gramophone recording as a new informational phenomenon]. M. [in Russian]
- [Lipovetsky, 2022](#) – *Lipovetsky, P.E.* (2022). Dukhovnaya tsenzura v period Pervoy russkoy revolyutsii [Spiritual censorship during the First Russian Revolution]. *Bogoslovskii vestnik*. 2(45): 241-260. [in Russian]
- [McLuhan, 2003](#) – *McLuhan, M.* (2003). Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: The extensions of man]. M. [in Russian]
- [NAG](#) – Natsional'nyi arkhiv Gruzii [National Archives of Georgia].
- [Nikolaev, 2021](#) – *Nikolaev, V.E.* (2021). Prava ispolnitelej v juridicheskoy praktike Rossijskoj imperii: soglasenie AO «Grammofon» i obshhestva dejatelej periodicheskoy pechati i literatury [The rights of performers in the legal practice of the Russian Empire: an agreement between the joint-stock company “Gramophone” and the society of periodicals and literature personalities]. *Advances in Law Studies*. 9(4). [in Russian]
- [Patrusheva, 2016](#) – *Patrusheva, N.G.* (2016). Tsenzurnye uchrezhdeniya Rossijskoj imperii i sistema karatel'noy tsenzury v nachale XX veka [Censorship institutions of the Russian Empire and the system of secret censorship in the early 20th century]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 213: 79-84. [in Russian]
- [Reklama..., 1903](#) – Reklama Kavkazskogo glavnogo agentstva kompanii “Gramofon” v Rossii [Advertisement of the Caucasian Main Agency of the Gramophone Company in Russia]. *Mshak*. 1903. No. 246. 8 November. [in Armenian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rikityanskaya, 2022](#) – *Rikityanskaya, M.* (2022). Media i auditorii v istoriko-sotsiologicheskoy perspektive [Media and audiences in historical and sociological perspective]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 15(3): 285-298. [in Russian]
- [Sokolova, 2012](#) – *Sokolova, A.N.* (2012). Predstaviteli kompanii “Gramofon” na Kavkaze [Representatives of the Gramophone Company in the Caucasus]. *Otechestvennye arkhivy*. 2: 39-47. [in Russian]
- [Sokolova, 2019](#) – *Sokolova, A.N.* (2019). Kavkazskie dorevolyutsionnye zvukozapisi kak obekt nauchnogo issledovaniya [The Caucasus pre-revolutionary sound recordings as a scientific research object]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 4: 173-180. [in Russian]
- [Yuldashev, 2014](#) – *Yuldashev, E.* (2014). Ob istorii rasprostraneniya grammofona v Turkestane [On the history of gramophone dissemination in Turkestan]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4: 109-114. [in Russian]
- [Zhilyakova, 2020](#) – *Zhilyakova, N.V.* (2020). Spetsifika tsenzurnogo nadzora za chastnoy periodicheskoy pechatyu Tomska kontsa XIX veka [Specificity of censor overview of private periodic press of Tomsk at the end of the 19th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 19(6): 21-32. [in Russian]

От печатного текста к голосу: граммофонная запись и переосмысление цензурных практик в Российской империи (на примере кавказского региона, 1902–1913 гг.)

Тарон Рудольфович Даниелян ^{a, b, *}, Тигран Самвелович Геворгян ^b, Нане Эдиковна Варданян ^a

^a Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

^b Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Армения

Аннотация. Распространение граммофона и пластинок в Российской империи в начале XX века стало вызовом для цензурной системы, которая исторически была ориентирована на контроль печатного слова. Аудиозапись как новый тип медиума имела двойственную природу: выступала в качестве материального коммерческого продукта и носителя акустического текста, что существенно осложняло ее юридическую квалификацию. В полиязычном и поликонфессиональном пространстве Кавказского наместничества данные противоречия приобрели особую административную, правоприменительную и политическую остроту. Цель исследования – проанализировать институциональные и правоприменительные практики регулирования граммофонов и граммофонных пластинок Кавказским цензурным комитетом и связанными с ним имперскими инстанциями в 1902–1913 гг., а также выявить трансформацию нормативной логики контр+оля в условиях появления аудиомедиа. Источниковую базу составили материалы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tarondanielyan@ysu.am (Т.Р. Даниелян)

Национального архива Грузии и Российского государственного исторического архива, позволяющие реконструировать административную переписку, интерпретации действующего законодательства и практики надзора за граммофонными предприятиями. Установлено, что имперская администрация на первоначальном этапе фиксировала наличие законодательного пробела в отношении аудиозаписи как специфической формы массовой коммуникации и предпринимала попытки распространить на нее нормы, регламентировавшие печатную продукцию. После реформ 1905 г. сформировалась гибридная модель контроля, сочетавшая полицейский надзор, ответственность за публикацию и аналогическое применение положений Устава о цензуре и печати к деятельности граммофонных фабрик. Но попытки приравнять производство и распространение граммофонных пластинок к функционированию типографий и книжных магазинов выявили пределы расширительного толкования цензурного законодательства и продемонстрировали неспособность существующей нормативной системы адекватно охватить новые формы медиапроизводства.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказское наместничество, Кавказский цензурный комитет, Главное Управление по делам печати, звукозапись, граммофон, фонограф, граммофонные пластинки, армянские песни, пьесы духовного содержания.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1026-1035
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1026

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Ideas about the Future in the Ideological Doctrines of Russian Conservative and Right-Liberal Parties of the early 20th century

Sergei V. Rastorguev ^{a, *}, Viktor V. Titov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the construction of a vision of the future within the ideological doctrines of Russian conservative and right-wing liberal parties of the early 20th century. The relevance of this study stems from the need to revise the study of this topic by rejecting stereotypes and excessive politicization. The aim of the study is to assess the specific representations of the future within the ideological doctrines of Russian conservative and right-wing liberal parties of the early 20th century, taking into account the specific historical context of their formation. The methodological framework of the study is built through a combination of structural, comparative, and functional analysis. It is concluded that, despite a basic consensus on the unconditional preservation of the autocratic political system and the unitary principle of state formation, as well as methods for resolving the labor issue, significant ideological contradictions existed between conservative and right-wing liberal parties in terms of defining the country's future. Fundamentalist conservatives (primarily members of the Union of the Russian People) linked the country's future to the preservation of traditional orders, rejection of parliamentarism in favor of pre-Petrine legislative advisory structures, the preservation of the peasant commune, and limitations on forced industrialization. Conservative reformists and representatives of right-wing liberal parties such as the Union of October 17, on the contrary, proposed a model of rational adaptation to new historical realities. Their vision of the future envisioned the organic integration of the State Duma into the system of governance (with the monarch acting as a supra-partisan arbitrator and moderator), as well as full support for P.A. Stolypin's agrarian reforms, with their transition to private farmstead landownership.

Keywords: conservative parties, right liberal parties, image of the future, ideological doctrines, fundamentalists, reformists, early 20th century.

1. Введение

Образ будущего, закрепленный в идеологической доктрине партии, является одним из ключевых факторов, определяющих ее электоральную успешность, взаимоотношения с системой исполнительной власти и собственной социальной базой. В связи с этим представления партии о будущем государства выступают в качестве одних из ключевых обстоятельств, рассматриваемых в ходе интерпретации политического и исторического процесса. Искажение или игнорирование содержания транслируемых партиями образов будущего создают риск неверной оценки конкретно-исторического контекста того или иного события или процесса, что в целом способствует возникновению эпистемических ошибок.

Представления идеологов российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в. о будущем традиционно относятся к наиболее дискуссионным аспектам истории данных общественных объединений. Высокая степень политизации данной темы способствовала активным

* Corresponding author

E-mail addresses: SRastorguev@fa.ru (S.V. Rastorguev), titov-msu@mail.ru (V.V. Titov)

попыткам как демонизации идеологических установок консерваторов и правых либералов, так и их апологетике, в том числе – в контексте реализации современной мемориальной политики.

Все это актуализирует задачу ревизии заявленной темы на объективных аналитических началах с учетом конкретно-исторического контекста формирования предмета исследования.

Целью данной работы является оценка специфики представлений о будущем в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в.

2. Материалы и методы

При подготовке данного исследования использовались неопубликованные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), включая фонды Департамента полиции Министерства внутренних дел, партий «Союз 17 октября» и «Союз русского народа» и личный фонд П.А. Столыпина. Также в состав источниковой базы были включены материалы личного происхождения (Витте, 1960; Мещерский, 1902; Шипов, 1918), программные документы консервативных партий (Программа СРН, 1906; Программа Союза 17 октября, 1906) и материалы периодической печати (Русское знамя, 1907).

Методологическая основа исследования формировалась путем синтеза элементов структурного, сравнительного и функционального анализа. Использование структурного анализа позволило выделить различные направления конструирования образа будущего в рамках идеологических доктрин консерваторов и правых либералов. Применение сравнительного анализа дало возможность выявить общие и специфические черты в образах будущего, созданных идеологами консервативных и праволиберальных партий. Обращение к функциональному анализу открыло возможность для установления того, реализации каких политических задач конкретными группами интересов способствовали определенные элементы идеологических представлений определенных партий о будущем России.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема представлений о будущем России в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в. не получила систематического освещения. Большинство работ, затрагивающих соответствующую тематику, были созданы непосредственно идеологами конкретных партий и представляли собой результат попытки концептуализации, детализации и философского обоснования их собственных программ. При этом зачастую заочными оппонентами авторов выступали не идеологи иных консервативных и праволиберальных партий, а представители кадетов, левых объединений, либо правительственных структур. Как следствие, расхождения между идеологическими доктринами разных консервативных и праволиберальных партий освещались достаточно фрагментарно (Шарапов, 1907; Гучков, 1908; Шарапов, 1908; Тихомиров, 1909; Меньшиков, 1911; Дан, Череванин, 1914).

Исследователи советского периода внесли существенный вклад в развитие темы за счет ввода в научный оборот большого объема неопубликованных источников, обобщения и концептуализации доктрин консервативных и праволиберальных партий. В то же время работы данного периода отличает наличие четко выраженного влияния политической конъюнктуры, выразившегося в адаптации оригинальных выводов к положениям официальной идеологии и оценкам основателей правящей партии. Отдельно следует отметить, что консервативные партии фундаменталистского толка в официальной советской историографии подвергались стигматизации (как «черносотенные»), что обусловило формирование достаточно жестких рамок восприятия их представлений относительно будущего России. В целом футурологический элемент партийных доктрин консерваторов позиционировался, зачастую, как априори утопический либо оценивался с позиции постзнания. Имело место и фокусирование внимания на наиболее активных политических оппонентах большевиков при относительно невысоком уровне внимания к прочим представителям консервативных и праволиберальных партий (Витте, 1960; Аврех, 1966; Аврех, 1968; Черменский, 1970; Анфимов, 1974; Спирин, 1977; Дякин, 1978; Шелохаев, 1987; Дякин, 1988).

В рамках работ исследователей постсоветского периода была значительно расширена источниковая база изучения темы (в том числе – за счет доступа к архивным фондам, оказавшимся за рубежом в результате событий Гражданской войны). Также была проведена ревизия национальной историографии в русле отказа от негативных последствий детерминирующего влияния официальной государственной идеологии в предшествующие десятилетия. Однако в то же время сохранилась тенденция к политизации темы: образы будущего России в идеологических доктринах консервативных и праволиберальных партий начали активно использоваться как ресурс мемориальной политики, что негативным образом отразилось в том числе на состоянии научного дискурса. В то же время следует отметить, что значительная часть исследователей концентрировала внимание не столько на идеологических доктринах и дискуссиях вокруг их содержания, сколько на реализации конкретных социальных и экономических проектов либо мотивации их разработчиков, сторонников и противников. Имеет место и выраженный уклон в сторону изучения фигур конкретных политических деятелей на фоне сокращения интереса к связанным с ними политическим

партиям (Бородин, 1993; Боханов, 1997; Сенин, 1993; Степанов, 1993; Карнишин, 2024; Кобзаненко, 1996; Кирьянов, 2001; Макаров, 2013; Пазин, 2014; Рыбас, 2009).

Соответственно, степень изученности темы характеризуют как существенный уровень политизации, так и наличие пробелов, обусловленных структурными диспропорциями при изучении конкретных аспектов исследуемого предмета.

4. Результаты

Обращаясь к вопросу представлений о будущем в идеологических доктринах российских консервативных партий начала XX в., в первую очередь необходимо отметить, что их формирование протекало во многом за счет заимствования наследия организаций-предшественников, таких как кружок «Беседа», «Патриаршья палата» братьев Барсуковых, «Кружок московских дворян, верных присяге» и Общеземское бюро при Московской губернской земской управе. Также большое влияние на формирование партийных идеологических доктрин оказали лидеры мнений, действовавшие в разных сегментах консервативного лагеря, такие как К.П. Победоносцев, В.П. Мещерский, Л.А. Тихомиров, Н.Н. Львов, П.С. Шереметев и Д.Н. Шипов.

К моменту возникновения первых легальных партий в России в консервативном движении возобладали представители двух направлений – реформистского, представители которого допускали необходимость осторожной корректировки государственной политики и продолжения реформ для предотвращения революции, и фундаменталистского, идеологи которого настаивали на необходимости сохранения в максимально неизменном виде самобытных элементов политического и социально-экономического устройства страны.

Реформистское крыло организационно оформилось в первую очередь через создание аристократического кружка «Беседа», учрежденного в 1899 г., и нелегального Общеземского бюро при Московской губернской земской управе. Ключевыми фигурами этого направления выступали Д.Н. Шипов, графы П.С. Шереметев и Д.А. Олсуфьев, Н.С. Волконский и М.А. Стахович. Конструируемый ими образ будущего государственного устройства России строился на основе классической славянофильской формулы: «Народу – мнение, царю – власть». Реформисты (в первую очередь Д.Н. Шипов и его многочисленные сторонники) категорически не принимали республиканский строй западного типа, утверждая, что государственная жизнь в России должна всецело подчиняться «высшим нравственным началам», а не формальным юридическим нормам. Будущее российского государства они связывали с формой неограниченной монархии, органически очищенной от всевластия и произвола высшей бюрократии. Именно оторванный от народа бюрократический аппарат («средостение») позиционировался реформистами в качестве силы, разрушившей историческое единение монарха и нации. Для преодоления этого раскола реформисты предлагали учредить при самодержце центральный законосовещательный орган (Земский собор или государственную земскую думу), состоящий из выборных от земств, который бы доводил до царя истинное мнение народа, не ограничивая при этом его верховных прерогатив (Шипов, 1918: 17-20, 23). Эта позиция наиболее четко проявилась в ходе нелегального Общеземского съезда в Санкт-Петербурге 6–9 ноября 1904 г., когда при обсуждении десятого пункта резолюции, определявшего характер будущего представительного органа при монархе, меньшинство из 27 человек (включая Д.Н. Шипова и Н.С. Волконского) высказалось за создание исключительно законосовещательного учреждения (Витте, 1960: 72).

Фундаменталисты, группировавшиеся преимущественно вокруг конкретных лидеров общественного мнения в рамках неформальных кружков и салонов, конструировали разные вариации образа будущего России. С одной стороны, многие консерваторы настаивали лишь на закреплении существующих порядков или частичном возвращении к дореформенной модели управления. Сторонники К.П. Победоносцева расценивали идеи народовластия и парламентаризма как «великую ложь нашего времени», глубоко чуждую «русской природе». Православная церковь, в соответствии с данным подходом, не могла отделять себя от государства, и их слияние под эгидой самодержавия воспринималось как гарант спасения от революции. Сторонники князя В.П. Мещерского (редактора субсидируемой правительством газеты-журнала «Гражданин») также неизменно выступали за сохранение действующей политической модели и жесткие методы управления страной. Будущее государственное устройство они связывали с усилением личной власти императора и расширением полномочий губернаторов (Победоносцев, 1901; Мещерский, 1902). С другой стороны, многие фундаменталисты настаивали на проведении реформ, направленных на укрепление самодержавия через создание новых институтов. Так, Л.А. Тихомиров считал жизненно необходимым для монархии проведение преобразований, способных выстроить сверхжесткую общественно-политическую систему. Она предполагала четкую регламентацию работы системы воспитания и образования в империи под эгидой церкви и государства для планомерного искоренения либеральной и революционной интеллигенции, которую мыслитель воспринимал в качестве главных внутренних врагов России. Кроме того, для борьбы с радикальной политической оппозицией Л.А. Тихомиров предлагал создать законспирированный тайный орден консерваторов (наподобие иезуитского), а также учредить государственную «корпорацию людей пера» –

подконтрольный властям союз журналистов и писателей, служащий монарху и нации (Тихомиров, 1894: 170-175). С.Ф. Шарапов выступал за переустройство России путем ликвидации старых губерний и создания на их месте 12 «коренных русских областей» и 6 «иностраных» или национальных областей (включавших Финляндию, Польшу, Прибалтику, Закавказье, Среднюю Азию и Литовско-Белорусскую территорию). Во главе каждой области должен был стоять назначаемый лично монархом генерал-губернатор, опирающийся в своей работе на областную думу (представители которой назначались бы самим генерал-губернатором). Высшим совещательным органом империи в рамках этой системы оставался бы Государственный совет, дополненный специально отобранными представителями регионов. Цель этих реформ заключалась в закреплении за помещичьим дворянством роли вечного «слоя лучших людей», призванных руководить земщиной и бескорыстно служить монарху (Шарапов, 1903: 57).

Помимо отличий в восприятии желаемой траектории развития политической системы, имели место и значимые расхождения в рамках оценки путей решения проблем социально-экономического характера. Так, С.Ф. Шарапов жестко критиковал министра финансов С.Ю. Витте, обвиняя его в чрезмерной поддержке развития крупной промышленности за счет иностранных капиталов и планомерном разрушении традиционных крестьянских кустарных промыслов. С.Ф. Шарапов настаивал, что в будущем экономика России должна базироваться исключительно на сельском хозяйстве. Введение золотой валюты расценивалось им как опасное для землевладельцев изъятие жизненно необходимого оборотного капитала. Экономический курс правительства воспринимался как в целом направленный на поддержку промышленности в ущерб сельскому хозяйству. В то же время С.Ф. Шарапов поддерживал требования помещиков повысить хлебные цены за счет масштабных казенных закупок для интендантства, устранить конкуренцию со стороны дешевого сибирского хлеба, а также кардинально понизить железнодорожные тарифы и удешевить кредит для дворянства (Шарапов, 1908: 21-25, 33).

В то же время видный представитель реформистского крыла консерваторов Б.Н. Чичерин доказывал, что правительственная поддержка разоряющихся помещиков принесет лишь негативный результат. Он призывал дворянство заимствовать модель хозяйствования у прусских юнкеров и по их примеру стать независимой политической силой в обновленном бессловесном государстве (Чичерин, 1897).

Таким образом, к моменту создания легальных партий консервативное движение не обладало монолитностью, объединяя широкий спектр различных идеологических течений, существенно различавшихся в своих представлениях о будущем страны.

В то же время следует отметить, что объединяющим началом для всех без исключения представителей консервативного лагеря выступало безусловное признание необходимости сохранения в стране самодержавного политического строя. Консерваторы при построении образа будущего исходили из фундаментального постулата об исключительном историческом пути развития России, для которого, по их убеждению, были органически неприемлемы парламентская демократия и конституционное правление.

Как обозначенные выше противоречия, так и консенсусные моменты в идеологических доктринах органично транслировались в идеологические доктрины консервативных и праволиберальных политических партий, в том числе – за счет активной роли правых лидеров общественного мнения в их создании и функционировании. Так, Л.А. Тихомиров активно сотрудничал с «Союзом русского народа» и консультировал лидеров партии по идеологическим вопросам (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 5. Л. 12). Д.Н. Шипов, М.А. Стахович и Н.С. Волконский и вовсе входили в число основателей «Союз 17 октября» или первых депутатов, представляющих эту партию в Государственной думе (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

Базовой позицией для всех консервативных партий являлось безусловное признание необходимости сохранения монархического принципа правления и предотвращения революционного слома государства, однако в вопросах конкретного политического, экономического и национального устройства будущей России их взгляды существенно расходились (Пайпс, 1994: 99; Анфимов, 1974: 87-88; Степанов, 1993: 157).

Последнее четко проявлялось в самом восприятии обновленной политической системы России. Большая часть представителей «Союза русского народа» во главе с председателем Главного совета партии А.И. Дубровиным категорически отказывались признавать Государственную думу легитимным институтом. Широко бытовало мнение, что даже преимущественно консервативный состав депутатов III Думы в перспективе опасен, так как Думу невозможно распустить без скандала и это способствует «привыканию» общественности к новому органу власти. (В данном случае необходимо подчеркнуть, что единомышленники А.И. Дубровина регулярно призывали императора к отмене Манифеста 17 октября, предлагая заменить Думу Земским собором – исключительно законосовещательным органом, который помогал бы императору, но никоим образом не ограничивал его самодержавных прерогатив). Сторонникам этой позиции противостояло крыло «обновленцев» (во главе с В.М. Пуришкевичем и Н.Е. Марковым-2-м), которое в 1907–1908 гг. образовало новую партию – «Русский народный Союз имени Михаила Архангела». Н.Е. Марков-2-й

прямо заявлял, что само по себе законодательное народное представительство (Государственная дума как институт) абсолютно необходимо для выживания монархической России в будущем, так как его наличие позволяет канализировать общественное недовольство в легальное русло.

Также многие консерваторы-фундаменталисты изначально стояли на позиции принципиальной антипартийности. В частности, А.И. Дубровин и В.М. Пуришкевич длительное время рассматривали сам институт политической партии как вредоносное западное заимствование, искусственно разделяющее царя и народ. В их видении идеальное будущее России было связано не с развитием парламентаризма, а с возвращением к идеализированной допетровской модели соборности, в рамках которой монарх обладает неограниченной властью, но при этом находится в постоянном, живом и непосредственном общении с народом. Последнее, важно отметить, рассматривалось в качестве морального обоснования для выражения критики в адрес власти как таковой. Так, основатель «Русской монархической партии» В.А. Грингмут открыто заявлял, что государственная бюрократия стала «безбожной», оторвалась от народа и заслоняет собой от подданных образ монарха ([Программа Союза Русского Народа: 2-5; ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-15; Грингмут, 2008: 350; Степанов, 1993: 156](#)).

Принципиально иную позицию занимали представители праволиберальной партии «Союз 17 октября», выступавшие в роли преемников консерваторов-реформистов. Октябристы считали, что предотвратить революцию в России можно лишь за счет рационально обоснованного и законодательно закрепленного компромисса между исторической властью и обществом. В соответствии с данной позицией, Дума выступала в роли единственного институционального средства спасения монархии и неотъемлемой частью будущего политического строя. В рамках этой модели за императором сохранялись ключевые исполнительные прерогативы (назначение министров, право абсолютного вето на законопроекты, руководство внешней политикой и армией). Баланс власти в политической системе будущего обеспечивался бы тремя легитимными центрами: царем, нижней палатой (Государственной думой) и верхней палатой (Государственным советом), причем монарх должен был играть роль надпартийного арбитра и модератора социальных конфликтов. Программа «Союза 17 октября» прямо декларировала необходимость эволюционного развития государственного строя на базе Манифеста 17 октября, который рассматривался октябристами не как временная тактическая уступка сторонникам революции, а как базовый акт, знаменующий окончательный переход России к правовому государству ([Гучков, 1908: 14-22; Программа Союза 17 октября, 1906: 42-48](#)).

Существенные расхождения имелись и по поводу представлений о будущем аграрных отношений. Консерваторы-фундаменталисты из «Союза русского народа» видели решение аграрного вопроса исключительно в ключе сохранения традиционного уклада при строго ограниченной технической модернизации. Они выступали за неприкосновенность помещичьего землевладения, видя в нем историческую и культурную основу существующего политического строя. При этом для смягчения проблемы «земельного голода» крестьянства предлагалось использовать такие инструменты и меры как расширение деятельности Крестьянского поземельного банка для льготной продажи земель казенного и удельного фондов, государственную поддержку масштабной переселенческой политики в Сибири, а также улучшение условий земельной аренды. Видение решения крестьянского вопроса лидерами «Союза русского народа» было при этом неразрывно связано с сохранением общинного землевладения и недопущением значимого имущественного расслоения в деревне. Идеологи партии опасались, что разрушение общины неизбежно приведет к появлению миллионов обезземеленных, которые, переселяясь в города, в силу отсутствия образования и должной квалификации сформируют социальную базу будущей революции. Также существовали опасения, что экономически независимый и сплоченный класс новых крестьян-собственников выступит против монарха, настойчиво требуя расширения политических прав и разрушая привычный дворянско-помещичий административный уклад ([ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 56](#)).

В отличие от членов «Союза русского народа», фундаменталисты из «Союза Михаила Архангела» и представители реформистского крыла консерваторов (в первую очередь – члены «Всероссийского национального союза» и праволиберального «Союза 17 октября») признавали именно крестьянское малоземелье и чересполосицу самой значимой экономической проблемой страны. Постепенное сокращение помещичьего землевладения рассматривалось скорее как второстепенная проблема. Реформисты и лидеры «Союза Михаила Архангела» полностью поддерживали аграрную реформу П.А. Столыпина, полагая, что будущее деревни связано с разрушением общины, масштабным переселением избыточного крестьянского населения в Сибирь и переходе к частному хуторскому и отрубному землевладению. Именно крепкие фермеры-собственники должны были стать новой социальной базой монархии, в том числе за счет принципиально низкой восприимчивости к социалистической пропаганде ([ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27-27об.; Голос Москвы. 1907. 21 июля; Гучков, 1908: 45-48](#)).

Специфика решения рабочего вопроса в идеологических доктринах консервативных партий фундаменталистского толка обуславливалась эклектичным характером конструируемой ими модели экономики будущего. Последняя представляла собой сложную систему, соединявшую элементы

феодализма (взгляд на Россию будущего как преимущественно аграрную страну), капитализма (поддержка мелкого и среднего частного предпринимательства) и государственного социализма (в контексте ограничения прав крупного частного и иностранного капитала). Консерваторы-фундаменталисты из «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» крайне настороженно относились к процессу форсированной индустриализации и пролетаризации населения, видя в фабрично-заводских массах в первую очередь источник революционной угрозы. Исходя из этого, они настаивали на необходимости введения жесткой государственной монополии в сфере крупной промышленности. Одновременно фундаменталисты поддерживали идею государственной поддержки всемерного развития народных кустарных промыслов и небольших ремесленных мастерских. Идеологи фундаменталистов утверждали, что для национального блага существование десяти мелких фабрик является несравнимо более выгодным, чем функционирование одного большого завода, поскольку мелкие децентрализованные предприятия способны обеспечить стабильным заработком большее количество людей, не создавая при этом взрывоопасной концентрации подвергнутых пролетаризации масс в крупных городах. Решение непосредственно рабочего вопроса увязывалось с усилением государственного патернализма и внедрением на практике концепции «полицейского социализма». Консервативные мыслители, такие как С.Ф. Шарапов и Л.А. Тихомиров, утверждали, что в будущем гармоничном государстве отношения между наемными рабочими и предпринимателями должны строиться на основе принципов христианской солидарности и строгого государственного арбитража (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 5. Ч. 2. Л. 110; Степанов, 1992: 12; Тихомиров, 1902: 15-22).

«Союз русского народа» официально признавал на уровне программных документов необходимость улучшения материального положения фабрично-заводских рабочих, декларируя поддержку требований о нормировании рабочего дня, ограничении труда малолетних и женщин, а также введении государственного страхования на случай болезни или увечья. Однако важнейшим и неперенным условием реализации этих социальных гарантий должен был стать полный отказ рабочих от политической борьбы. Партия допускала «исключительно мирные» формы самоорганизации, такие как кооперативы и рабочие артели, функционирующие под строгим государственным контролем, тогда как забастовки, особенно сопровождающиеся политическими требованиями, категорически осуждались как проявления антигосударственной деятельности (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-8).

Консерваторы-реформисты в лице октябристов в рамках построения образа будущего России исходили из того, что интересы промышленных рабочих не должны противоречить задачам поступательного развития промышленности. Их модель будущего рабочего законодательства предполагала введение законодательно ограниченного рабочего дня (однако они категорически выступали против введения 8-часового рабочего дня, считая его вредным для экономики), создание системы государственного страхования рабочих по болезни, старости и нетрудоспособности, а также строгий запрет ночного труда для женщин и малолетних детей. Октябристы, активно работая в профильных комиссиях Думы, стремились легализовать умеренные профсоюзы, тем самым направляя рабочее движение в мирное, тред-юнионистское русло, что делало их программу более реалистичной и жизнеспособной для эволюционного развития империи (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27-27об.; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва, 1912: 145-150).

Подход к национальному вопросу в рамках образа будущего России, конструируемого консервативными партиями, был неразрывно связан с сохранением унитарного характера государства и безусловного политического господства «русского начала». Все консервативные партии видели будущее России исключительно как единого, централизованного и неделимого государства, где национальные окраины лишены права на политическую автономию. В положениях программ «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» строго постулировалось, что «русское племя», концептуально включавшее в себя великороссов, малороссов и белорусов, является государственно-образующим и должно обладать исключительными правами в управлении страной. Иностранцам гарантировались строгая законность и защита жизни и имущества, но возможность политического равноправия категорически отрицалась. Программные документы Всероссийского национального союза также содержали требование прямого закрепления государствообразующего статуса русского народа, что на практике переводилось в плоскость защиты законодательных ограничений прав национальных меньшинств, в особенности еврейского и польского населения. Отдельно необходимо отметить, что наличие антисемитского компонента в образах будущего консерваторов-фундаменталистов обуславливалось комплексом обстоятельств: в целом достаточно высоким уровнем бытовой ксенофобии среди населения как России, так и иных европейских держав на рассматриваемый период, традиционной эндогамией и высокой устойчивостью к ассимиляции значительной части иудейской общины, сочетанием в обществе низкого уровня образования (в том числе – церковного) с религиозными предрассудками, а также неприятием традиционалистами секулярной модернизации и космополитичного капитализма, ассоциировавшихся у достаточно широких слоев населения, в том числе, с эмансипацией ранее маргинализированных групп (Меньшиков, 1911: 45-52; Пайпс, 1994: 205-206).

Реформисты в лице представителей праволиберального «Союза 17 октября» разделяли базовый постулат консерваторов о сохранении политического примата государствообразующего русского народа и провозглашали незыблемость лозунга о «единой и неделимой России», решительно отвергая требования предоставить широкую автономию Польше, Финляндии и Украине. Октябристы активно поддерживали курс П.А. Столыпина, направленный на ограничение автономии Великого княжества Финляндского и введение земств в западных губерниях с преобладанием русского элемента над польским дворянством. В то же время «Союз 17 октября» допускал культурную автономию инородцев и настаивал на том, что все лояльные подданные должны обладать равными гражданскими правами перед законом (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 71об., 234об.; Дан, Череванин, 1914: 168; Программа Союза 17 октября 1905 года, 1906: 9-17).

5. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о существенной внутренней неоднородности представлений о будущем, закрепленных в идеологических доктринах консервативных и праволиберальных партий. Объединяющим элементом для них оставалось признание необходимости сохранения в стране самодержавного политического строя и концепта «единой и неделимой России», в рамках которого национальные окраины лишались права на автономию, а доминирующая политическая роль отводилась государствообразующему русскому народу (понимаемому в контексте концепции триединства русских, украинцев и белорусов). Аналогичным образом они определяли стратегию решения в будущем рабочего вопроса за счет легализации части профсоюзов, создания системы государственного страхования и запрета ночного труда для женщин и малолетних, рассчитывая перевести социальный протест в русло тред-юнионизма.

Однако за рамками этих базовых аксиом в консервативном движении четко прослеживался концептуальный раскол на фундаменталистское и реформистское направления, каждое из которых предлагало собственную, зачастую диаметрально противоположную футурологическую модель формирования политического и социально-экономического строя.

Консерваторы-фундаменталисты конструировали образ будущего, опирающийся преимущественно на идеализацию дореформенных и, отчасти, допетровских порядков. Наиболее радикальные идеологи этого крыла исключали жизнеспособность парламентаризма, отводя Думе в лучшем случае статус совещательного учреждения при монархе. В социально-экономической сфере фундаменталисты демонстрировали выраженный антииндустриальный уклон. Они опасались маргинализации и пролетаризации масс, видя залог государственной стабильности в развитии кустарных промыслов, неприкосновенности помещичьего землевладения и сохранении традиционной крестьянской общины. Радикально настроенные консерваторы опасались, что неизбежное при разрушении общины расслоение деревни приведет к появлению миллионов обезземеленных крестьян, формирующих социальную базу революции. Эта доктрина была глубоко пронизана идеями государственного патернализма и концепцией «полицейского социализма», что на практике вело к конструированию статичной модели государства.

В свою очередь, представители реформистского крыла консерваторов в лице праволиберальных партий, таких как «Союз 17 октября» при поддержке части фундаменталистов (в первую очередь – членов «Союза Михаила Архангела») транслировали значительно более прагматичный и адаптивный образ будущего. Осознавая невозможность сохранения политического статус-кво, реформисты настаивали на том, что предотвратить революцию можно лишь за счет рационально обоснованного и законодательно закрепленного компромисса между властью и обществом. В их видении обновленная монархия должна была опираться на легитимное народное представительство как неотъемлемую часть политического строя. Полностью поддерживая аграрную реформу П.А. Столыпина и разрушение общины, реформисты стремились сформировать принципиально новую социальную базу для действующей власти.

Образы будущего, закрепленные в доктринах российских консервативных и праволиберальных партий, отражали попытку найти ответ на глубокий системный кризис российской государственности. Неспособность консервативного лагеря выработать единую, консолидированную программу преобразований стала отражением масштабных структурных противоречий внутри самого общества. Транслируемые правыми партиями образы будущего зачастую либо воспроизводили представления об идеализированном прошлом, либо представляли собой результат сложного многоуровневого компромисса, что объективно затрудняло задачу консолидации и расширения их социальной базы. Наиболее непротиворечивыми и релевантными актуальной на тот момент социальной, политической и экономической конъюнктуре можно признать представления о будущем, транслируемые октябристами.

6. Благодарности

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. / The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment to the Financial University.

Литература

- Аврех, 1966 – Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966.
 Аврех, 1968 – Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968.
 Анфимов, 1974 – Анфимов А.М. Новые данные о землевладении России // *История СССР*. 1974. № 1. С. 82-97.
 Бородин, 1993 – Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // *Вопросы истории*. 1993. № 9. С. 33-44.
 Боханов, 1997 – Боханов А.Н. Николай II. М., 1997.
 Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Грингмут, 2008 – Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008.
 Гучков, 1908 – Гучков А.И. Речи по общим вопросам. СПб., 1908. С. 14-22.
 Дан, Череванин, 1914 – Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября / Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 168.
 Дякин, 1978 – Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
 Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
 Карнишин, 2024 – Карнишин В.Ю. «Союз 17 октября» в водовороте российской политической жизни начала XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2024. № 1 (69). С. 126-133.
 Кирьянов, 2001 – Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
 Кобзаненко, 1996 – Кобзаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996.
 Макаров, 2013 – Макаров Н.В. Образование и первые политические шаги «Союза 17 октября» в освещении англо-американской историографии // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. № 4-3 (53). С. 36-41.
 Меньшиков, 1911 – Меньшиков М.О. Письма к русской нации. СПб., 1911. С. 45-52.
 Мещерский, 1902 – Мещерский В.П. Дневник // *Гражданин*. 1902. 25 июля. № 56.
 Пазин, 2014 – Пазин Р.В. «Союз 17 октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2014. № 4 (27). С. 60-67.
 Пайпс, 1994 – Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994.
 Победоносцев, 1901 – Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1901.
 Программа СРН, 1906 – Программа Союза Русского Народа. СПб., 1906. С. 2-5.
 Программа Союза 17 октября, 1906 – Программа Союза 17 октября / *Сборник программ политических партий в России*. Вып. 1. СПб., 1906. С. 9-17.
 Русское знамя, 1907 – Русское знамя. 1907. 11 марта.
 Рыбас, 2009 – Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2009.
 Сенин, 1993 – Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // *Вопросы истории*. 1993. № 7. С. 69-88.
 Спирин, 1977 – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
 Степанов, 1993 – Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // *Полис*. 1993. № 1. С. 154-161.
 Тихомиров, 1894 – Тихомиров Л.А. Что такое либерализм? // *Русское обозрение*. 1894. № 7. С. 161-183.
 Тихомиров, 1909 – Тихомиров Л.А. Аграрный вопрос. М., 1909. С. 34-41.
 Чичерин, 1897 – Чичерин Б.Н. Еще несколько слов о положении русского дворянства // *С.-Петербургские ведомости*. 1897. 30 марта.
 Шарапов, 1903 – Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление. 2-е изд. М., 1903.
 Шарапов, 1907 – Шарапов С.Ф. Социализм как религия ненависти. М., 1907.
 Шарапов, 1908 – Шарапов С.Ф. Государственная роспись и народное хозяйство. М., 1908.
 Черменский, 1970 – Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.
 Шелохаев, 1987 – Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.
 Шипов, 1918 – Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

References

- Anfimov, 1974 – Anfimov, A.M. (1974). Novye dannye o zemlevladienii Rossii [New data on land ownership in Russia]. *Istoriya SSSR*. 1: 82-97. [in Russian]
 Avrekh, 1966 – Avrekh, A.Ya. (1966). Tsarizm i tret'yeiun'skaya sistema [Tsarism and the June 3rd system]. M. [in Russian]
 Avrekh, 1968 – Avrekh, A.Ya. (1968). Stolypin i tret'ya Duma [Stolypin and the third Duma]. M. [in Russian]

- [Bokhanov, 1997](#) – *Bokhanov, A.N.* (1997). Nikolay II [Nicholas II]. M. [in Russian]
- [Borodin, 1993](#) – *Borodin, A.P.* (1993). Ob'edinennoe dvoryanstvo i agrarnaya reforma [The united nobility and agrarian reform]. *Voprosy istorii*. 9: 33-44. [in Russian]
- [Chermenskiy, 1970](#) – *Chermenskiy, E.D.* (1970). Burzhuaziya i tsarizm v pervoy russkoy revolyutsii [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. M. [in Russian]
- [Chicherin, 1897](#) – *Chicherin, B.N.* (1897). Eshche neskol'ko slov o polozhenii russkogo dvoryanstva [A few more words on the situation of the Russian nobility]. *S.-Peterburgskie vedomosti*. March 30. [in Russian]
- [Dan, Cherevanin, 1914](#) – *Dan, F., Cherevanin, N.* (1914). Soyuz 17 oktyabrya [Union of October 17]. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka*. SPb. T. III. Kn. 5. P. 168. [in Russian]
- [Dyakin, 1978](#) – *Dyakin, V.S.* (1978). Samoderzhavie, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, the bourgeoisie, and the nobility in 1907–1911]. L. [in Russian]
- [Dyakin, 1988](#) – *Dyakin, V.S.* (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'yei yun'skoy sistemy [The bourgeoisie, the nobility, and tsarism in 1911–1914. The decomposition of the June 3rd system]. L. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [Gringmut, 2008](#) – *Gringmut, V.A.* (2008). Ob'edinyaytes', lyudi russkie! [Unite, Russian people!]. M. [in Russian]
- [Guchkov, 1908](#) – *Guchkov, A.I.* (1908). Rechi po obshchim voprosam [Speeches on general issues]. SPb. Pp. 14–22. [in Russian]
- [Karnishin, 2024](#) – *Karnishin, V.Yu.* (2024). «Soyuz 17 oktyabrya» v vodovorote rossijskoj politicheskoy zhizni nachala XX v. [“Union of October 17” in the whirlpool of Russian political life at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 1 (69): 126-133. [in Russian]
- [Kiryanov, 2001](#) – *Kir'yanov, Yu.I.* (2001). Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. M. [in Russian]
- [Kobzanenko, 1996](#) – *Kobzanenko, V.A.* (1996). Partiynye fraktsii v I i II Gosudarstvennykh dumakh Rossii. 1906–1907 [Party factions in the I and II State Dumas of Russia. 1906–1907]. M. [in Russian]
- [Makarov, 2013](#) – *Makarov, N.V.* (2013). Obrazovanie i pervye politicheskie shagi «Soyuza 17 oktyabrya» v osveshchenii anglo-amerikanskoy istoriografii [The formation and first political steps of the “Union of October 17” in the coverage of Anglo-American historiography]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-3(53): 36-41. [in Russian]
- [Menshikov, 1911](#) – *Men'shikov, M.O.* (1911). Pis'ma k russkoy natsii [Letters to the Russian nation]. SPb. Pp. 45-52. [in Russian]
- [Meshcherskiy, 1902](#) – *Meshcherskiy, V.P.* (1902). Dnevnik [Diary]. *Grazhdanin*. July 25, № 56. [in Russian]
- [Paips, 1994](#) – *Paips, R.* (1994). Russkaya revolyutsiya [The Russian revolution]. Part 1. M. [in Russian]
- [Pazin, 2014](#) – *Pazin, R.V.* (2014). «Soyuz 17 oktyabrya» i politicheskij terror nachala XX veka [“Union of October 17” and political terror at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 4 (27): 60-67. [in Russian]
- [Pobedonostsev, 1901](#) – *Pobedonostsev, K.P.* (1901). Moskovskiy sbornik [Moscow collection]. M. [in Russian]
- [Program Soyuz 17 oktyabrya, 1906](#) – Programma Soyuz 17 oktyabrya [Program of the Union of October 17]. *Sbornik programm politicheskikh partiy v Rossii*. 1: 9-17. SPb. [in Russian]
- [Program SRN, 1906](#) – Programma Soyuz 17 oktyabrya [Program of the Union of the Russian People] (pp. 2–5). SPb. [in Russian]
- [Russkoe znamya, 1907](#) – *Russkoe znamya* [Russian Banner]. 1907. March 11. [in Russian]
- [Rybas, 2009](#) – *Rybas, S.Yu.* (2009). Stolypin [Stolypin]. M. [in Russian]
- [Senin, 1993](#) – *Senin, A.S.* (1993). Aleksandr Ivanovich Guchkov [Alexander Ivanovich Guchkov]. *Voprosy istorii*. 7: 69-88. [in Russian]
- [Sharapov, 1903](#) – *Sharapov, S.F.* (1903). Samoderzhavie i samoupravlenie [Autocracy and self-government]. 2-e izd. M. [in Russian]
- [Sharapov, 1907](#) – *Sharapov, S.F.* (1907). Sotsializm kak religiya nenavisti [Socialism as a religion of hatred]. M. [in Russian]
- [Sharapov, 1908](#) – *Sharapov, S.F.* (1908). Gosudarstvennaya rospis' i narodnoe khozyaystvo [State budget and national economy]. M. [in Russian]
- [Shelokhaev, 1987](#) – *Shelokhaev, V.V.* (1987). Partiya oktyabristov v period pervoy rossiyskoy revolyutsii [The Octobrist Party during the first Russian revolution]. M. [in Russian]
- [Shipov, 1918](#) – *Shipov, D.N.* (1918). Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and thoughts on the past]. M. [in Russian]
- [Spirin, 1977](#) – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partiy v Rossii (nachalo XX v. — 1920 g.) [The collapse of landlord and bourgeois parties in Russia (early 20th century — 1920)]. M. [in Russian]

- [Stepanov, 1993](#) – Stepanov, S.A. (1993). Chernosotentsy: «revolyutsionery naiznanku» [Black Hundreds: "revolutionaries inside out"]. *Polis*. 1: 154-161. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1894](#) – Tikhomirov, L.A. (1894). Chto takoe liberalizm? [What is liberalism?]. *Russkoe obozrenie*. 7: 161-183. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1909](#) – Tikhomirov, L.A. (1909). Agrarnyy vopros [The Agrarian Question]. Pp. 34-41. M. [in Russian]
- [Vitte, 1960](#) – Vitte, S.Yu. (1960). Vospominaniya [Memoirs]. T. 2. M. [in Russian]

Представления о будущем в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в.

Сергей Викторович Расторгуев ^{a, *}, Виктор Валериевич Титов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема конструирования образа будущего в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX века. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью ревизии изучения данной темы за счет отказа от использования стереотипов и излишней политизации. Целью работы является оценка специфики представлений о будущем в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в. с учетом конкретно-исторического контекста их формирования. Методологическая база работы выстроена за счет комбинирования элементов структурного, сравнительного и функционального анализа. Сделан вывод о том, что, несмотря на базовый консенсус в вопросах безусловного сохранения самодержавного политического строя и унитарного принципа формирования государства, а также методах решения рабочего вопроса, между консервативными и праволиберальными партиями существовали значимые идеологические противоречия в плане определения будущего страны. Консерваторы-фундаменталисты (в первую очередь – члены «Союза русского народа») связывали будущее страны с консервацией традиционных порядков, неприятием парламентаризма в пользу законосовещательных структур допетровского образца, сохранением крестьянской общины и ограничением форсированной индустриализации. Консерваторы-реформисты и представители праволиберальных партий, таких как «Союз 17 октября», напротив, предлагали модель рациональной адаптации к новым историческим реалиям. Их образ будущего предполагал органичное встраивание Государственной думы в систему управления (в рамках которой монарх выступает надпартийным арбитром-модератором), а также всецелую поддержку аграрных реформ П. А. Столыпина с переходом к частному хуторскому землевладению.

Ключевые слова: консервативные партии, праволиберальные партии, образ будущего, идеологические доктрины, фундаменталисты, реформисты, начало XX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SRastorguev@fa.ru (С.В. Расторгуев), titov-msu@mail.ru (В.В. Титов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1036-1044
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1036

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Russo-Japanese War of 1904–1905 as a Factor in the Modernization of Gender Contracts: Challenges and Adaptation Practices

Olga A. Sukhova ^{a, *}

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The factors and specific features of the evolution of popular perceptions of regarding the prescriptive and normative nature of gender contracts in Russian society during the Russo-Japanese War examines in this article.

The corpus of sources consists of administrative materials, periodicals, and personal documents. The author's argumentation is based on the systematization and generalization of a wide range of studies devoted to general issues of the history of military conflict, gender history, the reflection of social representations in the media, diary entries, memoirs, and the formation of the image of the "warrior maiden" in Russian literature.

The analysis establishes that the changing discourse of "masculinity" and "femininity" in the public sphere of Russian society is due to the modernization of military technologies, the widespread nature of mobilization practices, the growing number of combatants, and the continued high level of religiosity. Mechanisms for adapting traditional culture to the new challenges of the modern era were realized through the actualization of the ideals of spiritual and moral service; the strengthening of gender tolerance; the replication of social activism, the ideal of sacrifice of "warrior maidens" and manifestations of "female power", which had been successfully tested in previous wars. The flip side of the coin will be the acceleration of the process of emancipation and the activation of the women's movement in the Russian Empire.

Keywords: the Russo-Japanese War, Russian Empire, Penza region, masculinity, femininity, gender contracts, public sphere.

1. Введение

Поиск решения проблем глобальной безопасности формирует социальный запрос на разработку проблематики новой военной истории в общем контексте ее антропологизации. При изучении *postmodern* или *new wars*, авторы справедливо указывают на сочетание досовременных и современных элементов в восприятии военных конфликтов (Kaldor, 2012: 2), что задает определенную направленность научным исследованиям в сфере культурно-антропологического измерения исторических событий. Одним из аспектов изучения выступает трансформация дискурса маскулинности и фемининности в общественном сознании (Sjoberg, 2010). Эволюция контента при этом рассматривается в общей динамике представлений от практик инициации, обрядов перехода к уравниванию гражданства и военной службы, а затем – к утверждению маскулинности как ощущения власти, превосходства, безопасности и формированию традиционной модели гегемонной маскулинности (Игаева, 2018).

Русско-японская война 1904–1905 гг., манифестирующая собой реализацию новой внешнеполитической доктрины, стала пробой модернизационных усилий России в деле оборонного строительства и транспортной инфраструктуры, исправления стратегических ошибок Крымской

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

войны. Успех грядущего военного конфликта зависел, в том числе, и от формирования адекватных современной эпохе патриотических представлений и поведенческих установок. В то же время естественным откликом общества на либеральные реформы и технологическую модернизацию становится переосмысление гендерных контрактов по пути сближения маскулинного и фемининного измерений войн. Исторические реалии начала XX в. оказались серьезным вызовом не только для планирования и ведения боевых действий, обеспечения вооруженных сил, но и для мобилизационной стратегии в целом, ориентированной на простое воспроизводство традиционных (архаичных) идеологем военного сознания и психологии. Мобилизационные кампании впервые в массовом порядке затронули семейных призывников и запасных, утвердив феномен солдатской жены как нового актора публичной сферы российской провинции. Напряженный эмоциональный фон из-за переживания разлуки, угроза крушения материального благополучия семьи, укрепление религиозности и воцерковленности населения, экстремизация повседневности вызовут рост социальной активности женщин, в том числе, и в непривычных для них средах. Так, «баба с газетой» стала открытием и откровением для российской публики (Щербинин, 2004).

2. Материалы и методы

Реконструкция дискурса маскулинности и фемининности в общественном сознании, собирательных образов участников военных конфликтов осуществляется посредством обращения к периодической печати российской провинции (ПГВ, 1904). Столь же значимым источником представляются письма, путевые заметки, дневниковые записи, запечатлевшие «лики войны». В документах личного происхождения фиксируются индивидуальные и коллективные реакции, представления о «героях» и «жертвах», репрезентации «маскулинного» и «фемининного» в публичной и приватной сферах (Гейнце, 1904; Иванов, 2019). Для изучения официального восприятия психологических характеристик комбатантов привлечены материалы делопроизводственной документации низовых властных структур, раскрывающие практики проведения мобилизационных кампаний (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7514, 7516). Анализ источников осуществляется посредством герменевтического метода, предполагающего интерпретацию текстов с учетом историко-культурного и психологического контекста.

Терминология исследования определяется социально-конструктивистской парадигмой, в основе которой лежит концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995). Социально-конструктивистская и постмодернистская исследовательские стратегии измерения маскулинности/фемининности позволяют рассматривать таковые через соотношение и трансформацию под воздействием исторических обстоятельств и вызовов (Френкель, 2024). Постмодернистскую парадигму передает категория «дискурс», ориентирующая на социальное взаимодействие и формирование идентичностей – паттернов межличностных коммуникаций и моделирования инвариативных социальных ролей (Савелова, 2011).

В этом контексте гендер представляет собой специфический и непостоянный набор культурных характеристик, определяющих сознание и поведение мужчин и женщин в вопросах самоидентификации и взаимодействия. На содержание таковых оказывают воздействие социальные и политические институты, социальные нормы, роли, стереотипы, установки сознания и поведения (Михайлова, 2011).

Принципиальное отличие данных концептов от дихотомии «мужественность» и «женственность» заключается в предписательно-нормативной сущности последних, а также в наделении «мужественности» положительной коннотацией, а «женственности», соответственно, отрицательной, негативной. «Маскулинность» и «фемининность» ориентируют на соотнесение с системами социального и межличностного взаимодействия, социальными гендерными контрактами, отношениями в системе власти-подчинения, совокупностью социальных функций и ролей, индивидуальным выбором поведенческих стратегий (Connel, 2005; Кон, 2009).

3. Обсуждение

На рубеже 1990–2000-х гг. в исторической науке наметилось две тенденции: с одной стороны, возрос интерес к изучению военно-исторической психологии, а, с другой, – происходит утверждение антропологической парадигмы в целом, что позволило определить первое десятилетие XXI в. как период формирования новой междисциплинарной отрасли науки – военной антропологии. Одной из ключевых проблем данного направления стало изучение особенностей гендерной психологии, включая феномен массового участия женщин в войнах XX столетия (Сенявская, 1999; Сенявская, 2016; Сенявская, 2018; Сенявская, 2023).

Сложная задача воссоздания целостной картины присутствия женщин в воинстве российском на всем протяжении отечественной истории была поставлена в монографии Ю.Н. Ивановой (Иванова, 2003). Автор последовательно реконструирует этапы трансформации гендерных контрактов от былинных богатырок-поляниц до сестер-милосердия и авиатрисс Первой мировой и массового замещения «мужских» специальностей в Великой Отечественной войне. Одним из переломных моментов в процессе феминизации военных конфликтов становится Русско-японская

война, первый опыт массового участия сестер милосердия, женщин-врачей и фельдшериц в деятельности лазаретов, перевязочных пунктов, госпитальных судов и пр. непосредственно в зоне столкновения с противником (Иванова, 2003: 51-88).

Проявления фемининности в условиях военного времени стали предметом рассмотрения П.П. Щербинина. Авторское видение проблемы основывается на концепции культурной травмы в двух женских ипостасях: солдатки (социально-правовое положение и бытовые реалии семей призванных на войну солдат) и воительницы, сознательно выбиравшей мужские роли или иные новые сферы публичной активности (сестринское дело) (Щербинин, 2004; Щербинин, 2004а).

В региональной историографии Русско-японской войны в качестве самостоятельного направления утверждается разработка проблематики «дискурса», социально-психологических репрезентаций в публичной сфере Человека воюющего и/или переживающего войну (Михайлова, 2020; Magsumov et al., 2022).

4. Результаты

В современной историографии ключевым фактором феминизации войн рассматриваются «эгалитарные настроения и эмансипация революционной эпохи». Признание личностных и гражданских прав женщин способствовало их широкому участию в военных событиях 1789–1815 гг. (Шереметьев, 2009: 120). В России освоение подобных практик имело свои особенности и происходило непосредственно в период военных конфликтов, обозначив реакции комбатантов на психотравмы эпохи модерна. В этом контексте автаркия российского традиционализма будет размываться под воздействием восприятия «новых» в технологическом отношении войн (рост численности участников, применение новых видов оружия для поражения противника, и, соответственно, увеличение безвозвратных потерь и численности раненых и больных воинов, понимание необходимости модернизации медицинского сопровождения конфликтов и пр.).

Русско-японская война спровоцировала масштабный и одномоментный переход к экстремальным практикам повседневности, что подтверждается численностью привлеченных комбатантов, восприятием мобилизации и потерями личного состава. Так, по данным Красного Креста, потери русской армии за все время войны составили 182 051 человека, в том числе, раненых и контуженных – 122 690, число госпитализированных больных определялось в 358 425 человек, а амбулаторных – в 1,27 млн человек (Отчет..., 1911: 608).

Б.В. Соколов, ссылаясь на подсчеты отечественных (Г.Ф. Кривошеев и др.) и зарубежных исследователей (Н. Чорновил), указывает на наличие значительного диапазона в оценках числа участвовавших в боевых действиях: от 539 734 человек в составе армии, 34 557 человек в составе флота и еще 7667 в составе береговых подразделений флота, и до не менее 1465 тыс. комбатантов, а общего числа мобилизованных – свыше 1,9 млн человек. Потери русской армии и флота, включая погибших на поле боя и умерших от ран и болезней составили от 43 586 до 92 485 человек. Нельзя не отметить высокий процент умерших от болезней (по данным Г.Ф. Кривошеева, 12 128 человек при 25 331 убитых на поле боя) (Соколов, 2022: 16-18).

Первым непосредственным откликом на нападение Японии стал освященный религиозным сознанием подъем патриотических настроений по всей империи. Чтение манифеста об объявлении войны с Японией совпало по времени с празднованием масленицы. Массовые гуляния и молебны лишь усилили потребность в единении, в проявлении солидарных практик жертвования на военные нужды (ПГВ, 1904. № 53: 2; № 88: 1). В то же время частичные (или частные) мобилизации нижних чинов Московского и Киевского военных округов (последняя из девяти прошла буквально накануне подписания мирного договора – в августе 1905 г.), всеобщие мобилизации в Сибирском и Приамурском военных округах (О частных мобилизациях..., 1905) возымели характер мощнейшего фактора роста социальной напряженности, трансформации традиционных гендерных ролей и поиска путей адаптации. Вызовом традиционному восприятию войны послужил призыв «бородачей», запасных старших сроков службы, обремененных многочисленным семейством (Гейнце, 1904: 10-11; Щербинин, 2004а: 190). В этом случае характеристики эмоционального подъема (Гейнце, 1904: 10-11) будут дополнены женским плачем и проклятиями «дальневосточной бойне» (Щербинин, 2004а: 188), что спровоцирует погромные настроения призывников на территории сборных пунктов и железнодорожных станций по пути следования воинских эшелонов (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7514, 7516). Так, в результате «преждевременной явки» на сборный пункт в г. Городище Пензенской губернии 2 июня 1904 г. (по этой причине запасных не поставили на довольствие и рекомендовали вернуться в свои селения до срока явки, и прибыть на следующий день) запасные, многие из которых прибыли на своих подводах в сопровождении родственников, в числе 100 человек собрались на городской базарной площади, где стали возмущаться высоким ценам, «производя шум и беспорядок». Вечером того же дня «партия запасных, будучи в пьяном виде и не подчиняясь никаким увещаниям, приступила уже к разбитию бакалейных мелочных лавок»; «вот, братцы, мы за них идем кровь проливать, а они с нас за насущный хлеб последнее тянут» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7514. Л. 32–32об., 140).

Закрепленные общинным архетипом, практики солидаризации и массовой социальной активности выступали равно как основой невероятной стойкости и покорности своей участи

(по мнению иностранных корреспондентов, в период войны с Японией русская армия являла «...такую неустрашимость, которая ошеломляет. Солдаты ее умирают с поразительной покорностью» (Нодо, 1906: 104), так и формировали убежденность в иррационализме и априори бунтарском, «женском» характере русского мужика. Так, согласно рапорту саранского уездного исправника (Пензенская губерния), 29 сентября 1904 г. по прибытии эшелона из Нижнего Новгорода на станцию «Темирязево» Московско-Казанской железной дороги «нижние чины вели себя буйно и выбили стекла в винной лавке в с. Ромодановке». Две партии запасных: 600 человек из Владимирской и 700 – из Тверской губерний «в совершенно нетрезвом виде», воспользовавшись 4-часовой остановкой поезда, разгромили винную лавку, буфет, трактирное заведение и учинили массовую драку на станции «Саранск»: «били друг друга всем, что попадало им под руку: бутылками, дровами, камнями, а некоторые и ножами. Драка и кровавое побоище продолжалось более часа». Аналогичные беспорядки произошли на станциях «Башмаково» и «Пачелма» в ночь на 2 ноября 1904 г. В составе эшелона находилось 1200 человек. Нередко эшелоны следовали один за другим ежедневно, и каждый эшелон добавлял новые штрихи к портрету «запасного»: «Нахальства и бесчинства не поддаются описанию» (эшелоны из Виленского и Варшавского военных округов), «не войско, а сборище негодяев» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7516. Л. 4, 5, 21, 27, 51). Военнослужащие регулярных войск называли «буйствующих» запасных «хунгузами» (хунгузы – члены преступных группировок, действовавших на территории Маньчжурии – прим. автора), маркируя их как этнических чужаков (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7516. Л. 45).

Массовые реакции, спровоцированные неготовностью мобилизационной инфраструктуры, системы обеспечения призывников (наполнение воинских эшелонов составляло до 1000 человек «бородачей» и более при 1–2-х офицерах; неготовность к массовому перемещению военнослужащих; длительные остановки на железнодорожных станциях; закрытие винных лавок), отражали традиционные представления о маскулинности, о мире мужчин – мире власти и насилия (Скороспелова, 2019: 78), но, с другой, девальвировали содержание идеологических практик – средств легитимации войны (Скороспелова, 2019: 80). В этом же контексте следует интерпретировать содержание слухов о «бедствиях, претерпеваемых нашими войсками на Байкале», имевших хождение в Иркутске и других городах России: «В городе ходят слухи о том, что переправляющиеся эшелоны идут через Байкал раздетыми, что в Иркутске много отмороженных, требующих ампутации. Много замерзших и прочее» (ПГВ, 1904. № 53: 2). Слухи соответствовали реалиям лишь отчасти и транслировали скорее эффект гиперболизации жертвы и травмирующего влияния войны в образе страдающего солдата.

Образ воина в XVIII и н. XIX вв. формировался вне семейных уз. По подсчетам исследователей, в русской армии наполеоновской эпохи насчитывалось лишь 9 % женатых офицеров (Шереметьев, 2009: 109). Ситуация в мобилизации 1904 г. была принципиально иной. Беспокойство за близких, ощущение разрыва привычных родственных связей выступали серьезной угрозой для воспроизводства маскулинности на войне. Образ «мужичка-бородача», «мирного хлебопашца», оторванного от семьи и потерявшего в «крошечном аду» войны запечатлен в воспоминаниях сестры-волонтерки Н.В. Козловой (Козлова, 1913: 552–553; 951). 22 декабря 1904 г. при обследовании воинского поезда № 52 на станции Леонидовка Пензенской губернии было обнаружено исчезновение одного из нижних воинских чинов. На поиски был отправлен вспомогательный паровоз и беглеца обнаружили. В ходе дознания тот показал, что выпрыгнул из поезда рядом со станцией Селикса, так как «хотел проститься с родственниками», проживавшими в данном селении (ПГВ, 1904. № 361: 3).

На другой чаше весов публичного дискурса в качестве определенного балансира, призванного уравновесить «немужские» проявления, дегероизацию поведения мужчин, проявились героические образы сестер милосердия, фельдшерниц, добровольцев. В начале Русско-японской войны возрождаются массовые практики женского социального волонтерства и подвижничества, закрепленные опытом участия в Сербско-турецкой и Русско-турецкой войнах 1876–1878 гг., в деятельности Российского Общества Красного Креста (РОКК). Одной из первых этапы становления движения и мотивацию женской активности зафиксировала Н.А. Лухманова (РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. Л. 61–63об.). В апреле 1904 г. Надежда Александровна в качестве корреспондента «Красного креста» отправилась в Манчжурию и записала свои впечатления и размышления в серии рассказов. По мнению автора, за первой волной «бессознательной пионерной женской эмансипации от прежних застойных идей о том, что война есть дело исключительно мужское», сформировавшей общины по образу и подобию монашеской аскезы, пришли волонтеры: матери, сестры, жены, не смилившиеся с пассивным ожиданием и бездействием (РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. Л. 61–61об.).

По подсчетам Ю.Н. Ивановой, в русско-японскую войну в госпиталях, на плавазаретах и санитарных поездах и т.д. служило свыше 3 тысяч сестер милосердия, в том числе, около 50 женщин-врачей и 60 фельдшерниц; свыше полутора тысяч женщин были удостоены государственных наград, в том числе около полутора сотен золотых и серебряных на Георгиевской ленте (Иванова, 2003: 78–80). Пензенская община сестер милосердия была открыта 17 мая 1894 г. по инициативе председательницы местного управления Красного Креста В.И. Горайновой, супруги губернатора. Спустя два года объединение было принято под покровительство Императрицы Александры Федоровны и стало именоваться – «Община во имя Святой Великой княгини Ольги» (РГИА. Ф. 1284.

Оп. 185. 1896. Д. 10). 24 марта 1904 г. пензенский отряд Красного Креста в составе 15 сестер милосердия и 4 волонтерок был направлен в г. Нерчинск. Здесь был сформирован госпиталь на 100, а спустя год – на 200 кроватей. В 1905 г. от пензенской общины в Нерчинск было направлено еще 4 сестры и 2 волонтерки, число раненых и больных выросло до 250 и более (Отчет..., 1912: 11-12).

Возобновляется деятельность Дамского комитета (в традициях женского патриотического движения 1877–1878 гг.): по инициативе и под председательством супруги пензенского губернатора А.И. Хвостовой 4 февраля 1904 г. в Губернаторском доме состоялось первое его заседание, на которое собралось до 70 человек. Первостепенной задачей добровольцев было определено шитье белья и сбор теплых вещей для комплектования санитарного отряда, готовившегося отправиться на Дальний Восток, а также сбор средств на поддержку раненых и больных воинов (ПГВ, 1904. № 33: 3; № 35: 3). К концу декабря сборы (пожертвования) составили 11408 руб. 20 коп. (ПГВ, 1904. № 356: 3). Провинциальная пресса предельно четко зафиксировала предписательно-нормативное содержание гендерных контрактов: «В ночь на 20 апреля проследовали через Пензу добровольцы, едущие из Одессы на Восток, в составе 131 чел. нижних чинов при офицере. В 10 час. вечера в сопровождении члена Дамского Комитета М.И. Шумейко прибыла на вокзал Ея Превосходительство Председательница Дамского Комитета А.И. Хвостова, которая отъезжающим воинам раздала 131 кيسет с подарками и нуждающимся 75 человекам разное белье» (ПГВ, 1904. № 110: 2).

По удаленности театра военных действий и общей незначительной численности «слабого пола» на Дальнем Востоке репрезентации образа женщины-комбатанта в публичном дискурсе непосредственно в период конфликта имели сакрализированный и положительный характер (этиюд «Сестра милосердия») (ПГВ, 1904. № 48: 2). В последующем подобные установки подкреплялись информацией о высоком уровне боевых и санитарных потерь. Так, по воспоминаниям И.Е. Иванова, после боев на р. Шахэ, все госпитали в Харбине, «приняв раненых вдвое-втрое против положенного, были завалены ими», а между тем, с юга в город прибывали все новые и новые поезда, разгружались и поспешно отправлялись обратно, на Шахэ, где раненые «оставались в шатрах или даже прямо на воздухе, хотя уже стоял конец октября...» (Иванов, 2019: 218-219).

Ощущение психологической травмы в массовом сознании усиливается после падения Порт-Артура. На страницах провинциальной прессы это проявляется, в том числе, и в стереотипизации новых гендерных ролей. Так, 26 декабря 1904 г. «жители г. Пензы» направляют телеграмму поддержки генерал-адъютанту А.М. Стесселю: «шлем братский привет героям и их вождю... Желаем Вам и всем больным и раненым полного выздоровления». В числе подписавшихся встречаем репрезентации собирательных образов гендерного дискурса: «сестра милосердия Деконская», «раненый капитан В. Иванов» (ПГВ, 1904. № 361: 3).

Описывая трагедию Мукденского сражения, Н.В. Козлова сообщает о том, что при отступлении русской армии из города не успели эвакуировать до двух тысяч раненых, акцентируя внимание на решении сестер, которые «как женщины» могли уехать, но остались в госпиталях, «чем, говорят, особенно тронуты и утешены были раненые солдаты» (Козлова, 1913: 961).

В письмах военного корреспондента Н.Э. Гейнце, сопровождавшего воинский эшелон и оказавшегося на передовой, непосредственно в гуще событий Русско-японской войны, воссоздано несколько типов «женщин-героинь» (Гейнце, 1904: 274). Первый – это сестра милосердия/фельдшерица: «Тут же на полях Вафангоу выказалась во всем своем блеске доблесть русской женщины – сестра милосердия г-жа Воронова под градом пуль, спокойно сидя на коне, распоряжалась действиями санитаров» (Гейнце, 1904: 20, 67). В публикациях более позднего периода коннотация станет сложнее, но не выйдет за пределы мифологической традиции.

Кроме того, в качестве вовсе не единичных случаях жертвенного служения семье и Отечеству описаны практики участия волонтерок (сестер-добровольцев) и жен офицеров («боевых подруг») местных гарнизонов и воинских частей: «Вот с застывшим выражением глубокой печали на челе, бесстрашно и бесстрастно распоряжается сестра Хватунова, только что потерявшая любимого мужа, павшего славной смертью героя в битве под Вафангоу, вот сестра Тучкова, жена ротного полкового командира, достойная спутница жизни воина, вот и другие, мужественные, пренебрегающие опасностью, готовые на смерть для великого дела помощи раненым»; «Тут мало удивления, мало поклонения! Тут хочется молиться перед этим воплощением милосердия на земле» (Гейнце, 1904: 83). Встречается и прямая отсылка к образу Н.А. Дуровой («Современные «кавалерист-девицы!»»: «Облеклись в казацкое платье и жены одного степного коменданта близ Ляояна и пограничного офицера на посту, около Тъелина. Обе они с необычайным бесстрашием являются товарищами по оружию своих мужей» (Гейнце, 1904: 274-275).

Проявление инверсии гендерных ролей в реальном времени актуализировало художественные образы амазонок, «царь-девицы», богатырок-поляниц (один из источников – славянский фольклор) и переходного индивидуализированного типа воительницы – «кавалерист-девицы» в литературе Серебряного века (Зусева-Озкан, 2021: 43, 52, 68, 73). Источники эпистолярного жанра также воспроизводят представление об андрогинности воительницы (Зусева-Озкан, 2021: 52). Так, Н.Э. Гейнце в качестве особого типа «героев» зафиксировал образ «девиц-разведчиков»: «В последний вечер моего пребывания в Мукдене любопытная встреча на станции с девицей-

разведчиком Елизаветой Смолка». Особый акцент автор делает на отсутствии фемининных признаков и наличии маскулинных: «одета в мужской костюм»; «Говоря про себя, употребляет мужской род» (Гейнце, 1972; 274).

Вместе с тем, в эпистолиях и мемуарной литературе появляются акценты амбивалентности «высоких» и «низменных» характеристик жертвенного служения сестер милосердия, что, по своей сути, выступало отголоском мифологической традиции нераздельного отождествления фигуры воительницы «одновременно с девственницей и блудницей, спасительницей и нуждающейся в спасении» (Зусева-Озкан, 2021: 36). Так, в рассказе-очерке «Сестра милосердия» Н.А. Лухманова негодует против «бессовестных инсинуаций, которыми всюду травят сестру милосердия», чье пребывание на фронте окрашивалось в тона фривольности, становилось предметом скабрёзных шуток и двусмысленных вульгарных реплик со стороны мужчин: «Сестру видели на извозчике с офицером...». Причины происходящего Лухманова усматривает в сохранении патриархального гендерного контракта: «Неужели же мужчина не может никогда признать в женщине равного себе человека...»; «Есть люди, которые считают, что белая косынка есть уже символ отречения от всяких земных страстей и от всех человеческих чувств» (РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. Л. 63 об.–65об.). По всей вероятности поведение сестер-воительниц было скорее отражением образа, закреплённого в вековой традиции противопоставления маскулинного и фемининного, нежели реальной повсеместной практикой (особенно учитывая возраст многих сестер). На стороне волонтерок выступали и мужчины, подчеркивая, что «красный крест на груди есть символ страдания и скорби» (Иванов, 2019: 211). «Впечатления раненого...» увидели свет в 1914 г., и автор отмечает единственный случай неприличного жеста и реплик со стороны раненого, что встретило незамедлительный и жесткий отпор со стороны офицеров. Сестры дворянского госпиталя были «выше подозрений и пользовались вниманием и благодарностью со стороны раненых» (Иванов, 2019: 210-211).

5. Заключение

Таким образом, ключевым фактором изменения содержания в репрезентациях маскулинности и фемининности периода Русско-японской войны выступит переживание травмы и поиск путей адаптации традиционного общества к военным конфликтам эпохи модерна. Очертания новых гендерных контрактов проявятся уже в Крымской и Русско-турецкой войнах и приведут к масштабированию практик социального служения женщин. В 1904 г. частота мобилизационных кампаний и череда военных неудач обеспечат сближение полюсов мужского и женского начал. Не менее значимым основанием тиражирования подобного образа следует рассматривать сохранение и воспроизводство аскетического начала православной религиозной идентичности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02827, <https://rscf.ru/project/25-28-02827/>

Литература

- Бергер, Лукман, 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
- Воробьева, 2008 – Воробьева Э.А. Формирование образа героя в русско-японскую войну 1904–1905 годов (на материалах газет «Дальний восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии») // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2008. Т. 7. № 1. С. 141-146.
- ГАПО – Государственный архив Пензенской области.
- Гейнце, 1904 – Гейнце Н.Э. В действующей армии (Письма военного корреспондента). Санкт-Петербург: типо-лит. «Энергия», 1904. 292 с.
- Зусева-Озкан, 2021 – Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. Москва: Индрик, 2021. 712 с.
- Иванов, 2019 – Иванов И.Е. Впечатления раненого в Русско-японскую войну // *XX века Россия: общество, реформы, революции* [Электронный сборник]. Вып. 7. Самара, 2019. С. 177-230.
- Иванова, 2003 – Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. Москва: РОССПЭН, 2003. 272 с.
- Игаева, 2018 – Игаева К.В. Гендерные исследования «новых войн»: воспроизводство маскулинности или переосмысление представлений о мужестве // *Социология власти*. 2018. Т. 30. № 1. С. 245-251.
- Козлова, 1913 – Козлова Н.В. Под военной грозой (воспоминания сестры-волонтерки) // *Исторический вестник*. 1913. Т. 134. Ноябрь. С. 533-562; Декабрь. С. 943-974.
- Кон, 2009 – Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Москва: Время, 2009. 496 с.
- Михайлова, 2011 – Михайлова Е.В. Гендреная философия: маскулинность и фемининность // *Вестник Марийского государственного университета*. 2011. № 6. С. 11-14.
- Михайлова, 2020 – Михайлова И.П. Отклик на события Русско-японской войны в газете

«Курский листок» (1904–1905) в контексте идей эпохи // *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020. № 8 (33). С. 1-6.

Нодо, 1906 – Нодо Л. Письма о войне с Японией. Пер. с фр. Н.М. Лагов. Санкт-Петербург: тип. Исихора Гольдберга, склад у В.А. Березовского, 1906. 328 с.

О частных мобилизациях..., 1905 – О частных мобилизациях, произведенных в 1904–1905 гг. // *Летопись войны с Японией*. 1905. Т. 82–83. С. 1598-1606.

Общины..., 2019 – Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2019. 608 с.

Отчет..., 1911 – Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время Русско-японской войны. Т. II. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1911. 961 с.

Отчет..., 1912 – Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза: Губернская типография, 1912. 33 с.

ПГВ, 1904 – Пензенские губернские ведомости, 1904.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.

Савелова, 2011 – Савелова М.А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2011. № 5–6. С. 43-47.

Сенявская, 1999 – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская, 2016 – Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // *Вестник Мининского университета*. 2016. № 1-2 (14). С. 14.

Сенявская, 2018 – Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // *Исторический вестник*. 2018. Т. 24. С. 10-43.

Сенявская, 2023 – Сенявская Е.С. Военная антропология в новых исторических условиях // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2023. Т. 45. № 8. С. 46-54.

Соколов, 2022 – Соколов Б.В. Людские потери России и СССР в войнах XX–XXI вв. Москва: Новый Хронограф, 2022. 768 с.

Френкель, 2024 – Френкель И.А. Дискуссионные проблемы толкования гендерных категорий «мужественность», «маскулинность» / «virilité» / «masculinité» // *Гуманитарные исследования*. 2024. № 4 (92). С. 49-58.

Щербинин, 2004 – Щербинин П.П. Баба с газетой: Как жила черноземная провинция во время войны с Японией // *Родина*. 2004. № 4. С. 95-97.

Щербинин, 2004a – Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 510 с.

Connel, 2005 – Connel R.W. Masculinities. 2nd ed. University of California Press, 2005. 324 p.

Kaldor, 2012 – Kaldor M. New and old wars: organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press, 2012. 256 p.

Magsumov et al., 2022 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The Russian-Japanese War in the Reflection of the “Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti” // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 934-942.

Sjoberg, 2010 – Sjoberg L. (Editor), Via S.E. (Editor), Enloe C. (Foreword). Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives. Santa Barbara: Praeger, 2010, 304 p.

References

Berger, Lukman, 1995 – Berger, P., Lukman, T. (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moskva: Medium. 323 p. [in Russian]

Connel, 2005 – Connel, R.W. (2005). Masculinities. 2nd ed. University of California Press. 324 p.

Frenkel', 2024 – Frenkel', I.A. (2024). Diskussionnye problemy tolkovaniya gendernykh kategorii «muzhestvennost'», «maskulinnost'» / «virilité» / «masculinité» [Controversial issues in interpreting the gender categories “masculinity”, “masculinity” / “virilité” / “masculinité”]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 4(92): 49-58. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State archives of the Penza region].

Geintse, 1904 – Geintse, N.E. (1904). V deistvuyushchei armii (Pis'ma voennogo korrespondenta) [In the active army (letters of a war correspondent)]. Sankt-Peterburg: tipo-lit. «Energiya». 292 p. [in Russian]

Igaeva, 2018 – Igaeva, K.V. (2018). Gendernye issledovaniya «novykh voyn»: vosproizvodstvo maskulinnosti ili pereosmyslenie predstavlenii o muzhestve [Gender studies of the “new wars”: reproduction of masculinity or rethinking ideas of courage]. *Sotsiologiya vlasti*. 30(1): 245-251. [in Russian]

- [Ivanov, 2019](#) – *Ivanov, I.E.* (2019). Vpechatleniya ranenogo v Russko-yaponskuyu voinu [Impressions of a wounded man in the Russo-Japanese war]. *XX veky Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* [Elektronnyi sbornik]. Vyp. 7. Samara. Pp. 177-230. [in Russian]
- [Ivanova, 2003](#) – *Ivanova, Yu.N.* (2003). Khrabreishie iz prekrasnykh: Zhenshchiny Rossii v voynakh [The bravest of the beautiful: Russian women in wars]. Moskva: ROSSPEN. 272 p. [in Russian]
- [Kaldor, 2012](#) – *Kaldor, M.* (2012). New and old wars: organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press. 256 p.
- [Kon, 2009](#) – *Kon, I.S.* (2009). Muzhchina v menyayushchemsya mire [A man in a changing world]. Moskva: Vremya. 496 p. [in Russian]
- [Kozlova, 1913](#) – *Kozlova, N.V.* (1913). Pod voennoi grozoi (vospominaniya sestry-volonterki) [Under the Storm of War (Memoirs of a Volunteer Sister)]. *Istoricheskii vestnik*. T. 134. Noyabr'. Pp. 533-562; Dekabr'. Pp. 943-974. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2022](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2022). The Russian-Japanese War in the Reflection of the "Yakutskie Eparkhial'nye Vedomosti". *Bylye Gody*. 17(2): 934-942.
- [Mikhailova, 2011](#) – *Mikhailova, E.V.* (2011). Gendrenaya filosofiya: maskulinnost' i femininnost' [Gender philosophy: masculinity and femininity]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6: 11-14. [in Russian]
- [Mikhailova, 2020](#) – *Mikhailova, I.P.* (2020). Otklik na sobyitiya Rusko-yaponskoi voyny v gazete «Kurskii listok» (1904–1905) v kontekste idei epokhi [Response to the events of the Russo-Japanese war in the newspaper "Kursky listok" (1904–1905) in the context of the ideas of the era]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 8(33): 1-6. [in Russian]
- [Nodo, 1906](#) – *Nodo, L.* (1906). Pis'ma o voine s Yaponiei [Letters about the war with Japan]. Per. s fr. N.M. Lagov. Sankt-Peterburg: tip. Isidora Gol'dberga, sklad u V.A. Berezovskogo. 328 p. [in Russian]
- [O chastnykh mobilizatsiyakh..., 1905](#) – O chastnykh mobilizatsiyakh, proizvedennykh v 1904–1905 gg. [On private mobilizations carried out in 1904–1905]. Letopis' voyny s Yaponiei. 1905. T. 82–83. Pp. 1598-1606. [in Russian]
- [Obshchiny..., 2019](#) – Obshchiny sester miloserdiya Rossiiskoi imperii v 1844–1917 gg.: Entsiklopedicheskii spravochnik [Communities of Sisters of Mercy of the Russian Empire in 1844–1917]. Pod obshch. red. svyashch. A. V. Posternaka. Moskva: Izd-vo PSTGU, 2019. 608 p. [in Russian]
- [Otchet..., 1911](#) – Otchet o deyatelnosti Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremya Russko-yaponskoi voyny [Report on the activities of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War]. T. II. Sankt-Peterburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1911. 961 p. [in Russian]
- [Otchet..., 1912](#) – Otchet Penzenskoi obshchiny sester miloserdiya vo imya Sv. Ol'gi, sostoyashchei pod Avgusteishim pokrovitel'stvom Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny za 1911 god [Report of the Penza Community of Sisters of Mercy in the Name of St. Olga, under the August Patronage of Empress Alexandra Feodorovna for 1911]. Penza: Gubernskaya tipografiya, 1912. 33 p. [in Russian]
- [PGV, 1904](#) – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1904. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives].
- [RO IRLI](#) – Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom) Rossiiskoi akademii nauk [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences].
- [Savelova, 2011](#) – *Savelova, M.A.* (2011). Maskulinnost' i femininnost' kak klyuchevye kategorii gendernoi teorii [Masculinity and Femininity as Key Categories of Gender Theory]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 5–6: 43-47. [in Russian]
- [Senyavskaya, 1999](#) – *Senyavskaya, E.S.* (1999). Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii [Psychology of war in the 20th century: Russia's historical experience]. M.: ROSSPEN. 383 p. [in Russian]
- [Senyavskaya, 2016](#) – *Senyavskaya, E.S.* (2016). Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoi nauchnoi otrasli [Military anthropology: the experience of formation and development of a new scientific branch]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1-2(14): 14. [in Russian]
- [Senyavskaya, 2018](#) – *Senyavskaya, E.S.* (2018). Chelovek na voine, ili ternisty put' ot voennoi istorii k voennoi antropologii [Man at war, or the thorny path from military history to military anthropology]. *Istoricheskii vestnik*. 24: 10-43. [in Russian]
- [Senyavskaya, 2023](#) – *Senyavskaya, E.S.* (2023). Voennaya antropologiya v novykh istoricheskikh usloviyakh [Military anthropology in new historical conditions]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 45(8): 46-54. [in Russian]
- [Shcherbinin, 2004](#) – *Shcherbinin, P.P.* (2004). Baba s gazetoi: Kak zhila chernozemnaya provintsiya vo vremya voyny s Yaponiei [A woman with a newspaper: how the black earth province lived during the war with Japan]. *Rodina*. 4: 95-97. [in Russian]
- [Shcherbinin, 2004a](#) – *Shcherbinin, P.P.* (2004). Voennyy faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v. [The military factor in the everyday life of Russian women in the 18th – early 20th centuries]. Tambov: Yulis. 510 p. [in Russian]

[Sjoberg, 2010](#) – *Sjoberg, L.* (Editor), *Via, S.E.* (Editor), *Enloe, C.* (Foreword) (2010). *Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives*. Santa Barbara: Praeger. 304 p.

[Sokolov, 2022](#) – *Sokolov, B.V.* (2022). *Lyudskie poteri Rossii i SSSR v voynakh XX–XXI vv.* [Human losses of Russia and the USSR in the wars of the 20th–21st centuries.]. Moskva: Novyi Khronograf. 768 p. [in Russian]

[Vorob'eva, 2008](#) – *Vorob'eva, E.A.* (2008). *Formirovanie obraza geroya v russko-yaponskuyu voynu 1904–1905 godov* (na materialakh gazet «Dal'nii vostok», «Sibirskaya zhizn'», «Vestnik Man'chzhurskoi armii») [Formation of the hero image in the Russo-Japanese war of 1904–1905 (based on materials from the newspapers “Dalniy vostok”, “Sibirskaya zhizn”, and “Vestnik of the manchzhurskoy armii”)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 7(1): 141-146. [in Russian]

[Zuseva-Ozkan, 2021](#) – *Zuseva-Ozkan, V.B.* (2021). *Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety* [The warrior maiden in the literature of Russian modernism: image, motifs, plots]. Moskva: Indrik. 712 p. [in Russian]

Русско-японская война 1904–1905 гг. как фактор модернизации гендерных контрактов: вызовы и практики адаптации

Ольга Александровна Сухова ^{a, *}

^a Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и специфика эволюции массовых представлений о предписательно-нормативной сущности гендерных контрактов в российском обществе в период Русско-японской войны.

Корпус источников сформирован материалами делопроизводственного характера, периодической печати, документами личного происхождения. Аргументация автора строится на систематизации и обобщении широкого круга исследований, посвященных общим проблемам истории военного конфликта, гендерной истории, отражению социальных представлений в средствах массовой информации, дневниковых записях, мемуарах, формированию образа «девы-воительницы» в русской литературе.

В ходе анализа установлено, что изменение дискурса «маскулинности» и «фемининности» в публичной сфере российского общества обусловлено модернизацией военных технологий, массовым характером мобилизационных практик, ростом численности комбатантов, сохранением высокого уровня религиозности. Механизмы адаптации традиционной культуры к новым вызовам эпохи модерна были реализованы в актуализации идеалов духовно-нравственного служения; укреплении гендерной толерантности; тиражировании практик социальной активности, жертвенности «девоительниц», проявлений «женской власти», что было успешно апробировано в предшествовавших войнах. Обратной стороной медали выступит ускорение процессов эмансипации и активизации женского движения в Российской империи.

Ключевые слова: Русско-японская война, Российская империя, Пензенская губерния, маскулинность, фемининность, гендерные контракты, публичная сфера.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1045-1053
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1045

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



History of Streator Commandery No. 70, Knights Templar (Streator, Illinois) (1905–1917): Formation and Early Development

Alexander Claudius Cherkas ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

Abstract

The article examines the early period in the history of Streator Commandery No. 70 (1905–1917), which formed part of the Masonic Order of Knights Templar. Particular attention is also devoted to its ceremonial and drill culture.

The study is based on three groups of historical sources: published collections of documents, archival materials, and museum exhibits.

In conclusion, the author arrived at the following findings:

First, during the period from 1905 to 1917, the Commandery's membership grew from 62 to 143 members – an increase of more than twofold. Particularly vigorous growth was observed during the periods of 1907–1908 and 1915–1917.

Second, the membership structure facilitated the regular rotation of officers and the formation of a core group of active Knights, a group that included William H. Jennings, Abner G. Rich, James A. Curry, and others.

Third, the most significant figure within the Commandery was William H. Jennings, who was elected Eminent Commander in 1907. Beginning in 1914, he was elected to officer position within the Grand Commandery of Illinois. Ultimately, in 1921, he became the Grand Commander of the Grand Commandery of Illinois.

Fourth, the Commandery paid considerable attention to ceremonial culture, which was especially evident in the inspection reports and participation in parades. As a result, Streator Commandery No. 70 demonstrated a high level of ritual and drill discipline.

Keywords: Streator Commandery No. 70, Streator, Illinois, Grand Commandery of Illinois, Knights Templar, York Rite, 1905–1917.

1. Introduction

In the history of the American Masonic Order of Knights Templar, represented by the Grand Encampment of Knights Templar of the United States, there remain a significant number of little-known pages. A considerable portion of these insufficiently studied topics concerns the history of the commanderies that formed part of the Grand Encampment of Knights Templar. It should be noted that 100 years ago, in 1926, there were 1,685 Knights Templar commanderies operating within the United States ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1928: 170](#)). Taking into account the establishment of additional commanderies in subsequent years, their total number may have reached approximately 2,000.

In the present study, we intend to examine the initial period in the history of Streator Commandery No. 70 during 1905–1917, that is, from the establishment of the commandery in 1905 until 1917.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.C. Cherkas)

2. Materials and methods

The study is based on three groups of historical sources: published collections of documents, archival materials, and museum exhibits.

The first group includes the materials of the annual conclaves of the Grand Commandery of Illinois covering the years 1905–1917. As an additional source, the “Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templar of the United States of America. 37th Triennial Conclave” for 1928 was also utilized ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1928](#)).

Among the archival materials, documents preserved in the Archive of Cherkas Global University (Houston, USA) were used, particularly the files devoted to Streator Commandery No. 70 ([Archive CGU. F. 3. Op. 1. D. 46-48](#)). Although these files cover the period from 1926 to 1937, they also contain information relating to the early history of the commandery.

The museum exhibits are represented by artifacts of the commandery preserved in The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University (Houston, USA). Among these exhibits is a medal of Streator Commandery No. 70 dedicated to the Triennial Conclave held in 1910 in the Illinois capital, the city of Chicago ([MHAKT CGU. Collection 3. Badges and Ribbons. Exhibit No. 262](#)).

The source base of the study also predetermined the methodological tools employed in this research. Thus, the historical-genetic method made it possible to examine the circumstances surrounding the establishment of the commandery and to identify the principal results of its early activities during 1905–1917. Through the historical-comparative method, the regional features of the commandery’s development were analyzed and identified. In turn, the method of source criticism was applied in the analysis of the materials from the annual conclaves of the Grand Commandery of Illinois.

3. Discussion

Although the historiography of the commanderies of the American Masonic Order of Knights Templar began to take shape as early as the nineteenth century, the level of scholarly study devoted to the history of individual commanderies remains relatively low. In 2026, Konstantine V. Taran, in his historiographical survey of the history of Knights Templar commanderies, noted that, unlike academic historiography formed within the university environment, the majority of works devoted to the history of commanderies were produced within the Order itself by its own members ([Taran, 2026: 217](#)).

The first books devoted to the history of individual commanderies began to appear during the 1880s. Among the earliest authors was Jesse B. Anthony, who published a study on the history of Apollo Commandery No. 15 ([Anthony, 1882](#)), as well as Stephen Berry, who published a book on the history of Portland Commandery No. 2 ([Berry, 1882](#)). It is important to note that Apollo Commandery No. 15 belonged to the Grand Commandery of New York, while Portland Commandery No. 2 formed part of the Grand Commandery of Maine.

Two years later, one of the first works devoted to the history of a commandery belonging to the Grand Commandery of Illinois appeared. The author of this work was Norman T. Gassette, and the study was devoted to the oldest Illinois commandery – Apollo Commandery No. 1 ([Gassette, 1884](#)). Much later, in 1917, William Lee Roy Milligan published the history of another Illinois commandery – Ottawa Commandery No. 10 ([Milligan, 1917](#)).

In 2025, Alexander Cherkas turned to the study of commanderies within the state of Illinois and, in a series of publications, examined the histories of Beauseant Commandery No. 11 ([Cherkas, 2025a](#)), Bethany Commandery No. 28 ([Cherkas, 2025b](#)), El-Aksa Commandery No. 55 ([Cherkas, 2025c](#)), and Quincy Commandery No. 77 ([Cherkas, 2025d](#)).

Thus, it is possible to trace the continuity of the historiographical tradition devoted to the study of commanderies belonging to the Grand Commandery of Illinois from the late nineteenth century to the early twenty-first century.

4. Results

On September 29, 1905, sixty-two Knights Templar signed a petition addressed to the Grand Commander of the Grand Commandery of Illinois requesting the establishment of a commandery in the city of Streator, LaSalle County ([Forty-ninth Annual Conclave..., 1905: 47](#)). The submitted petition was referred to the Committee on Charters and Dispensations ([Forty-ninth Annual Conclave..., 1905: 57](#)). The committee recommended approval and the issuance of a charter to the petitioners for the establishment of a commandery to be known as Streator Commandery No. 70 ([Forty-ninth Annual Conclave..., 1905: 67](#)).

On October 24, 1905, the seventieth commandery within the Grand Commandery of Illinois – Streator Commandery No. 70 – was officially established ([164th Annual Conclave..., 2020: 87](#)). Its first commander was appointed Samuel McFeely, while Lisle R. Colley became Recorder ([Forty-ninth Annual Conclave..., 1905: 113](#)). Organizationally, the commandery was assigned to the Fourth District ([Forty-ninth Annual Conclave..., 1905: 118](#)).

On January 31, 1906, the Grand Commander was informed that Streator Commandery No. 70 wished to be formally constituted on February 13, 1906 ([Fiftieth Annual Conclave..., 1906: 30](#)). In 1906, the commandery numbered 62 members ([Fifty-first Annual Conclave..., 1907: 78](#)).

In 1906, among the members of the commandery listed as deceased was James T. Applegate ([Fiftieth Annual Conclave..., 1906: 150](#)). No information concerning newly admitted members was reported. Samuel McFeely and Lisle R. Colley continued to serve in their respective positions as commander and recorder ([Fiftieth Annual Conclave..., 1906: 119](#)).

In 1907, the membership of the commandery increased to 70 members. During the year, 8 members were created, 2 admitted, 1 dimitted, and 1 deceased ([Fifty-first Annual Conclave..., 1907: 78](#)).

William H. Jennings Em. Commander
 James A. Curry Gen.
 Milton C. Pirkey Capt. Gen.
 James R. Williams Sen. War.
 Louis L. Bennion Jun. War.
 Harry L. Manley Prelate
 Robert S. Sharfenberg Treas.
 Lisle R. Colley Recorder
 Clinton J. Bartlett Stan. Bearer
 Orion H. Howe Swd. Bearer
 Abner G. Rich Warder
 Sherman McQuown Sentinel ([Fifty-first Annual Conclave..., 1907: 154-155](#)).

Past Commander: Samuel McFeely ([Fifty-first Annual Conclave..., 1907: 155](#)).

Members: John C. Ames, Charles Brooker, Oswin H. Bourne, Ezra H. Bailey, Clinton J. Bartlett, Louis L. Bennion, William H. Boys, Sylvester A. Blanchard, Thomas Bawden, James A. Curry, Lisle R. Colley, Benjamin F. Colehower, William S. Cherry, Paul R. Chubbuck, Andrew J. Daugherty, John M. Davidson, Isaac F. Echard, John W. Fornof, William C. Flick, Oakley Griggs, Louis L. Graves, Adam Greener, David E. Huggans, Richard J. Howells, Hugh Hall, Lyston D. Howe, Orion H. Howe, Arthur W. Higby, Edward S. Holmes, William B. Jones, William H. Jennings, Matthew W. Jack, Joseph Kopf, Edward D. Kenward, Louis O. Lorenze, John A. Larimer, Robert W. Law, Milo J. Luther, Samuel McFeely, James M. McCoy, Harry L. Manley, Frederick E. Mills, Emil Morris, Sherman McQuown, John C. Pirkey, Milton C. Pirkey, Charles H. Rathbun, Walter L. Ross, Walter Reeves, Oscar B. Ryon, Charles T. Rowland, Abner G. Rich, Samuel C. Smith, Thomas J. Spencer, James Sexton, Phillip Saunders, Charles R. Schurman, Aaron K. Stiles, William L. Smith, Robert S. Scharfenberg, John N. Shinn, Harry Taggart, William H. Smalley, Frank A. Shunk, John M. Stewart, James R. Williams, William J. Williams, Charles H. Williams, Andrew R. VanSkiver, Robert H. Zoller.

Created: Adam Greener, Frank A. Shunk, Edward D. Kenward, Emil Morris, Sherman McQuown, William H. Smalley, Abner G. Rich, Edward S. Holmes.

Admitted: Harry M. Taggart, John M. Stewart.

Dimitted: Walter B. Wignal.

Dead: Barnet L. Bonar ([Fifty-first Annual Conclave..., 1907: 155](#)).

In 1907, William H. Jennings was elected to the office of Eminent Commander (Fig. 1). He became one of the most prominent figures not only within the commandery itself, but also throughout the Grand Commandery of Illinois. William H. Jennings was born on March 9, 1868, in Ottawa. In 1902, he became a Master Mason, and in the same year joined Streator Chapter No. 168 R.A.M.. In 1905, he became a member of the newly established Streator Commandery No. 70 ([Archive CGU. F. 3. Op. 1. D. 47. F. 113](#)).

Looking ahead, it should be noted that in 1914 he was elected to his first officer position within the Grand Commandery of Illinois, and in 1921 he was elected Grand Commander ([Archive CGU. F. 3. Op. 1. D. 47. F. 114](#)).

In 1908, the membership of the commandery increased to 82 members. During the year, 12 members were created, 2 admitted, and 2 deceased ([Fifty-second Annual Conclave..., 1908: 166-167](#)).

William H. Jennings Em. Commander
 Lisle R. Colley Recorder ([Fifty-second Annual Conclave..., 1908: 103](#)).

Created: Edward Finney Burkholder, Charles Albert Brown, Frank Dudley Ball, Edward Gaylord Ball, Chauncy Percival Ball, William Charles Boldt, Arthur Burling Cole, John Allen Courval, Thomas Robert Holmes, George Brinton Koontz, George Edward Mason, George Walter Weiss.

Admitted: Robert William Crawford, Edward James Ryon ([Fifty-second Annual Conclave..., 1908: 166-167](#)).

Dead: William Henry Smalley (Nov. 6, 1907), William Lloyd Smith (May 22, 1908) ([Fifty-second Annual Conclave..., 1908: 132](#)).



Fig. 1. William Henry Jennings (1868–1933). 1921 ([Archive CGU. F. 3. Op. 1. D. 47. F. 112](#))

In 1909, the membership of the commandery increased to 88 members. During the year, 8 members were created, 1 admitted, and 3 deceased ([Fifty-third Annual Conclave..., 1909: 119](#)).

James A. Curry Em. Commander

Wm. C. Flick Recorder ([Fifty-third Annual Conclave..., 1909: 121](#)).

Created: Arthur Milan Barackman, Thomas English, Edward Mattock Griggs, Frederick William Herbert, Carl Henry Iserman, Frank Tuthill Potts, Harry Allen Smalley, William Walter Thirldohr.

Admitted: Robert Martin Stene ([Fifty-third Annual Conclave..., 1909: 159](#)).

Dead: Thomas H. Spencer (Oct. 23, 1908), Aaron K. Stiles (March 31, 1909), Walter Reeves (April 9, 1909) ([Fifty-third Annual Conclave..., 1909: 116](#)).

According to Special Orders No. 6 of the Grand Commander, dated April 24, 1909, Dan. G. Swannell, Eminent Sir and Past Commander, was appointed Special Inspector and was to inspect Streater Commandery No. 70 on April 28, 1909 ([Fifty-third Annual Conclave..., 1909: 21](#)). No information regarding the results of the inspection was reported.

In 1910, the membership of the commandery increased to 90 members. During the year, 5 members were created, 2 dimitted, and 1 deceased ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 141](#)).

James Albert Curry Em. Com.

Milton Clyde Pirkey Gen.

James Reed Williams Capt. Gen.

Louis Lyle Bennion Sen. War.

Abner Gentry Rich Jun. War.

Harry Lewis Manley Prelate

Robert Sebastian Scharfenberg Treas.

William Carl Flick Recorder

Arthur Milan Barackman Stan. Bearer

William Walter Thiedohr Swd. Bearer

Edward Mattock Griggs Warder

Sherman McQuown Sentinel ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 164](#)).

Past Commanders: Samuel McFeely, William Henry Jennings, James Albert Curry ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 164](#)).

Members: John C. Ames, Isaac C. Ames, Charles Brooker, Oswin H. Bourne, Ezra H. Bailey, Louis L. Bennion, William H. Boys, Sylvester A. Blanchard, Thomas Bawaen, Frank D. Ball, Charles A. Brown, William C. Boldt, Edward G. Ball, Chauncey P. Ball, Edward F. Burkholder, Arthur M. Barackman, Arthur P. Crawford, James A. Curry, Lisle R. Colley, Benjamin F. Colehower, William S. Cherry, Paul R. Chubbuck, Arthur B. Cole, John A. Courval, Robert W. Crawford, Andrew J. Dougherty, John M. Davidson, Isaac F. Echard, Thomas English, John W. Fornof, William C. Flick, Oakley Griggs, Edward M. Griggs, Louis L. Graves, Adam Greener, Josiah M. Haumun, David E. Huggans, Richard J. Howells, Hugh Flail, Lyston D. Howe, Orion H. Howe, Arthur W. Higby, Edward S. Holmes, Thomas R. Holmes, Frederick W. Herbert, Carl H. Iserman, William B. Jones, William H. Jennings, Mathew W. Jack, Joseph Kopf, George B. Koontz, Louis L. Lorenz, John A. Lorimer, Robert W. Law, Samuel McFeely, James M. McCoy, Harry L. Manley, Frederick E. Mills, Emil Morris, George E. Mason, Sherman McQuown, John C. Pirkey, Milton C. Pirkey, Frank T. Potts, Charles H. Rathbun, Walter L. Ross, Charles T. Rowlands, Abner G. Rich, Edward J. Ryon, Oscar B. Ryon, Arthur G. Sweet, Samuel C. Smith, Harry A. Smalley, Robert M. Stene, James Sexton, Phillip Saunders, Charles R. Schurman, Robert S. Scharfenberg, John N. Shinn, Frank A. Shunk, John M. Stewart, Harry M. Toggard, William W. Thiedohr, Andrew R. Van Skiver, James R. Williams, William J. Williams, Charles H. Williams, George W. Weiss, George G. Whitcomb, Robert H. Zoller ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 164-165](#)).

Created: Isaac Carlos Ames, Arthur Ponsonby Crawford, Josiah Marvin Haumun, Arthur Garfield Sweet, George Granville Whitcomb ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 165](#)).

Dimitted: Clinton J. Bartlett, E. D. Kenward ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 165](#)).

Dead: Milo J. Luther (Jan. 3, 1910) ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 138](#)).

In 1910, the Triennial Conclave of the Grand Encampment of Knights Templar of the United States was held in the Illinois capital, the city of Chicago. Streator Commandery No. 70 also participated in the parade dedicated to this event with a delegation of 51 Sir Knights ([Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910: 40](#)). To commemorate this occasion, the commandery issued a memorial medal ([Figure 2](#)).



Fig. 2. Medal of Streator Commandery No. 70 ([MHAKT CGU. Collection 3. Badges and Ribbons. Exhibit No. 262](#))

In 1911, the membership of the commandery increased to 96 members. During the year, 9 members were created, 1 dimitted, and 2 deceased ([Fifty-fifth Annual Conclave..., 1911: 117](#)).

James R. Williams Em. Commander

Wm. C. Flick Recorder ([Fifty-fifth Annual Conclave..., 1911: 119](#)).

Created: Rollin Swindler, Geo. T. Knox, Wm. M. Griffith, Richard Wm. Phillips, Ralph T. Ball, E.G. Zelm, C.L. Holl, J.W. Smith, A.B. McVay.

Dimitted: Arthur W. Higby ([Fifty-fifth Annual Conclave..., 1911: 144](#)).

Dead: Samuel McFeely, P.C. (Oct. 28, 1910), Arthur P. Crawford (June 30, 1910) ([Fifty-fifth Annual Conclave..., 1911: 154, 162](#)).

In 1912, the membership of the commandery increased to 105 members. During the year, 10 members were created, and 1 member was deceased ([Fifty-sixth Annual Conclave..., 1912: 117](#)).

A. G. Rich Em. Commander

Wm. C. Flick Recorder ([Fifty-sixth Annual Conclave..., 1912: 119](#)).

Created: Charles P. Grant, John Albard, William D. Brown, Ernest E. Harwood, Walter P. Hampton, George E. Proud, John D. Ruder, Richard H. Schuoman, Adam Wagner, William T. Smith ([Fifty-sixth Annual Conclave..., 1912: 143](#)).

Dead: Charles R. Schuoman (Aug. 26, 1911) ([Fifty-sixth Annual Conclave..., 1912: 159](#)).

In 1913, the membership of the commandery increased to 112 members. During the year, 6 members were created, and 1 member was admitted ([Fifty-seventh Annual Conclave..., 1913: 171](#)).

Edward M. Griggs Em. Commander

Arthur M. Barackman Gen.

George G. Whitcomb Capt. Gen.

Richard J. Howells S.W.

George W. Weiss J. W.

Harry Lewis Manley Prelate

Isaac F. Echard Treas.

Wm. C. Flick Recorder

Harry Allen Smalley St. B.

Edwin F. Burkholder Sw. B.

Walter P. Hampton Warden

Sherman McQuown Sent. ([Fifty-seventh Annual Conclave..., 1913: 367](#)).

Past Commanders: William H. Jennings, Milton C. Pirkey, Abner G. Rich, James A. Curry, James Reed Williams.

Created: Harvey Henry Julien, Ward Erastus Swift, Frederick T. Rolph, Frank Elmer McLean, Robt. Lightbody, Jr., George J. Powers ([Fifty-seventh Annual Conclave..., 1913: 368](#)).

Admitted: Wm. Schoenholfen ([Fifty-seventh Annual Conclave..., 1913: 368](#)).

In 1914, the membership of the commandery increased to 115 members. During the year, 4 members were created, and 1 member dimitted ([Fifty-eighth Annual Conclave..., 1914: 185](#)).

Arthur M. Barackman Em. Commander

Wm. Carl Flick Recorder ([Fifty-eighth Annual Conclave..., 1914: 187](#)).

In the personal records, 6 members were listed as created: William Beesley 3rd, Samuel John Patch, Chas. Herbert, Max Murdock, Russell Carl Osborn, Chas. Alfred Porter.

Dimitted: Frederick E. Mills ([Fifty-eighth Annual Conclave..., 1914: 232](#)).

In 1914, Past Commander William Henry Jennings was elected to the office of Grand Warden in the Grand Commandery of Illinois ([Fifty-eighth Annual Conclave..., 1914: 2](#)).

According to the results of the 1914 inspection, 57 members out of the 115 members of Streator Commandery No. 70 were present, including 54 Sir Knights in full uniform. The officers were present in full attendance and received a perfect score of 100 points during the inspection. The commandery records were evaluated at 98 points, while the remaining categories received scores ranging from 95.5 to 97.1 ([Fifty-eighth Annual Conclave..., 1914: 125](#)).

In 1915, the membership of Streator Commandery No. 70 increased to 122 members. During the year, 9 were created and 2 deceased ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: 233](#)).

George G. Whitcomb Em. Commander

Abner G. Rich Recorder ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: 235](#)).

Created: George Dee Warren, R. W. Winsor, William L. Applegate, William Henry Jennings, Harry Campbell Hill, Andrew Hunter Anderson, George Greutzner, William Cadit Jones, Ralph Huggans ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: 279](#)).

Dead: William S. Cherry (June 10, 1914), George Edward Proud (May 8, 1915) ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: 228](#)).

In 1915, Past Commander William Henry Jennings was elected to the office of Grand Sword Bearer in the Grand Commandery of Illinois ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: 2](#)).

During the annual conclave, Streator Commandery No. 70 participated in the parade as part of the 6th Regiment of Knights Templar ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: ii](#)).

According to the results of the 1915 inspection, the Commandery received an overall score of 96 points ([Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915: 158](#)).

The Commandery also petitioned for permission to hold two social events:

November 30, 1915. – To Streator commandery No. 70, to appear in full templar uniform and to attend the annual ball of said commandery to be given in Streator December 7, 1915 ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 101](#)).

December 10, 1915. – To Streator commandery No. 70, to hold a special election at the first stated conclave of said commandery in January, for the purpose of electing a treasurer, for the remainder of the templar year. Due notice of the time of holding election shall be given by mail to the members of said commandery ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 101](#)).

In 1916, the membership of the Commandery increased to 128 members, although it was noted that the membership for the previous year had actually been 125 rather than 122. During the year, there were 10 created, 1 admitted, 3 demitted, 1 suspended, and 4 deceased ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 3](#)).

Richard J. Howells Em. Commander

Walter Perry Hampton Gen.

Orion Harrison Howe Capt. Gen.

Harry Allen Smalley S.W.

Samuel John Patch J.W.

Harry Lewis Manley Prelate

Charles Pearl Gaut Treas.

Abner Gentry Rich Recorder

William H. Jennings, Jr. St. B.

William Beesley, 3rd Sw. B.

Max Murdock Warder

John Calvin Pirkey Sent. ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 169](#))

Created: Charles Arthur Herbert, Paul Hamilton Patterson, Walter Bernhardt Hattenhauer, Arthur O'Neil Hutchinson, Robert Arnold Ferguson, John Harner, John Henry Swartz, Charles Wasson Kent, Elgie Lloyd Horn, Emrys Evans.

Admitted: Thomas William Ward.

Dimitted: Charles Arthur Herbert, Richard William Phillips, Ralph Thomas Ball.

Suspended: Joseph Nelson Smith ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 170](#)).

Dead: John M. Davidson (Apr., 1916), Isaac Francis Eckard (Oct. 8, 1915), Joseph Kopf (Oct. 11, 1915), Oswin H. Bourne (Feb. 4, 1916) ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 173](#)).

In 1916, Past Commander William Henry Jennings was elected to the office of Grand Standard Bearer in the Grand Commandery of Illinois ([Sixtieth Annual Conclave..., 1916: 2](#)).

The Commandery petitioned for permission to:

October 17, 1916. – To Streator Commandery No. 70 to appear in full Templar uniform at a public reception to be given in honor of the ladies on Tuesday, October 24, 1916, the eleventh anniversary of the Commandery, in the asylum of said commandery at Streator, Illinois ([Sixty-first Annual Conclave..., 1917: 22](#)).

In 1917, the membership of the Commandery increased to 143 members. During the year, there were 16 created and 1 demitted ([Sixty-first Annual Conclave..., 1917: 219](#)).

Walter P. Hampton Em. Commander

Abner G. Rich Recorder ([Sixty-first Annual Conclave..., 1917: 221](#)).

Created: John Dunn, Jenkin Lewis Howells, Henry Albert Grube, Ralph Gilbert Mackey, Lyston Dreweth Howe, Jr., John Henry Pile, Ammon Samuel Johnson, George Washington Hunter, Emanuel Marvin Davis, Harry R. Sawyer, Wells Hosmer Press, Linden Chester Mulford, Oscar Edvil Stokes, Frank Lorenz, William Ellsworth Pile, Eldo Marion Rinehart.

Demitted: Josiah Marvin Hannum ([Sixty-first Annual Conclave..., 1917: 267](#)).

In 1917, Past Commander William Henry Jennings was elected to the office of Grand Junior Warden in the Grand Commandery of Illinois ([Sixty-first Annual Conclave..., 1917: 2](#)).

On November 27, 1917, Streator Commandery No. 70 petitioned for permission to hold a special election on Tuesday, December 11, A.D. 1917, for the purpose of electing a Recorder to fill the vacancy caused by the resignation of Recorder A. G. Rich ([Sixty-second Annual Conclave..., 1918: 110](#)).

5. Conclusion

Summarizing the early history of Streator Commandery No. 70 (1905–1917), the following conclusions can be drawn:

First, during the period from 1905 to 1917, the Commandery's membership grew from 62 to 143 members – an increase of more than twofold. Particularly vigorous growth was observed during the periods of 1907–1908 and 1915–1917.

Second, the membership structure facilitated the regular rotation of officers and the formation of a core group of active Knights, a group that included William H. Jennings, Abner G. Rich, James A. Curry, and others.

Third, the most significant figure within the Commandery was William H. Jennings, who was elected Eminent Commander in 1907. Beginning in 1914, he was elected to an officer position within the Grand Commandery of Illinois. Ultimately, in 1921, he became the Grand Commander of the Grand Commandery of Illinois.

Fourth, the Commandery paid considerable attention to ceremonial culture, which was especially evident in the inspection reports and participation in parades. As a result, Streator Commandery No. 70 demonstrated a high level of ritual and drill discipline.

References

- [Anthony, 1882](#) – Anthony, J.B. (1882). History of Apollo Commandery, No. 15, Knights Templar, Troy, N.Y., 1837–1882. Troy, New York.
- [Archive CGU](#) – Archive of Cherkas Global University.
- [Berry, 1882](#) – Berry, S. (1882). History of Portland Commandery, No. 2, of Knights Templar, Including That of King Darius Council from 1805 to 1821, and of Maine Encampment, No. 1, from 1821 till 1855... Portland: Stephen Berry, Printer.
- [Cherkas, 2025a](#) – Cherkas, A.C. (2025). History of Beauseant Commandery No. 11, KT (Quincy, Illinois). *Recorder*. 1(2-1): 98-168.
- [Cherkas, 2025b](#) – Cherkas, A.C. (2025). History of Bethany Commandery No. 28, Knights Templar (Mendota, Illinois). Houston: Cherkas Global University Press.
- [Cherkas, 2025c](#) – Cherkas, A.C. (2025). History of El-Aksa Commandery No. 55, KT (Quincy, Illinois). *Recorder*. 1(2-2): 172-212.
- [Cherkas, 2025d](#) – Cherkas, A. (2025). History of Quincy Commandery No. 77, KT (Quincy, Illinois). *Recorder*. 1(2-3): 216-312.
- [Fiftieth Annual Conclave..., 1906](#) – Fiftieth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1906.
- [Fifty-eighth Annual Conclave..., 1914](#) – Fifty-eighth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1914.
- [Fifty-fifth Annual Conclave..., 1911](#) – Fifty-fifth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1911.
- [Fifty-first Annual Conclave..., 1907](#) – Fifty-first Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1907.
- [Fifty-fourth Annual Conclave..., 1910](#) – Fifty-fourth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1910.
- [Fifty-ninth Annual Conclave..., 1915](#) – Fifty-ninth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1915.
- [Fifty-second Annual Conclave..., 1908](#) – Fifty-second Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1908.
- [Fifty-seventh Annual Conclave..., 1913](#) – Fifty-seventh Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1913.
- [Fifty-sixth Annual Conclave..., 1912](#) – Fifty-sixth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1912.
- [Fifty-third Annual Conclave..., 1909](#) – Fifty-third Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1909.
- [Forty-ninth Annual Conclave..., 1905](#) – Forty-ninth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the state of Illinois. Bloomington, Ill.: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1905.
- [Gassette, 1884](#) – Gassette, N.T. (1884). History of Apollo Commandery, No. 1, Knights Templar, of Chicago, State of Illinois, from May 20, A.D. 1845 to Sept. 30, A.D. 1884, Inclusive... Chicago.

[MHAKT CGU](#) – The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University.

[Milligan, 1917](#) – *Milligan, W.L.R.* (1917). The Knights Templar; A Compilation of the History of the Ottawa Commandery, No. 10, Knights Templar, Ottawa, Illinois. Ottawa, Illinois: Republican-Times Printing Co. 496 p.

[Proceeding of the Grand Encampment..., 1928](#) – Proceeding of the Grand Encampment of Knights Templar of the United States of America. 37th Triennial Conclave. Detroit, Michigan, 1928.

[Sixtieth Annual Conclave..., 1916](#) – Sixtieth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1916.

[Sixty-first Annual Conclave..., 1917](#) – Sixty-first Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of Illinois. Bloomington, Illinois: Pantagraph Printing and Stationery Company, 1917.

[Taran, 2026](#) – *Taran, K.V.* (2026). Historiography of the History of Commanderies of the Masonic Order of Knights Templar. *Recorder*. 2(2): 217-224.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1054-1067
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1054

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Caricature of the Enemy in the Press of the Russian Empire at the beginning of the First World War: from Ridicule to Demonization

Evgenij A. Avdeev ^{a, *}, Sergey M. Vorobiev ^a, Boris A. Shishkin ^a

^a North-Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the caricature images of enemies on the pages of the Russian press published at the beginning of the First World War (July 1914 – January 1915). The authors apply an iconological analysis of anti-German, anti-Austrian and anti-Turkish images, including their description and identification of visual markers identifying the enemy, the definition of plots, decoding symbolic meanings and inner meanings. The techniques of ridiculing opponents and demonizing them are identified, described and illustrated with specific examples. The article examines the historical allusions used in the caricature, which create an ironic context. The image of Kaiser Wilhelm II and a number of his caricatured recognizable features became symbols of hostile Germany, its militarism, aggressive foreign policy and military ambitions. The demonization of the Germans and the Kaiser turns them into symbols of universal evil, giving the war an existential significance. The anti-German caricature and satirical narrative is characterized by: debunking the images of pillars of culture and thinkers; reduction of militarism and drill to absurdity; hyperbolization of "German atrocities"; antiheroization and immoralization of German soldiers and lay population. Various anti-Austrian caricatures are based around the image of the elderly Emperor Franz Joseph. The anti-Turkish ironically caricatures reinterpret the cliché of the "sick man of Europe." In the caricature representations of Austria-Hungary and Turkey, ridicule prevails over demonization, the internal problems of these states and their dependence on Germany are exaggerated.

Keywords: caricature, image of enemy, press, Russian Empire, World War I, demonization, Kaiser, Germany, Austria-Hungary, Turkey.

1. Введение

Карикатуры приобретают большую популярность в прессе Российской империи начала XX в., развитие полиграфии делает возможным их массовое тиражирование. Сатирические карикатурные образы из развлекательных превращаются в действенные инструменты воздействия на массовое сознание. Визуальный образ в сочетании с лаконичным, зачастую рифмованным, ироничным вербальным сопровождением легко воспринимался и запоминался обывателем. Повышение уровня образования населения, цензурные послабления и бурная политическая жизнь стимулировали расширение аудитории и появление большого числа новых периодических изданий, способствовали росту читательского интереса к ним. Пресса становится одним из ведущих акторов, формирующих общественное мнение, действенным инструментом агитации и пропаганды.

С началом Первой мировой войны, названной современниками Великой войной, а в России и «Второй Отечественной», резко возрастает роль прессы. Газеты и журналы не только предоставляют актуальную информацию о ситуации на фронте, но и транслируют государственную пропаганду, формируют образ врага. Раскручивание спирали агрессии превращает изначально дружественного или нейтрального «другого» во враждебного «чужого», который становится врагом. Образ врага

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

формируется на основе древних, укорененных в культуре представлений и архетипов (Сенявская, 2006: 17), вызывающих громкий эмоциональный отклик примеров жестокости, бесчеловечности и варварства. Пропаганда во многом иррациональна, созданные ею образы сотканы из мифов, архетипов, субъективных оценок и предпочтений, основаны на гиперболизации характерных черт персонифицированного образа противника.

Карикатура в печати становится важным средством пропаганды и патриотической мобилизации общества, преодоления страха, снятия социокультурных барьеров и канализации ненависти. Она была призвана высмеять противника, принизить и лишить его человеческого лица. Карикатура подогревала ненависть и агрессию к врагу, укрепляла национальную солидарность, чувство единения народа, армии и правительства. С началом войны сатирическая пресса концентрируется на главном направлении – осмеянии врага, формирует в массовом сознании презрение и ненависть к нему. Происходит расчеловечивание противника, наделение образов врагов подчеркнуто феминными, животными либо демоническими чертами и такими негативными качествами как жестокость, лживость, трусость, алчность и подлость.

Значимость исследования карикатурных образов врага в российской прессе, издававшейся в начале Первой мировой войны (июль 1914 – январь 1915 г.), определяется их массовым распространением, символической ролью и историческим контекстом. Сатира и карикатура являются примечательными культурными феноменами, помогающими понять общественные настроения эпохи, раскрыть ее историко-политическое и социокультурное содержание. Анализ специфики карикатурной графики и исторического контекста ее создания дает возможность проследить трансформации массового сознания в военное время.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва, Российская Федерация) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация). Авторы обращались к Собранию узаконений и распоряжений правительства за 1914 год (Собр. Узак.), Альбому русских сатирических карикатур начального периода войны (1914 г.), Литературно-художественному альманаху «Война» (1914 г.); ряду журнальных и газетных изданий, выходивших с июля 1914 по январь 1915 г., публикующих карикатуры: «Новый сатирик», «Новое время», «Солнце России», «Будильник», «Голос Москвы», «Огонек», «Шут».

Интерпретация карикатурных образов противников России, созданных в начальный период войны, опиралась на исторические ассоциации (Наполеон, варвары-гунны), культурные аллюзии и экзистенциально-мифологический нарратив противостояния добра и зла (демонизация врага). Наделение визуально-вербальных образов смыслом и актуальностью, позволило не только описать изображения, но и реконструировать исторический контекст их создания. Применяемые нами методы изучения сатирических образов в российской печати времен Великой войны основываются на трехуровневом иконологическом анализе изображений, в ходе которого осуществляется их последовательное непосредственное описание; определение сюжетов; раскрытие «лежащих в их основе принципов», выявление «символических значений» и внутренних смыслов, зачастую ясно не осознаваемых автором (Пановский, 2009: 30-44). Был использован и социально-исторический подход, делающий акцент как на конкретных практиках создания сатирических образов, так и на их контекстуальности, раскрытии стоящих за ними общественных отношений. При «прочтении» карикатурно-сатирических образов мы опирались на анализ языкового сообщения (надписи или подписи), изображения как такового и вызываемых им эмоционально-ценностных представлений, а также лежащих за ним культурных ассоциаций (Барт, 1989). Комбинирование вышеприведенных подходов позволило перейти от первичного «чистого» анализа-описания образа к его последовательному декодированию: формальное описание (выявление визуальных маркеров-кодов, идентифицирующих врага); выявление исторических коннотаций и культурных аллюзий; мифологизация образов путем их трансформации с целью придания соответствия устоявшимся архетипам и нарративам.

3. Обсуждение

«Рассвет сатирического жанра», сатира и карикатуры на врагов, их роль в мобилизации населения, формировании патриотизма и поднятии боевого духа, изучалась и осмысливалась как во время самой Великой войны (Флеровский, 1914; Славенсон, 1916; Денисов, 1916), так, в последующие годы. Советская военно-историческая литература рассматривала военную карикатуру как часть пропаганды сквозь призму классового подхода, отмечала идейно-политическую и организационную отсталость царского режима, неспособность донести свои идеи до сознания широких народных масс (Потапов, 1926; Блументаль, 1928; Ласвель, 1929). В целом в связи с идеологическим отказом от нарратива защиты Отечества в Первую мировую войну в советской историографии отсутствуют подробные исследования российской карикатуры этого периода.

Современная историческая наука включает Великую войну в большой отечественный патриотический коммеморативный дискурс. Сатира и карикатуры, их значимые аспекты и характерные черты, вошли в круг исследовательской проблематики. Достаточно широкое обзорное исследование массовых настроений россиян в годы Первой мировой войны и революции принадлежит перу В. Б. Аксенова. Им, наряду со слухами, распространяющимися в народе, анализируется и визуально-образная составляющая эпохи, в том числе образы врага, особенности их восприятия элитами и массами (Аксенов, 2020). Ряд исследований и обзорных статей фокусируются на отдельных аспектах формирования образа врага, роли периодической печати, развитии пропаганды и визуальной сатиры в широком культурно-политическом контексте того периода, (Сенявская, 2006; Голиков, Рыбаченок, 2010; Асташов, 2012; Цыкалов, 2012; Polyakova, 2012; Magsumov, 2025). Т. А. Филипповой и П. Н. Баратовым рассматриваются русская печатная сатира 1914-1917 гг., а карикатуре как «самой яркой части содержания военных материалов» уделяется наибольшее внимание (Филиппова, Баратов, 2014; Филиппова, Баратов, 2017). Филипповой принадлежит отдельное исследование образа Турции в российских сатирических журналах (Филиппова, 2016). Ряд исследований фокусируется на образах Германии и немцев как основных врагов на материале отдельных изданий (Ростиславлева, 2018; Миронова, 2018; Фролов, 2024). Анализ генезиса враждебного образа Австро-Венгрии на страницах «Нового сатирикона» первых месяцев войны был проведен В. В. Фроловым (Фролов, 2025). Дальнейшее изучение российской карикатуры начала войны с применением инструментария иконологического анализа позволит существенно уточнить и расширить теоретико-интерпретационную базу нарратива Великой войны, увидеть ее отражение в зеркале сатирической печати.

4. Результаты

Вступление 19 июля (1 августа) 1914 г. Российской империи в Первую мировую войну вызвало всплеск патриотических настроений, сопровождавшийся мобилизацией массового сознания. Пропаганда и периодическая печать активно обыгрывала и тиражировала «нарратив 1914 года», основанный на идее справедливой войны. Образ такой войны в газетах и журналах предполагал однозначную дихотомию: Россия и ее союзники воюют за мир и справедливость, воплощая идеалы добра, цивилизованности и гуманизма. Противники же представлялись средоточием варварства, милитаризма и гегемонизма. В начале войны эти представления наряду с традиционными установками на защиту Отечества и ощущениями общенародного единения перед лицом врага доминировали в общественном сознании. Многочисленные официальные и неофициальные источники свидетельствуют о массовости этих настроений, охвативших все социальные слои и сословия империи. Участникам многочисленных патриотических шествий и манифестаций, молебнов о даровании победы казалось, что все разногласия и противоречия останутся в прошлом, а враг будет разбит в ближайшие месяцы (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14. Ч. 7. Л. 17; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 73. Ч. 7. Л. 16; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 90. Ч. 7. Л. 16). Лишь отдельные представители интеллигенции сохраняли критичность, дистанцируясь от «несчастной, непонимающей происходящего толпы» (Гиппиус, 1929: 8). Публично критиковать доминирующие в тот период настроения было крайне затруднительно как в связи со вступившими в силу цензурными ограничениями (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 26), так и накалом национально-патриотических чувств.

После объявления войны периодическая печать моментально включилась в пропагандистскую работу, одним из ключевых направлений которой стало формирование образа врага. Сатирический жанр пользовался большой популярностью и до войны, с ее началом карикатуристы и фельетонисты направили перья своей сатиры на противников России – Германию, Австро-Венгрию и примкнувшую к ним с октября 1914 г. Турцию. Большое значение и влияние на массовое сознание имели целостные сатирические образы врагов, составляющие композиционно-смысловое единство короткого упрощенного текста и картинки-карикатуры. Русская карикатура, по словам В. Славянсон, «милитаризировалась, по-своему стала на службу интересам государственной обороны» (Славянсон, 1916: 29). Карикатурные образы способствовали патриотическому подъему и мобилизации населения. Они помогали сформировать ненависть к врагу и преодолеть страх перед ним. Образы врагов, созданные русской сатирой военного времени, отличались от зарубежных. Для них был нехарактерен выраженный расовый подход в связи с отсутствием европейских колониальных традиций. Акцент делался не на расе или национальности самой по себе, а на аморальности, подлости и грубом нарушении законов и обычаев войны. Нарушение социально-ритуальных моделей конфликтной интеракции в понимании русского национального сознания позволяло существенно расширить негативное пространство оценки противника, даже демонизировать его. Религиозный фактор, глумление и осмеяние другой веры, святынь и символов был чужд российской военной карикатуре (Баратов, Филиппова, 2017: 8). Часто обыгрывались традиционные и узнаваемые народом лубочные мотивы, сочетающие в себе нарочитый примитивизм и стилизацию под средневековые летописные миниатюры. Такие образы придавали сатирическим сюжетам оттенок былинности, актуализируя память о славном героическом прошлом, придавая малопривлекательной реальности современной индустриальной войны эпические черты. Кроме того, эпико-мифологический хронотоп «здесь и

сейчас» как нельзя более точно соответствовал ситуативной мобилизации массового сознания. Отношение к врагу в карикатурах было дифференцированным, имелись особенности и отличия при конструировании образов Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Исторически в российском массовом сознании образ Германии и немцев не носил явных враждебных коннотаций, сказывались тесные исторические связи в самых разных областях. Немецкая культура в XVIII–XIX вв. играла очень большую роль в развитии русской интеллектуальной традиции и образования. Образ немца связывался с просветителем, носителем европейской науки и культуры (Frolov, 2016). Милитаризация объединенной Германии, колониальные амбиции и имперская мировая политика (Weltpolitik) кайзера Вильгельма II накануне Первой мировой войны способствовали формированию все более выраженного негативного отношения к немцам, проживающим в России (Котов, 2011). С началом войны антинемецкие настроения многократно усиливаются, перерастая во враждебность и ненависть. Разговоры о необходимости покончить с «немецким засильем» в России после объявления войны вылились в череду погромов. Помимо резко усилившегося в предвоенные годы национализма, отрицательно влиявшего на отношения между представителями двух народов, определенное значение имел и религиозный фактор. Православная церковь связывала распространение баптизма и униатства в южных губерниях империи с влиянием немецких колонистов (Россия и Запад, 1998: 54). На волне антигерманской истерии, вспыхнувшей после объявления войны, возникло «Общество 1914 года», члены которого провозгласили своей целью «освобождение русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли, от немецкого засилья» (ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. Оп. 123. Д. 181. Л. 43). Общество объединило представителей различных сословий, в его состав входили и рабочие (ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. Оп. 123. Д. 181. Л. 55).

В начальный период войны Германия аллегорически изображалась карикатурно милитаризованной страной с манией величия. Например, на страницах Военно-художественного альманаха читателям предлагается лубочный шарж Вл. Маяковского, изображающий узнаваемую фигуру Вильгельма II с торчащими вверх усами в нарочито воинственной позе с выпяченной грудью и обнаженной саблей, держащего знамя – Germania grandiosa – Великая Германия (подпись: «Начало...»). Далее изображается он же, в подчеркнуто неестественной позе, выронивший саблю, знамя разорвано, теперь от изначального лозунга осталась лишь mania grandiosa – мания величия. Подпись: «возможный конец...» (см. Рисунок 1) (Война, 1914: 129-130).

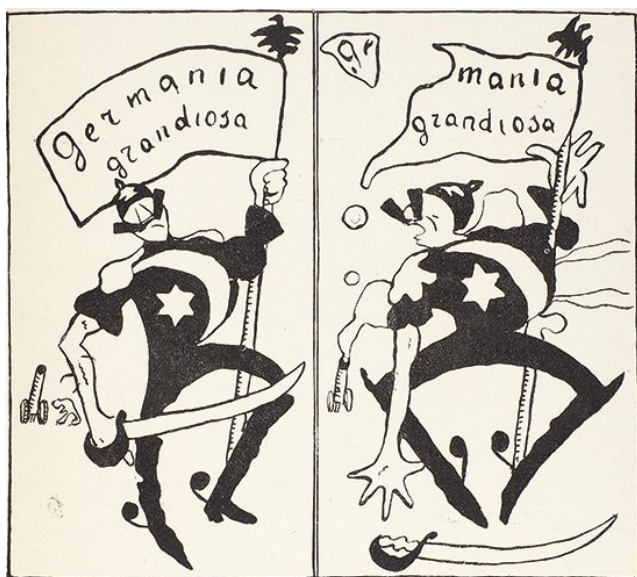


Рис. 1. Germania grandiosa – mania grandiosa

Специальный номер «Нового сатирикона» «Будущее Германии» от октября 1914 г. изображает севшего в лужу Вильгельма, сама послевоенная Германия предстает нищенкой, консержкой и пугалом (Новый сатирикон. 1914. № 41). На страницах газеты «Новое время» от декабря 1914 г. приводится ироничная «историческая повесть» в стихах, снабженная иллюстрациями. Германия предстает в образе девы в дни оные отказывавшаяся променять за миллионы «круг представителей наук и отборнейших поэтов». Однако «Франц и Вилли» научают грубого «фельдфебеля Михеля», соблазнить деву и заставить забыть «Гете, Шиллера и Канта». Оскорбленные великие умы уходят прочь, оставляя Германию с рожденным от союза с фельдфебелем прожорливым и буйным мальчиком (милитаризмом), ставшим ей обузой и навеваемыми Францем и Вилли грезами о грядущем величии (Новое время. 1914. № 13922: 11). В таких образах демонизация врага еще не

проявляется, имеет место скорее насмешка и пренебрежение, призванные нивелировать осознание немецкой военно-экономической мощи и исходящей от нее угрозы.

Основным объектом сатиры стал образ кайзера Вильгельма II. На него переносится целый ряд разноплановых негативных стереотипов. Гиперболизируются его усы, нос каска с островерхой пикой (пикельхаубе). Примечателен образ кайзера-осла в лощеном мундире с характерными усами, дополненный подписью «вождь своего племени» ([Альбом карикатур, 1914](#)). Во многих карикатурах кайзер не только осмеивается, но расчеловечивается и демонизируется, его образ соединил в себе черты сатаны, антихриста, разрушающего храмы, или взбесившегося зверя в характерной островерхой каске. Именно анимализация представляется одним из наиболее эффективных механизмов отстранения и отчуждения, который применяется в российской сатире при негативизации образа врага. В российской пропаганде не обыгрывались конфессиональные различия между немцами (католиками или протестантами) и православными русскими, но изображалось поправление немцами и Вильгельмом II христианских святынь и ценностей. Так серьезно поврежденный в ходе артобстрела в октябре 1914 г. Реймский католический собор во Франции использовался пропагандой как яркий пример «немецкого варварства». На страницах журнала «Новый сатирик» изображаются два немецких артиллериста в характерных касках, обстреливающие из своего орудия средневековый католический собор. Подпись: «война... разрушение – это правда... но вот как разрушают немцы...» ([Новый Сатирик. 1914. № 46: 10](#)). Карикатуры на Вильгельма II наделялись характерными колоретными и символическими маркерами агрессии и смерти – окровавленные ножи, черный цвет, черепа и угрожающие звериные образы. Другая грань образа врага-кайзера, напротив, выставляла его жалким и смешным в своем стремлении покорить мир. В этой связи его изображение соединялось с культурным архетипом проигравшего войну Наполеона ([Флеровский, 1914: 279](#)). Кайзер презентуется как неудавшийся Наполеон. Подписи под одной из карикатур на Вильгельма II гласит: «Кажется совсем Наполеон, вот только шляпа... не то она мне велика, не то я для нее мал» ([Солнце России. 1914. № 31 \(234\)-32 \(235\): 2](#)). Эти образы говорят читателю: кайзер, как и Бонапарт потерпит поражение, но в отличие от своего великого предшественника не одержит славных побед. Фигура кронпринца связывалась с образом мелкого злодея, бездарного военачальника и воришки. Например, одна из карикатур изображает его украдкой выкрадывающим бумажник у своего отца кайзера ([Будильник. 1914. № 46: 4](#)). Восприятие Германии как главного и наиболее сильного врага, доминирующего над своими более слабыми союзниками также нашло отражение в сатирических образах. Фигуры императора Франца Иосифа и османского султана изображались нарочито слабыми, старыми, зависимыми от кайзера и покорными ему.

Наряду с карикатурными образами кайзера прессой гиперболизируется трусость и глупость противника. Помимо ставших популярными сюжетов, изображающих немца и австрийца, затеявшие медвежью охоту, однако струсивших при его появлении, образ медведя иногда обыгрывается с иного ракурса. Номер газеты «Новое время» от января 1915 г. соединяет его с сюжетом святочных гаданий. Кайзер смотрит в зеркало и падает от ужаса со стула, видя там медведя держащего в зубах прусского черного орла ([Новое время. № 13941: 12](#)). Наряду с традиционными стереотипами стали появляться и новые образы германцев, такие как «цивилизованный варвар». Например, газета «Голос Москвы» изображает немца дикарем, восседающим на сочинениях Канта и Гегеля, поедающим человеческую ногу и запивающим ее пивом. Подпись: «Германская культура» (см. [Рисунок 2](#)) ([Голос Москвы. 1914. № 176: 2](#)).



Рис. 2. Германская культура

«Новый Сатирикон» презентует читателям зооморфную фигуру немецкого солдата, поджаривающего на костре младенца нанизанного на свою саблю, образ дополнен цитатой их германской прессы: «все слухи о том, что у немецких солдат нет провианта, не имеют никакого основания» (Новый Сатирикон. 1914. № 32: 5). Автостереотип культурной нации заменяется ситуативным гетеротереотипом глупого, некультурного и хамоватого бюргера. Примечательны примеры «раскультирования» германцев первых месяцев войны посредством карикатур и сатирических фельетонов, призванных заменить представление о немецкой культуре – антикультурностью, гуманности – антигуманностью, цивилизованности – дикарством. Так на обложке «Нового Сатирикона» (август 1914 г.) изображен прусский лейтенант, отдающий распоряжение своим подчиненным сжигать книги. Подпись: «Новый султан Омар» – аллюзия на известную историческую легенду, повествующую об уничтожении Александрийской библиотеки (Новый Сатирикон. 1914. № 35: 1).

Еще одним направлением стало сатирическое изображение растерянных немецких обывателей, столкнувшихся с дефицитом продуктов и других товаров первой необходимости. Журнал Огонек (август 1914 г.) представляет образ Михеля в изобилии получающего «до войны с Россией» мясо и хлеб. «Во время войны» растерянный и отошавший Михель видит лишь запертые ворота и фигу (Огонек. 1914. № 32: 19). Новое время показывает читателю очередь у берлинского магазина деликатесов на прилавке которого только один товар – «Schwarzbrot» (черный хлеб) (Новое время. 1915. № 13969: 12). Намеренное создание образа «жалкого настоящего» подготавливает прогностику «ужасного будущего» противника, что является одним из действенных механизмов аффективной мобилизации. «Новый Сатирикон» обыгрывая знаменитое высказывание французского короля Генриха IV («я хотел бы, чтобы в супе каждого из моих крестьян была курица») показывает читателю голодающую немецкую крестьянскую семью, сидящую за пустым столом. Кушанье, которое предлагает им Вильгельм II – «утка» – лживая реляция о «нашей блестящей победе» (Новый Сатирикон. 1914. № 40: 1) Журнал Шут изображает немецкую супружескую пару, читающую «утку» о взятии почти всех русских городов, жалующуюся при этом на дефицит и дороговизну настоящих уток и других продуктов (Шут. 1914. № 35: 8). «Будильник» изображает обывателя Михеля, ощипывающего перья с «мясистого» прусского черного орла, чтобы приготовить его себе в пищу (Будильник. 1914. № 35: 4). Аллегорическое изображение европейских держав в образах женщин, в облике и одежде которых присутствуют узнаваемые национальные черты, получил широкое распространение еще в довоенной прессе. После начала войны образ Германии-женщины также трансформируется – вместо изящной молодой деви-воительницы, навеянной романтизированным Р. Вагнером германским эпосом, изображается уродливая карикатурная валькирия, либо старая бюргерша. Например, Германия в виде старой уродливой женщины в рваном переднике, укоряющая своего «мужа» Вильгельма II, возмнившего себя Наполеоном, по чьей вине она теряет все, что так долго собирала и копила – флот и колонии (Новый Сатирикон. 1914. № 33: 1). Другая ипостась образа Германии как жестокого и коварного агрессора презентует ее читателю в виде врага-зверя. Характерны образы «торжествующей свиньи» в пикельхаубе (Солнце России. 1914. № 42 (245)-43(246): 20), либо карикатурной хищной птицы, вызывающие презрение и ненависть.

В карикатурах на немецких солдат применялась феминизация, призванная заменить в массовом сознании ассоциации воинственной маскулинности. Они изображались неестественно худыми, сутулыми, нетвердо стоящими на тонких и слабых ногах. Также популярны были изображения немцев и австрийцев в образе детей, отправленных своими правителями на войну, которую они не в состоянии вести. Например, на страницах журнала «Будильник» изображен представитель «вильгельмова воинства» – маленький мальчик, под присмотром кайзера пытающийся надеть каску, китель, которые слишком велики для него (Будильник. 1914. № 33: 12). Еще резче высмеивает немецкую мобилизацию карикатура, сообщающая читателю, что якобы «на днях Вильгельм призовет под знамена даже 2-х месячных младенцев» (Солнце России. 1914. № 33 (236)-34 (237): 2). Женственные образы врага с нарочито тонкими ногами подчеркивали их слабость, недееспособность, отсутствие мужества, чести и достоинства. При этом довольно часто применялся прием дихотомии – с одной стороны образ сильного и мужественного русского воина-героя, с другой – слабого, тщедушного женоподобного немецкого воина, либо кайзера.

Несмотря на значительную вариативность антинемецких карикатурных образов в них прослеживается ряд повторяющихся визуальных физиогномических маркеров-кодов: наличие звериных черт, гипертрофированные кайзеровские усы, физические изъяны и феминные черты. Звериные черты – эффективный прием расчеловечивания врага, наделение его низменными животными качествами. Торчащие вверх усы «Es ist erreicht» (Цель достигнута) – наиболее узнаваемый маркер кайзера, подчеркивали его агрессию, безумие, манию величия, либо дьявольскую сущность, также использовались для переноса этих черт на обобщенный образ врага-немца. Обыгрывание физических дефектов – неестественная худоба, subtilность и феминность, либо, напротив, полнота и звериная грубость черт (Будильник. 1914. № 44: 10) также несет в себе несколько семиотических функций – демаскулинизация и антигероизация, подмена страха перед врагом на презрение к нему, аллегория морального уродства. Иногда в таких сардонических и неглубоких

сатирических образах присутствует лирическая грусть и философская глубина. Один из декабрьских номеров «Нового Сатирикона» преподносит читателям историю наивного и доверчивого «воскового ангелочка», летевшего на «новогоднюю елочку», попавшего под артобстрел, по добродушию своему решившего, что это хлопущки, принятого немецким патрулем за шпиона и повешенного им на той самой «елочке» (см. [Рисунок 3](#)) ([Новый Сатирикон. 1914. № 52: 12](#)).



Рис. 3. Немцы и восковой ангелочек

Другими маркерами врага стали шлем с пикой – символ агрессивного прусского милитаризма, элементы военного снаряжения и вооружения. Последние в зависимости от состояния и контекста могли либо символизировать исходящую от врага угрозу, либо подчеркивать его провалы и поражения – разорванные мундиры, выпавшее из рук оружие и т.п. Нивелировка антиценностей противника базировалась на классическом приеме антонимической аксиологизации в пространстве «чужого» и реализовывалась через обращение к религиозным архетипам – дьявол, антихрист, попрания заповедей и разрушение церквей. Враг не просто расчеловечивается, превращаясь в варвара и палача, апелляция к религиозным кодам придает борьбе с ним характер метафизического противостояния добра и зла. Формируемый образ Германии как бы раскрывает глаза читателю – высокая культура, науки и философии остались в прошлом. Сейчас это страна грубого солдафонства и бездумной муштры. Низменные страсти и поворот в стремлении ее обитателей к удовлетворению витальных потребностей и намеренное пренебрежение социальными и когнитивными подчеркиваются сосисками и пивом как неизменными атрибутами немецкости. Например, на страницах журнала «Будильник» (3 августа 1914 г.) сюрреалистический «почти портрет нашего врага» изображает кулак, торчащий из рукава военного мундира, увенчанный пикельхаубе, с зажатými в нем сосисками и бутылкой пива. На следующей странице изображены марширующие по команде Вильгельма «заводные солдатики» ([Будильник. 1914. № 31: 3, 4](#)).

При формировании образа Австро-Венгрии в русской сатире обыгрывалась ее роль «первой зачинщицы мировой смуты» ([Собр. узак. 1914. № 202. Отд. I. Ст. 2078](#)). Журнал Будильник (20 июля 1914 г.) предлагает два способа предотвращения разгорающегося «европейского пожара». «Дипломатическая» группа будет тщетно увещевать разбушевавшегося австрийского офицера в характерном кепи, размахивающего факелами, либо прибегнет к «решительному воздействию» на него ([Будильник. 1914. № 29: 12](#)). Еще в предвоенной печати активно обыгрывались и высмеивались экспансионистские и гегемонистские устремления этой державы по отношению к балканским славянским народам, традиционно воспринимавшимся Россией в качестве угнетенных братьев, нуждающихся в покровительстве и поддержке. Другим направлением при формировании сатирических образов стал упадок Австрийской империи, вырождение ее культуры. Германский кайзер был зрелым мужчиной, любившим военные мундиры, носившим усы с закрученными вверх кончиками, часто эффектно позировавшим в героических позах, отражавших мужественность и милитаризм молодой Германской империи. Его образ в кривом зеркале сатиры приобретал иногда демонические, иногда уродливые черты. Австрийский император Франц Иосиф к началу войны был очень стар. Он и олицетворяемая им держава воспринимались современниками как символы собственного славного прошлого. В сатирической печати гиперболизировались его дряхлость и немощность, создавался образ слабого старца, зависимо от своего более сильного союзника. Например, на одной из карикатур Франц Иосиф предстает дряхлым старцем в качалке. Подпись: «в качалке бледен, недвижим, страдая раной, Франц явился...» (см. [Рисунок 4](#)) ([Солнце России. 1914. № 29 \(232\)-30 \(233\): 17](#)).



Рис. 4. В качалке Франц явился

Другая карикатура изображает его лежащим в постели и жалующимся придворному, что кроме вставной челюсти ему нечем будет защищаться от русских (Будильник. 1914. № 50: 14). На страницах «Шута» изображается сцена флирта молодой женщины и престарелого барона, ужасно напомнившего ей Франца Иосифа – «так же стар, так же слабосилен и так же не имеет денег» (Шут. 1914. № 35: 12). В таком персонифицированном образе Австрийской империи было больше иронии по отношению к ее ушедшему величию, чем страхов и опасений по поводу исходящей от нее военной угрозы. Одним из приемов конструирования антиавстрийских сатирических образов становится обыгрывание опереточных типажей (Филиппова, Баратов, 2014: 68). Например, в «Новом Сатириконе» изображен подчеркнуто опереточный образ австрийца, легко танцующего среди руин покинутого войсками Белграда, подпись раскрывает читателю его мысли: «Право, война совсем уже не такая страшная вещь; я даже думаю, что я, пожалуй, и совсем бы не боялся, если бы знал, что эти проклятые сербы ушли совсем...» (Новый Сатирикон. 1914. № 31: 5).

При рассмотрении публикаций на страницах российской прессы начала войны можно выделить следующие характерные черты формируемого в публицистике образа Австро-Венгрии, отражающие как устоявшиеся стереотипы (старая империя, бывшее величие, притеснительница балканских славян), так и новые нарративы, формируемые уже по итогам первых боев: относительно слабый, особенно по сравнению с германским, уровень подготовки, мотивации и оснащения армии; нежелание многочисленных не немецких народов империи воевать. Особой популярностью пользуется прием нарративизации несамостоятельности Австрии, ее зависимости от Германии, что по-разному обыгрывалось в сатирических и карикатурных образах. Австрийцы и император Франц Иосиф изображались либо безвольными марионетками, ведомыми в бой германцами и кайзером, трусами, неспособными воевать, либо «пушечным мясом», которым «пруссак» прикрываются как живым щитом. Следует отметить, что реальное состояние дел в Австро-Венгрии давало пищу такой сатире. Национализм буквально разрывал эту «лоскутную империю» на части. Одна из карикатур на страницах «Будильника» показывает нам австрийского военного сокрушенно смотрящего на свое расположающееся на лоскуты одеяло, которым невозможно будет «прикрыться в ненастное время» (Будильник. 1914. № 30: 12). Августовский номер «Шута» представляет Австро-Венгрию в образе надуваемого Германией воздушного шара, скроенного из лоскутов, символизирующих составляющие ее народы. Читателю предлагается усомниться в способности этой империи выдержать войну (Шут. 1914. № 30: 9). Единственной скрепой-символом ее единства осталась имперская идея, воплощенная в фигуре престарелого императора. Характерна новосатириконовская карикатура «В австрийской армии», изображающая пушку, стреляющую одновременно в обе стороны и поражающую собственный артиллерийский расчет. Подпись поясняет, что такое нововведение связано с крайней ненадежностью австрийских солдат (Новый Сатирикон. 1914. № 36: 4). Сатира как бы сообщает читателю, если Германия воюет на два внешних фронта: восточный и западный, то второй фронт Австро-Венгрии – внутренний, против подчиненных и угнетаемых ей народов.

Антиавстрийские сатирические образы показывают читателю слабого врага, в них, по сравнению с антинемецкими гораздо меньше агрессии и жестокости. Унижение и высмеивание превалируют в них над демонизацией, основной физиогномический код – старость, черты subtilности и феминности. Вместо немецкой пикельхаубе маркером узнавания становится армейское полевое кепи. Если кайзер предстает перед читателями в образе спятившего агрессора,

демона, либо чудовища, то Франц Иосиф – его лакея и прислужника, немощного старика. В качестве вселенского зла презентуется Германия, Австро-Венгрии в этом нарративе отводится второстепенный характер. Картины зверств германцев заменяются образами бегущих и отступающих австрийцев. Практически отсутствуют столь характерные для антинемецких карикатур зооморфные образы. Военно-политический союз с Германией трактуется не как катастрофа для противников, но как ошибочный выбор, создающий реальную угрозу распаду для самой «двуединой монархии», погрязшей в национальной розни. Например, сообщение о недовольстве в Будапеште сопровождается изображением австрийского орла, головы которого клюют одна другую. Подпись: «австрийский орел поссорился сам с собою» (Новый Сатирикон. 1914. № 49: 2). Характерный для предвоенной прессы образ Австро-Венгрии – угнетательницы славянских народов дополняется картиной империи, полной внутренних противоречий. Все эти карикатуры как бы говорят читателю: если будущее Германии – позор поражения и сопряженные с ним унижения и бедствия (Будильник. 1914. № 32: 2), то Австро-Венгрии ждет распад.

Российско-османские отношения имели долгую историю. Турция воспринималась как ослабленный, но не окончательно побежденный враг, «старый утеснитель христианской веры и всех славянских народов» (Собр. узак. 1914. № 287. Отд. I. Ст. 2626). Борьба населения Балкан против Османской империи вызывала в русском обществе сочувствие и поддержку. Отношение к Турции в начале войны в карикатурных образах формировалось под влиянием двух основных метафорических стереотипов: «больной человек» и «прислужники кайзера». Первый отражал растущие проблемы многонациональной Османской империи, утратившей к 1914 г. ряд своих прежних владений, экономически и военно-технически сильно отставшей от европейских держав. Второй – усилившееся после младотурецкой революции немецкое экономическое и военное влияние, предопределившее вступление «ослепленной» Германией и Австро-Венгрией Турции в войну с Россией (Собр. узак. 1914 г. № 287. Отд. I. Ст. 2626). Антитурецкая риторика формируется под влиянием традиционных для российского консервативно-патриотического дискурса, призывов освободить «поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч» (Трубецкой, 1915: 5). «Вековая мечта» Российской империи – овладение проливами (Босфор и Дарданеллы) становится одной из приоритетных целей войны и также отражается на общественных настроениях того периода.

«Новое время» от января 1915 г., подводя итоги ушедшего года, сатирически изображает ключевое событие октября – вступление Османской империи в войну. Турция предстает в образе старой отощавшей клячи в характерной феске. Огромный бог войны Марс пытается взгромоздить на ее костлявую спину тяжелое седло. Подпись выражает сомнения Марса: «Ну, снаряжайся, горемычная! Выдержишь-ли ты только меня?» (Новое время. 1915. № 13941: 9). Другая карикатура начала войны изображает тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Турция) в виде гротескного трио. Немец и австриец поддерживают за обе руки подчеркнuto худую и немощную фигуру турка в красной феске. Образ больного человека подчеркивают протезы руки и ноги, оборванный мундир. Подпись: «Мы на врага втроем ударим разом!» (см. Рисунок 5) (Альбом карикатур, 1914).



Рис. 5. Мы на врага втроем ударим разом!

Новосатириконовская карикатура также отражает слабость и зависимость Турции от Германии, ее использование в предстоящих боевых действиях как инструмента и расходного материала. Персонифицированная Германия (Вильгельм II) дергает за веревочки «страшное пугало» (Шут. 1914. № 33: 1), отбивается от врагов турецким воином вместо дубинки, в результате чего отрывается его голова. Подпись раскрывает читателю лживое уверение Вильгельма, что ни один волос не спадет с его головы (Новый сатирикон. 1914. № 39: 1). Этот нарратив раскрывают и другие карикатуры, появившиеся на страницах периодических изданий в октябре 1914 г. Кайзер изображается в гондоле воздушного шара и сбрасывает турка вниз как балласт для того чтобы подняться повыше и уйти от леса пштыков (Новый сатирикон. 1914. № 44: 1). Другой образ – кайзер-кучер, подхлестывающий две изможденные фигуры, с трудом влекущие повозку с ним – турка и австрийца (Будильник. 1914. № 43: 9) Набеговая операция немецко-турецкого флота, совершившего под руководством германских офицеров обстрел черноморских портов, что привело к непосредственному объявлению войны Турции державами Антанты, нашло отражение в сатире. Одна из карикатур презентует читателю двух османских матросов и свинью с хлыстом в немецком морском офицерском мундире, стоящую на заднем плане. Подпись раскрывает разговор матросов: «Свиньи не только находятся на правоверном корабле, но еще и командуют нами!...» (Альбом карикатур, 1914).

При создании антитурецких сатирических образов использовался ряд приемов осмеяния врага, сходных с антиавстрийскими карикатурами. Турок, как и австриец – слабый враг, «больной человек», лишенный своей воли, «немецкое би-ба-бо» (Солнце России. 1914. № 40 (243)-41(244): 2). Основные физиогномические маркеры – феска или тюрбан, гипертрофированные восточные черты, элементы национального костюма, символы звезды и полумесяца, ятаган придают образам узнаваемый турецкий колорит, подчеркивают чуждость этого образа России и российскости. Ключевой семиотический код – зависимость от кайзера. Образы Франца Иосифа также подчеркивают его второстепенность и подчиненность кайзеру, при этом Австро-Венгрия воспринимается как в основе своей немецкая держава. В этом смысле ее союз с Германией более естественный и равный, чем союз германских держав и османской Турции. Например, карикатура на страницах «Солнца России» изображает фигуру турка и свинью в пикельхаубе. Подпись: «союз, противный даже Корану» (Солнце России. 1914. № 42 (245)-43(246): 2). Преобладает мотив откровенного пренебрежения Вильгельмом II и немцами своими турецкими союзниками. Обещания помощи и поддержки со стороны кайзера преподносятся как лживые и лицемерные. Читателям сообщается, что главные злодеи, стоящие за спинами турок, толкающие их к войне и цинично прикрывающиеся ими – кайзер и немцы.

5. Заключение

«Нарратив 1914 года» отразился в кривом зеркале российских сатирических изданий пестрым рядом карикатурных образов врагов, еще совсем недавно бывших добрыми соседями. Основной мишенью стала Германия, символом ее милитаризма и агрессивной мировой политики предвоенных лет стал кайзер Вильгельм II. Его усы наряду с каской пикельхаубе стали самыми узнаваемыми семиотическими маркерами идентификации противника. Другие идентификаторы – дряхлость и немощность Франца Иосифа, феминность в сочетании с животной грубостью немцев, subtilность австрийцев, наложение черт «больного человека» на образы турок. Германия и кайзер – главные объекты демонизации врага. Основные приемы – снятие ореола высокой культуры, антигероизация, зооморфизация, расчеловечивание, порой доходящее до крайних форм, когда германцев представляли толпой мародеров, насильников и изуверов, а Вильгельма II – врагом рода человеческого, придавая его образу демонические черты. В этом случае Германия представлялась вселенским злом, а борьба с ней – «войной, которая положит конец всем войнам». Использовались и исторические аллюзии, кайзер иногда изображался в образе «неудавшегося Наполеона». В целом для антигерманского карикатурно-сатирического нарратива характерно: «срывание масок» «культуртрегеров» и мыслителей; доведение до абсурда милитаризма и муштры; гиперболизация «немецких зверств»; представление немецких солдат и обывателей грубыми, низменными, тупыми, алчными, лишенными добродетели и морали, агрессивными и в то же время трусливыми. Антиавстрийские и антитурецкие сюжеты менее многоконтекстны. Образы престарелого императора Франца Иосифа, феминных австрийских солдат и «больного человека Европы» не несли в себе того «демонического» зла, которым наделяли Германию и кайзера. В карикатурных репрезентациях Австро-Венгрии и Турции пренебрежение и осмеяние доминировали над демонизацией. Их военная и экономическая зависимость от более сильной Германии гиперболизировалась. В антитурецкой сатире отсутствовали и выпады, оскорбляющие исламскую религию. В целом религиозная и расовая тема не характерна для русских сатирических изданий. Пороки, аморальность и многочисленные зверства приписывались врагам, но не привязывались к народам, либо вероисповеданиям.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20051, <https://rscf.ru/project/26-28-20051/>

The study was supported by grant No. 26-28-20051 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/26-28-20051/>

Литература

- Аксенов, 2020** – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. 992 с.
- Альбом карикатур, 1914** – Альбом карикатур. 1914 год. М., 1914.
- Асташов, 2012** – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. 400 с.
- Барт, 1989** – Барт Р. Риторика образа // *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. М., 1989. С. 297–318.
- Блументаль, 1928** – Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: (Обработка общественного мнения). М.; Л., 1928.
- Будильник** – Сатирический журнал «Будильник».
- Война, 1914** – Война. Литературно-художеств. альманах. М. 1914.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гиппиус, 1929** – Гиппиус З. Синяя книга // *Петербургский дневник*. 1914–1919. Белград, 1929.
- Голиков, Рыбаченок, 2010** – Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010. 328 с.
- Голос Москвы** – Газета «Голос Москвы».
- Денисов, 1916** – Денисов В. Война и лубок. Петроград, 1916.
- Котов, 2011** – Котов Б.С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 391–398.
- Ласвель, 1929** – Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929.
- Миронова, 2018** – Миронова Е.В. Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой Мировой Войны // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 3-2. С. 42–53.
- Новое время** – Газета «Новое время».
- Новый сатирикон** – Литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал «Новый сатирикон».
- Огонек** – Иллюстрированный журнал «Огонек».
- Панофский, 2009** – Панофский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., 2009. 432 с.
- Потапов, 1926** – Потапов Н.М. Печать и война. М.; Л., 1926.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Россия и Запад, 1998** – Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. 334 с.
- Ростиславлева, 2018** – Ростиславлева Н.В. Образ Германии в российском историческом нарративе в годы Первой мировой войны (на примере журнала «Голос минувшего») // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2018. № 10-2(43). С. 274–285.
- Сенявская, 2006** – Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М, 2006. 288 с.
- Славенсон, 1916** – Славенсон В. Милитарная карикатура // *Русская мысль*. 1916. № 6. С. 26–31.
- Собр. узак. 1914** – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1914.
- Солнце России** – Иллюстрированный журнал «Солнце России».
- Трубецкой, 1915** – Трубецкой Е.Н. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.
- Филиппова, 2016** – Филиппова Т.А. «Большой человек» в эпоху войн и революций: образ Турции в русской журнальной сатире, 1908–1918. СПб., 2016. 302 с.
- Филиппова, Баратов, 2014** – Филиппова Т.А., Баратов П.Н. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014. 272 с.
- Филиппова, Баратов, 2017** – Филиппова Т., Баратов П. Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире. 1914–1918. М., 2017. 304 с.
- Флеровский, 1914** – Флеровский И.П. Война и карикатура // *Современник*. 1914. № 10. С. 276–280.
- Фролов, 2024** – Фролов В.В. Образ Германии на страницах газеты «Русский инвалид» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // *Журнал фронтирных исследований*. 2024. Т. 9. № 4(36). С. 267–289.
- Фролов, 2025** – Фролов В.В. Образ Австро-Венгрии на страницах журнала «Новый Сатирикон» в первые месяцы Первой мировой войны // *Исторический журнал: научные исследования*. 2025. № 5. С. 264–275.

Цыкалов, 2012 – Цыкалов Д.Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История*. 2012. № 1(21). С. 85-90.

Шут – Художественный журнал карикатур «Шут».

Frolov, 2016 – Frolov E.D. Academic Links Between Russia and Germany in the 18th-19th centuries // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2016. 3. Pp. 57-67.

Magsumov, 2025 – Magsumov T.A. The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 487-497.

Polyakova, 2012 – Polyakova L.G. Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study) // *Bylye Gody*. 2012. 3(25). Pp. 42-51.

Wells, 1914 – Wells H.G. *The War That Will End War*. New York, 1914.

References

Aksenov, 2020 – Aksenov, V.B. (2020). Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918) [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the war and revolution (1914–1918)]. M. 992 p. [in Russian]

Al'bom karikatur, 1914 – Al'bom karikatur [Album of cartoons]. M. 1914. [in Russian]

Astashov, 2012 – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny [Propaganda on the Russian Front during World War I]. M. 400 p. [in Russian]

Barthes, 1989 – Barthes, R. (1989). Ritorika obraza [Rhetoric of the image]. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika. M. Pp. 297-318. [in Russian]

Blumental', 1928 – Blumental', F.L. (1928). Burzhuaznaja politrabota v mirovuju vojnu 1914–1918 gg.: (Obrabotka obshchestvennogo mnenija) [Bourgeois political work during the world war of 1914–1918: (Processing public opinion)]. Moskva; Leningrad. [in Russian]

Budil'nik – Satiricheskij zhurnal «Budil'nik» [Satirical magazine "Budil'nik"]. [in Russian]

Denisov, 1916 – Denisov, V. (1916). Voina i lubok [War and popular prints]. Petrograd. [in Russian]

Filippova, 2016 – Filippova, T.A. (2016). «Bol'noi chelovek» v epokhu voin i revolyutsii: obraz Turtsii v russkoi zhurnal'noi satire, 1908–1918 [“The Sick man” in an era of wars and revolutions: the image of Turkey in Russian magazine satire, 1908–1918]. SPb. 302 p. [in Russian]

Filippova, Baratov, 2014 – Filippova, T.A., Baratov, P.N. (2014). «Vragi Rossii». Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noj satire jepohi Pervoj mirovoj vojny [“Enemies of Russia”. Images and Rhetoric of Enmity in Russian Magazine Satire of the First World War]. Moscow. 272 p. [in Russian]

Filippova, Baratov, 2017 – Filippova, T., Baratov, P. (2017). Velikaya voina i Velikaya revolyutsiya v russkoi zhurnal'noi satire. 1914–1918 [The Great War and the Great Revolution in Russian magazine satire]. 1914–1918. M. 304 p. [in Russian]

Flerovskij, 1914 – Flerovskij, I. P. (1914). Voina i karikatura [War and caricature]. *Sovremennik*. 10: 276-280. [in Russian]

Frolov, 2016 – Frolov, E.D. (2016). Academic Links Between Russia and Germany in the 18th-19th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 3: 57-67.

Frolov, 2024 – Frolov, V.V. (2024). Obraz Germanii na stranicah gazety «Russkij invalid» v pervye gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1915 gg.) [The image of Germany on the pages of the newspaper "Russian Invalid" in the first years of the First World War (1914–1915)]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij*. 9. 4(36): 267-289. [in Russian]

Frolov, 2025 – Frolov, V. V. (2025). Obraz Avstro-Vengrii na stranicah zhurnala «Novyj Satirikon» v pervye mesjacy Pervoj mirovoj vojny [The image of Austria-Hungary on the pages of the magazine “New Satyricon” in the first months of World War I]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5: 264-275. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

Gippius, 1929 – Gippius, Z. (1929). Sinjaja kniga [Blue book]. Peterburgskij dnevnik. 1914–1919. Belgrade. [in Russian]

Golikov, Rybachenok, 2010 – Golikov, A.G., Rybachenok, I.S. (2010). Smeh – delo ser'eznoe. Rossiya i mir na rubezhe XIX–XX vekov v politicheskoi karikature [Laughter is a serious matter. Russia and the world at the turn of the 19th and 20th centuries in political caricature.]. M. 328 p. [in Russian]

Golos Moskvy – Gazeta «Golos Moskvy» [“Golos Moskvy” newspaper]. [in Russian]

Kotov, 2011 – Kotov, B.S. (2011). Obraz rossijskikh nemcev v russkoi presse nakanune Pervoj mirovoj vojny [The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of World War I]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 13(3-2): 391-398. [in Russian]

Lasvel', 1929 – Lasvel', G. (1929). Tehnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda techniques in the World War]. Moscow; Leningrad. [in Russian]

Magsumov, 2025 – Magsumov, T.A. (2025). The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography. *Bylye Gody*. 20(1): 487-497.

- Mironova, 2018 – Mironova, E.V. (2018). Obraz Germanii v russkikh propagandistskikh otkrytkah vremen Pervoj mirovoj vojny [The image of Germany in Russian propaganda postcards during World War I]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 10(3-2): 42-53. [in Russian]
- Novoe vremja – Gazeta «Novoe vremja» [“Novoe vremja” newspaper]. [in Russian]
- Novyj satirikon – Literaturno-hudozhestvennyj illjustrirovannyj satiricheskij zhurnal «Novyj satirikon» [Literary and artistic illustrated satirical magazine “Novyj satirikon”]. [in Russian]
- Ogonek – Illjustrirovannyj zhurnal «Ogonek» [Illustrated magazine “Ogonyok”]. [in Russian]
- Panofsky, 2009 – Panofsky, E. (2009). Etyudy po ikonologii: Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniya [Studies in iconology: Humanistic themes in Renaissance art]. St. Petersburg. 432 p. [in Russian]
- Polyakova, 2012 – Polyakova, L.G. (2012). Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). *Bylye Gody*. 3(25): 42-51.
- Potapov, 1926 – Potapov, N.M. (1926). Pechat' i vojna [Press and war]. M.; Leningrad. [in Russian]
- RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rossija i Zapad, 1998 – Rossija i Zapad. Formirovanie vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossijskogo obshhestva pervoj poloviny XX veka [Russia and the West: The Formation of Foreign Policy Stereotypes in the Consciousness of Russian Society in the First Half of the 20th Century]. M. 1998. 334 p. [in Russian]
- Rostislavleva, 2018 – Rostislavleva, N.V. (2018). Obraz Germanii v rossijskom istoricheskom narrative v gody Pervoj mirovoj vojny (na primere zhurnala «Golos minuvshego») [The image of Germany in the Russian historical narrative during the First World War (based on the magazine “Golos minuvshego”)]. *Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie*. 10-2(43): 274-285. [in Russian]
- Senjavskaja, 2006 – Senjavskaja, E.S. (2006). Protivniki Rossii v voynakh XIX v.: Evolyutsiya «obraza vruga» v soznanii armii i obshchestva [Russia's adversaries in the wars of the 20th century: the evolution of the "image of the enemy" in the consciousness of the army and society]. M. 288 p. [in Russian]
- Shut – Hudozhestvennyj zhurnal karikatur «Shut» [art magazine of cartoons “Shut”]. [in Russian]
- Slavenson, 1916 – Slavenson, V. (1916.). Militarnaja karikatura [Military caricature]. *Russkaja mysl'*. 6: 26-31. [in Russian]
- Sobr. uzak. 1914 – Sobraniju uzakonenij i rasporjazenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvujushhem Senate [Collection of laws and regulations of the government, issued by the Governing Senate]. St. Petersburg. 1914. [in Russian]
- Solntse Rossii – Illjustrirovannyj zhurnal «Solntse Rossii» [Illustrated magazine “Solnce Rossii”]. [in Russian]
- Trubetskoi, 1915 – Trubetskoi, E.N. (1915). Natsional'nyj vopros. Konstantinopol' i Svjataja Sofija [The national question. Constantinople and Hagia Sophia]. M.
- Tsykalov, 2012 – Tsykalov, D.E. (2012). Karikatura kak orudie propagandy v period Pervoj mirovoj vojny [Caricature as a propaganda tool during the First World War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istorija*. 1(21): 85-90. [in Russian]
- Voina, 1914 – Voina. Literaturno-hudozhestv. Al'manah [War. Literary and Artistic Almanah]. M. 1914. [in Russian]
- Wells, 1914 – Wells, H.G. (1914). The War That Will End War. New York.

Карикатурный образ врага в прессе Российской империи начала Первой мировой войны: от осмеяния к демонизации

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a, Борис Андреевич Шишкин ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются карикатурные образы врагов на страницах российской прессы, издававшейся в начале Первой мировой войны (июль 1914 – январь 1915 г.). Авторами применяется иконологический анализ антигерманских, антиавстрийских и антитурецких изображений, включающий их описание и выявление визуальных маркеров, идентифицирующих врага, определение сюжетов, декодирование символических значений и внутренних смыслов. Выявляются, описываются и иллюстрируются конкретными примерами приемы осмеяния противников и их демонизации. Рассматриваются применяемые в карикатуре исторические аллюзии, создающие ироничный контекст. Образ кайзера Вильгельма II, ряд его шаржированных узнаваемых черт, стали символами враждебной Германии, ее милитаризма, агрессивной внешней политики и военных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

амбиций. Демонизация германцев и кайзера превращает их в символы вселенского зла, придавая войне экзистенциальный характер. Для антигерманского карикатурно-сатирического нарратива характерно: развенчание образов «культуртрегеров» и мыслителей; доведение до абсурда милитаризма и муштры; гиперболизация «немецких зверств»; антигероизация и аморализация немецких солдат и обывателей. Многие антиавстрийские карикатуры строятся вокруг образа престарелого императора Франца Иосифа, антитурецкие иронично переосмысливают клише «больного человека Европы». В карикатурных репрезентациях Австро-Венгрии и Турции насмешка преобладает над демонизацией, гиперболизируются внутренние проблемы этих государств, их зависимость от Германии.

Ключевые слова: карикатура, образ врага, пресса, Российская империя, Первая мировая война, демонизация, кайзер, Германия, Австро-Венгрия, Турция.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1068-1075
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1068

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Caucasian Front and Its Rear during the First World War: A Review of Modern Historiography

Andrey A. Baybarin ^{a, *}, Sergei B. Zinkovskii ^b, Alexandra V. Plotnikova ^c, Elena V. Krasnenkova ^d

^a Kursk State Agrarian University, Kursk, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The research is devoted to the historiographical study of the latest works (published over the past 10 years) on the problem of the functioning of the Caucasian Front during the First World War. The material for this work is historical works on this research problem. The methodology includes such methods as historiographical analysis, classification method, system analysis, and information synthesis method.

As the historiographical analysis has shown, there are quite a lot of modern studies covering the activities of the Caucasian Front during the First World War. Most of the research is devoted to the logistical work of various services, charitable organizations, as well as propaganda. The study of combat operations and the ratio of military forces has receded into the background and (with rare exceptions) is only complex, abstract and generalizing in nature.

In modern research, the vector of studying the Caucasian Front has changed: as the authors explicitly point out, the fighting, the balance of forces of the parties and their qualitative characteristics were very well studied in the last century, so modern historians focus on the study of non-combat aspects of the functioning of the Caucasian Front, namely the work of the quartermaster and other logistics services, the specifics of the supply of weapons, ammunition and supplies, military and civilian frontline, frontline and rear logistics and communications, propaganda issues, Red Cross activities, religious institutions and other humanitarian organizations, as well as other issues related to the activities of non-combatants in the First World War.

Keywords: the Caucasian Front, the First World War, historiography, 1914–1918.

1. Введение

Кавказский фронт в годы Первой мировой войны всегда вызывал у историков особое внимание в силу ряда причин. Во-первых, это географическое положение Кавказа: данный регион является горным, поэтому стал для России (включая советский период и, соответственно, годы Великой Отечественной войны) естественной границей (с последующими Ставропольской и Кубанской равнинами, где мало естественных границ – *прим. авт.*), оборона которой стратегически представлялась одной из важнейших задач российского командования. Во-вторых, Кавказ – это многонациональный регион и далеко не все этносы исторически поддерживали Россию; это обуславливало высокий уровень коллаборационизма на Кавказском фронте и также было одной из проблем для военного руководства страны. Имеется и ряд других причин, почему Кавказский фронт вызывает к себе интерес исследователей, перечислять которые здесь мы считаем нецелесообразным.

Поэтому количество научных трудов, исследующих деятельность данного фронта, включая Первую мировую войну, весьма велико. В силу этого, в данной работе делается анализ лишь новейших трудов по

* Corresponding author

E-mail addresses: andrewbaybarin@gmail.com (A.A. Baybarin)

анализируемому нами вопросу, поэтому хронологические рамки исследования определим как 2016–2026 годы, то есть труды, опубликованные не ранее 10 лет назад.

2. Материалы и методы

Материалом данной работы послужил комплекс современных исследований, изданных в 2016–2026 годах, в которых, так или иначе, освещалась деятельность Кавказского фронта в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Методологическую основу составили следующие специальные исторические и общенаучные методы исследования:

1. Метод контент-анализа (или историографический метод): общенаучный метод исследования, который применен в данной работе для изучения научной литературы по проблеме функционирования Кавказского фронта и его тыловых структур в период Первой мировой войны;

2. Метод классификации: общенаучный метод исторического исследования использовался для классифицирования историографии по проблеме деятельности Кавказского фронта в период Первой мировой войны;

3. Историко-системный метод: традиционный специальный метод исторического исследования применен для комплексного анализа историографии о Кавказском фронте в годы Первой мировой войны с учетом экономической, социальной, внешне- и внутривойсковой ситуации в Российской империи;

4. Метод синтеза: общенаучный метод исследования был применен для формулирования выводов, определения современных тенденций и отдельных аспектов изучения функционирования Кавказского фронта в 1914–1918 годах.

Данная работа учитывает такие принципы исторического исследования, как объективность, всесторонность, системность и пр.

3. Обсуждение и результаты

В силу многообразия различных аспектов функционирования Кавказского фронта и, соответственно, научных работ, отражающих каждый из этих аспектов, представляется целесообразным классифицировать исследуемую нами историографию по предмету исследования. Считаем удобной следующую классификацию:

1. Работы, исследующие боевые действия на Кавказском фронте. К данной категории относятся работы таких авторов, как В.М. Муханов (Муханов, 2019), О.В. Наталочная, Р.М. Аллалиев, В.А. Свешников, С.В. Петрова (Natolochnaya et al., 2021; Natolochnaya et al., 2021a; Natolochnaya et al., 2021b), А.А. Хумуриц (Хумуриц, 2018), В.В. Михайлов (Михайлов, 2017), В.Б. Каратаев, Т.Э. Зульфугарзаде, Н.Н. Черкасова (Karataev et al., 2016) и др.

2. Труды, анализирующие работу тыла Кавказского фронта. Представлены такими авторами, как Т.А. Магсумов, Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колотков, С.Б. Зиньковский (Magsumov et al., 2022), М.В. Оськин (Оськин, 2018), Л.Г. Полякова, Л.Л. Баланюк (Polyakova, Balanyuk, 2018), Е.Е. Полянская (Полянская, 2022a; Полянская, 2022b; Полянская, 2023), В.И. Петров (Петров, 2019), С.А. Надюков (Надюков, 2017), А.В. Палазник, Н.А. Коровин (Палазник, Коровин, 2025) и др.

3. Исследования, касающиеся участия определенных этносов на Кавказском фронте периода Первой мировой войны. Это работы таких авторов, как С.М. Степанянц (Степанянц, 2018), И.М. Чиж, И.В. Карпенко, М.С. Сергеева, И.В. Федосейкин (Чиж и др., 2018), З.М. Акмурзаева (Акмурзаева, 2025), Г.Г. Корганов (Корганов, 2018), Г. Райович, И.С. Денисов, Д.И. Степанова, И.А. Гордеев (Rajović et al., 2021) и др.

4. Работы, анализирующие другие аспекты, не относящиеся к первым трем пунктам. В данном исследовании мы проанализировали работы таких авторов, как В.А. Чолахян (Чолахян, 2017), С.А. Орешин (Орешин, 2022), В.С. Каменский (Kamensky, 2021), Т.А. Магсумов (Magsumov, 2025) и др.

Подробный историографический анализ будет приведен ниже, так как именно этот аспект является предметом исследования данной работы.

Указанный историографический перечень не является полным, поскольку, как уже было указано выше, проблема функционирования Кавказского фронта в годы Первой мировой войны, является весьма актуальной; вместе с тем, данный перечень является, на наш взгляд, вполне достаточным для общего понимания новейших тенденций и аспектов изучения Кавказского фронта в 1914–1918 годах.

Исходя из приведенной нами классификации, рассмотрим историографию функционирования Кавказского фронта и его тыла в период Первой мировой войны.

1. Работы, исследующие боевые действия на Кавказском фронте.

Из современных работ, описывающих боевые действия, прежде всего отметим серию статей (из 3 частей) О.В. Наталочной, Р.М. Аллалиева, В.А. Свешникова и С.В. Петровой «Планирование блокады Босфора Черноморским флотом в 1916 году» (Natolochnaya et al., 2021; Natolochnaya et al., 2021a; Natolochnaya et al., 2021b). Статья имеет весьма узкую специфику и исследует планы российского командования по блокаде стратегически важного Босфорского пролива, через который германо-турецкие корабли заходили в Черное море и, таким образом, разрушали морскую торговую и

военную коммуникации (одними из наиболее известных рейдов были выходы формально (экипажи оставались немецкими – прим. авт.) переданных Германией Турции линейного крейсера «Гёбен» (1911) («Явуз Султан Селим» в турецком флоте), по праву считавшегося одним из лучших в мире, и легкого крейсера «Бреслау» (1911) («Мидилли» в турецком флоте), в частности, нападение в июле 1916 года на порты Сочи и Туапсе). Работа является весьма узкой по предмету исследования и глубокой по содержанию, а также весьма объемной, что вполне позволяет назвать ее фундаментальной. В исследовании на основе материалов Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) анализируется соотношение военно-морских сил сторон и их реальные возможности, деятельность командующих Черноморским флотом адмирала А.А. Эбергарда и вице-адмирала А.В. Колчака, планирование операций надводных и подводных сил в районе Босфорского пролива с целью его блокады, роль подводных лодок Черноморского флота в этой операции, постановка минных заграждений и многое другое.

Проблему блокады проливов освещает в своей работе и А.А. Хумуриц (Хумуриц, 2018), однако таковая носит лишь обобщенный и тезисный характер.

Из новейших трудов отметим также исследование В.Б. Каратаева, Т.Э. Зульфугарзаде и Н.Н. Черкасовой, посвященное 100-летию наступательной операции под Эрзерумом (Karataev et al., 2016): авторы на основе историографии, а также мемуаров и других источников личного происхождения (в частности, дневниковых записей) участников событий проанализировали эффективность Эрзерумской операции с тактической и стратегической точек зрения, роль пропагандистского эффекта в русском и зарубежном обществах, не только в тылу, но и в действующей армии.

В этой группе также нельзя не отметить фундаментальный труд В.М. Муханова, а именно – монографию «Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.)» (Муханов, 2019). В ней автор описывает жизнь регионов Кавказа в период революций 1917 года и Гражданской войны, однако затрагивает и военные годы, а именно 1917 и 1918, анализируя работу тыла, участие местных этносов в войне, а также и боевые действия. С учетом комплексности исследования и того внимания, которое было уделено боевым действиям, считаем возможным отнести ее именно к первой категории работ, хотя вполне уместно отнести ее к любой из представленных в классификации групп.

2. Труды, анализирующие тыловую работу Кавказского фронта.

Из работ, исследующих функционирование тыла Кавказского фронта, отметим следующие:

М.В. Оськин анализирует снабжение фронта продовольствием и фуражом (Оськин, 2018): описывается сложность снабжения как передовых рубежей, так и тыловых районов в силу особенностей региона, а именно – горного ландшафта и слабости дорожной сети (в особенности, железнодорожной, в силу чего значительная роль в снабжении российских войск довольствием и боекомплектот отдавалась морским коммуникациям и, соответственно, их защите, о чем было указано выше – прим. авт.), особенность снабжения тыловых регионов Кавказского фронта, а именно территорий Северного Кавказа и Кубани, а также деятельность интендантской службы в них; автор также описывает влияние революций 1917 года на качество снабжения армии.

Также, вопросы комплектования и вооружения российской армии на Кавказском фронте в 1914–1918 годах исследует в своей статье В.И. Петров (Петров, 2019).

Современное изучение вопросов, связанных с деятельностью Российского общества Красного Креста (РОКК), находится в сфере научных интересов Е.Е. Полянской (см., например, Полянская, 2022a; Полянская, 2022b; Полянская, 2023). Отметим, что историки ранее не уделяли должного внимания указанной проблематике, на что, собственно, и автор прямо указывает как в своем диссертационном исследовании (см. Полянская, 2023: 4), так и в статьях (см., например, Полянская, 2022a: 135), которые освещают деятельность РОКК на Кавказе в межреволюционный период, а именно в 1905–1917 годах, включая и военные годы.

Е.Е. Полянская исследует структуру и особенности организации РОКК, принципы этапного лечения, трудности, с которыми пришлось столкнуться Красному Кресту, анализирует биографии его лидеров (Полянская, 2023), в частности, В.А. Опеля (Полянская, 2022a), особенности реабилитации не только раненых, но и душевнобольных бойцов (современное обозначение ПТСР или «посттравматическое стрессовое расстройство (психики)», от англ. PTSD, post-traumatic stress disorder – прим. авт.), демобилизованных с Кавказского фронта (Полянская, 2022b) и пр.; отметим, что аспект, исследующий ПТСР у военнослужащих Первой мировой войны является относительно новым в отечественной историографии. Автор опирается на широкую документальную базу различных архивов, в частности, Российского военно-исторического архива (РГВИА), Национального архива Армении (НАА), Национального исторического архива Грузии (НИАГ), Отдела рукописей библиотеки Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова (ОР БВМедА) (при исследовании личности Опеля), а также на внушительный историографический перечень.

Т.А. Магсумов, Т.Э. Зульфугарзаде, М.Б. Колотков и С.Б. Зиньковский исследуют особенности пропагандистской и гуманитарной деятельности религиозного института Российской империи на Кавказском фронте, а именно – Сухумской епархии Русской православной церкви (Magsumov et al., 2022). Исследователи на основе широкого историографического обзора и документов (в качестве

главного источника использовался журнал «Сотрудник Закавказской миссии») описывают участие как священнослужителей, так и мирян Сухумской епархии в благотворительной деятельности и помощи как комбатантам, так и некомбатантам на Кавказском фронте в период Первой мировой войны, «...став надежной опорой русского правительства в деле организации помощи как Российскому обществу Красного Креста, так и оказания помощи семьям лиц, призванных на войну» (Magsumov et al., 2022: 502).

Проблемы деятельности православных монастырей, их медицинская и гуманитарная (благотворительная) помощь российской армии, но лишь в общих чертах, освещаются и в работе таких авторов, как А.В. Палазник и Н.А. Коровин (Палазник, Коровин, 2025).

С.А. Надюков в своей статье анализирует вопросы мобилизации на Северном Кавказе, одном из тыловых регионов Кавказского фронта (Надюков, 2017). Исследователь освещает феномен сильного добровольческого движения народов Кавказа, в частности «...адыгов, чеченцев, ингушей, выходцев из Дагестана» (Надюков, 2017: 136), особенности формирования Кавказской конной туземной дивизии, участие кубанского и кавказского казачества в процессе мобилизации и пр. Работа лежит на стыке данной и следующей группы, посвященной исследованию участия отдельных этносов в Первой мировой войне, однако с учетом тыловой специфики процесса мобилизации, мы отнесли работу С.А. Надюкова именно к указанной группе.

3. Исследования, изучающие проблему участия определенных этносов, государственных образований, территорий на Кавказском фронте периода Первой мировой войны.

Героизм, добровольческое движение и мобилизацию представителей армянского этноса на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны исследованы в монографии Г.Г. Корганова (Корганов, 2018); работа основана на архивных источниках, иллюстрирована схемами и рисунками.

Другие работы данной группы представлены статьями в научных периодических изданиях и сборниках тезисов докладов конференций.

С.М. Степанянц исследует сотрудничество кавказского казачества и армянского ополчения на Кавказском фронте в период 1914–1918 годов (Степанянц, 2018). Вопросы участия молодежи из дагестанских территорий освещает З.М. Акмурзаева (Акмурзаева, 2025).

Значительный интерес представляет исследование Г. Райовича, И.С. Денисова, Д.И. Степановой и И.А. Гордеева «Румыния в Первой мировой войне» (Rajović et al., 2021). Статья освещает действия румын на передовой и в тылу, а также то влияние, которое оказал Кавказский фронт на данное участие.

И.М. Чиж, И.В. Карпенко, М.С. Сергеева и И.В. Федосейкин освещают деятельность американских медиков на Кавказском фронте, особенности и качество выполнения их работы, трудности, с которыми они сталкивались, отношение, которое к ним испытывали русские бойцы (комбатанты) и некомбатанты и пр. (Чиж и др., 2018). Работа лежит на стыке данной и предыдущей группы (то есть, в основном прифронтовая и тыловая деятельность), однако с учетом того, что предметом исследования является именно этническая составляющая (отряд американских граждан), то уместным считаем отнести данную работу к указанной группе.

4. Другие исторические исследования, анализирующие различные аспекты деятельности Кавказского фронта в 1914–1918 годах.

Данная группа работ является второй по многочисленности после 2-й группы (т.е. исследование тыловой работы Кавказского фронта). Однако объем данного исследования позволяет указать лишь несколько работ, научную новизну и актуальность которых мы посчитали наиболее интересными.

Новый аспект, который отечественными (прежде всего – советскими) историками XX века рассматривался лишь фрагментарно – это влияние февральской буржуазной революции на Кавказский фронт. Этот пробел достаточно подробно исследуется в статье В.А. Чолахяна (Чолахян, 2017), осветившего проблемы брожения в российских войсках Кавказского фронта после революции и рост пацифистских и революционных настроений, реакцию Временного правительства на сложившуюся ситуацию, вопросы, связанные с появлением и признанием Армянской автономии, а также особенности экономической, социальной и политической ситуации накануне подписания перемирия с Турцией в декабре 1917 года; автор особо отмечает, что русское влияние на армянских территориях до прихода к власти большевиков исторически было весьма велико, а местное население всецело поддерживало политику правительства Российской империи, однако с началом февральской и, особенно, социалистической революции с подачи армянских элит стало стремиться к сепаратизму.

Влияние революций на настроения на Кавказском фронте исследует также и С.А. Орешин (Орешин, 2022), подчеркивая противоречия между солдатами, охваченными революционными настроениями, и офицерством, большинство из которых оставались лояльными императорской власти. Автор обозначает причины распада Кавказского фронта «...считающегося одним из наиболее боеспособных» (Орешин, 2022: 56), проблемы безвластия и анархии в последние месяцы войны, развал системы снабжения войск, попытки командования фронта создать моноэтнические формирования на конфессиональной основе для сохранения контроля над войсками и мн. др. Историк опирается на документы РГВИА, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА), материалы периодической печати конца 1917-го года (в частности, газета «Голос Краевого Совета»), а также широкий историографический перечень научных трудов.

Одним из новых аспектов изучения Первой мировой войны стало изучение вопросов пропагандистской работы.

В этой связи отметим статью В.С. Каменского о литературной пропаганде и литературе времен Первой мировой войны ([Kamensky, 2021](#)). Исследование освещает особенности литературной военной пропаганды противоборствующих сторон на основе газет и журналов военного периода. Статья богато иллюстрирована агитационными плакатами, фотографиями упоминавшихся в работе деятелей, биографиями которых оперировали пропагандисты (в частности, французского поэта и драматурга Шарля Пегги, погибшего на фронте в сентябре 1914 года в Марнском сражении) и пр.

Безусловно, в масштабах данной работы необходимо отметить и историографические исследования Кавказского фронта Первой мировой войны.

Одной из последних работ по данной проблематике является статья Т.А. Магсумова, посвященная историографии всего Восточного фронта в годы Первой мировой войны ([Magsumov, 2025](#)). Автор указывает, что основным аспектом современных трудов является изучение деятельности прифронтовых и тыловых служб, а не боевые действия и вооруженные силы, так как последние изучены достаточно полно; указывается, что значительное внимание уделяется деятельности благотворительных организаций, интендантской службы, логистике, снабжению фронтовых частей, деятельности Красного Креста, пропаганде и прочим аспектам, в которых не задействованы комбатанты (то есть «лица, принимающие непосредственное участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из сторон...» или непосредственно воюющие вооруженные и военизированные структуры).

Среди других историографических трудов отметим также работы Л.Г. Поляковой и Л.Л. Баланюк ([Polyakova, Balanyuk, 2018](#)), которые в масштабах историографического анализа по функционированию Черноморской провинции в годы Первой мировой войны дают также обзор научных трудов по деятельности Кавказского фронта.

Проведенный историографический анализ позволяет нам сформулировать выводы данного исследования.

4. Заключение

Исследование новейшей историографии Кавказского фронта и его тыла в годы Первой мировой войны позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Современных исследований, освещающих деятельность Кавказского фронта в годы Первой мировой войны, достаточно много. Большая часть исследований посвящена тыловой работе различных служб, благотворительным организациям, а также пропаганде. Изучение боевых действий и соотношения военных сил отошло на второй план и носит (за редким исключением) преимущественно комплексный, тезисный и обобщающий характер.

2. В современных исследованиях сменился вектор изучения Кавказского фронта: как прямо указывают авторы, боевые действия, соотношение сил сторон и их качественные характеристики были весьма хорошо изучены еще в прошлом столетии, поэтому современные историки делают упор на исследование небоевых аспектов функционирования Кавказского фронта, а именно на работу интендантской и других тыловых служб, особенности снабжения оружием, боеприпасами и довольствием, военной и гражданской фронтовой, прифронтовой и тыловой логистики и коммуникаций, проблемы пропаганды, деятельность Красного Креста, религиозного института и прочих гуманитарных организаций, а также другие вопросы, связанные с деятельностью некомбатантов в Первой мировой войне.

Литература

[Акмурзаева, 2025](#) – Акмурзаева З.М. Первая мировая война и дагестанская молодежь / *Первая мировая война (1914–1918 гг.) забытая ли она? Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-й годовщине начала Первой мировой войны*. Грозный, 2025. С. 5-11.

[Корганов, 2018](#) – Корганов Г.Г. Участие армян в мировой войне на Кавказском фронте (1914–1918): с 19-ю схемами. М.: Ключ-С, 2018.

[Михайлов, 2017](#) – Михайлов В.В. Развал русского Кавказского фронта и начало турецкой интервенции в Закавказье в конце 1917 – начале 1918 гг. // *Клио*. 2017. № 2 (122).

[Муханов, 2019](#) – Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917-1921 гг.). М.: Модест Колеров, 2019.

[Надюков, 2017](#) – Надюков С.А. Мобилизационные мероприятия на Северном Кавказе в связи с Первой мировой войной // *Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева*. 2017. № 11 (35). С. 136-141.

[Орешин, 2022](#) – Орешин С.А. "Между офицерским корпусом и солдатами образовалась непроходимая пропасть...". Кавказский фронт русской армии в условиях демобилизации и перемирия с Турцией (конец 1917 – начало 1918 г.) // *Военно-исторический журнал*. 2022. № 10. С. 56-67.

[Оськин, 2018](#) – *Оськин М.В.* Продовольственное снабжение Кавказского фронта в период Первой мировой войны (1914–1917) // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2018. № 1 (38). С. 63-70.

[Палазник, Коровин, 2025](#) – *Палазник А.В., Коровин Н.А.* Православные монастыри и российская армия на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2025. № 3 (142). С. 92-96.

[Петров, 2019](#) – *Петров В.И.* Аспекты комплектования и вооружения российской армии на Кавказском фронте в ходе Первой мировой войны / *Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Материалы Международной научно-практической конференции*. 2019. С. 182-189.

[Полянская, 2022a](#) – *Полянская Е.Е.* В.А.Оппель на Кавказе в ноябре-декабре 1914 г.: организация работы РОКК и разработка принципа этапного лечения // *Российская история*. 2022. № 2. С. 135-144.

[Полянская, 2022b](#) – *Полянская Е.Е.* Российское общество Красного Креста и помощь душевнобольным воинам на Кавказском фронте (1914–1918) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2022. № 1. С. 57-73.

[Полянская, 2023](#) – *Полянская Е.Е.* Российское общество Красного Креста на Кавказе и Кавказском фронте в 1905–1917 годах. Дисс. на соиск. уч. ст канд. ист. наук. М.: МГУ, 2023.

[Степанянц, 2018](#) – *Степанянц С.М.* Армяно-казачье боевое сотрудничество на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны // *Наука Юга России*. 2018. Т. 14. № 3. С. 112-118.

[Хумуриц, 2018](#) – *Хумуриц А.А.* Кавказский фронт и проблема черноморских проливов в годы Первой мировой войны / *Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность. Материалы I Международной научно-практической конференции*. Под общ. ред. С.В. Беспаловой. 2018. С. 118-120.

[Чиж и др., 2018](#) – *Чиж И.М., Карпенко И.В., Сергеева М.С., Федосейкин И.В.* Работа американского медицинского отряда в составе русской армии на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны // *История медицины*. 2018. Т. 5. № 1. С. 80-89.

[Чолахян, 2017](#) – *Чолахян В.А.* Февральская революция 1917 года и Кавказский фронт Первой мировой войны // *Наука и общество*. 2017. № 2 (28). С. 56-63.

[Kamensky, 2021](#) – *Kamensky V.S.* Literary Propaganda and Litterateurs during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 16-22.

[Karataev et al., 2016](#) – *Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N.* To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1368-1377.

[Magsumov et al., 2022](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* To the Issue of the Sukhumi Diocese's Activities of the Russian Orthodox Church during the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 494-502.

[Magsumov, 2025](#) – *Magsumov T.A.* The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography // *Bylye Gody*. 2025. 20 (1): 487-497.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 404-412.

[Natolochnaya et al., 2021a](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 1042-1051.

[Natolochnaya et al., 2021b](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1560-1567.

[Polyakova, Balanyuk, 2018](#) – *Polyakova L.G., Balanyuk L.L.* The Black Sea Province in the First World War: A Historiographical Review // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 839-849.

[Rajović et al., 2021](#) – *Rajović G., Denisov I.S., Stepanova D.I., Gordeev I.A.* Romania during the First World War (on the Example of 1916 year) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 413-419.

References

[Akmurzaeva, 2025](#) – *Akmurzaeva, Z.M.* (2025). Pervaya mirovaya voyna i dagestanskaya molodezh' [The First World War and Dagestani youth]. *Pervaya mirovaya voyna (1914–1918 gg.) zabytaya li ona? Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 110-i godovshchine nachala Pervoi mirovoi voyny*. Grozny. Pp. 5-11. [in Russian]

[Chizh i dr., 2018](#) – *Chizh, I.M., Karpenko, I.V., Sergeeva, M.S., Fedoseikin, I.V.* (2018). Rabota amerikanskogo meditsinskogo otryada v sostave russkoi armii na Kavkazskom fronte v gody Pervoi mirovoi voyny [The work of the American medical detachment as part of the Russian army on the Caucasian front during World War I]. *Istoriya meditsiny*. 5(1): 80-89. [in Russian]

- [Cholakhyan, 2017](#) – Cholakhyan, V.A. (2017). Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda i Kavkazskii front Pervoi mirovoi voiny [The February revolution of 1917 and the Caucasian Front of World War I]. *Nauka i obshchestvo*. 2(28): 56-63. [in Russian]
- [Kamensky, 2021](#) – Kamensky, V.S. (2021). Literary Propaganda and Litterateurs during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 16-22.
- [Karataev et al., 2016](#) – Karataev, V.B., Zulfugarzade, T.E., Cherkasova, N.N. (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*. 42(4): 1368-1377.
- [Khumurits, 2018](#) – Khumurits, A.A. (2018). Kavkazskii front i problema chernomorskikh proливov v gody Pervoi mirovoi voiny [The Caucasian front and the problem of the Black sea straits during the First World War]. *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potentsiala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost'*. *Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pod obshch. red. S.V. Bessalovoi. Pp. 118-120. [in Russian]
- [Korganov, 2018](#) – Korganov, G.G. (2018). Uchastie armenyan v mirovoi voine na Kavkazskom fronte (1914–1918): s 19-yu skhemami [The participation of Armenians in the World War on the Caucasian front (1914–1918): with 19 diagrams]. M.: Klyuch-S. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). To the Issue of the Sukhumi Diocese's Activities of the Russian Orthodox Church during the First World War. *Bylye Gody*. 17(1): 494-502.
- [Magsumov, 2025](#) – Magsumov, T.A. (2025). The First World War: the Eastern Front in Modern Historiography. *Bylye Gody*. 20 (1): 487-497.
- [Mikhailov, 2017](#) – Mikhailov, V.V. (2017). Razval russkogo Kavkazskogo fronta i nachalo turetskoi interventsii v Zakavkaz'e v kontse 1917 – nachale 1918 gg. [The collapse of the Russian Caucasian front and the beginning of the Turkish intervention in Transcaucasia in late 1917 – early 1918]. *Klio*. 2(122). [in Russian]
- [Mukhanov, 2019](#) – Mukhanov, V.M. (2019). Kavkaz v perelomnuyu epokhu (1917–1921 gg.) [The Caucasus in a Turning Point (1917–1921)]. M.: Modest Kolerov. [in Russian]
- [Nadyukov, 2017](#) – Nadyukov, S.A. (2017). Mobilizatsionnye meropriyatiya na Severnom Kavkaze v svyazi s Pervoi mirovoi voynoi [Mobilization activities in the North Caucasus in connection with World War I]. *Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T.M. Kerasheva*. 11(35): 136-141. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 404-412.
- [Natolochnaya et al., 2021a](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 1042-1051.
- [Natolochnaya et al., 2021b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V. (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1560-1567.
- [Oreshin, 2022](#) – Oreshin, S.A. (2022). "Mezhd u ofiterskim korpusom i soldatami obrazovalas' neprokhodimaya propast'...". Kavkazskii front russkoi armii v usloviyakh demobilizatsii i peremiriya s Turtsiei (konets 1917 – nachalo 1918 g.) ["An impassable chasm formed between the officer corps and the soldiers...". The Caucasian front of the Russian army during demobilization and the armistice with Turkey (late 1917 – early 1918)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 10: 56-67. [in Russian]
- [Os'kin, 2018](#) – Os'kin, M.V. (2018). Prodovol'stvennoe snabzhenie Kavkazskogo fronta v period Pervoi mirovoi voiny (1914–1917) [Food supply of the Caucasian front during the First World War (1914–1917)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. 1(38): 63-70. [in Russian]
- [Palaznik, Korovin, 2025](#) – Palaznik, A.V., Korovin, N.A. (2025). Pravoslavnye monastyri i rossiiskaya armiya na Kavkazskom fronte v gody Pervoi mirovoi voiny [Orthodox monasteries and the Russian army on the Caucasian front during the First World War]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 3(142): 92-96. [in Russian]
- [Petrov, 2019](#) – Petrov, V.I. (2019). Aspekty komplektovaniya i vooruzheniya rossiiskoi armii na Kavkazskom fronte v khode Pervoi mirovoi voiny [Aspects of the manning and armament of the Russian army on the Caucasian front during the First World War]. *Prichernomor'e v kontekste rossiiskoi tsivilizatsii: istoriya, politika, kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 182-189. [in Russian]
- [Polyakova, Balanyuk, 2018](#) – Polyakova, L.G., Balanyuk, L.L. (2018). The Black Sea Province in the First World War: A Historiographical Review. *Bylye Gody*. 48(2): 839-849.
- [Polyanskaya, 2022a](#) – Polyanskaya, E.E. (2022). V.A. Oppel' na Kavkaze v noyabre-dekabre 1914 g.: organizatsiya raboty ROKK i razrabotka printsipa etapnogo lecheniya [V.A. Oppel in the Caucasus in November-December 1914: organization of the work of the ROKK and the development of the principle of staged treatment]. *Rossiiskaya istoriya*. 2: 135-144. [in Russian]

[Polyanskaya, 2022b](#) – Polyanskaya, E.E. (2022). Rossiiskoe obshchestvo Krasnogo Kresta i pomoshch' dushevnobol'nym voynam na Kavkazskom fronte (1914–1918) [The Russian Red Cross society and aid to mentally ill soldiers on the Caucasian front (1914–1918)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 1: 57–73. [in Russian]

[Polyanskaya, 2023](#) – Polyanskaya, E.E. (2023). Rossiiskoe obshchestvo Krasnogo Kresta na Kavkaze i Kavkazskom fronte v 1905–1917 godakh [The Russian Red Cross society in the Caucasus and the Caucasian front in 1905–1917]. Diss. na soisk. uch. st kand. ist. nauk. M.: MGU. [in Russian]

[Rajović et al., 2021](#) – Rajović, G., Denisov, I.S., Stepanova, D.I., Gordeev, I.A. (2021). Romania during the First World War (on the Example of 1916 year). *Bylye Gody*. 16(1): 413–419.

[Stepanyants, 2018](#) – Stepanyants, S.M. (2018). Armyano-kazach'e boevoe sotrudnichestvo na Kavkazskom fronte v gody Pervoi mirovoi voyny [Armenian-Cossack combat cooperation on the Caucasian front during the First World War]. *Nauka Yuga Rossii*. 14(3): 112–118. [in Russian]

Кавказский фронт и его тыл в период Первой мировой войны: обзор современной историографии

Андрей Андреевич Байбарин ^{a, *}, Сергей Борисович Зинковский ^b,
Александра Владимировна Плотникова ^c, Елена Валерьевна Красненкова ^d

^a Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова, Курск, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено историографическому изучению новейших работ (опубликованных в течение последних 10 лет) по проблеме функционирования Кавказского фронта в период Первой мировой войны. Материалом для данной работы послужили исторические труды по указанной проблеме исследования. Методология включает такие методы, как историографический анализ, метод классификации, системный анализ, метод синтеза информации.

Как показал историографический анализ, современных исследований, освещающих деятельность Кавказского фронта в годы Первой мировой войны, достаточно много. Большая часть исследований посвящена тыловой работе различных служб, благотворительным организациям, а также пропаганде. Изучение боевых действий и соотношения военных сил отошло на второй план и носит (за редким исключением) лишь комплексный, тезисный и обобщающий характер.

В современных исследованиях сменился вектор изучения Кавказского фронта: как прямо указывают авторы, боевые действия, соотношение сил сторон и их качественные характеристики были весьма хорошо изучены еще в прошлом столетии, поэтому современные историки делают упор на исследование небоевых аспектов функционирования Кавказского фронта, а именно на работу интендантской и других тыловых служб, особенности снабжения оружием, боеприпасами и довольствием, военной и гражданской фронтовой, прифронтовой и тыловой логистики и коммуникаций, проблемы пропаганды, деятельность Красного Креста, религиозных институтов и прочих гуманитарных организаций, а также другие вопросы, связанные с деятельностью некомбатантов в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Кавказский фронт, Первая мировая война, историография, 1914–1918.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrewbaybarin@gmail.com (А.А. Байбарин)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1076-1085
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1076

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Providing Assistance to Refugees in the Cities of Eastern Siberia in July 1914 – February 1917 (Based on Materials from Krasnoyarsk, Yenisei Province)

Olesya M. Dolidovich ^{a, *}, Andrey A. Gruzdev ^a, Oleg G. Alekseev ^a, Ivan Y. Makarchuk ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article examines the organization of refugee assistance in Eastern Siberian cities from July 1914 to February 1917, using Krasnoyarsk in Yenisei Province as an example. The institutional structure and practical mechanisms of assistance are reconstructed based on documents from the State Archives of Krasnoyarsk Krai and periodicals. The Krasnoyarsk Committee for Aid to Refugees, formed from a local public organization and then institutionally integrated into the city's public administration system, became a key element in organizing refugee assistance. However, it operated under conditions of regulatory instability, reduced funding, and increasing administrative control. The Krasnoyarsk experience, recognized as exemplary for the province, demonstrates the contradictions in the interactions between central authorities, municipalities, and the public. The city government's position in organizing refugee assistance proved ambivalent: on the one hand, it acted as the main agent of practical assistance and an intermediary between the state, society, and refugees; on the other, it became hostage to financial constraints and the centralization of refugee management. The study complements the national picture of the refugee crisis by demonstrating the specificity of East Siberian cities as spaces of forced, poorly prepared, but large-scale social mobilization, which creates the basis for further comparative studies of regional models of response to wartime challenges.

Keywords: refugees, Eastern Siberia, city public administration, Committee for Aid to Refugees, Krasnoyarsk, The First World War.

1. Введение

Одним из ключевых вызовов для властей Российской империи в годы Первой мировой войны стала организация помощи беженцам. Перемещение 5–7,5 млн человек из западных регионов в тыловые губернии превратилось в масштабную социальную и гуманитарную проблему. За Урал к началу 1917 г. было направлено, по разным оценкам, до 114,6 тыс. человек (около 3 % от общего числа). Правительство изначально не планировало эвакуацию в Восточную Сибирь из-за ее удаленности, а сами беженцы избегали региона по причине сурового климата. Тем не менее, с августа 1915 г. началась их организованная переброска сюда. Распределением и обустройством прибывавших занимались органы городского самоуправления, переселенческое управление и благотворительные организации под контролем губернаторов.

Цель настоящей статьи – проанализировать организацию приема и размещения беженцев в городах Восточной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 г. на примере Красноярск Енисейской губернии. Такого рода исследования позволяют составить целостное представление о положении беженцев в губерниях Российской империи и региональных механизмах разрешения социально-гуманитарных кризисов в военный период.

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), agruzdev@sfu-kras.ru (A.A. Gruzdev), fukidid2007@yandex.ru (O.G. Alekseev), imakarchuk@sfu-kras.ru (I.Y. Makarchuk)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования опирается на документы Государственного архива Красноярского края (ГАКК, Красноярск, Российская Федерация) и публикации местной периодической печати. Фонд Красноярской городской управы (Ф. 161) включают материалы по созданию Комитета помощи беженцам, отчеты городского головы С.И. Потылицына, а также официальную переписку с Министерством внутренних дел, губернатором Я.Г. Гололобовым и общественными организациями. Источники позволяют реконструировать численность беженцев, объемы казенного финансирования пайкового довольствия и меры властей на губернском и городском уровнях. Периодическая печать представлена журналом «Вестник Красноярского городского общественного управления» (1915–1917 гг.), фиксирующим текущую деятельность органов местного самоуправления в военное время. Хроники, протоколы и статьи отражают содержание губернских и городских совещаний, работу Комитета помощи беженцам и благотворительных организаций. Публикации показывают изменение позиции региональных властей по ключевым аспектам беженской политики, происходившее под влиянием правительственного курса.

В процессе работы применялись следующие методы: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-системный. На основе проблемно-хронологического метода выстроена структура работы, проведено последовательное выявление, анализ и изложение исторических фактов с акцентом на ключевых проблемах организации помощи беженцам. В частности, метод позволил реконструировать события с июля 1914 г. по февраль 1917 г.: учреждение красноярского Комитета помощи беженцам, его интеграцию в систему городского общественного управления, функционирование в условиях сокращения финансирования при одновременном усилении административного контроля. Историко-генетический метод обеспечил анализ траектории развития Комитета: трансформацию конкретных практик помощи, механизмов размещения беженцев, становление отношений с городскими властями, формирование кадрового состава. Историко-системный метод применен для воссоздания общей системы помощи беженцам в Красноярске, а также изучения отношений между правительством, органами городского самоуправления, общественностью и беженцами.

3. Обсуждение

К настоящему времени в историографии существует значительное количество научных работ, посвященных анализу государственной политики Российской империи по формированию системы попечения о беженцах в годы Первой мировой войны. В их числе исследования, освещающие учет численности и социального состава беженского контингента, проблемы его размещения, а также усилия властей по приему и устройству беженцев (Курцев, 1999; Гетрелл, 2001; Белова, 2013 и др.).

Особое внимание уделяется вопросу о взаимоотношениях государства и общества в деле организации помощи беженцам. Историки рисуют картину их сложного сотрудничества-противостояния и значительное структурное разнообразие. С началом беженского кризиса военные власти обратились за помощью к Всероссийскому земскому союзу, располагавшему развитой инфраструктурой, финансовыми ресурсами и опытом эвакуации раненых. Поскольку беженцы прибывали преимущественно по железным дорогам в города, их расселением и поддержкой занялись местные органы самоуправления. Наряду с беженскими комитетами городских управ работали также отделения Всероссийских земского союза и союза городов, Татьянинского комитета. Закон от 30 августа 1915 г. возложил заботу о нуждах беженцев на Министерство внутренних дел и подведомственные ему структуры. Под председательством министра было учреждено Особое совещание по устройству беженцев (Особож). На местах координацию осуществляли главноуполномоченный по устройству беженцев, губернаторы, градоначальники, земства и городские общественные управления. Однако в сентябре 1915 г. Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов создали Объединенный отдел по устройству беженцев. В конце 1916 г. Союз городов учредил собственный отдел для руководства финансируемыми им беженскими учреждениями, что привело к роспуску Объединенного отдела.

В марте 1916 г. были утверждены «Руководящие положения по устройству беженцев», согласно которым общее руководство беженским делом возлагалось на губернаторов и градоначальников, а непосредственное попечение о них – на местное самоуправление. Распределением казенных пособий должна была заниматься администрация, а благотворительным организациям отводилась вспомогательная роль (выдача одежды, содействие обучению детей и т. д.). В этот же период правительство взяло курс на сокращение расходов: в третьем квартале года общий кредит на содержание беженцев был урезан наполовину, в четвертом квартале планировалось лишить пайков беженцев, вышедших на сельскохозяйственные работы, что вызвало резкую негативную реакцию всех общественных сил. Таким образом, разногласия государства и общественности касались, прежде всего, распределения компетенций и ресурсов, что в итоге привело к росту взаимного недоверия и обнажило низкий уровень их способности к сотрудничеству (Букалова, 2016; Суржилова, 2026).

В исследованиях на материалах сибирских губерний зафиксировано явное намерение государства направлять беженцев в регионы с дефицитом трудовых ресурсов, одновременно решая проблемы земельного обеспечения крестьян в центральных губерниях России. Однако фактически в сибирском социуме беженцы смогли занять лишь нишу малооплачиваемых батраков (Нам, 2003; Рынков, 2015 и др.). В городах спешно созданные комитеты помощи беженцам работали в тесном сотрудничестве с переселенческим ведомством, комитетами Всероссийского союза городов и отделами Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и другими благотворительными и национальными организациями, однако не смогли в полной мере решить возложенные на них задачи (Чудаков, 2000; Щетинина, 2007; Чудаков, 2011; Ростов, Горелов, 2015 и др.). На территории уездов также не удалось организовать эффективную систему поддержки беженцев. Среди сибиряков преобладало убеждение, что все расходы по содержанию беженцев и выселенцев должно нести исключительно государство (Долидович, 2018a; Долидович, 2018b).

Положение беженцев в Енисейской губернии, и в частности в Красноярске, освещено в немногочисленных статьях. К началу 1917 г. в губернии насчитывалось около 12,5 тыс. беженцев, которые не могли полноценно интегрироваться в принимающее сообщество, поскольку нередко местное население воспринимало их как иждивенцев (Дворецкая, 2016; Dvoretzskaya et al., 2016).

Таким образом, государственно-общественное взаимодействие в вопросах помощи беженцам на сибирском материале в отечественной историографии не рассматривалось, особенно в части механизмов приема и размещения в городах Восточной Сибири, включая Красноярск Енисейской губернии.

4. Результаты

Создание Красноярского комитета помощи беженцам и его ведомственная принадлежность

2 августа 1915 г. городской голова Красноярска С.И. Потылицын получил из Петрограда телеграмму от Сибирского общества помощи больным и раненым воинам. В ней, со ссылкой на сообщение Всероссийского союза городов, сообщалось о планируемой эвакуации беженцев в Сибирь. Кроме того, телеграмма содержала просьбу указать наличие свободных помещений для размещения прибывающих, а также оценить объем необходимой финансовой помощи на организацию питания, санитарно-медицинских мероприятий, устройство яслей и иные нужды (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 4–6).

10 августа 1915 г. Потылицын созвал срочное совещание представителей правительственных и общественных организаций. Он отметил, что город сможет принять 1 тыс. и уезд 2 тыс., всего – не более 3 тыс. человек из-за дефицита жилых помещений, занятых военнопленными. Участники совещания, приблизительно оценив будущие расходы на призрение беженцев, решили запросить у правительства аванс в размере 50 тыс. руб. на организацию врачебной помощи, питательного пункта и найм жилья. К решению этих задач подключились и другие ведомства и организации: Переселенческое управление предложило бараки на 500 человек, больницу на 50 коек и 7 тыс. руб. из переселенческого капитала; Синельниковское благотворительное общество передало под нужды беженцев ночлежный дом и столовую (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 12).

24 августа 1915 г. на базе Красноярского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам был создан Комитет помощи беженцам. Председателем его стал С.А. Жбиковский, заместителем председателя К.Н. Сыромятников, казначеем П.Е. Шмандин. Городская управа просила включить в состав секций комитета тех лиц, которые уже начали соответствующую работу: справочно-трудова (возглавил К.И. Морозов), продовольственная (В.И. Николаев), квартирная (А.А. Кускова), врачебно-санитарная (Н.М. Знаменский), школьная (А.Р. Шнейдер), вокзальная (ксендз Довкон) (Об избрании..., 1915).

Вышедший 30 августа 1915 г. новый закон об обеспечении нужд беженцев предписывал создание комитетов помощи при земствах или городских органах власти. В Красноярске же Комитет помощи беженцам был сформирован при общественной организации, что противоречило законодательным требованиям. В связи с этим 22 сентября 1915 г. Красноярский отдел Сибирского общества помощи больным и раненым воинам обратился в городскую думу с ходатайством о передаче комитета в ведение городского общественного управления. Дума постановила создать Комитет помощи беженцам при городском управлении, включив в его состав представителей ранее созданного при Сибирском обществе Комитета и нескольких гласных городской думы (Закон об обеспечении..., 1915).

На состоявшемся 31 октября 1915 г. совещании по организации помощи беженцам в Енисейской губернии Я.Г. Гололобов отметил, что активную работу проводил лишь Красноярск, где был сформирован специальный комитет при городской думе, в то время как Ачинск и Канск переложили ответственность на местные комитеты Всероссийского союза городов. Он предложил обсудить целесообразность создания комитетов помощи беженцам в уездных городах с подчинением их губернскому комитету, учреждение которого также представлялось необходимым в условиях отсутствия земств для координации общих действий и контроля за отчетностью. Заведующий земледелием и землеустройством А.Р. Мазинг и председатель Красноярского комитета помощи беженцам С.А. Жбиковский выразили сомнение в необходимости создания губернского комитета

помощи беженцам исключительно для согласования действий уездных и участковых органов. Они предложили городским управлениям Красноярска, Ачинска и Канска действовать самостоятельно под общим руководством губернатора. Однако большинством голосов совещание постановило рекомендовать Ачинску и Канску учредить городские комитеты по примеру Красноярска, подчинить их вновь образуемому Губернскому комитету, а также сформировать уездные комитеты (с председателями из числа крестьянских начальников) и участковые комитеты в селах Уяр, Иланское, Тинское, Рыбное, Чернореченское и Больше-Муртинское.

Деятельность Красноярского комитета помощи беженцам до конца 1915 г. не вызывала нареканий со стороны властей. Однако в начале 1916 г. чиновники Енисейского губернского управления обратили внимание на то, что авансы из казенных средств на содержание беженцев губернатор отпускал в распоряжение городского общественного управления, которое, которое в свою очередь, оплачивало все статьи расходов Комитета, не подвергая их предварительному обсуждению. Фактически Красноярский комитет первые шесть месяцев принимал все решения самостоятельно, не вступая во взаимодействие с городской управой. С.А. Жбиковский обосновывал такую практику тем, что комитеты помощи беженцам действовали в чрезвычайных обстоятельствах и не могли приравниваться к постоянным органам городских управлений. По его мнению, они были ближе к структурам Всероссийского союза городов: получали средства непосредственно из государственного казначейства, располагали самостоятельными канцеляриями, имели право привлекать к работе общественных деятелей. В частности, Красноярский комитет напрямую обращался в Отдел по устройству беженцев при Министерстве внутренних дел и в другие министерства, обходя городское управление (*О взаимоотношениях..., 1916*).

По настоянию губернских чиновников 23 января 1916 г. С.И. Потылицын запросил у С.А. Жбиковского подробные сведения о работе комитета: штате служащих (численности, окладах, сроках назначения), израсходованных средствах с момента создания комитета (с разбивкой по секциям и статьям расходов), причинах оказания продовольственной помощи беженцам в Красноярском уезде при наличии уездного комитета. В ответе, предоставленном 30 января 1916 г., С.А. Жбиковский отметил, что городская управа уже получила 12 авансовых отчетов о расходовании средств, отчет по одежде и обуви готовился, а общий отчет за 1915 г. планировалось представить думе и опубликовать в печати. Отдельная отчетность по секциям отсутствовала, поскольку они не вели самостоятельных расходов, данные были общими по комитету. Что касается помощи беженцам, поселенным в ближайших к городу деревнях, то постановление о создании Красноярского уездного комитета вышло лишь 28 декабря 1915 г., но участковые комитеты в 1-м и 2-м крестьянских участках еще не функционировали из-за задержек в утверждении их состава губернатором. Городской комитет удовлетворил просьбы крестьянских начальников, продлив свою деятельность во 2-м участке до 1 марта 1916 г., а 1-й участок передав в ведение местного крестьянского начальника (*ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 87*).

Порядок расходования средств Красноярским комитетом обсуждался 29 февраля 1916 г. на заседании Губернского комитета помощи беженцам. Негативную реакцию чиновников вызвали слова С.А. Жбиковского о том, что председателям секций комитета для работы выдавались авансы в размере от 1 500 до 2 500 руб., а магазинам – до 1 тыс. руб. вперед за будущие закупки, поскольку торговцы отказывались отпускать товары без предоплаты. Главноуполномоченный по устройству беженцев в Сибири генерал-майор П.П. Мейер признал такую практику недопустимой и предписал городскому голове немедленно ее прекратить. Средства из городской казны следовало расходовать только на цели, одобренные управой. Он также потребовал предоставить подробный финансовый отчет до 1 марта 1916 г. В знак несогласия с такой постановкой дела С.А. Жбиковский объявил об оставлении поста председателя комитета. Вслед за ним члены всех секций заявили о сложении полномочий и выразили желание сдать делопроизводственную документацию властям. Для предотвращения перерыва в работе по регистрации беженцев члены комитета просили направить не менее двух служащих городской думы 14 марта к 10 часам утра, которые приняли бы дела (*ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 106–114; 131–132*).

На заседании городской думы 11 марта 1916 г. рассматривался вопрос о необходимости установления жесткого контроля за расходованием средств Комитетом и сокращения штата его сотрудников. К началу 1916 г. в Комитете работали 40 служащих на оплачиваемых должностях (на их содержание уходило 1 431 руб. ежемесячно) и 308 общественных членов – на безвозмездной основе. Дума решила обновить состав комитета за счет активизации работы ранее избранных гласных Я.И. Смолехо и А.П. Трофимова, которые так и не приступили к своим обязанностям. Однако они отказались: работа в секциях была тяжелой, требовала присутствия на протяжении полного рабочего дня и даже более. Предложение привлечь учащихся и учителей к делу помощи беженцам также не прошло, поскольку деятельность комитета требовала серьезного подхода, а не участия в свободное от учебы и основной работы время. Новым председателем Комитета избрали Е.И. Лебедева. Свои обязанности он должен был исполнять бесплатно, в целях экономии средств – привлекать к работе на общественных началах горожан и самих беженцев (*О взаимоотношениях..., 1916: 51–61; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 248*).

Тем не менее, фактически Комитет продолжил работу на прежних основаниях. Например, финансовая отчетность по секциям все так же не велась. И соответственно отчеты городского головы перед губернатором содержали лишь общие сведения о размерах полученных средств, суммах расходов и остатках неиспользованных средств. Документы включали также счета на закупку товаров и материалов, однако они неизменно не детализировались. Реализовать идею о переводе всех сотрудников на неоплачиваемый труд также не удалось. Так, 3 июня 1916 г. Красноярская городская дума рассматривала ходатайство Е.И. Лебедева о назначении ему жалования. Лебедев подчеркивал, что изначально предполагал исполнять обязанности председателя комитета исключительно в свободное от основной деятельности время, подобно другим представителям общественных организаций. Однако выяснилось, что данная должность сопряжена с серьезными обязанностями и ответственностью, как моральными, так и материальными: требовалось оперативно удовлетворять разнообразные запросы беженцев, одновременно проявляя осмотрительность и экономию при расходовании финансовых средств, а также обеспечивать своевременность и точность отчетности, исключая любые финансовые претензии как лично к нему, так и к городскому управлению. С.И. Потылицын поддержал прошение Лебедева и рекомендовал установить ему ежемесячное вознаграждение в размере 200 руб., городская дума сделала соответствующее постановление (*О назначении жалованья..., 1916: 237; В городской управе, 1916: 55*).

Организация помощи беженцам в Красноярске

Приток беженцев в Красноярск начался с середины августа 1915 г. Первоначально система оказания помощи пострадавшим в городе оставляла желать лучшего. Так, на заседании городской думы 24 августа гласный А.П. Трофимов выразил озабоченность положением дел: члены Комитета не встречали прибывавших, беженцев разместили в переполненном пожарном депо, среди эвакуированных были заболевшие дети, не получившие своевременной медицинской помощи. Другой участник заседания, П.С. Троицкий, обратил внимание на проблему отсутствия рабочих мест для беженцев в Красноярске, предложив идею распределения приезжающих по близлежащим населенным пунктам. Гласный П.Е. Шмандин подчеркнул значительную долю женщин среди беженцев и невозможность их трудоустройства и в сельской местности (*Беженцы, 1915; Об избрании..., 1915*).

В течение ближайшего месяца Комитету помощи беженцам удалось наладить системную работу. На заседании городской думы 23 сентября 1915 г. председатель докладывал, что за месяц в город прибыло 1,5 тыс. чел., и ожидалось, что это количество еще удвоится или утроится. Ежедневно беженцам предоставлялось денежное пособие (15 коп.) либо талон на получение бесплатного обеда в столовой. Учитывая ожидавшийся прирост численности нуждающихся, городская дума решила организовать дополнительную столовую – не только для удовлетворения потребностей новых потоков беженцев, но и для оказания аналогичной поддержки раненым военным, возвращавшимся с фронтов. Для размещения беженцев комитет арендовал более 50 частных квартир, на отопление которых ежемесячно требовалось минимум 150 сажень дров. Городская управа разрешила Комитету заготавливать бесплатно вершинник в окрестных лесах, хотя перевозка таких дров обходилась дорого из-за высокой стоимости рабочих рук и лошадей (*Об ассигновании..., 1915; Об отпуске..., 1915*).

31 октября 1915 г. состоялось губернское совещание по организации помощи беженцам. Заведующий земледелием и землеустройством А.Р. Мазинг сообщал, что переселенческое ведомство оказывало беженцам помощь (жилье с отоплением, питание, баня, медицинская помощь) за счет кредитов управления, но только тем, кто заселялся на переселенческие участки. На остальных беженцев средства запрашивались у губернатора, который ранее выделил 3 тыс. руб., однако требовались дополнительные ассигнования. Беженцев размещали в переселенческих пунктах Красноярска, Ачинска, Канска и станции Тинской, причем заняты оказались не только зимние, но и летние бараки, не приспособленные к холодам. Наблюдались вспышки инфекционных заболеваний – сыпной тиф в Красноярске и оспа в Канске. Мазинг призывал избегать большого скопления людей, рекомендовал расселять беженцев преимущественно в уездах. Всего к этому времени через переселенческие пункты губернии прошло 5 тыс. беженцев. Для дальнейшей работы Переселенческому управлению требовалось еще единовременно 2 721 руб. и ежемесячно 8 916 руб. (*ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 69–71*).

Далее С.А. Жбиковский сделал подробный доклад о работе секций Красноярского комитета помощи беженцам. Вокзальная секция принимала прибывавших, регистрировала их и организовывала проживание во временных убежищах (бывший ночлежный дом и один арендованный дом); на вокзале же фельдшерица осматривала приехавших, направляя заболевших в городские амбулатории. Квартирная секция занималась подбором постоянного жилья, вопросами отопления и освещения. Справочно-трудоустроительная секция вела регистрацию трудоспособных с учетом их профессиональной квалификации, помогала с трудоустройством и юридическими консультациями. Продовольственная секция обеспечивала выдачу продуктовых пайков (15 коп. на человека или бесплатные обеды – два блюда, чай с двумя кусками сахара и белый хлеб) и снабжала теплой одеждой и обувью (в приоритете были школьники, а также те, кто трудоустроивался или выезжал на место

жительства в села). Врачебно-санитарная секция (несколько фельдшерц, без штатного врача) направляла больных к городским медикам, аптеки предоставляли им лекарства со скидкой. Школьная секция распределяла детей по школам и приютам, обеспечивая завтрак (дополнительный хлебный паек – 1/3 фунта хлеба). За весь период Комитет оказал помощь около 1,3 тыс. семьям, его еженедельные расходы составляли примерно 10 тыс. руб.

Совещание настоятельно рекомендовало всем комитетам помощи беженцам Енисейской губернии ориентироваться на опыт Красноярского комитета. Помимо ассигнованных ранее на помощь беженцам в губернии 75 тыс. руб., требовалось дополнительно не менее 100 тыс. руб. правительственных средств в виде срочных авансов (30 тыс. руб. Красноярску, по 15 тыс. руб. – Канску, Ачинску и заведующему землеустройством и переселением) ([О принятии к сведению..., 1915](#)).

По состоянию на начало 1916 г. в Красноярске было зарегистрировано 1 039 семей беженцев (958 мужчин, 1 292 женщин и 1 533 детей, всего 3 783 человек) Кроме того, Комитет оказывал помощь беженцам, поселившимся в районе 2-го крестьянского участка (села Торгашино, Базаиха, Самарка и станция Сорокино). Комитет сместил акцент на оказание трудовой помощи, одновременно решая вопросы обучения детей беженцев. Всех трудоспособных регистрировало Бюро труда, куда поступали запросы на беженский труд от частных лиц и государственных учреждений. В специально организованной сапожной мастерской беженцы ремонтировали обувь для своих семей и по заказу военного госпиталя изготавливали больничные туфли. Тем, кто не был занят уходом за малолетними или больными, предлагалась «подходящая по профессиональной подготовке и нормально оплачиваемая» работа. При трехкратном отказе от таких предложений их снимали с продовольственного пайка. Продовольственная и жилищная помощь предоставлялась до получения первого заработка. Далее Комитет оценивал, достаточно ли дохода работника для содержания семьи и определял объем дальнейшей поддержки. Калек и нетрудоспособных направляли в близлежащие деревни, обязуя сельские общества предоставить им одежду, жилье и топливо. В Красноярске для детей беженцев открыли детский дом на 30 мест, ясли на 20 детей. «Беженская школа», которую посещали 168 детей обоего пола, была переполнена, поэтому планировалось открыть вторую. Еще 106 детей посещали городские учебные заведения (начальные училища, гимназии, учительскую семинарию и др.) ([ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 120–120об.](#)).

Весной 1916 г. государственная политика в отношении беженцев существенно ужесточилась в связи с экономией финансовых средств. Так, после утверждения «Руководящих положений по устройству беженцев» минимальная норма суточного содержания на питание человека устанавливалась в диапазоне от 15 до 20 коп., независимо от возраста. Однако денежные компенсации рассчитывались дифференцированно: на семью из 4 человек выдавалось 4 пайка, при большем составе – на каждого нетрудоспособного лишь половина пайка, например, на семью из 6 человек полагалось лишь 5 пайков. На найм квартир выдавалось не более 1 руб. 50 коп. в месяц на человека в уездах и не свыше 2 руб. 50 коп. в городах ([ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 106–106об.](#)).

12 марта 1916 г. уполномоченный по устройству беженцев в Сибири генерал-майор П.П. Мейер указал на необходимость приступить к расселению беженцев в сельской местности. Лица, отказывавшиеся переехать и заняться сельскохозяйственными работами, утрачивали право на государственную помощь. В Восточной Сибири это вызвало резко негативную реакцию беженцев, которые в основной массе своей рассматривали свое пребывание в этом регионе как временное и стремились как можно скорее вернуться на родину. Например, согласно распоряжению иркутского губернатора в апреле 1916 г. беженцам дали три дня на выбор места проживания в уезде, после чего их лишали права выбора, пайка и вывозили туда, куда назначал комитет Союза городов. Никто из беженцев не желал выезжать в уезд, они с горечью говорили: «Мы не пойдем, лучше утопите нас в Ангаре», «В Сибири худой народ – людей режут» и т. п. Многие просили разрешения вернуться обратно в европейскую часть страны, однако Министерство внутренних дел отменило выдачу удостоверений на льготный проезд на запад. Беженцам из сельской местности запрещалось возвращаться в города, они могли получить лишь «экстренные отзывы» на передвижение по железной дороге в пределах губернии. Несмотря на запрет, беженцы самостоятельно приобретали проездные билеты, а в конце 1916 г. после получения официального разрешения властей уезжали на родину уроженцы западных губерний ([Вопрос о беженцах, 1916; Право передвижения..., 1916](#)).

Беженцы Красноярска также не стремились к переселению и обустройству на территории уезда по ряду взаимосвязанных причин. Во-первых, в сельских районах отсутствовал фонд свободного жилья для массового приема людей, а дефицит топлива усугублялся мобилизацией мужского трудоспособного населения. Во-вторых, среди беженцев преобладали женщины с детьми, что создавало проблему с обработкой пахотных земель: без достаточного количества рабочих рук сельское хозяйство не могло обеспечить пропитание новоприбывшим. В-третьих, в городах беженцам была доступна бесплатная медицинская помощь, их дети могли посещать школы, а также функционировала сеть благотворительных обществ. В уездах же практически отсутствовали медицинские и образовательные заведения, а также благотворительные организации, способные оказывать беженцам системную поддержку. Такая ситуация во многом объяснялась низким уровнем

жизни местных крестьян, среди которых было значительное число недавних переселенцев, и которые сами нуждались в помощи на протяжении длительного периода обзаведения хозяйством.

Городские власти и жители Красноярска сочувствовали тяжелому положению беженцев, что нашло отражение в публикациях местной прессы. Однако и тех и других беспокоила дополнительная финансовая нагрузка на городской бюджет. Несмотря на покрытие прямых расходов из государственной казны, часть затрат на призрение беженцев компенсировал город – в частности, жалование служащих Комитета, единовременные пособия, квартирное довольствие, приюты для детей, амбулатория и лечение в городских больницах, обучение детей, одежда и обувь и др. Кроме того, высокой была нагрузка на инфраструктуру – происходило ухудшение санитарных условий проживания, снижение доступности медицинской помощи, росли цены на предметы первой необходимости, прежде всего на продовольствие. Беспокойство властей и горожан было отнюдь не беспочвенным. В военное время доходы Красноярска (как и других городов) сократились (в частности, из-за потери поступлений от сборов с заведений, торговавших спиртным, в связи с введением сухого закона, а также роста недоимок среди призванных на фронт), а расходы значительно выросли (на военный постой, призрение семей мобилизованных и т.д.). Благотворительные сборы давали ничтожные результаты. В итоге уже во второй половине 1916 г. дефицит средств вынудил сокращать финансирование деятельности городских попечительств (ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 245. Л. 57–62).

Со второй половины 1916 г. и до конца рассматриваемого периода процедура рассмотрения смет на беженцев оставалась неизменной: губернские совещания анализировали денежные ведомости организаций, непосредственно занимавшихся помощью беженцам; затем они направлялись в Особое совещание, которое ассигновало средства через губернаторов. Сметы составлялись на три месяца вперед с одновременной подачей отчетов за предыдущий период. В то же время казенные пособия для беженцев сокращались. Так, расходы по содержанию беженцев Комитета помощи беженцам в Красноярске составили: с 14 марта по 1 июля 1916 г. – 59 821 руб. 71 коп. (из них 38 100 руб. т.е. 64 % было выделено городом); в октябре – декабре 1916 г. – 44 518 руб.; январе – марте 1917 г. – 46 400 руб. (доля города не уточняется) (В городской управе, 1916; В городской управе, 1917).

5. Заключение

Во второй половине 1915 г. взаимодействие комитетов помощи беженцам с муниципальными и губернскими властями носило конструктивный характер. Оно продемонстрировало эффективность сотрудничества в условиях гуманитарного кризиса, позволив решить ряд ключевых задач: организовать питание, предоставить жилье и медицинскую помощь тысячам нуждающихся, а также обеспечить обучение детей беженцев. Хотя приток беженцев в Восточную Сибирь был меньше, чем в западные регионы империи, слабая инфраструктура городов обострила дефицит жилья, топлива и других ресурсов, вызвав обеспокоенность местного населения. С началом 1916 г. государственная политика в отношении беженцев и помогающих им организаций претерпела изменения: сокращалось правительственное финансирование, возросло давление на бюджеты городских комитетов, усилились требования к переселению беженцев в сельскую местность, были введены ограничения их передвижения. Такой курс подрывал устойчивость и эффективность сложившейся системы помощи, а также был признан несправедливым как самими беженцами, так и общественными деятелями, работавшими в организациях помощи.

Литература

- Беженцы, 1915 – Беженцы // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 16. С. 18-19.
- Белова, 2013 – Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013. Вып. 12. С. 51-62.
- Букалова, 2016 – Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I Мировой войны // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 3. С. 61-79.
- В городской управе, 1916 – В городской управе // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 23–24. С. 55.
- В городской управе, 1917 – В городской управе // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1917. № 5–6. С. 46-47.
- Вопрос о беженцах, 1916 – Вопрос о беженцах // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 9–10. С. 45-46.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гетрелл, 2001 – Гетрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // *Исторические записки*. 2001. № 4 (122). С. 46-72.
- Дворецкая, 2016 – Дворецкая А.П. Милосердная помощь беженцам Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии) / *Социальное служение Православной Церкви: проблемы,*

практики, перспективы: материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 111-117.

Долидович, 2018a – Долидович О.М. Совещание 21–22 ноября 1915 г. О приеме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 3 (75). С. 20-26.

Долидович, 2018b – Долидович О.М. Беженцы в губерниях Восточной Сибири (1914–1917 гг.) / *Сибирь многонациональная: материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: ООО «Резонанс», 2018. С. 175-178.

Закон об обеспечении..., 1915 – Закон об обеспечении нужд беженцев // *Енисейские губернские ведомости*. 1915. № 74. С. 1-2.

Курцев, 1999 – Курцев А.Н. Беженство // *Россия и I Мировая война: материалы международного научного colloquiuma*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129-147.

Нам, 2003 – Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны / *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: четвертые научные чтения памяти А.П. Бородавкина*. Барнаул, 2003. С. 276-278.

Об ассигновании..., 1915 – Об ассигновании Комитету помощи беженцам бесплатно 100 погонных сажень дров и до 1 000 сажень по заготовительной цене // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 15. С. 405-407.

Об избрании..., 1915 – Об избрании Комитета помощи беженцам в г. Красноярске и о созыве съезда представителей городов по этому вопросу // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 15. С. 400-404.

Об отпуске..., 1915 – Об отпуске Комитету о беженцах 100 рублей ежемесячно на содержание столовой и 300 руб. единовременно на оборудование последней // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 15. С. 407-408.

О взаимоотношениях..., 1916 – О взаимоотношениях Городского общественного управления и Комитета помощи беженцам // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 6–7. С. 85-96.

О назначении жалования..., 1916 – О назначении жалования председателю Красноярского комитета помощи беженцам Е.И. Лебедеву // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 14–15. С. 236-238.

О принятии к сведению..., 1915 – О принятии к сведению доклада Городского головы по вопросу учреждения губернского и уездных комитетов помощи беженцам // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 21–22. С. 522-528.

Право передвижения..., 1916 – Право передвижения беженцев // *Вестник красноярского городского общественного управления*. 1916. № 11. С. 40-41.

Реорганизация помощи..., 1916 – Реорганизация помощи беженцам // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 11. С. 39-40.

Ростов, Горелов, 2015 – Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2015. № 4. С. 86-89.

Рынков, 2015 – Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. № 3 (22). С. 70-75.

Суржикова, 2016 – Суржикова Н.В. Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам печати) // *Вестник Пермского университета*. 2016. № 1 (32). С. 122-133.

Чудаков, 2000 – Чудаков О.В. Деятельность Омского городского самоуправления по организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны / *Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе Отечественной истории*. Омск: 2000. С. 183-188.

Чудаков, 2011 – Чудаков О.В. Городское самоуправление в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) // *Вестник Омского университета*. 2011. № 3. С. 146-154.

Щетинина, 2007 – Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4-2. С. 177-182.

Dvoretzskaya et al., 2016 – Dvoretzskaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1360-1367.

References

Belova, 2013 – Belova, I.B. (2013). Bezhtentsy Pervoi mirovoi voiny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeyatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniya [Refugees of the First World War from the Western Regions of the Russian Empire: Providing for Living in Places of Temporary Residence]. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*. 12: 51-62. [in Russian]

- [Bezheritsy, 1915](#) – Bezheritsy [Refugees]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 16: 18-19. [in Russian]
- [Bukalova, 2016](#) – Bukalova, S.V. (2016). Rol' mestnogo samoupravleniya v organizatsii pomoshchi bezhentsam v gody I Mirovoi voyny [The role of local government in organizing assistance to refugees during World War I]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 3: 61-79. [in Russian]
- [Chudakov, 2000](#) – Chudakov, O.V. (2000). Deyatel'nost' Omskogo gorodskogo samoupravleniya po organizatsii pomoshchi bezhentsam v gody Pervoi mirovoi voyny [Activities of the Omsk city government in organizing assistance to refugees during the First World War]. *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo kraevedeniya v vuzovskom kurse Otechestvennoi istorii*. Omsk, pp. 183-188. [in Russian]
- [Chudakov, 2011](#) – Chudakov, O.V. (2011). Gorodskoe samoupravlenie v Tomskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.) [Municipal self-government in Tomsk province during the First World War (July 1914 – February 1917)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 3: 146-154. [in Russian]
- [Dolidovich, 2018a](#) – Dolidovich, O.M. (2018). Soveshchanie 21–22 noyabrya 1915 g. O prieme i razmeshchenii bezhentsov v predelakh Irkutskogo general-gubernatorstva [Meeting of November 21–22, 1915 On the reception and placement of refugees within the Irkutsk Governorate-General]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(75): 20-26 [in Russian]
- [Dolidovich, 2018b](#) – Dolidovich, O.M. (2018). Bezheritsy v guberniyakh Vostochnoi Sibiri (1914–1917 gg.) [Refugees in the provinces of Eastern Siberia (1914–1917)]. *Sibir' mnogonatsional'naya: materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma*. Krasnoyarsk: OOO «Rezonans». Pp. 175-178. [in Russian]
- [Dvoretzkaya et al., 2016](#) – Dvoretzkaya A.P., Zhulaeva A.S., Luschaeva G.M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*. 42(4): 1360-1367.
- [Dvoretzkaya, 2016](#) – Dvoretzkaya, A.P. (2016). Miloserdnaya pomoshch' bezhentsam Pervoi mirovoi voyny (na primere Eniseiskoi gubernii) [Merciful assistance to refugees of the First World War (using the Yenisei province as an example)]. *Sotsial'noe sluzhenie Pravoslavnoi Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RKHGA. Pp. 111-117. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk Krai].
- [Getrell, 2001](#) – Getrell, P. (2001). Bezheritsy v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Refugees in Russia during the First World War]. *Istoricheskie zapiski*. 4(122): 46-72. [in Russian]
- [Kurtsev, 1999](#) – Kurtsev, A.N. (1999). Bezhenstvo [Refugee]. *Rossiya i I Mirovaya voyna: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. SPb.: Dmitrii Bulanin. Pp. 129-147. [in Russian]
- [Nam, 2003](#) – Nam, I.V. (2003). Chislennost' i natsional'nyi sostav bezhentsov v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voyny [The number and national composition of refugees in Siberia during the First World War]. *Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: chetvertye nauchnye chteniya pamyati A.P. Borodavkina*. Barnaul. Pp. 276-278. [in Russian]
- [O naznachenii zhalovan'ya..., 1916](#) – O naznachenii zhalovan'ya predsedatelyu Krasnoyarskogo komiteta pomoshchi bezhentsam E.I. Lebedevu [On the appointment of a salary for the Chairman of the Krasnoyarsk Committee for Assistance to Refugees, E.I. Lebedev]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. № 14–15: 236-238. [in Russian]
- [O prinyatii k svedeniyu..., 1915](#) – O prinyatii k svedeniyu doklada Gorodskogo golovy po voprosu uchrezhdeniya gubernskogo i uezdnykh komitetov pomoshchi bezhentsam [On familiarization with the report of the City Mayor on the issue of establishing provincial and district committees for assistance to refugees]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. № 21–22: 522-528. [in Russian]
- [O vzaimootnosheniyakh..., 1916](#) – O vzaimootnosheniyakh Gorodskogo obshchestvennogo upravleniya i Komiteta pomoshchi bezhentsam [On the relationship between the City Public Administration and the Refugee Assistance Committee]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. № 6–7: 85-96. [in Russian]
- [Ob assignovanii..., 1915](#) – Ob assignovanii Komitetu pomoshchi bezhentsam besplatno 100 pogonnykh sazhenei drov i do 1 000 sazhenei po zagotovitel'noi tsene [On the provision of 100 fathoms of firewood free of charge to the Refugee Assistance Committee and up to 1 000 fathoms at the procurement price]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 15: 405-407. [in Russian]
- [Ob izbrani..., 1915](#) – Ob izbranii Komiteta pomoshchi bezhentsam v g. Krasnoyarske i o sozyve s"ezda predstavitelei gorodov po ehtomu voprosu [On the election of the Committee for Assistance to Refugees in the city of Krasnoyarsk and on the convening of a congress of city representatives]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 15: 400-404. [in Russian]
- [Ob otpuske..., 1915](#) – Ob otpuske Komitetu o bezhentsakh 100 rublei ezhemesyachno na sodержanie stolovoi i 300 rub. edinovremenno na oborudovanie poslednei [On the leave to the Refugee Committee of 100 rubles monthly for the maintenance of the canteen and 300 rubles at a time for the equipment of the latter] *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 15: 407-408. [in Russian]
- [Pravo peredvizheniya..., 1916](#) – Pravo peredvizheniya bezhentsov [Right of movement for refugees]. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 11: 40-41. [in Russian]

[Reorganizatsiya pomoshchi..., 1916](#) – Reorganizatsiya pomoshchi bezhentsam [Reorganization of aid to refugees]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 11: 39-40. [in Russian]

[Rostov, Gorelov, 2015](#) – Rostov, N.D., Gorelov, Yu.P. (2015). Priem bezhentsov v g. Irkutsk i Irkutskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny [Reception of refugees in the city of Irkutsk and the Irkutsk province during the First World War]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 4: 86-89. [in Russian]

[Rynkov, 2015](#) – Rynkov, V.M. (2015). Bezhentsy i primimayushchii sotsium: k kharakteristike sotsial'noi mobil'nosti v gody Pervoi mirovoi voyny [Refugees and the host society: characterizing social mobility during the First World War]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3(22): 70-75. [in Russian]

[Shchetinina, 2007](#) – Shchetinina, A.S. (2007) Bezhentsy i grazhdanskii internirovannyye na yuge Zapadnoi Sibiri (1915–1920-e gg.) [Refugees and civilian internees in southern Western Siberia (1915–1920s)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2: 177-182. [in Russian]

[Surzhikova, 2016](#) – Surzhikova, N.V. (2016). Problema bezhentsov v konfliktakh i kompromissakh vlastei i obshchestvennosti Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (po materialam pechaty) [The refugee problem in the conflicts and compromises between the authorities and the public in Russia during the First World War (based on press materials)]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1(32): 122-133. [in Russian]

[V gorodskoi uprave, 1916](#) – V gorodskoi uprave [At the city administration]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. № 23–24: 55. [in Russian]

[V gorodskoi uprave, 1917](#) – V gorodskoi uprave [At the city administration]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1917. № 5–6: 46-47. [in Russian]

[Vopros o bezhentsakh, 1916](#) – Vopros o bezhentsakh [The issue of refugees]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 9–10: 45-46. [in Russian]

[Zakon ob obespechenii..., 1915](#) – Zakon ob obespechenii nuzhd bezhentsov [Law on Providing for the Needs of Refugees]. *Eniseiskie gubernskie vedomosti*. 1915. 74: 1-2. [in Russian]

Прием и размещение беженцев в городах Восточной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 г. (на материалах Красноярска Енисейской губернии)

Олеся Михайловна Долидович ^{a, *}, Андрей Александрович Груздев ^a, Олег Геннадьевич Алексеев ^a, Иван Юрьевич Макаrchuk ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается организация помощи беженцам в городах Восточной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 г. на примере Красноярска Енисейской губернии. На основе документов Государственного архива Красноярского края и материалов периодической печати реконструированы институциональная структура и практические механизмы приема, размещения, питания, медицинского обеспечения, трудоустройства и обучения детей.

Показано, что Красноярский комитет помощи беженцам, сформированный на базе местной общественной организации и затем институционально встроенный в систему городского общественного управления, стал ключевым звеном в организации помощи беженцам. При этом он функционировал в условиях нормативной нестабильности, сокращения финансирования и усиливавшегося административного контроля. Красноярский опыт, признанный образцовым для губернии, демонстрирует противоречия во взаимодействии центральных властей, муниципалитетов и общественности. Попытки форсированного переселения беженцев в сельскую местность, сокращение казенных пособий, ужесточение критериев получения пайков усиливали конфликт между центральными и региональными властями, городской общественностью и самими беженцами, воспринимавшими Восточную Сибирь как временное убежище и стремившихся к возвращению на родину. Таким образом, позиция городского самоуправления в деле организации помощи беженцам оказалась двойственной: с одной стороны, оно выступило главным агентом практической помощи и посредником между государством, обществом и беженцами; с другой – стало заложником финансовых ограничений и централизации управления беженским делом.

Исследование дополняет общероссийскую картину беженского кризиса, демонстрируя специфику восточносибирских городов как пространства вынужденной, слабо подготовленной, но масштабной социальной мобилизации общества, что создает основу для дальнейших сравнительных исследований региональных моделей реакции на вызовы военного времени.

Ключевые слова: беженцы, Восточная Сибирь, городское общественное управление, Комитет помощи беженцам, Красноярск, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович), agruzdev@sfu-kras.ru (А.А. Груздев), fukidid2007@yandex.ru (О.Г. Алексеев), imakarchuk@sfu-kras.ru (И.Ю. Макаrchuk)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(2): 1086-1095
DOI: 10.13187/bg.2026.2.1086

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Russian Empire and Primary Education: the Number of School-Age Children and the Number of Students on January 1, 1915 (Using the European Part of the Country as an Example)

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, c, *}, Larisa A. Koroleva ^d, Valentina S. Nikitina ^e

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

Based on archival materials, the paper examines the results of the primary education system of the Russian Empire as of 1915. The attention is paid to the number of school-age children and the number of students, as well as the impact of various processes on these results.

The authors made the following conclusions:

1. By 1915, the primary education system in the European part of the Russian Empire had reached a fairly high school-age enrollment rate of 54.9 %, which was significantly higher than in the Asian part of the Empire (24.9 %);

2. The highest enrollment rate was observed in the central and northwestern regions of the empire, primarily in the Moscow (69.8 %) and Petrograd (64.8 %) educational districts. This indicates a higher density of the school network and a well-developed infrastructure;

3. Educational districts with a predominance of Russian-speaking and Orthodox populations demonstrated higher rates of children's involvement in school education. This is especially noticeable in the example of the Moscow, Petrograd and Tula provinces;

4. Low school enrollment rates were recorded in the national outskirts of the Russian Empire, primarily the Transcaspian region (11.4 %), the Dagestan region (6.6 %) and some provinces of the Kingdom of Poland. This indicates the uneven educational policy and the difficulty of integrating peripheral regions into the imperial public education system;

5. Unlike the Asian part of the Russian Empire, in the European provinces, the decisive factor in educational inequality was not the sparsely populated territories, but the ethnocultural and confessional characteristics of the population;

6. The research materials show that by the beginning of the 20th century, the public education system of the Russian Empire was actively expanding, but the First World War and subsequent revolutionary events interrupted the further implementation of educational reforms.

Keywords: Russian Empire, primary education, school-age children, statistical research, January 1, 1915, European part of the state.

1. Введение

Ввиду значительного количества территориальных образований на территории европейской части Российской империи мы решили представить эту территорию по учебным округам по состоянию

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

на 1915 г. Всего в выборку вошли 70 регионов (губерния, область), которые входили в состав следующих учебных округов: Петроградский, Московский, Казанский, Оренбургский, Харьковский, Одесский, Киевский, Виленский, Варшавский, Рижский и части Кавказского. Ранее мы рассматривали степень охвата детей школьного возраста на территории азиатской части Российской империи ([Cherkasova et al., 2026: 522-526](#)), настоящая работа является продолжением этого исследования.

2. Материалы и методы

Материалами нашей работы стали архивные документы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Так, нами были использованы материалы статистической диаграммы детей начального школьного возраста (8–11 лет), а также их количества среди учащихся по данным на 1 января 1915 г. Выборка сделана нами только по регионам европейской части Российской империи.

Работа опирается на комплексную историко-педагогическую и историко-статистическую методологию. Историко-генетический метод позволил проследить процесс формирования системы начального образования в Российской империи и выявить причины различий в уровне школьного охвата между регионами. Благодаря этому методу можно проследить, как государственная образовательная политика, этноконфессиональная структура населения и особенности регионального развития влияли на распространение школьного образования.

Историко-сравнительный метод является одним из ключевых методов нашего исследования, так как он позволяет сопоставить не только учебные округа между собой или губернии и области, но и регионы с различным этнокультурным и конфессиональным составом населения. Именно этот метод позволил нам выделить лидеров и антилидеров по уровню школьного охвата.

Историко-статистический метод является базовым в нашем исследовании, так как работа основана на количественных данных. Этот метод позволил проанализировать численность детей школьного возраста, вычислить процент охвата образованием, а также выявить динамику и региональные диспропорции.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования многочисленна, постараемся представить ее по округам. Среди губерний Санкт-Петербургского учебного округа предметно изучена система народного образования только Вологодской губернии ([Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c](#)). Среди губерний Казанского учебного округа предметно изучались Вятская и Астраханская губернии ([Magsumov et al., 2018; Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2022a](#)).

В свою очередь Харьковский учебный округ изучен лучше всех. Здесь имеются публикации как непосредственно по истории учебного округа ([Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020](#)), так и по истории начального образования на территории губерний: Харьковская губерния ([Rajović, Bratanovskii, 2023; Rajović, Bratanovskii, 2024](#)), Воронежская ([Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a](#)), Донская область ([Rajović et al., 2023; Rajović et al., 2023a; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#)), Тамбовская ([Rajović et al., 2023b; Rajović et al., 2023c](#)), Пензенская ([Mamadaliev et al., 2022; Mamadaliev et al., 2022a; Mamadaliev et al., 2022b](#)).

На территории Киевского учебного округа хорошо изучена Волынская губерния ([Cherkasov et al., 2021; Cherkasov et al., 2021a; Cherkasov et al., 2022](#)). В свою очередь на территории Виленского учебного округа изучена Виленская губерния ([Natolochnaya et al., 2019; Natolochnaya et al., 2019a; Natolochnaya et al., 2020](#)). На территории Оренбургского учебного округа изучена Оренбургская губерния ([Magsumov, Zulfugarzade, 2020; Magsumov et al., 2020](#)). И наконец на территории части Кавказского учебного округа изучены: Тифлисская ([Mamadaliev et al., 2020; Mamadaliev et al., 2020a; Mamadaliev et al., 2020b; Mamadaliev et al., 2020c](#)), Кубанская область ([Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020](#)), Черноморская губерния ([Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a](#)) и другие регионы.

В целом же можно охарактеризовать степень изученности темы как – значительно изучена.

4. Результаты

К 1915 г. в Российской империи насчитывалось 15 учебных округов, 10 из них находились в европейской части Российской империи, а одно – Кавказский учебный округ Северным Кавказом в состав европейской части, а Закавказьем в состав азиатской части страны. Для лучшей визуализации мы свели учебные округа европейской части Российской империи в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Европейская часть Российской империи, количество детей школьного возраста и количество школьников на 1 января 1915 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1; Cherkasov, 2023: 1684-1689)

№	Губерния, область	Количество детей (8–11 лет)	Количество школьников	Процент учащихся
	Петроградский уч. округ			
1	Петроградская	175919	150038	85,2
2	Новгородская	150372	102582	68,2
3	Псковская	139229	65628	47,1
4	Олонецкая	41776	24077	57,7
5	Вологодская	158015	89956	56,9
6	Архангельская	42967	26911	62,7
	Московский уч. округ			
7	Московская	245439	213182	86,8
8	Ярославская	114265	79665	69,7
9	Костромская	163581	97895	59,8
10	Владимирская	179449	131478	73,2
11	Калужская	131716	100028	75,9
12	Нижегородская	185045	116963	63,2
13	Орловская	245647	145630	59,2
14	Рязанская	242197	153107	63,2
15	Смоленская	193090	129552	67,1
16	Тверская	214943	156247	72,7
17	Тульская	167640	131183	78,2
	Казанский уч. округ			
18	Вятская	362248	182837	50,4
19	Казанская	256070	115337	45,0
20	Самарская	342096	207047	60,5
21	Саратовская	287971	209231	72,6
22	Симбирская	195781	85646	43,7
23	Астраханская	116326	44197	38,0
	Оренбургский уч. округ			
24	Пермская	360731	197571	54,7
25	Уфимская	279141	111046	39,7
26	Оренбургская	182769	107874	59,0
27	Уральская	77693	22069	28,4
28	Тургайская	62784	24858	39,6
	Харьковский уч. округ			
29	Воронежская	327290	196038	59,9
30	Курская	291429	170115	58,3
31	Пензенская	170730	91085	53,3
32	Тамбовская	316109	203324	64,3
33	Харьковская	301064	187794	62,3
34	Область Войска Донского	245409	180393	73,5
	Одесский уч. округ			
35	Бессарабская	234266	104606	44,6
36	Екатеринославская	305001	205432	67,3
37	Таврическая	178448	120536	67,5
38	Херсонская	312073	205011	65,7

№	Губерния, область	Количество детей (8–11 лет)	Количество школьников	Процент учащихся
	Киевский уч. округ			
39	Полтавская	332029	195565	58,9
40	Черниговская	280068	158784	56,7
41	Киевская	420031	192571	45,8
42	Волынская	375303	152205	40,5
43	Подольская	362969	154886	42,6
	Виленский уч. округ			
44	Виленская	183658	67511	36,7
45	Витебская	171695	88942	51,8
46	Гродненская	179456	98517	54,9
47	Ковенская	165592	42415	25,6
48	Минская	278135	148348	53,3
49	Могилевская	219730	133581	60,8
50	Холмская	96209	48509	50,4
	Варшавский уч. округ			
51	Варшавская	231333	88321	38,1
52	Калишская	118526	40092	33,8
53	Келецкая	92219	35945	38,9
54	Ломжинская	72376	19517	26,9
55	Люблинская	130405	23138	17,7
56	Петроковская	174159	108895	62,5
57	Плоцкая	69135	18039	26,1
58	Радомская	104793	26943	25,7
59	Сувалкская	63565	18893	29,7
	Рижский уч. округ			
60	Курляндская	68513	36860	53,8
61	Лифляндская	145378	89296	61,4
62	Эстляндская	48331	29302	60,6
	Часть Кавказского уч. округа			
63	Кутаисская	95799	60754	63,4
64	Тифлисская	116082	35566	30,6
65	Тифлисская	13835	7877	57,0
66	Черноморская	112673	49245	43,7
67	Ставропольская	64272	4240	6,6
68	Дагестанская	267502	144049	53,8
69	Кубанская	110384	48289	43,7
70	Терская	45019	5144	11,4
	Закаспийская область			
Итого		13205890	7258408	54,9

Анализируя материалы [Таблицы 1](#) мы можем видеть, что на территории Петроградского учебного округа в 1915 г. находилось 708275 детей школьного возраста, из них за партией находилось 459192 человека или 64,8 %. На территории Московского учебного округа в том же году было 2083012 ребенка школьного возраста, из них за партией – 1454930 учеников или 69,8 %. Казанский учебный округ: детей школьного возраста – 1560492, за партией – 844295 или 54,1 %. Оренбургский учебный округ: детей школьного возраста – 963118, за партией – 463418 или 48,1 %. Харьковский учебный округ: детей школьного возраста – 1652031, за партией – 1028749 или 62,2 %. Одесский учебный округ: детей школьного возраста – 1029788, за партией – 635585 или 61,7 %. Киевский учебный округ: детей школьного возраста – 1770400, за партией – 854011 или 48,2 %. Виленский учебный округ: детей школьного возраста – 1294475, за партией – 627823 или 48,5 %. Варшавский учебный округ: детей школьного возраста – 1056511, за партией – 379783 или 35,9 %. Рижский учебный

округ: детей школьного возраста – 262222, за партой – 155458 или 59,2 %. Часть Кавказского учебного округа: детей школьного возраста – 825566, за партой – 355164 или 43,0 %.

Таким образом, мы можем видеть, что лидером по охвату детей школьного возраста был Московский учебный округ, где общий процент охваченных школами детей составлял 69,8 %, на втором месте был Петроградский учебный округ – 64,8 %, а на третьем месте – Харьковский учебный округ – 62,2 %. В тройку антилидеров входили: Оренбургский учебный округ – 48,1 %, Кавказский учебный округ – 43,0 % и Варшавский учебный округ – 35,9 %. Всего же по европейской части Российской империи охват детей школьного возраста составлял 54,9 %. В отличие от азиатской части Российской империи, которую мы рассматривали ранее, здесь фактор малонаселенности не играл никакой роли, в то время как в регионах с низким числом русскоязычного населения.

Если рассмотреть [Таблицу 1](#) с точки зрения не учебного округа, а регионам (губерния, область), то лидерами окажутся Московская губерния – 86,8 %, Петроградская – 85,2 % и Тульская губерния – 78,2 %. Антилидерами по регионам были два кавказских региона: Закаспийская область – 11,4 %, Дагестанская область – 6,6 %, а также Люблинская губерния (Царство Польское) – 17,7 %.

Напомним, что в европейской части Российской империи количество детей школьного возраста составляло 2207257 детей, из них за партой находилось 551489 или 24,9 % ([Cherkasova et al., 2026: 524](#)). Таким образом на всей территории Российской империи, по состоянию на 1 января 1915 г., насчитывалось 15413147 детей школьного возраста, из них за партой находилось 7809897 учащихся или 50,6 %.

5. Заключение

Проведенные анализы позволяют сделать следующие выводы:

1. К 1915 г. система начального образования в европейской части Российской империи достигла достаточно высокого уровня охвата детей школьного возраста – 54,9 %, что существенно превышало показатели азиатской части империи (24,9 %);
2. Наиболее высокий уровень охвата наблюдался в центральных и северо-западных регионах империи, прежде всего в Московском (69,8 %) и Петроградском (64,8 %) учебном округах. Это свидетельствует о более высокой плотности школьной сети и развитой инфраструктуре;
3. Учебные округа с преобладанием русскоязычного и православного населения демонстрировали более высокие показатели вовлеченности детей в школьное образование. Особенно это заметно на примере Московской, Петроградской и Тульской губерний;
4. Низкие показатели школьного охвата фиксировались в национальных окраинах Российской империи – прежде всего Закаспийской области (11,4 %), Дагестанской области (6,6 %) и некоторых губерниях Царства Польского. Это свидетельствует о неравномерности образовательной политики и сложности интеграции периферийных регионов в общеимперскую систему народного образования;
5. В отличие от азиатской части Российской империи, в европейских губерниях решающим фактором образовательного неравенства выступала не малонаселенность территорий, а этнокультурные и конфессиональные особенности населения;
6. Материалы исследования показывают, что к началу 20 века система народного образования Российской империи находилась в стадии активного расширения, однако Первая мировая война и последующие революционные события прервали дальнейшую реализацию образовательных реформ.

Литература

- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 624-637.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973-983.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (3): 750-770.

- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (4): 1067–1084.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 790-798.
- [Cherkasov et al., 2021a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovsky S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1048-1056.
- [Cherkasov et al., 2022](#) – Cherkasov A.A., Bratanovsky S.N., Zimovets L.G., Koroleva L.A. The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 307-313.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasova et al., 2026](#) – Cherkasova I.Yu., Koroleva L.A., Nikitina V.S. The Russian Empire and Primary Education: The Number of School-Age Children and the Number of Students as of January 1, 1915 (A Case Study of the Asian Part of the Country) // *Bylye Gody*. 2026. 21(1): 522-526.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 666-678.
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 451-458.
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869–1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(2): 420-427.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2456-2463.
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1004-1012.
- [Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1353-1365.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 275-285.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 632-644.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1021-1031.

- [Natolochnaya et al., 2019](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 248-254.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.
- [Rajović et al., 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Bratanovskaya M.S. The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(3): 1031-1036.
- [Rajović et al., 2023a](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Bratanovskaya M.S. The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1496-1501.
- [Rajović et al., 2023b](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A. The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 798-811.
- [Rajović et al., 2023c](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A. The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1447-1454.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.
- [Rajović, Bratanovskii, 2024](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 325-331.

References

- [Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 624-637.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725–1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067-1084.
- [Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 790-798.
- [Cherkasov et al., 2021a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovsky, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1048-1056.
- [Cherkasov et al., 2022](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovsky, S.N., Zimovets, L.G., Koroleva, L.A. (2022). The System of Public Education in Volyn Governorate in the Period 1796–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 307-313.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasova et al., 2026](#) – Cherkasova, I.Yu., Koroleva, L.A., Nikitina, V.S. (2026). The Russian Empire and Primary Education: The Number of School-Age Children and the Number of Students as of January 1, 1915 (A Case Study of the Asian Part of the Country). *Bylye Gody*. 21(1): 522-526.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Balanyuk, L.L. (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869–1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 420-427.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 2. *Bylye Gody*. 58(4): 2456-2463.
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1004-1012.
- [Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1353-1365.
- [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 275-285.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 632-644.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1021-1031.
- [Natolochnaya et al., 2019](#) – Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Denisenko, V.N., Volkov, A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.

- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya, O.V., Bulgarova, B.A., Voropaeva, Yu.A., Volkov, A.N. (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Svechnikov, V.A., Posokhova, L.A., Allalyev, R.M. (2020). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 248-254.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E. (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E. (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454-465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664-676.
- [Rajović et al., 2023](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Bratanovskaya, M.S. (2023). The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 12(3): 1031-1036.
- [Rajović et al., 2023a](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Bratanovskaya, M.S. (2023). The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1496-1501.
- [Rajović et al., 2023b](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(2): 798-811.
- [Rajović et al., 2023c](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 18(3): 1447-1454.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 1643-1651.
- [Rajović, Bratanovskii, 2024](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2024). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 325-331.
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Российская империя и начальное образование: число детей школьного возраста и количество обучающихся на 1 января 1915 (на примере европейской части страны)

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, c, *}, Лариса Александровна Королева ^d,
Валентина Сергеевна Никитина ^e

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе на основе архивных материалов рассматриваются результаты системы начального образования Российской империи по данным на 1915 г. Уделено внимание количеству детей школьного возраста и количеству учащихся, а также влиянию на эти результаты различных процессов.

В заключении авторы сделали следующие выводы:

1. К 1915 г. система начального образования в европейской части Российской империи достигла достаточно высокого уровня охвата детей школьного возраста – 54,9 %, что существенно превышало показатели азиатской части империи (24,9 %);

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

2. Наиболее высокий уровень охвата наблюдался в центральных и северо-западных регионах империи, прежде всего в Московском (69,8 %) и Петроградском (64,8 %) учебном округах. Это свидетельствует о более высокой плотности школьной сети и развитой инфраструктуре;

3. Учебные округа с преобладанием русскоязычного и православного населения демонстрировали более высокие показатели вовлеченности детей в школьное образование. Особенно это заметно на примере Московской, Петроградской и Тульской губерний;

4. Низкие показатели школьного охвата фиксировались в национальных окраинах Российской империи – прежде всего Закаспийской области (11,4 %), Дагестанской области (6,6 %) и некоторых губерниях Царства Польского. Это свидетельствует о неравномерности образовательной политики и сложности интеграции периферийных регионов в общеимперскую систему народного образования;

5. В отличие от азиатской части Российской империи, в европейских губерниях решающим фактором образовательного неравенства выступала не малонаселенность территорий, а этнокультурные и конфессиональные особенности населения;

6. Материалы исследования показывают, что к началу XX века система народного образования Российской империи находилась в стадии активного расширения, однако Первая мировая война и последующие революционные события прервали дальнейшую реализацию образовательных реформ.

Ключевые слова: Российская империя, начальное образование, дети школьного возраста, статистическое исследование, 1 января 1915 г., европейская часть государства.